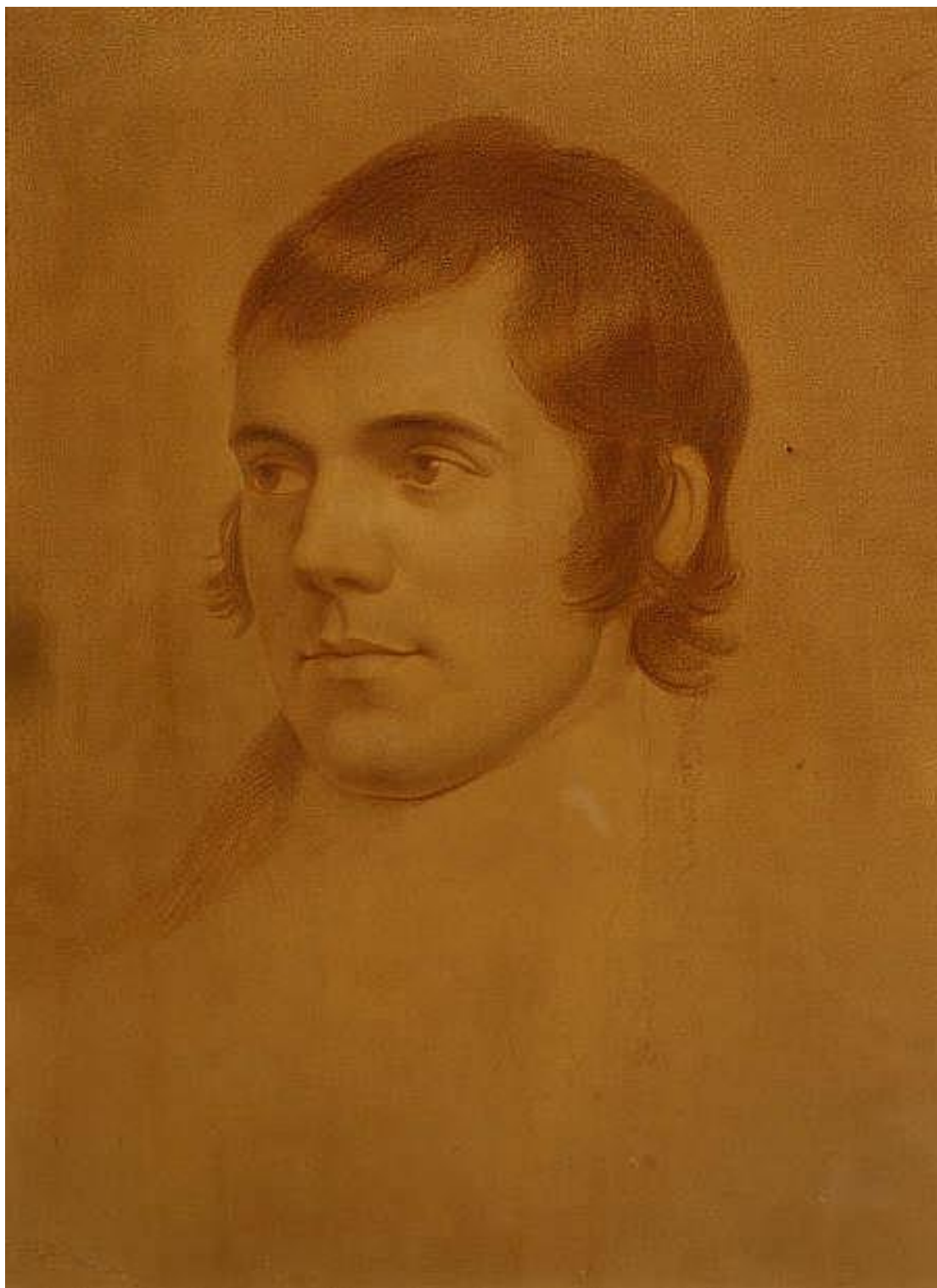

**Collected Poems
of
Robert Burns**

Роберт Бёрнс

**Собрание
стихотворений**

Роберт Бёрнс
(1759 – 1796)

Collected Poems of

Robert Burns

Роберт Бёрнс

Собрание стихотворений

Перевод С. Сапожникова

Санкт-Петербург
2014

ББК 84(4Вел)-5
Б51

Бёрнс, Роберт.

Собрание стихотворений = Collected Poems. – на англ., шотл. и рус.яз. / пер. С. Сапожникова. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. – 1192 с.

Перевод, вступление, примечания и оформление обложки *С. Сапожникова*.

В оформлении использован портрет Р. Бёрнса (1796, бумага, мел, 549×425 мм) работы Арчибальда Скёрлинга (1749 – 1819) из собрания Национальной галереи Шотландии, Эдинбург, а также фрагмент картины А.А. Савченко (р. 1975) «Чертополох» (2009, х., м., 500×600 мм). На вклейке фото С.В. Алексеенко.

© Сапожников С., перевод, вступление, примечания, 2014
© Сапожников С., оформление обложки, 2014
© Алексеенко С., фото, 2014
© СПбГПУ, 2014

ISBN 978-5-7422-4576-6

*Посвящается
255-летию
со дня рождения
Роберта Бёрнса*

Contents • Содержание

Poems, Epistles, etc.	42	<i>От переводчика</i>	23
Tam O' Shanter	42	<i>Роберт Бёрнс*</i>	26
The Jolly Beggars: a Cantata	50	<i>Основные даты*</i>	30
Halloween.....	72	<i>Введение</i>	33
The Cotter's Saturday Night.....	82	Стихи, послания и пр.	43
The Holy Fair	92	Тэм О'Шентер	43
The Twa Dogs	102	Гулящий сброд. Кантата.....	51
The Brigs of Ayr	114	Хэллоуин	73
The Vision	124	Субботний вечер селянина	83
The Death and Dying Words of Poor Mailie, the Author's Only Pet Yowe.		Святая ярмарка.....	93
An Unco Mournfu' Tale	140	Два пса	103
Poor Mailie's		Мосты Эйра	115
Elegy	142	Видение {1}*	125
Death and Doctor Hornbook	144	Смерть и последние слова бедняжки Мейли, единственной любимой овечки автора.	
A Dream	152	Весьма грустная история	141
Address to the Deil	158	Элегия на смерть бедняжки	
The Ordination	164	Мейли	143
The Author's Earnest		Смерть и доктор Хорнбук.....	145
Cry and Prayer	170	Сон	153
Address to the Unco Guid, or the Rigidly Righteous.....	180	Обращение к дьяволу	159
Holy Willie's Prayer	182	Рукоположение	165
Epistle to a Young Friend.....	188	Крик души и	
Tam Samson's Elegy	192	мольба автора.....	171
A Winter Night	196	Обращение к весьма хорошим или сугубо праведным.....	181
Scotch Drink	202	Молитва святоши Вилли.....	183
Elegy on		Письмо юному другу.....	189
Captain Matthew Henderson.....	208	Элегия на смерть Тэма Сэмсона..	193
The Auld Farmer's New-Year- Morning Salutation		Зимняя ночь	197
to His Auld Mare, Maggie	214	Шотландское питьё	203
To a Mouse, on Turning Her up in Her Nest with the Plough,		Элегия на смерть	
November, 1785	218	капитана Мэтью Хендерсона, ...	209
Man Was Made to Mourn:		Приветствие старого фермера, обращённое новогодним утром	
a Dirge	220	к старой кобыле Мэгги	215
To a Mountain Daisy.....	224	Мышонку, чьё гнездо	
To Ruin	228	разворочено плугом	
		в ноябре 1785 года	219
		Мы рождены скорбеть.	
		Грустная песнь	221
		Горной маргаритке,.....	225
		К гибели	229

On a Scotch Bard, Gone to the West Indies 228	О шотландском барде, уплывшем в Вест-Индию 229
Address to Edinburgh 232	Обращение к Эдинбургу 233
Lament for James, Earl of Glencairn 234	Плач по Джеймсу, графу Гленкёрну 235
Lament of Mary, Queen of Scots, on the Approach of Spring 238	Плач Марии, королевы шотландцев, по поводу наступления весны 239
The Twa Herds; or, the Holy Tulyie 240	Два пастыря, или святая свара 241
On the Late Captain Grose's Peregrinations thro' Scotland 246	О том, как капитан Гроуз недавно проехал по Шотландии, ... 247
On Pastoral Poetry 248	О пасторальной поэзии 249
The Humble Petition of Bruar Water 250	Смирненная просьба реки Бруар 251
Address to a Haggis 254	Обращение к хаггису 255
Address to the Toothache 256	Обращение к зубной боли 257
Burlesque Lament for the Absence of William Creech, Publisher 258	Шуточный плач по поводу отсутствия Уильяма Крича, издателя 259
To a Louse on Seeing One on a Lady's Bonnet, at Church 262	Вши, замеченной на шляпке дамы в церкви 263
The Whistle – a Ballad 264	Свисток. Баллада 265
The Kirk of Scotland's Alarm 268	Смятение в шотландской церкви 269
Written in Friars Carse Hermitage 272	Написанное в приюте Фрайерс-Кэрс, ... 273
Lines Written in Friars'-Carse Hermitage 274	Стихи, написанные в приюте Фрайерс-Кэрс 275
The Lament 276	Элегия 277
Despondency: an Ode 280	Отчаяние. Ода 281
Willie Chalmers 282	Вилли Чалмерс 283
A Bard's Epitaph 286	Эпитафия барду 287
Epistle to John Rankine 286	Послание Джону Ранкину 287
Epistle to Davie, a Brother Poet ... 290	Послание Дэви, собрату-поэту ... 291
Second Epistle to Davie a Brother Poet 296	Второе послание Дэви, собрату-поэту 297
Epistle to J. Lapraik, an Old Scottish Bard 300	Послание Дж. Лапрейку, старому шотландскому барду 301
Second Epistle to J. Lapraik 306	Второе послание Дж. Лапрейку ... 307
Epistle to William Simson 310	Послание Уильяму Симсону, ... 311
Epistle to John Goldie, in Kilmarnock 318	Послание Джону Голди, в Килмарноке, ... 319
Third Epistle to J. Lapraik 320	Третье послание Дж. Лапрейку ... 321
Epistle to the Rev. John M'math 322	Послание преп. Джону Макмаффу 323
Epistle to James Smith 328	Послание Джеймсу Смиту 329
To Gavin Hamilton, Esq., Mauchline, ... 336	Гэвину Хэмилтону, эсквайру, в Мохлине, ... 337
To Mr. M'Adam, of Craigen-Gillan 338	Мистеру Макадаму из Крейген-Гиллана 339
Epistle to Major Logan 338	Послание майору Логану 339

Reply to a Trimming Epistle Received from a Tailor.....	342	Ответ на послание с выговором, полученное от портного.....	343
Epistle to Mrs. Scott	346	Послание миссис Скотт,.....	347
Epistle to Hugh Parker.....	350	Послание Хью Паркеру.....	351
Epistle to Robert Graham, Esq., of Fintry.....	352	Послание Роберту Грэму, эсквайру, в Финтри.....	353
Epistle to Dr. Blacklock	356	Послание доктору Блэклоку.....	357
Epistle to James Tennant of Glenconner	358	Послание Джеймсу Теннанту из Гленконнера.....	359
Election Ballad	362	Выборная баллада	363
Second Epistle to Robert Graham, Esq., of Fintry	368	Второе послание Роберту Грэму, эсквайру Финтри.....	369
Epistle to John Maxwell, Esq., of Terraughty	372	Послание Джону Максвеллу, эсквайру Террохти, ...	373
Epistle from Esopus to Maria.....	374	Послание Эзопа Марии	375
Epistle to Colonel de Peyster.....	376	Послание полковнику де Пейстеру	377
Winter: a Dirge	378	Зима: песнь скорби	379
In the Prospect of Death	380	В ожидании смерти.....	381
Stanzas on the Same Occasion [Prospect of Death].....	380	Строфы по тому же поводу (в ожидании смерти)	381
Paraphrase of the First Psalm	382	Парафраз первого псалма	383
Under the Pressure of Violent Anguish	384	Под гнётом сильной боли.....	385
The First Six Verses of the Ninetieth Psalm Versified	384	Рифмованные первые шесть стихов девяностого псалма	385
A Poet's Welcome to His Love-Begotten Daughter	386	Приветствие поэта его внебрачной дочурке	387
Elegy on the Death of Robert Ruisseaux	388	Элегия на смерть Робёра Руссо	389
A Dedication to Gavin Hamilton, Esq.....	388	Посвящение Гэвину Хэмилтону, эсквайру	389
The Inventory	394	Инвентарь	395
Address of Beelzebub.....	398	Обращение Вельзевула	399
Nature's Law – a Poem	400	Закон Природы. Поэма	401
To John Kennedy, Dumfries House.....	404	Джону Кеннеди, в Дамфрис-хаус	405
The Calf.....	404	Телец.....	405
Lines on Meeting with Lord Daer... ..	406	Стихи о встрече с лордом Дэром	407
O Thou Dread Power.....	408	«О грозный Боже...»	409
The Farewell	410	Прощание {1}	411
Inscription for the Headstone of Fergusson the Poet	410	Надпись на могильном камне Фёргюссона, поэта.....	411
Inscribed under Fergusson's Portrait.....	412	Надпись под портретом Фергюссона	413
On Scaring Some Water-Fowl in Loch-Turrit	412	О перепуге среди водоплавающей дичи Лох-Турита.....	413
Verses Written with a Pencil	414	Стихи, написанные карандашом	415

Lines on the Fall of Fyers near Loch-Ness.....	416	Строки о водопаде Файерс близ озера Лох-Несс,.....	417
On the Death of Robert Dundas, Esq.,.....	416	На смерть Роберта Дандаса, эсквайра.....	417
Elegy on the Death of Sir James Hunter Blair.....	418	Элегия на смерть сэра Джеймса Хантера Блэра.....	419
Prologue.....	420	Пролог {1},.....	421
Prologue.....	422	Пролог {2},.....	423
Scots' Prologue.....	424	Шотландский пролог.....	425
The Rights of Woman.....	426	Права женщины.....	427
Address Spoken by Miss Fontenelle.....	428	Обращение, произнесённое мисс Фонтенелл.....	429
Epigram on Seeing Miss Fontenelle in a Favourite Character.....	430	Эпиграмма на мисс Фонтенелл в её любимой роли.....	431
Ode, Sacred to the Memory of Mrs. Oswald of Auchencruive.....	430	Ода священной памяти миссис Освальд из Оукенкрува.....	431
Elegy on the Year 1788.....	432	Элегия на ушедший 1788 год.....	433
The Wounded Hare.....	432	Подбитая зайчиха.....	433
Sketch in Verse.....	434	Сценка в стихах,.....	435
Sketch – New Year's Day [1790].....	436	Сценка «Первый день Нового [1790] года».....	437
Address to Wm. Tytler, Esq., of Woodhouselee.....	438	Обращение к У. Тайтлеру, эсквайру, в Вудхаусли.....	439
Elegy on the Late Miss Burnett of Monboddoo.....	440	Элегия на недавнюю смерть мисс Бёрнет Монбоддо.....	441
Verses on the Destruction of the Woods near Drumlanrig.....	442	Стихи о вырубке лесов близ Драмланрига.....	443
Address to the Shade of Thomson.....	444	Обращение к тени умершего Томсона.....	445
Extempore on Some Commemorations of Thomson.....	444	Экспромт по поводу чествования памяти Томсона.....	445
Sonnet.....	446	Сонет,.....	447
Sonnet on the Death of Robert Riddell of Glenriddell and Friars' Carse.....	446	Сонет на смерть Роберта Риддела.....	447
Libertie – a Vision.....	446	Свобода. Видение.....	447
Birthday Ode for 31st December, 1787.....	452	Ода ко дню рождения – 31 декабря 1787 года.....	453
Monody on a Lady Famed for her Caprice.....	454	Монодия на смерть дамы, прославившейся капризами.....	455
Verses to Collector Mitchell.....	456	Стихи для сборщика налогов Митчелла.....	457
To Miss Logan, with Beattie's Poems,.....	456	Мисс Логан – вместе со стихами Битти.....	457
Lines Sent to Sir John Whitefoord, Bart.....	458	Стихи, посланные сэру Джону Уайтфурду в Барт....	459
To Miss Cruickshank,.....	458	Мисс Крукшенк,.....	459
Inscription to Miss Graham of Fintry.....	458	Посвящение мисс Грэм из Финтри.....	459

Inscription.....	460	Посвящение,.....	461
Inscription to		Посвящение	
Miss Jessy Lewars	460	мисс Джесси Льюёрс	461
Lines to a Gentleman,.....	462	Стихи джентльмену	463
Remonstrance to the Gentleman to Whom the Foregoing Poem was Addressed.....	464	Попытка убедить джентльмена, которому было адресовано предыдущее стихотворение	465
Remorseful Apology	464	Полные раскаянья извинения	465
On the Death of		На смерть	
John M'Leod, Esq	464	Джона Маклауда, эсквайра.....	465
On the Birth of a		На рождение младенца	
Posthumous Child	466	после смерти отца, ...	467
Epitaph on the Poet's Daughter ...	466	Эпитафия дочери поэта	467
Verses	468	Стихи {1}	469
Verses to Clarinda	468	Стихи Кларинде.....	469
To Miss Ferrier	468	Мисс Фёррьер	469
Lines to a Old Sweetheart	470	Стихи бывлой возлюбленной.....	471
Inscription for an Altar of Independence	470	Посвящение для Алтаря Независимости	471
Verses Intended to be Written below		Стихи, которые поэт собирался написать под портретом	
a Noble Earl's Picture.....	470	благородного графа	471
Sketch	472	Набросок	473
Sonnet on Receiving a Favour	472	Сонет на получение письма.....	473
On Mrs. Riddell's Birthday	472	На день рождения миссис Риддел	473
Impromptu Lines to Captain Riddell.....	474	Стихи экспромтом капитану Ридделу.....	475
In Vain Would Prudence, with Decorous Sneer.....	474	«Приличье тщится зря, увы и ах...».....	475
Fickle Fortune	474	Удача-егоза.....	475
Sappho Redivivus	476	Возрождённая Сапфо.....	477
Tragic Fragment	478	Драматический отрывок	479
The Henpecked Husband	478	Затурканный супруг.....	479
Epigram on the Said Occasion	478	Эпиграмма по тому же поводу ...	479
Another	480	Ещё одна	481
Epitaph on Holy Willie	480	Эпитафия святоше Вилли	481
Ah, Woe is Me, My Mother Dear ...	480	«Беда мне, матушка, беда!»	481
Written by Somebody on the Window of an Inn at Stirling, ..	482	Написанное кем-то на окне таверны в Стёрлинге.....	483
The Libeller's Self-Reproof.....	482	Самооправдание клеветника	483
The Poet's Reply to the Threat of a Censurious Critic.....	482	Ответ поэта на угрозу цензора	483
Lines	482	Стихи {2}	483
I Murder Hate.....	484	Убийство – гнусь.....	485
Kirk and State Excisemen.....	484	Церковь и акцизные.....	485
Extempore in the Court of Session	484	Экспромт в Сессионном суде.....	485
A Grace before Dinner, Extempore	486	Молитва перед обедом. Экспромт	487
A Farewell.....	486	Прощание {2}	487

On My Own Friend and My Father's Friend, Wm. Muir in Tarbolton Mill 486	О моём и отцовском друге, Уильяме Мьюре с Тарболтонской мельницы 487
Epigram on Parting with a Kind Host in the Highlands 486	Эпиграмма на расставание с любезным хозяином-горцем 487
Carron 488	Каррон 489
Epigram on Miss Davies 488	Эпиграмма на мисс Дэвис 489
The Bard at Inverary 488	Бард в Инверари 489
Lines on the Commemoration of Rodney's Victory 488	Стихи о праздновании победы Родни 489
Mr. William Smellie – a Sketch 490	Мистер Уильям Смелли. набросок 491
Apology for Declining a Invitation to Dine 490	Извинение за отклонённое приглашение отобедать 491
Compliments of John Syme of Ryedale 490	Приветствия Джону Сайму из Райдейла 491
Lines to John M'Murdo, Esq. of Drumlanrig 490	Стихи Джону Макмёрдоу, эсквайру из Драмланрига 491
Complimentary Versicles to Miss Jessie Lewars 490	Приветственные стихи мисс Джесси Льюерс 491
Complimentary Versicles to Jessie Lewars 492	Приветственные стихи Джесси Льюерс {1}, ... 493
Complimentary Versicles to Jessie Lewars 492	Приветственные стихи Джесси Льюерс {2} 493
To Dr. Maxwell 492	Доктору Максвеллу 493
Complimentary Versicles to Jessie Lewars 492	Приветственные стихи Джесси Льюерс {3} 493
Divine Service in the Kirk of Lamington 492	Богослужение в церкви Лэмингтона 493
Inscribed on a Work of Hannah More's 494	Написанное на сочинении Ханны Мор, ... 495
Epitaph on a Lap-Dog Named Echo 494	Эпитафия комнатной собачке по кличке Эхо 495
Fragment of Song 494	Отрывок из песни 495
The Solemn League and Covenant 494	Торжественная лига и ковенант 495
Inscription on a Goblet 496	Надпись на кубке, ... 497
The Book-Worms 496	Книжные черви 497
Inscription at Friars' Carse Hermitage 496	Надпись в приюте Фрайерс-Кэрс 497
Fragment 496	Отрывок {1} 497
Burns – Extempore 496	Бёрнс – экспромтом 497
Remorse 498	Раскаяние 499
The Toadeater 498	Подхалим 499
Pinned to Mrs. Walter Riddell's Carriage 498	Пришпиленное на коляску миссис Уолтер Риддел 499
Epigram on the Laird of Laggan 498	Эпиграмма на лэрда из Лэггана .. 499
Epigram at Roslin Inn 498	Эпиграмма, оставленная в таверне Рослина 499
Lines on John M'Murdo, Esq. 500	Стихи о Джоне Макмёрдоу, эсквайре 501
To a Lady 500	Даме 501

The Keekin'-Glass	500	Зеркало	501
Selkirk Grace	500	Молитва за столом у Селкёрка	501
Elegy on Willie Nicol's Mare	500	Элегия кобыле Вилли Николы	501
Pegasus at Wanlockhead	502	Пегас в Уонлокхёде	503
Lines Written on a Banknote	502	Стихи, написанные на банкноте	503
Epitaph on a Noted Coxcomb	504	Эпитафия известному хлыщу	505
On Tam the Chapman	504	На Тэма-коробейника	505
Reply to an Announcement by J. Rankine	504	Ответ Джону Ранкину	505
Lines on the Author's Death	504	Стихи о смерти автора	505
On Himself	506	На себя самого	507
Grace before and after Meat	506	Молитвы до и после еды	507
On Commissary Goldie's Brains	506	О мозгах комиссара Голди	507
Epigram at Brownhill Inn	506	Эпиграмма, написанная в таверне Браунхилла	507
On Sensibility	506	О чуткости	507
Complimentary Epigram on Maria Riddell	508	Хвалебная эпиграмма на Марию Риддел	509
To the Beautiful Miss Eliza J---n... 508		Прелестной мисс Илайзе Дж---н.. 509	
On Chloris	508	На просьбу Хлорис	509
Versified Note to Dr. Mackenzie, Mauchline	508	Записка в стихах доктору Маккензи из Мохлина	509
Epigram Addressed to an Artist	510	Эпиграмма, адресованная художнику	511
You're Welcome, Willie Stewart	510	«Тебя ждём, Стюарт Вилли !»	511
Epitaph for Mr. W. Cruikshank	510	Эпитафия для мистера У. Крукшенка	511
The Raptures of Folly	510	Восторги Глупости	511
Lines Inscribed in a Lady's Pocket Almanac	510	Строки, вписанные в дамский альбом	511
Fragment of Song	512	Отрывок из песни	513
On Maria Dancing	512	Мария танцует	513
Thanksgiving for a National Victory	512	Благодарность за национальную победу	513
Versified Reply to an Invitation	512	Ответ в стихах на приглашение ..	513
To Alex. Cunningham, Esq., Writer	512	Алекс. Каннингему, эсквайру, стряпчему	513
A Grace after Dinner, Extempore ..	514	Молитва после обеда (экспромт) ..	515
Grace after Meat	514	Молитва после еды	515
Extempore Reply to an Invitation	514	Ответ экспромтом на приглашение	515
My Bottle	514	Моя бутылка	515
On a Swearing Coxcomb	516	На могиле хлыща-сквернословия ..	517
On Andrew Turner	516	На Эндрю Тёрнера	517
Epigram on Mr. James Gracie	516	Эпиграмма на мистера Джеймса Грэйси	517
Lines	516	Стихи {3}, ...	517
Epigram to Miss Jean Scott	516	Эпиграмма для мисс Джин Скотт	517

Epigram on Francis Grose the Antiquary 516	Эпиграмма на Фрэнсиса Гроуза, антиквара..... 517
On Elphinstone's Translation of Martial's Epigrams..... 518	На Элфинстонов перевод эпиграмм Марциала 519
Rhyming Reply to a Note from Captain Riddell..... 518	Ответ в стихах на записку от капитана Риддела 519
Epigram on a Country Laird 518	Эпиграмма на сельского лэрда.... 519
On being Shown a beautiful Country Seat 518	Об увиденном прекрасном поместье 519
Epigrams against the Earl of Galloway..... 518	Эпиграммы на графа Галлоуэя 519
Epitaph on John Rankine 520	Эпитафия Джону Ранкину 521
Extemporaneous Effusion..... 520	Излияние экспромтом 521
On Hearing it Asserted Falsehood..... 520	Об услышанном, будто ложь сквозит..... 521
On Politics 522	О политике 523
Epitaph for Mr. Ebenezer Michie 522	Эпитафия мистеру Эбенизеру Ми́чи, ... 523
Epitaph for William Nicol, ... 522	Эпитафия Уильяму Николу 523
On a Henpecked Country Squire 522	На затурканного сельского сквайра 523
On a Suicide..... 522	О самоубийце {1}..... 523
On My Ever Honoured Father 522	О моём неизменно почитаемом отце 523
Epitaph on John Dove, Innkeeper 524	Эпитафия Джону Даву, трактирщику 525
On John Bushby, Esq., Tinwald Downs 524	На Джона Басби, эсквайра, из Тинуолд-даунс..... 525
Epitaph for James Smith 524	Эпитафия Джеймсу Смиту..... 525
On a Innkeeper Nicknamed "The Marquis" 524	На трактирщика по прозвищу «Маркиз» 525
Epitaph for Mr. Walter Riddell..... 524	Эпитафия мистеру Уолтеру Ридделу {1}..... 525
Epitaph for Mr. Gabriel Richardson..... 526	Эпитафия мистеру Гэбриэлу Ричардсону 527
Epitaph for Gavin Hamilton, Esq..... 526	Эпитафия Гэвину Хэмилтону, эсквайру 527
Epitaph for Robert Aiken, Esq..... 526	Эпитафия Роберту Эйкену, эсквайру 527
Epitaph on Wm. Hood, Senr., in Tarbolton..... 526	Эпитафия на Уильяма Худа- старшего, в Тарболтоне 527
Epitaph on "Wee Johnie"..... 526	Эпитафия «Крошке Джони»..... 527
On a Noisy Polemic 526	На шумного спорщика 527
On James Grieve, Laird of Boghead, Tarbolton..... 526	На Джеймса Грива, лэрда Богхэда, в Тарболтоне 527
Songs and Ballads 530	Песни и баллады 531
Mary Morison 530	Мэри Морисон 531
A Red, Red Rose 530	«Моя любовь, как роз багрец...»... 531
Sweet Afton 532	Милый Афтон 533
My Bonie Mary 532	Красотка Мэри {1}..... 533

Highland Mary.....	534	Горянка Мэри.....	535
To Mary In Heaven.....	534	Мэри на Небесах.....	535
My Nanie, O.....	536	О Нэни, о.....	537
Ae Fond Kiss, and Then We Sever.....	538	«Поцелуй – за ним разлука...».....	539
My Nanie's Awa.....	538	Нэни уж нет.....	539
The Banks o' Doon.....	540	Берега Дуна {1}.....	541
The Banks o' Doon.....	540	Берега Дуна {2}.....	541
Of a' the Airts the Wind Can Blaw.....	542	«Пусть ветер дует хоть какой...».....	543
Rantin', Rovin' Robin.....	542	Резвый, рьяный Робин.....	543
Green Grow The Rashes.....	544	«Камыш зелёный...» {1}.....	545
A Man's a Man for a' That.....	546	«Но люди – мы, при этом...».....	547
Auld Lang Syne.....	548	Былые дни.....	549
Robert Bruce's March to Bannockburn.....	548	Поход Роберта Брюса на Бэннокбёрн.....	549
It Was a' for Our Rightfu' King.....	550	«Призвал законный наш король...».....	551
M'Pherson's Farewell.....	552	Прощанье Макфёрсона.....	553
Wandering Willie.....	552	Бродяга Вилли.....	553
Braw Lads o' Galla Water.....	554	Молодцы Галла-уотер.....	555
Ca' the Yowes to the Knowes.....	554	«Вверх овец, молодец...».....	555
John Anderson, My Jo.....	556	Джон Андерсон, родной {1}.....	557
The Birks of Aberfeldy.....	556	Берёзки Эберфелди.....	557
O wert Thou in the Cauld Blast.....	558	«Будь ты под ветром, злее нет...».....	559
Up in the Morning Early.....	558	«Встать рано утром...».....	559
My Heart's in the Highlands.....	560	«Я сердцем в горах...».....	561
Duncan Gray.....	560	Данкен Грэй.....	561
Poortith Cauld and Restless Love.....	562	«Вы, бедность, страсти маета...».....	563
The Banks of the Devon.....	562	Берега Дэвона.....	563
The Rigs o' Barley.....	564	Среди ячменной нивы.....	565
Farewell Song to the Banks of Ayr.....	566	Песнь прощанья с берегами Эйра.....	567
The Farewell to the Brethren of St. James' Lodge, Tarbolton.....	568	Прощанье с братьями по ложе Сент- Джеймс в Тарболтоне.....	569
Composed in Spring.....	568	Весеннее.....	569
Farewell to Ballochmyle.....	570	Прощанье с Бэллокмайлом.....	571
I Gaed a Waefu' Gate Yestreen.....	572	«Бродил вчера в недобрый час...».....	573
O Tibbie, I Hae Seen the Day.....	572	«О Тибби, помнится денёк...».....	573
Tam Glen.....	574	Тэм Глен.....	575
Contented wi' Little and Cantie wi' Mair.....	576	«Довольствуюсь малым, и большему рад...».....	577
Whistle, and I'll Come to You, My Lad.....	576	«Лишь свистни, к тебе прибегу, мой родной...».....	577
Lovely Young Jessie.....	578	Красавица Джесси.....	579
Meg o' the Mill.....	578	Мэг с мельницы {1}.....	579
Meg o' the Mill.....	580	Мэг с мельницы {2}.....	581
Open the Door to Me, Oh!.....	580	«Открой же,пусти меня, ох!».....	581
I'll Meet Thee on the Lea-rig.....	580	«С тобой сведёт бугор средь трав...».....	581
Auld Rob Morris.....	582	Старина Роб Моррис.....	583
O for Ane an' Twenty, Tam!.....	584	«За совершеннолетье, Тэм!».....	585
Thou Fair Eliza.....	584	Краса-Илайза.....	585

Thou Gloomy December.....	586	Декабрь бесприветный.....	587
Clarinda, Mistress of My Soul	586	«Кларинда, сердца госпожа...».....	587
For the Sake o' Somebody.....	586	Из-за кого-то	587
The Song of Death	588	Песнь смерти.....	589
O Kenmure's On and Awa, Willie ..	588	«О, Кенмур ускакал, Вилли...».....	589
The Captain's Lady	590	Милая капитана	591
Song Composed in August	590	Августовская песня	591
A Health to Ane I Loe Dear	592	«Пью за здоровье милой моей...»...	593
The Flowery Banks of Cree.....	594	Цветущий берег Кри.....	595
How Lang and Dreary is the Night	594	«Как тянется тоскливо ночь...»	595
Logan Braes	596	Берега Логана.....	597
I'll Aye Ca' in by Yon Town	596	«Всегда мне рад тот городок...» ...	597
Bonie Peggy Alison.....	598	Красотка Пэгги Элисон	599
A Bottle and Friend.....	598	Бутылка и друг	599
Willie Brew'd a Peck o' Maut	598	Вилли наварил пивка	599
Gude Ale Keeps the Heart Aboon.....	600	«Эль добрый – я всем сердцем рад!»	601
No Churchman am I	600	«Не поп я...»	601
Gudewife, Count The Lawin	602	«Хозяйка, счёт подбей-ка...»	603
Deluded Swain, the Pleasure	602	«Принежив дуралея...»	603
The Deil's Awa wi' the Exciseman.....	604	«Чёрт был, и нет – акцизный с ним...»	605
There was a Bonie Lass	604	«Милой девушка была...»	605
Rattlin', Roarin' Willie	604	Ражий, рьяный Вилли	605
Landlady, Count the Lawin.....	606	«Хозяйка, счёт – и точка!».....	607
My Love, She's but a Lassie Yet....	606	«Моя любовь ещё мала...».....	607
Does Haughty Gaul Invasion Threat?.....	608	«К нам влезть грозит спесивый галл?»	609
The Day Returns.....	608	«Тот день вернуть...»	609
O May, Thy Morn	610	«О май, рассвет твой...»	611
There'll Never be Peace till Jamie Comes Hame	610	«Нет мира, раз Джеми не дома пока...»	611
Such a Parcel of Rogues in a Nation.....	612	Клок нашего бурьяна.....	613
Will Ye Go to the Indies, My Mary?	612	«Ты поедешь в Вест-Индию, Мэри?»	613
The Bonie Lad That's Far Awa.....	614	Мой милый, что так далеко	615
The Gowden Locks of Anna.....	614	Златые кудри Анны	615
My Tocher's the Jewel.....	616	«Приданным моим, а не мной...»...	617
What Can a Young Lassie do wi' an Auld Man?.....	616	«Что делать молодке с таким вот старьём?».....	617
Blythe was She	618	«Знай веселилась она...».....	619
Braving Angry Winter's Storms	620	Злым метелям вопреки.....	621
The Fall of the Leaf	620	Листопад.....	621
Strathallan's Lament	620	Стенанья Страталлана.....	621
Raving Winds around Her Blowing	622	«Вкруг неё ветра ревели...»	623
Talk of Him That's Far Awa.....	622	Сказ о том, кто вдалеке.....	623
Lord Gregory	624	Лорд Гре́гори	625
Stay My Charmer.....	624	«Стой, маг милый!»	625

Fairest Maid on Devon Banks	626	«Девы краше не видал...»	627
Young Jackie was the Blythest Lad	626	«Резвее Джоки не сыскать...»	627
Jockey's Taen the Parting Kiss	626	«Поцелуй – и Джоки в путь...»	627
O That's the Lassie o' My Heart	628	«О, это та, что всех родней...»	629
Blythe Hae I been on Yon Hill	628	«Был ягнят на том холме веселей...»	629
O were My Love Yon Lilac Fair	630	«О, будь моя любовь сиренью...» ..	631
Come, Let Me Take Thee to My Breast	630	«Приди, и дай к груди прижать...»	631
Where are the Joys I have Met?	632	«Где вы, услады?»	633
Saw Ye My Dear, My Philly	632	«Видел ли кто мою Филли?»	633
Thou Hast Left Me Ever, Jamie	634	«Ты меня покинул, Джеми...»	635
Behold, My Love, How Green the Groves	634	«Родная, вон как зелен лес...»	635
'Twas Na Her Bonie Blue E'e	636	«Не голубыми глазами сразила...»	637
To the Woodlark	636	Лесному жаворонку	637
How Cruel are the Parents	636	«Как злы отец с мамашей...»	637
John Barleycorn	638	Джон Ячменное Зерно	639
The Sodger's Return	640	Возвращение солдата	641
The Braw Wooer	644	Красавчик	645
Bonie Jean	646	Красотка Джин	647
The Country Lass	648	Поселянка	649
My Father was a Farmer	650	«Был фермером отец мой...»	651
The Lass That Made the Bed to Me	652	Та, что постлала мне постель	653
Caledonia	654	Каледония	655
The Battle of Sherramuir	656	Битва при Шеррамуре	657
The Five Carlins	660	Пять ведьм	661
Ballad on the American War	664	Баллада об американской войне ..	665
Kellyburn Braes	666	На Келлибёрне	667
Duncan Davison	670	Данкен Дэвисон	671
Ballads on Mr. Heron's Election, 1795	670	Баллады о выборах мистера Херона в 1795 году {1}	671
Ballads on Mr. Heron's Election, 1795	674	Баллады о выборах мистера Херона в 1795 году {2}	675
Ballads on Mr. Heron's Election, 1795	678	Баллады о выборах мистера Херона в 1795 году {3}	679
The Trogger	680	Коробейник	681
The Fête Champêtre	684	Fête Champêtre	685
Whistle O'er the Lave o't	686	Хватит об этом!	687
Dainty Davie	686	Славный Дэви {1}	687
The Gallant Weaver	688	Ткач, такой пригожий	689
Anna, Thy Charms	688	«Чаруешь, Анна...»	689
Why, Why Tell Thy Lover?	690	«Зачем слышит милый...»	691
Song Inscribed to Alexander Cunningham	690	Песня, посвящённая Александру Каннингему	691
Forlorn, My Love, No Comfort Near	692	«Родная, мира не найду...»	693
The Young Highland Rover	692	«С тех пор, как горца нету...»	693

A Lass wi' a Tocher	694	Девнца с приданым	695
Behold the Hour, the Boat, Arrive .	694	«Корабль уже пришёл, гляди!».....	695
Mally's Meek, Mally's Sweet	696	«Молли – воск, Молли – мёд...»	697
Lady Mary Ann	696	Леди Мэри-Энн.....	697
O Wat Ye Wha's in Yon Town	698	«Кого, скажи, в том городке...»	699
A Vision.....	700	Видение {2}	701
My Highland Lassie, O	702	«Моя горянка, о!»	703
Mark Yonder Pomp of		«Вон как изысканны	
Costly Fashion.....	702	наряды...»	703
This is No My Ain Lassie	704	«Это не моя родная...».....	705
O Bonie was Yon Rosy Brier.....	706	«О, как шиповник был хорош...» .	707
Craigieburn Wood.....	706	Крейгибёрнский лес {1}.....	707
O Let Me in This Ae Night	706	«Впусти меня на эту ночь...»	707
Their Groves O'Sweet		«Чащобы, от мирта душистого	
Myrtle.....	708	млея...»	709
The Banks of Nith.....	710	Берега Нита {1}	711
The Bonie Wee Thing	710	«Прелесть крошка...».....	711
She's Fair and Fause	712	«Краса и ложь...»	713
Bessy and Her Spinnin' Wheel	712	Бесси и её самопрялка	713
I Hae a Wife o' My Ain	714	«Привязан я к жене...»	715
My Wife's a Winsome Wee Thing ...	714	«Малютка милая жена...»	715
The Lass o' Ballochmyle.....	714	«Твоя, о Бэллокмайл, краса...»	715
The Winter of Life	716	Зима жизни	717
Farewell Thou Stream.....	718	«Прощай, ручей...»	719
Lassie Wi' the Lint-White Locks ...	718	«Кудри девы, словно лён...».....	719
Wilt Thou be My Dearie?.....	720	«Станешь моей милой?»	721
My Spouse Nancy	720	Жёнка Нэнси	721
Thine am I, My Faithful Fair	722	«Твой я, верная моя...».....	723
On the Seas and Far Away.....	724	Над пучиной и вдали.....	725
Beware o' Bonie Ann.....	726	Остерегайтесь Энн!	727
My Peggy's Charms.....	726	Чары моей Пэгги	727
Tho' Cruel Fate Should		«Сколь рок разъять нас	
Bid Us Part.....	726	ни спеш...»	727
I Dream'd I Lay	728	«Сон: я лежал...»	729
Had I a Cave.....	728	«Дай мне пещеру...»	729
Wha is That at My Bower-Door	728	Кто в дверь колотит?	729
The Blink o' Mary's Ee	730	«Задорно Мэри подмигнёт...».....	731
Out Over the Forth	730	«Гляжу я за Форт...»	731
Phillis the Fair	732	Красотка Филлис	733
By Allan Stream.....	732	«Вдоль Алланова брёл ручья...»	733
A Mother's Lament for		Материнский плач	
the Death of Her Son	734	по умершему сыну.....	735
Saw Ye Bonie Lesley	734	«Видали крошку Лесли...»	735
A Fiddler in the North	736	Скрипач на севере	737
The Mauchline Lady	736	Мохлинка.....	737
Poem on Sensibility	736	Стихи о нежности.....	737
Montgomerie's Peggy.....	738	Монтгомери Пэгги.....	739
On a Bank of Flowers	738	«День лета брег в цветы одел...»...739	
Raging Fortune	740	Ярый рок	741
Evan Banks	740	Берег Ёвэна.....	741

Prayer for Mary	742	Молитва о Мэри	743
Young Peggy Blooms	742	«Цветенью Пэгги краю нет...»	743
The Lass of Cessnock Banks	744	Красотка с берегов Сэснока	745
The Dean of Faculty	748	Декан факультета	749
Could Aught of Song	750	«Коль песни боль мою несут...»	751
O Leave Novéls	750	«Романам – нет!»	751
Impromptu on General Dumourier's Desertion from the French Republican Army	750	Экспромт о дезертирстве генерала Дюмурье из французской республиканской армии	751
Sweetest May, Let Love Incline Thee	752	«Дивный май, любви поддайся...»	753
One Night as I Did Wander	752	«Вела раз тьма ночная...»	753
The Winter It is Past	752	«Зима уже ушла...»	753
Fragment	754	Отрывок {2}	755
The Chevalier's Lament	754	Тоска шевалье	755
The Belles of Mauchline	754	Мохлинские красотки	755
The Tarbolton Lasses	754	Тарболтонские девицы	755
The Ronalds of the Bennals	756	Роналд из Бэнналз	757
Here's a Health to Them that's Awa	760	«За здоровье тех, кто вдали...»	761
I'm O'er Young to Marry Yet	760	«Мне рано замуж выходить...»	761
Damon and Sylvia	762	Дамон и Сильвия	763
My Lord A-hunting	762	«Милорд охотиться готов...»	763
O Aye My Wife She Dang Me	764	«Меня колотит баба...»	765
The Banks of Nith	764	Берега Нита {2}	765
Bonnie Peg	764	Красотка Пэг	765
O Lay Thy Loof in Mine, Lass	766	«Дай рученьку, девица...»	767
I'll Go and be a Sodger	766	«Подамся-ка в солдаты!»	767
Lovely Polly Stewart	766	Милашка Стюарт Полли	767
Robin Shure in Hairst	768	«Робин жито жал...»	769
The Deuks Dang o'er My Daddie ...	768	«Папашу утки сшибли...»	769
Highland Harry Back Again	768	«Чтоб горца Гарри возвратить...»	769
Sweet Tibbie Dunbar	770	Тибби Данбэр	771
Wee Willie Gray	770	Клоп Вилли Грэй	771
Craigieburn Wood	770	Крейгибёрнский лес {2}	771
Here's His Health in Water!	772	«Пью за поганца воду!»	773
Down the Burn, Davie	772	«Вдоль ручья, Дэви...»	773
Lady Onlie, Honest Lucky	774	Леди Онли	775
As I was a Wandering ae Midsummer E'enin'	774	«Средь лета бродила в закатную пору...»	775
Bannocks o' Bear Meal	774	«Вкус ячменёк дал...»	775
Awa' Whigs, Awa'!	776	«А ну, виги, прочь!»	777
Bonie Peg-a-Ramsay	776	Красотка Пэг из Рэмси	777
Come Boat Me o'er to Charlie	778	«Неси, лодчонка, к Чарли...»	779
Braw Lads o' Galla Water	778	«Парни с Галла так плечисты!»	779
Coming Through the Rye	780	«Идя через рожь...» {1}	781
The Lass o' Ecclefechan	780	Красотка из Эклфехана	781
The Slave's Lament	782	Плач невольника	783
Had I the Wyte? She Bade Me	782	«Не стыдно ль мне, спросила...» ...	783
The Highland Balou	784	Горская колыбельная	785
The Lad They Ca' Jumpin John ...	784	Джон по прозванию Попрыгун ...	785

Here's to Thy Health	784	«Родная, выпьем за тебя...»	785
Hey, the Dusty Miller	786	«Ох, в пылюге мельник...»	787
The Cardin o't, the Spinnin o't	788	«Её чесать, и прясть потом...»	789
The Joyful Widower	788	Радостный вдовец	789
Theniel Menzies' Bonie Mary	790	«Дивна Мэнзисова Мэри...»	791
It is Na, Jean, Thy Bonnie Face	790	«Не твой прекрасный, Джини, лик...»	791
To the Weaver's Gin Ye Go	792	«Коль наладились к ткачам...»	793
The Charms of Lovely Davies	792	«Прелестной Дэвис чары...»	793
My Native Land Sae Far Awa	794	«Мой край родимый так далёк...»	795
O Steer Her Up, an' Haud Her Gaun	794	«Буди её, уйти не дай...»	795
O Whare did Ye Get That Hauer-meal Bannock?	796	«Овсяной лепёшкой где я разжилась?»	797
Simmer's a Pleasant Time	796	«Лета нет милей...»	797
To Dauntion Me	798	Не сдамся старику	799
The Highland Laddie	798	Горский парень	799
The Cooper o' Cuddie Cam' Here Awa	800	«Утырок-бондарь шасть сюда...»	801
The Highland Widow's Lament	800	Плач вдовы-горянки	801
The Weary Pund o' Tow	802	«Обрыдлый фунт не спрясть!»	803
The Ploughman	804	Пахарь {1}	805
Hey, Ca' Thro'	804	«Давай, крутись...»	805
Nithsdale's Welcome Hame	806	Нитдейл зовёт домой	807
The Taylor Fell thro' the Bed	806	«В постель у портняжки...»	807
The Tither Morn	808	«Раз, вот те на...»	809
Jamie, Come Try Me	808	«Джеми, попробуй!»	809
My Eppie Macnab	810	Моя Эппи Макнэб	811
My Eppie Adair	810	Моя Эппи Эдёр	811
Masonic Song	812	Масонская песня	813
Ye Jacobites by Name	812	«Якобиты имя вам...»	813
Goode'en to You, Kimmer	812	«Ну, здравствуй, родная...»	813
Esteem for Chloris	814	Пиетет к Хлорис	815
Whan I Sleep I Dream	814	«Сплю и вижу сон...»	815
Katharine Jaffray	816	Кэтрин Джеффри	817
The Collier Laddie	816	Углежог	817
When I Think on the Happy Days	818	«Ведь были радости деньки...»	819
Young Jamie, Pride of A' the Plain	818	Равнины гордость, юный Джим	819
The Bonie Moor-Hen	818	Куропаточка	819
Wae is My Heart	820	«Беда в моём сердце...»	821
Crowdie Ever Mair	820	Крик «Овсянки!» – навсегда	821
There's News, Lasses	822	«Подружки, новость...»	823
Scroggam, My Dearie	822	«Скροггам, родимый!»	823
Frae the Friends and Land I Love	822	«Из отчизны, от друзей...»	823
Election Ballad for Westerha'	824	Выборная баллада для Вестерхолма	825
The Bonie Lass of Albany	824	Красотка-дева Олбани	825
When First I Saw	826	«Впервые видя...»	827
The Rantin' Dog, the Daddie o't	828	Папаша, чёртов сукин сын	829
I do Confess Thou Art Sae Fair	828	«Согласен, что прекрасна ты...»	829
Yon Wild Mossy Mountains	830	«Вон мшистые горы...»	831

Phillis the Queen o' the Fair.....	830	Филлис, красы королева.....	831
Castle Gordon.....	832	Замок Гордон	833
The Charming Month of May.....	834	Волшебный месяц май	835
Let Not Woman E'er Complain	834	«Женщине нудить не дай...»	835
Philly and Willy.....	834	Филли и Вилли	835
Canst Thou Leave Me Thus, My Katie?	838	«Так меня и бросишь, Кэти?»	839
On Chloris Being Ill	838	О захворавшей Хлорис	839
Farewell to Eliza	840	Прощанье с Илайзой.....	841
Verses on Captain Grose.....	840	Стихи о капитане Гроузе,.....	841
A Rose-Bud by My Early Walk	842	«Бутон шиповника привлёк...» ...	843
O, Were I on Parnassus Hill	844	«Коль на Парнасе окажусь...».....	845
The Lover's Morning Salute to His Mistress.....	844	Утреннее приветствие влюблённого его милой	845
The Posie	846	Букетик	847
Sic a Wife as Willie Had	846	Жёнка, как у Вилли	847
I Reign in Jeanie's Bosom	848	Царю в душе у Джини.....	849
My Bonie Bell	848	Колокольчик	849
The Lovely Lass o' Inverness	850	«Всех бед замес дал Инвернесс...»	851
The Laddie's Dear Sel'	850	Сам себе мил	851
She Says She Loes Me Best of A' ...	852	«Сказала: прочих я милей...».....	853
Weary Fa' You, Duncan Gray	852	«Тяжкий груз ты, Данкен Грэй...»	853
My Hoggie.....	854	Барашек	855
The Braes o' Killiecrankie.....	854	Склоны Килликранки	855
Johnie Lad, Cock up Your Beaver .	856	«Носи шляпу лихо!»	857
O, Once I Lov'd a Bonnie Lass.....	856	«Раз был в красавицу влюблён...»	857
Fragmentary Verses.....	858	Отрывки {1}	859
Addenda	864	Дополнение	865
Ode on the Departed Regency Bill 1789.....	864	Ода упокоившемуся биллю о регентстве	865
A New Psalm for the Chapel of Kilmarnock	866	Новый псалом для церкви в Килмарноке	867
Epigram on Rough Roads	868	Эпиграмма о дрянных дорогах ...	869
Sylvander to Clarinda	870	Сильвандр – Кларинде.....	871
Love in the Guise of Friendship.....	872	Любовь в обличье дружбы	873
Go on, Sweet Bird, and Soothe My Care.....	872	«Тебе Природа дарит смех...»	873
The Parting Kiss	872	Прощальный поцелуй	873
On Glenriddell's Fox Breaking His Chain	872	О лисе Гленриddeла, сорвавшемся с цепи	873
Poems, generally denied to Burns, but probably his composition	878	Стихи, обычно не приписываемые Бёрнсу, но, возможно, сочинённые им	879
Elegy on "Stella"	878	Элегия, посвящённая «Стелле».....	879
Stanzas on Naething.....	882	Строфы, написанные даром	883
Fragmentary Verses.....	884	Отрывки {2}	885
The Rest	886	Остальное	887
A Sonnet upon Sonnets	886	Сонет о сонетах	887
A Tale	886	Сказка	887
A Waukrife Minnie	888	Неспящая мамаша	889

Act Sederunt of the Session	890	«Идёт присутствие суда...»	891
Adam Armour's Prayer	890	Молитва Адама Армора	891
Annotations in Verse	892	Пояснения в стихах	893
As I Look'd over Yon Castle Wa' ...	892	«Узрел за замковой стеной...»	893
As I Walk'd by Mysel	894	«Гулял сам собой...»	895
At Whigham's Inn, Sanquhar	894	В таверне Уигема, в Санкьюхаре	895
Broom Besoms [A]	896	Мётлы{1}	897
Broom Besoms [B]	896	Мётлы {2}	897
Brose and Butter	898	Кашка с маслом	899
Come Rede Me Dame	898	«Наставь-ка, мать...»	899
Comin' thro' the Rye	900	«Идя через рожь...» {2}	901
Delia	900	Делия	901
Duncan Davidson	902	Данкен Дэвидсон	903
Ellibanks	902	Эллибэнкс	903
Epistle from a Taylor		Послание портного	
to Robert Burns	904	Роберту Бёрнсу	905
Godly Girzie	906	Святоша Гирзи	907
Green Grow the Rashes	908	«Камыш зелёный...» {2}	909
Grim Grizzel	908	Грим Гризел	909
He Till't and She Till't	912	«Решили вдвоём...»	913
How Can I Keep		«Как мне сберечь девичью честь...»	
my Maidenhead	912		913
Hughie Graham	914	Хьюи Грэм	915
Johnie Scott	916	Джони Скотт	917
Lassie Lie Near Me	916	«Ляг, крошка, ближе...»	917
Libel Summons	916	Пасквиль на суд	917
Logan Water	924	Логан-уотер	925
Lord Ronald My Son	924	«Лорд Роналд, сынок...»	925
Madgie Cam to My Bed-stock	924	«Мэджи к ложу подошла...»	925
Merry Hae I Been		«Был рад, прорезая	
Teethin a Heckle	924	зубцы гребешка...»	925
My Auntie Jean Held to the Shore.	926	«Ждёт тётя Джин на берегу...»	927
My Wife's a Wanton Wee Thing	926	«Жена моя гулёна...»	927
Nae Hair On't	926	«Волос там нету...»	927
O Gin I Had Her	928	«Её бы взял я...»	929
Ode to Spring	928	Ода весне	929
On Captain Lascelles	930	На капитана Ласселза	931
On Fergusson	930	О Фергюссоне	931
On Johnson's Opinion		На мнение Джонсона	
of Hampden	930	о Хэмдене	931
On Mr Pit's Hair-powder Tax	930	О налоге мистера Пита на пудру.	931
On the Duchess of Gordon's		О герцогине Гордон,	
Reel Dancing	930	пляшущей рил	931
Revision for Clarinda	932	Подправленное для Кларинды	933
She's Hoy'd Me out o' Lauderdale..	932	«Из Лодердейла изгнан вон...»	933
Sketch for an Elegy	934	Набросок для элегии	935
Tail Todle	934	«Вдул в щель...»	935
Tam Lin	936	Тэм Лин	937
The Auld Man's Mare's Dead	944	«Загнал кобылу дед...»	945
The Bob o'Dumblane	944	«Боб-о-дамблен»	945

The Cares o' Love.....	946	Заботы любви.....	947
The Cooper o' Dundee.....	946	Бондарь из Данди.....	947
The Fornicator.....	946	Блудодей.....	947
The Guidwife of Wauchope-House, to Robert Burns, the Airshire Bard.....	948	Владелица Уокоп-хауза – Роберту Бёрнсу, эйрширскому барду.....	949
The Hue and Cry of John Lewars ..	950	Крики и вопли Джона Льюерса...	951
The Lass o' Liviston	952	«Красоткой славен Ливистон...»...	953
The Modiewark	952	Крот.....	953
The Rantin Laddie	954	Буян.....	955
The Shepherd's Wife	956	Жёнка овчара.....	957
The Tailor	958	Портной {1}	959
The Tree of Liberty.....	960	Древо Свободы.....	961
There Cam a Soger	964	«Пришёл солдатик...»	965
There's Hair on't	964	«Волосья там...»	965
They Took Me to the Haly Band ...	966	«Я призван был к суду святош...»	967
To Alexander Findlater.....	966	Александр Файндлейтеру.....	967
To Capt Gordon	968	Капитану Гордону, ...	969
To Symon Gray	968	Саймону Грэю.....	969
To the Hon. Wm R Maule of Panmure on His High Phaeton ..	970	Достопочтенному У.Р. Моулу-оф- Панмүру о его высоком фаэтоне ..	971
Tweedmouth Town.....	970	Город Твидмут.....	971
Sandy and Jockie	972	Сэнди и Джоки.....	973
We're A' Gaun Southie, O.....	972	«На юг все вместе, о...»	973
When Princes and Prelates.....	972	«Прелаты и принцы...»	973
Will Ye na Can Ye na Let Me be....	974	«Хоть ты лопни, а я тут как тут...»	975
Yon, Yon, Yon Lassie	976	«Вон, вон, вон краса...».....	977
Dumfries Epigrams.....	976	Дамфрисские эпиграммы	977
Elegy on Mr William Cruikshank A.M.	978	Элегия на смерть мистера Уильяма Крукшенка, А.М.	979
Epitaph	978	Эпитафия	979
Epitaph for Hugh Logan.....	978	Эпитафия Хью Логану.....	979
Epitaph for J.H. Writer in Ayr	980	Эпитафия Дж.Х., стряпчему из Эйра	981
Epitaph for Mr Walter Riddell.....	980	Эпитафия мистеру Уолтеру Ридделу {2}.....	981
Epitaph on Robert Muir	980	Эпитафия Роберту Мьюру	981
Epitaph on Wm. Graham, Esq of Mossknowe	980	Эпитафия У. Грэму, эсквайру из Моссноу	981
On a Suicide One.....	980	О самоубийце {2}.....	981
On an Innkeeper in Tarbolton	980	О тарболтонском трактирщике ..	981
On Marriage	980	О женитьбе	981
A Ballad.....	982	Баллада.....	983
A Fragment.....	982	Отрывок {3}.....	983
Altho' He Has Left Me	984	«Пускай меня бросил...»	985
And I'll Kiss Thee Yet, Yet	984	«Я поцелую вновь и вновь...»	985
And break it shall I never O!	984	Вовеки не нарушу, о!.....	985
Andrew and His Cutty Gun.....	984	Эндрю со своим стволом	985
As I Cam down by Yon Castle Wa'.....	986	«Я стену замка одоле...»	987
As I Cam o'er the Cairney Mount ..	986	«Я гору Кэрни взял, считай...»	987

As I Went out Ae May Morning.....	988	«Раз майским утром вышел я...» ..	989
Blyth Will an' Bessie's Wedding.....	990	Вилл с Бесси повенчались	991
Bonie Laddie,		Славный малый,	
Highland Laddie	990	горский малый	991
Bonie Mary	992	Красотка Мэри {2}.....	993
Carl an the king come.....	992	Карл и король – к нам.....	993
Cauld Frosty Morning.....	994	Морозным утром	995
Charlie, He's My Darling	994	«Чарли, он мой милый...»	995
Comin' O'er the Hills o' Coupar	996	«Каупаровы взяв вершины...»	997
Cuddie the Cooper	998	Утырок-бондарь.....	999
Denty Daivy.....	998	Сладкий Дэви {2}	999
Duncan Macleerie.....	998	Данкен Маклири	999
Errock Brae	1000	Брег Эррока.....	1001
Galloway Tam	1002	Галлоуэй Тэм.....	1003
Geordie.....	1002	Джорди.....	1003
Gie the Lass her Fairing.....	1004	«Дай гостинец милой...»	1005
Green Sleeves	1006	Зелёные рукава	1007
Gude Wallace	1006	Славный Уоллес	1007
I Love My Love In Secret	1008	«Любовь к милому спрячу я...» ..	1009
I Rede you Beware o' the Ripples.	1010	«Уж ты поберёгся б волнений...»	1011
I'll Mak You be Fain		«Ты не пожалеешь,	
to Follow Me	1010	связавшись со мной...»	1011
I'll Tell You a Tale of a Wife	1010	«Про тётку одну мой рассказ...».	1011
In the Character of		В роли разорившегося	
a Ruined Farmer.....	1012	фермера.....	1013
Jockey Fou and Jenny Fain	1014	Джоки Пьянь и Дженни Плюнь.	1015
Jockey was a Bonny Lad.....	1014	«Джоки очарует вмиг...»	1015
John Anderson my Jo.....	1018	Джон Андерсон, родной {2}.....	1019
John Come Kiss Me Now.....	1020	Джон Андерсон, родной.	1021
Johnie Blunt	1020	«Джон, целуй сейчас...».....	1021
For barrin o' the door.....	1020	Джони Дуб.....	1021
Johnie Cope	1022	Джони Хват	1023
Ken ye na our Lass, Bess?	1024	«Вы не знакомы с нашей Бесс?»	1025
Leezie Lindsay	1024	Лиззи Линдси	1025
Muirland Meg	1024	Мэг-Верескуха	1025
My Ain Kind Dearie.....	1026	Моя родная.....	1027
My Girl She's Airy	1026	«Родная моя весела...».....	1027
O an Ye Were Dead Gudeman.....	1026	«Ох, кабы помер муженёк...»	1027
O can Ye Labour Lea.....	1028	«Оставь-ка борозду...».....	1029
O Can Ye Labour Lee,		«Оставь-ка борозду,	
Young Man	1028	дружок...»	1029
O Dear Minny, What Shall I Do? .	1030	«Мамуля, что же делать мне?»....	1031
O Saw Ye My Maggie	1030	Видел кто Мэгги?.....	1031
Our Gudewife's Sae Modest	1032	«Скромна хозяйка наша...».....	1033
Our John's Brak Yestreen.....	1032	«Вечор наш Джон разбил...»	1033
Put Butter in My Donald's Brose.	1034	«В овсянку масла не жалей...» ..	1035
She Rose and Loot Me in.....	1034	«Мне дала войти...»	1035
Shelah O'Neil	1036	Шела О'Нил.....	1037
Song.....	1036	Песня	1037
Supper is na Ready.....	1038	Не готов наш ужин.....	1039
Sutors o' Selkirk	1038	Сапожники Селкёрка	1039

The Banks o' Doon.....	1040	Берега Дуна {3}	1041
The Bonniest Lass	1040	«Ту, что краше всех...»	1041
The Campbells are Coming	1042	«Вот Кэмпбеллы входят...»	1043
The Gardener wi' his paidle.....	1044	Садовник с мотыгой.....	1045
The German Lairdie	1044	Немецкий землевладелец.....	1045
The Jolly Gauger	1044	Весёлый землемер.....	1045
The Lassie Gath'ring Nits	1046	За орехами	1047
An' says, I hae slept lan.	1046	«Как долго я спала!»	1047
The Linkin' Laddie	1046	Связун	1047
The Mauchline Wedding.....	1048	Мо́хлинская свадьба.....	1049
The Mill Mill-O. Original	1050	Дробил-бил-о. Первооснова.....	1051
The Patriarch.....	1050	Патриарх	1051
The Ploughman	1052	Пахарь {2}	1053
The Ploughman's Life.....	1054	Жизнь пахаря	1055
The Primrose	1054	Первоцвет.....	1055
The Reel o' Stumpie	1054	Рил с притопом.....	1055
The rowin't in Her Apron.....	1054	«Его завёрнула в передник...»....	1055
The rowin 't in thy apron.	1056	Завёрнут вот в этот передник?»	1057
Young Terreagles he's nae clown.....	1056	«Мой Терриглаз из крестьян навряд:	1057
The Taylor	1056	Портной {2}	1057
The Wren's Nest.....	1058	Гнездо пеночки.....	1059
The Yellow, Yellow Yorlin'.....	1058	Овсяночка-малышка	1059
There Cam a Cadger	1058	«Прибыл к нам торгош...»	1059
There Grows a Bonnie Brier Bush	1060	Шиповника чудесный куст.....	1061
There Was Twa Wives	1060	Две тётки.....	1061
There's Three True Gude Fellows	1062	Три добрых, верных друга	1063
Tibbie Fowler	1062	Тибби Фаулер.....	1063
Up and Warn a' Willie	1064	«Всех к чертям их, Вилли...»	1065
Wad Ye do That?.....	1066	«Согласен ты?»	1067
Wha the Deil Can Hinder the Wind to Blaw?	1066	«Кой чёрт мешает ветру дуть?»	1067
Wha'll Mow Me Now	1068	«Кто станет еть меня?».....	1069
When She Cam Ben She Bobbed	1070	«Вернулась домой – кто б живее плясал...».....	1071
Where Helen Lies	1070	«Я заявился к Хелен в дом...»	1071
Ye'se Get a Hole to Hide it in	1072	«Найдите-ка сперва нору...»	1073
		Примечания.....	1074

От переводчика

Простецкий бард, вне правил ремесла,
Излил поток, какой душа несла:
Коль вдохновлён – Природой вдохновлён,
Растроган ей одной, он ею и возжён.

*Эпиграф к килмарнокскому изданию
стихов Р. Бёрнса**

Анонимный эпиграф приписывают Бёрнсу, и с полным основанием: эти мысли пронизывают всё его творчество. Бард, правда, не был таким уж простецким, да и правила ремесла знал нехудо; здесь больше поэты – совершенно бёрнсовской, а потому для любящих читателей извинительной.

Во «Введении» (см.) знающий Тим Бёрк пишет: это лишь одна из масок поэта, на самом деле вполне образованного. После чего признаёт, что Бёрнс ни под какие определения не подпадает, и суть его творчества навряд ли когда будет изучена. Может, оно и так, но мало кого отрывочные знания сельской школы подняли к таким высотам. А потому именно Природа, в самом широком смысле, и водила рукой лучшего поэта Шотландии.

Говорить о поэзии Бёрнса походя – дело безнадежное. Не берусь, по очевидным причинам, и обсуждать многочисленные и разнообразные переводы его стихов на русский. Одно несомненно: при той жизни пахаря (в обоих значениях слова), которую отвела Бёрнсу судьба, он не только сохранил удивительную лёгкость во всех делах, увлечениях и слабостях, но и перенёс её на поэзию. У него почти нет стихов «высиженных», всё дышит мгновенными чувствами и порывами – чаще радостными, порой грустными.

За недолгую, нелёгкую и, в известном смысле, бурную жизнь Бёрнс написал предостаточно. Что-то отделано и подправлено перед печатью, многое набросано вчерне; изъясняться сплошь шедеврами невозможно, но превосходной поэзии у него удивительно много.

Многочисленные собрания стихов барда иногда претендуют на полноту, но таковой не обладают: границы корпуса весьма зыбки. Поэт писал на грифельной доске, на чистых листах книг и на банкнотах; царапал алмазом

* В оригинале:

The simple Bard, unbroke by rules of art,
He pours the wild effusions of the heart
And if inspir'd, 'tis Nature's powers inspire
Hers all the melting thrill, and hers the kindling fire.

О килмарнокском, первом издании стихов поэта, см. в разделах «Роберт Бёрнс» и «Введение».

(Здесь и далее примеч. перев.)

на кубках, оконных стёклах домов и гостиниц; многие сочинения сохранились в нескольких рукописях (а то и вариантах), у других рукописи утрачены; не всегда различима грань сочинения и обработки. Бёрнс охотно правил и дорабатывал стихи к новым изданиям, а в посмертных публикациях видна рука редакторов и корректоров. И кто только ни измышлял этим стихам заглавий! Варёво в котле у бёрнсоведов если не кипит, то булькает, и не мне судить, что из наследия полностью бардово, что лишь подправлено им, а где потрудились эпигоны.

Поражая набором едва ли не всех поэтических форм и жанров, стихи Бёрнса сохраняют его почерк, обладают общностью духа и стиля. Это ощущение ни разу не покидало меня за время работы, а потому надеюсь, что лишнего в подборку прихватил немного.

Первые четыре раздела книги по названиям и содержанию соответствуют тексту сборника “The Collected Poems of Robert Burns”, вышедшего в 1994 и 2008 гг. в серии “Wordsworth Poetry Library”. Заглавия, орфография, синтаксис, а местами и текст, уточнены по сайту “Robert Burns Country.”* Раздел «Остальное» включает перевод текстов с сайта “BBC”**, не вошедших в вордсвортовский сборник; добавлено и кое-что памятное из других источников. Итого – 783 стихотворения, 19672 строки.

Имена собственные я старался приблизить к фонетике оригинала – иногда вопреки традиции. Ударения расставлены там, где, предположительно, полезны.

В «Песнях и балладах» метрика едва ли не важнее содержания – или, по крайности, важна сопоставимо. Бёрнс прямо указывал, на какой мотив сочинял, потому странноватые «о» в конце строк и бесчисленные припевы в переводе сохранены – иначе вышло бы нечто совсем другое.

Раздел «Остальное» изобилует текстами из сборника «Весёлые музы Каледонии», вышедшего уже после смерти Бёрнса. Вклад поэта в их сочинение – или обработку фольклора – обсуждают до сих пор. Сюжеты этих песен и баллад весьма игривы, а некоторые части тела, органы и физиологические процессы названы так, как принято было в народной традиции. Но в этих произведениях столько живости, лукавства, беззаботности и жизненной силы, что принимаешь их всей душой – и никак не ставишь ниже остальной поэзии барда. Впрочем, отклик «болтливого сословия» предскажем:

Листают Бёрнсов том, разинув пасти.
«Похабщина, – шепчу, – в последней части».
И все интеллигенты, вот беда,
Суются тотчас именно туда!

* * *

С.В. Алексеенко любезно позволил использовать в качестве вклейки чудесные снимки из своей поездки по Шотландии – за что ему сердечное спасибо.

А.В. и В.Ю. Митяковы оказали неоценимую помощь в подготовке книги к изданию. В.Ю. Митякову я благодарен также за совет (принятый)

* <http://www.robertburns.org/>

** <http://www.bbc.co.uk/arts/robertburns/works/firstletter/all/>

держаться наибольшей точности в важных для многих примечаниях 1423 и 1424.

Готов был, по предложению О.М. Ушаковой, снабдить многое из раздела «Остальное» пометкой «50+», да не предусмотрена таковая действующим законодательством.

* * *

Хорошо, если сумел передать в переводе радость, какую ощутил, заглянув в живой, тёплый и далеко не безгрешный мир шотландского барда и его игривой музыки.

А теперь, как писал М.А. Булгаков, «за мной, читатель, и только за мной».*

С. Сапожников

*Хямекоски, Карелия – Санкт-Петербург,
лето и осень 2014 года*

* «Мастер и Маргарита», глава 19, абзац 1.

Роберт Бёрнс*

Родился 25 января 1759 г., Аллоуэй, Эйршир, Шотландия,
умер 21 июля 1796 г., Дамфрис, Дамфрисшир, Шотландия.

Национальный поэт Шотландии, писавший лирические стихи и песни на шотландском диалекте английского языка. Прославился также любовными похождениями и бунтом против традиционных религии и морали.

Жизнь

Отец Бёрнса перебрался в Эйршир из Кинкардинесшира в поисках лучшей доли, но, несмотря на то, как безмерно тяжко он трудился сперва на ферме в Маунт-Олифанте, взятой в аренду в 1766 г., а затем на ферме в Лохли, арендованной в 1777 г., неудачи преследовали его, и он умер в 1784 г. изнурённым и обанкротившимся. Именно то, что Роберт видел неудачи отца, помогло ему как восстать против общественного устройства тех дней, так и безоговорочно высмеять все формы религиозной и политической мысли, которые потворствовали бесчеловечности или увековечивали её. Некоторое формальное образование он получал частью от учителя, частью же, время от времени, из других источников. Бёрнс по верхам, из книжек знал французский и, сколько-то, латынь, прочитал произведения большинства английских авторов, существенных для XVIII в., а также Шекспира, Милтона и Драйдена. Его познания в шотландской литературе ограничивались детским восприятием на слух народных песен и сказок – вместе с обновлённой поэмой конца XV в. «Уоллес». Его религией на протяжении всей взрослой жизни оставался, пожалуй, гуманистический деизм**.

Гордый, неутомонный, полный неясных притязаний, юный Бёрнс исполнял свою долю тяжёлой работы на ферме. Смерть отца вынудила его стать арендатором фермы в Моссгиле, куда семья перебралась, и дала свободу искать мужское и женское сообщество где заблагорассудится. Он присоединился к боровшимся против господствовавшего в эйрширской церкви крайнего кальвинистского крыла и выступил в защиту местного джентльмена, Гэвина Хэмилтона, у которого возникли неприятности в церковном суде из-за срыва им воскресных проповедей. Бёрнс вступил в связь со служанкой на ферме Элизабет Пейтон, родившей в 1785 г. его первое незаконное дитя, и приветствовал родившуюся малышку ярким стихотворением.

* Сокращённый перевод статьи из «Британской энциклопедии» (2006). Несмотря на очевидные упрощения и неточности, этот текст достаточно краток и объективен.

** Деизм признаёт бога как мировой разум, сконструировавший «машину» Природы и давший ей законы и движение, но отвергает дальнейшее вмешательство Бога в самодвижение Природы (т. е. «промысел божий», чудеса и т. п.). Деизм не допускает иных путей к познанию бога, кроме разума. Распространённый среди мыслителей Просвещения, он способствовал свободомыслию в XVII – XVIII вв.

В 1784 – 1785 гг. годах Бёрнс быстро развивался как поэт «от случая к случаю», всё чаще и чаще обращаясь к стихам, чтобы выразить чувства любви, дружбы или позабавиться ироничным созерцанием творящегося на общественной сцене. Но это не были стихийные излияния полуобразованной деревенщины. Бёрнс ощущал себя мастером; пометки в тетради с цитатами, начатой в 1783 г., показывают, что с самого начала он интересовался техническими проблемами стихосложения.

Хотя Бёрнс и писал стихи для удовольствия, своего и друзей, но оставался неугомонным и неудовлетворённым. Он обрёл славу опасного бунтаря против традиционной религии, и когда в 1786 г. вступил в любовные отношения с Джин Армор, отец девушки не дал ей согласия на замужество, несмотря на беременность и то, что по шотландским законам за обоюдным письменным уговором следовало заключение официального брака. Отец убедил Джин отказаться от данного ею обещания; Роберт, уязвлённый и взъярённый, закрутил любовь с другой девушкой, Мэри Кэмпбелл, но та умерла вскоре после того, как 3 сентября Джин родила двойню вне законного брака. Тем временем ферма не процветала, и Бёрнс, изведённый неразрешимыми трудностями, думал об эмиграции. Но сперва он хотел показать своей стране, на что способен. В разгар всех бед Бёрнс выступил с планами издать сборник стихов в ближайшем городке Килмарноке. Книга называлась «Стихотворения, преимущественно на шотландском диалекте»* и вышла в свет 31 июля 1786 г. Успех был немедленный и ошеломительный. Простой сельский люд и утончённые эдинбургские критики равно приветствовали книгу, и развязкой стало то, что 27 ноября 1786 г. Бёрнс переехал в Эдинбург, чтобы стать знаменитостью, получить покровительство и быть осыпанным благими, но опасными советами.

Килмарнокский сборник представлял собой примечательную смесь. Здесь было небольшое количество таких первосортных шотландских стихотворений, как «Два пса», «Шотландское питьё», «Святая ярмарка», «Обращение к дьяволу», «Смерть и последние слова Мейли»**, «Мышонку»***, «Вши»**** и других, включая множество стихотворных посланий разным друзьям. Было и несколько шотландских стихотворений, в которых Бёрнсу не удалось сохранить присущий ему дух, или таких, которые испортила спутанность целей. Кроме того, в сборник вошло шесть унылых и напыщенных стихотворений на английском, четыре песни, из которых лишь одна, «Среди ячменной нивы», предвещала грядущую славу поэта-песенника, а также то, что рецензенты-современники посчитали лучшим в книге: «Субботний вечер селянина» и «Горной маргаритке»*****.

Бёрнс отбирал килмарнокские стихи тщательно: он стремился впечатлить благородную эдинбургскую публику. В предисловии автор подыгрывал сентиментальным взглядам современников на человека природы и благородного селянина, принижал свою образованность, пытался преуменьшить

* Поразительно точное название! В стихах Бёрнса то сплошь родной диалект, то чистый английский, то их смесь в самых разных соотношениях. Иногда это подчинено художественным задачам (см. напр., примеч. 282), но чаще, думаю, получалось по наитию, и тем естественней звучит

** «Смерть и последние слова бедняжки Мейли, единственной любимой овечки автора. Весьма грустная история».

*** «Мышонку, чьё гнездо разворочено плугом в ноябре 1785 года».

**** «Вши, замеченной на шляпке дамы в церкви».

***** «Горной маргаритке, вывороченной плугом в апреле 1786 года».

природные истоки – в общем, притворялся. Беда в том, что притворялся он лишь наполовину. Поэт был достаточно смутно знаком с жеманной традицией принимать всё, по большей части, за чистую монету, но, к вящей славе, вернулся к тому, что подсказывали инстинкты: верный путь – держаться подальше от множества своих стихов, испорченных наивной и сентиментальной поучительностью.

Эдинбург выбил Бёрнса из колеи, и, после множества любовных и иных приключений в столице и нескольких поездок по другим областям Шотландии, летом 1788 г. он обосновался на ферме в Эллисленде, в Дамфрисшире. В Эдинбурге, кроме того, поэт подготовил новое расширенное издание «Стихотворений» (1787), но существенных добавлений к килмарнокской подборке было мало. Бёрнс считал фермерство в Эллисленде делом трудным, хотя ему помогала Джин Армор, с которой поэт помирился и на которой, наконец, женился в 1788 г.

В Эдинбурге Бёрнс встретился с Джеймсом Джонсоном, увлечённым собирателем шотландских песен, который предложил выпустить серию песенных сборников с нотами и заручился поддержкой Бёрнса в поиске, редактировании, доработке и подготовке вышеназванного к печати. Бёрнс воодушевился и вскоре стал, по сути, издателем джонсоновского «Шотландского музыкального музея». Позднее он вовлёк в сходный проект Джорджа Томсона, но Томсон оказался большим приверженцем благовоспитанности, чем Джонсон, и Бёрнсу пришлось бороться с ним, предостерегая от «очистки» слов и музыки, разрушающей их душу. «Шотландский музыкальный музей» Джонсона (1787 – 1803) и первые пять томов томсоновской «Избранной подборки настоящих шотландских песен для голоса» (1793 – 1818) включают основную массу песен Бёрнса. Последнюю часть жизни поэт провёл в усердном собирательстве и написании песен, снабжая словами традиционные шотландские мелодии. Он считал свою работу служением Шотландии и по-донкихотски отказывался от вознаграждения. Единственным стихотворением, которое Бёрнс написал после визита в Эдинбург, и которое явило неизвестную ранее сторону его поэтического дара, стал «Тэм О'Шентер» (1791), живая, повествовательная поэма из мастерски отделанных восьми-строчных куплетов*, основанная на народной легенде.

Вместе с тем, Бёрнс переписывался и обменивался визитами как равный с великим множеством литературного и прочего люда, значительно превосходившего его социально. Он писал восхитительные письма и был изумительным рассказчиком, умевшим держаться в любой компании. В то же время, Бёрнс оставался бедствующим арендатором фермы, и попытки удержаться в двух разнившихся социально и интеллектуально качествах изнурили его. После длительных попыток в 1789 г. он получил, наконец, должность в акцизном ведомстве, а в 1791 г. переехал в Дамфрис, где прожил до самой смерти. Жизнь Бёрнса в Дамфрисе была активной. Он написал множество стихов «по случаю» и провёл огромную работу над двумя собраниями песен – в добавление к своим обязанностям акцизного чиновника. Начало Французской революции взволновало его, а некоторые неразумные вспышки едва не лишили должности, но репутация толкового акцизного и оправданные, но унижительные уступки выручили Бёрнса.

* В поэме использованы парные рифмы: *aabbccdde*; деление на «куплеты» (строфы) отсутствует. Об истории создания «Тэма О'Шентера» см. примеч. 1.

Оценки

Бёрнс был человеком огромной интеллектуальной энергии и силы духа, который в классово разделённом обществе так и не нашёл окружения, где мог бы полностью проявить свою индивидуальность. Фактом остаётся, что тогдашняя шотландская культура не могла стать интеллектуальным фоном, способным заменить отвергаемый Бёрнсом кальвинизм. Эдинбургские литераторы тех дней были второсортными, но дело не в той или иной личности. Единственной заменой отвергаемому кальвинизму казался сентиментальный деизм, легкая вера в доброту всех окружающих душ, но она не была символом веры достаточно богатым и сложным, чтобы питать великую поэзию. То, что Бёрнс, несмотря на это, создал так много замечательных стихов, указывает на мощь его уникального гения, а то, что он стал шотландским национальным поэтом, является данью тому, как придерживался народных вымыслов.

Бёрнс, возможно, явил наибольшую поэтическую силу в своих сатирах. Замечательным мастерством отмечены его стихотворные послания, содержащие искуснейший контрапункт разговорности и поэтической формы. Но более всего Бёрнс известен своими песнями; именно песни принесли ему всемирную славу. Бёрнс, несомненно, величайший поэт-песенник, какого породила Великобритания.

Бёрнс писал все свои песни на известные мотивы, иногда вставляя некий набор слов в попытке создать наиболее подходящее к данной мелодии стихотворение. Многие песни, бывшие, как явствует из разнообразных свидетельств, в основном написаны Бёрнсом, поэт никогда не объявлял своими. Например, «Былые дни» называл просто старинным отрывком, который нашёл, – притом что песня, почти вне сомнений, его, хотя припев и, возможно, 1-я строфа действительно старинные. (Бёрнс писал песню на простой и трогательный мотив, который не соответствует тому, на какой поют её сейчас: мелодию заменил Томсон). Размах работы Бёрнса над Шотландской песней, возможно, никогда не будет изучен полностью.

Положительно непостижимо, как Бёрнсу удалось проникнуться духом старинной народной песни и воссоздать по старому припеву такие песни, как «Мне рано замуж выходить...», «Камыш зелёный...» и множество других. Здесь та необъяснимая способность беседовать с великим безымянным голосом шотландского народа, которая объясняет особые чувства, которые пробуждает Бёрнс, чувства, находящие выражение в «культе Бёрнса».*

* Далее следует перечень основных публикаций Бёрнса и работ о нём, который нашему читателю почти бесполезен.

Основные даты^{*}

жизни и деятельности Роберта Бёрнса

- 1759** 25 января. В деревушке Аллоуэй родился Роберт Бёрнс, старший сын Уильяма Бёрнеса и Агнес Браун.
- 1765** Роберт и его брат Гилберт обучаются у Джона Мёрдока в деревенской школе, организованной их отцом и соседями.
- 1766** Уильям Бёрнес переезжает в Маунт-Олифант, на ферму в 70 акров недалеко от Аллоуэя.
- 1768** Мёрдок покидает Аллоуэй. Уильям Бёрнес берётся за образование своих сыновей.
- 1772** Роберт и Гилберт посещают приходскую школу в Далраймпле.
- 1773** Роберт в течение трёх недель изучает с Мёрдоком грамматику и французский. Бёрнс работает на ферме; впервые «грешит рифмой».
- 1774** В Маунт-Олифанте начались тяжёлые времена.
- 1775** Бёрнс в школе Хью Роджера в Кёрксуолде изучает математику.
- 1777** Уильям Бёрнес переезжает в Лохли, Тарболтон, на ферму в 130 акров на северном берегу Эйра.
- 1779** Бёрнс поступает в тарболтонский танцевальный класс.
- 1780** Бёрнс с друзьями основывают Тарболтонский клуб холостяков «для облегчения жизни человеку, утомленному жизненными трудами».
- 1781** Бёрнс работает в Ирвине, в льночесальной мастерской, «с большими перспективами устройства жизни».
- 1782** 1 января. После пожара в мастерской Бёрнс возвращается в Лохли.
- 1783** Апрель. Начата первая «Записная книжка». 17 мая. Уильяму Бёрнесу прислали исполнительный лист. Осень. Роберт и Гилберт берут в аренду Моссгил, ферму в 118 акров недалеко от Мохлина.
- 1784** 13 февраля. Уильям Бёрнес умирает. Роберт переезжает в Моссгил «с полной решимостью» и «становится известным в округе как создатель рифм»; вступает в Тарболтонскую масонскую ложу.
- 1785** 22 мая. Рождение Элизабет, дочери от служанки его матери Элизабет Пейтон. Бёрнс встречает Джин Армор.
- 1786** 3 апреля. Предложение отправить издателю килмарнокские стихи; изданные 14 апреля. Апрель. Доказательства связи Бёрнса с Джин Армор «становились с каждым днём все более заметными», любовники заключили «некоторого рода брачный контракт»; в конце апреля отец Джин не признает Бёрнса в качестве приёмного сына. 14 мая. Предполагаемая дата прощания Бёрнса с Мэри Кэмпбелл. июнь. Экземпляр «Стихотворений» отправлен издателю. 9 июля. Первое обвинение Бёрнса в прелюбодеянии. 29 июля. Бёрнс председательствует в масонской ложе в Мохлине. 31 июля, понедельник.

^{*} При составлении этой краткой хронологии использованы материалы сайта <http://www.robertburns.plus.com/Chronology.htm>.

- «Стихотворения» опубликованы в Килмарноке. 3 сентября Джин Армор родила близнецов. «Отцовские чувства» вынуждают Бёрнса отложить и затем отменить план эмигрировать на Ямайку. Октябрь. Смерть Мэри Кэмпбелл («горянки Мэри»). 27 – 29 ноября. Бёрнс отправляется в Эдинбург, чтобы «попытаться выпустить второе издание». 9 декабря. Генри Маккензи даёт обзор «Стихотворений» в журнале «Бездельник». 14 декабря. Выпущены подписные листы на второе издание.
- 1787** февраль. 1787. Бёрнс чтит память эдинбургского поэта Роберта Фергюссона. Апрель. Начата «Вторая Записная Книжка». 17 апреля. Уильям Крич публикует «Стихотворения». 23 апреля. Бёрнс продаёт свои авторские права Кричу за 100 гиней. 5 мая – 1 июня. Путешествие Бёрнса с адвокатом Робертом Эйнсли на границу с Англией. 22 мая. Опубликован первый том «Шотландского музыкального музея» Джеймса Джонсона. Конец июня. Поездка в Западную Шотландию. 25 августа – 16 сентября. Путешествие Бёрнса с эдинбургским школьным учителем Уильямом Николом в Горную Шотландию. 4 – 20 октября. Бёрнс путешествует с доктором Эдэром и посещает сэра Уильяма Марри в Октертайре. Возвращается в Эдинбург, где живёт в доме Уильяма Крукшенка. Октябрь. Смерть дочери поэта, Джин. Ноябрь. Опубликовано первое лондонское издание «Стихотворений». Бёрнс начинает пополнять «Шотландский музыкальный музей». 4 декабря. Бёрнс встречает миссис Маклехоуз («Кларинду»).
- 1788** 14 февраля. Опубликован второй том «Шотландского музыкального музея». 18 февраля. Бёрнс возвращается в Эйршир к Джин Армор несмотря на то, что называет «святотатством» её сравнение с Клариндой. Конец февраля. Бёрнс посещает ферму Эллисленд около Дамфриса, предложенную ему в аренду. 3 марта. Джин Армор родила девочек-двойняшек, одна из которых умерла 10 марта, а другая 18 марта. После краткого посещения Эдинбурга и Кларинды Бёрнс готовится поселиться в Эллисленде. 13 марта. Бёрнс возвращается в Эдинбург. 18 марта. Бёрнс берет в аренду ферму в Эллисленде. Июнь. Бёрнс отправляется в Эллисленд (в декабре за ним следует Джин). 14 июля. Бёрнс назначен акцизным. Начало дружбы с семьей Ридделов. 5 августа. Бёрнс вступает в законный брак с Джин Армор.
- 1789** Июнь – июль. Ридделы представляют Бёрнса капитану Фрэнсису Гроузу, для которого он пишет поэму «Тэм О'Шентер». 18 августа. Родился сын Бёрнса Фрэнсис Уоллес. 1 сентября. Бёрнс начинает работать в акцизе за 50 фунтов. Ноябрь. Бёрнс «болеет всю зиму. Непрерывная головная боль, подавленное настроение и по настоящему скверные последствия расшатанной нервной системы»; борется со своей фермой и проезжает «по делам акциза не менее 200 миль каждую неделю»; но «никоим образом не порвал с музами».
- 1790** Февраль. Опубликован третий том «Шотландского музыкального музея». 1 ноября. Завершена работа над поэмой «Тэм О'Шентер».
- 1791** 30 января. Смерть покровителя Бёрнса, графа Гленкерна. 31 марта. В Дамфрисе родилась дочь Бёрнса Элизабет от Анны Парк. 9 апреля. В Эллисленде родился сын Бёрнса Уильям Никол. Апрель. «Тэм

- О'Шентер» опубликован в «Шотландской старине» Фрэнсиса Гроуза. *10 сентября*. Бёрнс отказывается от аренды фермы в Эллисленде и всё время отдаёт работе в акцизе. *11 ноября*. Бёрнс переезжает в Дамфрис. *29 ноября – 11 декабря*. Бёрнс едет в Эдинбург и прощается с Клариндой.
- 1792** *Февраль*. Бёрнс назначен в акцизное отделение дамфрисского порта на 70 фунтов в год, с перспективой дополнительного дохода в 15 фунтов. *Апрель*. Запланировано новое издание «Стихотворений», опубликованных Кричем в феврале. *Август*. Опубликован четвертый том «Шотландского музыкального музея»; шестьдесят песен из ста написаны или обработаны Бёрнсом. *16 сентября*. Бёрнс соглашается сделать вклад в «Избранную подборку настоящих шотландских песен для голоса» Джорджа Томсона. *21 ноября*. Родилась дочь Бёрнса Элизабет Риддел. *31 декабря*. Бёрнс обвинён в политической неблагонадежности во время волнений в Дамфрисе.
- 1793** *5 января*. Политическая буря пронеслась, но Бёрнс «впредь наложил печать молчания относительно этих неудачных политиков». *1 февраля*. Франция объявила войну Британии. *18 февраля*. Второе эдинбургское издание «Стихотворений». *Май*. Впервые опубликована «Избранная подборка» Томсона. *30 июля – 2 августа*. Поездка Бёрнса с Джоном Саймом в Галлоуэй. *31 декабря*. Бёрнс ссорится с Ридделами.
- 1794** *Февраль*. Бёрнс посылает 41 песню Джонсону, несмотря на зимнее плохое настроение. *20 апреля*. Смерть Роберта Риддела. *25 – 28 июня* Вторая поездка Бёрнса с Джоном Саймом в Галлоуэй. *12 августа*. Родился сын Бёрнса Джеймс Гленкерн. *Ноябрь*. Поиск Бёрнсом английских песен для собрания Томсона. *22 декабря*. Бёрнс назначен действительным инспектором акциза в Дамфрисе.
- 1795** *12 января*. Охлаждение отношений между Бёрнсом и миссис Данлоп. *24 июня*. Смерть Уильяма Смелли. *Сентябрь*. Умирает дочь Бёрнса Элизабет Риддел. *Декабрь – январь*. У Бёрнса тяжёлый приступ ревмокардита.
- 1796** *4 июля*. Бёрнс борется со своей последней болезнью, чтобы продолжить сбор песен для Томсона. *18 июля*. Бёрнс пишет последнее письмо. *21 июля*. Бёрнс умирает в Дамфрисе. *25 июля*. Похороны Бёрнса. Родился его пятый сын Максвелл.

Введение

За двести с лишним лет, прошедших со времени написания стихов, которые вы найдёте в этой книге[†], они послужили поразительному множеству целей и просветили широкий круг людей во всех уголках земного шара. «Былые дни» поют везде, где говорящие по-английски собираются, чтобы встретить Новый год, а «Но люди – мы, при этом...» вызывают отклик у каждого нового поколения читателей Бёрнса. Человек и его труд признаны всемирно, но наиболее популярен Бёрнс в России и Японии – и, не случайно, вместе с виски, прелесть которого он воспел в стихотворении «Шотландское питьё». И в Шотландии, и повсюду, где обосновались выходцы оттуда, день рождения поэта, 25 января, празднуют с потреблением крепких напитков и декламацией стихов.

Ширящимся признанием Бёрнс частично обязан особенностями своей драматической жизни и безвременной смерти. Он скончался в 1796 году в возрасте всего 37 лет, и кто знает, чего бы достиг, насладись долголетием почти современных ему Вордсворта и Блейка^{**}. С другой стороны, мы не задаёмся тем же вопросом применительно к другим талантам эпохи: Томасу Чаттертону, Джону Китсу, Перси Биши Шелли и Роберту Фергюссону^{***}. Чего могли бы достичь эти поэты, продлись их жизнь и деятельность?

Жизнь Бёрнса омрачена неиспользованными возможностями, но это жизнь, прожитая замечательно ярко. Немногие сыновья фермеров из Эйршира избежали жизни, полной тяжёлого физического труда, для которой были рождены. Такие стихотворения, как «Зимняя ночь», «Мышонку», «Мы рождены скорбеть» и «Возвращение солдата», свидетельствуют о наличии у Бёрнса досконального, а иногда личного знакомства с неизбежными тяготами сельской жизни. Они обладают остротой, обычно отсутствующей в отдалённом взгляде на те же обстоятельства у Крэбба, Купера и Вордсворта.

Однако Бёрнс не просто оставил этот мир в своём прошлом. Насладившись всем блеском внимания, обращённого к нему в Эдинбурге вслед за публикацией «Стихотворений, преимущественно на шотландском диалекте» в 1786 году, он предпочёл вернуться к сельской жизни в родном уголке на юго-западе Шотландии, чтобы и дальше сочинять и собирать шотландские песни.

Юность его была достаточно обычной. Рождённый в 1759 году, Бёрнс провёл большую часть детства в Маунт-Олифанте, на бедной ферме на холме, где трудилась только фермерская семья, без «наёмных людей». С 1774 года, как вспоминал его брат Гилберт, будущий бард стал «главным работником». Тремя годами позже семья переехала на более подходящую фер-

[†] «Введение» предваряет сборник “The Collected Poems of Robert Burns”, вышедший в 1994 и 2008 гг. в серии “Wordsworth Poetry Library”. Наша подборка включает, кроме того, раздел «Остальное» (см. «От переводчика»).

^{**} Уильям Вордсворт жил в 1770 – 1850 гг., а Уильям Блейк – в 1777 – 1827 гг.

^{***} Томас Чаттертон жил в 1752 – 1770 гг., Джон Китс – в 1795 – 1821 гг., Перси Биши Шелли – в 1792 – 1822 гг., а Роберт Фергюссон – в 1750 – 1774 гг.

му Лохли, в Тарболтоне, где утешение за долгие часы тяжкого труда давали городское полемическое общество и танцевальные классы. Вечно неутомимый Роберт вскоре опять не усидел на месте и перебрался в растущий мануфактурный городок Ирвин, где обучался ремеслу обработчика льна, пока лавка (в которую он вложился) через год не сгорела, оставив его «как истинного поэта, без гроша в кармане».

В середине 1780-х годов положение стало критическим: личные и финансовые трудности и желание вырваться с фермы в Моссгиле, которую они с братом арендовали после смерти отца, заставили Роберта искать службу бухгалтера у владельца плантации в Вест-Индии. Бёрнс утверждал, что «Стихотворения, преимущественно на шотландском диалекте», опубликованные в Килмарноке в 1786 году, изданы лишь в качестве отчаянной попытки собрать деньги на эмиграцию. Фактом остаётся, что миг его успеха как поэта наступил в самый последний момент и в добавление к драматическим обстоятельствам жизни.

Сын мелкого фермера-арендатора, Бёрнс был, тем не менее, отлично образован. На самом деле, типичный юноша его общественного уровня в любой другой европейской стране в 1760-х годах наслаждался бы обучением намного меньше лет, чем Роберт, и по программе не столь академической. Нет ничего необычного в решении, какое приняли в 1765 году его отец Уильям Бёрнес (так исходно звучала фамилия рода) и его соседи: основать сельскую школу; таких школ было много, особенно на южных нагорьях Шотландии. У соседей было типично шотландское понимание того, сколь важно ученье, но даже при этом им повезло с наймом столь знающего учителя, как Джон Мёрдок*. Под руководством Мёрдока и других наставников, а также напрямую от отца Роберт и его брат Гилберт получили введение в курсы латыни, французского и математики, а также прочли ряд сложных трудов по естественной истории, астрономии и теологии. Мёрдок преподавал Бёрнсу основы современной поэзии и беллетристики, ввёл в круг авторов, ставших «отрадой души»: Поупа, Стерна, Томсона, Шенстона и Маккензи. Это широкое и глубокое образование придало Бёрнсу уверенности в самостоятельном изучении такого сложного труда, как «Опыт о человеческом разумении» Джона Локка – неординарного чтения для фермерского сына в 1770-х годах.

И всё же, получив образование, Бёрнс чувствовал, что была некая выгода и в отказе от него. Он экспериментировал в своей «Записной книжке» с техникой представления себя как сына природы, вдохновлённого ею**. Описывая себя в третьем лице, юноша обнаруживает редкую осведомлённость о том, что должно включать такое наивное притворство: «Поскольку он лишь малым обязан школьному образованию и воспитан за плугом, его представления должны иметь сильный оттенок неотшлифованного деревенского образа жизни». Те, кто, как Роберт Хёрон***, ясно понимали, что это были Бёрнсовы «обдуманые» привычки, производившие «подлинное извержение одарённости, напитанной чтением и наблюдением», были немногочисленны и обойдены прочими, державшимися модной теории «природной одарённости». «Эдинбург мэгэзин», скажем, полагал, что килмарнокские стихотворения предлагали вниманию «поразительный пример природной одарённости,

* Джон Мёрдок (1747 – 1624) стал учительствовать в этой школе в возрасте 18 лет. Он был другом семьи Бёрнесов и оставил там наилучшие воспоминания о себе.

** См. эпиграф к килмарнокскому изданию в разделе «От переводчика».

*** См. примеч. 491.

прорвавшейся сквозь безвестность бедности и преграды трудовой жизни». Сэр Эгертон Бриджес* подобным же образом верил, что талант Бёрнса не мог быть ограничен образованием, поскольку «это вдохновляющий дух одной лишь Природы, дающей силы гениальному барду». Образ природного дарования помогал понять творческие силы, которые нельзя было приписать обучению и воспитанию. Он стал романтической ссылкой, полной культурной уверенности, которую поддерживали Уильям Дафф**, Александр Джерард*** и многие другие, занимавшие значимое положение в лучших шотландских университетах в пору их просвещённого расцвета.

Другие читатели и критики Бёрнса, объясняя прорыв пахаря в первый ряд европейской литературы, предпочитали язык сверхъестественного. Роберт Нейрз**** в 1800 году считал, что «необученное и неотшлифованное дарование» было «поистине волшебным»; в 1786 году Анна Сьюард***** признавала его «чудом». Самой известной из всех стало данная Генри Маккензи***** характеристика Бёрнса как «пахаря, обученного Небесами». Осязаемо-обыденная оценка завладела общественным мнением и преследовала критиков Бёрнса до конца жизни поэта и многие годы спустя. Конечно, более верное, хотя менее романтическое представление об «обученном Джоном Мёрдоком мелком фермере-арендаторе и, какое-то время, трепальщике льна» не столь увлекательно. Бёрнс стал знаменитым, потому что изложение у Бёрнса, как и у многих читанных им поэтов, побуждает и покоряет.

Ярлык Макензи «пахарь, обученный Небесами» приклеился. За рубежом скромные английские поэты второго ряда ощущали себя сходным образом. Роберту Блумфилду***** довелось быть известным как «парень с фермы» много лет после того, как он покинул дядюшкину ферму в Саффолке; Энн Йерсли***** запомнилась как «бристольская молочница», даже когда успехи книжных продаж позволили ей вместо молочной приобрести изысканную библиотеку с абонементом. Мужчины и женщины из трудящихся классов, которые писали – а их было многие сотни – обязаны были найти собственный ярлык такого рода, независимо от того, какой доступ к издательской культуре и учтивой беседе обеспечивали им покровители, приверженцы и советчики.

* Сэр Сэмюэл Эгертон Бриджес (1762 – 1833), писатель, редактор, литературный деятель.

** Уильям Дафф (1732 -1815), пресвитерианский священник и исследователь природы гения. Никакой формальной связи с шотландскими университетами он не имел.

*** Александр Джерард (1728 – 1795), шотландский писатель и философ. Получил образование в Абердинском университете, где занял впоследствии должность профессора натуральной философии и богословия.

**** Роберт Нейрз (1753 – 1829), церковный деятель, филолог и писатель.

***** Анна Сьюард (1747 – 1809), известная как «лебедь Личфилда», поэтесса и автор сентиментального романа «Луиза».

***** См. примеч. 351.

***** Роберт Блумфилд (1766 – 1823), поэт-сапожник, прозвищем которого стало название первого его стихотворения «The Farmer Boy» (1800).

***** Энн Йерсли (1753 – 1806), плодовитая поэтесса и писательница, была дочерью молочницы.

Шотландские современники Бёрнса Александр Уилсон-оф-Пейсли* и Дженет Уилсон**, служанка, нашедшая покровительницу в лице дружившей с Бёрнсом миссис Фрэнсис Данлоп, были привычно описаны и ограничены таким же образом. Судя по социально-классовому происхождению, Бёрнс, в общих чертах, равнозначен этим своим современникам, но он был намного проницательнее и необычно умело управлял тем, как представлял себя публике. Невзирая на указание Макензи, образ Бёрнса, которого Маккензи и его преемники рекламировали, был в полной мере создан им самим. Можно даже сказать, что он ввёл представление о поэте, выходящем за пределы человеческой натуры. На самом деле, представление лорда Байрона о его роли в 1820-х годах многим обязано примеру Бёрнса.

После успеха килмарнокских стихотворений Бёрнс был вовлечён в Эдинбург, культурный эпицентр Шотландии. Там он жил в полном блеске того, что сегодня называют пристальным вниманием прессы. Он, казалось, радовался этому, а временами даже требовал внимания такого рода. Его обхаживали знаменитые и использовали беспринципные, но он принимал городскую жизнь с безмерным воодушевлением. Бёрнс просвещал литераторов и утончённую публику, наслаждался несколькими романтическими связями, включая оживлённую сентиментальную переписку с замужней дамой Агнес Маклехоуз («Клариндой»***), и написал там некоторые из самых известных произведений. Успех эдинбургского периода не имел никакого материального выражения, и Эндрю Ноубл**** показал, что мишурная эдинбургская книжная торговля, в основном, получала выгоды от впечатляющей популярности Бёрнса.

В марте 1788 года он устал (неожиданно быстро) от города и вернулся домой, чтобы жениться на Джин Армор. Его склонность к выпивке и амурным приключениям, тем не менее, не иссякла. И далее возникали мелкие скандалы, не в последнюю очередь связанные с той приметной неделей в апреле 1791 года, когда он появился в обществе с сыном от жены и дочерью от Анны Парк*****. Некоторое время Бёрнс арендовал ферму в Эллисленде, но опять с осложнениями: земля, на которой он трудился, была, по собственному его признанию, «выбором поэта, а не фермера», и Бёрнс бросил её в 1791 году. Последние годы жизни он не работал физически, а был акцизным чиновником, но работа, тем не менее, требовала усилий, а плата не удовлетворяла человека с такими культурными устремлениями.

К концу жизни Бёрнс с очевидностью оставил исходные фермерские навыки далеко позади. И всё же есть небольшое свидетельство в подтверждение слов Роберта Херона, указавшего в 1797 году в первой биографии

* Александр Уилсон (1766 – 1813), поэт, чью поэму «Витти и Мэг» молва приписывала Бёрнсу. После многих заключений эмигрировал и стал основателем американской орнитологии.

** Видимо, «оговорка по инерции»; речь может идти о Дженет Литтл, в замужестве Ричмонд (1759 – 1813). Служившая у миссис Данлоп девушка послала Бёрнсу свои стихи, «надеясь на его расположение и дружбу». Бёрнс, по совету миссис Данлоп, способствовал выходу в свет книги её стихов в 1792 г. Поэтесса представляла себя публике как «эйрская молочница».

*** См. примеч. 705.

**** Эндрю Ноубл – современный английский издатель серии «Кэнонгейт букс», редактор и комментатор сборников стихов Бёрнса.

***** См. примеч. 941.

поэта, что тот «начал жизнь рано, чтобы столкнуться с хмурым презрением и отвращением; всё это было жалкой участью селян, среди которых он жил».

Это далеко от истины. Херон стремился улучшить репутацию Бёрнса, и среди выбранных им стратегий было отдалить своего героя от стереотипа «сельского поэта», но стихи не подкрепляют взглядов Херона. Хотя «Субботний вечер селянина» изображает пасторальными красками картины респектабельности и порядка в низшем сословии, этот текст не типичен для Бёрнса. Куда ярче стихотворения, которые выражают мягкую терпимость и даже страстную увлечённость автора деревенской «участью». Такие поэмы, как «Хэллоуин» и «Тэм О'Шентер», лежат в основе заявления, какое сделал сам Бёрнс в автобиографическом наброске, посланном доктору Джону Муну* в августе 1787 года: «Моим первым притязанием было, и до сих пор сильнейшим желанием остаётся, порадовать моих сотоварищей, жителей деревни, пока переменчивые язык и манеры позволяют мне быть интересным и понятным».

В то время как большинство поэтов романтической эпохи предпочитали смотреть на страдания сельских общин со стороны, они делали это как неловкие прохожие. Бёрнс, в противоположность им, писал напористо и со знанием радостей сельской общины, радуясь карнавальной живости своих друзей, «жителей деревни». Произведение, наилучшим образом вобравшее в себя его политический и личный интерес к жизни бедняков, осталось при жизни поэта неопубликованным: это «Весёлые нищие, или оборванцы. Кантата»**, впервые напечатанная в Эдинбурге в 1799 году.

Здесь Бёрнс не восхищается напрямую жизнью низшего сословия, не изображает её «весёлой», не стремится представить аппетитной для современного ему читателя из широких средних классов. Текст более известен теперь как «Любовь и вольность. Кантата», и яркая образность этого заглавия раздражает многих читателей и критиков. Кантата содержит грубые и вызывающие песни кучки нищих, свободных, во всех смыслах слова, от всех социальных, экономических и моральных обязательств. Эти певцы – изувеченные солдаты, нищие барды, похотливые скрипачи, воровитые пьянчуги – не современные варианты бестолковых мятежников, которые появлялись так часто и беспокойно в сочинениях XVII и начала XVIII веков; они, скорее, беженцы из современного общества, и их жалкое состояние требует общественного разрешения. Но текст намекает – и здесь Бёрнс в наибольшей мере политизирован – что общество в том виде, как оно организовано, не в состоянии с этим справиться.

Политические стихотворения Бёрнса обычно более склонны к сатире, чем к недовольству, и он воистину язвительный сатирик. Второе, расширенное издание «Стихотворений» (вышедшее в Эдинбурге и Лондоне в 1787 году) содержит несколько сатир, многие из которых метят в церковников. Бёрнс испытал несколько неприятных стычек с церковными властями, обычно связанных с его сексуальным поведением, в середине 1780-х годов. Только после восхвалений эдинбургских литераторов он нашёл в себе смелость публикации, рисуя навлечь новые проклятия церкви, но юношеские сатиры, созданные в 1785 – 1786 годах, не могут быть отвергнуты как мотивированные лишь желчного гневом на подвергших его унижению. Цели

* Доктор Джон Мур (1729 – 1802), врач, друг миссис Данлоп, состоявший в переписке с Бёрнсом.

** См. «Гуляющий сброд. Кантата». Автор буквально воспроизводит заглавие первой публикации.

поэта гораздо шире, чем круг преследовавших его персон. Обличение ханжей, лицемеров и несправедливости является у него твёрдым и принципиальным, а не поверхностным или мстительным. Кроме того, эти сатиры всегда смешны.

«Весёлые нищие» раскрывают широту бёрнсовского круга чтения; он использовал источники столь разные, как елизаветинские сонеты, комедия эпохи Якова I, простонародная опера начала XVIII века, современная ему песня и грубые стихи Аллана Рэмси – второго, после Фергюссона любимца среди шотландских поэтов. Несмотря на напряжённое чтение и достойное образование, Бёрнс часто предстаёт «необученной» поэтической личностью, которую природа вдохновляет записывать непосредственные чувства. (Поза этакой наивной фигуры нужна Бёрнсу для достижения поэтического эффекта, и это не больший не показатель его «истинности», чем любая из многих поз, которые он принимает). «Послание Дж. Лапрейку»^{*} – стихотворение, в котором Бёрнс наиболее представительно подаёт голос необученного дарования:

Мне Божья искорка нужна –
Пожалуй, лишь она одна;
Топь, лужа держат дотемна
 Повозку, плуг,
Но сердца муза, хоть скромна,
 Ускорит стук.

Его «скромная» работа, равным образом, приглушена желанием «рифм понагнать – что тех бычков / (Корявых, ох!)»:

Ведь я, по сути, не поэт,
А вирши – так, случайный бред;
Претензий на учёность нет,
 Так в чём же дело?
Взгляд бросит муза, я в ответ
 Рифмую смело.

«Муза», к которой он здесь обращается, подробно обрисована в «Видении». «Койла», муза Кайла (таково старинное название родного уголка Бёрнса в равнинной Шотландии) появляется, чтобы благословить его на попытки писать стихи, прославляющие милую ей общину. После того, как муза велит поэту получать вдохновение и искать свой голос в местном ландшафте и шотландском языке, кажется неожиданным, что официальное обращение Койлы к Бёрнсу как барду Кайла и всей Шотландии сделано на превосходном, чистом английском языке – совершенно отличном от стихов на диалекте, какими изъясняется поэт в первом дуане. (Таково формальное деление, используемое в стихах Оссиана, поддельного древнешотландского барда, чьи труды ввёл в оборот Джеймс Макферсон в 1760-х годах)^{**}. На фоне множества призывов к «люду простому» из числа «скоттов» муза напоминает, что избранный ею поэт не должен отрывать от своих истоков:

^{*} «Первое послание Дж. Лапрейку, старому шотландскому барду».

^{**} См. примеч. 85, 110.

Так не ворчи и не проси;
Трудись, чтоб просиять в выси...

Стихотворение можно рассматривать как размышление молодого Бёрнса над тем, какого из двух путей ему держаться: он мог следовать Джеймсу Томсону, собрату-шотландцу, ломая голос на английский лад, дабы потraфить вкусам пресыщенных лондонских читателей и критиков, либо, взамен этого, выбрать верность своим корням. В 1786 году, когда он написал это стихотворение, Бёрнс ещё не решил с уверенностью, каким курсом следовать. Как мы теперь знаем, он выбрал второй путь – и помог изменить поэтические вкусы Лондона и всей Британии тем, что сделал. Отчасти это стало возможным потому, что читающая публика провела какое-то время в поисках «подлинного» и «естественного». Отсюда доверие к представленному Макферсоном Оссиану и к Раули – розыгрышу Томаса Чаттертона, средневековому монаху-поэту, – в 1760-х и 1770-х годах*. Этот поиск подлинности объясняет и вкус к поэтическим сборникам вроде «Реликвий старинной английской поэзии» Томаса Перси** (1765). В Роберте Бёрнсе читатели нашли, наконец, поэта поистине естественного и простого, к тому же опирающегося на настоящее, а не на реликвии лучшего прошлого. Бёрнс был «тем, что надо». А был ли? Роберт Андерсон утверждал, будто Бёрнс говорил ему, что это было «частью механизма», как он выражался, «необходимого для продвижения его поэтического образа необразованного пахаря». Отличался ли этот розыгрыш от Оссиана и Раули?

Несмотря на все усилия, исследователи не преуспели в определении «настоящего» Роберта Бёрнса. И даже не приблизились; существует множество слоёв грима на этом совершенном образе. В последнее десятилетие жизни Бёрнс играл различные, придуманные им самим, роли и образы для различной публики. Он с жаром продвигал через стихи и поступки особенное и полное сочетание сентиментальных чувств и дурной славы оболстителя. Если верить его биографам XIX века, именно непомерное пристрастие к вину и женщинам, наполнявшее его песни, привело к смерти поэта 21 июля 1796 года. Биографы XX века, по большей части, предпочитают думать, что непомерность была в ином: в изнурении трудом в юные годы, подорвавшем его сердце. Но лучше всего запомнилось, и чаще всего изображается, каким Бёрнс появился в Эдинбурге в конце 1780-х годов: великодушным, остроумным и общительным, чувствительным и, тем не менее, таким, чья фигура «казалась созданной природой, скорее, для грубых задач земледелия, чем для нежного возделывания беллетристики», как настойчиво замечала в некрологе Бёрнсу Мария Риддел***.

То, что Шотландия смогла создать человека такого калибра, прославило нацию, ещё шатавшуюся после утраты суверенитета в 1707 году и поражения в восстании 1745 года. Возможно, потребность шотландцев в героически-жертвенной фигуре объясняет, почему за годы после смерти Бёрнса рассказ о нём быстро разросся до национального мифа. Обстоятельства его рождения были с охотой мифологизированы. В стихотворении «Видение»

* Об Оссиане см. примеч. 85; юный Томас Чаттертон выдавал свои стихи в духе предромантизма на средневековом английском языке (поэмы «Турнир», «Парламент духов») за сочинения Т. Раули, якобы жившего в XV веке.

** Томас Перси (1729 – 1811), поэт, антиквар, епископ; в упомянутое трёхтомное издание вошли английские и шотландские баллады.

*** См. примеч. 717.

Бёрнс описывает жилище в Аллоуэе, в котором родился, как «домик глиняный»: это был двухкомнатный* крытый соломой сельский дом, который выстроил отец. Некоторых биографов и приверженцев поэта в XIX веке этот дом и буря, бушевавшая в дни после рождения Бёрнса, навели на мысль о сходных обстоятельствах рождения Христа. Николас Роу** показал, как домик в Аллоуэе обратился в осовремененный вариант вифлеемского хлева, а буря сделалась знаком, предсказавшим приход спасителя.

Положением одной из культовых фигур Шотландии Бёрнс обязан, в любом случае, трудами, способствовавшими созданию национальной песенной традиции. В 1790-х годах он создал лишь одно бесспорно замечательное стихотворение – «Тэм О’Шентер» – но написал и собрал сотни замечательных песен. Тогда в Эдинбурге Бёрнс встретил Джорджа Томсона, редактора нескольких томов «Избранной подборки настоящих шотландских песен» (1793 – 1818). Песни Бёрнса часто появлялись как в этих томах, так и в другом собрании, «Шотландском музыкальном музее» Джеймса Джонсона. Вопреки тому, что сам поэт обладал «скверным слухом» и «был немзыкален», он разделял стремление Томсона сохранить и оживить исключительно шотландскую традицию популярной песни. Хотя это начинание можно оправданно считать частью ширившегося в то время интереса к сохранению культурных ценностей или «подлинных» подделок-розыгрышей, сохранение шотландской песни имело и особое политическое значение. Оно было, в частности, попыткой спасти национальную историю от последствий покорения Шотландии и поглощения её союзом с Британией.

Частью притягательности песни для Бёрнса состояла в том, что можно назвать её «общинной» стороной. Песни существуют для исполнения, а в хоре голоса и люди образуют унисон. Голос Бёрнса обычно совсем не похож на обособленные, изолированные голоса, преобладавшие в поэтическом каноне английских поэтов-романтиков: когда мы думаем о типичном чтеце стихов Вордсворта или Китса, то, возможно, представляем его обособленным, существующим вне общества и общения. Бёрнс в своих стихах предпочитает поделиться новостью, или сделать разговор сценическим, или воспеть содружество и сплочённость. Мы слышим оживлённый спор вместе с потрясающей силой согласованности в хоре. Бёрнс хорошо знал власть хора как направление в политике. Завершающий хор кантаты «Весёлые нищие», например, заканчивается словами «Ну-ка, разом все: аминь!», а весь текст имеет нечто общее с песнями, какие Уильям Блейк использовал в своих «Песнях неведения и познания» (1789 – 1794)***; он отвергает деспотичную власть и стесняющие разум преграды:

Дрянь, кому законы впору!
Вольность – лучший из пиров!
Трусам суд даёт опору,
Церкви строят для попов.

Ни один британский поэт, за исключением Шекспира, не был так часто или так разнообразно превозносим или отвергаем, как Бёрнс. Критики и биографы представляли нам поэта, который был, поочерёдно: радикалом,

* Об устройстве шотландского дома см. примеч. 606.

** Николас Роу – автор эссе «Идентификация Роберта Бёрнса», 1996.

*** Поэму «Песни неведения» Блейк издал в 1789 г., а «Песни познания» – в 1794 г.

консерватором, националистом, юнионистом, христианином, атеистом, сентименталистом, распутником, расчётливым плутом, неподдельно естественным. Возможно, лучше всего думать, что Бёрнс далёк от этих категорий: он поэт-хамелеон, совершенный творец кажущихся подлинными образов и личностей. Его способность являть себя во множестве социальных ролей, соответствующих прихотям, желаниям и ожиданиям различной публики, означает, что не будет конца привлечению Бёрнса к проблемам местного или международного значения. В этом, несомненно, причина, скорее, восхваления, чем замешательства или испуга – как в песне*:

Вон, дымком курятся чаши,
Оборванцев весел круг!
Бесконечны песни наши,
И восторг рождает звук...

*Тим Бёрк***

* Цитата из того же заключительного хора «Весёлых нищих».

** Доктор Тимоти Бёрк из Ноттингемского университета Трента, Великобритания.

Poems, Epistles, etc.

Tam O' Shanter

"Of Brownie and of Bogillie full is this Buke."
Gavin Douglas.

When chapman billies leave the street,
And drouthy neibors, neibors, meet;
As market days are wearing late,
And folk begin to tak the gate,
While we sit bousing at the nappy,
An' getting fou and unco happy,
We think na on the lang Scots miles,
The mosses, waters, slaps and stiles,
That lie between us and our hame,
Where sits our sulky, sullen dame,
Gathering her brows like gathering storm,
Nursing her wrath to keep it warm.

This truth fand honest Tam o' Shanter,
As he frae Ayr ae night did canter:
(Auld Ayr, wham ne'er a town surpasses,
For honest men and bonie lasses).

O Tam! had'st thou but been sae wise,
As taen thy ain wife Kate's advice!
She tauld thee weel thou was a skellum,
A blethering, blustering, drunken blellum;
That frae November till October,
Ae market-day thou was na sober;
That ilka melder wi' the Miller,
Thou sat as lang as thou had siller;
That ev'ry naig was ca'd a shoe on
The Smith and thee gat roarin' fou on;
That at the L – s house, ev'n on Sunday,
Thou drank wi' Kirkton Jean till Monday,
She prophesied that late or soon,
Thou wad be found, deep drown'd in Doon,
Or catch'd wi' warlocks in the mirk,
By Alloway's auld, haunted kirk.

Ah, gentle dames! it gars me greet,
To think how mony counsels sweet,
How mony lengthen'd, sage advices,
The husband frae the wife despises!

But to our tale: Ae market night,
Tam had got planted unco right,
Fast by an ingle, bleezing finely,
Wi' reaming swats, that drank divinely;

Стихи, послания и пр.

Тэм О'Шентер^{1*}

В сей книге – тьма нечисти и домовья.

Гэвин Даглас²

«Когда прут с улиц торгоши,
Чтоб нализаться от души,
Поскольку кончен день торгов,
И люд домой идти готов,
Мы хмелем смачиваем глотку,
Что нам до крайности в охотку;
Забыты мили в этот час,
Мхи, брод, теснина, перелаз,
За коими родимый кров,
Где взор хозяйки так суров,
А сдвиг бровей грозóво крут,
Что пламень гнева берегут», –

Мнил Тэм О'Шентер, честный малый,
Из Эйра в скачке запоздалой³.
(Старинный Эйр! В округе нашей
Где парни лучше, девки краше?)

О Тэм! Ума большого нет
Плевать на жёнкин, Кейт, совет!
Твердила ведь, что ты транжира,
Кусок пьянчуги-дебошира;
Что ты с июня и до мая
Пьёшь на торгу не просыхая;
Что с мельником⁴ в помол вы пьяны,
Покуда не пусты карманы;
Что вы – кобылей в честь подковы –
Упитесь с кузнецом⁵ готовы;
Что в праздник с Джин, хозяйкой паба⁶,
Всю ночь проквасил ты неслабо.
Пророчила, что, час придёт,
Из дуновых достанут вод
Иль нечисть сцапает – для ней
Церквуху отдал Аллоуэй.

О жёнушки! Слез не уйму,
Как вспомню дивных мыслей тьму,
Советов, мудрых сплошь к тому ж,
Какие презирает муж!

Но к делу: в ночь после торгов
Тэм сел – и не считал глотков
Близ очага; пылал тот живо,
И пенилось чудесно пиво;

* Сноски, обозначенные числами, см. в разделе «Примечания» в конце книги.

And at his elbow, Souter Johnie,
His ancient, trusty, droughy crony:
Tam lo'ed him like a very brither;
They had been fou for weeks thegither.
The night drave on wi' sangs an' clatter;
And aye the ale was growing better:
The Landlady and Tam grew gracious,
Wi' favours secret, sweet, and precious:
The Souter tauld his queerest stories;
The Landlord's laugh was ready chorus:
The storm without might rair and rustle,
Tam did na mind the storm a whistle.

Care, mad to see a man sae happy,
E'en drown'd himsel amang the nappy.
As bees flee hame wi' lades o' treasure,
The minutes wing'd their way wi' pleasure:
Kings may be blest, but Tam was glorious,
O'er a' the ills o' life victorious!

But pleasures are like poppies spread,
You seize the flow'r, its bloom is shed;
Or like the snow falls in the river,
A moment white-then melts for ever;
Or like the Borealis race,
That flit ere you can point their place;
Or like the Rainbow's lovely form
Evanishing amid the storm. –
Nae man can tether Time nor Tide,
The hour approaches Tam maun ride;
That hour, o' night's black arch the key-stane,
That dreary hour he mounts his beast in;
And sic a night he taks the road in,
As ne'er poor sinner was abroad in.

The wind blew as 'twad blawn its last;
The rattling showers rose on the blast;
The speedy gleams the darkness swallow'd;
Loud, deep, and lang, the thunder bellow'd:
That night, a child might understand,
The deil had business on his hand.

Weel-mounted on his grey mare, Meg,
A better never lifted leg,
Tam skelpit on thro' dub and mire,
Despising wind, and rain, and fire;
Whiles holding fast his gude blue bonnet,
Whiles crooning o'er some auld Scots sonnet,
Whiles glow'rin round wi' prudent cares,
Lest bogles catch him unawares;
Kirk-Alloway was drawing nigh,
Where ghaists and houlets nightly cry.

By this time he was cross the ford,
Where in the snaw the chapman smoor'd;
And past the birks and meikle stane,

Башмачник Джони⁷, друг сердечный,
Был рядом, верен жажде вечной;
Роднее Тэму брат едва ли:
Неделями не просыхали.
Ночь сотрясали громом песни,
И пиво пилось всё чудесней;
Кабатчице Тэм строил куры,
Струились нежные амуры;
Башмачник заливался вздором,
Ему служил кабатчик хором;
Ревела буря за окном,
Что Тэму было нипочём.

Заметим: счастья такого
Достигнешь, лишь хлебнув хмельного.
Как пчёлы с грузом мёда в улей,
Минуты дивно промелькнули;
Пусть короли блаженны, Тэм
Был славен, взявши верх над всем!

Но нега – что цветущий мак:
Сорвавши, не сберечь никак;
Иль снег, чьи хлопья ловят реки:
Белы́, растают враз навеки;
Иль как борейская Аврора,
Что мигом ускользнёт от взора;
Иль чуждой радуги дуга,
Чья жизнь при буре недолга...
Поток – и время – не вернуть,
Пришла пора и Тэму в путь;
В час, когда ночь вступила в силу,
Уныло влез он на кобылу:
Такая ждёт в ночи дорога,
Где жалких грешников немного.

Дул ветер так, едва не сдох,
А град лупил, что твой горох;
Тьма быстрые глотала вспышки,
Гром громыхал без передышки;
Такую ночь, смекнёт малец,
Подстроит только чёрт-стервец.

На серую кобылу Мэг
Тэм сел как ловкий человек,
Помчался через грязь и тьму
(Дождь, ветер, пламя – что ему?),
Вцепившись крепко в синь берета,
Бурча слова старья-сонета,
Да зорко вглядываясь в дали,
Чтоб привиденья не достали:
Вот Аллоуэйский храм возник,
Рождая сов и духов крик.

Брал брод в ту пору путник наш,
Где сгинул в снегопад торгош;
Тут, возле камня, меж берёз,

Where drunken Charlie brak's neck-bane;
And thro' the whins, and by the cairn,
Where hunters fand the murder'd bairn;
And near the thorn, aboon the well,
Where Mungo's mither hang'd hersel'.
Before him Doon pours all his floods,
The doubling storm roars thro' the woods,
The lightnings flash from pole to pole,
Near and more near the thunders roll,
When, glimmering thro' the groaning trees,
Kirk-Alloway seem'd in a bleeze,
Thro' ilka bore the beams were glancing,
And loud resounded mirth and dancing.

Inspiring bold John Barleycorn!
What dangers thou canst make us scorn!
Wi' tippenny, we fear nae evil;
Wi' usquabae, we'll face the devill!
The swats sae ream'd in Tammie's noddle,
Fair play, he car'd na deils a boddle,
But Maggie stood, right sair astonish'd,
Till, by the heel and hand admonish'd,
She ventur'd forward on the light;
And, wow! Tam saw an unco sight!

Warlocks and witches in a dance:
Nae cotillon, brent new frae France,
But hornpipes, jigs, strathspeys, and reels,
Put life and mettle in their heels.
A winnock-bunker in the east,
There sat auld Nick, in shape o' beast;
A towzie tyke, black, grim, and large,
To gie them music was his charge:
He screw'd the pipes and gart them skirl,
Till roof and rafters a' did dirl. –
Coffins stood round, like open presses,
That shaw'd the Dead in their last dresses;
And (by some devilish cantraip sleight)
Each in its cauld hand held a light.
By which heroic Tam was able
To note upon the haly table,
A murderer's banes, in gibbet-airns;
Twa span-lang, wee, unchristened bairns;
A thief, new-cutted frae a rape,
Wi' his last gasp his gabudid gape;
Five tomahawks, wi' blude red-rusted:
Five scimitars, wi' murder crusted;
A garter which a babe had strangled:
A knife, a father's throat had mangled,
Whom his ain son of life bereft,
The grey-hairs yet stack to the heft;
Wi' mair of horrible and awfu',
Which even to name wad be unlawfu'.

Загнулся Чарли, нетверёз;
Тут, где колючкам нет конца,
Нашли убитого мальчика,
А где боярка льнёт к земле,
Мать Мунго смерть нашла в петле.
Пред ним – течение дунских вод,
Лес полня, буря знай ревёт,
Огни зарниц – из края в край,
Гром над башкой гремел, считай,
Когда меж стонущих ветвей
Сверкнул церквухой Аллоуэй
В косых лучах, что лезли в щели:
Шла пляска там, гремели трели.

Ох, Джон Ячменное Зерно⁸!
С тобой нам страх презреть дано!
Эль расшибает зла оковы,
Пьём виски – к чёрту в пасть готовы!
Тэм элем был накачан сплошь,
Чертей не ставил он ни в грош,
Но жутко двинуться лошадке;
Всё ж доводы руки и пятки
Её к огням погнали тем,
И – ух ты! – что увидел Тэм!

Взлетали ведьмаков огузки
Не в котильоне по-французски:
Хорнпайпы, жиги, рил, стратспей⁹
Зудели в пятках шайки всей!
В окне восточного алькова
Сел старый Ник; тварь, право слово,
Кудлатый чёрный мрачный пёс¹⁰
Был занят музыкой всерьёз:
От труб, плодивших визг и гром,
Стропила с крышей – ходуном...
В гробах, как в ящиках комода,
Последняя усопших мода,
И всяк – лишь бесам по плечу –
В руке холодной сжал свечу¹¹,
Герою-Тэму свет даря:
Узреть на крышке алтаря
В оковах тати злой скелет,
Мальцов, креста на коих нет,
Ворюгу, срезанного с пётли,
Чья челюсть свисла (есть ли, нет ли?),
Пять топоров, и все в кровище,
Пять сабель, топоров не чище,
Подвязку (ей удушен детка),
Нож, раскромсавший горло предка
(Сынку лень с рукоятки снять
Прилипшую седую прядь),
А также уйму прочей жути;
Назвать – и то уж грех, по сути:

[Three lawyers tongues, turned inside oot,
Wi' lies, seamed like a beggars clout,
Three priests hearts, rotten, black as muck,
Lay stinkin, vile in every neuk.]

As Tammie glowr'd, amaz'd, and curious,
The mirth and fun grew fast and furious;
The Piper loud and louder blew,
The dancers quick and quicker flew,
The reel'd, they set, they cross'd, they cleekit,
Till ilka carlin swat and reekit,
And coost her duddies to the wark,
And linkit at it in her sark!

Now Tam, O Tam! had they been queans,
A' plump and strapping in their teens!
Their sarks, instead o' creeshie flainen,
Been snaw-white seventeen hunder linen! –
Thir breeks o' mine, my only pair,
That ance were plush o' guid blue hair,
I wad hae gien them off my hurdies,
For ae blink o' the bonie burdies!

But wither'd beldams, auld and droll,
Rigwoodie hags wad spean a foal,
Louping an' flinging on a crummock.
I wonder did na turn thy stomach.

But Tam kent what was what fu' brawlie:
There was ae winsome wench and waulie
That night enlisted in the core,
Lang after ken'd on Carrick shore;
(For mony a beast to dead she shot,
And perish'd mony a bonie boat,
And shook baith meikle corn and bear,
And kept the country-side in fear);
Her cutty sark, o' Paisley harn,
That while a lassie she had worn,
In longitude tho' sorely scanty,
It was her best, and she was vauntie.
Ah! little ken'd thy reverend grannie,
That sark she coft for her wee Nannie,
Wi' twa pund Scots ('twas a' her riches),
Wad ever grac'd a dance of witches!

But here my Muse her wing maun cour,
Sic flights are far beyond her power;
To sing how Nannie lap and flang,
(A souple jade she was and strang),
And how Tam stood, like ane bewithc'd,
And thought his very een enrich'd:
Even Satan glowr'd, and fidg'd fu' fain,
And hotch'd and blew wi' might and main:
Till first ae caper, syne anither,
Tam tint his reason a thegither,
And roars out, "Weel done, Cutty-sark!"

[Навыворот три языка
Судейских (правды – ни вершка),
Трёх душ попов вонища сплошь
С навозом спорит, не уйдёшь.]¹²

Хоть Тэм глазел, брала опаска:
Всё веселей, всё пуще пляска;
Всё громче в трубы Ник дудел,
Быстрее танцорок рой летел;
Верчение, пары, хоровод –
Любая льёт вонючий пот,
И, на пол тряпки сбросив враз,
В одной сорочке ладит пляс!

Ох, Тэм, ну, Тэм! Была бы хоть
Пригожей, рослой, юной плоть!
Сорочки их – не грязь фланели,
А, застя снег, как встарь, белели!...
Штанов последних, без вопроса
(Хорош был плюш, и синь начёса!),
Лишился бы, явивши зад,
Чтоб славным девкам бросить взгляд!

Но ведьмы, стары и постылы,
Уродливы, что те кобылы,
И скачут на жердях, к тому же...
Желудок вывернет наружу.

Но Тэм нашёл чем поживиться:
Пригоже-резвая девица¹³
В ту ночь в кружок явилась тесный,
Чтоб стать всем в Каррике известной
(Знай губит без разбору скот,
Да топит лодок славный флот,
Ячмень сбивает и пшеницу –
Весь сельский край её боится);
Короткая сорочка ей
Досталась с самых юных дней,
И с той поры не удлинилась,
Но ведьма ей весьма гордилась.
Твоя бабуся, вне сомнений,
Не знала, что в обновке Нэнни
(Два фунта¹⁴: всё, что сберегла)
На пляску с ведьмами пошла!

Но здесь бессильны крылья Музы,
Ей неподъёмны эти грузы:
Спеть про все Нэннины прыжки
(Той – гибкой, сильной – столь легки),
Про то, как, околдован, Тэм
Во все глаза дивился тем;
Как похоть злую чуял Ник,
Как к трубам, сколь сумел, приник,
Пока скакнул – вдругорядь разом –
Тэм, начисто теряя разум,
И крикнул: «Рубашонка, жги! »...

And in an instant all was dark:
And scarcely had he Maggie rallied,
When out the hellish legion sallied.

As bees bizz out wi' angry fyke,
When plundering herds assail their byke;
As open pussie's mortal foes,
When, pop! she starts before their nose;
As eager runs the market-crowd,
When "Catch the thief!" resounds aloud;
So Maggie runs, the witches follow,
Wi' mony an eldritch skreich and hollow.

Ah, Tam! Ah, Tam! thou'll get thy fairin!
In hell, they'll roast thee like a herrin!
In vain thy Kate awaits thy comin!
Kate soon will be a woefu' woman!
Now, do thy speedy-utmost, Meg,
And win the key-stone o' the brig;
There, at them thou thy tail may toss,
A running stream they dare na cross.
But ere the keystone she could make,
The fient a tail she had to shake!
For Nannie, far before the rest,
Hard upon noble Maggie prest,
And flew at Tam wi' furious ettle;
But little wist she Maggie's mettle!
Ae spring brought off her master hale,
But left behind her ain grey tail:
The carlin clautht her by the rump,
And left poor Maggie scarce a stump.

Now, wha this tale o' truth shall read,
Ilk man and mother's son, take heed:
Whene'er to Drink you are inclin'd,
Or Cutty-sarks rin in your mind,
Think ye may buy the joys o'er dear;
Remember Tam o' Shanter's mare.

The Jolly Beggars: a Cantata

Recitativo

When lyart leaves bestrow the yird,
Or wavering like the bauckie-bird,
Bedim could Boreas' blast;
When hailstones drive wi' bitter skyte,
And infant frosts begin to bite,
In hoary cranreuch drest;
Ae night at e'en a merry core
O' randie, gangrel bodies,
In Poosie-Nansie's held the splore,
To drink their orra duddies;
Wi' quaffing an' laughing,

И тотчас тьма вокруг, ни зги,
И лишь коснулся Мэгги шпорой,
Как бесы налетели сворой.

Как пчёл гневливый рой гудит,
Когда их улей кем-то вскрыт,
Как заяц, когда жизни чуть,
Скок – и стремится улизнуть,
Как, слыша вопль «Лови воров!»,
Базарный люд их рвать готов,
Так Мэгги мчится; ведьмы следом,
Их визг и ор Земле неведом.

Ах, Тэмми! Чуешь путь короткий:
В аду стать жареной селёдкой!
И Кейт ждёт муженька напрасно!
Дождётся горя, это ж ясно!
Мэг, ну на мост! Его успеть
До середины одолеть,
А там врагам не повезёт:
Не пересечь им быстрых вод¹⁵.
Вот только прежде, пред мостом,
Случилось ей махнуть хвостом!
А Нэнни, прочих обогнав,
Несётся вслед за Мэг стремглав,
Летит, собрав на Тэма зло;
Но с Мэгги ей не повезло!
Прыжком хозяина спасла,
А серый хвост не сберегла;
Вцепилась ведьма Мэг в кострец
И обкорнала хвост вконец.

Правдивый выслушав рассказ,
Кто б ни был ты, смекни сейчас:
Коль винные дурманят бочки
Или короткие сорочки,
Так ноги унесёшь насилу:
Припомни Тэмову кобылу.

Гулящий сброд. Кантата¹⁶

Речитатив

Когда в листве пожухлой ширь,
И трепеца, как нетопырь,
Борей туман хладит,
Когда сечёт нещадно град,
Щипать мороз-малютка рад,
Сам инеем укрыт,
К ночи орава собралась,
Рваньё, как говорится,
У Киски Нэнси¹⁷ (буйны – страсть),
Чтоб догола пропитаться;
Льют в глотку в охотку,

They ranted an' they sang,
Wi' jumping an' thumping,
The vera girdle rang,

First, neist the fire, in auld red rags,
Ane sat, weel brac'd wi' mealy bags,
And knapsack a' in order;
His doxy lay within his arm;
Wi' usquebae an' blankets warm
She blinkit on her sodger;
An' aye he gies the tozie drab
The tither skelpin' kiss,
While she held up her greedy gab,
Just like an aumous dish;
Ilk smack still, did crack still,
Just like a cadger's whip;
Then staggering an' swaggering
He roar'd this ditty up –

Air

Tune – "Soldier's Joy."

I am a son of Mars who have been in many wars,
And show my cuts and scars wherever I come;
This here was for a wench, and that other in a trench,
When welcoming the French at the sound of the drum.
Lal de daudle, &c.

My 'prenticeship I past where my leader breath'd his last,
When the bloody die was cast on the heights of Abram:
And I served out my trade when the gallant game was play'd,
And the Morro low was laid at the sound of the drum.

I lastly was with Curtis among the floating batt'ries,
And there I left for witness an arm and a limb;
Yet let my country need me, with Elliot to head me,
I'd clatter on my stumps at the sound of a drum.

And now tho' I must beg, with a wooden arm and leg,
And many a tatter'd rag hanging over my bum,
I'm as happy with my wallet, my bottle, and my callet,
As when I used in scarlet to follow a drum.

What tho' with hoary locks, I must stand the winter shocks,
Beneath the woods and rocks oftentimes for a home,
When the t'other bag I sell, and the t'other bottle tell,
I could meet a troop of hell, at the sound of a drum.

Горланят, гомонят,
Хохочут, топочут,
Аж противни звенят.

У печки красных тряпок¹⁸ ком
Сел, и лепёшка¹⁹, вишь, при нём,
И ранец, всё по чину;
Шалаву с виски приобнял,
А той не жалко одеял,
Дабы согреть мужчину;
И что б к ней, право не припасть,
Не присосаться так,
Покуда жадно тянет пасть
Жестянкой под медяк,
Да с соком, причмоком
(Как клячу кнут огрел);
Нетвёрдо, но гордо
Служивый заревел:

Песня

(на мотив «Солдатской удачи»)

Мне сам Марс папашей стал, много войн я прошагал,
Глядите, что набрал: отметины от ран:
Вот – из-за девки спор, а вот – штыком остёр,
Француз в окоп попёр, услышав барабан.
Лал-ди-даудл...

Где был взят я в оборот, командир пошёл в расход:
С Абрамовых высот²⁰ катился день, багрян;
Досталась служба мне в отважной мельтешне,
И Морро²¹ – в тишине, услышав барабан.

Я с Кёртисом, старея, морские батареи
Послушал – не имею руки с ногой, болван;
И всё ж, пусть скажут слово, за Эллиотом²² снова
Обрубком застучу, услышав барабан.

Уж подайте, земляки; ни ноги и ни руки,
И светятся портки, и сплошь мундир мой дран,
Но не хуже мне с сумою, фляжкой, бабой вот такою,
Чем в дни, когда бил строю – все в алом – барабан.

И пускай, башкою сед, так озяб, что спасу нет,
Средь чащ и скал рассвет мне вместо крова дан,
Коль какой мешок продам, да маленечко поддам,
Я готов вломить чертям, услышав барабан.

Recitativo

He ended; and the kebars sheuk,
Aboon the chorus roar;
While frighted rattons backward leuk,
An' seek the benmost bore:
A fairy fiddler frae the neuk,
He skirl'd out, encore!
But up arose the martial chuck,
An' laid the loud uproar.

Air

Tune – "Sodger Laddie."

I once was a maid, tho' I cannot tell when,
And still my delight is in proper young men;
Some one of a troop of dragoons was my daddie,
No wonder I'm fond of a sodger laddie,
Sing, lal de lal, &c.

The first of my loves was a swaggering blade,
To rattle the thundering drum was his trade;
His leg was so tight, and his cheek was so ruddy,
Transported I was with my sodger laddie.

But the godly old chaplain left him in the lurch;
The sword I forsook for the sake of the church:
He ventur'd the soul, and I risked the body,
'Twas then I proved false to my sodger laddie.

Full soon I grew sick of my sanctified sot,
The regiment at large for a husband I got;
From the gilded spontoon to the fife I was ready,
I asked no more but a sodger laddie.

But the peace it reduc'd me to beg in despair,
Till I met old boy in a Cunningham fair,
His rags regimental, they flutter'd so gaudy,
My heart it rejoic'd at a sodger laddie.

And now I have liv'd – I know not how long,
And still I can join in a cup and a song;
But whilst with both hands I can hold the glass steady,
Here's to thee, my hero, my sodger laddie.

Recitativo

Poor Merry-Andrew, in the neuk,
Sat guzzling wi' a tinkler-hizzie;

Речитатив

Смолк – и стропила аж сотряс
Могучим рёвом хор;
Блеснул трусливо крысий глаз,
Исчез в глубинах нор;
Скрипач-малютка подал глас,
Проверещал: «Анкор!»²³,
Но встала шлюха, и тотчас
Напев волной попёр.

Песня

(на мотив «Солдата»)

В девицах ходила – когда, не поймёшь –
С тех пор разбитную люблю молодёжь;
Была от драгуна мамаша брюхата,
Не диво, что мне никуда без солдата.
Эй, лал-ди-лал...

Мой первый был щёголь, красавчик, буян,
На службе он лихо гремел в барабан;
Был ляжками тут, и румян был, ребята, –
Я накрепко влипла в такого солдата.

Тут праведник влез, капеллан-старичок,
И к церкви меня от вояки увлёк;
Он выставил душу, я телом богата –
Вот так обвела вокруг пальца солдата.

Но тошно мне стало с ханжой под хмельком,
Тогда целый полк стал моим муженьком;
Флейтиста увижу, сержантика-хвата –
Приветить я рада любого солдата.

Мир грянул – прошу, подадут где чего,
Да вдруг повстречала дружка своего;
На рвани мундирной пестреют заплаты,
Душа моя вмиг отворилась солдату.

Немало живу – что́ про годы трындеть –
Но всё же могу я и выпить, и спеть;
И склянка покуда в ладонях зажата,
Я пью за тебя, мой герой, – за солдата!

Речитатив

В углу сидевший нищий шут
Лакал с лудильщиковой бабой

They mind't na wha the chorus teuk,
Between themselves they were sae busy:
At length, wi' drink an' courting dizzy,
He stoiter'd up an' made a face;
Then turn'd an' laid a smack on Grizzie,
Syne tun'd his pipes wi' grave grimace.

Air

Tune – "Auld Sir Symon."

Sir Wisdom's a fool when he's fou;
Sir Knave is a fool in a session;
He's there but a 'prentice I trow,
But I am a fool by profession.

My grannie she bought me a beuk,
An' I held awa to the school;
I fear I my talent misteuk,
But what will ye hae of a fool?

For drink I would venture my neck;
A hizzie's the half of my craft;
But what could ye other expect
Of ane that's avowedly daft?

I ance was tied up like a stirk,
For civilly swearing and quaffin;
I ance was abus'd i' the kirk,
For towsing a lass i' my daffin.

Poor Andrew that tumbles for sport,
Let naebody name wi' a jeer;
There's even, I'm tauld, i' the Court
A tumbler ca'd the Premier.

Observ'd ye yon reverend lad
Mak faces to tickle the mob;
He rails at our mountebank squad, –
It's rivalry just i' the job.

And now my conclusion I'll tell,
For faith I'm confoundedly dry;
The chiel that's a fool for himsel',
Guid Lord! he's far dafter than I.

Recitativo

Then niest outspak a raucle carlin,
Wha kent fu' weel to cleek the sterlin;

(Им дела нет, о чём поют:
Друг к дружке интерес неслабый);
Встал ухаждёр, заливший глотку,
Скривился (дескать, куча дел),
Поворотился, чмок красотку,
И с хмурой рожей задудел:

Песня

на мотив «Старого сэра Саймона»

Сэр Ум – дурень, если нальёшь,
Сэр Плут – дурачина на сессии,
Но мне он в подмётки не гош,
Ведь я-то дурак по профессии.

Бабуся купила букварь,
И в школу пинком паренька;
Всё даром, я глупая тварь:
Скажите, что взять с дурака?

За рюмку башкою рискну,
Полжизни угробил на баб;
Чего ожидаете, ну,
От мозга, что признанно слаб?

Привязан раз был, как бычок,
За пьянку и пакостный нрав;
Был в церкви наказан разок,
Девицу по дури примяв²⁴.

Шут скачет в забавной игре –
Не дело глумиться над ним;
Сказали мне, что при дворе
Премьер занят делом таким.

Его преподобие, вон,
Кривляясь, приход веселит;
С фиглярским сообществом он
Соперничать, знать, норовит.

Скажу в заключение так
(Минутную трезвость ценя):
Кто сам для себя лишь дурак –
Бог мой! – тот дурнее меня!

Речитатив

Тут ведьма выступила рьяно,
Что ловко чистила карманы;

For mony a pursie she had hooked,
An' had in mony a well been douked;
Her love had been a Highland laddie,
But weary fa' the waefu' woodie!
Wi' sighs an' sobs she thus began
To wail her braw John Highlandman.

Air

Tune – "O, an ye were dead, Guidman."

A Highland lad my love was born,
The Lalland laws he held in scorn;
But he still was faithfu' to his clan,
My gallant, braw John Highlandman.

Chorus

Sing hey my braw John Highlandman!
Sing ho my braw John Highlandman!
There's not a lad in a' the lan'
Was match for my John Highlandman.

With his philibeg an' tartan plaid,
An' guid claymore down by his side,
The ladies' hearts he did trepan,
My gallant, braw John Highlandman.

Sing hey, &c.

We ranged a' from Tweed to Spey,
An' liv'd like lords an' ladies gay;
For a Lalland face he feared none, –
My gallant, braw John Highlandman.

Sing hey, &c.

They banish'd him beyond the sea.
But ere the bud was on the tree,
Adown my cheeks the pearls ran,
Embracing my John Highlandman.

Sing hey, &c.

But, och! they catch'd him at the last,
And bound him in a dungeon fast:
My curse upon them every one,
They've hang'd my braw John Highlandman!

Sing hey, &c.

And now a widow, I must mourn
The pleasures that will ne'er return:
The comfort but a hearty can,
When I think on John Highlandman.

Sing hey, &c.

Тьму кошельков Господь не спас,
В колодцах топлена не раз;
Её любимый, горец ловкий,
Дождлся всё-таки верёвки!
Песнь завела (то вздох, то стон)
Про то, сколь славен Горец Джон.

Песня

на мотив «Ох, муженька уж нету»

Любимый мой, рождён средь скал,
Закон нагорий²⁵ презирал,
Но клану всё ж был верен он,
Мой смелый, славный Горец Джон.

Хор

Привет, мой славный Горец Джон!
Эгей, мой славный Горец Джон!
В краю нет парня, чтобы он
С тобой сравнился, Горец Джон.

Носил он килт и яркий плед,
Бедро бил клэймор²⁶, лучше нет;
Сердцам девиц – сплошной урон
Мой смелый, славный Горец Джон.

Привет, мой...

Границы наши – Твид и Спей²⁷,
Гуляли знати не слабей;
Нагорий не боялся он,
Мой смелый, славный Горец Джон.

Привет, мой...

Его сослали за моря,
Я до весны ждала не зря:
Пришёл, слезами орошён,
В мои объятия Горец Джон.

Привет, мой...

Но воля не судьба ему,
Чуть погода попал в тюрьму;
Я всем проклятья шлю вдогон,
Кем вздёрнут славный Горец Джон.

Привет, мой...

Вдове скорбящей, мне, беда:
Исчезла радость навсегда;
Утешит разве кружок звон,
Когда ты в мыслях, Горец Джон.

Привет, мой...

Recitativo

A pigmy scraper wi' his fiddle,
Wha us'd at trystes an' fairs to driddle.
Her strappin limb and gausy middle
 (He reach'd nae higher)
Had hol'd his heartie like a riddle,
 An' blawn't on fire.

Wi' hand on hainch, and upward e'e,
He croon'd his gamut, one, two, three,
Then in an arioso key,
 The wee Apollo
Set off wi' allegretto glee
 His giga solo.

Air

Tune – "Whistle owre the lave o't."

Let me ryke up to dight that tear,
An' go wi' me an' be my dear;
An' then your every care an' fear
 May whistle owre the lave o't.

Chorus

I am a fiddler to my trade,
An' a' the tunes that e'er I played,
The sweetest still to wife or maid,
 Was whistle owre the lave o't.

At kirns an' weddins we'se be there,
An' O sae nicely's we will fare!
We'll bowse about till Daddie Care
 Sing whistle owre the lave o't.

I am, &c.

Sae merrily's the banes we'll pyke,
An' sun oursel's about the dyke;
An' at our leisure, when ye like,
 We'll whistle owre the lave o't.

I am, &c.

But bless me wi' your heav'n o' charms,
An' while I kittle hair on thairms,
Hunger, cauld, an' a' sic harms,
 May whistle owre the lave o't.

I am, &c.

Речитатив

Заморыш и дрянной скрипач,
Что ярмаркам обрыд хоть плачь,
Её за ляжку, бок, ловкач
 (Лезть выше даром)
Схватил, как сито, – прячь не прячь –
 Пылая жаром.

Вот, подбоченись, гамму взял,
Ритм – раз, два, три – пробормотал
И ариозный²⁸ свой вокал
 Сей Аполлоша
Пустил на свет – и ликовал,
 Всех огороша.

Песня

на мотив «Да будь оно неладно»

Позволь слезинку утереть,
Пойдём, моею будешь впредь,
Тревогу, страх чего терпеть?
 Да будь они неладны!

Хор

Кормлюсь я, скрипкой овладев,
И пуще прочих сей напев
Ласкает уши жён ли, дев:
 «Да будь оно неладно».

Пирушки, свадьбы – нам туда,
А там и горе не беда!
По кругу ковш, не пой, Нужда,
 «Да будь оно неладно».

Кормлюсь я, и пр.

Нам кость глотать, приятней нет,
Ловить под стенкой солнца свет;
В безделье спой, не зная бед,
 «Да будь оно неладно».

Кормлюсь я, и пр.

Даруй, же, небо, благодать:
Пока смычку даю летать,
На голод, холод, зло плевать,
 Да будь они неладны!

Кормлюсь я, и пр.

Recitativo

Her charms had struck a sturdy caird,
As weel as poor gut-scraper;
He taks the fiddler by the beard,
An' draws a roosty rapier –

He swoor, by a' was swearing worth,
To speet him like a pliver,
Unless he would from that time forth
Relinquish her for ever.

Wi' ghastly e'e poor tweedle-dee
Upon his hunkers bended,
An' pray'd for grace wi' ruefu' face,
An' so the quarrel ended.

But tho' his little heart did grieve
When round the tinkler prest her,
He feign'd to snirtle in his sleeve,
When thus the caird address'd her:

Air

Tune – "Clout the Cauldron."

My bonie lass, I work in brass,
A tinkler is my station:
I've travell'd round all Christian ground
In this my occupation;
I've taen the gold, an' been enrolled
In many a noble squadron;
But vain they search'd when off I march'd
To go an' clout the cauldron.

I've taen the gold, &c.

Despise that shrimp, that wither'd imp,
With a' his noise an' cap'rin;
An' take a share with those that bear
The budget and the apron!
And by that stowp! my faith an' houp,
And by that dear Kilbaigie,
If e'er ye want, or meet wi' scant,
May I ne'er weet my craigie.

And by that stowp, &c.

Recitativo

The caird prevail'd – th' unblushing fair
In his embraces sunk;

Речитатив

Хват-медник²⁹ взвился сгоряча,
Как и скрипун плюгавый;
За бородёнку скрипача,
Грозя рапирой ржавой,

Схватил и зал божбой сотряс:
Насадит, как пичугу,
Коль тот не снимет сей же час
Претензий на подругу.

В испуге бедный Труляля
Пал мигом на колени,
Взмолился, далее не для
Тоскливых словопрений.

Но пусть в душонке и тоска,
Когда жмут рядом даму,
Хихикал он исподтишка,
Лишь медник начал прямо:

Песня

на мотив «Котлы лужу-паяю»

Душа моя, век с медью я,
Лудильщик пред тобою,
Крещёный свет, изъятий нет,
Прошёл насквозь, не скрою;
Под звон монет не раз, как след,
Считалось, в полк вступаю;
Но брошу рать – и зря искать,
Котлы лужу-паяю.

Под звон монет, и пр.

Плюнь свысока на мозгляка:
Шумит, а толку – хрен там;
Держи в уме, кто при суме:
Там фартук с инструментом!
Клянусь бадьёй: фарт верный мой,
Килбайги³⁰ пью в охотку,
Для милых губ коль буду скуп,
Век не смочить мне глотку!

Клянусь бадьёй, и пр.

Речитатив

Взял верх – красотка без стыда
Пришла в объятья враз:

Partly wi' love o'ercome sae sair,
An' partly she was drunk:
Sir Violino, with an air
That show'd a man o' spunk,
Wish'd unison between the pair,
An' made the bottle clunk
To their health that night.

But hurchin Cupid shot a shaft,
That play'd a dame a shavie –
The fiddler rak'd her, fore and aft,
Behint the chicken cavie.
Her lord, a wight of Homer's craft,
Tho' limpin wi' the spavie,
He hirpl'd up, an' lap like daft,
An' shor'd them Dainty Davie.
O' boot that night.

He was a care-defying blade
As ever Bacchus listed!
Tho' Fortune sair upon him laid,
His heart, she ever miss'd it.
He had no wish, but to be glad,
Nor want, but when he thirsted;
He hated nought, but to be sad,
An' thus the muse suggested
His sang that night.

Air

Tune – "For a' that, an' a' that."

I am a Bard of no regard,
Wi' gentle folks an' a' that;
But Homer-like, the glowrin byke,
Frae town to town I draw that.

Chorus

For a' that, an' a' that,
An' twice as muckle's a' that;
I've lost but ane, I've twa behin',
I've wife eneugh for a' that.

I never drank the Muses' stank,
Castalia's burn, an' a' that;
But there it streams an' richly reams,
My Helicon I ca' that.

For a' that, &c.

Отчасти страсть гнала туда,
Отчасти с пьяных глаз;
Сэр Скрипио запел тогда,
И бравостью потряс:
Желал им слиться без труда,
И в тостах не увяз –
Мол, здоровья в эту ночь!

Но Купидон не остолоп,
Подбил другую даму:
Скрипач её в охапку сгрёб
За курьей клеткой прямо.
А муж, чей вслед Гомеру трёп,
Хоть ковылял упрямо,
Но тут подсуетился, чтоб
Спеть «Дэви – ловкий самый»
Им в эту ночь.

Он отродясь не знал забот,
Среди пьянчуг гуляка!
Пусть раз за разом не везёт,
Сберёт он душу всяко.
Желал, пусть радость, мол, придёт,
Был выпить не ломака,
И лишь тоску не брал в расчёт,
И ждал от музыки знака
Спеть в эту ночь.

Песня

на мотив «Что будет, то будет»

Мои стихи, пусть неплохи,
Ценить народ не будет;
Гомеру вслед (не скучно, нет)
Бреду – путь долгим будет.

Хор

Что будет, то будет,
И вдвое прибудет;
Одной, вишь, нет – ей две вослед,
С меня довольно будет.

Пруд муз средь круч, Кастальский ключ³¹
Поить меня не будет,
Но Геликон³² – шлёт струи он,
Моей их влага будет.

Что будет, и пр.

Great love I bear to a' the fair,
Their humble slave an' a' that;
But lordly will, I hold it still
A mortal sin to thraw that.

For a' that, &c.

In raptures sweet, this hour we meet,
Wi' mutual love an' a' that;
But for how lang the flie may stang,
Let inclination law that.

For a' that, &c.

Their tricks an' craft hae put me daft,
They've taen me in, an' a' that;
But clear your decks, and here's – "The Sex!"
I like the jads for a' that.

Chorus

For a' that, an' a' that,
An' twice as muckle's a' that;
My dearest bluid, to do them guid,
They're welcome till't for a' that.

Recitativo

So sang the bard – and Nansie's wa's
Shook with a thunder of applause,
Re-echo'd from each mouth!
They toom'd their pocks, they pawn'd their duds,
They scarcely left to co'er their fuds,
To quench their lowin drouth:
Then owre again, the jovial thrang
The poet did request
To lowse his pack an' wale a sang,
A ballad o' the best;
He rising, rejoicing,
Between his twa Deborahs,
Looks round him, an' found them
Impatient for the chorus.

Air

Tune – "Jolly Mortals, fill your Glasses."

See the smoking bowl before us,
Mark our jovial ragged ring!
Round and round take up the chorus,
And in raptures let us sing –

Прилип к своей – раба у ней
Смирнее не будет,
Но милой спесь, отмечу здесь,
Мешать изрядно будет.

Что будет, и пр.

Восторгом нас дарит сей час,
Любовь взаимной будет,
А долгой сколь – тут не изволь
Гадать: уж будь как будет.

Что будет, и пр.

Окрутят так, что я дурак,
И мало мне не будет,
Но раз пришёл, так вот он – «пол»!
Страсть к девкам вечной будет.

Хор

Что будет, то будет,
И вдвое прибудет;
Родная кровь потешить вновь
Зовёт – и ждать их будет.

Речитатив

Допел поэт – и Нэнсин дом
Сотряс рукоплесканий гром,
Рёв глоток отразив!
Гроши́ на стол, вслед за тряпьем,
Едва прикрыв, сидят на чём:
От жажды люд чуть жив;
Поэта взявши за бока,
Весёлая орда
Просила выбрать из мешка
Балладу хоть куда;
Встал малый удалый,
В ручонках по Деборе³³;
Оглядка – всё гладко:
Люд жаждет слиться в хоре.

Песня

на мотив «Бойкий люд, налей стаканы!»

Вон, дымком курятся чаши,
Оборванцев весел круг!
Бесконечны песни наши,
И восторг рождает звук:

Chorus

A fig for those by law protected!
Liberty's a glorious feast!
Courts for cowards were erected,
Churches built to please the priest.

What is title, what is treasure,
What is reputation's care?
If we lead a life of pleasure,
'Tis no matter how or where!

A fig for, &c.

With the ready trick and fable,
Round we wander all the day;
And at night in barn or stable,
Hug our doxies on the hay.

A fig for, &c.

Does the train-attended carriage
Thro' the country lighter rove?
Does the sober bed of marriage
Witness brighter scenes of love?

A fig for, &c.

Life is all a variorum,
We regard not how it goes;
Let them cant about decorum,
Who have character to lose.

A fig for, &c.

Here's to budgets, bags and wallets!
Here's to all the wandering train.
Here's our ragged brats and callets,
One and all cry out, Amen!

Chorus

A fig for those by law protected!
Liberty's a glorious feast!
Courts for cowards were erected,
Churches built to please the priest.

[The Sailor's Song]

Tho' women's minds, like winter winds,
May shift, an' turn, and a' that,
The noblest breast adores them maist –
A consequence I draw that.

Хор

Дрянъ, кому законы впору!
Вольность – лучший из пиров!
Трусам суд даёт опору,
Церкви строят для попов.

Титул, деньги – не уймётся
Славы ищущий дурак!
Нам же радость достаётся,
Где бы ни жили и как!

Дрянъ, кому и пр.

Врём, дурим, всегда в ударе,
Целый день нам ног не жаль,
Ночью – будь в хлеву, в амбаре –
На сенце милуем краль.

Дрянъ, кому и пр.

Вам с лакеем на запятках
Легче ль хоть куда попасть?
На супружеских кроватках
Есть ли истинная страсть?

Дрянъ, кому и пр.

Жизнь – толстенный варио́рум³⁴,
Как течёт она, плевать;
Соблюдает пусть декорум,
Кто нагрёб, чего терять!

Дрянъ, кому и пр.

За суму поднимем чаши,
За бродяг, поди да сгинь,
За рваньё, отрепье наше,
Ну-ка, разом все: аминь!

Хор

Дрянъ, кому законы впору!
Вольность – лучший из пиров!
Трусам суд даёт опору,
Церкви строят для попов.

[Матросская песня]³⁵

Ум бабам дан – что ураган:
Крутить, взвиваться будет;
Коль духом благ, без них никак...
С меня, пожалуй, будет.

Chorus

For a' that, and a' that,
An' twice as meikle's that;
The bonnie lass that I lo'e best,
She'll be my ain for a' that!

Great love I bear to a' the fair,
Their humble slave and a' that,
But lordly will, I hold it still
A mortal sin to thraw that.

But there is ane aboon the lave
Has wit, an' sense, and a' that;
A bonnie lass, I like her best,
An' wha a crime dare ca' that?

In rapture sweet this hour we meet
Wi' mutual love, and a' that;
But for how lang the flee may stang, –
Let inclination law that.

Their tricks an' craft hae put me daft;
They've ta'en me in, and a' that;
But clear your decks, an' *Here's the sex!*
I like the jads for a' that!

[The Caird's Second Song]

O merry hae I been tetthin' a heckle,
An' merry hae I been shaplin' a spoon;
O merry hae I been cloutin' a kettle,
An' kissin' my Katie when a' was done.
O a' the lang day I ca' at my hammer,
An' a' the lang day I whistle and sing,
A' the lang night! cuddle my kimmer,
An' the lang night am as happy's a King.

Bitter in dool I lickit my winnins,
O' marrying Bess, to gie her a slave:
Bless'd be the hour she cool'd in her linens,
And blithe be the bird that sings on her grave.
Come to my arms, my Katie, my Katie,
O come to my arms, an' kiss me again!
Drucken or sober, here's to thee, Katie!
And bless'd be the day I did it again.

Хор

Что будет, то будет,
И вдвое прибудет;
Краса очей, что всех милей,
Моёю точно будет!

Прилип к своей – раба у ней
Смирненное не будет,
Но милой спесь, отмечу здесь,
Мешать изрядно будет.

Но есть одна, средь всех видна:
Умней, сердечней будет;
Краса очей, мне всех милей,
Назвать – грехом не будет?

Восторгом нас дарит сей час,
Любовь взаимной будет,
А долгой сколь – тут не изволь
Гадать: уж будь как будет.

Окрутят так, что я дурак,
И мало мне не будет,
Но раз пришёл, так вот он – «пол» !
Страсть к девкам вечной будет.

[Вторая песня медника]

Был рад, прорезая зубцы гребешка,
Рад, ложку долбя долотом;
Был рад, пролудивши бока котелка,
Рад, Кэти целуя потом.
Целый день я на кузне колдую,
Целый день я фью-фью да ля-ля,
А всю ночь обнимаю родную –
Ты счастливей сыщи короля!

Было дело, судьба подкузьмила:
Был у жёнки, у Бесси, в рабах;
В добрый час её скрыла могила,
Пташке спеть бы, где лёг её прах!
Подойди, обниму свою Кэти!
Обниму, поцелую опять!
Пьян ли, нет, пью за здоровье Кэти!
День блажен, когда выпью опять.

Halloween

The following poem will, by many readers, be well enough understood; but for the sake of those who are unacquainted with the manners and traditions of the country where the scene is cast, notes are added to give some account of the principal charms and spells of that night, so big with prophecy to the peasantry in the west of Scotland. The passion of prying into futurity makes a striking part of the history of human nature in its rude state, in all ages and nations; and it may be some entertainment to a philosophic mind, if any such honour the author with a perusal, to see the remains of it among the more unenlightened in our own. – *R.B.*

Yes! let the rich deride, the proud disdain,
The simple pleasure of the lowly train;
To me more dear, congenial to my heart,
One native charm, than all the gloss of art.
Goldsmith

Upon that night, when fairies light
On Cassilis Downans dance,
Or owre the lays, in splendid blaze,
On sprightly coursers prance;
Or for Colean the rout is ta'en,
Beneath the moon's pale beams;
There, up the Cove, to stray an' rove,
Amang the rocks and streams
To sport that night;

Amang the bonie winding banks,
Where Doon rins, wimplin, clear;
Where Bruce ance rul'd the martial ranks,
An' shook his Carrick spear;
Some merry, friendly, countra-folks
Together did convene,
To burn their nits, an' pou their stocks,
An' haud their Halloween
Fu' blythe that night.

The lasses feat, an' cleanly neat,
Mair braw than when they're fine;
Their faces blythe, fu' sweetly kythe,
Hearts leal, an' warm, an' kin':
The lads sae trig, wi' wooer-babs
Weel-knotted on their garten;
Some unco blate, an' some wi' gabs
Gar lasses' hearts gang startin
Whiles fast at night.

Then, first an' foremost, thro' the kail,
Their stocks maun a' be sought ance;
They steek their een, and grape an' wale
For muckle anes, an' straught anes.
Poor hav'rel Will fell aff the drift,
An' wandered thro' the bow-kail,

Хэллоуин³⁶

Эту поэму большинство читателей поймёт достаточно хорошо, но для незнакомых с обрядами и обычаями краёв, где происходит действие, добавлены заметки об основах ворожбы и гаданий в эту ночь, чьи пророчества столь важны для крестьян на западе Шотландии. Страсть совать нос в грядущее составляет поразительную часть истории неразвитой людской природы во все времена и для всех народов, и философский ум, если таковой удостоит автора прочтением, позабавят остатки суеверия у наших наименее просвещённых земляков. *Р.Б.*

Пусть высмеет богач, гордец презрит
Простую радость, что толпа таит;
Но мне милей, и ближе сердцу нет,
Родные чары, не искусства бред.

Голдсмит³⁷

Ночь всё полней огнями фей:
На Кэссилз-Донэнз³⁸ пляс,
Иль, выше трав блеск дивный дав,
Несутся вскачь сейчас,
Не то в Колин спешит их клин
Под бледною луной –
А в Грот³⁹ отнюдь не краток путь
Меж камнем и волной
В такую ночь;

В извивах чудных берегов,
Где Дуна рябь чиста,
Где прежде Брюс⁴⁰, гроза врагов,
Копьём тряс неспроста,
Селян, друзей весёлых, рать
Сыскала тьму причин
Калить орехи, хряпки драть⁴¹:
На то и Хэллоуин,
Шальная ночь!

У девок сплошь хорош, пригож
Наряд без мишуры;
Рой лиц живых, а души их
Верны, теплы, добры;
На лентах парни ну вязать
Узлы⁴² – нам не постичь их;
Кто не дурак, горазд болтать,
И стук сердец девичьих
Торопит ночь.

Промеж капустных гряд бредут
Сперва, не руша ряда⁴³;
Зажмурясь, тащат, что найдут –
Крупней, ровней бы надо.
Придурок Вилл отбился чуть,
Бродя, схватил в охапку,

An' pou't for want o' better shift
A runt was like a sow-tail
Sae bow't that night.

Then, straught or crooked, yird or nane,
They roar an' cry a' throu'ther;
The vera wee-things, toddlin, rin,
Wi' stocks out owre their shouther:
An' gif the custock's sweet or sour,
Wi' joctelegs they taste them;
Synne coziely, aboon the door,
Wi' cannie care, they've plac'd them
To lie that night.

The lassies staw frae 'mang them a',
To pou their stalks o' corn;
But Rab slips out, an' jinks about,
Behint the muckle thorn:
He grippit Nelly hard and fast:
Loud skirl'd a' the lasses;
But her tap-pickle maist was lost,
Whan kiutlin in the fause-house
Wi' him that night.

The auld guid-wife's weel-hoordit nits
Are round an' round dividend,
An' mony lads an' lasses' fates
Are there that night decided:
Some kindle couthie side by side,
And burn thegither trimly;
Some start awa wi' saucy pride,
An' jump out owre the chimlie
Fu' high that night.

Jean slips in twa, wi' tentie e'e;
Wha 'twas, she wadna tell;
But this is Jock, an' this is me,
She says in to hersel':
He bleez'd owre her, an' she owre him,
As they wad never mair part:
Till fuff ! he started up the lum,
An' Jean had e'en a sair heart
To see't that night.

Poor Willie, wi' his bow-kail runt,
Was brunt wi' primsie Mallie;
An' Mary, nae doubt, took the drunt,
To be compar'd to Willie:
Mall's nit lap out, wi' pridefu' fling,
An' her ain fit, it brunt it;
While Willie lap, and swore by jing,

Надеясь выбрать лучший путь,
С хвост поросячий хряпку:
 Всё знает ночь.

Пряма, крива, в земле, нет
Будь хряпка – смех до рёва;
Топочет мелюзга без бед,
Припас тащить готова,
Изведав кочерыжки вкус
(Тут нож карманный в дело),
Туда, где по-над дверью брус,
Кладут её умело
 В такую ночь.

Девыцы шасть – им надо, страсть,
За колоски тянуть⁴⁴,
Но Робин, плут, уж тут как тут,
Укрыт бояркой чуть;
Схватил он Нелли – не удрать,
Подружкам всласть визжалось;
Но зёрнышко-венец терять
Ей под скирдой досталось⁴⁵
 С ним в эту ночь.

Орехи, бабушкин запас⁴⁶,
Вмиг разошлись по кругу,
И уйма молодых сейчас
Найдут дружка, подругу;
Бочком к бочку – такие есть,
Калятся, знай, на пару,
А есть – начнут, являя спесь,
Выскакивать из жару
 Повыше в ночь.

Джин с двух таких не сводит глаз,
В рассказе не вольна;
«Вот Джок, а рядом я как раз», –
Твердит себе она;
Он светит ей, она ему,
Расстанутся едва ли,
Вдруг – пафф! Джок из огня во тьму,
И сердце Джин в печали
 Оставит ночь.

А Вилл, хлебнувши с хряпкой бед,
Пылал с горячкой Мейли,
Сердя её, сомнений нет:
Быть рядом с Вилли ей ли?
Спесиво скок орешек Мэлл,
Обжёт девице ножку,
И Вилл облапил, как сумел –

'Twas just the way he wanted
To be that night.

Nell had the fause-house in her min',
She pits hersel an' Rob in;
In loving bleeze they sweetly join,
Till white in ase they're sobbin:
Nell's heart was dancin at the view;
She whisper'd Rob to leuk for't:
Rob, stownlins, prie'd her bonie mou',
Fu' cozie in the neuk for't,
Unseen that night.

But Merran sat behint their backs,
Her thoughts on Andrew Bell:
She lea'es them gashin at their cracks,
An' slips out-by hersel';
She thro' the yard the nearest taks,
An' for the kiln she goes then,
An' darklins grapit for the bauks,
And in the blue-clue throws then,
Right fear't that night.

An' ay she win't, an' ay she swat –
I wat she made nae jaukin;
Till something held within the pat,
Good Lord! but she was quaukin!
But whether 'twas the deil himsel,
Or whether 'twas a bauk-en',
Or whether it was Andrew Bell,
She did na wait on talking
To spier that night.

Wee Jenny to her graunie says,
"Will ye go wi' me, graunie?
I'll eat the apple at the glass,
I gat frae uncle Johnie:"
She fuff't her pipe wi' sic a lunt,
In wrath she was sae vap'rin,
She notic't na an aizle brunt
Her braw, new, worset apron
Out thro' that night.

"Ye little skelpie-limmer's face!
I daur you try sic sportin,
As seek the foul thief ony place
For him to spae your fortune:
Nae doubt but ye may get a sight!
Great cause ye hae to fear it;
For mony a ane has gotten a fright,
An' liv'd an' died deleerit,
On sic a night.

Ей-богу, хоть немножко,
Да в помощь ночь.

Из мыслей Нелл нейдёт скирда,
Где с Робом миловались;
Огонь любви пылал – беда,
Лишь угольки остались;
Знай прыг да скок сердечко Нелл,
Та шепчет «глянь-ка» Робу,
А тот целует знай, пострел,
В углу свою зазнобу:
Темна ведь ночь.

У Мэрран – за спиной у них –
В мечтах лишь Эндрю Белл:
Не ждёт, чтоб щебет их затих,
Ушла для важных дел;
Путь напрямиком через гумно
Ведёт к печи сушильной;
Дошла, во тьму (жердей полно)
Клубок метнула сильно⁴⁷:
Страшна ведь ночь.

Пока тянула, пот прошиб:
Тут не до шуток было;
Вдруг зацепил какой изгиб,
Бог мой! Нутро застыло!
Сам чёрт дать нитку не хотел,
Иль жердь творила это,
А, может быть, и Эндрю Белл –
Не дождалась ответа,
Сбежала в ночь.

Джен – бабке: «К зеркалу пойдём,
Грызть яблоко я стану⁴⁸;
Подарок дядин обо всём
Расскажет без обману».
Из трубки бабка – дым столбом,
Гневят старуху бредни;
Прожгло, зараза, угольком
Ей шерстяной передник
Прям в эту ночь:

«Ах ты распутное мурло!⁴⁹
Давай, затей забаву,
Жди, чтоб мерзавца принесло,
Предскажет тот на славу;
Сомнений нет, увидишь знак!
И страху в том немало:
Немало дур пугалось так,
Что разум выдувало
В такую ночь.

"Ae hairst afore the Sherra-moor,
I mind't as weel's yestreen –
I was a gilpey then, I'm sure
I was na past fyfteen:
The simmer had been cauld an' wat,
An' stuff was unco green;
An' eye a rantin kirk we gat,
An' just on Halloween
 It fell that night.

"Our stibble-rig was Rab M'Graen,
A clever, sturdy fallow;
His sin gat Eppie Sim wi' wean,
That lived in Achmacalla:
He gat hemp-seed, I mind it weel,
An' he made unco light o't;
But mony a day was by himsel',
He was sae sairly frightened
 That vera night."

Then up gat fechtin Jamie Fleck,
An' he swoor by his conscience,
That he could saw hemp-seed a peck;
For it was a' but nonsense:
The auld guidman raught down the pock,
An' out a handfu' gied him;
Syne bad him slip frae 'mang the folk,
Sometime when nae ane see'd him,
 An' try't that night.

He marches thro' amang the stacks,
Tho' he was something sturtin;
The graip he for a harrow taks,
An' haurls at his curpin:
And ev'ry now an' then, he says,
"Hemp-seed I saw thee,
An' her that is to be my lass
Come after me, an' draw thee
 As fast this night."

He wistl'd up Lord Lennox' March
To keep his courage cherry;
Altho' his hair began to arch,
He was sae fley'd an' eerie:
Till presently he hears a squeak,
An' then a grane an' gruntle;
He by his shouther gae a keek,
An' tumbled wi' a wintle
 Out-owre that night.

He roar'd a horrid murder-shout,
In dreadfu' desperation!
An' young an' auld come rinnin out,

Пред Шерраму́ром⁵⁰ урожай –
Не позабыть его:
Была девчушка я, считай,
Пятнадцать лет всего;
Холодный был и мокрый год,
Всё ждал хлебов овин,
Мы завершили умолот
Как раз на Хэллоуин,
В такую ночь.

Жнецов возглавил Рэб Макгрин,
Толковый крепкий малый:
У Эппи Сим родился сын –
Той, что из Ахмака́ллы;
Набрал, как помню, конопли,
Не прекращая шуток,
Но скверно дни его текли:
Испуг достался жуток
Как раз в ту ночь».

Возник задира Джеми Флэк
И совестью поклялся,
Что сеял мерами; вовек,
Мол, проку не дождался;
Тут старикан ему даёт
Горсть конопли для дела:
«Давай, когда толпа сойдёт,
Сей, чтоб не углядела⁵¹,
Используй ночь».

Флэк прёт меж скирд, являя пыл,
Хоть дрейфит подходяще,
И борозды навозных вил
За задницей он тащит,
Да всё талдычит как чумной:
«Раз коноплю я сею,
То девку ту идти за мной,
Что стать должна моею,
Торопит ночь».

Он марш «Лорд Леннокс» знай свистал –
Затем, чтобы взбодрило,
Хоть каждый волос дыбом встал,
И страхом аж скрутило;
Вдруг визг раздался, в аккурат,
Стон, хрюканье потом;
Тут за плечо он бросил взгляд –
И наземь кувырком,
Да прямо в ночь.

Бедняга «караул» орёт,
Испуга пуще нету!
Тут стар и мал напёр народ

An' hear the sad narration:
He swoor 'twas hilchin Jean M'Craw,
Or crouchie Merran Humphie –
Till stop! she trotted thro' them a';
And wha was it but grumphie
 Asteer that night!

Meg fain wad to the barn gaen,
To winn three wechts o' naething;
But for to meet the deil her lane,
She pat but little faith in:
She gies the herd a pickle nits,
An' twa red cheekit apples,
To watch, while for the barn she sets,
In hopes to see Tam Kipples
 That vera night.

She turns the key wi' cannie thraw,
An'owre the threshold ventures;
But first on Sawnie gies a ca',
Syne bauldly in she enters:
A ratton rattl'd up the wa',
An' she cry'd Lord preserve her!
An' ran thro' midden-hole an' a',
An' pray'd wi' zeal and fervour,
 Fu' fast that night.

They hoy't out Will, wi' sair advice;
They hecht him some fine braw ane;
It chanc'd the stack he faddom't thrice
Was timmer-propt for thrawin:
He taks a swirlie auld moss-oak
For some black, grousome carlin;
An' loot a winze, an' drew a stroke,
Till skin in blypes cam haurlin
 Aff's nieves that night.

A wanton widow Leezie was,
As cantie as a kittlen;
But och! that night, amang the shaws
She gat a fearfu' settlin!
She thro' the whins, an' by the cairn,
An' owre the hill gaed scribevin;
Whare three lairds' lan's met at a burn,
To dip her left sark-sleeve in,
 Was bent that night.

Whiles owre a linn the burnie plays,
As thro' the glen it wimpl't;
Whiles round a rocky scar it strays,
Whiles in a wiel it dimpl't;
Whiles glitter'd to the nightly rays,

Тоску послушать эту:
Хромая, клялся, Джин Макзоб
Иль Мэрран-Горбовуха...
Ба! Мимо них, да гоп-гоп-гоп,
Спешит всего-то рюха
Протряхать в ночь!

Рискнуть просеять рада Мэг
Три сита ничего⁵²;
В амбар, мнит, без беды набег:
Чертям не до того;
Снесла орешков пастушку,
Да яблок покрасней –
Быть у амбара начеку:
Тэм Кипплз придёт вдруг к ней
В такую ночь?

Открыла запросто замок,
Через порог – рисково;
Окликнут Сони-пастушок:
Отважна, право слово;
Взметнулась крыса по стене –
«О Боже!» завопила,
Да по навозу, по стерне...
И тьму молитв творила
Всю эту ночь.

Втемяшили в ум Виллу, чтоб
Искал красу: найдёт он!
Но трижды им объятый сноп⁵³
Был на лесину смётан;
Сошёл корявый мшистый дуб
За старый ведьмин бок;
Лупил, проклятья сыпя с губ,
Костяшек не сберёт
Он в эту ночь.

Бойчее нет, чем Лизи, вдов,
Резва она, как киска,
Но, ох, в ту ночь промеж кустов
Подлезла к страху близко!
Шла дроком и среди камней,
Холм без натуги взяв,
Чтоб там, где три межи ручей
Свёл, намочить рукав⁵⁴
В такую ночь.

Играл на скатах ручеёк,
В лощинке рябь пускал;
Струился вокруг камней поток,
Плодить волчки удал;
Сверкал в ночных лучах средь тьмы,

Wi' bickerin', dancin' dazzle;
Whiles cookit undeneath the braes,
Below the spreading hazel
Unseen that night.

Amang the brachens, on the brae,
Between her an' the moon,
The deil, or else an outler quey,
Gat up an' ga'e a croon:
Poor Leezie's heart maist lap the hool;
Near lav'rock-height she jumpit,
But mist a fit, an' in the pool
Out-owre the lugs she plumpit,
Wi' a plunge that night.

In order, on the clean hearth-stane,
The luggies three are ranged;
An' ev'ry time great care is ta'en
To see them duly changed:
Auld uncle John, wha wedlock's joys
Sin' Mar's-year did desire,
Because he gat the toom dish thrice,
He heav'd them on the fire
In wrath that night.

Wi' merry sangs, an' friendly cracks,
I wat they did na weary;
And unco tales, an' funnie jokes –
Their sports were cheap an' cheery:
Till butter'd sowens, wi' fragrant lunt,
Set a' their gabs a-steerin;
Syne, wi' a social glass o' strunt,
They parted aff careerin
Fu' blythe that night.

The Cotter's Saturday Night

Inscribed to R. Aiken, Esq., of Ayr.

Let not Ambition mock their useful toil,
Their homely joys, and destiny obscure;
Nor Grandeur hear, with a disdainful smile,
The short and simple annals of the Poor.

Gray

My lov'd, my honour'd, much respected friend!
No mercenary bard his homage pays;
With honest pride, I scorn each selfish end,
My dearest meed, a friend's esteem and praise:
To you I sing, in simple Scottish lays,
The lowly train in life's sequester'd scene,
The native feelings strong, the guileless ways,

Плясал, слепя огнём,
Нырлял, сбегая под холмы
В орешнике густом,
Скрываясь в ночь.

Там, где орляк⁵⁵ на склон налёг,
Меж Лизи и луной
Чёрт – иль потерянный телок –
Вдруг замычи-завой;
Бедняжкин вон из тела дух,
Та жаворонком ввысь,
Но вмиг с испугу в омут плюх –
Чего ни приключись
В такую ночь!

Три деревянных плошки в ряд⁵⁶,
Где выметен очаг,
И раз за разом – строг пригляд –
Их ставят так и так;
И дядя Джон, что с давних пор
Мечтает о жене,
В пустую трижды лапы впёр –
Гореть всем трём в огне:
Зараза-ночь!

От песен и от болтовни,
Мню, вовсе не устали;
Горазды врать, шутить они –
Живей найдёшь едва ли;
Жир соуэнза⁵⁷ дух дивный слал,
Беседу направляя,
Пока по кругу хмель гулял,
К разлуке приближая
Болтуху-ночь.

Субботний вечер селянина

Посвящается Р. Эйкену⁵⁸, эсквайру, в Эйре

Спесь да не осмеёт их честный труд,
Неясный жребий и весёлый кров;
Не слушать богачу с презреньем тут
Простых и кратких сказок бедняков.

Грей⁵⁹

Любимый, славный и почтенный друг!
Корысть для барда – из числа сует,
Мне эгоизм лелеять недосуг:
Оценит друг – вознаграждён поэт;
Прими напев шотландский, проще нет,
Простой набор текущего в глуши,
Чувств сильных, что питает домосед,

What Aiken in a cottage would have been;
Ah! tho' his worth unknown, far happier there I ween!

November chill blows loud wi' angry sugh;
The short'ning winter-day is near a close;
The miry beasts retreating frae the pleugh;
The black'ning trains o' craws to their repose:
The toil-worn Cotter frae his labour goes, –
This night his weekly moil is at an end,
Collects his spades, his mattocks, and his hoes,
Hoping the morn in ease and rest to spend,
And weary, o'er the moor, his course does hameward bend.

At length his lonely cot appears in view,
Beneath the shelter of an aged tree;
Th' expectant wee-things, toddlin, stacher through
To meet their dead, wi' flichterin noise and glee.
His wee bit ingle, blinkin bonilie,
His clean hearth-stane, his thrifty wifie's smile,
The lisping infant, prattling on his knee,
Does a' his weary kiaugh and care beguile,
And makes him quite forget his labour and his toil.

Belyve, the elder bairns come drapping in,
At service out, amang the farmers roun';
Some ca' the pleugh, some herd, some tentie rin
A cannie errand to a neibor town:
Their eldest hope, their Jenny, woman-grown,
In youthfu' bloom-love sparkling in her e'e –
Comes hame, perhaps to shew a braw new gown,
Or deposite her sair-won penny-fee,
To help her parents dear, if they in hardship be.

With joy unfeign'd, brothers and sisters meet,
And each for other's weelfare kindly speirs:
The social hours, swift-wing'd, unnotic'd fleet:
Each tells the uncoss that he sees or hears.
The parents, partial, eye their hopeful years;
Anticipation forward points the view;
The mother, wi' her needle and her shears,
Gars auld claes look amaist as weel's the new;
The father mixes a' wi' admonition due.

Their master's and their mistress' command,
The youngers a' are warned to obey;
And mind their labours wi' an eydent hand,
And ne'er, tho' out o' sight, to jauk or play;
"And O! be sure to fear the Lord alway,
And mind your duty, duly, morn and night;
Lest in temptation's path ye gang astray,
Implore His counsel and assisting might:
They never sought in vain that sought the Lord aright."

Которым Эйкен внял бы от души;
Ах! Край забыт, но там мгновенья хороши!

Ноябрьский хлад летит и зло ревёт,
Кончает краткий зимний день житьё,
От плуга волен подъярёмный скот,
К гнездовьям потянулось вороньё;
Устал селянин, отпахав своё:
Уж вечер, и к концу недельный труд,
Собрал лопаты, тяпки – всё хламьё,
Надеясь, что покой и отдых ждут,
И вереском бредёт в домашний свой уют.

Вот виден и уединённый дом
Под деревом, стоящим тут века,
И малышня спешит, пускай с трудом,
К отцу навстречу, шумна и бойка.
Мелькают славно блики комелька,
Под чист, жена ему улыбку шлёт,
С колена – лепет, шепеляв слегка;
Усталость и волненья – всё не в счёт,
Забыты напрочь труд и тяжкий груз забот.

А вскоре встретит кров и старших чад,
Что завершили сельский круг забот:
От плуга, стад пришли; иных же взгляд
Соседний городок весьма влечёт;
Семьи надежду, Дженни, не узнать –
Искрится взор глаз юных и живых –
Пришла обновку, платье, показать
Иль заработков часть отдать своих,
Родителям помочь, случись нужда у них.

Веселье греет братьев и сестёр,
Всяк рад спросить, как у других дела;
Часов общенья лёт нежданно скор,
Где новостям и слухам несть числа;
Родители надежды чают знать,
Предвидя, как чьё сложится житьё;
Иглы и ножниц не бросает мать,
Из ветхого творя чуть не новьё,
Отец же в разговор словцо несёт своё.

Отец и мать наставят их, как жить,
А молодёжи слушаться с руки:
В трудах о прилежанье не забыть;
Глядят ли, нет – забыть про пустяки;
Извечно не терять пред Богом страх,
И помнить долг с утра и дотемна;
Не заплутать в соблазнах и грехах,
Просить совет Его, чья длань сильна:
Не зря искать, когда душа Ему верна.

But hark! a rap comes gently to the door;
Jenny, wha kens the meaning o' the same,
Tells how a neibor lad came o'er the moor,
To do some errands, and convoy her hame.
The wily mother sees the conscious flame
Sparkle in Jenny's e'e, and flush her cheek;
With heart-struck anxious care, enquires his name,
While Jenny hafflins is afraid to speak;
Weel-pleased the mother hears, it's nae wild, worthless rake.

Wi' kindly welcome, Jenny brings him ben;
A strappin youth, he takes the mother's eye;
Blythe Jenny sees the visit's no ill ta'en;
The father cracks of horses, pleughs, and kye.
The youngster's artless heart o'erflows wi' joy,
But blate an' laithfu', scarce can weel behave;
The mother, wi' a woman's wiles, can spy
What makes the youth sae bashfu' and sae grave,
Weel-pleas'd to think her bairn's respected like the lave.

O happy love! where love like this is found:
O heart-felt raptures! bliss beyond compare!
I've paced much this weary, mortal round,
And sage experience bids me this declare, –
"If Heaven a draught of heavenly pleasure spare –
One cordial in this melancholy vale,
'Tis when a youthful, loving, modest pair
In other's arms, breathe out the tender tale,
Beneath the milk-white thorn that scents the evening gale."

Is there, in human form, that bears a heart,
A wretch! a villain! lost to love and truth!
That can, with studied, sly, ensnaring art,
Betray sweet Jenny's unsuspecting youth?
Curse on his perjur'd arts! dissembling smooth!
Are honour, virtue, conscience, all exil'd?
Is there no pity, no relenting ruth,
Points to the parents fondling o'er their child?
Then paints the ruin'd maid, and their distraction wild?

But now the supper crowns their simple board,
The halesome parritch, chief of Scotia's food;
The sowp their only hawkie does afford,
That, 'yont the hallan snugly chows her cood:
The dame brings forth, in complimentary mood,
To grace the lad, her weel-hain'd kebbuck, fell;
And aft he's prest, and aft he ca's it guid:
The frugal wifie, garrulous, will tell
How t'was a towmond auld, sin' lint was i' the bell.

Но чу! Раздался в дверь несмелый стук,
И Дженни знает, кто бы это был:
Соседский парень шёл к ним через луг
По делу – и её сопровождал.
Лукаво огонёк поймала мать,
Что в глазках вспыхнул, и румянец щёк;
Спросила, сердца стук уняв, как звать,
У Дженни (оробела та чуток);
Не дрянь, не шалопай – приятно услышать.

Приветив гостя, Дженни вводит в дом;
«Парнишка крепкий», – примечает мать,
А Дженни рада: всё пока путём,
Отец стал скот и пашню обсуждать.
Ликует парня чистая душа,
Но – скромненький, робок – сильно он стеснён;
Мать, на свою сноровку не греша,
Смекает, отчего застенчив он;
Ей по сердцу, что в дочь влюблён не ветрогон.

Счастливей любовь найдёшь навряд:
Восторг сердечный не с чем и сравнить!
Путь пройденный мою умерил прыть;
Премудрым став, обязан заявить:
Коль даст намёк на благодать Творец –
Миг счастья в меланхолии долин –
То лишь для пары любящих сердец,
В объятьях, словно взятых из былин,
Когда боярки снег несёт зефир один.

Отыщется ли в облике людском
Вне правды и любви мерзавец, тать,
Чтобы в подлом многознании своём
И вероломстве Дженни смог предать?
Изменник потаённый, проклят будь!
Честь, добродетель, совесть – звук пустой?
Неужто нету жалости ничуть
Над любящей родительской четой,
Коль в поруганье дочь, и разум прочь, хоть вой?

Но вот венчает ужин скромный стол:
Овсянка как глава шотландских блюд,
Суп, что молочный цвет и вкус обрёл
(Коровку держат за стеною тут);
Хозяюшка – учтивость в ней сама –
Потрафить гостю сыром норовит;
Отведав, парень хвалит, и весьма;
Тут скромница-болтушка тарахтит,
Что сыр зрел ровно год: лён, вон, опять стоит.

The cheerfu' supper done, wi' serious face,
They, round the ingle, form a circle wide;
The sire turns o'er, with patriarchal grace,
The big ha'bible, ance his father's pride:
His bonnet rev'rently is laid aside,
His lyart haffets wearing thin and bare;
Those strains that once did sweet in Zion glide,
He wales a portion with judicious care;
And "Let us worship God!" he says with solemn air.

They chant their artless notes in simple guise,
They tune their hearts, by far the noblest aim;
Perhaps Dundee's wild-warbling measures rise;
Or plaintive Martyrs, worthy of the name;
Or noble Elgin beats the heaven-ward flame;
The sweetest far of Scotia's holy lays:
Compar'd with these, Italian trills are tame;
The tickl'd ears no heart-felt raptures raise;
Nae unison hae they with our Creator's praise.

The priest-like father reads the sacred page,
How Abram was the friend of God on high;
Or Moses bade eternal warfare wage
With Amalek's ungracious progeny;
Or how the royal bard did groaning lie
Beneath the stroke of Heaven's avenging ire;
Or Job's pathetic plaint, and wailing cry;
Or rapt Isaiah's wild, seraphic fire;
Or other holy seers that tune the sacred lyre.

Perhaps the Christian volume is the theme,
How guiltless blood for guilty man was shed;
How He, who bore in Heaven the second name,
Had not on earth whereon to lay His head:
How His first followers and servants sped;
The precepts sage they wrote to many a land:
How he, who lone in Patmos banished,
Saw in the sun a mighty angel stand,
And heard great Bab'lon's doom pronounc'd by Heaven's command.

Then, kneeling down to Heaven's Eternal King,
The saint, the father, and the husband prays:
Hope "springs exulting on triumphant wing,"
That thus they all shall meet in future days,
There, ever bask in uncreated rays,
No more to sigh, or shed the bitter tear,
Together hymning their Creator's praise,
In such society, yet still more dear;
While circling Time moves round in an eternal sphere.

Был ужин весел; посерьёзней люд,
Сев вокруг огня подобием кольца;
Отец – он в роли патриарха тут –
Взял Библию, наследие отца;
Пред тем благочестиво снял берет,
Под сединой кудрей не скрыв висок;
То, что любил Сион за толщей лет,
Разумно для прочтенья приберёт,
И «Славен будь Господь!» торжественно изрёк.

Прост выбор нот простых людей среди,
Но душ напевы – нет славней – летят;
Слал, может, трели дикие «Данди»,
Иль «Мартирз» лили скорбь, названью в лад,
Иль «Элгин»⁶⁰ к небу был огнём подъят;
Не знает песен, краше наших, свет,
Мотив же итальянский пресноват:
Ласкает слух – восторга напрочь нет;
Коль славим мы Творца, то вторить нам не след.

Прочтёт отец, как пастырь, текст святой
О том, какой наказ Авраму дан⁶¹,
Как Моисей извечно шёл войной
На богомерзких амаликитян⁶²,
Как пал певец, чей был наряд багрян,
На коего обрушен Божий гром,
Как Иов слал стоны от душевных ран,
Пылал Исая⁶³ ангельским огнём,
Иль о вознесшем гимн пророке хоть каком.

Возможно, он коснётся христиан,
За чью вину безвинно кровь текла;
Как для того, кто Сыном Божиим зван,
Юдоль земная крова не дала;
Как рать Его сторонников брела,
Заветы донося в любой предел;
Как пátмосская ссылка⁶⁴ помогла
От ангела узнать – тот ниц слетел –
Что рухнет Вавилон, как Боже повелел.

И тут с колен пред Тем, Кто осиян,
Святой, отец и муж вознёс мольбу,
Мня, что «взлетит, восторгом обуян»⁶⁵,
И прочих тем предвосхитит судьбу:
Тепло лучей накроет всю гурьбу,
Утихнут вздохи, не достанет слёз
Молящемуся Божьему рабу
Средь тех, к кому любовь в душе пронёс,
Покуда Век летит вокруг мировых колёс.

Compar'd with this, how poor Religion's pride,
In all the pomp of method, and of art;
When men display to congregations wide
Devotion's ev'ry grace, except the heart!
The Power, incens'd, the pageant will desert,
The pompous strain, the sacerdotal stole;
But haply, in some cottage far apart,
May hear, well-pleas'd, the language of the soul;
And in His Book of Life the inmates poor enroll.

Then homeward all take off their sev'ral way;
The youngling cottagers retire to rest:
The parent-pair their secret homage pay,
And proffer up to Heaven the warm request,
That he who stills the raven's clam'rous nest,
And decks the lily fair in flow'ry pride,
Would, in the way His wisdom sees the best,
For them and for their little ones provide;
But chiefly, in their hearts with grace divine preside.

From scenes like these, old Scotia's grandeur springs,
That makes her lov'd at home, rever'd abroad:
Princes and lords are but the breath of kings,
"An honest man's the noblest work of God;"
And certes, in fair virtue's heavenly road,
The cottage leaves the palace far behind;
What is a lordling's pomp? a cumbrous load,
Disguising oft the wretch of human kind,
Studied in arts of hell, in wickedness refin'd!

O Scotia! my dear, my native soil!
For whom my warmest wish to Heaven is sent,
Long may thy hardy sons of rustic toil
Be blest with health, and peace, and sweet content!
And O! may Heaven their simple lives prevent
From luxury's contagion, weak and vile!
Then howe'er crowns and coronets be rent,
A virtuous populace may rise the while,
And stand a wall of fire around their much-lov'd isle.

O Thou! who pour'd the patriotic tide,
That stream'd thro' Wallace's undaunted heart,
Who dar'd to nobly stem tyrannic pride,
Or nobly die, the second glorious part:
(The patriot's God peculiarly thou art,
His friend, inspirer, guardian, and reward!)
O never, never Scotia's realm desert;
But still the patriot, and the patriot-bard
In bright succession raise, her ornament and guard!

Религии пуста в сравнение спесь,
Сколь ни искусна в средствах, ни пышна:
Когда спешат на мир прославить весь
Благопристойность – не в душе она!
Власть воскуренья опустошена,
Надутость гимна, важность ораря,
Но в хижину, что так удалена,
Зов сердца входит, благо всем даря,
И в книгу жизни⁶⁶ Бог занёс жильцов не зря.

Но вот всех вечер по домам позвал,
На отдых заспешила молодёжь,
У старших же – секретный ритуал,
Молитва их к Творцу согрета сплошь:
Тот, кто умерит и ворон галдёж,
И лилии даст гордо расцветать,
Такой путь сыщёт, лучше не найдёшь,
Им и детишкам всё, что надо, дать,
А, главное, в сердца волеёт им благодать.

В сих сценах блеск Шотландии моей:
Своим она мила, чужие чтут;
От принцев слышим, лордов, королей:
«Всех Божьих чад превыше честный люд»⁶⁷;
На праведном пути, глаза не врут,
Крестьянский дом дворцы опередил;
Что пышность юных лордов? Тяжкий труд,
Какой нередко просто дрянь укрыл,
Порочную насквозь, исчадьё адских сил!

Шотландия! Родной и милый край!
Горячих просьб к Творцу понятна суть:
Крестьянский род отважный берегай,
Даруй здоровье, мир, достатка чуть!
Укрыть простые жизни не забудь
От роскоши заразной и гнилой!
Пускай короны – в хлам, не обессудь,
Поднимется народ достойный твой,
Чтоб остров, нет милей, укрыть огня стеной.

О Ты, патриотический поток
Проливший в сердце Уоллеса⁶⁸ – того,
Кто смел восстать на деспота чертог
Иль смерть принять отважно от него
(Бог патриота Ты, скорей всего,
Друг, часовой, награда и кураж!),
Храни пределы края моего!
Вслед патриоту барду встать не блажь:
В сияющем строю – краса земли и страж!

The Holy Fair

A robe of seeming truth and trust
Hid crafty Observation;
And secret hung, with poison'd crust,
The dirk of Defamation:
A mask that like the gorget show'd,
Dye-varying on the pigeon;
And for a mantle large and broad,
He wrapt him in Religion.

"Hypocrisy a la Mode"

Upon a simmer Sunday morn
When Nature's face is fair,
I walked forth to view the corn,
An' snuff the caller air.
The rising sun owre Galston muirs
Wi' glorious light was glintin;
The hares were hirplin down the furs,
The lav'rocks they were chantin
Fu' sweet that day.

As lightsomely I glowr'd abroad,
To see a scene sae gay,
Three hizzies, early at the road,
Cam skelpin up the way.
Twa had manteeles o' dolefu' black,
But ane wi' lyart lining;
The third, that gaed a wee a-back,
Was in the fashion shining
Fu' gay that day.

The twa appear'd like sisters twin,
In feature, form, an' claes;
Their visage wither'd, lang an' thin,
An' sour as only slaes:
The third cam up, hap-stap-an'-lowp,
As light as ony lambie,
An' wi'a curchie low did stoop,
As soon as e'er she saw me,
Fu' kind that day.

Wi' bonnet aff, quoth I, "Sweet lass,
I think ye seem to ken me;
I'm sure I've seen that bonie face
But yet I canna name ye."
Quo' she, an' laughin as she spak,
An' taks me by the han's,
"Ye, for my sake, hae gien the feck
Of a' the ten comman's
A screed some day."

Святая ярмарка⁶⁹

Наряд «едва ль не правды» смог
Скрыть хитрость Наблюденья,
Незрим отравленный клинок
Кинжала Поношенья;
Как шейки голубиной цвет
Мы различим насилиу,
Так мантия – обширней нет –
Религию укрыла.

«Фальшь a la Mode»⁷⁰

Воскресным летним утром – в путь;
Природа – глаз отрада,
Решил я на поля взглянуть,
Втянуть в себя прохладу.
Крыл вереск Галстона⁷¹ рассвет
Сияньем, нет чудесней,
Зайчишка скок – то есть, то нет,
Лил жаворонок песни
Весь чудный день.

Глазел куда ни захоти,
Вдруг сценка – вот те на:
Враз три молодки на пути,
Топочут, как одна.
Черны у двух мантильи – жуть
(Одна на сером, вроде),
Но третья, что отстала чуть,
Разряжена по моде
В весёлый день.

Наряд, сложенье, облик схож:
Близняшки две, бесспорно;
Иссохших пара длинных рож
Куда кислее тёрна;
А третья скачет, прыг да скок,
Как прыткая овечка;
Присед мне дарит, не кивок –
Знать, доброе сердечко –
Узрев в сей день.

Берет долой: «Милашка, – ей,
– Меня, видать, узнала!
И я знаком с красой твоей;
Как звать, ещё б сказала».
За руки взят без маеты,
Смешок летит, звеня:
«Все десять заповедей ты
Отмёл ради меня
Не в лучший день.

"My name is Fun – your cronie dear,
The nearest friend ye hae;
An' this is Superstition here,
An' that's Hypocrisy.
I'm gaun to Mauchline Holy Fair,
To spend an hour in daffin:
Gin ye'll go there, yon runkl'd pair,
We will get famous laughin
At them this day."

Quoth I, "Wi' a' my heart, I'll do't;
I'll get my Sunday's sark on,
An' meet you on the holy spot;
Faith, we'se hae fine remarkin!"
Then I gaed hame at crowdie-time,
An' soon I made me ready;
For roads were clad, frae side to side,
Wi' mony a weary body
In droves that day.

Here farmers gash, in ridin graith,
Gaed hoddin by their cotters;
There swankies young, in braw braid-claith,
Are springing owre the gutters.
The lasses, skelpin barefit, thrang,
In silks an' scarlets glitter;
Wi' sweet-milk cheese, in mony a whang,
An' farls, bak'd wi' butter,
Fu' crump that day.

When by the plate we set our nose,
Weel heaped up wi' ha'pence,
A greedy glowr black-bonnet throws,
An' we maun draw our tippence.
Then in we go to see the show:
On ev'ry side they're gath'rin;
Some carrying dails, some chairs an' stools,
An' some are busy bleth'rin
Right loud that day.

Here stands a shed to fend the show'rs,
An' screen our countra gentry;
There Racer Jess, an' twa-three whores,
Are blinkin at the entry.
Here sits a raw o' tittlin jads,
Wi' heaving breast an' bare neck;
An' there a batch o' wabster lads,
Blackguarding frae Kilmarnock,
For fun this day.

Зовусь Забавою, дружок,
Подружкою твоей;
Ты Суеверность видеть смог,
И Фальшь бок обок с ней.
Мне в Мо́хлин⁷², к ярмарке святой;
Шалить охота – страсть!
Пойдёшь со мной – над парой той
Уж посмеёмся всласть
Мы в этот день».

Я: «Славно! Лишь надену я
Воскресную рубашку
И догоню, душа моя;
Поверь, заму́тим бражку!»
Поспел к овсянке в самый раз,
А вскоре за́дал ходу:
На всех дорогах в этот час
Полным-полно народу
В такой вот день.

Гнал фермер – тарантас хорош –
Холопов обгоняя;
Брала канавы молодёжь,
Вся в чёрном, но шальная.
Гурьбой девицы, босиком,
Шёлк алый аж сияет;
У каждой сыр большим куском,
Лепёшка маслом тает –
Хрустеть весь день.

Для подаяний скрыт поднос
Под горкой полупенни,
Но жадный служка встал как врос,
И вносим мы два пенни.
Вот мы внутри – давай, смотри:
Кругом кишмя народу;
Кто стул, кто доску прибери,
А кто и трёп взял в моду,
Галдя весь день.

От ливня защитит навес
Люд чистый, может статья;
Средь двух-трёх шлях – Резвушка Джесс⁷³,
Вовсю на вход косятся.
Рядочком ведьмы – знай шепчи,
Грудь дыбом, голы шеи;
Вот из Килма́рнока⁷⁴ ткачи –
Паскудные затеи
Встряхнут сей день.

Here, some are thinkin on their sins,
An' some upo' their claes;
Ane curses feet that fyl'd his shins,
Anither sighs an' prays:
On this hand sits a chosen swatch,
Wi' screwed-up, grace-proud faces;
On that a set o' chaps, at watch,
Thrang winkin on the lasses
To chairs that day.

O happy is that man, an' blest!
Nae wonder that it pride him!
Whase ain dear lass, that he likes best,
Comes clinkin down beside him!
Wi' arms repos'd on the chair back,
He sweetly does compose him;
Which, by degrees, slips round her neck,
An's loof upon her bosom,
Unkend that day.

Now a' the congregation o'er
Is silent expectation;
For Moodie speels the holy door,
Wi' tidings o' damnation:
Should Hornie, as in ancient days,
'Mang sons o' God present him,
The vera sight o' Moodie's face,
To 's ain het hame had sent him
Wi' fright that day.

Hear how he clears the point o' faith
Wi' rattlin and wi' thumpin!
Now meekly calm, now wild in wrath,
He's stampin, an' he's jumpin!
His lengthen'd chin, his turned-up snout,
His eldritch squeel an' gestures,
O how they fire the heart devout,
Like cantharidian plaisters
On sic a day!

But hark! the tent has chang'd its voice,
There's peace an' rest nae langer;
For a' the real judges rise,
They canna sit for anger,
Smith opens out his cauld harangues,
On practice and on morals;
An' aff the godly pour in thrangs,
To gie the jars an' barrels
A lift that day.

Иные в мыслях, чем грешны,
Иные – в чём пришли,
И кто им вымазал штаны,
А те мольбу вознесли;
Вон там сидит отборный люд,
Скривив надменно рожи,
Мигают девкам парни тут:
Вдруг сядут рядом всё же
В такой вот день.

Свезло кому-то из парней –
Не диво, что гордится –
Красотка, сердцу всех милей,
Плывёт и с ним садится!
Обхватит спинку стула тот,
Утешен не на шутку,
Рука на шейку соскользнет,
А там, глядишь, на грудь –
Впервой в сей день.

Вот все притихли и сидят,
И алчут, без изъятий,
Чтоб Муди⁷⁵ вполз из царских врат
С потоками проклятий;
Сам сатана явись, как встарь,
Господнему народу,
От Муди – нет похабней харь –
Удрал бы в пекло сходу
В кошмарный день.

Тот веру толковать горазд:
Вопит, стучит, как хочет!
То стихнет, то огня поддаст,
Знай скачет да топчет!
Востр подбородок, вверх пятак;
И визг, и лихоманка
Люд набожный прожгут, да так,
Как не прохватит шпанка⁷⁶
В такой вот день!

Но чу! Навеса гул иной:
Покой и тишь отбросьте!
Сплошь в рост поднялся суд земной,
Не усидев со злости;
Лишь речь повёл с прохладцей Смит⁷⁷
О жизни и морали,
Как паства валом прочь спешит:
Не зря бочонки ждали,
Полны в сей день.

What signifies his barren shine,
Of moral powers an' reason?
His English style, an' gesture fine
Are a' clean out o' season.
Like Socrates or Antonine,
Or some auld pagan heathen,
The moral man he does define,
But ne'er a word o' faith in
That's right that day.

In guid time comes an antidote
Against sic poison'd nostrum;
For Peebles, frae the water-fit,
Ascends the holy rostrum:
See, up he's got, the word o' God,
An' meek an' mim has view'd it,
While Common-sense has taen the road,
An' aff, an' up the Cowgate
Fast, fast that day.

Wee Miller neist the guard relieves,
An' Orthodoxy raibles,
Tho' in his heart he weel believes,
An' thinks it auld wives' fables:
But faith! the birkie wants a manse,
So, cannilie he hums them;
Altho' his carnal wit an' sense
Like hafflins-wise o'ercomes him
At times that day.

Now, butt an' ben, the change-house fills,
Wi' yill-caup commentators;
Here 's cryin out for bakes and gills,
An' there the pint-stowp clatters;
While thick an' thrang, an' loud an' lang,
Wi' logic an' wi' scripture,
They raise a din, that in the end
Is like to breed a rupture
O' wrath that day.

Leeze me on drink! it gies us mair
Than either school or college;
It kindles wit, it waukens lear,
It pangs us fou o' knowledge:
Be't whisky-gill or penny wheep,
Or ony stronger potion,
It never fails, or drinkin deep,
To kittle up our notion,
By night or day.

Как блеск его не надоест,
Ученья суть в охвате?
Английский стиль, изящный жест
Теперь совсем некстати.
Сократа, Антонина⁷⁸ нить,
Иль нехристя иного
Взял, праведника мня явить,
О вере же ни слова –
И так весь день.

Противоядье в добрый час
Пришло от сей отравы:
Пибблз, пастырь устья⁷⁹, тешить нас
Восходит величаво;
Гляди: неся слов Божьих суть,
Их мягко излагает,
А Здравый Смысл собрался в путь,
Каугейтом⁸⁰ прочь шагает,
Спеша в сей день.

Малютка Миллер⁸¹ принял пост
С ортодоксальным бредом,
Хотя в душе не так уж прост:
Нейдёт за сказкой следом;
Но верит! Малый ждёт приход,
Вещает осторожно –
Хоть плотский ум наружу прёт,
Его оспорить сложно
Порой в сей день.

Спешит в таверну домосед
Порассуждать над кружкой;
Сухарь, баклага – лучше нет,
Гвалт виснет над пирушкой,
Пока толпой наперебой,
Взяв логику и святцы,
Галдят они промеж собой,
Чтоб к сваре подобраться
В гневливый день.

Будь славен хмель! Даст больше он,
Чем обучение в школах:
Ум треплет, будит без препон –
И поумнеет олух;
В стакане эль, иль виски там,
Иль крепче что имею,
Не подведёт, пусть пьян ты в хлам,
А подхлестнёт идею,
Будь ночь иль день.

The lads an' lasses, blythely bent
To mind baith saul an' body,
Sit round the table, weel content,
An' steer about the toddy:
On this ane's dress, an' that ane's leuk,
They're makin observations;
While some are cozie i' the neuk,
An' forming assignations
To meet some day.

But now the Lord's ain trumpet touts,
Till a' the hills are rairin,
And echoes back return the shouts;
Black Russell is na sparín:
His piercin words, like Highlan' swords,
Divide the joints an' marrow;
His talk o' Hell, whare devils dwell,
Our vera "sauls does harrow"
Wi' fright that day!

A vast, unbottom'd, boundless pit,
Fill'd fou o' lowin brunstane,
Whase raging flame, an' scorching heat,
Wad melt the hardest whun-stane!
The half-asleep start up wi' fear,
An' think they hear it roarin;
When presently it does appear,
'Twas but some neibor snorin
Asleep that day.

'Twad be owre lang a tale to tell,
How mony stories past;
An' how they crouded to the yill,
When they were a' dismiss;
How drink gaed round, in cogs an' caups,
Amang the furms an' benches;
An' cheese an' bread, frae women's laps,
Was dealt about in lunches
An' dawds that day.

In comes a gawsie, gash guidwife,
An' sits down by the fire,
Syne draws her kebbuck an' her knife;
The lasses they are shyer:
The auld guidmen, about the grace
Frae side to side they bother;
Till some ane by his bonnet lays,
An' gies them't like a tether,
Fu' lang that day.

Найти здесь рада молодёжь
Приют души и тела;
Сев вокруг стола, разумна сплошь:
О пунше потрындела,
О том, кто в чём, кто с чем в башке,
Смогла договориться,
Пока там кто-то в уголке
О встрече сговорится
В такой-то день.

Но вот трубы́ Господней гром
Разнёсся над холмами,
И Чёрный Рассел⁸² в эхе том
На нас свалился с вами;
Сражает речь, как горца меч,
Перерубая кости:
Про ад твердит, где чёрт сидит
И души жжёт со злости
В ужасный день!

Ни дна у пекла, ни краёв,
Везде пылает сера,
Чей жар испепелить готов
Хоть камни, для примера!
С любого страх дремú стряхнёт:
Де, нету в рёве бреда,
Пускай на деле слышал тот
Всего-то храп соседа,
Что дрых весь день.

Вдаль ускользает речи суть,
Рассказам краю нет;
Как все спешат пивка хлебнуть,
Дослушав этот бред!
Тарелок, кружек стук пошёл
Меж лавок и сидушек;
И хлеб, и сыр даёт подол
Бесценных наших душек,
Венчая день.

Хозяйки статной нет милей,
Что к огоньку садится:
И сыр, и ножик – всё при ней;
Потупились девицы;
Кому молитву вознести,
У стариков сомненья,
Но кто-то сжал берет в горсти
И тем закончил пренья
В сей долгий день.

Waesucks! for him that gets nae lass,
Or lasses that hae naething!
Sma' need has he to say a grace,
Or melvie his braw claithing!
O wives, be mindfu' ance yoursel'
How bonie lads ye wanted;
An' dinna for a kebbuck-heel
Let lasses be affronted
On sic a day!

Now Clinkumbell, wi' rattlin tow,
Begins to jow an' croon;
Some swagger hame the best they dow,
Some wait the afternoon.
At slaps the billies halt a blink,
Till lasses strip their shoon:
Wi' faith an' hope, an' love an' drink,
They're a' in famous tune
For crack that day.

How many hearts this day converts
O' sinners and o' lasses!
Their hearts o' stane, gin night, are gane
As saft as ony flesh is:
There's some are fou o' love divine;
There's some are fou o' brandy;
An' mony jobs that day begin,
May end in houghmagandie
Some ither day.

The Twa Dogs

'Twas in that place o' Scotland's isle,
That bears the name o' auld King Coil,
Upon a bonie day in June,
When wearin' thro' the afternoon,
Twa dogs, that were na thrang at hame,
Forgather'd ance upon a time.

The first I'll name, they ca'd him Caesar,
Was keepit for His Honor's pleasure:
His hair, his size, his mouth, his lugs,
Shew'd he was nane o' Scotland's dogs;
But whalpit some place far abroad,
Whare sailors gang to fish for cod.
His locked, letter'd, braw brass collar
Shew'd him the gentleman an' scholar;
But though he was o' high degree,
The fient a pride, nae pride had he;

Беда, коль нет зазнобы тут,
Иль без еды девица!
Молиться парню – зряшный труд,
Наряд не загрязнится!
Хозяйки, вспомните: самим
Вам нравились ребята,
А сыру дочкам дать своим –
Некрупная затрата
В такой вот день!

Звонарь верёвкой ладит свой
Трезвон и перегуд;
Иному лучше бы домой,
Иной до завтра тут.
Моргают в щель на визави:
Те вновь без башмачков;
В надежде, вере и любви,
И в пьянке люд готов
Болтать весь день.

Сколь много душ сей день спасёт –
И грешников, и милых!
Душ камень мрак объял – и вот
До плоти размягчил их;
Одни – в любви, святее нет,
Других лишь бренди манит;
Тьма дел, что день пустил на свет,
К любовной связи тянет
В какой-то день!

Два пса

В краю, где названа земля
Отцов в честь Кайла-короля⁸³,
В июньской славной тишине
За день набегавшись вполне,
Избыв домашних дел запас,
Два пса сошлись в который раз.

Пёс первый, Цезарь, был в именье
К лендлорду взят для развлечения;
Шерсть, рост, пасть, уши – видел всяк:
Не из шотландских он собак,
А там рождён, где моряку
Способнее ловить треску⁸⁴.
Несла ошейник медный шея –
Знак джентльмена-грамотея,
Но, хоть и был он знатью здесь,
Не проявлял и краем спесь,

But wad hae spent an hour caressin,
Ev'n wi' al tinkler-gipsy's messin:
At kirk or market, mill or smiddie,
Nae tawted tyke, tho' e'er sae duddie,
But he wad stan't, as glad to see him,
An' stroan't on stanes an' hillocks wi' him.

The tither was a ploughman's collie –
A rhyming, ranting, raving billie,
Wha for his friend an' comrade had him,
And in freak had Luath ca'd him,
After some dog in Highland Sang,
Was made lang syne, – Lord knows how lang.

He was a gash an' faithfu' tyke,
As ever lap a sheugh or dyke.
His honest, sonsie, baws'nt face
Aye gat him friends in ilka place;
His breast was white, his touzie back
Weel clad wi' coat o' glossy black;
His gawsie tail, wi' upward curl,
Hung owre his hurdie's wi' a swirl.

Nae doubt but they were fain o' ither,
And unco pack an' thick thegither;
Wi' social nose whiles snuff'd an' snowkit;
Whiles mice an' moudieworts they howkit;
Whiles scour'd awa' in lang excursion,
An' worry'd ither in diversion;
Until wi' daffin' weary grown
Upon a knowe they set them down,
An' there began a lang digression
About the "lords o' the creation."

Caesar

I've aften wonder'd, honest Luath,
What sort o' life poor dogs like you have;
An' when the gentry's life I saw,
What way poor bodies liv'd ava.

Our laird gets in his racked rents,
His coals, his kane, an' a' his stents:
He rises when he likes himsel';
His flunkies answer at the bell;
He ca's his coach; he ca's his horse;
He draws a bonie silken purse,
As lang's my tail, where, thro' the steeks,
The yellow letter'd Geordie keeks.

Часами мог ласкаться рьяно
С дворняжкой медника-цыгана;
У церкви, рынка, кузни, лавки
Не избегал кудлатой шавки,
А рад был с ней, не в одиночку,
Обсыкать камень или кочку.

Другой был колли; пахарь шалый –
Рифмач, болтун и добрый малый –
В нём зрел товарища и друга,
Дав имя «Люат» в час досуга:
В честь пса из старой песни гор,
Бог весть с каких известной пор⁸⁵.

Себя толковый, верный пёс
Легко через канавы нёс.
Игрун, с проточиной⁸⁶ своей,
Везде умел сыскать друзей;
Был белогрудым, а спина –
Лохмата, глянцево-черна;
Весёлый хвост наверх взметён,
И скручен выше ляжек он.

Сдружившись, усомнюсь едва ли,
Псы так друг дружке доверяли!
Вовсю работая носами,
Востры давить мышей с кротами;
Прогулки вдаль им не накладны,
До прочих развлечений жадны,
Пока, устав от дури чуть,
На склон не сядут отдохнуть;
Там не спеша, для отвлеченья,
Обсудят «высший плод творенья».

Цезарь

Понять мне, друг, не удаётся,
Что вам, псам бедным, достаётся;
Дворяне вижу, как живут,
Но как быть тем, чей жребий худ?

Наш лорд горазд оброк взимать:
Деньгу, натуру, уголь брать;
Встаёт по прихоти своей,
И на звонок бежит лакей;
Готовы кучер и конёк,
Сияет шёлком кошелёк
Длиной в мой хвост, и сплошь вдоль шва
Желтеет Джорди голова⁸⁷.

Frae morn to e'en, it's nought but toiling
At baking, roasting, frying, boiling;
An' tho' the gentry first are stechin,
Yet ev'n the ha' folk fill their pechan
Wi' sauce, ragouts, an' sic like trashtrie,
That's little short o' downright wastrie.
Our whipper-in, wee, blasted wonner,
Poor, worthless elf, it eats a dinner,
Better than ony tenant-man
His Honour has in a' the lan':
An' what poor cot-folk pit their painch in,
I own it's past my comprehension.

Luath

Trowth, Caesar, whiles they're fash't eneugh:
A cottar howkin in a sheugh,
Wi' dirty stanes biggin a dyke,
Baring a quarry, an' sic like;
Himself, a wife, he thus sustains,
A smytrie o' wee duddie weans,
An' nought but his han' – daurk, to keep
Them right an' tight in thack an' rape.

An' when they meet wi' sair disasters,
Like loss o' health or want o' masters,
Ye maist wad think, a wee touch langer,
An' they maun starve o' cauld an' hunger:
But how it comes, I never kent yet,
They're maistly wonderfu' contented;
An' buirdly chiels, an' clever hizzies,
Are bred in sic a way as this is.

Caesar

But then to see how ye're negleckit,
How huff'd, an' cuff'd, an' disrespeckit!
Lord man, our gentry care as little
For delvers, ditchers, an' sic cattle;
They gang as saucy by poor folk,
As I wad by a stinkin brock.

I've notic'd, on our laird's court-day, –
An' mony a time my heart's been wae, –
Poor tenant bodies, scant o'cash,
How they maun thole a factor's snash;
He'll stamp an' threaten, curse an' swear
He'll apprehend them, poind their gear;
While they maun stan', wi' aspect humble,
An' hear it a', an' fear an' tremble!
I see how folk live that hae riches;
But surely poor-folk maun be wretches!

Весь день до ночи тут кухарят:
Пекут, шинкуют, жарят, варят;
Сперва господ накормят туго,
Потом нажрётся и прислуга
Рагу, подливкой, дрянью прочей –
До мотовства наш дом охочий.
Козявка, пакость, доезжачий⁸⁸
Обедает куда богаче,
Чем арендатор хоть какой,
Трудясь в именье день-деньской;
А чем набьют в лачугах брюхо,
К тому моё познание глухо.

Люат

Несладко там, ты, Цезарь прав;
Хозяин на рытье канав,
Из камня громоздит плотину,
Горбатит на карьере спину...
С женой бы им свести концы
(Гурьбой лохматые мальцы),
И лишь его дневным трудом
Хоть как-то держится весь дом.
А тяжкая придёт беда,
Болячка или же нужда,
Тут, вроде, выхода и нету,
Глад, хлад семью сживут со свету,
Но, так случись (не понимаю!),
Всё не дойдут они до краю,
Парней-огонь, девиц толковых
Плодят в условиях суровых.

Цезарь

Но вами как пренебрегают,
Не ставят в грош, бранят, пинают!
Не существуют для господ
Работник, пахарь, прочий скот;
Погнать оравой бедняка,
Как мне – вонючку-барсука.
Не раз видал в день платежа –
И замирал, в тоске дрожа, –
Как терпит малый без гроша
Брань эконома, чуть дыша,
Угрозы, топот, ругань, крик:
Де, разорю, сам сядешь вмиг;
Стоит, и взора не поднять,
И должен в страхе трепетать!
Жизнь знати вижу я прекрасно,
Но бедный люд несчастен, ясно!

Luath

They're no sae wretched's ane wad think.
Tho' constantly on poortith's brink,
They're sae accustom'd wi' the sight,
The view o't gives them little fright.

Then chance and fortune are sae guided,
They're aye in less or mair provided:
An' tho' fatigued wi' close employment,
A blink o' rest's a sweet enjoyment.

The dearest comfort o' their lives,
Their grushie weans an' faithfu' wives;
The prattling things are just their pride,
That sweetens a' their fire-side.

An' whiles twalpennie worth o' nappy
Can mak the bodies unco happy:
They lay aside their private cares,
To mind the Kirk and State affairs;
They'll talk o' patronage an' priests,
Wi' kindling fury i' their breasts,
Or tell what new taxation's comin,
An' ferlie at the folk in Lon'on.

As bleak-fac'd Hallowmass returns,
They get the jovial, rantin kirns,
When rural life, of ev'ry station,
Unite in common recreation;
Love blinks, Wit slaps, an' social Mirth
Forgets there's Care upo' the earth.

That merry day the year begins,
They bar the door on frosty win's;
The nappy reeks wi' mantling ream,
An' sheds a heart-inspiring steam;
The luntin pipe, an' sneeshin mill,
Are handed round wi' right guid will;
The cantie auld folks crackin crouse,
The young anes rantin thro' the house –
My heart has been sae fain to see them,
That I for joy hae barkit wi' them.

Still it's owre true that ye hae said,
Sic game is now owre aften play'd;
There's mony a creditable stock
O' decent, honest, fawsont folk,
Are riven out baith root an' branch,
Some rascal's pridefu' greed to quench,
Wha thinks to knit himsel the faster
In favour wi' some gentle master,
Wha, aiblins, thrang a parliamentin,
For Britain's guid his saul indentin –

Люат

Не так несчастен, как все мнят.
Нуждой к обрыву век прижат,
Но так привычен бездны вид,
Что и не сильно-то страшит.

Изменчивы удача, случай,
Так подожди, себя не мучай:
Томят труды в извечном беге –
Миг продыху приравнен к неге.

Покою люд наш окружён
Средь детворы и верных жён;
Горды: лепечет малышня,
Что так приятно у огня.

Покуда эль ценою в пенни
Дарует счастье, вне сомнений,
Дела отбросив, всяк на славу
Припомнит церковь и державу;
Речь о попах или опеке
Гнев разжигает в кои веки,
А кроме нового налога
Нас лондонцы дивят премного.

Дня всех святых⁸⁹ неяркий лик
Всех в людный храм направит вмиг,
И жизнь селян от дома к дому
Сведёт их к отдыху простому;
Прихлопнет ум, любовь мигнёт,
Веселье сбросит груз забот.

А в день, каким начнётся год,
Морозный ветер дверь запрёт;
Струится крытый пеной эль,
Неся сердечный пламень в цель;
Дымятся трубки, табачок
Любой в кругу понюхать смог;
Болтливы старцы, важны сплошь,
Ликует в доме молодёжь...
Их видеть рад душой без краю –
Вот с ними и ношусь, и лаю.

И всё же прав безмерно ты;
Как часто игры не пусты,
И многочислен славный люд,
Чей честен взгляд, упорен труд,
Который выдрал с корнем вон
Плут – и спесив, и жаден он –
Что спит и видит, как бы вскоре
Стать у владетельных в фаворе,
А там, глядишь, засесть в палате,
Что для Британии так кстати...

Caesar

Haith, lad, ye little ken about it:
For Britain's guid! guid faith! I doubt it.
Say rather, gaun as Premiers lead him:
An' saying ay or no's they bid him:
At operas an' plays parading,
Mortgaging, gambling, masquerading:
Or maybe, in a frolic daft,
To Hague or Calais takes a waft,
To mak a tour an' tak a whirl,
To learn bon ton, an' see the worl'.
There, at Vienna, or Versailles,
He rives his father's auld entails;
Or by Madrid he takes the rout,
To thrum guitars an' fecht wi' nowt;
Or down Italian vista startles,
Whore-hunting amang groves o' myrtles:
Then bowses drumlie German-water,
To mak himsel look fair an' fatter,
An' clear the consequential sorrows,
Love-gifts of Carnival signoras.
For Britain's guid! for her destruction!
Wi' dissipation, feud, an' faction.

Luath

Hech, man! dear sirs! is that the gate
They waste sae mony a braw estate!
Are we sae foughten an' harass'd
For gear to gang that gate at last?
O would they stay aback frae courts,
An' please themsels wi' country sports,
It wad for ev'ry ane be better,
The laird, the tenant, an' the cotter!
For thae frank, rantin, ramblin billies,
Feint haet o' them's ill-hearted fellows;
Except for breakin o' their timmer,
Or speakin lightly o' their limmer,
Or shootin of a hare or moor-cock,
The ne'er-a-bit they're ill to poor folk.
But will ye tell me, Master Caesar,
Sure great folk's life's a life o' pleasure?
Nae could nor hunger e'er can steer them,
The very thought o't need na fear them.

Caesar

Lord, man, were ye but whiles whare I am,
The gentles, ye wad ne'er envy them!

Цезарь

Ну что ты в этом смыслишь, друг?
«Так кстати!» Ой! С чего бы вдруг?
Скорей, премьеров ловит взгляды,
Чтоб да иль нет сказать – как надо.
Костюмы, оперы и пьесы,
Заклады, ставки – мир повесы;
В дурацком буйном дефиле
Мотнёт в Гаагу иль Кале:
Проветриться, среди сует
Узнать бонтон, увидеть свет.

Не в Вене, так в Версале рад
Он промотать свой майорат⁹⁰,
Или к Мадриду завернёт:
Бренчит на струнах, колет скот;
Где в итальянских рощах мирт⁹¹,
Гоняет шлюх, затеяв флирт;
В Германию, на воды, дале,
Чтоб поприличней вид придали,
И смыли меты бед побочных,
Дары любви синьор полночных.
«Так кстати!» Лишь для разоренья,
Вражды, раздоров, разложенья!

Люат

Эх, что творят-то господа!
Именья спустят без труда!
Неужто мучится бедняк
Раздумьем: вот пожить бы так?
Что б им чертог не бросить сей
Для сельских радостных затей?
Живи, любой до благ охотник –
Лорд, арендатор и работник!
Шумны, открыты дуралеи,
Зря их кланут, мол, нет дряннее:
Порубят лес чужой, не спросят,
Словцо о чьей-то шлюхе бросят,
Подстрелят зайца, глухаря,
Но бедняка не тронут зря.

Но ты, друг Цезарь, Расскажи-ка:
Богач, видать, жирует дико?
Ни хлад, ни глад неведом знати,
Страшиться их с какой бы стати?

Цезарь

Взглянув, как я, на ту мороку,
Не видел в зависти бы проку!

It's true, they need na starve or sweat,
Thro' winter's cauld, or simmer's heat:
They've nae sair wark to craze their banes,
An' fill auld age wi' grips an' granes:
But human bodies are sic fools,
For a' their colleges an' schools,
That when nae real ills perplex them,
They mak enow themsel's to vex them;
An' aye the less they hae to sturt them,
In like proportion, less will hurt them.
A country fellow at the pleugh,
His acre's till'd, he's right eneugh;
A country girl at her wheel,
Her dizzen's dune, she's unco weel;
But gentlemen, an' ladies warst,
Wi' ev'n-down want o' wark are curst.

They loiter, lounging, lank an' lazy;
Tho' deil-haet ails them, yet uneasy;
Their days insipid, dull, an' tasteless;
Their nights unquiet, lang, an' restless.
An' ev'n their sports, their balls an' races,
Their galloping through public places,
There's sic parade, sic pomp, an' art,
The joy can scarcely reach the heart.
The men cast out in party-matches,
Then sowther a' in deep debauches.
Ae night they're mad wi' drink an' whoring,
Niest day their life is past enduring.
The ladies arm-in-arm in clusters,
As great an' gracious a' as sisters;
But hear their absent thoughts o' ither,
They're a' run-deils an' jads thegither.
Whiles, owre the wee bit cup an' platie,
They sip the scandal-potion pretty;
Or lee-lang nights, wi' crabbit leuks
Pore owre the devil's pictur'd beuks;
Stake on a chance a farmer's stackyard,
An' cheat like ony unhanged blackguard.

There's some exceptions, man an' woman;
But this is gentry's life in common.

By this, the sun was out of sight,
An' darker gloamin brought the night;
The bum-clock humm'd wi' lazy drone;
The kye stood rowtin i' the loan;
When up they gat an' shook their lugs,
Rejoic'd they werena men but dogs;
An' each took aff his several way,
Resolv'd to meet some ither day.

Да: что им голод или пот,
Снег валит или солнце жжёт;
Не ломит кости тяжкий труд,
Нет боли, стона старцев тут;
Но так глупа людская плоть,
Что школам дурь не побороть,
И, коли вправду нет заботы,
Такую выдумают – что ты!
Вовек ничтожней нет заботы,
И столь же с ней ничтожны счёты.
Крестьянский парень гонит плут,
Вспахал – и нет забот вокруг;
Девчонка с прялкой рада в срок
Дневной свой выполнить урок;
Зато господ, а пуще дам,
Безделье гнёт – не передам.

Слоняются лениво, вяло,
Их непонятно что сковало;
Их дни безвкусны, монотонны,
Их ночи долги и бессонны.
Забавы их, с балами вместе,
Их кавалькады в людном месте –
Такие помпа и кураж,
Каких душе не передашь.
В игре мужчины спорят, шалы,
А после сводят их скандалы.
Ночь пьют, шлюх не пропустят мимо,
Наутро жизнь невыносима.
А дамы, сто́ит в стайку сбиться,
Милы и славны, как сестрицы,
Но о других пускают слухи –
Чертовки, истинно, и шлюхи!
Чаёк лакают, чашки-блюдца,
Прелестно дозы свары льются;
Всю ночь немислим их азарт
От чёртовых картинок⁹², карт;
С гумном крестьянским вровень ставки,
Притом плутуют, как мерзавки.
Есть исключения, допускаю,
Но в целом жизнь дворян такая.

Тут сумрак солнце вымел вон,
И ночь легла на небосклон;
Жук сполз лениво до басов,
С тропы – мычание коров,
Тряхнув ушами, поднялись
Псы («Мы не люди, восхитись!»),
И ходу, всяк своим путём,
Назначив встречу на потом.

The Brigs of Ayr

Inscribed to John Ballantine, Esq., Ayr.

The simple Bard, rough at the rustic plough,
Learning his tuneful trade from ev'ry bough;
The chanting linnet, or the mellow thrush,
Hailing the setting sun, sweet, in the green thorn bush;
The soaring lark, the perching red-breast shrill,
Or deep-ton'd plovers grey, wild-whistling o'er the hill;
Shall he, nurst in the peasant's lowly shed,
To hardy independence bravely bred,
By early poverty to hardship steel'd,
And train'd to arms in stern Misfortune's field –
Shall he be guilty of their hireling crimes,
The servile, mercenary Swiss of rhymes?
Or labour hard the panegyric close,
With all the venal soul of dedicating prose?
No! though his artless strains he rudely sings,
And throws his hand uncouthly o'er the strings,
He glows with all the spirit of the Bard,
Fame, honest fame, his great, his dear reward.
Still, if some patron's gen'rous care he trace,
Skill'd in the secret, to bestow with grace;
When Ballantine befriends his humble name,
And hands the rustic stranger up to fame,
With heartfelt throes his grateful bosom swells,
The godlike bliss, to give, alone excels.

'Twas when the stacks get on their winter hap,
And thack and rape secure the toil-won crap;
Potatoe-bings are snugged up frae skaith
O' coming Winter's biting, frosty breath;
The bees, rejoicing o'er their summer toils,
Unnumber'd buds an' flow'rs' delicious spoils,
Seal'd up with frugal care in massive waxen piles,
Are doom'd by Man, that tyrant o'er the weak,
The death o' devils, smoor'd wi' brimstone reek:
The thundering guns are heard on ev'ry side,
The wounded coveys, reeling, scatter wide;
The feather'd field-mates, bound by Nature's tie,
Sires, mothers, children, in one carnage lie:
(What warm, poetic heart but inly bleeds,
And execrates man's savage, ruthless deeds!)
Nae mair the flow'r in field or meadow springs,
Nae mair the grove with airy concert rings,
Except perhaps the Robin's whistling glee,
Proud o' the height o' some bit half-lang tree:
The hoary morns precede the sunny days,
Mild, calm, serene, wide spreads the noontide blaze,
While thick the gosamour waves wanton in the rays.

Мосты Эйра

Посвящается Джону Баллантайну⁹³, эсквайру, в Эйре

Простецкий бард, гонявший сельский плут,
Кого учили песням каждый сук,
Песнь коноплянки, трель дрозда, чиста
(Закат привечен в зелени куста),
Зорянки крик, иль жаворонка взлёт,
Иль серых ржанок свист, что над холмом плывёт –
Его ль, кому родным был низкий кров,
Кто твёрдо за себя стоять готов,
Кто сызмала был закалён нуждой,
У бед учился, как идти на бой –
Его ль винить в бесчестье, что творит
Швейцарский от поэзии наймит⁹⁴?
Ему ль на панегирик приналечь,
И в посвящение вмять корыстной прозой речь?
Нет! Пусть в простом напеве груб певун
И не искусен в переборе струн,
Душою бард, он испускает свет,
Ему награды – выше славы – нет.
Вкусив от покровительских щедрот,
Он, зная тайну, верный тон найдёт;
Коль к славе Баллантайнова рука
Вдруг сельского подъяла чужака,
И благодарной болью тот объят,
Уж этим дивно счастлив меценат.

Порой, когда крыт снегом каждый стог,
И трудный урожай под крышу лёг,
Картофеля бунты укрыли мы
От хладного дыхания зимы;
Пчёл радовал добытый летом мёд,
Бесчисленных забот чудесный плод;
Труд запечатан мощным воском сот,
Но человек-тиран приносит им
Вонючий смертоносный серный дым:
Сражение повсюду, пушек гром,
И раненые падают кругом;
Летучие бойцы, Природы строй,
Родители, детишки – на убой
(Душа поэта кровью изошла,
Клеймя людские дикие дела!).
Уж ни цветочка не покажет луг,
И в роще не звенит концерт пичуг –
Малиновки одной, пожалуй, свист
Доносится с куста, счастливо-чист;
Седой рассвет – предвестник ясных дней:
Нет блеска мягче, шире и вольней,
И паутинка вьётся меж лучей.

'Twas in that season, when a simple Bard,
 Unknown and poor-simplicity's reward! –
 Ae night, within the ancient brugh of Ayr,
 By whim inspir'd, or haply prest wi' care,
 He left his bed, and took his wayward route,
 And down by Simpson's wheel'd the left about:
 (Whether impell'd by all-directing Fate,
 To witness what I after shall narrate;
 Or whether, rapt in meditation high,
 He wander'd out, he knew not where or why:)
 The drowsy Dungeon-clock had number'd two,
 and Wallace Tower had sworn the fact was true:
 The tide-swoln firth, with sullen-sounding roar,
 Through the still night dash'd hoarse along the shore.
 All else was hush'd as Nature's closed e'e;
 The silent moon shone high o'er tower and tree;
 The chilly frost, beneath the silver beam,
 Crept, gently-crusting, o'er the glittering stream –
 When, lo! on either hand the list'ning Bard,
 The clanging sugh of whistling wings is heard;
 Two dusky forms dart through the midnight air;
 Swift as the gos drives on the wheeling hare;
 Ane on th' Auld Brig his airy shape uprears,
 The other flutters o'er the rising piers:
 Our warlock Rhymer instantly dexcried
 The Sprites that owre the Brigs of Ayr preside.
 (That Bards are second-sighted is nae joke,
 And ken the lingo of the sp'ritual folk;
 Fays, Spunkies, Kelpies, a', they can explain them,
 And even the very deils they brawly ken them).
 Auld Brig appear'd of ancient Pictish race,
 The very wrinkles Gothic in his face;
 He seem'd as he wi' Time had warstl'd lang,
 Yet, toughly doure, he bade an unco bang.
 New Brig was buskit in a braw new coat,
 That he, at Lon'on, frae ane Adams got;
 In 's hand five taper staves as smooth 's a bead,
 Wi' virls and whirlygigums at the head.
 The Goth was stalking round with anxious search,
 Spying the time-worn flaws in every arch;
 It chanc'd his new-come neibor took his e'e,
 And e'en a vexed and angry heart had he!
 Wi' thieveless sneer to see his modish mien,
 He, down the water, gies him this guid-e'en: –

Auld Brig

"I doubt na, frien', ye'll think ye're nae sheepshank,
 Ance ye were streekit owre frae bank to bank!
 But gin ye be a brig as auld as me –

Простецкий бард как раз в такой сезон
(Безвестностью одной и награждён!)
В ночи над древним Эйром-городком,
По прихоти, везеньем ли влеком,
Встал и пошёл куда глаза глядят:
Налево взял, за «Симпсонз»⁹⁵ в аккурат
(Всесильный рок вёл малого в тот раз,
Чтоб то узрел, о чём пойдёт рассказ,
Иль, высью дум захваченный – беда,
Сам не решил, зачем бредёт, куда?);
Пробил два раза Данджен как во сне,
Что Уоллес-тауэр⁹⁶ подтвердил вполне,
Гудел прилив, на устье шёл волной
И сипло в берег бил в тиши ночной.
Ни звука боле, мир как будто спал,
Лишь абрис башни под луной сиял;
Под серебром морозный холод тёк
И нежно крыл мерцающий поток...

Вдруг чу! Услышал бард: со всех сторон
Свист ветра приволок звенящий стон;
Две тёмных глыбы сквозь полночный мрак
Метнулись – сокол бьёт зайчишку так;
В одной ажур, что Старым был Мостом,
Другая с дрожью крыла волнолом;
Наш маг-поэт заметил тотчас там
Виденья, власть несущие Мостам.
(Что барды – ясновидцы, слух не дик,
Незримых тварей ведом им язык;
Фей, эльфов, водяных зовут друзьями,
Прекрасно сговоятся и с чертями).
Ещё при пиктах⁹⁷ Старый Мост возник,
Готической резьбой украсив лик;
Казалось, он в бореньях с грузом лет
Удары снёс, каких сильнее нет.
Мост Новый был отменно облачён,
У лондонских портных оделся он;
Пяти опор навряд что глаже есть,
И финтифлюшек у перил не счесть.
Подкрался гот, в исканьях зол и рьян,
Под каждой аркой мня найти изъян;
Взгляд вдруг поймавши, новичок-сосед
Разгневался в досаде, пуще нет!
Облит презреньем модный был нахал,
Старик же над водой привет послал:

Старый Мост

«Сомнений нет, что пыжишься, дружок,
Раз между берегами ты пролёт!
Но будь летами ты со мною схож –

Tho' faith, that date, I doubt, ye'll never see –
There'll be, if that day come, I'll wad a boddle,
Some fewer whigmaleeries in your noddle."

New Brig

"Auld Vandal! ye but show your little mense,
Just much about it wi' your scanty sense:
Will your poor, narrow foot-path of a street,
Where twa wheel-barrows tremble when they meet,
Your ruin'd, formless bulk o' stane and lime,
Compare wi' bonie brigs o' modern time?
There's men of taste wou'd tak the Ducat stream,
Tho' they should cast the very sark and swim,
E'er they would grate their feelings wi' the view
O' sic an ugly, Gothic hulk as you."

Auld Brig

"Conceited gowk! puff'd up wi' windy pride!
This mony a year I've stood the flood an' tide;
And tho' wi' crazy eild I'm sair forfairn,
I'll be a brig when ye're a shapeless cairn!
As yet ye little ken about the matter,
But twa-three winters will inform ye better.
When heavy, dark, continued, a'-day rains,
Wi' deepening deluges o'erflow the plains;
When from the hills where springs the brawling Coil,
Or stately Lugar's mossy fountains boil;
Or where the Greenock winds his moorland course,
Or haunted Garpal draws his feeble source,
Aroused by blustering winds an' spotting thowes,
In mony a torrent down the snaw-broo rows;
While crashing ice, borne on the rolling spate,
Sweeps dams, an' mills, an' brigs, a' to the gate;
And from Glenbuck, down to the Ratton-key,
Auld Ayr is just one lengthen'd, tumbling sea –
Then down ye'll hurl, (deil nor ye never rise!)
And dash the gumlie jaups up to the pouring skies!
A lesson sadly teaching, to your cost,
That Architecture's noble art is lost!"

New Brig

"Fine architecture, trowth, I needs must say't o't,
The Lord be thankit that we've tint the gate o't!
Gaunt, ghastly, ghaist-alluring edifices,
Hanging with threat'ning jut, like precipices;
O'er-arching, mouldy, gloom-inspiring coves,
Supporting roofs, fantastic, stony groves;

Не верю, что до них ты доживёшь –
Тогда, не пожалею медяка,
Часть цацек растрясёт твоя башка».

Новый Мост

«Вандал ты старый! Весь твой такт таков:
Вполне сравним со скудостью мозгов;
Неужто тропку на спине твоей
(Двум тачкам не разъехаться на ней),
Твои каменья – известь тут и там –
Считаешь ровней нынешним мостам?
Людей со вкусом не заметишь тут:
Рубахи сняв, Дукатом⁹⁸ поплывут;
Им мерзостны уродские черты
Таких развалин готики, как ты».

Старый Мост

«Тебя, болван, совсем раздула спесь!
Века́ средь бурных вод стою я здесь,
Пусть истомлён, но выстою, ей-ей,
Когда ты станешь грудой камней!
Пока тебя познания не давят,
Но две иль три зимы на ум наставят.
Когда тут, дни за днями, дождь один,
И не видать за ливнями равнин,
Когда с холмов, где Кайл⁹⁹, скача, ревёт,
Бьют Лугара¹⁰⁰ ключи среди болот,
Где Гринок¹⁰¹ шлёт ветра, чтоб вереск лёг,
Иль Гарпал¹⁰², духов дом, струит исток,
Где бури и пятнистые снега
Послали уйму ручейков в бега;
Когда потока сын, крушащий лёд,
Смёл дамбы, и мосты, и у ворот;
И от Гленба́ка¹⁰³ и до Рэттон-ки¹⁰⁴
Освоил Эйр морской волны прыжки –
Тогда ты рухнешь (словно в пекло бес),
И грязь вокруг взметнётся до небес!
Урок – суров пусть, дорог – оцени:
Ушло искусство зодчих в наши дни!»

Новый Мост

«Таких красот уж нет, имею веру:
Бог милостив, утратили манеру!
Строенья, духам милы, страхом живы,
Чьи выступы нависли, как обрывы,
Чей плесенью покрытый мрачный свод –
Под крышей, где камней невпроворот;

Windows and doors in nameless sculptures drest
With order, symmetry, or taste unblest;
Forms like some bedlam Statuary's dream,
The craz'd creations of misguided whim;
Forms might be worshipp'd on the bended knee,
And still the second dread command be free;
Their likeness is not found on earth, in air, or sea!
Mansions that would disgrace the building taste
Of any mason reptile, bird or beast:
Fit only for a doited monkish race,
Or frosty maids forsworn the dear embrace,
Or cuifs of later times, wha held the notion,
That sullen gloom was sterling, true devotion:
Fancies that our guid Brugh denies protection,
And soon may they expire, unblest wi' resurrection!"

Auld Brig

"O ye, my dear-remember'd, ancient yealings,
Were ye but here to share my wounded feelings!
Ye worthy Proveses, an' mony a Bailie,
Wha in the paths o' righteousness did toil aye;
Ye dainty Deacons, and ye douce Conveners,
To whom our moderns are but causey-cleaners!
Ye godly Councils, wha hae blest this town;
Ye godly Brethren o' the sacred gown,
Wha meekly gie your hurdies to the smiters;
And (what would now be strange), ye godly Writers;
A' ye douce folk I've borne aboon the broo,
Were ye but here, what would ye say or do?
How would your spirits groan in deep vexation,
To see each melancholy alteration;
And, agonising, curse the time and place
When ye begat the base degen'rate race!
Nae langer rev'rend men, their country's glory,
In plain braid Scots hold forth a plain braid story;
Nae langer thrifty citizens, an' douce,
Meet owre a pint, or in the Council-house;
But staumrel, corky-headed, graceless Gentry,
The herryment and ruin of the country;
Men, three-parts made by tailors and by barbers,
Wha waste your weel-hain'd gear on damn'd new brigs and harbours!"

New Brig

"Now haud you there! for faith ye've said enough,
And muckle mair than ye can mak to through.
As for your Priesthood, I shall say but little,
Corbies and Clergy are a shot right kittle:
But, under favour o' your langer beard,

На окнах и дверях – фигурок груз,
Чей симметричен строй иль мерзок вкус,
Чьи формы псих увидеть мог во сне,
Творенья, безобразные вполне;
Как на коленке кто-то их ваял,
Взглянуть разок-другой – всё страх немал;
Подобных им подлунный мир не знал!
На этих зданьях – зодчего позор –
Все каменные твари на подбор:
Одним тупым монахам люб их вид,
Иль девам, коих близость тяготит,
Иль дурням, слепо держащимся взгляда,
Что мрак угрюмый – это то что надо;
Решит от них наш город отказаться –
Вмиг сгинут без следа, и вновь не возродятся!»

Старый мост

«О сверстники, с кем сердце не в разлуке,
Сюда бы вас, чтоб разделили муки!
Ваш труд был, мэры, судьи магистрата,
На ниве справедливости когда-то;
Вам, чьи в совете мысли были чётки,
Сброд новый не годится и в подмётки!
Вы, этот град благословлявший клир,
Вы, братья, чьи сутаны – не блезир,
Чьи ляжки биты, словно виноваты;
Вы, честные (вот диво!) адвокаты –
Над водами я перенёс всех вас;
Что б вы сказали, сделали сейчас?
Как дух ваш застонал бы от досады,
Узрев всё, что сменили как не надо,
И в дикой муке проклял место, миг,
Где и когда род выроdkов возник!
Нет боле тех, кто нёс отчизне славу
И на шотландском речи вёл по праву;
Нет боле бережливых горожан,
Каких сводил Совет или стакан:
Лишь жалкий сброд, тупой до омерзенья,
Державы воровство и разоренье;
Цирюльник ли, портной – пустить решили
На гавани, мосты всё, что вы сохранили!»

Новый мост

«Полегче, друг! Клянусь, наговорил
Ты больше, чем терпеть достало сил.
Оставим духовенство в стороне,
С их вороньём не всё понятно мне;
Но, милостью твоей прикрыться рад,

Abuse o' Magistrates might weel be spar'd;
To liken them to your auld-warld squad,
I must needs say, comparisons are odd.
In Ayr, wag-wits nae mair can hae a handle
To mouth 'a Citizen,' a term o' scandal;
Nae mair the Council waddles down the street,
In all the pomp of ignorant conceit;
Men wha grew wise priggish owre hops and raisins,
Or gather'd lib'ral views in Bonds and Seisins:
If haply Knowledge, on a random tramp,
Had shor'd them with a glimmer of his lamp,
And would to Common-sense for once betray'd them,
Plain, dull Stupidity stept kindly in to aid them."

What farther clish-ma-claver aight been said,
What bloody wars, if Sprites had blood to shed,
No man can tell; but, all before their sight,
A fairy train appear'd in order bright;
Adown the glittering stream they featly danc'd;
Bright to the moon their various dresses glanc'd:
They footed o'er the wat'ry glass so neat,
The infant ice scarce bent beneath their feet:
While arts of Minstrelsy among them rung,
And soul-ennobling Bards heroic ditties sung.
O had M'Lauchlan, thairm-inspiring sage,
Been there to hear this heavenly band engage,
When thro' his dear strathspeys they bore with Highland rage;
Or when they struck old Scotia's melting airs,
The lover's raptured joys or bleeding cares;
How would his Highland lug been nobler fir'd,
And ev'n his matchless hand with finer touch inspir'd!
No guess could tell what instrument appear'd,
But all the soul of Music's self was heard;
Harmonious concert rung in every part,
While simple melody pour'd moving on the heart.

The Genius of the Stream in front appears,
A venerable Chief advanc'd in years;
His hoary head with water-lilies crown'd,
His manly leg with garter-tangle bound.
Next came the loveliest pair in all the ring,
Sweet female Beauty hand in hand with Spring;
Then, crown'd with flow'ry hay, came Rural Joy,
And Summer, with his fervid-beaming eye;
All-cheering Plenty, with her flowing horn,
Led yellow Autumn wreath'd with nodding corn;
Then Winter's time – bleach'd locks did hoary show,
By Hospitality with cloudless brow:
Next followed Courage with his martial stride,
From where the Feal wild-woody coverts hide;
Benevolence, with mild, benignant air,
A female form, came from the tow'rs of Stair;

Изруган понапрасну магистрат;
 Теперешних и тех, из старины,
 Сравненья, доложу тебе, дрянны.
 У нас сейчас придурок ни один
 Не мнит похабным слово “гражданин”;
 По улице советник не идёт,
 Вульгарно презирая весь народ;
 Люд поумней забросил словопренья,
 Не злят его расписки да именья;
 Когда же, к счастью, Знание на пути
 Посветит, то спокойнее идти;
 Будь Здравый Смысл нарушен раз хотя бы,
 Простая Косность тут любезно помогла бы».

Когда бы этот трёп пустой затих,
 Кровь не лилась, будь кровь у духов сих,
 Кто б мог сказать; но прямо пред собой
 Мосты узрели привидений строй;
 Вниз ловкий пляс, мерцая, вёл поток,
 На блеск нарядов лунный отсвет лёг,
 Топтали так легко зеркало вод,
 Что еле прогибался юный лёд,
 Пока являл искусство менестрель,
 И метил в души бард, и шли напевы в цель.
 Будь там Макла́хлан¹⁰⁵, скрипка чья поёт,
 Чтоб услышать напевов горних лёг,
 В каких стратспей¹⁰⁶, что пыл несёт с высот,
 Шотландских отзвук яростных преданий,
 Любовника восторг иль кровь страданий –
 Возжётся б горский слух наверняка,
 Искусней стать могла б волшебная рука!
 Какой пел инструмент, большой вопрос,
 Но он всю душу музыки принёс;
 Шёл отовсюду гармоничный звон,
 Мелодией простой струился в душу он.

Потока Гений выступил вперёд:
 Почтенный вождь давнёхонько живёт,
 Кувшинками укрыта седина,
 На мощной ляжке вязь стеблей видна.
 За ним шла пара – нет милей, считай:
 Красу Девичью вёл за ручку Май;
 В цветах с покоса – Радость Поселян,
 Ей в спутники Июль горячий дан;
 Тащила Щедрость изобилья рог,
 Сентябрь взял с нивы золотой венок;
 Февраль, кудрями снежными хорош, –
 С Гостеприимностью, спокойной сплошь;
 А следом шёл Кураж, чеканя шаг, –
 Укрылась в чаще Правда¹⁰⁷ кое-как;
 Мягка Благотворительность не в меру:
 Не твёрже госпожа досталась Стэру¹⁰⁸;

Learning and Worth in equal measures trode,
From simple Catrine, their long-lov'd abode:
Last, white-rob'd Peace, crown'd with a hazel wreath,
To rustic Agriculture did bequeath
The broken, iron instruments of death:
At sight of whom our Sprites forgat their kindling wrath.

The Vision

Duan First

The sun had clos'd the winter day,
The curlers quat their roarin play,
And hunger'd maukin taen her way,
 To kail-yards green,
While faithless snaws ilk step betray
 Whare she has been.

The thresher's weary flingin-tree,
The lee-lang day had tired me;
And when the day had clos'd his e'e,
 Far i' the west,
Ben i' the spence, right pensivelie,
 I gaed to rest.

There, lanely by the ingle-cheek,
I sat and ey'd the spewing reek,
That fill'd, wi' hoast-provoking smeeke,
 The auld clay biggin;
An' heard the restless rattons squeak
 About the riggin.

All in this mottie, misty clime,
I backward mus'd on wasted time,
How I had spent my youthfu' prime,
 An' done nae thing,
But stringing blethers up in rhyme,
 For fools to sing.

Had I to guid advice but harkit,
I might, by this, hae led a market,
Or strutted in a bank and clarkit
 My cash-account;
While here, half-mad, half-fed, half-sarkit,
 Is a' th' amount.

I started, mutt'ring, "blockhead! coof!"
And heav'd on high my waukit loof,
To swear by a' yon starry roof,
 Or some rash aith,
That I henceforth wad be rhyme-proof
 Till my last breath –

Учёность рядом с Ценностью бредёт
Из Кэтрина¹⁰⁹, где давний их оплот;
Мир – в белом, и лещина вокруг чела –
Сдал деве Агрономии дела,
И та мечей обломки лишь нашла...
И тут унялся гнев Мостов, нагретый добела.

Видение {1}^{*}

Дуан¹¹⁰ первый

К закату зимний шёл денёк,
Унялся кёрлеров¹¹¹ кружок,
Капустный склад зайчишку влёт –
Голодным был,
Хоть снег-предатель каждый скок
Его хранил.

Цеп молотильщика таков,
Что долгий день тот клясть готов;
Когда ж закат торил в альков,
На запад, путь,
Побрёл в раздумьях я под кров,
Чтоб отдохнуть.

Уселся, где очаг пылал,
Один, и кашель нагонял
Дым: домик глиняный объял
И лез всё выше;
И писк крысиный не смолкал
У самой крыши.

Тут, в рваном свете и чаду,
Лет зряшных вспомнил череду,
Где, с юной прытью наряду,
Лень – очуметь;
Знай рифмовал белиберду,
Чтоб дурням петь.

Услышь я добрые советы,
Так рынком заправлял бы где-то
Иль, в банке сев, из кабинета
Счёт множить мог;
Чуть псих, чуть сыт, чуть плоть согрета –
Вот весь итог.

Сперва нёс: «Олух! Идиот!»;
Ладонь, крепка, подвысь идёт:
В свидетели брал звёздный свод,
В обетах смел,
Что стих меня не подведёт,
Покуда цел –

^{*} Числа в фигурных скобках облегчат ссылки на одноимённые (в переводе) стихотворения.

When click! the string the snick did draw;
An' jee! the door gaed to the wa';
An' by my ingle-lowe I saw,
 Now bleezin bright,
A tight, outlandish hizzie, braw,
 Come full in sight.

Ye need na doubt, I held my whisht;
The infant aith, half-form'd, was crusht
I glowr'd as eerie's I'd been dusht
 In some wild glen;
When sweet, like honest Worth, she blusht,
 An' stepped ben.

Green, slender, leaf-clad holly-boughs
Were twisted, gracefu', round her brows;
I took her for some Scottish Muse,
 By that same token;
And come to stop those reckless vows,
 Would soon been broken.

A "hair-brain'd, sentimental trace"
Was strongly marked in her face;
A wildly-witty, rustic grace
 Shone full upon her;
Her eye, ev'n turn'd on empty space,
 Beam'd keen with honour.

Down flow'd her robe, a tartan sheen,
Till half a leg was scrimply seen;
An' such a leg! my bonie Jean
 Could only peer it;
Sae straught, sae taper, tight an' clean –
 Nane else came near it.

Her mantle large, of greenish hue,
My gazing wonder chiefly drew:
Deep lights and shades, bold-mingling, threw
 A lustre grand;
And seem'd, to my astonish'd view,
 A well-known land.

Here, rivers in the sea were lost;
There, mountains to the skies were toss't:
Here, tumbling billows mark'd the coast,
 With surging foam;
There, distant shone Art's lofty boast,
 The lordly dome.

Here, Doon pour'd down his far-fetch'd floods;
There, well-fed Irwine stately thuds:
Auld hermit Ayr staw thro' his woods,
 On to the shore;
And many a lesser torrent scuds,
 With seeming roar.

Вдруг кляц! Натянута струна,
Щеколду сдёрнула она;
В очажном пламени видна,
Совсем светла,
Девница, ладна и стройна,
Ко мне вошла.

Я, дело ясное, притих,
Забыл тьму детских слов дрянных,
Надулся, словно сбит под дых
В ущелье злом;
Она ж, пунцовой дев честных,
Прошлась кругом.

Из веток падуба венок¹¹²
Вкруг лба у ней изящно лёг;
Шотландской Музою нарёк
Её за это;
Божился зря: пришёл, в свой срок,
Конец обета.

«Чувств ветреных» впечатан след
На личике – яснее нет,
И сельской живости отсвет
На нём сияет;
Взор чистый, пусть и в белый свет,
Она бросает.

Шотландки краше нет парчей:
Чуть не полножки зрю под ней;
Ах, ножка! Лишь у Джин моей¹¹³
Точь-в-точь как эта;
Стройна, чиста – таких, ей-ей,
У прочих нету.

Как плащ широк, как зелен он!
Мой взор изрядно привлечён:
Свет с тенью смело совмещён –
Вовсю сияй;
Сдаётся, вижу, восхищён,
Родимый край.

Здесь в море реки утекли,
Там горы до небес дошли,
Здесь пеной метит край земли
Волны излом,
Там гордость зодчего вдали,
Господский дом.

Здесь полнит Дун ток дальних вод,
Там мощный Ирвин¹¹⁴ в берег бьёт;
Отшельник-Эйр в лесах ползёт,
Стремясь на брег;
Потерян шустрым речкам счёт –
Лишь слышен бег.

Low, in a sandy valley spread,
An ancient borough rear'd her head;
Still, as in Scottish story read,
 She boasts a race
To ev'ry nobler virtue bred,
 And polish'd grace.

By stately tow'r, or palace fair,
Or ruins pendent in the air,
Bold stems of heroes, here and there,
 I could discern;
Some seem'd to muse, some seem'd to dare,
 With feature stern.

My heart did glowing transport feel,
To see a race heroic wheel,
And brandish round the deep-dyed steel,
 In sturdy blows;
While, back-recoiling, seem'd to reel
 Their Suthron foes.

His Country's Saviour, mark him well!
Bold Richardton's heroic swell,
The chief, on Sark who glorious fell,
 In high command;
And he whom ruthless fates expel
 His native land.

There, where a scepter'd Pictish shade
Stalk'd round his ashes lowly laid,
I mark'd a martial race, pourtray'd
 In colours strong:
Bold, soldier-featur'd, undismay'd,
 They strode along.

Thro' many a wild, romantic grove,
Near many a hermit-fancied cove
(Fit haunts for friendship or for love,
 In musing mood),
An aged Judge, I saw him rove,
 Dispensing good.

With deep-struck, reverential awe,
The learned Sire and Son I saw:
To Nature's God, and Nature's law,
 They gave their lore;
This, all its source and end to draw,
 That, to adore.

Brydon's brave ward I well could spy,
Beneath old Scotia's smiling eye:
Who call'd on Fame, low standing by,
 To hand him on,
Where many a patriot-name on high,
 And hero shone.

Улёгшись в доле на песок,
Возник старинный городок;
Прочеств в шотландских книгах мог:
 Людьми он горд,
Поскольку вывел, как итог,
 Их лучший сорт.

Близ башни, где дворец встаёт,
Где свис, полуразрушен, свод,
И тут и там героев род
 Я углядел;
Одни мудры, других влечёт
 Суровость дел.

Душа зажглась порывом вдруг,
Стремясь узреть героев круг¹¹⁵;
Летала диво-сталь вокруг
 Могуче так,
Пока не исчерпал потуг
 Их южный враг¹¹⁶.

Своей страны хранитель¹¹⁷ вон:
Он, в чьём владенье Ричардтон¹¹⁸,
Кто в Саркской битве был сражён,
 Ведя на бой¹¹⁹;
Вот воин, родины лишён¹²⁰
 Судьбиной злой.

Дух пикта-короля встаёт,
Где упокоен с миром тот¹²¹,
И зрим воинственный народ
 Был ясно так:
Отважно войско шло вперёд,
 Чеканя шаг.

По рощам, романтичней нет¹²²,
Где прежде мог анахорет
Укрыться (дружбы, страсти след
 Отыщем тут),
Бродил судья почтенных лет,
 Верша свой суд.

Увидел, трепетно смущён:
Учён отец, и сын учён¹²³;
Природы бог, её закон –
 Хватало сил;
Один во всём искал резон,
 Другой же чтил.

Соратник Брайдона мне зрим¹²⁴,
Лукавой родиной храним:
Звал славу – скромным был таким –
 Чтоб власть дала;
Хоть патриотов тьма над ним,
 Его взяла!

Duan Second

With musing-deep, astonish'd stare,
I view'd the heavenly-seeming Fair;
A whispering throb did witness bear
 Of kindred sweet,
When with an elder sister's air
 She did me greet.

"All hail! my own inspired bard!
In me thy native Muse regard;
Nor longer mourn thy fate is hard,
 Thus poorly low;
I come to give thee such reward,
 As we bestow!

"Know, the great genius of this land
Has many a light aerial band,
Who, all beneath his high command,
 Harmoniously,
As arts or arms they understand,
 Their labours ply.

"They Scotia's race among them share:
Some fire the soldier on to dare;
Some rouse the patriot up to bare
 Corruption's heart:
Some teach the bard – a darling care –
 The tuneful art.

" 'Mong swelling floods of reeking gore,
They, ardent, kindling spirits pour;
Or, 'mid the venal senate's roar,
 They, sightless, stand,
To mend the honest patriot-lore,
 And grace the hand.

"And when the bard, or hoary sage,
Charm or instruct the future age,
They bind the wild poetic rage
 In energy,
Or point the inconclusive page
 Full on the eye.

"Hence, Fullarton, the brave and young;
Hence, Dempster's zeal-inspired tongue;
Hence, sweet, harmonious Beattie sung
 His 'Minstrel lays';
Or tore, with noble ardour stung,
 The sceptic's bays.

"To lower orders are assign'd
The humbler ranks of human-kind,
The rustic bard, the lab'ring hind,
 The artisan;
All choose, as various they're inclin'd,
 The various man.

Дуан второй

Задумчиво душа дивилась:
Ну как с небес Краса явилась?
Едва приметно сердце билось
 (Родня видна);
Сестрою старшей обратилась
 Ко мне она:

«Мой вдохновенный бард, привет!
Меня роднее музыки нет;
Скорбеть довольно из-за бед
 И тяжко ныть;
Пришла, как нам являться след:
 Чтоб наградить!

Знай: дух великий сих краёв
Летучих держит тьму гонцов,
И всякий слушаться готов;
 В согласье тут,
В рядах певцов или бойцов,
 Упорен труд.

У скоттов там большая квота:
Кому солдат слать в бой охота,
Кто побуждает патриота
 Вскрыть душ нарыв,
Кто учит барда – счастлив кто-то –
 Вести мотив.

В густой кровище, полной смрада,
Они всеяют отвагу рады;
Шумит парламентское стадо –
 Незримо там,
Чтоб делал патриот что надо,
 Хвала рукам.

Коль бард или мудрец седой
Грядущему шлёт голос свой,
Им буйный пеленать настрой
 В обличье сил,
Люд носом ткнуть в закон пустой,
 Чтоб виден был, –

И Фу́ллартон¹²⁵ горяч и млад,
И Демпстера¹²⁶ слова горят,
И сладостного Битти в лад
 Спел “Менестрель”¹²⁷ –
Иль выгнать, жаля, норовят
 Брехню отсель.

Средь высших люд простой – чужак:
Куда скромней любой бедняк,
Бард деревенский иль батрак,
 Мастеровой;
Сумеет сделать, как-никак,
 Всяк выбор свой.

"When yellow waves the heavy grain,
The threat'ning storm some strongly rein;
Some teach to meliorate the plain
 With tillage-skill;
And some instruct the shepherd-train,
 Blythe o'er the hill.

"Some hint the lover's harmless wile;
Some grace the maiden's artless smile;
Some soothe the lab'rer's weary toil
 For humble gains,
And make his cottage-scenes beguile
 His cares and pains.

"Some, bounded to a district-space
Explore at large man's infant race,
To mark the embryotic trace
 Of rustic bard;
And careful note each opening grace,
 A guide and guard.

"Of these am I – Coila my name:
And this district as mine I claim,
Where once the Campbells, chiefs of fame,
 Held ruling power:
I mark'd thy embryo-tuneful flame,
 Thy natal hour.

"With future hope I oft would gaze
Fond, on thy little early ways,
Thy rudely, caroll'd, chiming phrase,
 In uncouth rhymes;
Fir'd at the simple, artless lays
 Of other times.

"I saw thee seek the sounding shore,
Delighted with the dashing roar;
Or when the North his fleecy store
 Drove thro' the sky,
I saw grim Nature's visage hoar
 Struck thy young eye.

"Or when the deep green-mantled earth
Warm cherish'd ev'ry floweret's birth,
And joy and music pouring forth
 In ev'ry grove;
I saw thee eye the general mirth
 With boundless love.

"When ripen'd fields and azure skies
Call'd forth the reapers' rustling noise,
I saw thee leave their ev'ning joys,
 And lonely stalk,
To vent thy bosom's swelling rise,
 In pensive walk.

Когда хлеба́ златой волной,
Удержит бурю дух иной,
Людей научит выгон свой
 Вспахать как след,
Гонять отару за травой...
 Блеснул, и нет.

Влюблённому намёк нехуд,
Улыбку девушке дадут,
Утешат, если тяжек труд,
 А мал доход,
Под скромным кровом развлекут,
 Сняв груз забот.

Есть дух, какой к округе льнёт,
Где изучает юный род;
Едва в поэзию шагнёт
 Бард сельский ваш –
Приметит славный оборот
 Советчик, страж.

Вот я – из этих; Кайла¹²⁸ я,
И сплошь вокруг земля моя;
Знавали Кэмпбеллов¹²⁹ края,
 Их власть и славу;
Мне пылкость первая твоя
 Вполне по нраву.

Моей надежде так близки
Неловкие твои шажки,
Ярь фраз, что складны и легки,
 Твой грубый стих;
В них славных песен огоньки
 Времён иных.

Брег звуки слал – ты шёл туда;
Ревела, радуя, вода,
Иль Север белые стада
 На небе пас,
Иль злющей стужи борода
 Бросалась в глаз,

Иль в тёмной зелени земли
Цветы защиту обрели,
Напевы в каждой роще шли
 За негой вслед –
Твой взор весёлый зрю вдали,
 Милее нет.

Коль вызрел хлеб, лазурный свод
Жнецов шумливых созовёт;
Под вечер радостный народ
 Оставишь – пусть –
И грудь, что ходуном, уймёт
 Прогулки грусть.

"When youthful love, warm-blushing, strong,
Keen-shivering, shot thy nerves along,
Those accents grateful to thy tongue,
 Th'adored Name,
I taught thee how to pour in song,
 To soothe thy flame.

"I saw thy pulse's maddening play,
Wild send thee Pleasure's devious way,
Misled by Fancy's meteor-ray,
 By passion driven;
But yet the light that led astray
 Was light from Heaven.

"I taught thy manners-painting strains,
The loves, the ways of simple swains,
Till now, o'er all my wide domains
 Thy fame extends;
And some, the pride of Coila's plains,
 Become thy friends.

"Thou canst not learn, nor I can show,
To paint with Thomson's landscape glow;
Or wake the bosom-melting throe,
 With Shenstone's art;
Or pour, with Gray, the moving flow
 Warm on the heart.

"Yet, all beneath th' unrivall'd rose,
The lowly daisy sweetly blows;
Tho' large the forest's monarch throws
 His army shade,
Yet green the juicy hawthorn grows,
 Adown the glade.

"Then never murmur nor repine;
Strive in thy humble sphere to shine;
And trust me, not Potosi's mine,
 Nor king's regard,
Can give a bliss o'ermatching thine,
 A rustic bard.

"To give my counsels all in one,
Thy tuneful flame still careful fan:
Preserve the dignity of Man,
 With soul erect;
And trust the Universal Plan
 Will all protect.

"And wear thou this" – she solemn said,
And bound the holly round my head:
The polish'd leaves and berries red
 Did rustling play;
And, like a passing thought, she fled
 In light away.

Когда любовь юна, сильна,
Бросает в жар и дрожь она,
И речь как благодать дана
 О ней, родной;
Учила я, что песнь должна
 Сбить пламень твой.

Я зрела твой безумный пыл:
К отраде вкругаля спешил,
Хвостами мнящихся светил
 Ведом при этом,
Но свет, какой тебя водил,
 Был горним светом.

Тебя учила быть скромней,
Страстям, путям простых парней –
И ширь, поболее моей,
 Ты охватил,
И Кайлы¹³⁰ цвет в число друзей
 Тебя включил.

Не выучен ты мною, нет,
Как Томпсон¹³¹, дать пейзажу свет,
Иль тронуть сердце болью бед,
 Как Шенстон¹³² мог,
Иль, грея душу, Грею¹³³ вслед,
 Лить слов поток.

И всё ж, от дивных роз далёк,
У маргаритки мил глазок;
Пусть в тень монарх лесной облёк
 Всю землю, рьян,
Боярышник зелёный лёг
 На гладь полян.

Так не ворчи и не проси;
Трудись, чтоб просиять в выси,
Поверь мне: шахты Потоси¹³⁴,
 Придворный фарт –
Не в радость, сколь их ни вкуси,
 Селянин-бард.

Советы все в один ужать –
Раздуй свой пламень, не растрать;
Мужскую честь не смей терять,
 Будь прям душой
И верь, что Божья благодать
 Всегда с тобой.

Носи его», – и тут венок
Из падуба на лоб мне лёг:
Лист гладок, ягод ал глазок,
 И хруст невмочь;
Она ж, как беглой мысли ток,
 Умчалась прочь.

[To Mrs. Stewart of Stair, Burns presented a manuscript copy of the Vision. That copy embraces about twenty stanzas at the end of Duan First, which he cancelled when he came to print the price in his Kilmarnock volume. Seven of these he restored in printing his second edition. The following are the verses which he left unpublished.]

Suppressed Stanza's of "The Vision"

After 18th stanza of the text (at "His native land"):-

With secret throes I marked that earth,
That cottage, witness of my birth;
And near I saw, bold issuing forth
 In youthful pride,
A Lindsay race of noble worth,
 Famed far and wide.

Where, hid behind a spreading wood,
An ancient Pict-built mansion stood,
I spied, among an angel brood,
 A female pair;
Sweet shone their high maternal blood,
 And father's air.

An ancient tower to memory brought
How Dettingen's bold hero fought;
Still, far from sinking into nought,
 It owns a lord
Who far in western climates fought,
 With trusty sword.

Among the rest I well could spy
One gallant, graceful, martial boy,
The soldier sparkled in his eye,
 A diamond water.
I blest that noble badge with joy,
 That owned me frater.

After 20th stanza of the text (at "Dispensing good"):-

Near by arose a mansion fine
The seat of many a muse divine;
Not rustic muses such as mine,
 With holly crown'd,
But th' ancient, tuneful, laurell'd Nine,
 From classic ground.

I mourn'd the card that Fortune dealt,
To see where bonie Whitefoords dwelt;
But other prospects made me melt,
 That village near;
There Nature, Friendship, Love, I felt,
 Fond-mingling, dear!

[Бёрнс подарил рукописный экземпляр «Видения» миссис Стюарт-оф-Стэр. Этот экземпляр охватывает около двадцати строф в конце дуана первого, которые поэт исключил из килмарнокского издания. Семь из них он восстановил во втором издании. Далее следуют строфы, которые Бёрнс оставил неопубликованными.]

Строфы, исключённые из «Видения»

После 18-й строфы (за словами «Судьбиной злой»):

Приметил, му́ку вглубь гоня,
Тот кров, что в мир впустил меня;
Вот рядом – храбрая родня;
 Кураж хорош,
Род Линдси, честь свою ценя,
 Известен сплошь.

Где замок скрыт в густом лесу
(К дням пиктов стройку отнесу),
Узрел – род ангельский пасу –
 Я женщин двух:
Являли матери красу,
 Отцовский дух¹³⁵.

Напомнил старой башни¹³⁶ вид,
Кто в Деттингене¹³⁷ знаменит;
Нисколько разум не блажит:
 Хранит она
Того, кем край закатный бит,
 Чья сталь верна.

Средь прочего приметил взгляд:
Отважен и хорош солдат,
Во взоре искорки горят
 Молодцевато.
Был я узреть кокарду рад
 На лбу собрата¹³⁸.

После 20-й строфы (за словами «Верша свой суд»):

Встал рядом замок¹³⁹ (чудный вкус!),
Обитель многих дивных муз –
Не сельских, как моя, чей груз
 Лишь остролист¹⁴⁰,
А тех, чей лавром крыт союз,
 Издревле чист.

Я клял в тоске свой жалкий рок:
Зреть славных Уайтфрудов¹⁴¹ не смог;
Но всё восполнил уголок,
 Что был под боком¹⁴²;
В Природу, Дружбу, Страсть увлѣк –
 Так, ненароком!

Hail! Nature's pang, more strong than death!
Warm Friendship's glow, like kindling wrath!
Love, dearer than the parting breath
 Of dying friend!
Not ev'n with life's wild devious path,
 Your force shall end!

The Power that gave the soft alarms
In blooming Whitefroord's rosy charms,
Still threats the tiny, feather'd arms,
 The barbed dart,
While lovely Wilhelmina warms
 The coldest heart.

After 21st stanza of the text (at "That, to adore"):-

Where Lugar leaves his moorland plaid,
Where lately Want was idly laid,
I marked busy, bustling Trade,
 In fervid flame,
Beneath a Patroness' aid,
 Of noble name.

Wild, countless hills I could survey,
And countless flocks as wild as they;
But other scenes did charms display,
 That better please,
Where polish'd manners dwell with Gray,
 In rural ease.

Where Cessnock pours with gurgling sound;
And Irwine, marking out the bound,
Enamour'd of the scenes around,
 Slow runs his race,
A name I doubly honour'd found,
 With knightly grace.

Brydon's brave ward, I saw him stand,
Fame humbly offering her hand,
And near, his kinsman's rustic band,
 With one accord,
Lamenting their late blessed land
 Must change its lord.

The owner of a pleasant spot,
Near and sandy wilds, I last did note;
A heart too warm, a pulse too hot
 At times, o'erran:
But large in ev'ry feature wrote,
 Appear'd the Man.

Что смерть! Природы боль, привет!
Гнев пышет – ярче дружбы свет!
Любовь сильнее вдоха вслед,
 Коль гибнет друг!
Сколь, жизнь, ты ни несёшь нам бед,
 Тебе каюк!

Та сила, что тревожит тут,
Где розы Уайтфрудов цветут,
Всё дротик с ядом чует зуд
 В гостей метнуть,
Коль славной Вильгельмине¹⁴³ труд –
 Оттаять чуть.

После 21-й строфы (за словами «Другой же читл»):

Где Лу́гар вереск бросил свой¹⁴⁴,
Где в Жажде спешки никакой,
Я зрел Торговли ход живой:
 Являла раж
У Патронессы под рукой,
 Ценя кураж.

Холмы бесщётны, дики сплошь,
Стад, столь же диких, тьму найдёшь,
Но вид куда приятней всё ж
 Был взору дан:
Жил Грэй¹⁴⁵, манерами хорош,
 Средь поселян.

Где Сёснок, булькая, течёт,
Край метит Ирвин¹⁴⁶ ходом вод,
(Краса вокруг его влечёт,
 Спешить на кой?),
Того, кому двойной почёт¹⁴⁷,
 Взгляд встретил мой.

Соратник Брайдона¹⁴⁸ – ей-ей,
При вящей славе нет скромней;
Кто с сельскою роднёй своей
 Душой един¹⁴⁹
В тоске: увы, в округе сей
 Нов господин.

Мне зрим владелец дивных мест,
Где пустоши, пески окрест¹⁵⁰;
Его, сдаётся, пламя съест:
 Горяч порой,
Но пишет он в один присест
 Рукой мужской.

The Death and Dying Words of Poor Mailie,
the Author's Only Pet Yowe.
An Unco Mournfu' Tale

As Mailie, an' her lambs thegither,
Was ae day nibbling on the tether,
Upon her cloot she coost a hitch,
An' owre she warsl'd in the ditch:
There, groaning, dying, she did lie,
When Hughoc he cam doytin by.

Wi' glowrin een, and lifted han's
Poor Hughoc like a statue stan's;
He saw her days were near-hand ended,
But, wae's my heart! he could na mend it!
He gaped wide, but naething spak,
At length poor Mailie silence brak: –

"O thou, whase lamentable face
Appears to mourn my woefu' case!
My dying words attentive hear,
An' bear them to my Master dear.

"Tell him, if e'er again he keep
As muckle gear as buy a sheep, –
O, bid him never tie them mair,
Wi' wicked strings o' hemp or hair!
But ca' them out to park or hill,
An' let them wander at their will:
So may his flock increase, an' grow
To scores o' lambs, an' packs o' woo'!

"Tell him, he was a Master kin',
An' aye was guid to me an' mine;
An' now my dying charge I gie him,
My helpless lambs, I trust them wi' him.

"O, bid him save their harmless lives,
Frae dogs, an' tods, an' butcher's knives!
But gie them guid cow-milk their fill,
Till they be fit to fend themsel';
An' tent them duly, e'en an' morn,
Wi' taets o' hay an' rippis o' corn.

"An' may they never learn the gaets,
Of ither vile, wanrestfu' pets –
To slink thro' slaps, an' reave an' steal
At stacks o' pease, or stocks o' kail!
So may they, like their great forbears,
For mony a year come thro' the shears:
So wives will gie them bits o' bread,
An' bairns greet for them when they're dead.

"My poor toop-lamb, my son an' heir,
O, bid him breed him up wi' care!

Смерть и последние слова бедняжки Мейли,
единственной любимой овечки автора.
Весьма грустная история¹⁵¹

И Мейли, и её ягнятам
Пастись без привязи – куда там;
Копытце в петле, и она,
Борьбой во рву изведена,
Стенала, свет в глазах угас;
А мимо Хьюгок¹⁵² брёл как раз.

Руками разведя, глазел,
Бедняга, как окаменел:
Он видел, что овечке крышка,
Но что поделат мог парнишка!
Зевнул молчун на пол-лица,
И тут проблеяла овца:

«О ты, чей столь унылый лик
По-над бедой моей возник!
Слова мои, согнавши дрёму,
Снеси хозяину родному.

Скажи: коль он, разжившись впредь,
Решит овечек заиметь –
Верёвки чтобы ни одной,
Пеньковой ли, волосяной!
Их, выгнав в парк или на склон,
Пастись пусть не неволит он;
Числом пусть овцы прирастут,
Дадут приплод, и шерсть дадут!

Скажи, что был он добр ко мне,
Да и ко всей моей родне;
Вручаю перед смертной сенью
Своих ягнят его раденью.

Не тронут пусть безгрешных сплошь
Собака, лис, мясницкий нож!
Пусть даст корова молочка
Мальцам, не выросли пока;
Пусть день весь будет не скудна
Сенца охалка, горсть зерна.

Пусть с ними речи не ведёт
Иной бродячий подлый скот,
Не учит красть, будь татам пусто,
Горох иль хряпки¹⁵³ от капусты!
Как предки их, пускай вприпрыжку
Из года в год бегут на стрижку;
Хозяйка хлеба даст с утра,
Помрут – оплатят детвора.

Хозяин пусть сынка-барашка
Приглядом школит, коль не тяжко:

An' if he live to be a beast,
To pit some havins in his breast!
An' warn him – what I winna name –
To stay content wi' yowes at hame;
An' no to rin an' wear his cloots,
Like ither menseless, graceless brutes.

"An' neist, my yowie, silly thing,
Gude keep thee frae a tether string!
O, may thou ne'er forgather up,
Wi' ony blastit, moorland toop;
But aye keep mind to moop an' mell,
Wi' sheep o' credit like thysel'!

"And now, my bairns, wi' my last breath,
I lea'e my blessin wi' you baith:
An' when you think upo' your mither,
Mind to be kind to ane anither.
"Now, honest Hughoc, dinna fail,
To tell my master a' my tale;
An' bid him burn this cursed tether,
An' for thy pains thou'se get my blather."

This said, poor Mailie turn'd her head,
And clos'd her een amang the dead!

Poor Mailie's Elegy

Lament in rhyme, lament in prose,
Wi' saut tears trickling down your nose;
Our bardie's fate is at a close,
Past a' remead!
The last, sad cape-stane o' his woes;
Poor Mailie's dead!

It's no the loss o' warl's gear,
That could sae bitter draw the tear,
Or mak our bardie, dowie, wear
The mourning weed:
He's lost a friend an' neebor dear
In Mailie dead.

Thro' a' the town she trotted by him;
A lang half-mile she could descry him;
Wi' kindly bleat, when she did spy him,
She ran wi' speed:
A friend mair faithfu' ne'er cam nigh him,
Than Mailie dead.

I wat she was a sheep o' sense,
An' could behave hersel' wi' mense:
I'll say't, she never brak a fence,
Thro' thievish greed.
Our bardie, lanely, keeps the spence
Sin' Mailie's dead.

Начнёт вести себя как скот,
Получит тотчас укорот!
И пусть – слов избегаю сих –
Овечек держится своих,
Не кроет в спешке всех подряд,
Как волокиты норовят.

Глупышку-дочку, кровь и плоть,
От петли да хранит Господь!
Тебе в дружки не подойдёт
Хам, с верещатников урод;
Водиться наберись ума
С достойными, как ты сама!
Теперь же, детки, в смертный час
Благословлю обоих вас,
И, буде вспомните о маме,
Не затевайте свары сами.
Ты, честный Хьюгок, послужи:
Всё-всё хозяину скажи;
Верёвки – в печь! За труд же свой
Возьмёшь пузырь мой мочево́й».

Взор отвела, сказавши так,
И поглотил бедняжку мрак!

Элегия на смерть бедняжки Мейли¹⁵⁴

Свой плач в стихах ли, в прозе нёс,
Всё вымок нос в потоках слёз;
Рок барду подкузьмил всерьёз,
Спасенье – бред!
В край бед его как камень врос:
Уж Мейли нет!

Не клад земной потеря эта:
Не выжмет горьких слёз монета,
Как и не вырядит поэта
Сплошь в чёрный цвет;
Дружка, соседки рядом нету:
С ним Мейли нет.

Сквозь город весь за ним бежала,
Чуть не за милю примечала
И блеяла – мол, я узнала! –
И мчалась вслед;
Вернее друга не бывало,
Чем Мейли, нет.

Была разумною овцой
И добрый нрав являла свой;
Забору порчи никакой,
Ведь красть не след.
Один бард в доме день-деньской,
Ведь Мейли нет.

Or, if he wanders up the howe,
Her living image in her yowe
Comes bleating till him, owre the knowe,
 For bits o' bread;
An' down the briny pearls rowe
 For Mailie dead.

She was nae get o' moorland tips,
Wi' tauted ket, an' hairy hips;
For her forbears were brought in ships,
 Frae 'yont the Tweed.
A bonier fleesh ne'er cross'd the clips
 Than Mailie's dead.

Wae worth the man wha first did shape
That vile, wanchancie thing – a raip!
It maks guid fellows girn an' gape,
 Wi' chokin dread;
An' Robin's bonnet wave wi' crape
 For Mailie dead.

O, a' ye bards on bonie Doon!
An' wha on Ayr your chanter's tune!
Come, join the melancholious croon
 O' Robin's reed!
His heart will never get aboon –
 His Mailie's dead!

Death and Doctor Hornbook

A True Story

Some books are lies frae end to end,
And some great lies were never penn'd:
Ev'n ministers they hae been kenn'd,
 In holy rapture,
A rousing whid at times to vend,
 And nail't wi' Scripture.

But this that I am gaun to tell,
Which lately on a night befell,
Is just as true's the Deil's in hell
 Or Dublin city:
That e'er he nearer comes oursel'
 'S a muckle pity.

The clachan yill had made me canty,
I was na fou, but just had plenty;
I stacher'd whiles, but yet too tent aye
 To free the ditches;
An' hillocks, stanes, an' bushes, kenn'd eye
 Frae ghaists an' witches.

А если побредёт на пруд,
Сиротка – в маму – тут как тут;
Знай блеет, глазки хлебца ждут,
 Не жмись, поэт;
И слёзы, со́лоны, бегут:
 Нет Мейли, нет!

Не с вереска свой род вела,
Столь длинношёрстна и кругла;
Порода с Твида приплыла¹⁵⁵ –
 Не ближний свет.
И шерсти лучшей, чем была
 У Мейли, нет.

Мерзавец тот, кто первым тут
Допёр до подлых, страшных пут!
Зевают парни, рожи трут;
 На свой берет
Креп нацепить взял Робин труд,
 Раз Мейли нет.

О барды дунских берегов¹⁵⁶!
Знал Эйр волюнок ваших рёв!
Роб дудкой грусть излить готов,
 Подвыть бы след!
Урок душе его суров:
 Нет Мейли, нет!

Смерть и доктор Хорнбук¹⁵⁷

Правдивая история

Есть книги – правды ни на грош,
Неписаная пуще ложь;
Попы есть, перечень хорош,
 Святей – куда там!
Зайдутся – чушь собачья сплошь
 (Хвала цитатам).

Но то, о чём пойдёт рассказ,
Стряслось что в полуно́чный час,
Верней, чем ад, что чёрт припас
 Иль город Дублин:
Затронь беда кого из нас –
 Считай, загублен.

Веселья прорва в сельском эле!
Я не был пьян (хоть близок к цели),
Шатался, да, пёр еле-еле,
 Вздувая жилы;
В камнях, кустах глаза не зрели
 Нечистой силы.

The rising moon began to glowre
The distant Cumnock hills out-owre:
To count her horns, wi' a' my pow'r,
 I set mysel';
But whether she had three or four,
 I cou'd na tell.

I was come round about the hill,
An' todlin down on Willie's mill,
Setting my staff wi' a' my skill,
 To keep me sicker;
Tho' leeward whiles, against my will,
 I took a bicker.

I there wi' Something did forgather,
That pat me in an eerie swither;
An' awfu' scythe, out-owre ae shouther,
 Clear-dangling, hang;
A three-tae'd leister on the ither
 Lay, large an' lang.

Its stature seem'd lang Scotch ells twa,
The queerest shape that e'er I saw,
For fient a wame it had ava;
 And then its shanks,
They were as thin, as sharp an' sma'
 As cheeks o' branks.

"Guid-een," quo' I; "Friend! hae ye been mawin,
When ither folk are busy sawin!"
I seem'd to make a kind o' stan'
 But naething spak;
At length, says I, "Friend! whare ye gaun?
 Will ye go back?"

It spak right howe, – "My name is Death,
But be na fley'd." – Quoth I, "Guid faith,
Ye're maybe come to stap my breath;
 But tent me, billie;
I red ye weel, tak care o' skaith
 See, there's a gully!"

"Gudeman," quo' he, "put up your whittle,
I'm no designed to try its mettle;
But if I did, I wad be kittle
 To be mislear'd;
I wad na mind it, no that spittle
 Out-owre my beard."

"Weel, weel!" says I, "a bargain be't;
Come, gie's your hand, an' sae we're gree't;
We'll ease our shanks an tak a seat –
 Come, gie's your news;
This while ye hae been mony a gate,
 At mony a house."

Луна дарила взор холмам:
Был где-то дальний Ка́мнок¹⁵⁸ сам;
Я счёт повёл её рогам,
И приналёг,
Но три или четыре там,
Сказать не мог.

За горку сделал поворот,
До мельничных добрался вод,
Пуская ловко палку в ход
(Хлебнул ведь лишку),
Порою чуя, что несёт
Меня вприпрыжку.

Тут нечто встало предо мною,
Чертовски изумив, не скрою:
Оплечь с ужасною косою –
Жуть, право слово! –
Блестя трезубой острогою
С плеча другого.

В той твари росту эля два¹⁵⁹,
Причудливей видал едва;
Без брюха, против естества,
И ножки – дрянь:
Худы, остры (чем плоть жива,
Куда ни глянь).

Я: «Вечер добрый! Косишь, что ли?
А прочий люд, вон, сеет в поле¹⁶⁰!»
Стою напыжившись, не боле,
Словам не рад;
Помедлив: «Где ты ищешь доли?
Давай назад!»

«Я Смерть, – рокошет мне в ответ, –
Не бойся». Я: «Обмана нет,
Пришла сгубить во цвете лет,
Так не надейся;
Взгляни-ка, добрый дам совет:
Вот нож – хоть брейся!»

Она мне: «Ножик спрячь, дружок;
Меня не сильно он привлёк,
А пустишь в ход, какой в нём прок?
Придумал тоже!
Он не страшнее, чем плевок
Мне, старой, в рожу».

«Ну-ну! – в ответ я, – уговор;
Дай руку, и кончаем спор;
Присядем лучше на бугор:
Узнать охота,
Зачем суёшься в каждый двор,
В дома без счёта¹⁶¹».

"Ay, ay!" quo' he, an' shook his head,
"It's e'en a lang, lang time indeed
Sin' I began to nick the thread,
 An' choke the breath:
Folk maun do something for their bread,
 An' sae maun Death.

"Sax thousand years are near-hand fled
Sin' I was to the butching bred,
An' mony a scheme in vain's been laid,
 To stap or scar me;
Till ane Hornbook's ta'en up the trade,
 And faith! he'll waur me.

"Ye ken Jock Hornbook i' the clachan,
Deil mak his king's-hood in spleuchan!
He's grown sae weel acquaint wi' Buchan
 And ither chaps,
The weans haud out their fingers laughin,
 An' pouk my hips.

"See, here's a scythe, an' there's dart,
They hae pierc'd mony a gallant heart;
But Doctor Hornbook, wi' his art
 An' cursed skill,
Has made them baith no worth a fart,
 Damn'd haet they'll kill!

" 'Twas but yestreen, nae farther gane,
I threw a noble throw at ane;
Wi' less, I'm sure, I've hundreds slain;
 But deil-ma-care,
It just play'd dirl on the bane,
 But did nae mair.

"Hornbook was by, wi' ready art,
An' had sae fortify'd the part,
That when I looked to my dart,
 It was sae blunt,
Fient haet o't wad hae pierc'd the heart
 Of a kail-runt.

"I drew my scythe in sic a fury,
I near-hand cowpit wi' my hurry,
But yet the bauld Apothecary
 Withstood the shock;
I might as weel hae tried a quarry
 O' hard whin rock.

"Ev'n them he canna get attended,
Altho' their face he ne'er had kend it,
Just shit in a kail-blade, an' sent it,
 As soon's he smells 't,
Baith their disease, and what will mend it,
 At once he tells 't.

«Да-да, – трясёт башкой в ответ, –
Тому назад премного лет
Взялась гнать смертных на тот свет,
В чём суть моя;
Людской хлеб труден, разве нет?
Тружусь и я.

Годков шесть тысяч, день за днём,
Кормлюсь убойным ремеслом:
Зря лезли в рвении пустом
Вставляя рогатки;
От Хорнбука¹⁶², при всём при том,
Поверь, несладко.

Деревня дом ему, подонку,
Сунь чёрт в кисет его мошонку!
Труд Бьюкена¹⁶³ усвоил тонко
И прочий бред –
Теперь мне и от ребятёнка
Проходу нет.

Глянь: вот коса, вот острый крюк,
Проткнули храбрых тьму вокруг,
Но доктор Хорнбук в деле тут
Чертовски так,
Что сталь моя – ценою в пук:
Сразить – никак!

Вечор, не далее того,
Так крепко ткнула в одного,
На сотню бы хватило – во!
Но сдуру, что ли,
Лишь стукнула об кость его,
Ничуть не боле.

А Хорнбук – шасть, лечить нехил,
Да так костяшку укрепил,
Что остроги мне вид немил:
Тупа она,
Теперь пробить не хватит сил
И кочана.

Косой махнула тут на славу,
Чиня от спешки боль суставу, –
Аптекаришка, чёрт гунявый,
Удар мой снёс;
Могла с успехом тем же, право,
Рубить утёс.

В лечение он не даст промашку,
Пускай твою не видел ряшку;
В капустный лист засунь какашку,
Отправь – на нюх
Узнавши хворь, пришлёт бумажку:
Лечись, лопух.

"And then, a' doctor's saws an' whittles,
Of a' dimensions, shapes, an' mettles,
A' kind o' boxes, mugs, an' bottles,
 He's sure to hae;
Their Latin names as fast he rattles
 as A B C.

"Calces o' fossils, earths, and trees;
True sal-marinum o' the seas;
The farina of beans an' pease,
 He has't in plenty;
Aqua-fontis, what you please,
 He can content ye.

"Forbye some new, uncommon weapons,
Urinus spiritus of capons;
Or mite-horn shavings, filings, scrapings,
 Distill'd per se;
Sal-alkali o' midge-tail clippings,
 And mony mae."

"Waes me for Johnie Ged's Hole now,"
Quoth I, "if that thae news be true!
His braw calf-ward whare gowans grew,
 Sae white and bonie,
Nae doubt they'll rive it wi' the plew;
 They'll ruin Johnie!"

The creature grain'd an eldritch laugh,
And says "Ye needna yoke the pleugh,
Kirkyards will soon be till'd eneugh,
 Tak ye nae fear:
They'll be trench'd wi' mony a sheugh,
 In twa-three year.

"Whare I kill'd ane, a fair strae-death,
By loss o' blood or want of breath
This night I'm free to tak my aith,
 That Hornbook's skill
Has clad a score i' their last claith,
 By drap an' pill.

"An honest wabster to his trade,
Whase wife's twa nieves were scarce weel-bred
Gat tippence-worth to mend her head,
 When it was sair;
The wife slade cannie to her bed,
 But ne'er spak mair.

"A country laird had ta'en the batts,
Or some curmurring in his guts,
His only son for Hornbook sets,
 An' pays him well:
The lad, for twa guid gimmer-pets,
 Was laird himsel'.

Ножи и пилы для леченья
(Всех форм, размеров, назначенья),
Бутылки, кружки... дребеденью
Весь дом забит;
Латынь рассыплет, прочь сомненья,
Как алфавит.

Зола, кора, извѣстка, глина,
Из моря прямо *sal-marinum*,
Гороха и бобов *farina* –
Всего в избытке,
И *aqua-fontis*¹⁶⁴ нет причины
Таить в напитке.

Добавлен ряд новинок тонко:
Urinus spiritus курѣнка,
Клеца – в опилках – одежонка
(Отвар *per se*);
*Sal-alkali*¹⁶⁵ (комар, возгонка),
Иные все».

А я: «Коль так, то Джони Гед¹⁶⁶
Не избежит грядущих бед!
Погост, где маргариток цвет –
Такое чудо,
Распашет плуг; сомнений нет,
Что Джони худо!»

Тварь в стон, и жуток смеха звук:
«Не торопись налечь на плуг,
Потребует иного, друг,
Погост ухода:
Рыть ямы в нём не хватит рук
Через два-три года.

Убью в постели одного,
Взяв кровь иль придушив его, –
А Хорнбук явит мастерство,
И взятки гладки:
Прибьют душ двадцать (каково!)
Его облатки.

Пинок-другой жене ткача
Влетел от мужа сгоряча;
Тот дал два пенни на врача;
Была готова
Залечь в постель, башку леча, –
С тех пор ни слова.

Помещик с коликами слѣг
Иль от бунтующих кишок,
И оплатил врачу сынок
Отменно труд;
Тот парень – две овечки впрок –
Помещик тут.

"A bonie lass – ye kend her name –
Some ill-brewn drink had hov'd her wame;
She trusts hersel', to hide the shame,
 In Hornbook's care;
Horn sent her aff to her lang hame,
 To hide it there.

"That's just a swatch o' Hornbook's way;
Thus goes he on from day to day,
Thus does he poison, kill, an' slay,
 An's weel paid for't;
Yet stops me o' my lawfu' prey,
 Wi' his damn'd dirt:

"But, hark! I'll tell you of a plot,
Tho' dinna ye be speakin o't;
I'll nail the self-conceited sot,
 As dead's a herrin;
Neist time we meet, I'll wad a groat,
 He gets his fairin!"

But just as he began to tell,
The auld kirk-hammer strak the bell
Some wee short hour ayont the twal',
 Which rais'd us baith:
I took the way that pleas'd mysel',
 And sae did Death.

A Dream

Thoughts, words, and deeds, the Statute blames with reason;
But surely Dreams were ne'er indicted Treason.

On reading, in the public papers, the Laureate's Ode, with the other parade of June 4th, 1786, the Author was no sooner dropt asleep, than he imagined himself transported to the Birth-day Levee: and, in his dreaming fancy, made the following Address:

Guid-Mornin' to your Majesty!
 May Heaven augment your blisses
On ev'ry new birth-day ye see,
 A humble poet wishes.
My bardship here, at your Levee
 On sic a day as this is,
Is sure an uncouth sight to see,
 Amang thae birth-day dresses
 Sae fine this day.

I see ye're complimented thrang,
 By mony a lord an' lady;
"God save the King" 's a cuckoo sang
 That's unco easy said aye:
The poets, too, a venal gang,
 Wi' rhymes weel-turn'd an' ready,

Красотка – знаешь, речь о ком –
С питья раздулась животом;
Решила скрыть позор тишком;
Тут Хорнбук, значит,
Её в дом горний прямоком:
Пусть там и прячет.

Да, Хорнбук – он во всём таков;
День изо дня, приём не нов,
Травить, губить, кромсать готов,
Кормясь нехудо;
Мою добычу – так, без слов, –
Знай прёт, паскуда.

Но тсс! Поведаю секрет,
Болтать о нём не стоит, нет:
Надутой пьяни жить не след,
Как той селёдке;
Приду опять – его ответ
Застрянет в глотке!»

Но только лишь потёк рассказ,
Как старый колокол сотряс
Мир пополуночный у нас
Над головой;
Я свой продолжил путь тотчас,
А Смерть – путь свой.

Сон

Тьму мыслей, слов и дел закон осудит –
Во снах вовек предательства не будет.

По прочтении в газетах оды поэта-лауреата (вместе с другими, представленными 4 июня 1786 года¹⁶⁷) автор заснул, представил себя перенесённым на утренний приём и, в сонном своём воображении, обратился к королю с нижеследующим:

Будь славен, государь, рассвет!
И многая Вам лета –
Ведь дням рожденья счёту нет –
От скромного поэта.
Меня под взор Ваш, в высший свет
Швырнула дата эта,
Хоть здесь невеже быть не след:
Толпа-то разодела
В столь дивный день.

Вам – восхваления одни
Из уст придворной знати:
Все «Боже, короля храни!»
Кукуют очень кстати;
Поэты – рок меня гони
От их корыстной рати –

Wad gar you trow ye ne'er do wrang,
But aye unerring steady,
On sic a day.

For me! before a monarch's face
Ev'n there I winna flatter;
For neither pension, post, nor place,
Am I your humble debtor:
So, nae reflection on your Grace,
Your Kingship to bespatter;
There's mony waur been o' the race,
And aiblins ane been better
Than you this day.

'Tis very true, my sovereign King,
My skill may weel be doubted;
But facts are chiels that winna ding,
An' downa be disputed:
Your royal nest, beneath your wing,
Is e'en right reft and clouted,
And now the third part o' the string,
An' less, will gang about it
Than did ae day.

Far be't frae me that I aspire
To blame your legislation,
Or say, ye wisdom want, or fire,
To rule this mighty nation:
But faith! I muckle doubt, my sire,
Ye've trusted ministration
To chaps wha in barn or byre
Wad better fill'd their station
Than courts yon day.

And now ye've gien auld Britain peace,
Her broken shins to plaister,
Your sair taxation does her fleece,
Till she has scarce a tester:
For me, thank God, my life's a lease,
Nae bargain wearin' faster,
Or, faith! I fear, that, wi' the geese,
I shortly boost to pasture
I' the craft some day.

I'm no mistrusting Willie Pitt,
When taxes he enlarges,
(An' Will's a true guid fallow's get,
A name not envy spairges),
That he intends to pay your debt,
An' lessen a' your charges;

Уверят: славны Ваши дни,
Достойны, без изъятий...
Настал их день!

Но, лик монарха зря сейчас,
Нимало не робею:
Пособий, тёплых мест от Вас
Я сроду не имею;
Возвысить на корону глас –
Бездумная затея;
Вас хуже правили не раз,
Был, может, кто виднее¹⁶⁸,
Чем Вы в сей день.

Да, сир, я вправду не ахти,
Строка аляповата,
Но фактов нам не обойти
(Упорные ребята!):
В гнезде у Вас, как ни крути,
Лишь дыры да заплаты,
А трети напрочь не найти,
Всё сгнуло куда-то¹⁶⁹
На этот день.

Хулить законы не явил
Желания теперь я,
Твердить, что трона ум и пыл –
Отнюдь не суеверья;
Но верьте: мне совсем не миа
Круг тех, кто при доверье;
Парням бы в руки пару вил,
Раскрыть в коровник двери,
Не в зал в сей день!

Вы дали мир стране своей,
Мы сбитое подлечим,
Но гнут налоги всё сильней,
Платить их будет нечем;
В аренду – славен Бог, ей-ей –
Живу, но недалече,
Сдаётся, час: среди гусей
На выпасе я встречу
Свой сельский день.

Вне подозрений Вилли Питт¹⁷⁰,
Когда вздувает платы
(При нём имеют бледный вид
Достойные ребята);
Долги он Ваши чуть скостит,
Урежет Ваши траты,

But, God-sake! let nae saving fit
Abridge your bonie barges
An'boats this day.

Adieu, my Liege; may freedom geck
Beneath your high protection;
An' may ye rax Corruption's neck,
And gie her for dissection!
But since I'm here, I'll no neglect,
In loyal, true affection,
To pay your Queen, wi' due respect,
May fealty an' subjection
This great birth-day.

Hail, Majesty most Excellent!
While nobles strive to please ye,
Will ye accept a compliment,
A simple poet gies ye?
Thae bonie bairntime, Heav'n has lent,
Still higher may they heeze ye
In bliss, till fate some day is sent
For ever to release ye
Frae care that day.

For you, young Potentate o'Wales,
I tell your highness fairly,
Down Pleasure's stream, wi' swelling sails,
I'm tauld ye're driving rarely;
But some day ye may gnaw your nails,
An' curse your folly sairly,
That e'er ye brak Diana's pales,
Or rattl'd dice wi' Charlie
By night or day.

Yet aft a ragged cowl's been known,
To mak a noble aiver;
So, ye may doucely fill the throne,
For a'their clish-ma-claver:
There, him at Agincourt wha shone,
Few better were or braver:
And yet, wi' funny, queer Sir John,
He was an unco shaver
For mony a day.

For you, right rev'rend Osnaburg,
Nane sets the lawn-sleeve sweeter,
Altho' a ribbon at your lug
Wad been a dress completer:
As ye disown yon paughty dog,
That bears the keys of Peter,

Но Боже! Сколь ни домовит,
Не дел бы флот куда-то¹⁷¹
В недобрый день.

Адью, сеньор мой! Пусть цветёт
В саду у Вас свобода;
Упадок пётля пусть уймёт,
Разрезать даст урода!¹⁷²
Пока я здесь, да не пройдёт
На почитанье мода,
И королеве¹⁷³ принесёт
Респект любого рода
Сей славный день.

Вам, несравненный сир, привет!
Обласканы Вы знатю,
Но вот что как простой поэт
Могу Вам пожелать я.
Господь не вывел род Ваш, нет:
Сыны, красавцы-братья¹⁷⁴,
Вам в радость, но на склоне лет
Предстанет благодатью
Покоя день.

Уэльса юный властелин¹⁷⁵,
Слова мои простые:
Несут по неге средь пучин
Вас паруса тугие,
Но всё прервётся в миг един:
Дадут тоской по вые
Вослед Диане¹⁷⁶ сбитый тын,
Картишки продувные
И ночь, и день.

Косматый станет стригунок
Конём отменных статей;
На трон Вы сядете, в свой срок, –
Без пустобрёхов, кстати;
Чуть лучший Вас возглавить смог
Под Азинкуром рати¹⁷⁷,
Хоть сэру Джону¹⁷⁸ дурачок
Был лучший друг-приятель
Не первый день.

Преосвященный Оснабрюк¹⁷⁹,
Вам мантия помеха,
И ленточке ушей вокруг
Не заменить доспеха;
Отвержен если тот индюк
(Ключи Петра – потеха)¹⁸⁰,

Then swith! an' get a wife to hug,
Or trowth, ye'll stain the mitre
Some luckless day!

Young, royal Tarry-breeks, I learn,
Ye've lately come athwart her –
A glorious galley, stem and stern,
Weel rigg'd for Venus' barter;
But first hang out, that she'll discern,
Your hymeneal charter;
Then heave aboard your grapple airn,
An' large upon her quarter,
Come full that day.

Ye, lastly, bonie blossoms a',
Ye royal lasses dainty,
Heav'n mak you guid as well as braw,
An' gie you lads a-plenty!
But sneer na British boys awa!
For kings are unco scant aye,
An' German gentles are but sma',
They're better just than want aye
On ony day.

Gad bless you a! consider now,
Ye're unco muckle daudit;
But ere the course o' life be through,
It may be bitter saudit:
An' I hae seen their coggie fou,
That yet hae tarrow't at it;
But or the day was done, I trow,
The laggen they hae claudit
Fu' clean that day.

Address to the Deil

O Prince! O chief of many throned Pow'rs
That led th' embattl'd Seraphim to war –
Milton

O Thou! whatever title suit thee –
Auld Hornie, Satan, Nick, or Clootie,
Wha in yon cavern grim an' sootie,
Clos'd under hatches,
Spairges about the brunstane cootie,
To scaud poor wretches!

Hear me, auld Hangie, for a wee,
An' let poor damned bodies be;
I'm sure sma' pleasure it can gie,

Так прочь! Жену найдите, друг,
Должна же быть утеха
В безбожный день!

Не упустите, принц-моряк¹⁸¹,
На траверзе¹⁸² галеру:
В ней ладно всё, чтоб, как-никак,
К торгам склонить Венеру;
Но прежде выбросите флаг,
Как должно кавалеру:
Мол, замуж марш! А там за гак¹⁸³ –
И на корму, чтоб в меру
Заполнить день.

Вы, наконец, такой красой,
Прелестные принцессы,
Наделены – и добротой –
Что толпами повесы!
Британцев гнать – ни боже мой!
На ваши интересы
Где королей взять? С немчурой
К венцу – малы, балбесы;
Своих даст день.

Благослови Вас Бог! Весь род
Блажен, куда уж боле,
Но вдруг, покуда жизнь идёт,
Хлебнёте горькой соли?
Я видел чашу, что Вас ждёт,
Не избежать сей доли,
Но всю до дна – а там не мёд –
Не осушить бы, что ли,
Вам в этот день.

Обращение к дьяволу

О ты, князь тьмы, с каким не совладать,
На бой ведущий серафимов рать...

*Милтон*¹⁸⁴

Зовись ты кличкой хоть какою –
Нечистым, Чёртом, Сатаною –
Кто в злой пещере, скрытой тьмою,
На там сидящих
Знай плещет серой, не водою,
Паля пропащих!

Кат старый, кратка речь моя!
Дай бедолагам забыться;
Скажу, не сахар жизнь твоя,

Ev'n to a deil,
To skelp an' scaud poor dogs like me,
An' hear us squeel!

Great is thy pow'r an' great thy fame;
Far ken'd an' noted is thy name;
An' tho' yon lowin' heugh's thy hame,
Thou travels far;
An' faith! thou's neither lag nor lame,
Nor blate, nor scaur.

Whiles, ranging like a roarin lion,
For prey, a' holes and corners tryin;
Whiles, on the strong-wind'd tempest flyin,
Tirlin the kirks;
Whiles, in the human bosom pryin,
Unseen thou lurks.

I've heard my rev'rend graunie say,
In lanely glens ye like to stray;
Or where auld ruin'd castles grey
Nod to the moon,
Ye fright the nightly wand'rer's way,
Wi' eldritch croon.

When twilight did my graunie summon,
To say her pray'rs, douse, honest woman!
Aft'yont the dyke she's heard you bummin,
Wi' eerie drone;
Or, rustlin, thro' the boortrees comin,
Wi' heavy groan.

Ae dreary, windy, winter night,
The stars shot down wi' sklentín light,
Wi' you, mysel' I gat a fright,
Ayont the lough;
Ye, like a rash-buss, stood in sight,
Wi' wavin' sough.

The cudgel in my nieve did shake,
Each brist'ld hair stood like a stake,
When wi' an eldritch, stoor "quaick, quaick,"
Amang the springs,
Awa ye squatter'd like a drake,
On whistlin' wings.

Let warlocks grim, an' wither'd hags,
Tell how wi' you, on ragweed nags,
They skim the muirs an' dizzy crags,
Wi' wicked speed;
And in kirk-yards renew their leagues,
Owre howkit dead.

Такой-сякой:

Бить, жечь несчастных псов, как я,
Наш слыша вой!

Могуч и славен ты весьма,
Тебя народу знает тьма,
От ямы метит кутерьма
Твой дальний путь;
Не сер, не хром, не без ума,
Не трус ничуть,

Когда ты ищешь львом ревушим
Поживу по углам да кущам,
Иль ураганом всемогущим
Сметаешь храм,
Иль в душу невидимкой сущим
Влезаешь к нам.

У бабки был рассказ один¹⁸⁵,
Как ты блуждаешь вдоль долин
Иль среди замковых руин,
Что льнут к луне;
В ночи пугает до седин
Твой рёв извне.

Бабусе, призванной закатом
К молитве (набожна – куда там!),
Ты слал напев за перекатом
(Был жуток он);
Лез в бузину козлом рогатым
Под тяжкий стон.

Раз ночью вьюжной, в жуткий хлад,
Когда косым был звездопад,
Ты напугал меня впопад,
Зайдя за пруд:
Там тростником мотался, гад,
Шуршать взял труд.

Дрожал, дубинку сжав, кулак,
Поднялся дыбом волос всяк,
Когда с безудержным «кряк-кряк» –
В кустах ты был –
Вдруг селезнем рванул во мрак
Под посвист крыл.

В морщинах ведьма, злой вещун
И ты – под каждым резв скакун
Бурьянный – мчали (топь, валун –
Вошли во вкус),
Чтоб на погостах – карачун! –
Скреплять союз.

Thence countra wives, wi' toil and pain,
May plunge an' plunge the kirk in vain;
For oh! the yellow treasure's ta'en
 By witchin' skill;
An' dawtit, twal-pint hawkie's gane
 As yell's the bill.

Thence mystic knots mak great abuse
On young guidmen, fond, keen an' crouse,
When the best wark-lume i' the house,
 By cantrip wit,
Is instant made no worth a louse,
 Just at the bit.

When thowes dissolve the snawy hoord,
An' float the jinglin' icy boord,
Then water-kelpies haunt the foord,
 By your direction,
And 'nighted trav'lers are allur'd
 To their destruction.

And aft your moss-traversin Spunkies
Decoy the wight that late an' drunk is:
The bleezin, curst, mischievous monkies
 Delude his eyes,
Till in some miry slough he sunk is,
 Ne'er mair to rise.

When masons' mystic word an' grip
In storms an' tempests raise you up,
Some cock or cat your rage maun stop,
 Or, strange to tell!
The youngest brither ye wad whip
 Aff straught to hell.

Lang syne in Eden's bonie yard,
When youthfu' lovers first were pair'd,
An' all the soul of love they shar'd,
 The raptur'd hour,
Sweet on the fragrant flow'ry swaird,
 In shady bower;

Then you, ye auld, snick-drawing dog!
Ye cam to Paradise incog,
An' play'd on man a cursed brogue,
 (Black be your fa'!)
An' gied the infant warld a shog,
 'Maist ruin'd a'.

D'ye mind that day when in a bizz
Wi' reekit duds, an' reestit gizz,
Ye did present your smoutie phiz

С тех пор крестьянок зряшен труд:
Как маслобойку ни трясут,
На масло ни намёка тут –
Знать, неспроста;
Коровка – был надой нехуд –
Как бык, пуста.

С тех пор одно уж к одному:
Муж весел, пылок, дюж – ему
Орудье главное в дому
Закляли сплошь,
И красная цена тому –
Не грош, так вошь.

Когда снегов запас уйдёт,
И поплывёт звенящий лёд,
Так водяные шасть на брод,
Где вам дорога;
Тьма, путников накрыв, влечёт...
В живых немного.

А там огни, что на болоте,
Обманут, коль хмельны идёте:
Знай блещут, манят – ведь не ждёте –
Собьют с пути,
И в топи вы конец найдёте,
Вас не найти.

Когда масонский жест, обряд
Опасность бурь для вас таят,
Петух иль кот гнев утолят,
Не то беда!
В ад будет послан младший брат –
Пинком туда.

Эдемский сад в былые дни
Стал местом, где сошлись они,
Чьи души столь любви сродни –
Живущих предки;
Газон цветёт – лишь дух втяни
В тени беседки;¹⁸⁶

Тут ты, коварный старый пёс,
В Эдем тихонько сунул нос
И хитрость чёртову принёс
(Так низко пал!),
И чистый мир пошёл вразнос,
И уж не встал.

Ты помнишь день, пришёл когда
В рванье, смолёный весь – беда,
И с грязной рожей влез туда,

'Mang better folk,
An' sklented on the man of Uzz
Your spitefu' joke?

An' how ye gat him i' your thrall,
An' brak him out o' house an' hal',
While scabs and botches did him gall,
Wi' bitter claw;
An' lows'd his ill-tongu'd wicked scawl',
Was warst ava?

But a' your doings to rehearse,
Your wily snares an' fechtin' fierce,
Sin' that day Michael did you pierce,
Down to this time,
Wad ding a Lallan tongue, or Erse,
In prose or rhyme.

An' now, auld Cloots, I ken ye're thinkin,
A certain bardie's rantin, drinkin,
Some luckless hour will send him linkin
To your black pit;
But faith! he'll turn a corner jinkin,
An' cheat you yet.

But fare-you-weel, auld Nickie-ben!
O wad ye tak a thought an' men'!
Ye aiblins might – I dinna ken –
Stil hae a stake:
I'm wae to think up' yon den,
Ev'n for your sake!

The Ordination

For sense they little owe to frugal Heav'n –
To please the mob, they hide the little giv'n.

Kilmarnock wabsters, fidge an' claw,
An' pour your creeshie nations;
An' ye wha leather rax an' draw,
Of a' denominations;
Swith to the Laigh Kirk, ane an' a'
An' there tak up your stations;
Then aff to Begbie's in a raw,
An' pour divine libations
For joy this day.

Curst Common-sense, that imp o' hell,
Cam in wi' Maggie Lauder;
But Oliphant aft made her yell,
An' Russell sair misca'd her:

Где лучший люд,
Чтоб загноблѣн был навсегда
Иов, живший тут¹⁸⁷?

Как в рабстве он страдал твоём,
И угол потеряв, и дом,
В заплатах, струпьях, битый злом,
Отведал бед;
Каргу наслушавшись притом,
Отвратней нет?

Проделок не сочтѣт никак –
Ловушек хитрых, лютых драк –
С тех пор, как под копьём обмяк
(Архангел лих)¹⁸⁸,
Ирландцев речь иль нас, чертяк –
Будь проза, стих.

Ты, старый чѣрт, решил, однако:
Поэтишку-то – пьянь, гуляку –
В недобрый час спихнёшь в клоаку,
И на извод?
Поверь: он вывернется всяко
И улизнѣт.

Что ж, Ник, паршивец старый¹⁸⁹, будь!
Мог выбрать к исправленью путь!
Мечты о призе –знаю чуть –
Вдруг не пусты?
Но твой приют – тоска и жуть,
Пусть ты есть ты!

Рукоположение

На разум свод Небес не тороват:
Толпе в угоду малый скроет клад.

Ткачи Килмарнока¹⁹⁰, вперѣд,
Беспутная орава;
И вы, кто кожу тянет, мнѣт –
В любую цену, право –
Всех в Нижней Церкви¹⁹¹ служба ждѣт,
Где вам скамьи по нраву,
А после к Бегби (в цепь, народ!)¹⁹²,
Где выпивка на славу
В весѣлый день!

Был Здравый Смысл – хрен толку в нём –
При Мэгги Лаудер¹⁹³ всяко;
Рѣв Олифанта – чисто гром¹⁹⁴;
Нѣс Рассел¹⁹⁵ чушь, однако;

This day Mackinlay taks the flail,
An' he's the boy will blaud her!
He'll clap a shangan on her tail,
An' set the bairns to daud her
Wi' dirt this day.

Mak haste an' turn King David owre,
And lilt wi' holy clangor;
O' double verse come gie us four,
An' skirl up the Bangor:
This day the kirk kicks up a stoure;
Nae mair the knaves shall wrang her,
For Heresy is in her pow'r,
And gloriously she'll whang her
Wi' pith this day.

Come, let a proper text be read,
An' touch it aff wi' vigour,
How graceless Ham leugh at his dad,
Which made Canaan a nigger;
Or Phineas drove the murdering blade,
Wi' whore-abhorring rigour;
Or Zipporah, the scauldin jad,
Was like a bluidy tiger
I' th' inn that day.

There, try his mettle on the creed,
An' bind him down wi' caution,
That stipend is a carnal weed
He taks by for the fashion;
And gie him o'er the flock, to feed,
And punish each transgression;
Especial, rams that cross the breed,
Gie them sufficient threshin;
Spare them nae day.

Now, auld Kilmarnock, cock thy tail,
An' toss thy horns fu' canty;
Nae mair thou'lt rowt out-owre the dale,
Because thy pasture's scanty;
For lapfu's large o' gospel kail
Shall fill thy crib in plenty,
An' runts o' grace the pick an' wale,
No gi'en by way o' dainty,
But ilka day.

Nae mair by Babel's streams we'll weep,
To think upon our Zion;
And hing our fiddles up to sleep,
Like baby-clouts a-dryin!

В тот день Маккинлей¹⁹⁶ был с цепом,
Такой вот забияка;
Как треснет псину! А потом
Мальцам: «Землём в собаку!»
(Был грязным день).

Перевернётся царь Давид
От песенного ора,
И стих двойной учетверит
Немолчный рёв «Бангора»¹⁹⁷;
Уж нынче церковь заблажит,
И не осудят воры
За ересь, на какой стоит,
Какую выбьет споро
В такой вот день.

Текст – не для красного словца,
Тут вспоминают рьяно:
Посмел Хам высмеять отца¹⁹⁸ –
Тот в негры Ханаана;
Гнев Финеаса-храбреца¹⁹⁹
На шлюх (и сталь багряна);
Карга Сепфора хватать с конца²⁰⁰ –
Обрезан (вот так рана!)
В дому в тот день.

Здесь Кредо²⁰¹, мера отче нрав
И предостерегая,
Чтоб, мерзость жалованья взяв
(Проформа уж такая),
Он агнцев пас, кормление дав,
Проступки же карая;
Особо – в блюде чад застав;
Тут – взбучка, да какая:
На целый день.

Килмарнок старый, хвост трубой,
Закинь повыше рожки!
Не слышать долу голос твой:
Травы совсем немножко;
Похлёбки истины благой
Полно – к чему делёжка?
Отборный корм всегда с тобой,
Притом не в праздник – плошка,
А каждый день.

Уйдёт из наших дум Сион,
Плач вавилонский глуше;
Не вздеть ввысь скрипок, впавши в сон:
Пелёнки этак сушат!

Come, screw the pegs wi' tunefu' cheep,
And o'er the thairms be tryin;
Oh, rare to see our elbucks wheep,
And a' like lamb-tails flyin
Fu' fast this day.

Lang Patronage, with rod o' airn,
Has shor'd the Kirk's undoin;
As lately Fenwick, sair forfairn,
Has proven to its ruin:
Our patron, honest man! Glencairn,
He saw mischief was brewin;
An' like a godly, elect bairn,
He's waled us out a true ane,
And sound, this day.

Now Robertson harangue nae mair,
But steek your gab for ever;
Or try the wicked town of Ayr,
For there they'll think you clever;
Or, nae reflection on your lear,
Ye may commence a shaver;
Or to the Netherton repair,
An' turn a carpet weaver
Aff-hand this day.

Mu'trie and you were just a match,
We never had sic twa drones;
Auld Horrie did the Laigh Kirk watch,
Just like a winkin baudrons,
And aye he catch'd the tither wretch,
To fry them in his caudrons;
But now his Honour maun detach,
Wi' a' his brimstone squadrons,
Fast, fast this day.

See, see auld Orthodoxy's faes
She's swingein thro' the city!
Hark, how the nine-tail'd cat she plays!
I vow it's unco pretty:
There, Learning, with his Greekish face,
Grunts out some Latin ditty;
And Common-sense is gaun, she says,
To mak to Jamie Beattie
Her plaint this day.

But there's Morality himsel',
Embracing all opinions;
Hear, how he gies the tither yell,
Between his twa companions!

Под писк крутить колки́ резон,
Доверить струнам уши;
Как редко локоть вознесён!
Хвостом ягнячьим души
Дрожат весь день.

Суровый Долгий Патронаж
Для церкви – знак кончины
(Так Фё́нвик²⁰² потерял кураж,
Явив собой руины);
Гленке́рн²⁰³, заступник честный наш,
Узрев, сколь зряшны вины,
Как чад Господних верный страж
Нам правды кус единый
Вручил в сей день.

Болтал довольно, Робертсон²⁰⁴,
Заткнись, да поскорее;
Иль в Эйр ступай (нечистый он),
Там будешь всех умнее;
Иль, наплевав, сколь ты учён,
Иди-ка в брадобреи;
Иль отправляйся в Нетертон²⁰⁵,
В ковровщики (идея!)...
Не твой сей день.

Вы с Мал́три²⁰⁶ – чёрта с два найдёшь
Таких вот трутней пару;
Страж в Нижней Церкви был хорош:
Сам Ник²⁰⁷, паршивец старый,
Когтил, как кот, нездешних сплошь,
Дабы задать им жару;
Отныне этот князь негож;
Всё войско с серной тарой –
Вон, вон в сей день!

Гляди, Традиция метёт
Врагов со страшной силой!
Свистит девятихвостый кот,
Клянусь, чертовски мило;
Учёность, эллинов оплот,
Латынь не укротила,
И Джеми Битти²⁰⁸ плача ждёт:
Смысл Здравый изгнан, вилы
Ему в сей день!

А вот, гляди, Мораль сама
Объединяет взгляды;
Вопит пронзительно весьма,
Хоть две подружки²⁰⁹ рядом!

See, how she peels the skin an' fell,
As ane were peelin onions!
Now there, they're packed aff to hell,
An' banish'd our dominions,
Henceforth this day.

O happy day! rejoice, rejoice!
Come bouse about the porter!
Morality's demure decoys
Shall here nae mair find quarter:
Mackinlay, Russell, are the boys
That heresy can torture;
They'll gie her on a rape a hoyse,
And cove her measure shorter
By th' head some day.

Come, bring the tither mutchkin in,
And here's-for a conclusion –
To ev'ry New Light mother's son,
From this time forth, Confusion!
If mair they deave us wi' their din,
Or Patronage intrusion,
We'll light a spunk, and ev'ry skin,
We'll rin them aff in fusion
Like oil, some day.

The Author's Earnest Cry and Prayer

to the Right Honourable and Honourable Scotch
Representatives in the House of Commons

Dearest of distillation! last and best –
How art thou lost! –

Parody on Milton

Ye Irish lords, ye knights an' squires,
Wha represent our brughs an' shires,
An' doucely manage our affairs
In parliament,
To you a simple poet's pray'rs
Are humbly sent.

Alas! my roupit Muse is hearse!
Your Honours' hearts wi' grief 'twad pierce,
To see her sittin on her arse
Low i' the dust,
And scrieinhout prosaic verse,
An like to brust!

Tell them wha hae the chief direction,
Scotland an' me's in great affliction,

Сдирает шкуру – ну чума,
Так лук бы чистить надо!
Дорожка в ад для них пряма,
И с ними мы, их чада:
Настал же день!

Восторг! День счастья грядёт!
Рекой да льётся пиво!
Манок Морали чуть поёт –
Отныне сиротливо;
Маккинлей, Рассел – эти вот
Замучат ересь живо:
Верёвку парни пустят в ход,
Башку снесут ретиво –
Настал, вишь, день.

Ещё нам пинту! Спору нет,
За то пьём, в заключение,
Чтоб знал всяк зревший Новый Свет²¹⁰
Отныне Посрамленье!
Так завопят, что мочи нет,
Полезут с окормленьем –
Их спичкой опалим как след,
Жир спустим с наслажденьем,
Настанет день!

Крик души и мольба автора

к достопочтенным и почтенным шотландским
представителям в Палате общин²¹¹

Последний, наилучший дистиллят!
Кем ты изъят?

Пародия на Милтона

Ирландским лордам, знати той,
Что представляет край родной
И там, в парламенте, стеной
Стоит за нас,
Шлёт бард, поэтишка простой,
Смиранный глас.

Иссякла муза – и хрипит!
Душ чистоту тоской язвит,
В пыли на заднице сидит,
Увы, она,
И прозаически кряхтит,
Полным-полна!

Вы б тем, кто всех главней, сказали:
Шотландия – и я – в печали

E'er sin' they laid that curst restriction
On aqua-vitae;
An' rouse them up to strong conviction,
An' move their pity.

Stand forth an' tell yon Premier youth
The honest, open, naked truth:
Tell him o' mine an' Scotland's drouth,
His servants humble:
The muckle deevil blaw you south
If ye dissemble!

Does ony great man glunch an' gloom?
Speak out, an' never fash your thumb!
Let posts an' pensions sink or soom
Wi' them wha grant them;
If honestly they canna come,
Far better want them.

In gath'rin votes you were na slack;
Now stand as tightly by your tack:
Ne'er claw your lug, an' fidge your back,
An' hum an' haw;
But raise your arm, an' tell your crack
Before them a'.

Paint Scotland greetin owre her thrissle;
Her mutchkin stowp as toom's a whissle;
An' damn'd excisemen in a bussle,
Seizin a stell,
Triumphant crushin't like a mussel,
Or limpet shell!

Then, on the tither hand present her –
A blackguard smuggler right behint her,
An' cheek-for-chow, a chuffie vintner
Colleaguin join,
Picking her pouch as bare as winter
Of a' kind coin.

Is there, that bears the name o' Scot,
But feels his heart's bluid rising hot,
To see his poor auld mither's pot
Thus dung in staves,
An' plunder'd o' her hindmost goat
By gallows knaves?

Alas! I'm but a nameless wight,
Trode i' the mire out o' sight?
But could I like Montgomeries fight,
Or gab like Boswell,

С тех пор, как накрепко прижали
Нас с aqua vitae²¹²;
Прощенье выпросят едва ли,
Их карта бита.

Премьер (ну чисто молодняк!)²¹³
От вас пусть знает, что и как:
У нас с Шотландией сушняк;
Не лгите, слуги,
Не то вас дьявол хватъ в кулак –
И в пекло, други!

Великим – хмуриться, ворчать?
Сказал, что думал, и плевать!
Постом, деньгами рисковать –
Благое дело;
Коль их по-честному не взять,
Отдайте смело.

В парламент проложили путь,
Чтоб там встать твёрдо (но отнюдь
Не сомневаться, спину гнуть,
Канючить, врать);
Взять слово – кто вокруг ни будь –
И всё сказать.

В чертополох рыдает скотт²¹⁴:
На пинту кружка – кто плеснёт?
А перегонный куб урод,
Акцизный, цап;
Ликуя, как ракушку, прёт,
Крушить неслаб!

Кинь взгляд иной, картина тоже:
За всем – контрабандиста рожа;
Виноторговца, с нею схожа, –
К щеке щека,
А вот казна, этюд итожу,
Увы, легка.

Да кто бы из шотландцев смог
Глядеть (и ничего, молчок),
Как старый матушкин горшок –
На черепки,
И сброд паскудный уволок
Всё медяки?

Но я безвестен, как не жаль,
Болотиной шагаю вдаль;
Будь средь Монтгомери²¹⁵, как сталь,
Как Босвелл²¹⁶, в гвалте,

There's some sark-necks I wad draw tight,
An' tie some hose well.

God bless your Honours! can ye see't –
The kind, auld cantie carlin greet,
An' no get warmly to your feet,
An' gar them hear it,
An' tell them wi'a patriot-heat
Ye winna bear it?

Some o' you nicely ken the laws,
To round the period an' pause,
An' with rhetoric clause on clause
To mak harangues;
Then echo thro' Saint Stephen's wa's
Auld Scotland's wrangs.

Dempster, a true blue Scot I'se warran';
Thee, aith-detesting, chaste Kilkerran;
An' that glib-gabbit Highland baron,
The Laird o' Graham;
An' ane, a chap that's damn'd aulfarran',
Dundas his name:

Erskine, a punkie Norland billie;
True Campbells, Frederick and Ilay;
An' Livistone, the bauld Sir Willie;
An' mony ithers,
Whom auld Demosthenes or Tully
Might own for brithers.

See sodger Hugh, my watchman stented,
If poets e'er are represented;
I ken if that your sword were wanted,
Ye'd lend a hand;
But when there's ought to say anent it,
Ye're at a stand.

Arouse, my boys! exert your mettle,
To get auld Scotland back her kettle;
Or faith! I'll wad my new pleugh-pettle,
Ye'll see't or lang,
She'll teach you, wi' a reekin whittle,
Anither sang.

This while she's been in crankous mood,
Her lost Militia fir'd her bluid;
(Deil na they never mair do guid,
Play'd her that pliskie!)
An' now she's like to rin red-wud
About her whisky.

Мне кое-чьих бы шей не жаль:
Сдавил – пожалте!

Спаси почтенных вас Господь!
Слеза матроны доброй хоть
Вас тронуть может на щепоть,
Заставить слушать,
Как патриотам чушь молоть,
Сколько скорбны души?

Кой-кто из вас в законы вник,
Искусство фраз и пауз постиг,
Риторику судейских книг –
Речам вослед
Сент-Стивен²¹⁷ список шлёт, старик,
Шотландских бед.

Вот Демпстер²¹⁸, скотт – упёртей нету,
Килкерран²¹⁹ (не склонить к обету),
Болтун-барон – роль выбрал эту
Помещик Грэм²²⁰;
Дандас²²¹ – обгонит мысль комету –
Известный всем;

Там Эрскину²²² не жаль усилий,
Там Кэмпбеллы – Фред, Айли²²³ – в силе,
Плешивый Ливингстон, сэр Вилли²²⁴,
Иная шатя;
Им Туллий с Демосфеном²²⁵ были
Родные братья.

Мой страж полночный, воин Хью²²⁶,
Коль бардам славить сталь твою,
Тебя я знаю и пою,
Ты б меч воздел,
Но, покоряясь забытью,
Ты не у дел.

Встряхнитесь, парни! Срок пришёл
Вернуть Шотландии котёл;
Не то – свой плуг поставлю, гол –
Наступит час,
Когда клинок отчизны, зол,
Проучит вас.

Пока же так распалена
Былой милицией²²⁷ она
(Пусть нету проку ни хрена
В последнем писке!),
Что, обезумевши, страна
Знай хлещет виски.

An' Lord! if ance they pit her till't,
Her tartan petticoat she'll kilt,
An'durk an' pistol at her belt,
 She'll tak the streets,
An' rin her whittle to the hilt,
 I' the first she meets!

For God sake, sirs! then speak her fair,
An' straik her cannie wi' the hair,
An' to the muckle house repair,
 Wi' instant speed,
An' strive, wi' a' your wit an' lear,
 To get remead.

Yon ill-tongu'd tinkler, Charlie Fox,
May taunt you wi' his jeers and mocks;
But gie him't het, my hearty cocks!
 E'en cove the cadie!
An' send him to his dicing box
 An' sportin' lady.

Tell you guid bluid o' auld Boconnock's,
I'll be his debt twa mashlum bonnocks,
An' drink his health in auld Nance Tinnock's
 Nine times a-week,
If he some scheme, like tea an' winnocks,
 Was kindly seek.

Could he some commutation broach,
I'll pledge my aith in guid braid Scotch,
He needna fear their foul reproach
 Nor erudition,
Yon mixtie-maxtie, queer hotch-potch,
 The Coalition.

Auld Scotland has a raucle tongue;
She's just a devil wi' a rung;
An' if she promise auld or young
 To tak their part,
Tho' by the neck she should be strung,
 She'll no desert.

And now, ye chosen Five-and-Forty,
May still you mither's heart support ye;
Then, tho'a minister grow dorty,
 An' kick your place,
Ye'll snap your gingers, poor an' hearty,
 Before his face.

God bless your Honours, a' your days,
Wi' sowps o' kail and brats o' claise,

Бог мой! Коль так страну прижать,
Та подоткнёт шотландки гладь,
И сталь, и ствол – за пояс хватать,
Верней всего,
И нож воткнёт по рукоять
Абы в кого!

Ей, господа, потрафьте ловко,
Погладьте нежно по головке,
И марш в парламент – пусть сноровка
Подгонит всех –
Где разум ваш и подготовка
Загладят грех.

Там Чарли Фокс²²⁸, болтливый чёрт,
Поднимет на смех – первый сорт;
Будь, петушки, ответ ваш твёрд,
Плут пуган вами!
Пусть трётся средь картёжных морд
Да липнет к даме.

Боконнока скажите крошке²²⁹:
Ему я должен две лепёшки,
У Нэнси²³⁰ в честь него немножко
Хлебнуть резон,
Коль планов – чай в них будь, окошки²³¹ –
Не бросит он.

Приступит к измененьям гусь,
Ему – на местном я (клянусь):
«Ни грязной ругани не трусь,
Ни эрудиций,
Чудную только не конфузь
Смесь коалиций».

Язык шотландский грубоват,
Его стране сам чёрт не брат;
Коль ощутит и стар и млад,
Что в ней оплот, –
Пусть стиснуть глотку норовят,
Не подведёт.

Отборных сорок пять²³²! Без спору,
Вам мать-отчизна даст опору;
Министр коль нагородит вздору,
Грозья прогнать,
Так покажите бузотёру,
Что вам плевать.

Благослови вас Бог во всём,
Снабди похлёбкой и тряпьем –

In spite o' a' the thievish kaes,
That haunt St. Jamie's!
Your humble poet sings an' prays,
While Rab his name is.

Postscript

Let half-starv'd slaves in warmer skies
See future wines, rich-clust'ring, rise;
Their lot auld Scotland ne're envies,
But, blythe and frisky,
She eyes her freeborn, martial boys
Tak aff their whisky.

What tho' their Phoebus kinder warms,
While fragrance blooms and beauty charms,
When wretches range, in famish'd swarms,
The scented groves;
Or, hounded forth, dishonour arms
In hungry droves!

Their gun's a burden on their shouter;
They downa bide the stink o' powther;
Their bauldest thought's a hank'ring swither
To stan' or rin,
Till skelp-a shot-they're aff, a'throw'ther,
To save their skin.

But bring a Scotchman frae his hill,
Clap in his cheek a Highland gill,
Say, such is royal George's will,
An' there's the foe!
He has nae thought but how to kill
Twa at a blow.

Nae cauld, faint-hearted doubtings tease him;
Death comes, wi' fearless eye he sees him;
Wi'bluidy hand a welcome gies him;
An' when he fa's,
His latest draught o' breathin lea'es him
In faint huzzas.

Sages their solemn een may steek,
An' raise a philosophic reek,
An' physically causes seek,
In clime an' season;
But tell me whisky's name in Greek
I'll tell the reason.

Scotland, my auld, respected mither!
Tho' whiles ye moistify your leather,

Назло тем галкам, что ворьём
Живут в Сент-Джеми²³³!
Ваш скромный бард поёт путём,
За Рэбом – время!

Постскриптум

Полуголодные рабы
На вина тёплых стран слабы,
Но не желает их судьбы
Задорный скотт:
Рождённый вольным для борьбы
Знай виски пьёт.

Притом, что солнце к ним добрей,
При красоте роскошной всей,
Когда на бой прёт меж ветвей
Душистых роц
Их люд, позоря сталь мечей,
Он жутко тощ!

Плечо им оттянул мушкет,
Вонь пороха – из худших бед,
В башках храбрее мысли нет,
Чем «вышел срок»;
Пальба – и, смешана как след,
Рать наутёк.

Но притащи шотландца с гор,
Чтоб губ от поила не отёр,
Скажи: Георг²³⁴ на драку скор,
И вот он, враг –
Так мигом тот сразит в упор
Двоих вояк!

Сомненьям труса нет здесь пищи;
На Смерть глядит – мол, нюх начищу,
И шлёт привет рукой в кровище;
Коль пасть пора,
Так дух последний еле сыщёт –
Вогнать в «ура».

Люд мудрый глазки закрывал,
Да философский дым пускал,
Про климат, дол и перевал
Судил умело;
Мне б знать, как элин виски звал –
Скажу, в чём дело.

Шотландии-мамаше близки
Порой мечты о лёгком спрыске;

Till, whare ye sit on craps o' heather,
Ye tine your dam;
Freedom an' whisky gang thegither!
Take aff your dram!

Address to the Unco Guid, or the Rigidly Righteous

My Son, these maxims make a rule,
An' lump them aye thegither;
The Rigid Righteous is a fool,
The Rigid Wise anither:
The cleanest corn that ere was dight
May hae some pyles o' caff in;
So ne'er a fellow-creature slight
For random fits o' daffin.

Solomon. – Eccles. ch. vii. verse 16.

O ye wha are sae guid yoursel',
Sae pious and sae holy,
Ye've nought to do but mark and tell
Your neibours' fauts and folly!
Whase life is like a weel-gaun mill,
Supplied wi' store o' water;
The heaped happer's ebbing still,
An' still the clap plays clatter.

Hear me, ye venerable core,
As counsel for poor mortals
That frequent pass douce Wisdom's door
For glaikit Folly's portals:
I, for their thoughtless, careless sakes,
Would here propone defences –
Their donsie tricks, their black mistakes,
Their failings and mischances.

Ye see your state wi' theirs compared,
And shudder at the niffer;
But cast a moment's fair regard,
What maks the mighty differ;
Discount what scant occasion gave,
That purity ye pride in;
And (what's aft mair than a' the lave),
Your better art o' hidin.

Think, when your castigated pulse
Gies now and then a wallop!
What ragings must his veins convulse,
That still eternal gallop!
Wi' wind and tide fair i' your tail,
Right on ye scud your sea-way;

Обмочится на вереск низкий –
Не обессудь;
Свобода неразлучна с виски!
Спеши хлебнуть!

Обращение к весьма хорошим или сугубо праведным

Мой сын, свод этих правил благ,
Их разделять негоже:
Сугубо Праведный – дурак,
Сугубо Мудрый – тоже;
Найдёшь в пшенице, чище нет,
Достаточно мякины,
И презирать парням не след
Веселья всплеск невинный.

Соломон, Екклес., гл. VII, стих 16²³⁵

О, вам, на ком добра печать –
Столь набожны, столь святы –
Осталось только примечать,
В чём люди виноваты!
На вашей мельнице житья
Всегда напор водицы;
Пускай в воронке нет сырья,
Вовсю стрекочут плицы!

Внимай, почтеннейший народ,
Судящий смертных прытко:
Портал, мол, к Глупости портал ведёт,
А к Мудрости – калитка!
За их беспечность, лёгкость уз
Вступлюсь; возьму, тем паче,
Проделок и промашек груз,
Провалы, неудачи.

Сравненье с ними вас порой
Пугает, в дрожь бросая;
Был, может, светлый миг какой,
Что разница такая?
Помог вам случай-дуралей,
Чисты вы и чванливы,
И (что частенько поважней)
Всё ловко скрыть смогли вы.

Чуть пульс, глядишь, смогли унять –
По венам лупит снова!
Какая ж каверза опять
Гнать вскачь его готова?
Течение с ветром вам в корму –
Вовсю несётся судно;

But in the teeth o' baith to sail,
It maks a unco lee-way.

See Social Life and Glee sit down,
All joyous and unthinking,
Till, quite transmugrified, they're grown
Debauchery and Drinking:
O would they stay to calculate
Th' eternal consequences;
Or your more dreaded hell to state,
Damnation of expenses!

Ye high, exalted, virtuous dames,
Tied up in godly laces,
Before ye gie poor Frailty names,
Suppose a change o' cases;
A dear-lov'd lad, convenience snug,
A treach'rous inclination –
But let me whisper i' your lug,
Ye're aiblins nae temptation.

Then gently scan your brother man,
Still gentler sister woman;
Tho' they may gang a kennin wrang,
To step aside is human:
One point must still be greatly dark, –
The moving Why they do it;
And just as lamely can ye mark,
How far perhaps they rue it.

Who made the heart, 'tis He alone
Decidedly can try us;
He knows each chord, its various tone,
Each spring, its various bias:
Then at the balance let's be mute,
We never can adjust it;
What's done we partly may compute,
But know not what's resisted.

Holy Willie's Prayer

"And send the godly in a pet to pray."
– Pope.

Argument.

Holy Willie was a rather oldish bachelor elder, in the parish of Mauchline, and much and justly famed for that polemical chattering, which ends in tippling orthodoxy, and for that spiritualized bawdry which refines to liquorish devotion. In a sessional process with a gentleman in Mauchline – a Mr. Gavin Hamilton – Holy Willie and his priest, Father Auld, after full hearing in the presbytery of Ayr, came off but second best; owing partly to the oratorical powers of Mr. Robert Aiken, Mr. Hamilton's counsel; but chiefly to Mr. Hamilton's being one of the most irreproachable and truly respectable charac-

Коль сход стихий не по уму,
Так опоздать нетрудно.

Вон, рядом Песнь и Этикет,
Бессмысленны и рады,
Но вдруг всё дыбом, спасу нет:
Бей, пей, круши преграды;
Ох, если бы вели подсчёт
(Извечны результаты)
Иль – что похуже – чёрт шепнёт:
Будь прокляты затраты!

О дамы, чей престиж высок,
Сурово благочестье!
Представьте – будет клясть Порок! –
Себя на том же месте:
Красавчик, в негах скрыта суть,
Предательских, но милых...
Но дайте на ушко шепнуть:
Вы соблазнить не в силах.

Будь брат судим, помягче с ним,
Тем более с сестрицей;
Был сделан шаг чуть-чуть не так –
Пенять им не годится;
Порывы, что людей ведут,
Понять ужасно сложно;
Приметить толком не дадут,
Сколь каются, возможно.

Лишь у Того, кто нас душой
Снабдил, права не зыбки:
Все струны знает, тон любой,
Мотивы и ошибки;
В итоге же уста сомкнём,
Ведь сыщем суть едва ли:
Что сделали, кой-как поймём –
Как знать, в чём устояли?

Молитва святоши Вилли

«Благочестивых учишь ты ханжить».

*Поуп*²³⁶

Пояснение

Святоша Вилли²³⁷ был пожилой холостяк, староста прихода в Мо́хлине²³⁸, хорошо и по заслугам известный той полемической болтовнёй, какую завершает поток благочестия, и той одухотворённой руганью, которая возвышается до страстной набожности. В церковном процессе над мохлинским джентльменом (мистером Гэвином Хэмилтоном²³⁹) святоша Вилли и его священник, отец Олд, после подробного слушания в пресвитерианском суде Эйра потерпели поражение; тому частично способствовало ораторское искусство мистера Роберта Эйкена²⁴⁰, адвоката мисте-

ters in the county. On losing the process, the muse overheard him [Holy Willie] at his devotions, as follows: –

O Thou, who in the heavens does dwell,
Who, as it pleases best Thysel',
Sends ane to heaven an' ten to hell,
 A' for Thy glory,
And no for ony gude or ill
 They've done afore Thee!

I bless and praise Thy matchless might,
When thousands Thou hast left in night,
That I am here afore Thy sight,
 For gifts an' grace
A burning and a shining light
 To a' this place.

What was I, or my generation,
That I should get sic exaltation,
I wha deserve most just damnation
 For broken laws,
Sax thousand years ere my creation,
 Thro' Adam's cause?

When frae my mither's womb I fell,
Thou might hae plunged me in hell,
To gnash my gums, to weep and wail,
 In burnin lakes,
Where damned devils roar and yell,
 Chain'd to their stakes.

Yet I am here a chosen sample,
To show thy grace is great and ample;
I'm here a pillar o' Thy temple,
 Strong as a rock,
A guide, a buckler, and example,
 To a' Thy flock!

O Lord, Thou kens what zeal I bear,
When drinkers drink, an' swearers swear,
An' singin there, an' dancin here,
 Wi' great and sma';
For I am keepit by Thy fear
 Free frae them a'.

But yet, O Lord! confess I must,
At times I'm fash'd wi' fleshly lust:
An' sometimes, too, in wardly trust,
 Vile self gets in:
But Thou remembers we are dust,
 Defil'd wi' sin.

ра Хэмилтона, но главным образом то, что мистер Хэмилтон являлся одной из безупречнейших и поистине достойных личностей в графстве. После проигрыша дела муза подслушала вот такие заверения в преданности его [святоши Вилли] Господу:

О Ты, с Небес простёрший взгляд,
Кто шлёт, Себя потешить рад,
Кого-то в рай, десяток – в ад,
 Себе во славу:
И праведных, и грешных чад –
 В одну ораву!

Я у Твоих склоняюсь ног;
Ты тысячи во тьму сволок,
Меня же под Свой взор привлёк –
 О благодать!
Горящий и светящий смог
 Светильник дать²⁴¹.

Наградой мне – иль поколенью –
Такое стало возвышенье,
Хоть за Адама преступленье
 Прощенья нет
Шесть тысяч лет до появленья
 На Божий свет?

Лишь родила малютку мать,
Ты в пекло мог меня послать
Под скрежет дёсен выть, рыдать
 В огне озёр,
Где дьяволов цепная рать
 Визг сводит в ор.

Но здесь я избран образцом:
Являть, сколь Ты велик во всём;
Во храме Божьем став столпом²⁴²
 Прочней иных,
Проводником став и щитом
 Для стад Твоих!

Господь, ретивей нет меня,
Будь пьянство где или ругня;
Поёт ли, пляшет ребятня
 Иль кто другой –
Уж я-то, Божий страх храня,
 К ним ни ногой.

Но сознаюсь Тебе, Господь:
Порою похоть дразнит плоть,
Иной раз трудно побороть
 Мирскую страсть;
Но помнишь: персти мы щепоть²⁴³,
 Как в грех ни впасть?

O Lord – yestreen – Thou kens – wi' Meg –
Thy pardon I sincerely beg!
O may't ne'er be a livin plague
 To my dishonour,
An' I'll ne'er lift a lawless leg
 Again upon her.

Besides, I farther maun allow,
Wi' Leezie's lass, three times I trow –
But Lord, that Friday I was fou,
 When I cam near her;
Or else, Thou kens, Thy servant true
 Wad never steer her.

Maybe Thou lets this fleshly thorn
Buffet Thy servant e'en and morn,
Lest he owre proud and high shou'd turn,
 That he's sae gifted:
If sae, Thy han' maun e'en be borne,
 Until Thou lift it.

Lord, bless Thy chosen in this place,
For here Thou hast a chosen race:
But God confound their stubborn face,
 An' blast their name,
Wha bring Thy elders to disgrace
 An' public shame.

Lord, mind Gaw'n Hamilton's deserts;
He drinks, an' swears, an' plays at cartes,
Yet has sae mony takin arts,
 Wi' great and sma',
Frae God's ain priest the people's hearts
 He steals awa.

An' when we chasten'd him therefor,
Thou kens how he bred sic a splore,
An' set the warld in a roar
 O' laughing at us; –
Curse Thou his basket and his store,
 Kail an' potatoes.

Lord, hear my earnest cry and pray'r,
Against that Presbyt'ry o' Ayr;
Thy strong right hand, Lord, make it bare
 Upo' their heads;
Lord visit them, an' dinna spare,
 For their misdeeds.

O Lord, my God! that glib-tongu'd Aiken,
My vera heart and flesh are quakin,
To think how we stood sweatin', shakin,

Всевышний, знаешь... с Мэг... вчера...
Прости, ведь длань Твоя добра!
Да не сгнию я до нутра
 За то бесчестье!
На Мэгги больше – чур-чура –
 Не стану лезть я.

Ещё таскаю грех внутри:
Я дочке Лизи – раза три...
В ту пятницу, Господь, смотри,
 Я принял флягу,
Не то б слуга Твой, хоть помри,
 А к ней ни шагу.

Коль плоть слуги бичуешь Ты
С рассвета и до темноты,
Чтоб не решил тот: сплошь чисты
 Его деянья,
Благословляю Твои персты
 До воздаянья!

Благослови же Твой приход,
Ведь здесь отборнейший народ!
Но проклят будь упрямец тот,
 Чьё имя вздор:
На старост, гад, хулу несёт,
 Сулит позор.

Вот, Боже, Гэвин Хэмилтон:
Ругатель, пьянь, картёжник он,
Но так во всех делах силен,
 Что стар и млад
Уйти – забыв, за кем амвон –
 С ним норовят.

Его корили мы – взгляни,
Собрал дружков без суетни;
На нас обрушив гвалт, они
 В насмешках гадки...
Его кладовки прокляни,
 А также грядки!²⁴⁴

Мольбу и крик²⁴⁵ из Эйра шлю:
Здесь от пресвитеров терплю;
Десницы мощь обрушь свою
 На главы сих²⁴⁶;
Карай без жалости, молю,
 Злодеяния их.

Вот Эйкен²⁴⁷, Боже! Так болтает,
Что душу с телом сотрясает,
Лишь вспомню: в пот и дрожь бросает,

An' piss'd wi' dread,
While he, wi' hingin lip an' snakin,
Held up his head.

Lord, in Thy day o' vengeance try him,
Lord, visit them wha did employ him,
And pass not in Thy mercy by 'em,
Nor hear their pray'r,
But for Thy people's sake, destroy 'em,
An' dinna spare.

But, Lord, remember me an' mine
Wi' mercies temp'ral an' divine,
That I for grace an' gear may shine,
Excell'd by nane,
And a' the glory shall be thine,
Amen, Amen!

Epistle to a Young Friend

I Lang hae thought, my youthfu' friend,
A something to have sent you,
Tho' it should serve nae ither end
Than just a kind memento:
But how the subject-theme may gang,
Let time and chance determine;
Perhaps it may turn out a sang:
Perhaps turn out a sermon.

Ye'll try the world soon, my lad;
And, Andrew dear, believe me,
Ye'll find mankind an unco squad,
And muckle they may grieve ye:
For care and trouble set your thought,
Ev'n when your end's attained;
And a' your views may come to nought,
Where ev'ry nerve is strained.

I'll no say, men are villains a';
The real, harden'd wicked,
Wha hae nae check but human law,
Are to a few restricked;
But, Och! mankind are unco weak,
An' little to be trusted;
If self the wavering balance shake,
It's rarely right adjusted!

Yet they wha fa' in fortune's strife,
Their fate we shouldna censure;
For still, th' important end of life
They equally may answer;

Течёт моча,
Когда башку он задирает,
Знай гогоча!

Господь, измучь его в день мести,
Господь, карай с начальством вместе:
Не донесут пусть – много чести –
Мольбы своей;
Во имя преданных, бей бестий
И не жалей.

А для меня и всех моих
Даров и горних, и земных
Отсыпь, чтоб превзойти иных,
Куда ни кинь,
Деянья слава рук Твоих –
Аминь, аминь!

Письмо юному другу

Немало думал, юный друг,
Как сочинить посланье,
Пусть в нём не тем широкий круг,
А так, напоминанье;
Придам подвластной мысли вид
Случайный в этот день я:
Возможно, песня прозвучит,
Возможно – наставленье.

Ты скоро вступишь в мир, дружок;
Поверь мне, Эндрю²⁴⁸, малый:
Там люди странные чуток,
Чем огорчат, пожалуй;
Нести забот и тягот гнёт
До дней последних тяжко,
И взглядов ширь в ничто ужмёт,
Коль каждый нерв внатяжку.

Отвратны люди не всегда;
Тех, кто паскуден строго,
Которым лишь закон узда –
Их, в сущности, немного,
Но ох, как слаб-то смертный сам!
Не чую веры здесь я;
Качаешься, подстать весам –
Ждать трудно равновесья!

Кто пал в борьбе – удачи нет –
Тех порицать излишне,
Ведь призовёт на склоне лет
К ответу их Всевышний;

A man may hae an honest heart,
Tho' poortith hourly stare him;
A man may tak a neibor's part,
Yet hae nae cash to spare him.

Aye free, aff-han', your story tell,
When wi' a bosom crony;
But still keep something to yoursel',
Ye scarcely tell to ony:
Conceal yoursel' as weel's ye can
Frae critical dissection;
But keek thro' ev'ry other man,
Wi' sharpen'd, sly inspection.

The sacred lowe o' weel-plac'd love,
Luxuriantly indulge it;
But never tempt th' illicit rove,
Tho' naething should divulge it:
I waive the quantum o' the sin,
The hazard of concealing;
But, Och! it hardens a' within,
And petrifies the feeling!

To catch dame Fortune's golden smile,
Assiduous wait upon her;
And gather gear by ev'ry wile
That's justified by honour;
Not for to hide it in a hedge,
Nor for a train attendant;
But for the glorious privilege
Of being independent.

The fear o' hell's a hangman's whip,
To haud the wretch in order;
But where ye feel your honour grip,
Let that aye be your border;
Its slightest touches, instant pause –
Debar a' side-pretences;
And resolutely keep its laws,
Uncaring consequences.

The great Creator to revere,
Must sure become the creature;
But still the preaching cant forbear,
And ev'n the rigid feature:
Yet ne'er with wits profane to range,
Be complaisance extended;
An atheist-laugh's a poor exchange
For Deity offended!

Душою чистому свой взгляд
Шлёт бедность ежечасно –
Вступить за соседа рад,
Но ссуды ждать напрасно.

Веди свободно разговор
Ты с другом закадычным,
Но всё же явный перебор –
Хоть с кем болтать о личном;
Скрывай своё, по мере сил,
От обсуждения люда,
Но сам вглядись, являя пыл,
В любого, что нехудо.

Когда чиста любовь, огонь свят,
И радость несказанна,
Но к грязной страсти наугад
Брести – пусть скрытно – странно;
Я сам изведал этот грех,
Опасность не открылась,
Но огрубел от тех утех,
И чувство притупилось!

Удачи золотой оскал
Поймать стремись упорно;
Копи, как сможешь, капитал –
Лишь было б не зазорно;
Не для трясушки над мошной,
И не друзьям в угоду –
Для привилегии одной:
С ним обрести свободу.

Страх ада, как палач с кнутом,
Скота уймёт умело,
Тебе же честь опорой в том,
Не преступай предела;
Коснётся чуть – тотчас резон
Отбросить притязанья;
Незыблем будь её закон,
Итогу – ноль вниманья.

Почтенья должно ждать Творцу
Лишь только от творенья;
Плевать на службы не к лицу,
Пусть строг язык служенья;
Безбожно не спеши острить,
Учтивым будь премного;
Смех атеиста не сравнить
С ответным гневом Бога!

When ranting round in pleasure's ring,
Religion may be blinded;
Or if she gie a random sting,
It may be little minded;
But when on life we're tempest driv'n –
A conscience but a canker –
A correspondence fix'd wi' Heav'n,
Is sure a noble anchor!

Adieu, dear, amiable youth!
Your heart can ne'er be wanting!
May prudence, fortitude, and truth,
Erect your brow undaunting!
In ploughman phrase, "God send you speed,"
Still daily to grow wiser;
And may ye better reckon the rede,
Then ever did th' adviser!

Tam Samson's Elegy

When this worthy old sportman went out, last muirfowl season, he supposed it was to be, in Ossian's phrase, "the last of his fields," and expressed an ardent wish to die and be buried in the muirs. On this hint the author composed his elegy and epitaph.

An honest man's the noblest work of God.
Pope .

Has auld Kilmarnock seen the deil?
Or great Mackinlay thrawn his heel?
Or Robertson again grown weel,
To preach an' read?
"Na' waur than a'! cries ilka chiel,
"Tam Samson's dead!"

Kilmarnock lang may grunt an' grane,
An' sigh, an' sab, an' greet her lane,
An' cleed her bairns, man, wife, an' wean,
In mourning weed;
To Death she's dearly pay'd the kane –
Tam Samson's dead!

The Brethren, o' the mystic level
May hing their head in woefu' bevel,
While by their nose the tears will revel,
Like ony bead;
Death's gien the Lodge an unco devel;
Tam Samson's dead!

When Winter muffles up his cloak,
And binds the mire like a rock;
When to the loughs the curlers flock,
Wi' gleesome speed,

Когда утехи водят круг,
Религия – тупица;
Её, пускай ужалит вдруг,
В расчёт брать не годится;
Но только буря ворвалась,
Язвит нас совесть всяко,
Вот тут с Престолом горним связь –
Вполне достойный якорь!

Мой славный юноша, прощай!
Быть сердцу глупым – зряшно!
Уму, отваге, правде дай
Гнуть бровь дугой бесстрашно!
Как пахарь скажет, «дай Бог прыть»
Набраться дум нехилых,
Усвоить больше, может быть,
Чем был советчик в силах!

Элегия на смерть Тэма Сэмсона

Когда этот достойный пожилой спортсмен в прошлый раз вышел на охоту за болотной дичью, он предположил, что пройдёт, следуя фразе Оссиана, «последним из своих полей»²⁴⁹, и выразил горячее желание умереть и упокоиться на торфяниках. Следуя намёку, автор сочинил ему элегию и эпитафию²⁵⁰.

Честный человек – достойнейший из трудов Господа.
*Поун*²⁵¹

Узрел Килмарнок²⁵² чёрта вдруг?
Маккинлей²⁵³ потерял каблук?
Иль Робертсон²⁵⁴, из Божьих слуг,
К пюпитру встал?
«Нет, хуже, – все вопят вокруг, –
Тэм Сэмсон пал!»

В Килмарноке – и хрип, и стон,
Плач, вздохи, рёв со всех сторон,
И в траур ныне облачён
И стар и мал;
Воздал натурой Смерти он:
«Тэм Сэмсон пал!»

Там Братья, мистики сплошные²⁵⁵,
Склонить прискорбно могут выи;
По носу чётки слёз такие –
Век не видал;
Смерть ложу пнула так впервые:
«Тэм Сэмсон пал!»

Когда надет зимы наряд,
И топи, как скала, звенят,
К озёрам кёрлеры²⁵⁶ летят –
Их топот шал –

Wha will they station at the cock?
Tam Samson's dead!

He was the king o' a' the core,
To guard, or draw, or wick a bore,
Or up the rink like Jehu roar,
In time o' need;
But now he lags on Death's hog-score –
Tam Samson's dead!

Now safe the stately sawmont sail,
And trouts bedropp'd wi' crimson hail,
And eels, weel-ken'd for souple tail,
And geds for greed,
Since, dark in Death's fish-creel, we wail
Tam Samson's dead!

Rejoice, ye birring paitricks a';
Ye cootie muircocks, crouselly craw;
Ye maukins, cock your fud fu' braw
Withouten dread;
Your mortal fae is now awa;
Tam Samson's dead!

That woefu' morn be ever mourn'd,
Saw him in shooting graith adorn'd,
While pointers round impatient burn'd,
Frae couples free'd;
But och! he gaed and ne'er return'd!
Tam Samson's dead!

In vain auld age his body batters,
In vain the gout his ancles fetters,
In vain the burns cam down like waters,
An acre braid!
Now ev'ry auld wife, greetin, clatters
"Tam Samson's dead!"

Owre mony a weary hag he limpit,
An' aye the tither shot he thumpit,
Till coward Death behind him jumpit,
Wi' deadly feid;
Now he proclaims wi' tout o' trumpet,
"Tam Samson's dead!"

When at his heart he felt the dagger,
He reel'd his wonted bottle-swagger,
But yet he drew the mortal trigger,
Wi' weel-aimed heed;
"Lord, five!" he cry'd, an' owre did stagger –
Tam Samson's dead!

О чём приметливо галдят?
«Тэм Сэмсон пал!»

Он был король средь игроков,
И защищать, и гнать готов,
Как Ииуй²⁵⁷, катку слал рёв,
Коль зрел провал...
Смерть обошла на тьму очков:
Тэм Сэмсон пал!

Теперь уйдёт, могуч, лосось,
Град алых брызг форели – сквозь,
Угря поймать попытки брось,
Прок в щуках мал:
Скорбим, в садке у Смерти гость:
Тэм Сэмсон пал!

Будь весел, куропаток рой:
Самцам вольно слать голос свой;
У вас, зайчишки, страх любой,
Считай, пропал;
Ваш смертный враг путь кончил свой,
Тэм Сэмсон пал!

Скорбь над тем утром уж навек:
Был щёголь в поле человек,
И каждый пойнтер, рьян и пег,
Огнём пылал,
Но дней, ох, невозвратен бег!
Тэм Сэмсон пал!

Зря плоть ждала от лет расправы,
Подагра грызла зря суставы,
На акры полнил зря канавы
Весенний вал!
Старух плач всюду шепелявый:
«Тэм Сэмсон пал!»

Он исходил болот немало,
И дробь на дуплет хватало,
Но со спины Смерть набежала –
И вот финал;
Теперь в трубу проверещала:
«Тэм Сэмсон пал!»

Когда кинжал под бок вплотную,
Взболтнул он флягу – мол, хлебну я –
На смертоносный спуск вслепую
Легко нажал;
«Бог, руку! – крикнул, шаткость чуя, –
Тэм Сэмсон пал!»

Ilk hoary hunter mourn'd a brither;
Ilk sportsman youth bemoan'd a father;
Yon auld gray stane, amang the heather,
 Marks out his head;
Whare Burns has wrote, in rhyming blether,
 "Tam Samson's dead!"

There, low he lies, in lasting rest;
Perhaps upon his mould'ring breast
Some spitefu' muirfowl bigs her nest
 To hatch an' breed:
Alas! nae mair he'll them molest!
 Tam Samson's dead!

When August winds the heather wave,
And sportsmen wander by yon grave,
Three volleys let his memory crave,
 O' pouter an' lead,
Till Echo answer frae her cave,
 "Tam Samson's dead!"

Heav'n rest his saul whare'er he be!
Is th' wish o' mony mae than me:
He had twa fauts, or maybe three,
 Yet what remead?
Ae social, honest man want we:
 Tam Samson's dead!

The Epitaph

Tam Samson's weel-worn clay here lies
 Ye canting zealots, spare him!
If honest worth in Heaven rise,
 Ye'll mend or ye win near him.

Per Contra

Go, Fame, an' canter like a filly
Thro' a' the streets an' neuks o' Killie;
Tell ev'ry social honest billie
 To cease his grievin';
For, yet unskaited by Death's gleg gullie.
 Tam Samson's leevin'!

A Winter Night

Poor naked wretches, wheresoe'er you are,
That bide the pelting of this pitiless storm!
How shall your houseless heads, and unfed sides,
Your loop'd and window'd raggedness, defend you
From seasons such as these?

Shakespeare

Охотник, сед, оплачет брата,
Папашу – игроки-ребята;
Вон, среди вереска горбато
Сер-камень встал,
Где рифма Бёрнса слабовата:
«Тэм Сэмсон пал!»

Там вечный он обрёл оплот;
А вдруг над местом, где гниёт,
Злых птах чета гнездо совьёт –
Приплод немал –
Раз бед, увы, уже не ждёт?
Тэм Сэмсон пал!

Где вереск в августе волной,
Спортсмены пробредут гурьбой;
К трём залпам над могилой той
Горит запал;
Простится эхо с глубиной:
«Тэм Сэмсон пал!»

Всевышний, душу прибери!
То многих мысль, держу пари;
Грехов за ним – ну два, ну три;
Кто б вместо встал?
Уж там за парнем присмотри:
Тэм Сэмсон пал!

Эпитафия

Свой прах Тэм Сэмсон бросил здесь,
И вам, ханжам, его хранить!
Достойный смог на Небо влезть –
Как вам такое заслужить?

*Per Contra*²⁵⁸

Скачи, Молва, подстать кобыле,
По улицам родного Килли²⁵⁹,
И всех парней, что приуныли,
Уйми словами;
Такого Смерть скосить не в силе.
Тэм Сэмсон с нами!

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Бездомные, нагие горемыки,
Где вы сейчас? Чем отразите вы
Удары этой лютой непогоды –
В лохмотьях, с непокрытой головой
И тощим брюхом?

*Шекспир*²⁶⁰

When biting Boreas, fell and dour,
Sharp shivers thro' the leafless bow'r;
When Phoebus gies a short-liv'd glow'r,
 Far south the lift,
Dim-dark'ning thro' the flaky show'r,
 Or whirling drift:

Ae night the storm the steeples rocked,
Poor Labour sweet in sleep was locked,
While burns, wi' snawy wreaths up-choked,
 Wild-eddying swirl;
Or, thro' the mining outlet bocked,
 Down headlong hurl:

List'ning the doors an' winnocks rattle,
I thought me on the ourie cattle,
Or silly sheep, wha bide this brattle
 O' winter war,
And thro' the drift, deep-lairing, sprattle
 Beneath a scar.

Ilk happing bird, – wee, helpless thing!
That, in the merry months o' spring,
Delighted me to hear thee sing,
 What comes o' thee?
Whare wilt thou cow'r thy chittering wing,
 An' close thy e'e?

Ev'n you, on murdering errands toil'd,
Lone from your savage homes exil'd,
The blood-stain'd roost, and sheep-cote spoil'd
 My heart forgets,
While pityless the tempest wild
 Sore on you beats!

Now Phoebe in her midnight reign,
Dark-muff'd, view'd the dreary plain;
Still crowding thoughts, a pensive train,
 Rose in my soul,
When on my ear this plaintive strain,
 Slow, solemn, stole: –

"Blow, blow, ye winds, with heavier gust!
And freeze, thou bitter-biting frost!
Descend, ye chilly, smothering snows!
Not all your rage, as now united, shows
 More hard unkindness unrelenting,
 Vengeful malice unrepenting,
Than heaven-illumin'd Man on brother Man bestows!

Когда Борей²⁶¹, суров и зол,
Беседку голую промёл,
А Феб²⁶² свой взор тотчас отвёл,
 Подкрасив юг,
И сквозь пургу во тьму ушёл
 Вертявых вьюг,

В ночи, когда шторм башни тряс,
Трудяг лишь сон, окутав, спас;
Ручьи вели в сугробах пляс-
 водоворот,
Не то несли, прорвавшись враз,
 Всю ярость вод;

Под дребезг окон, скрип дверей
Скот главной мыслью стал моей
Иль овцы: глупым тяжелей
 В ревуций хлад
Брести в метели у камней,
 Что чуть торчат.

Пичуга, беззащитна сплошь!
Когда был день весны пригож,
Мне пела сладко ты; так что ж
 С тобой сейчас?
Где, сжавшись, дрожь крыла уймёшь,
 Защуришь глаз?

О вас, измученных трудом,
Чей вдалеке родимый дом –
Насест ли, крыша над гуртом –
 Не вспомнил, нет,
И вот буран – где жалость в нём? –
 Наделал бед!

Царит над полночью луна;
Льёт свет в тоскливый дол она,
И думы, за одной одна,
 В душе встают;
И песня, медленно-грустна,
 Приходит тут:

«Дуй, ветер, дуй, не знай преград!
Морозь, кусая крепко, хлад!
Улягся, пелена снегов!
Ваш пыл явить нам не готов
 Безжалостную ярь сильнее
 И мстительную злобу злее,
Чем смертный, если свят, на друга льёт без слов!

"See stern Oppression's iron grip,
Or mad Ambition's gory hand,
Sending, like blood-hounds from the slip,
Woe, Want, and Murder o'er a land!
Ev'n in the peaceful rural vale,
Truth, weeping, tells the mournful tale,
How pamper'd Luxury, Flatt'ry by her side,
The parasite empoisoning her ear,
With all the servile wretches in the rear,
Looks o'er proud Property, extended wide;
And eyes the simple, rustic hind,
Whose toil upholds the glitt'ring show –
A creature of another kind,
Some coarser substance, unrefin'd –
Plac'd for her lordly use thus far, thus vile, below!

"Where, where is Love's fond, tender throe,
With lordly Honour's lofty brow,
The pow'rs you proudly own?
Is there, beneath Love's noble name,
Can harbour, dark, the selfish aim,
To bless himself alone?
Mark maiden-innocence a prey
To love-pretending snares:
This boasted Honour turns away,
Shunning soft Pity's rising sway,
Regardless of the tears and unavailing pray'rs!
Perhaps this hour, in Misery's squalid nest,
She strains your infant to her joyless breast,
And with a mother's fears shrinks at the rocking blast!

"Oh ye! who, sunk in beds of down,
Feel not a want but what yourselves create,
Think, for a moment, on his wretched fate,
Whom friends and fortune quite disown!
Ill-satisfy'd keen nature's clamorous call,
Stretch'd on his straw, he lays himself to sleep;
While through the ragged roof and chinky wall,
Chill, o'er his slumbers, piles the drift heap!
Think on the dungeon's grim confine,
Where Guilt and poor Misfortune pine!
Guilt, erring man, relenting view,
But shall thy legal rage pursue
The wretch, already crushed low
By cruel Fortune's undeserved blow?
Affliction's sons are brothers in distress;
A brother to relieve, how exquisite the bliss!"

I heard nae mair, for Chanticleer
Shook off the pouthery snaw,
And hail'd the morning with a cheer,
A cottage-rousing crow.

Сумей хват Гнёта ощутить
Иль дикой Цели кровь узнай,
Несущих, словно гончих прыть,
Беду, Нужду и Смерть в наш край!
Ведь даже в мирный сельский дол
Прискорбной правды плач пришёл,
Как Роскошь (а бок обок с нею Лесть)
Знай травят приживалы слух,
Тех волокут, в ком рабский дух,
Когда Земель наследственных не счесть;
Ей мнится, что простой плутарь
(Рвёт жилы, кормит егозу!) –
Совсем иного рода тварь,
Из грубых, неучтивых харь –
Их светлости служба, будь, дрянь, вдали, внизу!

Где нежное страданье, чтоб
Присутствовал высокий лоб,
Вам отданный во власть?
А вдруг под именем любви
Скрыт себялюбец-визави,
Лишь сам живущий всласть?
Невинность девичью, заметь,
Ждать может хитрости силок;
Хвастливый Гонор сникнет впредь,
Власть может Чёрствость занять:
Ей слёзы ни к чему, мольбы ей невдомёк!
И тут, возможно, в скопище Невзгод
Твое дитя к сухой груди прижмёт,
Чтоб материнский страх и на ветру сберёг!

О, вам, в перины вжатым целиком,
Тем, кто своим желаньям господин,
На миг бы мысль о жребии лихом
Того, кто, при друзьях, всегда один!
Презревши зов природы, он, взамен,
Улегся на соломе в царстве снов,
Пока сквозь дыры крыши, щели стен
Не хлынет хлад сквозь сон, всё сместь готов!
Вы вспомнить про острог должны
Для Невезенья и Вины!
Виновен – взгляд смягчает ваш;
Готовы ль свой направить раж
На парня, что уж сокрушён
Фортуной злой, хоть честен он?
Сыны страданий – братья в море бед;
Дать брату руку – выше счастья нет!»

Не слышал дальше: ведь петух,
Снежок стряхнувши с крыл,
Восславил утро во весь дух,
Дом криком разбудил.

But deep this truth impress'd my mind –
Thro' all His works abroad,
The heart benevolent and kind
The most resembles God.

Scotch Drink

Gie him strong drink until he wink,
That's sinking in despair;
An' liquor guid to fire his bluid,
That's prest wi' grief and care:
There let him bouse, an' deep carouse,
Wi' bumpers flowing o'er,
Till he forgets his loves or debts,
An' minds his griefs no more.
Solomon's Proverbs, xxxi. 6, 7.

Let other poets raise a fracas
'Bout vines, an' wines, an' drucken Bacchus,
An' crabbit names an' stories wrack us,
An' grate our lug:
I sing the juice Scotch bear can mak us,
In glass or jug.

O thou, my muse! guid auld Scotch drink!
Whether thro' wimplin worms thou jink,
Or, richly brown, ream owre the brink,
In glorious faem,
Inspire me, till I lisp an' wink,
To sing thy name!

Let husky wheat the haughs adorn,
An' aits set up their awnie horn,
An' pease and beans, at e'en or morn,
Perfume the plain:
Leeze me on thee, John Barleycorn,
Thou king o' grain!

On thee aft Scotland chows her cood,
In souple scones, the wale o' food!
Or tumblin in the boiling flood
Wi' kail an' beef;
But when thou pours thy strong heart's blood,
There thou shines chief.

Food fills the wame, an' keeps us leevin;
Tho' life's a gift no worth receivin,
When heavy-dragg'd wi' pine an' grievin;
But, oil'd by thee,
The wheels o' life gae down-hill, scrievin,
Wi' rattlin glee.

Но правды след в уме такой:
Твореньям нет конца,
Но больше тот, кто добр душой,
Походит на Творца.

Шотландское питьё

Пусть прихлебнёт да подмигнёт,
Кто потонул в печали,
Напиток вновь разгонит кровь,
Коль беды поприжали;
Ещё глоток, чтоб встать не смог –
Тут через край бокалы –
И ты не раб долгов и баб,
До горя дела мало.

Книга Притчей Соломоновых, XXXI, 6, 7²⁶³

Пусть барды ссорятся без прока:
Вакх – пьянь, а лоз и вин морока
Терзает уши презжестоко;
Конец вранью!
Пою ячмень наш, давший соку
В стакан, бадью.

О муза! Добрый старый скотч²⁶⁴!
Виясь, шая, из жбана прочь
Иль тёмной пеной ты охоч
Бежать за край,
Тебя – лишь хмель бы превозмочь –
Воспеть мне дай!

Пшеница красит пусть гумно,
Пусть у овса усов полно,
Шлют дух низинам, раз дано,
Горох, фасоль –
Ты, Джон Ячменное Зерно²⁶⁵,
Средь них король!

В шотландской жвачке ты хорош:
Лепёшек мягче не найдёшь!
Ты и в супец бурлящий вхож
С капустой, мясом;
Но бурно кровь пуская, всё ж
Ты выше классом.

Корм – брюху: жизнь удержит в теле,
Хоть та горька, на самом деле;
Невзгоды, беды одолели,
Но смажешь чуть
Колёса жизни – видно еле:
Спешат шумннуть.

Thou clears the head o'doited Lear;
Thou cheers ahe heart o' drooping Care;
Thou strings the nerves o' Labour sair,
 At's weary toil;
Though even brightens dark Despair
 Wi' gloomy smile.

Aft, clad in massy siller weed,
Wi' gentles thou erects thy head;
Yet, humbly kind in time o' need,
 The poor man's wine;
His weep drap parritch, or his bread,
 Thou kitchens fine.

Thou art the life o' public haunts;
But thee, what were our fairs and rants?
Ev'n godly meetings o' the saunts,
 By thee inspired,
When gaping they besiege the tents,
 Are doubly fir'd.

That merry night we get the corn in,
O sweetly, then, thou reams the horn in!
Or reekin on a New-year morning
 In cog or bicker,
An' just a wee drap sp'ritual burn in,
 An' gusty sucker!

When Vulcan gies his bellows breath,
An' ploughmen gather wi' their graith,
O rare! to see thee fizz an freath
 I' th' luggit caup!
Then Burnewin comes on like death
 At every chap.

Nae mercy then, for airn or steel;
The brawnie, banie, ploughman chiel,
Brings hard owrehip, wi' sturdy wheel,
 The strong forehammer,
Till block an' studdie ring an reel,
 Wi' dinsome clamour.

When skirling weanies see the light,
Though maks the gossips clatter bright,
How fumblin' cuiffs their dearies slight;
 Wae worth the name!
Nae howdie gets a social night,
 Or plack frae them.

When neibors anger at a plea,
An' just as wud as wud can be,

В башку ты – прочь Познаний муть,
Мешаешь Бедам душу гнуть,
В Работе дашь расправить грудь,
 Коль труд прижал;
Во тьму Отчаянья сверкнуть
 Шлешь свой оскал.

Частенько в тяжком серебре
Ты горд у знати при дворе,
А где бедняк в своей норе,
 Скромнее ты;
В овсянке или сухаре –
 Верх вкислоты.

Тобой клуб каждый оживлён;
Что в ярмарке, когда б ни Джон?
И даже для святош резон
 Ты дал вполне:
Зевают, осадив амвон
 (Огня – вдвойне).

В весёлый вечер хлеб убрали –
И дивный пенный рог подняли!
Пусты на Новый год едва ли
 Стакан ли, плошка;
Зажгли, и сахар в ритуале:
 Совсем немножко!

Когда Вулкан²⁶⁶ раздул мехи,
Дела на пашне неплохи,
Зрят: пенится (не лопухи!)
 Двуухий жбан!
И вновь удары не тихи:
 Кузнец-то рьян.

Пощады нет – железо, сталь;
И землепашцу сил не жаль:
Так малый разогнал печаль –
 Кувалдой, значит;
Шлёт наковальня звоны вдаль,
 Гремит и скачет.

Вопят малыцы, попав на свет, –
В брехню ушедшим дела нет;
Девицы знай честят как след
 Раззяв-парней!
И повитухе ждать монет
 Зазря, ей-ей.

Когда соседский гнев в суде
Отчаян, как незнамо где,

How easy can the barley brie
Cement the quarrel!
It's aye the cheapest lawyer's fee,
To taste the barrel.

Alake! that e'er my muse has reason,
To wyte her countrymen wi' treason!
But mony daily weet their weason
Wi' liquors nice,
An' hardly, in a winter season,
E'er Spier her price.

Wae worth that brandy, burnin trash!
Fell source o' mony a pain an' brash!
Twins mony a poor, doylt, drucken hash,
O' half his days;
An' sends, beside, auld Scotland's cash
To her warst faes.

Ye Scots, wha wish auld Scotland well!
Ye chief, to you my tale I tell,
Poor, plackless devils like mysel'!
It sets you ill,
Wi' bitter, dearthfu' wines to mell,
Or foreign gill.

May gravels round his blather wrench,
An' gouts torment him, inch by inch,
What twists his grundle wi' a glunch
O' sour disdain,
Out owre a glass o' whisky-punch
Wi' honest men!

O Whisky! soul o' plays and pranks!
Accept a bardie's gratfu' thanks!
When wanting thee, what tuneless cranks
Are my poor verses!
Thou comes-they rattle in their ranks,
At ither's arses!

Thee, Ferintosh! O sadly lost!
Scotland lament frae coast to coast!
Now colic grips, an' barkin hoast
May kill us a';
For loyal Forbes' charter'd boast
Is ta'en awa?

Thae curst horse-leeches o' the' Excise,
Wha mak the whisky stells their prize!
Haud up thy han', Deil! ance, twice, thrice!
There, seize the blinkers!
An' bake them up in brunstane pies
For poor damn'd drinkers.

Ячмень готов помочь беде,
Прихлопнуть свары!
Дешевле выпивка везде,
Чем гонорары.

Увы! Резон у музыки, друже,
О нас, предавших, думать хуже!
Иным ликёры любви дюже,
И день за днём;
Им недосуг, по зимней стуже,
Узнать, почём.

Вот бренди: дрянь огнём печёт!
Источник хворей и невзгод!
Пьёт бренди нищий идиот –
Полжизни в дым;
А край шотландский деньги шлёт
Врагам своим.

Шотландцы, родины друзья!
К вам, людям главным, речь моя,
К таким же нищим, как и я!
Загнётся всяк
Любитель горького питья,
Заморских флаг.

Каменья пусть пузырь тревожат,
За дюймом дюйм подагра гложет
Того, кто вечно с кислой рожей,
Презреньем крут,
Кому пунш с виски пить негоже,
Как люди пьют!

О виски! Ты душа проказ!
Спасибо от всех бардов враз!
Жду встречи – в строчках свистопляс,
Стих близок к браку!
Ты здесь – строй слов готов тотчас
Надрать всем сраку!

О, «Феринтош» пропал, считай!
Рыдает весь шотландский край!
Меж колик кашель доконай
Во цвете лет;
Пусть Фёрбес²⁶⁷ предан – ай-яй-яй,
Но льготы нет!

Акцизный-пьявка крепко тёрт!
Назначит цену – вззоет лорд!
Ну, раз-два-три! Не дай же, чёрт,
Зря шмыгать дряни!
Засунь начинкой в серный торт,
На радость пьяни.

Fortune! if thou'll but gie me still
Hale breeks, a scone, an' whisky gill,
An' rowth o' rhyme to rave at will,
 Tak a' the rest,
An' deal't about as thy blind skill
 Directs thee best.

Elegy on Captain Matthew Henderson

A Gentleman who held the Patent for his Honours immediately from Almighty God.

Should the poor be flattered?
 – *Shakespeare*

O Death! thou tyrant fell and bloody!
The meikle devil wi' a woodie
Haur! thee hame to his black smiddie,
 O'er hurcheon hides,
And like stock-fish come o'er his studdie
 Wi' thy auld sides!

He's gane, he's gane! he's frae us torn,
The ae best fellow e'er was born!
Thee, Matthew, Nature's sel' shall mourn,
 By wood and wild,
Where haply, Pity strays forlorn,
 Frae man exil'd.

Ye hills, near neighbours o' the starns,
That proudly cock your cresting cairns!
Ye cliffs, the haunts of sailing earns,
 Where Echo slumbers!
Come join, ye Nature's sturdiest bairns,
 My wailing numbers!

Mourn, ilka grove the cushat kens!
Ye haz'ly shaws and briery dens!
Ye burnies, wimplin' down your glens,
 Wi' toddlin din,
Or foaming, strang, wi' hasty stens,
 Frae lin to lin.

Mourn, little harebells o'er the lea;
Ye stately foxgloves, fair to see;
Ye woodbines hanging bonilie,
 In scented bow'rs;
Ye roses on your thorny tree,
 The first o' flow'rs.

At dawn, when ev'ry grassy blade
Droops with a diamond at his head,

О рок! Достаточно вполне
Штанов, лепёшки, виски мне,
Да рифм, чтоб были не в цене;
 А прочий хлам
Рассуй, в слепой своей возне,
 Как хочешь сам.

Элегия на смерть капитана Мэтью Хендерсона²⁶⁸,

джентльмена, получившего патент на титулы прямо от Господа Всемогущего

Нужде не льстят.
*Шекспир*²⁶⁹

О Смерть! Мучительница злая!
Пусть дьявол, палкой погоняя,
Тебя загонит, тварь худая,
 Под молот свой,
Чтоб сплющить, рёбра сокрушая,
 Сухой треской!

Ушёл, ушёл! Был вырван он,
А лучший в мире не рождён!
Издаст Природа, Мэтью, стон
 В глуши лесов,
Где Жалость, вдруг, под сенью крон –
 Удел таков.

Холмы, меж звёзд плодите тьму
Как гордый памятник ему!
Утёсы, где орлы в дому,
 Где эхо в дрёме!
Придите: скорбь делить кому,
 Вас, мудрых, кроме?

Скорби, пичужий кров, лесок,
Орешник где, где тёрн жесток!
Вы, ручейки: дол слышать смог
 Лишь лепет ваш
Иль по камням вы прыг да скок,
 Все в пене аж!

В плач, колокольчики с полян,
Ты, наперстянка, глаз дурман,
Ты, жимолость, чей дух столь прян
 В беседке нашей,
Вы, розы, чей не тронешь стан,
 Цветов всех краше!

Когда травинка в ранний час
Роняет с кончика алмаз,

At ev'n, when beans their fragrance shed,
I' th' rustling gale,
Ye maukins, whiddin thro' the glade,
Come join my wail.

Mourn, ye wee songsters o' the wood;
Ye grouse that crap the heather bud;
Ye curlews, calling thro' a clud;
Ye whistling plover;
And mourn, we whirring paitrick brood;
He's gane for ever!

Mourn, sooty coots, and speckled teals;
Ye fisher herons, watching eels;
Ye duck and drake, wi' airy wheels
Circling the lake;
Ye bitterns, till the quagmire reels,
Rair for his sake.

Mourn, clam'ring craiks at close o' day,
'Mang fields o' flow'ring clover gay;
And when ye wing your annual way
Frae our claud shore,
Tell thae far warlds wha lies in clay,
Wham we deplore.

Ye houlets, frae your ivy bow'r
In some auld tree, or eldritch tow'r,
What time the moon, wi' silent glow'r,
Sets up her horn,
Wail thro' the dreary midnight hour,
Till waukrife morn!

O rivers, forests, hills, and plains!
Oft have ye heard my canty strains;
But now, what else for me remains
But tales of woe;
And frae my een the drapping rains
Maun ever flow.

Mourn, Spring, thou darling of the year!
Ilk cowslip cup shall kep a tear:
Thou, Simmer, while each corny spear
Shoots up its head,
Thy gay, green, flow'ry tresses shear,
For him that's dead!

Thou, Autumn, wi' thy yellow hair,
In grief thy sallow mantle tear!
Thou, Winter, hurling thro' the air
The roaring blast,
Wide o'er the naked world declare
The worth we've lost!

Когда фасоль – лишь луч угас –
Шлёт аромат,
Зайчишки, в скорби встретить вас
Я буду рад.

Пускай скорбит твой хор, лесок,
Тетёрка, вереска едок,
И кроншнеп, в дымке голосок,
И ржанка тоже,
И куропатка: Мэтью лёг
На смертном ложе!

Лысуха-чернь, чирок-пестряк,
И цапля, что утришку шмяк,
И пара уток (кряк да кряк,
Скользят кружком),
И выпь (на топях слышал всяк)!
Ваш крик – о нём.

Скорби́, закатный коростель,
Что рад был клеверу досель!
Когда найдёшь на юге цель –
Наш хладен брег –
До тёплых донеси земель:
Пал человек.

Вы, совы, коим плющ стал кровом
Иль башня, не опишешь словом,
Когда луна в обличье новом
Гнуть рог востра,
Скорбите – мрак и дан на то вам –
Вплоть до утра!

О реки, лес, холмы, поля!
Частенько пел, вас веселя,
Но нынче дух пал до нуля;
Грущу сейчас,
И слёзы, горести внемля,
Ручьём из глаз.

Весна, о прелесть года, плачь,
И в примулах слезинки прячь!
Ты, Лето, только злак-усач
Полезет ввысь,
Так локон луга не хомячь,
А подстригись!

Ты, Осень-златовласка, свой
Землистый плащ порви с тоской!
Зима, прорвавшись к нам пургой
И рёвом вьюг,
Оповести весь мир нагой:
Потерян друг!

Mourn him, thou Sun, great source of light!
Mourn, Empress of the silent night!
And you, ye twinkling starnies bright,
 My Matthew mourn!
For through your orbs he's ta'en his flight,
 Ne'er to return.

O Henderson! the man! the brother!
And art thou gone, and gone for ever!
And hast thou crost that unknown river,
 Life's dreary bound!
Like thee, where shall I find another,
 The world around!

Go to your sculptur'd tombs, ye Great,
In a' the tinsel trash o' state!
But by thy honest turf I'll wait,
 Thou man of worth!
And weep the ae best fellow's fate
 E'er lay in earth.

The Epitaph

Stop, passenger! my story's brief,
 And truth I shall relate, man:
I tell nae common tale o' grief,
 For Matthew was a great man.

If thou uncommon merit hast,
 Yet spurn'd at Fortune's door, man;
A look of pity hither cast,
 For Matthew was a poor man.

If thou a noble sodger art,
 That passest by this grave, man;
There moulders here a gallant heart,
 For Matthew was a brave man.

If thou on men, their works and ways,
 Canst throw uncommon light, man;
Here lies wha weel had won thy praise,
 For Matthew was a bright man.

If thou, at Friendship's sacred ca',
 Wad life itself resign, man;
Thy sympathetic tear maun fa',
 For Matthew was a kind man.

If thou art staunch, without a stain,
 Like the unchanging blue, man;
This was a kinsman o' thy ain,
 For Matthew was a true man.

Плачь, Солнце, свет пролив сполна!
Царица ночи, плачь, Луна!
Моргай, звёзд ярких пелена:
 Мой друг – мертвец,
Меж вас дорога, и она
 В один конец.

О Хендерсон! Мой друг и брат!
Неужто нет пути назад?
Ты реку пересёк, чей хлад
 Отрезал прочь!
Навряд ли мир таким богат
 Как ты, точь-в-точь!

Скульптуры склепов, шишки, – вам,
И весь их показушный хлам!
На честный дёрн склоняюсь сам:
 Ты так высок!
И уж не выразить слезам,
 Кто в землю лёг.

Эпитафия

Стой, путник! Краток мой рассказ –
 И в правду я проник, брат, –
Не просто грустен без прикрас,
 Ведь Мэтью был велик, брат.

Коль, при заслугах, вот беда,
 Фортуной пнут, да как, брат,
Взгляни сочувственно сюда,
 Ведь Мэтью был бедняк, брат.

Коль смелый воин подойдёт
 К могиле, наконец, брат,
Знай, что отвага здесь гниёт,
 Ведь Мэтью был храбрец, брат.

Коль на людские путь и труд
 Твой взгляд являет пыл, брат,
Уместно помолиться тут,
 Ведь Мэтью ярким был, брат.

Коль ты на дружбы зов святой
 Жизнь бросишь просто так, брат,
Смочи сочувствие слезой,
 Ведь Мэтью был добряк, брат.

Коль сам ты, стоек, честь храня –
 Так свод век синью жив, брат, –
То лёгший здесь тебе родня,
 Ведь Мэтью был правдив, брат.

If thou hast wit, and fun, and fire,
And ne'er guid wine did fear, man;
This was thy billie, dam, and sire,
For Matthew was a queer man.

If onie whiggish, whingin sot,
To blame poor Matthew dare, man;
May dool and sorrow be his lot!
For Matthew was a rare man.

The Auld Farmer's New-Year-Morning Salutation to His Auld Mare, Maggie

On giving her the accustomed ripp of corn to hansel in the New Year.

A Guid New-year I wish thee, Maggie!
Hae, there's a ripp to thy auld baggie:
Tho' thou's howe-backit now, an' knaggie,
I've seen the day
Thou could hae gaen like ony staggie,
Out-owre the lay.

Tho' now thou's dowie, stiff, an' crazy,
An' thy auld hide as white's a daisie,
I've seen thee dappl't, sleek an' glaizie,
A bonie gray:
He should been tight that daur't to raize thee,
Ance in a day.

Thou ance was i' the foremost rank,
A filly buirdly, steeve, an' swank;
An' set weel down a shapely shank,
As e'er tread yird;
An' could hae flown out-owre a stank,
Like ony bird.

It's now some nine-an'-twenty year,
Sin' thou was my guid-father's mear;
He gied me thee, o' tocher clear,
An' fifty mark;
Tho' it was sma', 'twas weel-won gear,
An' thou was stark.

When first I gaed to woo my Jenny,
Ye then was trotting wi' your minnie:
Tho' ye was trickie, slee, an' funnie,
Ye ne'er was donsie;
But hamely, tawie, quiet, an' cannie,
An' unco sonsie.

Коль весел ты, горяч, умён,
И любишь пир лихой, брат,
То здесь семью искать резон,
Ведь Мэтью был чудной, брат.

Коль виг²⁷⁰, скулящий дурачок,
Тут Мэтью костерил, брат,
То скорбным будь у парня рок!
Ведь Мэтью редким был, брат.

Приветствие старого фермера, обращённое новогодним утром к старой кобыле Мэгги

при выдаче ей неременной горсти зерна к Новому году

Ну, с новым годом, Мэг, старуха!
Вот горсть зерна, порадуй брюхо;
Хребет провис (не молодуха),
А был денёк,
Летала лугом легче пуха,
Как стригунок.

Поникшая, с походкой шаткой,
Белёсой стала ты лошадкой,
А серой в яблоках и гладкой
Была, вот-вот;
И правил, видно, парень хваткий
В тот давний год.

Была кобылка – самый цвет:
Вся сбита и шустра как след,
А голени – стройнее нет
На всей Земле;
И ров любой брала без бед,
Как на крыле.

Без году тридцать лет мы вместе,
А ты была кобылой тестя:
Полсотни марок²⁷¹ при невесте,
Да ты дана;
Пустяк, но ты, сказать по чести,
Была сильна.

Когда назвал я Дженни милой,
Ты за мамашей знай трусила
И озорством всех веселила –
Безвредным, право;
Нечасто встретится кобыла
Такого нрава.

That day, ye pranc'd wi' muckle pride,
When ye bure hame my bonie bride:
An' sweet an' gracefu' she did ride,
 Wi' maiden air!
Kyle-Stewart I could bragged wide
 For sic a pair.

Tho' now ye dow but hoyte and hobble,
An' wintle like a saumont coble,
That day, ye was a jinker noble,
 For heels an' win'!
An' ran them till they a' did wauble,
 Far, far, behin'!

When thou an' I were young an' skeigh,
An' stable-meals at fairs were dreigh,
How thou wad prance, and snore, an' skreigh
 An' tak the road!
Town's-bodies ran, an' stood abeigh,
 An' ca't thee mad.

When thou was corn't, an' I was mellow,
We took the road aye like a swallow:
At brooses thou had ne'er a fellow,
 For pith an' speed;
But ev'ry tail thou pay't them hollow,
 Whare'er thou gaed.

The sma', droop-rumpl't, hunter cattle
Might aiblins waur't thee for a brattle;
But sax Scotch mile, thou try't their mettle,
 An' gar't them whaizle:
Nae whip nor spur, but just a wattle
 O' saugh or hazel.

Thou was a noble fittie-lan',
As e'er in tug or tow was drawn!
Aft thee an' I, in aught hours' gaun,
 In guid March-weather,
Hae turn'd sax rood beside our han',
 For days thegither.

Thou never braing't, an' fetch't, an' fliskit;
But thy auld tail thou wad hae whiskit,
An' spread abreed thy weel-fill'd brisket,
 Wi' pith an' power;
Till sprittie knowes wad rair't an' riskit
 An' slypet owre.

When frosts lay lang, an' snaws were deep,
An' threaten'd labour back to keep,
I gied thy cog a wee bit heap
 Aboon the timmer:
I ken'd my Maggie wad na sleep,
 For that, or simmer.

В тот день ты горделиво шла:
Невесту в новый дом везла,
А та пригожа да бела –
 Задали жару!
Кайл-Стюарт²⁷² дыбом (ну, дела!),
 Ту видя пару.

Споткнуться можешь, охромела,
Сравню с лодчонкой валкой смело;
Тогда же помнишь, как летела –
 Не сон, а был! –
До прочих кляч нам нету дела:
 Глотают пыль!

Мы были лихи в те деньки:
На ярмарке жуёшь с тоски,
А после ржанье, храп, прыжки –
 И в путь, домой!
И врассыпную дураки,
 Зовя чумой!

Коль ты сыта, а я на взводе,
То нас проворней нет в природе;
На свадьбе скачки²⁷³ – резвы, вроде,
 Коньки кругом –
Сомнений нету в их исходе:
 Всех обойдём.

Всяк гунтер²⁷⁴ и плюгав, и мал;
Порою с места лучше брал,
Но шесть миль²⁷⁵ гонки, и в запал
 Его вгоняло;
Не хлыст, не шпоры – в ход пускал
 Лозу, бывало.

А целиною ноги шли –
Есть в корне лучше кто?²⁷⁶ Ой ли!
Коль март был тёплым, мы могли
 Часов за восемь
Шесть рудов²⁷⁷ распахать земли,
 Прощенья просим!

Рывков, заминок ты не знала,
А, лишь хвостом махнув, бывало,
Грудь-бочку шире расправляла
 В усердье силы,
И целина бугры теряла,
 Что славно было.

А в стужу, когда снег глубок,
И дел поменее чуток,
Кормушки – сыпал, не берёг –
 Полнее нету;
Знал: Мэгги возвратит должок
 Мне ближе к лету.

In cart or car thou never reestit;
The steyst brae thou wad hae fac't it;
Thou never lap, an' sten't, and breastit,
 Then stood to blaw;
But just thy step a wee thing hastit,
 Thou snoov't awa.

My pleugh is now thy bairn-time a',
Four gallant brutes as e'er did draw;
Forbye sax mae I've sell't awa,
 That thou hast nurst:
They drew me thretteen pund an' twa,
 The vera warst.

Mony a sair daurk we twa hae wrought,
An' wi' the weary warl' fought!
An' mony an anxious day, I thought
 We wad be beat!
Yet here to crazy age we're brought,
 Wi' something yet.

An' think na', my auld trusty servan',
That now perhaps thou's less deservin,
An' thy auld days may end in starvin;
 For my last fow,
A heapit stimpert, I'll reserve ane
 Laid by for you.

We've worn to crazy years thegither;
We'll toyte about wi' ane anither;
Wi' tentie care I'll flit thy tether
 To some hain'd rig,
Whare ye may nobly rax your leather,
 Wi' sma' fatigue.

To a Mouse, on Turning Her up in Her Nest
with the Plough, November, 1785

Wee, sleekit, cow'rin, tim'rous beastie,
O, what a panic's in thy breastie!
Thou need na start awa sae hasty,
 Wi' bickering brattle!
I wad be laith to rin an' chase thee,
 Wi' murd'ring pattle!

I'm truly sorry man's dominion,
Has broken nature's social union,
An' justifies that ill opinion,
 Which makes thee startle
At me, thy poor, earth-born companion,
 An' fellow-mortal!

В двуколке ты или с повозкой,
Где чѣртов спуск с дороги плоской –
Ни в рысь, ни вскачѣ в манере броской,
 Пыхтя потом,
А шла с поклажею громоздкой
 Шажком, шажком.

Твои сынки мой тянут плуг:
Нет лучше четверни вокруг;
Шестѣрку продал верных слуг
 (Всѣ твой приплод);
Пятнадцать фунтов взял на круг,
 Неплох доход.

Тьму тяжких дней двоих гнул труд,
И натиск мира был нехуд!
В тревоге думал: вот уж тут
 Пропастъ должны!
Но живы – годы-то идут –
 И не бедны.

Не думай, верная старуха,
Что слышу о тебе вполуха,
И подведѣт под старость брюхо:
 Уж я фирлѳт²⁷⁸
Да наскребу, и голодуха
 Тебя не ждѣт.

С тобой состарились, лошадка,
Обоим ковылять нам шатко;
Я пригляжу не для порядка
 За делом тут,
Чтоб твоѣ брюхо было гладко,
 И лёгок труд.

Мышонку, чѣё гнездо разворочено плугом в ноябре 1785 года

Зверѣк-комочек, робкий, чуткий,
Да сколько ж страху в твоей грудке!
Напрасно ты, в худой закрутке,
 Трусишь шажком!
Не погонюсь вослед, чтоб жутким
 Прибить скребком!²⁷⁹

Мне, право, жаль, что власть людская,
Союз с природой нарушая,
Пугает: мол, она такая –
 Страшной чумы;
Я, как и ты, стою у края
 Извечной тьмы!

I doubt na, whiles, but thou may thieve;
What then? poor beastie, thou maun live!
A daimen icker in a thrave
 'S a sma' request;
I'll get a blessin wi' the lave,
 An' never miss't!

Thy wee bit housie, too, in ruin!
It's silly wa's the win's are strewin!
An' naething, now, to big a new ane,
 O' foggage green!
An' bleak December's winds ensuin,
 Baith snell an' keen!

Thou saw the fields laid bare an' waste,
An' weary winter comin fast,
An' cozie here, beneath the blast,
 Thou thought to dwell –
Till crash! the cruel coulter past
 Out thro' thy cell.

That wee bit heap o' leaves an' stibble,
Has cost thee mony a weary nibble!
Now thou's turn'd out, for a' thy trouble,
 But house or hald,
To thole the winter's sleety dribble,
 An' cranreuch cauld!

But, Mousie, thou art no thy lane,
In proving foresight may be vain;
The best-laid schemes o' mice an' 'men
 Gang aft agley,
An'lea'e us nought but grief an' pain,
 For promis'd joy!

Still thou art blest, compar'd wi' me
The present only toucheth thee:
But, Och! I backward cast my e'e,
 On prospects drear!
An' forward, tho' I canna see,
 I guess an' fear!

Man Was Made to Mourn: a Dirge

When chill November's surly blast
 Made fields and forests bare,
One ev'ning, as I wander'd forth
 Along the banks of Ayr,
I spied a man, whose aged step
 Seem'd weary, worn with care;
His face furrow'd o'er with years,
 And hoary was his hair.

Воришка ты, сомнений нет,
Но что с того? Ведь выжить след!
Влез в сноп, взял колос на обед –
Их уйма там;
Остаток пригребу без бед,
Уж точно, сам!

От домика одни руины!
Смёл стенки ветер в дух единый!
Отстроить – нету и помину
О буйстве трав!
Глядишь, декабрь задует в спину,
Проявит нрав!

В полях работы никакой,
Зима спешит обдать тоской;
Таясь от ветра, под землёй
Был жить готов –
И трах! Прошёлся лемех злой,
Твой руша кров.

Ком листьев, стебли со стерни –
С трудом отгрызены они!
Настали злоключений дни,
Бездомный друг;
Теперь под морось душу гни,
Под холод вьюг!

Мышонок, люд, тебе подстать,
Уж убедился: зря мечтать;
Людей и мышек планов гладь –
Наперекось;
Нам горя, боли избежать?
И думать брось!

Меня счастливей во сто крат,
Лишь настоящим ты объят,
А я, увы, гляжу назад:
Тоска какая!
Вперёд же не проникнет взгляд,
Страшусь, гадая!

Мы рождены скорбеть²⁸⁰. Грустная песнь

Ноябрьским хладным вихрем враз
Лес с полем оголило;
Однажды я в вечерний час
Вдоль Эйра²⁸¹ брёл уныло,
Приметив старца одного:
Устал тот, всё немило,
Изрезан жизнью лик его,
Власа посеребрило.

"Young stranger, whither wand'rest thou?"

Began the rev'rend sage;

"Does thirst of wealth thy step constrain,

Or youthful pleasure's rage?

Or haply, prest with cares and woes,

Too soon thou hast began

To wander forth, with me to mourn

The miseries of man.

"The sun that overhangs yon moors,

Out-spreading far and wide,

Where hundreds labour to support

A haughty lordling's pride; –

I've seen yon weary winter-sun

Twice forty times return;

And ev'ry time has added proofs,

That man was made to mourn.

"O man! while in thy early years,

How prodigal of time!

Mis-spending all thy precious hours –

Thy glorious, youthful prime!

Alternate follies take the sway;

Licentious passions burn;

Which tenfold force gives Nature's law,

That man was made to mourn.

"Look not alone on youthful prime,

Or manhood's active might;

Man then is useful to his kind,

Supported in his right:

But see him on the edge of life,

With cares and sorrows worn;

Then Age and Want – oh! ill-match'd pair –

Shew man was made to mourn.

"A few seem favourites of fate,

In pleasure's lap carest;

Yet, think not all the rich and great

Are likewise truly blest:

But oh! what crowds in ev'ry land,

All wretched and forlorn,

Thro' weary life this lesson learn,

That man was made to mourn.

"Many and sharp the num'rous ills

Inwoven with our frame!

More pointed still we make ourselves,

Regret, remorse, and shame!

And man, whose heav'n-erected face

The smiles of love adorn, –

Man's inhumanity to man

Makes countless thousands mourn!

«Куда ты, юноша, бредёшь? –
Мудрец меня спросил. –
Богатство ли тебя влечёт
Иль юной неги пыл?
Иль, ранних тягот чуя груз,
Отправился в поход,
Чтоб скорбь со мною разделить
От всех людских невзгод?»

Вон, солнце вереск обожгло,
Край заливая весь,
Где сотни пашут, чтоб питать
Отродья лордов спесь;
Успел я дважды сорок раз
Диск зимний стылый зреть,
И убеждался вновь и вновь:
Мы рождены скорбеть.

Ох, малый! В юные года
Нам времени не жаль!
Транжирим дивные часы
Весны, летящей вдаль!
Над нами глупость верх берёт,
Да похоть ловит в сеть;
Закон Природы прав стократ:
Мы рождены скорбеть.

Когда люд полон юных сил
Иль мощи зрелых лет,
Полезен он своей родне,
Ему преграды нет;
Но если виден жизни край
Забот и горя средь,
Нужда и Век – поганцы! – в стон:
Мы рождены скорбеть.

Немногим баловням судьба
Пожалует уют,
И не считай, что богачей
Печали обойдут;
Таких хоть где толпу найдём:
Бедны, несчастны; впредь,
Взяв тяжкий жизненный урок,
Обязаны скорбеть.

Огромно и коварно зло,
Пришедшее сюда!
Язвит куда острее боль
Раскаянья, стыда!
Тот, чей взор к Небу обращён,
Любовью светел ведь –
Жестокий к ближним обречёт
Несчётный люд скорбеть!

"See yonder poor, o'erlabour'd wight,
So abject, mean, and vile,
Who begs a brother of the earth
To give him leave to toil;
And see his lordly fellow-worm
The poor petition spurn,
Unmindful, tho' a weeping wife
And helpless offspring mourn.

"If I'm design'd yon lordling's slave,
By Nature's law design'd,
Why was an independent wish
E'er planted in my mind?
If not, why am I subject to
His cruelty, or scorn?
Or why has man the will and pow'r
To make his fellow mourn?

"Yet, let not this too much, my son,
Disturb thy youthful breast:
This partial view of human-kind
Is surely not the last!
The poor, oppressed, honest man
Had never, sure, been born,
Had there not been some recompense
To comfort those that mourn!

"O Death! the poor man's dearest friend,
The kindest and the best!
Welcome the hour my aged limbs
Are laid with thee at rest!
The great, the wealthy fear thy blow
From pomp and pleasure torn;
But, oh! a blest relief for those
That weary-laden mourn!"

To a Mountain Daisy

On turning down with the Plough, in April, 1786.

Wee, modest crimson-tipped flow'r,
Thou's met me in an evil hour;
For I maun crush amang the stoure
Thy slender stem:
To spare thee now is past my pow'r,
Thou bonie gem.

Alas! it's no thy neibor sweet,
The bonie lark, companion meet,
Bending thee 'mang the dewy weet,
Wi' spreckl'd breast!
When upward-springing, blythe, to greet
The purpling east.

Гляди: бедняк, подмят трудом,
Унижен, жалок, худ,
У брата просит своего
Дать для прожитья труд;
Гляди-ка, важный тот червяк
Не поспешит радеть:
Плевать, что жёнушка в слезах,
Вольно́ мальчикам скорбеть!

Коль лорду юному в рабы
Природой отдан я,
Зачем тогда бунтарский дух
Несёт душа моя?
А нет – за что ему меня
Безжалостно презреть?
Власть, воля – средства принуждать
Приятеля скорбеть?

От слов, сынок, умерен будь
Для юности урон,
Поскольку мнение моё,
Конечно, не закон!
Кто честен, беден, угнетён,
Тот не рождён, заметь,
Без утешенья, что ему
Не сплошь судьба скорбеть!

О Смерть! Подружка бедняка,
Тебя добрее нет!
Скорей бы ноги протянуть,
Да отдохнуть как след!
Страшит богатых твой удар:
Куда усладу деть?
Ты – избавление для тех,
Кто обречён скорбеть!»

Горной маргаритке²⁸²,

вывороченной плугом в апреле 1786 года

Малинов твой, скромняшка, цвет,
А я теперь наделал бед:
Сшиб по запарке, хоть не след,
Твой стебелёк;
Тебя сберечь, красотку, – нет,
Никак не мог.

Увы! Не твой сосед-дружок,
Не славный жаворонок смог
Тебя пригнуть в росистый ток,
Дабы рывком
Вспорхнуть счастливо на восток,
Где свод огнём!

Could blew the bitter-biting north
Upon thy early, humble birth;
Yet cheerfully thou glinted forth
 Amid the storm,
Scarce rear'd above the parent-earth
 Thy tender form.

The flaunting flow'rs our gardens yield,
High shelt'ring woods and wa's maun shield;
But thou, beneath the random bield
 O' clod or stane,
Adorns the histie stibble field,
 Unseen, alane.

There, in thy scanty mantle clad,
Thy snawie bosom sun-ward spread,
Thou lifts thy unassuming head
 In humble guise;
But now the share uptears thy bed,
 And low thou lies!

Such is the fate of artless maid,
Sweet flow'ret of the rural shade!
By love's simplicity betray'd,
 And guileless trust;
Till she, like thee, all soil'd, is laid
 Low i' the dust.

Such is the fate of simple bard,
On life's rough ocean luckless starr'd!
Unskilful he to note the card
 Of prudent lore,
Till billows rage, and gales blow hard,
 And overwhelm him o'er!

Such fate to suffering worth is giv'n,
Who long with wants and woes has striv'n,
By human pride or cunning driv'n
 To mis'ry's brink;
Till wrench'd of ev'ry stay but Heav'n,
 He, ruin'd, sink!

Ev'n thou who mourn'st the Daisy's fate,
That fate is thine – no distant date;
Stern Ruin's plough-share drives elate,
 Full on thy bloom,
Till crush'd beneath the furrow's weight,
 Shall be thy doom!

Гнал север хлад и злобный вой
В рожденья час столь ранний твой,
Но бодренькой была такой
 Ты бури средь!
Восстать над матушкой-землёй –
 Ещё суметь!

Гордечек уйму сад плодит,
Деревья, стены им как щит;
А твой покой хоть чем прикрыт –
 Бугром, скалой –
Собой одной ты красишь вид
 По-над стернёй.

Пускай одёжка нехитра,
Ты солнцу кажешь снег нутра,
Головку ввысь тянуть шустра,
 Сколь ни скромна;
Но лемех выдрал на-гора
 Твой дом до дна!

Вот так же девы доля зла,
Над чьим цветеньем тень села!
В любви измену обрела,
 Хитра не ах,
И, как и ты, потом была
 Умята в прах.

Вот так и бард, чей скромный глас
Над зыбью жизни не угас!
Не выучил, видать, компас,
 Как надлежит, –
И штормовым накатом враз
 Был малый смыт!

Вот так и тот, кто терпит здесь –
Нуждой и горем согнут весь –
Людскую хитрость или спесь,
 И сыт по край,
Укрыт от бед лишь Небом днесь:
 Утоп, считай!

Бедняжку-маргаритку жаль?
И твой исход не прячет даль;
Уже сверкнула Плуга сталь,
 Где ты цветёшь,
И в борозде – вот вся мораль –
 Конец найдёшь!

To Ruin

All hail! inexorable lord!
At whose destruction-breathing word,
 The mightiest empires fall!
Thy cruel, woe-delighted train,
The ministers of grief and pain,
 A sullen welcome, all!
With stern-resolv'd, despairing eye,
 I see each aimed dart;
For one has cut my dearest tie,
 And quivers in my heart.
 Then low'ring, and pouring,
 The storm no more I dread;
 Tho' thick'ning, and black'ning,
 Round my devoted head.

And thou grim Pow'r by life abhorr'd,
While life a pleasure can afford,
 Oh! hear a wretch's pray'r!
Nor more I shrink appall'd, afraid;
I court, I beg thy friendly aid,
 To close this scene of care!
When shall my soul, in silent peace,
 Resign life's joyless day –
My weary heart is throbbing cease,
 Cold mould'ring in the clay?
 No fear more, no tear more,
 To stain my lifeless face,
 Enclasped, and grasped,
 Within thy cold embrace!

On a Scotch Bard, Gone to the West Indies

A' ye wha live by sowps o' drink,
A' ye wha live by crambo-clink,
A' ye wha live and never think,
 Come, mourn wi' me!
Our billie 's gien us a' a jink,
 An' owre the sea!

Lament him a' ye rantin core,
Wha dearly like a random splore;
Nae mair he'll join the merry roar;
 In social key;
For now he's taen anither shore,
 An' owre the sea!

The bonie lasses weel may wiss him,
And in their dear petitions place him:
The widows, wives, an' a' may bless him

К гибели²⁸³

Неумолимая, привет!
Империям спасенья нет
От духа твоего!
Злораден и злоносен круг
Твоих несущих беды слуг –
Угрюмо жду его!
Мой взор надежды не таит,
Зря дротиков полёт:
Вот этот галстук мне пронзит
И в сердце дрожь уймёт.
Шторм с ливнем противным
Не страшен никакой,
Пусть мрака тьма всяко
Над верною башкой!

Власть злая, жизни лютый враг!
Покуда жизнь чудесна так,
Мольбу несчастный шлёт!
Я страхом боле не грешу;
Тебя по-дружески прошу
Избавить от забот!
Когда покой найдёт душа,
Устав в угрюмых днях,
А сердце, стук свой заглуша,
Сойдёт в холодный прах?
Угрозы и слёзы
Лик мёртвый не язвят,
Несладка пусть хватка –
Твоих объятий хлад!

О шотландском барде, уплывшем в Вест-Индию²⁸⁴

Всем, кто б без виски изнемог,
Всем, кто горазд кропать стишок,
Всем, кому сроду мысль не впрок,
Скорбеть резон!
Вишь, шутку выкинул дружок:
За морем он!

Беги, слеза, из бойких глаз:
Охоч был малый до проказ,
Но уж не заорёт сейчас
Всем в унисон;
Он там теперь, где нету вас,
За морем он!

Желают пусть его девицы,
В чьих просьбах он досель таится;
Рыдайте, жёны и вдовицы,

Wi' tearfu' e'e;
For weel I wat they'll sairly miss him
That's owre the sea!

O Fortune, they hae room to grumble!
Hadst thou taen aff some drowsy bummle,
Wha can do nought but fyke an' fumble,
'Twad been nae plea;
But he was gleg as ony wumble,
That's owre the sea!

Auld, cantie Kyle may weepers wear,
An' stain them wi' the saut, saut tear;
'Twill mak her poor auld heart, I fear,
In flinders flee:
He was her Laureat mony a year,
That's owre the sea!

He saw Misfortune's cauld nor-west
Lang mustering up a bitter blast;
A jillet brak his heart at last,
Ill may she be!
So, took a berth afore the mast,
An' owre the sea.

To tremble under Fortune's cummock,
On a scarce a bellyfu' o' drummock,
Wi' his proud, independent stomach,
Could ill agree;
So, row't his hurdies in a hammock,
An' owre the sea.

He ne'er was gien to great misguidin,
Yet coin his pouches wad na bide in;
Wi' him it ne'er was under hiding;
He dealt it free:
The Muse was a' that he took pride in,
That's owre the sea.

Jamaica bodies, use him weel,
An' hap him in cozie biel:
Ye'll find him aye a dainty chiel,
An' fou o' glee:
He wad na wrang'd the vera deil,
That's owre the sea.

Farewell, my rhyme-composing billie!
Your native soil was right ill-willie;
But may ye flourish like a lily,
Now bonilie!
I'll toast you in my hindmost gillie,
Tho' owre the sea!

Ему вдогон;
Удрал, кто мог бы усомниться,
За море он!

Ворчать вольно́, удачи в том!
Вам сонный гул унять с трудом,
Кто в суете бубнит о нём;
Пошли бы вон!
А он, вертевшийся ужом, –
За морем он!

Весёлый старый Койл²⁸⁵ в кручине,
Солёных слёз не сдержит ныне,
Рвёт сердце думами о сыне:
Велик урон,
Здесь бывший в лаврах²⁸⁶ – на чужбине,
За морем он!

Познал он злой норд-вест беды,
Что знай лупил на все лады;
С изменщицей дела худы –
Зело взбешён,
Плыл в койке (сажень от воды)
За море он.

Дрожал перед судьбой, не скрою,
На горсти толокна с водою;
Желудок горд; с такой жратвою
Не примирён,
В гамак плюх задом, и блохою –
За море он.

Не зная крупного обмана,
Спускал деньжонки из кармана;
Не сберегал их, как ни странно,
Наш ветрогон;
Лишь музой гордый постоянно,
За морем он.

Прими его, ямайский люд²⁸⁷,
Создай приезжему уют:
Тот вечно юн, изящен, крут
И заведён;
И чёрта не лягнувший тут,
За морем он.

Прощай, рифмач, душа родная!
Недобрый берег покидая,
Распустишь вдруг, мечта такая,
Тугой бутон!
За друга кружку подымаю –
За морем он!

Address to Edinburgh

Edina! Scotia's darling seat!
All hail thy palaces and tow'rs,
Where once, beneath a Monarch's feet,
Sat Legislation's sov'reign pow'rs:
From marking wildly scatt'ed flow'rs,
As on the banks of Ayr I stray'd,
And singing, lone, the lingering hours,
I shelter in thy honour'd shade.

Here Wealth still swells the golden tide,
As busy Trade his labours plies;
There Architecture's noble pride
Bids elegance and splendour rise:
Here Justice, from her native skies,
High wields her balance and her rod;
There Learning, with his eagle eyes,
Seeks Science in her coy abode.

Thy sons, Edina, social, kind,
With open arms the stranger hail;
Their views enlarg'd, their liberal mind,
Above the narrow, rural vale:
Attentive still to Sorrow's wail,
Or modest Merit's silent claim;
And never may their sources fail!
And never Envy blot their name!

Thy daughters bright thy walks adorn,
Gay as the gilded summer sky,
Sweet as the dewy, milk-white thorn,
Dear as the raptur'd thrill of joy!
Fair Burnet strikes th' adoring eye,
Heaven's beauties on my fancy shine;
I see the Sire of Love on high,
And own His work indeed divine!

There, watching high the least alarms,
Thy rough, rude fortress gleams afar;
Like some bold veteran, grey in arms,
And mark'd with many a seamy scar:
The pond'rous wall and massy bar,
Grim-rising o'er the rugged rock,
Have oft withstood assailing war,
And oft repell'd th' invader's shock.

With awe-struck thought, and pitying tears,
I view that noble, stately Dome,
Where Scotia's kings of other years,
Fam'd heroes! had their royal home:
Alas, how chang'd the times to come!
Their royal name low in the dust!
Their hapless race wild-wand'ring roam!
Tho' rigid Law cries out 'twas just!

Обращение к Эдинбургу²⁸⁸

Эди́на²⁸⁹! Скоттам милый трон!
Дворцам и башням шлю привет,
Где власть опёрлась на закон,
Без коего монарха нет;
Цвет луга – как в иные дни:
Бродил вдоль эйрских берегов²⁹⁰
И пел часами в их тени,
Там находя достойный кров.

Здесь Злато спорит с буйством вод,
Торговли неустанный труд;
Там чёткость линий предстаёт
В Архитектуре без причуд;
Здесь Суд со свода длань простёр,
Весы и жезл подвысь воздел;
Там Знания орлиный взор
Приют Науки углядел.

Сыны Эдины норовят
Приветить, кто бы ни пришёл;
Ширь мыслей и свободный взгляд
Накроют узкий сельский дол;
Столь чутки, коль кричит Беда,
В Заслугах слов смиряют бег;
Им дан источник навсегда!
Не знать им Зависти вовек!

А дочери прелестны все,
Как летний полдень золотой,
Иль как боярки снег в росе,
Как неги радостный настрой!
Вот, взор чаруя, Бёрнет²⁹¹ шлёт
Сиянье горней красоты,
И мне Того являет свод,
Кто создал дивные черты!

Там, карауля в вышине,
Твой грубый замок светит вдаль²⁹²,
Как ветеран седой в броне,
В рубцах, какими метит сталь;
Угрюмо встали над скалой
Мощь стен и неприступный вал:
Нередко принимали бой,
И враг нередко отступал.

Слеза, благоговенью вслед,
При виде Купола пробьёт²⁹³;
Вождей шотландских давних лет –
Героев славных – там оплот;
Увы, безрадостен финал!
Сплошь прах на имени былом!
Бродячим род злосчастный стал,
Хоть Право рявкнет: «Поделом!»

Wild beats my heart to trace your steps,
Whose ancestors, in days of yore,
Thro' hostile ranks and ruin'd gaps
Old Scotia's bloody lion bore:
Ev'n I who sing in rustic lore,
Haply my sires have left their shed,
And fac'd grim Danger's loudest roar,
Bold-following where your fathers led!

Edina! Scotia's darling seat!
All hail thy palaces and tow'rs;
Where once, beneath a Monarch's feet,
Sat Legislation's sovereign pow'rs:
From marking wildly-scatt'ed flow'rs,
As on the banks of Ayr I stray'd,
And singing, lone, the ling'ring hours,
I shelter in thy honour'd shade.

Lament for James, Earl of Glencairn

The wind blew hollow frae the hills,
By fits the sun's departing beam
Look'd on the fading yellow woods,
That wav'd o'er Lugar's winding stream:
Beneath a craigy steep, a Bard,
Laden with years and meikle pain,
In loud lament bewail'd his lord,
Whom Death had all untimely ta'en.

He lean'd him to an ancient aik,
Whose trunk was mould'ring down with years;
His locks were bleached white with time,
His hoary cheek was wet wi' tears!
And as he touch'd his trembling harp,
And as he tun'd his doleful sang,
The winds, lamenting thro' their caves,
To Echo bore the notes alang.

"Ye scatter'd birds that faintly sing,
The reliques o' the vernal queir!
Ye woods that shed on a' the winds
The honours of the aged year!
A few short months, and glad and gay,
Again ye'll charm the ear and e'e;
But nocht in all-revolving time
Can gladness bring again to me.

"I am a bending aged tree,
That long has stood the wind and rain;
But now has come a cruel blast,
And my last hald of earth is gane;
Nae leaf o' mine shall greet the spring,

Клокочет дух; ваш слышу шаг,
Чьих предков подвиги вдали:
Сквозь бреши, через строй вояк
Льва Старой Скотии несли²⁹⁴;
И даже мне, певцу селян,
Кому милее отчий кров,
Рёв грозный слышать случай дан:
Он ваших храбрых вёл отцов!

Эдина! Скоттам милый трон!
Дворцам и башням шлю привет,
Где власть опёрлась на закон,
Без коего монарха нет;
Цвет луга – как в иные дни:
Бродил вдоль эйрских берегов
И пел часами в их тени,
Там находя достойный кров.

Плач по Джеймсу, графу Гленкёрну²⁹⁵

Голодный ветер дул с холмов;
Луча закатного глазок
Порой глядел на жёлтый лес,
Что Лугар²⁹⁶ обвевал, как мог;
Под каменистой кручей бард –
Года и беды недобры –
Сел, плача в голос: господин
Взят смертью явно до поры.

Склонился к дубу-старiku,
Чей ствол стал гнилью за века;
Седа поэта голова,
Мокра землистая щека!
Лишь трепетных коснулся струн,
Лишь скорбный затянул мотив,
Как ветры взвыли из пещер,
На эхо ноты навалив:

«О вы, остатки тех пичуг,
Что побросал весенний хор!
Леса, что ныне всем ветрам
Свой славный дарите убор!
Коротких месяцев кураж
Вновь очарует ухо, глаз,
Но временной круговорот
Мне утешенья не припас.

Я – согнутый годами ствол:
Взять дождь и ветер не могли –
Но налетевший злой порыв
Меня всё ж выдрал из земли;
Весну не встречу ни листком,

Nae simmer sun exalt my bloom;
But I maun lie before the storm,
And ithers plant them in my room.

"I've seen sae mony changefu' years,
On earth I am a stranger grown:
I wander in the ways of men,
Alike unknowing, and unknown:
Unheard, unpitied, unreliev'd,
I bear alane my lade o' care,
For silent, low, on beds of dust,
Lie a' hat would my sorrows share.

"And last, (the sum of a' my griefs!)
My noble master lies in clay;
The flow'r amang our barons bold,
His country's pride, his country's stay:
In weary being now I pine,
For a' the life of life is dead,
And hope has left may aged ken,
On forward wing for ever fled.

"Awake thy last sad voice, my harp!
The voice of woe and wild despair!
Awake, resound thy latest lay,
Then sleep in silence evermair!
And thou, my last, best, only, friend,
That fillest an untimely tomb,
Accept this tribute from the Bard
Thou brought from Fortune's mirkest gloom.

"In Poverty's low barren vale,
Thick mists obscure involv'd me round;
Though oft I turn'd the wistful eye,
Nae ray of fame was to be found:
Thou found'st me, like the morning sun
That melts the fogs in limpid air,
The friendless bard and rustic song
Became alike thy fostering care.

"O! why has worth so short a date,
While villains ripen grey with time?
Must thou, the noble, gen'rous, great,
Fall in bold manhood's hardy prim?
Why did I live to see that day –
A day to me so full of woe?
O! had I met the mortal shaft
That laid my benefactor low!

И лету не представляю цвет;
Мне суждено пред бурей пасть,
А место пусть займёт сосед.

Немало разных лет явил
Мир пред бродягой-чужаком:
Тащился я путём людским,
Несведущ – как и незнаком;
Прощенья, слуху, воли нет;
Нёс сам, один, заботы груз:
Ведь тихо все сошли во прах,
Кто разделил бы тяжесть уз.

И вот (итог моих всех бед!)
Лёг в землю благородный тот,
Кто был баронов всех храбрей,
Страны и гордость, и оплот;
Теперь я изнемог в тоске,
Без этой жизни жизнь худа,
Лишён надежды опыт лет:
Та улетела навсегда.

Буди же, арфа, скорбный глас,
Бедой отчаянной вздохни!
Буди последний свой напев,
А уж потом навек усни!
Единственный и лучший друг,
Безвременно почивший так,
Прими от барда эту дань,
Что принесёт судьбины мрак.

Где нищеты бесплоден дол,
Густой туман где сплошь налёт,
Там я, все высмотрев глаза,
Луч славы отыскать не мог;
Меня нашёл ты, как восход,
Что плавит дымку светом дня;
Бард одинокий, песнь селян
С тех пор делам твоим ровня.

Достоинства столь краток век
Зачем, коль мразь живёт без бед?
Щедр, благороден и велик,
Зачем ты пал во цвете лет?
Зачем довёл я жизнь свою
До дня, что душу мне язвит?
О, мне бы встретить тот удар,
Каким был благодетель сбит!

"The bridegroom may forget the bride
Was made his wedded wife yestreen;
The monarch may forget the crown
That on his head an hour has been;
The mother may forget the child
That smiles sae sweetly on her knee;
But I'll remember thee, Glencairn,
And a' that thou hast done for me!"

Lament of Mary, Queen of Scots,
on the Approach of Spring

Now Nature hangs her mantle green
On every blooming tree,
And spreads her sheets o' daisies white
Out o'er the grassy lea;
Now Phoebus cheers the crystal streams,
And glads the azure skies;
But nought can glad the weary wight
That fast in durance lies.

Now laverocks wake the merry morn
Aloft on dewy wing;
The merle, in his noontide bow'r,
Makes woodland echoes ring;
The mavis wild wi' mony a note,
Sings drowsy day to rest:
In love and freedom they rejoice,
Wi' care nor thrall opprest.

Now blooms the lily by the bank,
The primrose down the brae;
The hawthorn's budding in the glen,
And milk-white is the slae:
The meanest hind in fair Scotland
May rove their sweets amang;
But I, the Queen of a' Scotland,
Maun lie in prison strang.

I was the Queen o' bonie France,
Where happy I hae been;
Fu' lightly raise I in the morn,
As blythe lay down at e'en:
And I'm the sov'reign of Scotland,
And mony a traitor there;
Yet here I lie in foreign bands,
And never-ending care.

But as for thee, thou false woman,
My sister and my fae,
Grim Vengeance yet shall whet a sword
That thro' thy soul shall gae;

Забудет молодую муж,
Хоть повенчались лишь вчера;
Монарх забудет про венец,
Какой носил ещё с утра;
Мать позабудет про дитя,
Что шлёт улыбку прямо с рук...
Ты в памяти моей, Гленкерн, –
И всё, чем подсобил как друг!»

Плач Марии, королевы шотландцев,
по поводу наступления весны²⁹⁷

Уж плащ Природы, зелен, свис
На цвет лесов вокруг,
Ромашек белых простыня
Накрыла сочный луг;
Уж Феб²⁹⁸ приветил блеск ручьёв,
Лазури свода рад, –
Но ничему не рада та,
Кого в тюрьме томят.

Уж в росах жаворонка трель,
Рассвет ей пробуждён,
Под кровом полдня чёрный дрозд
Пускает эха звон,
А певчий дрозд обильем нот
Рождает дрёму дня;
В любви и воле радость их,
Нет дела до меня.

Уж уйма лилий у воды,
Склон первоцвет одел,
Цветёт боярышником дол,
И тёрн молочно-бел;
В родном краю любой батрак
Втянуть их сладость смог,
Лишь королеве скоттов, мне,
Судьбою стал острог.

Нёс милой Франции венец²⁹⁹
Мне радость лишь одну:
Легко вставала поутру,
Шла весело ко сну;
Шотландия, где правлю я, –
Изменников оплот;
Живу средь чужеземных орд,
Не счесть моих забот.

Что до притворщицы, тебя,
Сестра моя и враг³⁰⁰,
Так злая месть отточит меч:
Ткнёт в сердце – не пустяк;

The weeping blood in woman's breast
Was never known to thee;
Nor th' balm that draps on wounds of woe
Frae woman's pitying e'e.

My son! my son! may kinder stars
Upon thy fortune shine;
And may those pleasures gild thy reign,
That ne'er wad blink on mine!
God keep thee frae thy mother's faes,
Or turn their hearts to thee:
And where thou meet'st thy mother's friend,
Remember him for me!

O! soon, to me, may Summer suns
Nae mair light up the morn!
Nae mair to me the Autumn winds
Wave o'er the yellow corn!
And, in the narrow house of death,
Let Winter round me rave;
And the next flow'rs that deck the Spring,
Bloom on my peaceful grave!

The Twa Herds; or, the Holy Tulyie

An Unco Mournfu' Tale

"Blockheads with reason wicked wits abhor,
But fool with fool is barbarous civil war."
Pope

O a' ye pious godly flocks,
Weel fed on pastures orthodox,
Wha now will keep you frae the fox,
Or worrying tykes?
Or wha will tent the waifs an' crocks,
About the dykes?

The twa best herds in a' the wast,
The e'er ga'e gospel horn a blast
These five an' twenty simmers past –
Oh, dool to tell!
Hae had a bitter black out-cast
Atween themsel'.

O, Moddie, man, an' wordy Russell,
How could you raise so vile a bustle;
Ye'll see how New-Light herds will whistle,
An' think it fine!
The Lord's cause ne'er gat sic a twistle,
Sin' I hae min'.

Умыться кровью не дал рок,
От вдовьей доли спас;
На раны не лила бальзам
Ты из скорбящих глаз.

Мой сын! Мой сын!³⁰¹ Свет добрых звёзд
Да будет над тобой;
Позолотит пусть твой престол,
Хоть век в тени был мой!
Не дай те Бог моих врагов –
Не то уйми вполне;
Где встретишь друга моего,
Напомни обо мне!

Не хватит скоро летних солнц,
Чтоб мой зажечь рассвет!
Над нивой осени моей
Ветрам не веять, нет!
Над узким домом, где мой прах,
Зимы будь норы крут,
И пусть весенние цветы
На холмике цветут!

Два пастыря, или святая свара

Весьма прискорбная история

Тупицам острота́ ума страшна,
Меж дурнями – гражданская война.
*Поуп*³⁰²

Овечек набожных стада,
Чей выпас праведен всегда,
Кто вас спасёт от лис (беда!),
От пёсских свор?
Кто слабых втащит, будь нужда,
Через забор?

Двух лучших пастырей знал край
Из всех, чей рог вещал про рай,
За четверть века, почитай, –
И тут хоть вой –
Жестокий завели раздрай
Промеж собой.

О Муди, Рассел-пустобрёх³⁰³,
Сколь гнусен ваш переполох!
Про Новый Свет³⁰⁴ свист пастырь смог
Дать стаду, лих?
Не видел, сколько помню, Бог
Гримас таких.

O, sirs! whae'er wad hae expeckit
Your duty ye wad sae negleckit,
Ye wha were ne'er by lairds respeckit
 To wear the plaid;
But by the brutes themselves eleckit,
 To be their guide.

What flock wi' Moodie's flock could rank? –
Sae hale and hearty every shank!
Nae poison'd soor Arminian stank
 He let them taste;
Frae Calvin's well, aye clear, drank, –
 O, sic a feast!

The thummart, willcat, brock, an' tod,
Weel kend his voice thro' a' the wood,
He smell'd their ilka hole an' road,
 Baith out an in;
An' weel he lik'd to shed their bluid,
 An' sell their skin.

What herd like Russell tell'd his tale;
His voice was heard thro' muir and dale,
He kenn'd the Lord's sheep, ilka tail,
 Owre a' the height;
An' saw gin they were sick or hale,
 At the first sight.

He fine a mangy sheep could scrub,
Or nobly fling the gospel club,
And New-Light herds could nicely drub
 Or pay their skin;
Could shake them o'er the burning dub,
 Or heave them in.

Sic twa – O! do I live to see't? –
Sic famous twa should disagree't,
And names, like "villain," "hypocrite,"
 Ilk ither gi'en,
While New-Light herds, wi' laughin spite,
 Say neither's liein!

A' ye wha tent the gospel fauld,
There's Duncan deep, an' Peebles shaul,
But chiefly thou, apostle Auld,
 We trust in thee,
That thou wilt work them, het an' cauld,
 Till they agree.

Consider, sirs, how we're beset;
There's scarce a new herd that we get,

Мы, господа, от вас не ждали!
Вы долг свой помните? Едва ли!
Нет места вам средь лэрдов в зале,
 Нейдёт вам плед³⁰⁵;
Скоты вас в пастыри призывали?
 Пасти их след.

С отарой Муди вровень чья?
Овец не видел крепче я!
Арминианского питья³⁰⁶
 Не знают тут;
Пьют из Кальвинова ручья³⁰⁷ –
 И славно пьют!

Лис, дикий кот, барсук, хорёк,
Заслышав Муди, наутёк:
Пронюхав, где прошёл зверёк,
 Тот как чумной;
Кровищу лил и не берёг,
 Вёл торг пушной.

А Рассела кто превзошёл?
Глас вереск брал и падал в дол;
Овечий каждый хвост учёл,
 По всем холмам:
Здоровы, нет – его глагол
 Доложит нам.

Паршу он славно оттирал,
Дубиной истины махал,
А Новый Свет на стадо пал –
 Так шкуры прочь;
Над лужей огненной пытал,
 Коль плыть невмочь.

Обоим, на веку моём,
Не согласиться – ну ни в чём;
«Злодей, ханжа» – слова ручьём
 (Любой хорош),
Стада же им, в оскале злом,
 Не верят сплошь!

Все вы, чей чист библейский слог –
Пибблз³⁰⁸ мелок, Данкен³⁰⁹ же глубок,
А Олд³¹⁰ всех мощью превозмог –
 Достойный клир!
Уж преподайте им урок,
 Вселите мир!

Нас одолели, господа!
Как новый пастырь? Ерунда:

But comes frae 'mang that cursed set,
 I winna name;
I hope frae heav'n to see them yet
 In fiery flame.

Dalrymple has been lang our fae,
M'Gill has wrought us meikle wae,
An' that curs'd rascal ca'd M'Quhae,
 And baith the Shaws,
That aft hae made us black an' blae,
 Wi' vengefu' paws.

Auld Wodrow lang has hatch'd mischief;
We thought aye death wad bring relief;
But he has gotten, to our grief,
 Ane to succeed him,
A chield wha'll soundly buff our beef;
 I meikle dread him.

And mony a ane that I could tell,
Wha fain wad openly rebel,
Forby turn-coats amang oursel',
 There's Smith for ane;
I doubt he's but a grey nick quill,
 An' that ye'll fin'.

O! a' ye flocks o'er a, the hills,
By mosses, meadows, moors, and fells,
Come, join your counsel and your skills
 To cove the lairds,
An' get the brutes the power themsel's
 To choose their herds.

Then Orthodoxy yet may prance,
An' Learning in a woody dance,
An' that fell cur ca'd Common Sense,
 That bites sae sair,
Be banished o'er the sea to France:
 Let him bark there.

Then Shaw's an' D'rymple's eloquence,
M'Gill's close nervous excellence
M'Quhae's pathetic manly sense,
 An' guid M'Math,
Wi' Smith, wha thro' the heart can glance,
 May a' pack aff.

Пришёл из чёртова гнезда
 (Слов жалко мне);
Узреть бы с Неба хоть когда
 Его в огне!

Далраймпла³¹¹ был нам извечный враг,
Макгилл³¹² нам гадил – только так,
И плут Макквей³¹³; и каждый шаг
 Двух Шоу³¹⁴ неслаб:
Месть не в один вошла синяк
 От злющих лап.

От Вудро³¹⁵ жизни никакой;
Лишь смерть, решили, даст покой,
Довёл он до беды такой:
 За ним идущий
Излуплен пасторской рукой,
 Нет страху пуще!

Назвал я многих бы сейчас,
Чей бунт шёл от наивных глаз;
Есть и предатели средь нас,
 Взять Смита³¹⁶ вот:
Пьянчуга, если без прикрас, –
 Хоть кто поймёт.

О вы, со всех холмов стада,
С болот, полей, лугов – сюда,
Чтоб поунялся навсегда
 У лэрдов дух,
Проблеяли чтоб овцы: «Да,
 Вот наш пастух!»

Будь пляс Традиции всерьёз
Со Знанием (без узды – вразнос),
А Здравый Смысл, свирепый пёс,
 Опасный нам,
Чтоб ноги за Канал³¹⁷ унёс –
 Пусть лает там!

Далраймпла, Шоу цветистый слог,
Макгилла нервный говорок,
Макквея смелых слов поток,
 Макмаффа³¹⁸ труд
И Смита³¹⁹ – всех пронзал глазок –
 Ещё как пнут!

On the Late Captain Grose's Peregrinations thro' Scotland

Collecting the Antiquities of that Kingdom

Hear, Land o' Cakes, and brither Scots,
Frae Maidenkirk to Johnie Groat's; –
If there's a hole in a' your coats,
 I rede you tent it:
A chield's amang you takin notes,
And, faith, he'll prent it:

If in your bounds ye chance to light
Upon a fine, fat fodgel wight,
O' stature short, but genius bright,
 That's he, mark weel;
And wow! he has an unco sleight
 O' cauk and keel.

By some auld, houlet-haunted biggin,
Or kirk deserted by its riggin,
It's ten to ane ye'll find him snug in
 Some eldritch part,
Wi' deils, they say, Lord save's! colleaguin
 At some black art.

Ilk ghaist that haunts auld ha' or chaumer,
Ye gipsy-gang that deal in glamour,
And you, deep-read in hell's black grammar,
 Warlocks and witches,
Ye'll quake at his conjuring hammer,
 Ye midnight bitches.

It's tauld he was a sodger bred,
And ane wad rather fa'n than fled;
But now he's quat the spurtle-blade,
 And dog-skin wallet,
And taen the – Antiquarian trade,
 I think they call it.

He has a fouth o' auld nick-nackets:
Rusty airn caps and jinglin jackets,
Wad haud the Lothians three in tackets,
 A towmont gude;
And parritch-pats and auld saut-buckets,
 Before the Flood.

Of Eve's first fire he has a cinder;
Auld Tubalcain's fire-shool and fender;
That which distinguished the gender
 O' Balaam's ass:
A broomstick o' the witch of Endor,
 Weel shod wi' brass.

О том, как капитан Гроуз³²⁰ недавно проехал
по Шотландии,

собирая антиквариат этого королевства

Страна Лепёшек, скоттов край
(Тут Мэйденкёрк, а там, считай,
И Джони Гроутс³²¹)! Уж не скрывай:
Дыра в одежде –
Заметку малый, не лентяй,
Издаст, похоже³²².

Пройдёт пузанчик первый сорт:
Пригож, пониже местных морд,
В своих суждениях ясен, твёрд –
Знакомьтесь с ним;
К тому ж рисует – ух ты чёрт! –
Мелком цветным.

В церквухе, что лишь совам гожа,
Где крыши не хватает тоже,
Его найдёшь: костям и коже
Он как собрат;
С чертями, врут, – спаси нас Боже! –
Якшаться рад.

Дух, будь из зала ли, покоя,
Цыган ватагой колдовскою,
Сброд чернокнижный – всех, гурьбою,
Когда в ударе, –
Вас вгонит в трепет ворожбою,
Ночные твари.

Болтают: он, де, из солдат,
И был в армейской службе хват,
Теперь с ним ложка да ухват,
Кошель из лайки;
Берёт он ан-ти-ква-ри-ат,
Поверю байке.

Безделиц множество ничтожных,
Шлем ржавый и пустые ножны,
Минувших дней гвоздей сапожных
За год нагрёб;
Кастрюль, солонок строй, возможно,
Видал Потоп.

Эдемской горсть золы хранится
И Тувалкаиновы крицы³²³;
Знак Валаамовой ослицы³²⁴
(А не осла),
От ведьмы Аэндора³²⁵, мнится,
Её метла.

Forbye, he'll shape you aff fu' gleg
The cut of Adam's philibeg;
The knife that nickit Abel's craig
 He'll prove you fully,
It was a faulding jocteleg,
 Or lang-kail gullie.

But wad ye see him in his glee,
For meikle glee and fun has he,
Then set him down, and twa or three
 Gude fellows wi' him:
And port, O port! shine thou a wee,
 And then ye'll see him!

Now, by the Pow'rs o' verse and prose!
Thou art a dainty chield, O Grose! –
Whae'er o' thee shall ill suppose,
 They sair misca' thee;
I'd take the rascal by the nose,
 Wad say, "Shame fa' thee!"

On Pastoral Poetry

Hail, Poesie! thou Nymph reserv'd!
In chase o' thee, what crowds hae swerv'd
Frae common sense, or sunk enerv'd
 'Mang heaps o' clavers:
And och! o'er aft thy joes hae starv'd,
 'Mid a' thy favours!

Say, Lassie, why, thy train amang,
While loud the trump's heroic clang,
And sock or buskin skelp alang
 To death or marriage;
Scarce ane has tried the shepherd-sang
 But wi' miscarriage?

In Homer's craft Jock Milton thrives;
Eschylus' pen Will Shakespeare drives;
Wee Pope, the knurlin', till him rives
 Horatian fame;
In thy sweet sang, Barbauld, survives
 Even Sappho's flame.

But thee, Theocritus, wha matches?
They're no herd's ballats, Maro's catches;
Squire Pope but busks his skinklin' patches
 O' heathen tatters:
I pass by hunders, nameless wretches,
 That ape their betters.

Он объяснит, являя пыл,
Как килт Адама скроен был,
Какой нож Авеля пришил³²⁶
 (Легко докажет:
Складной; а может, Каин бил
 Капустным даже).

Когда ж дела́ отбросит прочь –
А он до этого охоч –
Так с ним пропьянствуют всю ночь
 Два-три дружочка;
Портвейн, портвейн! Не пить невмочь:
 Хорош – и точка!

Признав стихов и прозы власть,
Тобою, Гроуз, люблюсь всласть!
Посмей кто на тебя напасть,
 Так разве сдуру;
Поганцу я в сопатку – хрясть:
 «Уйми натуру!»

О пасторальной поэзии

Привет, поэзия! Скромна,
Как нимфа – и толпа должна,
Ища, дуреть, достигнуть дна
 В обилье чуши;
Тьма твоих милых голодна,
 Хоть греешь души!

Что ж люд, какой в тебя влюблён
(Пока дух славит арфы звон)
И прёт – обут ли? – с похорон
 Иль свадьбы шалой,
Пастушью песню спеть резон
 Находит малый?

Джок Милтон³²⁷ взял Гомера пыл,
А Вилл Шекспир – второй Эсхил;
К Горацию Поуп-карлик взмыл
 Аж на ладонь;
А твой, Барбо³²⁸, напев вместил
 Сапфо́ огонь.

Кто Феокриту³²⁹ равен ныне?
Баллад Марона³³⁰ нет в помине;
Сквайр Поуп – заплат на арлекине
 Блестят изъяны;
Сплошь подражают: без гордыни,
 Как обезьяны.

In this braw age o' wit and lear,
Will nane the Shepherd's whistle mair
Blaw sweetly in its native air,
 And rural grace;
And, wi' the far-fam'd Grecian, share
 A rival place?

Yes! there is ane – a Scottish callan!
There's ane; come forrit, honest Allan!
Thou need na jouk behint the hallan,
 A chiel sae clever;
The teeth o' time may gnaw Tantallan,
 But thou's for ever.

Thou paints auld Nature to the nines,
In thy sweet Caledonian lines;
Nae gowden stream thro' myrtle twines,
 Where Philomel,
While nightly breezes sweep the vines,
 Her griefs will tell!

In gowany glens thy burnie strays,
Where bonie lasses bleach their claes,
Or trots by hazelly shaws and braes,
 Wi' hawthorns gray,
Where blackbirds join the shepherd's lays,
 At close o' day.

Thy rural loves are Nature's sel';
Nae bombast spates o' nonsense swell;
Nae snap conceits, but that sweet spell
 O' witchin love,
That charm that can the strongest quell,
 The sternest move.

The Humble Petition of Bruar Water

To the noble Duke of Athole.

My lord, I know your noble ear
 Woe ne'er assails in vain;
Embolden'd thus, I beg you'll hear
 Your humble slave complain,
How saucy Phoebus' scorching beams,
 In flaming summer-pride,
Dry-withering, waste my foamy streams,
 And drink my crystal tide.

The lightly-jumping, glowrin' trouts,
 That thro' my waters play,

В век, где царит познания дух,
Неужто не свистит пастух,
Не радуется соседский дух
 (Услада эка!),
И не сравнить певцов нам двух:
 Его и грека?

Есть тут юнец – не подкачал он!
Есть, есть! Вперёд же, честный Аллан³³¹!
Таиться вовсе не пристало,
 Раз ты с мозгами;
Пускай года грызут Танталлан³³²,
 Навек ты с нами.

Природу вознести ты смог
Искусством каледонских³³³ строк;
Журчащий в миртах ручеёк
 И соловей,
В ночи меж лоз воздушный ток
 Не слаще ей!

Ручей твой – долом, по цветам:
(Красотки знай стирают там),
Лещина сплошь по берегам
 Да тёрн седой;
К закату петать вольно дроздам –
 И в лад с тобой.

В любви к селянкам твой оплот –
Природа; спесь и бред не в счёт,
Нет спешки; только чар исход
 И колдовство,
Какое разом подомнёт
 Да хоть кого.

Смиренная просьба реки Бруар³³⁴

к благородному герцогу Атоулскому³³⁵

Милорд, я знаю: горя глас
 Услышать – вам судьба;
Тем вдохновясь, тревожу вас,
 Смиренная раба:
Палит лучами Феб³³⁶-щенок,
 Огонь спеси лето шлёт –
И сушат пенный мой поток,
 Пьют влагу чистых вод.

Играет яркая форель,
 Чей лёгок скок и лих,

If, in their random, wanton spouts,
 They near the margin stray;
If, hapless chance! they linger lang,
 I'm scorching up so shallow,
They're left the whitening stanes amang,
 In gasping death to wallow.

Last day I grat wi' spite and teen,
 As poet Burns came by,
That, to a bard, I should be seen
 Wi' half my channel dry;
A panegyric rhyme, I ween,
 Ev'n as I was, he shor'd me;
But had I in my glory been,
 He, kneeling, wad ador'd me.

Here, foaming down the skelvy rocks,
 In twisting strength I rin;
There, high my boiling torrent smokes,
 Wild-roaring o'er a linn:
Enjoying each large spring and well,
 As Nature gave them me,
I am, altho' I say't mysel',
 Worth gaun a mile to see.

Would then my noble master please
 To grant my highest wishes,
He'll shade my banks wi' tow'ring trees,
 And bonie spreading bushes.
Delighted doubly then, my lord,
 You'll wander on my banks,
And listen mony a grateful bird
 Return you tuneful thanks.

The sober lav'rock, warbling wild,
 Shall to the skies aspire;
The gowdspink, Music's gayest child,
 Shall sweetly join the choir;
The blackbird strong, the lintwhite clear,
 The mavis mild and mellow;
The robin pensive Autumn cheer,
 In all her locks of yellow.

This, too, a covert shall ensure,
 To shield them from the storm;
And coward maukin sleep secure,
 Low in her grassy form:
Here shall the shepherd make his seat,
 To weave his crown of flow'rs;
Or find a shelt'ring, safe retreat,
 From prone-descending show'rs.

Но стережёт рыбёшку мель
Средь рукавов моих:
Коль вдруг подальше прыгнет чуть –
Куда заносят черти! –
Так средь камней закончит путь,
Уснёт в объятьях смерти.

Вечор всплакнула от беды,
И тут вдруг Бёрнс, поэт;
Увидел: уровня воды
И половины нет;
Он панегирик-стих, мню так,
Принёс мне, жалкой тени;
Когда б поток мой не иссяк,
Упал бы на колени.

Здесь кры́ла пеной по́лки скал,
Вертясь в избытке сил,
Там, на порогах, вал вскипал
И с рёвом вниз сквозил;
Вбирала прелесть малых вод,
Природы дар ценя,
И знала: шёл взглянуть народ
За милю на меня.

Сажал бы славный господин –
Желанья нету пуще –
Деревьев башни вдоль стремнин,
Кустов нарядных кущи!
Милорд, в пути по берегам
Двойной восторг сокрыт,
Когда пичуг весёлый гам
Вас отблагодарит.

Тихоня-жаворонок там
Под высь направит трели,
Щегол, такой весёлый сам,
Вольётся в хор на деле;
Чечётка, крепкий дрозд-черныш
И дрозд певучий, тая,
С малиновкой нарушат тишь:
Ждёт осень золотая.

Отыщет всяк защиту тут,
Где не страшны ветра,
Трусишке-зайке даст приют
Средь гущи трав нора;
Местечко здесь найдёт пастух:
Венок сплетая, рад
Перевести спокойно дух,
Забыть про дождь и град.

And here, by sweet, endearing stealth,
 Shall meet the loving pair,
Despising worlds, with all their wealth,
 As empty idle care;
The flow'rs shall vie in all their charms,
 The hour of heav'n to grace;
And birks extend their fragrant arms
 To screen the dear embrace.

Here haply too, at vernal dawn,
 Some musing bard may stray,
And eye the smoking, dewy lawn,
 And misty mountain grey;
Or, by the reaper's nightly beam,
 Mild-chequering thro' the trees,
Rave to my darkly dashing stream,
 Hoarse-swelling on the breeze.

Let lofty firs, and ashes cool,
 My lowly banks o'erspread,
And view, deep-bending in the pool,
 Their shadow's wat'ry bed:
Let fragrant birks, in woodbines drest,
 My craggy cliffs adorn;
And, for the little songster's nest,
 The close embow'ring thorn.

So may old Scotia's darling hope,
 Your little angel band
Spring, like their fathers, up to prop
 Their honour'd native land!
So may, thro' Albion's farthest ken,
 To social-flowing glasses,
The grace be – "Athole's honest men,
 And Athole's bonie lasses! "

Address to a Haggis

Fair fa' your honest, sonsie face,
Great chieftain o' the pudding-race!
Aboon them a' yet tak your place,
 Painch, tripe, or thairm:
Weel are ye wordy o'a grace
 As lang's my arm.

The groaning trencher there ye fill,
Your hurdies like a distant hill,
Your pin was help to mend a mill
 In time o'need,
While thro' your pores the dews distil
 Like amber bead.

Влюблённые здесь сыщут кров –
Уловки чар на славу –
Презрев все ценности миров
Как жалкую забаву;
Цветы заводят спор: какой
Украсит звёздный час;
Душист берёзовый покой,
Объятыя скрыл от глаз.

Вдруг по весне, зарёю пьян,
В раздумьях бард пройдёт,
Зря мглу росистую полян,
Туман седых высот;
Иль где луч смерти ночь тишком
Меж древ кладёт как фриз,
Он мраком бурных вод влеком,
Какие дыбит бриз.

Пусть ель, горда, и ясень, свеж,
Возьмут меня под сень,
А омут, берегов промеж,
Вернёт деревьям тень;
Пусть жимолость, берёзок друг,
Украсит камень скал,
Хочу, чтоб птичьих гнёзд вокруг
Густой терновник встал.

Надежда Скотии³³⁷, ваш род,
Ребятки-ангелки³³⁸,
Пусть, предкам вслед, стеной встаёт:
Им край беречь с руки!
До дальних Англии концов
Будь рьяны пьющих глотки:
«Не счесть в Атоуле молодцов,
Девицы там красотки!»

Обращение к хаггису³³⁹

Весёлой круглой рожей благ
Ты, шайки пудингов вожак!
С тобой сравнить нельзя никак
Рубец с кишкой;
Ты, спору нету, самый смак –
С длиной такой³⁴⁰.

Поднос, приняв тебя, трещит,
Твой зад – как холм, что далью скрыт,
Заколка, коли жёрнов сбит,
Удержит груз,
А сок из пор являет вид
Янтарных бус.

His knife see rustic Labour dight,
An' cut you up wi' ready sleight,
Trenching your gushing entrails bright,
 Like ony ditch;
And then, O what a glorious sight,
 Warm-reekin', rich!

Then, horn for horn, they stretch an' strive:
Deil tak the hindmost! on they drive,
Till a' their weel-swallow'd kytes belyve
 Are bent like drums;
Then auld Guidman, maist like to rive,
 Bethankit! hums.

Is there that owre his French ragout
Or olio that wad staw a sow,
Or fricassee wad make her spew
 Wi' perfect sconner,
Looks down wi' sneering, scornfu' view
 On sic a dinner?

Poor devil! see him owre his trash,
As feckles as wither'd rash,
His spindle shank, a guid whip-lash;
 His nieve a nit;
Thro' bloody flood or field to dash,
 O how unfit!

But mark the Rustic, haggis-fed,
The trembling earth resounds his tread!
Clap in his wallee nieve a blade,
 He'll mak it whistle;
An' legs an' arms, an' hands will sned,
 Like taps o' trissle.

Ye Pow'rs, wha mak mankind your care,
And dish them out their bill o' fare,
Auld Scotland wants nae skinking ware
 That jaups in luggies;
But, if ye wish her gratefu' prayer
 Gie her a haggis!

Address to the Toothache

My curse upon your venom'd stang,
That shoots my tortur'd gums alang,
An' thro' my lug gies mony a twang,
 Wi' gnawing vengeance,
Tearing my nerves wi' bitter pang,
 Like racking engines!

Трудяга сельский вытрет нож
(Вспороть бочок отменно гожд);
Залезть во чрево невтерпёж,
 Разрез глубок;
А там – какое диво всё ж –
 Горяч парок!

Пошли с усердьем ложки в ход –
Последних к чёрту!³⁴¹ – и вперёд,
И вот у каждого живот,
 Как барабан;
Муж хмыкнет (лопнет сам вот-вот):
 «Ты Богом дан!»

Рагу и фрикасе друзья,
Иль ольи³⁴² (коль сожрёт свинья,
Блюёт потом до забытья,
 Так твари худо),
Презрите, полагаю я,
 Вы наше блюдо?

Бедняги! К дряни люд привык,
И хил, как высохший тростник,
В шнурочках-ляжках силы пшик,
 Кулак – орех;
В крови, в броске – средь горемык
 И неумех!

А малый, хаггисом вскормлён,
Идёт – земля и в дрожь, и в стон!
Клинок в ручище занесён –
 И свист неплох;
Враг – в клочья, будто рубит он
 Чертополох.

Вы, Силы, что стократ на дню
Суёте смертным, нам, меню!
Шотландцам жидкую стряпню
 Не лейте в миски,
А дайте хаггис: он, как мню,
 Их душам близкий!

Обращение к зубной боли³⁴³

Укус будь проклят лютей твой,
Что дёсны мне пронзил, хоть вой;
Сквозь ухо приступ болевой
 Бьёт под микитки,
Терзает нервы, рвёт пилою –
 Орудьем пытки!

When fevers burn, or argues freezes,
Rheumatics gnaw, or colics squeezes,
Our neibor's sympathy can ease us,
 Wi' pitying moan;
But thee-thou hell o' a' diseases –
 Aye mocks our groan.

Adown my beard the slavers trickle
I throw the wee stools o'er the mickle,
While round the fire the giglets keckle,
 To see me loup,
While, raving mad, I wish a heckle
 Were in their doup!

In a' the numerous human dools,
Ill hairsts, daft bargains, cutty stools,
Or worthy frien's rak'd i' the mools, –
 Sad sight to see!
The tricks o' knaves, or fash o'fools,
 Thou bear'st the gree!

Where'er that place be priests ca' hell,
Where a' the tones o' misery yell,
An' ranked plagues their numbers tell,
 In dreadfu' raw,
Thou, Toothache, surely bear'st the bell,
 Amang them a'!

O thou grim, mischief-making chiel,
That gars the notes o' discord squeel,
Till daft mankind aft dance a reel
 In gore, a shoe-thick,
Gie a' the faes o' Scotland's weal
 A townmond's toothache!

Burlesque Lament for the Absence of William Creech, Publisher

Auld chuckie Reekie's sair distrest,
Down droops her ance weel burnish'd crest,
Nae joy her bonie buskit nest
 Can yield ava,
Her darling bird that she lo'es best –
 Willie's awa!

O Willie was a witty wight,
And had o' things an unco' sleight,
Auld Reekie aye he keepit tight,
 And trig an' braw:
But now they'll busk her like a fright, –
 Willie's awa!

Будь жар, озноб иль, колик злее,
Ломота – хоть в спине, хоть в шее –
Соседи, искренне жалея,
 Испустят стон;
Но коль с зубами эпопея –
 Поди ты вон!

Стекает с бороды слюна,
Забросил стульев до хрена,
Мальцы у печки – вот те на! –
 Гогочут в лад;
Чесальный гребень (злость пьяна)
 Воткнись им в зад!

Людских не считаешь бед:
Позор, оплошность, хлеба нет,
Друзья убрались на тот свет –
 Тьма маеты!
Вор прёт, дурак городит бред...
 Всех пуще ты!

Там, где – попы болтают – ад,
Где все в мученьях верещат,
И наказаний жуткий ряд
 За всякий грех,
Ты, боль зубная, во сто крат
 Страшней их всех!

О ты, чей вредоносен пыл,
Что рёв бессвязный породил,
Под кой народ станцует рил³⁴⁴
 В крови сугубо!
У всех, кто скоттам навредил,
 Болят пусть зубы!

Шуточный плач по поводу отсутствия Уильяма Крича³⁴⁵, издателя

Дымарь³⁴⁶ наш старый занемог,
Блестевший никнет хохолок,
Веселья боле на вершок
 Он не обрёл –
Потери горестный итог:
 Наш Вилл ушёл!

Толков был Вилли-старина,
Сноровка всякому видна!
Держал в порядке Копчуна,
 Тот прямо цвёл;
А нынче стать его гнусна,
 Ведь Вилл ушёл!

The stiffest o' them a' he bow'd,
The bauldest o' them a' he cow'd;
They durst nae mair than he allow'd,
That was a law:
We've lost a birkie weel worth gowd;
Willie's awa!

Now gawkies, tawpies, gowks and fools,
Frae colleges and boarding schools,
May sprout like simmer puddock-stools
In glen or shaw;
He wha could brush them down to mools –
Willie's awa!

The brethren o' the Commerce-chaumer
May mourn their loss wi' doolfu' clamour;
He was a dictionar and grammar
Among them a';
I fear they'll now mak mony a stammer;
Willie's awa!

Nae mair we see his levee door
Philosophers and poets pour,
And toothy critics by the score,
In bloody raw!
The adjutant o' a' the core –
Willie's awa!

Now worthy Gregory's Latin face,
Tytler's and Greenfield's modest grace;
Mackenzie, Stewart, such a brace
As Rome ne'er saw;
They a' maun meet some ither place,
Willie's awa!

Poor Burns ev'n Scotch Drink canna quicken,
He cheeps like some bewilder'd chicken
Scar'd frae it's minnie and the cleckin,
By hoodie-craw;
Grieg's gien his heart an unco kickin,
Willie's awa!

Now ev'ry sour-mou'd girnin blellum,
And Calvin's folk, are fit to fell him;
Ilk self-conceited critic skellum
His quill may draw;
He wha could brawlie ward their bellum –
Willie's awa!

Up wimpling stately Tweed I've sped,
And Eden scenes on crystal Jed,

Негибких самых пригибал
И самых буйных укрощал;
Творили то, что позволял –
 Прочь произвол;
Град просто золото потерял,
 Лишь Вилл ушёл!

Теперь дурьё плодить резон
Нашли колледж и пансион:
Грибами так заполонён
 Лесок ли, дол;
Их выметал, как мусор, он –
 Но Вилл ушёл!

Скорбит Торговая Палата:
Гвалт над потерей собрата;
Служил вам словарём, ребята,
 И нёс глагол;
Заик там нынче многовато –
 А Вилл ушёл!

В его дому был обогрет
Любой философ ли, поэт;
И критик критику вослед
 Шёл, вечно зол!
В компании основы нет,
 Раз Вилл ушёл!

У Грегори³⁴⁷ черты грозны,
А Тайтлер³⁴⁸ с Гринфилдом³⁴⁹ скромны;
Маккензи³⁵⁰, Стюарт³⁵¹ столь дружны –
 Мир чудом счёл...
Иной приют искать должны,
 Коль Вилл ушёл!

Не ожил бедный Бёрнс от виски,
Зашёлся он в цыплячьем писке:
Нет квочки, братцев, ворон близко,
 Что род извёл;
Бедой придушен в жутком тиске,
 А Вилл ушёл!

Любой нудьга канючит в споре,
И ждёшь от кальвинистов горя,
И плуты-критики в укорё
 За тьму крамол;
А тот, кто их крушил в задоре –
 Наш Вилл – ушёл!

Видал я величавый Твид³⁵²,
Джед³⁵³, что, считай, в раю бежит,

And Ettrick banks, now roaring red,
While tempests blaw;
But every joy and pleasure's fled,
Willie's awa!

May I be Slander's common speech;
A text for Infamy to preach;
And lastly, streekit out to bleach
In winter snaw;
When I forget thee, Willie Creech,
Tho' far awa!

May never wicked Fortune touzle him!
May never wicked men bamboozle him!
Until a pow as auld's Methusalem
He canty claw!
Then to the blessed new Jerusalem,
Fleet wing awa!

Note to Mr. Renton of Lamerton

Your billet, Sir, I grant receipt;
Wi' you I'll canter ony gate,
Tho' 'twere a trip to yon blue warl',
Whare birkies march on burning marl:
Then, Sir, God willing, I'll attend ye,
And to his goodness I commend ye.

R. Burns

To a Louse on Seeing One on a Lady's Bonnet, at Church

Ha! whaur ye gaun, ye crowlin ferlie?
Your impudence protects you sairly;
I canna say but ye strunt rarely,
Owre gauze and lace;
Tho', faith! I fear ye dine but sparely
On sic a place.

Ye ugly, creepin, blastit wonner,
Detested, shunn'd by saunt an' sinner,
How daur ye set your fit upon her –
Sae fine a lady?
Gae somewhere else and seek your dinner
On some poor body.

Swith! in some beggar's haffet squattle;
There ye may creep, and sprawl, and sprattle,
Wi' ither kindred, jumping cattle,
In shoals and nations;
Whaur horn nor bane ne'er daur unsettle
Your thick plantations.

И Эттрик³⁵⁴, берег чей дрожит,
Коль шторм довёл;
Их прелесть дух не ублажит:
Наш Вилл ушёл!

Пусть Клеветы стегает бич,
Несётся вдаль Позора клич,
Пускай на снег, всего опричь,
Я лягу гол,
Когда тебя забуду, Крич,
Хоть ты ушёл!

Да разминутся Беды с ним!
Будь средь пройдох он невредим!
Мафусаилов век хотим,
Чтоб он обрёл!
И в новый Иерусалим
Легко ушёл!

Пометка для мистера Рентона из Ламертона³⁵⁵

Я тронут приглашеньем, сэр;
Помчимся с вами мы в карьер –
В синь мира, где бы обрели
Друзей с пылающей земли;
Приеду, сэр, по воле Божьей,
За вас словцо замолвив тоже.
Р. Бёрнс

Вши, замеченной на шляпке дамы в церкви

Ба! Ты куда залезла, вошка?
Была б ты поскромней немножко;
Зря привела тебя дорожка
В газ, кружева;
Боюсь, ей-ей, средь них кормёжку
Найдёшь едва.

Дала ж Природа ползать чуду!
Всяк – грешен, свят – стряхнёт паскуду;
Как смела поползти дотуда
Ты, в самом деле?
Искала б пищу, проклят буду,
На бедном теле.

Прочь! Лезь к бродяге на висок
(Путь труден, долог и далёк),
С роднёй своей верши бросок
Ватаг и наций;
Там вас не станет гребешок
Лишать плантаций ³⁵⁶.

Now haud you there, ye're out o' sight,
Below the fatt'rels, snug and tight;
Na, faith ye yet! ye'll no be right,
 Till ye've got on it –
The verra tapmost, tow'rin height
 O' Miss' bonnet.

My sooth! right bauld ye set your nose out,
As plump an' grey as ony grozet:
O for some rank, mercurial rozet,
 Or fell, red smeddum,
I'd gie you sic a hearty dose o't,
 Wad dress your droddum.

I wad na been surpris'd to spy
You on an auld wife's flainen toy;
Or aiblins some bit dubbie boy,
 On's wyliecoat;
But Miss' fine Lunardi! fye!
 How daur ye do't?

O Jeany, dinna toss your head,
An' set your beauties a' abroad!
Ye little ken what cursed speed
 The blastie's makin:
Thae winks an' finger-ends, I dread,
 Are notice takin.

O wad some Power the giftie gie us
To see oursels as ithers see us!
It wad frae mony a blunder free us,
 An' foolish notion:
What airs in dress an' gait wad lea'e us,
 An' ev'n devotion!

The Whistle – a Ballad

I sing of a Whistle, a Whistle of worth,
I sing of a Whistle, the pride of the North.
Was brought to the court of our good Scottish King,
And long with this Whistle all Scotland shall ring.

Old Loda, still rueing the arm of Fingal,
The god of the bottle sends down from his hall –
"The Whistle's your challenge, to Scotland get o'er,
And drink them to hell, Sir! or ne'er see me more!"

Old poets have sung, and old chronicles tell,
What champions ventur'd, what champions fell:
The son of great Loda was conqueror still,
And blew on the Whistle their requiem shrill.

Уж раз залезла, до поры
Укрылась бы средь мишуры,
Так нет же, чёрт! Влекут бугры,
Вползла упрямо
На самый верх, на пик горы,
На шляпку дамы.

Клянусь, ты нос всем кажешь браво:
Пухлей крыжовника, вертявый;
Будь канифоль или отрава,
Чем вас морят,
Тебе без жадности бы, право,
Присыпал зад!

Облюбовала б, наконец,
Фланельный бабушкин чепец;
Тебя б нёс уличный малец
Без маеты...
Но на «лунард»³⁵⁷ мисс? Вконец
Наглеешь ты!

Не пыжься, Джини, милый друг,
Красу являя всем вокруг!
Когда бы ты узнала вдруг,
Сколь тварь приметна:
Мигнут, ткнут пальцем – ну, каюк,
Утайка тщетна.

О, дал бы нам Господь узренье
Себя глазами окруженья!
Умы сберёг бы, вне сомненья,
Тем от разлада:
Мы поменяли б вид, движенья –
А то и взгляды!

Свисток. Баллада³⁵⁸

Пою про свисток, что не даром нам дан,
Пою про свисток, в коем спесь северян.
К шотландскому трону его принесли,
Не сдуть его трели с шотландской земли.

Дед Лода, Фингалом единожды бит³⁵⁹,
Бутылки божок, из покоя вопит:
«Брось вызов шотландцам, свистком помяня!
Упиться не дашь – не увидишь меня!»

От бардов, из хроник нам ведомо, как,
Рискуя, герои сражались – и шмяк:
Сын Лоды средь пьяниц был непобедим,
Визгливо высвистывал реквием им.

Till Robert, the lord of the Cairn and the Scaur,
Unmatch'd at the bottle, unconquer'd in war,
He drank his poor god-ship as deep as the sea;
No tide of the Baltic e'er drunker than he.

Thus Robert, victorious, the trophy has gain'd;
Which now in his house has for ages remain'd;
Till three noble chieftains, and all of his blood,
The jovial contest again have renew'd.

Three joyous good fellows, with hearts clear of flaw
Craigdarroch, so famous for with, worth, and law;
And trusty Glenriddel, so skill'd in old coins;
And gallant Sir Robert, deep-read in old wines.

Craigdarroch began, with a tongue smooth as oil,
Desiring Downrightly to yield up the spoil;
Or else he would muster the heads of the clan,
And once more, in claret, try which was the man.

"By the gods of the ancients!" Downrightly replies,
"Before I surrender so glorious a prize,
I'll conjure the ghost of the great Rorie More,
And bumper his horn with him twenty times o'er."

Sir Robert, a soldier, no speech would pretend,
But he ne'er turn'd his back on his foe, or his friend;
Said, "Toss down the Whistle, the prize of the field,"
And, knee-deep in claret, he'd die ere he'd yield.

To the board of Glenriddel our heroes repair,
So noted for drowning of sorrow and care;
But, for wine and for welcome, not more known to fame,
Than the sense, wit, and taste, of a sweet lovely dame.

A bard was selected to witness the fray,
And tell future ages the feats of the day;
A Bard who detested all sadness and spleen,
And wish'd that Parnassus a vineyard had been.

The dinner being over, the claret they ply,
And ev'ry new cork is a new spring of joy;
In the bands of old friendship and kindred so set,
And the bands grew the tighter the more they were wet.

Gay Pleasure ran riot as bumpers ran o'er:
Bright Phoebus ne'er witness'd so joyous a core,
And vow'd that to leave them he was quite forlorn,
Till Cynthia hinted he'd see them next morn.

Но Роберт, владыка каменьев и скал,
В питье ли, в бою себе равных не знал;
Пьянчугина глотка пучине равна,
Балтийская вряд ли пьянее волна.

Взял Роберт трофей (уцелела башка),
И в доме его тот хранился века,
Пока трём вождям – и во всех его кровь –
Потешно тягаться не вздумалось вновь.

Нет чище тех малых, трёх радостных душ:
Крейгдэррох, остряк, и законник, к тому ж,
Гленриддел, старинных монет властелин,
Отважный сэр Роберт, знаток старых вин.

Крейгдэррох затеял елейную речь,
Гленриддела чтоб от беды убересть,
Дабы не собирать ему клана совет:
Кларетом решать, кто мужчина, кто нет.

«О древние боги! – Гленриддел ему. –
Допреждь, чем приз славный отдать хоть кому,
Будь дух Рори Мора³⁶⁰ из бездны подъят,
Чтоб выдуть мне с ним рогов двадцать подряд!»

Сэр Роберт, солдат, не охотник до слов;
Враг, друг ли пред ним – отступать не готов;
Сказал: «Мы свисток разыграем в бою,
В вине по колено, глядишь, устою».

Гленриддела стол трёх героев влечёт,
Где уйма утоплена бед и забот,
Но более пиршеств прославились там
Ум, чувство и вкус в отношении дам.

В свидетели схватки был бард приглашён:
Потомкам опишет пусть подвиги он;
Бард, не выносивший унынья и зла,
Желал, чтоб лоза весь Парнас оплела.

Покончив с обедом, взялись за кларет;
Вон пробка – и радости вспышка вослед;
Здесь дружба узы, их клан и семья,
И узы крепчали по мере питья.

Восторг полной чашей друзей захлестнул;
И Фебу не снился подобный загул:
Расстаться – никак, хотя, вроде, пора,
А Цинтия – брату³⁶¹: «Найдёшь их с утра».

Six bottles a-piece had well wore out the night,
When gallant Sir Robert, to finish the fight,
Turn'd o'er in one bumper a bottle of red,
And swore 'twas the way that their ancestor did.

Then worthy Glenriddel, so cautious and sage,
No longer the warfare ungodly would wage;
A high Ruling Elder to wallow in wine;
He left the foul business to folks less divine.

The gallant Sir Robert fought hard to the end;
But who can with Fate and quart bumpers contend!
Though Fate said, a hero should perish in light;
So uprose bright Phoebus – and down fell the knight.

Next uprose our Bard, like a prophet in drink: –
"Craigdarroch, thou'lt soar when creation shall sink!
But if thou would flourish immortal in rhyme,
Come – one bottle more – and have at the sublime!

"Thy line, that have struggled for freedom with Bruce,
Shall heroes and patriots ever produce:
So thine be the laurel, and mine be the bay;
The field thou hast won, by yon bright god of day!"

The Kirk of Scotland's Alarm

Orthodox! orthodox, who believe in John Knox,
Let me sound an alarm to your conscience:
A heretic blast has been blown in the West,
"That what is no sense must be nonsense,"
Orthodox! That what is no sense must be nonsense.

Doctor Mac! Doctor Mac, you should streek on a rack,
To strike evil-doers wi' terror:
To join Faith and Sense, upon any pretence,
Was heretic, damnable error,
Doctor Mac! 'Twas heretic, damnable error.

Town of Ayr! town of Ayr, it was mad, I declare,
To meddle wi' mischief a-brewing,
Provost John is still deaf to the Church's relief,
And Orator Bob is its ruin,
Town of Ayr! Yes, Orator Bob is its ruin.

D'rymple mild! D'rymple mild, tho' your heart's like a child,
And your life like the new-driven snaw,
Yet that winna save you, auld Satan must have you,
For preaching that three's ane an' twa,
D'rymple mild! For preaching that three's ane an' twa.

Полдюжины красного в каждом за нóчь;
Сэр Роберт, окончить сражение не прочь,
Седьмую в крупнейший вылил бокал,
Божась, что так предок их общий пивал.

Достойный Гленриддел, разумный мудрец,
В порочной войне изнемог, наконец:
Не дело, мол, бражничать старосте храма,
Оставим постыдное дело для хама.

Отважный сэр Роберт стоял до конца,
Но рок – и семь кварт³⁶² – подкосили бойца!
Судьба быть поверженным светлой порой –
Взошёл ясный Феб, и свалился герой.

Бард следом поднялся, питейный пророк:
«Крейгдэррох, ты выплыл, кто б так ещё смог!
Но в рифме бессмертие как обретёшь?
А ну-ка, бутылку добавь – и хорош!

Сражаться за вольность шёл с Брюсом³⁶³ твой род,
В нём каждый – герой, и любой – патриот;
Ты лавром увенчан, мне лавры, что хлеб;
Ты выиграл битву, свидетелем Феб!»

Смятение в шотландской церкви³⁶⁴

Ортодокс! Ортодокс, чей учитель – Джон Нокс³⁶⁵,
Твоей совести бью я тревогу;
Рёв закатный сугуб еретических труб:
«То пустое, в чём смысла немного»,
Ортодокс! То пустое, в чём смысла немного.

Доктор Мак³⁶⁶! Доктор Мак, тащишь к дыбе, да как,
Всех писак, напугавши их шибко;
Веру с Мыслью связать, кто б ни стал притязать,
Было ересью, мерзкой ошибкой,
Доктор Мак! Было ересью, мерзкой ошибкой.

Город Эйр! Город Эйр, нет бессмысленней мер,
Чем возня с вредоносностью пива;
Мэр почтеннейший, Джон³⁶⁷, слуха к церкви лишён,
А ораторство Боба³⁶⁸ чуть живо,
Город Эйр! Всё ораторство Боба чуть живо.

Драймпл³⁶⁹, что тих! Драймпл, что тих, в детских чувствах своих,
В своей жизни ты снега белей,
Что тебя не спасёт, тебя чёрт заберёт:
«Дважды два – рек, – четыре», злодей!
Драймпл, что тих! «Дважды два – рек, – четыре», злодей!

Rumble John! rumble John, mount the steps with a groan,
Cry the book is with heresy cramm'd;
Then out wi' your ladle, deal brimstone like aidle,
And roar ev'ry note of the damn'd,
Rumble John! And roar ev'ry note of the damn'd.

Simper James! simper James, leave your fair Killie dames,
There's a holier chase in your view:
I'll lay on your head, that the pack you'll soon lead,
For puppies like you there's but few,
Simper James! For puppies like you there's but few.

Singet Sawnie! singet Sawnie, are ye huirdin the penny,
Unconscious what evils await?
With a jump, yell, and howl, alarm ev'ry soul,
For the foul thief is just at your gate.
Singet Sawnie! For the foul thief is just at your gate.

Poet Willie! poet Willie, gie the Doctor a volley,
Wi' your "Liberty's Chain" and your wit;
O'er Pegasus' side ye ne'er laid a stride,
Ye but smelt, man, the place where he shit.
Poet Willie! Ye but smelt man, the place where he shit.

Barr Steenie! Barr Steenie, what mean ye, what mean ye?
If ye meddle nae mair wi' the matter,
Ye may hae some pretence to havins and sense,
Wi' people that ken ye nae better,
Barr Steenie! Wi' people that ken ye nae better.

Jamie Goose! Jamie Goose, ye made but toom roose,
In hunting the wicked Lieutenant;
But the Doctor's your mark, for the Lord's holy ark,
He has cooper'd an' ca'd a wrang pin in't,
Jamie Goose! He has cooper'd an' ca'd a wrang pin in't.

Davie Rant! Davie Rant, wi' a face like a saunt,
And a heart that wad poison a hog;
Raise an impudent roar, like a breaker lee-shore
Or the kirk will be tint in a bog.
Davie Rant! Or the kirk will be tint in a bog.

Irvine Side! Irvine Side, wi' your turkey-cock pride
Of manhood but sma' is your share:
Ye've the figure, 'tis true, ev'n your foes will allow,
And your friends they dare grant you nae mair,
Irvine Side! And your friends they dare grant you nae mair.

Muirland Jock! muirland Jock, when the Lord makes a rock,
To crush common-sense for her sins;
If ill-manners were wit, there's no mortal so fit
To confound the poor Doctor at ance,
Muirland Jock! To confound the poor Doctor at ance.

Зычный Джон³⁷⁰! Зычный Джон, лезешь – лестница в стон,
«В книге ересь, – вопишь, – без изъятий!»
Лучше ковш доставай, серой люд обливай,
Знай реви все мотивы проклятий,
Зычный Джон! Знай реви все мотивы проклятий.

Джеймс-позёр³⁷¹! Джеймс-позёр, в Килли³⁷² дам хватать – вздор,
Для погони – тьма целей святых;
Может, вскоре поймёшь: прихожан ты ведёшь,
И щенков, как ты, мало среди них,
Джеймс-позёр! Ведь щенков, как ты, мало среди них.

Тощий Сэнни³⁷³! Тощий Сэнни, ты трясешься над пенни,
И забыл про погибель, что ждёт?
Так вопи, прыгай, вой, весь приход буди свой,
Ибо дьявол уже у ворот,
Тощий Сэнни! Ибо дьявол уже у ворот.

Бард наш Вилли³⁷⁴! Бард наш Вилли, докторам не по силе
«Цепь Свободы», где ум ваш сверкал;
Быстрокрылый Пегас – то конёк не для вас,
Вам понюхать лишь, где он наклаал.
Бард наш Вилли! Вам понюхать лишь, где он наклаал.

Барр Стини³⁷⁵! Барр Стини, мозгов нет в помине?
Вам, раз уж не заняты делом,
Дар, возможно, и дан знать, вести прихожан,
Оставшись для них лишь пробелом,
Барр Стини! Оставшись для них лишь пробелом.

Джеми Гусь³⁷⁶! Джеми Гусь, зря, заметить возьмусь,
С лейтенантом затеял ты стычку:
Доктор – вот титул твой; а ковчег же святой
Он скрепил, скверно вставив затычку,
Джеми Гусь! Он скрепил, скверно вставив затычку.

Дэви Гром³⁷⁷! Дэви Гром, в твоём лице святом
И в душе – яд (кабан не снесёт);
Наглым рёвом покрой, как под ветром прибой,
Или церковь уйдёт вглубь болот,
Дэви Гром! Или церковь уйдёт вглубь болот.

Ирвин, друг³⁷⁸! Ирвин, друг, ты надут, как индюк,
Мощен ты, но мала твоя доля;
С виду ладен, всё так, что признает и враг,
Но и друг не воздаст тебе боле,
Ирвин, друг! Даже друг не воздаст тебе боле.

Мьюрленд Джок³⁷⁹! Мьюрленд Джок, Бог утёс дал, в свой срок,
Чтоб смысла здравый – и грешный – крушить;
Если б в хамстве был смех, ты бы смог лучше всех
Этак доктора разом смутить,
Мьюрленд Джок! Этак доктора разом смутить.

Andro Gowk! Andro Gowk, ye may slander the Book,
An' the Book nought the waur, let me tell ye;
Tho' ye're rich, an' look big, yet, lay by hat an' wig,
An' ye'll hae a calf's-had o' sma' value,
Andro Gowk! Ye'll hae a calf's head o' sma' value.

Daddy Auld! daddy Auld, there'a a tod in the fauld,
A tod meikle waur than the clerk;
Tho' ye do little skaith, ye'll be in at the death,
For gif ye canna bite, ye may bark,
Daddy Auld! Gif ye canna bite, ye may bark.

Holy Will! holy Will, there was wit in your skull,
When ye pilfer'd the alms o' the poor;
The timmer is scant when ye're taen for a saunt,
Wha should swing in a rape for an hour,
Holy Will! Ye should swing in a rape for an hour.

Calvin's sons! Calvin's sons, seize your spiritual guns,
Ammunition you never can need;
Your hearts are the stuff will be powder enough,
And your skulls are a storehouse o' lead,
Calvin's sons! Your skulls are a storehouse o' lead.

Poet Burns! poet Burns, wi' your priest-skelpin turns,
Why desert ye your auld native shire?
Your muse is a gipsy, yet were she e'en tipsy,
She could ca'us nae waur than we are,
Poet Burns! She could ca'us nae waur than we are.

Written in Friars Carse Hermitage

on Nithside

Thou whom chance may hither lead,
Be thou clad in russet weed,
Be thou deckt in silken stole,
Grave these counsels on thy soul.
Life is but a day at most,
Sprung from night,-in darkness lost;
Hope not sunshine ev'ry hour,
Fear not clouds will always lour.
As Youth and Love with sprightly dance,
Beneath thy morning star advance,
Pleasure with her siren air
May delude the thoughtless pair;
Let Prudence bless Enjoyment's cup,
Then raptur'd sip, and sip it up.
As thy day grows warm and high,
Life's meridian flaming nigh,
Dost thou spurn the humble vale?
Life's proud summits wouldst thou scale?
Check thy climbing step, elate,
Evils lurk in felon wait:

Эндрои Пень³⁸⁰! Эндрои Пень, хоть Писанье не лень
Тебе хаять, шумишь ты напрасно;
Пусть богат и велик, носишь шляпу, парик,
Но умишко твой мелок ужасно,
Эндрои Пень! Ведь умишко твой мелок ужасно.

Олд, старик³⁸¹! Олд, старик, лис в лощину проник;
Лис, он хуже юриста, считай:
Пусть немного вреда, там, где смерть, ты всегда,
Коль слабо укусить – просто лай,
Олд, старик! Коль слабо укусить, просто лай.

Вилл Святой³⁸²! Вилл Святой, череп твой не пустой,
Раз горазд воровать подавня;
Выбор, знать, невелик, коль в святые проник –
А не вздёрнут другим в назиданье,
Вилл Святой! Ты не вздёрнут другим в назиданье.

Кальвинистов орда! Кальвинистов орда, ружья духа сюда,
Ведь припасам не видно конца:
Для зарядов у вас душ гнильё в самый раз,
В черепаках ваших – склады свинца,
Кальвинистов орда! В черепаках ваших – склады свинца.

Бёрнс, поэт! Бёрнс, поэт, к клиру жалости нет,
Так решил наше графство известь?
Дай музе-цыганке, уставшей от пьянки,
Воспеть нас не хуже, чем есть,
Бёрнс, поэт! Воспеть нас не хуже, чем есть.

Написанное в приюте Фрайерс–Кэрс,

на берегу Нита³⁸³

Коль прийти сюда дано –
Будь ты облачён в рядно,
Будь наряд шелковый свеж –
Эти мысли в душу врежь.
Жизнь – как день; обычно так:
Скок из ночи в новый мрак;
Светит Фарт не каждый час,
Страх не пуще туч для нас.
Любовь и Юность в пляске тут
Под утренней звездой идут,
Неги песнь – сирен дурман:
Двух беспечных ввесть в обман;
На Радость – Разума рука:
Испить не более глотка.
День теплей, шлёт в полдень высь
Жар, откуда ни возьмись;
Отвергаешь скромный дол?
Долю лучшую обрёл?
Ввысь ведущие шаги
Зрят жестокие враги:

Dangers, eagle-pinioned, bold,
Soar around each cliffy hold!
While cheerful Peace, with linnet song,
Chants the lowly dells among.

As the shades of ev'ning close,
Beck'ning thee to long repose;
As life itself becomes disease,
Seek the chimney-nook of ease;
There ruminate with sober thought,
On all thou'st seen, and heard, and wrought,
And teach the sportive youngers round,
Saws of experience, sage and sound:
Say, man's true, genuine estimate,
The grand criterion of his fate,
Is not, – Art thou high or low?
Did thy fortune ebb or flow?
Did many talents gild thy span?
Or frugal Nature grudge thee one?
Tell them, and press it on their mind,
As thou thyself must shortly find,
The smile or frown of awful Heav'n,
To virtue or to Vice is giv'n,
Say, to be just, and kind, and wise –
There solid self-enjoyment lies;
That foolish, selfish, faithless ways
Lead to be wretched, vile, and base.

Thus resign'd and quiet, creep
To the bed of lasting sleep, –
Sleep, whence thou shalt ne'er awake,
Night, where dawn shall never break,
Till future life, future no more,
To light and joy the good restore,
To light and joy unknown before.

Stranger, go! Heav'n be thy guide!
Quod the Beadsman of Nithside.

Lines Written in Friars'-Carse Hermitage

From the Manuscript

Thou whom chance may hither lead,
Be thou clad in russet weed,
Be thou deckt in silken stole,
Grave these maxims on thy soul.

Life is but a day at most,
Sprung from night, in darkness lost:
Hope not sunshine every hour,
Fear not clouds will always lour.

Happiness is but a name,
Make content and ease thy aim;

В скалах бедам виден ты
С их орлиной высоты!
А Покой воспел, как смог,
Коноплянки голосок.

Тень коль сменит ясность дня,
Отдохнуть тебя маня,
Жизнь коль стала нелегка,
Притулись у камелька,
Обдумай там без суеты,
Что, видел, слышал, сделал ты,
Юнцов наставить не забудь,
В слова влив опыт, мудрость, суть;
Скажи: для истинной цены,
Судьбы итога, не важны
Понятья: низок ты, высок?
Плывёшь иль брошен на песок?
Явил в пути талантов тьму
Иль был Природе ни к чему?
Дай впечататься словам;
Вскорости поймёшь и сам:
Гнев, улыбку грозный Свод
Чистоте ль, Пороку шлёт;
Тот, кто верен, добр, умён –
Сам себя потешит он;
Глупый, подлый эгоист
Беден, низок и нечист.

Так ползи, покорен, тих,
К ложу долгих снов своих:
Грёз, где пробужденья нет,
Тьмы, когда не ждёшь рассвет –
Потом иные дни вернут
Свет, смех (такой возврат нехуд),
Свет, смех, каких не знали тут.

«Странник, в путь! Господь хранит!» –
Рек убогий с речки Нит.

Стихи, написанные в приюте Фрайерс-Кэрс

Из рукописи³⁸⁴

Коль прийти сюда дано –
Будь ты облачён в рядно,
Будь наряд шелковый свеж –
Эти мысли в душу врежь.

Жизнь – как день; обычно так:
Скок из ночи в новый мрак;
Светит Фарт не каждый час,
Страх не пуще туч для нас.

Счастье – слово, звук пустой
(Цель – довольство и покой);

Ambition is a meteor gleam,
Fame, an idle restless dream:
Peace, the tenderest flower of spring;
Pleasures, insects on the wing;
Those that sip the dew alone –
Make the butterflies thy own;
Those that would the bloom devour –
Crush the locusts, save the flower.

For the future be prepar'd,
Guard, wherever thou canst guard;
But thy utmost duly done,
Welcome what thou canst not shun.
Follies past give thou to air,
Make their consequence thy care:
Keep the name of Man in mind,
And dishonour not thy kind.
Reverence, with lowly heart,
Him whose wondrous work thou art:
Keep His goodness still in view,
Thy trust, and thy example too.

Stranger, go! Heaven be the guide!
Quod the Beadsman of Nith-side.

The Lament

Ocassioned by the unfortunate issue of a friend's amour

O thou pale Orb that silent shines
While care-untroubled mortals sleep!
Thou seest a wretch who inly pines,
And wanders here to wail and weep!
With woe I nightly vigils keep,
Beneath thy wan, unwarming beam;
And mourn, in lamentation deep,
How life and love are all a dream!

I joyless view thy rays adorn
The faintly-marked, distant hill;
I joyless view thy trembling horn,
Reflected in the gurgling rill:
My fondly-fluttering heart, be still!
Thou busy pow'r, remembrance, cease!
Ah! must the agonizing thrill
For ever bar returning peace!

No idly-feign'd, poetic pains,
My sad, love-lorn lamentings claim:
No shepherd's pipe – Arcadian strains;
No fabled tortures, quaint and tame.
The plighted faith, the mutual flame,
The oft-attested Pow'rs above,

Тщеславье – метеора свет,
Пустее Славы грёзы нет;
Покой, как нежный цвет весной,
Желанья – насекомых рой:
В росах пища для одних –
Сделай бабочками их,
Жрать цветенья по плечу –
Раздави, как саранчу.

Будь готов к грядущим дням,
Да не стань раззявой там;
Чашу дел налив по край,
Неизбежное встречай.
Напроказил хоть когда ты –
Расхлебай же результаты;
Разум пусть тебя ведёт,
И не смей позорить род.
Чти, смиренно возлюбя,
Сотворившего тебя;
Будь славен добротой Творец,
Надежду дав и образец.

«Странник, в путь! Господь хранит!» –
Рек убогий с речки Нит.

Элегия

на несчастный исход любви друга

О бледный друг, чей тихий свет
Не потревожит спящий люд!
Беднягу зришь, в ком жизни нет,
Кто, весь в слезах, влачится тут?
В тоске ночной мне встать не труд
Под бледный, хладный луч луны;
Скорблю – страданья вглубь идут –
Что жизнь с любовью – только сны!

Угрюмо зрю: красой облит
Холм вдалеке (чуть виден он),
Угрюмо зрю: твой рог дрожит,
В ручье журчащем отражён;
Приди на трепет угомон!
Умерь, о память, натиск свой!
А вдруг беда нашла резон
Вовек не возвращать покой?

Нет зол, каких пиит наврёт,
В тоске любви, ушедшей вдруг;
Аркадской дудки трель нейдёт,
Нет мнимых пыток, жалких мук.
Огнь общий, связь сердец и рук,
Тьма клятв тем Силам, что вдали,

The promis'd father's tender name;
These were the pledges of my love!

Encircled in her clasping arms,
How have the raptur'd moments flown!
How have I wish'd for fortune's charms,
For her dear sake, and her's alone!
And, must I think it! is she gone,
My secret heart's exulting boast?
And does she heedless hear my groan?
And is she ever, ever lost?

Oh! can she bear so base a heart,
So lost to honour, lost to truth,
As from the fondest lover part,
The plighted husband of her youth?
Alas! life's path may be unsmooth!
Her way may lie thro' rough distress!
Then, who her pangs and pains will soothe
Her sorrows share, and make them less?

Ye winged hours that o'er us pass'd,
Enraptur'd more, the more enjoy'd,
Your dear remembrance in my breast
My fondly-treasur'd thoughts employ'd:
That breast, how dreary now, and void,
For her too scanty once of room!
Ev'n ev'ry ray of hope destroy'd,
And not a wish to gild the gloom!

The morn, that warns th' approaching day,
Awakes me up to toil and woe;
I see the hours in long array,
That I must suffer, lingering, slow:
Full many a pang, and many a throe,
Keen recollection's direful train,
Must wring my soul, were Phoebus, low,
Shall kiss the distant western main.

And when my nightly couch I try,
Sore harass'd out with care and grief,
My toil-beat nerves, and tear-worn eye,
Keep watchings with the nightly thief:
Or if I slumber, Fancy, chief,
Reigns, haggard-wild, in sore affright:
Ev'n day, all-bitter, brings relief
From such a horror-breathing night.

O thou bright queen, who o'er th' expanse
Now highest reign'st, with boundless sway
Oft has thy silent-marking glance

Отца признание – без нату
В залог любви моей вошли!

Познав её объятий жар,
Какой восторг я испытал!
Как жаждал я природных чар:
Всё ей, и только ей бы дал!
И – ожидать не мог финал! –
(Ей не хвалился ни пред кем),
Мой стон беглянку не пронял!
Потеряна – совсем, совсем?

Неужто сердцем, чёрным столь,
Отринув искренность и честь,
Нежнейшую сыгравши роль,
Решила жениха известь?
На тропке жизни кочки есть!
Ей может выпасть жребий, лих!
К кому нести худую весть,
Кто, бедам враг, разделит их?

Ты, Время, – нет тебя быстрее –
Так любовалось, нас любя!
Тебя храню в душе моей,
Все мысли – только про тебя;
Душа унылой нет пустей,
В ней без любимой скудно так!
Надежда – в прах: не шлёт лучей
И позлатить не хочет мрак!

Заря, пустив светило в путь,
Разбудит к горю и труду;
Мне строй часов, длиннющий – жуть,
Сулит страданий череду:
Тьму боли и мучений жду,
Грозит воспоминаний рать,
Покуда Феб³⁸⁵, свершив страду,
Не поцелует моря гладь.

Но лишь прилягу на диван
В ярме печалей и забот –
Издёрган, и в глазах туман –
Как вора, чую, вахта ждёт;
Вздремну – король Обман возьмёт
Правленье, сея жуткий страх,
И даже дня жестокий гнёт
Поднимется в моих глазах.

О королева, в этот час
Простором правишь без преград!
Не раз бредущих нежно нас

Observ'd us, fondly-wand'ring, stray!
The time, unheeded, sped away,
While love's luxurious pulse beat high,
Beneath thy silver-gleaming ray,
To mark the mutual-kindling eye.

Oh! scenes in strong remembrance set!
Scenes, never, never to return!
Scenes, if in stupor I forget,
Again I feel, again I burn!
From ev'ry joy and pleasure torn,
Life's weary vale I'll wander thro';
And hopeless, comfortless, I'll mourn
A faithless woman's broken vow!

Despondency: an Ode

Oppress'd with grief, oppress'd with care,
A burden more than I can bear,
I set me down and sigh;
O life! thou art a galling load,
Along a rough, a weary road,
To wretches such as I!
Dim backward as I cast my view,
What sick'ning scenes appear!
What sorrows yet may pierce me through,
Too justly I may fear!
Still caring, despairing,
Must be my bitter doom;
My woes here shall close ne'er
But with the closing tomb!

Happy, ye sons of busy life,
Who, equal to the bustling strife,
No other view regard!
Ev'n when the wished end's denied,
Yet while the busy means are plied,
They bring their own reward:
Whilst I, a hope-abandon'd wight,
Unfitted with an aim,
Meet ev'ry sad returning night,
And joyless morn the same!
You, bustling, and justling,
Forget each grief and pain;
I, listless, yet restless,
Find ev'ry prospect vain.

How blest the solitary's lot,
Who, all-forgetting, all forgot,
Within his humble cell,

Ловил твой тихий беглый взгляд!
Легко мгновенья просквозят,
Когда накал любви высок:
Лучи его посеребрят,
Отметив, как глаза зажжёт.

О то, что в памяти стеной!
То, чего вновь не испытать!
Едва забудусь, как чумной, –
Почуяв вновь, горю опять!
Желаний, нег терзает кладь,
Бреду сквозь жизни скучный дол;
Покой, надежда – где вас взять?
В бесчестной клятве скорбь обрёл!

Отчаяние. Ода

Гнетёт беда, гнетёт тревога,
Тащу я непосильно много,
Сажусь, издавши вздох;
О жизнь! Кладь хуже не найти
На тягомотнейшем пути,
А как ходок я плох!
В туман бывшего брошу взгляд –
Тошнотно там ужасно!
Те муки, что, глядишь, пронзят,
Предвижу слишком ясно!
И нету просвету,
Столь жалок жребий мой;
Напасти, несчастья –
До ямы под плитой!

Ты счастлив, деловитый люд –
Из тех, что в суете снуют,
Вокруг же не глядят!
Трудам не видно пусть конца,
Пока струится пот с лица,
Они не без наград;
А я, отброшен фартом прочь,
Ни для чего не гожд:
Тоску несёт любая ночь,
Угрюмы утра сплошь!
Вы в гаме, с пинками –
Вне горестей и бед;
Я вялый, но шальный,
До дел мне дела нет.

Пустынника сколь счастлив рок
(Забыть всё, забывая, смог),
Убога келья чья:

The cavern, wild with tangling roots,
Sits o'er his newly gather'd fruits,
Beside his crystal well!
Or haply, to his ev'ning thought,
By unfrequented stream,
The ways of men are distant brought,
A faint, collected dream;
While praising, and raising
His thoughts to Heav'n on high,
As wand'ring, meand'ring,
He views the solemn sky.

Than I, no lonely hermit plac'd
Where never human footstep trac'd,
Less fit to play the part,
The lucky moment to improve,
And just to stop, and just to move,
With self-respecting art:
But ah! those pleasures, loves, and joys,
Which I too keenly taste,
The solitary can despise,
Can want, and yet be blest!
He needs not, he heeds not,
Or human love or hate;
Whilst I here must cry here
At perfidy ingrate!

O, enviable, early days,
When dancing thoughtless pleasure's maze,
To care, to guilt unknown!
How ill exchang'd for riper times,
To feel the follies, or the crimes,
Of others, or my own!
Ye tiny elves that guiltless sport,
Like linnets in the bush,
Ye little know the ills ye court,
When manhood is your wish!
The losses, the crosses,
That active man engage;
The fears all, the tears all,
Of dim declining age!

Willie Chalmers

Mr. Chalmers, a gentleman in Ayrshire, a particular friend of mine, asked me to write a poetic epistle to a young lady, his Dulcinea. I had seen her, but was scarcely acquainted with her, and wrote as follows:-

Wi' braw new branks in mickle pride,
And eke a braw new brechan,
My Pegasus I'm got astride,

В пещере, меж корней готов
Сидеть, вот-вот набрав плодов,
 У чистого ручья!
В закатной думе вдруг сойдёт
 К забытой речке он,
Где дальний мир людских забот –
 Неясный, пёстрый сон;
 Моления, хваленья
 До Неба донеслись;
 Скитаясь, слоняясь,
 Он зрит святую высь.

Но мне в аскезе места нет
Там, где людской потерян след,
 И мне не стать таким:
Момент удачный улучшить,
И вдруг застыть, и вдруг ступить
 С достоинством большим;
Но ласк, любви и неги сеть,
 Которой я объят,
Вольно́ пустыннику презреть,
 Желать – всё будет свят!
 Неймёт он, плюёт он
 На наши страсть ли, гнев,
 Пока я страдаю,
 Измену претерпев!

Завиден юных дней запас,
Когда дивит бездумья пляс,
 Вины нет и забот!
Но зрелость резко отрезвит:
Грехам и глупостям открыт
 Чужой и личный счёт!
Вы, крошки-эльфы, вне молвы,
 Вам с пташками порхать;
Изрядно безрассудны вы,
 Людьми желая стать!
 К утратам, расплатам
 Привязан люд живой;
 Угрозы да слёзы
 Венчают век собой!

Вилли Чалмерс

Мистер Чалмерс³⁸⁶, джентльмен из Эйршира и мой близкий друг, попросил составить поэтическое послание к юной леди, своей Дульсинее. Я видел девушку, но, будучи мало с нею знаком, написал следующее:

Уздечкой новой страшно горд
 И хомутом-обновкой³⁸⁷,
В седле я на Пегасе твёрд,

And up Parnassus pechin;
Whiles owre a bush wi' donwward crush,
The doited beastie stammers;
Then up he gets, and off he sets,
For sake o' Willie Chalmers.

I doubt na, lass, that weel ken'd name
May cost a pair o' blushes;
I am nae stranger to your fame,
Nor his warm urged wishes.
Your bonie face sae mild and sweet,
His honest heart enamours,
And faith ye'll no be lost a whit,
Tho' wair'd on Willie Chalmers.

Auld Truth hersel' might swear yer'e fair,
And Honour safely back her;
And Modesty assume your air,
And ne'er a ane mistak her:
And sic twa love-inspiring een
Might fire even holy palmers;
Nae wonder then they've fatal been
To honest Willie Chalmers.

I doubt na fortune may you shore
Some mim-mou'd pouter'd priestie,
Fu' lifted up wi' Hebrew lore,
And band upon his breastie:
But oh! what signifies to you
His lexicons and grammars;
The feeling heart's the royal blue,
And that's wi' Willie Chalmers.

Some gapin', glowrin' countra laird
May warsle for your favour;
May claw his lug, and straik his beard,
And hoast up some palaver:
My bonie maid, before ye wed
Sic clumsy-witted hammers,
Seek Heaven for help, and barefit skelp
Awa wi' Willie Chalmers.

Forgive the Bard! my fond regard
For ane that shares my bosom,
Inspires my Muse to gie 'm his dues
For deil a hair I roose him.
May powers aboon unite you soon,
And fructify your amours,—
And every year come in mair dear
To you and Willie Chalmers.

Пыхтим к Парнасу ловко;
Порой в кустах, где склон облез,
Копыта пусть скользили –
Конь выше лез, спешил, как бес:
Будь славен, Чалмерс Вилли!

Краса, при имени одном
Зальётся жаром милым;
С твоей я славою знаком,
С его – не хуже – пылом.
Добра, пригожа, самый сок,
А он влюблён без гнили,
Завидный будет муженёк
Тот самый Чалмерс Вилли.

Клянусь я Правдой: хороша!
И Честь даст клятву эту;
А Скромность – в ней твоя душа,
Уж в том ошибки нету;
Огни любовь влекущих глаз
Святого б распалили:
Не диво, что себя не спас
Честнейший Чалмерс Вилли!

Поп чопорный, сомнений нет,
Предложит узы брака:
Надутый (выучил Завет),
И с лентами, чертяка;
Ну и зачем тебе они,
Тома под слоём пыли?
С душою, чуткой искони,
Гуляет Чалмерс Вилли.

Зевающий, чванливый лорд
Придёт искать невесту:
Бородку, ухо чешет, чёрт,
Да кашляет не к месту;
Красотка, женятся на ком
Такие простофили?
Бог в помощь – прочь, и босиком,
Коль манит Чалмерс Вилли.

Прости меня! Весьма ценя
Открывшего мне душу,
Я спеть готов: «Вот он каков!»,
И чуть польстить не трушу.
Для высших сил союз ваш мил,
Молю, чтоб детки были...
Пусть много лет живёт без бед
С тобою Чалмерс Вилли.

A Bard's Epitaph

Is there a whim-inspired fool,
Owre fast for thought, owre hot for rule,
Owre blate to seek, owre proud to snool,
 Let him draw near;
And owre this grassy heap sing dool,
 And drap a tear.

Is there a bard of rustic song,
Who, noteless, steals the crowds among,
That weekly this area throng,
 O, pass not by!
But, with a frater-feeling strong,
 Here, heave a sigh.

Is there a man, whose judgment clear
Can others teach the course to steer,
Yet runs, himself, life's mad career,
 Wild as the wave,
Here pause – and, thro' the starting tear,
 Survey this grave.

The poor inhabitant below
Was quick to learn the wise to know,
And keenly felt the friendly glow,
 And softer flame;
But thoughtless follies laid him low,
 And stain'd his name!

Reader, attend! whether thy soul
Soars fancy's flights beyond the pole,
Or darkling grubs this earthly hole,
 In low pursuit:
Know, prudent, cautious, self-control
 Is wisdom's root.

Epistle to John Rankine

Enclosing Some Poems

O Rough, rude, ready-witted Rankine,
The wale o' cocks for fun an' drinkin!
There's mony godly folks are thinkin,
 Your dreams and tricks
Will send you, Korah-like, a-sinkin
 Straught to auld Nick's.

Ye hae saw mony cracks an' cants,
And in your wicked, drucken rants,
Ye mak a devil o' the saunts,

Эпитафия барду

Будь дурень, что в капризах весь –
Ни думать, ни решать не лезь,
Где робость вылезет, где спесь –
Пусть подойдёт,
Споёт в тоске над травкой здесь,
Слезу прольёт.

Будь бард – весь в сельской песне он,
Незрим в толпе, какой резон
Брести сюда со всех сторон –
О, не пройди!
Да будет братский вздох рождён
В твоей груди.

Будь тот, чьи ясные сужденья
Другим укажут направленья,
А сам, терпя судьбы бурление,
Как бурей, смят –
Замри; холму, уняв волнение,
Пошли свой взгляд.

Здесь тот, кто был в ученье скор,
Чей ум до многого допёр;
Свет дружбы чуют был остёр
И мягкий жар,
Но, безрассудством сбит в упор,
Попал в угар!

Читатель, пусть душа твоя
Взлетит в полярные края
Или во тьме до забытья
Бурит нору,
Знай меру, мудрость бытия;
Риск не к добру.

Послание Джону Ранкину³⁸⁸

с вложением нескольких стихов

О грубиян и ёрник Ранкин,
Петух-вожак забав и пьянки!
Святоши ждут: за сны-поганки³⁸⁹
Тебя, шутник,
Как Кóраха³⁹⁰, согнёт в баранку
Сам старый Ник³⁹¹.

Изрядно баек знаешь ты,
По пьяни речи не пусты:
Чертей творишь без маеты

An' fill them fou;
And then their failings, flaws, an' wants,
Are a' seen thro'.

Hypocrisy, in mercy spare it!
That holy robe, O dinna tear it!
Spare't for their sakes, wha aften wear it –
The lads in black;
But your curst wit, when it comes near it,
Rives't aff their back.

Think, wicked Sinner, wha ye're skaithing:
It's just the Blue-gown badge an' claithing
O' saunts; tak that, ye lea'e them naething
To ken them by
Frae ony unregenerate heathen,
Like you or I.

I've sent you here some rhyming ware,
A' that I bargain'd for, an' mair;
Sae, when ye hae an hour to spare,
I will expect,
Yon sang ye'll sen't, wi' cannie care,
And no neglect.

Tho' faith, sma' heart hae I to sing!
My muse dow scarcely spread her wing;
I've play'd mysel a bonie spring,
An' danc'd my fill!
I'd better gaen an' sair't the king,
At Bunkjer's Hill.

'Twas ae night lately, in my fun,
I gaed a rovin' wi' the gun,
An' brought a paitrick to the grun' –
A bonie hen;
And, as the twilight was begun,
Thought nane wad ken.

The poor, wee thing was little hurt;
I straikit it a wee for sport,
Ne'er thinkin they wad fash me for't;
But, Deil-ma-care!
Somebody tells the poacher-court
The hale affair.

Some auld, us'd hands had taen a note,
That sic a hen had got a shot;
I was suspected for the plot;
I scorn'd to lie;
So gat the whissle o' my groat,
An' pay't the fee.

Ты из святых –
И уж насквозь видны плуты
И шашни их.

Вольно ханжам скрывать обманы!
Не рви с них чёрные сутаны!
Жалей парней в наряде странном –
Считай, мужчин;
Остришь ты – тряпку постоянно
Дерёшь со спин.

Нет грешнику уняться чтобы:
Блестят значки, синеют робы³⁹²;
К святошам не жалеешь злобы,
Чтоб в них любой
Язычников зрел чистой пробы,
Как в нас с тобой.

Товар рифмованный влагаю –
Обещанного выше краю –
Чтоб ты провёл часок, читая,
А сам я жду,
Что песню мне пришлёшь³⁹³ (сгораю,
Имей в виду).

По правде, петь мне тяжело!
Ослабла муза на крыло;
Напеться вдоволь мне свезло,
И пляс водил!
Пожалуй, лучше б занесло
На Банкер-хилл³⁹⁴.

Явил недавно в сумрак пыл³⁹⁵:
Привольно с ружьем бродил,
Да куропаточку подбил –
Что надо дичь;
Считал, что свет вечерний хил,
Мол, не застичь.

Был вид бедняжки малость худ;
Её слегка погладил тут
(Нет в мыслях, что не так поймут) –
И вдруг влетело!
Меня за браконьерство – в суд,
Заводят дело³⁹⁶.

Махал руками старикан:
Мол, выстрел был, сработал план;
Я заподозрен, интриган...
Юлить не став,
Немедленно полез в карман:
Уплачен штраф.

But by my gun, o' guns the wale,
An' by my pouter an' my hail,
An' by my hen, an' by her tail,
 I vow an' swear!
The game shall pay, o'er muir an' dale,
 For this, niest year.

As soon's the clockin-time is by,
An' the wee pouts begun to cry,
Lord, I'se hae sporting by an' by
 For my gowd guinea,
Tho' I should herd the buckskin kye
 For't in Virginia.

Trowth, they had muckle for to blame!
'Twas neither broken wing nor limb,
But twa-three draps about the wame,
 Scarce thro' the feathers;
An' baith a yellow George to claim,
 An' thole their blethers!

It pits me aye as mad's a hare;
So I can rhyme nor write nae mair;
But pennyworths again is fair,
 When time's expedient:
Meanwhile I am, respected Sir,
 Your most obedient.

Epistle to Davie, a Brother Poet

January

While winds frae aff Ben-Lomond blaw,
An' bar the doors wi' driving snaw,
 An' hing us owre the ingle,
I set me down to pass the time,
An' spin a verse or twa o' rhyme,
 In hamely, westlin jingle.
While frosty winds blaw in the drift,
 Ben to the chimla lug,
I grudge a wee the great-folk's gift,
 That live sae bien an' snug:
 I tent less, and want less
 Their roomy fire-side;
 But hanker, and canker,
 To see their cursed pride.

It's hardly in a body's pow'r
To keep, at times, frae being sour,
 To see how things are shar'd;

Своим отличнейшим ружьём,
И порохом, и мастерством,
И птичкой, и её хвостом
 Поклялся я,
Что поохочусь с барышом
 И год спустя!

Квохтать не век, в конце концов;
Когда раздастся крик птенцов,
Бог мой, я тешиться готов
 На всю гинею;
Плыть рад в Виргинию, без слов,
 За ту идею!

А уж позору нанесло!
Подбил не лапку, не крыло:
Дробин две-три в брюшко вошло,
 Чуть тронув перья;
Терплю – без «Джорджа»³⁹⁷ – тяжело
 Их чушь теперь я!

В башке дичайший ералаш,
Нет рифмы, замер карандаш,
Жду для расчёта баш на баш
 Черты бесспорной;
Меж тем, почтенный сэр, я ваш
 Слуга покорный.

Послание Дэви³⁹⁸, собрату-поэту

Январь

Когда Бен-Ломонд³⁹⁹ вихри шлёт
И заметает снегом вход,
 И гонит к огоньку,
Сложу, досуга видя тьму,
Стих-два, прибегнув к своему,
 С нагорий, языку.
Когда пурга взметнёт сугроб,
 Считай, до камелька,
Мне мало дела до особ,
 Чья жизнь легка, сладка;
 Не манит, не тянет
 Просторный их камин,
 Но спесью их весь я
 Прохвачен до глубин.

Сдержать непросто разум свой
От возмущения, порой,
 При взгляде на делёж:

How best o' chieles are whiles in want,
While coofs on countless thousands rant,
 And ken na how to wair't;
But, Davie, lad, ne'er fash your head,
 Tho' we hae little gear;
We're fit to win our daily bread,
 As lang's we're hale and fier:
 "Mair spier na, nor fear na,"
 Auld age ne'er mind a feg;
 The last o't, the warst o't
 Is only but to beg.

To lie in kilns and barns at e'en,
When banes are craz'd, and bluid is thin,
 Is doubtless, great distress!
Yet then content could make us blest;
Ev'n then, sometimes, we'd snatch a taste
 Of truest happiness.
The honest heart that's free frae a'
 Intended fraud or guile,
However Fortune kick the ba',
 Has aye some cause to smile;
 An' mind still, you'll find still,
 A comfort this nae sma';
 Nae mair then we'll care then,
 Nae farther can we fa'.

What tho', like commoners of air,
We wander out, we know not where,
 But either house or hal',
Yet nature's charms, the hills and woods,
The sweeping vales, and foaming floods,
 Are free alike to all.
In days when daisies deck the ground,
 And blackbirds whistle clear,
With honest joy our hearts will bound,
 To see the coming year:
 On braes when we please, then,
 We'll sit an' sowth a tune;
 Syne rhyme till't we'll time till't,
 An' sing't when we hae done.

It's no in titles nor in rank;
It's no in wealth like Lon'on bank,
 To purchase peace and rest:
It's no in makin' muckle, mair;
It's no in books, it's no in lear,
 To make us truly blest:
If happiness hae not her seat
 An' centre in the breast,
We may be wise, or rich, or great,

Как бедность лучших гнёт ребят,
А дурни тыщами сорят,
И не в прогаре всё ж;
Но Дэви, друг, не злись, что мы
Не стали богачами;
Нам не видать с тобой сумы,
Покуда силы с нами;
«Без страхов и ахов»⁴⁰⁰
Закончим мы деньки;
Нет хуже, к тому же,
Протянутой руки.

Ночлег в сушильне, на гумне,
Когда застынешь, боль в спине –
Уж подлинно, беда!
Но коль терпенье приберёг,
Чистейшей радости глоток
Получишь иногда.
Кто чист душой, не пустит в ход
Ни плутовство, ни ложь,
И хоть Судьба нет-нет, да пнёт,
Он улыбнётся всё ж;
Живёшь ты, смекнёшь ты,
Ценя покоя сласть;
Отрада, что надо:
Нам ниже не упасть.

Что ж, коль, подобьем вольных птиц,
Взлетев, не ведаем границ
И крыши над собой?
Природы дива: холм и лес,
Ширь дола, пенных вод обрез
Окинет взгляд любой.
Когда ромашки кроют луг,
Дрозды выводят трели,
Приятно честным душам, друг,
И приближенье к цели:
На скате, что кстати,
Мотив мы подберём,
Стиха же нет даже –
Найдём, тогда споём.

Напрасны титулы, чины,
Не хватит и тугой мошны,
Чтоб закупить покой;
От изнурительных трудов,
От книг, от знания плодов
Здесь пользы никакой;
Коль счастье места не нашло
У смертного в груди,
Ум, деньги, слава – всё пришло,

But never can be blest;
Nae treasures, nor pleasures
Could make us happy lang;
The heart aye's the part aye
That makes us right or wrang.

Think ye, that sic as you and I,
Wha drudge an' drive thro' wet and dry,
Wi' never-ceasing toil;
Think ye, are we less blest than they,
Wha scarcely tent us in their way,
As hardly worth their while?
Alas! how aft in haughty mood,
God's creatures they oppress!
Or else, neglecting a' that's guid,
They riot in excess!
Baith careless and fearless
Of either heaven or hell;
Esteeming and deeming
It's a' an idle tale!

Then let us cheerfu' acquiesce,
Nor make our scanty pleasures less,
By pining at our state:
And, even should misfortunes come,
I, here wha sit, hae met wi' some –
An's thankfu' for them yet.
They gie the wit of age to youth;
They let us ken oursel';
They make us see the naked truth,
The real guid and ill:
Tho' losses an' crosses
Be lessons right severe,
There's wit there, ye'll get there,
Ye'll find nae other where.

But tent me, Davie, ace o' hearts!
(To say aught less wad wrang the cartes,
And flatt'ry I detest)
This life has joys for you and I;
An' joys that riches ne'er could buy,
An' joys the very best.
There's a' the pleasures o' the heart,
The lover an' the frien';
Ye hae your Meg, your dearest part,
And I my darling Jean!
It warms me, it charms me,
To mention but her name:
It heats me, it beets me,
An' sets me a' on flame!

Но радости не жди!
Кубышки, интрижки
Век счастья не сулят;
Лишь сердце – та дверца,
Что впустит в рай ли, в ад.

Нам дел таких, что вгонят в пот –
В дождь, в ведро ли – невпроворот,
И вечен тяжкий труд;
Неужто те счастливей нас,
Чьих не поймать брезгливых глаз,
Так время берегут?
Увы, сколь част надменный вид,
Гнетущий поселян!
И как всё доброе презрит
Зажравшийся буян!
Им. смелым, нет дела,
Где пекло, где Эдем;
Почтенье, сужденье
Отсутствуют совсем!

Оценим то, что есть у нас,
Не тратя скудный светлый час,
Чтоб над судьбиной нить;
А если беды и придут,
Готов я – опыт мой нехуд –
Их поблагодарить:
Юнцов уняли пустоту,
Нам дав себя узреть;
Явили правды наготу
Добра и злобы средь;
Утраты, расплаты –
Уроки вгонят в дрожь,
Но школят, и боле
Таких ты не найдёшь.

Послушай, Дэви, туз червей
(Обдёрнусь, руку тут не сбей,
Лесть напрочь не по мне!)
Случалось радостно нам жить,
И радость эту не купить,
И нам она – вполне!
Она полна любовных нег,
И друг в ней – не один:
Тебе досталось чудо, Мэг⁴⁰¹,
А мне – родная Джин⁴⁰²!
Я с жаром рад чарам,
Назвав лишь имя здесь;
Тоскуя, горю я,
Огнём пылаю весь!

O all ye Pow'rs who rule above!
O Thou whose very self art love!
 Thou know'st my words sincere!
The life-blood streaming thro' my heart,
Or my more dear immortal part,
 Is not more fondly dear!
When heart-corroding care and grief
 Deprive my soul of rest,
Her dear idea brings relief,
 And solace to my breast.
 Thou Being, All-seeing,
 O hear my fervent pray'r;
 Still take her, and make her
 Thy most peculiar care!

All hail! ye tender feelings dear!
The smile of love, the friendly tear,
 The sympathetic glow!
Long since, this world's thorny ways
Had number'd out my weary days,
 Had it not been for you!
Fate still has blest me with a friend,
 In ev'ry care and ill;
And oft a more endearing band –
 A tie more tender still.
 It lightens, it brightens
 The tenebrific scene,
 To meet with, and greet with
 My Davie, or my Jean!

O, how that name inspires my style!
The words come skelpin, rank an' file,
 Amaist before I ken!
The ready measure rins as fine,
As Phoebus an' the famous Nine
 Were glowrin owre my pen.
My spaviet Pegasus will limp,
 Till ance he's fairly het;
And then he'll hilch, and stilt, an' jimp,
And rin an unco fit:
 But least then the beast then
 Should rue this hasty ride,
 I'll light now, and dight now
 His sweaty, wizen'd hide.

Second Epistle to Davie a Brother Poet

Auld Neighbour,
I'm three times doubly o'er your debtor,
For your auld-farrant, frien'ly letter;

О Силы, мощные весьма!
Поскольку в Вас любовь сама,
То знаете: не лгу!
Кровь в жилах, свет души моей!
Назвать возлюбленной милей
Никак я не могу!
Когда тревог и бед запас
Дух раздирает мой,
Родную вспомню, и тотчас
В груди моей покой.
Пылая, взываю:
Глядящий с высоты!
Стань силой для милой,
Стань ей опорой Ты!

Привет! Я сказочно богат!
Улыбка милой, друга взгляд,
Участья тёплый свет!
На тяжком жизненном пути
Мог тыщу раз конец найти,
Коль знал бы, что вас нет!
Судьбою мне дарован друг
В заботе и в беде,
Но вот и пара милых рук –
Нежнее нет нигде.
Свет тронет, разгонит
Угрюмой сцены сплин,
Ведь встретит, приветит
Не Дэви, значит, Джин!

Как имя Джин вострит перо!
Слова влезают в строй шустро́,
Быстрее, чем пойму!
И метр совсем не косопуз,
Как будто Феб и девять муз
Приставлены к нему.
И даже мой хромой Пегас
Разгорячился вдруг:
Скакнул, взбрыкнул, башкой потряс –
И вскачь, да без натуг;
Пусть тварь и в ударе,
Та прыть ей не к добру;
С конька я слезаю,
И шкуру оботру.

Второе послание Дэви⁴⁰³, собрату-поэту

Соседушка,
Я твой должник аж сто три раза:
Ты пишешь – льстит любая фраза

Tho' I maun say't I doubt ye flatter,
Ye speak sae fair;
For my puir, silly, rhymin clatter
Some less maun sair.

Hale be your heart, hale be your fiddle,
Lang may your elbuck jink diddle,
To cheer you thro' the weary widdle
O' war'ly cares;
Till barins' barins kindly cuddle
Your auld grey hairs.

But Davie, lad, I'm red ye're glaikit;
I'm tauld the muse ye hae negleckit;
An, gif it's sae, ye sud by lickit
Until ye fyke;
Sic haun's as you sud ne'er be faikit,
Be hain't wha like.

For me, I'm on Parnassus' brink,
Rivin the words to gar them clink;
Whiles dazed wi' love, whiles dazed wi' drink,
Wi' jads or masons;
An' whiles, but aye owre late, I think
Braw sober lessons.

Of a' the thoughtless sons o' man,
Commen' to me the bardie clan;
Except it be some idle plan
O' rhymin clink,
The devil haet, – that I sud ban –
They ever think.

Nae thought, nae view, nae scheme o' livin,
Nae cares to gie us joy or grievin,
But just the pouchie put the neive in,
An' while ought's there,
Then, hiltie, skiltie, we gae scrievin',
An' fash nae mair.

Leeze me on rhyme! it's aye a treasure,
My chief, amaist my only pleasure;
At hame, a-fiel', at wark, or leisure,
The Muse, poor hizzie!
Tho' rough an' raploch be her measure,
She's seldom lazy.

Haud to the Muse, my daintie Davie:
The warl' may play you mony a shavie;
But for the Muse, she'll never leave ye,
Tho' e'er sae puir,
Na, even tho' limpin wi' the spavie
Frae door tae door.

(Старинный слог узнаешь сразу),
Так стиль хорош;
Таких словес моих проказы
Не стоят всё ж.

Цела будь скрипка, дух высок,
Пусть долго пляшет локоток⁴⁰⁴,
Чтоб ты нести с весельем смог
Груз тягот свой –
Коснётся пусть внучат кружок
Башки седой.

Но Дэви, друг, твой ум в провале:
Забросил музу, мне сказали;
Коль правда – драть тебя в запале,
Пусть боль проймёт;
Тебя простить готов едва ли
Честной народ.

Я ж на Парнасе, на краю,
Всё рифму мучаю свою;
Любви привержен и питью
Средь шлюх, масонов⁴⁰⁵,
Хоть протрезветь мне, признаю,
Есть тьма резонов.

Коль разгильдяю случай дан,
Введи меня к поэтам в клан;
Но если завершится план
Стишком пустым,
Таких чертей задам – буян! –
Не снилось им.

Где мысль, где взгляд, где жизни нива?
Ни смеха, ни тоски порыва;
В кармане жалкая пожива,
Но есть хоть что-то –
И, косо-криво, перспектива,
Прощай, забота!

О рифмы прелесть! Вечность клада,
Моя царица и отрада;
Дом, поле, труд, гульба – где надо
Бедняжка-муза!
Хоть прост узор её наряда,
Не чует груза.

Держись же музы, Дэви милый!
Пусть истерзает мир постылый,
Её прогнать не смогут силой
Твои потери,
Хоть ты и ковыляешь, хилый,
От двери к двери.

Epistle to J. Lapraik, an Old Scottish Bard

While briars an' woodbines budding green,
An' pairtricks scaichin loud at e'en,
An' morning poussie whiddin seen,
 Inspire my muse,
This freedom, in an unknown frien',
 I pray excuse.

On Fasten-e'en we had a rockin,
To ca' the crack and weave our stockin;
And there was muckle fun and jokin,
 Ye need na doubt;
At length we had a hearty yokin
 At sang about.

There was ae sang, amang the rest,
Aboon them a' it pleas'd me best,
That some kind husband had addrest
 To some sweet wife;
It thirl'd the heart-strings thro' the breast,
 A' to the life.

I've scarce heard ought describ'd sae weel,
What gen'rous, manly bosoms feel;
Thought I "Can this be Pope, or Steele,
 Or Beattie's wark?"
They tauld me 'twas an odd kind chiel
 About Muirkirk.

It pat me fidgin-fain to hear't,
An' sae about him there I speir't;
Then a' that kent him round declar'd
 He had ingine;
That nane excell'd it, few cam near't,
 It was sae fine:

That, set him to a pint of ale,
An' either douce or merry tale,
Or rhymes an' sangs he'd made himsel,
 Or witty catches –
'Tween Inverness an' Teviotdale,
 He had few matches.

Then up I gat, an' swoor an aith,
Tho' I should pawn my pleugh an' graith,
Or die a cadger pownie's death,
 At some dyke-back,
A pint an' gill I'd gie them baith,
 To hear your crack.

Послание Дж. Лапрёйку⁴⁰⁶, старому шотландскому барду

Надул шиповник почки вдруг,
Клич куропаток полнит луг,
С рассветом – заячий испуг...
 Как музе быть?
За вольность, незнакомый друг,
 Прошу простить.

На заговены⁴⁰⁷ вечерок –
Болтать бы да вязать носок –
Нас свёл; и шуток был мешок –
 Кто б спорил впредь?
Случилась драка, как итог,
 И «надо спеть».

Средь песен тех была одна,
Другими не превзойдена:
Песнь муженька посвящена
 Была жене,
И в душу врезалась она
 Навеки мне.

Меня чудесный стиль сразил,
Наплыв мужских, столь щедрых, сил;
«Поуп⁴⁰⁸, Стил⁴⁰⁹ ли руку приложил,
 Иль Битти⁴¹⁰ труд?»
Мне: «Нет, чудак один сложил,
 В Мьюркёрке⁴¹¹, тут».

Услышав, весь затрепетал
И накатила вопросов вал;
И признавали все: немал
 Талант его;
Нет лучших; рядом кто бы встал –
 Два-три всего;

Пихнёт за пинтой эля бес –
Рассказ сплетёт (с весельем, без),
Стихи ли, песню (крут замес,
 Слова играют);
Ни Тевьотдейл, ни Инвернесс⁴¹²
 Таких не знают.

Вскочил я и поклялся тут:
Спущу и плут, де, и хомут,
Как ломовые кони мрут,
 Подохну враз,
Дам пинту с четвертью⁴¹³ (пусть пьют),
 Чтоб слушать Вас.

But, first an' foremost, I should tell,
Amaist as soon as I could spell,
I to the crambo-jingle fell;
 Tho' rude an' rough –
Yet crooning to a body's sel'
 Does weel eneugh.

I am nae poet, in a sense;
But just a rhymer like by chance,
An' hae to learning nae pretence;
 Yet, what the matter?
Whene'er my muse does on me glance,
 I jingle at her.

Your critic-folk may cock their nose,
And say, "How can you e'er propose,
You wha ken hardly verse frae prose,
 To mak a sang?"
But, by your leaves, my learned foes,
 Ye're maybe wrang.

What's a' your jargon o' your schools –
Your Latin names for horns an' stools?
If honest Nature made you fools,
 What sairs your grammars?
Ye'd better taen up spades and shools,
 Or knappin-hammers.

A set o' dull, conceited hashes
Confuse their brains in college classes!
They gang in stirks, and come out asses,
 Plain truth to speak;
An' syne they think to climb Parnassus
 By dint o' Greek!

Gie me ae spark o' nature's fire,
That's a' the learning I desire;
Then tho' I drudge thro' dub an' mire
 At pleugh or cart,
My muse, tho' hamely in attire,
 May touch the heart.

O for a punk o' Allan's glee,
Or Fergusson's the bauld an' slee,
Or bright Lapraik's, my friend to be,
 If I can hit it!
That would be lear eneugh for me,
 If I could get it.

Now, sir, if ye hae friends enow,
Tho' real friends, I b'lieve, are few;
Yet, if your catalogue be fu',

Но первым делом сам готов,
Почти быстрее сложенья слов,
Рифм понагнать – что тех бычков
(Корявых, ох!):
Их рёв для душ, в конце концов,
Совсем неплох.

Ведь я, по сути, не поэт,
А вирши – так, случайный бред;
Претензий на учёность нет,
Так в чём же дело?
Взгляд бросит муза, я в ответ
Рифмую смело.

Надменный критик явит прыть:
«Как, не умея отличить
Стихов от прозы, песнь сложить
Решился ты?»
Врагов учёных, может быть,
Слова пусты.

В чём прок наречья ваших школ,
Зачем латинский нам глагол?
Ученья – Божий произвол –
Вам многовато!
Вам больше б заступ подошёл
Или лопата.

Болванов спесь крепка меж вами,
Свихнулись в колледжах мозгами!
Придут телки – уйдут ослами,
Сомнений нет,
И на Парнас, скоты скотами,
Шасть грекам вслед!

Мне Божья искорка нужна –
Пожалуй, лишь она одна;
Топь, лужа держат дотемна
Повозку, плуг,
Но сердца муза, хоть скромна,
Ускорит стук.

Весёлость Аллана⁴¹⁴ занять,
Иль Фёргюссона⁴¹⁵ блеск и стать,
Не то Лапрейка разыскать –
Мне в самый раз!
От них учёности я хватать,
И выше глаз.

Коль, сэр, друзей заполнен круг
(Хоть мало истинных вокруг),
Нет места в списке – без натуг,

I'se no insist:
But, gif ye want ae friend that's true,
I'm on your list.

I winna blaw about mysel,
As ill I like my fauts to tell;
But friends, an' folk that wish me well,
They sometimes roose me;
Tho' I maun own, as mony still
As far abuse me.

There's ae wee faut they whiles lay to me,
I like the lasses – Gude forgie me!
For mony a plack they wheedle frae me
At dance or fair;
Maybe some ither thing they gie me,
They weel can spare.

But Mauchline Race, or Mauchline Fair,
I should be proud to meet you there;
We'se gie ae night's discharge to care,
If we forgather;
An' hae a swap o' rhymin-ware
Wi' ane anither.

The four-gill chap, we'se gar him clatter,
An' kirsen him wi' reekin water;
Syne we'll sit down an' tak our whitter,
To cheer our heart;
An' faith, we'se be acquainted better
Before we part.

Awa ye selfish, war'ly race,
Wha think that havins, sense, an' grace,
Ev'n love an' friendship should give place
To catch-the-plack!
I dinna like to see your face,
Nor hear your crack.

But ye whom social pleasure charms
Whose hearts the tide of kindness warms,
Who hold your being on the terms,
"Each aid the others,"
Come to my bowl, come to my arms,
My friends, my brothers!

But, to conclude my lang epistle,
As my auld pen's worn to the gristle,
Twa lines frae you wad gar me fiddle,
Who am, most fervent,
While I can either sing or whistle,
Your friend and servant.

Я не прошусь,
Но если нужен верный друг,
То пригожусь.

Я похвалиться не готов
И не люблю считать грехов,
Но могут те, кто не суров,
Хвалить порою,
Хотя поток недобрых слов
Могуч, не скрою.

Но есть за мной один грешок:
На девок слаб, прости мне Бог!
Опустошают кошелёк –
Не пляс, досада!
Тем, платят, что, глядишь, чуток
Беречь бы надо.

Даст Мо́хлин⁴¹⁶ (скачки недалече)
К знакомству повод? Сдвинув плечи,
Отыщем дел на целый вечер,
Усевшись рядом:
Товаром рифм, раз вышла встреча,
Меняться рады.

Возьмём мы пинтовую кружку,
Да кипятком дольём по дужку⁴¹⁷,
Тем обеспечив на пирушке
Отраду душ;
Поймём, что ближе мы друг дружке,
Расставшись уж.

Пустые твари, скройтесь с глаз!
По вам, нрав, кротость, чувств запас,
Любовь и дружба в самый раз,
Нажиться чтоб!
Ни видеть не желаю вас,
Ни слушать трёп.

Тем, кому каждый не чужой,
Чьи души греют добротой,
Кто помощь ближним в свой настрой
Ввёл без изъятия –
Мои объятья, кубок мой,
Друзья и братья!

Пора кончать посланье к вам:
Уже перо истёрлось в хлам;
Я буду рад и двум строкам –
Дрожу, так туго –
Для вашего (песнь, свист издам!)
Слуги и друга.

Second Epistle to J. Lapraik

While new-ca'd kye rowte at the stake
An' pownies reek in pleugh or braik,
This hour on e'enin's edge I take,
 To own I'm debtor
To honest-hearted, auld Lapraik,
 For his kind letter.

Forjesket sair, with weary legs,
Rattlin the corn out-owre the rigs,
Or dealing thro' amang the naigs
 Their ten-hours' bite,
My awkart Muse sair pleads and begs
 I would na write.

The tapetless, ramfeeze'd hizzie,
She's saft at best an' something lazy:
Quo' she, "Ye ken we've been sae busy
 This month an' mair,
That trowth, my head is grown right dizzie,
 An' something sair."

Her dowff excuses pat me mad;
"Conscience," says I, "ye thowless jade!
I'll write, an' that a hearty blaud,
 This vera night;
So dinna ye affront your trade,
 But rhyme it right.

"Shall bauld Lapraik, the king o' hearts,
Tho' mankind were a pack o' cartes,
Roose you sae weel for your deserts,
 In terms sae friendly;
Yet ye'll neglect to shaw your parts
 An' thank him kindly?"

Sae I gat paper in a blink,
An' down gaed stumpie in the ink:
Quoth I, "Before I sleep a wink,
 I vow I'll close it;
An' if ye winna mak it clink,
 By Jove, I'll prose it!"

Sae I've begun to scrawl, but whether
In rhyme, or prose, or baith thegither;
Or some hotch-potch that's rightly neither,
 Let time mak proof;
But I shall scribble down some blether
 Just clean aff-loof.

My worthy friend, ne'er grudge an' carp,
Tho' fortune use you hard an' sharp;
Come, kittle up your moorland harp

Второе послание Дж. Лапрейку⁴¹⁸

Телки́ мычат, знай, – спасу нет,
Лошадки в мыле (пашни след),
И вот под вечер я согрет
 Признаньем долга:
Лапрейка, старины, ответ
 Прождал недолго.

Понатопталась за денёк,
Засеяв засветло парок,
В конюшне корм задавши в срок
 (Уж десять, да),
Простушка-муза; как итог,
 Не до труда.

Пустая девка стала тенью,
Не зла, хоть, временами, с ленью;
Твердит: «В трудах с тобой весь день я
 Уж месяц? Боле?
И вот в башке теперь гуденье,
 А то и боли».

Меня такое завело:
«Где совесть, старое трепло?
Готов я, коль на то пошло,
 Писать всю ночь;
Так не позорь же ремесло,
 Рифмуй точь-в-точь.

Коль сам Лапрейк, король червей
(В ходу будь масти средь людей),
Воздал словами, нет добрей,
 Тебе за рвенье,
Так замурыжить не посмей
 Благодаренье!»

Тут вмиг бумаги раздобыл,
Пером добрался до чернил,
И ей: «Добью, достанет сил,
 Письмо соседу,
А будет вклад твой в рифмы хил,
 На прозу съеду!»

Корябать сел, сбивая в фразу
Стих, прозу, то и это сразу;
Такая каша мерзка глазу
 (Век – критик мой),
Но чушь я затолкнул, заразу,
 В экспромт лихой.

Ни зла, ни жалоб, добрый друг,
Хоть шлёт фортуна прорву мук,
Пусть полнит пустошь арфы звук,

Wi' gleesome touch!
Ne'er mind how Fortune waft and warp;
She's but a bitch.

She 's gien me mony a jirt an' fleg,
Sin' I could striddle owre a rig;
But, by the Lord, tho' I should beg
Wi' lyart pow,
I'll laugh an' sing, an' shake my leg,
As lang's I dow!

Now comes the sax-an'-twentieth simmer
I've seen the bud upon the timmer,
Still persecuted by the limmer
Frae year to year;
But yet, despite the kittle kimmer,
I, Rob, am here.

Do ye envy the city gent,
Behint a kist to lie an' sklent;
Or pursue-proud, big wi' cent per cent
An' muckle wame,
In some bit brugh to represent
A bailie's name?

Or is't the paughty, feudal thane,
Wi' ruffl'd sark an' glancing cane,
Wha thinks himsel nae sheep-shank bane,
But lordly stalks;
While caps and bonnets aff are taen,
As by he walks?

"O Thou wha gies us each guid gift!
Gie me o' wit an' sense a lift,
Then turn me, if thou please, adrift,
Thro' Scotland wide;
Wi' cits nor lairds I wadna shift,
In a' their pride!"

Were this the charter of our state,
"On pain o' hell be rich an' great,"
Damnation then would be our fate,
Beyond remead;
But, thanks to heaven, that's no the gate
We learn our creed.

For thus the royal mandate ran,
When first the human race began;
"The social, friendly, honest man,
Whate'er he be –
'Tis he fulfils great Nature's plan,
And none but he."

O mandate glorious and divine!
The ragged followers o' the Nine,
Poor, thoughtless devils! yet may shine

Вольно́ сыграть!
Форту́не всё спусти́те с рук:
Что с суки́ взять?

Пинков дала мне череду
С тех пор, как правлю борозду,
Но если по́ миру пойду,
Башкою сед,
Всё в песнях, плясках проведу
Остаток лет!

Годков немало – двадцать шесть –
На лес весной гляжу, как есть;
Хозяйка гонит, чтоб известь,
Из года в год;
То так, то этак брешет весть,
А Роб живёт!

В чём зависть к тем из горожан,
Чья жизнь паскудство и обман,
Кто так спесив, набив карман –
И пузо с ним,
Кто в магистрат ползёт, болван,
К другим таким?

Что сто́ит феодальный лорд
(Плоённый вóрот, тростью горд)?
Не на манер овечьих орд
Дан шаг такой,
И шапки смертных низший сорт
Пред ним долой!

«О Ты, несущий благодать!
Мне б чуть умней, толковей стать,
А после край наш прошагать
Шотландский весь;
Плевал я на купцов и знать,
На всю их спесь!»

Коль вдруг в стране провозгласят:
«К мошне и власти – через ад»,
Судьбы проклятья пригвоздят,
Спасти́сь ни-ни,
Но нам, Бог славен, не грозят
Никак они.

На то мандат Господний дан
Ещё первейшим из землян:
«Друг, честный малый, не буян –
Неважен чин –
Вполне вошёл в Природы план,
Лишь он один».

Мандат – великий Божий ход!
Кто за отрепьем муз идёт –
Бедняк (беспечный чёрт!) – прольёт

In glorious light,
While sordid sons o' Mammon's line
Are dark as night!

Tho' here they scrape, an' squeeze, an' growl,
Their worthless nievefu' of a soul
May in some future carcase howl,
The forest's fright;
Or in some day-detesting owl
May shun the light.

Then may Lapraik and Burns arise,
To reach their native, kindred skies,
And sing their pleasures, hopes an' joys,
In some mild sphere;
Still closer knit in friendship's ties,
Each passing year!

Epistle to William Simson

Schoolmaster, Ochiltree. – May, 1785

I gat your letter, winsome Willie;
Wi' gratefu' heart I thank you brawlie;
Tho' I maun say't, I wad be silly,
And unco vain,
Should I believe, my coaxin billie
Your flatterin strain.

But I'se believe ye kindly meant it:
I sud be laith to think ye hinted
Ironie satire, sidelins sklented
On my poor Musie;
Tho' in sic phraisin terms ye've penn'd it,
I scarce excuse ye.

My senses wad be in a creel,
Should I but dare a hope to speel
Wi' Allan, or wi' Gilbertfield,
The braes o' fame;
Or Fergusson, the writer-chiel,
A deathless name.

(O Fergusson! thy glorious parts
Ill suited law's dry, musty arts!
My curse upon your whunstane hearts,
Ye E'nbrugh gentry!
The tithe o' what ye waste at cartes
Wad stow'd his pantry!)

Yet when a tale comes i' my head,
Or lassies gie my heart a screed –
As whiles they're like to be my dead,
(O sad disease!)
I kittle up my rustic reed;
It gies me ease.

Ярчайший свет;
Тебя, мамоны гнусный род,
Чернее нет!

Копить, хватать, брюзжать готов,
Ты духом просто никаких:
В грядущих тварях взвыть, лесов
Рождая страх,
Иль стаей полуночных сов
Летать впотьмах.

Тогда Лапрейка с Бёрнсом взлёт
Доставит их на милый свод;
Надежд, веселья хоровод –
Друзьям в утоту,
И крепнет дружба оплот
От года к году!

Послание Уильяму Симсону,

школьному учителю в Окилтри⁴¹⁹. Май 1875 года

Дошло посланье, милый Вилли;
Благодарю, насколько в силе,
Хоть был бы тварь пустая или
Дурак, как есть,
Поверь я в плод твоих усилий,
В сплошную лесть.

Поверю, умысла в том нету,
И нет иронии отсвету,
Что муза, верная поэту,
Совсем простая,
Но то, как написал ты это,
С трудом прощаю.

Чистопородный был бы хам,
Посмей я лезть вслед мастерам,
Как Гилберфилд⁴²⁰ иль Аллан⁴²¹ сам,
На склоны славы;
Как Фергюссон⁴²², клерк чей-то там –
Бессмертный, право.

(О Фергюссон! Твой славный вклад
Конторской плесени не брат!
Будь проклят ваш сквалыжный склад,
Сынки Эдины⁴²³!
Хватило б, с карточных-то трат,
И десятины!)

Рассказ созрел в башке моей
Иль душу девы, хвори злей,
Трясут до самых до корней
(Недуг худой!),
Свирель-селянку трону: в ней
Найду покой.

Auld Coila now may fidge fu' fain,
She's gotten poets o' her ain;
Chiels wha their chanter's winna hain,
 But tune their lays,
Till echoes a' resound again
 Her weel-sung praise.

Nae poet thought her worth his while,
To set her name in measur'd style;
She lay like some unkenn'd-of-isle
 Beside New Holland,
Or whare wild-meeting oceans boil
 Besouth Magellan.

Ramsay an' famous Fergusson
Gied Forth an' Tay a lift aboon;
Yarrow an' Tweed, to monie a tune,
 Owre Scotland rings;
While Irwin, Lugar, Ayr, an' Doon
 Naebody sings.

Th' Ilissus, Tiber, Thames, an' Seine,
Glide sweet in monie a tunefu' line:
But Willie, set your fit to mine,
 An' cock your crest;
We'll gar our streams an' burnies shine
 Up wi' the best!

We'll sing auld Coila's plains an' fells,
Her moors red-brown wi' heather bells,
Her banks an' braes, her dens and dells,
 Whare glorious Wallace
Aft bure the gree, as story tells,
 Frae Suthron billies.

At Wallace' name, what Scottish blood
But boils up in a spring-tide flood!
Oft have our fearless fathers strode
 By Wallace' side,
Still pressing onward, red-wat-shod,
 Or glorious died!

O, sweet are Coila's haughs an' woods,
When lintwhites chant amang the buds,
And jinkin hares, in amorous whids,
 Their loves enjoy;
While thro' the braes the cushat croods
 With wailfu' cry!

Ev'n winter bleak has charms to me,
When winds rave thro' the naked tree;
Or frosts on hills of Ochiltree
 Are hoary gray;
Or blinding drifts wild-furious flee,
 Dark'ning the day!

Ликуй, старуха Койла⁴²⁴! Вдруг
Стал шире бардов края круг;
Беречь волынки недосуг,
 Пуускают в ход,
Покуда эхо, множа звук,
 Хвалу несёт.

На Койлу бард не тратил строк;
Безвестны столь же, как итог,
Новоголландский⁴²⁵ островок
 Средь океана
Иль встреча хлябей – пыл высок –
 У Магеллана⁴²⁶.

Да, Рэмси, Фэргюссон подчас
Вели про Форт и Тэй⁴²⁷ рассказ;
Про Ярроу с Твидом⁴²⁸ спел не раз
 Шотландский край;
Эйр, Ирвин, Лугар, Дун⁴²⁹, про вас –
 Никто, считай.

Тибр, Темза, Сена, Йлисс⁴³⁰ – вод,
Воспетых столь, потерян счёт;
Но, Вилли, друг, за мной, вперёд,
 Да не робей;
От наших речек блеск пойдёт,
 И не слабей!

Восславим Койлы холм и дол,
И пустоши, где вереск цвёл;
Брег, склон, овраг: им Уоллес вёл
 Вояк бывалых
И честь со славой приобрёл
 От южных малых⁴³¹.

Заслышав «Уоллес», скотт любой
Вскипит, как паводок весной!
С ним шли отцы без страха в бой –
 Их след кровав –
Оставив поле за собой
 Иль славно пав!

О, дивны в Койле лес и лог,
Где коноплянки голосок,
Влюблённого зайчишки скок –
 И страсти пик;
И голубя, где холм высок,
 Тоскливый клик!

Чарует даже зимний хлад,
Когда ветра сквозь лес летят,
И стужей Окилтри объят,
 Седы холмы⁴³²;
Когда слепит пурги заряд
 До полной тьмы!

O Nature! a' thy shews an' forms
To feeling, pensive hearts hae charms!
Whether the summer kindly warms,
 Wi' life an' light;
Or winter howls, in gusty storms,
 The lang, dark night!

The muse, nae poet ever fand her,
Till by himsel he learn'd to wander,
Adown some trottin burn's meander,
An' no think lang:
O sweet to stray, an' pensive ponder
A heart-felt sang!

The war'ly race may drudge an' drive,
Hog-shouter, jundie, stretch, an' strive;
Let me fair Nature's face describe,
 And I, wi' pleasure,
Shall let the busy, grumbling hive
 Bum owre their treasure.

Fareweel, "my rhyme-composing" brither!
We've been owre lang unkenn'd to ither:
Now let us lay our heads thegither,
 In love fraternal:
May envy wallop in a tether,
 Black fiend, infernal!

While Highlandmen hate tools an' taxes;
While moorlan's herds like guid, fat braxies;
While terra firma, on her axis,
 Diurnal turns;
Count on a friend, in faith an' practice,
 In Robert Burns.

Postscript

My memory's no worth a preen;
I had amaist forgotten clean,
Ye bade me write you what they mean
 By this "new-light,"
'Bout which our herds sae aft hae been
 Maist like to fight.

In days when mankind were but callans
At grammar, logic, an' sic talents,
They took nae pains their speech to balance,
 Or rules to gie;
But spak their thoughts in plain, braid lallans,
 Like you or me.

In thae auld times, they thought the moon,
Just like a sark, or pair o' shoon,
Wore by degrees, till her last roon
 Gaed past their viewin;
An' shortly after she was done
 They gat a new ane.

Природа! Чуткий ум собой
Чаруешь ты порой любой:
Будь это лето, полдень твой,
Где жизнь и свет,
Иль полночь с воющей пургой,
Длиннее нет!

Но музы не найти поэту,
Коль склонности бродяжить нету;
Узнай в извилах речку эту
Без долгих дум;
Бреди – и песня, что неспета,
Придёт на ум!

Пусть мчится мир под хрип и гик:
Пинок, рывок, под рёбра тык;
Дай описать Природы лик –
И мне отрада,
Гудит пусть улей, как привык,
Над золотом клада.

Прощай, собрат, что «стих тачает»!
Не знали долго мы – кто знает,
А вдруг да общность помогает
Любить по-братски?
А Зависть петля пусть качает,
Жжёт пламень адский!

Пока гнев горцев⁴³³ – на налоги,
Пока барашки крутороги,
Пока Земля с оси, в итоге,
Слетит нескоро,
Я, Роберт Бёрнс, в делах и в Боге –
Твоя опора.

Постскриптум

Совсем пустая голова!
В письме не позабыл едва
Ответить, значат что слова
Про «Новый Свет»⁴³⁴:
Грызётся пастырей братва,
Аж спасу нет.

Когда не ведали земляне
Грамматик, логик, прочей дряни,
Легко держали речь на грани
И правил свод;
Был скотс⁴³⁵ для речи, не для брани –
Как нам, вот-вот.

Была луна былых деньков
Навроде платья, башмаков;
Износится – исход таков:
С глаз исчезая,
Вернётся в мир, со всех боков
Совсем другая.

This passed for certain, undisputed;
It ne'er cam i' their heads to doubt it,
Till chieles gat up an' wad confute it,
 An' ca'd it wrang;
An' muckle din there was about it,
 Baith loud an' lang.

Some herds, weel learn'd upo' the beuk,
Wad threap auld folk the thing misteuk;
For 'twas the auld moon turn'd a neuk
 An' out of sight,
An' backlins-comin to the leuk
 She grew mair bright.

This was deny'd, it was affirm'd;
The herds and hissels were alarm'd
The rev'rend gray-beards rav'd an' storm'd,
 That beardless ladies
Should think they better wer inform'd,
 Than their auld daddies.

Frae less to mair, it gaed to sticks;
Frae words an' aiths to clours an' nicks;
An monie a fallow gat his licks,
 Wi' hearty crunt;
An' some, to learn them for their tricks,
 Were hang'd an' brunt.

This game was play'd in mony lands,
An' auld-light caddies bure sic hands,
That faith, the youngsters took the sands
 Wi' nimble shanks;
Till lairds forbad, by strict commands,
 Sic bluidy pranks.

But new-light herds gat sic a cove,
Folk thought them ruin'd stick-an-stowe;
Till now, amaist on ev'ry knowe
 Ye'll find ane plac'd;
An' some their new-light fair avow,
 Just quite barefac'd.

Nae doubt the auld-light flocks are bleatin;
Their zealous herds are vex'd an' sweatin;
Mysel', I've even seen them greetin
 Wi' girnin spite,
To hear the moon sae sadly lied on
 By word an' write.

But shortly they will cove the louns!
Some auld-light herds in neebor touns
Are mind't, in things they ca' balloons,
 To tak a flight;
An' stay ae month amang the moons
 An' see them right.

И все, уверяясь в схему эту,
Считали, что сомнений нету,
И вдруг нашлись придиры где-то:
Мол, ложна суть;
И гвалт такой пошёл по свету,
Что не заткнуть.

Всяк пастырь, кто в Писанье крут,
Знай пастве нёс: ошибка тут;
Старьё-луна нашла закут,
Чтоб скрыться ей,
И вновь пришла, раз люди ждут, –
Ещё светлей.

Чушь не пускали в обиход;
Отцы в тревоге и приход.
Клир бушевал, седобород,
Юнцы в той каше,
Было, решили: их черёд,
Сдают папаши!

Сперва дубьё сменило крик;
От клятв к пинкам и ранам – миг,
И многих карою настиг
Добротный меч;
А тех, кто всех дурить привык,
Решили сжечь.

В игру включилось много стран,
И «старосветный» клир был рьян;
Юнец пёр, веришь, в океан,
Штаны задрал;
Тут лорды «цыть!» –сдох лютый план
Таких забав.

На Новый Свет нагнали страх:
Их пастыри, де, сплошь в кустах;
Ан нет, на выпуклых местах
Опять найдём;
Ишь, Свет-то Новый не зачах –
Аж вслух о том.

Да, в Старом Свете паства блеет,
А пастырь яростно потеет;
Сам видел: слёз скрыть не умеет,
Зол вой его;
Ложь о луне текст, слово сеют –
Ну, каково?

Ох, посчитаются с плутами!
Ведь «старосветники», меж нами,
На штуках, что зовут шарами,
Слетать хотят⁴³⁶
На месяц к лунам, там же сами
Всё разглядят.

Guid observation they will gie them;
An' when the auld moon's gaun to lea'e them,
The hindmaist shaird, they'll fetch it wi' them
 Just i' their pouch;
An' when the new-light billies see them,
 I think they'll crouch!

Sae, ye observe that a' this clatter
Is naething but a "moonshine matter";
But tho' dull prose-folk Latin splatter
 In logic tulyie,
I hope we bardies ken some better
 Than mind sic brulyie.

Epistle to John Goldie, in Kilmarnock

Author of the Gospel Recovered.

O Gowdie, terror o' the whigs,
Dread o' blackcoats and rev'rend wigs!
Sour Bigotry, on her last legs,
 Girns an' looks back,
Wishing the ten Egyptian plagues
 May seize you quick.

Poor gapin', glowrin' Superstition!
Wae's me, she's in a sad condition:
Fye: bring Black Jock, her state physician,
 To see her water;
Alas, there's ground for great suspicion
 She'll ne'er get better.

Enthusiasm's past redemption,
Gane in a gallopin' consumption:
Not a' her quacks, wi' a' their gumption,
 Can ever mend her;
Her feeble pulse gies strong presumption,
 She'll soon surrender.

Auld Orthodoxy lang did grapple,
For every hole to get a stapple;
But now she fetches at the thrapple,
 An' fights for breath;
Haste, gie her name up in the chapel,
 Near unto death.

It's you an' Taylor are the chief
To blame for a' this black mischief;
But, could the Lord's ain folk get leave,
 A toom tar barrel
An' twa red peats wad bring relief,
 An' end the quarrel.

Не будет взор их там обманут;
Уход луны предвидя, прянут
И кус в карман себе потянут,
 Возьмут припас,
А «новосветники» лишь глянут –
 Согнутся враз!

Сам видишь, свистопляска эта
И лунного не стоит света;
Латынью брызжа, дрянь задета
 Предметом спора;
Пустячна, знаем, для поэта
 Такая ссора.

Послание Джону Голди⁴³⁷, в Килмарноке⁴³⁸,

автору «Восстановленного Евангелия»⁴³⁹

О Голди, вигов⁴⁴⁰ страх и жуть!
Судейским, клиру не вздохнуть,
А Суеверье, живо чуть, –
 В оглядку, в рык:
Мол, десять казней⁴⁴¹ не забудь,
 Ты б мигом сник.

О взгляд сердитый Предрассудка!
Боюсь я, хворь его – не шутка!
Пусть Чёрный Джок⁴⁴² полечит: ну-тка,
 Смотри мочу!
Что встанет, доводов рассудка
 Не получу.

Восторг от искупленья⁴⁴³ кроткий
Довёл до бешеной чахотки:
Дерут пусть шарлатаны глотки –
 Худа подмога;
Чуть слышен пульс... чрез срок короткий
 Увидит Бога.

Старья попытка вечность длится
Извлечь затычку; даром тщится:
Уж в горле булькает; стремится
 Больной дышать...
Пора в часовне⁴⁴⁴ причаститься,
 Недолго ждать.

Вам с Тейлором⁴⁴⁵ возглавить след
Движенье, осудив весь вред,
Но Божий люд спасён от бед:
 Пустая бочка,
Лепёшки торфа – боли нет,
 И в сваре точка.

For me, my skill's but very sma',
An' skill in prose I've nane ava';
But quietlins-wise, between us twa
 Weel may you speed!
And tho' they sud your sair misca',
 Ne'er fash your head.

E'en swinge the dogs, and thresh them sicker!
The mair they squeel aye chap the thicker;
And still 'mang hands a hearty bicker
 O' something stout;
It gars an owthor's pulse beat quicker,
 And helps his wit.

There's naething like the honest nappy;
Whare'll ye e'er see men sae happy,
Or women sonsie, saft an' sappy,
 'Tween morn and morn,
As them wha like to taste the drappie,
 In glass or horn?

I've seen me dazed upon a time,
I scarce could wink or see a styme;
Just ae half-mutchkin does me prime,
 Ought less is little –
Then back I rattle on the rhyme,
 As gleg's a whittle.

Third Epistle to J. Lapraik

Guid speed and funder to you, Johnie,
Guid health, hale han's, an' weather bonie;
Now, when ye're nickin down fu' cannie
 The staff o' bread,
May ye ne'er want a stoup o' bran'y
 To clear your head.

May Boreas never thresh your rigs,
Nor kick your rickles aff their legs,
Sendin the stuff o'er muirs an' hags
 Like drivin wrack;
But may the tapmost grain that wags
 Come to the sack.

I'm bizzie, too, an' skelpin at it,
But bitter, daudin showers hae wat it;
Sae my auld stumpie pen I gat it
 Wi' muckle wark,
An' took my jocteleg an' whatt it,
 Like ony clark.

В башке тьму знаний не держу,
И с прозой дружбы не вожу,
Но по секрету Вам скажу:
 Ваш ход хорош!
А оклеветают – куражу
 Поддайтесь сплошь.

Стегайте псов до жгучей боли!
Визг громче – мало, знать, пороли;
А кружка с дозой алкоголя –
 Сидите с ней:
Так пульс живее бьётся, что ли,
 Мозги светлей.

С напитками что́ спорить в силах?
Где повстречать счастливых милых
Иль дам, столь нежных и нехилых
 Ночь напролёт,
Как ни средь тех, кто пригубил их –
 И дальше пьёт?

Случалось крепко посидеть:
Уж ни моргнуть, ни разглядеть;
Но лишь полпинты⁴⁴⁶ в глотку, впредь
 (Не меньше, всё ж)
Готов я рифмою греметь:
 Остра, как нож!

Третье послание Дж. Лапрейку⁴⁴⁷

Бог в помощь, Джони, счастья тоже,
Погоды, здоровья, сытой рожи;
Когда хлеба твои, похоже,
 Уж на току,
Без бренди обойтись негоже:
 Промой башку!

Не тронь Борей⁴⁴⁸ твоей пшеницы,
Не дай копнам пошевелиться,
Да в топь, за пустошь распылиться
 (Предел тоски);
Пусть колос – до зерна – стремится
 Попасть в мешки.

В делах я тоже, даже в мыле,
Но ливни хлеб мой промочили;
Сыскать перо едва был в силе –
 Шасть вверх да вниз –
И заострить: всё, как учили
 Конторских крыс.

It's now twa month that I'm your debtor,
For your braw, nameless, dateless letter,
Abusin me for harsh ill-nature
 On holy men,
While deil a hair yoursel' ye're better,
 But mair profane.

But let the kirk-folk ring their bells,
Let's sing about our noble sel's:
We'll cry nae jads frae heathen hills
 To help, or roose us;
But browster wives an' whisky stills,
 They are the muses.

Your friendship, Sir, I winna quat it,
An' if ye mak' objections at it,
Then hand in neive some day we'll knot it,
 An' witness take,
An' when wi' usquabae we've wat it
 It winna break.

But if the beast an' branks be spar'd
Till kye be gaun without the herd,
And a' the vittel in the yard,
 An' theekit right,
I mean your ingle-side to guard
 Ae winter night.

Then muse-inspirin' aqua-vitae
Shall make us baith sae blythe and witty,
Till ye forget ye're auld an' gatty,
 An' be as canty
As ye were nine years less than thretty –
 Sweet ane an' twenty!

But stooks are cowpit wi' the blast,
And now the sinn keeks in the west,
Then I maun rin amang the rest,
 An' quat my chanter;
Sae I subscribe myself in haste,
 Yours, Rab the Ranter.

Epistle to the Rev. John M'math

Inclosing a Copy of "Holy Willie's Prayer," Which He Had Requested

While at the stook the shearers cow'r
To shun the bitter blaudin' show'r,
Or in gulravage rinnin scow'r
 To pass the time,
To you I dedicate the hour
 In idle rhyme.

В долгу два месяца: тогда ты
В письме без имени и даты
Бранил за то, что, чёрт лохматый,
Трясу святош;
Ты сам-то, нечестивец клятый,
Весьма хорош!

Пускай звонит церковный люд,
Споём, как оба славны тут;
Баб кликнуть с вереска не труд,
Но зряшны узы;
Пусть пиво, виски девки льют:
Вот это музы!

Сэр, к дружбе с Вами в уважение,
Я, коль наткнусь на возраженья,
Готов обдумать положение,
Других спросить,
А смочим виски – вне сомненья,
Нас не разлить.

Коль конь с уздечкой сбережён,
И скот от стада отделён,
И хлеб в амбаре (ссыпан он
Умно́ весьма),
То, верно, твой очаг зажжён –
Держись, зима!

И, с музой прилебнув неслабо,
Тогда встряхнёмся мы хотя бы;
Забудешь, что ты старый, слабый,
Начнёшь смеяться,
Какие, вспомнишь, брал ухабы –
Едва за двадцать!

Но ветер сдул копны жнивья,
Плывёт к закату дня ладя,
Бежать со всеми – роль моя:
Не спеть, хоть плачь,
И в спешке ставлю подпись я:
Твой Рэб Рифмач.

Послание преп. Джону Макмаффу⁴⁴⁹

со вложением по его просьбе экземпляра «Молитвы святоши Вилли»

Как те жнецы, что лезут в стог,
Чтоб ливень вымочить не мог,
Иль в беготне ища предлог
Передохнуть,
Так посвящаю Вам часок:
Стишок черкнуть.

My musie, tir'd wi' mony a sonnet
On gown, an' ban', an' douse black bonnet,
Is grown right eerie now she's done it,
 Lest they should blame her,
An' rouse their holy thunder on it
 An anathem her.

I own 'twas rash, an' rather hardy,
That I, a simple, country bardie,
Should meddle wi' a pack sae sturdy,
 Wha, if they ken me,
Can easy, wi' a single wordie,
 Lowse hell upon me.

But I gae mad at their grimaces,
Their sighin, cantin, grace-proud faces,
Their three-mile prayers, an' half-mile graces,
 Their raxin conscience,
Whase greed, revenge, an' pride disgraces
 Waur nor their nonsense.

There's Gaw'n, misca'd waur than a beast,
Wha has mair honour in his breast
Than mony scores as guid's the priest
 Wha sae abus'd him:
And may a bard no crack his jest
 What way they've us'd him?

See him, the poor man's friend in need,
The gentleman in word an' deed –
An' shall his fame an' honour bleed
 By worthless, skellums,
An' not a muse erect her head
 To cove the blellums?

O Pope, had I thy satire's darts
To gie the rascals their deserts,
I'd rip their rotten, hollow hearts,
 An' tell aloud
Their jugglin hocus-pocus arts
 To cheat the crowd.

God knows, I'm no the thing I should be,
Nor am I even the thing I could be,
But twenty times I rather would be
 An atheist clean,
Than under gospel colours hid be
 Just for a screen.

An honest man may like a glass,
An honest man may like a lass,
But mean revenge, an' malice fause

Я музу истомил в сонетах
О малых, в чёрное одетых,
Тем напугавши, спасу нет, их
И повод дав им
К святым громам на корень бед их,
Предмет анафем.

Ну да: нахально, бестолково
Для барда сельского простого
Лезть в свору, чья крепка основа:
Узнают гада –
Обрушить могут (хватит слова)
Все силы ада.

Но шлют ужимки, гнев мой множа:
Хор, вздохи, постные их рожи,
Трёхмильный текст, хвалы не строже;
Кривые души,
Чьи жадность, спесь затмят, похоже,
Вред их же чуши.

Вот Гэвин⁴⁵⁰, словно тварь, гоним,
Хоть честью не сравниться с ним
Орде святош с попом самим,
Что сыплют бранью;
Как барду не нащёлкать им,
Хоть в воздаянье?

Он с бедняком в нужде хорош,
Он джентльмен всегда и сплошь,
В чьё имя, честь втыкает нож
Бездельник всякий;
Не звать как музе на правёж
Вас, забияки?

О Поуп⁴⁵¹, твоей сатиры стрел
Пучок мне – плут бы заревел;
Я б гниль пустых душонок вздел,
Вслух молвив тут
Про цепь уловок, грязных дел,
Что дурят люд.

Зрит Бог, со многим не в ладу я,
Но, ни на что не претендуя,
Всё ж двадцать раз предлог найду я
Безбожным стать,
Чтоб церковь ширмой, озоруя,
Не выставять.

Достойный малый может пить,
Девицу может он любить,
Но строить козни, гнусно мстить

He'll still disdain,
An' then cry zeal for gospel laws,
Like some we ken.

They take religion in their mouth;
They talk o' mercy, grace, an' truth,
For what?-to gie their malice skouth
On some puir wight,
An' hunt him down, owre right and ruth,
To ruin straight.

All hail, Religion! maid divine!
Pardon a muse sae mean as mine,
Who in her rough imperfect line
Thus daurs to name thee;
To stigmatise false friends of thine
Can ne'er defame thee.

Tho' blotch't and foul wi' mony a stain,
An' far unworthy of thy train,
With trembling voice I tune my strain,
To join with those
Who boldly dare thy cause maintain
In spite of foes:

In spite o' crowds, in spite o' mobs,
In spite o' undermining jobs,
In spite o' dark banditti stabs
At worth an' merit,
By scoundrels, even wi' holy robes,
But hellish spirit.

O Ayr! my dear, my native ground,
Within thy presbyterial bound
A candid liberal band is found
Of public teachers,
As men, as Christians too, renown'd,
An' manly preachers.

Sir, in that circle you are nam'd;
Sir, in that circle you are fam'd;
An' some, by whom your doctrine's blam'd
(Which gies you honour)
Even, sir, by them your heart's esteem'd,
An' winning manner.

Pardon this freedom I have ta'en,
An' if impertinent I've been,
Impute it not, good Sir, in ane
Whase heart ne'er wrang'd ye,
But to his utmost would befriend
Ought that belang'd ye.

Не станет он,
Как те, кому пред клиром прыть
Являть резон.

Спешат в речах своих воздать
Вам, правда, милость, благодать;
Зачем? Чтоб злобою обдать
Того, кто чист,
Загнать (на правила плевать):
Их клан когтист.

Религия! Нет дев святей!
Ты музе извини моей,
Что грубый слог, присущий ей,
Смел вставить здесь я;
Нет в том, что ложных бью друзей,
Тебе бесчестья.

Хотя изгваздан я как след,
И в свите, вижу, места нет,
Но, с гласом трепетным поэт,
Я встать могу
Средь тех, кто верен, дав обет,
Назло врагу:

Назло собравшимся толпой,
Назло работе подрывной,
Назло ударам в час ночной
В честь и заслуги
От мрази в рясах – вид святой,
Но чёрту слуги.

О Эйр! Родимая земля,
В твоих пределах, знаю я,
Есть церкви вольные друзья
И богословы:
Не водит их рука ничья,
Учить готовы.

Сэр, в этот круг включаю Вас;
Сэр, кругу Ваш известен глас,
И те, кого клеймил не раз –
Что к Вашей чести –
Всё ж сердце уважают в Вас,
С напором вместе.

Простите простоту манер:
Коль был я дерзок, например,
То не вините, добрый сэр,
Того, кто с Вами;
Он просто рад сшибить барьер
В речах с друзьями.

Epistle to James Smith

Friendship, mysterious cement of the soul
Sweet'ner of Life, and solder of Society!
I owe thee much.

Blair.

Dear Smith, the slee'st, pawkie thief,
That e'er attempted stealth or rief!
Ye surely hae some warlock-brief
 Owre human hearts;
For ne'er a bosom yet was prief
 Against your arts.

For me, I swear by sun an' moon,
An' ev'ry star that blinks aboon,
Ye've cost me twenty pair o' shoon,
 Just gaun to see you;
An' ev'ry ither pair that's done,
 Mair taen I'm wi' you.

That auld, capricious carlin, Nature,
To mak amends for scrimpit stature,
She's turn'd you off, a human creature
 On her first plan,
And in her freaks, on ev'ry feature
 She's wrote the Man.

Just now I've ta'en the fit o' rhyme,
My barmie noddle's working prime,
My fancy yerkit up sublime,
 Wi' hasty summon;
Hae ye a leisure-moment's time
 To hear what's comin'?

Some rhyme a neibor's name to lash;
Some rhyme (vain thought!) for needfu' cash;
Some rhyme to court the countra clash,
 An' raise a din;
For me, an aim I never fash;
 I rhyme for fun.

The star that rules my luckless lot,
Has fated me the russet coat,
An' damn'd my fortune to the groat;
 But, in requit,
Has blest me with a random-shot
 O'countra wit.

This while my notion's taen a sklent,
To try my fate in guid, black prent;

Послание Джеймсу Смиту⁴⁵²

О Дружба, душ таинственный цемент,
Ты Жизни сладость, Общества припой!
Я твой должник.

*Блэр*⁴⁵³

Любезный Смит, ловчайший вор
Из прочих, кравших до сих пор!
Ты, ясно, волшебство простёр –
Сердца просты;
Ни разу не встречал отпор,
Столь ловок ты!

Клянусь я солнцем и луной,
И звёздами во тьме ночной:
Пар двадцать башмаков с тобой
Мне сто́ят встречи,
Но я прощусь с очередной –
И не замечу.

У старой сплетницы Природы
Скромны на малый рост расходы,
Зато тебя, пример породы –
На первый план;
Ярлык «мужчина» не для моды
Тебе был дан.

Как раз сейчас я в рифмах лих,
Мозги шуруют – нет таких:
Фантазия бушует в них,
На зов вломилась;
Есть время, чтоб послушал, тих,
Что получилось?

Иной рифмач хлестнуть мастак,
Иной (ох, зря!) строчит для благ,
Иной средь сельских бедолаг
Шумихи ждёт;
А я рифмую просто так –
И как пойдёт.

Звезда моя, на фарт жадна,
Дала одёжку из рядна;
Не повезло, пуста мошна,
За этот вред
Мне счётка сельская дана –
Сверкнёт, нет-нет.

Судьбу решился испытать,
Отдав стихи свои в печать;

But still the mair I'm that way bent
 Something cries "Hooklie!
I red you, honest man, tak tent?
 Ye'll shaw your folly;

"There's ither poets, much your betters,
Far seen in Greek, deep men o' letters,
Hae thought they had ensur'd their debtors,
 A' future ages;
Now moths deform, in shapeless tatters,
 Their unknown pages."

Then farewell hopes of laurel-boughs,
To garland my poetic brows!
Henceforth I'll rove where busy ploughs
 Are whistlin' thrang,
An' teach the lanely heights an' howes
 My rustic sang.

I'll wander on, wi' tentless heed
How never-halting moments speed,
Till fate shall snap the brittle thread;
 Then, all unknown,
I'll lay me with th' inglorious dead
 Forgot and gone!

But why o' death being a tale?
Just now we're living sound and hale;
Then top and maintop crowd the sail,
 Heave Care o'er-side!
And large, before Enjoyment's gale,
 Let's tak the tide.

This life, sae far's I understand,
Is a' enchanted fairy-land,
Where Pleasure is the magic-wand,
 That, wielded right,
Maks hours like minutes, hand in hand,
 Dance by fu' light.

The magic-wand then let us wield;
For ance that five-an'-forty's speel'd,
See, crazy, weary, joyless eild,
 Wi' wrinkl'd face,
Comes hostin, hirplin owre the field,
 We' creepin pace.

When ance life's day draws near the gloamin,
Then fareweel vacant, careless roamin;
An' fareweel cheerfu' tankards foamin,
 An' social noise:
An' fareweel dear, deluding woman,
 The Joy of joys!

К тому склонялся ближе – глядь,
Мне сразу: «Тише!
Затея, истинно сказать,
Бездумьем дышит;

Поэты есть – получше, что ли:
Всех греков, зная, перемололи –
Их должники ждать лучшей доли
Века должны;
Страницы стали пищей моли,
Не прочтены».

Что ж, лавров копь не получу,
То остаётся рифмачу
Лишь плуг: работа по плечу,
Аж свист пошёл;
Бугры и ямы я учу
Напеву сёл.

Вот так, в скитаньях, без забот,
Без остановок век пройдёт;
Рок нитку тонкую порвёт –
Не знаменит,
Я лягу, со скотами скот,
Уйду, забыт!

Но разве смерть достойна слов?
Всяк ныне крепок и здоров;
А ну, прибавить парусов,
Нужду за борт!
Шторм Удовольствий нас готов
Нести как чёрт!

Ведь жизнь, как погляжу, считай,
Чарующий заветный край,
Где, жезл волшебный Нега дай,
Он в самый раз:
Часы с минутами сравни,
Пусти их в пляс.

Тот жезл волшебный как ни взять;
Однажды стукнет сорок пять,
Там старость – дурь, тоски печать
В морщинах рож –
Под кашель полем ковылять,
В коленях дрожь.

Подступит сумрак непременно;
Прощай, жизнь – море по колено,
Прощай, высоких кружек пена
И шум людской;
Прощай красавицы измена –
Ох, чумовой!

O Life! how pleasant, in thy morning,
Young Fancy's rays the hills adorning!
Cold-pausing Caution's lesson scorning,
 We frisk away,
Like school-boys, at th' expected warning,
 To joy an' play.

We wander there, we wander here,
We eye the rose upon the brier,
Unmindful that the thorn is near,
 Among the leaves;
And tho' the puny wound appear,
 Short while it grieves.

Some, lucky, find a flow'ry spot,
For which they never toil'd nor swat;
They drink the sweet and eat the fat,
 But care or pain;
And haply eye the barren hut
 With high disdain.

With steady aim, some Fortune chase;
Keen hope does ev'ry sinew brace;
Thro' fair, thro' foul, they urge the race,
 An' seize the prey:
Then cannie, in some cozie place,
 They close the day.

And others, like your humble servan',
Poor wights! nae rules nor roads observin,
To right or left eternal swervin,
 They zig-zag on;
Till, curst with age, obscure an' starvin,
 They aften groan.

Alas! what bitter toil an' straining –
But truce with peevish, poor complaining!
Is fortune's fickle Luna waning?
 E'n let her gang!
Beneath what light she has remaining,
 Let's sing our sang.

My pen I here fling to the door,
And kneel, ye Pow'rs! and warm implore,
"Tho' I should wander Terra o'er,
 In all her climes,
Grant me but this, I ask no more,
 Aye rowth o' rhymes.

"Gie dreepin roasts to countra lairds,
Till icicles hing frae their beards;
Gie fine braw claes to fine life-guards,
 And maids of honour;

О Жизнь! Любуемся лучами
Младых Иллюзий над холмами;
Советы Опыта – чёрт с вами,
 Мы рвёмся вон,
Как школяры, спешим скачками
 Игре вдогон.

Мы бродим здесь, и там мы бродим,
Мы цвет шиповника находим,
Забыв: шипы средь листьев, вроде,
 Должны тут быть;
Руками, наколов, разводим:
 О чём тужить?

Иной счастливец век живёт,
Не ведая про труд и пот;
Он жирно жрёт и сладко пьёт,
 Забот не зная;
На нищий кров вдруг взгляд падёт –
 Тьфу, дрянь какая!

Есть, за Фортуной к цели прут,
Надеждой острой жилы рвут;
Грязь, нет – поживу знай гребут,
 Когтят они,
И, отыскав в тиши уют,
 Кончают дни.

Другим, как твой слуга покорный,
В дороге выпал жребий чёрный;
Они вихляют – вид позорный
 Со всех сторон,
Пока груз лет не вдавит в скорбный
 Голодный стон.

Увы! Нет радости в раскладе...
Но хватит ныть занудства ради!
Луна-обманщица на спаде?
 Всеми свой срок!
Чуть светит – при такой отраде
 Споём, дружок!

Перо своё швырнув за дверь,
Молю Всевышнего теперь:
«Всю Землю обойду – поверь,
 Маршрут хорош,
Но только рифмы мне отмерь
 В достатке, всё ж.

Пусть знать мясо с кровинкой жрёт,
Чтоб аж закапало с бород;
Дай приодеть охраны взвод,
 И фрейлин тоже;

An' yill an' whisky gie to cairds,
Until they sconner.

"A title, Dempster merits it;
A garter gie to Willie Pitt;
Gie wealth to some be-ledger'd cit,
In cent. per cent.;
But give me real, sterling wit,
And I'm content.

"While ye are pleas'd to keep me hale,
I'll sit down o'er my scanty meal,
Be't water-brose or muslin-kail,
Wi' cheerfu' face,
As lang's the Muses dinna fail
To say the grace."

An anxious e'e I never throws
Behint my lug, or by my nose;
I jouk beneath Misfortune's blows
As weel's I may;
Sworn foe to sorrow, care, and prose,
I rhyme away.

O ye douce folk that live by rule,
Grave, tideless-blooded, calm an'cool,
Compar'd wi' you – O fool! fool! fool!
How much unlike!
Your hearts are just a standing pool,
Your lives, a dyke!

Nae hair-brain'd, sentimental traces
In your unletter'd, nameless faces!
In arioso trills and graces
Ye never stray;
But gravissimo, solemn basses
Ye hum away.

Ye are sae grave, nae doubt ye're wise;
Nae ferly tho' ye do despise
The hairum-scairum, ram-stam boys,
The rattling squad:
I see ye upward cast your eyes –
Ye ken the road!

Whilst I – but I shall haud me there,
Wi' you I'll scarce gang ony where –
Then, Jamie, I shall say nae mair,
But quat my sang,
Content wi' you to mak a pair,
Whare'er I gang.

Пусть пивом медник блеванёт,
Жалеть негоже.

Дай титул: Демпстер⁴⁵⁴ знаменит,
Подвязку просит Вилли Питт⁴⁵⁵;
Купцу дай денег (деловит,
Процент – вполне);
Дай ум такой, как надлежит –
И хватит мне.

Здоровье выдал, как просил –
Питался б скудно, не блажил:
Овсянку с хлебом заслужил,
Уж я и рад,
Покуда музы, в меру сил,
Благодарят».

Меня тревога не берёт,
Назад ли гляну иль вперёд;
Перед Бедой склонюсь, пусть бьёт,
Я из таких;
Заботы, горя, прозы гнёт –
Всё скрасит стих.

О люд, какому всё нельзя!
Тишь-гладь, ни капли забытья,
В сравнение с вами – дурень я,
От тех отпав,
Застойный пруд душонка чья,
Жизнь – вонь канав!

Нет чувств и духа отпечатка
На лицах, стёртых без остатка!
Не ариозо⁴⁵⁶ льётся гладко,
То не для вас;
Басов натужная повадка
Вас выдаст враз.

Мудры (уж точно, таковы),
Не диво, что презрели вы
Порыв безудержной братвы,
Шумливой чуть;
Воздели глазоньки, увы:
Вам ясен путь!

Пока... ну нет, дошёл до краю,
Я вашей тиной обрастаю!
Ну ладно, Джеми, замолкаю,
Петь хватит, брат;
С тобою хоть куда шагая,
Я паре рад.

To Gavin Hamilton, Esq., Mauchline,

Recommending a Boy.

I hold it, sir, my bounden duty
To warn you how that Master Tootie,
 Alias, Laird M'Gaun,
Was here to hire yon lad away
'Bout whom ye spak the tither day,
 An' wad hae don't aff han';
But lest he learn the callan tricks –
 An' faith I muckle doubt him –
Like scrapin out auld Crummie's nicks,
 An' tellin lies about them;
 As lieve then, I'd have then
 Your clerkship he should sair,
 If sae be ye may be
 Not fitted othewhere.

Altho' I say't, he's gleg enough,
An' 'bout a house that's rude an' rough,
 The boy might learn to swear;
But then, wi' you, he'll be sae taught,
An' get sic fair example straught,
 I hae na ony fear.
Ye'll catechise him, every quirk,
 An' shore him weel wi' hell;
An' gar him follow to the kirk –
 Aye when ye gang yoursel.
 If ye then maun be then
 Frae hame this comin' Friday,
 Then please, sir, to lea'e, sir,
 The orders wi' your lady.

My word of honour I hae gi'en,
In Paisley John's, that night at e'en,
 To meet the warld's worm;
To try to get the twa to gree,
An' name the airles an' the fee,
 In legal mode an' form:
I ken he weel a snick can draw,
 When simple bodies let him:
An' if a Devil be at a',
 In faith he's sure to get him.
 To phrase you and praise you,
 Ye ken your Laureat scorns:
 The pray'r still you share still
 Of grateful Minstrel Burns.

Гэвину Хэмилтону⁴⁵⁷, эсквайру, в Мохлине,

рекомендуя юного слугу

Я Вас обязан, сэр, по сути,
Уведомить, что мастер⁴⁵⁸ Тути,
По кличке лорд Макган,
Пришёл, раз есть нужда в парнях,
О чём сказали Вы на днях, –
И выполняю свой план;
Чтоб Вас дурить юнец не смог
(Чего не исключу я):
Что чистит он коровий сток,
Соврёт напропалую;
Но, может, поможет
В конторском Вам труде;
Другого такого
Не сыщете нигде.

Пройдоха малый ещё тот:
О том, как бедно сам живёт,
Он в клятвах неумерен;
Что его вышколите, сэр,
И Ваш воспримет он пример,
Всецело я уверен.
Порасспросите обо всём,
Да припугните адом;
Пускай он ходит в Божий Дом,
Сидит там с Вами рядом.
Однако, коль всяко
Вы в пятницу вне дома,
Будь мненье, решение
Хозяйкино весомо.

Вечор в таверне «Пёстрый Джон»
Дать слово был я принуждён:
Ввести к сквальге в дом,
Чтоб вынудить обоих их
Сойтись в оплате, наградных,
Как принято, путём;
Задвинуть сможет он засов,
Раз люд простой у двери;
Коль дьявол есть, в конце концов, –
Войдёт к нему в доверье.
Речами, хвалами
Лауреат⁴⁵⁹ презрит,
За другу услугу
Вас Бёрнс благодарит.

To Mr. M'Adam, of Craigen-Gillan

In answer to an obliging Letter he sent in the commencement
of my poetic career.

Sir, o'er a gill I gat your card,
I trow it made me proud;
"See wha taks notice o' the bard!"
I lap and cried fu' loud.

Now deil-ma-care about their jaw,
The senseless, gawky million;
I'll cock my nose abune them a',
I'm roos'd by Craigen-Gillan!

'Twas noble, sir; 'twas like yoursel,
To grant your high protection:
A great man's smile ye ken fu' well
Is aye a blest infection.

Tho', by his banes wha in a tub
Match'd Macedonian Sandy!
On my ain legs thro' dirt and dub,
I independent stand aye, –

And when those legs to gude, warm kail,
Wi' welcome canna bear me,
A lee dyke-side, a sybow-tail,
An' barley-scone shall cheer me.

Heaven spare you lang to kiss the breath
O' mony flow'ry simmers!
An' bless your bonie lasses baith,
I'm tauld they're loosome kimmers!

An' God bless young Dunaskin's laird,
The blossom of our gentry!
An' may he wear and auld man's beard,
A credit to his country.

Epistle to Major Logan

Hail, thairm-inspirin', rattlin' Willie!
Tho' fortune's road be rough an' hilly
To every fiddling, rhyming billie,
We never heed,
But take it like the unback'd filly,
Proud o' her speed.

When, idly goavin', whiles we saunter,
Yirr! fancy barks, awa we canter,

Мистеру Мака́даму⁴⁶⁰ из Кре́йген-Ги́ллана

в ответ на любезное письмо, которое он прислал в отправной точке
моей поэтической карьеры

За выпивкой письмо от Вас –
Поверьте, сэр, я горд!
«Так вот кто к барду добр сейчас!» –
Ору, скачу, как чёрт.

На болтовню толпы плевал,
Чья серость валом валит;
Я перед всеми нос задрал:
Сам Крейген-Гиллан хвалит!

Как благородно оказать
Протекцию мне сразу;
Улыбка сильных – вам не знать! –
Блаженная зараза.

С тем, в бочке кто, сравняться смог
Сам Македонец Сэнди!⁴⁶¹
Будь лужа, грязь – на паре ног
Стою (дружок, не сбренди!):

Коль им к бульону путь непрост,
Заказана дорожка,
Есть молодого лука хвост,
Ячменная лепёшка.

Дай Бог Вам много лет гулять
Лугами, где ромашки!
Обеим дочкам – благодать,
Слыхал, они милашки!

Благословен, Дана́скин⁴⁶², твой
Владелец, столь примерный!
Пусть встретит старость с бородой
В деревне, ему верной.

Послание майору Ло́гану⁴⁶³

Привет, живящий струны Вилли!
Удачи тракт пускай разбили
К стихам, смычку – насколько в силе,
Спешим туда,
Как та кобылка, что, хоть в мыле,
Собой горда.

Неспешен в грёзах путь по тропам...
Рр-р! Наважденье! Прочь галопом,

Up hill, down brae, till some mischanter,
Some black bog-hole,
Arrests us; then the scathe an' banter
We're forced to thole.

Hale be your heart! hale be your fiddle!
Lang may your elbuck jink and diddle,
To cheer you through the weary widdle
O' this wild warl',
Until you on a crummock driddle,
A grey hair'd carl.

Come wealth, come poortith, late or soon,
Heaven send your heart-strings aye in tune,
And screw your temper-pins aboon
A fifth or mair
The melancholious, lazy croon
O' cankrie care.

May still your life from day to day,
Nae "lente largo" in the play,
But "allegretto forte" gay,
Harmonious flow,
A sweeping, kindling, bauld strathspey –
Encore! Bravo!

A blessing on the cheery gang
Wha dearly like a jig or sang,
An' never think o' right an' wrang
By square an' rule,
But, as the clegs o' feeling stang,
Are wise or fool.

My hand-waled curse keep hard in chase
The harpy, hoodock, purse-proud race,
Wha count on poortith as disgrace;
Their tuneless hearts,
May fireside discords jar a base
To a' their parts.

But come, your hand, my careless brither,
I' th' ither warl', if there's anither,
An' that there is, I've little swither
About the matter;
We, cheek for chow, shall jog thegither,
I'se ne'er bid better.

We've faults and failings-granted clearly,
We're frail backsliding mortals merely,
Eve's bonie squad, priests wyte them sheerly
For our grand fa';

Холм, скат – и бух в трясину скопом,
Где топь черна,
И там терпеть урон с поклёпом
Душа должна.

Будь дух твой крепок, как и скрипка!
Пусть локоть пляшет⁴⁶⁴ долго шибко,
Чтоб не согнал твою улыбку
Сей подлый свет,
Пока с клюкой походкой зыбкой
Не бродишь, сед.

Богат ли, нет – всему свой срок;
Господь, к сердечным струнам строг,
Подкрутит скрипке всяк колок
(На квинту взлёт),
Чтоб грусть, тоску излить ты смог,
Нытьё забот.

Пусть жизнь бодрит теченьем дней;
Не «ленто ларго»⁴⁶⁵ будет в ней,
Но «аллегретто»⁴⁶⁶ (поживей);
Чтоб не завис
Широкий, пламенный стратспей⁴⁶⁷ –
Ой, браво! Бис!

Все блага на друзей, подруг –
Песнь, жигу⁴⁶⁸ ль заведёт их круг;
Не судят, прав кто, нет вокруг
Серьёзно так;
Решат (как овод жалит: вдруг):
Умён, дурак.

Отборной ругани заряд –
Тем, кто заносчив, раз богат;
Они позором бедность мнят,
Глуха их прыть:
Спор задушевный нороят
Басами сбить.

Приди, дай руку, братец шалый!
Коль верить в мир иной пристало –
А я с тем соглашусь, пожалуй, –
Бок обок, знаю,
Там нам идти; так в жизни мало
Чего желаю.

Мы не безгрешны, это ясно,
От нас ждать стойкости напрасно;
Клир милых дев позорит страстно
За Евин грех,

But still, but still, I like them dearly –
God bless them a'!

Ochone for poor Castalian drinkers,
When they fa' foul o' earthly jinkers!
The witching, curs'd, delicious blinkers
Hae put me hyte,
And gart me weet my waukrife winkers,
Wi' girnin'spite.

But by yon moon! – and that's high swearin –
An' every star within my hearin!
An' by her een wha was a dear ane!
I'll ne'er forget;
I hope to gie the jads a clearin
In fair play yet.

My loss I mourn, but not repent it;
I'll seek my pursie whare I tint it;
Ance to the Indies I were wonted,
Some cantraip hour
By some sweet elf I'll yet be dinted;
Then vive l'amour!

Faites mes baissemains respectueuses,
To sentimental sister Susie,
And honest Lucky; no to roose you,
Ye may be proud,
That sic a couple Fate allows ye,
To grace your blood.

Nae mair at present can I measure,
An' trowth my rhymin ware's nae treasure;
But when in Ayr, some half-hour's leisure,
Be't light, be't dark,
Sir Bard will do himself the pleasure
To call at Park.

Robert Burns.
Mossiel, 30th October, 1786.

Reply to a Trimming Epistle Received from a Tailor

What ails ye now, ye lousie bitch
To thresh my back at sic a pitch?
Losh, man! hae mercy wi' your natch,
Your bodkin's bauld;
I didna suffer half sae much
Frae Daddie Auld.

И всё ж, и всё ж... им рад ужасно,
Храни Бог всех!

Кастальцев⁴⁶⁹ судьбы часто плохи:
Суют в земную грязь пройдохи!
Подлюг-прелестниц ахи-охи
Меня гnevят,
Уводят в рык терпенья крохи,
Туманят взгляд.

Но я клянусь – нет клятвы выше –
Луной и звёздами, что слышат,
И взором милой (негой дышит,
Не превозмочь!),
С дам счистить домыслы умишек,
Лукавство прочь!

Потери скорбь тоской не мерю;
Где обронил, сыщу потерю;
В Вест-Индию, вон, чарам веря,
Спешил⁴⁷⁰, понур,
Но эльфу я разгладил перья –
И vive l'amour!⁴⁷¹

Faites mes baissemains respectueuses⁴⁷²
Чувствительной сестрице Сьюзи,
Как и Везунье⁴⁷³: рок в союзе
С тобой, будь горд
(Не лыщу я, не имей иллюзий):
Оплот твой твёрд.

Что ж, истощился метр отменный
(Мой стих – товар не слишком ценный);
Досуг даст Эйр судьбине бренной –
Свет, темень будь –
Сэр Бард намерен непременно
В Парк заглянуть.

*Роберт Бёрнс
Моссгил, 30 октября 1786 г.*

Ответ на послание с выговором, полученное от портного⁴⁷⁴

Сучонок вшивый, что за прыть,
Стегая спину, насмерть бить?
Игле бы милость проявить,
Раз туп конец;
Меня не думал так гнобить
Сам Олд-мудрец⁴⁷⁵!

What tho' at times, when I grow crouse,
I gie their wames a random pouce,
Is that enough for you to souse
 Your servant sae?
Gae mind your seam, ye prick-the-louse,
 An' jag-the-flea!

King David, o' poetic brief,
Wrocht 'mang the lasses sic mischief
As filled his after-life wi' grief,
 An' bluidy rants,
An' yet he's rank'd amang the chief
 O' lang-syne saunts.

And maybe, Tam, for a' my cants,
My wicked rhymes, an' drucken rants,
I'll gie auld cloven's Clootie's haunts
 An unco slip yet,
An' snugly sit amang the saunts,
 At Davie's hip yet!

But, fegs! the session says I maun
Gae fa' upo' anither plan
Than garrin lasses coup the cran,
 Clean heels ower body,
An' sairly thole their mother's ban
 Afore the howdy.

This leads me on to tell for sport,
How I did wi' the Session sort;
Auld Clinkum, at the inner port,
 Cried three times, "Robin!
Come hither lad, and answer for't,
 Ye're blam'd for jobbin!"

Wi' pinch I put a Sunday's face on,
An' snoov'd awa before the Session:
I made an open, fair confession –
 I scorn't to lee,
An' syne Mess John, beyond expression,
 Fell foul o' me.

A fornicator-loun he call'd me,
An' said my faut frae bliss expell'd me;
I own'd the tale was true he tell'd me,
 "But, what the matter?
(Quo' I) I fear unless ye geld me,
 I'll ne'er be better!"

"Geld you! (quo' he) an' what for no?
If that your right hand, leg or toe

Зайдусь – затея недолга –
Влеплю разок под дых, ага;
Что ж так отделан твой слуга?
Настолько плох?
Знай шей, Проткни-вошь-как-врага,
Пронзи-всех-блох!

И царь Давид, большой поэт,
Девичам нёс немалый вред,
Потом бузил; кровавый след
Оставил он,
Теперь – святой, главнее нет,
Былых времён.

Вдруг, Тэм, за то, что речью лих,
За пьянки, за ядрёный стих
Ник⁴⁷⁶ не задаст чертей больших
И, вот обида,
Я притулюсь среди святых
К бедру Давида!

Но верь мне! Суд церковный наш
Постановил унять мой раж,
Средь девок сбавить ералаш,
Умерить слухи,
Не множить горя их мамаш
У повитухи.

Послушай смеха ради тут,
Как я ходил в церковный суд;
Глашатай проорать взял труд
Три раза: «Робин!
Сюда! Тебе вменяют блуд
И грех зазнобин!»

Пришлось блеснуть мне постной рожей,
Да и походкой вялой тоже;
Признал всё честно и без дрожи,
Презревши ложь,
И мастер Джон⁴⁷⁷ полил, о боже,
Помои сплошь.

Блудливый плут, мол, я (куда там!),
Спасенья нет грехом объатым;
Признав, что прав он, я прелатам:
«Коль без обману,
Боюсь, что только став кастратом,
Я лучше стану!»

«Кастратом? – он. – Во имя благ!
Раз орган вреден, верный знак,

Should ever prove your sp'ritual foe,
 You should remember
To cut it aff-an' what for no
 Your dearest member?"

"Na, na, (quo' I,) I'm no for that,
Gelding's nae better than 'tis ca't;
I'd rather suffer for my faut
 A hearty flewit,
As sair owre hip as ye can draw't,
 Tho' I should rue it.

"Or, gin ye like to end the bother,
To please us a'-I've just ae ither –
When next wi' yon lass I forgather,
 Whate'er betide it,
I'll frankly gie her 't a' thegither,
 An' let her guide it."

But, Sir, this pleas'd them warst of a',
An' therefore, Tam, when that I saw,
I said "Gude night," an' cam' awa',
 An' left the Session;
I saw they were resolved a'
 On my oppression.

Epistle to Mrs. Scott

Gudewife of Wauchope-House, Roxburghshire.

Gudewife,
I mind it weel in early date,
When I was bardless, young, and blate,
 An' first could thresh the barn,
Or haud a yokin' at the pleugh;
An, tho' forfoughten sair eneugh,
 Yet unco proud to learn:
When first amang the yellow corn
 A man I reckon'd was,
An' wi' the lave ilk merry morn
 Could rank my rig and lass,
 Still shearing, and clearing
 The tither stooked raw,
 Wi' claivers, an' haivers,
 Wearing the day awa.

E'en then, a wish, (I mind its pow'r),
A wish that to my latest hour
 Shall strongly heave my breast,
That I for poor auld Scotland's sake
Some usefu' plan or book could make,
 Or sing a sang at least.

Что встал за ним извечный враг;
В твоей же власти
Лишить себя, раз нужно так,
Дражайшей части!»

«Нет-нет, – ему, – я не о том!
Кастрат – не всё удачно в нём;
Коль быть расплате за грехом,
Так лучше палка,
Лупите, примирюсь с битьём,
Как мне ни жалко.

Коль ум ваш от хлопот томится,
Так выход есть, готов побиться:
Лишь попадётся вновь девица –
Ведь всё бывает –
Ей всё вручу, как говорится,
И пусть решает».

Тут, сэръ, озлобились совсем;
Я им, такое видя, Тэм,
«Спокойной ночи», а затем
Шасть вон из зала;
Увидел, им по нраву всем
Моя опала.

Послание миссис Скотт,

владелице Уокоп-хауза⁴⁷⁸, в Роксбёргшире

Хозяюшка,
Давнишних дней я помню ход:
Был молод, скромн, безбород;
Впервой попав на ток
Иль день за плугом прошагав
И основательно устав,
Был горд, что взял урок;
Там средь колосьев золотых
Я человеком стал,
И чудной ранью средь других
Любил я и пахал;
Жал вволю, и полю
Оставил ряд копён,
Дал вздору простору –
Дела дневные вон.

Желал (и помню, страстно как),
Желал прожить как здоровяк,
Чтоб грудью не ослаб;
Внести в шотландский бедный дом
Полезный план, иль книжный том,
Иль песню спеть хотя б.

The rough burr-thistle, spreading wide
Amang the bearded bear,
I turn'd the weeder-clips aside,
An' spar'd the symbol dear:
No nation, no station,
My envy e'er could raise;
A Scot still, but blot still,
I knew nae higher praise.

But still the elements o' sang,
In formless jumble, right an' wrang,
Wild floated in my brain;
'Till on that har'st I said before,
May partner in the merry core,
She rous'd the forming strain;
I see her yet, the sonsie quean,
That lighted up my jingle,
Her witching smile, her pawky een
That gart my heart-strings tingle;
I fired, inspired,
At every kindling keek,
But bashing, and dashing,
I feared aye to speak.

Health to the sex! ilk guid chiel says:
Wi' merry dance in winter days,
An' we to share in common;
The gust o' joy, the balm of woe,
The saul o' life, the heaven below,
Is rapture-giving woman.
Ye surly sumphs, who hate the name,
Be mindfu' o' your mither;
She, honest woman, may think shame
That ye're connected with her:
Ye're wae men, ye're nae men
That slight the lovely dears;
To shame ye, disclaim ye,
Ilk honest birkie swears.

For you, no bred to barn and byre,
Wha sweetly tune the Scottish lyre,
Thanks to you for your line:
The marled plaid ye kindly spare,
By me should gratefully be ware;
'Twad please me to the nine.
I'd be mair vauntie o' my hap,
Douce hingin owre my curple,
Than ony ermine ever lap,
Or proud imperial purple.
Farewell then, lang hale then,
An' plenty be your fa;
May losses and crosses
Ne'er at your hallan ca'!

R. Burns
March, 1787

Чертополох повсюду пёр,
Где рос ячмень остистый;
Полол – не трогал этот сор,
Отчизны символ⁴⁷⁹ чистый;
В народе, в природе
Я гордость отыскал;
Раз скотт он, не врёт он –
И выше нет похвал.

Обрывки песенных затей –
Всей кучей в голове моей
Носился их отряд,
Пока той самой жатвы ход
Не свёл с девчонкой в хоровод:
Она дала им лад;
Досель в глазах красotka та,
Что осветила путь:
Колдуют очи и уста,
Щемит восторгом грудь;
Влюблённый, зажжённый
Огнём горящих глаз,
Пугливый, чванливый,
Словечка не припас.

«Восславим милых!» – криков тьма;
Когда толкает в пляс зима,
Нас убеждать не надо;
Веселья пыл, для ран бальзам,
Дух жизни, свод, сошедший к нам, –
В тех, что дают отраду.
Кто ненавидит их, скоты;
Пусть вспомнят о мамаше!
Её – сердца детей пусты –
Родство позорит ваше;
Тоскливый, спесивый –
Он милым для чего?
Поносит, не сносит
Весь добрый люд его.

Вам чужды и амбар, и хлев,
Но мил шотландских лир напев,
Спасибо вам за вкус;
А Ваш подарок, пёстрый плед,
Мной с благодарностью надет,
В нём я милей для муз!
Горжусь куда сильнее, считай,
Укрыв им важно зад,
Чем будь то в складках горностаи;
Так пурпуру не рад.
Прощайте! Не знайте
Ни бедствий, ни хвороб;
Утраты, расплаты
Ваш кров забыли чтоб!

*Р. Бёрнс
март 1787 г.*

Epistle to Hugh Parker

In this strange land, this uncouth clime,
A land unknown to prose or rhyme;
Where words ne'er cross't the Muse's heckles,
Nor limpit in poetic shackles:
A land that Prose did never view it,
Except when drunk he stacher't thro' it;
Here, ambush'd by the chimla cheek,
Hid in an atmosphere of reek,
I hear a wheel thrum i' the neuk,
I hear it – for in vain I leuk.
The red peat gleams, a fiery kernel,
Enhusked by a fog infernal:
Here, for my wonted rhyming raptures,
I sit and count my sins by chapters;
For life and spunk like ither Christians,
I'm dwindled down to mere existence,
Wi' nae converse but Gallowa' bodies,
Wi' nae kenn'd face but Jenny Geddes,
Jenny, my Pegasean pride!
Dowie she saunters down Nithside,
And aye a westlin leuk she throws,
While tears hap o'er her auld brown nose!
Was it for this, wi' cannie care,
Thou bure the Bard through many a shire?
At howes, or hillocks never stumbled,
And late or early never grumbled? –
O had I power like inclination,
I'd heeze thee up a constellation,
To canter with the Sagitarre,
Or loup the ecliptic like a bar;
Or turn the pole like any arrow;
Or, when auld Phoebus bids good-morrow,
Down the zodiac urge the race,
And cast dirt on his godship's face;
For I could lay my bread and kail
He'd ne'er cast saut upo' thy tail. –
Wi' a' this care and a' this grief,
And sma', sma' prospect of relief,
And nought but peat reek i' my head,
How can I write what ye can read? –
Tarbolton, twenty-fourth o' June,
Ye'll find me in a better tune;
But till we meet and weet our whistle,
Tak this excuse for nae epistle.

Robert Burns.

Послание Хью Паркеру⁴⁸⁰

В чудном краю, где климат гадкий
(Стиху и прозе – сплошь загадки),
Где муза не причешет слова,
Не даст хромому рифм оковы,
В краю, где Прозы сроду нету
(Лишь пьянка впустит в местность эту),
Здесь, затаясь у камелька,
Где виснут дыма облака,
Я слышу прялку где-то рядом,
(Я слышу – не отыщешь взглядом);
Торф ал, очаг же той порою
Скрывает пламя адской мглою;
Здесь, где не видно рифмам края,
Сижу, грехи свои считая:
Жизнь, дух (как братья-христиане)
Я снизил до существованья,
Скот галлоузэйский⁴⁸¹ – нету ближе,
Из лиц лишь Дженни Геддес⁴⁸² вижу,
Что за Пегаску мне сойдёт!
Вдоль речки Нит⁴⁸³ она бредёт,
И взор к закату как прирос,
Нос – старый, тёмный – в токе слёз!
К чему о барде тьма заботы –
Сквозь графства пронесла его ты?
В холмах и ямах не споткнулась,
Ни разу там не чертыхнулась?
Имей такую силу здесь я,
Тебя бы поднял до созвездья:
С Центавром лихо проскакать,
Эклиптику⁴⁸⁴ с разбегу взять;
Иль полюс повернуть, как стрелку,
Иль с Фебом⁴⁸⁵ напраказить мелко:
По зодиаку гнать под гик,
Забрызгав грязью божий лик
(Едой клянусь – обед мой прост –
Феб не посыпет солью хвост).
Когда в тоске, заботах путь,
Надежд на избавленье – чуть,
Дым торфяной совсем извёл,
Что написать, чтоб ты прочёл?
Двадцать четвёртое, июнь,
Тарболтон, встреча, я – без нюнь;
Хлебнём – и наскребёшь ума
Простить за то, что нет письма.

Роберт Бёрнс

Epistle to Robert Graham, Esq., of Fintry

Requesting a Favour

When Nature her great master-piece design'd,
And fram'd her last, best work, the human mind,
Her eye intent on all the mazy plan,
She form'd of various parts the various Man.

Then first she calls the useful many forth;
Plain plodding Industry, and sober Worth:
Thence peasants, farmers, native sons of earth,
And merchandise' whole genus take their birth:
Each prudent cit a warm existence finds,
And all mechanics' many-apron'd kinds.
Some other rarer sorts are wanted yet,
The lead and buoy are needful to the net:
The caput mortuum of grnss desires
Makes a material for mere knights and squires;
The martial phosphorus is taught to flow,
She kneads the lumpish philosophic dough,
Then marks th' unyielding mass with grave designs,
Law, physic, politics, and deep divines;
Last, she sublimes th' Aurora of the poles,
The flashing elements of female souls.

The order'd system fair before her stood,
Nature, well pleas'd, pronounc'd it very good;
But ere she gave creating labour o'er,
Half-jest, she tried one curious labour more.
Some spumy, fiery, ignis fatuus matter,
Such as the slightest breath of air might scatter;
With arch-alacrity and conscious glee,
(Nature may have her whim as well as we,
Her Hogarth-art perhaps she meant to show it),
She forms the thing and christens it – a Poet:
Creature, tho' oft the prey of care and sorrow,
When blest to-day, unmindful of to-morrow;
A being form'd t' amuse his graver friends,
Admir'd and prais'd-and there the homage ends;
A mortal quite unfit for Fortune's strife,
Yet oft the sport of all the ills of life;
Prone to enjoy each pleasure riches give,
Yet haply wanting wherewithal to live;
Longing to wipe each tear, to heal each groan,
Yet frequent all unheeded in his own.

But honest Nature is not quite a Turk,
She laugh'd at first, then felt for her poor work:
Pitying the propless climber of mankind,
She cast about a standard tree to find;
And, to support his helpless woodbine state,
Attach'd him to the generous, truly great:
A title, and the only one I claim,
To lay strong hold for help on bounteous Graham.

Послание Роберту Грэму⁴⁸⁶, эсквайру, в Финтри́

с просьбой о поддержке

Когда Природа в труд великий свой
Добавила для блеска ум людской,
И взор её нашёл, что план нехуд,
Из разного слепила разный люд.

Сперва полезных вызвала вперёд:
Промышленность в трудах, и трезв Доход;
Потом нашла крестьян, сынов земли,
И сразу же товары потекли;
Затем благоразумных горожан
(Механику любому фартук дан).
Искать сорта пореже ей с руки:
Сетям нужны грузила и буйки;
Желаний *saput mortuum*⁴⁸⁷ ей дал
Для рыцарей и сквайров матерьял;
Потёк военный фосфор без словес;
Нудь философий пущена в замес,
Из массы твёрдой, марки непростой, –
Законник, врач, политик и святой;
И, наконец, Аврору обнаружь
В пылающем составе женских душ.

Предстал порядок, ясен и хорош,
Природа рада: лучше не найдёшь,
Но перед тем, как завершить всё тут,
Добавила – не в шутку ль? – некий труд.
Огонь, пена, *ignis fatuus*⁴⁸⁸ – морока
Ничтожна для зефирного потока;
Веселья лёгкость, польза кутерьмы
(Каприз Природа может, как и мы,
Являть – и в духе Хогарта⁴⁸⁹, при этом):
Слепила нечто, окрестив Поэтом;
Тварь эта, пусть грустит или хлопочет,
Сейчас сыта – про завтра знать не хочет;
Серьёзных развлекать должна друзей:
Те млеют, хвалят – и в расчёте с ней;
К борьбе с Судьбой талантов в смертном нет,
Но часто весел он в обилие бед;
Рад негам, что богатство лишь даёт,
Пусть вынужден хоть где искать доход;
Утрёт все слёзы, слышит каждый стон –
Хоть часто о своих не помнит он.

Но честная Природа не дика:
Смех смехом, пожалела чудака;
Подпорок нет – решила потому
Надёжную опору дать ему;
Беспомощно, как жимолость, он сник –
Будь щедрым тот, кто истинно велик;
О книге, лишь о ней прошу, меж тем,
Надеясь, что поможет добрый Грэм.

Pity the tuneful Muses' hapless train,
 Weak, timid landsmen on life's stormy main!
 Their hearts no selfish stern absorbent stuff,
 That never gives – tho' humbly takes enough;
 The little fate allows, they share as soon,
 Unlike sage proverb'd Wisdom's hard-wrung boon:
 The world were blest did bliss on them depend,
 Ah, that "the friendly e'er should want a friend!"
 Let Prudence number o'er each sturdy son,
 Who life and wisdom at one race begun,
 Who feel by reason and who give by rule,
 (Instinct's a brute, and sentiment a fool!)
 Who make poor "will do" wait upon "I should" –
 We own they're prudent, but who feels they're good?
 Ye wise ones hence! ye hurt the social eye!
 God's image rudely etch'd on base alloy!
 But come ye who the godlike pleasure know,
 Heaven's attribute distinguished – to bestow!
 Whose arms of love would grasp the human race:
 Come thou who giv'st with all a courtier's grace;
 Friend of my life, true patron of my rhymes!
 Prop of my dearest hopes for future times.
 Why shrinks my soul half blushing, half afraid,
 Backward, abash'd to ask thy friendly aid?
 I know my need, I know thy giving hand,
 I crave thy friendship at thy kind command;
 But there are such who court the tuneful Nine –
 Heavens! should the branded character be mine!
 Whose verse in manhood's pride sublimely flows,
 Yet vilest reptiles in their begging prose.
 Mark, how their lofty independent spirit
 Soars on the spurning wing of injured merit!
 Seek not the proofs in private life to find
 Pity the best of words should be but wind!
 So, to heaven's gates the lark's shrill song ascends,
 But grovelling on the earth the carol ends.
 In all the clam'rous cry of starving want,
 They dun Benevolence with shameless front;
 Oblige them, patronise their tinsel lays –
 They persecute you all your future days!
 Ere my poor soul such deep damnation stain,
 My horny fist assume the plough again,
 The pie-bald jacket let me patch once more,
 On eighteenpence a week I've liv'd before.
 Tho', thanks to Heaven, I dare even that last shift,
 I trust, meantime, my boon is in thy gift:
 That, plac'd by thee upon the wish'd-for height,
 Where, man and nature fairer in her sight,
 My Muse may imp her wing for some sublimer flight.

Муз хвост певучий тягостно зачах:
 Люд робкий, вялый в жизненных штормах!
 Среди них нет чванных, жёстких, жадных душ,
 Что не дают – горады взять, к тому ж;
 Как мало нужно им, в конце концов,
 В отличие от важных мудрецов:
 Обрадовать, и счастлив мир вокруг,
 Ведь «дружелюбным вечно нужен друг»!
 Благоразумье с каждым сильным будь,
 Кто с мудростью сверяет жизни путь,
 В чьём чувстве ум, в даянье правил знак
 (Инстинкт ведь скот, а сентимент – дурак!);
 «Я должен» – да, а «надо б» – до поры...
 Благоразумны; только сколь добры?
 Прочь, мудрые! Мозолите вы глаз!
 Лик Божий врезан в медный сплав у вас!
 Придите те, кто знает благодать;
 У Неба свойство главное – давать!
 Придите те, кто мир весь обоймёт,
 Те, кто с придворной грацией даёт;
 Мой добрый друг, патрон стихов моих!
 Упрочь надежды, что издам я их!
 Что ж душу жмёт – боязнь и робость в ней –
 Просить мешая помощи твоей?
 Ведь есть нужда, и есть твоя рука,
 Что в дружбе поведёт наверняка;
 Но есть и те, кто судит пенье муз
 (Я, к счастью, не несу позорный груз!),
 Чей величав и мужественен стих –
 Кто гад ползучий в прозе дел своих.
 Заметь, как их высокий, вольный дух
 Парит, с презревших крыл к заслугам глух!
 Где подтвержденье? Право, не готов
 Истратить даром уйму лучших слов!
 Трель жаворонка – к Небу на крыле,
 Ползучий гимн жизнь кончит на земле.
 Среди голодных воплей, в свой черёд,
 Благожелательность с бесстыдством прёт;
 Потрафь делам мишурного певца –
 Преследовать он будет без конца!

Чем душу пачкать мерзостью потуг,
 Мозолистой рукой нажму на плуг,
 Ещё заплаток куртка наберёт:
 Шесть шиллингов за месяц был доход.
 Рискнул я, слава Богу, в этот раз
 И, верю, дар твой выручит сейчас,
 Достигнув столь желательных высот:
 Людей и мир прекрасными найдёт,
 Крыло подлечит муза – и в полёт!

Epistle to Dr. Blacklock

Ellisland, 21st Oct., 1789

Wow, but your letter made me vauntie!
And are ye hale, and weel and cantie?
I ken'd it still, your wee bit jauntie
 Wad bring ye to:
Lord send you aye as weel's I want ye!
 And then ye'll do.

The ill-thief blaw the Heron south!
And never drink be near his drouth!
He tauld myself by word o' mouth,
 He'd tak my letter;
I lippen'd to the chiel in trouth,
 And bade nae better.

But aiblins, honest Master Heron
Had, at the time, some dainty fair one
To ware this theologic care on,
 And holy study;
And tired o' sauls to waste his lear on,
 E'en tried the body.

But what d'ye think, my trusty fere,
I'm turned a gauger-Peace be here!
Parnassian queans, I fear, I fear,
 Ye'll now disdain me!
And then my fifty pounds a year
 Will little gain me.

Ye glaikit, gleesome, dainty damies,
Wha, by Castalia's wimplin streamies,
Lowp, sing, and lave your pretty limbies,
 Ye ken, ye ken,
That strang necessity supreme is
 'Mang sons o' men.

I hae a wife and twa wee laddies;
They maun hae brose and brats o' duddies;
Ye ken yoursels my heart right proud is –
 I need na vaunt
But I'll sned besoms, thraw saugh woodies,
 Before they want.

Lord help me thro' this warld o' care!
I'm weary sick o't late and air!
Not but I hae a richer share
 Than mony ithers;
But why should ae man better fare,
 And a' men brithers?

Послание доктору Блэкклоку⁴⁹⁰

Эллисленд, 21 октября 1789 г.

Письмом от Вас как горд я, боже!
Здорова плоть, дух весел тоже?
Поездка помогла, похоже,
 Окрепнуть Вам;
Дай Вам Господь всего того же,
 Что дал бы сам!

Чёрт гонит Херона⁴⁹¹ на юг!
Теперь там выпивке каюк!
Пообещал, что без натуг
 Доставит почту;
Доверился: надёжный друг
 Решил помочь-то!

Но Херон, надо ж так случиться,
Нашёл пригожую девицу;
Он людям богословом мнится,
 Притом умелым;
Устал над душами трудиться
 И занят телом.

Ищу поддержки в верном друге:
Я стал акцизным⁴⁹² – мир окруте!
Боюсь, парнасские подруги⁴⁹³
 Презрят отныне!
Полсотни фунтов за услуги –
 Конец кручине.

Красотки, не судите всуе;
Кастальские где вьются струи⁴⁹⁴,
Вольно́ являть вам плоть живую;
 Известно ж вам:
Нужда гнёт спину хоть какую
 Людским сынам.

При мне жена, парнишек двое;
Еда, тряпье им хоть какое –
Я ими горд в душе, не скрою,
 Без хвастовства –
Заняться мётлами, лозою?
 Жизнь такова.

Дай Бог снести, что нёс дотолё!
Устал, и сил уж нету боле!
Люд жив при много худшей доле,
 Могу сказать я;
Так почему не есть всем вволю,
 Раз все мы братья?

Come, Firm Resolve, take thou the van,
Thou stalk o' carl-hemp in man!
And let us mind, faint heart ne'er wan
 A lady fair:
Wha does the utmost that he can,
 Will whiles do mair.

But to conclude my silly rhyme
(I'm scant o' verse and scant o' time),
To make a happy fireside clime
 To weans and wife,
That's the true pathos and sublime
 Of human life.

My compliments to sister Beckie,
And eke the same to honest Lucky;
I wat she is a daintie chuckie,
 As e'er tread clay;
And gratefully, my gude auld cockie,
 I'm yours for aye.

Robert Burns.

Epistle to James Tennant of Glenconner

Auld comrade dear, and brither sinner,
How's a' the folk about Glenconner?
How do you this blae eastlin wind,
That's like to blaw a body blind?
For me, my faculties are frozen,
My dearest member nearly dozen'd.
I've sent you here, by Johnie Simson,
Twa sage philosophers to glimpse on;
Smith, wi' his sympathetic feeling,
An' Reid, to common sense appealing.
Philosophers have fought and wrangled,
An' meikle Greek an' Latin mangled,
Till wi' their logic-jargon tir'd,
And in the depth of science mir'd,
To common sense they now appeal,
What wives and wabsters see and feel.
But, hark ye, friend! I charge you strictly,
Peruse them, an' return them quickly:
For now I'm grown sae cursed douce
I pray and ponder butt the house;
My shins, my lane, I there sit roastin',
Perusing Bunyan, Brown, an' Boston,
Till by an' by, if I haud on,
I'll grunt a real gospel-groan:
Already I begin to try it,
To cast my e'en up like a pyet,

Приди, Решение, поведи,
Стань гордостью в мужской груди!
И вспомним: духом слаб – не жди
 Прекрасной дамы;
Кто жилы рвёт, зрит впереди
 Труд главный самый.

Пусть будет глупый стих допет
(Спешу, не сложен он как след),
Пусть у огня не знает бед
 Моя семья –
Важнее в жизни дела нет,
 Уверен я.

Сестрице Бекки шлю приветы,
Везунье⁴⁹⁵ тоже (по секрету:
Нет среди кур, известных свету,
 Таких мамаш);
Обязан Петушку – слов нету;
 Навеки Ваш

Роберт Бёрнс

Послание Джеймсу Теннанту⁴⁹⁶ из Гленкённера

Мой старый друг, брат-грешник гадкий,
Всё ль там, в Гленконнере, в порядке?
Морской восточный ветерок
Порывом сдуть тебя не смог?
Мои таланты охладели,
Любимый член жив еле-еле.
Доставит Джони Симсон⁴⁹⁷ на дом
Двух мудрецов; окинь их взглядом:
Сочувствие терзает Смита,
Зовёт Рид⁴⁹⁸ к разуму сердито.
Умы в боях проводят встречи,
Латынь и греческий калеча,
Пока, от слов устав до муки
И погрузившись в топь науки,
Явить не призовут нас разум,
Что мил ткачам и жёнам разом.
Но слушай, друг! Нет слов прямее!
Прочтёшь их, возврати скорее:
Я посерьёзнел (сплюнь да ухни),
Молюсь и думаю на кухне;
Там жарю рульку (это просто),
Со мною Беньян, Браун и Бостон⁴⁹⁹,
И, если уцелею сам,
То стон евангельский издам;
Уже я приступил к мороке,
Глаза теперь, как у сороки:

When by the gun she tumbles o'er
Flutt'ring an' gasping in her gore:
Sae shortly you shall see me bright,
A burning an' a shining light.

My heart-warm love to guid auld Glen,
The ace an' wale of honest men:
When bending down wi' auld grey hairs
Beneath the load of years and cares,
May He who made him still support him,
An' views beyond the grave comfort him;
His worthy fam'ly far and near,
God bless them a' wi' grace and gear!

My auld schoolfellow, Preacher Willie,
The manly tar, my mason-billie,
And Auchenbay, I wish him joy,
If he's a parent, lass or boy,
May he be dad, and Meg the mither,
Just five-and-forty years thegither!
And no forgetting wabster Charlie,
I'm tauld he offers very fairly.
An' Lord, remember singing Sannock,
Wi' hale breeks, saxpence, an' a bannock!
And next, my auld acquaintance, Nancy,
Since she is fitted to her fancy,
An' her kind stars hae airted till her
gA guid chiel wi' a pickle siller.
My kindest, best respects, I sen' it,
To cousin Kate, an' sister Janet:
Tell them, frae me, wi' chiels be cautious,
For, faith, they'll aiblins fin' them fashious;
To grant a heart is fairly civil,
But to grant a maidenhead's the devil.
An' lastly, Jamie, for yoursel,
May guardian angels tak a spell,
An' steer you seven miles south o' hell:
But first, before you see heaven's glory,
May ye get mony a merry story,
Mony a laugh, and mony a drink,
And aye eneugh o' needfu' clink.

Now fare ye weel, an' joy be wi' you:
For my sake, this I beg it o' you,
Assist poor Simson a' ye can,
Ye'll fin' him just an honest man;
Sae I conclude, and quat my chanter,
Your's, saint or sinner,

Rob the Ranter.

Казалось, птаха век живи,
Но сбита и дрожит в крови;
Ты мой увидишь, прощя нет,
Пылающий и яркий свет.

Теплом души моей согрет
Будь старый Глен⁵⁰⁰ (достойней нет);
Когда, седой, пригнут идёт
Под грузом века и забот,
Найдёт пусть помощь в Высшей Силе,
А в должный час – покой в могиле;
И не оставь семейство, Боже,
Без благодати и одёжи!

А пастор Вилли, друг по школе, –
Мне брат-масон, моряк, тем боле;
Ты, Окенбей, будь весел, слышь:
Родись малышка иль малыш,
Быть вам с мамашей славной Мэгги
Лет сорок пять в совместном беге!
И Чарли, ткач, забываем;
Как обещать он любит, знаем.
Спел Сэннок – дай, Господь, немножко:
Штаны, шесть пенсов и лепёшку!
Подружку Нэнси не забуду:
Раз уцепилась за причуду,
От звёзд ей нужен, не иначе,
Жених и денежка впридачу.
Мои приветы кто отменит
Кузине Кейт, сестрице Джэнет?
Пусть будут строги с молодцами,
Не то, ей-ей, заплачут сами;
Сердечко в дар – вполне невинно,
В дар непорочность – чертовщина.
И, наконец, ты, Джеми, сам:
В охрану ангела я дам,
Чтоб ад – в сторонке, где-то там;
Но прежде, с вечностью не споря,
Узнай весёлых тьму историй,
Знай смех, и пить умеи как след,
И не останься без монет.

Прощай, во всём тебе удачи –
Раз я о том прошу, тем паче;
Знай помощь, Симсон: твой патрон –
Благочестив и честен он;
Кончает тем (момент удобен)
Твой бард – святой ли, грешный –
Робин.

Election Ballad

At the close of the contest for representing the Dumfries Burghs, 1790.
Addressed to R. Graham, Esq. of Fintry

Fintry, my stay in wordly strife,
Friend o' my muse, friend o' my life,
Are ye as idle's I am?
Come then, wi' uncouth kintra fleg,
O'er Pegasus I'll fling my leg,
And ye shall see me try him.

But where shall I go rin a ride,
That I may splatter nane beside?
I wad na be uncivil:
In manhood's various paths and ways
There's aye some doytin' body strays,
And I ride like the devil.

Thus I break aff wi' a' my birr,
And down yon dark, deep alley spur,
Where Theologics daunder:
Alas! curst wi' eternal fogs,
And damn'd in everlasting bogs,
As sure's the creed I'll blunder!

I'll stain a band, or jaup a gown,
Or rin my reckless, guilty crown
Against the haly door:
Sair do I rue my luckless fate,
When, as the Muse an' Deil wad hae't,
I rade that road before.

Suppose I take a spurt, and mix
Amang the wilds o' Politics –
Electors and elected,
Where dogs at Court (sad sons of bitches!)
Septennially a madness touches,
Till all the land's infected.

All hail! Drumlanrig's haughty Grace,
Discarded remnant of a race
Once godlike-great in story;
Thy forbears' virtues all contrasted,
The very name of Douglas blasted,
Thine that inverted glory!

Hate, envy, oft the Douglas bore,
But thou hast superadded more,
And sunk them in contempt;
Follies and crimes have stain'd the name,
But, Queensberry, thine the virgin claim,
From aught that's good exempt!

Выборная баллада

по завершении соперничества 1790 года за представление Дамфриса
в Парламенте, адресованная Р. Грэму⁵⁰¹, эсквайру Финтри

Финтри, заслон от бурь мирских,
И музы друг, и дней моих,
Есть время на беседу?
Приди: по-сельски, уж прости,
Готов Пегас меня нести,
Увидишь, как поеду.

Но где же гнать конька того,
Чтоб не забрызгать никого?
Невежей быть негоже:
По всем дорогам ходит люд,
И пьяные по тракту прут,
Скачу же, с чёртом схоже.

Покончив с лихостью своей,
Я припустил во тьму аллей,
Где бродят богословы;
Увы! Туман с пути нейдёт,
И, окаянных средь болот, –
Вот-вот – задел основы!

На лентах⁵⁰² сор, на рясе грязь,
Спешить, в бездумье повинясь,
К священному порогу?
В тоске судьбою буду смят,
Коль муза с чёртом вновь решат
Толкнуть на ту дорогу.

Представь: рванул я, а кругом
Сплелись политики клубком –
Избрать или избратся;
Придворным сукиным детишкам
В семь лет раз⁵⁰³ бешенство – не слишком,
Вольно́ нам заражаться.

Привет, Драмла́нриг⁵⁰⁴! Ты спесив;
Остатки рода оскорбив,
Что был богоподобен,
Контрастом препаскудным стал;
Ах, если б только Даглас⁵⁰⁵ знал,
Сколь ты бесславно злобен!

Гнев, зависть Даглас выносил,
Дополнить их достало сил –
Теперь, топя, презришь;
Марали имя глупость, грех,
Но, Квинсберри⁵⁰⁶, ты чище всех
Уж тем, что не юлишь!

I'll sing the zeal Drumlanrig bears,
Who left the all-important cares
 Of princes, and their darlings:
And, bent on winning borough touns,
Came shaking hands wi' wabster-loons,
 And kissing barefit carlins.

Combustion thro' our boroughs rode,
Whistling his roaring pack abroad
 Of mad unmuzzled lions;
As Queensberry blue and buff unfurl'd,
And Westerha' and Hopetoun hurled
 To every Whig defiance.

But cautious Queensberry left the war,
Th' unmanner'd dust might soil his star,
 Besides, he hated bleeding:
But left behind him heroes bright,
Heroes in Caesarean fight,
 Or Ciceronian pleading.

O for a throat like huge Mons-Meg,
To muster o'er each ardent Whig
 Beneath Drumlanrig's banner;
Heroes and heroines commix,
All in the field of politics,
 To win immortal honour.

M'Murdo and his lovely spouse,
(Th' enamour'd laurels kiss her brows!)
 Led on the Loves and Graces:
She won each gaping burgess' heart,
While he, sub rosa, played his part
 Amang their wives and lasses.

Craigdarroch led a light-arm'd core,
Tropes, metaphors, and figures pour,
 Like Hecla streaming thunder:
Glenriddel, skill'd in rusty coins,
Blew up each Tory's dark designs,
 And bared the treason under.

In either wing two champions fought;
Redoubted Staig, who set at nought
 The wildest savage Tory;
And Welsh who ne'er yet flinch'd his ground,
High-wav'd his magnum-bonum round
 With Cyclopeian fury.

Miller brought up th' artillery ranks,
The many-pounders of the Banks,
 Resistless desolation!
While Maxwelton, that baron bold,
'Mid Lawson's port entrench'd his hold,
 And threaten'd worse damnation.

Я б пыл Драмланрига воспел,
Который, бросив кучу дел
 (Как принцев рой горюет!),
Куёт успех по городкам,
Жмёт руки лодырям-ткачам,
 Босых старух целует.

Те городки теперь в огне,
Рык львиный, слышный там вполне,
 Окрестностей достиг;
Где Квинсберри штандарт расцвёл,
Несутся Хоуптон, Вестерхолл⁵⁰⁷
 Туда, где лезет виг⁵⁰⁸.

Но чуткий Квинсберри тотчас
Удрал: звезду от грязи спас
 (Кровища, боже правый!),
Но места был лишён судьбой
Средь тех, кого вёл Цезарь в бой,
 Иль Цицерона славы.

Взревёт, могуч, Монс-Мег⁵⁰⁹, и вмиг
Сберёт колонны пылкий виг
 Под Драмланрига стяги,
Смешав героев, героинь,
Явив политикам, прикинь,
 Бессмертие отваги.

Макмёрдоу⁵¹⁰ с милою женой
(Увит будь лавром лобик той!)
 Творили, что в их силах:
Она влюбляла горожан,
А он, sub rosa⁵¹¹, вился, рьян,
 Среди их жён и милых.

Крейгдэррох⁵¹² лёгкий вёл отряд
Троп, рифм, метафор – всё подряд,
 Как Гекла⁵¹³, громыхая;
Гленриддел⁵¹⁴ же, знаток монет,
Всех тори⁵¹⁵ видел на просвет,
 Измену обнажая.

Был парой каждый фланг хорош:
Ужасный Стейг⁵¹⁶ не ставил в грош
 Визжащих дико тори,
А Уэлш⁵¹⁷, не уступавший троп,
Махал весёлкой, как Циклоп,
 Грозю насевшей своре.

Вот Миллер⁵¹⁸ наволоку мортир,
Наш многофунтовый банкир;
 Сопротивленье зряшно!
Отважен Максвелтон⁵¹⁹, барон:
Портвейном Лоусона⁵²⁰ пленён,
 Врагов ругает страшно.

To these what Tory hosts oppos'd
With these what Tory warriors clos'd
 Surpasses my describing;
Squadrons, extended long and large,
With furious speed rush to the charge,
 Like furious devils driving.

What verse can sing, what prose narrate,
The butcher deeds of bloody Fate,
 Amid this mighty tulyie!
Grim Horror girn'd, pale Terror roar'd,
As Murder at his thrapple shor'd,
 And Hell mix'd in the brulzyie.

As Highland craigs by thunder cleft,
When lightnings fire the stormy lift,
 Hurl down with crashing rattle;
As flames among a hundred woods,
As headlong foam from a hundred floods,
 Such is the rage of Battle.

The stubborn Tories dare to die;
As soon the rooted oaks would fly
 Before th' approaching fellers:
The Whigs come on like Ocean's roar,
When all his wintry billows pour
 Against the Buchan Bullers.

Lo, from the shades of Death's deep night,
Departed Whigs enjoy the fight,
 And think on former daring:
The muffled murtherer of Charles
The Magna Charter flag unfurls,
 All deadly gules its bearing.

Nor wanting ghosts of Tory fame;
Bold Scrimgeour follows gallant Graham;
 Auld Covenanters shiver –
Forgive! forgive! much-wrong'd Montrose!
Now Death and Hell engulf thy foes,
 Thou liv'st on high for ever.

Still o'er the field the combat burns,
The Tories, Whigs, give way by turns;
 But Fate the word has spoken:
For woman's wit and strength o'man,
Alas! can do but what they can;
 The Tory ranks are broken.

O that my een were flowing burns!
My voice, a lioness that mourns
 Her darling cubs' undoing!
That I might greet, that I might cry,
While Tories fall, while Tories fly,
 And furious Whigs pursuing!

Но тем, кто вёл на тори рать,
Пришлось от тори удирать;
 Не описать, поверьте,
Как конники – клинки подвысь! –
На них в атаку понеслись,
 Что бешеные черти.

Стихов ли, прозы беден слог:
Стал мясником кровавый Рок
 Средь этой жуткой схватки!
Страх зубы щерит, Ужас – в рык,
Убийство тискает кадык,
 И ад вклад вносит гадкий!

Как колет гром утёс в горах,
Когда сполохи в небесах,
 И грохоту нет края;
Как сто лесов в огне ревут,
Как пеной сто потоков бьют, –
 В сражение ярь такая.

Упрямец-тори смеет пасть?
Скорей бы роцца ввысь взвилась,
 Завидев лесоруба;
Но виг, как океан ревёт,
Когда прибоем хладным бьёт
 В причал, обшитый грубо.

Гляди: из тьмы из гробовой
Ликут виги, видя бой,
 Былой гордятся славой;
Казнившим Карла⁵²¹ славно так
Зреть Хартии Великой ⁵²² стяг
 Убийственно-кровавый.

Здесь славы тори дух, меж тем:
Бьёт Скримжер⁵²³ – убегает Грэм⁵²⁴;
 Дрожь в ковенантском строе⁵²⁵...
Монтроз⁵²⁶ оболганный, прости!
Врагов зрим в пекло на пути,
 Остался ты героем.

А битва, промеж тем, идёт,
То виг, то тори верх берёт;
 Но кто Судьбу оспорит?
В ней женский ум, напор мужской
Родят, увы, вердикт такой:
 Разбиты в схватке тори.

О слёз ручьи – поди их спрячь!
Мой голос, словно львицы плач
 По убиенным лъвьятам!
Могу стонать при виде бед,
Ведь тори пали, стойких нет,
 А вигов раж – куда там!

What Whig but melts for good Sir James,
Dear to his country, by the names,
 Friend, Patron, Benefactor!
Not Pulteney's wealth can Pulteney save;
And Hopetoun falls, the generous, brave;
 And Stewart, bold as Hector.

Thou, Pitt, shalt rue this overthrow,
And Thurlow growl a curse of woe,
 And Melville melt in wailing:
Now Fox and Sheridan rejoice,
And Burke shall sing, "O Prince, arise!
 Thy power is all-prevailing!"

For your poor friend, the Bard, afar
He only hears and sees the war,
 A cool spectator purely!
So, when the storm the forest rends,
The robin in the hedge descends,
 And sober chirps securely.

Now, for my friends' and brethren's sakes,
And for my dear-lov'd Land o' Cakes,
 I pray with holy fire:
Lord, send a rough-shod troop o' Hell
O'er a' wad Scotland buy or sell,
 To grind them in the mire!

Second Epistle to Robert Graham, Esq., of Fintry

Late crippl'd of an arm, and now a leg,
About to beg a pass for leave to beg;
Dull, listless, teas'd, dejected, and deprest
(Nature is adverse to a cripple's rest);
Will generous Graham list to his Poet's wail?
(It soothes poor Misery, hearkening to her tale)
And hear him curse the light he first survey'd,
And doubly curse the luckless rhyming trade?
 Thou, Nature! partial Nature, I arraign;
Of thy caprice maternal I complain;
The lion and the bull thy care have found,
One shakes the forests, and one spurns the ground;
Thou giv'st the ass his hide, the snail his shell;
Th' envenom'd wasp, victorious, guards his cell;
Thy minions kings defend, control, devour,
In all th' omnipotence of rule and power;
Foxes and statesmen subtile wiles ensure;
The cit and polecat stink, and are secure;
Toads with their poison, doctors with their drug,
The priest and hedgehog in their robes, are snug;
Ev'n silly woman has her warlike arts,
Her tongue and eyes-her dreaded spear and darts.

Сэр Джеймс⁵²⁷, добряк, нанёс урон,
Но виги помнят: краю он –
Патрон и благодетель!
Не вывез Палтни⁵²⁸ капитал,
И храбрый, щедрый Хоуптон пал,
И Стюарт-Гектор⁵²⁹ в сети.

Ты, Питт⁵³⁰, оплачешь этот крах,
А Тёрлоу⁵³¹ проклянёт, в сердцах;
Весть Мелвилла⁵³² скосила;
Пей, Шеридан⁵³³, и Фокс⁵³⁴, буянь;
А Бёрк⁵³⁵ споёт: «О принц, восстань!
Твоя довлеет сила!»

Бард, бедный друг твой, удалён:
Войну лишь слышит, видит он,
Холодный наблюдатель!
Поскольку «Робин» значит «дрозд»⁵³⁶,
В кустарнике я занял пост –
Спокоен щебет, кстати.

Люблю вас, братья и друзья,
Лепёшек Край – земля моя,
Молю в святой заботе:
Господь, нашли чертей на гнид,
Чей торг Шотландию язвит,
Чтоб утопить в болоте!

Второе послание Роберту Грэму⁵³⁷, эсквайру Финтри́

Попортил руку, ногу сбил теперь –
Просить бумагу, да из двери в дверь⁵³⁸;
Туп, вял, уныл, задражен, угнетён
(Гнобить калек Природе есть резон);
Поэта вопль услышит щедрый Грэм
(Напасть излиться рада хоть пред кем)?
Проклятья на бездушный белый свет
И вдвое – что удачи в рифмах нет?
Пристрастная Природа! Не приму
Каприз мамыши к чаду своему;
И лев, и бык обласканы тобой:
Один царь чащи, топчет луг другой;
Осёл при шкуре, дан улитке дом,
У злой осы гнездо – не тронуть в нём;
Любимцам – корм, защита, честь по чести,
И верховенство права с властью вместе;
Хитры политик с лисом, краю нету,
Вонь бережёт хорька, а с ним циветту⁵³⁹;
Пилюли у врача, у жабы яд,
Попу с ежом удобен их наряд;
Вооружить и дуру Бог сумел:
Язык, глаза страшней копья и стрел.

But Oh! thou bitter step-mother and hard,
To thy poor, fenceless, naked child – the Bard!
A thing unteachable in world's skill,
And half an idiot too, more helpless still:
No heels to bear him from the op'ning dun;
No claws to dig, his hated sight to shun;
No horns, but those by luckless Hymen worn,
And those, alas! not, Amalthea's horn:
No nerves olfact'ry, Mammon's trusty cur,
Clad in rich Dulness' comfortable fur;
In naked feeling, and in aching pride,
He bears th' unbroken blast from ev'ry side:
Vampyre booksellers drain him to the heart,
And scorpion critics cureless venom dart.

Critics-appall'd, I venture on the name;
Those cut-throat bandits in the paths of fame:
Bloody dissectors, worse than ten Monroes;
He hacks to teach, they mangle to expose:

His heart by causeless wanton malice wrung,
By blockheads' daring into madness stung;
His well-won bays, than life itself more dear,
By miscreants torn, who ne'er one sprig must wear;
Foil'd, bleeding, tortur'd in th' unequal strife,
The hapless Poet flounders on thro' life:
Till, fled each hope that once his bosom fir'd,
And fled each muse that glorious once inspir'd,
Low sunk in squalid, unprotected age,
Dead even resentment for his injur'd page,
He heeds or feels no more the ruthless critic's rage!

So, by some hedge, the gen'rous steed deceas'd,
For half-starv'd snarling curs a dainty feast;
By toil and famine wore to skin and bone,
Lies, senseless of each tugging bitch's son.

O Dulness! portion of the truly blest!
Calm shelter'd haven of eternal rest!
Thy sons ne'er madden in the fierce extremes
Of Fortune's polar frost, or torrid beams.
If mantling high she fills the golden cup,
With sober selfish ease they sip it up;
Conscious the bounteous meed they well deserve,
They only wonder "some folks" do not starve.
The grave sage hern thus easy picks his frog,
And thinks the mallard a sad worthless dog.
When disappointments snaps the clue of hope,
And thro' disastrous night they darkling grope,
With deaf endurance sluggishly they bear,
And just conclude that "fools are fortune's care."
So, heavy, passive to the tempest's shocks,
Strong on the sign-post stands the stupid ox.

Not so the idle Muses' mad-cap train,

Но, мачеха, творишь ты произвол:
 Бард-пасынок нищ, беззащитен, гол!
 Ему наука мира впрок нейдёт,
 Беспомощен – ну, полуидиот;
 Столь хил, что никуда не убежит,
 Когтей нет рыть – и скрыть свой мерзкий вид;
 Безрог, но Гименей⁵⁴⁰ беде помог
 (Рога, увы, не Амальтеи⁵⁴¹ рог);
 Нет нюха, как у псин мамоны тех,
 Что тупы, но роскошный носят мех;
 Чувствителен, болезненно спесив,
 Пинаем отовсюду, он чуть жив;
 Вампир-книготорговец выжал, гад,
 Влил критик-скорпион смертельный яд.

О критик гнусный, Господи прости,
 Головорез у славы на пути!
 Прозектор, хуже Монро⁵⁴² в десять раз:
 Тот учит, этот мучит напоказ;

Рвёт душу барда злоба без причин,
 Безмозгло жалит уйма дурачин;
 Срывают лавры, что дороже жизни,
 Не заслужив листа их, злые слизни;
 В крови, в неравном изнурён бою,
 Поэт едва бредёт сквозь жизнь свою,
 Пока, надежды всяческой лишён,
 Ещё и музы не лишится он;
 В глубинах грязных беззащитных лет,
 Где и на клевету обиды нет,
 Ярь критиков не чует он средь бед!

Так добрый конь в иной уходит мир
 (Задать полуголодным шавкам пир);
 Труд, голод – он теперь мешок костей;
 Лёг – за узду рвёт даром дуралей.

О Тупость! Ты ведь в чём-то благодать!
 Та гавань, в коей стоит вечность ждать!
 Твоих сынков в бедлам не приведёт
 Ни зной Фортуны, ни полярный лёд.
 Мать золотой наполнила сосуд –
 Те трезво, от себя в захлёбе, пьют;
 Заслужен приз, осознан и неплох;
 Дивятся: «люд», вишь, с голоду не сдох!
 У мудрой цапли полон пруд лягух,
 Крякв жалких не выносит и на дух.
 Когда досада хватать надежд клубок,
 И путь наощупь так от звёзд далёк,
 В терпенье вялом не ускорят ход,
 Заметив лишь: «Пусть дурням повезёт».
 Так, чуют бурь порывы не привык,
 На столб с табличкой тупо смотрит бык.

Не то бездумный шлейф бездельниц-муз:

Not such the workings of their moon-struck brain;
In equanimity they never dwell,
By turns in soaring heav'n, or vaulted hell.
I dread thee, Fate, relentless and severe,
With all a poet's, husband's, father's fear!
Already one strong hold of hope is lost –
Glencairn, the truly noble, lies in dust
(Fled, like the sun eclips'd as noon appears,
And left us darkling in a world of tears);
O! hear my ardent, grateful, selfish pray'r!
Fintry, my other stay, long bless and spare!
Thro' a long life his hopes and wishes crown,
And bright in cloudless skies his sun go down!
May bliss domestic smooth his private path;
Give energy to life; and soothe his latest breath,
With many a filial tear circling the bed of death!

Epistle to John Maxwell, Esq., of Terraughty

On His Birthday.

Health to the Maxwell's veteran Chief!
Health, aye unsour'd by care or grief:
Inspir'd, I turn'd Fate's sibyl leaf,
This natal morn,
I see thy life is stuff o' prief,
Scarce quite half-worn.

This day thou metes threescore eleven,
And I can tell that bounteous Heaven
(The second-sight, ye ken, is given
To ilka Poet)
On thee a tack o' seven times seven
Will yet bestow it.

If envious buckies view wi' sorrow
Thy lengthen'd days on this blest morrow,
May Desolation's lang-teeth'd harrow,
Nine miles an hour,
Rake them, like Sodom and Gomorrah,
In brunstane stour.

But for thy friends, and they are mony,
Baith honest men, and lassies bonie,
May couthie Fortune, kind and cannie,
In social glee,
Wi' mornings blythe, and e'enings funny,
Bless them and thee!

Fareweel, auld birkie! Lord be near ye,
And then the deil, he daurna steer ye:
Your friends aye love, your faes aye fear ye;
For me, shame fa' me,
If neist my heart I dinna wear ye,
While Burns they ca' me.

Помешанным не в тягость мыслей груз;
Народец сроду тихо не живёт:
То горний свод манит, то адский свод.
Боюсь я, Рок, печального конца:
То страх поэта, мужа и отца!
Со мной уже одной надежды нет:
Гленкёрн⁵⁴³, сплошь чист, покинул этот свет
(Затмение солнца в полдень может так
Оставить море слёз и полный мрак).
Внимай мольбе горячей эгоиста!
Финтри, пребудь вовек, сияя чисто!
Пусть чаянья, надежды жизнь продлят,
Будь ярким и безоблачным закат!
Пусть счастье близких сгладит жизни путь,
Даст сил, в последний час утешит грудь,
С одра позволит на детей взглянуть!

Послание Джону Максвеллу⁵⁴⁴, эсквайру Террохти,

ко дню рождения

Здоровья, Максвеллов глава!
В трудах не сникни, голова;
У Рока вызнал я слова
 Уж под рассвет:
Узнал, жизнь Ваша какова,
 Полуодет.

Вам семьдесят один как раз;
Свод щедр, скажу ему сейчас
(Дар ясновиденья у нас,
 Сиречь поэтов):
«Семь раз по семь – его запас,
 Не спутай где-то!»

А зависть коль юнцы узнали,
Взглянув на Вашей жизни дали,
Сгребли их борона Печали
 (Миль девять в час)!
Вот так Содом с Гоморрой пали⁵⁴⁵
 Под серой враз.

Что до друзей – а круг немал их,
Прелестных дев и честных малых –
Пусть Рок (он добрый, не из вялых,
 Он друг проказ)
Благословит в затеях шалых
 Их, как и Вас!

Прощаюсь, друже! Небо с Вами,
Не тронет дьявол Вас когтями;
К друзьям добры, грозны с врагами...
 Признаться, что ли?
Забуду, как близки мне сами, –
 Не Бёрнс я боле!

Epistle from Esopus to Maria

From those drear solitudes and frowsy cells,
Where Infamy with sad Repentance dwells;
Where turnkeys make the jealous portal fast,
And deal from iron hands the spare repast;
Where truant 'prentices, yet young in sin,
Blush at the curious stranger peeping in;
Where strumpets, relics of the drunken roar,
Resolve to drink, nay, half, to whore, no more;
Where tiny thieves not destin'd yet to swing,
Beat hemp for others, riper for the string:
From these dire scenes my wretched lines I date,
To tell Maria her Esopus' fate.
"Alas! I feel I am no actor here!"
'Tis real hangmen real scourges bear!
Prepare Maria, for a horrid tale
Will turn thy very rouge to deadly pale;
Will make thy hair, tho' erst from gipsy poll'd,
By barber woven, and by barber sold,
Though twisted smooth with Harry's nicest care,
Like hoary bristles to erect and stare.
The hero of the mimic scene, no more
I start in Hamlet, in Othello roar;
Or, haughty Chieftain, 'mid the din of arms
In Highland Bonnet, woo Malvina's charms;
While sans-culottes stoop up the mountain high,
And steal from me Maria's prying eye.
Blest Highland bonnet! once my proudest dress,
Now prouder still, Maria's temples press;
I see her wave thy towering plumes afar,
And call each coxcomb to the wordy war:
I see her face the first of Ireland's sons,
And even out-Irish his Hibernian bronze;
The crafty Colonel leaves the tartan'd lines,
For other wars, where he a hero shines:
The hopeful youth, in Scottish senate bred,
Who owns a Bushby's heart without the head,
Comes 'mid a string of coxcombs, to display
That *veni, vidi, vici*, is his way:
The shrinking Bard adown the alley skulks,
And dreads a meeting worse than Woolwich hulks:
Though there, his heresies in Church and State
Might well award him Muir and Palmer's fate:
Still she undaunted reels and rattles on,
And dares the public like a noontide sun.
What scandal called Maria's jaunty stagger
The ricket reeling of a crooked swagger?
Whose spleen (e'en worse than Burns' venom, when
He dips in gall unmix'd his eager pen,
And pours his vengeance in the burning line,) –

Послание Эзопа Марии⁵⁴⁶

Из мест унылых, где вонюч закут,
Где Стыд с Тоской Раскаянья живут,
Где бдительность у стражников в ходу,
Что скудной мерой выдают еду,
Где подмастерье праздный, юн пока,
Смущается под взглядом чужака,
Где девки, изрыгая пьяный дух,
Решают пить в два раза меньше шлюх,
Где воры, что до казни не дошли,
Пеньку знай треплют, зрея для петли, –
От этих жутких сцен шлю жалкий стих,
Мария, о дальнейших днях твоих.
«Увы, я чую: я здесь не актёр!» –
То истинный палач бичи припёр!
Готова будь: ужасный сей рассказ
Собьёт румянец, помертвеешь враз;
Цыганская одолженная прядь –
Цирюльник, подзавив, успел продать –
Ей, чей извив и блеск всяк фат узрит,
Восстать седой щетиной предстоит.
Был прежде я актёришкой без слов –
Стал Гамлетом, издал Отелло рёв;
Вождём надменным, как головорез,
В берете горца я к Мальвине лез,
Покуда в гору санкюлот не пёр⁵⁴⁷,
Укравший у меня Мариин взор.
О мой берет! Тобой гордиться мог,
Теперь на лоб Марии ты налёг;
Взмахнула – и плюмаж взметнулся твой;
Хлыщей зову я на словесный бой:
Среди ирландцев вижу милой лик,
К его ирландской бронзе взгляд приник;
Хитрец-полковник строй шотландский наш
Оставил – и в другом обрёл кураж;
Шотландия сынка шлёт своего
С душою Басби⁵⁴⁸ без башки его:
Решил хлыщам представить как резон,
Что *veni, vidi, vici*⁵⁴⁹ – это он;
Бард, съёжившись, крадётся вдоль аллей,
Боится встречи он душою всей,
Хоть ересью и в церкви, и в стране
Он близок к Мьюру с Палмером⁵⁵⁰ вполне...
А у неё пред залом страху нет,
Бросает вызов, как полдневный свет.
Клевещет кто, что бойкое шатанье
Подсмотрено у чванного созданья?
Кто зло (затмивши даже Бёрнса яд,
Который, в желчь перо макая, рад
Излить своё отмщенье в пламень строк)

Who christen'd thus Maria's lyre-divine
The idiot strum of Vanity bemus'd,
And even the abuse of Poesy abus'd? –
Who called her verse a Parish Workhouse, made
For motley foundling Fancies, stolen or strayed?
Workhouse! ah, that sound awakes my woes,
And pillows on the thorn my rack'd repose!
In durance vile here must I wake and weep,
And all my frowsy couch in sorrow steep;
That straw where many a rogue has lain of yore,
And vermin'd gipsies litter'd heretofore.

Why, Lonsdale, thus thy wrath on vagrants pour?
Must earth no rascal save thyself endure?
Must thou alone in guilt immortal swell,
And make a vast monopoly of hell?
Thou know'st the Virtues cannot hate thee worse;
The Vices also, must they club their curse?
Or must no tiny sin to others fall,
Because thy guilt's supreme enough for all?

Maria, send me too thy griefs and cares;
In all of thee sure thy Esopus shares.
As thou at all mankind the flag unfurls,
Who on my fair one Satire's vengeance hurls?
Who calls thee, pert, affected, vain coquette,
A wit in folly, and a fool in wit?
Who says that fool alone is not thy due,
And quotes thy treacheries to prove it true?
Our force united on thy foes we'll turn,
And dare the war with all of woman born:
For who can write and speak as thou and I?
My periods that deciphering defy,
And thy still matchless tongue that conquers all reply!

Epistle to Colonel de Peyster

My honor'd Colonel, deep I feel
Your interest in the Poet's weal;
Ah! now sma' heart hae I to speel
 The steep Parnassus,
Surrounded thus by bolus pill,
 And potion glasses.

O what a canty world were it,
Would pain and care and sickness spare it;
And Fortune favour worth and merit
 As they deserve;
And aye rowth o' roast-beef and claret,
 Syne, wha wad starve?

Так окрестить Марии лиру мог:
Дурным бренчаньем наглой суеты,
Для коей рифмы лучшие пусты?
Кто мнит, что стих ей дал рабочий дом:
Украден, брошен – он для тех, кто в нём?
Рабочий дом! Унынье будит он:
Колочая подушка – жалкий сон!
В темнице гнусной пробуждён для слёз;
Топчан вонючий словно в горе врос;
Солому эту прежде плющил сброд,
Цыганский, вшами съеденный, народ.

Что ж, Лонсдейл⁵⁵¹, так гневаешься на бродяг?
Неужто плут себя не терпит так?
Неужто ты навечно виноват,
И хапнул монополию на ад?
Не столь гнев Добродетели жесток;
Не взять ли ей в союзники Порок?
Не ляжет на других малейший грех,
Раз у тебя запас вины на всех?

Шли мне свои, Мария, злоключенья,
Всё твой Эзоп разделит, вне сомненья.
Раз пред людьми штандарт развёрнут твой,
То милой свет грозит сатирой злой?
Твердит: нахалка, дрянь, кокетка ты,
Безумна, и мозги твои пусты?
Мол, ты не просто дура: всякий враг –
Предавший – подтвердит, что это так?
Две силы наши на врагов падут,
Пойдём войной на весь живущий люд;
Кто б, как мы, смог писать и говорить?
Понять, что я пишу, кто явит прыть?
А дивный голос твой – ему не возразить!

Послание полковнику де Пейстеру⁵⁵²

Полковник, милый, нету слов:
Волнуется, что нездоров;
Ах! На Парнас я лезть готов
Лишь в мере малой;
Вокруг пилую от докторов –
На полк, пожалуй.

О, как бы мир жизнь скрасил эту,
Решив: забот и хворей нету;
Явившим честь, заслуги свету
Добром воздал;
Дал вдоволь ростбифа, кларету –
Кто б голодал?

Dame Life, tho' fiction out may trick her,
And in paste gems and frippery deck her;
Oh! flickering, feeble, and unsicker
 I've found her still,
Aye wavering like the willow-wicker,
 'Tween good and ill.

Then that curst carmagnole, auld Satan,
Watches like baudrons by a ratton
Our sinfu' saul to get a claut on,
 Wi'felon ire;
Syne, whip! his tail ye'll ne'er cast saut on,
 He's aff like fire.

Ah Nick! ah Nick! it is na fair,
First showing us the tempting ware,
Bright wines, and bonie lasses rare,
 To put us daft
Syne weave, unseen, thy spider snare
 O hell's damned waft.

Poor Man, the flie, aft bizzes by,
And aft, as chance he comes thee nigh,
Thy damn'd auld elbow yeuks wi'joy
 And hellish pleasure!
Already in thy fancy's eye,
 Thy sicker treasure.

Soon, heels o'er gowdie, in he gangs,
And, like a sheep-head on a tangs,
Thy girning laugh enjoys his pangs,
 And murdering wrestle,
As, dangling in the wind, he hangs,
 A gibbet's tassel.

But lest you think I am uncivil
To plague you with this draunting drivel,
Abjuring a' intentions evil,
 I quat my pen,
The Lord preserve us frae the devil!
 Amen! Amen!

Winter: a Dirge

The wintry west extends his blast,
 And hail and rain does blaw;
Or the stormy north sends driving forth
 The blinding sleet and snaw:
While, tumbling brown, the burn comes down,
 And roars frae bank to brae;
And bird and beast in covert rest,
 And pass the heartless day.

Жизнь байки дурят, при желанье;
Всё ж – всю в мишурном одеянье,
Летунью хилую в тумане –
 Её нашёл
Лозе подобной в колебанье,
 Кто добр, кто зол.

В виду у чёрта-демагога
(Так кот на мышь глядит с порога)
Мир грешных душ; свезёт немного –
 Цап, без словес,
И шасть! Хвост спрятал, недотрога,
 Как огонь, исчез.

Ох, Ник⁵⁵³, ох, Ник! Ну так негоже:
Сперва товар подсунешь к роже,
Винца дашь, девок ладных тоже,
 Чтоб раздражить,
Но выткешь паутину всё же
 (Из ада нить).

Жужжишь ты мухой, смертный люд,
А чёрт случайно тут как тут;
Твой локоток почуял зуд
 От неги ада!
Уж глазки видят, не сморгнут:
 Шажок до клада.

Тут кувырком (а что, вполне!)
К – башкой бараньей на огне –
Ослабленному сатане;
 Попался в сети,
И треплет ветер в вышине
 Останки эти.

Чтоб не решили: нет наглее,
Я, чушью занудить умея,
Отрину зло, сказать сумею:
 «Перо закинь!
Гони Бог дьявола-злодея!
 Аминь! Аминь!»

Зима: песнь скорби⁵⁵⁴

Морозный вест летит окрест,
 И лупят снег и град,
Иль буйный норд ревёт как чёрт,
 И хлопья застят взгляд –
Крутятся, сердит, ручей бежит,
 Шумит меж бережков;
Пичуга, зверь приют теперь
 Нашли от злых деньков.

"The sweeping blast, the sky o'ercast,"
The joyless winter day
Let others fear, to me more dear
Than all the pride of May:
The tempest's howl, it soothes my soul,
My griefs it seems to join;
The leafless trees my fancy please,
Their fate resembles mine!

Thou Power Supreme, whose mighty scheme
These woes of mine fulfil,
Here firm I rest; they must be best,
Because they are Thy will!
Then all I want – O do Thou grant
This one request of mine! –
Since to enjoy Thou dost deny,
Assist me to resign.

In the Prospect of Death

O Thou unknown, Almighty Cause
Of all my hope and fear!
In whose dread presence, ere an hour,
Perhaps I must appear!

If I have wander'd in those paths
Of life I ought to shun,
As something, loudly, in my breast,
Remonstrates I have done;

Thou know'st that Thou hast formed me
With passions wild and strong;
And list'ning to their witching voice
Has often led me wrong.

Where human weakness has come short,
Or frailty stept aside,
Do Thou, All-Good-for such Thou art –
In shades of darkness hide.

Where with intention I have err'd,
No other plea I have,
But, Thou art good; and Goodness still
Delighteth to forgive.

Stanzas on the Same Occasion [Prospect of Death]

Why am I loth to leave this earthly scene?
Have I so found it full of pleasing charms?
Some drops of joy with draughts of ill between –
Some gleams of sunshine 'mid renewing storms!

«Пурга метёт, затянут свод»⁵⁵⁵ –
Угрюмый день зимы
Страшит друзей, но мне милей
Всей майской кутерьмы;
Мне бури вой несёт покой,
С тоской сомкнув края,
А лес, что наг, мне близок так
Судьбою, как моя!

Всевышний, Ты мне с высоты
Наполнил чашу бед,
Так лей – я твёрд – первейший сорт,
Как Божьей воле след!
Прошу, притом, лишь об одном
(Отказом не ожги!);
Не будь в цене, что не дал мне!
Смириться помоги.

В ожидании смерти

О Ты, неведомый Исток
И страха, и надежды!
Предстану, может, под Твои
Пугающие вежды!

Когда по жизни шёл путём,
Каким ходить не след,
Какой-то голос из груди
Кричал: «Не надо! Нет!»

Страстями – давши, знаешь Ты –
В избытке наделён,
Я под напев их коловской
Лез часто на рожон.

Когда есть слабости предел
Иль тлена делятся дни,
Неужто, Вседобрейший, Ты
Скрываешься в тени?

Греша намеренно, я мог
Лишь об одном просить
Тебя: Ты добр, а Доброте
В том радость, чтоб простить.

Строфы по тому же поводу (в ожидании смерти)

Земную сцену бросить рад едва ли?
Найти здесь уйму дивных чар готов?
Веселья капли меж глотков печали,
Да проблеск солнца в череде штормов!

Is it departing pangs my soul alarms?
Or death's unlovely, dreary, dark abode?
For guilt, for guilt, my terrors are in arms:
I tremble to approach an angry God,
And justly smart beneath His sin-avenging rod.

Fain would I say, "Forgive my foul offence,"
Fain promise never more to disobey;
But, should my Author health again dispense,
Again I might desert fair virtue's way;
Again in folly's part might go astray;
Again exalt the brute and sink the man;
Then how should I for heavenly mercy pray
Who act so counter heavenly mercy's plan?
Who sin so oft have mourn'd, yet to temptation ran?

O Thou, great Governor of all below!
If I may dare a lifted eye to Thee,
Thy nod can make the tempest cease to blow,
Or still the tumult of the raging sea:
With that controlling pow'r assist ev'n me,
Those headlong furious passions to confine,
For all unfit I feel my pow'rs to be,
To rule their torrent in th' allowed line;
O, aid me with Thy help, Omnipotence Divine!

Paraphrase of the First Psalm

The man, in life wherever plac'd,
Hath happiness in store,
Who walks not in the wicked's way,
Nor learns their guilty lore.

Nor from the seat of scornful pride
Casts forth his eyes abroad,
But with humility and awe
Still walks before his God.

That man shall flourish like the trees,
Which by the streamlets grow;
The fruitful top is spread on high,
And firm the root below.

But he whose blossom buds in guilt
Shall to the ground be cast,
And, like the rootless stubble, tost
Before the sweeping blast.

For why that God the good adore,
Hath giv'n them peace and rest,
But hath decreed that wicked men
Shall ne'er be truly blest.

Разлуки боль несёт тревожный зов?
Иль смерти мерзкий, нудный, тёмный дом?
Вины, вины страшусь, ответ таков;
Гнёт трепет пред рассерженным Отцом:
Тот поделом за грех воздаст своим жезлом.

Я б с радостью просил: «Меня прости!»,
Пообещал отныне не грешить,
Но мне Творец здоровье возврати –
Опять мне добродетельным не быть;
Опять меня легко бездумью сбить,
Опять скот выплыл, тонет человек;
Так как о благодати вновь молить,
Коль к благодати Божьей не прибег?
Коль, сокрушён грехом, тотчас к соблазну в бег?

О Ты, великий Управитель наш!
Посмей я обратить к Тебе свой взгляд –
Кивнёшь Ты, и умеришь бури раж,
Утихнет дикий грохот волн-громад;
Направь же Ты единое из чад,
Страстям грядущим положи предел:
Сам с ними совладаю я навряд,
Не развернуть мне их для добрых дел;
О, если б мне помочь Всевидящий сумел!

Парафраз первого псалма⁵⁵⁶

У всякого, кто б ни был он,
Есть радости запас,
Коль к нечестивым он не вхож,
Их знаний не припас,

Коль избегает мест, где спесь,
Не дарит взора им,
Смиренно, с трепетом идёт
Пред Господом своим.

Он, как деревья, расцветёт,
Что встали у реки:
Плодоносящи кроны их,
И корни их крепки.

Но тот, чей цвет зачат в грехе
И наземь опадёт,
Соломы вроде на жнивье:
Всю ветер разметёт.

Бог рек: приверженный добру
Покоен и призрен,
Но век не будет грешный люд
Воистину блажен.

Under the Pressure of Violent Anguish

O Thou Great Being! what Thou art,
Surpasses me to know;
Yet sure I am, that known to Thee
Are all Thy works below.

Thy creature here before Thee stands,
All wretched and distress;
Yet sure those ills that wring my soul
Obey Thy high behest.

Sure, Thou, Almighty, canst not act
From cruelty or wrath!
O, free my weary eyes from tears,
Or close them fast in death!

But, if I must afflicted be,
To suit some wise design,
Then man my soul with firm resolves,
To bear and not repine!

The First Six Verses of the Ninetieth Psalm Versified

O Thou, the first, the greatest friend
Of all the human race!
Whose strong right hand has ever been
Their stay and dwelling place!

Before the mountains heav'd their heads
Beneath Thy forming hand,
Before this ponderous globe itself
Arose at Thy command;

That Pow'r which rais'd and still upholds
This universal frame,
From countless, unbeginning time
Was ever still the same.

Those mighty periods of years
Which seem to us so vast,
Appear no more before Thy sight
Than yesterday that's past.

Thou giv'st the word: Thy creature, man,
Is to existence brought;
Again Thou say'st, "Ye sons of men,
Return ye into nought!"

Thou layest them, with all their cares,
In everlasting sleep;
As with a flood Thou tak'st them off
With overwhelming sweep.

Под гнётом сильной боли

О Ты, Великий! Кто Ты есть,
Соображу навряд,
Но, вне сомненья, всех земных
Своих Ты знаешь чад.

Твоё творенье пред Тобой,
Несчастное сто раз;
Боль душу крутит... Спору нет:
Твой выполнит приказ.

Не верю, чтоб гневился Ты,
К жестокости прибег!
Спаси глаза мои от слёз,
Не то закрой навек!

Но если суждено страдать,
Коль мудрый план таков,
Тогда придётся этот крест
Нести без дураков!

Рифмованные первые шесть стихов девяностого псалма⁵⁵⁷

О Ты, людского рода друг,
Ты истинно таков!
Твоя десница нам всегда –
Убежище и кров!

Пред тем, как встали главы гор
Под Скульптора рукой,
Пред тем, как шар земной возник,
Приказ исполнив Твой,

Власть, что, создавши, берегла
Каркас вселенских стен,
В течение бесщётных лет
Не знала перемен.

Огромные отрезки лет –
Аж кругом голова –
Они всего лишь, на Твой взгляд,
День, прожитый едва.

Рек слово Ты – и человек
Явился в мир тогда;
И вновь Ты рек: «Сыны людей,
Вернитесь в никуда!»

Ты погрузил, не сняв забот,
Их в вековый сон;
Ты их, как паводок, унёс:
Метёт всё напрочь он.

They flourish like the morning flow'r,
In beauty's pride arrayed;
But long ere night cut down it lies
All wither'd and decay'd.

A Poet's Welcome to His Love-Begotten Daughter

The First Instance that Entitled Him to the Venerable Appellation
of Father

Thou's welcome, wean; mishanter fa' me,
If thoughts o' thee, or yet thy mamie,
Shall ever daunt me or awe me,
My bonie lady,
Or if I blush when thou shalt ca' me
Tyta or daddie.

Tho' now they ca' me fornicator,
An' tease my name in kintry clatter,
The mair they talk, I'm kent the better,
E'en let them clash;
An auld wife's tongue's a feckless matter
To gie ane fash.

Welcome! my bonie, sweet, wee dochter,
Tho' ye come here a wee unsought for,
And tho' your comin' I hae fought for,
Baith kirk and queir;
Yet, by my faith, ye're no unwrought for,
That I shall swear!

Wee image o' my bonie Betty,
As fatherly I kiss and daut thee,
As dear, and near my heart I set thee
Wi' as gude will
As a' the priests had seen me get thee
That's out o' hell.

Sweet fruit o' mony a merry dint,
My funny toil is now a' tint,
Sin' thou came to the warl' asklent,
Which fools may scoff at;
In my last plack thy part's be in't
The better ha'f o't.

Tho' I should be the waur bestead,
Thou's be as braw and bienly clad,
And thy young years as nicely bred
Wi' education,
As ony brat o' wedlock's bed,
In a' thy station.

Цветут, как утренний цветок,
Гордясь своей красотой:
Такой падёт до темноты,
Увядший и гнилой.

Приветствие поэта его внебрачной дочурке⁵⁵⁸

Первый случай, доставивший ему почётное звание
отца

Привет, дитя! Не знать удачи
Мне, коль когда глаза запрячу,
Вас с мамой вспомнив, иль, тем паче,
Мой свет в окошке,
Смущусь, пришедшись по-ребячьи
«Папусей» крошке.

Болтают, что за блуд в ответе,
Деревне кажут в чёрном цвете;
Теперь знаком я всем на свете
(Прошлись как след);
Плевать на бабьи сплетни эти,
Досады нет.

Привет, малышка, дух медвяный!
Пусть ты явилась чуть неожиданно,
Пришлось пусть с клиром биться рьяно,
Гнать певчих стаю,
Но твой приход – итог желанный,
В чём присягаю!

Любимой Бетти⁵⁵⁹ оттиск малый,
Тебя балую я, пожалуй;
Обнять тебя родитель шалый
Сердечно рад,
Хотя попы грозят опалой,
Дорогой в ад.

Плод сладкий ласк премногих – тут!
Мой не пропал потешный труд;
Бочком пришла, как на дебют
(Смех пустомелям);
Последний грош мой – не под спуд,
С тобой поделим.

Будь я на пядь от нищеты,
Пойдёшь в нарядном платье ты,
Получишь в срок, без маеты,
Образованье,
Как все законные цветы
На клумбе знанья.

Lord grant that thou may aye inherit
Thy mither's person, grace, an' merit,
An' thy poor, worthless daddy's spirit,
 Without his failins,
'Twill please me mair to see thee heir it,
 Than stockit mailens.

For if thou be what I wad hae thee,
And tak the counsel I shall gie thee,
I'll never rue my trouble wi' thee,
 The cost nor shame o't,
But be a loving father to thee,
 And brag the name o't.

Elegy on the Death of Robert Ruisseaux

Now Robin lies in his last lair,
He'll gabble rhyme, nor sing nae mair;
Cauld poverty, wi' hungry stare,
 Nae mair shall fear him;
Nor anxious fear, nor cankert care,
 E'er mair come near him.

To tell the truth, they seldom fash'd him,
Except the moment that they crush'd him;
For sune as chance or fate had hush'd 'em
 Tho' e'er sae short,
Then wi' a rhyme or sang he lash'd 'em,
 And thought it sport.

Tho'he was bred to kintra-wark,
And counted was baith wight and stark,
Yet that was never Robin's mark
 To mak a man;
But tell him, he was learn'd and clark,
 Ye roos'd him then!

A Dedication to Gavin Hamilton, Esq.

Expect na, Sir, in this narration,
A fleechin, fleth'rin Dedication,
To roose you up, an' ca' you guid,
An' sprung o' great an' noble bluid,
Because ye're surnam'd like His Grace –
Perhaps related to the race:
Then, when I'm tir'd – and sae are ye,
Wi' mony a fulsome, sinfu' lie,
Set up a face how I stop short,
For fear your modesty be hurt.

Бог даст, получишь ты по праву
От мамы прелесть, кротость нрава,
А дух отца возьми вертлявый,
Изъяв паденья, –
Что лучше, чем доход на славу,
Имею мнение.

Коль вырастешь надежд всех краше,
Найдёшь изюм в советов чаше,
Не жаль, что заварил я кашу –
И с прилежаньем;
Я буду любящим папашей,
Хвалясь сим званьем.

Элегия на смерть Робёра Руссо⁵⁶⁰

Лёг Роб в последнюю берлогу,
Оставив рифм и песен много;
Нужда не устрасит с порога
Голодным взглядом;
Вас, Страх, Заботы и Тревога,
Не будет рядом.

По правде, редко докучали
Они, покуда не подмяли;
Судьба ли, Случай их смиряли
Хотя б на миг –
Тут песни да стихи хлестали:
Он был шутник.

Хоть был для сельских дел рождён,
Все мнили: крепок и силён,
Не этим выделялся он,
Скажу как есть:
Лишь слышал Робин, сколь учён, –
Считал за лесть!

Посвящение Гэвину Хэмилтону⁵⁶¹, эсквайру

Нет, сэр, и в этом из посланий
Угодливости, лести дани,
Здесь похвала Вас не найдёт
И ссылки на высокий род:
Однофамилец с лордом⁵⁶² Вы –
Глубины связи каковы?
Я утомлён – не меньше Вас –
От лжи с излишеством прикрас;
Позвольте же умерить прыть,
Чтоб Вашу скромность не язвить.

This may do – maun do, Sir, wi' them wha
Maun please the great folk for a wamefou;
For me! sae laigh I need na bow,
For, Lord be thankit, I can plough;
And when I downa yoke a naig,
Then, Lord be thankit, I can beg;
Sae I shall say – an' that's nae flatt'rin –
It's just sic Poet an' sic Patron.

The Poet, some guid angel help him,
Or else, I fear, some ill ane skelp him!
He may do weel for a' he's done yet,
But only – he's no just begun yet.

The Patron (Sir, ye maun forgie me;
I winna lie, come what will o' me),
On ev'ry hand it will allow'd be,
He's just – nae better than he should be.

I readily and freely grant,
He downa see a poor man want;
What's no his ain, he winna tak it;
What ance he says, he winna break it;
Ought he can lend he'll no refus't,
Till aft his guidness is abus'd;
And rascals whiles that do him wrang,
Ev'n that, he does na mind it lang;
As master, landlord, husband, father,
He does na fail his part in either.

But then, nae thanks to him for a'that;
Nae godly symptom ye can ca' that;
It's naething but a milder feature
Of our poor, sinfu' corrupt nature:
Ye'll get the best o' moral works,
'Mang black Gentoos, and pagan Turks,
Or hunters wild on Ponotaxi,
Wha never heard of orthodoxy.
That he's the poor man's friend in need,
The gentleman in word and deed,
It's no thro' terror of damnation;
It's just a carnal inclination.

Morality, thou deadly bane,
Thy tens o' thousands thou hast slain!
Vain is his hope, whase stay an' trust is
In moral mercy, truth, and justice!

No – stretch a point to catch a plack:
Abuse a brother to his back;
Steal through the winnock frae a whore,
But point the rake that taks the door;

Льстить может – даже должен – тот,
Кто подаванием живёт,
Мне ж низко спину не сгибать,
Раз – дал Господь – могу пахать;
А если конь издохнет мой,
Пойду – Бог милостив – с сумой;
Что ж, с Вами мы – скажу без лести –
Такой Поэт, с Патроном вместе.

Пусть добрый ангел барду служит,
Не то злой спину отутюжит!
Бард добр ко всем своим твореньям –
Так приступай же к сочиненьям!

Патрон же (сэр, прошу прощенья:
Ложь исключу из обращенья),
С каких позиций ни считать,
Не лучше, чем он мог бы стать.

Задача допустить легка:
Он нужд не видит бедняка!
Он не посмеет взять чужого
И не нарушит, давши, слова;
Коль в долг дать может, не откажет,
Хотя частенько плут накажет;
А пакостит мерзавцев свора,
Так их грехи забудет скоро;
Он как хозяин, муж, папаша
Хорош, в одном другого краше.

Но благодарность где за это?
О праведности слова нету;
Сие – лишь слабые намёки,
Что наши души жрут пороки;
Расскажет множество работ,
Как негр, иль турок как живёт,
Иль дикари из Понотокси⁵⁶³,
Не зная, что есть ортодоксы.
Вот кто в нужде помочь готов,
Он – джентльмен и дел, и слов,
И без проклятий, без давленья:
Простое плотское стремленье.

Мораль, гнал бич разящий твой
Десятки тысяч на убой!
Оставь надежду всяк, кто в веру
Ввёл милосердьё, правду, меру!

Нет! Цапни фартинг⁵⁶⁴ (мол, ничей);
Собрата за глаза облей;
Свори через окно у шлюхи,
Пустив про доходягу слухи;

Be to the poor like ony whunstane,
And haud their noses to the grunstane;
Ply ev'ry art o' legal thieving;
No matter – stick to sound believing.

Learn three-mile pray'rs, an' half-mile graces,
Wi' weel-spread looves, an' lang, wry faces;
Grunt up a solemn, lengthen'd groan,
And damn a' parties but your own;
I'll warrant they ye're nae deceiver,
A steady, sturdy, staunch believer.

O ye wha leave the springs o' Calvin,
For gumlie dubs of your ain delvin!
Ye sons of Heresy and Error,
Ye'll some day squeel in quaking terror,
When Vengeance draws the sword in wrath,
And in the fire throws the sheath;
When Ruin, with his sweeping besom,
Just frets till Heav'n commission gies him;
While o'er the harp pale Misery moans,
And strikes the ever-deep'ning tones,
Still louder shrieks, and heavier groans!

Your pardon, Sir, for this digression:
I maist forgat my Dedication;
But when divinity comes 'cross me,
My readers still are sure to lose me.

So, Sir, you see 'twas nae daft vapour;
But I maturely thought it proper,
When a' my works I did review,
To dedicate them, Sir, to you:
Because (ye need na tak it ill),
I thought them something like yoursel'.

Then patronize them wi' your favor,
And your petitioner shall ever –
I had amaist said, ever pray,
But that's a word I need na say;
For prayin, I hae little skill o't,
I'm baith dead-sweer, an' wretched ill o't;
But I'll repeat each poor man's pray'r,
That kens or hears about you, Sir –

"May ne'er Misfortune's gowling bark,
Howl thro' the dwelling o' the clerk!
May ne'er his gen'rous, honest heart,
For that same gen'rous spirit smart!
May Kennedy's far-honour'd name
Lang beet his hymeneal flame,
Till Hamiltons, at least a dizzen,

Гни бедных так, чтоб завопили,
Подправь носы им на точиле;
Учись в суде дружить хоть с чёртом –
Неважно: был бы в вере твёрдым.

Учи молитвы в мили (Боже!),
Добавь взмах ручек к кислой роже;
Прохрюкав долгий важный стон,
Всех к чёрту: свой держи уклон;
И поручусь: ты не мошенник,
А в вере твёрд – и рад священник.

Вам, кто, забыв про ключ Кальвина,
Над грязной лужей горбит спину,
Греха и Ереси ублюдкам –
Трястись под визг в испуге жутком,
Когда взлетит Отмщенья меч,
Успев дотоле ножны сжечь;
Когда метлы не хватит Смерти
На чистку, волей Неба, тверди
Под Муки плач – на арфе он
Берёт всегда нижайший тон:
Всё громче крик, страшнее стон!

Простите, сэр, за отступление,
Чуть не забыл про Посвящение;
Лишь богословье лезет в двери,
Как ждут читателей потери.

Заметьте, сэр: тут блажи нету,
Я выносил идею эту:
Пересмотрев стихов запас,
Для посвящения выбрал Вас,
Поскольку (исказать негоже)
Их мысли с Вашими столь схожи.

Так опекайте их сердечно,
И Ваш проситель станет вечно...
Чуть не сказал «молиться», нет,
Иное слово выбрать след:
Молиться мне уменя мало,
Натужен и всего зажалю;
Лишь бедных повторю мольбы
(Вас знают, милостью судьбы):

«Пусть Неудачи лай и рёв
Не влезут под юриста кров!
Пусть щедрость, что в душе живёт,
Ум, столь же щедрый, не гнетёт!
Род Кеннеди в избытке сил
Пусть теплит Гименея пыл⁵⁶⁵,
Даст Хэмилтонов за десяток,

Are frae their nuptial labours risen:
Five bonie lasses round their table,
And sev'n braw fellows, stout an' able,
To serve their king an' country weel,
By word, or pen, or pointed steel!
May health and peace, with mutual rays,
Shine on the ev'ning o' his days;
Till his wee, curlie John's ier-oe,
When ebbing life nae mair shall flow,
The last, sad, mournful rites bestow!"

I will not wind a lang conclusion,
With complimentary effusion;
But, whilst your wishes and endeavours
Are blest with Fortune's smiles and favours,
I am, dear Sir, with zeal most fervent,
Your much indebted, humble servant.

But if (which Pow'rs above prevent)
That iron-hearted carl, Want,
Attended, in his grim advances,
By sad mistakes, and black mischances,
While hopes, and joys, and pleasures fly him,
Make you as poor a dog as I am,
Your humble servant then no more;
For who would humbly serve the poor?
But, by a poor man's hopes in Heav'n!
While recollection's pow'r is giv'n –
If, in the vale of humble life,
The victim sad of fortune's strife,
I, thro' the tender-gushing tear,
Should recognise my master dear;
If friendless, low, we meet together,
Then, Sir, your hand – my Friend and Brother!

The Inventory

In answer to a mandate by the Surveyor of the Taxes

Sir, as your mandate did request,
I send you here a faithfu' list,
O' gudes an' gear, an' a' my graith,
To which I'm clear to gi'e my aith.
Imprimis, then, for carriage cattle,
I hae four brutes o' gallant mettle,
As ever drew afore a pettle;
My lan'-afore 's a guid auld has-been,
An' wight an' wilfu' a' his days been:
My lan'-ahin 's a weel gaun fillie,
That aft has borne me hame frae Killie,
An' your auld borough mony a time
In days when riding was nae crime.

Чтоб брачный труд принёс достаток:
Пять дочек вокруг стола, а к ним –
Сынишек семерых, чтоб им
Служить короне и стране
Пером, иль словом, иль в броне!
Покой и здравие свой свет
Пусть шлют сюда на склоне лет,
Чтобы кудрявый паренёк,
Праправнук Джона⁵⁶⁶, в должный срок
В последний путь отправить мог!»

Не свить мне долгих заключений
С пучком хвалебных извержений,
Но, коль стремления не втуне,
И столь приятны Вы Фортуне,
Останусь, сэр, и пыл не скрою,
Вам столь обязанным слугою.

Но коль (предупреждает Свод)
Нужда жестокая придёт
С нахрапом хмурым, ну хоть плачь,
С мешком промашек, неудач,
Надежды, радости сметая,
То вдруг Вам псина, да такая,
Как я (слугой уж мне не быть),
Поддержку может предложить?
Клянусь бедняцким упованьем!
Покуда жив воспоминаньем:
Когда бы в житейский скромной дол
Судьбой поверженный пришёл,
Сумею в плачущем безвинно
Узнать родного господина,
Подать – обоим туговато –
Вам руку, сэр, как Другу, Брату!

Инвентарь

В ответ на запрос инспектора по сборам⁵⁶⁷

Сэр, получив от Вас запрос,
В ответ я в точности занёс
Весь список нажитых мной благ –
Готов поклясться, это так.

Imprimis⁵⁶⁸, скот мой выездной⁵⁶⁹
Представлен лучшей четвернёй,
Чтоб сладить с плугом, бороной;
Мой левый уносной⁵⁷⁰ уж пожил,
Весь век упорно лез из кожи;
О левой коренной кобыле:
На ней я приезжал из Килли⁵⁷¹,
Да и из Эйра без помех,
Когда не зрели в скачке грех⁵⁷²;

But ance, when in my wooing pride
I, like a blockhead, boost to ride,
The wilfu' creature sae I pat to,
Lord pardon a' my sins, an' that too!)
I play'd my fillie sic a shavie,
She's a' bedevil'd wi' the spavie.
My furr-ahin 's a wordy beast,
As e'er in tug or tow was trac'd.
The fourth's a Highland Donald hastie,
A damn'd red-wud Kilburnie blastie!
Foreby a cowl, o' cowts the wale,
As ever ran afore a tail:
Gin he be spar'd to be a beast,
He'll draw me fifteen pund at least.

Wheel-carriages I ha'e but few,
Three carts, an' twa are feckly new;
An auld wheelbarrow, mair for token,
Ae leg an' baith the trams are broken;
I made a poker o' the spin'le,
An' my auld mither brunt the trin'le.

For men, I've three mischievous boys,
Run-deils for ranting an' for noise;
A gaudsman ane, a thrasher t' other:
Wee Davock hauds the nowt in fother.
I rule them as I ought, discreetly,
An' aften labour them completely;
An' aye on Sundays duly, nightly,
I on the Questions targe them tightly;
Till, faith! wee Davock's grown sae gleg,
Tho' scarcely langer than your leg,
He'll screed you aff Effectual Calling,
As fast as ony in the dwelling.

I've nane in female servant station,
(Lord keep me aye frae a' temptation!)
I hae nae wife – and thay my bliss is,
An' ye have laid nae tax on misses;
An' then, if kirk folks dinna clutch me,
I ken the deevils darena touch me.
Wi' weans I'm mair than weel contented,
Heav'n sent me ane mae than I wanted!
My sonsie, smirking, dear-bought Bess,
She stares the daddy in her face,
Enough of ought ye like but grace;
But her, my bonie, sweet wee lady,
I've paid enough for her already;
An' gin ye tax her or her mither,
By the Lord, ye'se get them a' thegither!

And now, remember, Mr. Aiken,
Nae kind of licence out I'm takin:
Frae this time forth, I do declare
I'se ne'er ride horse nor hizzie mair;

Но как-то раз, как ухажёр,
Я сдуру хвастался, сколь скор;
Забыв кобылий нор (Боже,
Прости меня за это тоже!),
Рванул на чёртову дорогу –
И крепко ей попортил ногу.
Мой славный правый коренной –
Конёк негордый, упряжной.
Четвёртый – Горец Доналд – право,
Не конь, огонь, Килбёрни⁵⁷³ слава!
К ним – наилучший стригунок
Из всех, кто видит мамин бок:
До жеребца коль дорастёт,
Пятнадцать фунтов мне в доход.

На экипажи не богат:
Телег три (две не тарахтят),
Да тачка – так, для разговора:
В хлам ручки, треснула опора;
Ось кочергой успела стать,
А колесо спалила мать.

Из слуг есть три озорника
(Сплошь драка, гвалт наверняка):
С кнутом один, с цепом другой,
А Дэвок⁵⁷⁴ кормит скот, малой.
Я их, как должно, направляю,
Порой не зная в этом краю;
Воскресным вечером, как надо,
Вопросы сыплю до упаду⁵⁷⁵;
Ей-богу, Дэвок так смышлён,
Хотя колен чуть выше он:
Он «Действенный призыв»⁵⁷⁶, признаться,
Прочтёт быстрее домочадцев.

Нет в доме ни одной служанки
(Избавь, Всевышний, от приманки!),
Я не женат, и рад премного,
Хоть на хозяйек нет налога;
Коль не изловит церковь, верьте,
Что не возьмут меня и черти.
На крошек не гляжу я косо,
Одну Бог дал мне сверх запроса⁵⁷⁷!
Добрячка Бесс мне так ценна,
Лицом вся в папочку она,
Но только нежностью полна;
За эту маленькую леди
Была уплата не из меди,
Коснись налог её ль, мамыши –
Так забирайте, обе Ваши!

Но, мистер Эйкен, без обману:
Я брать лицензию не стану;
Отныне обещаю пылко
Не забираться на кобылку⁵⁷⁸;

Thro' dirt and dub for life I'll paidle,
Ere I sae dear pay for a saddle;
My travel a' on foot I'll shank it,
I've sturdy bearers, Gude the thankit!
The kirk and you may tak you that,
It puts but little in your pat;
Sae dinna put me in your beuk,
Nor for my ten white shillings leuk.

This list, wi' my ain hand I wrote it,
The day and date as under noted;
Then know all ye whom it concerns,
Subscripsi huic,

Robert Burns.
Mossgiel

Address of Beelzebub

To the Right Honourable the Earl of Breadalbane, President of the Right Honourable and Honourable the Highland Society, which met on the 23rd of May last at the Shakespeare, Covent Garden, to concert ways and means to frustrate the designs of five hundred Highlanders, who, as the Society were informed by Mr. M'Kenzie of Applecross, were so audacious as to attempt an escape from their lawful lords and masters whose property they were, by emigrating from the lands of Mr. Macdonald of Glen-garry to the wilds of Canada, in search of that fantastic thing-Liberty.

Long life, my Lord, an' health be yours,
Unskaithed by hunger'd Highland boors;
Lord grant me nae duddie, desperate beggar,
Wi' dirk, claymore, and rusty trigger,
May twin auld Scotland o' a life
She likes – as butchers like a knife.
Faith you and Applecross were right
To keep the Highland hounds in sight:
I doubt na! they wad bid nae better,
Than let them ance out owre the water,
Then up among thae lakes and seas,
They'll mak what rules and laws they please:
Some daring Hancock, or a Franklin,
May set their Highland bluid a-ranklin;
Some Washington again may head them,
Or some Montgomery, fearless, lead them,
Till God knows what may be effected
When by such heads and hearts directed,
Poor dunghill sons of dirt and mire
May to Patrician rights aspire!
Nae sage North now, nor sager Sackville,
To watch and premier o'er the pack vile, –
An' whare will ye get Howes and Clintons
To bring them to a right repentance –
To cove the rebel generation,
An' save the honour o' the nation?

Грязь, лужи – вброд их с этих пор,
Чтоб не платить седельный сбор;
Пешком осилю я дорогу,
В ногах-то крепок, слава Богу!
И Вы, и церковь мне в ответ:
«Нам проку, почитай что, нет!»
Не попаду я в книгу к Вам,
И десять шиллингов не дам.

Написано собственноручно,
И дата с годом неразлучна;
Все, кто затеял ералаш,
Subscripsi huic⁵⁷⁹, вечно Ваш,

Роберт Бёрнс
Моссгил

Обращение Вельзевула

к почтенному графу Брэдоубейну⁵⁸⁰, президенту почтенного и уважаемого Горно-шотландского Общества, какового встретил он сего 23-го мая в шекспировском «Ковент Гардене»⁵⁸¹ на концерте намеренным сорвать замыслы пятисот горцев, которые, как сообщил Обществу мистер Маккензи-оф-Эпплкросс⁵⁸², были столь бесстрашны, что задумали побег от своих законных лордов и владельцев, чьей собственностью они являлись, путём эмиграции с земель мистера Макдоналда из Гленгарри в дебри Канады в поисках этой фантастической сущности – Свободы.

Милорд, пусть бед не принесёт
В Ваш дом голодный горский сброд!
Дай Бог, чтоб нищий не пошёл,
Взяв клеймор⁵⁸³, дерк⁵⁸⁴ иль ржавый ствол,
Лишать край жизни ни за грош –
Любезной, как ягнятам нож.
Вам с Эпплкроссом путь один:
Глаз не спускать с тех горских псин,
Сомнений нет! Иначе шкоды
Опять попросятся за воды,
А там, среди морей, озёр
Законов, прав желать – простор:
Найдётся Хэнкок⁵⁸⁵, Франклин⁵⁸⁶, смел,
Чтоб горской крови люд вскипел;
За Вашингтоном⁵⁸⁷, право слово,
Найдут Монтгомери⁵⁸⁸ лихого,
А там Бог весть что станет с ними,
Ведомыми людьми такими:
С навозных куч и от болот
Аристократия придёт!
Где Сэквилл⁵⁸⁹, Норт⁵⁹⁰ (мудрей не знаю),
Чтоб удержать поганцев стаю?
Где Хоуов, Клинтонов⁵⁹¹ явление,
Чтоб вызвать в тварях сожаленье,
Свести на нет размах оравы,
Спасая этим честь державы?

They, an' be died! what right hae they
To meat, or sleep, or light o' day?
Far less to riches, pow'r, or freedom,
But what your lordship likes to gie them?

But hear, my lord! Glengarry, hear!
Your hand's owre light to them, I fear;
Your factors, grieves, trustees, and bailies,
I canna say but they do gaylies;
They lay aside a' tender mercies,
An' tirl the hallions to the birses;
Yet while they're only poind't and herriet,
They'll keep their stubborn Highland spirit:
But smash them! crash them a' to spails,
An' rot the dyvors i' the jails!
The young dogs, swinge them to the labour;
Let wark an' hunger mak them sober!
The hizzies, if they're aughtlins fawsont,
Let them in Drury-lane be lesson'd!
An' if the wives an' dirty brats
Come thiggin at your doors an' yetts,
Flaffin wi' duds, an' grey wi' beas',
Frightin away your ducks an' geese;
Get out a horsewhip or a jowler,
The langest thong, the fiercest growler,
An' gar the tatter'd gypsies pack
Wi' a' their bastards on their back!
Go on, my Lord! I lang to meet you,
An' in my house at hame to greet you;
Wi' common lords ye shanna mingle,
The benmost neuk beside the ingle,
At my right han' assigned your seat,
'Tween Herod's hip an' Polycrate:
Or if you on your station tarrow,
Between Almagro and Pizarro,
A seat, I'm sure ye're well deservin't;
An' till ye come – your humble servant,

Beelzebub.

June 1st, Anno Mundi, 5790.

Nature's Law – a Poem

Humbly inscribed to Gavin Hamilton, Esq.

Great Nature spoke: observant man obey'd.

– *Pope* .

Let other heroes boast their scars,
The marks of sturt and strife:
And other poets sing of wars,
The plagues of human life:

Кто дал им, чёрт дери меня,
Жрать, спать и зреть сиянье дня?
К богатству, власти, воле тянет –
Что Ваша светлость делать станет?

Милорд, я Вам! Внимай, Гленгарри!
Боюсь, вы править не в ударе,
А управляющие, бальи⁵⁹²
Все сплошь унылые каналы;
Пора бы им, оставив жалость,
Поободрать подонков малость:
Ходить с изъятками по клетям –
Не взять упрямых горцев этим;
Лупить! Не жаль ни рук, ни ног;
Банкротам – гнить, на то острог!
Щенков к работе пусть пинают:
Труд без кормёжки отрезвляет!
А девок, ежели пригожи,
Наставить Друри-Лейн⁵⁹³ поможет!
Жён, деток грянет грязный сброд
К вам побираться у ворот,
В тряпье, рванье, покрыты вшами,
Придут за утками, гусями –
Хлыст, пёс избавят от мороки
(Хлыст подлинней, а пёс жестокий):
Цыганский табор всей гурьбой
Сбежит, ублюдков взяв с собой!
Вперёд, милорд! Рад буду встрече,
В своих владеньях Вас привечу;
Обычным лордам Вы не ровня,
В почётный угол, где жаровня,
Вас справа посажу, как брата,
Меж Ирода и Поликрата⁵⁹⁴,
А коль скучна Вам эта пара,
Вот Вам Альмагро и Писарро⁵⁹⁵;
Вам по заслугам честь, бесспорно;
Ждать остаюсь – слуга покорный

Вельзевул.

1 июня года 5790 от сотворения мира⁵⁹⁶

Закон Природы. Поэма

Смиренно посвящается Гэвину Хэмилтону⁵⁹⁷, эсквайру

Речам Природы внимлет человек.

Поуп⁵⁹⁸

Пусть шрамом горд иной герой,
Зря в нём сраженья след,
Войну воспел поэт иной,
Источник наших бед,

Shame fa' the fun, wi' sword and gun
To slap mankind like lumber!
I sing his name, and nobler fame,
Wha multiplies our number.

Great Nature spoke, with air benign,
"Go on, ye human race;
This lower world I you resign;
Be fruitful and increase.
The liquid fire of strong desire
I've pour'd it in each bosom;
Here, on this hand, does Mankind stand,
And there is Beauty's blossom."

The Hero of these artless strains,
A lowly bard was he,
Who sung his rhymes in Coila's plains,
With meikle mirth an'glee;
Kind Nature's care had given his share
Large, of the flaming current;
And, all devout, he never sought
To stem the sacred torrent.

He felt the powerful, high behest
Thrill, vital, thro' and thro';
And sought a correspondent breast,
To give obedience due:
Propitious Powers screen'd the young flow'rs,
From mildews of abortion;
And low! the bard – a great reward –
Has got a double portion!

Auld cantie Coil may count the day,
As annual it returns,
The third of Libra's equal sway,
That gave another Burns,
With future rhymes, an' other times,
To emulate his sire:
To sing auld Coil in nobler style
With more poetic fire.

Ye Powers of peace, and peaceful song,
Look down with gracious eyes;
And bless auld Coila, large and long,
With multiplying joys;
Lang may she stand to prop the land,
The flow'r of ancient nations;
And Burnses spring, her fame to sing,
To endless generations!

Шутить не впрок: ружьё, клинок –
Их злее не бывает!
Стихи – тому (и честь ему!),
Кто род наш умножает.

Рекла Природа с добротой:
«Давай же, смертный люд!
Суровый мир бери, он твой,
Плодись и множься тут.
Подмешан жар любовных чар
Мной в каждое творенье;
Здесь прямо, вот, мужской встал Род,
А там – Красы цветенье».

Тот, кто в несложный стих попал,
Простецким бардом был,
Он в Койле⁵⁹⁹ песни сочинял
И сроду не тужил;
Как никому, дано ему
Огня, и он, зрит Око,
Благочестив, не супротив
Священного потока.

Он чуял мощный высший зов,
Дрожала жизни нить;
Он ту искал, кому готов
Себя был подчинить;
Труд Высших Сил цветы укрыл
От бед и хворей в поле,
А бард – ура! Судьба добра! –
Двойной достоин доли!

Весёлым Койлом⁶⁰⁰ день сочтён,
Бывает каждый год:
Три дня сентябрьских⁶⁰¹ выждет он,
И новый Бёрнс придёт,
Чтоб свежий стих времён иных,
Как и отец, оставить,
Чтоб Койле петъ получше впредь,
Огня строке добавить.

Вы, Силы мира, мирных струн,
Вниз бросьте добрый взгляд;
Будь край твой, Койла, весел, юн
Тьму долгих лет подряд;
Дай, благодать, опорой стать
Старинных рас цветеньям,
А Бёрнсов род их воспоёт
Бессчётным поколениям!

To John Kennedy, Dumfries House

Now, Kennedy, if foot or horse
E'er bring you in by Mauchlin corss,
(Lord, man, there's lasses there wad force
 A hermit's fancy;
An' down the gate in faith they're worse,
 An' mair unchancy).

But as I'm sayin, please step to Dow's,
An' taste sic gear as Johnie brews,
Till some bit callan bring me news
 That ye are there;
An' if we dinna hae a bouze,
 I'se ne'er drink mair.

It's no I like to sit an' swallow,
Then like a swine to puke an' wallow;
But gie me just a true good fallow,
 Wi' right ingine,
And spunkie ance to mak us mellow,
 An' then we'll shine.

Now if ye're ane o' warl's folk,
Wha rate the wearer by the cloak,
An' sklent on poverty their joke,
 Wi' bitter sneer,
Wi' you nae friendship I will troke,
 Nor cheap nor dear.

But if, as I'm informed weel,
Ye hate as ill's the very deil
The flinty heart that canna feel –
 Come, Sir, here's to you!
Hae, there's my haun', I wiss you weel,
 An' gude be wi' you.

Robt. Burness.

Mossgiel

The Calf

To the Revd Mr James Steven. On his text
And ye shall go forth, and grow up as calves of the stall. – Mal. 4:2

Right, Sir! your text I'll prove it true,
 Tho' heretics may laugh;
For instance, there's yourself just now,
 God knows, an unco calf.

And should some patron be so kind,
 As bless you wi' a kirk,

Джону Кеннеди⁶⁰², в Дамфрис-хаус

Ну, Кеннеди, пешком, верхом
Нагрнешь в Мохлин вечером...
(Ох, парень, ну и девки в нём –
Мечта аскета;
А дальше – хуже и, притом,
Опасней нету).

Так вот: дуй к Доу⁶⁰³ (пути прямые),
Пивка хлебни без кутерьмы,
Мальца шли с вестью из корчмы
О человеке –
И коль с тобой не хряпнем мы,
Не пью вовеки!

Не то чтоб я любил надраться
И, как свинья, блевать, валяться;
Но стоит с малым повстречаться,
Какой с умом –
Над кубком души размягчатся,
И мы блеснём!

Но если ты из тех зануд,
Что по одежке судят люд,
И бедняка из уст их ждут
Насмешки злые,
То мы не свяжем дружбы пут
Ни за какие.

Но коль – свет в увереньях твёрд –
Тебе противен, как сам чёрт,
Сердец нечутких чёрствый сорт,
Приму с душою!
Знакомством нашим, сэр, я горд,
Будь Бог с тобою.

*Робт. Бёрнесс⁶⁰⁴
Моссгил*

Телец

Преподобному Джеймсу Стивену⁶⁰⁵ на его цитату из [Мал 4:2]: «...и вы выйдете и
зыграете, как тельцы упитанные...»

Так, сэр! Вы правы, докажу
(Еретикам их смех):
Бог видит, в Вас я нахожу
Тельца жирнее всех.

Патрон Ваш – доброты пример:
Как благодать дал храм;

I doubt na, Sir but then we'll find,
Ye're still as great a stirk.

But, if the lover's raptur'd hour,
Shall ever be your lot,
Forbid it, ev'ry heavenly Power,
You e'er should be a stot!

Tho' when some kind connubial dear
Your but-and-ben adorns,
The like has been that you may wear
A noble head of horns.

And, in your lug, most reverend James,
To hear you roar and rowt,
Few men o' sense will doubt your claims
To rank amang the nowt.

And when ye're number'd wi' the dead,
Below a grassy hillock,
With justice they may mark your head –
"Here lies a famous bullock!"

Lines on Meeting with Lord Daer

This wot ye all whom it concerns,
I, Rhymer Robin, alias Burns,
October twenty-third,
A ne'er-to-be-forgotten day,
Sae far I sprackl'd up the brae,
I dinner'd wi' a Lord.

I've been at drucken writers' feasts,
Nay, been bitch-fou 'mang godly priests –
Wi' rev'rence be it spoken! –
I've even join'd the honour'd jorum,
When mighty Squireships of the quorum,
Their hydra drouth did sloken.

But wi' a Lord! – stand out my shin;
A Lord – a Peer – an Earl's son!
Up higher yet, my bonnet
An' sic a Lord! – lang Scoth ells twa,
Our Peerage he o'erlooks them a',
As I look o'er my sonnet.

But O for Hogarth's magic pow'r!
To show Sir Bardie's willyart glow'r,
An' how he star'd and stammer'd,
hen, goavin, as if led wi' branks,
An' stumpin on his ploughman shanks,
He in the parlour hammer'd.

Признаём: вне сомнений, сэр,
Бычком Вы стали там.

Но коль любви волшебный час,
Решите, к Вам пришёл,
Уйми святая Сила Вас,
Ведь Вы навеки вол!

Когда супруги милой прыть
Украсит «бат энд бен»⁶⁰⁶,
То скажут, очень может быть:
Рогат, зато блажен.

Джеймс преподобный, на ушко́:
Услышавшим Ваш рёв
Поверить будет нелегко,
Что Вы не из скотов.

Когда ж уляжется Ваш прах
Под травкой благодатной,
То правда сыщется в словах:
«Вол упокоен знатный!»

Стихи о встрече с лордом Дэром⁶⁰⁷

Внимайте, ушлые, словам:
Я, если знать угодно вам,
Бёрнс Робин, Рифмоплёт,
В день двадцать третий октября
Лез, бережок крутой беря:
Ведь лорд к обеду ждёт.

Писак я помню пьяный пир,
Упился в хлам, где квасил клир
(Припасть с почтеньем стражду!);
Из кубка прихлебнул, которым
Могучий здешних сквайров кворум
Унять пытался жажду.

Но с лордом! Тронут до глубин:
Он лорд, и пэр, и графский сын!
Так ввысь залом берета;
Лорд – добрых эля два⁶⁰⁸ на вид,
На пзров сверху так глядит,
Как я на хвост сонета.

О Хогарт⁶⁰⁹, где твой карандаш!
Был изумлён сэр Барди наш,
Да мямлил, силы нету;
Таращась, как яремный вол,
Он, как за плугом, тяжело шёл
В гостиной по паркету.

I sidying shelter'd in a nook,
An' at his Lordship steal't a look,
 Like some portentous omen;
Except good sense and social glee,
An' (what surpris'd me) modesty,
 I marked nought uncommon.

I watch'd the symptoms o' the Great,
The gentle pride, the lordly state,
 The arrogant assuming;
The fient a pride, nae pride had he,
Nor sauce, nor state, that I could see,
 Mair than an honest ploughman.

Then from his Lordship I shall learn,
Henceforth to meet with unconcern
 One rank as weel's another;
Nae honest, worthy man need care
To meet with noble youthful Daer,
 For he but meets a brother.

O Thou Dread Power

Lying at a reverend friend's house one night, the author left the following verses in the room where he slept:-

O Thou dread Power, who reign'st above,
 I know thou wilt me hear,
When for this scene of peace and love,
 I make this prayer sincere.

The hoary Sire – the mortal stroke,
 Long, long be pleas'd to spare;
To bless this little filial flock,
 And show what good men are.

She, who her lovely offspring eyes
 With tender hopes and fears,
O bless her with a mother's joys,
 But spare a mother's tears!

Their hope, their stay, their darling youth,
 In manhood's dawning blush –
Bless him, Thou God of love and truth,
 Up to a parent's wish.

The beauteous, seraph sister-band –
 With earnest tears I pray –
Thou know'st the snares on ev'ry hand,
 Guide Thou their steps away.

When, soon or late, they reach that coast,
 O'er Life's rough ocean driven,
May they rejoice, no wand'rer lost,
 A family in Heaven!

Бросал я, робостью зажат,
На светлость их украдкой взгляд,
 На род дурного знака;
Притом он весел был и мил,
И скромн (сильно удивил) –
 Он был как все, однако.

Величья признаки искал:
Чтоб был чванлив, иль важно встал,
 Или занёсся, что ли;
Спесив? Да нет уж, чёрта с два,
А шику или хвастовства
 У пахаря поболе.

Их светлость научил меня
Встречаться, разум не темня:
 Достаток люд не метит;
Коль честен ты, то снят барьер,
И благородный юный Дэр
 Тебя по-братски встретит.

«О грозный Боже...»

Переночевав в доме у преподобного друга, автор оставил нижеследующие стихи в комнате, где спал:

О грозный Боже, улови,
 К Тебе мольба моя:
Картину мира и любви
 В ней воспеваю я.

В заботе об отце седом
 Отмерь поболе дней –
Благословлять смиренный дом
 И доброту людей.

Ту, что детишек милых зрит
 Средь страхов и надежд,
Пусть длань Твоя благословит,
 Уняв слезу из вежд!

Надежду и оплот, ребят –
 Всемилосерден Ты –
Благослови, пусть воплотят
 Родителей мечты.

Сестрички – ангельская рать;
 С понятьем слёзы лью:
Тебе ль силков мирских не знать,
 Заботу дай Твою.

Дождутся часа своего
 У жизни на краю –
Не потерявшей никого
 Впусти в Твой сад семью!

The Farewell

Farewell, old Scotia's bleak domains,
Far dearer than the torrid plains,
 Where rich ananas blow!
Farewell, a mother's blessing dear!
A borther's sigh! a sister's tear!
 My Jean's heart-rending throe!
Farewell, my Bess! tho' thou'rt bereft
 Of my paternal care,
A faithful brother I have left,
 My part in him thou'lt share!
 Adieu, too, to you too,
 My Smith, my bosom frien';
 When kindly you mind me,
 O then befriend my Jean!

What bursting anguish tears my heart;
From thee, my Jeany, must I part!
 Thou, weeping, answ'rest "No!"
Alas! misfortune stares my face,
And points to ruin and disgrace,
 I for thy sake must go!
Thee, Hamilton, and Aiken dear,
 A grateful, warm adieu:
I, with a much-indebted tear,
 Shall still remember you!
 All hail then, the gale then,
 Wafts me from thee, dear shore!
 It rustles, and whistles
 I'll never see thee more!

Inscription for the Headstone of Fergusson the Poet

No sculptured marble here, nor pompous lay,
 "No storied urn nor animated bust;"
This simple stone directs pale Scotia's way,
 To pour her sorrows o'er the Poet's dust.

Additional Stanzas

She mourns, sweet tuneful youth, thy hapless fate;
 Tho' all the powers of song thy fancy fired,
Yet Luxury and Wealth lay by in state,
 And, thankless, starv'd what they so much admired.

This tribute, with a tear, now gives
 A brother Bard – he can no more bestow:
But dear to fame thy Song immortal lives,
 A nobler monument than Art can shew.

Прощание {1}⁶¹⁰

Прощай, шотландский мёрзлый клин,
Милей ты знойных тех равнин,
Где ананас созрел!
Прощайте, матушки глаза,
Вздых брата, сестрина слеза,
Джин⁶¹¹ горестный удел!
Прощай, Бесс⁶¹², крошка! Мой пригляд
Теряешь, сколь ни худ,
Тебя прошу, мой верный брат,
Взять на себя сей труд!
Слова просты: прощай и ты,
Мой Смит⁶¹³, сердечный друг,
И Джин моей помочь сумей,
Меня припомнив вдруг!

Душевных ран не превозмочь:
О Джин, судьба мне ехать прочь!
Ты, плача, скажешь «Нет!»
Увы, несчастий злобен взор,
Сулит он крах мне и позор,
С собой беру груз бед!
Вам, Хэмильтон и Эйкен мой⁶¹⁴,
Прощание припас;
В долгу несчётном, со слезой
Там не забуду вас!
С волнами, штормами
Любимый брошу брег!
В рёв бриз там с присвистом –
Не свидимся вовек!

Надпись на могильном камне Фёргюссона⁶¹⁵, поэта

Ни мраморных скульптур, ни пышных слов,
«Ни урны здесь, ни бюста (как живой!)»⁶¹⁶ –
Шотландцам камень указать готов,
Где прах Поэта окропить слезой.

Дополнительные строфы

Скорбят над долей юного певца;
Мог выдумкой возжечь суть песни он,
А Роскоши с Богатством нет конца –
Прельщавший их бездушно уморён.

Прими дань эту, горести исход:
Брат-бард не смог полней тебе воздать,
Но слава Песни в вечности живёт,
Чтоб благородней монументов стать.

Inscribed under Fergusson's Portrait

Curse on ungrateful man, that can be pleased,
And yet can starve the author of the pleasure.

O thou, my elder brother in misfortune,
By far my elder brother in the Muses,
With tears I pity thy unhappy fate!
Why is the Bard unpitied by the world,
Yet has so keen a relish of its pleasures?

On Scaring Some Water-Fowl in Loch-Turrit

A wild scene among the Hills of Oughtertyre.

"This was the production of a solitary forenoon's walk from Oughtertyre House. I lived there, the guest of Sir William Murray, for two or three weeks, and was much flattered by my hospitable reception. What a pity that the mere emotions of gratitude are so impotent in this world. 'Tis lucky that, as we are told, they will be of some avail in the world to come."

R. B., Glenriddell MSS.

Why, ye tenants of the lake,
For me your wat'ry haunt forsake?
Tell me, fellow-creatures, why
At my presence thus you fly?
Why disturb your social joys,
Parent, filial, kindred ties? –
Common friend to you and me,
Nature's gifts to all are free:
Peaceful keep your dimpling wave,
Busy feed, or wanton lave;
Or, beneath the sheltering rock,
Bide the surging billow's shock.

Conscious, blushing for our race,
Soon, too soon, your fears I trace,
Man, your proud, usurping foe,
Would be lord of all below:

Plumes himself in freedom's pride,
Tyrant stern to all beside.

The eagle, from the cliffy brow,
Marking you his prey below,
In his breast no pity dwells,
Strong necessity compels:
But Man, to whom alone is giv'n
A ray direct from pitying Heav'n,
Glories in his heart humane –
And creatures for his pleasure slain!

In these savage, liquid plains,
Only known to wand'ring swains,

Надпись под портретом Фергюссона⁶¹⁷

Сгори, неблагодарный: услаждён,
Сгноил того, трудом чьим услаждался.

О ты, мой старший брат по злоключениям,
Куда как старший, если речь о музах,
Оплакиваю горестный твой рок!
Зачем же бард, к кому бездушен мир,
Привязан крепко так к мирским уладам?

О перепуге среди водоплавающей дичи Лох-Ту́рита

Дикое зрелище среди холмов Охтертайра

«Это плод утренней прогулки в одиночестве, предпринятой от Охтертайр-хауса. Я жил там две или три недели как гость сэра Уильяма Марри⁶¹⁸, чьим радушным приёмом был весьма польщён. Как жаль, что простые чувства благодарности столь бессильны в этом мире! К счастью, как нам говорят, польза от них будет в мире грядущем».

Р.Б., Гленриделская рукопись

Вод озёрных господа,
Подевались вы куда?
Все попрятались, друзья,
Только заявился я?
Как приход нарушил мой
Радость связей меж роднёй?
Ведь доступны, до поры,
Всем природные дары:
Рябь спокойно может дать
Покормиться ли, удрать;
Под защитой скалы –
Ждать, чтоб схлынули валы.

Вмиг смекнул (двуногим стыд),
Что так сильно вас страшит:
Человек, неудержим,
Всем владыка, кто под ним!

Вольность в нём рождает спесь,
Зол тиран на прочих здесь.

Вон, орёл прищурил глаз
С гребешка на всех на вас:
Нет жалости следа,
Правит острая нужда;
Но человек – ему лишь луч
Добра ниспослан с горних круч;
Носитель нравственных высот –
И для забавы птицу бьёт!

На низине, мокрой – жуть,
Лишь селяне знают путь,

Where the mossy riv'let strays,
Far from human haunts and ways;
All on Nature you depend,
And life's poor season peaceful spend.

Or, if man's superior might
Dare invade your native right,
On the lofty ether borne,
Man with all his pow'rs you scorn;
Swiftly seek, on clanging wings,
Other lakes and other springs;
And the foe you cannot brave,
Scorn at least to be his slave.

Verses Written with a Pencil

Over the Chimney-piece in the Parlour of the Inn at Kenmore, Taymouth.

Admiring Nature in her wildest grace,
These northern scenes with weary feet I trace;
O'er many a winding dale and painful steep,
Th' abodes of covey'd grouse and timid sheep,
My savage journey, curious, I pursue,
Till fam'd Breadalbane opens to my view. –
The meeting cliffs each deep-sunk glen divides,
The woods wild scatter'd, clothe their ample sides;
Th' outstretching lake, imbosomed 'mong the hills,
The eye with wonder and amazement fills;
The Tay meand'ring sweet in infant pride,
The palace rising on his verdant side,
The lawns wood-fring'd in Nature's native taste,
The hillocks dropt in Nature's careless haste,
The arches striding o'er the new-born stream,
The village glittering in the noontide beam –

Poetic ardours in my bosom swell,
Lone wand'ring by the hermit's mossy cell;
The sweeping theatre of hanging woods,
Th' incessant roar of headlong tumbling floods –

Here Poesy might wake her heav'n-taught lyre,
And look through Nature with creative fire;
Here, to the wrongs of Fate half reconcil'd,
Misfortunes lighten'd steps might wander wild;
And Disappointment, in these lonely bounds,
Find balm to soothe her bitter, rankling wounds:
Here heart-struck Grief might heav'nward stretch her scan,
And injur'd Worth forget and pardon man.

Топких множество ручьёв,
Вдалеке и тракт, и кров;
Лишь Природа ваш оплот,
Жизни тих осенний ход.

Если влезет, всё поправ,
Враг природных ваших прав,
Этот высшей спеси тлен,
Будет он для вас презрен;
На крыло (огляд ваш скор),
Хватит речек и озёр;
Бросить вызов нету сил –
Лишь бы не поработил.

Стихи, написанные карандашом

над камином в гостиной трактира в Кёнморе, Тэймут

Природы дикой грацией пленён,
Край северный прошёл – и утомлён;
Где вьётся дол и с кручи камнепад –
Дом куропаток и овечьих стад;
Пытливо рыскал всюду, как шальной,
И вот Брэдо́лбейн⁶¹⁹ встал передо мной:
Утёсов смычки делят узкий дол,
Роскошный склон под рябь лесов ушёл,
Вон озеро в щели промеж холмов –
Взор всюду к изумлению готов;
Петляет Тэй⁶²⁰, по-детски горд и рад,
И замо́к вылез на зелёный скат,
Лужайки в дикой бахrome лесной,
Бутры небрежной брошены рукой,
Воде дан путь, и аркой мост средь круч,
В деревне блеск навёл полдневный луч...

Жар строк и рифм в груди моей горит:
Бродя один, миную мшистый скит,
В склоненье крон театр приметить смог,
И непрестанный рёв несёт поток –

Поэзии будить здесь лиры звук,
Объяв огнём творенья мир вокруг;
Здесь к Року зла и половины нет,
И вдвое легче стала поступь бед;
Досаде в сих пределах случай дан
Сыскать бальзам для жгучих гнойных ран;
Здесь Го́рю свод бы дал забыть тотча́с
Неправедность Богатств, простить всех нас.

Lines on the Fall of Fyers near Loch-Ness

Written with a Pencil on the Spot.

Among the heathy hills and ragged woods
The roaring Fyers pours his mossy floods;
Till full he dashes on the rocky mounds,
Where, thro' a shapeless breach, his stream resounds.
As high in air the bursting torrents flow,
As deep recoiling surges foam below,
Prone down the rock the whitening sheet descends,
And viewles Echo's ear, astonished, rends.
Dim-seen, through rising mists and ceaseless show'rs,
The hoary cavern, wide surrounding lours:
Still thro' the gap the struggling river toils,
And still, below, the horrid cauldron boils –

On the Death of Robert Dundas, Esq.,

Of Arniston, Late Lord President of the Court of Session.

Lone on the bleaky hills the straying flocks
Shun the fierce storms among the sheltering rocks;
Down from the rivulets, red with dashing rains,
The gathering floods burst o'er the distant plains;
Beneath the blast the leafless forests groan;
The hollow caves return a hollow moan.

Ye hills, ye plains, ye forests, and ye caves,
Ye howling winds, and wintry swelling waves!
Unheard, unseen, by human ear or eye,
Sad to your sympathetic glooms I fly;
Where, to the whistling blast and water's roar,
Pale Scotia's recent wound I may deplore.

O heavy loss, thy country ill could bear!
A loss these evil days can ne'er repair!
Justice, the high vicegerent of her God,
Her doubtful balance eyed, and sway'd her rod:
Hearing the tidings of the fatal blow,
She sank, abandon'd to the wildest woe.

Wrongs, injuries, from many a darksome den,
Now, gay in hope, explore the paths of men:
See from his cavern grim Oppression rise,
And throw on Poverty his cruel eyes;
Keen on the helpless victim see him fly,
And stifle, dark, the feebly-bursting cry:

Mark Ruffian Violence, distained with crimes,
Rousing elate in these degenerate times,

Строки о водопаде Файерс близ озера Лох-Несс,

написанные карандашом на купюре

Средь вереска холмов и рвани чащ
Бег Файерса промеж болот рычащ;
Потом, слетев на каменную плешь,
Ревёт и бьёт в бесформенную брешь
(Сколь струй разрывы метят в облака,
Столь яма волн под пеной глубока);
К скале прильнув белёным полотном,
Щепит он невидимки-эха гром.
Восходит дымка, хлещет сверху всласть,
Где щерится пещеры дикой пасть:
Пролом труды реки к итогу свёл,
Внизу кипит пугающий котёл...

На смерть Роберта Дандаса⁶²¹, эсквайра

из Арнистона, позднее – лорда-председателя Сессионного суда⁶²²

На голых склонах шевеленье стад
От бури злой лишь скалы оградят;
Из ручейков, что от дождей красны,
В низины воды сверзиться должны;
Лес голый издаёт под ветром стон,
Тот пустотой пещерной возвращён.

Холмы, низины, лес, пещерный свод,
Ветра́, что воют, зимний натиск вод!
Невидимый, неслышимый чужак,
Лечу я к вам, в сочувственный ваш мрак:
Со свистом ветра, грохотом воды
Оплакать боль постигшей край беды.

С трудом потерю вынесет страна!
В дни злобы не восполнится она!
Наместника послал судейский бог:
Тот зрел качанье чаш и править мог;
Юстиции – как камнем по виску:
В дичайшую ушла она тоску.

Обманы, беды прут из всех щелёй,
Надеясь славно влезть в дела людей;
Гнёт из пещеры выбрался сейчас
И с Бедности не сводит злющих глаз;
Примчится к беззащитной жертве вмиг
И в темноте задушит слабый вскрик;

Заметь, как, всех грехов презренью рад,
Забил крылами век-дегенерат,

View unsuspecting Innocence a prey,
As guileful Fraud points out the erring way:
While subtle Litigation's pliant tongue
The life-blood equal sucks of Right and Wrong:
Hark, injur'd Want recounts th' unlisten'd tale,
And much-wrong'd Mis'ry pours the unpitied wail!

Ye dark waste hills, ye brown unsightly plains,
Congenial scenes, ye soothe my mournful strains:
Ye tempests, rage! ye turbid torrents, roll!
Ye suit the joyless tenor of my soul.
Life's social haunts and pleasures I resign;
Be nameless wilds and lonely wanderings mine,
To mourn the woes my country must endure –
That would degenerate ages cannot cure.

Elegy on the Death of Sir James Hunter Blair

The lamp of day, with ill-presaging glare,
Dim, cloudy, sank beneath the western wave;
Th' inconstant blast howl'd thro' the dark'ning air,
And hollow whistled in the rocky cave.

Lone as I wander'd by each cliff and dell,
Once the lov'd haunts of Scotia's royal train;
Or mus'd where limpid streams, once hallow'd well,
Or mould'ring ruins mark the sacred fane.

Th' increasing blast roar'd round the beetling rocks,
The clouds swift-wing'd flew o'er the starry sky,
The groaning trees untimely shed their locks,
And shooting meteors caught the startled eye.

The paly moon rose in the livid east,
And 'mong the cliffs disclos'd a stately form
In weeds of woe, that frantic beat her breast,
And mix'd her wailings with the raving storm.

Wild to my heart the filial pulses glow,
'Twas Caledonia's trophied shield I view'd:
Her form majestic droop'd in pensive woe,
The lightning of her eye in tears imbued.

Revers'd that spear, redoubtable in war,
Reclined that banner, erst in fields unfurl'd,
That like a deathful meteor gleam'd afar,
And brav'd the mighty monarchs of the world.

"My patriot son fills an untimely grave!"
With accents wild and lifted arms she cried;
"Low lies the hand oft was stretch'd to save,
Low lies the heart that swell'd with honest pride.

Беспечность жертв наивных не забудь,
Обман, что указывает грешный путь,
Пока субтильной Тяжбы голосок
Сосёт из Правых и Виновных сок;
Услышь рассказ, представленный Нуждой,
Оболганных Невзгод тоскливый вой!

О мрак холмов, убожество низин,
Скорбь сгладьте, ибо дух у нас один;
Яритесь, бури! Бездна вод, пляши!
Вам близок скорбный строй моей души.
Отверг отрады я и общий кров,
Назвать места скитаний не готов;
Должна страна своё оплакать горе –
Век-вырожденец здесь ей не подспорье.

Элегия на смерть сэра Джеймса Хантера Блэра⁶²³

Светило дня в сиянии зловещем
Меж туч сошло в закатную волну;
Во мраке ветер воет и трепещет,
И полнит свист каверны глубину.

Я одиноко брёл меж скал, лощин,
Дававших кров шотландским королям⁶²⁴,
Где ключ святой выходит из глубин⁶²⁵,
Где лишь руины метят бывший храм⁶²⁶.

Ревели вихри вкруг нависших скал,
Летели тучи, застыл блеск светил,
Стеная, лес до срока лист терял,
Паденье метеоров взор ловил.

Бледнел восток; бледней взошла луна,
Явила между скал богатство форм;
Рыданья из груди своей она
Мешала с тем, что бормотал ей шторм.

И тут сыновний пульс замолотил –
И образ Каледонии⁶²⁷ принёс;
Склониться ей достало в горе сил,
Слать молнии из глаз в потоках слёз.

Убрав копьё, чей столь конец остёр,
Свернула стяг, что в битвах трепетал
И вдаль светил, как смерти метеор,
Монархам грозным вызов посылал.

«Мой патриот безвременно угас! –
Воздевши руки, перешла на крик. –
Недвижна длань, спасавшая не раз,
Недвижен, кто был честен, горд, велик.

"A weeping country joins a widow's tear;
The helpless poor mix with the orphan's cry;
The drooping arts surround their patron's bier;
And grateful science heaves the heartfelt sigh!

"I saw my sons resume their ancient fire;
I saw fair Freedom's blossoms richly blow:
But ah! how hope is born but to expire!
Relentless fate has laid their guardian low.

"My patriot falls: but shall he lie unsung,
While empty greatness saves a worthless name?
No; every muse shall join her tuneful tongue,
And future ages hear his growing fame.

"And I will join a mother's tender cares,
Thro' future times to make his virtues last;
That distant years may boast of other Blairs!" –
She said, and vanish'd with the sweeping blast.

Prologue

Spoken by Mr. Woods on his benefit-night, Monday, 16th April, 1787

When, by a generous Public's kind acclaim,
That dearest meed is granted – honest fame;
When here your favour is the actor's lot,
Nor even the man in private life forgot;
What breast so dead to heavenly Virtue's glow,
But heaves impassion'd with the grateful throe?
Poor is the task to please a barb'rous throng,
It needs no Siddons' powers in Southern's song;
But here an ancient nation, fam'd afar,
For genius, learning high, as great in war.
Hail, Caledonia, name for ever dear!
Before whose sons I'm honour'd to appear!
Where every science, every nobler art,
That can inform the mind or mend the heart,
Is known; as grateful nations oft have found,
Far as the rude barbarian marks the bound.
Philosophy, no idle pedant dream,
Here holds her search by heaven-taught Reason's beam;
Here History paints with elegance and force
The tide of Empire's fluctuating course;
Here Douglas forms wild Shakespeare into plan,
And Harley rouses all the god in man.
When well-form'd taste and sparkling wit unite
With manly lore, or female beauty bright,
(Beauty, where faultless symmetry and grace
Can only charm us in the second place),
Witness my heart, how oft with panting fear,

Умножит вдовьи слёзы плач страны,
Сольются слёзы бедных и сирот;
Искусства никнуть у одра должны,
Наука благодарная вздохнёт!

Я зрела, как сыны вновь теплят пламя,
Обильно как Свобода расцвела;
Увы! Надежда смертна, как вы сами!
Защитник пал. Его судьбина зла.

Пал патриот; неужто невоспет
Он будет, когда славят мозгляка?
Нет, музам всем сплести уменья след,
Чтоб славу его помнили века.

Я материнской нежности без меры
Добавлю. Чтоб родник сей не зарос;
Грядущему польстят другие Блэры!» –
Сказала, и порыв её унёс.

Пролог {1},

прочитанный мистером Вудсом⁶²⁸ на его бенефисе в понедельник 16 апреля 1787 г.

Когда радушен публики приём,
(А наша слава держится на нём),
Когда поддержкой вашей жив актёр
(Была когда-то – помнит до сих пор),
Какая грудь, всю благодать презря,
Не затрепещет вам благодаря?
Толпе дикарской угодить – не труд,
Дар Сиддонс⁶²⁹ не потребуется тут,
Но древний здесь, прославленный народ,
Учёность, доблесть, ум – его оплот!
Тебе, о Каледония⁶³⁰, пою!
Перед детьми твоими предстаю!
Художника таланты, мудреца
Умы наполнить, исцелить сердца
Известны всем (соседи пали ниц),
И варвар не поставит им границ.
Философ здесь, а не педант могуч,
И Небом устремлён исканья луч;
История изящна и сильна,
Вникает в курс империи она;
Здесь «Даглас»⁶³¹ обуздал Шекспира пыл,
А Харли⁶³² божье в людях пробудил.
Когда роднятся вкус и ум живой
С мужским уменьем, женскою красой
(Красой, и соразмерность чья, и стать
Могли бы где-то нас очаровать),
Поверьте: захожусь от страха весь,

As on this night, I've met these judges here!
But still the hope Experience taught to live,
Equal to judge-you're candid to forgive.
No hundred-headed riot here we meet,
With decency and law beneath his feet;
Nor Insolence assumes fair Freedom's name:
Like Caledonians, you applaud or blame.

O Thou, dread Power! whose empire-giving hand
Has oft been stretch'd to shield the honour'd land!
Strong may she glow with all her ancient fire;
May every son be worthy of his sire;
Firm may she rise, with generous disdain
Tyranny's, or direr Pleasure's chain;
Still Self-dependent in her native shore,
Bold may she brave grim Danger's loudest roar,
Till Fate the curtain drop on worlds to be no more.

Prologue

Spoken at the Theatre of Dumfries on New Year's Day Evening, 1790.

No song nor dance I bring from yon great city,
That queens it o'er our taste – the more's the pity:
Tho' by the bye, abroad why will you roam?
Good sense and taste are natives here at home:
But not for panegyric I appear,
I come to wish you all a good New Year!
Old Father Time deposes me here before ye,
Not for to preach, but tell his simple story:
The sage, grave Ancient cough'd, and bade me say,
"You're one year older this important day,"
If wiser too – he hinted some suggestion,
But 'twould be rude, you know, to ask the question;
And with a would-be roguish leer and wink,
Said-"Sutherland, in one word, bid them Think!"

Ye sprightly youths, quite flush with hope and spirit,
Who think to storm the world by dint of merit,
To you the dotard has a deal to say,
In his sly, dry, sententious, proverb way!
He bids you mind, amid your thoughtless rattle,
That the first blow is ever half the battle;
That tho' some by the skirt may try to snatch him,
Yet by the forelock is the hold to catch him;
That whether doing, suffering, or forbearing,
You may do miracles by persevering.

Last, tho' not least in love, ye youthful fair,
Angelic forms, high Heaven's peculiar care!
To you old Bald-pate smoothes his wrinkled brow,
And humbly begs you'll mind the important – Now!
To crown your happiness he asks your leave,
And offers, bliss to give and to receive.

Как нынче, встретив судей этих здесь!
Но Опыт жизни дал надежду жить:
Судить способный может и простить.
Не Бунт стоглавый ожидает зал,
Какой закон с приличьем растоптал,
Не Наглость, что Свободою зовут:
Хулят и славят каледонцы тут.

О Сил Господь, Ты милость не одну
Явил, прикрыв достойную страну!
Пусть светит огонь из вековых глубин,
Достойным предков будет каждый сын;
Пусть, твёрдо встав, достойно край презрит
Оковы, что не Гнёт, так Блажь сулит,
Пока, своих хозяйка берегов,
Не отразит Угрозы жуткий рёв,
Чтоб занавес не пал на лучший из миров.

Пролог {2},

прочитанный⁶³³ в театре Дамфриса в первый вечер Нового 1790 года

Не песнь, не пляс везу вам из столицы,
Что правит вкусом (как ни огорчиться?);
Зачем вам, кстати, за границу лезть?
Вкус, здравый смысл у нас и дома есть;
Но не хвалить пришла; скажу сейчас:
Пусть станет добрым Новый год для вас!
Велит Седое Время – и несу я
Не проповедь, историю простую.
Прокашлявшись, Старик вам передал:
«Сегодня каждый на́ год старше стал».
(Чуть поумней – намёк бы влез отлично,
Но, вроде, лезть с подсказкой неприлично);
Он подмигнул, да чуть скосился, плут:
«Пускай-ка сами, Сазерленд, смекнут!»

Вам, молодым, – надежды и потуги
Взять этот мир, явив свои заслуги;
Вам старый дурень передать был рад,
На свой занудный, хитрый, едкий лад:
Обдумайте, ведь в гвалте проку несть;
Ударил первым – полпобеды есть;
День за подол ловить, конечно, можно,
Но лучше ухватить за чуб надёжно;
Трудясь, страдая и терпя, коль худо,
С упорством совершить возможно чудо.

И, наконец, девицам (все красóты
У ангелков – Господней плод заботы!):
Плешивый вам, разгладив лоб, припас
Запомнить, что важней всего – СЕЙЧАС!
Готов удачу вашу увенчать,
Дав радость и давать, и получать.

For our sincere, tho' haply weak endeavours,
With grateful pride we own your many favours;
And howsoe'er our tongues may ill reveal it,
Believe our glowing bosoms truly feel it.

Scots' Prologue

For Mr. Sutherland on his Benefit-Night, at the Theatre, Dumfries.

What needs this din about the town o' Lon'on,
How this new play an' that new sang is comin?
Why is outlandish stuff sae meikle courted?
Does nonsense mend, like brandy, when imported?
Is there nae poet, burning keen for fame,
Will try to gie us sangs and plays at hame?
For Comedy abroad he need to toil,
A fool and knave are plants of every soil;
Nor need he hunt as far as Rome or Greece,
To gather matter for a serious piece;
There's themes enow in Caledonian story,
Would shew the Tragic Muse in a' her glory. –

Is there no daring Bard will rise and tell
How glorious Wallace stood, how hapless fell?
Where are the Muses fled that could produce
A drama worthy o' the name o' Bruce?
How here, even here, he first unsheath'd the sword
'Gainst mighty England and her guilty Lord;
And after mony a bloody, deathless doing,
Wrench'd his dear country from the jaws of Ruin!
O for a Shakespeare, or an Otway scene,
To draw the lovely, hapless Scottish Queen!
Vain all th' omnipotence of female charms
'Gainst headlong, ruthless, mad Rebellion's arms:
She fell, but fell with spirit truly Roman,
To glut that direst foe – a vengeful woman;
A woman, (tho' the phrase may seem uncivil,)
As able and as wicked as the Devil!
One Douglas lives in Home's immortal page,
But Douglasses were heroes every age:
And tho' your fathers, prodigal of life,
A Douglas followed to the martial strife,
Perhaps, if bowls row right, and Right succeeds,
Ye yet may follow where a Douglas leads!

As ye hae generous done, if a' the land
Would take the Muses' servants by the hand;
Not only hear, but patronize, befriend them,
And where he justly can commend, commend them;
And aiblins when they winna stand the test,
Wink hard, and say The folks hae done their best!

Мы искренне (не взять всего стараньем)
Гордимся, с благодарностью, вниманьем;
Пусть не сумели всё доставить в уши,
Поверьте, что пылают наши души!

Шотландский пролог

для бенефиса мистера Сазерленда⁶³⁴ в театре Дамфриса

Что проку в шуме лондонском, хоть тресни,
Вокруг новинки, пьесы или песни?
За что заезжим похвалы навалом?
Чушь лучше, как и бренди, за Каналом⁶³⁵?
Иль нет поэта, в коем славы бес,
Чтоб здесь рванулся к сочиненью пьес?
Не нужен заграничный опыт тут,
В любом краю есть свой дурак и плут;
Он даром бы полез в Афины, Рим,
Когда серьёзный кус необходим;
Тем каледонских⁶³⁶ хватит, несомненно,
Чтоб славно их явила Мельпомена⁶³⁷.

Иль барда нет, чтоб встал и рассказал,
Как славный Уоллес⁶³⁸ бился, как он пал?
Где муза, улетевшая (конфуз!)
Без драмы, коей столь достоин Брюс⁶³⁹?
Ведь меч впервые обнажил он здесь
На Англии вождя всю мощь и спесь,
Дабы в крови, в бессмертии свершенья
Спасти родимый край от разоренья!
Шекспир, Отвэй⁶⁴⁰ – то их масштаба роль,
Шотландской дивной королевы⁶⁴¹ боль:
Не может и всецелье женских чар
Унять безумный, злой бунтарский жар;
Она погибла, римский дух являя,
Соперницы отмщенье насыщая –
Той, что была (пристойность нарушаю),
Как дьявол сам, хитра и зла без краю!
Лишь «Даглас»⁶⁴² на страницах книг живёт,
Но Дагласы – в веках геройский род;
Раз предки, не трясаясь за жизнь свою,
За Дагласа в смертельном шли бою –
Коль верно кубок обошёл ваш стол –
Ваш путь всё тот же, каким Даглас вёл!

О, если б, проявляя щедрость рук,
Край к слугам муз поворотился вдруг:
Не слушать лишь, а в нуждах подсобить их,
И если есть за что, так похвалить их,
А коль они проверку не прошли,
То подмигнуть: «Слепили как смогли!»

Would a' the land do this, then I'll be caition,
Ye'll soon hae Poets o' the Scottish nation
Will gar Fame blaw until her trumpet crack,
And warsle Time, an' lay him on his back!

For us and for our Stage, should ony spier,
"Whase aught thae chiels maks a' this bustle here?"
My best leg foremost, I'll set up my brow –
We have the honour to belong to you!
We're your ain bairns, e'en guide us as ye like,
But like good mithers shore before ye strike;
And gratefu' still, I trust ye'll ever find us,
For gen'rous patronage, and meikle kindness
We've got frae a' professions, sets and ranks:
God help us! we're but poor – ye'se get but thanks.

The Rights of Woman

An Occasional Address, Spoken by Miss Fontenelle
on her Benefit Night, November 26, 1792.

While Europe's eye is fix'd on mighty things,
The fate of Empires and the fall of Kings;
While quacks of State must each produce his plan,
And even children lisp the Rights of Man;
Amid this mighty fuss just let me mention,
The Rights of Woman merit some attention.

First, in the Sexes' intermix'd connection,
One sacred Right of Woman is, protection. –
The tender flower that lifts its head, elate,
Helpless, must fall before the blasts of Fate,
Sunk on the earth, defac'd its lovely form,
Unless your shelter ward th' impending storm.

Our second Right – but needless here is caution,
To keep that right inviolate's the fashion;
Each man of sense has it so full before him,
He'd die before he'd wrong it – 'tis decorum. –
There was, indeed, in far less polish'd days,
A time, when rough rude man had naughty ways,
Would swagger, swear, get drunk, kick up a riot,
Nay even thus invade a Lady's quiet.
Now, thank our stars! those Gothic times are fled;
Now, well-bred men – and you are all well-bred –
Most justly think (and we are much the gainers)
Such conduct neither spirit, wit, nor manners.

For Right the third, our last, our best, our dearest,
That right to fluttering female hearts the nearest;
Which even the Rights of Kings, in low prostration,
Most humbly own – 'tis dear, dear admiration!
In that blest sphere alone we live and move;
There taste that life of life – immortal love.

Коль так бы всей страной, вас уверяю:
Поэтов вскоре бы хватало краю,
Чтоб Славу трубным звукам обучить
И на лопатки Время положить!
Простой вопрос из зала зададут:
«Кто вас прислал, чтоб куролесить тут?»
Шагну вперёд, и голову под высь:
«Одной здесь крови люди собрались!»
Мы, дети, знаем, труд вести на ком,
Но всё ж предупреждайте пред шлепком;
Мы благодарность выразим в охоту
За щедрую опеку и заботу
Профессиям, сообществам, слоям:
Бог в помощь! Благодарность бедных – вам!

Права женщины

Обращение, специально написанное для мисс Фонтенелл⁶⁴³
к её бенефису 6 ноября 1792 года

Пока Европе главное важней:
Империй рок, паденье королей;
Пока держав не молкнет болтовня,
«Праф селовека» хочет малышня –
Позвольте, пока свары не уймутся,
Прав женщины заслуженно коснуться.
Во-первых, там, где оба пола свиты,
Священно её право на Защиту:
Поднял головку нежную цветок
Беспомощный – его сдувает рок,
Прижав к земле, сминает прелесть форм,
Коль не найдёт преград нависший шторм.
Второе право – тут сомнений нету,
Должно быть нерушимым право это;
Мужчин разумных не унизим спором:
Умрут, но соблюдут его – Декорум.
И точно, были грубы времена,
Когда наглела суцая шпана:
Угрозы, ругань пьяного буяна
Покою дам грозили постоянно.
Спасибо звёздам, сгинул мрак сейчас;
Любезные мужчины – вроде вас –
Уверены (мы победили всё же):
Дух, ум, манеры так являть негоже.
Для нас нет права третьего важнее,
Трепещут души дам, его лелея;
И прав монархов, с правом сим в сравненье,
Скромнее нет: конечно, Восхищенье!
В блаженной сфере только мы одни;
Любви – а в ней вся жизнь – несчётны дни.

Smiles, glances, sighs, tears, fits, flirtations, airs;
'Gainst such an host what flinty savage dares,
When awful Beauty joins with all her charms –
Who is so rash as rise in rebel arms?

But truce with kings, and truce with constitutions,
With bloody armaments and revolutions;
Let Majesty your first attention summon,
Ah! ça ira! The Majesty Of Woman!

Address Spoken by Miss Fontenelle

on her Benefit Night, December 4th, 1793 at the Theatre, Dumfries.

Still anxious to secure your partial favour,
And not less anxious, sure, this night, than ever,
A Prologue, Epilogue, or some such matter,
'Twould vamp my bill, said I, if nothing better;
So sought a poet, roosted near the skies,
Told him I came to feast my curious eyes;
Said, nothing like his works was ever printed;
And last, my prologue-business slyly hinted.
"Ma'am, let me tell you," quoth my man of rhymes,
"I know your bent – these are no laughing times:
Can you – but, Miss, I own I have my fears –
Dissolve in pause, and sentimental tears;
With laden sighs, and solemn-rounded sentence,
Rouse from his sluggish slumbers, fell Repentance;
Paint Vengeance as he takes his horrid stand,
Waving on high the desolating brand,
Calling the storms to bear him o'er a guilty land?"

I could no more – askancee the creature eyeing,
"D'ye think," said I, "this face was made for crying?
I'll laugh, that's poz – nay more, the world shall know it;
And so, your servant! gloomy Master Poet!"

Firm as my creed, Sirs, 'tis my fix'd belief,
That Misery's another word for Grief:
I also think – so may I be a bride!
That so much laughter, so much life enjoy'd.

Thou man of crazy care and ceaseless sigh,
Still under bleak Misfortune's blasting eye;
Doom'd to that sorest task of man alive –
To make three guineas do the work of five:
Laugh in Misfortune's face – the beldam witch!
Say, you'll be merry, tho' you can't be rich.

Thou other man of care, the wretch in love,
Who long with jiltish airs and arts hast strove;
Who, as the boughs all temptingly project,
Measur'st in desperate thought – a rope – thy neck –
Or, where the beetling cliff o'erhangs the deep,
Peerest to meditate the healing leap:
Would'st thou be cur'd, thou silly, moping elf?
Laugh at her follies – laugh e'en at thyself:
Learn to despise those frowns now so terrific,
And love a kinder – that's your grand specific.

To sum up all, be merry, I advise;
And as we're merry, may we still be wise.

Улыбки, вздохи, слёзы, флирт, кураж –
Как устоит дикарь кремнёвый ваш,
Когда красе и чар не занимать?
Кто столь безумен, чтоб посмел восстать?

Довольно королей и конституций
В крови военных свар и революций;
Внимание тому, что величаво!
Ах, ça ira⁶⁴⁴! Величью женщин – слава!

Обращение, произнесённое мисс Фонтенелл

на её бенефисе 4 декабря 1793 года в театре Дамфриса

В заботах, как не навредить удаче
В любой из дней, а в нынешний тем паче,
Прологом, эпилогом и всем прочим
Латаю список свой; сказать короче,
Нашла поэта где-то близ небес
И, выказав огромный интерес,
Сказала: в мире не найти такого,
И про пролог вернуть сумела слово.
«Позвольте, мэм, сказать, – рифмач в ответ, –
Я знаю Ваш настрой; тут смеха нет:
Способны ль – мисс, признаюсь, чую страх –
Вы паузы длить в чувствительных слезах,
Вздыхая, грусть влагая в выраженья,
Тянуть из дрёмы ужас сожаленья,
Изобразив притом отмщенья жуть,
Успевшего мечом своим взмахнуть;
Звать шторм – виновный край помочь перемахнуть?»

Нет, полно! Сбоку, не меняя позы:
«Считаете, должны пойти мне слёзы?
По роли смех мне дан, мир знает это;
Мне ни к чему уныние поэта!»

Мои устои, господа, крепки:
Беду не отличаю от тоски,
И думаю (играть невесту мне!):
Со смехом жизнь прекраснее вдвойне.

Ты, полный вечных вздохов и забот,
Кого беда жестокая ведёт!
Судьба, какой тоскливей не сыскать, –
Твой труд за три гинеи иль за пять;
Беде в глаза рассмейся – ведьма, дрянь! –
Не можешь стать богат, так весел стань.

Другой страдалец, брошенный в любви,
Кому обман, ужимки не внови,
Кого манит любой покрепче сук
К петлё, узлу и наложенью рук,
Иль там, где над пучиною утёс,
С него готовый сигануть всерьёз!
Излечишься ли глупостью такой?
Над дурой смейся, смейся над собой;
Презри бровей нахмуренных коварство,
Сыщи добрее – вот твоё лекарство.

Весёлым стать – совет со стороны;
Раз веселы, так можем стать умны!

Epigram on Seeing Miss Fontenelle
in a Favourite Character

Sweet naivete of feature,
Simple, wild, enchanting elf,
Not to thee, but thanks to Nature,
Thou art acting but thyself.

Wert thou awkward, stiff, affected,
Spurning Nature, torturing art;
Loves and Graces all rejected,
Then indeed thou'd'st act a part.

Ode, Sacred to the Memory of Mrs. Oswald
of Auchencruive

Dweller in yon dungeon dark,
Hangman of creation! mark,
Who in widow-weeds appears,
Laden with unhonour'd years,
Noosing with care a bursting purse,
Baited with many a deadly curse?

Strophe

View the wither'd Beldam's face;
Can thy keen inspection trace
Aught of Humanity's sweet, melting grace?
Note that eye, 'tis rheum o'erflows;
Pity's flood there never rose,
See these hands ne'er stretched to save,
Hands that took, but never gave:
Keeper of Mammon's iron chest,
Lo, there she goes, unpitied and unblest,
She goes, but not to realms of everlasting rest!

Antistrophe

Plunderer of Armies! lift thine eyes,
(A while forbear, ye torturing fiends;)
Seest thou whose step, unwilling, hither bends?
No fallen angel, hurl'd from upper skies;
'Tis thy trusty quondam Mate,
Doom'd to share thy fiery fate;
She, tardy, hell-ward plies.

Epode

And are they of no more avail,
Ten thousand glittering pounds a-year?
In other worlds can Mammon fail,
Omnipotent as he is here!
O, bitter mockery of the pompous bier,
While down the wretched Vital Part is driven!
The cave-lodged Beggar, with a conscience clear,
Expires in rags, unknown, and goes to Heaven.

Эпиграмма на мисс Фонтенелл
в её любимой роли

Не сыскать милее, вроде;
Эльф прелестный и простой,
Не тебе хвала, Природе:
Подменяешь роль собой.

Грубой и тупой кривлякой
Гни Природу, навек мучь,
Страсть и стать отринув всяко, –
Вот тогда талант могуч.

Ода священной памяти миссис Освальд⁶⁴⁵
из Оукенкрува

Ту, в темнице, обозначь,
Всякой сущности палач!
Кто она, в одеждах вдовьих,
С грузом лет (не славословь их):
С треском лопнул кошелек,
И проклятий вслед поток?

Строфа

Лик иссохший видишь ты;
Сможешь уловить черты
Доброй, мягкой красоты?
Слёз потоки застыт взгляд –
Жалость сыщешь в нём навряд;
Руки ближних не спасли:
Не давали, а гребли;
Страж сундука мамоны, вон она,
Вне жалости, не благословлена,
Ей негa райских куш навек возбранена!

*Антистрофа*⁶⁴⁶

Грабитель войск⁶⁴⁷, яви-ка интерес
(Чертям пока помедлить с пыткой чуть!):
Кто без охоты хочет заглянуть?
Не падший ангел, свергнутый с небес,
А подруга дней былых
(Рок ваш адский – на двоих)
Прёт к пеклу, спешки без.

*Эпод*⁶⁴⁸

Теперь-то смогут пользу вам
Дать десять тысяч в год какую?
Бессильна ли мамона там,
Какая здесь всех бьёт вчистую?
С роскошных дрозг насмешку злую
Шлёт плоть, в иной перебираясь край!
А из пещеры нищий, не воруя, –
В рваньё, безвестен – попадает в рай.

Elegy on the Year 1788

For lords or kings I dinna mourn,
E'en let them die – for that they're born:
But oh! prodigious to reflec'!
A Towmont, sirs, is gane to wreck!
O Eighty-eight, in thy sma' space,
What dire events hae taken place!
Of what enjoyments thou hast reft us!
In what a pickle thou has left us!

The Spanish empire's tint a head,
And my auld toothless, Bawtie's dead:
The tulyie's tough 'tween Pitt and Fox,
And 'tween our Maggie's twa wee cocks;
The tane is game, a bluidy devil,
But to the hen-birds unco civil;
The tither's something dour o' treadin,
But better stuff ne'er claw'd a middin.

Ye ministers, come mount the poupit,
An' cry till ye be hearse an' roupit,
For Eighty-eight, he wished you weel,
An' gied ye a' baith gear an' meal;
E'en monc a plack, and mony a peck,
Ye ken yoursels, for little feck!

Ye bonie lasses, dight your e'en,
For some o' you hae tint a frien';
In Eighty-eight, ye ken, was taen,
What ye'll ne'er hae to gie again.

Observe the very nowt an' sheep,
How dowff an' daviely they creep;
Nay, even the yirth itsel' does cry,
For E'nburgh wells are grutten dry.

O Eighty-nine, thou's but a bairn,
An' no owre auld, I hope, to learn!
Thou beardless boy, I pray tak care,
Thou now hast got thy Daddy's chair;
Nae handcuff'd, mizl'd, hap-shackl'd Regent,
But, like himsel, a full free agent,
Be sure ye follow out the plan
Nae waur than he did, honest man!
As muckle better as you can.

January, 1, 1789.

The Wounded Hare

Inhuman man! curse on thy barb'rous art,
And blasted be thy murder-aiming eye;
May never pity soothe thee with a sigh,
Nor ever pleasure glad thy cruel heart!

Элегия на ушедший 1788 год

Владык кончины не грустны:
Затем и были рождены;
Но вот что, господа, гнетёт:
Прошёл, чтоб напрочь сгинуть, год!
О две восьмёрки, мал ваш срок,
А новостей дрянных – мешок!
Таких услад вы нас лишили!
В такие пакости втравили!
Испанца⁶⁴⁹ этот год унёс,
Скончался мой беззубый пёс;
Сцепились насмерть Фокс и Питт⁶⁵⁰,
И петушиный бой кипит:
Один хромой, и клюв железный,
Но к курам редкостно любезный,
Другой же не даёт приплоду,
Но не гребли навоз так сроду.
Попам путь к кафедре короткий –
Вопить, пока не сядут глотки;
Им годик двух восьмёрок мил:
Набил мошну и подкормил;
Полно монет, хорош обед –
От них пусть, знают, проку нет!
Не надо, девки, ваших слёз,
Что год кой-чьих парней унёс;
Таких дружков сумел вам дать,
Каких не встретите опять.
Гляди: овечки, да и скот,
Понуры, стадо чуть ползёт;
Не только тут земля аж в крик,
Воды и в Эдинбурге пшик.
Ты, Новый год, малыш сейчас,
Тебе учиться в самый раз!
Высочество пусть помнит Ваше,
Что получило трон папаши;
Шиш регенту, шкодливой роже,
Вам, сыну, быть свободным тоже:
Идите твёрдо, видя цель,
Как поступал отец досель!
Не превзойти его ужель?

1 января 1789 г.

Подбитая зайчиха⁶⁵¹

Бесчеловечный человек, позор!
Будь проклят твой несущий гибель взгляд,
Сочувствием ничьим не будь объят,
Нет злой душе отрады с этих пор!

Go live, poor wand'rer of the wood and field!
The bitter little that of life remains:
No more the thickening brakes and verdant plains
To thee a home, or food, or pastime yield.

Seek, mangled wretch, some place of wonted rest,
No more of rest, but now thy dying bed!
The sheltering rushes whistling o'er thy head,
The cold earth with thy bloody bosom prest.

Perhaps a mother's anguish adds its woe;
The playful pair crowd fondly by thy side;
Ah! helpless nurslings, who will now provide
That life a mother only can bestow!

Oft as by winding Nith I, musing, wait
The sober eve, or hail the cheerful dawn,
I'll miss thee sporting o'er the dewy lawn,
And curse the ruffian's aim, and mourn thy hapless fate.

Sketch in Verse

Inscribed to the Right Hon. C. J. Fox.

How Wisdom and Folly meet, mix, and unite,
How Virtue and Vice blend their black and their white,
How Genius, th' illustrious father of fiction,
Confounds rule and law, reconciles contradiction,
I sing: If these mortals, the critics, should bustle,
I care not, not I – let the Critics go whistle!
But now for a Patron whose name and whose glory,
At once may illustrate and honour my story.
Thou first of our orators, first of our wits;
Yet whose parts and acquirements seem just lucky hits;
With knowledge so vast, and with judgment so strong,
No man with the half of 'em e'er could go wrong;
With passions so potent, and fancies so bright,
No man with the half of 'em e'er could go right;
A sorry, poor, misbegot son of the Muses,
For using thy name, offers fifty excuses.
Good Lord, what is Man! for as simple he looks,
Do but try to develop his hooks and his crooks;
With his depths and his shallows, his good and his evil,
All in all he's a problem must puzzle the devil.
On his one ruling passion Sir Pope hugely labours,
That, like th' old Hebrew walking-switch, eats up its neighbours:
Mankind are his show-box – a friend, would you know him?
Pull the string, Ruling Passion the picture will show him,
What pity, in rearing so beauteous a system,
One trifling particular, Truth, should have miss'd him;
For, spite of his fine theoretic positions,
Mankind is a science defies definitions.

Лесов, полей бродяжка! Проживёшь
Коротенький и жалкий хвостик дней:
Уж в папоротнике, средь зеленей
Приют, прокорм, потеху не найдёшь.

Ищи, калека, где передохнуть,
Хоть для одра все ямки хороши!
Дав кров, присвистнут сверху камыши,
В хлад вдавишь окровавленную грудь.

Боль матери, глядишь, добавит бед:
Зайчата влезут поиграть под бок;
Беспомощны мальцы, кто б им помог
Прожить самим – ведь мамы больше нет!

Где вьётся Нит⁶⁵², частенько думы дялю;
Закат ли тих, рассвет ли юн и рьян –
Не видя игр твоих в росе полян,
Скоту проклятья шлю, а о тебе скорблю.

Сценка в стихах,

посвящённая достопочтенному Ч.Дж. Фоксу⁶⁵³

«Как Мудрость и Глупость при встрече слились:
Порок, Добродетель – поди разберись,
Как Гений – иллюзий родитель, велик ты!
Смущаешь законы и гасишь конфликты», –
Пою; если критиков взбесится рать,
То мне, безусловно, на них наплевать!
Но вот для патрона, чьи имя и славу
Примером беру (и горжусь чем по праву):
Ты – первый оратор, блистательней всех;
Слух, что б ты ни сделал: «случайный успех»;
Столь знания обширны, столь суд твой глубок –
Кой-кто половиной прославиться б смог;
Столь страсти могучи, так выдумка прёт –
Кой-кто с половиной достиг бы высот;
Бедняк, что средь муз еле смог прилепиться,
Назвав твоё имя, сто раз извинится.
Бог мой, что за личность! Простой его взгляд
Хитрейшей уловкой считать норовят;
Будь добр или зол он, глубок или мелок,
Сам дьявол не вникнет в суть этих проделок.
Ведущая страсть его – Поупа забота⁶⁵⁴:
Библейским жезлом вечно лупит кого-то;
Людишки – ковчег⁶⁵⁵; вы знакомы, вестимо?
За ниточку дёрнет – пойдёт пантомима;
Как жаль, что создатель прекрасной системы
Лишь мелочи, Правде, не выделил темы:
Назло и помимо его объяснений,
Людишки – наука без определений.

Some sort all our qualities each to its tribe,
And think human nature they truly describe;
Have you found this, or t'other? There's more in the wind;
As by one drunken fellow his comrades you'll find.
But such is the flaw, or the depth of the plan,
In the make of that wonderful creature called Man,
No two virtues, whatever relation they claim,
Nor even two different shades of the same,
Though like as was ever twin brother to brother,
Possessing the one shall imply you've the other.

But truce with abstraction, and truce with a Muse
Whose rhymes you'll perhaps, Sir, ne'er deign to peruse:
Will you leave your justings, your jars, and your quarrels,
Contending with Billy for proud-nodding laurels?
My much-honour'd Patron, believe your poor poet,
Your courage, much more than your prudence, you show it:
In vain with Squire Billy for laurels you struggle:
He'll have them by fair trade, if not, he will smuggle:
Not cabinets even of kings would conceal 'em,
He'd up the back stairs, and by God, he would steal 'em,
Then feats like Squire Billy's you ne'er can achieve 'em;
It is not, out-do him – the task is, out-thieve him!

Sketch – New Year's Day [1790]

To Mrs. Dunlop.

This day, Time winds th' exhausted chain;
To run the twelvemonth's length again:
I see, the old bald-pated fellow,
With ardent eyes, complexion sallow,
Adjust the unimpair'd machine,
To wheel the equal, dull routine.

The absent lover, minor heir,
In vain assail him with their prayer;
Deaf as my friend, he sees them press,
Nor makes the hour one moment less,
Will you (the Major's with the hounds,
The happy tenants share his rounds;
Coila's fair Rachel's care to-day,
And blooming Keith's engaged with Gray)
From housewife cares a minute borrow,
(That grandchild's cap will do to-morrow,)
And join with me a-moralizing;
This day's propitious to be wise in.

First, what did yesternight deliver?
"Another year has gone for ever."
And what is this day's strong suggestion?
"The passing moment's all we rest on!"
Rest on – for what? what do we here?
Or why regard the passing year?

Ведь племя любое тьму черт наберёт,
Опишет природу людей – не наврёт;
Предчувствие носится? Вывод таков:
На пьяницу глянув, узришь и дружков.
Изъян это или был план столь глубок
Того, кто людей дивно вылепить смог?
Не свойства, как их ни свяжи меж собой,
И даже не разные сути в одной;
Мы лишь от близняшек ждём сходства такого:
Поймёшь одного, и узнаешь другого.

Но хватит абстракций. И музу уйму –
Чьи вирши Вам, сэр, допущу, ни к чему;
Возможно, Вы бросить все схватки решили
За гордые лавры с соперником Билли⁶⁵⁶?
Патрон мой почтенный, поверьте поэту:
Кураж, а не мудрость являете свету;
Надеется Билли на лавры резонно:
Не купит их честно – ввезёт незаконно;
Король, кабинет не отменяют извода:
Чтоб выкрасть, залезет он с чёрного хода;
Нет ловкости Билли – не Ваша награда:
Ведь не превзойти, перекрасть его надо!

Сценка «Первый день Нового [1790] года»

Для миссис Данлоп⁶⁵⁷

Цепь Время крутит, чтоб бежать
Двенадцать месяцев опять;
Плешивца разглядел я всё же:
Глаза горят, землиста кожа;
Машины выверяет ход,
Вот-вот рутина потечёт.

Недолюбив, наследник мелкий
Напрасно молит о безделке:
Мой друг глухой суть бед постиг,
Но с часа не скостит и миг;
Готовы ли (майора псы
Оставят поле без лисы,
Рашели в Койле⁶⁵⁸ нет милей,
Цветут, обнявшись, Кит и Грей),
Урвав от дел своих минутку
(Не связан чепчик на малютку),
Со мной поизвлекать морали?
День лучший сыщется едва ли.

Во-первых, что вчера случилось?
«Вновь минул год, скажи на милость».
А в чём сильнейшая идея?
«То, что сейчас, всего важнее!»
Важнее – для какого дела?
За что год Новый хвалим смело?

Will Time, amus'd with proverb'd lore,
Add to our date one minute more?
A few days may – a few years must –
Repose us in the silent dust.
Then, is it wise to damp our bliss?
Yes – all such reasonings are amiss!
The voice of Nature loudly cries,
And many a message from the skies,
That something in us never dies:
That on his frail, uncertain state,
Hang matters of eternal weight:
That future life in worlds unknown
Must take its hue from this alone;
Whether as heavenly glory bright,
Or dark as Misery's woeful night.

Since then, my honour'd first of friends,
On this poor being all depends,
Let us th' important now employ,
And live as those who never die.

Tho' you, with days and honours crown'd,
Witness that filial circle round,
(A sight life's sorrows to repulse,
A sight pale Envy to convulse),
Others now claim your chief regard;
Yourself, you wait your bright reward.

Address to Wm. Tytler, Esq., of Woodhouselee

With an Impression of the Author's Portrait.

Reveréd defender of beauteous Stuart,
Of Stuart, a name once respected;
A name, which to love was the mark of a true heart,
But now 'tis despis'd and neglected.

Tho' something like moisture conglobes in my eye,
Let no one misdeem me disloyal;
A poor friendless wand'rer may well claim a sigh,
Still more if that wand'rer were royal.

My fathers that name have rever'd on a throne:
My fathers have fallen to right it;
Those fathers would spurn their degenerate son,
That name should he scoffingly slight it.

Still in prayers for King George I most heartily join,
The Queen, and the rest of the gentry:
Be they wise, be they foolish, is nothing of mine;
Their title's avow'd by my country.

But why of that epocha make such a fuss,
That gave us th' Electoral stem?
If bringing them over was lucky for us,
I'm sure 'twas as lucky for them.

Иль Время, вникнув в болтовню,
Добавит хоть минутку дню?
Способны дни – года должны –
Нас ввергнуть в царство тишины.
Разумно ль счастье подавлять?
Такое глупо обсуждать!
Вовсю Природы глас орёт,
Посланиями засыпал свод,
Что есть в нас то, что не умрёт;
Что на земную хрупкость уз
Подвешен вековечный груз;
Что жизнь в неведомых мирах
Вбирает краски в наших днях:
Там воссияет небосвод
Иль ляжет тяжкий мрак невзгод.

Поймём, мой первый друг, сейчас,
Что всё лежит на жалких нас;
Давайте ж миг гонять как след
И жить, как будто смерти нет.

Пусть Вы в венце почтенных дней
И в окружении детей
(Отгонят горести они,
Загнётся зависть в их тени),
Вокруг все главного хотят:
Вы им – награда из наград.

Обращение к У. Тайтлеру⁶⁵⁹, эсквайру, в Вудхаусли,

с оттиском портрета автора

Вы Стюартов славных надёжный оплот,
А к ним обращались с почтеньем:
За ними шёл преданный сердцем народ,
Хоть ныне забыты с презреньем.

Хоть некая сырость исходит из глаз,
Упрёк в нелояльности – зряшный;
Забытый скиталец вздох слышит подчас,
Тем паче, владыка вчерашний.

Отцам моим дорог был Стюартов трон,
Отцы до конца шли за ними,
Сынка они проклинали б, зная, что он
Глумливо забыл это имя.

За здоровье Георга⁶⁶⁰, как все, помолюсь,
Я чту королеву и свиту;
Умны они, глупы – судить не берусь,
Страной моей признан их титул.

Но что ж так заходится век суетой,
Что вылез гановерский род?
Коль нам их правление – век золотой,
Так им и подавно везёт!

But, loyalty, truce! we're on dangerous ground;
Who knows how the fashions may alter?
The doctrine, to-day, that is loyalty sound,
To-morrow may bring us a halter!

I send you a trifle, a head of a bard,
A trifle scarce worthy your care;
But accept it, good Sir, as a mark of regard,
Sincere as a saint's dying prayer.

Now life's chilly evening dim shades on your eye,
And ushers the long dreary night:
But you, like the star that athwart gilds the sky,
Your course to the latest is bright.

Elegy on the Late Miss Burnett of Monboddo

Life ne'er exulted in so rich a prize,
As Burnet, lovely from her native skies;
Nor envious death so triumph'd in a blow,
As that which laid th' accomplish'd Burnet low.

Thy form and mind, sweet maid, can I forget?
In richest ore the brightest jewel set!
In thee, high Heaven above was truest shown,
As by His noblest work the Godhead best is known.

In vain ye flaunt in summer's pride, ye groves;
Thou crystal streamlet with thy flowery shore,
Ye woodland choir that chaunt your idle loves,
Ye cease to charm; Eliza is no more.

Ye healthy wastes, immix'd with reedy fens;
Ye mossy streams, with sedge and rushes stor'd:
Ye rugged cliffs, o'erhanging dreary glens,
To you I fly – ye with my soul accord.

Princes, whose cumb'rous pride was all their worth,
Shall venal lays their pompous exit hail,
And thou, sweet Excellence! forsake our earth,
And not a Muse with honest grief bewail?

We saw thee shine in youth and beauty's pride,
And Virtue's light, that beams beyond the spheres;
But, like the sun eclips'd at morning tide,
Thou left us darkling in a world of tears.

The parent's heart that nestled fond in thee,
That heart how sunk, a prey to grief and care;
So deckt the woodbine sweet yon aged tree;
So, from it ravish'd, leaves it bleak and bare.

Лояльность – затишье! Путь бедам открыт;
Кто б знал, как изменятся взгляды?
За то, что сегодня лояльно звучит,
Вдруг завтра повесить Вас надо?

Поэта башку прилагаю: пустяк,
Не стоящий доброго слова;
Примите же, сэр, уважения знак,
Он чист, как молитва святого.

Жизнь вечером хладным туманит Ваш взгляд,
И ночи последует жуть,
Но Вы, как звезда: свод лучи золотят,
Ваш ярост к грядущему путь.

Элегия на недавнюю смерть мисс Бёрнет Монбоддо⁶⁶¹

Жизнь ликовала, как вселился бес:
Прелестна Бёрнет, взятая с небес;
Но и у Смерти ярче нет побед,
Чем отправление Бёрнет на тот свет.

Краса и ум, как позабыть мне вас?
В оправе дивной воссиял алмаз!
В тебе был горный образ отражён,
Из всех трудов Творца ярчайший он.

Напрасны рощиц летний гордый шум,
Хрусталь ручья, цветистый бережок,
Хор в чаще, с коим страсть идёт на ум:
Илайзы нет – и чарам вышел срок.

Ширь пустошей и заросли болот,
Ручьи, сплошь в тростнике и камыше,
Утёсы, чей гранит долины рвёт,
Лечу я к вам: созвучны вы душе.

Князья, каким была ценою спесь,
Корыстна песнь на пышный ваш уход;
Ты, Совершенство, нас бросаешь здесь –
Неужто муза скорбь не изольёт?

Сияла юной статью на миру,
Свет Чистоту за все пределы нёс;
Ушла затмением Солнца поутру,
Оставив нас во тьме и в мире слёз.

В душе отца, что в нежности расцвёл,
Теперь царят тоска, заботы, мрак;
Так жимолость, что украшала ствол,
Оборвана – и он открыт и наг.

Verses on the Destruction of the Woods near Drumlanrig

As on the banks o' wandering Nith,
 Ae smiling simmer morn I stray'd,
And traced its bonie howes and haughs,
 Where linties sang and lammies play'd,
I sat me down upon a craig,
 And drank my fill o' fancy's dream,
When from the eddying deep below,
 Up rose the genius of the stream.
Dark, like the frowning rock, his brow,
 And troubled, like his wintry wave,
And deep, as sighs the boding wind
 Amang his caves, the sigh he gave –
"And come ye here, my son," he cried,
 "To wander in my birken shade?
To muse some favourite Scottish theme,
 Or sing some favourite Scottish maid?
"There was a time, it's nae lang syne,
 Ye might hae seen me in my pride,
When a' my banks sae bravely saw
 Their woody pictures in my tide;
When hanging beech and spreading elm
 Shaded my stream sae clear and cool:
And stately oaks their twisted arms
 Threw broad and dark across the pool;
"When, glinting thro' the trees, appear'd
 The wee white cot aboon the mill,
And peacefu' rose its ingle reek,
 That, slowly curling, clamb the hill.
But now the cot is bare and cauld,
 Its leafy bield for ever gane,
And scarce a stunted birk is left
 To shiver in the blast its lane."
"Alas!" quoth I, "what ruefu' chance
 Has twin'd ye o' your stately trees?
Has laid your rocky bosom bare –
 Has stripped the cleeding o' your braes?
Was it the bitter eastern blast,
 That scatters blight in early spring?
Or was't the wil'fire scorch'd their boughs,
 Or canker-worm wi' secret sting?"
"Nae eastlin blast," the sprite replied;
 "It blows na here sae fierce and fell,
And on my dry and halesome banks
 Nae canker-worms get leave to dwell:
Man! cruel man!" the genius sighed –
 As through the cliffs he sank him down –
"The worm that gnaw'd my bonie trees,
 That reptile wears a ducal crown."

Стихи о вырубке лесов близ Драмланрига⁶⁶²

Брёл берегом, где бродяжит Нит⁶⁶³,
Приметить летним утром рад
Низины, земли у реки,
Песнь коноплянок, скок ягнят;
Присевши на скалу, испил
Из полной чаши дивных грёз,
И тут взметнулся вихрь с глубин
И духа струй ко мне вознёс,
Чей лоб темнее хмурых скал
И беспокойней хладных вод;
С глубоким вздохом – ветер так
Среди пещер своих вздохнёт –
Воскликнул: «Ты пришёл, сынок,
В тени берёзок посидеть?
Шотландских милых тем набрать,
Шотландской милой деве спеть?
Ещё совсем не так давно
Меня ты в блеске видеть мог,
Когда у берегов любых
Леса мой отражал поток:
Склонялись к речке бук и вяз,
Прохладе чистых струй дав тень;
Дубы сплетали сеть ветвей –
Был омут чёрен в ясный день;
Тогда, блистая меж деревьев,
Белел над мельничкою дом,
Покойно в нём дымил очаг,
И дым стелился над холмом.
Теперь дом холоден и гол,
Щит леса сорван не к добру,
И лишь берёзка, уцелев,
Одна трепещет на ветру».
«Увы! – ему. – Что за напасть
Тебя оставила без крон?
Кто камень лона обнажил,
Твой берег одёжки кем лишён?
Восточный ветер, что весной
Сметает напрочь всё подряд?
Лесной пожар, гроза ветвей,
Иль червяков секретный яд?»
«Не вихрь с востока, – молвил дух, –
Не так он здесь свиреп и лют;
Мой берег сух, здоров, на нём
Поганцы-черви не живут;
Всё человек! И злой! – тут вздох,
Как бы застрявший между скал, –
Червяк, что сгрыз мой чудный лес,
Корону герцога таскал⁶⁶⁴».

Address to the Shade of Thomson

On Crowning his Bust at Ednam, Roxburghshire, with a Wreath of Bays.

While virgin Spring by Eden's flood,
Unfolds her tender mantle green,
Or pranks the sod in frolic mood,
Or tunes Eolian strains between;

While Summer, with a matron grace,
Retreats to Dryburgh's cooling shade,
Yet oft, delighted, stops to trace
The progress of the spiky blade;

While Autumn, benefactor kind,
By Tweed erects his aged head,
And sees, with self-approving mind,
Each creature on his bounty fed;

While maniac Winter rages o'er
The hills whence classic Yarrow flows,
Rousing the turbid torrent's roar,
Or sweeping, wild, a waste of snows;

So long, sweet Poet of the year,
Shall bloom that wreath thou well hast won;
While Scotia, with exulting tear,
Proclaims that Thomson was her son.

Extempore on Some Commemorations of Thomson

Dost thou not rise, indignant shade,
And smile wi' spurning scorn,
When they wha wad hae starved thy life,
Thy senseless turf adorn?

Helpless, alane, thou clamb the brae,
Wi' meikle honest toil,
And claught th' unfading garland there –
Thy sair-worn, rightful spoil.

And wear it thou! and call aloud
This axiom undoubted –
Would thou hae Nobles' patronage?
First learn to live without it!

To whom hae much, more shall be given,
Is every Great man's faith;
But he, the helpless, needful wretch,
Shall lose the mite he hath.

Обращение к тени умершего Томсона⁶⁶⁵

по поводу увенчания его бюста в Эднеме, Роксбёргшир⁶⁶⁶, лавровым венком

Пока Весна у райских вод
Решит зелёное надеть,
Ей дёрн украсить блажь придёт,
Струной Эола⁶⁶⁷ прозвенеть;

Пока вальяжный Лета шаг
Ведёт под Драйбёрг⁶⁶⁸, в тень дубрав
(Хоть часто Лето радо так,
Что не следит за ростом трав);

Пока нам Осень, тьму даров
Дав, поверх Твидовой воды⁶⁶⁹
Глядит на лучший из миров,
Где превосходны все плоды;

Пока Зимы хлебают гнев
Холмы, где Ярроу⁶⁷⁰ правит бег:
Взревёт всей мутью, озверев,
Иль смочет, дик, последний снег –

Дотоль (год выдался счастливым)
Венок твой зелен, властелин,
Пока Шотландия с надрывом
Вопит, что Томсон – её сын.

Экспромт по поводу чествования памяти Томсона

Не встанешь, негодуя, дух,
Ухмылкой не презришь
Тех, кто, поэта уморив,
Знай холят дёрна тишь?

Ты лез без помощи на склон –
Огромен честный труд –
Хватал невянувший венок,
Столь выстраданный тут.

Надень его, и постулат
Ори (кто усомнится?):
«Ждёшь помощь знати? Без неё
Попробуй обходиться!»

Взял много – надо больше взять,
Уверовал богач;
Но он, беспомощный бедняк,
Был без гроша, хоть плачь.

Sonnet

Written on the Author's Birthday,
on hearing a Thrush sing in his Morning Walk.

Sing on, sweet thrush, upon the leafless bough,
Sing on, sweet bird, I listen to thy strain,
See aged Winter, 'mid his surly reign,
At thy blythe carol, clears his furrowed brow.

So in lone Poverty's dominion drear,
Sits meek Content with light, unanxious heart;
Welcomes the rapid moments, bids them part,
Nor asks if they bring ought to hope or fear.

I thank thee, Author of this opening day!
Thou whose bright sun now gilds yon orient skies!
Riches denied, thy boon was purer joys –
What wealth could never give nor take away!

Yet come, thou child of poverty and care,
The mite high heav'n bestow'd, that mite with thee I'll share.

Sonnet on the Death of Robert Riddell of Glenriddell and Friars' Carse

No more, ye warblers of the wood! no more;
Nor pour your descant grating on my soul;
Thou young-eyed Spring! gay in thy verdant stole,
More welcome were to me grim Winter's wildest roar.

How can ye charm, ye flowers, with all your dyes?
Ye blow upon the sod that wraps my friend!
How can I to the tuneful strain attend?
That strain flows round the untimely tomb where Riddell lies.

Yes, pour, ye warblers! pour the notes of woe,
And soothe the Virtues weeping o'er his bier:
The man of worth – and hath not left his peer!
Is in his "narrow house," for ever darkly low.

Thee, Spring! again with joy shall others greet;
Me, memory of my loss will only meet.

Libertie – a Vision

As I stood by yon roofless tower,
Where the wa'flow'r scents the dery air,
Where the howlet mourns in her ivy bower,
And tells the midnight moon her care;

Сонет,

написанный в день рождения автора⁶⁷¹,
услыхавшего песнь дрозда на утренней прогулке

Пой на суку безлистном, милый дрозд,
Пой, славный птах, я слушаю тебя;
Глядит Зима-старуха, нас губя:
Ей гимн споёшь – лишится лоб борозд.

Так во владеньях Бедности в грустях
Сидит покорно Суть (душа легка);
Мгновенье к ней – приветит чужака,
Надежду принесёт он или страх.

Тебе спасибо, день пустивший в ход!
Тебе, чьё солнце золотит восток!
Прочь злато, ты дать радость чище смог:
Богач её не даст, не отберёт!

Так жду, дитя нехватки и забот!
С тобою разделю, что Бог пошлёт.

Сонет на смерть Роберта Риддела⁶⁷²

из Гленриддела и Фрайерс-Кэрс

Уймьтесь, полно вам, певцы лесов!
Не по душе распевки вашей скрип,
Весну, в зелёном сплошь, унять могли б:
Милей мне злость Зимы, её дичайший рёв.

К чему, цветы, шарм ваши краски шлют?
Вольно́ над другом колыхаться вам!
Что́ мне до песни, что струится там,
Где Риддела теперь безвременный приют?

Певцы! Пролейте скорбный эпилог,
Утешьте Храбрость над одром его:
Достойным – быть близ друга своего!
Ушёл он в мир иной, во мрак навеки лёг.

Всех весело опять приветствуешь, Весна;
Утраты память мне оставлена одна.

Свобода. Видение

Увидел я без крыши башню,
В дух рос вплеталась лакфиоль,
В плюще проухал филин страшно,
Неся луне свою юдоль;

The winds were laid, the air was still,
The stars they shot along the sky;
The tod was howling on the hill,
And the distant-echoing glens reply;

The burn, adown its hazelly path,
Was rushing by the ruin'd wa',
To join yon river on the strath,
Whase distant roaring swells an' fa'.

The cauld blae North was streaming forth
Her lights, wi' hissing, eerie din,
Athort the lift they start and shift,
Like fortune's favours, tint as win;

By headless chance I turned mine eyes,
And, by the moonbeam, shook to see
A stern and stalwart ghaist arise,
Attired as minstrels wont to be;

Had I statue been o' stane,
His daring look had daunted me;
And, on his bonnet graved was, plain,
The sacred posy – Libertie!

And frae his harp sic strains did flow
Might rouses the slumbering dead to hear;
But oh! It was a tale of woe
As ever met a Briton's ear.

He sang wi' joy his former day,
He weeping wailed his latter times;
But what he said it was nae play,
I winna venture 't in my rhymes...

'No Spartan tube, no Attic shell,
No lyre Aeolian I awake;
'Tis liberty's bold note I swell;
Thy harp, Columbia, let me take!

See gathering thousands, while I sing,
A broken chain exulting bring,
And dash it in a tyrant's face!
And dare him to his very beard,
And tell him he no more is feared,
No more the despot of Columbia's race!
A tyrant's proudest insults braved,
They shout, a people freed; they hail an empire saved!

'Where is man's godlike form?
Where is that brow erect and bold,

Утихла вѣтров кутерьма,
Насыпал звѣзд небес подол;
Выл лис на маковке холма,
И откликался дальний дол;

Ручей, торивший в дымке путь,
Вдоль стен обрушенных летел,
Спеша к большой реке примкнуть,
Чей гул то крепнул, то слабел.

Синь хлада норд волок как чѣрт
Со свистом жутким до небес;
Взлетал под свод, нырял с высот,
Как фарт: лишь выпал – и исчез;

Лишь обернулся я, лопух,
Стал потрясеньем лунный свет:
Суров и мощен, взвился дух,
Совсем как менестрель одет;

Будь каменным, и то бы скис,
Под смелым взором робок стал;
«Свобода» – сей святой девиз
Он на берете начертал!

Он арфу взял – напев тотчас
Подъял бы даже из могил:
О! Этот горестный рассказ
Впервой британца слух ловил.

Пел бодро он о юных днях,
Скорбел о поздних днях своих;
Но сказ его – не вертопрах! –
Я не рискну оправить в стих...

«Вас, Спарта, Аттика, Эол,
Будить бессмысленно, считай;
Свободе гимн я петь пришѐл;
Колумбия⁶⁷³, мне арфу дай!

Пою – а тысячи пришли,
Цепей обрывки принесли:
В лицо тирану – на!
Пускай от вызова дрожит:
Он никого не устрасит,
Колумбия от деспота вольна!
Тирана спеси – хоть пропасть,
И славит вольный люд спасѣнную им власть!

Где человек, чтоб был как бог?
Где лоб, чтоб был высок и смел,

That eye that can unmoved behold
The wildest rage, the loudest storm,
That e'er created fury dared to raise?
Avaunt, thou caitiff! Servile, base,
That tremblest at a despot's nod,
Yet, crouching under the iron rod,
Canst laud the hand that struck the insulting blow!
Art thou of man's imperial line?
Dost boast that countenance divine?
Each skulking feature answers No!
But come, ye sons of Libertie,
Columbia's offspring, brave as free!
In danger's hour still flaming in the van,
Ye know and dare maintain the royalty of Man!

'Alfred! on the starry throne,
Surrounded by the tuneful choir,
The bards that erst have struck the patriot lyre,
And roused the freeborn Briton's soul of fire –
No more thy England own!
Dare injured nation form the great design
To make detested tyrants bleed?
Thy England execrates the glorious deed!
Beneath her hostile banners waving,
Every pang of honour braving,
England in thunder calls – "The Tyrant's cause is mine!"

'That hour accurst how did the fiends rejoice,
And hell thro' all her confines raise the exulting voice!
That hour which saw the generous English name
Linked with such damnéd deeds of everlasting shame!
Thee, Caledonia, thy wild heaths among,
Thee, famed for martial deed and heaven-taught song,
To thee I turn with swimming eyes;
Where is that soul of Freedom fled?
Immingled with the mighty dead!
Beneath the hallow'd turf where Wallace lies!
Hear it not, Wallace, in thy bed of death!
Ye bubbling winds, in silence sweep;
Disturb not ye the hero's sleep,
Not give the coward secret breath.

Is this the ancient Caledonian form,
Firm as the rock, resistless as the storm?
The eye which shot immortal hate,
Crushing the despot's proudest bearing?
The arm which, nerved with thundering fate,
Brav'd usurpation's boldest daring?
Dark-quenched as yonder sinking star,
No more that glance lightens afar;
That palsied arm no more whirls on the waste of war! '

Глаз, чтоб бестрепетно глядел,
Сколь шторм ни будь жесток,
Чтоб вынес хоть каких ударов груз?
Прочь, негодяй! Холуй и гнус,
Дрожишь пред деспота кивком,
Припав к земле перед жезлом,
Ты славишь палку, получив как след!
Есть за тобой высокий род?
Тобой хвалиться может Свод?
Любая тварь ответит: нет!
Свободы храбрые сыны
Своей Колумбии нужны!
Опасность пламенеет впереди,
И царственность людей несёте вы в груди!

Твой блестящий трон, Альфред⁶⁷⁴,
Был славным хором окружён,
Был бардам-патриотам близок он,
Британский вольный дух тут был возжён...
Той Англии уж нет!
Обиженные вправе строить план,
Чтоб кровью был умыт тиран-злодей?
Путь славы мерзок Англии твоей!
Под шелест вражеского стяга,
Лишь ткнёт её под бок отвага,
Грохочет Альбион: "Отныне я – тиран!"

Чертей сей час проклятый веселит,
И пекло, смяв кордон, ликующе вопит!
На имени английском, вот беда,
От этих подлых дел – отметина стыда!
Ты, Каледония, средь пустошей своих
Познала муки и воспела их,
Скажи (слезу сдержать не смог):
Где Воли дух, в конце концов?
Среди великих мертвецов,
Под дёрном, куда славный Уоллес⁶⁷⁵ лёг?
На смертном ложе, Уоллес, не услышь!
Возьмёт вас, ветры, утомон?
Героя не тревожьте сон,
Трусливым вздохом не прервите тишь.

Нрав древней Каледонии мы зрим –
Как скалы, твёрд, как шторм, неодолим?
И гнев бессмертный этих глаз,
Ломавший деспота манеры?
И руку, чей удар не раз
Познали наглые без меры?
Звезде падучей, как не жаль,
Не осветить сияньем даль,
Рука дрожит – не сжать в кровавых битвах сталь!»

Birthday Ode for 31st December, 1787

Afar the illustrious Exile roams,
Whom kingdoms on this day should hail;
An inmate in the casual shed,
On transient pity's bounty fed,
Haunted by busy memory's bitter tale!
Beasts of the forest have their savage homes,
But He, who should imperial purple wear,
Owns not the lap of earth where rests his royal head!
His wretched refuge, dark despair,
While ravening wrongs and woes pursue,
And distant far the faithful few
Who would his sorrows share.

False flatterer, Hope, away!
Nor think to lure us as in days of yore:
We solemnize this sorrowing natal day,
To prove our loyal truth – we can no more,
And owning Heaven's mysterious sway,
Submissive, low adore.

Ye honored, mighty Dead,
Who nobly perished in the glorious cause,
Your King, your Country, and her laws,
From great Dundee, who smiling Victory led,
And fell a Martyr in her arms,
(What breast of northern ice but warms!)
To bold Balmerino's undying name,
Whose soul of fire, lighted at Heaven's high flame,
Deserves the proudest wreath departed heroes claim:

Nor unrevenged your fate shall lie,
It only lags, the fatal hour,
Your blood shall, with incessant cry,
Awake at last, th' unsparing Power;
As from the cliff, with thundering course,
The snowy ruin smokes along
With doubling speed and gathering force,
Till deep it, crushing, whelms the cottage in the vale;
So Vengeance' arm, ensanguin'd, strong,
Shall with resistless might assail,
Usurping Brunswick's pride shall lay,
And Stewart's wrongs and yours, with tenfold weight repay.

Perdition, baleful child of night!
Rise and revenge the injured right
Of Stewart's royal race:
Lead on the unmuzzled hounds of hell,
Till all the frightened echoes tell
The blood-notes of the chase!

Ода ко дню рождения⁶⁷⁶ – 31 декабря 1787 года

Изгнанник славный вдалеке бредёт –
От царств ему бы нынче хоть словцо;
Случаен странника приют,
Еду из жалости дают,
И памяти подсказки налицо!
Лесная тварь, и та нору найдёт;
Кому в имперском пурпуре ходить,
Клочка земли, где спит, во власть не отдадут!
Убог и тьмой охвачен кров,
Тропят несчастья с ложью след,
Немногих верных рядом нет,
Кто беды взять готов.

Надежда, лгунья, – вон!
Как в дни былые, не обманешь нас;
Со скорбью славим день, когда рождён,
Свидетельств, что верны, иссяк запас,
Исполним Высших Сил закон
Мы преданно сейчас.

О вы, кого уж нет,
Кто славно пал, величьем вознесён:
Король твой⁶⁷⁷ и страна, её закон;
С великого Данди⁶⁷⁸ начать бы след
(Верх взявший мучеником пал;
Прожёг бы лёд, так дух его пылал!),
Дойдя до Балмерино⁶⁷⁹-храбреца,
Чей дух – огонь от пламени Творца:
Достойнее чела не сыщешь для венца!

Неотомщён, не встретишь тьму,
Лишь медлит час неотвратимый;
Разбудишь, клич послав ему,
Ты легион необозримый;
Как со скалы, рождая гром,
Летит лавины пелена,
Дабы в усиллии двойном
Внизу домишко сплющить всласть,
Так Мценья длань, в крови, сильна,
Неодолимо сможет пасть
На Брансвик⁶⁸⁰, сколь тот ни спесив,
Все Стюартов грехи с избытком возместив.

Сгинь, чадо мерзостное тьмы⁶⁸¹!
Права, пусть поправы, прямы
У Стюартов на трон;
Спустить свирепых адских псов,
Чтоб эхо сотней голосов
Несло кровавый гон!

Full on the quarry point their view,
Full on the base usurping crew,
The tools of faction, and the nation's curse!
Hark how the cry grows on the wind;
They leave the lagging gale behind,
Their savage fury, pitiless, they pour;
With murdering eyes already they devour;
See Brunswick spent, a wretched prey,
His life one poor despairing day,
Where each avenging hour still ushers in a worse!
Such havock, howling all abroad,
Their utter ruin bring,
The base apostates to their God,
Or rebels to their King.

Monody on a Lady Famed for her Caprice

How cold is that bosom which folly once fired,
How pale is that cheek where the rouge lately glisten'd;
How silent that tongue which the echoes oft tired,
How dull is that ear which to flatt'ry so listen'd!

If sorrow and anguish their exit await,
From friendship and dearest affection remov'd;
How doubly severer, Maria, thy fate,
Thou diedst unwept, as thou livedst unlov'd.

Loves, Graces, and Virtues, I call not on you;
So shy, grave, and distant, ye shed not a tear:
But come, all ye offspring of Folly so true,
And flowers let us cull for Maria's cold bier.

We'll search through the garden for each silly flower,
We'll roam thro' the forest for each idle weed;
But chiefly the nettle, so typical, shower,
For none e'er approach'd her but rued the rash deed.

We'll sculpture the marble, we'll measure the lay;
Here Vanity strums on her idiot lyre;
There keen Indignation shall dart on his prey,
Which spurning Contempt shall redeem from his ire.

The Epitaph

Here lies, now a prey to insulting neglect,
What once was a butterfly, gay in life's beam:
Want only of wisdom denied her respect,
Want only of goodness denied her esteem.

Ату сужденья сих господ,
Ату захватнический сброд,
Орудье свар, проклятье англичан!
Послушай: вопли вихрь подъял,
Бегут – и шторм от них отстал;
Жестокость и неистовство знай лют,
У всекрушащих взор смертельно лют;
У Брансвика исчерпан срок,
Осталось жить ему денёк,
В котором каждый час отмщенью злему дан!
Всё рушат, вой окрест летит,
Так голосит юдоль;
Их Бог отступниками мнит,
Восставшими – король.

Монодия⁶⁸² на смерть дамы, прославившейся капризами

Как грудь холодна, в коей Прихоть пылала,
Как щёчка бледна, не подмазана в тон;
Как тихо лежит – прежде эхо гоняла,
Как слух ни к чему, ибо лести лишён!

Коль беды и муки свой кончили срок,
Друзей и родных не изведав тепла,
Вдвойне был, Мария, жестоким твой рок:
У гроба нет слёз, без любви прожила.

Любовь, Благодать, Чистота – тут без вас:
Далёким и робким слезу не пролить;
Но Прихоти отпрыски, где вы сейчас?
Цветочки к одру нам пора возложить.

Всяк цветик-глупышку притащим из сада,
Отыщем в лесу бесполезный сорняк,
Но больше всего нам крапивы бы надо:
Жалел к ней хоть раз подошедший, да как!

Ей бюстик поставим, мотив подберём
(У лиры Тщеты нет дурнее напева);
Взмахнёт Возмущение острым копьём –
Но жертву Презренье избавит от гнева.

Эпитафия

Забвенье усопшей обидно весьма,
Привыкшей, как бабочка, в жизни порхать:
Почтенной чтоб стать, недостало ума,
Добра не хватило, чтоб признанной стать.

Verses to Collector Mitchell

Friend of the Poet, tried and leal,
Wha, wanting thee, might beg or steal;
Alake, alake, the meikle deil
 Wi' a' his witches
Are at it skelpin jig and reel,
 In my poor pouches.

I modestly fu' fain wad hint it,
That one pound one, I sairly want it;
If wi' the hizzie down ye sent it,
 It would be kind;
And while my heart wi' life-blood dunted,
 I'd bear't in mind.

So may the Auld year gang out moanin'
To see the New come laden, groanin',
Wi' double plenty o'er the loanin',
 To thee and thine:
Domestic peace and comforts crownin'
 The hale design.

Postscript

Ye've heard this while how I've been lickit,
And by fell Death was nearly nickit;
Grim loon! he got me by the fecket,
 And sair me sheuk;
But by gude luck I lap a wicket,
 And turn'd a neuk.

But by that health, I've got a share o't,
But by that life, I'm promis'd mair o't,
My hale and wee, I'll tak a care o't,
 A tentier way;
Then farewell folly, hide and hair o't,
 For ance and aye!

To Miss Logan, with Beattie's Poems,

for a New-Year's Gift, Jan. 1, 1787

Again the silent wheels of time
 Their annual round have driven,
And you, tho' scarce in maiden prime,
 Are so much nearer Heaven.

No gifts have I from Indian coasts
 The infant year to hail;
I send you more than India boasts,
 In Edwin's simple tale.

Our sex with guile, and faithless love,
 Is charg'd, perhaps too true;
But may, dear maid, each lover prove
 An Edwin still to you.

Стихи для сборщика налогов Митчелла⁶⁸³

Готов для друга, вот напасть,
Хоть побираться, хоть украсть;
Увы, увы! Сам дьявол шастъ,
Средь бесов рьяных, –
Дам место жигу, рил⁶⁸⁴ сплясать
В своих карманах.

Я крайне скромно намекаю,
Что фунт – затрата небольшая;
Пришли с прислугой мне, желая
Добро явить;
Пока душа во мне живая –
Не позабыть!

Так пусть же Старый год застонет,
Приметив, что год Новый тонет
В подарках: по дороге гонит
К тебе домой;
Беда пусть твой очаг не тронет,
Хороший мой!

Постскриптум

Слыхал? Недавно был как тень я,
Чуть Смерти не дал пополнения:
Хватъ, дрянъ, за куртку без стеснения,
Да как тряхнёт!
Я шмыг в калитку и – везенье! –
За поворот.

Здоровья подсобрал мал-мало,
Добавить жизнь пообещала;
Здоровье, радость – не пристало
Таким шутить;
Ещё бы придурь поотстала,
И можно жить!

Мисс Логан – вместе со стихами Битти⁶⁸⁵

как новогодний подарок 1 января 1787 года

Колёса года тихий бег
Ведут не взапуски,
И хоть девичий краток век,
Вы к Небу так близки!

Не вижу Индии даров,
Чтоб встретить юный год,
Но там не будет лучших слов,
Чем Эдвин Вам сплетёт.

Слов уйма, сколь коварен род
Мужской – есть правда в них;
Пусть жизнь Вам, милая. пошлёт
Лишь Эдвинов одних.

Lines Sent to Sir John Whitefoord, Bart

With the Lament on the Death of the Earl of Glencairn

Thou, who thy honour as thy God rever'st,
Who, save thy mind's reproach, nought earthly fear'st,
To thee this votive offering I impart,
The tearful tribute of a broken heart.
The Friend thou valued'st, I, the Patron lov'd;
His worth, his honour, all the world approved:
We'll mourn till we too go as he has gone,
And tread the shadowy path to that dark world unknown.

To Miss Cruickshank,

A Very Young Lady Written on the Blank Leaf of a Book, Presented to her
by the Author.

Beauteous Rosebud, young and gay,
Blooming in thy early May,
Never may'st thou, lovely flower,
Chilly shrink in sleety shower!
Never Boreas' hoary path,
Never Eurus' pois'nous breath,
Never baleful stellar lights,
Taint thee with untimely blights!
Never, never reptile thief
Riot on thy virgin leaf!
Nor even Sol too fiercely view
Thy bosom blushing still with dew!
May'st thou long, sweet crimson gem,
Richly deck thy native stem;
Till some ev'ning, sober, calm,
Dropping dews, and breathing balm,
While all around the woodland rings,
And ev'ry bird thy requiem sings;
Thou, amid the dirgeful sound,
Shed thy dying honours round,
And resign to parent Earth
The loveliest form she e'er gave birth.

Inscription to Miss Graham of Fintry

Here, where the Scottish Muse immortal lives,
In sacred strains and tuneful numbers joined,
Accept the gift; though humble he who gives,
Rich is the tribute of the grateful mind.

So may no ruffian-feeling in my breast,
Discordant, jar thy bosom-chords among;
But Peace attune thy gentle soul to rest,
Or Love, ecstatic, wake his seraph song,

Стихи, посланные сэру Джону Уайтфурду⁶⁸⁶ в Барт

с горестной вестью о смерти графа Гленкёрна⁶⁸⁷

Ты честь свою, как твой Господь, сберёг,
Отринув всякий страх, любой упрёк;
Тебе я приношу, раскрой же длань,
Печальную души разбитой дань.
Твой друг бесценный был патроном мне,
Чьи честь и имя мир признал вполне;
Скорбеть нам до пути ему вослед
По тёмной тропке в мир, где исчезает свет.

Мисс Крукшенк⁶⁸⁸,

весьма юной леди; написано на пустом листе книги,
подаренной ей автором

Юный розовый бутон,
Ранним маем напоён,
Век не знай, цветочек милый,
Как лютует ливень стылый!
Пролетай, седой Борей⁶⁸⁹,
Еврус⁶⁹⁰, ядом не обвей;
Пусть недобрый звёздный свет
Не прибьёт до срока, нет!
Пусть не смеет червь, нечист,
Портить девственный твой лист!
Ты даже Солнца взгляд косой
Сумеешь устыдить росой!
Дивно-алый, долгий срок
Украшай свой стебелёк,
Пока, тих, не шлёт закат
В росных каплях аромат,
Покуда птичий хор с высот
Свой реквием не допоёт;
Под печальный этот звук
Всем воздать сумей вокруг
И ступай к земле родной:
Пусть лучший труд получит свой.

Посвящение мисс Грэм⁶⁹¹ из Финтри

Здесь, где шотландской вечной музыки дом,
Священна чья и звучна кутерьма,
Прими сей дар; даритель прост, но в нём
Богатство дани славного ума.

Пусть буйство чувств моих не дребезжит,
Ломая строй твоих сердечных струн,
Но Мир душе тишайшей посулит,
Иль Страсть разбудит серафим-певун,

Or Pity's notes, in luxury of tears,
As modest Want the tale of woe reveals;
While conscious Virtue all the strains endears,
And heaven-born Piety her sanction seals.

Inscription

Written on the blank leaf of a copy of the last edition of my poems, presented to the Lady whom, in so many fictitious reveries of passion, but with the most ardent sentiments of real friendship, I have so often sung under the name of-"Chloris."

'Tis Friendship's pledge, my young, fair Friend,
Nor thou the gift refuse,
Nor with unwilling ear attend
The moralising Muse.

Since thou, in all thy youth and charms,
Must bid the world adieu,
(A world 'gainst Peace in constant arms)
To join the Friendly Few;

Since, thy gay morn of life o'ercast,
Chill came the tempest's lour;
(And ne'er Misfortune's eastern blast
Did nip a fairer flower);

Since life's gay scenes must charm no more,
Still much is left behind,
Still nobler wealth hast thou in store –
The comforts of the mind!

Thine is the self-approving glow,
Of conscious Honour's part;
And (dearest gift of Heaven below)
Thine Friendship's truest heart.

The joys refin'd of Sense and Taste,
With every Muse to rove:
And doubly were the Poet blest,
These joys could he improve.

R.B.

Inscription to Miss Jessie Lewars

On a copy of the Scots Musical Museum, in four volumes, presented to her by Burns.

Thine be the volumes, Jessie fair,
And with them take the Poet's prayer,
That Fate may, in her fairest page,
With ev'ry kindest, best presage

Иль Жалости напев в богатстве слёз,
Каким, скромна, всех потчует Нужда,
Покуда Честь вселяет пыл всерьёз,
А Набожность в напутствиях тверда.

Посвящение,

написанное на пустом листе последнего издания моих стихов, подаренного леди, которую в весьма многочисленных воображаемых грёзах страсти, но с самым пылким чувством истинной дружбы я столь часто воспевал под именем «Хлорис»⁶⁹²

Залогом Дружбы, милый друг,
Прошу не пренебречь,
И музы не презреть потуг
Исправить и пресечь.

Когда тебе придёт черёд
Примкнуть, сей бросив свет
(Свет, что с Покоем бой ведёт),
К друзьям – не многим, нет,

Когда весёлым утром хмарь
Вдруг наколдует шквал
(Восточный вихрь теперь и встарь
Таких цветов не мял),

Когда наскучит счастья глас,
Его извечный шум,
Ты вспомнишь лучший свой запас:
Тебя утешит ум!

С тобой спокойный будет свет
(Честь бдит, чтоб не затух)
И – Божий дар, ценнее нет –
Вернейшей Дружбы дух.

Вкус, Чувство – чистые, не тлен –
С любой из муз пойдут;
Поэт вдвойне благословен,
Коль подсобить смог тут.

Р.Б.

Посвящение мисс Джесси Льюерс⁶⁹³

на экземпляре «Шотландского музыкального музея»⁶⁹⁴, подаренном ей Бёрнсом

Тома – твои, милашка Джесс,
Но и поэт с мольбою влез:
Судьба способна в светлый час
Предупредить сладчайше нас

Of future bliss, enroll thy name:
With native worth and spotless fame,
And wakeful caution, still aware
Of ill – but chief, Man's felon snare;
All blameless joys on earth we find,
And all the treasures of the mind –
These be thy guardian and reward;
So prays thy faithful friend, the Bard.

Dumfries, June 26, 1769.

Lines to a Gentleman,

Who had sent the Poet a Newspaper, and offered to continue it free of
Expense.

Kind Sir, I've read your paper through,
And faith, to me, 'twas really new!
How guessed ye, Sir, what maist I wanted?
This mony a day I've grain'd and gaunted,
To ken what French mischief was brewin;
Or what the drumlie Dutch were doin;
That vile doup-skelper, Emperor Joseph,
If Venus yet had got his nose off;
Or how the collieshangie works
Atween the Russians and the Turks,
Or if the Swede, before he halt,
Would play anither Charles the twalt;
If Denmark, any body spak o't;
Or Poland, wha had now the tack o't:
How cut-throat Prussian blades were hingin;
How libbet Italy was singin;
If Spaniard, Portuguese, or Swiss,
Were sayin' or takin' aught amiss;
Or how our merry lads at hame,
In Britain's court kept up the game;
How royal George, the Lord leuk o'er him!
Was managing St. Stephen's quorum;
If sleekit Chatham Will was livin,
Or glaikit Charlie got his niece in;
How daddie Burke the plea was cookin,
If Warren Hasting's neck was yeukin;
How cesses, stents, and fees were rax'd,
Or if bare arses yet were tax'd;
The news o' princes, dukes, and earls,
Pimps, sharpers, bawds, and opera-girls;
If that daft buckie, Geordie Wales,
Was threshing still at hizzies' tails;
Or if he was grown oughtlins douser,
And no a perfect kintra cooser:

О благах ждущих – и вписать
(Имён ничем не замарать);
Остерегись в такие дни
От подлой знати западни!
Вся радость, чистая весьма,
И все сокровища ума –
И страж они, и род наград,
Друг верный, бард, напомнить рад.

Дамфрис, 26 июня 1769 г.

Стихи джентльмену,

приславшему поэту газету – с обещанием в дальнейшем делать это
бесплатно

Ваш, добрый сэр, листок до дыр
Зачитан; право, новый мир!
Как, сэр, нужду мою узнали?
Я много дней стонал в печали,
Не знал французской дряни разной
Иль что творит голландец грязный;
Как мерзкий чмокальщик Иосиф⁶⁹⁵
Венере служит, обезносеv;
Крепчает ли день ото дня
У русских с турками возня⁶⁹⁶;
Как швед, не получив пинка,
Смог в Карла поиграть⁶⁹⁷ пока;
Как ныне датские делишки;
Какие Польшей правят шишки;
Над кем навис пруссак-поганец;
Что спел нам евнух-итальянец⁶⁹⁸;
Как португальцы ли, испанцы,
Швейцарцы – что у них за танцы?
Как наши парни при дворе,
Какие ставки в их игре;
Георг (призри Господь беднягу!)
Как не дал кворуму ни шагу⁶⁹⁹;
Как там Вилл Чатем⁷⁰⁰, наш хитрец,
Иль олух Чарли⁷⁰¹, наконец;
Папаша Бёрк как правит дело,
Чтоб шею Гастингсу зудело⁷⁰²;
Как сборы? Скоро ли, в итоге,
И с голых жоп возьмут налоги;
Как знать, за коей дальше в списке –
Пройдохи, сводни и хористки;
Как Джорджи Уэльс⁷⁰³? Позывы есть
Под хвост любой кобыле влезть
Иль, повзрослев, в конце концов,
Стал тише сельских жеребцов?

A' this and mair I never heard of;
And, but for you, I might despair'd of.
So, gratefu', back your news I send you,
And pray a' gude things may attend you.

Ellisland, Monday Morning, 1790.

Remonstrance to the Gentleman to Whom the Foregoing Poem was Addressed

Dear Peter, dear Peter,
We poor sons of metre
Are often neglectit, ye ken.
For instance, your sheet, man,
(Though glad I'm to see't, man)
I get it no ae day in ten.
– R.B.

Remorseful Apology

The friend whom, wild from Wisdom's way,
The fumes of wine infuriate send,
(Not moony madness more astray)
Who but deplores that hapless friend?

Mine was th' insensate frenzied part,
Ah! why should I such scenes outlive?
Scenes so abhorrent to my heart! –
'Tis thine to pity and forgive.

On the Death of John M'Leod, Esq,

Brother to a young Lady, a particular friend of the Author's.

Sad thy tale, thou idle page,
And rueful thy alarms:
Death tears the brother of her love
From Isabella's arms.

Sweetly deckt with pearly dew
The morning rose may blow;
But cold successive noontide blasts
May lay its beauties low.

Fair on Isabella's morn
The sun propitious smil'd;
But, long ere noon, succeeding clouds
Succeeding hopes beguil'd.

Fate oft tears the bosom chords
That Nature finest strung;
So Isabella's heart was form'd,
And so that heart was wrung.

Об этом мне б не знать вовеки,
Не вспомни Вы о человеке.
Пук новостей Вам возвращаю,
Благодарю и благ желаю.

Эллисленд, утро понедельника, 1790 год

Попытка убедить джентльмена,
которому было адресовано предыдущее стихотворение

Питер, милый, Питер, милый,
Приплод у рифмы хилый,
Поэт разболтан, хоть убей.
Листок Ваш, вот пример
(Хоть рад ему был, сэр),
Не брал я в руки десять дней.
Р.Б.

Полные раскаянья извинения

Друг разум свой перенапряг,
Тот винным духом замутнён
(Лунатик не блуждает так) –
Кому, несчастный, нужен он?

Тут роль моя – безмозглый скот;
Как смог такое натворить?
Мне этот ужас душу рвёт!
Твоя – жалеючи, простить.

На смерть Джона Маклауда⁷⁰⁴, эсквайра,

брата юной леди, состоящей в близкой дружбе с автором

Сказ твой грустен, зряшный лист,
Смятением объят:
Ушёл навек, сколь ни любим
Был Изабеллой брат.

Блещет в росных жемчугах
В рассветный час бутон,
Но вихрь полуденный промчит,
И вот сбит наземь он.

Изабелла поутру
Светится в лучах,
До полдня тучи напозли,
И рой надежд зачах.

Рок – палач сердечных струн,
Он дар Природы рвёт;
Душа у Изабеллы так
Закончила полёт.

Dread Omnipotence alone
Can heal the wound he gave –
Can point the brimful grief-worn eyes
To scenes beyond the grave.

Virtue's blossoms there shall blow,
And fear no withering blast;
There Isabella's spotless worth
Shall happy be at last.

On the Birth of a Posthumous Child

Born in peculiar circumstances of family distress.

Sweet flow'ret, pledge o' meikle love,
And ward o' mony a prayer,
What heart o' stane wad thou na move,
Sae helpless, sweet, and fair?

November hirples o'er the lea,
Chil, on thy lovely form:
And gane, alas! the shelt'ring tree,
Should shield thee frae the storm.

May He who gives the rain to pour,
And wings the blast to blaw,
Protect thee frae the driving show'r,
The bitter frost and snaw.

May He, the friend o' Woe and Want,
Who heals life's various stounds,
Protect and guard the mother plant,
And heal her cruel wounds.

But late she flourish'd, rooted fast,
Fair in the summer morn,
Now feebly bends she in the blast,
Unshelter'd and forlorn.

Blest be thy bloom, thou lovely gem,
Unscath'd by ruffian hand!
And from thee many a parent stem
Arise to deck our land!

Epitaph on the Poet's Daughter

Here lies a rose, a budding rose,
Blasted before it bloom;
Whose innocence did sweets disclose
Beyond that flower's perfume.

To those who for her loss are grieved,
This consolation's given –
She's from a world of woe relieved,
And blooms a rose in heaven.

Страх Всесилия один –
Своих целитель ран:
Глазам укажет, полным слёз,
Что случай жить им дан.

Добродетель расцветёт,
Отринув страх ветров,
И счастье к Изабелле в дом
Придёт, в конце концов.

На рождение младенца после смерти отца,

произошедшее в особых обстоятельствах семейного горя

Цветочек и любви залог,
Намоленный не в шутку,
Кто б равнодушно видеть мог
Такого вот малютку?

Ноябрь, хромая, лугом шёл,
Чей хлад к тебе суров;
Упал, увы, приютный ствол,
Защитник от штормов.

Молю, чтоб Он, кто дождь на нас
Пролил, смог ветры взвить,
Тебя от ливня с градом спас,
Снегов умерил прыть.

Молю, чтоб Он, кто бедным смог
Помочь, кто боль целит,
Прикрыл бы мамин черенок,
Сберёг от злых обид.

Цвет поздний – корень быстро рос;
Так, летом всем видна,
Теперь чуть ветер не унёс:
Беспомощна, одна.

Блажен будь, радость, цветик твой,
Злодейских рук не знай!
Пусть все рождённые тобой
Родной украсят край!

Эпитафия дочери поэта

Лежит здесь розовый бутон:
И не расцвёл, а смят;
Дух чистоты оставил он –
Что́ розы аромат?

Уходом ввергнутым в печаль
Да станет утешеньем:
Ушла из мира горя вдаль,
Чтоб полнить рай цветеньем.

Verses

Written under violent grief

Accept the gift a friend sincere
Wad on thy worth be pressin';
Remembrance oft may start a tear,
But oh! That tenderness forbear,
Though 'twad my sorrows lessen.

My morning raise sae clear and fair,
I thought sair storms wad never
Bedew the scene; but grief and care
In wildest fury hae made bare
My peace, my hope, for ever!

You think I'm glad; oh, I pay weel
For a' the joy I borrow,
In solitude – then, then I feel
I canna to mysel' conceal
My deeply-ranklin' sorrow.

Farewell! Within thy bosom free
A sigh may whiles awaken;
A tear may wet thy laughin' ee,
For Scotia's son – ance gay like thee –
Now hopeless, comfortless, forsaken!

Verses to Clarinda

Sent with a Pair of Wine-Glasses.

Fair Empress of the Poet's soul,
And Queen of Poetesses;
Clarinda, take this little boon,
This humble pair of glasses:

And fill them up with generous juice,
As generous as your mind;
And pledge them to the generous toast,
"The whole of human kind!"

"To those who love us!" second fill;
But not to those whom we love;
Lest we love those who love not us –
A third – "To thee and me, Love!"

To Miss Ferrier

Enclosing the Elegy on Sir J. H. Blair.

Nae heathen name shall I prefix,
Frae Pindus or Parnassus;
Auld Reekie dings them a' to sticks,
For rhyme-inspiring lasses.

Стихи {1},

написанные в тяжком горе

Прими подарок, друг, без позы,
Хоть лёгок он едва ли;
Пусть память порождает слёзы,
Но мягкость отведёт угрозы,
Уняв мои печали.

Встал утром в чистоте и силе,
И бурь не ждал беспечно
С их ливнями, но беды всплыли
И в дикой злобе оголили
Надежду, мир навечно!

Считаешь, счастлив? Оплатил
Сполна заём веселья;
Один, один я – ощутил:
Скрыть от себя не хватит сил,
Как вглубь беды просел я.

Прощай! Грудь твоей сейчас
Вздых выдать – не страданье;
Слеза смешливый смочит глаз:
Скотт – как ты, весел – не припас
Надежд, уюта и вниманья!

Стихи Кларинде⁷⁰⁵,

посланные вместе с парой винных бокалов

Императрица струн души
И поэтесс царица,
Кларинда, скромный дар прими:
Вдруг пара пригодится.

Налей рукою щедрый сок –
Он щедр, как разум твой –
И щедрый тост провозгласи:
«Будь славен род людской!»

«За тех, кто любит нас!» потом:
За тех, кто люб, не скрою,
За нас не любящих не пьём,
А пьём «За нас с тобою!»

Мисс Фёррьер⁷⁰⁶

с приложением элегии на смерть сэра Дж.Х. Блэра⁷⁰⁷

Имён в затравку не берут
Ни с Пинда⁷⁰⁸, ни с Парнаса;
Дымарь⁷⁰⁹ обштопал горы тут:
Дев у поэта масса.

Jove's tunefu' dochters three times three
Made Homer deep their debtor;
But, gien the body half an e'e,
Nine Ferriers wad done better!

Last day my mind was in a bog,
Down George's Street I stoited;
A creeping cauld prosaic fog
My very sense doited.

Do what I dought to set her free,
My saul lay in the mire;
Ye turned a neuk – I saw your e'e –
She took the wing like fire!

The mournfu' sang I here enclose,
In gratitude I send you,
And pray, in rhyme as weel as prose,
A' gude things may attend you!

Lines to a Old Sweetheart

Once fondly lov'd, and still remember'd dear,
Sweet early object of my youthful vows,
Accept this mark of friendship, warm, sincere,
(Friendship! 'tis all cold duty now allows).

And when you read the simple artless rhymes,
One friendly sigh for him – he asks no more,
Who, distant, burns in flaming torrid climes,
Or haply lies beneath th' Atlantic roar.

Inscription for an Altar of Independence

At Kerroughtree, the Seat of Mr. Heron.

Thou of an independent mind,
With soul resolv'd, with soul resign'd;
Prepar'd Power's proudest frown to brave,
Who wilt not be, nor have a slave;
Virtue alone who dost revere,
Thy own reproach alone dost fear –
Approach this shrine, and worship here.

Verses Intended to be Written below a Noble Earl's Picture

Whose is that noble, dauntless brow?
And whose that eye of fire?
And whose that generous princely mien,
E'en rooted foes admire?

Stranger! to justly show that brow,
And mark that eye of fire,
Would take His hand, whose vernal tints
His other works admire.

Дал Зевс девятку дочек-муз
Гомеру на подмогу,
Но сёстры Феррьер, на мой вкус,
Толковей их намного!

Вчера, весь в думах, по Джордж-стрит⁷¹⁰
Я брёл, как по болоту,
Где хладом прозы мгла висит:
Ей ум мутить в охоту.

Душа из топи, как ни тряс,
Никак, такое дело;
Из-за угла Вы – и тотчас
Она вспорхнуть сумела!

Песнь скорби я сюда вложил,
Благодаря за это;
Стих, проза – дай Господь Вам сил,
Молитвами поэта!

Стихи былой возлюбленной

Ты, к коей нежность не избыть никак,
К чьим в юных клятвах припадал стопам,
Прими сердечной дружбы тёплый знак
(Лишь дружбу хладный долг дозволил нам!)

Прочтя стих безыскусный и простой,
Как друг вздохни – не просит больше он –
О том, кто угодил в палящий зной
Иль, вдруг, в волнах ревущих погребён.

Посвящение для Алтаря Независимости

в Керрохтри, местопребывании мистера Хёрона⁷¹¹

Ты, с независимым умом,
Чей дух – смирен, но твёрд притом –
Под гневом Божьим не ослаб;
Кто без рабов – и сам не раб;
Кто чистоту лишь чтить стремится,
Позора только лишь боится –
Приди сюда, чтоб помолиться.

Стихи, которые поэт собирался написать под портретом благородного графа⁷¹²

Чей это чистый, смелый лоб?
Чьих это глаз горенье?
Чей добрый облик и врагов
Приводит в восхищенье?

О гость! Так ясно видеть лоб,
Приметить глаз горенье
Дал Тот, кто свежесть красок смог
Вдохнуть в Свои творенья.

Bright as a cloudless summer sun,
With stately port he moves;
His guardian Seraph eyes with awe
The noble Ward he loves.

Among the illustrious Scottish sons
That chief thou may'st discern,
Mark Scotia's fond-returning eye, –
It dwells upon Glencairn.

Sketch

A little upright, pert, tart, tripping wight,
And still his precious self his dear delight;
Who loves his own smart shadow in the streets,
Better than e'er the fairest she he meets;
Much specious lore, but little understood,
(Veneering oft outshines the solid wood),
His solid sense, by inches you must tell,
But mete his cunning by the Scottish ell!
A man of fashion too, he made his tour,
Learn'd "vive la bagatelle et vive l'amour;"
So travell'd monkeys their grimace improve,
Polish their grin – nay, sigh for ladies' love!
His meddling vanity, a busy fiend,
Still making work his selfish craft must mend.

Sonnet on Receiving a Favour

Addressed to Robert Graham, Esq. of Fintry.

I call no Goddess to inspire my strains,
A fabled Muse may suit a bard that feigns:
Friend of my life! my ardent spirit burns,
And all the tribute of my heart returns,
For boons accorded, goodness ever new,
The gifts still dearer, as the giver you.
Thou orb of day! thou other paler light!
And all ye many sparkling stars of night!
If aught that giver from my mind efface,
If I that giver's bounty e'er disgrace,
Then roll to me along your wand'rig spheres,
Only to number out a villain's years!
I lay my hand upon my swelling breast,
And grateful would, but cannot speak the rest.

On Mrs. Riddell's Birthday

Old Winter, with his frosty beard,
Thus once to Jove his prayer preferred:
"What have I done of all the year,
To bear this hated doom severe?"

Светилом ярким в летний день
Ступает, величав,
И серафим-хранитель – в дрожь,
Любовь ему отдав.

Среди Шотландии сынов
Вождь этот различим,
Страна вернула нежный взор –
Гленкерн как раз под ним.

Набросок⁷¹³

Мал, честен, дерзок, едок, прыток он,
И сам собой премного восхищён;
Влюблён настолько в собственную тень,
Что на красотку и глазеть-то лень;
Понахватался – смысл ему нелюб
(Шпон часто краше, чем массивный дуб),
Смысл здравый – в дюйм, заткнешь в любую щель,
А хитрость не войдёт в шотландский эль⁷¹⁴!
Довольно фату, совершая тур,
Знать *"vive la bagatelle et vive l'amour"*⁷¹⁵;
Мартышки так снуют, чтоб стал неплох
Оскал с ужимкой – нет, любовный вздох!
Весь в суете погрязший, да какой –
Занялся б лучше делом, не собой!

Сонет на получение письма

адресован Роберту Грэму⁷¹⁶, эсквайру Финтри

Богиню не зову к живленью струн,
Бард, льнущий к врушке-музе – говорун;
Сердечный друг! Душа накалена,
И дань к ней возвращается сполна,
Дары согласия, вечной доброты –
И тем дороже, что даритель ты.
Ты, дня светило! Ты, чей свет бледней!
Вы, искорки в ночи, оравой всей!
Коль позабыть дарителя смогу,
Коль щедрости его не сберегу,
Скатитесь на меня, сойдя с орбит,
Чтоб мигом был злодей со свету сжит!
Жму руку к переполненной груди,
Благодарю – но слов иных не жди.

На день рождения миссис Риддел⁷¹⁷

Зима, от инея седа,
Взмолилась Зевсу (мол, беда!):
«Чем я проштрафилась за год,
Что так судьба меня гнетёт?

My cheerless suns no pleasure know;
Night's horrid car drags, dreary slow;
My dismal months no joys are crowning,
But spleeny English hanging, drowning.
Now Jove, for once be mighty civil,
To counterbalance all this evil;
Give me, and I've no more to say,
Give me Maria's natal day!
That brilliant gift shall so enrich me,
Spring, Summer, Autumn, cannot match me."
"'Tis done!" says Jove; so ends my story,
And Winter once rejoiced in glory.

Impromptu Lines to Captain Riddell

On Returning a Newspaper.

Your News and Review, Sir, I've read through and through, Sir,
With little admiring or blaming;
The Papers are barren of home-news or foreign,
No murders or rapes worth the naming.

Our friends, the Reviewers, those chippers and hewers,
Are judges of mortar and stone, Sir;
But of meet or unmeet, in a fabric complete,
I'll boldly pronounce they are none, Sir;

My goose-quill too rude is to tell all your goodness
Bestow'd on your servant, the Poet;
Would to God I had one like a beam of the sun,
And then all the world, Sir, should know it!

In Vain Would Prudence, with Decorous Sneer

In vain would Prudence, with decorous sneer,
Point out a censuring world, and bid me fear;
Above the world, on wings of Love, I rise –
I know its worst, and can that worst despise.
'Wrong'd, injured, shunn'd, unpitied, undrest,
The mock'd quotation of the scorner's jest – '
Let Prudence' direst bodements on me fall,
Clarinda, rich reward, o'er pays them all!

Fickle Fortune

Fragment

Though fickle Fortune has deceived me,
She promis'd fair and perform'd but ill;
Of mistress, friends, and wealth bereav'd me,
Yet I bear a heart shall support me still.

Унылым солнцам скверно тут,
А дроги ночи чуть ползут;
И неги месяцы не копят:
Их, коль не вздёрнут, так утопят.
Зевс, то не просьба привереды:
Уравновесь все эти беды;
Дай – и пребудешь в тишине –
Мариин день рожденья мне!
Дар дивный: зря ждать милость эту
Весне, и Осени, и Лету».
«Пусть так!» – рек Зевс; конец рассказу,
Зима возликовала сразу.

Стихи экспромтом капитану Ридделу⁷¹⁸

по поводу возврата газеты

Сэр, новости Ваши одна другой краше –
Ни чести для них, ни позора;
Ползёт на страницы аж из-за границы
Убийц и насильников свора.

Друзья-репортёры, в ремёслах неспоры,
Знай судят о камне и кладке;
И про всю эту рать совокупно сказать
Я осмелюсь: ничтожны и гадки;

Перо моё грубо, но милость сугуба,
Какою почтили поэта;
Вот бы Боже, могуч, дал мне солнечный луч –
Враз мир, сэр, узнал бы про это!

«Приличье тщится зря, увы и ах...»

Приличье тщится зря, увы и ах,
Вселить в меня («Мир осуждает!») страх;
Над миром на крылах любви парю –
В нём худшее и знаю, и презрю.
«Унижен, смят, огрёб своё сполна –
Смешна презренью шутника цена...»
Приличье пусть обрушит тьму примет,
Кларинда⁷¹⁹ мне в награду – их как нет!

Удача-егоза

Отрывок

Удача-егоза дурила:
Сулила диво мне, дав бед сполна:
Жены, друзей, добра лишила;
Душа со мной – опорой она.

I'll act with prudence as far 's I'm able,
But if success I must never find,
Then come misfortune, I bid thee welcome,
I'll meet thee with an undaunted mind.

Sappho Redivivus

Fragment

By all I lov'd, neglected and forgot,
No friendly face e'er lights my squalid cot;
Shunn'd, hated, wrong'd, unpitied, unredrest,
The mock'd quotation of the scorner's jest!
Ev'n the poor support of my wretched life,
Snatched by the violence of legal strife.
Oft grateful for my very daily bread
To those my family's once large bounty fed;
A welcome inmate at their homely fare,
My griefs, my woes, my sighs, my tears they share:
(Their vulgar souls unlike the souls refin'd,
The fashioned marble of the polished mind).

In vain would Prudence, with decorous sneer,
Point out a censuring world, and bid me fear;
Above the world, on wings of Love, I rise –
I know its worst, and can that worst despise;
Let Prudence' direst bodements on me fall,
M[ontgomer]y, rich reward, o'er pays them all!
Mild zephyrs waft thee to life's farthest shore,
Nor think of me and my distress more, –
Falsehood accurst! No! still I beg a place,
Still near thy heart some little, little trace:
For that dear trace the world I would resign:
O let me live, and die, and think it mine!

"I burn, I burn, as when thro' ripen'd corn
By driving winds the crackling flames are borne;"
Now raving-wild, I curse that fatal night,
Then bless the hour that charm'd my guilty sight:
In vain the laws their feeble force oppose,
Chain'd at Love's feet, they groan, his vanquish'd foes.
In vain Religion meets my shrinking eye,
I dare not combat, but I turn and fly:
Conscience in vain upbraids th' unhallow'd fire,
Love grasps her scorpions – stifled they expire!
Reason drops headlong from his sacred throne,
Your dear idea reigns, and reigns alone;
Each thought intoxicated homage yields,
And riots wanton in forbidden fields.

Приличье, как сумею, соблюдаю,
Но коль успех не обрету вовек,
Тогда уж позову тебя, беду:
Не дрогнет пред тобою человек.

Возрождённая Сапфо⁷²⁰

Отрывок

Средь всех, кого любил, отверг, забыл,
Нет той, чей лик мой хлев бы осветил;
Затолкан, смят, забит, огрѣб сполна –
Смешна презренью шутника цена:
Жизнь жалкую лишь им кой-как подпѣр,
Гнобит её судейский крючкотвор.
Частенько благодарен за кусок
Рodne своей: щедрей сыскать не мог;
Под кров зовѣт с его едой простою,
Чтоб горе, вздох, слѣзу делить со мною
(Простым их душам нужен не весьма
Фигурный мрамор тонкого ума).

Приличье тщится зря, увы и ах,
Вселить в меня («Мир осуждает!») страх;
Над миром на крылах любви парю –
В нём худшее и знаю, и презрю.
Приличье пусть обрушит тьму примет;
М[онтгомер]и⁷²¹ в награду – их как нет!
Тебя по жизни вдаль зефир несѣт,
И я с бедою – вне твоих забот...
Нет, гнусно лгу! Оставить разреши
След еле видный близ твоей души;
За милый след мир брошу за чертой,
Дай жить и сгинуть, мня, что след тот – мой!

«Горю, горю; через поспевший злак
Трескучий пламень ветры гонят так».
То, как в бреду, лихую ночь клянущу,
То славлю часа дивного вину;
Законы зря бессильно ноют тут:
В цепях у ног любви пусть стоны шлют.
Снести мой взгляд попам не по плечу,
Без драки отвернусь и улечу;
Порочный огонь вне совести потуг:
Им, скорпионам, от любви каюк!
Летит с престола смысла глубина,
Идея там твоя царит одна;
Любая мысль пьянит, почтенья плод,
И к бунту озорному нас ведѣт.

By all on high adoring mortals know!
By all the conscious villain fears below!
By your dear self! – the last great oath I swear,
Not life, nor soul, were ever half so dear!

Tragic Fragment

All devil as I am – a damned wretch,
A hardened, stubborn, unrepenting villain,
Still my heart melts at human wretchedness;
And with sincere but unavailing sighs
I view the helpless children of distress:
With tears indignant I behold the oppressor
Rejoicing in the honest man's destruction,
Whose unsubmitting heart was all his crime. –
Ev'n you, ye hapless crew! I pity you;
Ye, whom the seeming good think sin to pity;
Ye poor, despised, abandoned vagabonds,
Whom Vice, as usual, has turn'd o'er to ruin.
Oh! but for friends and interposing Heaven,
I had been driven forth like you forlorn,
The most detested, worthless wretch among you!
O injured God! Thy goodness has endow'd me
With talents passing most of my compeers,
Which I in just proportion have abused –
As far surpassing other common villains
As Thou in natural parts has given me more.

The Henpecked Husband

Curs'd be the man, the poorest wretch in life,
The crouching vassal to a tyrant wife!
Who has no will but by her high permission,
Who has not sixpence but in her possession;
Who must to her his dear friend's secrets tell,
Who dreads a curtain lecture worse than hell.
Were such the wife had fallen to my part,
I'd break her spirit or I'd break her heart;
I'd charm her with the magic of a switch,
I'd kiss her maids, and kick the perverse bitch.

Epigram on the Said Occasion

[On a Henpecked Country Squire]

O Death, had'st thou but spar'd his life,
Whom we this day lament,
We freely wad exchanged the wife,
And a' been weel content.

Ev'n as he is, cauld in his graff,
The swap we yet will do't;
Tak thou the carlin's carcase aff,
Thou'se get the saul o'boot.

Клянусь всем знанием набожных людей!
Всем тем, чем утрашён в аду злодей!
Тобой клянусь, родная, не греша:
Ты мне милей, чем жизнь или душа!

Драматический отрывок

Пусть сущий дьявол я – дрянная тварь,
Тупой, вне покаяния, злодей –
Всё ж мне людское горе душу рвёт;
Вздыхая искренне, пускай и зря,
Беспомощных я вижу чад беды;
В слезах я негодую, зря тирана;
Ликует он: муж честный сокрушён,
Чьё преступленье лишь в мятежном духе.
Жалею даже вас, несчастный люд,
Вас, кого грех жалеть, твердят святоши,
Вас, злополучных брошенных бродяг,
Кого порок, пить дать, довёл до краха.
О, без друзей и без подмоги с Неба
И сам бы стал отринутым, как вы,
Последним, самым жалким среди вас!
О оскорблённый Боже! В доброте
Ты дал мне дар, им обделив братьев,
Каких я в должной мере поносил, –
Столь превзойдя других простых злодеев,
Сколь Ты отмерил превосходства мне.

Затурканный супруг

Будь поклят – нет ничтожней твари – тот,
Кто перед злючей жёнкой спину гнёт!
Желанья чьи в её зажаты длани,
Кто грош имеет лишь в её кармане;
Кто должен доносить на друга, гад,
Кому разнос жены страшней, чем ад.
Досталась бы жена такая мне,
Ей дух – иль сердце – сокрушил вполне;
Прельщал бы тем её, как чудно врал,
Лобзал служанок – сучку же пиал.

Эпиграмма по тому же поводу

[на затурканного сельского сквайра]

О Смерть, могла бы пощадить
Того, по ком рыдаем;
Нам бабу ерунда сменить –
Живём, беды не знаем.

В могиле хладен, ни гу-гу...
Со сделкою не трушу:
Прибей теперь его каргу,
С костями взяв и душу.

Another

[Epigram on the Said Occasion... On a Henpecked Country Squire]

One Queen Artemisia, as old stories tell,
When deprived of her husband she loved so well,
In respect for the love and affection he show'd her,
She reduc'd him to dust and she drank up the powder.

But Queen Netherplace, of a different complexion,
When called on to order the fun'ral direction,
Would have eat her dead lord, on a slender pretence,
Not to show her respect, but – to save the expense!

Epitaph on Holy Willie

Here Holy Willie's sair worn clay
Taks up its last abode;
His saul has ta'en some other way,
I fear, the left-hand road.

Stop! there he is, as sure's a gun,
Poor, silly body, see him;
Nae wonder he's as black's the grun,
Observe wha's standing wi' him.

Your brunstane devilship, I see,
Has got him there before ye;
But haud your nine-tail cat a wee,
Till ance you've heard my story.

Your pity I will not implore,
For pity ye have nane;
Justice, alas! has gi'en him o'er,
And mercy's day is gane.

But hear me, Sir, deil as ye are,
Look something to your credit;
A coof like him wad stain your name,
If it were kent ye did it.

Ah, Woe is Me, My Mother Dear

Paraphrase of Jeremiah, 15th Chap., 10th verse

Ah, woe is me, my mother dear!
A man of strife ye've born me:
For sair contention I maun bear;
They hate, revile, and scorn me.

Ещё одна

[эпиграмма по тому же поводу: на затурканного сельского сквайра]

Артемисия⁷²², как рой сказаний гласил,
Когда муж её милый навеки почил,
Из почтенья к любви, что в нём жарко пылала,
Его прах истолкла – и в питьё добавляла.

Нетерплейса⁷²³ хозяйка, сложенъем иная,
Похоронной процессии ход задавая,
Съесть могла б муженька (благо был маловат),
Не в почтение зря смысл – в сокращенье затрат!

Эпитафия святоше Вилли⁷²⁴

Здесь Вилли прах, потаскан чуть:
Лёг в землю этот гусь;
Душа иной сыскала путь –
Налево, я боюсь.

Стой! Чтоб мне лопнуть, вот она,
Бедней нет и дурнее;
Не диво, что черным-черна:
Гляди, кто рядом с нею!

Ты, серы князь, сколь смог узреть,
Его лущуешь душу;
Попридержи кусаку-плеть,
Сперва меня послушай.

Ты явишь жалость, сатана?
Её в помине нет;
Он получил, увы, сполна,
Простыл прощенья след.

Послушай, сэр! Пусть дьявол ты,
Но не роняй же имя:
Ему конец от суеты
С душонками такими!

«Беда мне, матушка, беда!»

Парафраз [Иер 15:10]⁷²⁵

Беда мне, матушка, беда!
Рождён я для раздора;
Меня пинают кто куда,
Гнев, брань прикончат скоро.

I ne'er could lend on bill or band,
That five per cent. might blest me;
And borrowing, on the tither hand,
The deil a ane wad trust me.

Yet I, a coin-denied wight,
By Fortune quite discarded;
Ye see how I am, day and night,
By lad and lass blackguarded!

Written by Somebody on the Window of an Inn at Stirling,

Of an Inn at Stirling, on seeing the Royal Palace in ruin.

Here Stuarts once in glory reigned,
And laws for Scotland's weal ordained;
But now unroof'd their palace stands,
Their sceptre's sway'd by other hands;
Fallen indeed, and to the earth
Whence groveling reptiles take their birth.
The injured Stuart line is gone,
A race outlandish fills their throne;
An idiot race, to honour lost;
Who know them best despise them most.

The Libeller's Self-Reproof

Rash mortal, and slanderous poet, thy name
Shall no longer appear in the records of Fame;
Dost not know that old Mansfield, who writes like the Bible,
Says, the more 'tis a truth, Sir, the more 'tis a libel?

The Poet's Reply to the Threat of a Censurious Critic

Like Aesop's lion, Burns says, sore I feel
All others scorn – but damn that ass's heel!

Lines

Written and Presented to Mrs Kemble on Seeing Her in the Character of Yarico in the
Dumfries Theatre, 1794

Kemble thou cur'st my unbelief
Of Moses and his rod;
At Yarico's sweet notes of grief
The rock with tears had flow'd.

Дать в долг, под вексель или так,
Под пять процентов – диво,
И подзаять – чёрт не дурак:
Процент, и то паршиво.

Безденежья не превозмочь,
Сумел же так родиться!
Взгляни: бранят и день и ночь
Хоть парень, хоть девица!

Написанное кем-то на окне таверны в Стёрлинге⁷²⁶

Из таверны в Стёрлинге об увиденном в руинах королевского дворца

Здесь Стюартов державный трон
Давал Шотландии закон;
Дворец без крыши (жребий лих),
И скипетр их в руках иных:
Взаправду он к земле прибит,
Что тварь ползучую родит.
Род Стюартов пресекся тут,
Влез на престол заморский люд⁷²⁷ –
В роду дурацком чести чуть,
Презришь сильнее, познав их суть.

Самооправдание клеветника⁷²⁸

«Ты, агун-поэт и шустрый человек,
Из списков Славы вычеркнут навек», –
Рек Мэнсфилд⁷²⁹ искуснейший. Знаешь ли ты:
Где правды полно, там полно клеветы?

Ответ поэта на угрозу цензора

Как льву Эзопа⁷³⁰, мне презренье боль
Несёт, но от копыт осла уволь!

Стихи {2},

написанные и преподнесённые миссис Кэмбл, когда поэт увидел её в роли Ярико⁷³¹
в театре Дамфриса в 1794 году

Кэмбл, верю, пусть и нелегко,
В могущество жезла⁷³²:
От нежной грусти Ярико
Заплачет и скала.

I Murder Hate

I murder hate by field or flood,
Tho' glory's name may screen us;
In wars at home I'll spend my blood –
Life-giving wars of Venus.

The deities that I adore
Are social Peace and Plenty;
I'm better pleas'd to make one more,
Than be the death of twenty.

I would not die like Socrates,
For all the fuss of Plato;
Nor would I with Leonidas,
Nor yet would I with Cato:

The zealots of the Church and State
Shall ne'er my mortal foes be;
But let me have bold Zimri's fate,
Within the arms of Cozbi!

Kirk and State Excisemen

Ye men of wit and wealth, why all this sneering
'Gainst poor Excisemen? Give the cause a hearing:
What are your Landlord's rent-rolls? Taxing ledgers!
What Premiers? What ev'n Monarchs? Mighty Gaugers!
Nay, what are Priests? (those seeming godly wise-men,)
What are they, pray, but Spiritual Excisemen!

Extempore in the Court of Session

Lord Advocate

He clenched his pamphlet in his fist,
He quoted and he hinted,
Till, in a declamation-mist,
His argument he tint it:
He gaped for't, he graped for't,
He fand it was awa, man;
But what his common sense came short,
He eked out wi' law, man.

Mr. Erskine

Collected, Harry stood awee,
Then open'd out his arm, man;
His Lordship sat wi' ruefu' e'e,
And ey'd the gathering storm, man:

Убийство – гнусь

Убийство гнусь – в лесах, у вод –
Пусть под прикрытьем славы;
Продлю в бою под кровом род,
Венеры воин бравый.

По мне, божеств святее нет
Покоя и Достатка;
Милей одним умножить свет,
Чем шлёпнуть два десятка.

Мне рок Сократа не грозит
(Плевать на шум Платона⁷³³);
Не сгину я, как Леонид⁷³⁴,
Отрину смерть Катона⁷³⁵;

Державы, Церкви звонари,
Не стану вас сражать я;
Мне б – смерть отважного Зимри
И Хазвины объятья⁷³⁶!

Церковь и акцизные⁷³⁷

Учёный, сытый люд, зачем гнобите
Бедняг акцизных? Уши наострите:
Лендлордов ваших суть? Учесь доходы!
Премьеры и монархи? Счетоводы!
И сколь попов благочестивы роли?
Акциз духовный в их мольбах, не боле!

Экспромт в Сессионном суде⁷³⁸

Лорд-адвокат⁷³⁹

Гнал, сжав бумажки в кулаке,
Цитаты и намёки,
Пока, нагнавши мглы в башке,
Не спутал всей мороки;
Рот разевал, концы искал,
И понял: не резон, брат;
Так здравый смысл его хромал –
Едва кормил закон, брат.

Мистер Эрскин⁷⁴⁰

Собрался Гарри, постоял,
Объятья распахнул, брат;
Их светлость сел, предвидя шквал,
Башку в тоске пригнул, брат:

Like wind-driven hail it did assail'
Or torrents owre a lin, man:
The Bench sae wise, lift up their eyes,
Half-wauken'd wi' the din, man.

A Grace before Dinner, Extempore

O Thou who kindly dost provide
For every creature's want!
We bless Thee, God of Nature wide,
For all Thy goodness lent:
And if it please Thee, Heavenly Guide,
May never worse be sent;
But, whether granted, or denied,
Lord, bless us with content.
Amen!

A Farewell

When Burns was on the point of going to Greenock to join the *Nancy* for Jamaica, he wrote a farewell note to Kennedy, dated August 1786, from Kilmarnock. It finishes with the stanza:

Farewell, dear Friend! May gude luck hit you
And 'mong her favourites admit you!
If e'er Detraction shore to smit you,
May name believe him
And any deil that thinks to get you,
Good Lord, deceive him!

On My Own Friend and My Father's Friend, Wm. Muir in Tarbolton Mill

An honest man here lies at rest
As e'er God with his image blest;
The friend of man, the friend of truth,
The friend of age, and guide of youth:
Few hearts like his, with virtue warm'd,
Few heads with knowledge so informed:
If there's another world, he lives in bliss;
If there is none, he made the best of this.

Epigram on Parting with a Kind Host in the Highlands

When Death's dark stream I ferry o'er,
A time that surely shall come,
In Heav'n itself I'll ask no more,
Than just a Highland welcome.

Так без преград лупцует град,
Так водопад ревёт, брат, –
И мудрый суд проснулся тут:
Под грохот кто уснёт, брат!

Молитва перед обедом. Экспромт

О Ты, чьей волей снабжены
И люди, и скоты!
Благословен, Бог вышины,
За всё, что сделал Ты;
И пусть, Наставник Горний, нам
Не станет хуже впредь:
Даруй, взымай – но едокам
Дай нужное иметь.
Аминь!

Прощание {2}

Когда Бёрнс собрался, было, в Грйнок⁷⁴¹, чтобы отплыть на судне «Нэнси» на Ямайку⁷⁴², он написал прощальную записку Кеннеди⁷⁴³, датированную августом 1786 г. и отправленную из Килмарнока. Её заканчивает такая строфа:

Прощай, дружок! Тебе удачи:
Будь ей любезен, не иначе!
Да не язвит тебя, в придачу,
Худое слово;
Чёрт подкрадётся – наипаче
Дури хромого!

О моём и отцовском друге, Уильяме Мьюре⁷⁴⁴ с Тарболтонской мельницы

Здесь честный муж обрёл покой –
Хвала Творцу, что жил такой;
Друг ближним, ненавидел ложь,
Друг старым, школил молодёжь;
Немного душ, его добрей,
Какой с ним вровень грамотей?
Есть мир иной – даст счастья уголок,
Нет – он улучшил этот мир, как смог.

Эпиграмма на расставание с любезным хозяином-горцем

Мрак миновав загробных вод –
Не из бессмертных душ я –
У Неба попрошу, вот-вот,
Лишь горского радушья.

Carron

On Sunday 26th August 1787, Burns and Nicol, embarked on their Highland tour, called at the Carron Iron Works, apparently with the somewhat surprising hope of being admitted. With a diamond he recently acquired, and which he used also on the windows of inns in Stirling and Falkirk, Burns wrote on a window of the inn at Carron:

We cam na here to view your works,
In hopes to be mair wise,
But only, lest we gang to hell,
It may be nae surprise:

But when we tirl'd at your door,
Your porter dought na hear us;
Sae may, shou'd we to hell's yetts come,
Your billy Sattan sair us!

Epigram on Miss Davies

On being asked why she had been formed so little, and Mrs. A – so big.

Ask why God made the gem so small?
And why so huge the granite? –
Because God meant mankind should set
That higher value on it.

The Bard at Inverary

Whoe'er he be that sojourns here,
I pity much his case,
Unless he comes to wait upon
The Lord their God, His Grace.
There's naething here but Highland pride,
And Highland scab and hunger:
If Providence has sent me here,
'Twas surely in his anger.

Lines on the Commemoration of Rodney's Victory

Instead of a Song, boys, I'll give you a Toast;
Here's to the memory of those on the twelfth that we lost! –
That we lost, did I say? – nay, by Heav'n, that we found;
For their fame it will last while the world goes round.
The next in succession I'll give you's the King!
Whoe'er would betray him, on high may he swing!
And here's the grand fabric, our free Constitution,
As built on the base of our great Revolution!
And longer with Politics not to be cramm'd,
Be Anarchy curs'd, and Tyranny damn'd!
And who would to Liberty e'er prove disloyal,
May his son be a hangman – and he his first trial!

Каррон

В воскресенье, 26 августа 1787 года, Бёрнс и Никол⁷⁴⁵, начиная поездку по Шотландии, посетили Карронские железоделательные заводы⁷⁴⁶ – несомненно, питая тайную надежду, что их там узнают. Недавно приобретённым брильянтом, каким он писал также на окнах таверн в Стёрлинге и Фолкёрке, Бёрнс написал на окне таверны в Карроне:

Нас не вели к вам на завод
Надежды поумнеть,
Хотели лишь, коль в ад придём,
Не изумляться впредь;

Привратник нас, стучавших в дверь,
Не услышал, похоже;
А может, в ад не пустит нас
Дружок ваш дьявол тоже?

Эпиграмма на мисс Дэвис⁷⁴⁷,

спросившую, отчего она так мала, а миссис А. так велика

Сказать, зачем брильянтик мал
Пред глыбою гранита?
Господь возможность смертным дал
Ценить, что знаменито.

Бард в Инверари⁷⁴⁸

Кого б сюда ни занесло,
Его мне жалко – страсть;
Ну, разве что, ему свезло
К их светлости попасть.
Здесь горская – и только – спесь
В плюс к горской голодуре;
Раз я, покорный Богу, здесь,
Всевышний, знать, не в духе.

Стихи о праздновании победы Родни⁷⁴⁹

Не спеть мне, братцы; помянуть хочу без кутерьмы
Тех, кто двенадцатого пал, кого лишились мы!
Сказал «лишились»? Видит Бог, ребят мы обрели:
Их слава вековечна, как вращение Земли.
А далее выпьем-ка за короля!
Предавших его ожидает петля!
Пусть за конституцию пенится чаша,
Фундамент её – революция наша!⁷⁵⁰
С политикой больше не сунусь я к вам,
Анархию и тиранию – к чертям!
Желаю Свободу отвергшему, чтобы
Сынок его вздёрнул папашу для пробы!

Mr. William Smellie – a Sketch

[Shrewd Willie Smellie to] Crochallan came;
The old cock'd hat, the grey surtout the same;
His bristling beard just rising in its might,
'Twas four long nights and days to shaving night:
His uncomb'd grizzly locks, wild staring, thatch'd
A head for thought profound and clear, unmatch'd;
Yet tho' his caustic wit was biting-rude,
His heart was warm, benevolent, and good.

Apology for Declining a Invitation to Dine

No more of your guests, be they titled or not,
And cookery the first in the nation;
Who is proof to thy personal converse and wit,
Is proof to all other temptation.

Compliments of John Syme of Ryedale

Lines sent with a Present of a Dozen of Porter.

O had the malt thy strength of mind,
Or hops the flavour of thy wit,
'Twere drink for first of human kind,
A gift that e'en for Syme were fit.

Jerusalem Tavern, Dumfries

Lines to John M'Murdo, Esq. of Drumlanrig

Sent with some of the Author's Poems.

O could I give thee India's wealth,
As I this trifle send;
Because thy joy in both would be
To share them with a friend.

But golden sands did never grace
The Heliconian stream;
Then take what gold could never buy –
An honest bard's esteem.

Complimentary Versicles to Miss Jessie Lewars

Written in Pencil on the Back of a Menagerie Bill

Talk not to me of savages,
From Afric's burning sun;
No savage e'er could rend my heart,
As Jessie, thou hast done:

Мистер Уильям Смелли⁷⁵¹. набросок

К «Крока́лану» Вилл закатился вдруг:
И шляпа дыбом, и торчком сюртук;
Щетиною перепугал меня
(Не брился малый аж четыре дня);
Седая не расчёсана башка –
Там мысли чёткой нет наверняка;
При всём ехидстве едкого ума
Душою добр, заботлив, мил весьма.

Извинение за отклонённое приглашение отобедать⁷⁵²

Что́ гости – будь знатны иль будь не весьма,
Что́ кушанья дивно обильны?
Без речи твоей, без живого ума
Соблазны иные бессильны.

Приветствия Джону Сайму из Райдейла⁷⁵³

Стихи, приложенные к подарку в виде дюжины пива

Будь солод, как твой ум, силен,
Имей хмель вкус твоих острот,
Люд лучший был бы опьянён;
Сей дар и Сайму подойдёт.

Таверна «Иерусалим», Дамфрис

Стихи Джону Макмёрдоу, эсквайру из Драмла́нрига⁷⁵⁴,

посланные вместе с некоторыми другими стихами автора

Когда б дарить индийский клад,
Стишкам сим вровень, мог,
Ему ты так же был бы рад:
Прислал-то ведь дружок!

Песком златым не красит, нет,
Поток свой Геликон⁷⁵⁵;
Не купишь то, что шлёт поэт –
Почтенья полон он.

Приветственные стихи мисс Джесси Льюерс⁷⁵⁶,

написанные карандашом на обороте билета в зверинец

Мне не толкуй про дикарей
И африканский зной:
Дикарь мне душу не порвёт,
Ты, Джесси, зла со мной;

But Jessie's lovely hand in mine,
A mutual faith to plight,
Not even to view the heavenly choir,
Would be so blest a sight.

Complimentary Versicles to Jessie Lewars

Jessie's illness

Say, Sages, what's the charm on earth
Can turn Death's dart aside!
It is not purity and worth,
Else Jessie had not died.

Complimentary Versicles to Jessie Lewars

On Her Recovery

But rarely seen since Nature's birth,
The natives of the sky;
Yet still one seraph's left on earth,
For Jessie did not die.

To Dr. Maxwell

On Miss Jessy Staig's recovery.

Maxwell, if merit here you crave,
That merit I deny;
You save fair Jessie from the grave! –
An Angel could not die!

Complimentary Versicles to Jessie Lewars

The Toast

Fill me with the rosy wine,
Call a toast, a toast divine:
Giveth me Poet's darling flame,
Lovely Jessie be her name;
Then thou mayest freely boast,
Thou hast given a peerless toast.

Divine Service in the Kirk of Lamington

As cauld a wind as ever blew,
A cauld kirk, an in't but few:
As cauld a minister's e'er spak;
Ye'se a' be het e'er I come back.

Но Джесси ручку мне дала –
И рок на двух один;
Небесный хор рождает вздох
Не до таких глубин.

Приветственные стихи Джесси Льюерс {1},

когда она заболела

О маги, чем из чар земных
Бег Смерти сбить с пути?
Что имя, честь? Отдал бы их,
Чтоб Джесси жизнь спасти.

Приветственные стихи Джесси Льюерс {2}

по случаю её выздоровления

Чтоб серафим слетел с вершин,
Невиданно почти;
Ниспослан Небом всё ж один,
И Джесси смог спасти.

Доктору Ма́ксвеллу⁷⁵⁷

по случаю выздоровления мисс Джесси Стэйг⁷⁵⁸

Вы, Максвелл, меру превзошли;
По мне, так зряшный труд
Твердить, что Джесси жизнь спасли:
Ведь ангелы не мрут!

Приветственные стихи Джесси Льюерс {3}

Тост

Лей мне в кубок дополна:
Дивна тоста глубина!
С поэтическим огнём
Поминаешь Джесси в нём –
Так хвались, поднявшись в рост:
Несравненным был твой тост!

Богослужение в церкви Лэмингтона⁷⁵⁹

Заолодел, подстать ветрам,
Холодный малолюдный храм;
В речах поповских жуткий хлад –
Всё греть, потом приду назад!

Inscribed on a Work of Hannah More's

Presented to the Author by a Lady.

Thou flatt'ring mark of friendship kind,
Still may thy pages call to mind
 The dear, the beauteous donor;
Tho' sweetly female ev'ry part,
Yet such a head, and more the heart
 Does both the sexes honour:
She show'd her taste refin'd and just,
 When she selected thee;
Yet deviating, own I must,
 For sae approving me:
But kind still I'll mind still
 The giver in the gift;
I'll bless her, an' wiss her
 A Friend aboon the lift.

Epitaph on a Lap-Dog Named Echo

In wood and wild, ye warbling throng,
 Your heavy loss deplore;
Now, half extinct your powers of song,
 Sweet Echo is no more.

Ye jarring, screeching things around,
 Scream your discordant joys;
Now, half your din of tuneless sound
 With Echo silent lies.

Fragment of Song

The night was still, and o'er the hill
 The moon shone on the castle wa';
The mavis sang, while dew-drops hang
 Around her on the castle wa';

Sae merrily they danced the ring
 Frae eenin' till the cock did crow;
And aye the o'erword o' the spring
 Was "Irvine's bairns are bonie a'."

The Solemn League and Covenant

The Solemn League and Covenant
 Now brings a smile, now brings a tear;
But sacred Freedom, too, was theirs:
 If thou'rt a slave, indulge thy sneer.

Написанное на сочинении Ханнны Мор⁷⁶⁰,

подаренном автору некой дамой

Дар лестный, дружеский вполне,
Твои листы напомнят мне
 Дарительницы прелесть;
Пускай, на милый женский лад,
Летит твой умный добрый взгляд,
 В мужчин и женщин целясь!
Явили тонкий верный вкус
 При выборе таком,
Но не снесу, признаюсь, груз
 Похвал, при всём при том;
Дарила – лик мило
 Вернёт подарок сей;
Немею, но смею
 В раю ждать встречи с ней.

Эпитафия комнатной собачке по кличке Эхо

В лесу, в полях толпой шуметь,
 Скорбя о ней, не след;
Вам вполосину так не спеть:
 Милашки Эха нет.

Всё, что скрипит, визжит вокруг,
 Чей пакостен трезвон,
Стих вдвое ваш отвратный звук,
 Лёг рядом с Эхом он.

Отрывок из песни

Ночь – тише нет; чрез холм слал свет
 Диск лунный замковой стене;
Распелся дрозд средь щедрых рос
 Вокруг, на замковой стене;

И хоровод весёлый свой
 До петухов водили тут,
И был припев всегда такой:
 «На Ирвине⁷⁶¹ – пригожий люд!»

Торжественная лига и ковенант⁷⁶²

И лигу ту, и ковенант
 С улыбкой вспомним, со слезой;
Но и святая Вольность – их:
 Коль раб, смешок пошли им свой.

Inscription on a Goblet

Written in the house of Mr Syme

There's death in the cup – sae beware!
Nay, more – there is danger in touching;
But wha can avoid the fell snare?
The man and his wine's sae bewitching!

The Book-Worms

Through and through th' inspir'd leaves,
Ye maggots, make your windings;
But O respect his lordship's taste,
And spare his golden bindings.

Inscription at Friars' Carse Hermitage

To the Memory of Robert Riddell.

To Riddell, much lamented man,
This ivied cot was dear;
Wandr'er, dost value matchless worth?
This ivied cot revere.

Fragment

Now health forsakes that angel face,
Nae mair my Dearie smiles;
Pale sickness withers ilka grace,
And a' my hopes beguiles.
The cruel powers reject the prayer
I hourly mak' for thee;
Ye heavens, how great is my despair,
How can I see him dee!

Burns – Extempore

Ye sons of Sedition, give ear to my song,
Let Syme, Burns and Maxwell persuade every throng,
With Craken, the attorney, and Maxwell the quack,
Send Willie, the monger, to hell with a smack.

The Loyal Natives' Verses

Ye true 'Loyal Natives', attend to my song,
In uproar and riot rejoice the night long;
From envy and hatred your corps is exempt;
But where is your shield from darts of contempt?

Loyal Natives Club, Dumfries

Надпись на кубке,

сделанная в доме мистера Сайма⁷⁶³

Смерть в кубке, и выпить – ни-ни!
Не тронуть, беда вот какая!
Но кто избежит западни?
Есть сила в вине колдовская!

Книжные черви

Сверлить священные листы –
Для вас, червей, работа,
Но пощадите лорда вкус
И золото переплёта.

Надпись в приюте Фрайерс-Кэрс⁷⁶⁴

памяти Роберта Риддела⁷⁶⁵

Оплакан Риддел; был ему
Мил кров в плюща сплетенье;
Прохожий, выше твой замах?
Яви плющу почтение.

Отрывок {1}

Здоровьем брошен горный лик,
Улыбки милой нет,
Красу стирает бледность вмиг,
Надежд простыл и след.
Злым силам отвергать дано,
О чём молю Творца;
Отчаянье мне суждено
В предчувствии конца!

Бёрнс – экспромтом⁷⁶⁶

Бунтарское племя, для вас я пою:
Сайм, Бёрнс, Максвелл сдержат пусть вас на краю;
Плут Максвелл, и Крейкен (тот, вишь, адвокат),
И Вилли-торговец⁷⁶⁷, пожалуйста в ад!

Стихи «Преданных уроженцев»

Для вас, «сильно преданных», песню пою,
Наполнивших гвалтом попойку свою.
От зависти с гневом щит клуба вас спас,
Но что защитит от презрения вас?

Клуб «Преданные уроженцы», Дамфрис

Remorse

Fragment

Of all the numerous ills that hurt our peace,
That press the soul, or wring the mind with anguish
Beyond comparison the worst are those
By our own folly, or our guilt brought on:
In ev'ry other circumstance, the mind
Has this to say, "It was no deed of mine:"
But, when to all the evil of misfortune
This sting is added, "Blame thy foolish self!"
Or worser far, the pangs of keen remorse,
The torturing, gnawing consciousness of guilt –
Of guilt, perhaps, when we've involved others,
The young, the innocent, who fondly lov'd us;
Nay more, that very love their cause of ruin!
O burning hell! in all thy store of torments
There's not a keener lash!
Lives there a man so firm, who, while his heart
Feels all the bitter horrors of his crime,
Can reason down its agonizing throbs;
And, after proper purpose of amendment,
Can firmly force his jarring thoughts to peace?
O happy, happy, enviable man!
O glorious magnanimity of soul!

The Toadeater

What of earls with whom you have supt,
And of dukes that you dined wi' yestreen?
Lord! an insect's an insect at most,
Though it crawl on the curl of a Queen.

Pinned to Mrs. Walter Riddell's Carriage

If you rattle along like your Mistress' tongue,
Your speed will outrival the dart;
But a fly for your load, you'll break down on the road,
If your stuff be as rotten's her heart.

Epigram on the Laird of Laggan

When Morine, deceas'd, to the Devil went down,
'Twas nothing would serve him but Satan's own crown;
"Thy fool's head," quoth Satan, "that crown shall wear never,
I grant thou'rt as wicked, but not quite so clever."

Epigram at Roslin Inn

My blessings on ye, honest wife!
I ne'er was here before;

Раскаяние

Отрывок

Из уймы бедствий, что казнят наш мир,
Что давят дух и крутят разум в муках,
Те прочих хуже, не с чем и сравнить,
В каких лишь наша глупость иль вина:
В другом раскладе может разум наш
Проямлить фразу «Я тут ни при чём»,
Но если ко всем бедам злоключенья
Ещё укус «Сам, дурень, виноват!»
Иль, злей стократ, раскаянье язвит,
Терзает осознание вины –
Возможно, той, что впутали других,
Невинных, юных, тех, кто нас любил,
Кого сама любовь свела к руинам!
Огнь пекла! В твоих пыточных припасах
Бича страшнее нет!
Есть смертный, что столь твёрд: когда ему
Терзают сердце ужасы греха,
Он может пульс мучительный унять
И, взвесив должный замысел поправки,
Умерить твёрдо умственный раздрай?
Такой счастливец зависти достоин!
Сколь благородна славная душа!

Подхалим

Ужин с лордом отменно хорош,
Вы средь герцогских были гостей?
Бог мой! Вошью останется вошь,
Будь она с королевских кудрей.

Пришпиленное на коляску миссис Уолтер Риддел⁷⁶⁸

Ты гремишь вразнотык, как хозяйкин язык,
Несёшься быстрее стрелы;
Муха сядь – ты в кювет, если – верно ли, нет? –
Оси, как сердце дамы, гнилы.

Эпиграмма на лэрда из Лэггана

Наш Мóрин⁷⁶⁹ покойный, лишь в пекло попал,
Корону у дьявола требовать стал.
«Венца, – дьявол рек, – не носить дураку:
Я зла напихал – но в пустую башку».

Эпиграмма, оставленная в таверне Рóслина⁷⁷⁰

Благословен кров честный сей!
Я сроду не был тут;

Ye've wealth o' gear for spoon and knife –
Heart could not wish for more.

Heav'n keep you clear o' sturt and strife,
Till far ayont fourscore,
And while I toddle on thro' life,
I'll ne'er gae by your door!

Lines on John M'Murdo, Esq.

Blest be M'Murdo to his latest day!
No envious cloud o'er cast his evening ray;
No wrinkle, furrow'd by the hand of care,
Nor ever sorrow add one silver hair!
O may no son the father's honour stain,
Nor ever daughter give the mother pain!

To a Lady

Who was Looking up the Text during Sermon

Fair maid, you need not take the hint,
Nor idle texts pursue:
'Twas *guilty sinners* that he meant,
Not *Angels* such as you!

The Keekin'-Glass

How daur ye ca' me howlet-face,
Ye blear – e'ed, withered spectre?
Ye only spied the keekin'-glass,
An' there ye saw your picture.

Selkirk Grace

Some hae meat and canna eat,
And some would eat that want it;
But we hae meat, and we can eat,
Sae let the Lord be thankit.

Elegy on Willie Nicol's Mare

Peg Nicholson was a good bay mare,
As ever trod on airn;
But now she's floating down the Nith,
And past the mouth o' Cairn.

Peg Nicholson was a good bay mare,
An' rode thro' thick and thin;
But now she's floating down the Nith,
And wanting even the skin.

Тьма дел для ложек и ножей –
Разгул душе нехуд.

Раздоры, ссоры здесь избудь,
Господь, на сотню лет;
Доковыляю жизни путь –
Дверь не миную, нет!

Стихи о Джоне Макмёрдоу⁷⁷¹, эсквайре

Блажен Макмёрдоу до закатных лет,
Сквозь зависть туч пусть шлёт вечерний свет!
Лоб бороздить заботы не должны,
Да не добавят беды седины!
Честь отчую сынам не замарать,
А дочкам не повергнуть в горе мать!

Даме⁷⁷²,

искавшей библейскую цитату во время проповеди

Зачем Вам, прелесть, морщить лоб,
Вгрызаясь до канвы?
Бичует *многогрешных* поп,
Не *ангелов*, как Вы!

Зеркало

Как смеешь обзывать «сычом»,
Сам с мутным духом схожий?
Ты глянул в зеркало, а в нём
Свою увидел рожу!

Молитва за столом у Селкёрка⁷⁷³

Есть, что есть – не могут есть,
А кто б поел, да нету;
Нам есть, что есть, и можем есть –
Хвала Творцу за это.

Элегия кобыле Вилли Николы⁷⁷⁴

Конец Пэг Николсон гнедой,
Чей был размерен ход;
Теперь унёс бедняжку Нит,
Хлебнувший кэрнских вод⁷⁷⁵.

Конец Пэг Николсон гнедой,
Чей был упорен скок;
Теперь унёс бедняжку Нит,
Уплыл костей мешок.

Peg Nicholson was a good bay mare,
And ance she bore a priest;
But now she's floating down the Nith,
For Solway fish a feast.

Peg Nicholson was a good bay mare,
An' the priest he rode her sair;
And much oppress'd and bruise'd she was,
As priest-rid cattle are, – &c. &c.

Pegasus at Wanlockhead

With Pegasus upon a day,
Apollo, weary flying,
Through frosty hills the journey lay,
On foot the way was plying.

Poor slipshod giddy Pegasus
Was but a sorry walker;
To Vulcan then Apollo goes,
To get a frosty caulker.

Obliging Vulcan fell to work,
Threw by his coat and bonnet,
And did Sol's business in a crack;
Sol paid him with a sonnet.

Ye Vulcan's sons of Wanlockhead,
Pity my sad disaster;
My Pegasus is poorly shod,
I'll pay you like my master.

Lines Written on a Banknote

Wae worth thy power, thou cursed leaf!
Fell source o' a' my woe and grief!
For lack o' thee I've lost my lass!
For lack o' thee I scrimp my glass!
I see the children of affliction
Unaided, through thy curst restriction:
I've seen the oppressor's cruel smile
Amid his hapless victim's spoil;
And for thy potence vainly wished,
To crush the villain in the dust:
For lack o' thee, I leave this much-lov'd shore,
Never, perhaps, to greet old Scotland more.

R.B.

Конец Пэг Николсон гнедой,
На коей ездил поп;
Теперь унёс бедняжку Нит,
Нажрались рыбы чтоб.

Конец Пэг Николсон гнедой,
Был поп мешок мешком:
Набиты холка, в кровь бока
У всех, кто под попом, – и т.д., и т.п.

Пегас в Уонлокхеде⁷⁷⁶

Гнал на Пегасе Аполлон,
И тяжело было богу:
Обледенел треклятый склон;
Спустились на дорогу.

Вертлявый, ветреный Пегас
Ходок-то не бедовый;
К Вулкану просьба, чтоб тотчас
Ввернул шипы в подковы.

Вулкан прочь куртку и колпак,
Он дока в деле этом:
Помог певцу – да быстро как! –
Вознаграждён сонетом.

Сынам Вулкана я кричу:
Пегас мой кован худо;
По-апполонски заплачу –
И не скупее буду!

Стихи, написанные на банкноте

Мне гадишь, про́клятый листок!
В тебе всех страшных бед исток!
Ты влез – я крошку потерял⁷⁷⁷!
Вмешался ты – мой пуст бокал!
Я вижу: держишь чад напасти
Беспомощных в своей ты власти;
Ты, угнетатель, щеришь пасть
Средь тех, кто вынужден был пасть;
Надежда – в силе ты – не ах,
Что мерзость будет стёрта в прах.
Из-за тебя бросаю милый брег⁷⁷⁸,
Шотландию, – возможно, что навек.

Р.Б.

Epitaph on a Noted Coxcomb

Capt. Wm. Roddirk, of Corbiston.

Light lay the earth on Billy's breast,
His chicken heart so tender;
But build a castle on his head,
His scull will prop it under.

On Tam the Chapman

As Tam the chapman on a day,
Wi' Death forgather'd by the way,
Weel pleas'd, he greets a wight so famous,
And Death was nae less pleas'd wi' Thomas,
Wha cheerfully lays down his pack,
And there blows up a hearty crack:
His social, friendly, honest heart
Sae tickled Death, they could na part;
Sae, after viewing knives and garters,
Death taks him hame to gie him quarters.

Reply to an Announcement by J. Rankine

On His Writing to the Poet, that a Girl in that Part of the Country was with a Child
to Him.

I am a keeper of the law
In some sma' points, altho' not a';
Some people tell me gin I fa',
Ae way or ither,
The breaking of ae point, tho' sma',
Breaks a' thegither.

I hae been in for't ance or twice,
And winna say o'er far for thrice;
Yet never met wi' that surprise
That broke my rest;
But now a rumour's like to rise –
A whaup's i' the nest!

Lines on the Author's Death

Written with the Supposed View of Being Handed to Rankine after the Poet's
Interment

He who of Rankine sang, lies stiff and dead,
And a green grassy hillock hides his head;
Alas! alas! a devilish change indeed!

Эпитафия известному хлыщу,

капитану Уильяму Роддёрку из Корбистона⁷⁷⁹

Землѣй грудь Билли не примни,
Душа цыплѣнка хрупка,
Но на башке хоть замок строй:
Там та ещё скорлупка!

На Тэма-коробейника

Однажды Тэм, как ни крути,
Со Смертью встретился в пути;
Был рад (персона всем знакома),
И Смерть не ниже ставит Тома:
Тот короб с радостью отпѣр,
Ведя сердечный разговор;
Был честен, ловок, мил; таким
Люб Смерти – не расстаться им;
Пересмотрев ножи, подвязки,
Смерть Тэма прибрала – как в сказке.

Ответ Джону Ранкину⁷⁸⁰

на его сообщение поэту о том, что девица в той части страны, где побывал Бёрнс,
родила от него ребёнка

Законам я привержен, но
Блюсти их строго мудрено;
Коль я, твердили мне давно,
Кой-что нарушу,
Пусть даже мелочь, всё равно
Весь свод обрушу.

Разок-другой влез кой-куда,
Ну, третий... С перебором, да?
Кто ж мог предположить тогда,
Что быть беде?
Теперь же голосит орда:
«Кулик в гнезде!»

Стихи о смерти автора,

написанные в предположении, что их передадут Ранкину⁷⁸¹ после кончины
поэта

Он, Ранкина воспевающий, лёг, устав,
Башка его ушла под зелень трав;
У перемен, увы, паскудный нрав!

On Himself

Here comes Burns
On Rosinante;
She's damn'd poor,
But he's damn'd canty!

Grace before and after Meat

O Lord, when hunger pinches sore,
Do thou stand us in stead,
And send us, from thy bounteous store,
A tup or wether head!
Amen.

O Lord, since we have feasted thus,
Which we so little merit,
Let Meg now take away the flesh,
And Jock bring in the spirit!
Amen.

On Commissary Goldie's Brains

Lord, to account who dares thee call,
Or e'er dispute thy pleasure?
Else why, within so thick a wall,
Enclose so poor a treasure?

Epigram at Brownhill Inn

At Brownhill we always get dainty good cheer,
And plenty of bacon each day in the year;
We've a' thing that's nice, and mostly in season,
But why always Bacon – come, tell me a reason?

On Sensibility

Fragment

Rusticity's ungainly form
May cloud the highest mind;
But when the heart is nobly warm,
The good excuse will find.

Propriety's cold, cautious rules
Warm fervour may o'erlook:
But spare poor sensibility
Th' ungentle, harsh rebuke.

На себя самого

Едет Бёрнс
На Росинанте;
Как хорош
На кляче, гляньте!

Молитвы до и после еды

Господь, когда зло глад грызёт,
Пребуди же начеку
И выдай, от Твоих щедрот,
Баранью нам башку!
Аминь.

Не по заслугам нам, Господь,
Набить случилось брюхо;
У Мэг убавь маленько плоть,
Дай Джоку каплю духа!
Аминь.

О мозгах комиссара Голди⁷⁸²

Кто Промысел осудит Твой,
Кто в Воле усомнится?
Зачем за толстою стеной
Такая дрянь хранится?

Эпиграмма, написанная в таверне Браунхилла⁷⁸³

Нам Браунхилл сулит не кормёжку, а чудо,
Когда ни заглянешь, бекона там груды;
Почти превосходным нам кажется ужин,
Но Бэкон извечный – зачем он там нужен?

О чуткости

Отрывок

Неловкость сельской простоты
Скрыть может высь ума –
Что, в честь душевной теплоты,
Простить легко весьма.

Пристойности и правил хлад
Остудит пыл души,
Но чуткость принижать стократ
Упрёком не спеши.

Complimentary Epigram on Maria Riddell

"Praise Woman still," his lordship roars,
"Deserv'd or not, no matter?"
But thee, whom all my soul adores,
Ev'n Flattery cannot flatter:

Maria, all my thought and dream,
Inspires my vocal shell;
The more I praise my lovely theme,
The more the truth I tell.

To the Beautiful Miss Eliza J---n

How, Liberty! girl, can it be by thee named?
And Equality too! hussey, art not ashamed?
Free and Equal, indeed? While mankind thou enchainest
And over their hearts a proud despot thou reignest!

On Chloris

Requesting me to give her a Spring of Blossomed Thorn.

From the white-blossom'd sloe my dear Chloris requested
A sprig, her fair breast to adorn:
No, by Heavens! I exclaim'd, let me perish, if ever
I plant in that bosom a thorn!

Versified Note to Dr. Mackenzie, Mauchline

Friday first's the day appointed
By the Right Worshipful anointed,
To hold our grand procession;
To get a blad o' Johnie's morals,
And taste a swatch o' Manson's barrels
I' the way of our profession.

The Master and the Brotherhood
Would a' be glad to see you;
For me I would be mair than proud
To share the mercies wi' you.
If Death, then, wi' skaith, then,
Some mortal heart is hechtin,
Inform him, and storm him,
That Saturday you'll fecht him.

Robert Burns.
Mossgiel, An. M. 5790.

Хвалебная эпиграмма на Марию Риддел⁷⁸⁴

«Хвалите даму, – лорд орёт, –
Не грех приврать безбожно!»
Тебе, души моей оплот,
Льстить лестью невозможно.

Мария, грёза, идеал,
Как мысль в слова облечь?
Чем больше выскажу похвал,
Тем ближе к правде речь.

Прелестной мисс Илайзе Дж---н

Свобода? Дева, это ль нам грозит?
И Равенство? Да ты теряешь стыд!
Свободны мы, равны? В оковах удержишь люд,
Чистейший деспотизм и тирания тут!

На просьбу Хлорис⁷⁸⁵

дать ей веточку цветущего боярышника

Боярышник в снегу, и милая велела:
«Побег для корсажа добудь!»
«Ей-богу, нет! – кричу. – Умру, но не посмею
Колючку всадить в эту грудь!»

Записка в стихах доктору Маккензи⁷⁸⁶ из Мохлина

В пятницу уж непременно,
Объявил Достопочтенный⁷⁸⁷,
Процессия нас ожидает:
Наслушаться от Джони строчек,
Хлебнуть из Мэнсоновых бочек⁷⁸⁸ –
Как в наших делах подобает.

Магистр и братство просят вас
Пожаловать на встречу,
Мне б рядом сесть, вкусив в тот час
Все почести, замечу.
А с тою, с косою,
Что в поисках работы,
Отсрочьте («Невмочь те?») –
Сражение до субботы.

*Роберт Бёрнс
Моссгил, год 5790 от сотворения мира⁷⁸⁹*

Epigram Addressed to an Artist

Dear _____, I'll gie ye some advice,
You'll tak it no uncivil:
You shouldna paint at angels mair,
But try and paint the devil.
To paint an Angel's kittle wark,
Wi' Nick, there's little danger:
You'll easy draw a lang-kent face,
But no sae weel a stranger.

– R.B.

You're Welcome, Willie Stewart

You're welcome, Willie Stewart,
You're welcome, Willie Stewart,
There's ne'er a flower that blooms in May,
That's half sae welcome's thou art!

Come, bumpers high, express your joy,
The bowl we maun renew it,
The tappet hen, gae bring her ben,
To welcome Willie Stewart.

May foes be strang, and friends be slack
Ilk action, may he rue it,
May woman on him turn her back
That wrangs thee, Willie Stewart.

Epitaph for Mr. W. Cruikshank

Honest Will to Heaven's away
And mony shall lament him;
His faults they a' in Latin lay,
In English nane e'er kent them.

The Raptures of Folly

Thou greybeard, old Wisdom! may boast of thy treasures;
Give me with young Folly to live;
I grant thee thy calm-blooded, time-settled pleasures,
But Folly has raptures to give.

Lines Inscribed in a Lady's Pocket Almanac

Grant me, indulgent Heaven, that I may live,
To see the miscreants feel the pains they give;
Deal Freedom's sacred treasures free as air,
Till Slave and Despot be but things that were.

Эпиграмма, адресованная художнику

Не злись, любезный, на совет,
Он недурного сорта:
Довольно ангелов писать,
Малюй-ка лучше чërта!
Над ангелами тяжек труд,
Над Ником⁷⁹⁰ – веселее:
Знакомца выписать легко,
Чужих – куда труднее.

Р.Б.

«Тебя ждём, Стюарт Вилли ^{791!}»

Тебя ждём, Стюарт Вилли!
Тебя ждём, Стюарт Вилли,
И то, как ждём мы майский цвет,
Нельзя сравнить по силе!

Стаканы выше! Радость в них,
Нальём, раз осушили;
Бутыль, не жмусь, по кругу пусть
Идёт навстречу Вилли.

Пусть враг силен, а друг слабак,
Пусть жалость – к тем, кто в мыле;
И баба пусть тому не даст,
Кто смеет хаять Вилли!

Эпитафия для мистера У. Крукшенка⁷⁹²

Теперь на Небе честный Вилл,
Толпа о нём рыдает;
Споёт латынь, как он грешил,
Родной язык не знает.

Восторги Глупости

Кичишься богатствами, Мудрость Седая?
Дай с Глупостью юной пожить.
Тебе дать могу тишь и негу без края,
Мне Глупость – восторги дарить!

Строки, вписанные в дамский альбом

Из снисхожденья, Небо, зреть мне дай,
Как чует свою пакость негодяй;
Раздай Свободы клады задарма,
Чтоб ни корон, ни рабского клейма!

Fragment of Song

No cold approach, no altered mien,
Just what would make suspicion start;
No pause the dire extremes between,
He made me blest – and broke my heart.

On Maria Dancing

How gracefully Maria leads the dance!
She's life itself. I never saw a foot
So nimble and so elegant; it speaks,
And the sweet whispering poetry it makes
Shames the musician.

Adriano, or the First of June

Thanksgiving for a National Victory

Ye hypocrites! are these your pranks?
To murder men and give God thanks!
Desist, for shame! – proceed no further;
God won't accept your thanks for Murther!

Versified Reply to an Invitation

Sir,

Yours this moment I unseal,
And faith I'm gay and hearty!
To tell the truth and shame the deil,
I am as fou as Bartie:

But Foorsday, Sir, my promise leal,
Expect me o' your partie,
If on a beastie I can speel,
Or hurl in a cartie.

Yours,

Robert Burns.
Mauchlin, Monday night, 10 o'clock.

To Alex. Cunningham, Esq., Writer

Ellisland, Nithsdale, July 27th, 1788.

My godlike friend – nay, do not stare,
You think the phrase is odd-like;
But God is love, the saints declare,
Then surely thou art god-like.

Отрывок из песни

Не стал он хладом обдавать,
И подозрений не родил;
Меж крайностей блаженство дать
Сумел – и сердце мне разбил.

Мария⁷⁹³ танцует

Мария пляшет грациозно так!
В ней жизнь сама. Я ножки не видал
Столь ловкой и изящной: говорит –
И шепоток поэзии несёт
Стыд музыканту.

Адриано, первого июня

Благодарность за национальную победу⁷⁹⁴

Что́, лицемеры, ваша прыть:
Смерть сея, Господа хвалить?
Стыдитесь! Кто б вас оборвал;
Не примет Бог за смерть похвал!

Ответ в стихах на приглашение⁷⁹⁵

Сэр,

только что конверт открыл,
И, верьте, всё бы ладно,
Но, честно, – чёрта б устыдил –
Как он, я пьян изрядно.

В четверг, на голубом глазу,
При всём прибуду лоске,
Коль на кобылку заползу –
Не то вкачу в повозке.

Ваш

*Роберт Бёрнс
Мохлин, 10 вечера в понедельник*

Алекс. Каннингему⁷⁹⁶, эсквайру, стряпчему

Эллисленд, Нитдейл, 27 июля 1788 года

Друг богоравный... не дивись:
Мнишь, что не столь ты славен?
«Бог есть любовь»⁷⁹⁷, умы сошлись,
Ты, значит, богоравен.

And is thy ardour still the same?
And kindled still at Anna?
Others may boast a partial flame,
But thou art a volcano!

Ev'n Wedlock asks not love beyond
Death's tie-dissolving portal;
But thou, omnipotently fond,
May'st promise love immortal!

Thy wounds such healing powers defy,
Such symptoms dire attend them,
That last great antihectic try –
Marriage perhaps may mend them.

Sweet Anna has an air – a grace,
Divine, magnetic, touching:
She talks, she charms – but who can trace
The process of bewitching?

A Grace after Dinner, Extempore

O Thou, in whom we live and move –
Who made the sea and shore;
Thy goodness constantly we prove,
And grateful would adore;
And, if it please Thee, Power above!
Still grant us, with such store,
The friend we trust, the fair we love –
And we desire no more.
Amen!

Grace after Meat

Lord, we thank, and thee adore,
For temp'ral gifts we little merit;
At present we will ask no more –
Let William Hislop give the spirit.

Extempore Reply to an Invitation

The King's most humble servant, I
Can scarcely spare a minute;
But I'll be wi' you by an' by;
Or else the Deil's be in it.

My Bottle

My bottle is my holy pool,
That heals the wounds o'care an' dool,
And pleasure is a wanton trout,
An' ye drink it a' ye'll find him out.

Твой жар душевный – как всегда?
Досель источник – Анна⁷⁹⁸?
Иной хвастун горит (да-да!),
В тебе – огонь вулкана!

Любви не алчет самый Брак
Загробной в человеке,
Но ты, бескрайне нежный так,
Готов любить навеки!

Коль ран твоих не исцелить,
Симптомов – вереница,
Последний путь горячку сбить –
Попробовать жениться.

Прелестной Анны, как магнит,
Манят к душе касанья;
Она чарует – кто узрит
Процесс очарованья?

Молитва после обеда (экспромт)

О Ты, в ком нашей жизни ход,
Кто создал хлябь и брег,
Тебе наш люд молитвы шлёт,
Признательный вовек;
Но коль могли бы Небеса
Ещё нам малость дать...
Будь верный друг, любовь-краса –
Чего ещё желать!
Аминь!

Молитва после еды

Господь, тебя благодарим,
Таких щедрот не заслужили;
Теперь лишь одного хотим:
Чтоб отдал душу Хислоп Вилли⁷⁹⁹.

Ответ экспромтом на приглашение

Слуга ничтожный трона, я
Век загнан, вечно в мыле;
Спешу к вам вновь и вновь, друзья,
Коль гадить чёрт не в силе.

Моя бутылъ

Моя бутылъ – священный пруд,
Глотну – заботы, боль пройдут;
А радость – рыбка: пей до дна,
Глядишь, и поймана она.

On a Swearing Coxcomb

Here cursing, swearing Burton lies,
A buck, a beau, or "Dem my eyes!"
Who in his life did little good,
And his last words were "Dem my blood!"

On Andrew Turner

In se'enteen hunder an' forty-nine,
The deil gat stuff to mak a swine,
An' cuist it in a corner;
But by and by he changed his plan,
An' made it something like a man,
An' ca'd it Andrew Turner.

Epigram on Mr. James Gracie

Gracie, thou art a man of worth,
O be thou Dean for ever!
May he be damned to hell henceforth,
Who fauts thy weight or measure!

Lines

Written under the Picture of the Celebrated
Miss Burns

Cease, ye prudes, your envious railing,
Lovely Burns has charms-confess:
True it is, she had one failing,
Had a woman ever less?

Epigram to Miss Jean Scott

O had each Scot of ancient times
Been, Jeanie Scott, as thou art;
The bravest heart on English ground
Had yielded like a coward.

Epigram on Francis Grose the Antiquary

The Devil got notice that Grose was a-dying
So whip! at the summons, old Satan came flying;
But when he approach'd where poor Francis lay moaning,
And saw each bed-post with its burthen a-groaning,
Astonish'd, confounded, cries Satan – "By God,
I'll want 'im, ere I take such a damnable load!"

На могиле хлыща-сквернослова

Был Бёртон⁸⁰⁰, щёголь-сквернослов,
«Будь проклят я!» орать готов;
Сложил бездельник груз забот,
Вопя: «Будь проклят весь мой род!»

На Эндрю Тёрнера⁸⁰¹

В семьсот сорок девятый год
Лепить чёрт хряка устаёт
(Попробуй тут не сбренди!),
Потом сто раз менялся план,
Был чуть не смертный изваян
И назван: Тёрнер Энди.

Эпиграмма на мистера Джеймса Грейси⁸⁰²

О Грейси, гильдии оплот,
В сем кресле век сиди ты!
К чертям того, кто упрекнёт
За вес и габариты!

Стихи {3},

написанные под портретом знаменитой
мисс Бёрнс

Цыц, ханжи, враньё безмерно:
Бёрнс – красотка хоть куда!
Оступилась как-то, верно;
Вы безгрешных знали, да?

Эпиграмма для мисс Джин Скотт⁸⁰³

Коль мог бы каждый предок-скотт
С тобой, Джин Скотт, сравниться,
Была б от храбрых англичан
Очищена граница.

Эпиграмма на Фрэнсиса Гроуза⁸⁰⁴, антиквара

Что при смерти Гроуз, долетело до Ника⁸⁰⁵,
Взвился сатана, торопясь к нему дико;
Увидев стонавшего Фрэнсиса ложе,
Чьи ножки стонали под тяжестью тоже,
Смущён, поражён, Ник воскликнул: «Бог мой,
Сам дьявол не сладит – груз тяжкий такой!»

On Elphinstone's Translation of Martial's Epigrams

O thou whom Poetry abhors,
Whom Prose has turned out of doors,
Heard'st thou yon groan? – proceed no further,
'Twas laurel'd Martial calling murther.

Rhyming Reply to a Note from Captain Riddell

Dear Sir, at ony time or tide,
I'd rather sit wi' you than ride,
Though 'twere wi' royal Geordie:
And trowth, your kindness, soon and late,
Aft gars me to mysel' look blate –
The Lord in Heav'n reward ye!

R. Burns.
Ellisland.

Epigram on a Country Laird,

not quite so wise as Solomon.

Bless Jesus Christ, O Cardoness,
With grateful, lifted eyes,
Who taught that not the soul alone,
But body too shall rise;
For had He said "the soul alone
From death I will deliver,"
Alas, alas! O Cardoness,
Then hadst thou lain for ever.

On being Shown a beautiful Country Seat

We grant they're thine, those beauties all,
So lovely in our eye:
Keep them, thou eunuch, Cardoness,
For others to enjoy!

Epigrams against the Earl of Galloway

What dost thou in that mansion fair?
Flit, Galloway, and find
Some narrow, dirty, dungeon cave,
The picture of thy mind.

No Stewart art thou, Galloway,
The Stewarts all were brave;
Besides, the Stewarts were but fools,
Not one of them a knave.

На Элфинстонов перевод эпиграмм Марциала⁸⁰⁶

Ты для Поэзии изгой,
И Проза гонит с глаз долой;
Стон слышишь? Марциал не в силе
Терпеть – и просит, чтоб добили.

Ответ в стихах на записку от капитана Риддела⁸⁰⁷

Сесть с Вами рядом, добрый сэр,
Всегда милей мне не в пример,
Чем с Джорди⁸⁰⁸ прокатиться;
И, право, Ваша доброта
Смущает, всюду разлита, –
Так пусть вознаградится!

*Р.Бёрнс
Эллисленд*

Эпиграмма на сельского лэрда,

не столь мудрого, как Соломон

Блажен Христос, о Кардонесс⁸⁰⁹,
Всемиловит Господь,
Учивший, что с душой людской
Воскреснет также плоть!
Скажи Он: «Душу лишь одну
Избавлю Я от смерти»,
Тогда б, о Кардонесс, увы,
Тебя прибрали черти.

Об увиденном прекрасном поместье

Твоя, допустим, тьма красот,
Что так ласкает взгляд;
Храни их, евнух Кардонесс⁸¹⁰,
Всем прочим для услад!

Эпиграммы на графа Галлоуэя⁸¹¹

Красе дворцовой, Галлоуэй,
Ты чужд! Сыскать спеши
Подземный тесный грязный склеп,
Портрет твоей души.

Нет, ты не Стюарт, Галлоуэй:
Род храбр как на подбор;
Хоть дурни попадались в нём,
Но не случался вор.

Bright ran thy line, O Galloway,
Thro' many a far-fam'd sire!
So ran the far-famed Roman way,
And ended in a mire!

Spare me thy vengeance, Galloway!
In quiet let me live:
I ask no kindness at thy hand,
For thou hast none to give.

Epitaph on John Rankine

Ae day, as Death, that gruesome carl,
Was driving to the tither warl'
A mixtie-maxtie motley squad,
And mony a guilt-bespotted lad –
Black gowns of each denomination,
And thieves of every rank and station,
From him that wears the star and garter,
To him that wintles in a halter:
Ashamed himself to see the wretches,
He mutters, glowrin at the bitches,
"By God I'll not be seen behint them,
Nor 'mang the sp'ritual core present them,
Without, at least, ae honest man,
To grace this damn'd infernal clan!"
By Adamhill a glance he threw,
"Lord God!" quoth he, "I have it now;
There's just the man I want, i' faith!"
And quickly stoppit Rankine's breath.

Extemporaneous Effusion

On being appointed to an Excise division.

Searching auld wives' barrels,
Ochone the day!
That clarty barm should stain my laurels:
But – what'll ye say?
These movin' things ca'd wives an' weans,
Wad move the very hearts o' stanes!

On Hearing it Asserted Falsehood

is expressed in the Rev. Dr. Babington's very looks.

That there is a falsehood in his looks,
I must and will deny:
They tell their Master is a knave,
And sure they do not lie.

Прославлен, Галлоуэй, твой род,
Известных предков много!
Так до трясины доведёт
И римская дорога⁸¹².

Не мстил бы ты мне, Галлоуэй,
И дал прожить без бед,
А доброты я не прошу:
Её в помине нет!

Эпитафия Джону Ранкину⁸¹³

Решила как-то Смерть-карга
Гнать на иные берега
Сплошь разношёрстный, пёстрый сброд,
Где чуть ни всех вина гнетёт:
Чернь ряс и мантий крючкотворов,
И всякого разбору воров –
От звёздных туш (подвязки нет ли?)⁸¹⁴
До отыскавших место в петле;
Пробрал Смерть стыд при сем параде,
Бурчит, на сволочь злобно глядя:
«Бог мой, они меня затмили!
Неужто отыскать не в силе
Хотя б один достойный лик,
Чтоб не был клан так адски дик!»
Близ Адамхилла⁸¹⁵ взор вонзён:
«Так вот же, Господи, и он!
Улов, клянусь, весьма нехил!»
И Ранкин вмиг придушен был.

Излияние экспромтом

на назначение в отдел акцизов

Носом – в бабьи кадки
Теперь, увы!
Не так уж с лавров взятки гладки,
Сказали вы?
Баб и мальцов, в конце концов,
Вид тронет, дух сколь ни суров!

Об услышанном, будто ложь сквозит

в каждом взгляде преп. доктора Бейбингтона⁸¹⁶

Что в каждом взгляде ложь сквозит,
Отвергнуть труд возьму;
Твердят глаза: владелец плут,
И лгать им ни к чему.

On Politics

In Politics if thou would'st mix,
And mean thy fortunes be;
Bear this in mind, – be deaf and blind,
Let great folk hear and see.

Epitaph for Mr. Ebenezer Michie

Schoolmaster of Cleish Parish, Fifeshire.

Here lie Eben Michie's banes;
O Satan, when ye tak him,
Gie him the schulin o' your weans,
For clever deils he'll mak them!

Epitaph for William Nicol,

of The High School, Edinburgh

Ye maggots, feed on Nicol's brain,
For few sic feasts you've gotten;
And fix your claws in Nicol's heart,
For deil a bit o't's rotten.

On a Henpecked Country Squire

As father Adam first was fool'd,
(A case that's still too common,)
Here lies man a woman ruled,
The devil ruled the woman.

On a Suicide

Earth'd up, here lies an imp o' hell,
Planted by Satan's dibble;
Poor silly wretch, he's damned himsel',
To save the Lord the trouble.

On My Ever Honoured Father

O ye whose cheek the tear of pity stains,
Draw near with pious rev'rence, and attend!
Here lie the loving husband's dear remains,
The tender father, and the gen'rous friend;

The pitying heart that felt for human woe,
The dauntless heart that fear'd no human pride;

О политике

Политик? Есть соблазн залезть,
В предвиденье удач?
Тогда, хоть где б, стань глух и слеп:
Пусть слышит, зрит богач.

Эпитафия мистеру Эбенизеру Ми́чи⁸¹⁷,

школьному учителю в приходе Клейш, в Файфшире

Почил здесь Мичи; сатана,
В учителя возьмёшь –
Знай: из чертёнка-пацана
Выходит чёрт хорош!

Эпитафия Уильяму Ни́колу⁸¹⁸

из «Хай скул» в Эдинбурге

Червяк, жри Ни́кола мозги
(У прочих разве вес-то?),
По сердцу ползай: чёрта с два
Гниль тронет это место.

На затурканного сельского сквайра

С Адама дней нам дурь дана
(Не нов хомут на шею):
Здётся тот, кем правила жена,
А дьявол правил ею.

О самоубийце {1}

Чертёнок льнёт к земли комкам,
Посажен сатаною;
У Бога меньше (проклят сам!)
Заботою одною.

О моём неизменно почитаемом отце

О вы, чьё горе – мокрою щекой,
Склонитесь скорбно холмика вокруг!
Здесь любящий супруг обрёл покой,
Заботливый отец и щедрый друг;

Рождали беды ближних боль души,
Души бесстрашной не пугала спесь;

The friend of man – to vice alone a foe;
For "ev'n his failings lean'd to virtue's side."

Epitaph on John Dove, Innkeeper

Here lies Johnie Pigeon;
What was his religion?
Whae'er desires to ken,
To some other warl'
Maun follow the carl,
For here Johnie Pigeon had nane!

Strong ale was ablution,
Small beer persecution,
A dram was *memento mori*;
But a full-flowing bowl
Was the saving his soul,
And port was celestial glory.

On John Bushby, Esq., Tinwald Downs

Here lies John Bushby – honest man,
Cheat him, Devil – if you can!

Epitaph for James Smith

Lament him, Mauchline husbands a',
He aften did assist ye;
For had ye staid hale weeks awa,
Your wives they ne'er had miss'd ye.

Ye Mauchline bairns, as on ye press
To school in bands thegither,
O tread ye lightly on his grass, –
Perhaps he was your father!

On a Innkeeper Nicknamed "The Marquis"

Here lies a mock Marquis, whose titles were shamm'd,
If ever he rise, it will be to be damn'd.

Epitaph for Mr. Walter Riddell

Sic a reptile was Wat,
Sic a miscreant slave,
That the worms ev'n damn'd him
When laid in his grave;
"In his flesh there's a famine,"
A starved reptile cries,
"And his heart is rank poison!"
Another replies.

Друг людям, враг пороку; «хороши
И промахи, коль чист он с ними весь»⁸¹⁹.

Эпитафия Джону Да́ву⁸²⁰, трактирщику

Здесь спит Голубь Джони;
Что в Божьем Законе
Он смыслил? Махните рукой;
Его на том свете
Ждут трудности эти:
Здесь веры не знал никакой!

Очистившись элем,
Гонялся за хмелем,
Хлебнув за погибель-шалаву;
Наполняя бокал,
Путь на Небо искал,
В портвейне зрел горнюю славу.

На Джона Басби⁸²¹, эсквайра, из Тинуолд-даунс

Джон Басби здесь был первый сорт,
Обжуй его, коль сможешь, чёрт!

Эпитафия Джеймсу Смиту⁸²²

Скорбите, Мохлина мужья!
Он помогал обычно,
Кормильца коль ждала семья,
Жене негоремычной.

А школяров я призову:
Шумна орава ваша,
Не мните зря над тем траву,
Кто, может, ваш папаша!

На трактирщика по прозвищу «Маркиз»

Поддельный маркиз упокоился тут;
Воскреснуть решит, так его проклянут.

Эпитафия мистеру Уолтеру Ридделу⁸²³ {1}

Уж такой Уот⁸²⁴ был гад,
Раб поганый такой,
Что червями был проклят,
Обретши покой;
«Жрать тут нечего, братцы!» –
Червяк завопил,
«Сердце – просто отрав!» –
Другой подхватил.

Epitaph for Mr. Gabriel Richardson

Here Brewer Gabriel's fire's extinct,
And empty all his barrels:
He's blest – if, as he brew'd, he drink,
In upright, honest morals.

Epitaph for Gavin Hamilton, Esq.

The poor man weeps – here Gavin sleeps,
Whom canting wretches blam'd;
But with such as he, where'er he be,
May I be sav'd or damn'd!

Epitaph for Robert Aiken, Esq.

Know thou, O stranger to the fame
Of this much lov'd, much honoured name!
(For none that knew him need be told)
A warmer heart death ne'er made cold.

Epitaph on Wm. Hood, Senr., in Tarbolton

Here Souter Hood in death does sleep;
To hell if he's gane thither,
Satan, gie him thy gear to keep;
He'll haud it weel thegither.

Epitaph on "Wee Johnnie"

Hic Jacet wee Johnnie.

Whoe'er thou art, O reader, know
That Death has murder'd Johnnie;
An' here his body lies fu' low;
For saul he ne'er had ony.

On a Noisy Polemic

Below thir stanes lie Jamie's banes;
O Death, it's my opinion,
Thou ne'er took such a bleth'rin bitch
Into thy dark dominion!

On James Grieve, Laird of Boghead, Tarbolton

Here lies Boghead amang the dead
In hopes to get salvation;
But if such as he in Heav'n may be,
Then welcome, hail! damnation.

Эпитафия мистеру Гэбриэлу Ричардсону⁸²⁵

Остыл здесь пивовара пыл,
Все бочки опустели;
Блажен: пил то, что сам сварил,
И упрекнуть не смели.

Эпитафия Гэвину Хэмилтону⁸²⁶, эсквайру

Плачь, бедный люд: лёг Гэвин тут,
Ордой ханжей честим;
С таким, как он, будь я спасён –
Иль проклят вместе с ним!

Эпитафия Роберту Эйкену⁸²⁷, эсквайру

Здётся лёгшего, узнай секрет,
Любимей и честнее нет!
(Никто из знавших не забыл).
Смерть не гасила жарче пыл.

Эпитафия на Уильяма Худа-старшего⁸²⁸, в Тарболтоне

Башмачник Худ предался сну;
И в пекле может смело
Доверить чёрт ему казну:
Худ туго знает дело.

Эпитафия «Крошке Джони»

Нис Јасет⁸²⁹ Крошка Джони

Читающий, узнать спешит:
Смерть Джони заковала;
Здесь плоть его лежит – души
В ней сроду не бывало.

На шумного спорщика

Под камнем плит наш Джейми⁸³⁰ спит;
О Смерть, держусь я мненья:
Брехливей пёс не сунул нос
Досель в твои владенья!

На Джеймса Грива⁸³¹, лэрда Богхёда, в Тарболтоне

Живых там нет, где лёг Богхед,
Спаستись мечту лелея;
Коль рай таких зрит средь своих,
То пекло мне милее!

На вклейке – фотографии, которые
С.В. Алексеенко снял в поездке по
Шотландии в августе 2012 года

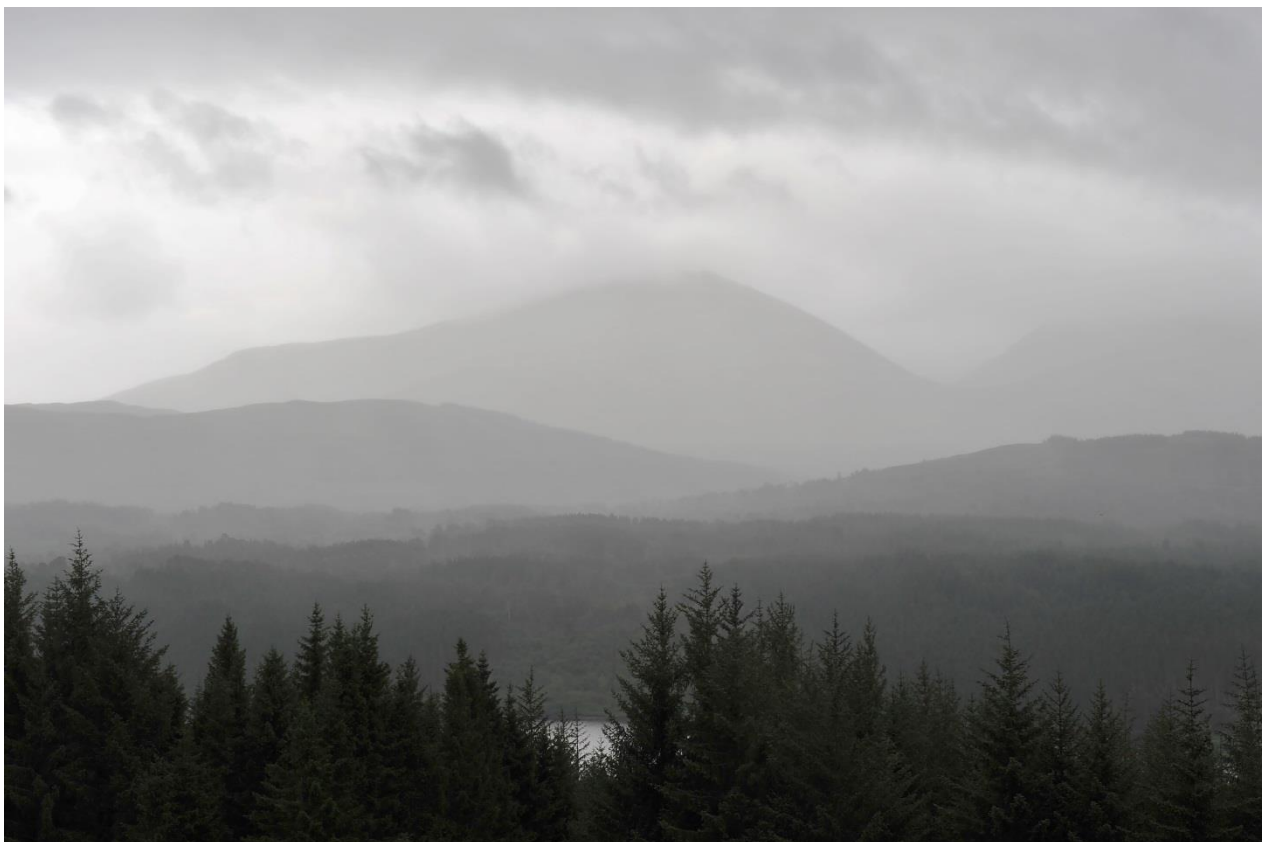

Люб куропатке щедрый луг,
Милее ржанке горы;
Дол вальдшнеп выбрал без натуг,
А речка цапле впору;
Где вяхирь, лес аж до небес,
Нет ходу людям вздорным;
Находит дрозд лещину в рост,
Чечётка дружит с тёрном.

«Августовская песня»

Songs and Ballads

Mary Morison

O Mary, at thy window be,
It is the wish'd, the trysted hour!
Those smiles and glances let me see,
That make the miser's treasure poor:
How blythely was I bide the stour,
A weary slave frae sun to sun,
Could I the rich reward secure,
The lovely Mary Morison.

Yestreen, when to the trembling string
The dance gaed thro' the lighted ha',
To thee my fancy took its wing,
I sat, but neither heard nor saw:
Tho' this was fair, and that was braw,
And yon the toast of a' the town,
I sigh'd, and said among them a',
"Ye are na Mary Morison."

Oh, Mary, canst thou wreck his peace,
Wha for thy sake wad gladly die?
Or canst thou break that heart of his,
Whase only faut is loving thee?
If love for love thou wilt na gie,
At least be pity to me shown;
A thought ungentle canna be
The thought o' Mary Morison.

A Red, Red Rose

O my Luve's like a red, red rose,
That's newly sprung in June:
O my Luve's like the melodie,
That's sweetly play'd in tune.

As fair art thou, my bonie lass,
So deep in luve am I;
And I will luve thee still, my dear,
Till a' the seas gang dry.

Till a' the seas gang dry, my dear,
And the rocks melt wi' the sun;
And I will luve thee still, my dear,
While the sands o' life shall run.

Песни и баллады

Мэри Морисон⁸³²

К окошку, Мэри, подойди
В желанный час, в условный час!
Мне улыбнись да погляди,
Скупца добра лишая враз;
Как лихо снёс бы я беду,
Усталый раб, трудом склонён,
Проведав, что в награду жду
Красотку Мэри Морисон.

Когда на трепет струн вчера
Вёл танец через светлый зал,
К тебе мечта взвилась, быстра;
Сидел – не видел, не внимал:
Та прелесть, эта всех милей,
Вон к той летят со всех сторон...
Вздых выгнал из груди моей:
«Вы все – не Мэри Морисон».

Зачем покоя лишена
Жизнь, что твоя давным-давно?
Что сердце рвать, чья вся вина
В том, что любви к тебе полно?
Не можешь дать любовь в ответ,
Найди хоть в жалости резон;
Мысль дерзкой быть не может, нет,
Коль мысль – о Мэри Морисон.

«Моя любовь, как роз багрец...»⁸³³

Моя любовь, как роз багрец,
Июнем данный вдруг,
Моя любовь, как тот напев,
Чей дивен чистый звук.

Родная, сколь прелестна ты,
Столь мне любить дано,
Любить, дружок, пока морей
Не пересохнет дно –

Не нересохнет дно, дружок,
Скал не расплавит зной!
Любить до той поры, дружок,
Покуда жизнь со мной.

And fare-thee-weel, my only Luve!
And fare-thee-weel, a while!
And I will come again, my Luve,
Tho' 'twere ten thousand mile!

Sweet Afton

Flow gently, sweet Afton! amang thy green braes,
Flow gently, I'll sing thee a song in thy praise;
My Mary's asleep by thy murmuring stream,
Flow gently, sweet Afton, disturb not her dream.

Thou stockdove whose echo resounds thro' the glen,
Ye wild whistling blackbirds in yon thorny den,
Thou green-crested lapwing thy screaming forbear,
I charge you, disturb not my slumbering Fair.

How lofty, sweet Afton, thy neighbouring hills,
Far mark'd with the courses of clear, winding rills;
There daily I wander as noon rises high,
My flocks and my Mary's sweet cot in my eye.

How pleasant thy banks and green valleys below,
Where, wild in the woodlands, the primroses blow;
There oft, as mild Ev'ning weeps over the lea,
The sweet-scented birk shades my Mary and me.

Thy crystal stream, Afton, how lovely it glides,
And winds by the cot where my Mary resides;
How wanton thy waters her snowy feet lave,
As, gathering sweet flow'rets, she stems thy clear wave.

Flow gently, sweet Afton, amang thy green braes,
Flow gently, sweet river, the theme of my lays;
My Mary's asleep by thy murmuring stream,
Flow gently, sweet Afton, disturb not her dream.

My Bonie Mary

Go, fetch to me a pint o' wine,
And fill it in a silver tassie;
That I may drink before I go,
A service to my bonie lassie.
The boat rocks at the pier o' Leith;
Fu' loud the wind blows frae the Ferry;
The ship rides by the Berwick-law,
And I maun leave my bonie Mary.

The trumpets sound, the banners fly,
The glittering spears are ranked ready:
The shouts o' war are heard afar,
The battle closes deep and bloody;

Прощай, единая любовь!
Прощаемся, пока!
К тебе вернусь, моя любовь,
Сколь даль ни далека!

Милый Афтон⁸³⁴

Струись, милый Афтон, в зелёном краю,
Струись, а я в песне тебя воспою;
Ты сон моей Мэри⁸³⁵ журчаньем принёс,
Струись, милый Афтон, не тронь её грёз.

Клинтух⁸³⁶, своё эхо несущий сквозь дол,
Дрозд чёрный, что в тёрне защиту обрёл,
И чибис-скрипун с изумрудной башкой!
Тревожить не смейте любимой покой⁸³⁷.

Высокие, Афтон, взрезаешь холмы,
Где русла чистейших ручьёв непрямы;
Я там под пригляд взял на множество дней
И стадо, и хижину Мэри моей.

Долин с берегами прекраснее нет,
Где лоно чащобы укрыл первоцвет;
Лишь вечер на луг брызнет слёзками рос,
Мы с Мэри – под зелень душистых берёз.

Ты, Афтон, кристальным скольжением вод
Извился вокруг дома, где Мэри живёт;
Как ножки её моешь весело ты,
Когда ступит в воду, собирая цветы!

Струись, милый Афтон, в зелёном краю,
Струись, чудо-речка, под песню мою,
Ты сон моей Мэри журчаньем принёс,
Струись, милый Афтон, не тронь её грёз.

Красотка Мэри {1}

Вина мне пинту принеси,
Из серебра промою глотку;
Успею, отправляясь в путь,
Хлебнуть за милую красотку.
Качает борт у пирса Лит⁸³⁸,
И с рёвом гонит ветер Ферри⁸³⁹;
Минует судно Бёрвик Ло⁸⁴⁰,
Оставляю я красотку Мэри.

Труба ревёт, трепещет стяг,
И пик сверкающих премного,
Вдали слышны грома войны,
Кровь тяжкой битвы у порога;

It's not the roar o' sea or shore,
Wad mak me langer wish to tarry!
Nor shouts o' war that's heard afar –
It's leaving thee, my bonie Mary!

Highland Mary

Ye banks, and braes, and streams around
The castle o' Montgomery!
Green be your woods, and fair your flowers,
Your waters never drumlie:
There Simmer first unfauld her robes,
And there the langest tarry;
For there I took the last Farewell
O' my sweet Highland Mary.

How sweetly bloom'd the gay, green birk,
How rich the hawthorn's blossom,
As underneath their fragrant shade,
I clasp'd her to my bosom!
The golden Hours on angel wings,
Flew o'er me and my Dearie;
For dear to me, as light and life,
Was my sweet Highland Mary.

Wi' mony a vow, and lock'd embrace,
Our parting was fu' tender;
And, pledging aft to meet again,
We tore oursels asunder;
But oh! fell Death's untimely frost,
That nipt my Flower sae early!
Now green's the sod, and cauld's the clay
That wraps my Highland Mary!

O pale, pale now, those rosy lips,
I aft hae kiss'd sae fondly!
And clos'd for aye, the sparkling glance
That dwalt on me sae kindly!
And mouldering now in silent dust,
That heart that lo'ed me dearly!
But still within my bosom's core
Shall live my Highland Mary.

To Mary In Heaven

Thou ling'ring star, with lessening ray,
That lov'st to greet the early morn,
Again thou usher'st in the day
My Mary from my soul was torn.
O Mary! dear departed shade!
Where is thy place of blissful rest?
See'st thou thy lover lowly laid?
Hear'st thou the groans that rend his breast?

Ни с моря рёв, ни с берегов
Не повод, чтоб застрять у двéри!
Не так страшны грома войны –
Тебя бросать страшусь я, Мэри!

Горянка Мэри⁸⁴¹

Брега, холмы, ручьи вокруг
Монтгомери опоры⁸⁴²!
Красуйтесь, чащи и цветы,
Не ведать водам сора!
Там лето, развернув покров,
Сияло в полной мере,
И там навек простился я
С Горянкой милой, Мэри.

Берёза весело цвела,
Дарила снег боярка,
И в ароматной их тени
Мы обнимались жарко!
Часы, как ангелы, неслись,
В божественном карьере;
Не мнил, что выше свет и жизнь
Горянки милой, Мэри.

Объятий и обетов тьма
Ждала при расставанье:
Клялись мы повстречаться вновь,
Едва прервав свиданье;
Но был цветок оборван вдруг,
Лёг смертный хлад у двери!
Дёрн зелен, глина холодна –
Под ней Горянка Мэри!

Как розы губ бледны – лобзать
Их боле я не в силе!
И не искрятся те глаза,
Что нежность мне дарили!
Распалось сердце милой в прах,
Умножив боль потери!
Но я в душе досель храню
Живой Горянку Мэри.

Мэри на Небесах⁸⁴³

Звездý ленивой слабый свет!
Приветить рад начало дня,
Вновь вводишь ту, которой нет:
Отъяли Мэри от меня.
О Мэри, тень любви былой!
Чем завершился горний путь?
Ты зришь, как никнет милый твой?
Стон слышишь, что терзает грудь?

That sacred hour can I forget,
Can I forget the hallow'd grove,
Where, by the winding Ayr, we met,
To live one day of parting love!
Eternity will not efface
Those records dear of transports past,
Thy image at our last embrace,
Ah! little thought we 'twas our last!

Ayr, gurgling, kiss'd his pebbled shore,
O'erhung with wild-woods, thickening green;
The fragrant birch and hawthorn hoar,
'Twin'd amorous round the raptur'd scene:
The flowers sprang wanton to be prest,
The birds sang love on every spray;
Till too, too soon, the glowing west,
Proclaim'd the speed of winged day.

Still o'er these scenes my mem'ry wakes,
And fondly broods with miser-care;
Time but th' impression stronger makes,
As streams their channels deeper wear.
My Mary! dear departed shade!
Where is thy blissful place of rest?
See'st thou thy lover lowly laid?
Hear'st thou the groans that rend his breast?

My Nanie, O

Behind yon hills where Lugar flows,
'Mang moors an' mosses many, O,
The wintry sun the day has clos'd,
And I'll awa to Nanie, O.

The westlin wind blows loud an' shill;
The night's baith mirk and rainy, O;
But I'll get my plaid an' out I'll steal,
An' owre the hill to Nanie, O.

My Nanie's charming, sweet, an' young;
Nae artfu' wiles to win ye, O:
May ill befa' the flattering tongue
That wad beguile my Nanie, O.

Her face is fair, her heart is true;
As spotless as she's bonie, O:
The op'ning gowan, wat wi' dew,
Nae purer is than Nanie, O.

A country lad is my degree,
An' few there be that ken me, O;
But what care I how few they be,
I'm welcome aye to Nanie, O.

Как позабыть священный час,
 Лесок священный как забыть,
 Где Эйр⁸⁴⁴ скрывал в извивах нас,
 Дав на прощание любить!
 И вечности невмочь стереть
 Следы, ведущие туда:
 Объяты, мнили, будут впредь –
 Увы, расстались навсегда!

Эйр знай журчал, лобзая брег,
 Лес, зеленея, застил высь;
 Берёзок дух, боярки снег
 Над нами, восхитясь, сплелись;
 Ковёр цветочный был богат,
 Пичугам петть любовь не лень;
 Горя, спешил, спешил закат
 Поставить на крыло тот день.

Воспоминанья пробудил,
 До мелочей всё вспомнить смог;
 На ясность дням достало сил:
 Так русло роет вглубь поток.
 О Мэри, тень любви былой!
 Чем завершился горный путь?
 Ты зришь, как никнет милый твой?
 Стон слышишь, что терзает грудь?

О Нэни, о⁸⁴⁵

Там, за холмами, Лугар⁸⁴⁶ тёк:
 Сплошь вереск, мхов не мене, о;
 Светила хлад венчал денёк,
 А я собрался к Нэни, о.

Выл вест свирепый, пуще нет,
 Мыл дождь ночные тени, о;
 Я крался, завернувшись в плед,
 Через холм да прямо к Нэни, о.

Прелестна Нэни, молода,
 Разит без ухищрений, о;
 Язык отсохни навсегда,
 Клевещущий на Нэни, о.

Лицом мила, душой пряма,
 Чиста в красе весенней, о;
 Ромашка, что в росе сама,
 Едва ль сравнится с Нэни, о.

Я деревенщина, простак,
 Безвестный, вне сомнений, о,
 Но та безвестность мне – пустяк,
 Коль привечает Нэни, о.

My riches a's my penny-fee,
An' I maun guide it cannie, O;
But warl's gear ne'er troubles me,
My thoughts are a' my Nanie, O.

Our auld guidman delights to view
His sheep an' kye thrive bonie, O;
But I'm as blythe that hands his pleugh,
An' has nae care but Nanie, O.

Come weel, come woe, I care na by;
I'll tak what Heav'n will sen' me, O:
Nae ither care in life have I,
But live, an' love my Nanie, O.

Ae Fond Kiss, and Then We Sever

Ae fond kiss, and then we sever;
Ae fareweel, alas, for ever!
Deep in heart-wrung tears I'll pledge thee,
Warring sighs and groans I'll wage thee.
Who shall say that Fortune grieves him,
While the star of hope she leaves him?
Me, nae cheerful twinkle lights me;
Dark despair around benights me.

I'll ne'er blame my partial fancy,
Naething could resist my Nancy:
But to see her was to love her;
Love but her, and love for ever.
Had we never lov'd sae kindly,
Had we never lov'd sae blindly,
Never met – or never parted,
We had ne'er been broken-hearted.

Fare-thee-weel, thou first and fairest!
Fare-thee-weel, thou best and dearest!
Thine be ilka joy and treasure,
Peace, Enjoyment, Love and Pleasure!
Ae fond kiss, and then we sever!
Ae fareweeli alas, for ever!
Deep in heart-wrung tears I'll pledge thee,
Warring sighs and groans I'll wage thee.

My Nanie's Awa

Now in her green mantle blythe Nature arrays,
And listens the lambkins that bleat o'er her braes;
While birds warble welcomes in ilka green shaw,
But to me it's delightless – my Nanie's awa.

Считай, не нажил ничего,
Тружусь за жалкий пенни, о,
Но мне теперь не до того:
Все думы лишь о Нэни, о.

Сосед раздулся, как индюк:
Стада́ зрит средь владений, о;
А мне милей налечь на плуг,
Держа в уме лишь Нэни, о.

Удачу ль, горе Бог пошлёт –
Приму без рассуждений, о;
Жизнь не сулит иных забот,
Чем жить с любовью к Нэни, о.

«Поцелуй – за ним разлука...»⁸⁴⁷

Поцелуй – за ним разлука;
И навек, такая штука!
В слёзных клятвах, рвущих душу,
Вздохи на тебя обрушу.
Кто готов пенять фортуне,
Что надежду ищет втуне?
Звёзды мне не подмигнули,
Беды мрак вокруг сомкнули.

Зря журиться, право слово:
Нэнси покорит любого;
Взгляд – и пламя в человеке,
Он – её, притом навеки.
Не любили б мы так нежно,
Слепо так и так безбрежно,
Не сошлись – иль не расстались,
Души в клочья бы не рвались.

Добрый путь, краса-девица!
Добрый путь, хоть смог влюбиться!
Клад сыщи в весёлом беге
Мира, Радости и Неги!
Поцелуй – за ним разлука;
И навек, такая штука!
В слёзных клятвах, рвущих душу,
Вздохи на тебя обрушу.

Нэни уж нет

Сияет Природы зелёный хитон;
Чу! Блеют ягнята, заполнивши склон,
Трель птичья под сень созывает весь свет –
Но мне не до радости: Нэни уж нет.

The snawdrap and primrose our woodlands adorn,
And violetes bathe in the weet o' the morn;
They pain my sad bosom, sae sweetly they blaw,
They mind me o' Nanie – and Nanie's awa.

Thou lav'rock that springs frae the dewes of the lawn,
The shepherd to warn o' the grey-breaking dawn,
And thou mellow mavis that hails the night-fa',
Give over for pity – my Nanie's awa.

Come Autumn, sae pensive, in yellow and grey,
And soothe me wi' tidings o' Nature's decay:
The dark, dreary Winter, and wild-driving snaw
Alane can delight me – now Nanie's awa.

The Banks o' Doon

Ye banks and braes o' bonie Doon,
How can ye bloom sae fresh and fair?
How can ye chant, ye little birds,
And I sae weary fu' o' care!
Thou'll break my heart, thou warbling bird,
That wantons thro' the flowering thorn:
Thou minds me o' departed joys,
Departed never to return.

Aft hae I rov'd by Bonie Doon,
To see the rose and woodbine twine:
And ilka bird sang o' its Luve,
And fondly sae did I o' mine;
Wi' lightsome heart I pu'd a rose,
Fu' sweet upon its thorny tree!
And may fause Luvver staw my rose,
But ah! he left the thorn wi' me.

The Banks o' Doon

Earlier Version

Ye flowery banks o' bonie Doon,
How can ye blume sae fair?
How can ye chant, ye little birds,
And I sae fu' o' care!

Thou'll break my heart, thou bonie bird,
That sings upon the bough!
Thou minds me o' the happy days
When my fause Luve was true.

Опушки в подснежниках, примулах все,
Заря искупала фиалки в росе;
Терзает мне душу их радостный цвет,
Напомнив о Нэни – а Нэни уж нет.

О ты, жаворонок, вспорхнувший из рос,
Что весть овчару о рассвете принёс,
Ты, дрозд, сладко спевший закату вослед,
Умолкните, сжальтесь: ведь Нэни уж нет.

Утешь меня, Осень, желта́ и сера́,
Скажи, что Природе уняться пора;
Зима, чьим злым мраком буран приодет,
Лишь ты меня радуешь: Нэни уж нет.

Берега Дуна {1}⁸⁴⁸

Как на берега ты, чудный Дун,
Собрал, что так свежо цветёт?
Как можете вы, пташки, петь,
Когда влачу я груз забот!
Пичуга, рвёт мне душу трель,
Что сквозь боярки снег летит,
Напомнив радость дней былых,
Какую жизнь не возвратит.

Бродила часто, чудный Дун,
Где с розой жимолость сплелась;
Где песня птиц – об их любви,
Там о моей – моя лилась;
С колючих стёблей розы я
Рвала уверенно вполне!
Обманщик мой цветок сорвал,
А вот шипы оставил мне.

Берега Дуна {2}⁸⁴⁹

Ранний вариант

Твой берег цветистый, чудный Дун,
Что дивно так цветёт?
Как можете вы, пташки, петь,
Коль я полна забот!

Пичуга, рвёт мне душу трель,
Летящая с ветвей,
Напомнив радость дней былых:
Дружка сыщи верней!

Thou'll break my heart, thou bonie bird,
That sings beside thy mate;
For sae I sat, and sae I sang,
And wist na o' my fate.

Aft hae I rov'd by bonie Doon,
To see the woodbine twine;
And ilka bird sang o' its Luve,
And sae did I o' mine.

Wi' lightsome heart I pu'd a rose,
Upon its thorny tree;
But my fause Luvver staw my rose,
And left the thorn wi' me.

Wi' lightsome heart I pu'd a rose,
Upon a morn in June;
And sae I flourished on the morn,
And sae was pu'd ere noon.

Of a' the Airts the Wind Can Blaw

Of a' the airts the wind can blaw,
I dearly like the west,
For there the bonie lassie lives,
The lassie I lo'e best:
There's wild-woods grow, and rivers row,
And mony a hill between:
But day and night my fancys' flight
Is ever wi' my Jean.

I see her in the dewy flowers,
I see her sweet and fair:
I hear her in the tunefu' birds,
I hear her charm the air:
There's not a bonie flower that springs,
By fountain, shaw, or green;
There's not a bonie bird that sings,
But minds me o' my Jean.

Rantin', Rovin' Robin

There was a lad was born in Kyle,
But whatna day o' whatna style,
I doubt it's hardly worth the while
To be sae nice wi' Robin.

Robin was a rovin' boy,
Rantin', rovin', rantin', rovin',
Robin was a rovin' boy,
Rantin', rovin', Robin!

Пичуга, рвёт мне душу песнь,
Что спета для дружка:
Так пела я, судьбы своей
Не ведала пока.

Бродила часто, чудный Дун,
Где жимолость сплелась;
Где песня птиц – об их любви,
Там и моя лилась;

С колючих стёблей розы я
Могла сорвать вполне;
Обманщик мой цветок сорвал,
Шипы оставив мне.

С колючих стёблей розы мне
Июньский дал рассвет;
Так на рассвете я цвела,
Пал зной – меня уж нет.

«Пусть ветер дует хоть какой...»⁸⁵⁰

Пусть ветер дует хоть какой,
Но западный милей:
Ведь он несётся из краёв
Красавицы моей;
Там чащи, реки там бегут,
Там горы меж равнин;
День, ночь – мечты летят туда,
Чтоб быть всё время с Джин.

В цветах росистых мне видна,
Пригожа и мила;
В пичужьих трелях мне слышна:
Шутя мотив вела;
И нет цветочка у ручья,
В лесу, среди низин,
И нет пичужки, песня чья
Мне не напомнит Джин.

Резвый, рьяный Робин

Нам Кайл⁸⁵¹ парнишку подарил –
Денёк, считай, обычным был,
И кто б тогда предвосхитил,
Как жизнь нам скрасит Робин!

Робин резвый малый был,
Резвый, рьяный, резвый, рьяный,
Робин резвый малый был,
Робин – резвый, рьяный!

Our monarch's hindmost year but ane
Was five-and-twenty days begun,
'Twas then a blast o' Janwar' win'
Blew hansel in on Robin.

The gossip keekit in his loof,
Quo' scho, "Wha lives will see the proof,
This waly boy will be nae coof:
I think we'll ca' him Robin."

"He'll hae misfortunes great an' sma',
But aye a heart aboon them a',
He'll be a credit till us a' –
We'll a' be proud o' Robin."

"But sure as three times three mak nine,
I see by ilka score and line,
This chap will dearly like our kin',
So leeze me on thee! Robin."

"Guid faith," quo', scho, "I doubt you gar
The bonie lasses lie aspar;
But twenty fauts ye may hae waur
So blessins on thee! Robin."

Robin was a rovin' boy,
Rantin', rovin', rantin', rovin',
Robin was a rovin' boy,
Rantin', rovin', Robin!

Green Grow The Rashes

A Fragment

Green grow the rashes, O;
Green grow the rashes, O;
The sweetest hours that e'er I spend,
Are spent amang the lasses, O.

There's nought but care on ev'ry han',
In ev'ry hour that passes, O:
What signifies the life o' man,
An' 'twere na for the lasses, O.

The war'ly race may riches chase,
An' riches still may fly them, O;
An' tho' at last they catch them fast,
Their hearts can ne'er enjoy them, O.

But gie me a cannie hour at e'en,
My arms about my dearie, O;

Монарха предпоследний год
Дней двадцать пять уже идёт,
И ветерком январь ревет⁸⁵² –
Подарком встречен Робин.

Взглянув на ручку малыша,
Сказала тётка: «Хороша!
Рука не дурня, крепыша;
Пускай зовётся Робин.

Больших и малых вдосталь бед
Познаёт – но не сдастся, нет;
Гордиться будет всем нам след –
Уж так прославит Робин.

И как четыре – дважды два,
Ручонка кажет (я права!):
Пропустит юбку он едва;
Совсем нехудо, Робин!

Хоть девкам, верю, не весьма
К добру такая кутерьма,
Но есть грехов похуже тьма.
Так будь же счастлив, Робин!»

Робин резвый малый был,
Резвый, рьяный, резвый, рьяный,
Робин резвый малый был,
Робин – резвый, рьяный!

«Камыш зелёный...» {1}⁸⁵³

Отрывок

Камыш зелёный, о,
Камыш зелёный, о;
Часы сладчайшие провёл,
Красою окружённый, о.

Бег дней, в каких лишь груз забот,
Никто сдержать не в силах, о;
Мужчина даром век живёт,
Коль жизнь та – не для милых, о.

Народ, глядишь, влюблён в барыш,
Готов гонять по свету, о;
Хорош финал, барыш поймал –
Душе отрады нету, о.

Но дай мне тихим вечером
Объятия милашки, о...

An' war'ly cares, an' war'ly men,
May a' gae tapsalteerie, O!

For you sae douce, ye sneer at this;
Ye're nought but senseless asses, O:
The wisest man the warl' e'er saw,
He dearly lov'd the lasses, O.

Auld Nature swears, the lovely dears
Her noblest work she classes, O:
Her prentice han' she try'd on man,
An' then she made the lasses, O.

A Man's a Man for a' That

Is there for honest Poverty
That hings his head, an' a' that;
The coward slave – we pass him by,
We dare be poor for a' that!
For a' that, an' a' that,
Our toils obscure an' a' that;
The rank is but the guinea's stamp,
The Man's the gowd for a' that.

What though on hamely fare we dine,
Wear hoddin grey, an' a' that;
Gie fools their silks, and knaves their wine;
A Man's a Man for a' that:
For a' that, and a' that,
Their tinsel show, an' a' that;
The honest man, tho' e'er sae poor,
Is king o' men for a' that.

Ye see yon birkie, ca'd a lord,
Wha struts, an' stares, an' a' that;
Tho' hundreds worship at his word,
He's but a coof for a' that:
For a' that, an' a' that,
His ribband, star, an' a' that:
The man o' independent mind
He looks an' laughs at a' that.

A prince can mak a belted knight,
A marquis, duke, an' a' that;
But an honest man's abon his might,
Gude faith, he maunna fa' that!
For a' that, an' a' that,
Their dignities an' a' that,
The pith o' sense, an' pride o' worth,
Are higher rank than a' that.

Заботы, мир – их прямиком
К чертям, и без промашки, о!

С презреньем хмурые глядят –
К ослам бы относил их, о;
Мудрейший в целом мире мог
Любить нежнейше милых⁸⁵⁴, о.

Природы труд, клянусь, нехуд⁸⁵⁵,
Никак не из постылых, о:
Сперва-то класс прошла на нас,
Потом творила милых, о.

«Но люди – мы, при этом...»⁸⁵⁶

Кто, честной бедностью смущён,
Поник башкой, при этом, –
Раб, трус; быть бедными, как он,
Посмели мы, при этом!
При этом, при этом,
Наш труд сокрыт, при этом,
Чин – на гинее штампа след,
А золото – мы, при этом.

Еду простую дал нам труд,
Наряд наш груб, при этом;
В шелках дурак, пьёт вина плут,
Но люди – мы, при этом;
При этом, при этом,
Сплошь в цацках двор, при этом,
Но честный малый, пусть бедняк,
Царь средь людей, при этом.

Вот тот вон тип зовётся лорд:
Надут, спесив, при этом;
Словцо – и смертный распростёрт,
Хоть лорд чурбан, при этом;
При этом, при этом,
Блеск лент и звёзд, при этом,
Тому, кто думать сам привык,
Смешон на взгляд, при этом.

Захочет принц, любой – барон,
Граф иль маркиз, при этом;
Но честным малым даже он
Не назначает – где там!
(При этом, при этом,
Напыщен двор, при этом).
Но сила разума и честь
Важней чинов, при этом.

Then let us pray that come it may,
 (As come it will for a' that,)
That Sense and Worth, o'er a' the earth,
 Shall bear the gree, an' a' that.
 For a' that, an' a' that,
 It's coming yet for a' that,
 That Man to Man, the warld o'er,
 Shall brothers be for a' that.

Auld Lang Syne

Should auld acquaintance be forgot,
 And never brought to mind?
Should auld acquaintance be forgot,
 And auld lang syne?

 For auld lang syne, my dear,
 For auld lang syne.
 We'll tak a cup o' kindness yet,
 For auld lang syne.

We twa hae run about the braes,
 And pou'd the gowans fine;
But we've wander'd mony a weary fit,<
 Sin' auld lang syne.

We twa hae paidl'd in the burn,
 Frae morning sun till dine;
But seas between us braid hae roar'd
 Sin' auld lang syne.

And there's a hand, my trusty fere!
 And gie's a hand o' thine!
And we'll tak a right gude-willie waught,
 For auld lang syne.

And surely ye'll be your pint stowp!
 And surely I'll be mine!
And we'll tak a cup o' kindness yet,
 For auld lang syne.

Robert Bruce's March to Bannockburn

Scots, wha hae wi' Wallace bled,
Scots, wham Bruce has aften led,
Welcome to your gory bed,
 Or to Victorie!

Now's the day, and now's the hour;
See the front o' battle lour;
See approach proud Edward's power –
 Chains and Slaverie!

Пошлём мольбу, зовя судьбу
(Уж сбудется, при этом),
Чтоб Разум, Честь везде, где есть,
Ценились бы, при этом.
При этом, при этом,
Наступит всё ж, при этом,
Черёд всем людям на Земле
Стать братьями, при этом.

Былые дни⁸⁵⁷

Дружка бывшего позабыть –
Мол, мысли прочь гони?
Дружка бывшего позабыть,
Былые дни?

За дни былые, старина,
Былые дни!
Мы доброй чашей помянём
Былые дни.

Вдвоём шли маргаритки рвать:
В холмах ковром они!
Устали мы от кутерьмы
В былые дни.

Вдвоём на речке до жары
Гребли, начав в тени;
Но рёв морей меж нами лёг
В былые дни.

Вот, верный друг, моя рука!
Свою мне протяни!
За вас мы выпьем, и до дна,
Былые дни.

Ты, ясно, пьёшь не задарма!
И в этом мне сродни!
Так доброй чашей помянём
Былые дни.

Поход Роберта Брюса на Бэннокбёрн⁸⁵⁸

Кто за Уоллеса⁸⁵⁹ лил кровь,
С Брюсом кто шагает вновь,
Плоть свою к одру готовь –
Или победи!

День настал, и пробил час,
Сечи тень легла сейчас:
Эдвард с войском прёт на нас,
Цепи рабства жди!

Wha will be a traitor knave?
Wha can fill a coward's grave?
Wha sae base as be a Slave?
Let him turn and flee!

Wha, for Scotland's King and Law,
Freedom's sword will strongly draw,
Free-man stand, or Free-man fa',
Let him on wi' me!

By Oppression's woes and pains!
By your Sons in servile chains!
We will drain our dearest veins,
But they shall be free!

Lay the proud Usurpers low!
Tyrants fall in every foe!
Liberty's in every blow! –
Let us Do or Die!

It Was a' for Our Rightfu' King

It was a' for our rightfu' King
We left fair Scotland's strand;
It was a' for our rightfu' King
We e'er saw Irish land,
My dear,
We e'er saw Irish land.

Now a' is done that men can do,
And a' is done in vain;
My Love and Native Land fareweel,
For I maun cross the main,
My dear,
For I maun cross the main.

He turn'd him right and round about,
Upon the Irish shore;
And gae his bridle reins a shake,
With adieu for evermore,
My dear,
And adieu for evermore.

The soger frae the wars returns,
The sailor frae the main;
But I hae parted frae my Love,
Never to meet again,
My dear,
Never to meet again.

Кто изменник, духом слаб?
Кто, труслив, не сдох хотя б?
Кто всей сутью подлый раб?
С поля прочь поди!

Кто за право и за трон
Вольный меч из ножен вон,
Жив, сражён – всё волен он;
Битва впереди!

Уйму бед приносит гнёт!
Сыновей неволя ждёт!
Кровь пролей до капли, скотт,
Рабство отведи!

С посягателя сбей спесь!
Всяк тиран да сгинет здесь!
За свободу бьёмся днесь –
Бей или пади!

«Призвал законный наш король...»

Призвал законный наш король –
Шотландский брошен брег;
Не видеть нам, решил король,
Ирландский край вовек,
Родная,
Ирландский край вовек.

Мы сотворили, что смогли,
И всё творили зря;
Прощайте, Родина, любовь,
И путь мой – за моря,
Родная,
И путь мой – за моря.

Король послал через плечо
Взор на ирландский брег;
Он лишь поводьями тряхнул,
Прощаясь с ним навек,
Родная,
Прощаясь с ним навек.

Солдат ворóтится с войны,
Моряк с морей придёт,
Но с милой распрощался я –
И встреча нас не ждёт,
Родная,
И встреча нас не ждёт.

When day is gane, and night is come,
And a' folk bound to sleep;
I think on him that's far awa,
The lee-lang night, and weep,
My dear,
The lee-lang night, and weep.

M'Pherson's Farewell

Farewell, ye dungeons dark and strong,
The wretch's destinie!
M'Pherson's time will not be long
On yonder gallows-tree.

Sae rantingly, sae wantonly,
Sae dauntingly gaed he;
He play'd a spring, and danc'd it round,
Below the gallows-tree.

O, what is death but parting breath?
On many a bloody plain
I've dared his face, and in this place
I scorn him yet again!

Untie these bands from off my hands,
And bring me to my sword;
And there's no a man in all Scotland
But I'll brave him at a word.

I've liv'd a life of sturt and strife;
I die by treacherie:
It burns my heart I must depart,
And not avenged be.

Now farewell light, thou sunshine bright,
And all beneath the sky!
May coward shame distain his name,
The wretch that dares not die!

Wandering Willie

Here awa, there awa, wandering Willie,
Now tired with wandering, haud awa hame;
Come to my bosom, my ae only dearie,
And tell me thou bring'st me my Willie the same.

Loud blew the cauld winter winds at our parting;
It was na the blast brought the tear in my e'e:

Сменяя день, приносит ночь
Всем время забытья;
В тоске о милой вдалеке
Всю ночь проплачу я,
Родная,
Всю ночь проплачу я,

Прощанье Макферсона⁸⁶⁰

«Прощайте, тюрем тьма и жуть,
Презренного судьба!
Макферсону осталось чуть:
Верёвка, два столба».

Он лихо шёл, отвязно шёл,
Безудержный такой;
Играл мотив, пускался в пляс,
Да прямо под петлёй.

«Чем так уж плох последний вздох?
Мне в сечах смерть встречать
Пришлось не раз, и вот сейчас
Презрю её опять!

Сними кто вдруг оковы с рук,
Клинок верни кто мне –
Так не сыскать бойца подстать
В шотландской стороне.

Ведом судьбой из боя в бой,
Я предан был, как есть;
И душу жжёт, что мой уход
Опережает месть.

Я солнца свет не встречу, нет,
И мир подлунный впредь!
Гнобит пусть стыд тех, кто дрожит,
Не смея умереть!»

Бродяга Вилли

Нигде тебя нету, бродяга мой, Вилли,
Устал – воротись, дома след твой простыл;
Меня обними, мой единственный, милый,
Скажи, что мой Вилли такой, каким был.

Ревел зимний ветер при нашем прощанье,
Но вовсе не ветер гнал слёз череду;

Now welcome the Simmer, and welcome my Willie,
The Simmer to Nature, my Willie to me.

Ye hurricanes rest in the cave o'your slumbers,
O how your wild horrors a lover alarms!
Awaken ye breezes, row gently ye billows,
And waft my dear laddie ance mair to my arms.

But if he's forgotten his faithfulest Nannie,
O still flow between us, thou wide roaring main;
May I never see it, may I never trow it,
But, dying, believe that my Willie's my ain!

Braw Lads o' Galla Water

Braw, braw lads on Yarrow-braes,
They rove amang the blooming heather;
But Yarrow braes, nor Ettrick shaws
Can match the lads o' Galla Water.

But there is ane, a secret ane,
Aboon them a' I loe him better;
And I'll be his, and he'll be mine,
The bonie lad o' Galla Water.

Altho' his daddie was nae laird,
And tho' I hae nae meikle tocher,
Yet rich in kindest, truest love,
We'll tent our flocks by Galla Water.

It ne'er was wealth, it ne'er was wealth,
That coft contentment, peace, or pleasure;
The bands and bliss o' mutual love,
O that's the chiefest warld's treasure.

Ca' the Yowes to the Knowes

Ca'the yowes to the knowes,
Ca' them where the heather grows,
Ca' them where the burnie rows,
My bonie Dearie.

Hark the mavis' e'ening sang,
Sounding Clouden's woods amang;
Then a-faulding let us gang,
My bonie Dearie.

We'll gae down by Clouden side,
Thro' the hazels, spreading wide,
O'er the waves that sweetly glide,
To the moon sae clearly.

Приди скорей, лето, приди ко мне, Вилли,
Ждёт лета природа, как Вилли я жду.

Усните в пещерах своих, ураганы,
Тревожит влюблённую дикий ваш вой!
Проснись, ветерок, волны, мягко катите,
Несите дружка, чтоб обнялся со мной.

Но если изменит, забудет про Нэнни,
Проляг между нами, ревущий простор;
Не дай это видеть, не дай так подумать,
До смерти дай верить: он мой до сих пор!

Молодцы Галла-уотер ⁸⁶¹

На склонах Ярроу молодых
В цветущем вереске немало,
Но в Ярроу, в Эттрике лесном⁸⁶²
Нет молодых таких, как в Галла.

И есть среди них один – его
Ни на кого б ни променяла;
Его я буду, он – моим,
Красавчик тот, живущий в Галла.

Он не из лэрдов, да и я
Подруг приданым не догна́ла,
Но с нами – верная любовь,
Овец мы сгоним к речке Галла.

Не купишь, нет, не купишь, нет,
Покой, согласие и отраду;
Блаженство уз любовных – их
Не приравнять к любому кладу!

«Вверх овец, молодец...»

Вверх овец, молодец,
Где и вереск, и чебрец,
Где бежит ручей-игрец;
Вверх, красавчик милый!

День венчает песнь дрозда,
Вторит Клаудена вода⁸⁶³;
Обнявшись, пойдём туда,
Мой красавчик милый!

По-над Клауденом пойдём,
Где орешник свис кустом
Над волнами в свете том,
Что луна пролила.

Yonder Clouden's silent towers,
Where, at moonshine's midnight hours,
O'er the dewy-bending flowers,
Fairies dance sae cheery.

Ghaist nor bogle shalt thou fear,
Thou'rt to Love and Heav'n sae dear,
Nocht of ill may come thee near;
My bonie Dearie.

Fair and lovely as thou art,
Thou hast stown my very heart;
I can die – but canna part,
My bonie Dearie.

John Anderson, My Jo

John Anderson, my jo, John,
When we were first acquent;
Your locks were like the raven,
Your bonie brow was brent;
But now your brow is beld, John,
Your locks are like the snaw;
But blessings on your frosty pow,
John Anderson, my jo.

John Anderson, my jo, John,
We clamb the hill thegither;
And mony a cantie day, John,
We've had wi' ane anither:
Now we maun totter down, John,
And hand in hand we'll go,
And sleep thegither at the foot,
John Anderson, my jo.

The Birks of Aberfeldy

Bonie lassie, will ye go,
Will ye go, will ye go,
Bonie lassie, will ye go
To the birks of Aberfeldy!

Now Simmer blinks on flowery braes,
And o'er the crystal streamlets plays;
Come let us spend the lightsome days,
In the birks of Aberfeldy.

While o'er their heads the hazels hing,
The little birdies blythely sing,
Or lightly flit on wanton wing,
In the birks of Aberfeldy.

Башни Клаудена⁸⁶⁴ молчат;
Под луной в ночи кружат,
Где цветы средь рос лежат,
Эльфы в темпе рила⁸⁶⁵.

Ду́хи пусть не сеют страх:
У Любви и в Небесах
Ты в любимцах; беды – прах,
Мой красавчик милый!

Ты собою так хорош,
Что украл сердечко; что ж,
Бросишь – сгину ни за грош,
Мой красавчик милый!

Джон Андерсон, родной {1}

Джон Андерсон, родной, Джон,
Всё помню о былом:
Ты чёрной смоли кудри
Над чистым нёс челом;
Теперь твой лоб плешив, Джон,
А кудри – снег сплошной;
Но счастлив с вьюжной будь башкой,
Джон Андерсон, родной.

Джон Андерсон, родной, Джон,
Вдвоём мы лезли в гору,
И уйма славных дней, Джон,
Нам выпала в ту пору;
Теперь сползти бы вниз, Джон,
Рука в руке с тобой,
И вместе там, внизу, уснуть,
Джон Андерсон, родной.

Берёзки Эберфелди⁸⁶⁶

Что б, милашка, не пойти,
Не пойти, не пойти,
Что б, милашка, не пойти
Под берёзки Эберфелди?

В сиянье дня цветущий склон,
Летит ручьёв хрустальный звон,
Приди, нам просто рай суждён
Меж берёзок Эберфелди.

Где встал орешник у реки,
Пичуг задорны голоски;
Резвятся, на крыле легки,
Меж берёзок Эберфелди.

The braes ascend like lofty wa's,
The foaming stream deep-roaring fa's,
O'erhung wi' fragrant spreading shaws –
The birks of Aberfeldy.

The hoary cliffs are crown'd wi' flowers,
White o'er the linns the burnie pours,
And rising, weets wi' misty showers
The birks of Aberfeldy.

Let Fortune's gifts at randoe flee,
They ne'er shall draw a wish frae me;
Supremely blest wi' love and thee,
In the birks of Aberfeldy.

O wert Thou in the Cauld Blast

O wert thou in the cauld blast,
On yonder lea, on yonder lea,
My plaidie to the angry airt,
I'd shelter thee, I'd shelter thee;
Or did Misfortune's bitter storms
Around thee blaw, around thee blaw,
Thy bield should be my bosom,
To share it a', to share it a'.

Or were I in the wildest waste,
Sae black and bare, sae black and bare,
The desert were a Paradise,
If thou wert there, if thou wert there;
Or were I Monarch o' the globe,
Wi' thee to reign, wi' thee to reign,
The brightest jewel in my Crown
Wad be my Queen, wad be my Queen.

Up in the Morning Early

Up in the morning's no for me,
Up in the morning early;
When a' the hills are covered wi' snaw,
I'm sure it's winter fairly.

Cauld blaws the wind frae east to west,
The drift is driving sairly;
Sae loud and shill's I hear the blast –
I'm sure it's winter fairly.

The birds sit chittering in the thorn,
A' day they fare but sparely;
And lang's the night frae e'en to morn –
I'm sure it's winter fairly.

Откосы, как стена, круты,
Рёв пенных струй пал с высоты,
А в роще дух несут листы
Берёзок Эберфелди.

Цветы венчают гребни скал;
Ручей, белея, проскакал –
И влажной дымкою обдал
Берёзки Эберфелди.

Пусть Случай дар несёт любой,
Не даст желанью он отбой;
Отрадней нет любви с тобой
Меж берёзок Эберфелди.

«Будь ты под ветром, злее нет...»⁸⁶⁷

Будь ты под ветром, злее нет,
На том лугу, на том лугу,
Наброшу плед свой, и от бед
Уберегу, уберегу;
Шторма невзгод грядут, гляди,
Да в череду, да в череду –
Тебя укрою на груди,
Деля беду, деля беду.

Пусть дали в брошенном краю
Черны, пусты, черны, пусты,
В пустыне жил бы, как в раю,
Будь рядом ты, будь рядом ты;
Когда бы правил всей Землёй
Вдвоём с тобой, вдвоём с тобой,
Венца ярчайший камень мой
Владел бы мной, владел бы мной.

«Встать рано утром...»

Встать рано утром не могу,
Восход просплю я смело,
Поскольку все холмы в снегу –
Зима, такое дело!

Восток ли, запад холод шлёт –
Пурга остервенела;
Пусть ветер воет и ревёт:
Зима, такое дело!

В боярке стайка птичья в дрожь,
Весь день почти не ела,
И ночи тянутся – ну что ж,
Зима, такое дело!

My Heart's in the Highlands

My heart's in the Highlands, my heart is not here,
My heart's in the Highlands, a-chasing the deer;
Chasing the wild-deer, and following the roe,
My heart's in the Highlands, wherever I go.
Farewell to the Highlands, farewell to the North,
The birth-place of Valour, the country of Worth;
Wherever I wander, wherever I rove,
The hills of the Highlands for ever I love.

Farewell to the mountains, high-cover'd with snow,
Farewell to the straths and green vallies below;
Farewell to the forests and wild-hanging woods,
Farewell to the torrents and loud-pouring floods.
My heart's in the Highlands, my heart is not here,
My heart's in the Highlands, a-chasing the deer;
Chasing the wild-deer, and following the roe,
My heart's in the Highlands, wherever I go.

Duncan Gray

Duncan Gray cam' here to woo,
 Ha, ha, the wooing o't,
On blythe Yule-night when we were fou,
 Ha, ha, the wooing o't,
Maggie coost her head fu' heigh,
Look'd asklent and unco skeigh,
Gart poor Duncan stand abeigh;
 Ha, ha, the wooing o't.

Duncan fleech'd and Duncan pray'd;
 Ha, ha, the wooing o't,
Meg was deaf as Ailsa Craig,
 Ha, ha, the wooing o't:
Duncan sigh'd baith out and in,
Grat his e'en baith blear't an' blin',
Spak o' lowpin o'er a linn;
 Ha, ha, the wooing o't.

Time and Chance are but a tide,
 Ha, ha, the wooing o't,
Slighted love is sair to bide,
 Ha, ha, the wooing o't:
Shall I like a fool, quoth he,
For a haughty hizzie die?
She may gae to – France for me!
 Ha, ha, the wooing o't.

How it comes let doctors tell,
 Ha, ha, the wooing o't;

«Я сердцем в горах...»⁸⁶⁸

Я сердце в горах, где бы ни был, храню,
Я сердцем в горах, где оленя гоню;
За ним я лечу иль косуле вослед –
Я сердцем в горах, а внизу его нет.
Прощайте, вершины, и Север, прощай,
Отчизна отваги, достоинства край;
Где б я ни скитался и где б ни бродил,
Мир гор высоченных навеки мне мил.

Прощайте, вершины, что влезли под снег,
Прощайте, долины и зелени сбег,
Прощайте, леса (всяк приткнулся, как смог),
Прощайте, ручьи и ревуший поток.
Я сердце в горах, где бы ни был, храню,
Я сердцем в горах, где оленя гоню;
За ним я лечу иль косуле вослед –
Я сердцем в горах, а внизу его нет!

Данкен Грэй

Данкен Грэй искал жену,
Ха-ха, ну, сватовство!
В пьянь сочельника, ну-ну,
Ха-ха, ну, сватовство!
Мэгги задирала нос:
Это всё, мол, не всерьёз;
Данкен, бедный, в землю врос –
Ха-ха! Ну, сватовство!

Унижался человек,
Ха-ха, ну, сватовство!
Мэгги – камень, Эйлса-крэг⁸⁶⁹,
Ха-ха! Ну, сватовство!
Данкен маялся, вздыхал,
Слёз горючих не скрывал,
Утопиться обещал...
Ха-ха! Ну, сватовство!

Время, Рок не сбить с пути⁸⁷⁰,
Ха-ха! Ну, сватовство!
Как пинки в любви снести?
Ха-ха! Ну, сватовство!
«Дурень я, – он буркнул здесь, –
Что терплю паршивки спесь!
Да пошла... мир годен весь!»
Ха-ха! Ну, сватовство!

Дальше – мнение докторов,
Ха-ха! Ну, сватовство!

Meg grew sick, as he grew hale,
 Ha, ha, the wooing o't.
Something in her bosom wrings,
For relief a sigh she brings:
And oh! her een they spak sic things!
 Ha, ha, the wooing o't.

Duncan was a lad o' grace,
 Ha, ha, the wooing o't:
Maggie's was a piteous case,
 Ha, ha, the wooing o't:
Duncan could na be her death,
Swelling Pity smoor'd his wrath;
Now they're crouse and canty baith,
 Ha, ha, the wooing o't.

Poortith Cauld and Restless Love

O poortith cauld, and restless love,
 Ye wrack my peace between ye;
Yet poortith a' I could forgive,
 An 'twere na for my Jeanie.

 O why should Fate sic pleasure have,
 Life's dearest bands untwining?
 Or why sae sweet a flower as love
 Depend on Fortune's shining?

The world's wealth, when I think on,
 It's pride and a' the lave o't;
O fie on silly coward man,
 That he should be the slave o't!

Her e'en, sae bonie blue, betray
 How she repays my passion;
But prudence is her o'erword aye,
 She talks o' rank and fashion.

O wha can prudence think upon,
 And sic a lassie by him?
O wha can prudence think upon,
 And sae in love as I am?

How blest the simple cotter's fate!
 He woos his artless dearie;
The silly bogles, wealth and state,
 Can never make him eerie.

The Banks of the Devon

How pleasant the banks of the clear winding Devon,
 With green spreading bushes and flow'rs blooming fair

Мэгги хвора, он здоров,
Ха-ха! Ну, сватовство!
Что-то ей терзает грудь,
Вздохом бед не отпихнуть,
Взор горит – уверен будь!
Ха-ха! Ну, сватовство!

Данкен, в общем, был добряк,
Ха-ха! Ну, сватовство!
Мэгги жалко, как-никак,
Ха-ха! Ну, сватовство!
Далеко ли до беды?
Гнев на хворых – без нужды;
Оба рады и горды...
Ха-ха! Ну, сватовство!

«Вы, бедность, страсти маета...»

Вы, бедность, страсти маета,
Меня на части рвете!
Простил бы бедности, но та
У Джини не в почёте⁸⁷¹.

Зачем так радуется Рок,
Над близостью маяча?
Иль почему любви цветок
Знай ловит блеск Удачи?

Богатства мира, глянуть в суть,
И спесь – пустяк, не боле;
Трусливый дурень проклят будь,
Коль он у них в неволе!

Обманку явит, гла́зок синь,
Она на чувства эти,
Но мудро – это из твердынь –
Зудит о высшем свете.

Но кто бы мудрость сохранил
С такой милушей рядом?
Но кто бы мудрость сохранил,
Сражён любовным ядом?

Батрацкой доле нет цены⁸⁷²!
Посватался к девахе –
Дух ду́ри (чина и мошны)
Тебя не держит в страхе.

Берега Де́вона⁸⁷³

Как дивен твой берег, извилистый Девон,
Цветами украшен, кустами оброс,

But the boniest flow'r on the banks of the Devon
Was once a sweet bud on the braes of the Ayr.

Mild be the sun on this sweet blushing flower,
In the gay rosy morn, as it bathes in the dew;
And gentle the fall of the soft vernal shower,
That steals on the evening each leaf to renew!

O spare the dear blossom, ye orient breezes,
With chill hoary wing as ye usher the dawn;
And far be thou distant, thou reptile that seizes
The verdure and pride of the garden or lawn!

Let Bourbon exult in his gay gilded lilies,
And England triumphant display her proud rose:
A fairer than either adorns the green valleys,
Where Devon, sweet Devon, meandering flows.

The Rigs o' Barley

It was upon a Lammas night,
When corn rigs are bonie,
Beneath the moon's unclouded light,
I held awa to Annie;
The time flew by, wi' tentless heed,
Till, 'tween the late and early,
Wi' sma' persuasion she agreed
To see me thro' the barley.

The sky was blue, the wind was still,
The moon was shining clearly;
I set her down, wi' right good will,
Amang the rigs o' barley:
I ken't her heart was a' my ain;
I lov'd her most sincerely;
I kiss'd her owre and owre again,
Amang the rigs o' barley.

I lock'd her in my fond embrace;
Her heart was beating rarely:
My blessings on that happy place,
Amang the rigs o' barley!
But by the moon and stars so bright,
That shone that hour so clearly!
She aye shall bless that happy night
Amang the rigs o' barley.

I hae been blythe wi' comrades dear;
I hae been merry drinking;
I hae been joyfu' gath'rin gear;
I hae been happy thinking:

Но лучший цветок на берегу твоём, Девон,
Бутоном украсил на Эйре⁸⁷⁴ откос.

Пусть солнце понежит цветок этот скромный,
На розовой зорьке так росы легки!
Пусть дождик весенний в лощинке укромной
К закату омоет его лепестки!

Его сберегите, о бризы Востока,
В рассвет с ваших крыл веет холод, суров;
Подальше, червяк, не испорти до срока
Зелёную гордость садов и лужков!

Бурбон пусть ликует над золотом лилий,
Цвет розы пунцовой для Англии мил ⁸⁷⁵!
Их в зелени дола затмит без усилий
Цветок, что извилистый Девон взрастил.

Среди ячменной нивы⁸⁷⁶

На Ламмас⁸⁷⁷ помню вечерок:
Сплошь нивы в хлебной пене,
Мне ясный свет луны помог
Ускорить встречу с Энни⁸⁷⁸;
Летело время без забот –
Мрак, утра переливы –
Меня уж Энни еле ждёт
В ячменной гуще нивы.

Синело небо, воздух плыл,
Лёг свет луны красиво;
Как ей хотелось, усадил
Среди ячменной нивы;
Она мне сердце отдала,
Чисты мои порывы,
И поцелуям несть числа
Среди ячменной нивы.

Её я нежно обнял тут,
Сердечко билось живо;
Благословен был наш приют
Среди ячменной нивы!
Луной поклясться я не прочь,
Сиявшей так ретиво:
И Энни славит счастья ночь
Среди ячменной нивы.

Был кру́гом дружеским согрет,
Был выпить рад без края,
Был весел, слыша звон монет,
Был счастлив, размышляя,

But a' the pleasures e'er I saw,
Tho' three times doubl'd fairly,
That happy night was worth them a',
Amang the rigs o' barley.

Corn rigs, an' barley rigs,
An' corn rigs are bonie:
I'll ne'er forget that happy night,
Amang the rigs wi' Annie.

Farewell Song to the Banks of Ayr

"I composed this song as I conveyed my chest so far on my road to Greenock, where I was to embark in a few days for Jamaica. I meant it as my farewell dirge to my native land." – *R. B.*

The gloomy night is gath'ring fast,
Loud roars the wild, inconstant blast,
Yon murky cloud is foul with rain,
I see it driving o'er the plain;
The hunter now has left the moor,
The scatt'ered coveys meet secure;
While here I wander, prest with care,
Along the lonely banks of Ayr.

The Autumn mourns her rip'ning corn
By early Winter's ravage torn;
Across her placid, azure sky,
She sees the scowling tempest fly:
Chill runs my blood to hear it rave;
I think upon the stormy wave,
Where many a danger I must dare,
Far from the bonie banks of Ayr.

'Tis not the surging billow's roar,
'Tis not that fatal, deadly shore;
Tho' death in ev'ry shape appear,
The wretched have no more to fear:
But round my heart the ties are bound,
That heart transpierc'd with many a wound;
These bleed afresh, those ties I tear,
To leave the bonie banks of Ayr.

Farewell, old Coila's hills and dales,
Her healthy moors and winding vales;
The scenes where wretched Fancy roves,
Pursuing past, unhappy loves!
Farewell, my friends! farewell, my foes!
My peace with these, my love with those:
The bursting tears my heart declare –
Farewell, the bonie banks of Ayr!

Но всё, в чём жизнь явила прыть,
Утроить бы могли вы –
Всё ночи счастья не затмить
Среди ячменной нивы.

Всех нив, ячменных нив
Просторы в хлебной пене;
Навек запомню счастья ночь
Среди той нивы с Энни.

Песнь прощанья с берегами Эйра

Песню эту я сочинил, пока трясся по дороге аж в самый Грин'ок, откуда должен был через несколько дней отплыть на Ямайку⁸⁷⁹. Считал её прощальным плачем по родной стороне. Р.Б.

Мрак ночи быстро лечь готов,
Гуливый ветер поднял рёв;
Вон туча, что дождём полна,
Прёт над равниною она;
Спешит охотник из полей,
И стайкам дичи кров милей –
А я, забот своих слуга,
Миную Эйра берега.

Горюет осень, что хлеба
Зимой ждёт грустная судьба:
Сквозь безмятежную лазурь
Ей виден натиск хмурых бурь –
И хлад морозит вены мне,
Дав мысль о штормовой волне:
Ведь лезу к чёрту на рога,
Оставив Эйра берега.

Не грозный рёв валов страшит,
Не берегов зловещих вид:
В каком смерть виде ни приди,
Нет страху в нищенской груди,
Но душу давит пут юдоль⁸⁸⁰,
И сердце мне пронзает боль;
В крови, рву связь – она тута –
Бросая Эйра берега.

Прощайте, Койлы⁸⁸¹ холм и дол,
Где ветер пел, где вереск цвёл,
Где слал мечты я, жертва бед,
Вслед за страстями, горше нет!
Враги, друзья – прощусь с былым!
Мир первым и любовь вторым;
Души в слезах речь недолга:
Прощайте, Эйра берега!

The Farewell to the Brethren of St. James' Lodge, Tarbolton

Adieu! a heart-warm fond adieu;
Dear brothers of the mystic tie!
Ye favoured, enlighten'd few,
Companions of my social joy;
Tho' I to foreign lands must hie,
Pursuing Fortune's slidd'ry ba';
With melting heart, and brimful eye,
I'll mind you still, tho' far awa.

Oft have I met your social band,
And spent the cheerful, festive night;
Oft, honour'd with supreme command,
Presided o'er the sons of light:
And by that hieroglyphic bright,
Which none but Craftsmen ever saw
Strong Mem'ry on my heart shall write
Those happy scenes, when far awa.

May Freedom, Harmony, and Love,
Unite you in the grand Design,
Beneath th' Omniscient Eye above,
The glorious Architect Divine,
That you may keep th' unerring line,
Still rising by the plummet's law,
Till Order bright completely shine,
Shall be my pray'r when far awa.

And you, farewell! whose merits claim
Justly that highest badge to wear:
Heav'n bless your honour'd noble name,
To Masonry and Scotia dear!
A last request permit me here, –
When yearly ye assemble a',
One round, I ask it with a tear,
To him, the Bard that's far awa.

Composed in Spring

Again rejoicing Nature sees
Her robe assume its vernal hues:
Her leafy locks wave in the breeze,
All freshly steep'd in morning dews.

And maun I still on Menie doat,
And bear the scorn that's in her e'e?
For it's jet, jet black, an' it's like a hawk,
An' it winna let a body be.

Прощанье с братьями по ложе Сент-Джеймс в Тарболтоне⁸⁸²

Прощайте, братья! Я смогу
Сберечь мистическую связь,
Что в мудром избранном кругу
В отраду дружбы излилась;
Пусть в дальний край спешу, гонясь
Удаче вслед (уж мяч летит⁸⁸³) –
На грани слёз, едва крепясь,
Вдали я вспомню ваш синклит.

В собраниях ваших часто был,
Где до утра шумят друзья,
И часто, волей высших сил,
Сынами Света⁸⁸⁴ правил я;
Из тайных знаков бытия,
Какие только Мастер⁸⁸⁵ зрит,
Вязь память выведет моя,
Вдали усладу сохранит.

Любовь, Согласье, Вольность чад
Пусть к выси Промысла сомкнут;
Всевидающего Ока⁸⁸⁶ взгляд
(Великий Архитектор⁸⁸⁷ тут)
Направит пусть разметки труд,
Как по отвесу⁸⁸⁸ надлежит;
Заблещет Ордена статут –
Вдали молитву породит.

Прощай, союз, чьей чести суть
Должна по праву быть ценимой:
Благословенно имя будь!
За вас: масонство, край родимый!
И не пройдите просьбы мимо:
Лишь сход годичный вас сплотит,
За барда выпить; здесь незрима,
Вдали слеза его блеснит.

Весеннее

Опять Природы зрит глазок
Наряд, вобравший краски все;
Ей гладит кудри ветерок,
Все листья в утренней росе.

Так надо ль Мини обожать,
Снося меня презревший взгляд?
Глаз чёрен; соколу подстать,
Такой упустит дичь навряд!

In vain to me the cowslips blaw,
In vain to me the vi'lets spring;
In vain to me in glen or shaw,
The mavis and the lintwhite sing.

The merry ploughboy cheers his team,
Wi' joy the tentie seedsman stalks;
But life to me's a weary dream,
A dream of ane that never wauks.

The wanton coot the water skims,
Amang the reeds the ducklings cry,
The stately swan majestic swims,
And ev'ry thing is blest but I.

The sheep-herd steeks his faulding slap,
And o'er the moorlands whistles shill:
Wi' wild, unequal, wand'ring step,
I meet him on the dewy hill.

And when the lark, 'tween light and dark,
Blythe waukens by the daisy's side,
And mounts and sings on fluttering wings,
A woe-worn ghaist I hameward glide.

Come winter, with thine angry howl,
And raging, bend the naked tree;
Thy gloom will soothe my cheerless soul,
When nature all is sad like me.

And maun I still on Menie doat,
And bear the scorn that's in her e'e?
For it's jet, jet black, an' it's like a hawk,
An' it winna let a body be!

Farewell to Ballochmyle

The Catrine woods were yellow seen,
The flowers decay'd on Catrine lee,
Nae lav'rock sang on hillock green,
But nature sicken'd on the e'e.
Thro' faded groves Maria sang,
Hersel' in beauty's bloom the while;
And aye the wild-wood ehoes rang,
Fareweel the braes o' Ballochmyle!

Low in your wintry beds, ye flowers,
Again ye'll flourish fresh and fair;
Ye birdies dumb, in with'ring bowers,
Again ye'll charm the vocal air.

Напрасно выполз первоцвет,
Фиалки появились зря;
Лес, дол – не стану слушать, нет,
Дрозда и коноплянку я.

За плугом пахарь; весел он;
Рад сеять, дело не пустяк;
А мне житьё, как тяжкий сон –
И не стряхнуть его никак.

Скользит лысуха гладью вод,
Утячий крик забил камыш,
И лебедь царственно плывёт;
Всем благодать, а мне вот – шиш.

Овчар загнал овец в закут,
И верещатник свист разнёс;
Меня же черти вверх несут:
С ним встречусь на холме, средь рос.

Ромашек цвет, светло ли, нет,
Разбудит жаворонка трель:
Являет пыл под трепет крыл –
Как жалкий дух, плетусь в постель.

Приди, зима, да злобно взвой,
Деревья голые нагни;
Утешит тьма дух мрачный мой:
С природой беды нам одни.

Так надо ль Мини обожать,
Снося меня презревший взгляд?
Глаз чёрен; соколу подстать,
Такой упустит дичь навряд!

Прощанье с Бэллокмайлом⁸⁸⁹

Лес Кэтрина⁸⁹⁰ – стал жёлтым он,
Луг Кэтрина в сухих цветах,
Не слышит жаворонка склон,
Природа чахнет на глазах.
Цвела Мария⁸⁹¹, краше нет,
Песнь слала сквозь увядший край,
И эхом лес звенел в ответ:
Холмистый Бэллокмайл, прощай!

Цветы, вас зимний лес пригнёт,
Но расцветёте вы опять;
Пичуги, вас молчанье ждёт,
Но вновь вам чащу чаровать.

But here, alas! for me nae mair
Shall birdie charm, or floweret smile;
Fareweel the bonie banks of Ayr,
Fareweel, fareweel! sweet Ballochmyle!

I Gaed a Waefu' Gate Yestreen

I gaed a waefu' gate yestreen,
A gate, I fear, I'll dearly rue;
I gat my death frae twa sweet een,
Twa lovely een o' bonie blue.
'Twas not her golden ringlets bright,
Her lips like roses wat wi' dew,
Her heaving bosom, lily-white –
It was her een sae bonie blue.

She talk'd, she smil'd, my heart she wyl'd;
She charm'd my soul I wist na how;
And aye the stound, the deadly wound,
Cam frae her een so bonie blue.
But "spare to speak, and spare to speed;"
She'll aiblins listen to my vow:
Should she refuse, I'll lay my dead
To her twa een sae bonie blue.

O Tibbie, I Hae Seen the Day

O Tibbie, I hae seen the day,
Ye wadna been sae shy;
For laik o' gear ye lightly me,
But, trowth, I care na by.

Yestreen I met you on the moor,
Ye spak na, but gaed by like stour;
Ye geck at me because I'm poor,
But fient a hair care I.

When coming hame on Sunday last,
Upon the road as I cam past,
Ye snufft and ga'e your head a cast –
But trowth I care't na by.

I doubt na, lass, but ye may think,
Because ye hae the name o' clink,
That ye can please me at a wink,
Whene'er ye like to try.

But sorrow tak' him that's sae mean,
Altho' his pouch o' coin were clean,
Wha follows ony saucy quean,
That looks sae proud and high.

Не мне, увy, цвeтoв кивки,
Не мнe нaпeвы птичьих стaй;
Прoщaйтe, Эйрa бeрeжки,
Чудeсный Бэллoкмaйл, прoщaй!

«Бродил вчeрa в нeдoбрый чaс...»

Бродил вчeрa в нeдoбрый чaс,
Бoюсь, чтo встpeчa тa – хoть сгинь:
Срaжён я пaрoй чудных глaз,
Двух дивных глaз, чья дивнa синь.
Не зoлoтых кудрeй дурмaн,
Не рoзы губ смeли, прикинь,
И нe лилeйнo-бeлый стaн –
Всeгo лишь дивных глaзoк синь.

Слoвa дa смeх – дурить нe грeх,
Oкoлдoвaлa, душy вынь;
Не жизнь, юдoль: смeртeльнa бoль,
Всё чeрeз дивных глaзoк синь.
Мoлчaть, тeрпeть бы дуракy:
Вдpуг сжaлитcя, a нeт – aминь!
Oтвeргнeт, тaк слoжy бaшкy
Пoд этиx дивных глaзoк синь.

«O Тибби⁸⁹², пoмнитcя дeнёк...»

O Тибби, пoмнитcя дeнёк:
Ты нe рoбeлa, нeт,
Прeзрeн был бeдный пaрeнёк...
Ну, пpaвo, кучa бeд!

Нaс свёл вчeрaшний вeчeрoк;
Бeз слoв ускoрилa шaжoк,
Мнe, бeднaкy, пoслaв кивoк,
A мнe и дeлa нeт.

Я, вoзврaщaясь в выхoднoй,
Не рaзминулcя внoвь с тoбoй;
Зaдрaлa, фыркнув, нoсик свoй –
Я, пpaвo, нe зaдeт.⁸⁹³

И, яcнo, думaть ты дoлжнa:
Рaз дoмa пoлнaя мoшнa,
Мигнёшь – зaдaчa рeшeнa,
Тoтчaс пoмчусь вoслeд.

Нo гoрeм будь бeднaк пригнут,
Кoгдa кoшeль oтмeннo худ,
Кoль мчит зa дeвкoй (чвaнствa пуд!),
Спeсивицy клeврeт.

Altho' a lad were e'er sae smart,
If that he want the yellow dirt,
Ye'll cast your head anither airt,
And answer him fu' dry.

But, if he hae the name o' gear,
Ye'll fasten to him like a brier,
Tho' hardly he, for sense or lear,
Be better than the kye.

But, Tibbie, lass, tak' my advice:
Your daddie's gear maks you sae nice;
The deil a ane wad speir your price,
Were ye as poor as I.

There lives a lass beside yon park,
I'd rather hae her in her sark,
Than you wi' a' your thousand mark;
That gars you look sae high.

Tam Glen

My heart is a-breaking, dear Tittie,
Some counsel unto me come len',
To anger them a' is a pity,
But what will I do wi' Tam Glen?

I'm thinking, wi' sic a braw fellow,
In poortith I might mak a fen;
What care I in riches to wallow,
If I maunna marry Tam Glen!

There's Lowrie the Laird o' Dumeller –
"Gude day to you, brute!" he comes ben:
He brags and he blaws o' his siller,
But when will he dance like Tam Glen!

My minnie does constantly deave me,
And bids me beware o' young men;
They flatter, she says, to deceive me,
But wha can think sae o' Tam Glen!

My daddie says, gin I'll forsake him,
He'd gie me gude hunder marks ten;
But, if it's ordain'd I maun take him,
O wha will I get but Tam Glen!

Yestreen at the Valentine's dealing,
My heart to my mou' gied a sten';
For thrice I drew ane without failing,
And thrice it was written "Tam Glen"!

Вполне толковым парень будь,
В карманах жёлтой грязи⁸⁹⁴ чуть –
Вот повод очи отвернуть,
Надменный дать ответ.

А попадётся богатей,
К нему пристанешь как репей,
Пусть тот в учёности своей –
Скоту прямой сосед.

Совет дать, душка Тибби? На:
Краса твоя – в деньгах она;
Тебя, будь, словно я, бедна,
Прибрать лишь чёрту след.

Девчушка с дальних есть полей –
В одной сорочке мне милей
Тебя, чей в тыще марок⁸⁹⁵ всей
На выигрыш билет!

Тэм Глен

Разбито сердечко, сестрица,
Советом бы выправить крен:
Родня моя – жалость то! – злится;
Что делать, коль мил мне Тэм Глен?

По мне, раз он парень что надо,
Что бедность, достатка взамен?
Какая в богатстве отрада,
Когда женишок – не Тэм Глен!

Вон лэрд из Дамеллера, Лори:
«Приветствую!» (Вежливый хрен!)
Мошною кичится – до хвори,
А спляшет, как пляшет Тэм Глен?

Мамаша – ни часу без крика:
Мужских берегись, мол, измен,
Льстят парни неискренне дико!
Но разве таков мой Тэм Глен?

Папаша мне тысячу марок
Сулит как нехилый размен,
Но ведь от Судьбы мне в подарок
Не кто-нибудь, только Тэм Глен!

Вчера, в конце дня Валентина⁸⁹⁶,
Гадала, хоть дух был смятен;
И трижды подряд, всё едино,
На всех трёх бумажках: «Тэм Глен»!

The last Halloween I was waukin
My droukit sark-sleeve, as ye ken,
His likeness came up the house staukin,
And the very grey breeks o' Tam Glen!

Come, counsel, dear Tittie, don't tarry;
I'll gie ye my bonie black hen,
Gif ye will advise me to marry
The lad I lo'e dearly, Tam Glen.

Contented wi' Little and Cantie wi' Mair

Contented wi' little, and cantie wi' mair,
Whene'er I forgather wi' Sorrow and Care,
I gie them a skelp as they're creeping alang,
Wi' a cog o' gude swats and an auld Scottish sang.

I whiles claw the elbow o' troublesome thought;
But Man is a soger, and Life is a faught;
My mirth and gude humour are coin in my pouch,
And my Freedom's my Lairdship nae monarch dare touch.

A townmond o' trouble, should that be may fa',
A night o' gude fellowship sowthers it a':
When at the blythe end o' our journey at last,
Wha the deil ever thinks o' the road he has past?

Blind Chance, let her snapper and stoyte on her way;
Be't to me, be't frae me, e'en let the jade gae:
Come Ease, or come Travail, come Pleasure or Pain,
My warst word is: "Welcome, and welcome again!"

Whistle, and I'll Come to You, My Lad

O Whistle, an' I'll come to ye, my lad,
O whistle, an' I'll come to ye, my lad,
Tho' father an' mother an' a' should gae mad,
O whistle, an' I'll come to ye, my lad.

But warily tent when ye come to court me,
And come nae unless the back-yett be a-jee;
Syne up the back-stile, and let naebody see,
And come as ye were na comin' to me,
And come as ye were na comin' to me.

At kirk, or at market, whene'er ye meet me,
Gang by me as tho' that ye car'd na a flie;
But steal me a blink o' your bonie black e'e,
Yet look as ye were na lookin' to me,
Yet look as ye were na lookin' to me.

Рукав смочен в ночь Хэллоуина⁸⁹⁷;
Проснулась⁸⁹⁸ – крадётся вдоль стен
И к дому подходит мужчина –
И в серых штанах, как Тэм Глен!

Ответь, не томи же, сестрица,
На чёрную клушу в обмен;
Скажи: в женихи мне годится
Дружок мой сердечный Тэм Глен!

«Довольствуюсь малым, и большему рад...»

Довольствуюсь малым, и большему рад;
Когда же Забота с Бедой занудят,
Чтоб прочь уползали, даю им пинка
Шотландским напевом и кружкой пивка.

Коль дума тревожит, порой не до сна,
Но каждый – солдат, а житуха – война;
Весельем и смехом карман мой набит,
Владенья Свободой монарх не лишит.

Пускай в треволненьях проходит мой год,
Ночь, полная дружбы, их вкус отобьёт;
Раз всё разрешилось на долгом пути,
Кто б вспомнил, к чертям, что́ досталось пройти?

Слепая Удача хромает, ага,
Ко мне, от меня – пусть плетётся карга;
Труд, Роздых нагрянут, Боль, Нега придут –
Скажу лишь: «Привет! Вас тут сызнова ждут!»

«Лишь свистни, к тебе прибегу, мой родной...»

Лишь свистни, к тебе прибегу, мой родной,
Лишь свистни, к тебе прибегу, мой родной,
Рехнутся родители с прочей роднёй –
Лишь свистни, к тебе прибегу, мой родной.

Но будь начеку, пробираясь ко мне
Сквозь дверь, приоткрытую в задней стене;
Взойди по ступенькам укромно вполне,
Приди, сделав вид, что пришёл не ко мне,
Приди, сделав вид, что пришёл не ко мне.

На ярмарке, в церкви ли встретясь со мной,
Так, словно без дела, пройди стороной;
Пусть чёрный глазок пустит взгляд озорной,
Но так, чтоб его не связали со мной,
Но так, чтоб его не связали со мной.

Aye vow and protest that ye care na for me,
And whiles ye may lightly my beauty a-wee;
But court na anither, tho' jokin' ye be,
For fear that she wile your fancy frae me,
For fear that she wile your fancy frae me.

Lovely Young Jessie

True hearted was he, the sad swain o' the Yarrow,
And fair are the maids on the banks of the Ayr;
But by the sweet side o' the Nith's winding river,
Are lovers as faithful, and maidens as fair:
To equal young Jessie seek Scotland all over;
To equal young Jessie you seek it in vain,
Grace, beauty, and elegance, fetter her lover,
And maidenly modesty fixes the chain.

O, fresh is the rose in the gay, dewy morning,
And sweet is the lily, at evening close;
But in the fair presence o' lovely young Jessie,
Unseen is the lily, unheeded the rose.
Love sits in her smile, a wizard ensnaring;
Enthron'd in her een he delivers his law:
And still to her charms she alone is a stranger;
Her modest demeanour's the jewel of a'.

Meg o' the Mill

O ken ye what Meg o' the Mill has gotten,
An' ken ye what Meg o' the Mill has gotten?
She gotten a coof wi' a claut o' siller,
And broken the heart o' the barley Miller.

The Miller was strappin, the Miller was ruddy;
A heart like a lord, and a hue like a lady;
The laird was a widdifu', bleerit knurl;
She's left the gude fellow, and taen the churl.

The Miller he hecht her a heart leal and loving,
The lair did address her wi' matter mair moving,
A fine pacing-horse wi' a clear chained bridle,
A whip by her side, and a bonie side-saddle.

O wae on the siller, it is sae prevailin',
And wae on the love that is fixed on a mailen!
A tocher's nae word in a true lover's parle,
But gie me my love, and a fig for the warl'!

Клянись, возражай, что угодно плети:
Мол, можно другую, покраше, найти;
Но даже и в шутку с другой не крути,
Не то она может тебя увести,
Не то она может тебя увести!

Красавица Джесси

Честь лебедя Ярроу мешается с грустью,
И девы пригожи близ эйрской волны,
Но где, извиваясь, Нит⁸⁹⁹ близится к устью,
Так девушки дивны, так парни верны!
Такую, как Джесси, искать вы готовы?
Такую, как Джесси, напрасно искать:
Красой хоть кого заключает в оковы,
Чтоб девичьей скромностью их заклепать.

Нет розы свежее в росинках рассвета,
Льют лилии дух под закатным лучом,
Но Джесси, красавица, явится где-то –
Уж лилий не зрим, мимо розы пройдем!
В улыбке любовь-чародейка колдует,
Во взоре царит, дав законы для нас;
Лишь Джесси саму колдовство то минует,
Ведь скромность её, как чистейший алмаз.

Мэг с мельницы {1}⁹⁰⁰

А знаешь, Мэг с мельницы чем поживилась?
Ты знаешь, Мэг с мельницы чем поживилась?
Достался ей с полным карманом дубина,
А мельник, бедняга, страдает безвинно.

Был мельник румяный, был мельник пригожий,
Душой был, как лорд, и, как леди, был кожей;
Лэрд – висельник, карлик, хляк-обормот;
Добряк ей отброшен, достался ей скот.

Манил её мельник любовью своею,
А лэрд подобрался кой-с-чем поважнее,
С красоткой-лошадкой: в цепочках узда,
И хлыстик хорош, и седло хоть куда.

Кубышки будь проклята страшная сила,
Будь проклята страсть, если ферма прельстила!
Влюблённый смолчит о приданом твоём:
Ты дай мне любовь, и на всё наплюём!

Meg o' the Mill

Another Version

O ken ye what Meg o' the Mill has gotten,
An' ken ye what Meg o' the Mill has gotten?
A braw new naig wi' the tail o' a rottan,
And that's what Meg o' the Mill has gotten.

O ken ye what Meg o' the Mill lo'es dearly,
An' ken ye what Meg o' the Mill lo'es dearly?
A dram o' gude strunt in the morning early,
And that's what Meg o' the Mill lo'es dearly.

O ken ye how Meg o' the Mill was married,
An' ken ye how Meg o' the Mill was married?
The priest he was oxter'd, the clark he was carried,
And that's how Meg o' the Mill was married.

O ken ye how Meg o' the Mill was bedded,
An' ken ye how Meg o' the Mill was bedded?
The groom gat sae fou', he fell awald beside it,
And that's how Meg o' the Mill was bedded.

Open the Door to Me, Oh!

Oh, open the door, some pity to shew,
Oh, open the door to me, oh,
Tho' thou hast been false, I'll ever prove true,
Oh, open the door to me, oh.

Cauld is the blast upon my pale cheek,
But caulder thy love for me, oh:
The frost that freezes the life at my heart,
Is nought to my pains frae thee, oh.

The wan Moon is setting beyond the white wave,
And Time is setting with me, oh:
False friends, false love, farewell! for mair
I'll ne'er trouble them, nor thee, oh.

She has open'd the door, she has open'd it wide,
She sees the pale corse on the plain, oh:
"My true love!" she cried, and sank down by his side,
Never to rise again, oh.

I'll Meet Thee on the Lea-rig

When o'er the hill the eastern star
Tells bughtin time is near, my jo,
And owsen frae the furrow'd field
Return sae dowf and weary O;

Мэг с мельницы {2}⁹⁰¹

Другой вариант

А знаешь, Мэг с мельницы чем поживилась?
Ты знаешь, Мэг с мельницы чем поживилась?
Ей лошадь с крысиным хвостом обломилась,
Мэг с мельницы, разве что, ей поживилась.

А знаешь, Мэг с мельницы что теперь мило?
Ты знаешь, Мэг с мельницы что теперь мило?
С утра прихлебнуть из бутылки нехило,
Мэг с мельницы только лишь выпить и мило.

А знаешь, Мэг с мельницы как вышла замуж?
Ты знаешь, Мэг с мельницы как вышла замуж?
Чуть пастор не рухнул, а староста там уж,
Мэг с мельницы этак вот вылезла замуж.

А знаешь, Мэг с мельницы как уложили?⁹⁰²
Ты знаешь, Мэг с мельницы как уложили?
Жених рухнул пьяным, лечь с нею не в силе,
Мэг с мельницы так уж в постель уложили.

«Открой же,пусти меня, ох!»

«Ох, двери открой, пожалей меня чуть,
Открой же,пусти меня, ох!
Тебе, обманувшей, я верен навек,
Открой же,пусти меня, ох!»

Бьёт ветер холодный по бледной щеке –
Любовь была злей твоя, ох;
Мороз прохватил меня аж до нутра –
Была боль сильней моя, ох.

Тускл месяц, застывший за белой волной,
Застыл бег часов моих, ох;
Друзья и любимая врали – вовек
Лить зло не готов на них, ох».

Вот дверь во всю ширь распахнула она,
Труп бледный явился к ней, ох;
Вскричала: «Дружок!», рухнув прямо у ног,
И вновь не подняться ей, ох.

«С тобой сведёт бугор средь трав...»

Когда вечерняя звезда
Торопит, золотце моё,
С полей идут волы, тупы,
Лишь роздыху желая, о,

Down by the burn, where birken buds
Wi' dew are hangin clear, my jo,
I'll meet thee on the lea-rig,
My ain kind Dearie O.

At midnight hour, in mirkest glen,
I'd rove, and ne'er be eerie, O,
If thro' that glen I gaed to thee,
My ain kind Dearie O;
Altho' the night were ne'er sae wild,
And I were ne'er sae weary O,
I'll meet thee on the lea-rig,
My ain kind Dearie O.

The hunter lo'es the morning sun;
To rouse the mountain deer, my jo;
At noon the fisher seeks the glen
Adown the burn to steer, my jo:
Gie me the hour o' gloamin' grey,
It maks my heart sae cheery O,
To meet thee on the lea-rig,
My ain kind Dearie O.

Auld Rob Morris

There's Auld Rob Morris that wons in yon glen,
He's the King o' gude fellows, and wale o' auld men;
He has gowd in his coffers, he has owsen and kine,
And ae bonie lassie, his dautie and mine.

She's fresh as the morning, the fairest in May;
She's sweet as the ev'ning amang the new hay;
As blythe and as artless as the lambs on the lea,
And dear to my heart as the light to my e'e.

But oh! she's an Heiress, auld Robin's a laird,
And my daddie has nought but a cot-house and yard;
A wooer like me maunna hope to come speed,
The wounds I must hide that will soon be my dead.

The day comes to me, but delight brings me nane;
The night comes to me, but my rest it is gane;
I wander my lane like a night-troubled ghaist,
And I sigh as my heart it wad burst in my breast.

O had she but been of a lower degree,
I then might hae hop'd she wad smil'd upon me!
O how past describing had then been my bliss,
As now my distraction nae words can express.

Спешу вдоль вод, где лист берёз
В росинках, золотце моё;
С тобой сведёт бугор средь трав,
Моя родная, о.

И полуно́чный дола мрак
Встречает, не пугая, о,
Коль долом я иду к тебе,
Моя родная, о.
И пусть хоть как ярится ночь,
Усталость будь любая, о,
С тобой сведёт бугор средь трав,
Моя родная, о.

С рассветом рад охотник гнать
Оленя, золотце моё,
А в полдень рыболов спешит
На омут, золотце моё,
Но тусклый сумрак мне милей,
Восторг не знает края, о:
С тобой сведёт бугор средь трав,
Моя родная, о.

Старина Роб Моррис

В долине Роб Моррис живёт, старина,
Юнцы его славят, и чтит седина;
Деньжата в кубышке, скотинка в цене,
А дочка мила и папаше, и мне.

Свежа, словно утро, что май нам принёс,
Сладка, словно вечер, когда сенокос,
Проста, весела, как ягнята с лужка;
Влюбился – и мне без любимой тоска.

За нею наследство, папаша богат,
А мой копь что на́жил, так домик да сад;
Поклонник, как я, должен знать свой черёд,
И раны таить, а там смерть приберёт.

Вот день наступает – не радуется он,
И ночь наступает – не дарит мне сон;
Как призрак полночный, шатаюсь один,
И вздох, рвущий душу, идёт из глубин.

Вела бы она победнее житьё,
Надеяться б мог на улыбку её!
Взвился бы до неба, расклад будь таков,
А нынче в тоске прозябаю, нет слов.

O for Ane an' Twenty, Tam!

An' O for ane an' twenty, Tam!
And hey, sweet ane an' twenty, Tam!
I'll learn my kin a rattlin' sang,
An' I saw ane an' twenty, Tam.

They snool me sair, and haud me down,
An' gar me look like bluntie, Tam;
But three short years will soon wheel roun',
An' then comes ane an' twenty, Tam.

A glieb o' lan', a claut o' gear,
Was left me by my auntie, Tam;
At kith or kin I need na spier,
An I saw ane an' twenty, Tam.

They'll hae me wed a wealthy coof,
Tho' I mysel' hae plenty, Tam;
But, hear'st thou laddie! there's my loof,
I'm thine at ane an' twenty, Tam!

Thou Fair Eliza

Turn again, thou fair Eliza!
Ae kind blink before we part;
Rue on thy despairing lover,
Can'st thou break his faithfu' heart?
Turn again, thou fair Eliza!
If to love thy heart denies,
Oh, in pity hide the sentence
Under friendship's kind disguise!

Thee, sweet maid, hae I offended?
My offence is loving thee;
Can'st thou wreck his peace for ever,
Wha for thine would gladly die?
While the life beats in my bosom,
Thou shalt mix in ilka throe:
Turn again, thou lovely maiden,
Ae sweet smile on me bestow.

Not the bee upon the blossom,
In the pride o' sinny noon;
Not the little sporting fairy,
All beneath the simmer moon;
Not the Minstrel in the moment
Fancy lightens in his e'e,
Kens the pleasure, feels the rapture,
That thy presence gies to me.

«За совершеннолетье, Тэм!»

За совершеннолетье, Тэм!
Эх, совершеннолетье, Тэм!
Уж то-то я родных уем
В день совершеннолетия, Тэм!

Родня пинает и гнетёт:
Тупей, мол, нет на свете, Тэм;
Наступит, три годка не в счёт,
День совершеннолетия, Тэм.

Клочок земли да горсть монет –
От тёти блага эти, Тэм,
А до родни и дела нет –
При совершеннолетье, Тэм.

За толстосума-дурака?
Но не бедна, заметь, я, Тэм;
Твоею стану – вот рука –
На совершеннолетье, Тэм!

Краса-Илайза

Обернись, краса-Илайза!
Взгляд прощальный добрый брось;
Для лишённого надежды
Утешенья не нашлось?
Обернись, краса-Илайза!
Чувства холодны твои –
Пожалей, вердикт суровый
В нежной дружбе утай!

Чем, любимая, обидел?
В том обида, что влюблён;
Парню век не дашь покою –
За тебя рад сгинуть он?
Ты, покуда сердце бьётся,
Вплетена в любую боль;
Обернись же, чаровница,
Улыбнуться мне изволь.

Ни пчеле, что из цветенья
Пьёт полуденный нектар,
Ни проказливому эльфу,
Чей луна являет дар,
Ни бродяге-менестрелю
В миг, когда яснее взгляд,
Не узнать улады, неги,
Стану коими богат.

Thou Gloomy December

Ance mair I hail thee, thou gloomy December!
Ance mair I hail thee wi' sorrow and care;
Sad was the parting thou makes me remember –
Parting wi' Nancy, oh, ne'er to meet mair!
Fond lovers' parting is sweet, painful pleasure,
Hope beaming mild on the soft parting hour;
But the dire feeling, O farewell for ever!
Is anguish unmingled, and agony pure!

Wild as the winter now tearing the forest,
Till the last leaf o' the summer is flown;
Such is the tempest has shaken my bosom,
Till my last hope and last comfort is gone.
Still as I hail thee, thou gloomy December,
Still shall I hail thee wi' sorrow and care;
For sad was the parting thou makes me remember,
Parting wi' Nancy, oh, ne'er to meet mair.

Clarinda, Mistress of My Soul

Clarinda, mistres of my soul,
The measur'd time is run!
The wretch beneath the dreary pole
So marks his latest sun.

To what dark cave of frozen night
Shall poor Sylvander hie;
Depriv'd of thee, his life and light,
The sun of all his joy?

We part – but by these precious drops,
That fill thy lovely eyes,
No other light shall guide my steps,
Till thy bright beams arise!

She, the fair sun of all her sex,
Has blest my glorious day;
And shall a glimmering planet fix
My worship to its ray?

For the Sake o' Somebody

My heart is sair – I dare na tell,
My heart is sair for Somebody;
I could wake a winter night
For the sake o' Somebody.
O-hon! for Somebody!
O-hey! for Somebody!

Декабрь бесприветный

Вновь шлю привет я, декабрь бесприветный!

Вновь шлю привет в час заботы и боли;
Память вернул ты к тоске непросветной:
С Нэнси расстались, не встретиться боле!
Сладкая боль есть в прощанье, конечно,
Светом надежды согрета разлука,
Только ужасно – расстаться навечно!
Просто страданье и чистая мука!

Дико (так лесу зимою несладко:

Лист облетел, не стерпевши такое)
Душу мою сотрясла лихорадка,
Напрочь лишив и надежд, и покоя.
Всё шлю привет я, декабрь бесприветный,
Всё шлю привет в час заботы и боли;
Ведь память вернул ты к тоске непросветной:
С Нэнси расстались, не встретиться боле!

«Кларинда⁹⁰³, сердца госпожа...»

Кларинда, сердца госпожа,
Отмерен встречи час!
Так солнце, под столбом дрожа,
Зрит тать в последний раз.

Куда сквозь тьму, морозней нет,
Рванёт Сильвандр⁹⁰⁴, бедняк?
Ведь без тебя, о жизнь и свет,
Ему теперь никак.

Разлука... Влагою очей
Возлюбленной клянусь:
Путь не укажет свет ничей,
Твоих лучей дождусь!

Той, блеск чей женский род затмил,
Я в ясный день храним;
Что свет мерцающих светил,
Чтоб поклоняясь им?

Из-за кого-то

Душа болит... ну как сказать...
Душа болит из-за кого-то;
И не спалось мне в зимней тьме,
Вот так, из-за кого-то.
О-хон! Из-за кого-то!
О-хей! Из-за кого-то!

I could range the world around,
For the sake o' Somebody.

Ye Powers that smile on virtuous love,
O, sweetly smile on Somebody!
Frae ilka danger keep him free,
And send me safe my Somebody!
O-hon! for Somebody!
O-hey! for Somebody!
I wad do – what wad I not?
For the sake o' Somebody.

The Song of Death

Scene – a field of battle. Time of the day – evening. The wounded and dying of the victorious army are supposed to join in the following song.

Farewell, thou fair day, thou green earth, and ye skies,
Now gay with the broad setting sun;
Farewell, loves and friendships, ye dear tender ties,
Our race of existence is run!

Thou grim King of Terrors; thou Life's gloomy foe!
Go, frighten the coward and slave;
Go, teach them to tremble, fell tyrant! but know
No terrors hast thou to the brave!

Thou strik'st the dull peasant – he sinks in the dark,
Nor saves e'en the wreck of a name;
Thou strik'st the young hero – a glorious mark;
He falls in the blaze of his fame!

In the field of proud honour – our swords in our hands,
Our King and our country to save;
While victory shines on Life's last ebbing sands, –
O! who would not die with the brave!

O Kenmure's On and Awa, Willie

O Kenmure's on and awa, Willie,
O Kenmure's on and awa:
An' Kenmure's lord's the bravest lord
That ever Galloway saw.

Success to Kenmure's band, Willie!
Success to Kenmure's band!
There's no a heart that fears a Whig,
That rides by Kenmure's hand.

Here's Kenmure's health in wine, Willie!
Here's Kenmure's health in wine!

Я обошла бы целый свет,
Вот так, из-за кого-то.

Улыбку, Боже, шлѣшь любви –
Так улыбнись и для кого-то!
Храни его от всяких бед.
И мне верни кого-то!
О-хон! Из-за кого-то!
О-хей! Из-за кого-то!
Чего б... чего б я не смогла,
Вот так, из-за кого-то?

Песнь смерти

Место – поле битвы. Время дня – вечер. Раненые и умирающие победоносной армии пробуют спеть хором такую вот песню:

Прощайте, день ясный, трава, небосвод,
Где весел широкий закат;
Прощайте, любимые, дружеский сход:
Нас больше не ждите назад!

Владычица ужаса, недруг живых!
Страх трусу неси и рабу;
Учи их бояться, но знай про иных:
Храбрец принимает судьбу!

Сразишь простофилю – сглотнѣт его мгла,
И кто б его имя назвал?
Героя сразишь – его блещут дела,
В сиянии славы он пал!

Спасла, не роняя оружия, рука
Страны и короны покой;
У жизни в часах лишь щепотка песка –
Не пал бы кто смертью такой?

«О, Кенмур⁹⁰⁵ ускакал, Вилли...»

О, Кенмур ускакал, Вилли,
О, Кенмур ускакал;
Храбрее лордов Галлоуэй⁹⁰⁶
Вовеки не видал.

Удачи тем, кто с ним, Вилли!
Удачи тем, кто с ним!
Нет душ, каких страшил бы виг⁹⁰⁷,
Средь тех, кого там зрим.

За Кенмура мы пьем, Вилли!
За Кенмура мы пьем!

There's ne'er a coward o' Kenmure's blude,
Nor yet o' Gordon's line.

O Kenmure's lads are men, Willie,
O Kenmure's lads are men;
Their hearts and swords are metal true,
And that their foes shall ken.

They'll live or die wi' fame, Willie;
They'll live or die wi' fame;
But sune, wi' sounding victorie,
May Kenmure's lord come hame!

Here's him that's far awa, Willie!
Here's him that's far awa!
And here's the flower that I loe best,
The rose that's like the snaw.

The Captain's Lady

O mount and go,
Mount and make you ready,
O mount and go,
And be the Captain's lady.

When the drums do beat,
And the cannons rattle,
Thou shalt sit in state,
And see thy love in battle.

When the vanquish'd foe
Sues for peace and quiet,
To the shades we'll go,
And in love enjoy it.

O mount and go,
Mount and make you ready,
O mount and go,
And be the Captain's lady.

Song Composed in August

Now westlin winds and slaught'ring guns
Bring Autumn's pleasant weather;
The moorcock springs on whirring wings
Amang the blooming heather:
Now waving grain, wide o'er the plain,
Delights the weary farmer;
And the moon shines bright, when I rove at night,
To muse upon my charmer.

Не ведал трусов этот род,
Всяк Гордон⁹⁰⁸ был бойцом.

Отважна лорда рать, Вилли,
Отважна лорда рать;
Про сталь сердец их и клинков
Врагам нехудо б знать.

Храбр павший ли, живой, Вилли;
Храбр павший ли, живой;
Скорей пусть, всех врагов разбив,
Вернётся лорд домой!

За лорда – не вопрос, Вилли!
За лорда – не вопрос!
По мне, средь всех, что есть, цветов
Нет краше белых роз⁹⁰⁹.

Милая капитана

Влезай, да в путь,
Ждать в седле не стану,
Влезай, да в путь,
Стань милой капитану!

Дробь взбодрит вояк
Под орудий рёв;
Гордо глянешь, как
Милый бьёт врагов.

Когда враг разбит,
Просит пощадить,
Тень нас поманит
Всё в любви забыть.

Влезай, да в путь,
Ждать в седле не стану,
Влезай, да в путь,
Стань милой капитану!

Августовская песня⁹¹⁰

Сдул штиль закат, стволы гремят,
Ликует осень снова;
Вспорх дичи крут, и крылья бьют
Средь вереска цветного;
Хлебов волна бежит, вольна,
И фермер рад, нет краю;
Луны лучи – мне свет в ночи:
О милой размышляю.

The partridge loves the fruitful fells,
The plover loves the mountains;
The woodcock haunts the lonely dells,
The soaring hern the fountains:
Thro' lofty groves the cushat roves,
The path of man to shun it;
The hazel bush o'erhangs the thrush,
The spreading thorn the linnet.

Thus ev'ry kind their pleasure find,
The savage and the tender;
Some social join, and leagues combine,
Some solitary wander:
Avaunt, away! the cruel sway,
Tyrannic man's dominion;
The sportsman's joy, the murd'ring cry,
The flutt'ring, gory pinion!

But, Peggy dear, the ev'ning's clear,
Thick flies the skimming swallow,
The sky is blue, the fields in view,
All fading-green and yellow:
Come let us stray our gladsome way,
And view the charms of Nature;
The rustling corn, the fruited thorn,
And ev'ry happy creature.

We'll gently walk, and sweetly talk,
Till the silent moon shine clearly;
I'll grasp thy waist, and, fondly prest,
Swear how I love thee dearly:
Not vernal show'rs to budding flow'rs,
Not Autumn to the farmer,
So dear can be as thou to me,
My fair, my lovely charmer!

A Health to Ane I Loe Dear

Here's a health to ane I loe dear,
Here's a health to ane I loe dear;
Thou art sweet as the smile when fond lovers meet,
And soft as their parting tear – Jessy.

Altho' thou maun never be mine,
Altho' even hope is denied;
'Tis sweeter for thee despairing,
Than ought in the world beside – Jessy!

I mourn thro' the gay, gaudy day,
As hopeless I muse on thy charms;

Люб куропатке щедрый луг,
Милее ржанке горы;
Дол вальдшнеп выбрал без натуг,
А речка цапле впору;
Где вяхирь, лес аж до небес,
Нет ходу людям вздорным;
Находит дрозд лещину в рост,
Чечётка дружит с тёрном.

Так каждый род своё найдёт,
Будь тих иль неприкаян:
Кто сник без уз, вошёл в союз,
Кто сам себе хозяин;
Но прочь, напасть! Сгинь, злая власть
Двуногого тирана;
Где весел он, там смертный стон,
Кровит меж перьев рана!

Брось, Пэгги⁹¹¹, взгляд: как чист закат,
И ласточек без счёту,
Свод – нет синей, а ширь полей
Являет позолоту;
Побродим чуть; наш весел путь,
Природа-то в ударе:
Хлеб зашуршал, тёрн ягод дал,
И счастливы все твари.

Тропа легка, и речь сладка,
Луна молчит, сияя;
Твой стан обняв и нежно сжав,
Клянусь в любви, родная;
Вестями с нив хозяин жив,
Мила цветку водица;
Душе моей куда милей
Красотка, чаровница!

«Пью за здоровье милой моей...»⁹¹²

Пью за здоровье милой моей,
Пью за здоровье милой моей;
Ты улыбки влюблённых при встрече милей,
И прощальной слезы их нежней, Джесси!

Пускай ты не будешь моей,
Пускай от надежды лишь тлен;
Милее мне та безнадежность
Всего, что мир дарит взамен, Джесси!

Тоскую весь день напролёт,
Теряюсь в мечтаньях пустых;

But welcome the dream o' sweet slumber,
For then I am lockt in thine arms – Jessy.

I guess by the dear angel smile,
I guess by the love-rolling e'e;
But why urge the tender confession,
'Gainst Fortune's fell, cruel decree? – Jessy.

The Flowery Banks of Cree

Here is the glen, and here the bower
All underneath the birchen shade;
The village-bell has told the hour,
O what can stay my lovely maid?

'Tis not Maria's whispering call;
'Tis but the balmy breathing gale,
Mixt with some warbler's dying fall,
The dewy star of eve to hail.

It is Maria's voice I hear;
So calls the woodlark in the grove,
His little, faithful mate to cheer;
At once 'tis music and 'tis love.

And art thou come? and art thou true?
O welcome dear to love and me!
And let us all our vows renew,
Along the flowery banks of Cree.

How Lang and Dreary is the Night

How lang and dreary is the night
When I am frae my dearie;
I restless lie frae e'en to morn
Though I were ne'er sae weary.

For oh, her lanely nights are lang!
And oh, her dreams are eerie;
And oh, her widow'd heart is sair,
That's absent frae her dearie!

When I think on the lightsome days
I spent wi' thee, my dearie;
And now what seas between us roar,
How can I be but eerie?

How slow ye move, ye heavy hours;
The joyless day how dreary:
It was na sae ye glinted by,
When I was wi' my dearie!

Приди же, о сладкая грёза,
Где нежусь в объятьях твоих, Джесси!

Улыбку любимой ловлю,
Взгляд чувствую любящих глаз;
Зачем же согласие отвратно
Судьбе, столь жестокой для нас, Джесси?

Цветущий берег Кри⁹¹³

Здесь дол, здесь дом, и здесь над всеми
Берёзы пропускают свет;
Вот колокол отмерил время,
О, почему же милой нет?

То не Марии⁹¹⁴ тихий зов;
Мешает ветер аромат
С тоской пичужьей, и без слов
Звезде – вечерней, в росах – рад.

Чу, слышу голосок Марии;
Напевы жаворонок ввысь
Подружке верной шлёт такие:
Любовь и музыка слились.

Так жду не зря? Ты мне верна?
Приди, любовь мне подари!
Будь клятва наша вновь дана,
Где лёг цветущий берег Кри.

«Как тянется тоскливо ночь...»

«Как тянется тоскливо ночь,
Коль нет со мной родного;
И не уснуть мне до утра,
Устала, право слово».

Ей ночь такая, ох, длинна!
Ох, забытьё-то жутко;
И вдове сердце, ох, в тоске:
Родного нет – не шутка!

«Ведь были светлые деньки,
Родной, у нас с тобою;
Теперь меж нами хлябь ревёт –
Как справиться с тоскою?

Застряли, тяжкие часы?
И день, как налит ядом;
Сверкало время и неслось,
Пока родной был рядом!»

Logan Braes

O Logan, sweetly didst thou glide,
That day I was my Willie's bride,
And years sin syne hae o'er us run,
Like Logan to the simmer sun:
But now thy flowery banks appear
Like drumlie Winter, dark and drear,
While my dear lad maun face his faes,
Far, far frae me and Logan braes.

Again the merry month of May
Has made our hills and valleys gay;
The birds rejoice in leafy bowers,
The bees hum round the breathing flowers;
Blythe Morning lifts his rosy eye,
And Evening's tears are tears o' joy:
My soul, delightless a' surveys,
While Willie's far frae Logan braes.

Within yon milk-white hawthorn bush,
Amang her nestlings sits the thrush:
Her faithfu' mate will share her toil,
Or wi' his song her cares beguile;
But I wi' my sweet nurslings here,
Nae mate to help, nae mate to cheer,
Pass widow'd nights and joyless days,
While Willie's far frae Logan braes.

O wae be to you, Men o' State,
That brethren rouse to deadly hate!
As ye make mony a fond heart mourn,
Sae may it on your heads return!
How can your flinty hearts enjoy
The widow's tear, the orphan's cry?
But soon may peace bring happy days,
And Willie hame to Logan braes!

I'll Aye Ca' in by Yon Town

I'll aye ca' in by yon town,
And by yon garden-green again;
I'll aye ca' in by yon town,
And see my bonie Jean again.

There's nane sall ken, there's nane can guess
What brings me back the gate again,
But she, my fairest faithfu' lass,
And stownlins we sall meet again.

Берега Логана⁹¹⁵

О Логан, знали, как ты тих,
И я, и Вилли⁹¹⁶, мой жених;
Над нами протекли года,
Как к солнцу летнему вода,
Но ныне твой цветущий брег,
По мне, ушёл во мрак и снег,
Пока врагов разит дружок –
И так от нас с тобой далёк.

Вот снова яркий май пришёл,
Развеселил и холм, и дол;
Листве народ пернатый рад,
И пчёлы меж цветов жужжат;
Ввысь поднял ясный взор рассвет,
В слезах заката грусти нет,
Но в горле у меня комок,
Раз Вилли от тебя далёк.

Боярки цвет, как молоко,
Дроздихе скрыть гнездо легко;
Труды с ней делит верный муж,
А нет, так хоть на песни дюж;
А мне с чудесной ребятнёй
Подмоги, неги никакой,
Лишь вдовьих дней, ночей поток,
Раз Вилли от тебя далёк.

О, проклят будь сановный хор,
Что братьев поднял на раздор!
Тьму добрых душ ввели в тоску –
Вернётся, рухнет на башку!
Сердца из камня не пробьёт
Слеза вдовы и плач сирот?
Но мир, надеюсь, недалёк,
Дождётся Вилли бережок!

«Всегда мне рад тот городок...»

Всегда мне рад тот городок,
В тот сад зелёный мне опять;
Всегда мне рад тот городок,
Я к милой Джин⁹¹⁷ вернусь опять.

Какой сказал бы грамотей,
Зачем спешу туда опять?
Знать верной лапушке моей:
Случайно свидимся опять.

She'll wander by the aiken tree,
When trystin time draws near again;
And when her lovely form I see,
O haith! she's doubly dear again.

Bonie Peggy Alison

And I'll kiss thee yet, yet,
And I'll kiss thee o'er again:
And I'll kiss thee yet, yet,
My bonie Peggy Alison!

Ilk care and fear, when thou art near
I ever mair defy them, O!
Young kings upon their hansel throne
Are no sae blest as I am, O!

When in my arms, wi' a' thy charms,
I clasp my countless treasure, O!
I seek nae mair o' Heaven to share
Than sic a moment's pleasure, O!

And by thy een sae bonie blue,
I swear I'm thine for ever, O!
And on thy lips I seal my vow,
And break it shall I never, O!

A Bottle and Friend

Here's a bottle and an honest friend!
What wad ye wish for mair, man?
Wha kens, before his life may end,
What his share may be o' care, man?
Then catch the moments as they fly,
And use them as ye ought, man:
Believe me, happiness is shy,
And comes not aye when sought, man.

Willie Brew'd a Peck o' Maut

O Willie brew'd a peck o' maut,
And Rob and Allen cam to see;
Three blyther hearts, that lee-lang night,
Ye wadna found in Christendie.

We are na fou, we're nae that fou,
But just a drappie in our ee;
The cock may crawl, the day may daw
And aye we'll taste the barley bree.

Под дуб заветный, не спеша,
В урочный час придёт опять;
Увижу я, как хороша,
Поверь: вдвойне влюблюсь опять.

Красотка Пэгги Элисон⁹¹⁸

Всё ж поцелую я тебя
Разок – и не последний он;
Всё ж поцелую я тебя,
Красотка Пэгги Элисон!

Дела пусты, коль рядом ты,
Ни бед, ни страхов нету, о!
Король-юнец, на ком венец,
Не знает радость эту, о!

В объятьях ты – и красоты
Несметный клад сжимаю, о!
Мне горний край чего ни дай,
Иного не желаю, о!

Клянусь – глаз синих не видать –
Я быть твоим навечно, о,
И с клятвы губ твоих печать
Уж не сорву, конечно, о!

Бутылка и друг

Бутылка тут, и верный друг!
Чего ещё хотеть, брат?
Кто б знал, не кончив жизни круг,
Свои заботы впредь, брат?
Давай, лови мгновенья влёт,
Да рот не разевай, брат;
Поверь мне: радость отпугнёт
Усердье через край, брат.

Вилли⁹¹⁹ наварил пивка

Раз Вилли наварил пивка,
Тут Роб и Аллан⁹²⁰, каждый рьян;
Трёх лучших – ночь не коротка –
Поди найди средь христиан!

Мы не в умат, нет, не в умат,
А так, маленько под хмельком;
Пусть петухи заголосят –
Не расставаться же с пивком?

Here are we met, three merry boys,
Three merry boys I trow are we;
And mony a night we've merry been,
And mony mae we hope to be!

It is the moon, I ken her horn,
That's blinkin' in the lift sae hie;
She shines sae bright to wyle us hame,
But, by my sooth, she'll wait a wee!

Wha first shall rise to gang awa,
A cuckold, coward loun is he!
Wha first beside his chair shall fa',
He is the King amang us three.

Gude Ale Keeps the Heart Aboon

O gude ale comes and gude ale goes;
Gude ale gars me sell my hose,
Sell my hose, and pawn my shoon –
Gude ale keeps my heart aboon!

I had sax owsen in a pleugh,
And they drew a' weel eneugh:
I sell'd them a' just ane by ane –
Gude ale keeps the heart aboon!

Gude ale hauds me bare and busy,
Gars me moop wi' the servant hizzie,
Stand i' the stool when I hae done –
Gude ale keeps the heart aboon!

No Churchman am I

No churchman am I for to rail and to write,
No statesman nor soldier to plot or to fight,
No sly man of business contriving a snare,
For a big-belly'd bottle's the whole of my care.

The peer I don't envy, I give him his bow;
I scorn not the peasant, though ever so low;
But a club of good fellows, like those that are here,
And a bottle like this, are my glory and care.

Here passes the squire on his brother – his horse;
There centum per centum, the cit with his purse;
But see you the Crown how it waves in the air?
There a big-belly'd bottle still eases my care.

The wife of my bosom, alas! she did die;
For sweet consolation to church I did fly;

Троих не сыщешь веселей –
Весельчаки, уверю вас;
Провеселились тьму ночей,
Глядишь, хлебнём ещё не раз!

Вон там луна (узнал я рог)
Нам с высоты сияное льёт
И гонит светом за порог –
Пусть, право, малость обождёт!

Кто первым встал бы да ушёл,
Рогач, и мерзкий трус притом!
Кто первым свалится под стол,
Двум прочим станет королём.

«Эль добрый – я всем сердцем рад!»

Эль добрый – зря считать глотки;
Мне эль велит продать чулки,
А башмаки снести в заклад:
Эль добрый – я всем сердцем рад!

Тянули шесть волов мой плуг,
Притом справлялись без натуг;
Распродав всех на кой-то ляд:
Эль добрый – я всем сердцем рад!

Эль есть – я бос, дела все зряшны,
Завёл вот со служанкой шашни,
Да на скамью сел в первый ряд⁹²¹;
Эль добрый – я всем сердцем рад!

«Не поп я...»

Не поп я, что бранью да текстом богат,
Не подлый политик, не бравый солдат,
Не ушлый делец, чтоб готовить засаду;
Бутылка пузатая – всё, что мне надо.

Отдам, не завидуя, пэру поклон,
Хоть пахарь согбен, с ним я спеси лишён,
Но в дружестве добром, как наше, услада
В бутылке – мне радости большей не надо.

Под сквайром сопит его братец-конёк,
Торгаш на проценты набил кошелёк...
Корона над дверью не скрылась от взгляда:
К бутылке пузатой пристроиться надо.

Жена, увы, в горние взята края,
И в церковь спешу, чтоб утешиться, я;

I found that old Solomon proved it fair,
That a big-belly'd bottle's a cure for all care.

I once was persuaded a venture to make;
A letter inform'd me that all was to wreck;
But the pursy old landlord just waddl'd upstairs,
With a glorious bottle that ended my cares.

"Life's cares they are comforts" – a maxim laid down
By the Bard, what d'ye call him, that wore the black gown;
And faith I agree with th' old prig to a hair,
For a big-belly'd bottle's a heav'n of a care.

Gudewife, Count The Lawin

Gane is the day, and mirk's the night,
But we'll ne'er stray for faut o' light;
Gude ale and bratdy's stars and moon,
And blue-red wine's the risin' sun.

Then gudewife, count the lawin, the lawin, the lawin,
Then gudewife, count the lawin, and bring a coggie mair.

There's wealth and ease for gentlemen,
And simple folk maun fecht and fen';
But here we're a' in ae accord,
For ilka man that's drunk's a lord.

My coggie is a holy pool,
That heals the wounds o' care and dool;
And pleasure is a wanton trout,
An' ye drink it a' ye'll find him out.

Deluded Swain, the Pleasure

Deluded swain, the pleasure
The fickle Fair can give thee,
Is but a fairy treasure,
Thy hopes will soon deceive thee:

The billows on the ocean,
The breezes idly roaming,
The cloud's uncertain motion,
They are but types of Woman.

O art thou not asham'd
To doat upon a feature?
If Man thou wouldst be nam'd,
Despise the silly creature.

Go, find an honest fellow,
Good claret set before thee,
Hold on till thou art mellow,
And then to bed in glory.

Найдут, Соломон доказал, Божьи чада
В бутылке спасенье, иного не надо.

Рискнуть раз попробовал, быв при деньгах, –
Узнал из письма про полнейший свой крах;
Пыхтя по ступенькам (хватило догада,
С бутылкой), помещик влез: «Может, так надо?»

«В заботах покой», некий бард возгласил
(Как звали-то? Чёрное вечно носил⁹²²);
В согласье с педантом есть, право, отрада:
Бутыл дана свыше, а что ещё надо?

«Хозяйка, счёт подбей-ка...»

Уходит день, и ночь темна,
Но лампа напрочь не нужна:
Эль, бренди – звёздный, лунный свет,
Алей вина рассвета нет.

Хозяйка, счёт подбей-ка, подбей-ка, подбей-ка,
Хозяйка, счёт подбей-ка, да принеси ещё!

Богат и волен джентльмен,
А простаку – борьба взамен,
Но здесь мы все вошли в аккорд,
Ведь кто угодно пьян, как лорд⁹²³.

Мой кубок, как священный пруд,
Заботы, беды в нём пройдут;
А радость – как форель она:
Поймаешь только возле дна.

«Принежив дуралея...»

Принежив дуралея,
Краса непостоянна:
Богатством фей владея,
Жди от надежд обмана;

Валы, что столь могучи,
Ветра, каких немало,
Мятущиеся тучи –
В них женское начало.

Не стыдно ль, дурачина,
От куклы быть в угаре?
Дари, коль ты мужчина,
Презренье глупой твари.

Найди дружка до гроба,
Хлебните с ним кларету⁹²⁴;
Наполнится утроба –
И спать! Приятней нету!

The Deil's Awa wi' the Exciseman

The deil cam fiddlin' thro' the town,
And danc'd awa wi' th' Exciseman,
And ilka wife cries, "Auld Mahoun,
I wish you luck o' the prize, man."

The deil's awa, the deil's awa,
The deil's awa wi' the Exciseman,
He's danc'd awa, he's danc'd awa,
He's danc'd awa wi' the Exciseman.

We'll mak our maut, and we'll brew our drink,
We'll laugh, sing, and rejoice, man,
And mony braw thanks to the meikle black deil,
That danc'd awa wi' th' Exciseman.

There's threesome reels, there's foursome reels,
There's hornpipes and strathspeys, man,
But the ae best dance ere came to the land
Was – the deil's awa wi' the Exciseman.

There was a Bonie Lass

There was a bonie lass, and a bonie, bonie lass,
And she lo'ed her bonie laddie dear;
Till War's loud alarms tore her laddie frae her arms,
Wi' mony a sigh and tear.

Over sea, over shore, where the cannons loudly roar,
He still was a stranger to fear;
And nocht could him quail, or his bosom assail,
But the bonie lass he lo'ed sae dear.

Rattlin', Roarin' Willie

O rattlin', roarin' Willie,
O, he held to the fair,
An' for to sell his fiddle,
An' buy some other ware;
But parting wi' his fiddle,
The saut tear blin't his ee;
And rattlin', roarin' Willie,
Ye're welcome hame to me!

O Willie, come sell your fiddle,
O sell your fiddle sae fine;
O Willie, come sell your fiddle,
And buy a pint o' wine!
If I should sell my fiddle,
The warl' would think I was mad;

«Чёрт был, и нет – акцизный с ним...»

Прошёл сквозь город чёрт-скрипач;
Сплясал, и нет – акцизный с ним!
А тётки вслед: «Поживу спрячь!
Удачи, бес, с добром таким!»

Чёрт был, и нет, чёрт был, и нет,
Чёрт был, и нет – акцизный с ним,
Сплясал, и нет, сплясал, и нет,
Сплясал, и нет – акцизный с ним!

Взяв солод, варим пиво мы⁹²⁵,
Поём, смеемся, шухарим;
Будь славен старый чёрный чёрт:
Сплясал – ушёл акцизный с ним!

Рил – и втроём, и вчетвером;
Хорнпайп, стратспей⁹²⁶ – мы знай кружим,
Но лучше всех танцует чёрт:
Сплясал, и нет – акцизный с ним!

«Милой девушка была...»

Милой девушка была, милой-милою была,
Пареньку-красавцу сердце отдавая,
Но военная труба разлучила их, груба, –
И слезам, и вздохам нету края.

У заморских берегов, где скаженных пушек рёв,
Парень бился, страху начисто не зная,
И беду поди найди, чтобы дрогнуло в груди,
Где его подружка дорогая.

Ражий, рьяный Вилли⁹²⁷

Ох, ражий, рьяный Вилли!
Ждёт ярмарка его:
Продаст, решил он, скрипку,
Прикупит кой-чего;
Но, отдавая скрипку,
Заплакал, на беду;
Эй, ражий, рьяный Вилли,
Вернись домой, я жду!

Продай же, Вилли, скрипку,
Недёшева она;
Продай же, Вилли, скрипку,
Да прикупи вина!
«Когда бы продал скрипку,
Решили б, что чумной:

For many a rantin' day
My fiddle and I hae had.

As I cam by Crochallan,
I cannilie keekit ben;
Rattlin', roarin' Willie
Was sittin at yon boord-en';
Sittin at yon boord-en,
And amang gude companie;
Rattlin', roarin' Willie,
You're welcome hame to me!

Landlady, Count the Lawin

Landlady, Count the Lawin,
The day is near the dawin;
Ye're a' blind drunk, boys,
And I'm but jolly fou.
Hey tutti, tatti,
How tutti, tatty –
Wha' fou now?

Cog, an' ye were aye fou,
Cog, an' ye were aye fou,
I wad sit and sing to you
If ye were aye fou.
Weel may ye a' be!
Ill may we never see!
God bless the King, boys,
And the companie!
Hey tutti, tatti,
How tutti, tatty –
Wha' fou now?

My Love, She's but a Lassie Yet

My love, she's but a lassie yet,
My love, she's but a lassie yet;
We'll let her stand a year or twa,
She'll no be half sae saucy yet;
I rue the day I sought her, O!
I rue the day I sought her, O!
Wha gets her needs na say she's woo'd,
But he may say he's bought her, O.

Come, draw a drap o' the best o't yet,
Come, draw a drap o' the best o't yet,
Gae seek for pleasure whare you will,
But here I never miss'd it yet,
We're a' dry wi' drinkin o't,
We're a' dry wi' drinkin o't;
The minister kiss'd the fiddler's wife;
He could na preach for thinkin o't.

Ведь уйму дней весёлых
Была она со мной».

Зашедши к «крокалла́нам»⁹²⁸,
Взглянула, как дела:
Ражий, рьяный Вилли,
Сидел в конце стола;
Сидел в конце стола он
У пьющих на виду;
Ражий, рьяный Вилли,
Вернись домой, я жду!

«Хозяйка, счёт – и точка!»

Хозяйка, счёт – и точка!
Спешит к рассвету ночка;
Вы – в лоскуты, ребята,
А я лишь крепко пьян.
Хей, тутти-тайти,
Что, тутти-тайти –
Кто тут пьян?

Чарка, и любой тут пьян,
Чарка, и любой тут пьян,
Я ж спою как атаман
Тем, кто в стельку пьян.
Пускай всё с рук сойдёт!
Не ведать нам забот!
Будь здрав король, ребята,
И любой, кто пьёт!
Хей, тутти-тайти,
Что, тутти-тайти –
Кто тут пьян?

«Моя любовь ещё мала...»

Моя любовь ещё мала,
Моя любовь ещё мала;
Повременим годок-другой,
Чтоб слишком дерзкой не была;
Немил день встречи с нею, о!
Немил день встречи с нею, о!
Кому досталась, не пленил,
Тряхнул мошной своею, о.

Хлебнём, такие вот дела,
Хлебнём, такие вот дела,
Хоть где отраду поищи,
А мне лишь чарка и мила;
Мы пьём, и не берёт,
Мы пьём, и не берёт;
Поп чмокнул бабу скрипача –
Видать, вся проповедь не в счёт.

Does Haughty Gaul Invasion Threat?

Does haughty Gaul invasion threat?
Then let the louns beware, Sir;
There's wooden walls upon our seas,
And volunteers on shore, Sir:
The Nith shall run to Corsincon,
And Criffel sink in Solway,
Ere we permit a Foreign Foe
On British ground to rally!
We'll ne'er permit a Foreign Foe
On British ground to rally!

O let us not, like snarling curs,
In wrangling be divided,
Till, slap! come in an unco loun,
And wi' a rung decide it!
Be Britain still to Britain true,
Amang ourselves united;
For never but by British hands
Maun British wrangs be righted!
No! never but by British hands
Shall British wrangs be righted!

The Kettle o' the Kirk and State,
Perhaps a clout may fail in't;
But deil a foreign tinkler loun
Shall ever ca'a nail in't.
Our father's blude the Kettle bought,
And wha wad dare to spoil it;
By Heav'ns! the sacrilegious dog
Shall fuel be to boil it!
By Heav'ns! the sacrilegious dog
Shall fuel be to boil it!

The wretch that would a tyrant own,
And the wretch, his true-born brother,
Who would set the Mob aboon the Throne,
May they be damn'd together!
Who will not sing "God save the King,"
Shall hang as high's the steeple;
But while we sing "God save the King,"
We'll ne'er forget The People!
But while we sing "God save the King,"
We'll ne'er forget The People!

The Day Returns

The day returns, my bosom burns,
The blissful day we twa did meet:
Tho' winter wild in tempest toil'd,
Ne'er summer-sun was half sae sweet.

«К нам влезть грозит спесивый галл?»⁹²⁹

К нам влезть грозит спесивый галл?
Уняться плутам след, сэр;
На море – крепкие борта,
На берег ходу нет, сэр;
Холм Криффел в Сólвей занырнёт⁹³⁰,
Нит в Корсинкон помчится⁹³¹
Скорей, чем мы дадим врагу
В Британию вломиться!
Мы чёрта с два дадим врагу
В Британию вломиться!

Не дело, как брехливым псам,
Сойтись в грызне старинной,
Покуда – бац! – заморский плут
Спор не решит дубиной!
Британец, верным будь стране,
Что нас объединила;
Ведь только в мощи наших рук
Твоей короны сила!
Да! Только в мощи наших рук
Твоей короны сила!

Котёл у Церкви и Страны,
Возможно, протекает,
А чёрт, заезжий медник-плут,
Вбить гвоздь в него мечтает.
Котёл отцами куплен был,
Изгадить кто посмеет?
Ей-ей, сторит кощунец-пёс,
Водицу в нём согреет!
Ей-ей, сторит кощунец-пёс,
Водицу в нём согреет!

Гад, кем тиран превознесён,
Гад-брат (одна утроба!),
Готовый чернь тащить на трон, –
Горят пусть в пекле оба!
Петь «Боже, короля храни»
Не станут – вздёрнем сходу;
Под «Боже, короля храни»⁹³²
Нам не забыть Народа!
Под «Боже, короля храни»
Нам не забыть Народа!

«Тот день вернуть...»

Тот день вернуть – вмиг вспыхнет грудь;
День дивный выпал нам двоим:
Была пурга, мела снега –
Что солнце летнее пред ним,

Than a' the pride that loads the tide,
And crosses o'er the sultry line;
Than kingly robes, than crowns and globes,
Heav'n gave me more – it made thee mine!

While day and night can bring delight,
Or Nature aught of pleasure give;
While joys above my mind can move,
For thee, and thee alone, I live.
When that grim foe of life below
Comes in between to make us part,
The iron hand that breaks our band,
It breaks my bliss – it breaks my heart!

O May, Thy Morn

O May, thy morn was ne'er so sweet
As the mirk night o' December!
For sparkling was the rosy wine,
And private was the chamber:
And dear was she I dare na name,
But I will aye remember:
And dear was she I dare na name,
But I will aye remember.

And here's to them that, like oursel,
Can push about the jorum!
And here's to them that wish us weel,
May a' that's guid watch o'er 'em!
And here's to them, we dare na tell,
The dearest o' the quorum!
And here's to them, we dare na tell,
The dearest o' the quorum.

There'll Never be Peace till Jamie Comes Hame

By yon Castle wa', at the close of the day,
I heard a man sing, tho' his head it was grey:
And as he was singing, the tears doon came, –
There'll never be peace till Jamie comes hame.

The Church is in ruins, the State is in jars,
Delusions, oppressions, and murderous wars,
We dare na weel say't, but we ken wha's to blame, –
There'll never be peace till Jamie comes hame.

My seven braw sons for Jamie drew sword,
But now I greet round their green beds in the yerd;
It brak the sweet heart o' my faithful auld dame, –
There'll never be peace till Jamie comes hame.

Что́ вся та спесь, какая здесь
Сквозит, бесчестием губя,
Что́ блеск парчи, венцы, ключи?
Господь мне больше дал – тебя!

Пока не прочь и день, и ночь
Дарить всю радость бытия,
Пока быть рад средь Божьих чад,
Тебе, тебе лишь жизнь моя.
Когда б явил князь тёмных сил
Себя, дабы нас разлучить,
Лишил бы уз десницы груз,
Прервав восторг – и жизни нить!

«О май, рассвет твой...»

О май, рассвет твой не сравнить
С декабрьской тьмой ночью!
Искрилось пьяное вино,
И мир был за стеною;
Не смею милую назвать,
Но век она со мною;
Не смею милую назвать,
Но век она со мною.

За тех, кому, как нам, плевать,
Что есть там малость в чаше!
Добра успевших пожелать –
Вернись к вам слово ваше!
За тех, кого нам не назвать,
Кто всех милей и краше!
За тех, кого нам не назвать,
Кто всех милей и краше!

«Нет мира, раз Джеми⁹³³ не дома пока...»

У за́мка, когда дня, считай, уже нет,
Певца услышал; головою сплошь сед,
Он пел, и душила слеза старика:
«Нет мира, раз Джеми не дома пока.

Развалена Церковь, в Державе раздор,
Кровь льётся, в чести угнетатель и вор;
Не смеем сказать мы, но мудрость горька:
Нет мира, раз Джеми не дома пока.

Семь храбрых сынов моих с Джеми пошли –
Все спят под травой, не встать из земли;
Старухи хозяйки тоска глубока:
Нет мира, раз Джеми не дома пока.

Now life is a burden that bows me down,
Sin' I tint my bairns, and he tint his crown;
But till my last moments my words are the same, –
There'll never be peace till Jamie comes hame.

Such a Parcel of Rogues in a Nation

Fareweel to a' our Scottish fame,
Fareweel our ancient glory;
Fareweel ev'n to the Scottish name,
Sae fam'd in martial story.
Now Sark rins over Solway sands,
An' Tweed rins to the ocean,
To mark where England's province stands –
Such a parcel of rogues in a nation!

What force or guile could not subdue,
Thro' many warlike ages,
Is wrought now by a coward few,
For hireling traitor's wages.
The English stell we could disdain,
Secure in valour's station;
But English gold has been our bane –
Such a parcel of rogues in a nation!

O would, or I had seen the day
That Treason thus could sell us,
My auld grey head had lien in clay,
Wi' Bruce and loyal Wallace!
But pith and power, till my last hour,
I'll mak this declaration;
We're bought and sold for English gold –
Such a parcel of rogues in a nation!

Will Ye Go to the Indies, My Mary?

Will ye go to the Indies, my Mary,
And leave auld Scotia's shore?
Will ye go to the Indies, my Mary,
Across th' Atlantic roar?

O sweet grows the lime and the orange,
And the apple on the pine;
But a' the charms o' the Indies
Can never equal thine.

I hae sworn by the Heavens to my Mary,
I hae sworn by the Heavens to be true;
And sae may the Heavens forget me,
When I forget my vow!

Я гнётом житухи придавлен вконец:
Ребят моих нет, Джеми отдал венец;
Но эта со мною до смерти строка:
Нет мира, раз Джеми не дома пока».

Клок нашего бурьяна⁹³⁴

Прощай, шотландский весь кураж,
Прощай, бывшая слава;
Забудем, как край звался наш, –
Враги припомнят, право.
Мчит Сарк по Солвэйским пескам⁹³⁵,
А Твид⁹³⁶ – до океана,
Отметив: край английский там
Торчит, как клок бурьяна!

Не гнули сила ли, обман,
Хоть битвы шли веками;
Сработал кучки трусов план,
Прельщённых медьяками.
Клинок соседей – ерунда,
Мы отбивались рьяно;
Их золотом куплен, вот беда,
Клок нашего бурьяна!

Уж лучше б не дожить до дня,
Когда нас предавали;
Зарыли б, старого, меня,
Когда Брюс, Уоллес⁹³⁷ пали!
Но пыл явив, покуда жив,
Твердить не перестану:
Купить-продать отчизну-мать
Сумел наш клок бурьяна!

«Ты поедешь в Вест-Индию, Мэри?»⁹³⁸

Ты поедешь в Вест-Индию, Мэри,
От наших берегов?
Ты поедешь в Вест-Индию, Мэри,
Сквозь океанский рёв?

Так манящи там лайм⁹³⁹ с апельсином,
Тьма яблок под сосной⁹⁴⁰,
Но чары всех этих Вест-Индий
Шутя затмишь собой!

Небесами поклялся пред Мэри –
Небом клялся быть верным лишь ей;
Забудь меня Свод, коль забуду
О клятве той своей!

O plight me your faith, my Mary,
And plight me your lily-white hand;
O plight me your faith, my Mary,
Before I leave Scotia's strand.

We hae plighted our troth, my Mary,
In mutual affection to join;
And curst be the cause that shall part us!
The hour and the moment o' time!

The Bonie Lad That's Far Awa

O how can I be blythe and glad,
Or how can I gang brisk and braw,
When the bonie lad that I lo'e best
Is o'er the hills and far awa!

It's no the frosty winter wind,
It's no the driving drift and snaw;
But aye the tear comes in my e'e,
To think on him that's far awa.

My father pat me frae his door,
My friends they hae disown'd me a';
But I hae ane will tak my part,
The bonie lad that's far awa.

A pair o' glooves he bought to me,
And silken snoods he gae me twa;
And I will wear them for his sake,
The bonie lad that's far awa.

O weary Winter soon will pass,
And Spring will cleed the birken shaw;
And my young babie will be born,
And he'll be hame that's far awa.

The Gowden Locks of Anna

Yestreen I had a pint o' wine,
A place where body saw na;
Yestreen lay on this breast o' mine
The gowden locks of Anna.
The hungry Jew in wilderness,
Rejoicing o'er his manna,
Was naething to my hinny bliss
Upon the lips of Anna.

Ye monarchs, take the East and West
Frae Indus to Savannah;
Gie me, within my straining grasp,
The melting form of Anna:

Доверься, молю тебя, Мэри,
Лилейную руку дай мне,
Доверься, молю тебя, Мэри,
Пока я в родной стране.

Тропу свою выбрали, Мэри,
С тем чувством, что сблизило нас;
К чертям все причины разлуки,
И день её чёрный, и час!

Мой милый, что так далеко

С чего бы радоваться мне,
Как славной быть, шагать легко,
Покуда тот, кто всех милей,
Там, за холмами, далеко!

Виной не зимний ветер злой,
Пурга и снега молоко:
Слезинка мне туманит взгляд
От дум о том, кто далеко.

Отец не пустит на порог,
Плевать подругам глубоко;
Но есть и тот, кто подсобит, –
Мой милый, что так далеко.

Перчаток пару мне купил,
Две ленты (сердце широко);
Я повяжу их в честь него,
Родного, что так далеко.

Уймётся вскорости зима,
Взметнётся зелень высоко;
Младенчик народится мой,
Вернётся тот, кто далеко.

Златые кудри Анны⁹⁴¹

Вчера хлебнул винца, ей-ей
(В глуши-то невозбранно);
Вчера прижал к груди своей
Златые кудри Анны.
Еврей, в пустыне отощав,
Не так уелся манны⁹⁴²,
Как я насытился, припав
К устам медвяным Анны.

Восход монархам и закат,
От Инда до саванны⁹⁴³;
Я много боле их богат
Лилейной плотью Анны.

There I'll despise Imperial charms,
An Empress or Sultana,
While dying raptures in her arms
I give and take wi' Anna!

Awa, thou flaunting God of Day!
Awa, thou pale Diana!
Ilk Star, gae hide thy twinkling ray,
When I'm to meet my Anna!
Come, in thy raven plumage, Night,
(Sun, Moon, and Stars, withdrawn a';)
And bring an angel-pen to write
My transports with my Anna!

Postscript

The Kirk an' State may join an' tell,
To do sic things I maunna:
The Kirk an' State may gae to hell,
And I'll gae to my Anna.
She is the sunshine o' my e'e,
To live but her I canna;
Had I on earth but wishes three,
The first should be my Anna.

My Tocher's the Jewel

O meikle thinks my luve o' my beauty,
And meikle thinks my luve o' my kin;
But little thinks my luve I ken brawlie
My tocher's the jewel has charms for him.
It's a' for the apple he'll nourish the tree,
It's a' for the hinny he'll cherish the bee,
My laddie's sae meikle in luve wi' the siller,
He canna hae luve to spare for me.

Your proffer o' luve's an airle-penny,
My tocher's the bargain ye wad buy;
But an ye be crafty, I am cunnin',
Sae ye wi anither your fortune may try.
Ye're like to the timmer o' yon rotten wood,
Ye're like to the bark o' yon rotten tree,
Ye'll slip frae me like a knotless thread,
And ye'll crack your credit wi' mae nor me.

What Can a Young Lassie do wi' an Auld Man?

What can a young lassie, what shall a young lassie,
What can a young lassie do wi' an auld man?
Bad luck on the penny that tempted my Minnie
To sell her puir Jenny for siller an' lan'.

Что́ блеск имперских ваших чар,
Царица ль, дочь султана,
Когда обрёл бесценный дар
В объятьях милой Анны!

Прочь, полудённый гордый бог!
Прочь, бледная Диана⁹⁴⁴!
Мигайте, звёзды, в кулачок,
Когда меня ждёт Анна!
Приди, с плюмажем чёрном, ночь
(Светила нежеланны),
Чтоб ангельским пером помочь
Воспеть всю прелесть Анны!

*Постскриптум*⁹⁴⁵

Пускай, сойдясь, Держава, Храм
Твердят о покаянье;
Державу, Храм пошлю к чертям,
А сам отправлюсь к Анне.
Ловлю свет солнца в ней одной,
Угаснет – жить не стану;
Дай три желанья путь земной,
Назвал бы первым Анну.

«Приданным моим, а не мной...»

Прельщён он моею красою,
Прельщён он моею роднёй...
Прельстился, прекрасно я знаю,
Приданным моим, а не мной.
Он яблоньку холит, плодов ожидая,
Он пчёлку лелеет, мёд сладкий цenia, –
Любовь к серебру у милёнка такая,
Её не осталось совсем для меня.

Твое сватовство вроде вклада,
Приданным доволен вполне;
Хитёр, но и я не раззява:
К другим подъезжай, не ко мне.
Ты, как древесина из рощи гнилой,
Ты вроде коры от трухлявого пня;
Как нить без узла, проскользни, мой родной,
Доверья ищи – только не у меня.

«Что делать молодке с таким вот старьём?»

Что делать молодке, что сделать молодке,
Что делать молодке с таким вот старьём?
Мамашу горсть пенни манит, без сомнений,
И продана Дженни за деньги и дом.

Bad luck on the penny that tempted my minnie
To sell her puir Jenny for siller an' lan'!

He's always compleenin' frae mornin' to e'enin',
He hoasts and he hirples the weary day lang;
He's doylt and he's dozin, his blude it is frozen, –
O, dreary's the night wi' a crazy auld man!
He's doylt and he's dozin, his blude it is frozen,
O, dreary's the night wi' a crazy auld man.

He hums and he hankers, he frets and he cankers,
I never can please him do a' that I can;
He's peevish an' jealous o' a' the young fellows, –
O, dool on the day I met wi' an auld man!
He's peevish an' jealous o' a' the young fellows,
O, dool on the day I met wi' an auld man.

My auld auntie Katie upon me taks pity,
I'll do my endeavour to follow her plan;
I'll cross him an' wrack him, until I heartbreak him
And then his auld brass will buy me a new pan,
I'll cross him an' wrack him, until I heartbreak him,
And then his auld brass will buy me a new pan.

Blythe was She

Blythe, blythe and merry was she,
Blythe was she but and ben;
Blythe by the banks of Earn,
And blythe in Glenturit glen.

By Oughtertyre grows the aik,
On Yarrow banks the birken shaw;
But Phemie was a bonier lass
Than braes o' Yarrow ever saw.

Her looks were like a flow'r in May,
Her smile was like a simmer morn:
She tripped by the banks o' Earn,
As light's a bird upon a thorn.

Her bonie face it was as meek
As ony lamb upon a lea;
The evening sun was ne'er sae sweet,
As was the blink o' Phemie's e'e.

The Highland hills I've wander'd wide,
And o'er the Lawlands I hae been;
But Phemie was the blythest lass
That ever trod the dewy green.

Мамашу горсть пенни манит, без сомнений, –
И продана Дженни за деньги и дом!

Нытья многовато с утра до заката,
Бьёт кашель трухлявца, хромого притом;
Тупой и унылый, с кровищею стылой –
Ждёт та ещё ночка с безмозглым старьём!
Тупой и унылый, с кровищею стылой,
Ждёт та ещё ночка с безмозглым старьём.

Брюзжит он, желая, зануда такая,
Ему угодить не могу я ни в чём;
Кривит ещё рожу на тех, кто моложе, –
Ох, чёртов денёк меня свёл со старьём!
Кривит ещё рожу на тех, кто моложе,
Ох, чёртов денёк меня свёл со старьём.

Дала тётка Кэти на жалобы эти
Совет – я давно уж нуждалась в таком:
Дам дури без краю – глядишь, доконаю,
А там разживусь на деньжата новьём;
Дам дури без краю – глядишь, доконаю,
А там разживусь на деньжата новьём.

«Знай веселилась она...»⁹⁴⁶

Знай веселилась она,
Радовал «бат энд бен»⁹⁴⁷;
Эрна⁹⁴⁸ ласкала волна,
Радовал Түрит-глен⁹⁴⁹.

Дуб – в Охтертайре⁹⁵⁰, Ярроу⁹⁵¹ брег –
Среди берёзок бахромы;
Но Феми краше всех, кого
Видали здешние холмы.

Собой была, как майский цвет,
Улыбкой – как рассветный луг;
У Эрна так была легка,
Как в тёрне радости пичуг.

Её был кроток милый лик,
Как на лужайке у ягнят;
Закатный луч не чуден так,
Как нашей Феми яркий взгляд.

Я ширь нагорий обошёл
И прошагал равнины все,
Но Феми краше всех девиц,
Топтавших травы по росе.

Braving Angry Winter's Storms

Where, braving angry winter's storms,
The lofty Ochils rise,
Far in their shade my Peggy's charms
First blest my wondering eyes;
As one who by some savage stream
A lonely gem surveys,
Astonish'd, doubly marks it beam
With art's most polish'd blaze.

Blest be the wild, sequester'd shade,
And blest the day and hour,
Where Peggy's charms I first survey'd,
When first I felt their pow'r!
The tyrant Death, with grim control,
May seize my fleeting breath;
But tearing Peggy from my soul
Must be a stronger death.

The Fall of the Leaf

The lazy mist hangs from the brow of the hill,
Concealing the course of the dark-winding rill;
How languid the scenes, late so sprightly, appear!
As Autumn to Winter resigns the pale year.
The forests are leafless, the meadows are brown,
And all the gay foppery of summer is flown:
Apart let me wander, apart let me muse,
How quick Time is flying, how keen Fate pursues!
How long I have liv'd – but how much liv'd in vain,
How little of life's scanty span may remain,
What aspects old Time in his progress has worn,
What ties cruel Fate, in my bosom has torn.
How foolish, or worse, till our summit is gain'd!
And downward, how weaken'd, how darken'd, how pain'd!
Life is not worth having with all it can give –
For something beyond it poor man sure must live.

Strathallan's Lament

Thickest night, o'erhang my dwelling!
Howling tempests, o'er me rave!
Turbid torrents, wintry swelling,
Roaring by my lonely cave!

Crystal streamlets gently flowing,
Busy haunts of base mankind,
Western breezes softly blowing,
Suit not my distracted mind.

Злым метелям вопреки

Где, злым метелям вопреки,
Взметнулись Окилз⁹⁵² ввысь,
Мне Пэгги⁹⁵³ – тени глубоки –
Возьми да вдруг явись;
Так, возле буйного ручья
Приметив самоцвет,
Дивишься камню, гладкость чья
Родит неожиданный свет.

Благословенны будь лужок,
А также день и час:
Чар Пэгги власть изведать смог
Я в самый первый раз!
И смерть, изъять сколь ни спешу
Дух из груди моей,
А вырвать Пэгги из души
Всё не под силу ей.

Листопад

Ленивый туман свис с вершины холма,
И темень ручья скрыл надёжно весьма;
Как бледен былого сиянья уход!
Из осени в зиму свергается год.
Поляны пожухли, безлистны леса,
Умчалась тщеславного лета краса;
Бреду, волочу размышления кладь:
Бег времени скор, от судьбы не удрать!
Как долго я жил – и бессмысленно как,
Как мало осталось: ну сущий пустяк;
Истрёпанных чувств сколь уже позади,
Сколь роком оборвано связей в груди!
Как глуп, коль не хуже, к вершине наш путь!
Как спуска темна и болезненна жуть!
Жизнь вовсе не стоит прижизненных благ –
Для жизни загробной жить должен бедняк.

Стенанья Страталлана⁹⁵⁴

Тьма, раскинь покров широкий!
Бури, дико взвойте тут!
Хладом вздутые потоки
У норы моей ревут!

Лепет ручейка невнятный,
Низких толп привычный шум,
Нежнокрылый бриз закатный,
Вас не ждёт смущённый ум.

In the cause of Right engaged,
Wrongs injurious to redress,
Honour's war we strongly waged,
But the Heavens denied success.

Ruin's wheel has driven o'er us,
Not a hope that dare attend,
The wide world is all before us –
But a world without a friend.

Raving Winds around Her Blowing

I composed these verses on Miss Isabella M'Leod of Raasay, alluding to her feelings on the death of her sister, and the still more melancholy death of her sister's husband, the late Earl of Loudoun, who shot himself out of sheer heart-break at some mortifications he suffered, owing to the deranged state of his finances. – *R.B.*

Raving winds around her blowing,
Yellow leaves the woodlands strowing,
By a river hoarsely roaring,
Isabella stray'd deploring –
"Farewell, hours that late did measure
Sunshine days of joy and pleasure;
Hail, thou gloomy night of sorrow,
Cheerless night that knows no morrow!

"O'er the past too fondly wandering,
On the hopeless future pondering;
Chilly grief my life-blood freezes,
Fell despair my fancy seizes.
Life, thou soul of every blessing,
Load to misery most distressing,
O, how gladly I'd resign thee,
And to dark oblivion join thee!"

Talk of Him That's Far Awa

Musing on the roaring ocean,
Which divides my love and me;
Wearying heav'n in warm devotion,
For his weal where'er he be.

Hope and Fear's alternate billow
Yielding late to Nature's law,
Whispering spirits round my pillow,
Talk of him that's far awa.

Ye whom sorrow never wounded,
Ye who never shed a tear,
Care-untroubled, joy-surrounded,
Gaudy day to you is dear.

Мы за Правду встали вместе,
Ложь пытаясь побороть;
Храбро дрались в битвах Чести –
Победить не дал Господь.

Нас повергли в крах бесспорный,
Вызов слать надежды нет,
Перед нами мир просторный –
Мир, что дружбой не согрет.

«Вкруг неё ветра́ ревели...»

Я сочинил эти стихи про Изабеллу Маклауд–оф-Рааси⁹⁵⁵, имея в виду её чувства после смерти сестры и куда более прискорбной смерти сестрино́го мужа, покойного графа Лоудоуна, который застрелился в состоянии полной душевной подавленности, вызванной беспорядком в его финансах. *Р.Б.*

Вкруг неё ветра́ ревели,
Листья на ветвях желтели;
Вдоль реки, хрипевшей ныне,
Изабелла шла в кручине:
«Расстаёмся, дни былые,
Лучезарные такие;
Здравствуй, ночь, полна печали;
Новый день придёт едва ли!

В прошлом путь нёс радость свету,
В том, что ждёт, надежды нету;
Хлад печали студит жилы,
Мне мечтания немилы.
Жизнь, душа любого счастья,
Груз тоски в твоей же власти;
Рада, что уйти готова,
Мрак потерь нас сблизит снова!»

Сказ о том, кто вдалеке

Думы – рёву океана;
Милый, я – меж нами он;
Свод молю я постоянно:
Где бы ни был, будь спасён.

Страх с надеждой – друг за дружкой,
С ними нрав накоротке;
Шепчут духи над подушкой
Сказ о том, кто вдалеке.

Вам, не раненым бедою,
Слёз не лившим отродясь,
Жизнь безбедною, простою
В яркий полдень задалась.

Gentle night, do thou befriend me,
Downy sleep, the curtain draw;
Spirits kind, again attend me,
Talk of him that's far awa!

Lord Gregory

O mirk, mirk is this midnight hour,
And loud the tempest's roar;
A waefu' wanderer seeks thy tower,
Lord Gregory, ope thy door.

An exile frae her father's ha',
And a' for loving thee;
At least some pity on me shaw,
If love it may na be.

Lord Gregory, mind'st thou not the grove
By bonie Irwine side,
Where first I own'd that virgin love
I lang, lang had denied?

How aften didst thou pledge and vow
Thou wad for aye be mine!
And my fond heart, itsel' sae true,
It ne'er mistrusted thine.

Hard is thy heart, Lord Gregory,
And flinty is thy breast:
Thou bolt of Heaven that flashest by,
O, wilt thou bring me rest!

Ye mustering thunders from above,
Your willing victim see;
But spare and pardon my fause Love,
His wrangs to Heaven and me.

Stay My Charmer

Stay my charmer, can you leave me?
Cruel, cruel to deceive me;
Well you know how much you grieve me;
Cruel charmer, can you go!
Cruel charmer, can you go!

By my love so ill-requited,
By the faith you fondly plighted,
By the pangs of lovers slighted,
Do not, do not leave me so!
Do not, do not leave me so!

Ночка, ну не будь сурова,
Сон, стань сладким в затишке;
Ду́хи, принесите снова
Сказ о том, кто вдалеке!

Лорд Гре́гори⁹⁵⁶

Полночным мраком мир облит,
Неистов бури вой;
У башни странница стоит –
Лорд Грегори, открой.

Отец не пустит на порог
Из-за моей любви;
Сердечных уз сберечь не смог,
Хоть жалость прояви.

Милорд, а помнишь тот лесок
У Ирвиновых вод⁹⁵⁷,
Где долго-долго взять не мог
Девичества оплот?

Как часто клялся: я одна
Навек в твоей судьбе!
Душою нежною верна,
Так верила тебе!

Лорд Грегори, на сердце лёд,
Кремень в твоей груди;
О ты, споло́х, что Небо шлёт,
Меня освободи!

Грома́, разите без помех,
Призыв мой – не блажной;
Изменнику ж простите грех
Пред Господом и мной.

«Стой, маг милый!»

Стой, маг милый! Покидаешь?
Зло обмана мне являешь;
Я в тоске, прекрасно знаешь;
Ты куда, жестокий маг?
Ты куда, жестокий маг?

Попранной любви во имя,
Нежных клятв своих во имя,
Боли брошенных во имя
Не бросай меня вот так!
Не бросай меня вот так!

Fairest Maid on Devon Banks

Fairest maid on Devon banks,
Crystal Devon, winding Devon,
Wilt thou lay that frown aside,
And smile as thou wert wont to do?

Full well thou know'st I love thee dear,
Couldst thou to malice lend an ear!
O did not Love exclaim: "Forbear,
Nor use a faithful lover so."

Then come, thou fairest of the fair,
Those wonted smiles, O let me share;
And by thy beauteous self I swear,
No love but thine my heart shall know.

Young Jockie was the Blythest Lad

Young Jockie was the blythest lad,
In a' our town or here awa;
Fu' blythe he whistled at the gaud,
Fu' lightly danc'd he in the ha'.
He roos'd my een sae bonie blue,
He roos'd my waist sae genty sma';
An' aye my heart cam to my mou',
When ne'er a body heard or saw.

My Jockie toils upon the plain,
Thro' wind and weet, thro' frost and snaw:
And o'er the lea I leuk fu' fain,
When Jockie's owsen hameward ca'.
An' aye the night comes round again,
When in his arms he taks me a';
An' aye he vows he'll be my ain,
As lang's he has a breath to draw.

Jockey's Taen the Parting Kiss

Jockey's taen the parting kiss,
O'er the mountains he is gane,
And with him is a' my bliss,
Nought but griefs with me remain.

Spare my Love, ye winds that blaw,
Plashy sleets and beating rain!
Spare my Love, thou feath'ry snaw,
Drifting o'er the frozen plain!

«Девы краше не видал...»

Девы краше не видал,
Чистый Девон⁹⁵⁸, юркий Девон!
Ну отчего улыбкой ты
Не сменишь облик хмурый свой?

Ведь знаешь, как люблю, родная,
Что ж злишься, слухам доверяя?
Услышь Любовь: «Нейди до края,
И с преданным не будь такой».

Приди же, дева, краше нету,
Дай разделить улыбку эту;
Поверь, красавица, обету
Вовек не знать любви иной.

«Резвее Джоки⁹⁵⁹ не сыскать...»

Резвее Джоки не сыскать
Ни в городке и ни вокруг:
Свист весел, чтоб овец согнать,
Пляс лёгок, если пляшет друг.
Он восхищался синью глаз,
Мой тонкий стан пленял его,
И с ним я обмирала враз,
Коль рядом нету никого.

Ему для дел день всякий гож,
Дождь, ветер, снег стерпеть готов;
Мне ждать за лугом невтерпёж,
Когда погонит в хлев волов.
Лишь окружит нас мрак ночной,
Доверюсь я его рукам;
Клянётся Джоки, что со мной
Любовь его, пока жив сам.

«Поцелуй – и Джоки⁹⁶⁰ в путь...»

Поцелуй – и Джоки в путь,
Взяли горы паренька;
Счастье с ним моё пребудь,
Мне осталась лишь тоска.

Пощади родного, злость
Ветра! Град, не бей его!
Пощади, снег, дола гость,
Джоки, друга моего!

When the shades of evening creep
O'er the day's fair, gladsome e'e,
Sound and safely may he sleep,
Sweetly blythe his waukening be.

He will think on her he loves,
Fondly he'll repeat her name;
For where'er he distant roves,
Jockey's heart is still the same.

O That's the Lassie o' My Heart

O wat ye wha that lo'es me
And has my heart a-keeping?
O sweet is she that lo'es me,
As dew's o' summer weeping,
In tears the rosebuds steeping!

O that's the lassie o' my heart,
My lassie ever dearer;
O she's the queen o' womankind,
And ne'er a ane to peer her.

If thou shalt meet a lassie,
In grace and beauty charming,
That e'en thy chosen lassie,
Erewhile thy breast sae warming,
Had ne'er sic powers alarming;

If thou hadst heard her talking,
And thy attention's plighted,
That ilka body talking,
But her, by thee is slighted,
And thou art all delighted;

If thou hast met this Fair One,
When frae her thou hast parted,
If every other Fair One
But her, thou hast deserted,
And thou art broken-hearted,

O that's the lassie o' my heart,
My lassie ever dearer;
O she's the queen o' womankind,
And ne'er a ane to peer her.

Blythe Hae I been on Yon Hill

Blythe hae I been on yon hill,
As the lambs before me;

Когда вечер мрак сгустит,
Прелесть дня затмив с высот,
Пусть он крепко, мирно спит,
Утром радостно встаёт.

Полон мыслей о родной,
Нежно имя повторит;
Где бы ни был Джоки мой,
Ту же душу он хранит.

«О, это та, что всех родней...»

А знаешь, кому люб я,
Кого дороже нету?
О, самой сладкой люб я,
Как росы, слёзы лета,
На розах в час рассвета!

О, это та, что всех родней,
И с каждым днём роднее;
О, королева! Прочих с ней
Я и сравнить не смею.

Коль встретил ты такую,
Чья прелесть чудом веет,
Избранницу такую,
Что грудь твою согреет,
Тревога не созреет.

Коль слушал её речи,
Не упуская слова
(И все другие речи
Тебе с тех пор полова),
Душа взлететь готова;

Коль видел ту красотку
Не здесь, а на чужбине,
В любой другой красотке,
Расставшись с милой ныне,
И в тяжкой был кручине,

О, это та, что всех родней,
И с каждым днём роднее;
О, королева! Прочих с ней
Я и сравнить не смею.

«Был ягнят на том холме веселей...»

Был ягнят на том холме
Веселей, не скрою,

Careless ilka thought and free,
As the breeze flew o'er me;
Now nae langer sport and play,
Mirth or sang can please me;
Lesley is sae fair and coy,
Care and anguish seize me.
Heavy, heavy is the task,
Hopeless love declaring;
Trembling, I dow nocht but glow'r,
Sighing, dumb despairing!
If she winna ease the thraws
In my bosom swelling,
Underneath the grass-green sod,
Soon maun be my dwelling.

O were My Love Yon Lilac Fair

O were my love yon Lilac fair,
Wi' purple blossoms to the Spring,
And I, a bird to shelter there,
When wearied on my little wing!

How I wad mourn when it was torn
By Autumn wild, and Winter rude!
But I wad sing on wanton wing,
When youthfu' May its bloom renew'd.

O gin my love were yon red rose,
That grows upon the castle wa';
And I myself a drap o' dew,
Into her bonie breast to fa'!

O there, beyond expression blest,
I'd feast on beauty a' the night;
Seal'd on her silk-saft faulds to rest,
Till fley'd awa by Phoebus' light!

Come, Let Me Take Thee to My Breast

Come, let me take thee to my breast,
And pledge we ne'er shall sunder;
And I shall spurn as vilest dust
The world's wealth and grandeur:

And do I hear my Jeanie own
That equal transports move her?
I ask for dearest life alone,
That I may live to love her.

Thus, in my arms, wi' a' her charms,
I clasp my countless treasure;
I'll seek nae main o' Heav'n to share,
Than sic a moment's pleasure:

Беззаботен, волен, как
Ветер надо мною;
Ныне радость, песня, пляс,
Игры – не со мною:
Лесли дивна, холодна,
Пропасть предо мною.
Без надежды о любви
Молвить – тяжело это;
Знай дрожу, гляжу, пложу
Вздохи без ответа!
Не уймёт красotka боль,
Что в душе горою,
Встанет зеленью трава
Вскоре надо мною.

«О, будь моя любовь сиренью...»

О, будь моя любовь сиренью
В цветенье пурпурном весной,
Искал бы, птахой, кров под сенью,
Устав от суеты дневной!

Как тосковал, когда б узнал
Про гнев осенний, зимний гнёт!
Но с трелью взмыл под трепет крыл,
Лишь юный май цветы вернёт.

О, будь моя любовь из роз,
Чей дом на замковой стене,
А сам я – капелькой росы,
Чтоб ей на грудь скатиться мне!

О, там, где нега выше слов,
Искал всю ночь бы напролёт
Покой на шёлке лепестков,
Пока Феб⁹⁶¹ светом не спутнёт!

«Приди, и дай к груди прижать...»

Приди, и дай к груди прижать,
Клянись в любви навеки,
И я согласен презирать
Все золотые реки.

Ужель прервала Джини тишь,
Всё то же ощущая?
Прошу о чудной жизни лишь,
Где к ней любовь без края.

Приму как дар всю уйму чар,
Сожму громаду клада;
Вот благодать – чего желать,
Раз тут моя отрада?

And by thy e'en sae bonie blue,
I swear I'm thine for ever!
And on thy lips I seal my vow,
And break it shall I never.

Where are the Joys I have Met?

Where are the joys I have met in the morning,
That danc'd to the lark's early song?
Where is the peace that awaited my wand'ring,
At evening the wild-woods among?

No more a winding the course of yon river,
And marking sweet flowerets so fair,
No more I trace the light footsteps of Pleasure,
But Sorrow and sad-sighing Care.

Is it that Summer's forsaken our valleys,
And grim, surly Winter is near?
No, no, the bees humming round the gay roses
Proclaim it the pride of the year.

Fain would I hide what I fear to discover,
Yet long, long, too well have I known;
All that has caused this wreck in my bosom,
Is Jenny, fair Jenny alone.

Time cannot aid me, my griefs are immortal,
Nor Hope dare a comfort bestow:
Come then, enamour'd and fond of my anguish,
Enjoyment I'll seek in my woe.

Saw Ye My Dear, My Philly

O saw ye my Dear, my Philly?
O saw ye my Dear, my Philly,
She's down i' the grove, she's wi' a new Love,
She winna come hame to her Willy.

What says she my dear, my Philly?
What says she my dear, my Philly?
She lets thee to wit she has thee forgot,
And forever disowns thee, her Willy.

O had I ne'er seen thee, my Philly!
O had I ne'er seen thee, my Philly!
As light as the air, and fause as thou's fair,
Thou's broken the heart o' thy Willy.

Красою глаз, синее нет,
Клянусь: я твой навечно!
Ляг, губ печать, на мой обет –
Чтоб не срывать, конечно.

«Где вы, услады?»

Где вы, услады, где пляс на рассвете
Под птичьих напевов красу?
Где ты, покой, ожидавший скитальца
В закатном и диком лесу?

Уж неми́лы той вон речки извивы,
Не раду́ет всё, что цветёт,
Лёгкий шаг неги уже не нагнать мне –
Лишь скорби и вздохи забот.

Лето ль покинуло наши долины,
Хмарь зимняя грянет вот-вот?
Нет же: над розами пчёлоч жужжанье
Являет, что горд ещё год.

Рад бы скрыть тайну, узнать не решаюсь,
Хоть вовсе не тайна она:
Вся-то причина, что сердце разбито,
Лишь Дженни, лишь Дженни одна.

Время не в помощь, печали бессмертны,
И мне не отринуть беду;
Ну же, родная, умерь мои муки,
Я в бедствии радость найду.

«Видел ли кто мою Филли⁹⁶²?»

О, видел ли кто мою Филли?
О, видел ли кто мою Филли?
В лесочке она, и там не одна,
И зря дома ждёт её Вилли.

И что говорит моя Филли?
И что говорит моя Филли?
Она говорит, что ты позабыт,
Что напрочь не нужен ей Вилли.

О, век бы не знать тебя, Филли!
О, век бы не знать тебя, Филли!
Легка, как пушинка, хитрюга-картинка,
Ты просто измучила Вилли.

Thou Hast Left Me Ever, Jamie

Thou hast left me ever, Jamie,
Thou hast left me ever;
Thou has left me ever, Jamie,
Thou hast left me ever:
Aften hast thou vow'd that Death
Only should us sever;
Now thou'st left thy lass for aye –
I maun see thee never, Jamie,
I'll see thee never.

Thou hast me forsaken, Jamie,
Thou hast me forsaken;
Thou hast me forsaken, Jamie,
Thou hast me forsaken;
Thou canst love another jo,
While my heart is breaking;
Soon my weary een I'll close,
Never mair to waken, Jamie,
Never mair to waken!

Behold, My Love, How Green the Groves

Behold, my love, how green the groves,
The primrose banks how fair;
The balmy gales awake the flowers,
And wave thy flowing hair.

The lav'rock shuns the palace gay,
And o'er the cottage sings:
For Nature smiles as sweet, I ween,
To Shepherds as to Kings.

Let minstrels sweep the skilfu' string,
In lordly lighted ha':
The Shepherd stops his simple reed,
Blythe in the birken shaw.

The Princely revel may survey
Our rustic dance wi' scorn;
But are their hearts as light as ours,
Beneath the milk-white thorn!

The shepherd, in the flowery glen;
In shepherd's phrase, will woo:
The courtier tells a finer tale,
But is his heart as true!

These wild-wood flowers I've pu'd, to deck
That spotless breast o' thine:
The courtiers' gems may witness love,
But, 'tis na love like mine.

«Ты меня покинул, Джеми...»

Ты меня покинул, Джеми,
Ты меня покинул;
Ты меня покинул, Джеми,
Ты меня покинул;
Разлучит нас, часто клялся,
Лишь могила в поле;
Нынче с милой ты расстался –
Не видать мне боле Джеми,
Не видать мне боле.

Ты меня оставил, Джеми,
Ты меня оставил;
Ты меня оставил, Джеми,
Ты меня оставил;
Закрутить любовь с другою
Можешь ты, конечно;
Скоро я глаза закрою,
И притом навечно, Джеми,
И притом навечно!

«Родная, вон как зелен лес...»

Родная, вон как зелен лес⁹⁶³,
Сколь примул возле вод;
Их нежно будит ветерок,
Тебе он кудри вьёт.

Дворцу смог жаворонок спеть
И хижине моей,
Ведь для Природы пастухи
Не хуже королей.

Пусть ловко трогает струну
В чертоге менестрель;
Пастух из дудочки своей
Пошлёт берёзам трель.

Пируя, благородный люд
Наш сельский пляс презрел –
Будь души их чисты, как здесь,
Где снег боярки сел!

В цветущем доле ухажёр
Особо не учён;
Придворный глаже говорит,
Но так ли верен он?

Букет лесной украсить смог
Грудь милой, нет белей;
Каменья дарят в знак любви –
Придворной, не моей.

'Twas Na Her Bonie Blue E'e

'Twas na her bonie blue e'e was my ruin,
Fair tho' she be, that was ne'er my undoin';
'Twas the dear smile when nae body did mind us,
'Twas the bewitching, sweet, stown glance o' kindness:
'Twas the bewitching, sweet, stown glance o' kindness.

Sair do I fear that to hope is denied me,
Sair do I fear that despair maun abide me,
But tho' fell fortune should fate us to sever,
Queen shall she be in my bosom for ever:
Queen shall she be in my bosom for ever.

Chloris, I'm thine wi' a passion sincerest,
And thou hast plighted me love o' the dearest!
And thou'rt the angel that never can alter,
Sooner the sun in his motion would falter:
Sooner the sun in his motion would falter.

To the Woodlark

O stay, sweet warbling woodlark, stay,
Nor quit for me the trembling spray,
A hapless lover courts thy lay,
Thy soothing, fond complaining.

Again, again that tender part,
That I may catch thy melting art;
For surely that wad touch her heart
Wha kills me wi' disdaining.

Say, was thy little mate unkind,
And heard thee as the careless wind?
Oh, nocht but love and sorrow join'd,
Sic notes o' woe could wauken!

Thou tells o' never-ending care;
O' speechless grief, and dark despair:
For pity's sake, sweet bird, nae mair!
Or my poor heart is broken.

How Cruel are the Parents

How cruel are the parents
Who riches only prize,
And to the wealthy booby
Poor Woman sacrifice!
Meanwhile, the hapless Daughter
Has but a choice of strife;
To shun a tyrant Father's hate –
Become a wretched Wife.

«Не голубыми глазами сразила...»

Не голубыми глазами сразила,
И не в красе сокрушившая сила:
В милой улыбке, когда нас лишь двое,
В брошенном взгляде с его добротою,
В брошенном взгляде с его добротою.

Страшно боюсь я надежды лишиться,
Страшно боюсь я с уныньем сродниться,
Но, коль судьба разведёт бессердечно,
Сердцем владеть моей милой навечно,
Сердцем владеть моей милой навечно.

Хлорис964, я твой; этой страсти нет края,
Ты мне любовь обещала, родная!
Ангел, как ты, им навек остаётся –
Солнце скорее в движенье споткнётся,
Солнце скорее в движенье споткнётся.

Лесному жаворонку

Певец лесной, не улетай,
Мне ветки дрожь не оставляй;
Нужны в любви несчастной, край,
Твоей печали трели.

Песнь снова, снова в вышине;
Ловлю твой нежный глас; вполне
Он тронет ту, что гибель мне
Несёт, заметив еле.

Была ль твоя зазноба зла,
Да вздох небрежный издала?
Ох, страсть с тоской сплотить могла,
Что в горе пробудилось!

Твердишь, что вечен круг забот –
Немой печали, бед оплот;
Певун, пусть жалость верх возьмёт,
Чтоб сердце не разбилось!

«Как злы отец с мамашей...»

Как злы отец с мамашей,
Им застит свет мошна:
Богатому болвану
Бедняжка отдана!
Дочурке злополучной
Убогий выбор дан:
Замучил гнев папаши –
Вот муженёк-тиран.

The ravening hawk pursuing,
The trembling dove thus flies,
To shun impelling ruin,
Awhile her pinions tries;
Till, of escape despairing,
No shelter or retreat,
She trusts the ruthless Falconer,
And drops beneath his feet.

John Barleycorn

A Ballad

There was three kings into the east,
Three kings both great and high,
And they hae sworn a solemn oath
John Barleycorn should die.

They took a plough and plough'd him down,
Put clods upon his head,
And they hae sworn a solemn oath
John Barleycorn was dead.

But the cheerful Spring came kindly on,
And show'rs began to fall;
John Barleycorn got up again,
And sore surpris'd them all.

The sultry suns of Summer came,
And he grew thick and strong;
His head weel arm'd wi' pointed spears,
That no one should him wrong.

The sober Autumn enter'd mild,
When he grew wan and pale;
His bending joints and drooping head
Show'd he began to fail.

His colour sicken'd more and more,
He faded into age;
And then his enemies began
To show their deadly rage.

They've taen a weapon, long and sharp,
And cut him by the knee;
Then tied him fast upon a cart,
Like a rogue for forgerie.

They laid him down upon his back,
And cudgell'd him full sore;
They hung him up before the storm,
And turned him o'er and o'er.

Так сокол над голубкой
Трепещущею взмыл,
Лишив надежды хрупкой
Уйти усиьем крыл;
Спасти не получилось,
Укрытья лишена,
Охотнику на милость
Падёт у ног она.

Джон Ячменное Зерно⁹⁶⁵

Баллада

Могучим трём царям Восток
Дал славу и оплот;
Враг, Джон Ячменное Зерно,
Клялись они, умрёт.

Взяв плуг, вспахали глубоко;
Земля над головой –
Враг, Джон Ячменное Зерно,
Клялись, уж неживой.

Весны весёлой мил приход,
Явили ливни спех;
Встал Джон Ячменное Зерно,
Сразив зарывших всех.

Под зноем ясных летних дней
Рос, плотен и силён;
С башкой, чьи копья так остры,
Кого б страшился он?

На трезвой осени приход
Он, сух и бледен, встал,
И всей понуростью своей
Явил, что крепко сдал.

Так, выцветая день за днём,
Шёл Джон к закату дней,
И тут вскипела ярь врагов
В свирепости своей.

Орудьем длинным, нет острей,
Поджилки подсекли;
Привязан к возу он, как вор,
Срезавший кошели.

Сваливши наземь, принялись
Дубасить, чтоб обмяк;
Подвесив на лихом ветру,
Вертели так и смяк.

They filled up a darksome pit
With water to the brim;
They heaved in John Barleycorn,
There let him sink or swim.

They laid him out upon the floor,
To work him farther woe;
And still, as signs of life appear'd,
They toss'd him to and fro.

They wasted, o'er a scorching flame,
The marrow of his bones;
But a miller us'd him worst of all,
For he crush'd him between two stones.

And they hae taen his very heart's blood,
And drank it round and round;
And still the more and more they drank,
Their joy did more abound.

John Barleycorn was a hero bold,
Of noble enterprise;
For if you do but taste his blood,
'Twill make your courage rise;

'Twill make a man forget his woe;
'Twill heighten all his joy;
'Twill make the widow's heart to sing,
Tho' the tear were in her eye.

Then let us toast John Barleycorn,
Each man a glass in hand;
And may his great posterity
Ne'er fail in old Scotland!

The Sodger's Return

When wild war's deadly blast was blawn,
And gentle peace returning,
Wi' mony a sweet babe fatherless,
And mony a widow mourning;
I left the lines and tented field,
Where lang I'd been a lodger,
My humble knapsack a' my wealth,
A poor and honest sodger.

A leal, light heart was in my breast,
My hand unstain'd wi' plunder;
And for fair Scotia hame again,
I cheery on did wander:
I thought upon the banks o' Coil,
I thought upon my Nancy,
I thought upon the witching smile
That caught my youthful fancy.

Во мраке ямины вода
Стоит по самый край;
Ну, Джон Ячменное Зерно,
Тони или всплывай!

Был Джон отброшен на настил,
Где пуще мука ждёт:
Покуда видели, что жив,
Кидали взад-вперёд.

Всю сырость, что хранил досель
Мозг костный, взял костёр,
Но мельник – бессердечней всех:
Меж двух камней растёр.

Кровь сердца самого теперь
Знай круг за кругом пьют,
И, раз за разом отхлебнув,
Шалют крепче тут.

Отважным был героем Джон,
В затеях чист сполна;
Ты кровь его лишь пригуби,
И даст кураж она,

И даст забыть свою беду,
И даст веселья час,
И даст напев душе вдовы,
Хоть влага застит глаз.

Стаканы всем – будь славен Джон
Ячменное Зерно;
Его потомству захиреть
Средь скоттов не дано!

Возвращение солдата

Когда унёсся гром войны,
Покой вернулся к миру,
Где уйма крошек без отцов,
Где вдовы плачут сирот,
Оставив строй, шатры в полях –
Зажился в них, пожалуй –
Весь скарб свой в скромный ранец сгрёб
Я, бедный честный малый.

Так, в сердце верность сохранив,
Без славы мародёра,
К себе, в Шотландию, домой
Шёл весело и споро;
О Койле⁹⁶⁶ думал о родном,
О Нэнси дум немало,
О той улыбке, что меня
Юнцом околдовала.

At length I reach'd the bonie glen,
Where early life I sported;
I pass'd the mill and trysting thorn,
Where Nancy aft I courted:
Wha spied I but my ain dear maid,
Down by her mother's dwelling!
And turn'd me round to hide the flood
That in my een was swelling.

Wi' alter'd voice, quoth I, "Sweet lass,
Sweet as yon hawthorn's blossom,
O! happy, happy may he be,
That's dearest to thy bosom:
My purse is light, I've far to gang,
And fain would be thy lodger;
I've serv'd my king and country lang –
Take pity on a sodger."

Sae wistfully she gaz'd on me,
And lovelier was than ever;
Quo' she, "A sodger ance I lo'ed,
Forget him shall I never:
Our humble cot, and hamely fare,
Ye freely shall partake it;
That gallant badge – the dear cockade,
Ye're welcome for the sake o't."

She gaz'd – she redden'd like a rose –
Syne pale like only lily;
She sank within my arms, and cried,
"Art thou my ain dear Willie?"
"By him who made yon sun and sky!
By whom true love's regarded,
I am the man; and thus may still
True lovers be rewarded.

"The wars are o'er, and I'm come hame,
And find thee still true-hearted;
Tho' poor in gear, we're rich in love,
And mair we'se ne'er be parted."
Quo' she, "My grandsire left me gowd,
A mailen plenish'd fairly;
And come, my faithfu' sodger lad,
Thou'rt welcome to it dearly!"

For gold the merchant ploughs the main,
The farmer ploughs the manor;
But glory is the sodger's prize,
The sodger's wealth is honor:
The brave poor sodger ne'er despise,
Nor count him as a stranger;
Remember he's his country's stay,
In day and hour of danger.

Versicles, A.D. 1793

И вот дол славный, где деньки
Давнишние промчались;
За мельницей боярка в рост –
Там с Нэнси мы встречались;
Гляжу: где матушка её
Жила, стоит родная!
Я отвернулся, слёз поток
Нахлынувших скрывая.

Сменивши голос: «Ты, краса,
Цветёшь, как та боярка,
О, счастлив, счастлив будет тот,
Кого ты любишь жарко;
Кошель мой лёгок, сам устал,
Мечтаю о постое;
Служил короне и стране –
Хоть жалости, да стою».

С тоской взглянула на меня,
Похорошев до краю;
Сказала: «Люб мне был солдат,
Его не забываю;
Наш скромн дом, проста еда,
Входи под кровлю эту;
Твоя кокарда хороша –
С такой отказа нету».

Зарделась розой, разглядев,
И, став бледнее лилий⁹⁶⁷,
Воскликнула, припав к груди:
«Неужто ты, мой Вилли?»
«Клянусь Создавшим твердь и свод,
Тем, в ком души отрада:
Он самый! Вопреки всему,
Ждёт любящих награда.

Войне конец, пришёл домой,
И к любящей невесте;
Бедны мы, но любовь – наш клад,
Навеки будем вместе».
Она: «Деньжат оставил дед,
И ферму неплохую;
Входи, солдатик верный мой,
Тебя с любовью жду я!»

Купец⁹⁶⁸ за злато пашет хлябь,
И фермер пашет тоже,
Но славой лишь солдат богат,
Чья честь всего дороже;
Не презирай и не держи
Солдата на пороге;
Запомни: он – страны оплот
В суровый час тревоги.

«Воззвания», 1793 г.⁹⁶⁹ от Р.Х.

The Braw Wooer

Last May, a braw wooer cam doun the lang glen,
And sair wi' his love he did deave me;
I said, there was naething I hated like men –
The deuce gae wi'm, to believe me, believe me;
The deuce gae wi'm to believe me.

He spak o' the darts in my bonie black e'en,
And vow'd for my love he was diein,
I said, he might die when he liked for Jean –
The Lord forgie me for liein, for liein;
The Lord forgie me for liein!

A weel-stocked mailen, himsel' for the laird,
And marriage aff-hand, were his proffers;
I never loot on that I kenn'd it, or car'd;
But thought I might hae waur offers, waur offers;
But thought I might hae waur offers.

But what wad ye think? – in a fortnight or less –
The deil tak his taste to gae near her!
He up the Gate-slack to my black cousin, Bess –
Guess ye how, the jad! I could bear her, could bear her;
Guess ye how, the jad! I could bear her.

But a' the niest week, as I petted wi' care,
I gaed to the tryst o' Dalgarnock;
But wha but my fine fickle wooer was there,
I glowr'd as I'd seen a warlock, a warlock,
I glowr'd as I'd seen a warlock.

But owre my left shouther I gae him a blink,
Lest neibours might say I was saucy;
My wooer he caper'd as he'd been in drink,
And vow'd I was his dear lassie, dear lassie,
And vow'd I was his dear lassie.

I spier'd for my cousin fu' couthy and sweet,
Gin she had recover'd her hearin',
And how her new shoon fit her auld schachl't feet,
But heavens! how he fell a swearin, a swearin,
But heavens! how he fell a swearin.

He begged, for gudesake, I wad be his wife,
Or else I wad kill him wi' sorrow;
So e'en to preserve the poor body in life,
I think I maun wed him to-morrow, to-morrow;
I think I maun wed him to-morrow.

Красавчик

В том мае красавчик спустился к нам в глен⁹⁷⁰ –

С любовью, язык бы умерить;

А я ему: слаще мужчин – даже хрен;

И чёрт его дёрнул поверить, поверить,

И чёрт его дёрнул поверить.

Огнём чёрных глаз моих, клялся, сражён,

Блажил, что любовь доконала;

А я: ради Джин мог скопытиться он –

Прости меня Боже, наврала, наврала,

Прости меня Боже, наврала!

У фермы его, мол, отменный доход,

И сватался сразу, к тому же;

Чего притворяться: такое влечёт,

Вокруг ухажёры похуже, похуже,

Вокруг ухажёры похуже.

Что б думали вы? Двух недель не прошло –

Чёрт, видно, пихал его в спину! –

К Бесс, нудной кухне моей, понесло,

К старухе! Не знать бы помину, помину;

К старухе, не знать бы помину!

А через неделю – я холю свой скот –

В Далгарнок⁹⁷¹ пошла торговаться;

Гляжу, мой красавчик-изменщик идёт;

Чего с ведьмаком бы мне знаться, мне знаться,

Чего с ведьмаком бы мне знаться?

Но через плечо всё ж взглянула тайком,

Простят пусть за вольность за эту,

И рухнул жених, словно был под хмельком,

И клялся: милей меня нету, вот нету,

И, клялся, милей меня нету.

Спросила, любезно и ласково так:

Не вовсе ль оглохла сестрица?

Как ножке с костяшками новый башмак?

Бог мой, как тут стал он браниться, браниться,

Бог мой, как тут стал он браниться!

Молил, чтобы сжалилась, стала женой,

Отказом убью, право слово;

Во имя спасения жизни одной

Хоть завтра венчаться готова, готова,

Хоть завтра венчаться готова!

Bonie Jean

A Ballad

There was a lass, and she was fair,
At kirk or market to be seen;
When a' our fairest maids were met,
The fairest maid was bonie Jean.

And aye she wrought her mammie's wark,
And aye she sang sae merrilie;
The blythest bird upon the bush
Had ne'er a lighter heart than she.

But hawks will rob the tender joys
That bless the little lintwhite's nest;
And frost will blight the fairest flowers,
And love will break the soundest rest.

Young Robie was the brawest lad,
The flower and pride of a' the glen;
And he had owsen, sheep, and kye,
And wanton naigies nine or ten.

He gaed wi' Jeanie to the tryste,
He danc'd wi' Jeanie on the down;
And, lang ere witless Jeanie wist,
Her heart was tint, her peace was stown!

As in the bosom of the stream,
The moon-beam dwells at dewy e'en;
So trembling, pure, was tender love
Within the breast of bonie Jean.

And now she works her mammie's wark,
And aye she sighs wi' care and pain;
Yet wist na what her ail might be,
Or what wad make her weel again.

But did na Jeanie's heart loup light,
And didna joy blink in her e'e,
As Robie tauld a tale o' love
Ae e'ening on the lily lea?

The sun was sinking in the west,
The birds sang sweet in ilka grove;
His cheek to hers he fondly laid,
And whisper'd thus his tale o' love:

"O Jeanie fair, I lo'e thee dear;
O canst thou think to fancy me,

Красотка Джин⁹⁷²

Баллада

Была девчонка хороша:
На рынке, в церкви – чёрт один –
Девиц встречаешь, краше нет,
Но краше всех красotka Джин.

Нет продыху от сельских дел,
И нету песни веселей;
У самой бойкой из пичуг
Не отыскать души светлей.

Но ястреб радость оборвёт
У конопляночки в гнезде;
Мороз горазд губить цветы,
Любовь настигнет нас хоть где.

Был Роби статен как никто,
Красу и гордость знал весь дол;
Волов, овец, коров не счесть,
Коней чуть не табун завёл.

Свиданья Джини назначал,
Вёл Джини в пляс по-над рекой;
У Джин доверчивой легко
Украл и сердце, и покой!

Как по вечерней по росе
Дрожит свет лунный меж стремнин,
Так с нежным трепетом любовь
Вселилась в грудь красотки Джин.

Теперь в обилие сельских дел
Не устаёт она вздыхать,
И кто бы вызнал, чем больна,
Что даст поправиться опять.

Не шло ль сердечко Джини вскачь,
И не пылал ли взор огнём
Под речи Роби о любви
Средь лилий как-то вечерком?

Диск солнца прибирал закат,
Слал птичьи трели всяк лесок;
К её щеке своей припав,
Роб о любви шептал, что мог:

«О Джини, нет тебя милей;
Неужто мысли всё нейдут,

Or wilt thou leave thy mammie's cot,
And learn to tent the farms wi' me?

"At barn or byre thou shalt na drudge,
Or naething else to trouble thee;
But stray amang the heather-bells,
And tent the waving corn wi' me."

Now what could artless Jeanie do?
She had nae will to say him na:
At length she blush'd a sweet consent,
And love was aye between them twa.

The Country Lass

In simmer, when the hay was mawn,
And corn wav'd green in ilka field,
While claver blooms white o'er the lea
And roses blaw in ilka beild!
Blythe Bessie in the milking shiel,
Says – "I'll be wed, come o't what will":
Out spake a dame in wrinkled eild;
"O' gude advisement comes nae ill.

"It's ye hae woers mony ane,
And lassie, ye're but young ye ken;
Then wait a wee, and cannie wale
A routhie butt, a routhie ben;
There's Johnie o' the Buskie-glen,
Fu' is his barn, fu' is his byre;
Take this frae me, my bonie hen,
It's plenty beets the luver's fire."

"For Johnie o' the Buskie-glen,
I dinna care a single flie;
He lo'es sae weel his craps and kye,
He has nae love to spare for me;
But blythe's the blink o' Robie's e'e,
And weel I wat he lo'es me dear:
Ae blink o' him I wad na gie
For Buskie-glen and a' his gear."

"O thoughtless lassie, life's a faught;
The canniest gate, the strife is sair;
But aye fu'-han't is fechtin' best,
A hungry care's an unco care:
But some will spend and some will spare,
An' wilfu' folk maun hae their will;
Syne as ye brew, my maiden fair,
Keep mind that ye maun drink the yill."

Чтоб, матушкин покинув кров,
Делить со мной на фермах труд?

Амбар и хлев не для тебя,
И уйма всяческих забот;
Сквозь яркий вереск побредём
Туда, где хлеб волной идёт».

Как простодушной Джини быть?
Хотела ведь ответить «нет»;
Зардевшись, согласилась всё ж,
Любовь их – до скончанья лет.

Поселянка

Когда скопнили сено сплошь,
Хлеба́ зелёной шли волной,
Ушёл под белый клевер луг,
Цветенья роз не трогал зной,
Сказала Бесси, самый сок,
В доильной: «Свадьба впереди!»
Морщинистая бабка ей:
«От обсужденья бед не жди⁹⁷³.

Ты водишь ухажёров рой;
Какие, Бесс, твои года?
Без спешки выбирай, с умом,
Чтоб был твой домик хоть куда;
Вон, Джони, что из Баски-глен⁹⁷⁴:
Амбар трещит, и хлев нехил;
Тебе, голубка, так скажу:
Достаток бьёт любовный пыл⁹⁷⁵».

«Тот Джони, что из Баски-глен,
Как воздыхатель не в цене:
Так крепко влип в зерно и скот,
Что не найдёт любви ко мне;
А вот у Роби весел взгляд,
Он любит, нет сомнений в том,
Меня; за взгляд его отдам
Я Баски-глен со всем добром».

«Ох, жизнь, глупышка, это бой;
К победе тяжкий путь ведёт;
Рука полна – и всех крушит,
Нет хуже, чем голодный рот⁹⁷⁶;
Кто тратит, кто прибережёт –
Решай, куда направить прыть;
Затеешь эль варганить⁹⁷⁷, знай:
Самой его придётся пить».

"O gear will buy me rigs o' land,
And gear will buy me sheep and kye;
But the tender heart o' leesome love,
The gowd and siller canna buy;
We may be poor – Robie and I –
Light is the burden love lays on;
Content and love brings peace and joy –
What mair hae Queens upon a throne?"

My Father was a Farmer

My father was a farmer upon the Carrick border, O,
And carefully he bred me in decency and order, O;
He bade me act a manly part, though I had ne'er a farthing, O;
For without an honest manly heart, no man was worth regarding, O.

Then out into the world my course I did determine, O;
Tho' to be rich was not my wish, yet to be great was charming, O;
My talents they were not the worst, nor yet my education, O:
Resolv'd was I at least to try to mend my situation, O.

In many a way, and vain essay, I courted Fortune's favour, O;
Some cause unseen still stept between, to frustrate each endeavour, O;
Sometimes by foes I was o'erpower'd, sometimes by friends forsaken, O;
And when my hope was at the top, I still was worst mistaken, O.

Then sore harass'd and tir'd at last, with Fortune's vain delusion, O,
I dropt my schemes, like idle dreams, and came to this conclusion, O;
The past was bad, and the future hid, its good or ill untried, O;
But the present hour was in my pow'r, and so I would enjoy it, O.

No help, nor hope, nor view had I, nor person to befriend me, O;
So I must toil, and sweat, and moil, and labour to sustain me, O;
To plough and sow, to reap and mow, my father bred me early, O;
For one, he said, to labour bred, was a match for Fortune fairly, O.

Thus all obscure, unknown, and poor, thro' life I'm doom'd to wander, O,
Till down my weary bones I lay in everlasting slumber, O:
No view nor care, but shun whate'er might breed me pain or sorrow, O;
I live to-day as well's I may, regardless of to-morrow, O.

But cheerful still, I am as well as a monarch in his palace, O,
Tho' Fortune's frown still hunts me down, with all her wonted malice, O:
I make indeed my daily bread, but ne'er can make it farther, O:
But as daily bread is all I need, I do not much regard her, O.

When sometimes by my labour, I earn a little money, O,
Some unforeseen misfortune comes gen'rally upon me, O;
Mischance, mistake, or by neglect, or my goodnatur'd folly, O:
But come what will, I've sworn it still, I'll ne'er be melancholy, O.

«С мощной землицы прикуплю,
С овчарней буду, со скотом,
Но сердце, полное любви,
Не купят злато с серебром;
Мы с Роби, может быть, бедны,
Но груз любви ничтожно мал;
В согласье радость и покой –
Трон королевам больше дал?»

«Был фермером отец мой...»⁹⁷⁸

Был фермером отец мой на Каррикской границе⁹⁷⁹, о,
Растил меня без блажи, струнил, как говорится, о;
Велел всё делать по-мужски: плевать на бедность эту, о,
Без честной, доблестной души в мужчине проку нету, о.

Потом курс в мир я проложил от здешнего причала, о;
Хоть не нужна была мощна, известность привлекала, о;
Талантов не последних был, учился, скажем смело, о,
И вот, в конце концов, решил: пора подправить дело, о.

И так и сяк хотел, дурак, приклеиться к удаче, о,
Резон незрим – в согласье с ним, всё прахом, не иначе, о;
Порою был врагами бит, порой друзья бросали, о;
Когда казалось, что вот-вот, знай плющили печали, о.

Измучен был, лишился сил, удача стала тенью, о,
Прервав пустой бег за мечтой, пришёл я к заключенью, о:
Былое – тлен, ему взамен что будет, не дознаться, о,
Но миг, что есть, мне отдан весь, им стану наслаждаться, о.

Надежды нет, просвета нет, нет помощи от друга, о,
Лишь пот и труд тяжёлый ждут, иначе будет туго, о;
«Паши и сей, жни, копны сбей, – учил отец мальчишку, о, –
Работы груз даст хлеба кус, судьба не дарит лишку, о».

Бреду средь тыщ, невиден, нищ, я жизненной тропею, о,
Покуда кости не сложу под крышкой гробовою, о;
Забот и дум не держит ум, башка бы уцелела, о:
Сегодня день прожить не лень, до завтра нету дела, о.

Но весел всё ж, и этим схож с монархом в тронном зале, о,
Хотя судьба гнобит раба и сжалится едва ли, о;
Прилежен был, свой хлеб добыл, знать, большего не стоя, о,
Его вполне довольно мне, плевать на остальное, о.

Когда порой приносит мне труд деньжат немного, о,
Тотчас беда-злосчастье, считай, уж у порога, о;
Дал маху, влип, иль разгильдяй, иль бесхребетен, что ли, о?
Пусть случай шал, я клятву дал прожить без меланхолий, о.

All you who follow wealth and power with unremitting ardour, O,
The more in this you look for bliss, you leave your view the farther, O:
Had you the wealth Potosi boasts, or nations to adore you, O,
A cheerful honest-hearted clown I will prefer before you, O.

The Lass That Made the Bed to Me

When Januar' wind was blawing cauld,
As to the north I took my way,
The mirksome night did me enfauld,
I knew na where to lodge till day:

By my gude luck a maid I met,
Just in the middle o' my care,
And kindly she did me invite
To walk into a chamber fair.

I bow'd fu' low unto this maid,
And thank'd her for her courtesie;
I bow'd fu' low unto this maid,
An' bade her make a bed to me;

She made the bed baith large and wide,
Wi' twa white hands she spread it down;
She put the cup to her rosy lips,
And drank – "Young man, now sleep ye soun'."

The bonie lass made the bed to me,
The braw lass made the bed to me,
I'll ne'er forget till the day I die,
The lass that made the bed to me.

She snatch'd the candle in her hand,
And frae my chamber went wi' speed;
But I call'd her quickly back again,
To lay some mair below my head:

A cod she laid below my head,
And served me with due respect,
And, to salute her wi' a kiss,
I put my arms about her neck.

"Haud aff your hands, young man!" she said,
"And dinna sae uncivil be;
Gif ye hae ony luve for me,
O wrang na my virginitie."

Her hair was like the links o' gowd,
Her teeth were like the ivorie,
Her cheeks like lilies dipt in wine,
The lass that made the bed to me:

Все вы, кого мощна и власть сжигают вечным жаром, о,
За негой шасть, упиться всласть – что слепы, знать вам даром, о;
Вам Потоси⁹⁸⁰ для похвальбы, к вам нации гурьбою, о, –
Весёлый, чистый сердцем шут, я вас поболе стою, о.

Та, что постлала мне постель⁹⁸¹

Январь грыз ветром до костей,
И вёл меня на север путь;
Тьма непроглядна, хоть убей,
Не ведал, где передохнуть;

Но, вот везенье, повстречал
Я девушку в разгар тревог
И был любезно приглашён
Переступить её порог.

Нижайше поклонился я,
Не зная, как благодарить;
Нижайше поклонился я,
Прося постель мне постелить;

Постель во всю постлала ширь,
От белых ручек складки прочь;
Сказала, малость пригубив:
«Уснуть вам крепко в эту ночь».

Постлала милая постель,
Постлала славная постель,
Мне не забыть, покуда жив,
Ту, что постлала мне постель.

Со свечкой тотчас вышла вон,
Миг, и остался бы впотьмах,
Но поспешил назад позвать,
Сказав, что низко в головах;

Подушку подложила мне,
Явив услугой милый нрав,
И я за то поцеловал,
Её за шейку приобняв.

«Без рук! – сказала, – так вести
Пристало разве дикарю;
Прошу, коль любите меня,
Невинность пощадить мою».

Златые локоны у ней,
Зубов белей не зрел досель,
Ланиты – лилии в вине
У постелившей мне постель,

Her bosom was the driven snaw,
Twa drifted heaps sae fair to see;
Her limbs the polish'd marble stane,
The lass that made the bed to me.

I kiss'd her o'er and o'er again,
And aye she wist na what to say:
I laid her 'tween me and the wa';
The lassie thocht na lang till day.

Upon the morrow when we raise,
I thank'd her for her courtesie;
But aye she blush'd and aye she sigh'd,
And said, "Alas, ye've ruin'd me."

I clasp'd her waist, and kiss'd her syne,
While the tear stood twinkling in her e'e;
I said, my lassie, dinna cry.
For ye aye shall make the bed to me.

She took her mither's holland sheets,
An' made them a' in sarks to me;
Blythe and merry may she be,
The lass that made the bed to me.

The bonie lass made the bed to me,
The braw lass made the bed to me,
I'll ne'er forget till the day I die,
The lass that made the bed to me.

Caledonia

A Ballad

There was once a day, but old Time then was young,
That brave Caledonia, the chief of her line,
From some of your northern deities sprung,
(Who knows not that brave Caledonia's divine?)
From Tweed to the Orcades was her domain,
To hunt, or to pasture, or do what she would:
Her heav'nly relations there fixed her reign,
And pledg'd her their godheads to warrant it good.

A lambkin in peace, but a lion in war,
The pride of her kindred, the heroine grew:
Her grandsire, old Odin, triumphantly swore, –
"Whoe'er shall provoke thee, th' encounter shall rue!"
With tillage or pasture at times she would sport,
To feed her fair flocks by her green rustling corn;
But chiefly the woods were her fav'rite resort,
Her darling amusement, the hounds and the horn.

Грудь – белоснежней двух холмов,
Чьё диво намела метель;
Всей плотью мраморно-бела
Та, что постлала мне постель.

Под поцелуями была
На возраженья не щедра,
И между мною и стеной
Она осталась до утра.

С рассветом встали мы; её
Не знал я, как благодарить;
Зардевшись, словно маков цвет,
Вздыхала: «Ах, как дальше жить?»

Я обнял стан, поцеловал,
Решив унять из глаз капель,
Сказал: «Не плачь, теперь всегда
Ты будешь мне стелить постель».

Мамашин тонкий холст взяла
И села мне рубашку шить;
Да будет радостна, мила
Та, что взялась постель стелить!

Постлала милая постель,
Постлала славная постель,
Мне не забыть, покуда жив,
Ту, что постлала мне постель.

Каледония⁹⁸²

Баллада

В далёкие годы, в начале веков
Возглавить смогла Каледония род,
Идущий от северных ваших божков⁹⁸³
(Неужто кто святости не признаёт?);
От Твида⁹⁸⁴ владенья легли до Оркад⁹⁸⁵:
Охоться, паси – чего просит душа;
Небесные родичи власть утверждают,
Божки поручатся: она хороша.

Овечка в дни мира, как львица на бой
Рвалась, прославляя геройски свой дом;
И клялся дед Óдин⁹⁸⁶, тряся бородой:
«Кто тронет её, пожалеет о том!»
Ей пашня и выгон порой были в масть,
Пускала кормиться стада в зелена,
Но только в лесах её главная страсть,
Рог своры ярил, за добычей гоня.

Long quiet she reigned; till thitherward steers
A flight of bold eagles from Adria's strand:
Repeated, successive, for many long years,
They darken'd the air, and they plunder'd the land:
Their pounces were murder, and terror their cry,
They'd conquer'd and ruin'd a world beside;
She took to her hills, and her arrows let fly,
The daring invaders they fled or they died.

The Cameleon-Savage disturb'd her repose,
With tumult, disquiet, rebellion, and strife;
Provok'd beyond bearing, at last she arose,
And robb'd him at once of his hopes and his life:
The Anglian lion, the terror of France,
Oft prowling, ensanguin'd the Tweed's silver flood;
But, taught by the bright Caledonian lance,
He learned to fear in his own native wood.

The fell Harpy-raven took wing from the north,
The scourge of the seas, and the dread of the shore;
The wild Scandinavian boar issued forth
To wanton in carnage and wallow in gore:
O'er countries and kingdoms their fury prevail'd,
No arts could appease them, no arms could repel;
But brave Caledonia in vain they assail'd,
As Largs well can witness, and Loncartie tell.

Thus bold, independent, unconquer'd, and free,
Her bright course of glory for ever shall run:
For brave Caledonia immortal must be;
I'll prove it from Euclid as clear as the sun:
Rectangle-triangle, the figure we'll chuse:
The upright is Chance, and old Time is the base;
But brave Caledonia's the hypothenuse;
Then, ergo, she'll match them, and match them always.

The Battle of Sherramuir

"O cam ye here the fight to shun,
Or herd the sheep wi' me, man?
Or were ye at the Sherra-moor,
Or did the battle see, man?"
I saw the battle, sair and teugh,
And reekin-red ran mony a sheugh;
My heart, for fear, gaed sough for sough,
To hear the thuds, and see the cluds
O' clans frae woods, in tartan duds,
Wha glaum'd at kingdoms three, man.

The red-coat lads, wi' black cockauds,
To meet them were na slaw, man;

Был трон нерушим её долго, пока
Из Адрии⁹⁸⁷ не налетели орлы;
Они, их потомки царили века,
Сплошь застили свод, воровиты и злы;
Когтили до смерти, был жуток их крик,
Хватали и грабили всё, что могли,
Но град горских стрел всё же нечисть настиг:
Кого не прибили, тот скрылся вдали.

Дикарь разноцветный⁹⁸⁸ тревожил покой,
Шумливо бунтуя, но встала страна
На татя, не выдержав ноши такой:
Надежд, вместе с жизнью, лишила она;
Лев англов⁹⁸⁹, вселявший во Францию страх,
Кровавивший часто серебряный Твид,
Копьём каледонским повержен был в прах,
И в собственной дикой чащобе дрожит.

Вот с севера крыльями бьёт вороньё,
Бич моря и ужас его берегов;
Кабан скандинавский взялся за своё:
Убийца в кровище валяться готов⁹⁹⁰;
Державы и троны их ярость смела,
Уменье ли, сила – им всё нипочём,
Но вот в Каледонии доля их зла –
Ларгс⁹⁹¹ видел, и Лонкарти⁹⁹² скажет о том.

Край смелый и вольный, отвергнувший гнёт,
Мчит ярко и славно во все времена,
Ведь смерти кураж каледонский неймёт;
Евклидова мысль до предела ясна:
Мы – как треугольник, где угол прямой⁹⁹³;
Вверх лезет Удача, а Время лежит;
Но гипотенузу Отчизной самой
Навечно и точно считать надлежит.

Битва при Шеррамуре⁹⁹⁴

«Решил ты сечи избежать,
Овец пасти со мной, брат?
Иль вправду видел Шеррамур,
Когда кипел там бой, брат?»
«Бой видел я – земля тряслась,
Смердила кровь, рекой лилась;
Душа со страху аж зашлась:
Слышал я шквал, видал навал:
Лес кланы слал – всяк тартан⁹⁹⁵, шал,
Рубился всей гурьбой, брат.

Ал авангард: нёс чернь кокард⁹⁹⁶
И здорово спешил, брат;

They rush'd and push'd, and blude outgush'd
And mony a bouk did fa', man:
The great Argyle led on his files,
I wat they glanced twenty miles;
They hough'd the clans like nine-pin kyles,
They hack'd and hash'd, while braid-swords, clash'd,
And thro' they dash'd, and hew'd and smash'd,
Till fey men died awa, man.

But had ye seen the philibegs,
And skyrin tartan trews, man;
When in the teeth they dar'd our Whigs,
And covenant True-blues, man:
In lines extended lang and large,
When baiginets o'erpower'd the targe,
And thousands hasten'd to the charge;
Wi' Highland wrath they frae the sheath
Drew blades o' death, till, out o' breath,
They fled like frightened dows, man!

"O how deil, Tam, can that be true?
The chase gaed frae the north, man;
I saw mysel, they did pursue,
The horsemen back to Forth, man;
And at Dunblane, in my ain sight,
They took the brig wi' a' their might,
And straught to Stirling wing'd their flight;
But, cursed lot! the gates were shut;
And mony a huntit poor red-coat,
For fear amaisht did swarf, man!"

My sister Kate cam up the gate
Wi' crowdie unto me, man;
She swoor she saw some rebels run
To Perth unto Dundee, man;
Their left-hand general had nae skill;
The Angus lads had nae gude will
That day their neibors' blude to spill;
For fear, for foes, that they should lose
Their cogs o' brose; they scar'd at blows,
And hameward fast did flee, man.

They've lost some gallant gentlemen,
Amang the Highland clans, man!
I fear my Lord Panmure is slain,
Or fallen in Whiggish hands, man,
Now wad ye sing this double fight,
Some fell for wrang, and some for right;
But mony bade the world gude-night;
Then ye may tell, how pell and mell,
By red claymores, and muskets knell,
Wi' dying yell, the Tories fell,
And Whigs to hell did flee, man.

Рубил, сшибал, да кровь пускал,
И многих порешил, брат;
Аргайл⁹⁹⁷, могуч, привёл своих –
За двадцать миль услышишь их –
Сбив кланы-кегли: натиск лих,
Сражался он под сабель звон,
Не знал препон, был разъярён
И жизнью тьму сгубил, брат.

Тебе бы килты увидеть,
Из тартана портки, брат,
В каких пустились вигов⁹⁹⁸ рвать,
Их синие полки⁹⁹⁹, брат;
Но рати, чьи хвосты вдали,
Штыками храбрецов снесли –
Ведь тысячи в атаку шли;
Крут горцев гнев: клинки воздев,
Сражались, но, не уцелев,
Вспорхнули голубки, брат!»

«Какого чёрта брешешь, Тэм?
Погоню выслал норд¹⁰⁰⁰, брат;
Я сам видал: им крышка всем,
Ждал ускокавших Форт¹⁰⁰¹, брат;
А у Данблейна¹⁰⁰², глаз не врёт,
Чрез мост катился этот сброд
Путём, что к Стёрлингу¹⁰⁰³ ведёт,
Да не фартит! Проход закрыт,
И краснопузых жалок вид:
Пугнули, первый сорт, брат!»

«Сестрица Кэт несла обед:
Овсянку мне, гляди, брат;
Клялась, восставшие бегут
До Перта и Данди¹⁰⁰⁴, брат;
Их левый фланг водил дурак;
Парням из Ангуса¹⁰⁰⁵ никак
Кровь не пролить чужих вояк:
Их враг страшит, их строй дрожит,
Их суп пролит; и бит, не бит –
Сбежавших пруд пруди, брат.

Клан каждый многих потерял –
Из тех, кто впереди, брат!
Милорд Панмур¹⁰⁰⁶, боюсь я, пал,
Не то в плену, поди, брат,
Ну как воспеть тот мутный бой:
Иной пал зря, не зря иной –
Но уйма там нашла покой;
Скажи: ну что ж, тут хрен поймёшь;
Коль клеймор¹⁰⁰⁷ ал, мушкет хорош,
Всех тори¹⁰⁰⁸ сплошь навек уймёшь,
А вигов – пекло жди, брат».

The Five Carlins

An Election Ballad

There was five Carlins in the South,
They fell upon a scheme,
To send a lad to London town,
To bring them tidings hame.

Nor only bring them tidings hame,
But do their errands there,
And aiblins gowd and honor baith
Might be that laddie's share.

There was Maggy by the banks o' Nith,
A dame wi' pride eneugh;
And Marjory o' the mony Lochs,
A Carlin auld and teugh.

And blinkin Bess of Annandale,
That dwelt near Solway-side;
And whisky Jean, that took her gill,
In Galloway sae wide.

And auld black Joan frae Crichton Peel,
O' gipsy kith an' kin;
Five wighter Carlins were na found
The South countrie within.

To send a lad to London town,
They met upon a day;
And mony a knight, and mony a laird,
This errand fain wad gae.

O mony a knight, and mony a laird,
This errand fain wad gae;
But nae ane could their fancy please,
O ne'er a ane but twae.

The first ane was a belted Knight,
Bred of a Border band;
And he wad gae to London town,
Might nae man him withstand.

And he wad do their errands weel,
And meikle he wad say;
And ilka ane about the court
Wad bid to him gude-day.

The neist cam in a Soger youth,
Who spak wi' modest grace,

Пять ведъм

Выборная баллада¹⁰⁰⁹

Пять ведъм на юге раз сошлись
Над каверзой такой:
Слатъ в Лондон малого, чтоб нёс
Им новости домой.

Не только б вести нёс домой,
А делал, что велят, –
И, может, слава и мошна
Мальца вознаградят.

Явилась Мэгги, бросив Нит¹⁰¹⁰,
И выказала спесь,
И Марджори пришла с озёр:
К старухе зря не лезь.

Из Аннандейла¹⁰¹¹ язва Бесс,
Где Солвей¹⁰¹² домом ей,
И Виски-Джин: той подливал
Без меры Галлоуэй¹⁰¹³.

Джоан-смуглянку Крайтон-пил¹⁰¹⁴
Прислал, цыганку сплошь;
Влиятельней пяти старух
На юге не найдёшь.

Чтоб в Лондон малого послать,
Собрались в этот день,
И лэрдов, рыцарей не счесть,
Кому туда не лень.

Ох, лэрдов, рыцарей не счесть,
Кому туда не лень,
Но старым ведьмам всё не то,
Лишь двух нашли – кремень.

Один сан рыцаря имел
И вёл с Границы¹⁰¹⁵ род;
И как посланец в Лондон он
Любого перебьёт.

Всё делал бы, что ни велят,
И на язык остёр;
Его бы, точно, привечал
Весь королевский двор.

Другой, армеец молодой¹⁰¹⁶,
В речах был сдержан тут,

And he wad gae to London town,
If sae their pleasure was.

He wad na hecht them courtly gifts,
Nor meikle speech pretend;
But he wad hecht an honest heart,
Wad ne'er desert his friend.

Now, wham to chuse, and wham refuse,
At strife thir Carlins fell;
For some had Gentlefolks to please,
And some wad please themsel'.

Then out spak mim-mou'd Meg o' Nith,
And she spak up wi' pride,
And she wad send the Soger youth,
Whatever might betide.

For the auld Gudeman o' London court
She didna care a pin;
But she wad send the Soger youth,
To greet his eldest son.

Then up sprang Bess o' Annandale,
And swore a deadly oath,
Says: – "I will send the belted Knight,
Spite of thee Carlins both! "

"For far-off fowls hae feathers fair,
And fools o' change are fain;
But I hae tried the Border Knight,
And I'll try him yet again."

Says black Joan frae Crichton Peel,
A Carlin stoor and grim,
"The auld Gudeman or young Gudeman,
For me may sink or swim; "

For fools will prate o' right or wrang,
While knaves laugh them to scorn;
But the Soger's friends hae blawn the best,
So he shall bear the horn."

Then whisky Jean spak owre her drink,
"Ye weel ken, kimmers a',
The auld gudeman o' London court,
His back's been at the wa';

"And mony a friend that kiss'd his caup
Is now a fremit wight;
But it's ne'er be said o' whisky Jean –
We'll send the Border Knight."

И он бы в Лондон покати,
Коль малого пошлют.

Он щедрых не сулил даров
И, больно не речист,
Сказал, что друга не предаст
И будет сердцем чист.

Кого слать след, кого же нет,
Решалось всё в борьбе:
Одним – дворянству угодить,
Другим – самим себе.

Мэг с Нита голос подала,
В речах являя спесь:
Ей как посланец мил солдат,
Хоть мир обрушья весь.

Хозяин лондонских палат¹⁰¹⁷
Не стоит и плевка,
Но воин передаст поклон
Для старшего сына¹⁰¹⁸.

Бесс, Аннандейла дочь, вопит,
Терзая клятвой слух,
Стеной за рыцаря она,
Чума на всех старух:

«Заморских птиц наряд хорош,
Новью рад глупый глаз;
Испытан рыцарь у границ,
Проверю вновь сейчас».

Твердит Джоан из Крайтон-пил,
Угрюмая карга:
«Меж старым выбрать, молодым –
Затея недолга;

Глупцы бузят, кто прав, кто нет,
А их морочит плут;
Друзья солдата бьют сплеча,
И он отменно крут».

Тут Виски-Джин, чуть отхлебнув:
«Известно, тётки, вам:
Хозяин Лондонских палат
В беде бывал и сам;

У тех, кого поил вином,
Не сходит злоба с лиц;
Не из таких я; Виски-Джин –
За рыцаря границ».

Then slow raise Marjory o' the Lochs,
And wrinkled was her brow,
Her ancient weed was russet gray,
Her auld Scots bluid was true;

"There's some great folk set light by me,
I set as light by them;
But I will send to London town
Wham I like best at hame."

Sae how this mighty plea may end,
Nae mortal wight can tell;
God grant the King and ilka man
May look weel to himsel.

Ballad on the American War

When Guilford good our pilot stood
An' did our hellim thrav, man,
Ae night, at tea, began a plea,
Within America, man:
Then up they gat the maskin-pat,
And in the sea did jaw, man;
An' did nae less, in full congress,
Than quite refuse our law, man.

Then thro' the lakes Montgomery takes,
I wat he was na slaw, man;
Down Lowrie's Burn he took a turn,
And Carleton did ca', man:
But yet, whatreck, he, at Quebec,
Montgomery-like did fa', man,
Wi' sword in hand, before his band,
Amang his en'mies a', man.

Poor Tammy Gage within a cage
Was kept at Boston-ha', man;
Till Willie Howe took o'er the knowe
For Philadelphia, man;
Wi' sword an' gun he thought a sin
Guid Christian bluid to draw, man;
But at New York, wi' knife an' fork,
Sir-Loin he hacked sma', man.

Burgoyne gaed up, like spur an' whip,
Till Fraser brave did fa', man;
Then lost his way, ae misty day,
In Saratoga shaw, man.
Cornwallis fought as lang's he dought,
An' did the Buckskins claw, man;
But Clinton's glaive frae rust to save,
He hung it to the wa', man.

Морщины Марджори бегут,
Чело избороздив;
Под вдовьим сереньким рядом
Шотландский дух правдив:

«Для знати нет меня – её
Ни в грош не ставлю я;
По мне, пусть едет в Лондон тот,
С кем здесь любовь моя».

Как суматоха унялась,
Никто не скажет вам;
Бог короля хранит и нас,
Пускай решает сам¹⁰¹⁹.

Баллада об американской войне¹⁰²⁰

Раз Гилфорд¹⁰²¹ наш, войдя в кураж,
Вовсю крутнул штурвал, брат;
Когда чай пьют, вдруг некий зуд
Америку пробрал, брат,
И чайник, лих в руках у них,
В залив струю послал¹⁰²², брат,
И зол, как бес, пинка Конгресс
Законам нашим дал¹⁰²³, брат.

А после, скор, взяв цепь озёр,
Монтгомери блистал¹⁰²⁴, брат:
Чрез Лори¹⁰²⁵ вброд – да нет хлопот,
И Карлтона¹⁰²⁶ зазвал, брат;
Но жизни бег прервал Квебек:
Монтгомерски там пал¹⁰²⁷, брат,
С клинком затих, ведя своих,
И средь врагов лежал, брат.

Тэм Гейдж¹⁰²⁸, бедняк, в плен, как-никак,
В свой Бостон-холл попал, брат,
Но тут Хоув цель под Филадель-
фией да отыскал¹⁰²⁹, брат:
Мечом, огнём, грех видя в том,
Не злоупотреблял, брат;
В Нью-Йорке, всё ж, взяв вилку, нож,
Филей поковырял¹⁰³⁰, брат.

Бургойн¹⁰³¹ конька шпынял в бока,
Но храбрый Фрэзер¹⁰³² пал, брат,
Сорвав весь план: мешать туман
Над Саратогой стал¹⁰³³, брат.
Корнуоллис¹⁰³⁴ пыл, сколь мог, явил,
Врагов когтями драл, брат,
Но Клинтон¹⁰³⁵, меч от ржи сберечь
Решив, не обнажал, брат.

Then Montague, an' Guilford too,
 Began to fear, a fa', man;
And Sackville dour, wha stood the stour,
 The German chief to thraw, man:
For Paddy Burke, like ony Turk,
 Nae mercy had at a', man;
An' Charlie Fox threw by the box,
 An' lows'd his tinkler jaw, man.

Then Rockingham took up the game,
 Till death did on him ca', man;
When Shelburne meek held up his cheek,
 Conform to gospel law, man:
Saint Stephen's boys, wi' jarring noise,
 They did his measures thraw, man;
For North an' Fox united stocks,
 An' bore him to the wa', man.

Then clubs an' hearts were Charlie's cartes,
 He swept the stakes awa', man
Till the diamond's ace, of Indian race,
 Led him a sair faux pas, man:
The Saxon lads, wi' loud placads,
 On Chatham's boy did ca', man;
An' Scotland drew her pipe an' blew,
 "Up, Willie, waur them a', man!"

Behind the throne then Granville's gone,
 A secret word or twa, man;
While sleet Dundas arous'd the class
 Be-north the Roman wa', man:
An' Chatham's wraith, in heav'nly graith,
 (Inspired bardies saw, man),
Wi' kindling eyes, cry'd, "Willie, rise!
 Would I hae fear'd them a', man?"

But, word an' blow, North, Fox, and Co.
 Gowff'd Willie like a ba', man;
Till Suthron raise, an' coost their claise
 Behind him in a raw, man:
An' Caledon threw by the drone,
 An' did her whittle draw, man;
An' swoor fu' rude, thro' dirt an' bluid,
 To mak it guid in law, man.

Kellyburn Braes

There lived a carl in Kellyburn Braes,
 (Hey, and the rue grows bonie wi' thyme);
And he had a wife was the plague of his days,
 And the thyme it is wither'd, and rue is in prime.

На Монтегю¹⁰³⁶ (попал в струю
И Гилфорд) страх напал, брат,
Лишь Сэквилл¹⁰³⁷, твёрд, был храбр как чёрт,
Германцу возражал¹⁰³⁸, брат;
Лишь Пэдди Бёрк¹⁰³⁹ не шёл на торг
И жалости не знал, брат,
Да Чарли Фокс¹⁰⁴⁰, наш ортодокс,
С трибуны глотку драл, брат.

Был Рокингем¹⁰⁴¹ прославлен тем,
Что мало поиграл, брат,
А Шелбёрн¹⁰⁴² мог посредством щёк
Являть: Писанье знал¹⁰⁴³, брат;
Сент-Стивен¹⁰⁴⁴ свой слал шум и вой,
И меру потерял, брат;
Был к Фоксу Норт¹⁰⁴⁵, как есть, притёрт,
И Петти доконал, брат.

От пик и трэф чуть очумев,
Наш Чарли знай играл¹⁰⁴⁶, брат;
Бубновый туз (Ост-Индский груз¹⁰⁴⁷)
Фаух рас¹⁰⁴⁸ для парня стал, брат;
Парнишку¹⁰⁴⁹ тут саксонский люд¹⁰⁵⁰
У Чатема забрал¹⁰⁵¹, брат;
Волынщик-скотт ревмя ревёт:
«Эй, Вилли, верх чтоб взял, брат!»

Тут Гренвилл¹⁰⁵², вон: зашёл за трон,
Словцо иль два сказал, брат,
Но жох-Дандас¹⁰⁵³ смог вздыбить класс,
Зайдя за Римский вал¹⁰⁵⁴, брат;
И всплыл фантом (весь Чатем в нём,
Всяк бард его узнал, брат):
Взор дик, вопил: «Не мямли, Вилл!
Да я на них плевал, брат!»

Сошлись легко Норт, Фокс и Ко¹⁰⁵⁵.
Вилл мячиком летал, брат,
Пока южан могучий клан
За ним в ряды не встал, брат,
Не стал суров волынок рёв,
Клинок не засверкал, брат;
Пусть груб обет (грязь, кровь, тьма бед!) –
Добро закону дал, брат.

На Келлибёрне¹⁰⁵⁶

Жил на Келлибёрне дед старый весьма
(Эй, с чебрецом рута славно растёт);
А жёнка у деда – ну чисто чума
(Весь повысох чебрец, ну а рута цветёт).

Ae day as the carl gaed up the lang glen,
 (Hey, and the rue grows bonie wi' thyme);
He met with the Devil, says, "How do you fen?"
 And the thyme it is wither'd, and rue is in prime.

"I've got a bad wife, Sir, that's a' my complaint,
 (Hey, and the rue grows bonie wi' thyme);
"For, savin your presence, to her ye're a saint,"
 And the thyme it is wither'd, and rue is in prime.

"It's neither your stot nor your staig I shall crave,
 (Hey, and the rue grows bonie wi' thyme);
"But gie me your wife, man, for her I must have,"
 And the thyme it is wither'd, and rue is in prime.

"O welcome most kindly!" the blythe carl said,
 (Hey, and the rue grows bonie wi' thyme);
"But if ye can match her ye're waur than ye're ca'd,"
 And the thyme it is wither'd, and rue is in prime.

The Devil has got the auld wife on his back,
 (Hey, and the rue grows bonie wi' thyme);
And, like a poor pedlar, he's carried his pack,
 And the thyme it is wither'd, and rue is in prime.

He's carried her hame to his ain hallan door,
 (Hey, and the rue grows bonie wi' thyme);
Synne bade her gae in, for a bitch, and a whore,
 And the thyme it is wither'd, and rue is in prime.

Then straight he makes fifty, the pick o' his band,
 (Hey, and the rue grows bonie wi' thyme);
Turn out on her guard in the clap o' a hand,
 And the thyme it is wither'd, and rue is in prime.

The carlin gaed thro' them like ony wud bear,
 (Hey, and the rue grows bonie wi' thyme);
Whae'er she gat hands on cam near her nae mair,
 And the thyme it is wither'd, and rue is in prime.

A reekit wee deevil looks over the wa',
 (Hey, and the rue grows bonie wi' thyme);
"O help, maister, help, or she'll ruin us a!"
 And the thyme it is wither'd, and rue is in prime.

The Devil he swore by the edge o' his knife,
 (Hey, and the rue grows bonie wi' thyme);
He pitied the man that was tied to a wife,
 And the thyme it is wither'd, and rue is in prime.

Однажды, когда тропка долом вела
(Эй, с чебрецом рута славно растёт),
Он дьявола встретил, а тот: «Как дела?»
(Весь повысох чебрец, ну а рута цветёт).

«Жена моя – дрянь, сэр, скажу с прямотой
(Эй, с чебрецом рута славно растёт);
Коль с вами сравнить, так вы просто святой»
(Весь повысох чебрец, ну а рута цветёт).

«Ни вол, ни кобылка твоя не нужны
(Эй, с чебрецом рута славно растёт),
Но, дед, мне никак без такой вот жены»
(Весь повысох чебрец, ну а рута цветёт).

Старик просиял: «Забирайте, я рад
(Эй, с чебрецом рута славно растёт);
Сойдётесь – знать, хуже вы, чем говорят»,
(Весь повысох чебрец, ну а рута цветёт).

И дьявол жену на спине уволок
(Эй, с чебрецом рута славно растёт);
Торговец вразнос этак тащит мешок
(Весь повысох чебрец, ну а рута цветёт);

Так до своего смог крыльца донести
(Эй, с чебрецом рута славно растёт)
И просит, как суку и шлюху, войти
(Весь повысох чебрец, ну а рута цветёт).

Он вызвал полсотни отборных чертей
(Эй, с чебрецом рута славно растёт),
Чтоб те состояли в охране при ней
(Весь повысох чебрец, ну а рута цветёт).

Карга же медведицей дикой прошла
(Эй, с чебрецом рута славно растёт);
Любой отскочил, кому руку дала
(Весь повысох чебрец, ну а рута цветёт).

Смолёный чертёнок в испуге орёт
(Эй, с чебрецом рута славно растёт):
«Спаси нас, хозяин, не то перебьёт!»
(Весь повысох чебрец, ну а рута цветёт).

И дьявол поклялся ножа остриём
(Эй, с чебрецом рута славно растёт),
Что жаль ему мужа при чуде таком
(Весь повысох чебрец, ну а рута цветёт).

The Devil he swore by the kirk and the bell,
 (Hey, and the rue grows bonie wi' thyme);
He was not in wedlock, thank Heav'n, but in hell,
 And the thyme it is wither'd, and rue is in prime.

Then Satan has travell'd again wi' his pack,
 (Hey, and the rue grows bonie wi' thyme);
And to her auld husband he's carried her back,
 And the thyme it is wither'd, and rue is in prime.

I hae been a Devil the feck o' my life,
 (Hey, and the rue grows bonie wi' thyme);
"But ne'er was in hell till I met wi' a wife,"
 And the thyme it is wither'd, and rue is in prime.

Duncan Davison

There was a lass, they ca'd her Meg,
 And she held o'er the moors to spin;
There was a lad that follow'd her,
 They ca'd him Duncan Davison.
The moor was dreigh, and Meg was skeigh,
 Her favour Duncan could na win;
For wi' the rock she wad him knock,
 And aye she shook the temper-pin.

As o'er the moor they lightly foor,
 A burn was clear, a glen was green,
Upon the banks they eas'd their shanks,
 And aye she set the wheel between:
But Duncan swoor a haly aith,
 That Meg should be a bride the morn;
Then Meg took up her spinning-graith,
 And flang them a' out o'er the burn.

We will big a wee, wee house,
 And we will live like king and queen;
Sae blythe and merry's we will be,
 When ye set by the wheel at e'en.
A man may drink, and no be drunk;
 A man may fight, and no be slain;
A man may kiss a bonie lass,
 And aye be welcome back again!

Ballads on Mr. Heron's Election, 1795

Ballad First

Whom will you send to London town,
 To Parliament and a' that?
Or wha in a' the country round
 The best deserves to fa' that?

И дьявол поклялся аж церковью всей,
(Эй, с чебрецом рута славно растёт);
Что он, слава богу, в аду, а не с ней
(Весь повысох чебрец, ну а рута цветёт).

Поклажу назад отволоку сатана
(Эй, с чебрецом рута славно растёт),
И к старому мужу вернулась жена
(Весь повысох чебрец, ну а рута цветёт).

«Я дьяволом прожил всю дней череду
(Эй, с чебрецом рута славно растёт),
Но не был женат – значит, не был в аду!»
(Весь повысох чебрец, ну а рута цветёт).

Данкен Дэвисон

Девушка по прозванию Мэг
Пустилась раз за пустошь прясть,
А парень, Данкен Дэвисон,
Немедленно за нею шасть.
Тропа скучна, а Мэг вольна,
И Дэвисону с ней никак:
Та прялку хватать, и ну ширять,
Не то ещё рогулькой¹⁰⁵⁷ шмяк.

Они вдали привольно шли,
Был зелен дол, был чист ручей,
Им бережок под ноги лёг –
Мешала прялка, хоть убей;
Поклялся Данкен всем, чем мог,
Что утром с Мэгги – к алтарю,
И Мэг туда, за ручеёк,
Швырнула прялочку свою.

«Построим домик, меньше нет,
Как во дворце там заживём,
С весельем, радостью, и ты
За прялку сядешь вечером».
Всяк может пить не допьяна,
И биться так, что не убьют;
Красотку может целовать –
И знать, что снова позовут!

Баллады о выборах мистера Хёрона¹⁰⁵⁸ в 1795 году {1}¹⁰⁵⁹

Баллада первая

Кого же в Лондон будем слать –
В Парламент слать, при этом?
Кто, оглядись, таков, чтоб быть
Как раз на месте этом?

For a' that, and a' that,
Thro' Galloway and a' that,
Where is the Laird or belted Knight
The best deserves to fa' that?

Wha sees Kerroughtree's open yett,
(And wha is't never saw that?)
Wha ever wi' Kerroughtree met,
And has a doubt of a' that?
For a' that, and a' that,
Here's Heron yet for a' that!
The independent patriot,
The honest man, and a' that.

Tho' wit and worth, in either sex,
Saint Mary's Isle can shaw that,
Wi' Dukes and Lords let Selkirk mix,
And weel does Selkirk fa' that.
For a' that, and a' that,
Here's Heron yet for a' that!
The independent commoner
Shall be the man for a' that.

But why should we to Nobles jouk,
And is't against the law, that?
For why, a Lord may be a gowk,
Wi' ribband, star and a' that,
For a' that, and a' that,
Here's Heron yet for a' that!
A Lord may be a lousy loun,
Wi' ribband, star and a' that.

A beardless boy comes o'er the hills,
Wi' uncle's purse and a' that;
But we'll hae ane frae mang oursels,
A man we ken, and a' that.
For a' that, and a' that,
Here's Heron yet for a' that!
For we're not to be bought and sold,
Like naigs, and nowt, and a' that.

Then let us drink the Stewartry,
Kerroughtree's laird, and a' that,
Our representative to be,
For weel he's worthy a' that.
For a' that, and a' that,
Here's Heron yet for a' that!
A House of Commons such as he,
They wad be blest that saw that.

При этом, при этом,
Даст Галлоуэй¹⁰⁶⁰, при этом,
Нам лэрда, рыцаря, чтоб был
Как раз на месте этом?

В Керрохтри¹⁰⁶¹ вход всегла открыт
(Кто б усомнился в этом?),
В Керрохтри – тот, чей самый вид
Даёт отпор наветам.
При этом, при этом,
Пат Херон – наш, при этом!
Он независим, патриот,
И честен он, при этом!

Разумных тьма мужей и жён
В Сент-Мэри Айл¹⁰⁶², при этом,
Там Селкёрк¹⁰⁶³ знатью окружён,
Уж Селкёрк дока в этом.
При этом, при этом,
Пат Херон – наш, при этом!
Сколь независим, столь и прост,
Как должно быть, при этом.

Что ж к благородным нас влечёт
(Закон забыт при этом)?
Ведь лорд, быть может, идиот,
Хоть в орденах, при этом.
При этом, при этом,
Пат Херон – наш, при этом!
А лорд, быть может, вшивый плут,
Хоть в орденах, при этом.

Юнец мощной кичится, лих
(Сплошь дядиной¹⁰⁶⁴, при этом),
Но наш-то выбор – из своих,
Известных нам, при этом.
При этом, при этом,
Пат Херон – наш, при этом!
Ведь он не купит, не продаст
Нас, словно скот, при этом.

Наш тост – за Стюартри сейчас;
Керрохтри лэрд, при этом,
В Парламенте представит нас
Достойнейшее, при этом.
При этом, при этом,
Пат Херон – наш, при этом!
Палате общин повезёт
При выборе при этом.

Ballads on Mr. Heron's Election, 1795

Second-Election Day

Fy, let us a' to Kirkcudbright,
For there will be bickerin' there;
For Murray's light horse are to muster,
And O how the heroes will swear!
And there will be Murray, Commander,
And Gordon, the battle to win;
Like brothers they'll stand by each other,
Sae knit in alliance and kin.

And there will be black-nebbit Johnie,
The tongue o' the trump to them a';
An he get na Hell for his haddin',
The Deil gets na justice ava.
And there will be Kempleton's birkie,
A boy no sae black at the bane;
But as to his fine Nabob fortune,
We'll e'en let the subject alane.

And there will be Wigton's new Sheriff;
Dame Justice fu' brawly has sped,
She's gotten the heart of a Bushby,
But, Lord! what's become o' the head?
And there will be Cardoness, Esquire,
Sae mighty in Cardoness' eyes;
A wight that will weather damnation,
The Devil the prey will despise.

And there will be Douglasses doughty,
New christening towns far and near;
Abjuring their democrat doings,
By kissin' the arse o' a Peer:
And there will be folk frae Saint Mary's
A house o' great merit and note;
The deil ane but honours them highly –
The deil ane will gie them his vote!

And there will be Kenmure sae gen'rous,
Whose honour is proof to the storm,
To save them from stark reprobation,
He lent them his name in the Firm.
And there will be lads o' the gospel,
Muirhead wha's as gude as he's true;
And there will be Buittle's Apostle,
Wha's mair o' the black than the blue.

And there will be Logan M'Dowall,
Sculdudd'ry an' he will be there,
And also the Wild Scot o' Galloway,
Sogering, gunpowder Blair.

Баллады о выборах мистера Херона в 1795 году {2}

Второй день выборов

Нагрянем все вместе в Кёркубри¹⁰⁶⁵,
Не то опоздаем на ссору:
Ведь Марри¹⁰⁶⁶ привёл свои рати,
И ждёт нас ругня без разбору!
Там будет командовать Марри,
А Гордон¹⁰⁶⁷ врагов победит;
Стоят друг за друга по-братски,
Родство их единство хранит.

Сумеет раскаркаться Джони,
Чьи речи у них в козырях;
Не ждёт говорливого пекло –
Знать, дьявол совсем в дураках.
Заявится Кемплтон¹⁰⁶⁸ юный,
Парнишка дрянной не вполне,
А что до карьеры набоба,
Оставим вопрос в стороне.

Шериф новый Вигтонский¹⁰⁶⁹ будет,
Юстиции преданный паж:
Она душой Басби владеет,
Но, бог мой, в башке – раскардаш!
И ждём Кардонесса¹⁰⁷⁰, эсквайра,
Чья мощь Кардонессу видна;
Поднимет он бурю проклятий
(Молитвы презрит сатана).

Лих Дагласов марш отовсюду,
Где чтут христианскую веру;
Забыв, что они демократы,
Лобзать станут задницу пэру;
И будет народ из Сент-Мэри¹⁰⁷¹,
Чей храм чист насквозь, до глубин;
Лишь дьявол высоко их ценит,
Им голос отдаст он один!

И щедрого Кенмура¹⁰⁷² встретим,
Чья слава среди бурь устоит:
Смягчит осуждение своры,
Отдав своё имя как щит.
Там также церковники будут:
Мьюрхед¹⁰⁷³, чей столь славится пыл,
И Бьюитла верный апостол¹⁰⁷⁴,
Что более зол, чем уныл.

И будет там Логан Макдауэлл¹⁰⁷⁵,
И ругань извечная с ним,
И яростный скотт Галлоуэя,
Блэр¹⁰⁷⁶, с коим кровища и дым, –

But we winna mention Redcastle,
The body, e'en let him escape!
He'd venture the gallows for siller,
An 'twere na the cost o' the rape.

But where is the Doggerbank hero,
That made "Hogan Mogan" to skulk?
Poor Keith's gane to hell to be fuel,
The auld rotten wreck of a Hulk.
And where is our King's Lord Lieutenant,
Sae fam'd for his gratefu' return?
The birkie is gettin' his Questions
To say in Saint Stephen's the morn.

But mark ye! there's trusty Kerroughtree,
Whose honor was ever his law;
If the Virtues were pack'd in a parcel,
His worth might be sample for a';
And strang an' respectfu's his backing,
The maist o' the lairds wi' him stand;
Nae gipsy-like nominal barons,
Wha's property's paper-not land.

And there, frae the Niddisdale borders,
The Maxwells will gather in droves,
Tough Jockie, staunch Geordie, an' Wellwood,
That griens for the fishes and loaves;
An' can we forget the auld major,
Wha'll ne'er be forgot in the Greys;
Our flatt'ry we'll keep for some other,
Him, only it's justice to praise.

And there will be maiden Kilkerran,
And also Barskimming's gude Knight,
And there will be roarin Birtwhistle,
Yet luckily roars i' the right.
And there'll be Stamp Office Johnnie,
(Tak tent how ye purchase a dram!)
And there will be gay Cassencarry,
And there'll be gleg Colonel Tam.

And there'll be wealthy young Richard,
Dame Fortune should hing by the neck,
For prodigal, thriftless bestowing –
His merit had won him respect.
And there will be rich brother nabobs,
(Tho' Nabobs, yet men not the worst,)
And there will be Collieston's whiskers,
And Quintin – a lad o' the first.

Then hey! the chaste Interest o' Broughton
And hey! for the blessin's 'twill bring;

Но он не заметит Редка́сла:
 Тварь вон, только двери открой!
 Тот шеей рискнёт, пусть затея
 Не стои́т верёвки самой.

Но где же герой Доггер-банки,
 Что задал голландцам, да как?
 Кийт¹⁰⁷⁷ бедный стал в пекле растопкой,
 На дно пошёл старый тюфяк.
 И где лорд-наместник¹⁰⁷⁸ короны,
 Чей славен повторный приход?
 Он весь погружён в катехизис,
 Сент-Стивен¹⁰⁷⁹ с утра его ждёт.

Гляди-ка! А вот и Керро́хтри¹⁰⁸⁰,
 Чья честность – извечный закон;
 Засунь мир в мешки Добродетель,
 Обгонит всех тяжестью он;
 Почтонной и мощной опорой
 За ним встали лэрды стеной –
 Не горе-бароны, какие
 Без грамот владеют землёй.

А вон из пределов Нитдейла¹⁰⁸¹
 К нам Максвеллов мчится гурьба
 (Тверды Джорди с Уотти, груб Джони¹⁰⁸²)
 С тьмой жалоб на рыб и хлеба¹⁰⁸³;
 Мы помним о старом майоре,
 Который в полку не забыт;
 Вся лесть пусть другим достаётся,
 Ему восхваленье не льстит.

Покажется дева Килке́рран¹⁰⁸⁴,
 Барскимминга рыцарь¹⁰⁸⁵ придёт;
 Там будет ревущий Бёртвистл¹⁰⁸⁶,
 Что, к счастью, не зряшно ревет.
 Там встретится Джонни-акцизный
 (Гляди, чтоб с вином без проблем!),
 Придут весельчак Кассенкэрри,
 Полковник ухватистый Тэм.

Придёт и богатенький Ричард:
 Фортунину глотку прижав,
 Всё ж малый снискал уваженье
 За щедрый размашистый нрав.
 Заявятся братцы-набобы
 (Набобы – не худший народ):
 Нам Ко́льестон явит усищи,
 А Квентин других обойдёт.

Ура, чист наш Броутон¹⁰⁸⁷ душою,
 На славу с таким заживём;

It may send Balmaghie to the Commons,
In Sodom 'twould make him a king;
And hey! for the sanctified Murray,
Our land wha wi' chapels has stor'd;
He founder'd his horse among harlots,
But gied the auld naig to the Lord.

Ballads on Mr. Heron's Election, 1795

Ballad Third – John Bushby's Lamentation.

'Twas in the seventeen hunder year
O' grace, and ninety-five,
That year I was the wae'est man
Of ony man alive.

In March the three-an'-twentieth morn,
The sun raise clear an' bright;
But oh! I was a waefu' man,
Ere to – fa' o' the night.

Yerl Galloway lang did rule this land,
Wi' equal right and fame,
And thereto was his kinsmen join'd,
The Murray's noble name.

Yerl Galloway's man o' men was I,
And chief o' Broughton's host;
So twa blind beggars, on a string,
The faithfu' tyke will trust.

But now Yerl Galloway's sceptre's broke,
And Broughton's wi' the slain,
And I my ancient craft may try,
Sin' honesty is gane.

'Twas by the banks o' bonie Dee,
Beside Kirkcudbright's towers,
The Stewart and the Murray there,
Did muster a' their powers.

Then Murray on the auld grey yaud,
Wi' winged spurs did ride,
That auld grey yaud a' Nidsdale rade,
He staw upon Nidside.

And there had na been the Yerl himsel,
O there had been nae play;
But Garlies was to London gane,
And sae the kye might stray.

Пошлём-ка Бэлмэ́ги ¹⁰⁸⁸ в Парламент –
В Содоме он был бы царём;
Ура воцерквлённому Марри,
Что край наш церквями покрыл:
Средь шлюх загонявши лошадку,
Он Господу клячу всучил.

Баллады о выборах мистера Херона в 1795 году {3}

Баллада третья: стенанья Джона Басби¹⁰⁸⁹

До восемнадцати веков
Лет оставалось пять;
В тот год несчастнее меня
Не стоило искать.

На двадцать третье марта¹⁰⁹⁰ был
Так ярок, чист восход,
А я весь день, несчастный, ждал,
Когда же ночь придёт.

Граф Галлоуэй¹⁰⁹¹ здесь много лет
Достойно вёл дела,
Его сподвижников толпа
За Броутоном¹⁰⁹² пошла.

Граф Галлоуэй доверил мне
Всю Броутонову рать;
Стал двум слепцам поводырём
Пёс – где вернее взять?

Теперь безвластен Галлоуэй,
И Броутон в битве пал,
И мне за прежний труд пора,
Раз честь не оправдал.

Где вдоль берегов прелестной Ди¹⁰⁹³
Кёркубри¹⁰⁹⁴ высит башни,
Смотр Стюарт с Марри¹⁰⁹⁵ провели
После резни вчерашней.

От Марри серой кляче всласть
Досталось острых шпор:
Изъездить чтобы весь Нидсдейл,
Её в Нидсайде¹⁰⁹⁶ спёр.

Граф самолично не пришёл,
И весь спектакль – хоть брось;
А Гарлис¹⁰⁹⁷ в Лондон укатил,
И стадо разбрелось.

And there was Balmaghie, I ween,
In front rank he wad shine;
But Balmaghie had better been
Drinkin' Madeira wine.

And frae Glenkens cam to our aid
A chief o' doughty deed;
In case that worth should wanted be,
O' Kenmure we had need.

And by our banners march'd Muirhead,
And Buittle was na slack;
Whase haly priesthood nane could stain,
For wha could dye the black?

And there was grave squire Cardoness,
Look'd on till a' was done;
Sae in the tower o' Cardoness
A howlet sits at noon.

And there led I the Bushby clan,
My gamesome billie, Will,
And my son Maitland, wise as brave,
My footsteps follow'd still.

The Douglas and the Heron's name,
We set nought to their score;
The Douglas and the Heron's name,
Had felt our weight before.

But Douglasses o' weight had we,
The pair o' lusty lairds,
For building cot-houses sae fam'd,
And christenin' kail-yards.

And there Redcastle drew his sword,
That ne'er was stain'd wi' gore,
Save on a wand'rer lame and blind,
To drive him frae his door.

And last cam creepin' Collieston,
Was mair in fear than wrath;
Ae knave was constant in his mind –
To keep that knave frae scaith.

The Trogger

Heron Election Ballad, No. IV.

Wha will buy my troggin,
Fine election ware,
Broken trade o' Broughton,
A' in high repair?

Бэлмэги¹⁰⁹⁸, помнится, там был,
В шеренге аж сверкал –
Сидел бы лучше дома он,
Мадеру бы лакал.

Из Глénкенса¹⁰⁹⁹ подмогой к нам –
Бесстрашных дел вожак;
Коль нам потребуется честь,
Без Кénмура никак¹¹⁰⁰.

Под наши стяги встал Мьюрхéd¹¹⁰¹,
Роль Бьюйтла¹¹⁰² видна,
Чью святость даром очернять:
И так черным-черна!

Был Кардонéсс¹¹⁰³ утрюм, пока
Не кончилась возня;
Так сыч на башне у него
Сидит при свете дня.

А я клан Басби возглавлял:
Вилл, друг весёлый мой,
И Мэйтленд¹¹⁰⁴, умный храбрый сын,
Вплотную шли за мной.

Что Даглас, Херон? Мы на них
Не растраним брани;
Что Даглас, Херон? Мы на них
Обрушились заране.

Двум Дагласам досталось всё ж
(Уж больно лэрды гадки):
Вот, мол, хоромы возвели
И окрестили грядки.

Редка́сл¹¹⁰⁵ свой меч явил, какой
Врагу не нёс потери,
Слепца хромого отгонял,
Просившего у двери.

Приполз последним Кольестон¹¹⁰⁶,
Сменивши гнев на страх,
И неустанно думал плут
Про ждущий плута крах.

Коробейник

Хероновская выборная баллада № IV¹¹⁰⁷

Кто на мой товарец,
Купит прелесть эту?
Броутон¹¹⁰⁸ разорился,
Вещи – лучше нету!

Buy braw troggin
Frae the banks o' Dee;
Wha wants troggin
Let him come to me.

There's a noble Earl's
Fame and high renown,
For an auld sang –
It's thought the gudes were stown.

Here's the worth o' Broughton
In a needle's e'e;
Here's a reputation
Tint by Balmaghie.

Here's its stuff and lining,
Cardoness' head,
Fine for a soger,
A' the wale o' lead.

Here's a little wadset,
Buittle's scrap o' truth,
Pawn'd in a gin-shop,
Quenching holy drouth.

Here's an honest conscience
Might a prince adorn;
Frae the downs o' Tinwald,
So was never worn.

Here's armorial bearings
Frae the manse o' Urr;
The crest, a sour crab-apple,
Rotten at the core.

Here is Satan's picture,
Like a bizzard gled,
Pouncing poor Redcastle,
Sprawlin' like a taed.

Here's the worth and wisdom
Collieston can boast;
By a thievish midge
They had been nearly lost.

Here's the font where Douglas
Stane and mortar names;
Lately used at Caily
Christening Murray's crimes.

Here is Murray's fragments
O' the ten commands;

Мой товарец –
Прямо с речки Ди¹¹⁰⁹;
Ждёт товарец,
Налетай, не жди!

Вот вам слава графа:
Выше мир не знал;
Верить старой песне,
Впрок наворовал.

Броутона значенье
В маковом зерне;
Вот Бэлмэги¹¹¹⁰ имя,
Чисто не вполне.

Вот башка, какую
Носит Кардонесс¹¹¹¹;
Подходи, солдатик:
Сплошь свинец на вес.

Бьюитл¹¹¹² с горсткой правды:
Как ни мал залог,
Джин святую жажду
Утолить помог.

Совесть, чище нету,
Принцу подойдёт;
В Тинуолд-даунс¹¹¹³ ни разу
Не пускали в ход.

Вот с герба эмблема
Пастыря из Урра¹¹¹⁴:
Яблочко гнилое,
Как его натура.

Канюка с когтями
Малевал сам чёрт:
Там Редкасл¹¹¹⁵-бедняжка
Жабой распростёрт.

Ум и честь: гордится
Кольестон¹¹¹⁶-бахвал;
Крошечный комарик
Чуть их не украл.

Вот купель (звать ступой
Даглас норовит):
Окрещён в ней Марри¹¹¹⁷,
Грех был в Кайли¹¹¹⁸ смыт.

Заповедей Божьих
Марри дёрнул пук;

Gifted by black Jock to
Get them aff his hands.

Saw ye e'er sic troggin?
If to buy ye're slack,
Hornie's turnin chapman –
He'll buy a' the pack.

The Fête Champêtre

O Wha will to Saint Stephen's House,
To do our errands there, man?
O wha will to Saint Stephen's House
O' th' merry lads of Ayr, man?
Or will we send a man o' law?
Or will we send a sodger?
Or him wha led o'er Scotland a'
The meikle Ursa-Major?

Come, will ye court a noble lord,
Or buy a score o'lairds, man?
For worth and honour pawn their word,
Their vote shall be Glencaird's, man.
Ane gies them coin, ane gies them wine,
Anither gies them clatter:
Annbank,³ wha guessed the ladies' taste,
He gies a Fête Champêtre.

When Love and Beauty heard the news,
The gay green woods amang, man;
Where, gathering flowers, and busking bowers,
They heard the blackbird's sang, man:
A vow, they sealed it with a kiss,
Sir Politics to fetter;
As their's alone, the patent bliss,
To hold a Fête Champêtre.

Then mounted Mirth, on gleesome wing
O'er hill and dale she flew, man;
Ilk wimpling burn, ilk crystal spring,
Ilk glen and shaw she knew, man:
She summon'd every social sprite,
That sports by wood or water,
On th' bonie banks of Ayr to meet,
And keep this Fête Champêtre.

Cauld Boreas, wi' his boisterous crew,
Were bound to stakes like kye, man,
And Cynthia's car, o' silver fu',
Clamb up the starry sky, man:
Reflected beams dwell in the streams,
Or down the current shatter;
The western breeze steals thro'the trees,
To view this Fête Champêtre.

Чёрный Джок¹¹¹⁹ желает
Сбыть скорее с рук.

Нов для вас товарец?
Люд купить не смог –
Сатана проворней:
Купит весь мешок.

Fête Champêtre¹¹²⁰

Кого к Сент-Стивену¹¹²¹ пошлём,
Чтоб был в делах толков, брат?
Кого к Сент-Стивену пошлём
От Эйрских молодцов, брат?
Того, кто ведает закон?
Иль душу боевую?
Того, кто вбил в наш небосклон
Медведицу Большую¹¹²²?

Тут нужен лорд, первейший сорт,
Или годен мелкий лэрд, брат?
Коль честный малый, словом твёрд,
Так в самый раз Гленкэрд¹¹²³, брат,
За кем мошна, глоток вина,
Кто падок до бесед;
Эннбэнк¹¹²⁴ как тот, кто дам поймёт,
Закатит Fête Champêtre.

Когда Любви с Красою весть
Несёт зелёный лес, брат,
Где тьма цветов, где домик есть,
Где птичья трель с небес, брат,
Политик связан: поцелуй –
Печатью на обет;
Обеих живостью взволнуй,
Зазывный Fête Champêtre!

Взлетает Радость, нет вольней,
Над долом и холмом, брат,
Где каждый вьющийся ручей,
Овраг, лесок знаком, брат;
Летит на зов весёлых фей
(Каких там только нет!):
Брег Эйра¹¹²⁵ прелестью своей
Влечёт на Fête Champêtre.

Борея¹¹²⁶ струи прут гуртом,
Теснятся, словно скот, брат,
Возок Дианы¹¹²⁷ с серебром
Ползёт на звёздный свод, брат;
Бежит поток, чтоб в струях мог
Дробиться лунный свет,
Сквозь лес закатный ветерок
Спешит на Fête Champêtre.

How many a robe sae gaily floats!
What sparkling jewels glance, man!
To Harmony's enchanting notes,
As moves the mazy dance, man.
The echoing wood, the winding flood,
Like Paradise did glitter,
When angels met, at Adam's yett,
To hold their Fête Champêtre.

When Politics came there, to mix
And make his ether-stane, man!
He circled round the magic ground,
But entrance found he nane, man:
He blush'd for shame, he quat his name,
Forswore it, every letter,
Wi' humble prayer to join and share
This festive Fête Champêtre.

Whistle O'er the Lave o't

First when Maggie was my care,
Heav'n, I thought, was in her air,
Now we're married – spear nae mair,
But whistle o'er the lave o't!

Meg was meek, and Meg was mild,
Sweet and harmless as a child –
Wiser men than me's beguil'd;
Whistle o'er the lave o't!

How we live, my Meg and me,
How we love, and how we gree,
I care na by how few may see –
Whistle o'er the lave o't!

Wha I wish were maggot's meat,
Dish'd up in her winding-sheet,
I could write – but Meg maun see't –
Whistle o'er the lave o't!

Dainty Davie

Now rosy May comes in wi' flowers,
To deck her gay, green-spreading bowers;
And now comes in the happy hours,
To wander wi' my Davie.

Meet me on the warlock knowe,
Dainty Davie, Dainty Davie;
There I'll spend the day wi' you,
My ain dear Dainty Davie.

Потерян ярким платьям счёт!
Каменья застыт взор, брат!
Гармония манящих нот
Сплетае пляс в узор, брат.
Являют рай лесистый край
И речки менуэт:
Здесь ангелкам у врат Адам
Закатит Fête Champêtre.

Политик, глядь, пришёл искать
Гадючий камень¹¹²⁸ свой, брат!
Он в край чудес, кружа, залез,
Но входа нет, хоть вой, брат;
Стыд краской всплыл, как звать, забыл
(От букв простыл и след);
Мог лишь просить его впустить
На славный Fête Champêtre.

Хватит об этом!

Когда в Мэгги влип всерьёз,
Облик ейный превознёс;
Мы женаты – спрячь вопрос,
И хватит об этом!

Мэг мягка, и Мэг кротка,
Как дитя, чиста, сладка –
Обдурила паренька;
Хватит об этом!

Что до наших передряг –
Любим как и ладим как –
Нос не суй бездельник всяк,
Хватит об этом!

То-то Мэг червяк пожрёт:
Пир под саваном пойдёт –
Написал бы, да прочтёт...
Хватит об этом!

Славный Дэви {1}

Май нынче множеством цветов
Украсил свой зелёный кров;
Счастливых дождалась часов,
Прогулок с милым Дэви.

Встреть за Ведьминым Бугром,
Славный Дэви, славный Дэви;
Там весь день нам быть вдвоём,
Мой милый, славный Дэви.

The crystal waters round us fa',
The merry birds are lovers a',
The scented breezes round us blaw,
 A wandering wi' my Davie.

As purple morning starts the hare,
To steal upon her early fare,
Then thro' the dews I will repair,
 To meet my faithfu' Davie.

When day, expiring in the west,
The curtain draws o' Nature's rest,
I flee to his arms I loe' the best,
 And that's my ain dear Davie.

The Gallant Weaver

Where Cart rins rowin' to the sea,
By mony a flower and spreading tree,
There lives a lad, the lad for me,
 He is a gallant Weaver.

O, I had wooers aught or nine,
They gied me rings and ribbons fine;
And I was fear'd my heart wad tine,
 And I gied it to the Weaver.

My daddie sign'd my tocher-band,
To gie the lad that has the land,
But to my heart I'll add my hand,
 And give it to the Weaver.

While birds rejoice in leafy bowers,
While bees delight in opening flowers,
While corn grows green in summer showers,
 I love my gallant Weaver.

Anna, Thy Charms

Anna, thy charms my bosom fire,
 And waste my soul with care;
But ah! how bootless to admire,
 When fated to despair!

Yet in thy presence, lovely Fair,
 To hope may be forgiven;
For sure 'twere impious to despair
 So much in sight of heaven.

Хрустальных вод чарует звук,
Любовный пыл объял пичуг,
Ветра душистые вокруг,
 Когда гуляем с Дэви.

Зайчишке пурпурный рассвет
Поесть не даст спокойно, нет;
Пойду, оставив в росах след,
 На встречу с верным Дэви.

Когда же день к закату стёк,
И мир за шторою прилёг,
Лечу в объяття, мой дружок,
 Мой милый, славный Дэви!

Ткач, такой пригожий

Где Карт¹¹²⁹ торопится, висясь
Промеж цветов, сквозь леса вязь,
Есть тот, кого я заждаюсь:
 Он ткач, такой пригожий!

С десяток тех, кто рад вздыхать,
Колечек, лент не сосчитать;
Боялась сердце потерять –
 Бери, мой ткач пригожий!

Папаша приглядел пока
Мне с клином пашни паренька;
Но к сердцу вот ещё рука,
 Бери, мой ткач пригожий!

Пока веселье птичье с нами,
И пчёлыбору рады сами,
И тёплы ливни над хлебами,
 Мне люб мой ткач пригожий.

«Чаруешь, Анна...»

Чаруешь, Анна, жжёшь мне грудь,
 Души забота даром;
От восхищенья проку чуть,
 Не медлит рок с ударом!

Но коль ты здесь, то вдруг, краса,
 Надеждам есть прощенье?
Глядеть не могут Небеса
 На жуткие мученья.

Why, Why Tell Thy Lover?

Fragment.

Why, why tell thy lover
Bliss he never must enjoy?
Why, why undeceive him,
And give all his hopes the lie?

O why, while fancy, raptur'd slumbers,
Chloris, Chloris all the theme,
Why, why would'st thou, cruel –
Wake thy lover from his dream?

Song Inscribed to Alexander Cunningham

Now spring has clad the grove in green,
And strew'd the lea wi' flowers;
The furrow'd, waving corn is seen
Rejoice in fostering showers.
While ilka thing in nature join
Their sorrows to forego,
O why thus all alone are mine
The weary steps o' woe!

The trout in yonder wimpling burn
That glides, a silver dart,
And, safe beneath the shady thorn,
Defies the angler's art –
My life was ance that careless stream,
That wanton trout was I;
But Love, wi' unrelenting beam,
Has scorch'd my fountains dry.

That little floweret's peaceful lot,
In yonder cliff that grows,
Which, save the linnet's flight, I wot,
Nae ruder visit knows,
Was mine, till Love has o'er me past,
And blighted a' my bloom;
And now, beneath the withering blast,
My youth and joy consume.

The waken'd lav'rock warbling springs,
And climbs the early sky,
Winnowing blythe his dewy wings
In morning's rosy eye;
As little reck'd I sorrow's power,
Until the flowery snare
O'witching Love, in luckless hour,
Made me the thrall o' care.

«Зачем слышит милый...»

Отрывок

Зачем слышит милый:
«Счастья ты напрасно ждёшь»?
Зачем эта правда,
Что его надежды – ложь?

О, зачем снов рваных диво:
Хлорис¹¹³⁰, Хлорис в них одна;
О, зачем ты хочешь, злая,
Пробудить его от сна?

Песня, посвящённая Александру Каннингему¹¹³¹

Весной стал зелен рощ наряд,
Покрылся луг цветами;
Поля волнуются, рябят,
Умытые дождями.
Когда весь мир вокруг храним
От скорбной череды,
Зачем-то лишь за мной одним
Усталый шаг беды!

В ручье форель-веретено –
Серебряной стрелой;
В тени боярки ей вольно
Ловцам слать вызов свой;
Я в токе жизни без забот
Форелью резвой был,
Но луч любви жестоко бьёт:
Сплошь русло иссушил.

Цветочек мирный жребий ждёт,
Пусть вырос тот средь скал,
Безбеден коноплянки взлёт –
И я хлопот не знал,
Любовь покуда не прошла,
Не посбивала цвет;
Являет вихрь-губитель власть,
Младого счастья нет.

В весну трель жаворонок внёс,
С восходом взмыл, крылат,
И трепет крыльев в каплях рос
Рассветный ловит взгляд;
Тоски не знал я никакой,
Покуда средь тенёт
Любви несчастной, колдовской
Не стал рабом забот.

O had my fate been Greenland snows,
Or Afric's burning zone,
Wi' man and nature leagued my foes,
So Peggy ne'er I'd known!
The wretch whose doom is "Hope nae mair"
What tongue his woes can tell;
Within whase bosom, save Despair,
Nae kinder spirits dwell.

Forlorn, My Love, No Comfort Near

Forlorn, my Love, no comfort near,
Far, far from thee, I wander here;
Far, far from thee, the fate severe,
At which I most repine, Love.

O wert thou, Love, but near me!
But near, near, near me,
How kindly thou wouldst cheer me,
And mingle sighs with mine, Love.

Around me scowls a wintry sky,
Blasting each bud of hope and joy;
And shelter, shade, nor home have I;
Save in these arms of thine, Love.

Cold, alter'd friendship's cruel part,
To poison Fortune's ruthless dart –
Let me not break thy faithful heart,
And say that fate is mine, Love.

But, dreary tho' the moments fleet,
O let me think we yet shall meet;
That only ray of solace sweet,
Can on thy Chloris shine, Love!

The Young Highland Rover

Loud blaw the frosty breezes,
The snaws the mountains cover;
Like winter on me seizes,
Since my young Highland rover
Far wanders nations over.
Where'er he go, where'er he stray,
May heaven be his warden;
Return him safe to fair Strathspey,
And bonie Castle-Gordon!

The trees, now naked groaning,
Shall soon wi' leaves be hinging,
The birdies dowie moaning,
Shall a' be blythely singing,

Дай рок гренландских блеск снегов
Иль африканский зной,
Сплотили люд и мир врагов,
И Пэгги не со мной!
«Надежды нет» – такой исход
Тьмой вражьих уст напет;
В душе Отчаянье живёт,
Добрей там дүхов нет.

«Родная, мира не найду...»

Родная, мира не найду:
Ты там, вдали, я здесь бреду;
Ты там, вдали, – бед череду
Вовсю клянуп, родная.

О, будь, родная, ты со мной!
Была бы, ближе нет, со мной,
Утешив ласково, со мной
Вздохнула бы, родная.

Нахмурился морозный свод:
Надежду, радость вмиг сметёт;
Приюта, дома нет, но ждёт
Кров рук твоих, родная.

В душе, лишённой дружбы, хлад,
Злой рок макает стрелы в яд –
Любви твоей да не пронзят;
Судьбой мне стань, родная.

Пусть ныне каждый миг жесток,
Дай мысль узреть в конце дорог:
Луч утешенья там пролёт,
Где Хлорис¹¹³², где родная!

«С тех пор, как горца нету...»

Вовсю пурга взревела,
Хребты под снегом где-то;
Я вся заледенела
С тех пор, как горца нету:
Ушёл бродить по свету.
С любых дорог, с любых путей
Пускай Небесной силой
Вернётся он плясать стратспей¹¹³³,
Где замок Гордон¹¹³⁴ милый!

Стенанья веток голых
В листве расслышишь еле,
Пичужек невесёлых
Вновь разнесутся трели;

And every flower be springing;
Sae I'll rejoice the lee-lang day,
When by his mighty Warden
My youth's return'd to fair Strathspey,
And bonie Castle-Gordon.

A Lass wi' a Tocher

Awa' wi' your witchcraft o' Beauty's alarms,
The slender bit Beauty you grasp in your arms,
O, gie me the lass that has acres o' charms,
O, gie me the lass wi' the weel-stockit farms.

Then hey, for a lass wi' a tocher,
Then hey, for a lass wi' a tocher;
Then hey, for a lass wi' a tocher;
The nice yellow guineas for me.

Your Beauty's a flower in the morning that blows,
And withers the faster, the faster it grows:
But the rapturous charm o' the bonie green knowes,
Ilk spring they're new deckit wi' bonie white yowes.

And e'en when this Beauty your bosom hath blest
The brightest o' Beauty may cloy when possess'd;
But the sweet, yellow darlings wi' Geordie impress'd,
The langer ye hae them, the mair they're carest.

Behold the Hour, the Boat, Arrive

Behold the hour, the boat, arrive!
My dearest Nancy, O fareweel!
Severed frae thee, can I survive,
Frae thee whom I hae lov'd sae weel?
Endless and deep shall be my grief;
Nae ray of comfort shall I see,
But this most precious, dear belief,
That thou wilt still remember me!

Alang the solitary shore
Where flitting sea-fowl round me cry,
Across the rolling, dashing roar,
I'll westward turn my wishful eye.
"Happy thou Indian grove," I'll say,
"Where now my Nancy's path shall be!
While thro' your sweets she holds her way,
O tell me, does she muse on me?"

Цветы – из каждой щели;
Я возликую в тот из дней,
Когда, Господней силой,
Мне юность возвратят стратспей
И замок Гордон милый.

Девница с приданым

Прочь чары красы: их, в тревоге, не снесть,
Сгрести тонкий стан невеликая честь,
О, дай мне девицу, чьих акров не счесть,
О, дай мне девицу – чтоб с фермой, как есть.

Ура в честь девицы с приданым,
Ура в честь девицы с приданым,
Ура в честь девицы с приданым –
С тьмой жёлтых гиней для меня!

Краса, как цветок на заре: без труда
Расцвёл и сразил – и усох навсегда;
Вот зелень холмов превосходна, когда
Весной её белят овечьи стада.

И даже коль тронет краса паренька,
Пресытит краса – и подступит тоска;
А жёлтые душки, где Джорди башка¹¹³⁵,
Знай радуют душу, владеешь пока.

«Корабль уже пришёл, гляди!»

Корабль уже пришёл, гляди!
«Прощай, о Нэнси¹¹³⁶!» – говорю.
Чем снять разлуки боль в груди
У расставанья на краю?
Всю глубь тоски не обуздать;
Луч утешенья не храня,
Поверь, всего дороже знать,
Что помнишь, милая, меня!

На одиноком берегу,
Где чайки надо мной кричат,
За вал ревуший не смогу
Не бросить взор свой на закат.
«Счастливый лес индийский, – так
Скажу, – где ныне Нэнси след!
Бродя среди несчётных благ,
Про друга думает ли, нет?»

Mally's Meek, Mally's Sweet

Mally's meek, Mally's sweet,
Mally's modest and discreet;
Mally's rare, Mally's fair,
Mally's every way complete.

As I was walking up the street,
A barefit maid I chanc'd to meet;
But O the road was very hard
For that fair maiden's tender feet.

It were mair meet that those fine feet
Were weel laced up in silken shoon;
An' 'twere more fit that she should sit
Within yon chariot gilt aboon.

Her yellow hair, beyond compare,
Comes trinklin down her swan-like neck,
And her two eyes, like stars in skies,
Would keep a sinking ship frae wreck.

Lady Mary Ann

O lady Mary Ann
Looks o'er the Castle wa',
She saw three bonie boys
Playing at the ba',
The youngest he was
The flower amang them a',
My bonie laddie's young,
But he's growin' yet.

O father, O father,
An ye think it fit,
We'll send him a year
To the college yet,
We'll sew a green ribbon
Round about his hat,
And that will let them ken
He's to marry yet.

Lady Mary Ann
Was a flower in the dew,
Sweet was its smell
And bonie was its hue,
And the longer it blossom'd
The sweeter it grew,
For the lily in the bud
Will be bonier yet.

«Молли – воск, Молли – мёд...»

Молли – воск, Молли – мёд,
Молли скромностью берёт;
Молли диво как красива,
Мимо Молли кто пройдёт?

Когда я шёл по мостовой,
Свёл случай с девушкой босой;
О, как же был нелёгок путь
Для ножек неженки такой!

Нога должна, коль так нежна,
Из шёлка туфельки носить;
Красе самой – вон, скажем, в той
Карете золочёной плыть.

И где сыскать златую прядь,
Как та, что с шейки вниз ползёт?
Глаз ярче нет, их звёздный свет
На море судно бережёт.

Леди Мэри-Энн

Глядит Мэри-Энн
Вниз с высокой стены:
С мячом три красавца
Азарта полны,
И младший всех краше,
Заметить должны;
Пускай ещё молод,
Взрослеть ему, всё ж.

Папаша, папаша,
Подумай о том:
На год целый в колледж
Парнишку пошлём,
Зелёную ленту
Вкруг шляпы нашъём,
Чтоб всем стало ясно:
Жених это, всё ж.

Сама Мэри-Энн –
Цветок под росой:
Отменно душист
И расцвечен с душой,
Чем дальше, тем пуще
Пленяет красой...
Бутон нераскрытый
Прекраснее, всё ж.

Young Charlie Cochran

Was the sprout of an aik,
Bonie and bloomin'
And straught was its make,
The sun took delight
To shine for its sake,
And it will be the brag
O' the forest yet.

The simmer is gane

When the leaves they were green,
And the days are awa'
That we hae seen,
But far better days
I trust will come again;
For my bonie laddie's young,
But he's growin' yet.

O Wat Ye Wha's in Yon Town

O wat ye wha's in yon town,
Ye see the e'enin sun upon,
The dearest maid's in yon town,
That e'ening sun is shining on.

Now haply down yon gay green shaw,
She wanders by yon spreading tree;
How blest ye flowers that round her blaw,
Ye catch the glances o' her e'e!

How blest ye birds that round her sing,
And welcome in the blooming year;
And doubly welcome be the Spring,
The season to my Jeanie dear.

The sun blinks blythe on yon town,
Among the broomy braes sae green;
But my delight in yon town,
And dearest pleasure, is my Jean.

Without my Fair, not a' the charms
O' Paradise could yield me joy;
But give me Jeanie in my arms
And welcome Lapland's dreary sky!

My cave wad be a lover's bower,
Tho' raging Winter rent the air;
And she a lovely little flower,
That I wad tent and shelter there.

А Чарли Кохрэн¹¹³⁷,
Как дубовый росток:
Приметный и статный,
Хорош паренёк;
Рад солнечный свет,
Что на малого лёг,
И лес таким сможет
Похвастаться, всё ж.

Вот лета ушла
Зелёная рать,
И памятных дней
Уже не видать;
Стократ лучших дней,
Я верю, нам ждать;
Пусть парень мой молод,
Взрослеть ему, всё ж.

«Кого, скажи, в том городке...»

«Кого, скажи, в том городке
Тебе закат увидеть дал?»
«На милую в том городке
Свет солнца на закате пал.

Ей в радость средь лесной листвы,
Под сенью пышных крон гулять;
Цветы вокруг, счастливцы вы:
Смогли сиянье глаз поймать!

Счастливцы птахи, трелью чьей
Ей послан зов в цветенье лет;
К весне призыв вдвойне сильней:
Поры для Джини лучшей нет.

Сияет солнце в городке,
Ракитник лезет до вершин;
Моей услады в городке
Желанней нет, и это Джин.

Без милой в райской стороне
Отрады сердце не найдёт;
Но дай в объятья Джини мне,
И мил лапландский жуткий свод!

Пещера скроет нас от бед
Назло метелям и снегам;
Дам ей, цветочку, краше нет,
Уход и попечение там.

O sweet is she in yon town,
The sinkin, sun's gane down upon;
A fairer than's in yon town,
His setting beam ne'er shone upon.

If angry Fate is sworn my foe,
And suffring I am doom'd to bear;
I careless quit aught else below,
But spare, O spare me Jeanie dear.

For while life's dearest blood is warm,
Ae thought frae her shall ne'er depart,
And she, as fairest is her form,
She has the truest, kindest heart.

A Vision

As I stood by yon roofless tower,
Where the wa'flower scents the dewy air,
Where the howlet mourns in her ivy bower,
And tells the midnight moon her care.

The winds were laid, the air was still,
The stars they shot alang the sky;
The fox was howling on the hill,
And the distant echoing glens reply.

The stream, adown its hazelly path,
Was rushing by the ruin'd wa's,
Hasting to join the sweeping Nith,
Whase distant roaring swells and fa's.

The cauld blae North was streaming forth
Her lights, wi' hissing, eerie din;
Athwart the lift they start and shift,
Like Fortune's favors, tint as win.

Now, looking over firth and fauld,
Her horn the pale-faced Cynthia reared,
When lo! in guise of Minstrel auld
A stern and stalwart ghaist appeared.

Had I a statue been o' stane,
His daring look had daunted me;
And on his bonnet grav'd was plain,
The sacred posy – "Libertie!"

And frae his harp sic strains did flow,
Might rous'd the slumb'ring Dead to hear;
But oh, it was a tale of woe,
As ever met a Briton's ear!

Дев краше нет в том городке,
Где тонет солнца пламень, ал;
Она затмит в том городке
Диск, что прощальный луч послал.

Злой рок поклялся быть врагом –
Груз бед влачу я, как могу;
Расстанусь хоть с каким добром,
Но Джини, Джини сберегу.

Покуда тёплится душа,
Есть мысль извечная о ней:
Сколь всем обличьем хороша,
Столь сердца нет добрей, верней».

Видение {2}¹¹³⁸

Стоял я у безверхой башни¹¹³⁹:
В дух рос вплеталась лакфиоль,
В плюще проухал филин страшно,
Неся луне свою юдоль;

Утихла вётров кутерьма,
Насыпал звёзд небес подол;
Выл лис на маковке холма,
И откликался дальний дол;

Ручей торил в лещине путь,
Вдоль стен обрушенных летел,
Спеша в проворный Нит¹¹⁴⁰ нырнуть,
Чей гул то крепнул, то слабел.

Норд – синь и хлад – зарницы рад
Волочь, чертя шипящий след;
Метал каприз их вверх и вниз,
Как фарт судьбы: то есть, то нет.

Над устьем, на краю земель,
Рог бледной Цинтии¹¹⁴¹ не тух;
Вдруг, с виду – старый менестрель,
Явился хмурый крепкий дух.

Будь статуей, и то бы скис,
Под смелым взором робок стал;
«Свобода» – сей святой девиз
Он на берете начертал!

Он арфу взял – напев тотчас
Подъял бы даже из могил:
О! Этот горестный рассказ
Впервой британца слух ловил.

He sang wi' joy his former day,
He, weeping, wailed his latter times;
But what he said – it was nae play,
I winna venture't in my rhymes.

My Highland Lassie, O

Nae gentle dames, tho' e'er sae fair,
Shall ever be my muse's care:
Their titles a' are empty show;
Gie me my Highland lassie, O.

Within the glen sae bushy, O,
Aboon the plain sae rashy, O,
I set me down wi' right guid will,
To sing my Highland lassie, O.

O were yon hills and vallies mine,
Yon palace and yon gardens fine!
The world then the love should know
I bear my Highland Lassie, O.

But fickle fortune frowns on me,
And I maun cross the raging sea!
But while my crimson currents flow,
I'll love my Highland lassie, O.

Altho' thro' foreign climes I range,
I know her heart will never change,
For her bosom burns with honour's glow,
My faithful Highland lassie, O.

For her I'll dare the billow's roar,
For her I'll trace a distant shore,
That Indian wealth may lustre throw
Around my Highland lassie, O.

She has my heart, she has my hand,
By secret troth and honour's band!
Till the mortal stroke shall lay me low,
I'm thine, my Highland lassie, O.

Farewell the glen sae bushy, O!
Farewell the plain sae rashy, O!
To other lands I now must go,
To sing my Highland lassie, O.

Mark Yonder Pomp of Costly Fashion

Mark yonder pomp of costly fashion
Round the wealthy, titled bride:

Пел бодро он о юных днях,
Скорбел о поздних днях своих;
Но сказ его – не вертопрах! –
Я не рискну оправить в стих.

«Моя горянка, о!»¹¹⁴²

На знатных дам, притом прекрасных,
Не тратит муза сил напрасных:
Их чванство пусто и легко –
Дай мне мою горянку, о.

В долине столь зелёной, о,
Узрев камыш со склона, о,
Присесть хочу, раз суждено
Воспеть мою горянку, о.

О, будь мои те холм и дол,
Тот сад, что вокруг дворца расцвёл!
Мир знал бы: всё принесено
К ногам моей горянки, о.

На хмурый рок надеюсь зря:
Шлёт за ревушие моря!
Но, жив покуда, не слабó
Любить мою горянку, о.

Хоть путь далёк, но, не греша,
Скажу: верна её душа,
Сбить пламень чести не дано
В груди горянки верной, о.

Любя, снесу волн рёв и бег,
Любя, вступлю на дальний брег,
Весь клад индийский, блеск его
Рассыплю вокруг горянки, о.

Мои ей сердце и рука,
Тиха пусть верность, но крепка!
Знай, до конца до своего
Я твой, моя горянка, о.

Прощай, мой дол зелёный, о!
Камыш, что зрел со склона, о!
Спешу за морем, далеко
Воспеть мою горянку, о.

«Вон как изысканны наряды...»

Вон как изысканы наряды,
И невеста как знатна!

But when compar'd with real passion,
Poor is all that princely pride.
What are the showy treasures,
What are the noisy pleasures?
The gay, gaudy glare of vanity and art:
The polish'd jewels' blaze
May draw the wond'ring gaze;
And courtly grandeur bright
The fancy may delight,
But never, never can come near the heart.

But did you see my dearest Chloris,
In simplicity's array;
Lovely as yonder sweet opening flower is,
Shrinking from the gaze of day,
O then, the heart alarming,
And all resistless charming,
In Love's delightful fetters she chains the willing soul!
Ambition would disown
The world's imperial crown,
Ev'n Avarice would deny,
His worshipp'd deity,
And feel thro' every vein Love's raptures roll.

This is No My Ain Lassie

This is no my ain lassie,
Fair tho, the lassie be;
Weel ken I my ain lassie,
Kind love is in her e're.

I see a form, I see a face,
Ye weel may wi' the fairest place;
It wants, to me, the witching grace,
The kind love that's in her e'e.

She's bonie, blooming, straight, and tall,
And lang has had my heart in thrall;
And aye it charms my very saul,
The kind love that's in her e'e.

A thief sae pawkie is my Jean,
To steal a blink, by a' unseen;
But gleg as light are lover's een,
When kind love is in her e'e.

It may escape the courtly sparks,
It may escape the learned clerks;
But well the watching lover marks
The kind love that's in her e'e.

Но блеск сравнить со страстью надо:
Спесь не сдюжит ни одна.
Что роскошь показная,
Что шум утех без края?

Весёлое сиянье тщеты и ремесла:
Каменья, что блестят,
Притянут праздный взгляд,
И утончённый шик
Знаток почует вмиг,
Но вглубь души услада не прошла.

На Хлорис¹¹⁴³, на родной, гляди ты,
Наряд совсем простой;
Так поутру цветы раскрыты –
Сожмёт их свет дневной;
И, растревожен ею,
От чар спастись не смею
От пут Любви нежнейших, что на́ душу легли!
Тщеславию резон
Забыть про блеск корон,
Жизнь Скупости сладка
Без жёлтого божка,
Коль жилы ток любовный разнесли.

«Это не моя родная...»

Это не моя родная,
Хоть хороша, твердят;
Я мою родную знаю,
Её влюблённый взгляд.

Я вижу облик, вижу лик,
Что вознесут в ряд лучших вмиг;
Мне нужен славный чаровник:
Тот её влюблённый взгляд.

Стройна, изящна, высока,
И ноша сердцу нелегка;
Пронзает душу паренька
Тот её влюблённый взгляд.

О, Джин моя – искусный вор:
Взгляд стащит, пусть тот не в упор;
Остр, лёгок любящего взор,
Как её влюблённый взгляд.

Взгляд нипочём весельчаку
Иль просвещённому крючку;
Приметен милому дружку
Тот её влюблённый взгляд.

O Bonie was Yon Rosy Brier

O bonie was yon rosy brier,
That blooms sae far frae haunt o' man;
And bonie she, and ah, how dear!
It shaded frae the e'enin sun.

Yon rosebuds in the morning dew,
How pure, amang the leaves sae green;
But purer was the lover's vow
They witness'd in their shade yestreen.

All in its rude and prickly bower,
That crimson rose, how sweet and fair;
But love is far a sweeter flower,
Amid life's thorny path o' care.

The pathless, wild and wimpling burn,
Wi' Chloris in my arms, be mine;
And I the warld nor wish nor scorn,
Its joys and griefs alike resign.

Craigieburn Wood

Sweet fa's the eve on Craigieburn,
And blythe awakes the morrow;
But a' the pride o' Spring's return
Can yield me nocht but sorrow.

I see the flowers and spreading trees,
I hear the wild birds singing;
But what a weary wight can please,
And Care his bosom wringing!

Fain, fain would I my griefs impart,
Yet dare na for your anger;
But secret love will break my heart,
If I conceal it langer.

If thou refuse to pity me,
If thou shalt love another,
When yon green leaves fade frae the tree,
Around my grave they'll wither.

O Let Me in This Ae Night

O Lassie, are ye sleepin yet,
Or are ye waukin, I wad wit?
For Love has bound me hand an' fit,
And I would fain be in, jo.

«О, как шиповник был хорош...»

О, как шиповник был хорош,
Чей цвет от глаз людских храним;
Родней, пригожей не найдёшь
Укрытой на закате им!

Бутоны – вон, роса легла –
В листве зелёной так чисты;
Но клятва чище им была
Вчера слышна до темноты.

Под кровом грубым и колючим
Тех роз малиновых нет краше;
Любовь цветком намного лучшим
Цветёт в тернистой жизни нашей.

Ручей, что рвал и путал след –
На нём я Хлорис¹¹⁴⁴ обнимал;
Не жаждал, не презрел я свет,
Что ликовал иль тосковал.

Крейгибёрнский лес {1}

Над Крейгибёрном¹¹⁴⁵ мил закат,
Рассвет проспишь едва ли,
Но дни весенние плодят
В душе одни печали.

Цветов не счесть в лесной тени,
Несутся птичьи трели,
Но что усталому они,
Коль беды одолели!

Тоской делюсь едва-едва,
Тебя гневить не смея,
Но душу рвут любви слова,
Коль страсть таю в себе я.

Коль жалости напрасно ждать,
Тебе иные милы,
То листьям этим увядать
Вокруг моей могилы.

«Впусти меня на эту ночь...»¹¹⁴⁶

О милая, легла ты спать
Иль вдруг проснулась, мне бы знать?
Любовь за руки-ноги хватать,
И мне б войти, родная.

O let me in this ae night,
This ae, ae, ae night;
O let me in this ae night,
I'll no come back again, jo!

O hear'st thou not the wind an' weet?
Nae star blinks thro' the driving sleet;
Tak pity on my weary feet,
And shield me frae the rain, jo.

The bitter blast that round me blows,
Unheeded howls, unheeded fa's;
The cauldness o' thy heart's the cause
Of a' my care and pine, jo.

Her Answer

O tell na me o' wind an' rain,
Upbraid na me wi' cauld disdain,
Gae back the gate ye cam again,
I winna let ye in, jo.

I tell you now this ae night,
This ae, ae, ae night;
And ance for a' this ae night,
I winna let ye in, jo.

The snellest blast, at mirkest hours,
That round the pathless wand'rer pours
Is nocht to what poor she endures,
That's trusted faithless man, jo.

The sweetest flower that deck'd the mead,
Now trodden like the vilest weed –
Let simple maid the lesson read
The weird may be her ain, jo.

The bird that charm'd his summer day,
Is now the cruel Fowler's prey;
Let witless, trusting, Woman say
How aft her fate's the same, jo!

Their Groves O'Sweet Myrtle

Their groves o' sweet myrtle let Foreign Lands reckon,
Where bright-beaming summers exalt the perfume;
Far dearer to me yon lone glen o' green breckan,
Wi' the burn stealing under the lang, yellow broom.

Far dearer to me are yon humble broom bowers
Where the blue-bell and gowan lurk, lowly, unseen;

Впусти меня на эту ночь,
На эту, эту, эту ночь;
Впусти меня на эту ночь –
Не то не жди, родная!

Ты слышишь, дует как и льёт?
Звезда меж струй не подмигнёт;
Так жалости усталый ждёт –
Спрячь от дождя, родная.

Тот вихрь, что так со мной жесток,
Вытьём, битьём свалить не смог;
Мороз души твоей навлѣк
Тьму бед, забот, родная.

Её ответ

Про дождь и ветер – болтовня,
И зря за спесь коришь меня;
Ступай, напрасна суетня,
Сюда нет ходу, милый.

Скажу тебе я в эту ночь,
Вот в эту, эту, эту ночь,
Запомни крепко: в эту ночь
Сюда нет ходу, милый.

Вихрь и ночная темнота,
Что над заблудшим разлита,
Пустяк: в беде, нет хуже, та,
Что верит бредням, милый.

Цветок ярчайший средь полян
Затоптан ныне, как бурьян –
Считай, урок простушке дан:
Так с ней быть может, милый.

Пичуга лето воспоёт,
Но миг – забьётся средь тенёт;
Глупышке пусть на ум пойдёт:
Её ждёт то же, милый!

«Чащобы, от мирта душистого млея...»

Чащобы, от мирта душистого млея,
В далёких краях встали солнечным днём;
Мне папоротник в долгом глене милее,
Где жёлтый раkitник повис над ручьём.

Милей мне раkitника кущи простые,
Пролески с ромашкой глазки из глубин:

For there, lightly tripping, among the wild flowers,
A-list'ning the linnet, aft wanders my Jean.

Tho' rich is the breeze in their gay, sunny valleys,
And cauld Caledonia's blast on the wave;
Their sweet-scented woodlands that skirt the proud palace,
What are they? – the haunt of the Tyrant and Slave.

The Slave's spicy forests, and gold-bubbling fountains,
The brave Caledonian views wi' disdain;
He wanders as free as the winds of his mountains,
Save Love's willing fetters – the chains of his Jean.

The Banks of Nith

The Thames flows proudly to the sea,
Where royal cities stately stand;
But sweeter flows the Nith to me,
Where Comyns ance had high command.
When shall I see that honour'd land,
That winding stream I love so dear!
Must wayward Fortune's adverse hand
For ever, ever keep me here!

How lovely, Nith, thy fruitful vales,
Where bounding hawthorns gaily bloom;
And sweetly spread thy sloping dales,
Where lambkins wanton through the broom.
Tho' wandering now must be my doom,
Far from thy bonie banks and braes,
May there my latest hours consume,
Amang the friends of early days!

The Bonie Wee Thing

Bonie wee thing, cannie wee thing,
Lovely wee thing, wert thou mine,
I wad wear thee in my bosom,
Lest my jewel it should tine.

Wishfully I look and languish
In that bonie face o' thine,
And my heart it stounds wi' anguish,
Lest my wee thing be na mine.

Wit, and Grace, and Love, and Beauty,
In ae constellation shine;
To adore thee is my duty,
Goddess o' this soul o' mine!

Ведь там, чуть сминая цветы луговые,
На песнь коноплянки идёт моя Джин.

Бриз дивен в долинах, где солнца так много,
А вихрь каледонский¹¹⁴⁷ морозный неслаб;
Душистые рощи встают вокруг чертога,
Но кто обитает в нём? Деспот и Раб.

Раба пряный лес, ключ, где булькает золото,
Презрит смелым взором Шотландии сын,
Чья поступь, как горные ветры, крылата;
Он если и связан, то путами Джин.

Берега Нита¹¹⁴⁸ {1}

Горд Темзы путь к морской волне:
Что град, то королей оплот;
Но струи Нита ближе мне,
Тут Каминсов¹¹⁴⁹ прославлен род.
Когда с тем краем встреча ждёт,
Где милых вод извилист бег?
Неужто рока злобный ход
Удержит здесь навек, навек?

Нит, плодородие долин,
Где весел так боярки цвет,
Раскинуть вширь смог ты один:
Ягнята, зелень – краше нет.
Пускай лежит вдали мой след
От склонов и берегов твоих,
Но дай узреть прощальный свет
В кругу друзей деньков былых!

«Прелесть крошка...»

Прелесть крошка, нежность крошка,
Диво крошка! Будь моей,
На груди тебя носил бы:
Драгоценней нет камней.

Я томлюсь желаньем, тая,
Нету личика милей;
Болью сердце разрывая,
Не спешишь ты стать моей.

Ум, Краса, Любовь, Участье –
Не созвездье, рой огней;
В Восхищенье – долг и счастье,
Госпожа души моей!

She's Fair and Fause

She's fair and fause that causes my smart,
I lo'ed her meikle and lang;
She's broken her vow, she's broken my heart,
And I may e'en gae hang.
A coof cam in wi' routh o' gear,
And I hae tint my dearest dear;
But Woman is but world's gear,
Sae let the bonie lass gang.

Whae'er ye be that woman love,
To this be never blind;
Nae ferlie 'tis tho' fickle she prove,
A woman has't by kind.
O Woman lovely, Woman fair!
An angel form's faun to thy share,
'Twad been o'er meikle to gi'en thee mair –
I mean an angel mind.

Bessy and Her Spinnin' Wheel

O leeze me on my spinnin' wheel,
And leeze me on my rock and reel;
Frae tap to tae that cleeds me bien,
And haps me biel and warm at e'en;
I'll set me down and sing and spin,
While laigh descends the simmer sun,
Blest wi' content, and milk and meal,
O leeze me on my spinnin' wheel.

On ilka hand the burnies trot,
And meet below my theekit cot;
The scented birk and hawthorn white,
Across the pool their arms unite,
Alike to screen the birdie's nest,
And little fishes' caller rest;
The sun blinks kindly in the beil',
Where blythe I turn my spinnin' wheel.

On lofty aiks the cushats wail,
And Echo cons the doolfu' tale;
The lintwhites in the hazel braes,
Delighted, rival ither's lays;
The craik amang the claver hay,
The pairtrick whirring o'er the ley,
The swallow jinkin' round my shiel,
Amuse me at my spinnin' wheel.

Wi' sma' to sell, and less to buy,
Aboon distress, below envy,

«Краса и ложь...»

Краса и ложь – в них боль одна,
В любви извёлся весь;
Обманом сердце рвёт она,
Теперь хоть в пётлю лезь.
Пришёл болван с тугой мошной,
И нет со мной моей родной;
Мню бабу мировой мошной –
И нет красоты здесь.

В какую б ни влюбился ты,
Не будь слепым, лопух;
Не диво: клятвы их пусты,
Соврут ни за понюх.
– Она мила, она стройна!
Как ангел, обликом она,
Какого ж вам ещё рожна?
– Мне ангельский бы дух.

Бесси и её самопрялка¹¹⁵⁰

Ох, самопрялка хороша,
И в прялке-донце¹¹⁵¹ есть душа;
Оденут с головы до пят,
И ввечеру по мне наряд;
Я сяду прясть и запою,
Покуда свет не на краю,
На хлеб и грошик не греша, –
Ох, самопрялка хороша.

По-над слияньем двух ручьёв
Встал мой соломой крытый кров;
Берёза и боярка тут
Сплелись и кроют духом пруд,
Пичужьи гнёзда скрыв чуток,
Да и рыбёшек омуток;
Луч солнце шлёт, добром дыша,
Туда, где прялка хороша.

С дубов высоких – горлиц стон,
Он скорбным эхом возвращён;
В орешник коноплянки сев,
Друг дружке дарят свой напев;
Дергач на клеверном стогу,
И куропатка на лугу,
И ласточка средь камыша –
При них работа хороша.

Купить за грош, продать за два,
Боль, зависть – лишние слова,

O wha wad leave this humble state,
For a' the pride of a' the great?
Amid their flairing, idle toys,
Amid their cumbrous, dinsome joys,
Can they the peace and pleasure feel
Of Bessy at her spinnin' wheel?

I Hae a Wife o' My Ain

I hae a wife of my ain,
I'll partake wi' naebody;
I'll take Cuckold frae nane,
I'll gie Cuckold to naebody.

I hae a penny to spend,
There – thanks to naebody!
I hae naething to lend,
I'll borrow frae naebody.

I am naebody's lord,
I'll be slave to naebody;
I hae a gude braid sword,
I'll tak dunts frae naebody.

I'll be merry and free,
I'll be sad for naebody;
Naebody cares for me,
I care for naebody.

My Wife's a Winsome Wee Thing

She is a winsome wee thing,
She is a handsome wee thing,
She is a lo'esome wee thing,
This dear wee wife o' mine.

I never saw a fairer,
I never lo'ed a dearer,
And neist my heart I'll wear her,
For fear my jewel tine.

The world's wrack we share o't;
The warstle and the care o't;
Wi' her I'll blythely bear it,
And think my lot divine.

The Lass o' Ballochmyle

'Twas even – the dewy fields were green,
On every blade the pearls hang;

Кто б стал такой ход дел менять
На всё, чем так кичится знать?
Из пестроты пустых утех
Сквозь шумный и нелепый смех
Как в тишь попасть, не вороша,
Что пряхе Бесси хороша?

«Привязан я к жене...»

Привязан я к жене,
И больше ни к кому;
Рогов не ставят мне,
И я их никому.

Хочу потратить грош –
Нет просьбы ни к кому!
Деньжонок не займёшь,
Не должен никому.

Я никому не лорд,
Не раб я никому;
С мечом, в повадках твёрд,
Не сдамся никому.

Женат и волен я,
Не липну ни к кому;
Нет дела до меня –
Не друг я никому¹¹⁵².

«Малютка милая жена...»

Малютка милая она,
Малютка чудная она,
Малютка славная она –
И жёнушка моя.

Её пригожей нету,
Её любимей нету,
И драгоценность эту
Боюсь утратить я.

Мы делим с ней волненья,
Борьбу и попечение,
С ней беды – дребедень, я
Везунчик, без вранья.

«Твоя, о Бэллокмайл, краса...»¹¹⁵³

Был вечер: росы в зеленях,
Свисали с листьев жемчуга;

The zephyr wanton'd round the bean,
And bore its fragrant sweets along:
In ev'ry glen the mavis sang,
All nature list'ning seem'd the while,
Except where greenwood echoes rang,
Among the braes o' Ballochmyle.

With careless step I onward stray'd,
My heart rejoic'd in nature's joy,
When, musing in a lonely glade,
A maiden fair I chanc'd to spy:
Her look was like the morning's eye,
Her air like nature's vernal smile:
Perfection whisper'd, passing by,
"Behold the lass o' Ballochmyle!"

Fair is the morn in flowery May,
And sweet is night in autumn mild;
When roving thro' the garden gay,
Or wand'ring in the lonely wild:
But woman, nature's darling child!
There all her charms she does compile;
Even there her other works are foil'd
By the bonie lass o' Ballochmyle.

O, had she been a country maid,
And I the happy country swain,
Tho' shelter'd in the lowest shed
That ever rose on Scotland's plain!
Thro' weary winter's wind and rain,
With joy, with rapture, I would toil;
And nightly to my bosom strain
The bonie lass o' Ballochmyle.

Then pride might climb the slipp'ry steep,
Where frame and honours lofty shine;
And thirst of gold might tempt the deep,
Or downward seek the Indian mine:
Give me the cot below the pine,
To tend the flocks or till the soil;
And ev'ry day have joys divine
With the bonie lass o' Ballochmyle.

The Winter of Life

But lately seen in gladsome green,
The woods rejoic'd the day,
Thro' gentle showers, the laughing flowers
In double pride were gay:
But now our joys are fled
On winter blasts awa;
Yet maiden May, in rich array,
Again shall bring them a'.

Под ветерком горошек пах,
Дух сладкий нёсся за луга;
Над гленом – трель дрозда, туга,
Природе мнились голоса,
И эхо слали берега
Над Бэллокмайлом сквозь леса.

Я брёл, не ведая забот,
Душою, вслед природе, рад;
Мысль на полянке всласть течёт –
И вдруг упал на деву взгляд:
Взор, как у ней, дарит восход,
Весны улыбку – чудеса!
Тут шёпот, словно бы с высот:
«Вот, Бэллокмайл, твоя краса!»

Блеск утра майского хорош,
Осенний нежен вечерок,
Когда сквозь пёстрый сад идёшь
Или блуждаешь без дорог,
Но с девой что сравнить бы смог?
Где чары, зряшны словеса;
Затмила прочих, как итог,
Всех, Бэллокмайл, твоя краса.

Была б селяночкой она,
Я – деревенским пареньком¹¹⁵⁴,
Нам дал бы радостей сполна
Равнин шотландских низкий дом!
Под снегопадом, под дождём
За труд бы славил небеса:
В объятьях в сумраке ночном
Твоя, о Бэллокмайл, краса.

На скользкий склон гордыни путь:
Честь, слава блещут в вышине;
А жажда злата может пнуть
В тьму шахт в индийской стороне;
Кров под сосной милее мне,
Овечки, пашни полоса –
И каждый день, как свет в окне,
Твоя, о Бэллокмайл, краса.

Зима жизни

Зелёный цвет сошёл на нет,
А лес был весел здесь;
Мог дождик лить, цветы смешить,
Даря двойную спесь;
Унёс отрады прочь
Январской бури хлад,
Но майский день, раскинув тень,
Всё возвратит назад.

But my white pow, nae kindly thowe
Shall melt the snaws of Age;
My trunk of eild, but buss or beild,
Sinks in Time's wintry rage.
Oh, Age has weary days,
And nights o' sleepless pain:
Thou golden time, o' Youthfu' prime,
Why comes thou not again!

Farewell Thou Stream

Farewell, thou stream that winding flows
Around Eliza's dwelling;
O mem'ry! spare the cruel those
Within my bosom swelling.
Condemn'd to drag a hopeless chain
And yet in secret languish;
To feel a fire in every vein,
Nor dare disclose my anguish.

Love's veriest wretch, unseen, unknown,
I fain my griefs would cover;
The bursting sigh, th' unweeting groan,
Betray the hapless lover.
I know thou doom'st me to despair,
Nor wilt, nor canst relieve me;
But, O Eliza, hear one prayer –
For pity's sake forgive me!

The music of thy voice I heard,
Nor wist while it enslav'd me;
I saw thine eyes, yet nothing fear'd,
Till fears no more had sav'd me:
Th' unwary sailor thus, aghast
The wheeling torrent viewing,
'Mid circling horrors sinks at last,
In overwhelming ruin.

Lassie Wi' the Lint-White Locks

Lassie wi'the lint-white locks,
Bonie lassie, artless lassie,
Wilt thou wi' me tent the flocks,
Wilt thou be my Dearie, O?

Now Nature cleeds the flowery lea,
And a' is young and sweet like thee,
O wilt thou share its joys wi' me,
And say thou'lt be my Dearie, O.

The primrose bank, the wimpling burn,
The cuckoo on the milk-white thorn,
The wanton lambs at early morn,
Shall welcome thee, my Dearie, O.

Башка бела, и нет тепла
Для таянья снегов;
Под грузом лет сойду на нет,
Гнев Времени суров.
Дни старости томят,
Ночей бессонна жуть;
Что ж злато дней весны моей
Обратно не вернуть?

«Прощай, ручей...»

Прощай, ручей, что вьётся вкрут
Илайзинога дома¹¹⁵⁵,
Не дли, о память, тяжких мук,
Чьё буйство мне знакомо.
Лишён надежды, груз оков
Влача, под ним слабею;
Поведать, жар в груди каков,
Как жжёт, и то не смею.

Любовью скрытой изнурён,
Под беды тихо лягу,
Но тяжкий вздох, невольный стон
Всё ж выдадут беднягу.
Ты злою мне дала судьбу,
Спасенья не осталось;
Илайза, выслушай мольбу:
Прости, являя жалость!

Твой голос музыкой звучит,
Меня порабощая;
Я видел: взор твой страх презрит,
От страха не спасая;
Моряк беспечный так сметён
Вращением потока,
И тонет в диком вихре он,
Закрученный жестоко.

«Кудри девы, словно лён...»¹¹⁵⁶

Кудри девы, словно лён,
Славной девы, чистой девы;
Сгоним мы овец на склон,
Станешь моей милой, о?

Природу луг одел в цветы,
Краса вокруг юна, как ты;
Разделим сладкие мечты,
Скажи, что станешь милой, о.

Вертун-ручей и примул лик,
Боярки снег, кукушки крик,
Ягнят на зорьке скок да прыг
Тебе привет шлют, милой, о.

And when the welcome simmer shower
Has cheer'd ilk drooping little flower,
We'll to the breathing woodbine bower,
At sultry noon, my Dearie, O.

When Cynthia lights, wi' silver ray,
The weary shearer's hameward way,
Thro' yellow waving fields we'll stray,
And talk o' love, my Dearie, O.

And when the howling wintry blast
Disturbs my Lassie's midnight rest,
Enclasped to my faithfu' breast,
I'll comfort thee, my Dearie, O.

Wilt Thou be My Dearie?

Wilt thou be my Dearie?
When Sorrow wring thy gentle heart,
O wilt thou let me cheer thee!
By the treasure of my soul,
That's the love I bear thee:
I swear and vow that only thou
Shall ever be my Dearie!
Only thou, I swear and vow,
Shall ever be my Dearie!

Lassie, say thou lo'es me;
Or, if thou wilt na be my ain,
O say na thou'lt refuse me!
If it winna, canna be,
Thou for thine may choose me,
Let me, lassie, quickly die,
Still trusting that thou lo'es me!
Lassie, let me quickly die,
Still trusting that thou lo'es me!

My Spouse Nancy

"Husband, husband, cease your strife,
Nor longer idly rave, Sir;
Tho' I am your wedded wife
Yet I am not your slave, Sir."

"One of two must still obey,
Nancy, Nancy;
Is it Man or Woman, say,
My spouse Nancy?"

"If 'tis still the lordly word,
Service and obedience;

Желанный летний ливень смог
Умыть, поднять любой цветок –
Мы в жимолость, чей дух потёк,
Укрыв от зноя с милой, о.

Луна, сияя серебром,
Жнецам усталым кажет дом –
Мы жёлтой нивой побредём,
Воркуя нежно с милой, о.

Когда же зимней бури вой
Нарушит твой ночной покой,
Прижав к груди, любимый твой
Даст утешенье милой, о.

«Станешь моей милой?»

Станешь моей милой?
Когда на сердце ран не счесть,
Дай, чтоб утешил милый!
Верь, родная, что влюблён
Я со страшной силой;
Даю обет: на свете нет
Другой, чтоб стала милой!
На свете нет, даю обет,
Другой, чтоб стала милой!

Так скажи, что любишь, –
Или хоть не говори,
Что не приголубишь!
Если всё же ты со мной
Счастья не пригубишь,
Дай мне, крошка, сгинуть вмиг,
Но веря, что ты любишь!
Крошка, дай мне сгинуть вмиг,
Но веря, что ты любишь!

Жёнка Нэнси

«Муж мой, толку ни хрена
В болтовне пустой, сэр;
Я – законная жена,
Мне не стать рабой, сэр».

«Кто-то главный, разве нет,
Нэнси, Нэнси?
Муж, жена? Давай ответ,
Жёнка Нэнси!»

«Коль, затуркана тобой,
Я прислугой буду –

I'll desert my sov'reign lord,
And so, good bye, allegiance!"

"Sad shall I be, so bereft,
Nancy, Nancy;
Yet I'll try to make a shift,
My spouse Nancy."

"My poor heart, then break it must,
My last hour I am near it:
When you lay me in the dust,
Think how you will bear it."

"I will hope and trust in Heaven,
Nancy, Nancy;
Strength to bear it will be given,
My spouse Nancy."

"Well, Sir, from the silent dead,
Still I'll try to daunt you;
Ever round your midnight bed
Horrid sprites shall haunt you!"

"I'll wed another like my dear
Nancy, Nancy;
Then all hell will fly for fear,
My spouse Nancy."

Thine am I, My Faithful Fair

Thine am I, my faithful Fair,
Thine, my lovely Nancy;
Ev'ry pulse along my veins,
Ev'ry roving fancy.

To thy bosom lay my heart,
There to throb and languish;
Tho' despair had wrung its core,
That would heal its anguish.

Take away those rosy lips,
Rich with balmy treasure;
Turn away thine eyes of love,
Lest I die with pleasure!

What is life when wanting Love?
Night without a morning:
Love's the cloudless summer sun,
Nature gay adorning.

Прощевай, властитель мой!
Преданность, покуда!»

«Огорчусь, тебя лишён,
Нэнси, Нэнси,
Но снесу такой урон,
Жёнка Нэнси».

«Когда встану на краю
Вечного покоя,
И зароешь плоть мою,
Как снесёшь такое?»

«Вверюсь Господу вполне,
Нэнси, Нэнси,
Он снести даст силы мне,
Жёнка Нэнси».

«И оттуда, сэр, на вас
Я найду управу:
Напущу в полночный час
Призраков ораву!»

«На другой женюсь, как ты,
Нэнси, Нэнси;
То-то пеклу маеты,
Жёнка Нэнси!»

«Твой я, верная моя...»

Твой я, верная моя,
Нэнси дорогая;
Для тебя мой бьётся пульс,
Устали не зная.

Я прижмусь к твоей груди,
Полня сердце стуком;
Пусть отчаянье томит,
Там не выжить мукам.

Губы розовые прочь
С их душистым кладом,
Отведи влюблённый взор,
Чтоб не умер рядом!

Жизнь с любовной жаждой – ночь,
Где не быть рассвету;
Лик любви – сиянье дня:
В мире краше нету.

On the Seas and Far Away

How can my poor heart be glad,
When absent from my sailor lad;
How can I the thought forego –
He's on the seas to meet the foe?
Let me wander, let me rove,
Still my heart is with my love;
Nightly dreams, and thoughts by day,
Are with him that's far away.

On the seas and far away,
On stormy seas and far away;
Nightly dreams and thoughts by day,
Are aye with him that's far away.

When in summer noon I faint,
As weary flocks around me pant,
Haply in this scorching sun,
My sailor's thund'ring at his gun;
Bullets, spare my only joy!
Bullets, spare my darling boy!
Fate, do with me what you may,
Spare but him that's far away!

On the seas and far away,
On stormy seas and far away;
Fate, do with me what you may,
Spare but him that's far away.

At the starless, midnight hour
When Winter rules with boundless power,
As the storms the forests tear,
And thunders rend the howling air,
Listening to the doubling roar,
Surging on the rocky shore,
All I can – I weep and pray
For his weal that's far away!

On the seas and far away,
On stormy seas and far away;
All I can – I weep and pray,
For his weal that's far away.

Peace, thy olive wand extend,
And bid wild War his ravage end,
Man with brother Man to meet,
And as a brother kindly greet;
Then may heav'n with prosperous gales,
Fill my sailor's welcome sails;
To my arms their charge convey,
My dear lad that's far away.

Над пучиной и вдали

Как на душе унять тоску
Мне по дружочку-моряку,
Как мысль сумею отогнать:
Ушёл он в море воевать?
Двинусь тропкой хоть какой,
Буду с милым всей душой;
Сны летели, думы шли –
Всё о милом, что вдали.

Над пучиной и вдали,
Над злой пучиной и вдали,
Сны летели, думы шли –
И всё о милом, что вдали.

Вот в летний полдень припекло,
И стадо дышит тяжело;
Вдруг в зной, палящий точно так,
Палит из пушки мой моряк?
Пули, мчитесь стороной!
Пули, это ж милый мой!
Рок, со мной давай шали,
Лишь бы он был цел вдали!

Над пучиной и вдали,
Над злой пучиной и вдали,
Рок, со мной давай шали,
Лишь бы он был цел вдали!

В беззвёздный и полночный час,
Когда зима сгибает нас,
Когда терзает буря лес,
Гром раздирает ткань небес,
Лезет в уши рёв двойной,
Рокот берега под волной;
Я в слезах молю: пошли
Благ, Господь, дружку вдали!

Над пучиной и вдали,
Над злой пучиной и вдали,
Я в слезах молю: пошли
Благ, Господь, дружку вдали!

Мир, ветвь оливы протяни,
Прерви войны свирепой дни;
Каждый будь другому брат,
И по-братски встрече рад,
Пусть наполнят небеса
Другу ветром паруса,
Чтоб в объятья принесли
Мне родного, что вдали.

On the seas and far away,
On stormy seas and far away;
To my arms their charge convey,
My dear lad that's far away.

Beware o' Bonie Ann

Ye gallants bright, I rede you right,
Beware o' bonie Ann;
Her comely face sae fu' o' grace,
Your heart she will trepan:
Her een sae bright, like stars by night,
Her skin sae like the swan;
Sae jimply lac'd her genty waist,
That sweetly ye might span.

Youth, Grace, and Love attendant move,
And pleasure leads the van:
In a' their charms, and conquering arms,
They wait on bonie Ann.
The captive bands may chain the hands,
But love enslaves the man:
Ye gallants braw, I rede you a',
Beware o' bonie Ann!

My Peggy's Charms

My Peggy's face, my Peggy's form,
The frost of hermit Age might warm;
My Peggy's worth, my Peggy's mind,
Might charm the first of human kind.
I love my Peggy's angel air,
Her face so truly heavenly fair,
Her native grace, so void of art,
But I adore my Peggy's heart.

The lily's hue, the rose's dye,
The kindling lustre of an eye;
Who but owns their magic sway!
Who but knows they all decay!
The tender thrill, the pitying tear,
The generous purpose nobly dear,
The gentle look that rage disarms –
These are all Immortal charms.

Tho' Cruel Fate Should Bid Us Part

Tho' cruel fate should bid us part,
Far as the pole and line,
Her dear idea round my heart,
Should tenderly entwine.

Над пучиной из дали,
Над злой пучиной из дали,
Чтоб в объятья принесли
Мне родного, что вдали.

Остерегайтесь Энн!

Отважный люд, совет нехуд:
Остерегайтесь Энн;
Лицом мила, и всем взяла –
Захватит душу в плен;
Глаз ярче нет: как звёздный свет;
Белее нету пен –
Введёт в дурман точёный стан:
Увидевший блажен.

Краса, любовь, молодая кровь
И нега-суверен –
Сплочённых чар могуч удар,
Все вместе служат Энн.
Есть путы: вас повяжут враз,
Вот им любовь взамен;
Отважный люд, совет нехуд:
Остерегайтесь Энн!

Чары моей Пэгги

Лик Пэгги, нрав, сомнений нет,
Растопят хлад на склоне лет;
Ум Пэгги, добрых чувств запас
Чаруют лучших среди нас.
Любовь ей, ангелу, несусь:
Люблю небесную красу,
Стать, что проста и хороша –
Но всё затмит её душа.

В ней роз и лилий зрю отсвет,
И глаз, горящих ярче, нет;
Но не навек им править тут!
Известно, вскорости уйдут!
Но нежный трепет, жалость слёз,
Великодушие всерьёз,
Да гнев гасящий милый взгляд –
Угаснут чары их навряд.

«Сколь рок разъять нас ни спеши...»

Сколь рок разъять нас ни спеши,
Сколь даль ни солоня,
Мысль милой вокруг моей души
Любовно сплетена.

Tho' mountains, rise, and deserts howl,
And oceans roar between;
Yet, dearer than my deathless soul,
I still would love my Jean.

I Dream'd I Lay

I dream'd I lay where flowers were springing
Gaily in the sunny beam;
List'ning to the wild birds singing,
By a falling crystal stream:
Straight the sky grew black and daring;
Thro' the woods the whirlwinds rave;
Trees with aged arms were warring,
O'er the swelling drumlie wave.

Such was my life's deceitful morning,
Such the pleasures I enjoyed:
But lang or noon, loud tempests storming
A' my flowery bliss destroy'd.
Tho' fickle fortune has deceiv'd me –
She promis'd fair, and perform'd but ill,
Of mony a joy and hope bereav'd me –
I bear a heart shall support me still.

Had I a Cave

Had I a cave on some wild distant shore,
Where the winds howl to the wave's dashing roar:
There would I weep my woes,
There seek my lost repose,
Till grief my eyes should close,
Ne'er to wake more!

Falsest of womankind, can'st thou declare
All thy fond, plighted vows fleeting as air!
To thy new lover hie,
Laugh o'er thy perjury;
Then in thy bosom try
What peace is there!

Wha is That at My Bower-Door

"Wha is that at my bower-door?"
"O wha is it but Findlay!"
"Then gae your gate, ye'se nae be here:"
"Indeed maun I," quo' Findlay;
"What mak' ye, sae like a thief?"
"O come and see," quo' Findlay;
"Before the morn ye'll work mischief:"
"Indeed will I," quo' Findlay.

Громады гор, пустыни вой,
А между – рёв пучин;
Сильней души, навек живой,
Любить я буду Джин.

«Сон: я лежал...»

Сон: я лежал, цвела поляна
В блеске яркого луча,
Пичуги распевали рьяно
У ручья, что тёк, журча;
Вдруг небо дерзко помрачнело,
Лес прорезал вихрь шальной,
Мощь сучьев в сечу влезла смело
С накатившею волной.

Таким вот утром жизни лживым
Ликовал, ловил кураж;
Уж день давно: лихим порывом
Унесло цветенья блажь.
Пускай фортуна обдурила
(Красу сулила – дрянь стеной),
Надежд и радости лишила –
Но сердце верное со мной.

«Дай мне пещеру...»

Дай мне пещеру дальний дикий берег,
Где вой ветров встречает волн разбег,
Там плакал бы с тоской,
Искал былой покой,
Потом, сморён бедой,
Уснул навек!

Ты, лживей всех, смогла без маеты
Дать клятвы, что развеялись, пусты!
Друг новый ждёт, спеши,
Посмейтесь от души;
Подумай и реши:
Довольна ты?

Кто в дверь колотит?¹¹⁵⁷

- Кто в дверь колотит, шалапут?
- Ну кто, кроме Финдли!
- Катись, да не болтайся тут!
- Ага! – ответил Финдли;
- Чего припёрся, словно тать?
- Выдь, глянь, – ответил Финдли;
- Чтоб до утра надоедать?
- Во-во, – ответил Финдли.

"Gif I rise and let you in" –
 "Let me in," quo' Findlay;
"Ye'll keep me waukin wi' your din;"
 "Indeed will I," quo' Findlay;
"In my bower if ye should stay"–
 "Let me stay," quo' Findlay;
"I fear ye'll bide till break o' day;"
 "Indeed will I," quo' Findlay.

"Here this night if ye remain"–
 "I'll remain," quo' Findlay;
"I dread ye'll learn the gate again;"
 "Indeed will I," quo' Findlay.
"What may pass within this bower"–
 "Let it pass," quo' Findlay;
"Ye maun conceal till your last hour:"
 "Indeed will I," quo' Findlay.

The Blink o' Mary's Ee

Now bank an' brae are claith'd in green,
 An' scatter'd cowslips sweetly spring,
By Girvan's fairy haunted stream
 The birdies flit on wanton wing.
To Cassillis' banks when e'ening fa's,
 There wi' my Mary let me flee,
There catch her ilka glance o' love,
 The bonnie blink o' Mary's ee!

The chield wha boasts o' world's wealth,
 Is aften laird o' meikle care;
But Mary she is a' my ain,
 Ah, fortune canna gie me mair!
Then let me range by Cassillis' banks
 Wi' her the lassie dear to me,
And catch her ilka glance o' love,
 The bonnie blink o' Mary's ee!

Out Over the Forth

Out over the Forth, I look to the North;
 But what is the north and its Highlands to me?
The south nor the east gie ease to my breast,
 The far foreign land, or the wide rolling sea.

But I look to the west when I gae to rest,
 That happy my dreams and my slumbers may be;
For far in the west lives he I loe best,
 The man that is dear to my babie and me.

- Вот встань я да тебя впусти...
- Впусти, – ответил Финдли;
- Так после шуму не снести!
- Учти, – ответил Финдли;
- Тебя под кровом лишь оставь...
- Оставь, – ответил Финдли;
- Тут до утра застрянешь вьявь!
- Всё так, – ответил Финдли.

- Лишь приюти на эту ночь...
- На ночь, – ответил Финдли;
- Боюсь, зайти ты вновь не прочь!
- Не прочь, – ответил Финдли.
- Что ночевал в моём дому...
- Всю ночь, – ответил Финдли;
- До самой смерти никому!
- А то! – ответил Финдли.

«Задорно Мэри подмигнёт...»

В зелёном берег и откос,
Их дивно первоцвет укрыв,
У Гирвана¹¹⁵⁸, где эльфов дом,
Не жаль пичугам резвых крыл.
Брег Кэссилза¹¹⁵⁹ в закатный час
Нас с Мэри, убежавших, ждёт;
Ловлю, когда, любви полна,
Задорно Мэри подмигнёт!

Хвастун-юнец, за кем весь свет,
Частенько лэрд бессчётных дел,
А Мэри только лишь моя:
Кому рок больше дать сумел?
Хочу у Кэссилза бродить
С той, к кому так меня влечёт,
Ловлю, когда, любви полна,
Задорно Мэри подмигнёт!

«Гляжу я за Форт¹¹⁶⁰...»

Гляжу я за Форт, где север простёрт;
Что север и горы для жизни моей?
Ни юг, не восток меня не привлёк,
Ни дальние страны, ни волны морей.

Но всё ж на закат шлю вечером взгляд,
Чтоб сладкие грёзы явились во сне:
На западе тот, кто в сердце живёт,
Там милый, что дорог малютке и мне¹¹⁶¹.

Phillis the Fair

While larks, with little wing,
Fann'd the pure air,
Tasting the breathing Spring,
Forth I did fare:
Gay the sun's golden eye
Peep'd o'er the mountains high;
Such thy morn! did I cry,
Phillis the fair.

In each bird's careless song,
Glad I did share;
While yon wild-flowers among,
Chance led me there!
Sweet to the op'ning day,
Rosebuds bent the dewy spray;
Such thy bloom! did I say,
Phillis the fair.

Down in a shady walk,
Doves cooing were;
I mark'd the cruel hawk
Caught in a snare:
So kind may fortune be,
Such make his destiny,
He who would injure thee,
Phillis the fair.

By Allan Stream

By Allan stream I chanc'd to rove,
While Phoebus sank beyond Benledi;
The winds are whispering thro' the grove,
The yellow corn was waving ready:
I listen'd to a lover's sang,
An' thought on youthfu' pleasures mony;
And aye the wild-wood echoes rang –
"O, dearly do I love thee, Annie!"

"O, happy be the woodbine bower,
Nae nightly bogle make it eerie;
Nor ever sorrow stain the hour,
The place and time I met my Dearie!
Her head upon my throbbing breast,
She, sinking, said, 'I'm thine for ever!'
While mony a kiss the seal imprest –
The sacred vow we ne'er should sever."

The haunt o' Spring's the primrose-brae,
The Summer joys the flocks to follow;

Красотка Филлис¹¹⁶²

С пичужьего крыла
Ветра́ взвихрились,
Весна свой дух внесла,
На Фор^т¹¹⁶³ я вылез;
Глаз солнца золотой
Пошарил за горой;
«Рассвет, – я крикнул, – твой,
Красотка Филлис!»

Трель птахи вдале несли,
Со мной делились:
Цветами ноги шли –
Здесь очутились!
Гнут росы в свете дня
Бутоны на меня;
«Цветёшь, – воскликнул я, –
Красотка Филлис!»

Воркуя, голубки́
В тени укрылись;
Влез ястреб как в тиски:
Тенёта впились;
Так добр бывает рок:
Всё получил, в свой срок,
Тот, кто обидеть мог
Красотку Филлис.

«Вдоль Алланова брёл ручья...»

Вдоль Алланова брёл ручья¹¹⁶⁴;
Бенледи¹¹⁶⁵ утопила Феба¹¹⁶⁶,
Сквозь лес неслась ветров семья,
От злата нивы ждали хлеба;
Любовный слышался мотив,
Будил, как прежде, рой мечтаний;
Шло эхом, чащу охватив:
«Как ты мила, родная Анни!

Дай счастье, жимолости кров,
От ду́хов ночи нас помилуй;
Не троньте, беды, тех часов,
Тех мест, где я встречался с милой!
Головка на груди моей,
“Твоя навек!”, лобзанья длятся –
А их печати нет прочней
На клятве век не расставаться».

Брег в первоцвете – дом Весны,
Стада несут отраду Лету,

How cheery thro' her short'ning day,
Is Autumn in her weeds o' yellow;
But can they melt the glowing heart,
Or chain the soul in speechless pleasure?
Or thro' each nerve the rapture dart,
Like meeting her, our bosom's treasure?

A Mother's Lament for the Death of Her Son

Fate gave the word, the arrow sped,
And pierc'd my darling's heart;
And with him all the joys are fled
Life can to me impart.
By cruel hands the sapling drops,
In dust dishonour'd laid;
So fell the pride of all my hopes,
My age's future shade.

The mother-linnet in the brake
Bewails her ravish'd young;
So I, for my lost darling's sake,
Lament the live-day long.
Death, oft I've feared thy fatal blow;
Now, fond, I bare my breast;
O, do thou kindly lay me low
With him I love, at rest!

Saw Ye Bonie Lesley

O saw ye bonie Lesley,
As she gaed o'er the Border?
She's gane, like Alexander,
To spread her conquests farther.

To see her is to love her,
And love but her for ever;
For Nature made her what she is,
And never made anither!

Thou art a queen, fair Lesley,
Thy subjects, we before thee;
Thou art divine, fair Lesley,
The hearts o' men adore thee.

The deil he could na scaith thee,
Or aught that wad belang thee;
He'd look into thy bonie face,
And say – "I canna wrang thee!"

The Powers aboon will tent thee,
Misfortune sha'na steer thee;

А листья Осени должны
Дарить, желтея, радость эту;
Но как уймёт сердечный пыл,
Груз снимет тихая услада,
Коль в каждый нерв стрелу вонзил
Вид той, что драгоценней клада?

Материнский плач по умершему сыну

Рок молвил – и спешит стрела,
И миленький пронзён,
И всю ту радость, что была,
Унёс из жизни он.
Побег рука злодея гнёт:
Во прахе чести нет;
Так сгинул всех надежд оплот,
Защитник дряхлых лет.

Мать-коноплянка над птенцом
Потерянным поёт;
В слезах о миленьком своём
Я днями напролёт.
Так часто, смерть, тебя ждала,
Пронзи же грудь без слов,
Чтоб я спокойно прилегла
К сынку, в конце концов!

«Видали крошку Лесли...»

Видали крошку Лесли,
Что перешла Границу¹¹⁶⁷?
Как Александр¹¹⁶⁸, пространство
Завоевать стремится.

Увидевши, полюбишь
Её одну навеки;
Что есть, то неизменно
В таком вот человеке!

Ты королева, Лесли,
Нас мнить народом надо;
Ты бесподобна, Лесли,
Мужских сердец отрада.

Не тронет сам нечистый
Тебя – со всем, что в доме;
«Вредить тебе не стану!» –
Промолвит он в истоме.

Хранима Небесами,
Ты неподвластна бедам;

Thou'rt like themselves sae lovely,
That ill they'll ne'er let near thee.

Return again, fair Lesley,
Return to Caledonie!
That we may brag we hae a lass
There's nane again sae bonie.

A Fiddler in the North

Amang the trees, where humming bees,
At buds and flowers were hinging, O,
Auld Caledon drew out her drone,
And to her pipe was singing, O:
'Twas Pibroch, Sang, Strathspeys, and Reels,
She dirl'd them aff fu' clearly, O:
When there cam' a yell o' foreign squeels,
That dang her tapsalteerie, O.

Their capon craws an' queer "ha, ha's,"
They made our lugs grow eerie, O;
The hungry bike did scrape and fyke,
Till we were wae and weary, O:
But a royal ghaist, wha ance was cas'd,
A prisoner, aughteen year awa',
He fir'd a Fiddler in the North,
That dang them tapsalteerie, O.

The Mauchline Lady

When first I came to Stewart Kyle,
My mind it was na steady;
Where'er I gaed, where'er I rade,
A mistress still I had aye.
But when I came roun' by Mauchline toun,
Not dreading anybody,
My heart was caught, before I thought,
And by a Mauchline lady.

Poem on Sensibility

Sensibility, how charming,
Thou, my friend, can truly tell;
But distress, with horrors arming,
Thou alas! hast known too well!

Fairest flower, behold the lily
Blooming in the sunny ray:
Let the blast sweep o'er the valley,
See it prostrate in the clay.

Столь ангельски-пригожим
Ущерб от зла неведом.

Вернись, красотка Лесли,
К родным просторам нашим!
Хвалиться сможем: с нами
Девница, нету краше.

Скрипач на севере¹¹⁶⁹

Где лес ушёл в гуденье пчёл,
В цветах согнувших спинки, о,
Наш Каледон¹¹⁷⁰ гнал трутня вон,
Припав к своей волынке, о;
Но пиброк, сэнг, стратспей и рил¹¹⁷¹
Вдруг оборвались разом, о,
Когда мотив заморский взвыл
И ум завёл за разум, о.

Чужак-каплун вопил, шалун,
Наш бедный слух пугая, о;
Голодный рой шаст в улей свой,
А мы дошли до края, о;
Но вдруг набух державный дух¹¹⁷²,
Сверкнул в остроге глазом, о,
Скрипач на севере вскипел,
Прогнал всю погань разом, о.

Мо́хлинка

В Кайл-Стюарт¹¹⁷³ я попал, друзья,
Имея разум хилый:
Куда б ни гнал, ни прискакал –
Там то́тчас буду с милой.
Лёг как-то раз на Мохлин¹¹⁷⁴ глаз,
И я не ведал страху,
Но влип, дурак, не помню как,
Я в мохлинку-деваху.

Стихи о нежности

Нежность дивная такая,
Милый друг, в словах твоих;
Но в несчастье бед без края,
Ты, увы, познала их!

Цвет мой, лилии цветенье
Видишь в солнечных лучах?
Злого ветра дуновение –
И она простёрта в прах.

Hear the wood-lark charm the forest,
Telling o'er his little joys;
But alas! a prey the surest
To each pirate of the skies.

Dearly bought the hidden treasure
Finer feelings can bestow:
Chords that vibrate sweetest pleasure
Thrill the deepest notes of woe.

Montgomerie's Peggy

Altho' my bed were in yon muir,
Amang the heather, in my plaidie;
Yet happy, happy would I be,
Had I my dear Montgomerie's Peggy.

When o'er the hill beat surly storms,
And winter nights were dark and rainy;
I'd seek some dell, and in my arms
I'd shelter dear Montgomerie's Peggy.

Were I a baron proud and high,
And horse and servants waiting ready;
Then a' 'twad gie o' joy to me, –
The sharin't with Montgomerie's Peggy.

On a Bank of Flowers

On a bank of flowers, in a summer day,
For summer lightly drest,
The youthful, blooming Nelly lay,
With love and sleep opprest;

When Willie, wand'ring thro' the wood,
Who for her favour oft had sued;
He gaz'd, he wish'd, he fear'd, he blush'd,
And trembled where he stood.

Her closed eyes, like weapons sheath'd,
Were seal'd in soft repose;
Her lip, still as she fragrant breath'd,
It richer dyed the rose;

The springing lilies, sweetly prest,
Wild-wanton kissed her rival breast;
He gaz'd, he wish'd, he fear'd, he blush'd,
His bosom ill at rest.

Her robes, light-waving in the breeze,
Her tender limbs embrace;

Слышишь жаворонка трели,
Что летят, чаруя лес?
Нет, увы, вернее цели
Для разбойников небес.

Скрытый клад своей ценою
В нас вселяет благодать;
За сладчайшею струною –
Мрак тоски, не передать.

Монтгомери Пэгги¹¹⁷⁵

Служи лишь вереск ложем мне,
Под пледом пребывал бы в неге,
И как бы счастлив, счастлив был,
Будь там с родной Монтгомери Пэгги.

Лютует буря над холмом,
И ночь темна в дожде и снеге –
Сыщу я дол, чтоб там приют
В объятьях дать Монтгомери Пэгги.

Будь сам владетельный барон –
Вот конь, и слуги сбились в беге –
Тогда б все радости души
Я разделил с Монтгомери Пэгги.

«День лета брег в цветы одел...»

День лета брег в цветы одел;
Наряд был немудрён
Цветущей Нелли: одолел
Её любовный сон;

Приплёлся Вилли через лес,
Имея к Нелли интерес:
Глазел, хотел, робел, краснел,
Дрожал как мелкий бес.

Ушло оружие бойких глаз
Под отдыха печать,
Уста – чтоб розам в этот час
Вот так благоухать;

А лилии, примяты чуть,
Лобзали – не темнее – грудь...
Глазел, хотел, робел, краснел,
Терзался сердцем, жуть.

Взвихрил покровы ветерок,
Объемля нежный стан,

Her lovely form, her native ease,
All harmony and grace;

Tumultuous tides his pulses roll,
A faltering, ardent kiss he stole;
He gaz'd, he wish'd, he fear'd, he blush'd,
And sigh'd his very soul.

As flies the partridge from the brake,
On fear-inspired wings,
So Nelly, starting, half-awake,
Away affrighted springs;

But Willie follow'd – as he should,
He overtook her in the wood;
He vow'd, he pray'd, he found the maid
Forgiving all, and good.

Raging Fortune

O raging Fortune's withering blast
Has laid my leaf full low, O!
O raging Fortune's withering blast
Has laid my leaf full low, O!

My stem was fair, my bud was green,
My blossom sweet did blow, O!
The dew fell fresh, the sun rose mild,
And made my branches grow, O!

But luckless Fortune's northern storms
Laid a' my blossoms low, O!
But luckless Fortune's northern storms
Laid a' my blossoms low, O!

Evan Banks

Slow spreads the gloom my soul desires,
The sun from India's shore retires:
To Evan banks with temp'rate ray,
Home of my youth, he leads the day.

Oh banks to me for ever dear!
Oh stream, whose murmurs still I hear!
All, all my hopes of bliss reside
Where Evan mingles with the Clyde.

And she, in simple beauty drest,
Whose image lives within my breast;
Who trembling heard my parting sigh,
And long pursued me with her eye:

Прелестных форм коснуться смог:

Свобода – не изъян;

От пульса бешеного шал,

Решившись, поцелуй украл;

Глазел, хотел, робел, краснел,

От всей души вздыхал.

Как куропатка из кустов –

Испуг не превозмочь –

Так Нелл, не сбросив власти снов,

Рванулась в страхе прочь,

А Вилли вслед: проворен он,

И нет в лесу ему препон;

Просил, молил – и тут открыл,

Что ей вполне прощён.

Ярый рок

Губящим шквалом ярый рок

Мне ветки оголил, о!

Губящим шквалом ярый рок

Мне ветки оголил, о!

Ствол строен, почки зелены,

И дух цветенья плыл, о!

Свет мягок был, роса свежа –

Достало веткам сил, о!

Но бурей северной злой рок

Весь цвет мой наземь сбил, о!

Но бурей северной злой рок

Весь цвет мой наземь сбил, о!

Берег Ивэна¹¹⁷⁶

Мечтанья сердца тьма укрыла,

Зашло над Индией светило¹¹⁷⁷,

На Ивэн бросив мягкий свет,

На брег моих минувших лет.

О брег, что навсегда мне дорог!

О струй журчащих вечный морок!

Там всех надежд моих оплот,

Где Ивэн воды в Клайд несёт.

А та, чей мил и прост наряд,

Чей лик в душе беречь я рад,

Чей трепет вздох мой пробудил,

Чей взор за парусом следил,

Does she, with heart unchang'd as mine,
Oft in the vocal bowers recline?
Or, where yon grot o'erhangs the tide,
Muse while the Evan seeks the Clyde?

Ye lofty banks that Evan bound,
Ye lavish woods that wave around,
And o'er the stream your shadows throw,
Which sweetly winds so far below;

What secret charm to mem'ry brings
All that on Evan's border springs!
Sweet banks! ye bloom by Mary's side:
Blest stream! she views thee haste to Clyde.

Can all the wealth of India's coast
Atone for years in absence lost!
Return, ye moments of delight,
With richer treasures bless my sight!

Swift from this desert let me part,
And fly to meet a kindred heart!
No more may aught my steps divide
From that dear stream which flows to Clyde!

Prayer for Mary

Powers celestial, whose protection
Ever guards the virtuous fair,
While in distant climes I wander,
Let my Mary be your care:
Let her form sae fair and faultless,
Fair and faultless as your own:
Let my Mary's kindred spirit
Draw your choicest influence down.

Make the gales you waft around her
Soft and peaceful as her breast;
Breathing in the breeze that fans her,
Soothe her bosom into rest:
Guardian angels, O protect her,
When in distant lands I roam;
To realms unknown while fate exiles me,
Make her bosom still my home.

Young Peggy Blooms

Young Peggy blooms our boniest lass,
Her blush is like the morning,
The rosy dawn, the springing grass,
With early gems adorning.

Чьё сердце верно, как моё,
Найдёт ли в песне забытьё?
Раздумьями наполнит грот
Над Ивэном, что в Клайд течёт?

Вы, кручи Ивэна вокруг,
Вы, чащи с тьмой зелёных рук,
Чьи тени за поток ушли
И там колышутся вдали,

Раскрыли памяти секрет,
Что Ивэна прекрасней нет!
Для Мэри¹¹⁷⁸ дивный брег цветёт
Вдоль милых в Клайд спешащих вод!

Всё, чем богат индийский брег,
Искупит лет разлуки бег?
Назад, мгновенья счастья! Вас
Как клад бесценный я припас!

Пустыню бросив за спиной,
Лететь бы мне к душе родной!
Мой путь никак не отвернёт
От милых в Клайд бегущих вод!

Молитва о Мэри¹¹⁷⁹

Силы Неба, ваше благо
Чистых дев не обойдёт:
Пусть, пока я в дальних странах,
Мэри в вас найдёт оплот;
Пусть мила, чиста пребудет –
Так, как вы, мила, чиста;
Пусть на сердце, мне родное,
Ваша льётся доброта.

Пусть порывы, что наслёте,
Мир несут её груди;
Ветерок пусть овевает,
От него беды не жди;
Ангелы, её храните,
Пока я вдали бреду;
Гонит рок – приют желанный
На груди её найду.

«Цветенью Пэгги¹¹⁸⁰ краю нет...»

Цветенью Пэгги краю нет,
Сплошь, как заря, румяна:
Росинки розовый рассвет
Вплёл в травы без изъяна.

Her eyes outshine the radiant beams
That gild the passing shower,
And glitter o'er the crystal streams,
And cheer each fresh'ning flower.

Her lips, more than the cherries bright,
A richer dye has graced them;
They charm th' admiring gazer's sight,
And sweetly tempt to taste them;
Her smile is as the evening mild,
When feather'd pairs are courting,
And little lambkins wanton wild,
In playful bands disporting.

Were Fortune lovely Peggy's foe,
Such sweetness would relent her;
As blooming spring unbends the brow
Of surly, savage Winter.
Detraction's eye no aim can gain,
Her winning pow'rs to lessen;
And fretful Envy grins in vain
The poison'd tooth to fasten.

Ye Pow'rs of Honour, Love, and Truth,
From ev'ry ill defend her!
Inspire the highly-favour'd youth
The destinies intend her:
Still fan the sweet connubial flame
Responsive in each bosom;
And bless the dear parental name
With many a filial blossom.

The Lass of Cessnock Banks

A Song of Similes

On Cessnock banks a lassie dwells;
Could I describe her shape and mien;
Our lasses a' she far excels,
An' she has twa sparkling roguish een.

She's sweeter than the morning dawn,
When rising Phoebus first is seen,
And dew-drops twinkle o'er the lawn;
An' she has twa sparkling roguish een.

She's stately like yon youthful ash,
That grows the cowslip braes between,
And drinks the stream with vigour fresh;
An' she has twa sparkling roguish een.

Глаза затмят поток лучей,
Что златом ливень кроет;
Пошлют сиянье за ручей:
Привета цветик сто́ит.

Алее вишенок уста,
К тому ж, благоуханней;
Вздохнёт поклонник неспроста,
Дурея от желаний;
Нежна улыбка, как закат,
Столь милый птичьим парам,
Час, когда сборищу ягнят
Покой не нужен даром.

Судьбу, будь та на Пэгги зла,
Смягчит отрада лика:
Весна цветеньем уняла
Хлад бурь, ревевших дико.
Не смогут взоры клеветы
Лишить победной власти,
Усмешки зависти пусты,
Бессилен яд несчастий.

Вам, Верность, и Любовь, и Честь,
Служить защитой Пэгги!
Внушите юной всё, что есть
В дней невозвратном беге;
Раздуйте брачный огонёк
(К нему все души чутки),
Чтоб отчий дом гордиться мог
Цветением малютки.

Красотка с берегов Сэснока¹¹⁸¹

Песня сравнений

Живёт на Сесноке она,
Как опишу её портрет?
С ней не сравнится ни одна,
Глаз ярче и задорней нет.

Она прекрасней, чем восход,
Где Феба¹¹⁸² явлен первый свет:
Моргнёт – на луг роса падёт;
Глаз ярче и задорней нет.

Стройна, как ясень молодой
На склоне: всюду первоцвет,
Он свежей напоён струёй;
Глаз ярче и задорней нет.

She's spotless like the flow'ring thorn,
With flow'rs so white and leaves so green,
When purest in the dewy morn;
An' she has twa sparkling roguish een.

Her looks are like the vernal May,
When ev'ning Phoebus shines serene,
While birds rejoice on every spray;
An' she has twa sparkling roguish een.

Her hair is like the curling mist,
That climbs the mountain-sides at e'en,
When flow'r-reviving rains are past;
An' she has twa sparkling roguish een.

Her forehead's like the show'ry bow,
When gleaming sunbeams intervene
And gild the distant mountain's brow;
An' she has twa sparkling roguish een.

Her cheeks are like yon crimson gem,
The pride of all the flowery scene,
Just opening on its thorny stem;
An' she has twa sparkling roguish een.

Her bosom's like the nightly snow,
When pale the morning rises keen,
While hid the murm'ring streamlets flow;
An' she has twa sparkling roguish een.

Her lips are like yon cherries ripe,
That sunny walls from Boreas screen;
They tempt the taste and charm the sight;
An' she has twa sparkling roguish een.

Her teeth are like a flock of sheep,
With fleeces newly washen clean,
That slowly mount the rising steep;
An' she has twa sparkling roguish een.

Her breath is like the fragrant breeze,
That gently stirs the blossom'd bean,
When Phoebus sinks behind the seas;
An' she has twa sparkling roguish een.

Her voice is like the ev'ning thrush,
That sings on Cessnock banks unseen,
While his mate sits nestling in the bush;
An' she has twa sparkling roguish een.

But it's not her air, her form, her face,
Tho' matching beauty's fabled queen;
'Tis the mind that shines in ev'ry grace,
An' chiefly in her roguish een.

Белей боярки, не совру:
Лист зелен, снегом куст одет,
Нет чище в росах поутру;
Глаз ярче и задорней нет.

Дарит весенний майский взгляд:
Под вечер ясен Фебов след,
В лесу пичугам тьма отрад;
Глаз ярче и задорней нет.

Клубятся кудри, как туман,
Что к ночи на вершину вздет:
Стих дождь, цветов жививший клан;
Глаз ярче и задорней нет.

Лоб у неё, как снежный склон,
Поймавший солнца рикошет,
Когда скат дальний позлащён;
Глаз ярче и задорней нет.

Ланиты, словно пламень роз:
Любой огонь затмят без бед,
Колющий стебель их вознёс;
Глаз ярче и задорней нет.

Грудь – белизны снегов в ночи:
Лишь чуть прорезался рассвет,
Потаены, журчат ключи;
Глаз ярче и задорней нет.

Алее спелых вишен рот:
Луч солнца сбил Борея¹¹⁸³ вред,
Их вкус, и равно цвет влечёт;
Глаз ярче и задорней нет.

Отарой белой – зубки в ряд:
Шерсть только вымыта как след,
Овечки в гору не спешат;
Глаз ярче и задорней нет.

Дыханье, как душистый бриз:
Колышется фасоли цвет,
Закатный Феб над морем свис;
Глаз ярче и задорней нет.

Поёт она, точь-в-точь как дрозд:
Достался б Сесноку дуэт,
Да в гнёздышке подружкин пост;
Глаз ярче и задорней нет.

Не образ застит всё, не лик –
Пусть хороша, царицам вслед, –
А ум, что распознаешь вмиг
Уже в глазах, задорней нет.

The Dean of Faculty

A New Ballad

1796

Dire was the hate at old Harlaw,
That Scot to Scot did carry;
And dire the discord Langside saw
For beauteous, hapless Mary:
But Scot to Scot ne'er met so hot,
Or were more in fury seen, Sir,
Than 'twixt Hal and Bob for the famous job,
Who should be the Faculty's Dean, Sir.

This Hal for genius, wit and lore,
Among the first was number'd;
But pious Bob, 'mid learning's store,
Commandment the tenth remember'd:
Yet simple Bob the victory got,
And wan his heart's desire,
Which shews that heaven can boil the pot,
Tho' the devil piss in the fire.

Squire Hal, besides, had in this case
Pretensions rather brassy;
For talents, to deserve a place,
Are qualifications saucy.
So their worships of the Faculty,
Quite sick of merit's rudeness,
Chose one who should owe it all, d'ye see,
To their gratis grace and goodness.

As once on Pisgah purg'd was the sight
Of a son of Circumcision,
So may be, on this Pisgah height,
Bob's purblind mental vision –
Nay, Bobby's mouth may be opened yet,
Till for eloquence you hail him,
And swear that he has the angel met
That met the ass of Balaam.

In your heretic sins may you live and die,
Ye heretic Eight-and-Thirty!
But accept, ye sublime Majority,
My congratulations hearty.
With your Honours, as with a certain King,
In your servants this is striking,
The more incapacity they bring,
The more they're to your liking.

Декан факультета¹¹⁸⁴

Новая баллада

1796

Пыла́л Харло́у¹¹⁸⁵ ужасно мог
От гнева скотта к скотту,
Жу́ть Лэ́нгсайда¹¹⁸⁶ не дай нам Бог:
Свё́л с бедной Мэ́ри счёты;
Но скотта скотт так не прибьёт,
Не будет столь же рьян, сэр,
Как Хэл и Боб, доспорить что́б,
Кто будущий декан, сэр.

Хэл мудр, умён, искусен был
(Известная особа),
А Боб знай Заповеди чтит,
Деся́тую¹¹⁸⁷ особо;
Всё ж Боб-простак осилить смог,
Его победно знамя:
Кипел Господний котелок,
Хоть дья́вол пи́сал в пламя.

Сквайр Хэл имел, при всём при том,
Попро́ще притязанья,
Связа́у с лакомым постом
Нахальные желанья.
Обоим дорог факультет,
Да так, что слушать тошно;
Кого же выбрать (вот сюжет!),
Доверившись оплошно?

Раз Фа́сги¹¹⁸⁸ отворила взор
Обрезанному сыну,
Так, может, с Фасги взгляд простёр
Боб (видели дубину?)
Нет, Бобби рот знай раскрывал,
Раз похвала упряма:
Знал, клялся, ангела, что знал
Ослицу Валаама¹¹⁸⁹.

Сплошь грешны вы, еретики,
Вас, грешных, тридцать восемь¹¹⁹⁰!
Но мне поздравить вас с руки,
Коль большинство возносим.
Вы сами, да и ваш король
Набрали слуг на славу:
Чем меньше им подходит роль,
Тем больше вам по нраву.

Could Aught of Song

Could aught of song declare my pains,
 Could artful numbers move thee,
The Muse should tell, in labour'd strains,
 O Mary, how I love thee!

They who but feign a wounded heart
 May teach the lyre to languish;
But what avails the pride of art,
 When wastes the soul with anguish?

Then let the sudden bursting sigh
 The heart-felt pang discover;
And in the keen, yet tender eye,
 O read th' imploring lover!

For well I know thy gentle mind
 Disdains art's gay disguising;
Beyond what fancy e'er refin'd,
 The voice of nature prizing.

O Leave Novéls

O leave novéls, ye Mauchline belles,
 Ye're safer at your spinning-wheel;
Such witching books are baited hooks
 For rakish rooks, like Rob Mossgiel;

Your fine Tom Jones and Grandisons,
 They make your youthful fancies reel;
They heat your brains, and fire your veins,
 And then you're prey for Rob Mossgiel.

Beware a tongue that's smoothly hung,
 A heart that warmly seems to feel;
That feeling heart but acts a part –
 'Tis rakish art in Rob Mossgiel.

The frank address, the soft caress,
 Are worse than poisoned darts of steel;
The frank address, and politesse,
 Are all finesse in Rob Mossgiel.

Impromptu on General Dumourier's Desertion from the French Republican Army

You're welcome to Despots, Dumourier;
You're welcome to Despots, Dumourier:
How does Dampiere do?
Ay, and Bournonville too?
Why did they not come along with you, Dumourier?

«Коль песни боль мою несут...»

Коль песни боль мою несут,
Коль мощь напевов зрима,
Расскажет музы тяжкий труд,
Как, Мэри, ты любима!

Притворством, что болит душа,
Скулит иная лира,
Но чем затея хороша,
Коль плачется проныра?

Так пусть вздох прянет из груди,
Боль сердца открывая;
Взор чуткий, нежный не своди,
Прочти мольбу, родная!

Всея, знаю, добротой ума
Притворству ты не рада;
Проста естественность сама,
Но ждёт её награда.

«Романам – нет!» ¹¹⁹¹

«Романам – нет!» – вот мой совет,
Шум прялок мохлинок хранил;
Наживку книг глотнёте вмиг
У ходоков, как Роб Моссгил¹¹⁹²;

Том Джонс, пижон, и Грандисон¹¹⁹³ –
Им замутить достанет сил:
Ваш ум бурлит, и кровь кипит,
А там скогтит вас Роб Моссгил.

Язык хорош – опасен сплошь,
Являя, вроде, сердца пыл;
Удачно столь играет роль
Распутник хитрый Роб Моссгил.

Прямой подход, при тьме забот,
Яд стрел калёных перекрыл;
Прямой подход, да нежность в ход –
Вот всё, в чём ловок Роб Моссгил.

Экспромт о дезертирстве генерала Дюмурье¹¹⁹⁴
из французской республиканской армии

Вас ждут тираны, Дюмурье,
Вас ждут тираны, Дюмурье;
А что, Дампьер¹¹⁹⁵ – не гниль?
А как там Бурнонвиль¹¹⁹⁶?
И что ж они не с Вами, Дюмурье?

I will fight France with you, Dumourier;
I will fight France with you, Dumourier;
I will fight France with you,
I will take my chance with you;
By my soul, I'll dance with you, Dumourier.

Then let us fight about, Dumourier;
Then let us fight about, Dumourier;
Then let us fight about,
Till Freedom's spark be out,
Then we'll be damn'd, no doubt, Dumourier.

Sweetest May, Let Love Incline Thee

Sweetest May, let Love incline thee;
Take a heart which he designs thee;
As they constant slave regard it;
For its faith and truth reward it.

Proof to shot of birth or money,
Not the wealthy, but the bonnie;
Not high-born, but noble-minded,
In love's silken band can bind it!

One Night as I Did Wander

One night as I did wander,
 When corn begins to shoot,
I sat me down to ponder
 Upon an auld tree root;

Auld Ayr ran by before me,
 And bicker'd to the seas;
A cushat crooded o'er me,
 That echoed through the braes.

The Winter It is Past

The winter it is past, and the summer comes at last
 And the small birds, they sing on ev'ry tree;
Now ev'ry thing is glad, while I am very sad,
 Since my true love is parted from me.

The rose upon the breer, by the waters running clear,
 May have charms for the linnet or the bee;
Their little loves are blest, and their little hearts at rest,
 But my true love is parted from me.

Побьём французов, Дюмурье,
Побьём французов, Дюмурье;
Побьём – как тут без Вас?
Удачи жду сейчас;
Душой клянусь: мы спляшем, Дюмурье.

Так в сечу, Дюмурье,
Так в сечу, Дюмурье;
Так в сечу, чтоб потух
Свободы самый дух –
И проклянут нас, точно, Дюмурье.

«Дивный май, любви поддайся...»

Дивный май, любви поддайся,
Самым духом пропитайся;
Примириться с рабством надо:
Вера, верность – вот награда.

Не гляди, знатна ль, богата:
Красота дороже злата;
Тут не род, а благородство
Явит нежное господство!

«Вела раз тьма ночная...»

Вела раз тьма ночная,
Чуть встали зелены;
Уселся, размышляя,
На старый корень я;

Эйр¹¹⁹⁷ старый предо мною
К морям далёким мчал,
А вяхирь надо мною
Сквозь чашу эхо слал.

«Зима уже ушла...»

Зима уже ушла, лето приняло дела,
И песнь пичужек полнит мир лесной;
Все счастливы вокруг, лишь я во власти мук
С тех пор, как верной милой нет со мной.

Шиповник встал, колюч, там, где чист и весел ключ,
Май правит коноплянкой ли, пчелой:
В любви их тишь да гладь, не надо душу рвать,
Как мне, раз верной милой нет со мной.

Fragment

Her flowing locks, the raven's wing,
Adown her neck and bosom hing;
How sweet unto that breast to cling,
And round that neck entwine her!

Her lips are roses wat wi' dew,
O' what a feast her bonie mou'!
Her cheeks a mair celestial hue,
A crimson still diviner!

The Chevalier's Lament

The small birds rejoice in the green leaves returning,
The murmuring streamlet winds clear thro' the vale;
The primroses blow in the dews of the morning,
And wild scatter'd cowslips bedeck the green dale:

But what can give pleasure, or what can seem fair,
When the lingering moments are numbered by care?
No birds sweetly singing, nor flow'rs gaily springing,
Can soothe the sad bosom of joyless despair.

The deed that I dared, could it merit their malice?
A king and a father to place on his throne!
His right are these hills, and his right are these valleys,
Where the wild beasts find shelter, tho' I can find none!

But 'tis not my suffrings, thus wretched, forlorn,
My brave gallant friends, 'tis your ruin I mourn;
Your faith proved so loyal in hot bloody trial, –
Alas! I can make it no better return!

The Belles of Mauchline

In Mauchline there dwells six proper young belles,
The pride of the place and its neighbourhood a';
Their carriage and dress, a stranger would guess,
In Lon'on or Paris, they'd gotten it a'.

Miss Miller is fine, Miss Markland's divine,
Miss Smith she has wit, and Miss Betty is braw:
There's beauty and fortune to get wi' Miss Morton,
But Armour's the jewel for me o' them a'.

The Tarbolton Lasses

If ye gae up to yon hill-tap,
Ye'll there see bonie Peggy;
She kens her father is a laird,
And she forsooth's a leddy.

Отрывок {2}

Чернее не сыскать кудрей:
Легли на стан, на шейку ей;
К груди прижаться – нет милей,
Обнять бы шейку эту!

Как розы под росой, уста,
Рот манит пиром неспроста,
Ланит небесна чистота –
Румянца краше нету!

Тоска шевалье

Пичугам вернула листва ликование,
Журчит, извиваясь долиной, ручей;
В рассветной росе первоцвета собрание,
Что дол пестриной разукрасил своей;

Но что усладит, что красой обернётся,
Коль время в несчётных заботах плетётся?
Пусть трели разлились, цветы распустились –
К душе истомлённой покой не вернётся.

Творил я, что смел, и лишь злоба в награду?
Король и отец возведён на престол!
В холмах и долинах его всё как надо:
Дан кров всякой твари – лишь я не нашёл!

Но собственных бед не вставляю в рассказ:
Друзья-храбрецы, я тоскую о вас;
Вы, верные, в сечу шли славе навстречу –
Увы, между нами могила сейчас!

Мо́хлинские красотки

Тут, в Мохлине, есть красоток аж шесть,
В окрестности нашей не сыщешь таких;
Их выезд, наряд пропустишь навряд,
Париж или Лондон трудились для них.

Мисс Миллер стройна, мисс Маркленд нежна,
Мисс Смит остроумна, мисс Бетти мила;
Мисс Мортон обскачет в красе и удаче,
Но Армор¹¹⁹⁸, по мне, всех подруг превзошла.

Тарбо́лтонские девицы

Вон там, на маковке холма,
Дом крошки Пэг. Соседи!
Раз папа – лэрд, она сама,
Сомнений нету, леди.

There Sophy tight, a lassie bright,
Besides a handsome fortune:
Wha canna win her in a night,
Has little art in courtin'.

Gae down by Faile, and taste the ale,
And tak a look o' Mysie;
She's dour and din, a deil within,
But aiblins she may please ye.

If she be shy, her sister try,
Ye'll maybe fancy Jenny;
If ye'll dispense wi' want o' sense –
She kens hersel she's bonie.

As ye gae up by yon hillside,
Speir in for bonie Bessy;
She'll gie ye a beck, and bid ye light,
And handsomely address ye.

There's few sae bonie, nane sae guid,
In a' King George' dominion;
If ye should doubt the truth o' this –
It's Bessy's ain opinion!

The Ronalds of the Bennals

In Tarbolton, ye ken, there are proper young men,
And proper young lasses and a', man;
But ken ye the Ronalds that live in the Bennals,
They carry the gree frae them a', man.

Their father's laird, and weel he can spare't,
Braid money to tocher them a', man;
To proper young men, he'll clink in the hand
Gowd guineas a hunder or twa, man.

There's ane they ca' Jean, I'll warrant ye've seen
As bonie a lass or as braw, man;
But for sense and guid taste she'll vie wi' the best,
And a conduct that beautifies a', man.

The charms o' the min', the langer they shine,
The mair admiration they draw, man;
While peaches and cherries, and roses and lilies,
They fade and they wither awa, man.

If ye be for Miss Jean, tak this frae a frien',
A hint o' a rival or twa, man;
The Laird o' Blackbyre wad gang through the fire,
If that wad entice her awa, man.

Для Со́фи мал и шквал похвал,
Притом мила удаче:
Кто ночку с ней не скоротал,
Тот рохля, не иначе.

Вдоль Фэйла¹¹⁹⁹ в путь, пивка хлебнуть –
И встретить Мизи надо:
Тупа, грязна, как сатана,
Но, может, в том услада.

Скромна? Так есть ещё одна:
Вдруг Дженни вам по нраву,
Коль дань уму вам ни к чему –
При этом корчит паву.

Взошедшего на тот вон склон
Встречает Бесс-красотка;
Поманит – заглянуть резон,
Приветит мило, кротко.

Пригожей нет: искать не след
В Георговой державе¹²⁰⁰;
Решит дурак, что всё не так –
Он спорить с Бесс не вправе!

Ро́налд из Бе́нналз¹²⁰¹

Тарбо́лтон, весь сказ, парней поприпас
И много девиц неплохих, брат,
Но эти вот Роналд, что выросли в Бенналз,
Намного милее других, брат.

Папаша их лэрд; из лучших из черт –
Приданое для дочерей, брат;
Достойный жених за каждой из них
Возьмёт сто иль двести гиней, брат.

Вот Джин; видел свет, сомнения нет,
Нарядных и милых таких, брат,
Но вкусом она обставить должна,
Умом и манерами их, брат.

Не гаснет ум, нет, с течением лет,
Собою дивя всё сильней, брат,
А фрукты подгнили, ни роз нет, ни лилий –
Конец этой прелести всей, брат.

Коль присох ты к мисс Джин, так учти: не один
Ты здесь, есть соперник-другой, брат;
Лэрд Блэкбайра¹²⁰² в огонь прыгнет – не из тихонь –
Чтобы стала его дорогой, брат.

The Laird o' Braehead has been on his speed,
For mair than a towmond or twa, man;
The Laird o' the Ford will straught on a board,
If he canna get her at a', man.

Then Anna comes in, the pride o' her kin,
The boast of our bachelors a', man:
Sae sonsy and sweet, sae fully complete,
She steals our affections awa, man.

If I should detail the pick and the wale
O' lasses that live here awa, man,
The fau't wad be mine if they didna shine
The sweetest and best o' them a', man.

I lo'e her mysel, but darena weel tell,
My poverty keeps me in awe, man;
For making o' rhymes, and working at times,
Does little or naething at a', man.

Yet I wadna choose to let her refuse,
Nor hae't in her power to say na, man:
For though I be poor, unnoticed, obscure,
My stomach's as proud as them a', man.

Though I canna ride in weel-booted pride,
And flee o'er the hills like a craw, man,
I can haud up my head wi' the best o' the breed,
Though fluttering ever so braw, man.

My coat and my vest, they are Scotch o' the best,
O'pairs o' guid breeks I hae twa, man;
And stockings and pumps to put on my stumps,
And ne'er a wrang steek in them a', man.

My sarks they are few, but five o' them new,
Twal' hundred, as white as the snaw, man,
A ten-shillings hat, a Holland cravat;
There are no mony poets sae braw, man.

I never had frien's weel stockit in means,
To leave me a hundred or twa, man;
Nae weel-tocher'd aunts, to wait on their drants,
And wish them in hell for it a', man.

I never was cannie for hoarding o' money,
Or claughtin't together at a', man;
I've little to spend, and naething to lend,
But deevil a shilling I awe, man.

Ждѣт лэрда Брэхѣд¹²⁰³ – простыл того след:
Уж год обивает порог, брат;
Лэрд Форда¹²⁰⁴, коль ей другие милей,
Уже, вишь, намылил шнурок, брат.

Но к Энн перейду: нет лучше в роду,
Терпеть неженатым невмочь, брат;
Не сыщешь милей, все чары при ней –
Другая поди заморочь, брат.

Введу в разговор девиц перебор –
Достаточный, плакаться грех, брат –
Так сам виноват, коль их не затмят
Достоинства лучшей из всех, брат.

Влюблён в неё сам, но к нежным словам
Бедняк, оробев, не готов, брат;
Есть вирши за мной, тружусь я порой –
Что проку с таких пустяков, брат?

Но коль она мне откажет вполне,
То вынесу эту беду, брат;
Пускай небогат, известен навряд –
Гордыней других обойду, брат.

Надеть я не смог блестящих сапог,
Махнувши верхом за холмы, брат,
Но дарит мне спесь род лучший мой весь,
Хоть вечно волнуемся мы, брат.

В сюртук и жилет скотт славно одет,
Имею две пары штанов, брат;
Опрятны чулки, а туфли легки –
Ни штопок, ни латок, ни швов, брат.

Пять новых рубах – богатство не ах,
Но тоньше, белее их нет, брат;
И шляпа не в грош, и галстук хорош;
Не всяк так наряден поэт, брат.

Нет близких особ, оставили чтоб
Мне в сотню иль две капитал, брат;
Бред тётушек-вдов ловить не готов,
Желая, чтоб ад их прибрал, брат.

Я сроду в кубышку не впихивал лишку,
И жлобства не терпит душа, брат;
Чуть-чуть самому, займы никому,
Не должен чертям ни гроша, брат.

Here's a Health to Them that's Awa

Here's a health to them that's awa,
Here's a health to them that's awa;
And wha winna wish gude luck to our cause,
May never gude luck be their fa'!
It's gude to be merry and wise,
It's gude to be honest and true;
It's gude to support Caledonia's cause,
And bide by the buff and the blue.

Here's a health to them that's awa,
Here's a health to them that's awa,
Here's a health to Charlie the chief o' the clan,
Altho' that his band be but sma'!
May Liberty meet wi' success!
May Prudence protect her frae evil!
May tyrants and tyranny tine i' the mist,
And wander their way to the devil!

Here's a health to them that's awa,
Here's a health to them that's awa;
Here's a health to Tammie, the Norlan' laddie,
That lives at the lug o' the law!
Here's freedom to them that wad read,
Here's freedom to them that wad write!
There's nane ever fear'd that the truth should be heard,
But they whom the truth would indite.

Here's a Health to them that's awa,
An' here's to them that's awa!
Here's to Maitland and Wycombe, let wha doesna like 'em
Be built in a hole in the wa';
Here's timmer that's red at the heart
Here's fruit that is sound at the core;
And may he be that wad turn the buff and blue coat
Be turn'd to the back o' the door.

Here's a health to them that's awa,
Here's a health to them that's awa;
Here's chieftain M'Leod, a chieftain worth gowd,
Tho' bred amang mountains o' snaw;
Here's friends on baith sides o' the firth,
And friends on baith sides o' the Tweed;
And wha wad betray old Albion's right,
May they never eat of her bread!

I'm O'er Young to Marry Yet

I am my mammie's ae bairn,
Wi' unco folk I weary, Sir;
And lying in a man's bed,
I'm fley'd it mak me eerie, Sir.

«За здоровье тех, кто вдали...»¹²⁰⁵

За здоровье тех, кто вдали,
За здоровье тех, кто вдали;
А те, кто нам фарта желать не спешит,
Чтоб сами забот огребли!
Хорош, кто шутив и умён,
Хорош, кто соврать не готов,
Хорош, кто шотландских не бросит своих,
Оранжевых с синим¹²⁰⁶, цветов.

За здоровье тех, кто вдали,
За здоровье тех, кто вдали,
За здоровье Чарли¹²⁰⁷, ведущего клан –
Горстку тех, что не полегли!
Будь вольность удачлива впредь!
Будь мудрость защитой от зла!
Будь деспот в аду – пусть доставит туда,
Схватив его намертво, мгла!

За здоровье тех, кто вдали,
За здоровье тех, кто вдали;
За здоровье Тэмми¹²⁰⁸, из северян,
На кого, глядишь, донесли!
За вольное право читать,
За вольное право писать!
Лишь тот чует страх в правдивых словах,
Кому может правда воздать.

За здоровье тех, кто вдали,
И опять за тех, кто вдали!
Мэйтленд¹²⁰⁹, Уйком¹²¹⁰ – кто ими недоволен, такими,
Пускай затаится в щели;
За сердце пронзивший огонь,
За лучшее выпьем теперь;
За тем, кто спроста вигов носит цвета,
Пусть тотчас захлопнется дверь.

За здоровье тех, кто вдали,
За здоровье тех, кто вдали;
За Маклауда¹²¹¹: сей вождь золотой вылил дождь
(Как горы такое снесли?);
За всех, оседлавших залив,
И всех, кому домом стал Твид¹²¹²;
А всякий, предавший седой Альбион,
Пусть горький изведает стыд!

«Мне рано замуж выходить...»

У мамы дочка я одна,
От пришлых холодею, сэр;
В постель к мужчине взять да лечь –
Боюсь, что оробею, сэр.

I'm o'er young, I'm o'er young,
I'm o'er young to marry yet;
I'm o'er young, 'twad be a sin
To tak me frae my mammie yet.

My mammie coft me a new gown,
The kirk maun hae the gracing o't;
Were I to lie wi' you, kind Sir,
I'm feared ye'd spoil the lacing o't.

Hallowmass is come and gane,
The nights are lang in winter, Sir,
And you an' I in ae bed,
In trowth, I dare na venture, Sir.

Fu' loud an' shill the frosty wind
Blaws thro' the leafless timmer, Sir;
But if ye come this gate again;
I'll aulder be gin simmer, Sir.

Damon and Sylvia

Fragment

Yon wandering rill that marks the hill,
And glances o'er the brae, Sir,
Slides by a bower, where mony a flower
Sheds fragrance on the day, Sir;

There Damon lay, with Sylvia gay,
To love they thought no crime, Sir,
The wild birds sang, the echoes rang,
While Damon's heart beat time, Sir.

My Lord A-hunting

My lady's gown, there's gairs upon't,
And gowden flowers sae rare upon't;
But Jenny's jimps and jirkinet,
My lord thinks meikle mair upon't.

My lord a-hunting he is gone,
But hounds or hawks wi' him are nane;
By Colin's cottage lies his game,
If Colin's Jenny be at hame.

My lady's white, my lady's red,
And kith and kin o' Cassillis' blude;
But her ten-pund lands o' tocher gude;
Were a' the charms his lordship lo'ed.

Мне рано так, мне рано так,
Мне рано замуж выходить;
Мне рано! Право, будет грех
Меня от мамы уводить¹²¹³.

Купила мама платье мне,
В нём в церковь так и манит;
Боюсь, коль ляжем, добрый сэр,
Шнуровке худо станет.

День всех святых¹²¹⁴ придёт, пройдёт,
Зимою долги ночи, сэр,
В постели вместе вы и я –
Нет, не рискну, короче, сэр.

Пурга ревёт, свистит, метёт
Сквозь голый лес повсюду, сэр;
Коль вас к нам снова занесёт,
Я к лету старше буду, сэр.

Дамон и Сильвия¹²¹⁵

Отрывок

Вот ручеёк с вершины стёк,
Струёй пометил скат, сэр,
Минуя кров, где тьма цветов
Дню дарит аромат, сэр;

Там лёг Дамон, считает он:
Взять Сильвию не грех, сэр,
Песнь птах с высот им эхо шлёт,
А пульс сулит успех, сэр.

«Милорд охотиться готов...»

Наряд миледи в клиньях сплошь,
Златых цветов узор хорош,
Но Дженни простенький корсаж
Куда милей милорду всё ж.

Милорд охотиться готов
Без ловчих птиц, без гончих псов;
Под кровом Колина¹²¹⁶ ждёт дичь,
Ему бы Дженни там настичь.

Миледи краше нет, белей,
Кровь Кэссилзов¹²¹⁷ досталась ей,
Но лишь мошна и кус земли
Милорда покорить смогли.

Out o'er yon muir, out o'er yon moss,
Whare gor-cocks thro' the heather pass,
There wons auld Colin's bonie lass,
A lily in a wilderness.

Sae sweetly move her genty limbs,
Like music notes o'lovers' hymns:
The diamond-dew in her een sae blue,
Where laughing love sae wanton swims.

My lady's dink, my lady's drest,
The flower and fancy o' the west;
But the lassie than a man lo'es best,
O that's the lass to mak him blest.

O Aye My Wife She Dang Me

O aye my wife she dang me,
An' aft my wife she bang'd me,
If ye gie a woman a' her will,
Gude faith! she'll soon o'er-gang ye.

On peace an' rest my mind was bent,
And, fool I was! I married;
But never honest man's intent
Sane cursedly miscarried.

Some sairie comfort at the last,
When a' thir days are done, man,
My pains o' hell on earth is past,
I'm sure o' bliss aboon, man.

The Banks of Nith

To thee, lov'd Nith, thy gladsome plains,
Where late wi' careless thought I rang'd,
Though prest wi' care and sunk in woe,
To thee I bring a heart unchang'd.

I love thee, Nith, thy banks and braes,
Tho' mem'ry there my bosom tear;
For there he rov'd that brake my heart,
Yet to that heart, ah, still how dear!

Bonnie Peg

As I came in by our gate end,
When day was waxin' weary,
O wha came tripping down the street,
But bonnie Peg, my dearie!

За далью пустошей, болот,
Где вереск куропатка мнёт,
Красотка, Колинова дочь, –
Как лилия в глуши, точь-в-точь.

В движеньях дивна и нежна,
Как гимн любви несёт она;
Алмазны росы синих глаз,
В них смех плывёт, пленяя враз.

Миледи пава, мил наряд
(«Цветок заката», говорят),
Но лишь с берущей сердце в плен
Мужской удел благословен.

«Меня колотит баба...»

Меня колотит баба,
Частенько лупит баба,
Бабёнке волю дай – клянусь,
Аукнется неслабо.

Мечтал про мир да про покой,
И – дурень был! – женился;
Так честный замысел впервой
Паскудно обломился.

К утехе скорбной я прирос:
Земной окончу путь, брат,
И здешний ад, что беды нёс,
Смогу на рай махнуть, брат.

Берега Нита {2}

К твоим, Нит, славным берегам,
Где прежде не теснило грудь,
С ярмом забот, по топи бед
Пришла, душой не сдав ничуть.

Милы́ мне, Нит, твой брег и скат,
Хоть память там мне душу рвёт:
Ведь тот, кто сердце мне разбил,
Никак из сердца не уйдёт!

Красотка Пэг

Я как-то по задворкам брёл,
И день дошёл до края;
О, кто по улице летит?
Красотка Пэг, родная!

Her air sae sweet, and shape complete,
Wi' nae proportion wanting,
The Queen of Love did never move
Wi' motion mair enchanting.

Wi' linkèd hands, we took the sands
Adown yon winding river;
And, oh! that hour and broomy bower,
Can I forget it ever?

O Lay Thy Loof in Mine, Lass

O lay thy loof in mine, lass,
In mine, lass, in mine, lass;
And swear on thy white hand, lass,
That thou wilt be my ain.

A slave to Love's unbounded sway,
He aft has wrought me meikle wae;
But now he is my deadly fae,
Unless thou be my ain.

There's mony a lass has broke my rest,
That for a blink I hae lo'ed best;
But thou art Queen within my breast,
For ever to remain.

I'll Go and be a Sodger

O why the deuce should I repine,
And be an ill foreboder?
I'm twenty-three, and five feet nine,
I'll go and be a sodger!

I gat some gear wi' mickle care,
I held it weel thegither;
But now it's gane, and something mair –
I'll go and be a sodger!

Lovely Polly Stewart

O lovely Polly Stewart,
O charming Polly Stewart,
There's ne'er a flower that blooms in May,
That's half so fair as thou art!

The flower it blows, it fades, it fa's,
And art can ne'er renew it;
But worth and truth, eternal youth
Will gie to Polly Stewart.

Нет черт нежней, и всё при ней,
Изъяна не таится,
Венеры шаг не дивен так,
Как у моей девицы.

В руке рука шли вдоль песка,
Вилась струя речная;
Как тот наш пыл ракитник скрыл,
Забуду ли когда я?

«Дай рученьку, девица...»

Дай рученьку, девица,
Девица, девица;
Клянись на ней, девица,
Что будешь ты со мной.

Рабом любовных передряг
Бывал – а натерпелся как!
Теперь любовь мне смертный враг,
Пока ты не со мной.

От милых не было житья:
Мигнут – влюблюсь до забвения;
Но предан королеве я –
Навек тебе одной.

«Подамся-ка в солдаты!»

Какого чёрта ах да ох?
Мне двадцать три, ребята,
Шесть футов рост (всего без трёх)¹²¹⁸,
Подамся-ка в солдаты!

Трудился я – не вертопрах –
Не делал зряшно траты,
Но нынче по уши в долгах...
Подамся-ка в солдаты!

Милашка Стюарт Полли¹²¹⁹

Милашка Стюарт Полли,
Красотка Стюарт Полли,
Прекрасный самый майский цвет
С тобой сравнится, что ли?

Цветок расцвёл – и отошёл,
И не воспрянет боле,
Но верность, честь беречь, как есть,
Век будет Стюарт Полли.

May he whase arms shall fauld thy charms
Possess a leal and true heart!
To him be given to ken the heaven
He grasps in Polly Stewart!

Robin Shure in Hairst

Robin shure in hairst,
I shure wi' him.
Fient a heuk had I,
Yet I stack by him.

I gaed up to Dunse,
To warp a wab o' plaiden,
At his daddie's yett,
Wha met me but Robin:

Was na Robin bauld,
Tho' I was a cotter,
Play'd me sic a trick,
An' me the El'er's dochter!

Robin promis'd me
A' my winter vittle;
Fient haet he had but three
Guse-feathers and a whittle!

The Deuks Dang o'er My Daddie

The bairns gat out wi' an unco shout,
The deuks dang o'er my daddie, O!
The fien-ma-care, quo' the feirrie auld wife,
He was but a paidlin' body, O!
He paidles out, and he paidles in,
An' he paidles late and early, O!
This seven lang years I hae lien by his side,
An' he is but a fusionless carlie, O.

O haud your tongue, my feirrie auld wife,
O haud your tongue, now Nansie, O:
I've seen the day, and sae hae ye,
Ye wad na ben sae donsie, O.
I've seen the day ye butter'd my brose,
And cuddl'd me late and early, O;
But downa-do's come o'er me now,
And oh, I find it sairly, O!

Highland Harry Back Again

My Harry was a gallant gay,
Fu' stately strade he on the plain;
But now he's banish'd far away,
I'll never see him back again.

Будь добр душой избранник твой,
Достоин славной доли!
Небес щедрот коснулся тот,
Кто обнял Стюарт Полли!

«Робин жито жал...»

Робин жито жал,
Жала рядом с ним.
Жала без серпа,
Но бок обок с ним.

Шерсть ходила прясть
В Дунс¹²²⁰, не счесть колдобин;
Встретил у ворот
Сын хозяйский, Робин;

Я батрачка – что ж,
Плюнь на заморочку!
Взял да обдурил
Старостину дочку¹²²¹!

Робин пел: зимой,
Мол, не пропадёшь:
Гусь дал три пера,
Есть карманный нож!

«Папашу утки сшибли...»

Гурьба ребят; бегут, вопят:
«Папашу утки сшибли, о!»
«Да наплевать, – старуха-мать, –
Шататься зря не будет, о!
Бредёт туда, бредёт сюда,
Весь день горазд шататься, о!
Семь долгих лет бок обок с ним,
Пень старый, только и всего».

«Язык, старуха, придержи,
Уж помолчала б, Нэнси, о;
Мы помним, как в былые дни
Ты свой смиряла норов, о.
В овсянку масло клала мне¹²²²,
Весь день в объятых был я, о;
А нынче силы напрочь нет,
Ох, как же это тяжело!»

«Чтоб горца Гарри возвратить...»

Мой Гарри малый хоть куда,
Умел равнине стать явить;
В такую сослан даль – беда,
Его назад не возвратить.

O for him back again!
O for him back again!
I wad gie a' Knockhaspie's land
For Highland Harry back again.

When a' the lave gae to their bed,
I wander dowie up the glen;
I set me down and greet my fill,
And aye I wish him back again.

O were some villains hangit high,
And ilka body had their ain!
Then I might see the joyfu' sight,
My Highland Harry back again.

Sweet Tibbie Dunbar

O wilt thou go wi' me, sweet Tibbie Dunbar?
O wilt thou go wi' me, sweet Tibbie Dunbar?
Wilt thou ride on a horse, or be drawn in a car,
Or walk by my side, O sweet Tibbie Dunbar?
I care na thy daddie, his lands and his money,
I care na thy kin, sae high and sae lordly;
But sae that thou'lt hae me for better for waur,
And come in thy coatie, sweet Tibbie Dunbar.

Wee Willie Gray

Wee Willie Gray, and his leather wallet,
Peel a willow wand to be him boots and jacket;
The rose upon the breir will be him trews an' doublet,
The rose upon the breir will be him trews an' doublet!
Wee Willie Gray, and his leather wallet,
Twice a lily-flower will be him sark and cravat;
Feathers of a flee wad feather up his bonnet,
Feathers of a flee wad feather up his bonnet.

Craigieburn Wood

Beyond thee, dearie, beyond thee, dearie,
And O to be lying beyond thee!
O sweetly, soundly, weel may he sleep
That's laid in the bed beyond thee!

Sweet closes the ev'ning on Craigieburn Wood,
And blythely awaukens the morrow;
But the pride o' the spring in the Craigieburn Wood
Can yield to me nothing but sorrow.

I see the spreading leaves and flowers,
I hear the wild birds singing;

Его бы возвратить!
Его бы возвратить!
Всего Нокхаспи¹²²³ мне не жаль,
Чтоб горца Гарри возвратить.

Когда все спят, я через глен
Бреду, тоску мне не избыть;
Я слёзы лью, мой стан согбен,
Его мечтаю возвратить.

Дрянь вздёрнуть бы, и все дела,
Унять поганных тварей прыть!
Тогда б, наверное, смогла
Я горца Гарри возвратить.

Тибби Данбар

Пойдёшь со мной, милая Тибби Данбар?
Пойдёшь со мной, милая Тибби Данбар?
Мы поскачем верхом, иль коляску наймём,
Иль, Тибби Данбар, мы пройдемся пешком?
Что мне твой папаша с землёй и мошною,
Что мне вся семейка со спесью дурною?
И радость ли, беды нас ждут впереди,
Одетой как есть ко мне, Тибби, приди.

Клоп Вилли Грэй

Клоп Вилли Грэй, а сумка из кожи,
Шкурка с вербы – куртка, и ботинки тоже;
Штанцы, камзольчик сшить отменно розы гожи,
Штанцы, камзольчик сшить отменно розы гожи!
Клоп Вилли Грэй, а сумка из кожи,
Галстук и рубашка – из лилий двух, похоже;
Мушкино крыло берет украсит всё же,
Мушкино крыло берет украсит всё же!

Крейгибёрнский лес {2}¹²²⁴

Вдали, родная, вдали, родная,
Вдали бы мне лечь, родная!
Ох, сладко, крепко спится тому,
Чьё ложе вдали, родная!

Закат скрыл Крейгибёрнский лес,
Рассвет проспишь едва ли,
Но вешний Крейгибёрнский лес
Несёт одни печали.

Расправлен лист, раскрылся цвет,
Несутся птичьи трели;

But pleasure they hae nane for me,
While care my heart is wringing.

I can na tell, I maun na tell,
I daur na for your anger;
But secret love will break my heart,
If I conceal it langer.

I see thee gracefu', straight and tall,
I see thee sweet and bonie;
But oh, what will my torment be,
If thou refuse thy Johnie!

To see thee in another's arms,
In love to lie and languish,
'Twad be my dead, that will be seen,
My heart wad burst wi' anguish.

But Jeanie, say thou wilt be mine,
Say thou lo'es nane before me;
And a' may days o' life to come
I'll gratefully adore thee.

Here's His Health in Water!

Altho' my back be at the wa',
And tho' he be the fautor;
Altho' my back be at the wa',
Yet, here's his health in water.
O wae gae by his wanton sides,
Sae brawlie's he could flatter;
Till for his sake I'm slighted sair,
And dree the kintra clatter:
But tho' my back be at the wa',
And tho' he be the fautor;
But tho' my back be at the wa',
Yet here's his health in water!

Down the Burn, Davie

As down the burn they took their way,
And thro' the flowery dale;
His cheek to hers he aft did lay,
And love was aye the tale:

With "Mary, when shall we return,
Sic pleasure to renew?"
Quoth Mary – "Love, I like the burn,
And aye shall follow you."

Мне в них отрады никакой,
Так беды одолели.

Молчать я должен и могу,
Тебя гневить не смея,
Но душу рвут любви слова,
Что утаил в себе я.

Мила, стройна и высока –
Сколь прелести в бутоне –
Но что за муки претерплю,
Коль ты отвергнешь Джони!

В чужих объятьях увидав
Тебя, усохнет милый;
Увидишь, как погибнет он:
Снести не станет силы.

Но, Джин, скажи, что не отдашь
Своей любви другому, –
И до скончанья дней впаду
Я в сладкую истому.

«Пью за поганца воду!»¹²²⁵

Пускай я влипла, хуже нет,
И в подлеца, и в шкоду,
Пускай я влипла, хуже нет, –
Пью за поганца воду!
Пусть беды липнут к ходоку,
Как сам он, в песнях льстивых,
Коль я груз сплетен волоку
От кумушек ретивых;
Но пусть я влипла, хуже нет,
И в подлеца, и в шкоду,
Но пусть я влипла, хуже нет, –
Пью за поганца воду!

«Вдоль ручья, Дэви...»

Пока вёл путь их вдоль ручья
И сквозь цветущий дол –
Щека к щеке, пойми где чья –
Любовный щебет шёл;

Он: «Мэри, не пора ль назад,
Вновь тешиться судьбой?»
«Родной, ручей ласкает взгляд,
Век шла бы за тобой».

Lady Onlie, Honest Lucky

A' The lads o' Thorniebank,
When they gae to the shore o' Bucky,
They'll step in an' tak a pint
Wi' Lady Onlie, honest Lucky.
Lady Onlie, honest Lucky,
Brews gude ale at shore o' Bucky;
I wish her sale for her gude ale,
The best on a' the shore o' Bucky.

Her house sae bien, her curch sae clean
I wat she is a daintie chuckie;
And cheery blinks the ingle-gleed
O' Lady Onlie, honest Lucky!
Lady Onlie, honest Lucky,
Brews gude ale at shore o' Bucky;
I wish her sale for her gude ale,
The best on a' the shore o' Bucky.

As I was a Wandering ae Midsummer E'enin'

As I was a wand'ring ae midsummer e'enin',
The pipers and youngsters were making their game;
Amang them I spied my faithless fause lover,
Which bled a' the wounds o' my dolour again.

Weel, since he has left me, may pleasure gae wi' him;
I may be distress'd, but I winna complain;
I flatter my fancy I may get anither,
My heart it shall never be broken for ane.

I could na get sleeping till dawin' for greetin',
The tears trickled down like the hail and the rain;
Had I na got greetin', my heart wad a broken,
For, oh! love forsaken's a tormenting pain.

Altho' he has left me for greed o' the siller,
I dinna envy him the gains he can win;
I rather wad bear a' the lade o' my sorrow,
Than ever hae acted sae faithless to him.

Weel, since he has left me, may pleasure gae wi' him;
I may be distress'd, but I winna complain;
I flatter my fancy I may get anither,
My heart it shall never be broken for ane.

Bannocks o' Bear Meal

Bannocks o' bear meal,
Bannocks o' barley,
Here's to the Highlandman's
Bannocks o' barley!

Леди Онли

Торнибэнкский¹²²⁶ весь народ,
Если путь приводит в Бакки¹²²⁷,
Наверняка хлебнёт пивка
У леди Онли, знает всякий.
Леди Онли, знает всякий,
Дивным пивом поит Бакки;
Пусть ей доход в карман течёт:
Лучше пива нету в Бакки.

Не дом – дворец, и чист чепец:
Люд заглянул, считай, не к бяке;
Пылает весело очаг
У леди Онли, знает всякий!
Леди Онли, знает всякий,
Дивным пивом поит Бакки;
Пусть ей доход в карман течёт:
Лучше пива нету в Бакки.

«Средь лета бродила в закатную пору...»

Средь лета бродила в закатную пору –
Юнцам и волынщикам сплошь благодать –
Искала дружка, что удрал воровато,
И раны в душе кровенили опять.

Пусть бросил меня, умыкнувши усладу, –
Всё, как ни горюю, не жалуясь вам,
А тешусь надеждой приветить другого,
Но сердце разбить уж вовеки не дам.

Рыдала я, глаз не сомкнув, до рассвета:
Град, ливень – столь слёз не пролила дотоль;
Лишь выплакать можно сердечную рану,
Рождает обман нестерпимую боль.

Хоть бросил меня, соблазнившись кубышкой,
Но жалости нету к поживе такой;
Уж лучше мне вынести горестей бремя,
Чем так обойтись, как дружок мой со мной.

Пусть бросил меня, умыкнувши усладу,
Я, сколь ни горюю, не жалуясь вам,
А тешусь надеждой приветить другого,
Но сердце разбить уж вовеки не дам.

«Вкус ячменёк дал...»

Вкус ячменёк дал
Этим лепёшкам,
Горским ячменным
Слава лепёшкам!

Wha, in a brulyie, will
First cry a parley?
Never the lads wi' the
Bannocks o' barley,
Bannocks o' bear meal,
Bannocks o' barley,
Here's to the Highlandman's
Bannocks o' barley!

Wha, in his wae days,
Were loyal to Charlie?
Wha but the lads wi' the
Bannocks o' barley!
Bannocks o' bear meal,
Bannocks o' barley,
Here's to the Highlandman's
Bannocks o' barley!

Awa' Whigs, Awa'!

Awa' Whigs, awa'!
Awa' Whigs, awa'!
Ye're but a pack o' traitor louns,
Ye'll do nae gude at a'.

Our thrissles flourish'd fresh and fair,
And bonie bloom'd our roses;
But Whigs cam' like a frost in June,
An' wither'd a' our posies.

Our ancient crown's fa'en in the dust –
Deil blin' them wi' the stoure o't!
An' write their names in his black beuk,
Wha gae the Whigs the power o't.

Our sad decay in church and state
Surpasses my describing:
The Whigs cam' o'er us for a curse,
An' we hae done wi' thriving.

Grim vengeance lang has taen a nap,
But we may see him wauken:
Gude help the day when royal heads
Are hunted like a maukin!

Bonie Peg-a-Ramsay

Cauld is the e'enin blast,
O' Boreas o'er the pool,
An' dawin' it is dreary,
When birks are bare at Yule.

Кто первым в драке
Рад резвым ножкам?
Люд, непривычный
К этим лепёшкам!
Вкус ячменёк дал
Этим лепёшкам,
Горским ячменным
Слава лепёшкам!

Кто, предан Чарли¹²²⁸,
Сток к подножкам?
Всякий привычный
К этим лепёшкам!
Вкус ячменёк дал
Этим лепёшкам,
Горским ячменным
Слава лепёшкам!

«А ну, виги, прочь!»¹²²⁹

А ну, виги, прочь!
А ну, виги, прочь!
Вам, своре псов, предавших нас,
Не пакостить невмочь.

Был ярок, свеж чертополох¹²³⁰,
Тут дивны розы были;
Морозом летним виги к нам,
Цветенье сплошь сгубили.

Венец наш древний сброшен в прах –
Вдул прах им дьявол в очи!
Всех вигов в чёрный список внёс,
Что властвовать охочи.

Храм, трон гниют – не описать
Словами никакими;
Проклятье вигово на нас,
Раздавлены мы ими.

Псы злобной мести дремлют век,
Но спящие воспрянут –
Бог даст, однажды королей
Травить, как зайцев, станут!

Красотка Пэг из Рэмси

Вечерний буйный хлад
Борей¹²³¹ на пруд принёс,
Хмур святочный рассвет
Среди нагих берёз.

Cauld blaws the e'enin blast,
When bitter bites the frost,
And, in the mirk and dreary drift,
The hills and glens are lost:

Ne'er sae murky blew the night
That drifted o'er the hill,
But bonie Peg-a-Ramsay
Gat grist to her mill.

Come Boat Me o'er to Charlie

Come boat me o'er, come row me o'r,
Come boat me o'er to Charlie;
I'll gie John Ross another bawbee,
To boat me o'er to Charlie.

We'll o'er the water and o'er the sea,
Well o'er the water to Charlie;
Come weal, come woe, we'll gather and go,
And live or die wi' Charlie.

I lo'e weel my Charlie's name,
Tho' some there be abhor him:
But O, to see auld Nick gaun hame,
And Charlie's faes before him!

I swear and vow by moon and stars,
And sun that shines so clearly,
If I had twenty thousand lives,
I'd die as aft for Charlie.

We'll o'er the water and o'er the sea,
Well o'er the water to Charlie;
Come weal, come woe, we'll gather and go,
And live or die wi' Charlie.

Braw Lads o' Galla Water

Braw, braw lads of Galla Water!
O braw lads of Galla Water!
I'll kilt my coats aboon my knee,
And follow my love through the water.

Sae fair her hair, sae brent her brow,
Sae bonnie blue her een, my dearie;
Sae white her teeth, sae sweet her mou',
The mair I kiss she's aye my dearie.

O'er yon bank and o'er yon brae,
O'er yon moss amang the heather;

Вечерний буйный хлад
Кусать горазд весьма,
Снег хмуро полнит тьму –
Ни глена, ни холма.

Бурана над холмом
И мрака нету злей,
Но Пэг из Рэмси всё ж
С надеждою своей.

«Неси, лодчонка, к Чарли¹²³²...»

Несите, вёсла, по волнам,
Неси, лодчонка, к Чарли;
Полпенни Джону Россу дам,
Чтоб переправил к Чарли.

По водам нам и за моря –
По славным водам к Чарли;
Средь света, тьмы помчим не зря,
Чтоб жить и сгинуть с Чарли.

Ложится имя на язык,
Хотя не всем по нраву;
Пусть гонит в пекло старый Ник¹²³³
Врагов его ораву!

Обеты звёздами, луной,
Сияньем солнца взвесьте:
Будь жизней двадцать тыщ со мной,
Все б кончил с Чарли вместе.

По водам нам и за моря –
По славным водам к Чарли;
Средь света, тьмы помчим не зря,
Чтоб жить и сгинуть с Чарли.

«Парни с Галла¹²³⁴ так плечисты!»

Парни с Галла так плечисты!
Так уж парни там плечисты!
Край куртки вздев (мешает он),
С любовью – вброд, водичкой чистой.

Прелестны кудри, лоб открыт,
И дивна глазок синь у милой,
А белозубый рот манит
Всё пуще, коль целуюсь с милой.

За тот берег, тот вон склон,
Верещатник тот вон мшистый,

I'll kilt my coats aboon my knee,
And follow my love through the water.

Down amang the broom, the broom,
Down amang the broom, my dearie,
The lassie lost a silken snood,
That cost her mony a blirt and bleer ee.

Braw, braw lads of Galla Water!
O braw lads of Galla Water:
I'll kilt my coats aboon my knee,
And follow my love through the water.

Coming Through the Rye

Coming thro' the rye, poor body,
Coming thro' the rye,
She draiglet a' her petticoatie
Coming thro' the rye.

Gin a body meet a body
Coming thro' the rye,
Gin a body kiss a body –
Need a body cry?

Gin a body meet a body
Coming thro' the glen,
Gin a body kiss a body –
Need the warld ken?

Jenny's a' wat, poor body;
Jenny's seldom dry;
She draiglet a' her petticoatie
Coming thro' the rye.

The Lass o' Ecclefechan

'Gat ye me, O gat ye me,
O gat ye me wi' naething?
Rock an reel, and spinning wheel,
A mickle quarter basin:
Bye attour my Gutcher has
A heich house and a laich ane,
A' forbye my bonie sel,
The toss o' Ecclefechan. '

'O haud your tongue now, Lucky Lang,
O haud your tongue and jauner;
I held the gate till you I met,
Syne I began to wander:
I tint my whistle and my sang,
I tint my peace and pleasure;
But your green graff, now Lucky Lang,
Wad airt me to my treasure. '

Край куртки вздев (мешает он),
С любовью – вброд, водичкой чистой.

Спуск раkitником зарос,
Вниз спешили ножки милой;
А вот и лента для волос:
Уж так закат в глаза светил ей.

Парни с Галла так плечисты!
Так уж парни там плечисты!
Край куртки вздев (мешает он),
С любовью – вброд, водичкой чистой.

«И́дя через рожь...» {1}

Идя через рожь, бедняжка,
Идя через рожь,
Замочила юбку тяжко,
Идя через рожь.

С кем-то кто-то повстречался,
Идя через рожь,
С кем-то кто-то целовался –
Только крик на что ж?

С кем-то кто-то повстречался,
Идя через дол,
С кем-то кто-то целовался –
Слух зачем пошёл?

Дженни вымокла, бедняжка,
С ней такое сплошь:
Замочила юбку тяжко,
Идя через рожь.

Красотка из Эклфе́хана¹²³⁵

«Ты вёл меня, ты вёл меня
К венцу как голодранку?
Вон, прялка есть; прошу зачесть
И медную лоханку;
У деда распросторный дом
(В деревне выше всех он)¹²³⁶,
А также мной самой, притом,
Гордится Эклфехан».

«Уйми язык, Везунья, свой:
Наплёл, покорный ражу!
Держался верного пути,
Сошлись – теперь бродяжу;
Ни посвистать мне, ни напеть,
Ни продыху, ни ладу;
Лишь дёрн, Везунья, над тобой
Приму я как награду».

The Slave's Lament

It was in sweet Senegal that my foes did me enthrall,
For the lands of Virginia, -ginia, O:
Torn from that lovely shore, and must never see it more;
And alas! I am weary, weary O:
Torn from that lovely shore, and must never see it more;
And alas! I am weary, weary O.

All on that charming coast is no bitter snow and frost,
Like the lands of Virginia, -ginia, O:
There streams for ever flow, and there flowers for ever blow,
And alas! I am weary, weary O:
There streams for ever flow, and there flowers for ever blow,
And alas! I am weary, weary O.

The burden I must bear, while the cruel scourge I fear,
In the lands of Virginia, -ginia, O;
And I think on friends most dear, with the bitter, bitter tear,
And alas! I am weary, weary O:
And I think on friends most dear, with the bitter, bitter tear,
And alas! I am weary, weary O.

Had I the Wyte? She Bade Me

Had I the wyte, had I the wyte,
Had I the wyte? she bade me;
She watch'd me by the hie-gate side,
And up the loan she shaw'd me.
And when I wadna venture in,
A coward loon she ca'd me:
Had Kirk an' State been in the gate,
I'd lighted when she bade me.

Sae craftilie she took me ben,
And bade me mak nae clatter;
"For our ramgunshoch, glum gudeman
Is o'er ayont the water."
Whae'er shall say I wanted grace,
When I did kiss and dawte her,
Let him be planted in my place,
Syne say, I was the fautor.

Could I for shame, could I for shame,
Could I for shame refus'd her;
And wadna manhood been to blame,
Had I unkindly used her!
He claw'd her wi' the ripplin-kame,
And blae and bluidy bruis'd her;
When sic a husband was frae hame,
What wife but wad excus'd her!

Плач невольника

Помнит милый Сенегал, как я в плен к врагам попал,
А уж после в Виргинию¹²³⁷, -гинию, о;
На родимый дальний берег не вернуться мне вовек,
Я унынию предан, унынию, о,
На родимый дальний берег не вернуться мне вовек,
Я унынию предан, унынию, о.

Кто на дивном берегу знал про стужу и пургу,
Что бывают в Виргинии, -гинии, о?
Там ручьи бегут всегда, и цветы цветут всегда,
Я унынию предан, унынию, о,
Там ручьи бегут всегда, и цветы цветут всегда,
Я унынию предан, унынию, о.

Я под тяжким грузом гнусь, и притом бича страшусь
В этой самой Виргинии, -гинии, о;
Память о друзьях со мной, вместе с горькою слезой,
Я унынию предан, унынию, о,
Память о друзьях со мной, вместе с горькою слезой,
Я унынию предан, унынию, о.

«Не стыдно ль мне, спросила...»

Не стыдно ль мне, не стыдно ль мне,
Не стыдно ль мне, спросила;
Дорогой шёл – не в стороне,
По тропке шёл – следила;
Раз не решался я рискнуть,
За трусость поносила;
Трон, храм тут не помеха нам,
Есть в предложенье сила.

Так ловко затащила в дом;
Шуметь, мол, не годится:
«В разлуке с хмурым муженьком,
Легла меж нас водица».
Кто скажет: ласкою шальной
Хотел я насладиться,
Сам поменялся бы со мной,
Впал в грех, как говорится!

Я б стыд забыл, я б стыд забыл,
Забыл, отвергнув бабу;
Позор мужскому роду был –
Не взять её хотя бы!
Муж льночесалкой¹²³⁸ приложил
(Синяк, гляди, неслабый);
Когда такой вот скот отплыл,
Где слух, ославить дабы?

I dighted aye her e'en sae blue,
An' bann'd the cruel randy,
And weel I wat, her willin' mou
Was sweet as sugar-candie.
At gloamin-shot, it was I wot,
I lighted on the Monday;
But I cam thro' the Tyseday's dew,
To wanton Willie's brandy.

The Highland Balou

Hee balou, my sweet wee Donald,
Picture o' the great Clanronald;
Brawlie kens our wanton Chief
Wha gat my young Highland thief.

Leeze me on thy bonie craigie,
An' thou live, thou'll steal a naigie,
Travel the country thro' and thro',
And bring hame a Carlisle cow.

Thro' the Lawlands, o'er the Border,
Weel, my babie, may thou funder!
Herry the louns o' the laigh Countrie,
Synne to the Highlands hame to me.

The Lad They Ca' Jumpin John

Her daddie forbad, her minnie forbad
Forbidden she wadna be:
She wadna trow't the browst she brew'd,
Wad taste sae bitterlie.
The lang lad they ca'Jumpin John
Beguil'd the bonie lassie,
The lang lad they ca'Jumpin John
Beguil'd the bonie lassie.

A cow and a cauf, a yowe and a hauf,
And thretty gude shillin's and three;
A vera gude tocher, a cotter-man's dochter,
The lass wi' the bonie black e'e.
The lang lad they ca'Jumpin John
Beguil'd the bonie lassie,
The lang lad they ca'Jumpin John
Beguil'd the bonie lassie.

Here's to Thy Health

Here's to thy health, my bonie lass,
Gude nicht and joy be wi' thee;
I'll come nae mair to thy bower-door,
To tell thee that I lo'e thee.

Утёр от слёз я глазок синь
 (Стыд подлецу и жиле!),
А губы жаркие, прикинь,
 Конфеток слаще были.
Огонь лучи (закат, молчи!)
 На понедельник лили –
Пошёл по вторничной росе
 За бренди к плуту Вилли.

Горская колыбельная

Баю-бай, малютка Доналд,
С виду вылитый Кланроналд¹²³⁹;
Плут вожак найти помог
Горцу-вору путь в острог.

Вырастай, крикун мой сладкий,
Разживись чужой лошадкой;
В дом коровку – всюду вхож –
Из Карлайла¹²⁴⁰ приведёшь.

На равнинах, на Границе¹²⁴¹
Сможешь всласть повеселиться!
Дрянь обчистив там вполне,
В горский край вернись ко мне.

Джон по прозванию Попрыгун

На папин запрет, на мамин запрет
Она наплевать норовит:
Не верит пока, что сварит пивка,
Какое изрядно горчит.
 Джон-дылда, он же Попрыгун,
 Влюбил в себя красотку,
 Джон-дылда, он же Попрыгун,
 Влюбил в себя красотку.

Коровка с телком, овечка с брюшком,
И тридцать три шиллинга враз –
Большая удача, к которой впридачу
Блеск чёрных пленительных глаз.
 Джон-дылда, он же Попрыгун,
 Влюбил в себя красотку,
 Джон-дылда, он же Попрыгун,
 Влюбил в себя красотку.

«Родная, выпьем за тебя...»

Родная, выпьем за тебя,
Весёлой доброй ночи!
В последний раз пришёл сейчас
С любовью глянуть в очи.

O dinna think, my pretty pink,
But I can live without thee:
I vow and swear I dinna care,
How lang ye look about ye.

Thou'rt aye sae free informing me,
Thou hast nae mind to marry;
I'll be as free informing thee,
Nae time hae I to tarry:
I ken thy frien's try ilka means
Frae wedlock to delay thee;
Depending on some higher chance,
But fortune may betray thee.

I ken they scorn my low estate,
But that does never grieve me;
For I'm as free as any he;
Sma' siller will relieve me.
I'll count my health my greatest wealth,
Sae lang as I'll enjoy it;
I'll fear nae scant, I'll bode nae want,
As lang's I get employment.

But far off fowls hae feathers fair,
And, aye until ye try them,
Tho' they seem fair, still have a care;
They may prove waur than I am.
But at twal' at night, when the moon shines bright,
My dear, I'll come and see thee;
For the man that loves his mistress weel,
Nae travel makes him weary.

Hey, the Dusty Miller

Hey, the dusty Miller,
And his dusty coat,
He will win a shilling,
Or he spend a groat:
Dusty was the coat,
Dusty was the colour,
Dusty was the kiss
That I gat frae the Miller.

Hey, the dusty Miller,
And his dusty sack;
Leeze me on the calling
Fills the dusty peck:
Fills the dusty peck,
Brings the dusty siller;
I wad gie my coatie
For the dusty Miller.

Не думай, нет, мой ясный свет,
Что жить вдали не в силах;
Хоть чем клянусь: уж обойдусь
Я там без глазок милых.

Легко вполне сказала мне:
Мол, замуж не собратся;
Сказать и мне легко вполне,
Что нам пора расстаться;
Подружки в лад знай верещат:
Спешить к венцу негоже,
Получше может быть расклад...
Похуже может тоже.

Пускай презрен я как бедняк,
Всё горе не накатит:
Среди парней сыщи вольней –
Мне и монетки хватит.
Здоровью рад: сам чёрт не брат,
Пока оно со мною;
Нет страха бед, предчувствий нет,
Пока работы стою.

Залётный птах сверкает – ах!¹²⁴²,
Пока вдали, за гранью;
Вдруг станет «ах» – прям на глазах –
Как я, такой же дрянью?
Но в час ночной, облит луной,
Приду, взгляну, родная:
Любви большой, пока со мной,
Не знать в дороге края.

«Ох, в пылюге мельник...»

Ох, в пылюге мельник,
С куртки пыль трясёт,
Заработал шиллинг
Иль потратил грот¹²⁴³;
В пыльной куртке он,
Белым запылится,
Пыльный поцелуй
С мельником случился.

Ох, в пылюге мельник,
И мешок, как снег;
Позвала – насыпал
Полный пыльный пек¹²⁴⁴;
Полный пыльный пек
Стоит пыльный грош;
Юбку задеру:
Пыльный так хорош!

The Cardin o't, the Spinnin o't

I coft a stane o' haslock woo',
To mak a wab to Johnie o't;
For Johnie is my only jo,
I loe him best of onie yet.
The cardin' o't, the spinnin' o't,
The warpin' o't, the winnin' o't;
When ilka ell cost me a groat,
The tailor staw the lynin' o't.

For tho' his locks be lyart grey,
And tho' his brow be beld aboon,
Yet I hae seen him on a day,
The pride of a' the parishen.
The cardin' o't, the spinnin' o't,
The warpin' o't, the winnin' o't;
When ilka ell cost me a groat,
The tailor staw the lynin' o't.

The Joyful Widower

I married with a scolding wife
The fouteenth of November,
She made me weary of my life
By one unruly member.
Long did I bear the heavy yoke
And many griefs attended,
But to my comfort be it spoke
Now, now her life is ended.

We liv'd full one-and-twenty years
A man and wife together,
At length from me her course she steer'd
And gone I know not whither;
Would I could guess, I do profess
I speak and donot flatter
Of all the women in the world
I never would come at her.

Her body is bestowed well
A handsome grave does hide her,
But sure her soul is not in hell
The deil would ne'er abide her;
I rather think she is aloft
And imitating thunder;
For why? methinks I hear her voice
Tearing the clouds asunder.

«Её чесать, и пряхть потом...»

Стоун¹²⁴⁵ лучшей шерсти я брала,
Чтоб был мой Джони приодет:
Ведь Джони сердце отдала,
И там другому места нет.
Её чесать, и пряхть потом,
Её сновать¹²⁴⁶, смотать потом,
Эль сто́ит грот¹²⁴⁷ – куда с добром,
Чтоб кус портяжка спёр потом!

Пусть седина в его кудрях,
Пусть лоб под плешью ввысь ползёт,
А всё увидела на днях,
Как им гордится весь приход.
Её чесать, и пряхть потом,
Её сновать, смотать потом,
Эль сто́ит грот – куда с добром,
Чтоб кус портяжка спёр потом!

Радостный вдовец

Брал ведьму в жёны, лишь достал
Ноябрь до середины,
И в жизни крепко я устал
От буйной половины.
Сквозь уйму бед и передряг
Тащил обузу эту,
Но в утешенье, скажем так,
Её отныне нету.

Я прожил двадцать с лишним лет
С такою жёнкой (дата!),
И вот со мной проклятья нет:
Знать, прибрано куда-то;
Имей, эхма, на грош ума,
Скажу – без капли лести
К тем бабам, коих в мире тьма, –
С ней век бы не жил вместе.

Вся почесть праху воздана,
Венчает холм затею,
Но точно не в аду она:
Не сладит дьявол с нею!
Скорей, она на небесах:
Порой раскат могучий,
Как глас её, внушает страх,
В клочки дербанит тучи.

Theniel Menzies' Bonie Mary

In comin by the brig o' Dye,
At Darlet we a blink did tarry;
As day was dawnin in the sky,
We drank a health to bonie Mary.
Theniel Menzies' bonie Mary,
Theniel Menzies' bonie Mary,
Charlie Grigor tint his plaidie,
Kissin' Theniel's bonie Mary.

Her een sae bright, her brow sae white,
Her haffet locks as brown's a berry;
And aye they dimpl't wi' a smile,
The rosy cheeks o' bonie Mary.
Theniel Menzies' bonie Mary,
Theniel Menzies' bonie Mary,
Charlie Grigor tint his plaidie,
Kissin' Theniel's bonie Mary.

We lap a' danc'd the lee-lang day,
Till piper lads were wae and weary;
But Charlie gat the spring to pay
For kissin Theniel's bonie Mary.
Theniel Menzies' bonie Mary,
Theniel Menzies' bonie Mary,
Charlie Grigor tint his plaidie,
Kissin' Theniel's bonie Mary.

It is Na, Jean, Thy Bonnie Face

It is na, Jean, thy bonnie face,
Nor shape that I admire,
Altho' thy beauty and thy grace
Might weel awake desire.
Something in ilka part o' thee,
To praise, to love, I find;
But dear as is thy form to me,
Still dearer is thy mind.

Nae mair ungen'rous wish I hae,
Nor stronger in my breast,
Than, if I canna mak thee sae,
At least to see thee blest.
Content am I, if heaven shall give
But happiness to thee:
And as wi' thee I'd wish to live,
For thee I'd bear to die.

«Дивна Мэнзисова Мэри¹²⁴⁸...»

Где Дай¹²⁴⁹ в пролёт моста течёт,
Нам «Дарлет»¹²⁵⁰ раскрывает двери;
Едва наметился восход,
Мы стали пить за крошку Мэри.
Дивна Мэнзисова Мэри,
Дивна Мэнзисова Мэри,
Чарли Григор плед забыл,
Нежа Мэнзисову Мэри.

Глаза ясны́, а белизны
Лба меж кудрей не зреть – потеря;
В улыбке ямочки видны
На щёчках-розах крошки Мэри.
Дивна Мэнзисова Мэри,
Дивна Мэнзисова Мэри,
Чарли Григор плед забыл,
Нежа Мэнзисову Мэри.

Для плясок целый день нам мал,
Играли дудари как звери,
И Чарли песню заказал,
Чтоб нежить Мэнзисову Мэри.
Дивна Мэнзисова Мэри,
Дивна Мэнзисова Мэри,
Чарли Григор плед забыл,
Нежа Мэнзисову Мэри.

«Не твой прекрасный, Джини, лик...»¹²⁵¹

Не твой прекрасный, Джини, лик,
Не стан, каким пленён,
Сколь ни разят красою вмиг,
Прервут мечтаний сон.
В любви к черте твоей любой
Найду, что славить в ней,
Но, сколь ни мил весь облик твой,
Душа куда милей.

Желанья проще не таю,
Нет пуще маеты,
Чем – пусть сам счастья не дарю –
Узреть, что рада ты.
Но коль тебе, родной, покой
Даст только горний кров,
Я жить с красавицей такой
И умереть готов.

To the Weaver's Gin Ye Go

My heart was ance as blythe and free
As simmer days were lang;
But a bonie, westlin weaver lad
Has gart me change my sang.
 To the weaver's gin ye go, fair maids,
 To the weaver's gin ye go,
 I rede you right, gang ne'er at night,
 To the weaver's gin ye go.

My mither sent me to the town,
 To warp a plaiden wab;
But the weary, weary warpin o't
 Has gart me sigh and sab.

A bonie, westlin weaver lad
 Sat working at his loom;
He took my heart, as wi' a net,
 In every knot and thrum.

I sat beside my warpin-wheel,
 And ay I ca'd it roun';
But every shot and every knock,
 My heart it gae a stoun.

The moon was sinking in the west,
 Wi' visage pale and wan,
As my bonie, westlin weaver lad
 Convoy'd me thro' the glen.

But what was said, or what was done,
 Shame fa' me gin I tell;
But Oh! I fear the kintra soon
 Will ken as weel's mysel!
 To the weaver's gin ye go, fair maids,
 To the weaver's gin ye go,
 I rede you right, gang ne'er at night,
 To the weaver's gin ye go.

The Charms of Lovely Davies

O how shall I, unskilfu', try
 The poet's occupation?
The tunefu' powers, in happy hours,
 That whisper inspiration;
Even they maun dare an effort mair
 Than aught they ever gave us,
Ere they rehearse, in equal verse,
 The charms o' lovely Davies.

«Коль наладились к ткачам...»

Душа светла была, вольна
В день долгий и горячий –
Ткач-хват из западных краёв
Заставил спеть иначе.
Коль наладились к ткачам, красотки,
Коль наладились к ткачам,
Скажу я вам: не по ночам,
Коль наладились к ткачам.

Послала мама в городок,
Чтоб там я ткала плед,
Но только вздохи со слезой
Тканью-морозе вслед.

Ткач-хват из западных краёв
Работал за станком;
Моё сердечко прихватил,
Как нитку узелком.

Я за сновальным колесом¹²⁵²
Трудилась день-деньской,
Но отдавался всяк толчок
Мне болью, да какой!

Луна катилась на закат
И бледной, и больной,
Мой ткач из западных краёв
Долиной шёл со мной.

О токе слов, о ходе дел
Не даст поведать стыд,
Но скоро, боже, графство всё
О том заговорит!
Коль наладились к ткачам, красотки,
Коль наладились к ткачам,
Скажу я вам: не по ночам,
Коль наладились к ткачам.

«Прелестной Дэвис чары...»¹²⁵³

Как я, простак, неловок так,
Вдруг занялся стихами?
Напевы в нас в счастливый час
Вдохнуть способны пламя;
Но даже им не сметь самим
Затмить успех свой старый,
Покуда стих не тронул, лих,
Прелестной Дэвис чары.

Each eye it cheers when she appears,
Like Phoebus in the morning,
When past the shower, and every flower
The garden is adorning:
As the wretch looks o'er Siberia's shore,
When winter-bound the wave is;
Sae droops our heart, when we maun part
Frae charming, lovely Davies.

Her smile's a gift frae 'boon the lift,
That maks us mair than princes;
A sceptred hand, a king's command,
Is in her darting glances;
The man in arms 'gainst female charms
Even he her willing slave is,
He hugs his chain, and owns the reign
Of conquering, lovely Davies.

My Muse, to dream of such a theme,
Her feeble powers surrender:
The eagle's gaze alone surveys
The sun's meridian splendour.
I wad in vain essay the strain,
The deed too daring brave is;
I'll drap the lyre, and mute admire
The charms o' lovely Davies.

My Native Land Sae Far Awa

O sad and heavy, should I part,
But for her sake, sae far awa;
Unknowing what my way may thwart,
My native land sae far awa.
Thou that of a' things Maker art,
That formed this Fair sae far awa,
Gie body strength, then I'll ne'er start
At this my way sae far awa.

How true is love to pure desert!
Like mine for her sae far awa;
And nocht can heal my bosom's smart,
While, oh, she is sae far awa!
Nane other love, nane other dart,
I feel but her's sae far awa;
But fairer never touch'd a heart
Than her's, the Fair, sae far awa.

O Steer Her Up, an' Haud Her Gaun

O steer her up, an' haud her gaun,
Her mither's at the mill, jo;
An' gin she winna tak a man,
E'en let her tak her will, jo.

Её всяк взгляд приветить рад,
Как утро Фебу¹²⁵⁴ радо:
Дождь сгнать смог, любой цветок
Красу дарует саду;
Шлёт тати снег сибирский брег,
Где злы пурги удары, –
Так грудь болит, коль предстоит
Покинуть Дэвис чары.

Улыбки жар – небесный дар:
Принять лишь принцам впору;
Царицы стать вполне подстать
Сражающему взору;
Вояка сам, любимец дам,
И тот, как раб, ждёт кары,
Под звон оков вполне готов
Попасть под Дэвис чары.

Слабей нет муз: осилить груз
Моей пытаться зряшно,
И лишь орлу, пронзая мглу,
Глядеть в зенит не страшно.
Напрасно б был, как много сил
В делах растратит ярый;
Прочь лирный звон! Нем, восхищён
Я вами, Дэвис чары.

«Мой край родимый так далёк...»

С тяжёлым сердцем с ней прощусь:
Её во имя путь далёк;
Неведомо куда пущусь,
Мой край родимый так далёк.
Создатель, попросить страшусь:
Ты дал Красу, чей лик далёк, –
Дай плоти силу: не решусь
Начать тот путь, что так далёк.

Родит любовь пустыни грусть!
Как к той, до коей путь далёк;
Боль исцелить не лезут пусть,
Когда до милой путь далёк!
От новой страсти отрешусь:
Я с той, до коей путь далёк;
К иной красе не прикоснусь,
Коль есть Краса, чей лик далёк.

«Буди её, уйти не дай...»

Буди её, уйти не дай:
На мельнице ведь мать, друг;
Хоть парень ей не нужен – край,
Хоть что-то дай ей взять, друг.

First shore her wi' a gentle kiss,
And ca' anither gill, jo;
An' gin she tak the thing amiss,
E'en let her flyte her fill, jo.

O steer her up, an' be na blate,
An' gin she tak it ill, jo,
Then leave the lassie till her fate,
And time nae langer spill, jo:
Ne'er break your heart for ae rebute,
But think upon it still, jo:
That gin the lassie winna do't,
Ye'll find anither will, jo.

O Whare did Ye Get That Hauer-meal Bannock?

O whare did ye get that hauer-meal bannock?
O silly blind body, O dinna ye see?
I gat it frae a brisk young solder laddie,
Between Saint Johnston and bonnie Dundee.
O gin I saw the laddie that gae me't!
Aft has he doudled me on his knee;
May Heaven protect my bonnie Scots laddie,
And send him safe hame to his babie and me!

My blessin's upon thy sweet wee lippie,
My blessin's upon thy bonnie e'e bree!
Thy smiles are sae like my blithe solder laddie,
Thou's aye the dearer and dearer to me!
But I'll big a bower on yon bonnie banks,
Where Tay rins wimplin' by sae clear;
And I'll cleed thee in the tartan sae fine,
And mak thee a man like thy daddie dear.

Simmer's a Pleasant Time

Simmer's a pleasant time,
Flowers o' ev'ry colour;
The water rins ower the heugh,
And I long for my true lover.
Ay waukin', O
Waukin' aye and weary,
Sleep I can get nane
For thinkin' o' my dearie.

When I sleep I dream
When I wauk I'm eerie,
Sleep I can get nane
For thinkin' o' my dearie.

Сперва поцеловать грози,
За подбородок взять, друг;
Коль не понравилась вблизи,
Что б ей ни возражать, друг?

Буди её, да не робей,
Дай вволю обругать, друг,
Да предоставь судьбе своей –
И время зря не трать, друг!
Плюнь, коль сорвётся в первый раз,
В душе пусть тишь да гладь, друг:
У этой вот сплошной отказ –
Найдёшь с кем погулять, друг.

«Овсяной лепёшкой где я разжилась?»

Овсяной лепёшкой где я разжилась?
Глупышка, да ты не заметил, поди!
Её дал мне юный и бойкий солдат,
Был рядом Сент-Джонстон, был славный Данди¹²⁵⁵.
Ох, снова бы парня того повстречать!
Частенько качал на колене своём;
Шотландца пускай Небеса сберегут,
Домой возвратят, к нам с его малышом!

Блаженны будь сладкие губки твои,
Блаженны будь чёрточки милых бровей!
В улыбке мне видится бравый солдат,
Чем дальше, тем ты мне родней и родней!
Я выстрою домик на тех берегах,
Где Тэй¹²⁵⁶ извивается чистой струёй,
И в тартан¹²⁵⁷ нарядный одену тебя,
Чтоб стал ты, как папочка твой дорогой.

«Лета нет милей...»

Лета нет милей,
Краски в радость лугу;
Мчит ручей сквозь дол,
Я в тоске по другу.
Пробужденья час
Тихим стал, унылым,
Не спасает сон:
Думаю о милом.

Сон мой полон грёз,
Встану – страх по жилам,
Не спасает сон:
Думаю о милом.

Lanely nicht comes on
A' the lave are sleepin'
I think on my true love
And bleer my een wi' greetin'.
Ay waukin', O
Waukin' aye and weary,
Sleep I can get nane
For thinkin' o' my dearie.

To Daunton Me

The blude-red rose at Yule may blaw,
The simmer lilies bloom in snaw,
The frost may freeze the deepest sea;
But an auld man shall never daunton me.

To daunton me, and me sae young,
Wi' his fause heart and flatt'ring tongue,
That is the thing you shall never see,
For an auld man shall never daunton me.

For a' his meal and a' his maut,
For a' his fresh beef and his saut,
For a' his gold and white monie,
And auld men shall never daunton me.

His gear may buy him kye and yowes,
His gear may buy him glens and knowes;
But me he shall not buy nor fee,
For an auld man shall never daunton me.

He hirples twa fauld as he dow,
Wi' his toothless gab and his auld beld pow,
And the rain rains down frae his red blear'd e'e;
That auld man shall never daunton me.

To daunton me, and me sae young,
Wi' his fause heart and flatt'ring tongue,
That is the thing you shall never see,
For an auld man shall never daunton me.

The Highland Laddie

The bonniest lad that e'er I saw –
Bonie laddie, Highland laddie!
Wore a plaid and was fu' braw –
Bonie Highland laddie!
On his head a bonnet blue –
Bonie laddie, Highland laddie!
His royal heart was firm and true –
Bonie Highland laddie!

Наступает ночь,
Сон сморил округу,
Думаю о нём,
Слёзы лью по другу.
Пробужденья час
Тихим стал, унылым,
Не спасает сон:
Думаю о миллом.

Не сдамся старику

Ждать к святкам роз багрец могу,
Снег летних лилий на снегу,
В морской пучине быть ледку
Скорей, чем сдамся старику.

Меня, молодку, не увлечь:
Душа крива, и льстива речь;
Не быть такому на веку,
Уж я не сдамся старику.

За солод, репу и фасоль,
За шмат убоины, за соль,
За грош, прилипший к желтяку¹²⁵⁸,
Вовек не сдамся старику.

Накупит он овец, коров,
Накупит гленов и бугров;
Меня ж купить, нанять – ку-ку! –
Не по карману старику.

Тому, кто скрючен вдвое, хром,
Беззуб, да и плешив притом,
Его слезливому глазку –
Нет, я не сдамся старику.

Меня, молодку, не увлечь:
Душа крива, и льстива речь;
Не быть такому на веку,
Уж я не сдамся старику.

Горский парень¹²⁵⁹

«Лучше парня в мире нет –
Статный парень, горский парень!
Сплошь хорош и носит плед –
Статный горский парень!
Голубой на нём берет –
Статный парень, горский парень!
У короля вернее нет¹²⁶⁰ –
Статный горский парень!»

Trumpets sound and cannons roar,
Bonie lassie, Lawland lassie! –
And a' the hills wi' echoes roar,
Bonie Lawland lassie!
Glory, Honour, now invite –
Bonie lassie, Lawland lassie! –
For freedom and my King to fight,
Bonie Lawland lassie!

The sun a backward course shall take,
Bonie laddie, Highland laddie!
Ere aught thy manly courage shake,
Bonie Highland laddie!
Go, for yoursel' procure renown,
Bonie laddie, Highland laddie!
And for your lawful King his crown,
Bonie Highland laddie!

The Cooper o' Cuddie Cam' Here Awa

The cooper o' Cuddie cam' here awa,
And ca'd the girrs out owre us a'–
And our gudewife has gotten a ca'
That anger'd the silly gude-man, O.

We'll hide the cooper behind the door;
Behind the door, behind the door;
We'll hide the cooper behind the door,
And cover him under a mawn, O.

He sought them out, he sought them in,
Wi' deil hae her! and, deil hae him!
But the body was sae doited and blin',
He wist na where he was gaun, O.

They cooper'd at e'en, they cooper'd at morn,
'Till our gude-man has gotten the scorn;
On ilka brow she's planted a horn,
And swears that they shall stan', O.

We'll hide the cooper behind the door;
Behind the door, behind the door;
We'll hide the cooper behind the door,
And cover him under a mawn, O.

The Highland Widow's Lament

Oh I am come to the low Countrie,
Ochon, Ochon, Ochrie!
Without a penny in my purse,
To buy a meal to me.

«Слышишь трубы, пушек рёв,
Чаровница, цвет нагорий¹²⁶¹?
И ответный рёв холмов,
Девушка с нагорий?
Слава, честь всегда со мной,
Чаровница, цвет нагорий!
За короля и вольность – в бой,
Девушка с нагорий!»

«Легче солнце двинуть вспять,
Статный парень, горский парень,
Чем тебя поколебать,
Статный горский парень!
Стань известным как боец,
Статный парень, горский парень!
Добудь для короля венец,
Статный горский парень!»

«Утырок-бондарь¹²⁶² шасть сюда...»

Утырок-бондарь шасть сюда,
Вовсю гремели обода;
И жёнка чья-то: вишь, беда,
Озлится муженёк, о.

Упрячем бондаря за дверь,
Ну да, за дверь, ага, за дверь,
Упрячем бондаря за дверь –
Корзинку поперёк, о.

Искал дорогу он засим,
«Чёрт с ней!» – орал, вопил: «Чёрт с ним!»,
Но был таким тупым, слепым,
Что выбратья не мог, о.

С утра бондарят дотемна,
Презревши муженька сполна;
Уж он с рогами, вот те на,
Таков, клянусь, итог, о.

Упрячем бондаря за дверь,
Ну да, за дверь, ага, за дверь,
Упрячем бондаря за дверь –
Корзинку поперёк, о.

Плач вдовы-горянки¹²⁶³

Спустилась с гор я налегке,
Ох-хо, ну что сказать?
Ни пенни нету в кошельке,
Придётся голодать.

It was na sae in the Highland hills,
Ochon, Ochon, Ochrie!
Nae woman in the Country wide,
Sae happy was as me.

For then I had a score o'kye,
Ochon, Ochon, Ochrie!
Feeding on you hill sae high,
And giving milk to me.

And there I had three score o'yowes,
Ochon, Ochon, Ochrie!
Skipping on yon bonie knowes,
And casting woo' to me.

I was the happiest of a' the Clan,
Sair, sair, may I repine;
For Donald was the brawest man,
And Donald he was mine.

Till Charlie Stewart cam at last,
Sae far to set us free;
My Donald's arm was wanted then,
For Scotland and for me.

Their waefu' fate what need I tell,
Right to the wrang did yield;
My Donald and his Country fell,
Upon Culloden field.

Oh I am come to the low Countrie,
Ochon, Ochon, Ochrie!
Nae woman in the warld wide,
Sae wretched now as me.

The Weary Pund o' Tow

The weary pund, the weary pund,
The weary pund o' tow;
I think my wife will end her life,
Before she spin her tow.

I bought my wife a stane o' lint,
As gude as e'er did grow,
And a' that she has made o' that
Is ae puir pund o' tow.

There sat a bottle in a bole,
Beyond the ingle low;
And aye she took the tither souk,
To drouk the stourie tow.

Иное в горной стороне,
Ох-хо, ну что сказать?
Была – ищи по всей стране,
Счастливей не сыскать.

Пасла десятка два коров,
Ох-хо, ну что сказать?
Хватало трав с крутых холмов,
Чтоб молока мне дать.

Овец пять дюжин – все мои,
Ох-хо, ну что сказать?
Прыг-скок с бугра, без толчеи,
И с шерстью я, опять.

Меня счастливей клан не знал,
Мой плач – по дням былым:
Всех Доналд статью затмевал,
И Доналд был моим.

Но Чарли Стюарт¹²⁶⁴ стал судьбой,
Свободой нас маня,
И был мой Доналд призван в бой
За край и за меня.

И, вспоминай не вспоминай,
Сгубила правду ложь:
Пошли мой Доналд и наш край
В Каллодене¹²⁶⁵ под нож.

Спустилась с гор я налегке,
Ох-хо, ну что сказать?
Меня ни здесь, ни вдалеке
Несчастней не сыскать.

«Обрыдлый фунт не спрясть!»¹²⁶⁶

Обрыдлый фунт, обрыдлый фунт,
Обрыдлый фунт не спрясть;
Жена, похоже, ляжет в гроб,
Всё не успев допрясть.

Я стоун тресты¹²⁶⁷ купил жене –
Отменной, лучший сорт –
Ей ниток удалось напрядь
Не больше фунта, чёрт!

Была бутылка в тайнике,
Как раз за очажком, –
Ей пыль от пряжи всякий раз
Вольно смывать глотком.

Quoth I, For shame, ye dirty dame,
Gae spin your tap o' tow!
She took the rock, and wi' a knock,
She brak it o'er my pow.

At last her feet – I sang to see't!
Gaed foremost o'er the knowe,
And or I wad anither jad,
I'll wallop in a tow.

The Ploughman

The Ploughman he's a bony lad,
His mind is ever true, jo,
His garters knit below his knee,
His bonnet it is blue, jo.

Then up wi't a', my Ploughman lad,
And hey, my merry Ploughman;
Of a'the trades that I do ken,
Commend me to the Ploughman.

My Ploughman he comes hame at e'en,
He's aften wat and weary:
Cast off the wat, put on the dry,
And gae to bed, my Dearie.

I will wash my Ploughman's hose,
And I will dress his o'erlay;
I will mak my Ploughman's bed,
And cheer him late and early.

I hae been east, I hae been west,
I hae been at Saint Johnston,
The boniest sight that e'er I saw
Was th' Ploughman laddie dancin'.

Snaw-white stocking on his legs,
And siller buckles glancin';
A gude blue bannet on his head,
And O but he was handsome!

Commend me to the Barn yard,
And the Corn-mou, man;
I never gat my Coggie fou
Till I met wi' the Ploughman.

Hey, Ca' Thro'

Boat Song

Up wi' the carls o' Dysart,
And the lads o' Buckhaven,
And the kimmers o' Largo,
And the lasses o' Leven.

Я: «Дрянъ, стыдись! Трудом займись,
Спряди хотя бы чуть!»
Та прялку хватъ, и ну ломать –
Об репу мне, в чём суть.

И вот ушла – тра-ла-ла-ла! –
За холм, не разглядеть;
Решусь опять я жёнку взять –
На пряже мне висеть!

Пахарь {1}

Мой пахарь – малый хотъ куда,
Навек со мной вдвоём друг,
Подвязки бантом у колен¹²⁶⁸,
В берете голубом друг.

Плевать на всё, коль гонишь плут,
Эгей, весёлый пахарь!
Из всех, кто трудится вокруг,
Мне по сердцу лишь пахарь.

Вернётся пахарь ввечеру,
Промокший и усталый, –
Я оботру, сухое дам:
Родной, в постель пожалуй!

Портки ему я простирну,
Платком украшу шею¹²⁶⁹;
Раз приготовлена постель,
Развлечь его сумею.

Я знаю запад и восток,
В Сент-Джонстоне¹²⁷⁰ бывала,
Но лучше пляшущих, чем он,
Нигде не увидала.

Чулки, как снег, вовсю блестят
Серебряные пряжки;
Берета синь на голове –
Уж он не замарашка!

Зови меня на ток, дружок,
Займёмся молотьбою;
Наполнить мерку до краёв
Сумею лишь с тобою.

«Давай, крутись...»

Матросская песня¹²⁷¹

Эй, старичё Дайсáрта,
Букхейвенские лица,
Вы, кореша из Ларго,
Из Ливена¹²⁷² девицы!

Hey, ca' thro', ca' thro',
For we hae muckle ado.
Hey, ca' thro', ca' thro',
For we hae muckle ado;

We hae tales to tell,
An' we hae sangs to sing;
We hae pennies tae spend,
An' we hae pints to bring.

We'll live a' our days,
And them that comes behin',
Let them do the like,
An' spend the gear they win.

Nithsdale's Welcome Hame

The noble Maxwells and their powers
Are coming o'er the border,
And they'll gae big Terreagles' towers
And set them a' in order.
And they declare Terreagles fair,
For their abode they choose it;
There's no a heart in a' the land
But's lighter at the news o't.

Tho' stars in skies may disappear,
And angry tempests gather;
The happy hour may soon be near
That brings us pleasant weather:
The weary night o' care and grief
May hae a joyfu' morrow;
So dawning day has brought relief,
Fareweel our night o' sorrow.

The Taylor Fell thro' the Bed

The Taylor fell thro' the bed, thimble an' a',
The Taylor fell thro' the bed thimble an' a';
The blankets were thin and the sheets they were sma',
The Taylor fell thro' the bed, thimble an' a'.

The sleepy bit lassie she dreaded nae ill,
The sleepy bit lassie she dreaded nae ill;
The weather was cauld and the lassie lay still,
She thought that a Taylor could do her nae ill.

Gie me the groat again, cany young man,
Gie me the groat again, cany young man;
The day it is short and the night it is lang,
The dearest siller that ever I wan.

Давай, крутись-вертись,
Работы тут полно;
Давай, крутись-вертись,
Работы тут полно!

Нам есть, что рассказать,
О чём, найдётся, спеть;
Есть пенни – просадить,
Без пинты¹²⁷³ не сидеть

Весь наш остаток дней,
А также дни потом;
Пусть так же протекут:
Что будет, всё пропьём.

Нитдейл зовёт домой¹²⁷⁴

И Максвеллы, и их права
Вернулись к нам с чужбины;
Терриглаз башенки сперва
Спасли от злой судьбины¹²⁷⁵.
Терриглаз сплошь, твердят, хорош,
Фамильное жилище;
Вот новость – каждая душа
В такой нуждалась пище.

Погаснуть может звёздный рой,
Подступят бури злые;
Быть близок может час другой,
Денёчки золотые;
Унылый мрак забот и бед
Восход рассеет алый,
Даст день усладу, пуще нет,
Протившись с ночью шалой.

«В постель у портняжки...»

В постель у портняжки напёрсток упал,
В постель у портняжки напёрсток упал –
Средь куцых простынок, дрянных одеял
В постель у портняжки напёрсток упал.

Девчонка уснула, и бед не ждала,
Девчонка уснула, и бед не ждала;
Лежала тихонько, тепло берегла –
Она от портняжки беды не ждала.

Юнец разлюбезный, дай сызнава грот¹²⁷⁶,
Юнец разлюбезный, дай сызнава грот,
День нынче короткий, ночь долго идёт,
А денежка – самый желанный доход.

There's somebody weary wi' lying her lane,
There's somebody weary wi' lying her lane,
There's some that are dowie, I trow wad be fain
To see the bit Taylor come skippin again.

The Tither Morn

The tither morn,
When I forlorn
Aneath an aik sat moaning,
I did na trow
I'd see my jo
Beside me, 'gain the gloaming.
But he sae trig
Lap o'er the rig,
And dawtingly did cheer me,
When I, what reck?
Did least expec'
To see my lad so near me.

His bonnet he,
A thought aje, e,
Cock'd sprush when first he clasp'd me;
And I, I wat,
Wi' fainness grat,
While in his grips he press'd me.
Deil tak' the war!
I late and ear'
Hae wish'd since Jock departed;
But now as glad
I'm wi' my lad,
As short syne broken-hearted.

Fu' aft at e'en
Wi' dancing keen,
When a' were blythe and merry,
I car'd na by,
Sae sad was I
In absence o' my dearie.
But, praise be blest!
My mind's at rest,
I'm happy wi' my Johnny:
At kirk and fair,
I'se aye be there,
And be as canty's ony.

Jamie, Come Try Me

Jamie, come try me,
Jamie, come try me,
If thou would win my love,
Jamie, come try me.

Кому-то тоскливо в постели одной,
Кому-то тоскливо в постели одной –
К понишкой вернётся надеждой шальной,
Что кто-то к ней снова скакнёт, как портной.

«Раз, вот те на...»

Раз, вот те на,
Сижусь одна
Под дубом, да тоскую;
Кто б думать мог,
Что мой дружок
Вдруг шасть сквозь мглу такую!
Скок – ловок, скор –
Через бугор,
Утешил нежным взглядом;
Я, ну дела,
Ведь не ждала
Дружка совсем уж рядом!

Берет в тот день
Чуть набекрень
На нём был в миг объятья;
Ох, чую я,
Беда моя:
Едва могла дышать я.
К чертям войну!
Мечту одну
Несла, коль Джок за морем;
Вернулся вот –
Душа поёт,
А не пририта горем.

Порой у нас
Так весел пляс,
Всё блещет, право слово,
Лишь я одна
Стою, грустна,
Ведь нет со мной родного.
Хвала святым!
Я снова с ним,
Мне так чудесно с Джонни;
Будь рынок, храм –
Я там и там,
И больше не в загоне.

«Джеми, попробуй!»¹²⁷⁷

Джеми, попробуй,
Джеми, попробуй,
Любимым хочешь стать –
Джеми, попробуй.

If thou should ask my love,
 Could I deny thee?
If thou would win my love,
 Jamie, come try me!

If thou should kiss me, love,
 Wha could espy thee?
If thou wad be my love,
 Jamie, come try me!

My Eppie Macnab

O saw ye my dearie, my Eppie Macnab?
O saw ye my dearie, my Eppie Macnab?
She's down in the yard, she's kissin the laird,
She winna come hame to her ain Jock Rab.

O come thy ways to me, my Eppie Macnab;
O come thy ways to me, my Eppie Macnab;
Whate'er thou hast dune, be it late, be it sune,
Thou's welcome again to thy ain Jock Rab.

What says she, my dearie, my Eppie Macnab?
What says she, my dearie, my Eppie Macnab?
She let's thee to wit that she has thee forgot,
And for ever disowns thee, her ain Jock Rab.

O had I ne'er seen thee, my Eppie Macnab!
O had I ne'er seen thee, my Eppie Macnab!
As light as the air, and as fause as thou's fair,
Thou's broken the heart o' thy ain Jock Rab.

My Eppie Adair

 An' O my Eppie,
 My jewel, my Eppie,
 Wha wad na be happy
 Wi' Eppie Adair?
By love, and by beauty,
By law, and by duty,
I swear to be true to
My Eppie Adair!

 An' O my Eppie,
 My jewel, my Eppie,
 Wha wad na be happy
 Wi' Eppie Adair?
A' pleasure exile me,
Dishonour defile me,
If e'er I beguile ye,
 My Eppie Adair!

Мне – чтобы отказать,
Отвергнуть чтобы?
Любимым хочешь стать –
Джеми, попробуй!

Решишься целовать,
Тайком добро бы?
Моим чтоб милым стать,
Джеми, попробуй!

Моя Эппи Макнэб¹²⁷⁸

Ох, видел ли кто мою Эппи Макнэб?
Ох, видел ли кто мою Эппи Макнэб?
С владельцем земли целоваться пошли,
Домой не придёт, где заждался Джек Рэб.

Ох, шла бы ко мне, моя Эппи Макнэб!
Ох, шла бы ко мне, моя Эппи Макнэб!
Вернёшься ты в дом сейчас иль потом,
Тебя снова примет твой верный Джек Рэб.

А что говорит моя Эппи Макнэб?
А что говорит моя Эппи Макнэб?
Смекни, говорит, что ты напрочь забыт,
И шёл бы подальше ты, верный Джек Рэб.

Ох, век бы не знаясь нам, Эппи Макнэб!
Ох, век бы не знаясь нам, Эппи Макнэб!
Пушинкой плывёшь, врёшь, красавица, сплошь,
С тобой стал несчастным твой верный Джек Рэб.

Моя Эппи Эдер

О ты, моя Эппи,
Сокровище Эппи,
Не сладостны ль цепи –
Связь с Эппи Эдер?
Всем чувством безмерным,
Служеньем усердным
Клянусь: буду верным
Я Эппи Эдер!

О ты, моя Эппи,
Сокровище Эппи,
Не сладостны ль цепи –
Связь с Эппи Эдер?
Усладе стать мутью,
Бесчестью стать жутью,
Когда б обмануть я
Мог Эппи Эдер!

Masonic Song

Ye sons of old Killie, assembled by Willie,
To follow the noble vocation;
Your thrifty old mother has scarce such another
To sit in that honoured station.
I've little to say, but only to pray,
As praying's the ton of your fashion;
A prayer from thee Muse you well may excuse
'Tis seldom her favourite passion.

Ye powers who preside o'er the wind, and the tide,
Who marked each element's border;
Who formed this frame with beneficent aim,
Whose sovereign statute is order: –
Within this dear mansion, may wayward Contention
Or withered Envy ne'er enter;
May secrecy round be the mystical bound,
And brotherly Love be the centre!

Ye Jacobites by Name

Ye Jacobites by name, give an ear, give an ear,
Ye Jacobites by name, give an ear,
Ye Jacobites by name,
Your fautes I will proclaim,
Your doctrines I maun blame, you shall hear.

What is Right, and What is Wrang, by the law, by the law?
What is Right and what is Wrang by the law?
What is Right, and what is Wrang?
A short sword, and a lang,
A weak arm and a strang, for to draw.

What makes heroic strife, famed afar, famed afar?
What makes heroic strife famed afar?
What makes heroic strife?
To whet th' assassin's knife,
Or hunt a Parent's life, wi' bluidy war?

Then let your schemes alone, in the state, in the state,
Then let your schemes alone in the state.
Then let your schemes alone,
Adore the rising sun,
And leave a man undone, to his fate.

Goode'en to You, Kimmer

Goode'en to you, Kimmer,
And how do ye do?

Масонская песня

Рождённые в Килли, вы собраны Вилли¹²⁷⁹,
Чтоб следовать выси призыванья;
Не вспомнит мамаша¹²⁸⁰ цветущая ваша
Такого честного собрания.
Не тратя зря слов, молиться готов
(Вы склонны к молитвам, отчасти;
Чтоб музе – молить? Недолго простить,
К мольбам у неё нету страсти):

«Вы, в чьей власти ход и ветра, и вод,
Кто ставит стихиям пределы,
Кто, к цели ведом, сей выстроил дом,
Кем правит порядок всецело!
Пусть к севшим в чертоге не вынесут ноги
Ни зависть, ни свару-скотину;
Пусть тайны граница тут в круг обратится,
Дав братской любви середину!»

«Якобиты имя вам...»¹²⁸¹

Якобиты имя вам – так внимайте, так внимайте,
Якобиты имя вам, так внимайте,
Якобиты имя вам;
За ошибки вам воздам,
За доктрины – стыд и срам, так и знайте.

Что достойно вас, что нет, где закон, где закон?
Что достойно вас, что нет, где закон?
Что достойно вас, что нет?
Будь палаш или стилет
Дланью, мощной или нет, обнажён.

В сече как героем слыть, первым стать, первым стать?
В сече как героем слыть, первым стать?
В сече как героем слыть?
Нож убийцы наточить
Иль, загнав, отца разить, кровь пускать?

Козням укорот своим: вышел срок, вышел срок,
Козням укорот своим, вышел срок.
Козням укорот своим,
Будь рассветный луч любим,
Пусть повиснет над любим только рок.

«Ну, здравствуй, родная...»

«Ну, здравствуй, родная,
Как нынче дела?»

Hiccup, quo' Kimmer,
The better that I'm fou.

We're a' noddin, nid nid noddin,
We're a' noddin at our house at hame,
We're a' noddin, nid nid noddin,
We're a' noddin at our house at hame.

Kate sits i' the neuk,
Suppin' hen broo;
Deil tak Kate
An' she be noddin too!

How's a' wi' you, Kimmer,
And how do ye fare?
A pint o' the best o't,
And twa pints mair.

How's a' wi' you, Kimmer,
And how do ye thrive;
How mony bairns hae ye?
Quo' Kimmer, I hae five.

Are they a' Johnny's?
Eh! atweel na:
Twa o' them were gotten
When Johnny was awa.

Cats like milk,
And dogs like broo;
Lads like lasses weel,
And lasses lads too.

Esteem for Chloris

As, Chloris, since it may not be,
That thou of love wilt hear;
If from the lover thou maun flee,
Yet let the friend be dear.

Altho' I love my Chloris mair
Than ever tongue could tell;
My passion I will ne'er declare –
I'll say, I wish thee well.

Tho' a' my daily care thou art,
And a' my nightly dream,
I'll hide the struggle in my heart,
And say it is esteem.

Whan I Sleep I Dream

Whan I sleep I dream,
Whan I wauk I'm eerie,
Sleep I canna get,
For thinkin' o' my dearie.

Икнула родная:
«Трезва не была!»

Нас шатает, ша-ша-тает,
Нас шатает, такой у нас дом,
Нас шатает, ша-ша-тает,
Нас шатает, такой у нас дом.

Кейт в угол забила
С куриным супцом;
Чёрт с ней: наберётся,
И дело с концом!

«Что скажешь, родная,
Как нынче дела?»
«Допью эту пинту¹²⁸² –
Две сверху взяла».

«Тебе бы, родная,
Всё жить-поживать;
Детишек-то много?»
Родная: «Аж пять».

«Папаша всем – Джонни?»
«По совести, нет:
Двоих родила,
Как простыл его след».

Кот пьёт молочко,
Псу похлёбка милей;
Парням любви девки –
Те мрут от парней.

Пиетет к Хлорис¹²⁸³

Коль о любви, о Хлорис, впредь
И слушать недосуг,
Пора от милого лететь –
Пусть милым станет друг.

Хоть Хлорис я люблю сильней,
Чем выразит язык,
Не объявлю о страсти ей:
Желать добра привык.

Хоть день тебе я отдаю,
Без грёзы ночи нет,
Боренье в сердце утаю,
Сошлюсь на пиетет.

«Сплю и вижу сон...»¹²⁸⁴

Пробужденья час
Тихим стал, унылым,
Не спасает сон:
Думаю о милом.

Lanely night comes on,
A' the house are sleeping;
I think on the bonnie lad
That has my heart a keeping.

Lanely night comes on,
A' the house are sleeping,
I think on my bonnie lad,
An' I bleer my een wi' greetin'!
Aye waukin O, waukin aye and wearie,
Sleep I canna get for thinkin' o' my dearie.

Katharine Jaffray

There liv'd a lass in yonder dale,
And down in yonder glen O;
And Katherine Jaffray was her name,
Weel known to many men O.

Out came the Lord of Lauderdale
Out frae the south countrie O,
All for to court this pretty maid,
Her bridegroom for to be O.

He's tell'd her father and mother baith,
As I hear sindry say, O;
But he has na tell'd the lass hersel'
Till on her wedding day, O.

Then came the Laird o' Lochinton
Out frae the English border,
All for to court this pretty maid,
All mounted in good order.

The Collier Laddie

O whare live ye my bonnie lass,
And tell me how they ca' ye?
My name, she says, is Mistress Jean,
And I follow my Collier laddie.

O see ye not yon hills and dales
The sun shines on sae brawly:
They a' are mine, and they shall be thine,
If ye'll leave your Collier laddie.

And ye shall gang in rich attire,
Weel buskit up fu' gaudy;
And ane to wait at every hand,
If ye'll leave your Collier laddie.

Одинока ночь,
Спит семья родная;
В думах – милый мой:
Сердце отдала я.

Одинока ночь,
Спит семья родная;
В думах – милый мой,
Слёзы льют без края!
Пробужденья час тихим стал, унылым,
Не спасает сон: думаю о милом.

Кэтрин Джеффри¹²⁸⁵

Даёт вон там девице кров
Недальний глен один, о;
Что деву Кэтрин Джеффри звать,
Не тайна для мужчин, о.

Лорд Лодердейл¹²⁸⁶ явился раз,
Свой южный бросив дом, о:
Красою девы покорён,
Мнил стать ей женихом, о.

Отца и мать уговорил
(Не минул слух меня, о),
Но с ней самой не вёл речей
До свадебного дня, о.

Лэрд Лохинтон¹²⁸⁷ пришёл потом
(Английская граница),
Красою девы покорён,
Орёл, как говорится.

Углежог

«Откуда ты, краса моя,
Как кличут недотрогу?»
«Я, говорит, хозяйка Джин,
Иду вслед углежогу».

«Вон, видишь, долы, вон холмы,
Над ними солнца много;
Владею я, а будешь ты,
Коль бросишь углежога.

Такой наденешь ты наряд,
Что впору для чертога,
Получишь враз служанок двух,
Коль бросишь углежога».

Tho' ye had a' the sun shines on,
And the earth conceals sae lowly;
I would turn my back on you and it a',
And embrace my Collier laddie.

I can win my five pennies in a day,
And spend it at night full brawlie;
I can mak my bed in the Collier's neuk,
And lie down wi' my Collier laddie.

Love for love is the bargain for me,
Tho' the wee cot-house should haud me;
And the warld before me to win my bread,
And fare fa' my Collier laddie!

When I Think on the Happy Days

When I think on the happy days
I spent wi' you my dearie:
And now what lands between us lie,
How can I be but eerie!

How slow ye move, ye heavy hours,
As ye were wae and weary!
It wasna sae ye glinted by,
When I was wi' my dearie!

Young Jamie, Pride of A' the Plain

Young Jamie, pride of a' the plain,
Sae gallant and sae gay a swain,
Thro' a' our lasses he did rove,
And reign'd resistless King of Love.
But now, wi' sighs and starting tears,
He strays amang the woods and breirs;
Or in the glens and rocky caves,
His sad complaining dowie raves:

"I wha sae late did range and rove,
And chang'd with every moon my love,
I little thought the time was near,
Repentance I should buy sae dear.
"The slighted maids my torments see,
And laugh at a' the pangs I dree;
While she, my cruel, scornful Fair,
Forbids me e'er to see her mair."

The Bonie Moor-Hen

The heather was blooming, the meadows were mawn,
Our lads gaed a-hunting ae day at the dawn,

«Да будь твоим сам солнца свет,
Землица – ради бога!
Я отвернусь и упаду
В объятия углежога.

Пять пенни доставляет день,
Беречь их нет предлога;
Я в уголке прикорну
Под боком углежога.

Любовь отдам и получу,
Пусть хижина убога;
Есть мир – без хлеба не помру:
Свезло на углежога!»

«Ведь были радости деньки...»¹²⁸⁸

Ведь были радости деньки,
Родной, у нас с тобою;
Меж нами дали пролегли –
Как справиться с тоскою?

Застряли, тяжкие часы?
День бед, как налит ядом;
Сверкало время и неслось,
Пока родной был рядом!

Равнины гордость, юный Джим

Равнины гордость, юный Джим
Весёлым, ловким был таким;
Подружек перебрал, не счесть:
Считай, король любви, как есть.
Теперь же слёзы лить готов,
Вздыхать в чащобе, средь кустов,
Иль там, где глен да скальный свод,
Унылый жалкий бред несёт:

«Всегда шатался допоздна:
Любовь нова – нова луна;
Не мог и думать, что вот-вот
Раскаянье предъявит счёт.
У прежде брошенных подруг
Лишь смех при виде тяжких мук,
Краса же зла, надменна – жуть,
Не позволяет и взглянуть».

Куропаточка¹²⁸⁹

Цвёл вереск, лугов непрокошенных нет,
Ребята охотиться вышли чуть свет,

O'er moors and o'er mosses and mony a glen,
At length they discover'd a bonie moor-hen.

I rede you, beware at the hunting, young men,
I rede you, beware at the hunting, young men;
Take some on the wing, and some as they spring,
But cannily steal on a bonie moor-hen.

Sweet-brushing the dew from the brown heather bells
Her colours betray'd her on yon mossy fells;
Her plumage outlustr'd the pride o' the spring
And O! as she wanton'd sae gay on the wing.

Auld Phoebus himself, as he peep'd o'er the hill,
In spite at her plumage he tried his skill;
He levell'd his rays where she bask'd on the brae –
His rays were outshone, and but mark'd where she lay.

They hunted the valley, they hunted the hill,
The best of our lads wi' the best o' their skill;
But still as the fairest she sat in their sight,
Then, whirr! she was over, a mile at a flight.

Wae is My Heart

Wae is my heart, and the tear's in my ee;
Lang, lang joy's been a stranger to me:
Forsaken and friendless my burden I bear,
And the sweet voice o' pity ne'er sounds in my ear.

Love, thou hast pleasures; and deep hae I loved;
Love, thou hast sorrows; and sair hae I proved:
But this bruised heart that now bleeds in my breast,
I can feel its throbbings will soon be at rest.

O if I were where happy I hae been;
Down by yon stream and yon bonnie castle green:
For there he is wand'ring and musing on me,
Wha wad soon dry the tear frae Phillis's ee.

Crowdie Ever Mair

O that I had ne'er been married,
I wad never had nae care,
Now I've gotten wife an' weans,
An' they cry "Crowdie" evermair.

Ance crowdie, twice crowdie,
Three times crowdie in a day
Gin ye crowdie ony mair,
Ye'll crowdie a' my meal away.

Обшарили пустоши, топи и падь,
Смогли куропаточку всё же сыскать.

Глядеть надо в оба, твержу я юнцам,
Глядеть надо в оба, твержу я юнцам;
Бить дичь на крыле и поближе к земле,
Спугнёт куропаточку шум ваш и гам.

Смахнёт она рóсы с пожухлой травы,
На мху её выдадут перья¹²⁹⁰, увы;
Сверкнёт оперенье по-майски светло,
Лишь стоит ей с резвостью встать на крыло.

Сам Феб-старина¹²⁹¹, глянув по-над холмом,
Со зла отличился в усердьё своём:
Направил лучи, где уселась на склон –
Отметивши место, был свет отражён.

Обшарили горку, обшарили дол
(Лишь ловкий народ на охоту пошёл),
Красотке никак не укрыться от них,
Но фрр... – и за милю шум крыльев затих¹²⁹².

«Беда в моём сердце...»

Беда в моём сердце, и слёзы в глазах,
А долгая радость была лишь в гостях;
Забыта подругами, с ношей одна,
И жалости нота в речах не слышна.

Есть нега в любви – я нырнула до дна;
Есть мука в любви – испытала сполна;
В кровь сердце разбито, трепещет в груди –
Я чую, немного толчков впереди.

Туда бы, где радость случилась моя,
В зелёный дворец, под журчанье ручья;
Там бродит, и в мыслях о милой исчах,
Кто б высушил слёзы у Филлис в глазах.

Крик «Овсянки!» – навсегда¹²⁹³

Не женился бы вовеки,
Обошла б меня беда,
А теперь жена, детишки,
Крик «Овсянки!» – навсегда.

Овсянки, овсянки,
Три раза на дню,
Ещё на овсянку
Крупы не храню.

Waefu' Want and Hunger fley me,
Glowrin' by the hallan en';
Sair I fecht them at the door,
But aye I'm eerie they come ben.

There's News, Lasses

There's news, lasses, news,
Gude news I've to tell!
There's a boat fu' o' lads
Come to our town to sell.

The wean wants a cradle,
An' the cradle wants a cod,
An' I'll no gang to my bed
Until I get a nod.

Father, quo' she, Mither, quo' she,
Do what ye can,
I'll no gang to my bed
Till I get a man.

I hae as gude a craft rig
As made o' yird and stane;
And waly fa' the ley-crap
For I maun till'd again.

Scroggam, My Dearie

There was a wife wonn'd in Cockpen,
Scroggam;
She brew'd gude ale for gentlemen;
Sing auld Cowl lay ye down by me,
Scroggam, my dearie, ruffum.

The gudewife's dochter fell in a fever,
Scroggam;
The priest o' the parish he fell in anither;
Sing auld Cowl lay ye down by me,
Scroggam, my dearie, ruffum.

They laid the twa i' the bed thegither,
Scroggam;
That the heat o' the tane might cool the tither;
Sing auld Cowl, lay ye down by me,
Scroggam, my dearie, ruffum.

Frae the Friends and Land I Love

Frae the friends and land I love,
Driv'n by Fortune's felly spite;

Мне страшны́ Нужда и Голод,
У крыльца́ оскал их крут;
Тяжко бился на пороге,
Но, боюсь, опять придут.

«Подружки, новость...»¹²⁹⁴

Подружки, новость, новость,
Такая, что восторг!
Корабль, парнями полный,
Идёт вести здесь торг.

Нужна малютке люлька,
Подушка в ней нужна,
К постели я ни шагу,
Покуда там одна.

Папаша с мамашей,
Скрепите сердца:
К постели ни шагу
Я без молодца.

Моё добро не хуже,
Чем выгон средь камней;
Полянка в запустенье,
Вновь плуг потребен ей.

«Скроггам, родимый!»¹²⁹⁵

Жила-была тётка в деревне Кокпён¹²⁹⁶,
Скроггам;
Пивко её славил любой джентльмен;
Спой, старый поп, да ляг рядом со мной,
Скроггам, родимый, руффум.

Слегла её дочка от жара шального,
Скроггам;
Священник приходский – от точно такого;
Спой, старый поп, да ляг рядом со мной,
Скроггам, родимый, руффум.

В постели они разделили подушку,
Скроггам;
Там жаром они охлаждали друг дружку;
Спой, старый поп, да ляг рядом со мной,
Скроггам, родимый, руффум.

«Из отчизны, от друзей...»

Из отчизны, от друзей
Гонит рок меня, жесток;

Frae my best belov'd I rove,
Never mair to taste delight:
Never mair maun hope to find
Ease frae toil, relief frae care;
When Remembrance wracks the mind,
Pleasures but unveil despair.

Brightest climes shall mirk appear,
Desert ilka blooming shore,
Till the Fates, nae mair severe,
Friendship, love, and peace restore,
Till Revenge, wi' laurel'd head,
Bring our banished hame again;
And ilk loyal, bonie lad
Cross the seas, and win his ain.

Election Ballad for Westerha'

The Laddies by the banks o' Nith
Wad trust his Grace wi a', Jamie;
But he'll sair them, as he sair'd the King –
Turn tail and rin awa', Jamie.

Up and waur them a', Jamie,
Up and waur them a';
The Johnstones hae the guidin o't,
Ye turncoat Whigs, awa'!

The day he stude his country's friend,
Or gied her faes a claw, Jamie,
Or frae puir man a blessin wan,
That day the Duke ne'er saw, Jamie.

But wha is he, his country's boast?
Like him there is na twa, Jamie;
There's no a callent tents the kye,
But kens o' Westerha', Jamie.

To end the wark, here's Whistlebirk,
Lang may his whistle blaw, Jamie;
And Maxwell true, o' sterling blue;
And we'll be Johnstones a', Jamie.

The Bonie Lass of Albany

My heart is wae, and unco wae,
To think upon the raging sea,
That roars between her gardens green
An' the bonie Lass of Albany.

This lovely maid's of royal blood
That ruled Albion's kingdoms three,

Прочь от той, что всех милей, –
Впредь чтоб неги знать не мог;
Сбросить впредь надежды нет
Тяжкий груз трудов, забот:
Если память застит свет,
Радость бед не перебыёт.

Тусклы яркие края,
Всяк цветущий брег – пустой,
Пока вновь не встречу я
Круг друзей, любовь, покой,
А увенчанная месь
Изгнанных не возвратит,
И любой, в ком верность есть,
Даль морей не победит.

Выборная баллада для Вестерхолла¹²⁹⁷

Коль парни с нитских берегов¹²⁹⁸
Их светлости¹²⁹⁹ верны, Джеми,
Послужит им, как королю¹³⁰⁰:
Вмиг шась, задрав штаны, Джеми.

Встань, задай им всем, Джеми,
Встань, задай им всем;
Чуют Джонстоны подянку,
Вигов¹³⁰¹ вон совсем!

Дня, чтоб он как державы друг
Врагов царапнул чуть, Джеми,
Чтоб честным был он дорог, нет
У герцога¹³⁰² отнюдь, Джеми.

Я в графстве хвастуна, как он,
Другого не нашёл, Джеми,
Зато любому пастушку
Известен Вестерхолл, Джеми.

Чтоб кончить торг, есть Уистлбёрк,
Он долгий свист припас¹³⁰³, Джеми;
Есть Максвелл¹³⁰⁴: тот – страны оплот;
За Джонстонов наш глас, Джеми.

Красотка-дева Олбани¹³⁰⁵

В душе тоска, совсем тоска:
Там хляби грозные¹³⁰⁶ одни,
Что меж садов её текут
И милой девой Олбани.

В ней кровь английских королей;
Пусть трижды правили они¹³⁰⁷,

But oh, alas! for her bonie face,
They've wrang'd the Lass of Albany.

In the rolling tide of spreading Clyde
There sits an isle of high degree,
And a town of fame whose princely name
Should grace the Lass of Albany.

But there's a youth, a witless youth,
That fills the place where she should be;
We'll send him o'er to his native shore,
And bring our ain sweet Albany.

Alas the day, and woe the day,
A false usurper wan the gree,
Who now commands the towers and lands –
The royal right of Albany.

We'll daily pray, we'll nightly pray,
On bended knees most fervently,
The time may come, with pipe an' drum
We'll welcome hame fair Albany.

When First I Saw

When first I saw fair Jeanie's face,
I couldna tell what ailed me,
My heart went fluttering pit-a-pet,
My een they almost failed me.
She's aye sae neat, sae trim, sae tight,
All grace does round her hover;
Ae look deprived me o' my heart,
And I became a lover.

She's aye, aye sae blythe, sae gay,
She's aye so blythe and cheerie:
She's aye sae bonnie, blythe, and gay,
O gin I were her dearie!

Had I Dundas's whole estate,
Or Hopetoun's wealth to shine in;
Did warlike laurels crown my brow,
Or humbler bays entwining –
I'd lay them a' at Jeanie's feet,
Could I but hope to move her,
And prouder than a belted knight,
I'd be my Jeanie's lover.

But sair I fear some happier swain
Has gained sweet Jeanie's favour:
If so, may every bliss be hers,
Though I maun never have her:

Но тут – красавице увы –
Надули деву Олбани.

Там, где растёкся мощный Клайд¹³⁰⁸,
Есть остров, важный искони,
И град, что именем своим
Украсил деву Олбани¹³⁰⁹.

Но есть юнец, юнец-глупец¹³¹⁰,
Из-за кого она в тени;
Его на родину пошлём¹³¹¹,
Сменив на нашу Олбани.

Увы, в прискорбный этот день
Захватчик, не без суетни,
Присвоил земли, города –
И право править Олбани.

В молитвах мы и день и ночь;
Не встав с колен, ревниво мни:
В раскатах дробы, пенье труб
Мы дома встретим Олбани.

«Впервые видя...»

Впервые видя Дженни лик,
Не понял, что со мною:
Сердечный трепет не унять,
Взор застит пеленою.
Всегда опрятна и ловка,
Учтива, вне сомнений;
Взглянул – и сердце потерял,
И полюбил я Дженни.

Весельем, живостью полна,
Ей радость, смех по силам;
Всегда жива, мила она,
Ох, мне бы стать ей милым!

Дандаса¹³¹² земли я имей
Иль Хоуптона¹³¹³ монету,
Покрыт будь лаврами в бою,
Будь в лаврах, прощя нету, –
Чтоб тронуть, к Дженниным ногам
Сложу без сожалений,
Тем, пуще рыцарства, гордясь,
Что полюбился Дженни.

Но мил счастливец ей другой,
Боюсь признать с тоскою;
Коль так, будь счастлива она,
Пускай и не со мною;

But gang she east, or gang she west,
 'Twixt Forth and Tweed all over,
While men have eyes, or ears, or taste,
 She'll always find a lover.

The Rantin' Dog, the Daddie o't

O wha my babie-clouts will buy?
O wha will tent me when I cry?
Wha will kiss me where I lie?
 The rantin' dog, the daddie o't.

O wha will own he did the faut?
O wha will buy the groanin maut?
O wha will tell me how to ca't?
 The rantin' dog, the daddie o't.

When I mount the creepie-chair,
Wha will sit beside me there?
Gie me Rob, I'll seek nae mair,
 The rantin' dog, the daddie o't.

Wha will crack to me my lane?
Wha will mak me fidgin' fain?
Wha will kiss me o'er again?
 The rantin' dog, the daddie o't.

I do Confess Thou Art Sae Fair

Alteration of an Old Poem.

I do confess thou art sae fair,
 I was been o'er the lugs in luve,
Had I na found the slightest prayer
 That lips could speak thy heart could muve.

I do confess thee sweet, but find
 Thou art so thriftless o' thy sweets,
Thy favours are the silly wind
 That kisses ilka thing it meets.

See yonder rosebud, rich in dew,
 Amang its native briers sae coy;
How sune it tines its scent and hue,
 When pu'd and worn a common toy.

Sic fate ere lang shall thee betide,
 Tho' thou may gaily bloom awhile;
And sune thou shalt be thrown aside,
 Like ony common weed and vile.

Меж Форта с Твидом¹³¹⁴ будь восход,
Заката лягут тени –
Пока есть взгляд, слух, вкус мужской,
Найдётся милый Дженни.

Папаша, чёртот сукин сын¹³¹⁵

Прикупит кто пелёнок мне?
Не даст реветь наедине?
Поцелует кто во сне?
Папаша, чёртот сукин сын.

Кто грех признает, в свой черёд?
Эль повитухе поднесёт?
И кто малютку наречёт?
Папаша, чёртот сукин сын.

Скамья позора¹³¹⁶ – жребий мой,
Кто сядет рядышком со мной?
Мне нужен Роб, а не другой:
Папаша, чёртот сукин сын.

Кто не даст одной скучать?
С кем желание унять?
Поцелует кто опять?
Папаша, чёртот сукин сын.

«Согласен, что прекрасна ты...»

Переделка старого стихотворения

Согласен, что прекрасна ты,
И по уши влюбиться б мог,
Когда б нудящие хлюсты
Не преступали твой порог.

Согласен, ты мила, но, зрю,
Транжира милостей своих,
Подобно ветру-дикарю,
Что лобызать всех встречных лих.

Вон, видишь, розовый бутон,
Весь в росах, средь шипов укрыт;
Но запах, цвет теряет он,
Коль всяк бездумно теребит.

Рок терпит долго, не губя,
И можешь ты цвести пока,
Но вскоре отшвырнут тебя,
Как плеть дрянного сорняка.

Yon Wild Mossy Mountains

Yon wild mossy mountains sae lofty and wide,
That nurse in their bosom the youth o' the Clyde,
Where the grouse lead their coveys thro' the heather to feed,
And the shepherd tends his flock as he pipes on his reed.

Not Gowrie's rich valley, nor Forth's sunny shores,
To me hae the charms o'yon wild, mossy moors;
For there, by a lanely, sequestered stream,
Besides a sweet lassie, my thought and my dream.

Amang thae wild mountains shall still be my path,
Ilk stream foaming down its ain green, narrow strath;
For there, wi' my lassie, the day lang I rove,
While o'er us unheeded flie the swift hours o'love.

She is not the fairest, altho' she is fair;
O' nice education but sma' is her share;
Her parentage humble as humble can be;
But I lo'e the dear lassie because she lo'es me.

To Beauty what man but maun yield him a prize,
In her armour of glances, and blushes, and sighs?
And when wit and refinement hae polish'd her darts,
They dazzle our een, as they flie to our hearts.

But kindness, sweet kindness, in the fond-sparkling e'e,
Has lustre outshining the diamond to me;
And the heart beating love as I'm clasp'd in her arms,
O, these are my lassie's all-conquering charms!

Phillis the Queen o' the Fair

Adown winding Nith I did wander,
To mark the sweet flowers as they spring;
Adown winding Nith I did wander,
Of Phillis to muse and to sing.

Awa' wi' your belles and your beauties,
They never wi' her can compare,
Whae'er has met wi' my Phillis,
Has met wi' the queen o' the fair.

The daisy amus'd my fond fancy,
So artless, so simple, so wild;
Thou emblem, said I, o' my Phillis –
For she is Simplicity's child.

The rose-bud's the blush o' my charmer,
Her sweet balmy lip when 'tis prest:

«Вон мшистые горы...»¹³¹⁷

Вон мшистые горы всей ширью прут ввысь,
В утробе их Клайда¹³¹⁸ струи родились,
Птенцов куропатка сквозь вереск ведёт,
Пастух созывает свирелью свой скот.

Пусть тучен дол Гаури¹³¹⁹, и солнечен Форт¹³²⁰ –
По мне, блеск их дикими мхами оттёрт:
Ведь там, где ручей скрытно воды пронёс,
Живёт моя радость, владычица грёз.

В тех диких горах ныне путь мой пролёт,
Где пенится в зелени глена поток:
Ведь там бродим с милой мы дни напролёт,
Покуда час краткий и сладкий придёт.

Не всех она краше, притом что мила,
Учёности пусть только чуть вобрала;
У милой совсем уж простая родня;
За то полюбилась, что любит меня.

Красотку заметишь – чем выбор-то плох?
Разят взор украдкой, румянец и вздох;
Коль стрелы весельем и вкусом блещут,
Они ослеплённому сердце пронзят.

Но добрые искорки ласковых глаз
Поймаю – и что перед ними алмаз,
Обнимет – в любви каждый сердца удар,
У милой тьма всепокоряющих чар!

Филлис, красы королева¹³²¹

Бродил я извивами Нита¹³²²,
Где берег цветами пестрел;
Бродил я извивами Нита,
О Филлис и думал, и пел.

Опять ты с красотками вылез –
Сравнится ли с ней хоть одна?
Поймёшь, повстречав мою Филлис:
Красы королева она.

Ромашки меня покорили,
Естественны, дики, просты;
Эмблемой бы выбрал для Филлис:
Она ведь дитя Простоты.

Пунцовые розы бутоны,
Как губки колдуньи моей;

How fair and how pure is the lily!
But fairer and purer her breast.

Yon knot of gay flowers in the arbour,
They ne'er wi' my Phillis can vie:
Her breath is the breath of the woodbine,
Its dew-drop o' diamond her eye.

Her voice is the song o' the morning,
That wakes thro' the green-spreading grove
When Phoebus peeps over the mountains,
On music, and pleasure, and love.

But beauty, how frail and how fleeting!
The bloom of a fine summer's day;
While worth in the mind o' my Phillis,
Will flourish without a decay.

Castle Gordon

Streams that glide in orient plains,
Never bound by Winter's chains;
Glowing here on golden sands,
There immix'd with foulest stains
From Tyranny's empurpled hands;
These, their richly gleaming waves,
I leave to tyrants and their slaves;
Give me the stream that sweetly laves
The banks by Castle Gordon.

Spicy forests, ever gay,
Shading from the burning ray
Hapless wretches sold to toil;
Or the ruthless native's way,
Bent on slaughter, blood, and spoil:
Woods that ever verdant wave,
I leave the tyrant and the slave;
Give me the groves that lofty brave
The storms by Castle Gordon.

Wildly here, without control,
Nature reigns and rules the whole;
In that sober pensive mood,
Dearest to the feeling soul,
She plants the forest, pours the flood:
Life's poor day I'll musing rave
And find at night a sheltering cave,
Where waters flow and wild woods wave,
By bonie Castle Gordon.

Цвет лилии – чистый и милый!
Но грудь её чище, милей.

Букет украшает беседку;
Что с Филлис сравнится всерьёз?
Так жимолость благоухает,
Взор блещет брильянтами рос,

А голос, как песнь на рассвете:
Буди, зелень рощи прорви;
Феб¹³²³, горы минуя, подарит
Взор музыке, неге, любви.

О, сколь Красота быстротечна,
Цветенье июньского дня!
Богатство души моей Филлис
Цвести будет, свежесть храня.

Замок Гордон¹³²⁴

Рек, бегущих на восток,
Зимний хлад сковать не мог:
Рдел на отмелях златых,
Пятна крови нёс поток,
С лап тиранов смывший их;
Оставляю блеск валов
Для тиранов и рабов;
Вот поток: омыть готов
Брег у замка Гордон.

В чащах пряности шальной,
В чьей тени не страшен зной,
Бедолагам тяжек труд;
Дикий, злой народ лесной
Кровь и смерть приносит тут;
Чащи, зелень их валов –
Для тиранов и рабов;
Мил мне в рослых рощах рёв
Бурь у замка Гордон.

Здесь, вдали от властных сил,
Трон Природы шлёт посыл;
Трезв раздумий поворот,
Чутким душам крайне мил:
Лес сажает, реки льёт;
В день худой лезть в мрак готов,
Чтоб найти в пещере кров,
Где меж вод встал и лесов
Славный замок Гордон.

The Charming Month of May

It was the charming month of May,
When all the flow'rs were fresh and gay,
One morning, by the break of day,
 The youthful, charming Chloe –

From peaceful slumber she arose,
Girt on her mantle and her hose,
And o'er the flow'ry mead she goes –
 The youthful, charming Chloe.

 Lovely was she by the dawn,
 Youthful Chloe, charming Chloe,
 Tripping o'er the pearly lawn,
 The youthful, charming Chloe.

The feather'd people you might see
Perch'd all around on every tree,
In notes of sweetest melody
 They hail the charming Chloe;

Till, painting gay the eastern skies,
The glorious sun began to rise,
Outrival'd by the radiant eyes
 Of youthful, charming Chloe.

Let Not Woman E'er Complain

Let not woman e'er complain
 Of inconstancy in love;
Let not woman e'er complain,
 Fickle man is apt to rove:
Look abroad through Nature's range,
Nature's mighty law is change;
Ladies, would it not be strange,
 Man should then a monster prove?

Mark the winds, and mark the skies;
 Ocean's ebb, and ocean's flow:
Sun and moon but set to rise,
 Round and round the seasons go.
Why then ask of silly man,
To oppose great Nature's plan?
We'll be constant while we can –
 You can be no more, you know.

Philly and Willy

HE

O Philly, happy be that day,
When roving thro' the gather'd hay,
My youthfu' heart was stown away,
 And by thy charms, my Philly.

Волшебный месяц май¹³²⁵

Стоял волшебный месяц май,
Когда в цветенье ярком край;
Едва рассвет настал, считай,
Младая прелесть, Хлоя,

Отбросив грёзы, что легки,
Надела плащик и чулки;
На луг в цвету ведут шажки
Младую прелесть, Хлою.

Как на зорьке-то мила
Дева Хлоя, прелесть Хлоя!
Жемчугами рос прошла
Младая прелесть, Хлоя.

Пернатый, погляди, народ
На каждой веточке поёт,
Слагая из чудесных нот
Приветы юной Хлое,

Пока все краски, что припас,
Диск в небо не плеснёт для нас –
Не превзойдя сиянья глаз
Младой прелестной Хлои.

«Женщине нудить не дай...»

Женщине нудить не дай,
Что любовь не навсегда;
Женщине нудить не дай,
Что с гулёнами беда;
Мир – уж так устроен он:
Переменчивость – закон;
Дамы, ну какой резон
Мнить, что нам она чужда?

Вольны ветер, небосвод,
Океанская волна;
Кругом ход светил идёт,
Год меняет времена.
Надо ль ждать, чтоб дурням был
Мировой уклад постыл?
Мы верны, сколь хватит сил, –
Дольше ль милая верна?

Филли и Вилли¹³²⁶

ОН

О Филли, счастье дал денёк,
Когда сквозь скошенный лужок
Я шёл – и сердца не сберёг:
Твои тут чары, Филли.

SHE

O Willy, aye I bless the grove
Where first I own'd my maiden love,
Whilst thou did pledge the Powers above,
To be my ain dear Willy.

BOTH

For a' the joys that gowd can gie,
I dinna care a single flie;
The lad I love's the lad for me,
The lass I love's the lass for me,
And that's my ain dear Willy,
And that's my ain dear Philly.

HE

As songsters of the early year,
Are ilka day mair sweet to hear,
So ilka day to me mair dear
And charming is my Philly.

SHE

As on the brier the budding rose,
Still richer breathes and fairer blows,
So in my tender bosom grows
The love I bear my Willy.

BOTH

For a' the joys, &c.

HE

The milder sun and bluer sky
That crown my harvest cares wi' joy,
Were ne'er sae welcome to my eye
As is a sight o' Philly.

SHE

The little swallow's wanton wing,
Tho' wafting o'er the flowery Spring,
Did ne'er to me sic tidings bring,
As meeting o' my Willy.

BOTH

For a' the joys, &c.

HE

The bee that thro' the sunny hour
Sips nectar in the op'ning flower,
Compar'd wi' my delight is poor,
Upon the lips o' Philly.

ОНА

О Вилли, роща мне мила –
Та, где любовь свою нашла,
Где твоя клятва ввысь ушла
 Моим быть милым, Вилли.

ВМЕСТЕ

Та радость, что кошель даёт,
Не стоит начисто забот;
Родной мне точно подойдёт,
Родная точно подойдёт,
Родной мой – это Вилли,
Родная – это Филли.

ОН

Как птичьих трелей по весне
Всё пуще прелесть в каждом дне,
Так каждый день милее мне
 И всё чудесней Филли.

ОНА

Как на шиповнике бутон –
Всё дух ясней, всё ярче тон –
Так всё милее сердцу он,
 Мой ненаглядный Вилли.

ВМЕСТЕ

Та радость, и т.д.

ОН

Лазурь и солнца мягкий свет,
Когда амбар набит без бед,
Так взор не очаруют, нет,
 Как облик милой Филли.

ОНА

Малютки-ласточки крыло,
Что вешний воздух рассекло,
Вестей мне столько не дало,
 Как встреча с милым Вилли.

ВМЕСТЕ

Та радость, и т.д.

ОН

Пчеле под солнышком всегда
Цветок даст место для труда;
Нектар чудесен, но куда
 Мне слаще губки Филли.

SHE

The woodbine in the dewy weet,
When ev'ning shades in silence meet,
Is nocht sae fragrant or sae sweet
As is a kiss o' Willy.

BOTH

For a' the joys, &c.

HE

Let fortune's wheel at random rin,
And fools may tine and knaves may win;
My thoughts are a' bound up in ane,
And that's my ain dear Philly.

SHE

What's a' the joys that gowd can gie?
I dinna care a single flie;
The lad I love's the lad for me,
And that's my ain dear Willy.

BOTH

For a' the joys, &c.

Canst Thou Leave Me Thus, My Katie?

Canst thou leave me thus, my Katie?
Canst thou leave me thus, my Katie?
Well thou know'st my aching heart,
And canst thou leave me thus, for pity?

Is this thy plighted, fond regard,
Thus cruelly to part, my Katie?
Is this thy faithful swain's reward –
An aching, broken heart, my Katie!

Farewell! and ne'er such sorrows tear
That finkle heart of thine, my Katie!
Thou may'st find those will love thee dear,
But not a love like mine, my Katie.

On Chloris Being Ill

Long, long the night,
Heavy comes the morrow
While my soul's delight
Is on her bed of sorrow.

Can I cease to care?
Can I cease to languish,

ОНА

Так жимолость, росу храня
В тени на тихом сходе дня,
Усладой не поит меня,
 Как поцелуи с Вилли.

ВМЕСТЕ

Та радость, и т.д.

ОН

Пускай порою случай крут –
Продулся дурень, пляшет плут –
Все мысли не о том идут:
 В них сплошь родная Филя.

ОНА

Та радость, что кошель даёт,
Не стоит начисто забот;
Родной мне точно подойдёт,
 Родной мой – это Вилли.

ВМЕСТЕ

Та радость, и т.д.

«Так меня и бросишь, Кэти?»

Так меня и бросишь, Кэти?
Так меня и бросишь, Кэти?
Знаешь, как душа болит,
Но уйти готова в нети?

На клятвы память коротка,
 Что расставаньем мучишь, Кэти?
За всю-то верность паренька –
 Боль сердца раненого, Кэти!

Прощай! Пусть не терзает дрожь
 Изменчивой душонки, Кэти!
Себе возлюбленных найдёшь,
 Любви моей не встретишь, Кэти.

О захворавшей Хлорис¹³²⁷

Тьма да тьма в окне,
 Рассветает еле,
Та, что любя мне,
 Мучится в постели.

Сбросить груз реши?
 От тоски да к скуке,

While my darling Fair
Is on the couch of anguish?

Ev'ry hope is fled,
Ev'ry fear is terror,
Slumber ev'n I dread,
Ev'ry dream is horror.

Hear me, Powers Divine!
Oh, in pity, hear me!
Take aught else of mine,
But my Chloris spare me!

Farewell to Eliza

From thee, Eliza, I must go,
And from my native shore;
The cruel fates between us throw
A boundless ocean's roar:
But boundless oceans, roaring wide,
Between my love and me,
They never, never can divide
My heart and soul from thee.

Farewell, farewell, Eliza dear,
The maid that I adore!
A boding voice is in mine ear,
We part to meet no more!
But the latest throb that leaves my heart,
While Death stands victor by, –
That throb, Eliza, is thy part,
And thine that latest sigh!

Verses on Captain Grose

Written on an Envelope, enclosing a Letter to Him.

Ken ye aught o' Captain Grose?
Igo, and ago,
If he's amang his friends or foes?
Iram, coram, dago.

Is he to Abra'm's bosom gane?
Igo, and ago,
Or haudin Sarah by the wame?
Iram, coram dago.

Is he south or is he north?
Igo, and ago,
Or drowned in the river Forth?
Iram, coram dago.

Пока часть души
Терпит эти муки?

Нет, считай, надежд,
Душит страх великий,
В нём не смежить вежд:
Сновиденья дики.

Шлю мольбы, вними,
Милосердный Боже!
Ты хоть что возьми,
Но не Хлорис всё же!

Прощанье с Илайзой¹³²⁸

Илайза, бросить должен я
Тебя и брег родной;
Уж так планида зла моя,
В ней хлябей рёв сплошной;
Но хляби, что ревмя ревут,
Меж милыми ярясь,
Вовек не смогут, зряшный труд,
Двух душ нарушить связь.

Илайза, милая, прощай,
Люблю тебя – беда!
Рек голос вещей: это край,
Прощанье навсегда!
Пульс стихнет после маеты,
Смерть верх возьмёт в борьбе –
В толчке последнем будешь ты,
Последний вздох – тебе!

Стихи о капитане Гроузе¹³²⁹,

написанные на конверте письма к нему

Где Гроуз, удел его каков?
Иго, и аго,
Среди друзей он, меж врагов?
Ирам, ко́рам, да́го¹³³⁰.

На лоне Авраама¹³³¹ лёг?
Иго, и аго,
Иль чрево Сары смял чуток¹³³²?
Ирам, корам, даго.

Север дом его иль юг?
Иго, и аго,
Не утоп ли в Форте¹³³³ друг?
Ирам, корам, даго.

Is he slain by Hielan' bodies?
Igo, and ago,
And eaten like a wether haggis?
Iram, coram, dago.

Where'er he be, the Lord be near him!
Igo, and ago,
As for the deil, he daur na steer him.
Iram, coram, dago.

But please transmit th' enclosed letter,
Igo, and ago,
Which will oblige your humble debtor.
Iram, coram, dago.

So may ye hae auld stanes in store,
Igo, and ago,
The very stanes that Adam bore.
Iram, coram, dago,

So may ye get in glad possession,
Igo, and ago,
The coins o' Satan's coronation!
Iram coram dago.

A Rose-Bud by My Early Walk

A Rose-bud by my early walk,
Adown a corn-enclosed bawk,
Sae gently bent its thorny stalk,
All on a dewy morning.

Ere twice the shades o' dawn are fled,
In a' its crimson glory spread,
And drooping rich the dewy head,
It scents the early morning.

Within the bush her covert nest
A little linnet fondly prest;
The dew sat chilly on her breast,
Sae early in the morning.

She soon shall see her tender brood,
The pride, the pleasure o' the wood,
Amang the fresh green leaves bedew'd,
Awake the early morning.

So thou, dear bird, young Jeany fair,
On trembling string or vocal air,
Shall sweetly pay the tender care
That tents thy early morning.

Злыми горцами убит?
Иго, и аго,
В брюхе хаггисом¹³³⁴ лежит?
Ирам, корам, даго.

Где бы ни был, будь с ним Боже!
Иго, и аго,
Дьяволу влезать негоже.
Ирам, корам, даго.

Прошу отдать ему вложение,
Иго, и аго,
Обязан вам за одолжение.
Ирам, корам, даго.

Каменья ваши, я прикину,
Иго, и аго,
Ещё Адаму гнули спину.
Ирам, корам, даго.

На денежки, что к вам попали,
Иго, и аго,
Уж князя тьмы короновали!
Ирам, корам, даго.

«Бутон шиповника привлёк...»

Бутон шиповника привлёк:
Где путь мой краем нивы лёг,
Он гнул колючий стебелёк
Под росами рассвета.

Укрытый тенью заревой,
Он всей малиновой главой,
Поникшей в росах, запах свой
Нёс раннему рассвету.

Куст коноплянку у гнезда
Укрыл от взглядов без труда;
Роса на грудке – хлад, беда
От раннего рассвета.

Уж скоро птенчики у ней –
Мамаши гордость средь ветвей –
В листве, сыщи-ка зеленой,
Разбудят рань рассвета.

Так ты пичужкой юной, Джин,
Напевом тронешь до глубин:
Заботам стража он один
Воздать смог на рассвете.

So thou, sweet Rose-bud, young and gay,
Shalt beauteous blaze upon the day,
And bless the parent's evening ray
That watch'd thy early morning.

O, Were I on Parnassus Hill

O, were I on Parnassus hill,
Or had o' Helicon my fill,
That I might catch poetic skill,
To sing how dear I love thee!
But Nith maun be my Muse's well,
My Muse maun be thy bonie sel',
On Corsincon I'll glowr and spell,
And write how dear I love thee.

Then come, sweet Muse, inspire my lay!
For a' the lee-lang simmer's day
I couldna sing, I couldna say,
How much, how dear, I love thee,
I see thee dancing o'er the green,
Thy waist sae jimp, thy limbs sae clean,
Thy tempting lips, thy roguish een –
By Heaven and Earth I love thee!

By night, by day, a-field, at hame,
The thoughts o' thee my breast inflame:
And aye I muse and sing thy name –
I only live to love thee.
Tho' I were doom'd to wander on,
Beyond the sea, beyond the sun,
Till my last weary sand was run;
Till then – and then I love thee!

The Lover's Morning Salute to His Mistress

Sleep'st thou, or wak'st thou, fairest creature?
Rosy morn now lifts his eye,
Numbering ilka bud which Nature
Waters wi' the tears o' joy.
Now, to the streaming fountain,
Or up the heathy mountain,
The hart, hind, and roe, freely, wildly-wanton stray;
In twining hazel bowers,
Its lay the linnet pours,
The laverock to the sky
Ascends, wi' sangs o' joy,
While the sun and thou arise to bless the day.

Phoebus gilding the brow of morning,
Banishes ilk darksome shade,

Так, в юной прелести бутон,
Ты, чьим сияньем день пленён,
Закат отцов благословлён,
Хранима на рассвете.

«Коль на Парнасе окажусь...»

Коль на Парнасе окажусь,
Вод Геликона¹³³⁵ всласть напьюсь,
Там, может, рифмам научусь,
Чтоб спеть, как ты пленила!
Но музу мне дарует Нит¹³³⁶,
И муза хороша на вид;
Вид Корнискона¹³³⁷ стих родит
О том, как ты пленила.

Приди же, муза, песнь внуши!
Дни лета долги, хороши –
Слов нету, звуков у души
Чтоб спеть, как ты пленила;
Твой пляс средь луга видеть мог:
Стан стройный, ловкость рук и ног,
Жар губ и плутовской глазок...
Хоть чем клянусь: пленила!

Днём, ночью, в поле, дома я –
От дум в огне душа моя,
Песнь льётся, имя не тая:
Жив тем, что ты пленила.
Пусть роком мне назначен путь
За хлябь, где солнца свет забудь,
Пока в часах песку хоть чуть,
Знай: ты меня пленила!

Утреннее приветствие влюблённого его милой

Спишь ли, чудное создание?
Будит розовый рассвет,
Всяк бутон явив старанье
Омочить слезой без бед.
Теперь к ручьям кипучим
Иль вереском по кручам
Олени, лани, козы мчат, и миг ценя;
В лещине на полянке
Распелись коноплянки,
А жаворонки ввысь,
Да с песнями, взвились,
Благословить вам с солнцем дав начало дня.

Феб¹³³⁸ златит чело восхода,
Гонит прочь любую тьму,

Nature, gladdening and adorning;
Such to me my lovely maid.
When frae my Chloris parted,
Sad, cheerless, broken-hearted,
The night's gloomy shades, cloudy, dark, o'ercast my sky:
But when she charms my sight,
In pride of Beauty's light –
When thro' my very heart
Her burning glories dart;
'Tis then – 'tis then I wake to life and joy!

The Posie

O luve will venture in where it daur na weel be seen,
O luve will venture in where wisdom ance has been;
But I will doun yon river rove, amang the wood sae green,
And a' to pu' a Posie to my ain dear May.

The primrose I will pu', the firstling o' the year,
And I will pu' the pink, the emblem o' my dear;
For she's the pink o' womankind, and blooms without a peer,
And a' to be a Posie to my ain dear May.

I'll pu' the budding rose, when Phoebus peeps in view,
For it's like a baumy kiss o' her sweet, bonie mou;
The hyacinth's for constancy wi' its unchanging blue,
And a' to be a Posie to my ain dear May.

The lily it is pure, and the lily it is fair,
And in her lovely bosom I'll place the lily there;
The daisy's for simplicity and unaffected air,
And a' to be a Posie to my ain dear May.

The hawthorn I will pu', wi' its locks o' siller gray,
Where, like an aged man, it stands at break o' day;
But the songster's nest within the bush I winna tak away
And a' to be a Posie to my ain dear May.

The woodbine I will pu', when the e'ening star is near,
And the diamond draps o' dew shall be her een sae clear;
The violet's for modesty, which weel she fa's to wear,
And a' to be a Posie to my ain dear May.

I'll tie the Posie round wi' the silken band o' luve,
And I'll place it in her breast, and I'll swear by a' above,
That to my latest draught o' life the band shall ne'er remove,
And this will be a Posie to my ain dear May.

Sic a Wife as Willie Had

Willie Wastle dwalt on Tweed,
The spot they ca'd it Linkumdoddie;
Willie was a wabster gude,
Could stown a clue wi' ony body:

В восхищении Природа,
Вся подстать мне самому.
Меж нами с Хлорис¹³³⁹ дали –
Разбит, уныл, в печали,
Ночные тени, тучи кроют небосвод,
Но лишь приманит взгляд –
Красы лучи спелят,
Пылают и разят
Пока... пока мой сон жизнь счастьем не прервёт!¹³⁴⁰

Букетик

Любовь отважится на то, что ей сулит беду,
Любовь отважится на то, с чем мудрость не в ладу,
А я вдоль берега реки чащобой побреду, –
Всё, чтоб собрать букетик для ненаглядной Мэй.

Я первоцвет сорву, каким пестрит всех раньше луг,
Сорву гвоздику: символ Мэй я углядел в ней вдруг,
Ведь та всех ярче, спору нет, среди своих подруг,
И всё войдёт в букетик для ненаглядной Мэй.

Сорву я розовый бутон, лишь глянет Феб¹³⁴¹ сюда:
С ним сладость губок дорогой припомню без труда;
Для постоянства – гиацинт, лазурный навсегда,
И всё войдёт в букетик для ненаглядной Мэй.

Нет лилии прекрасней, и чище тоже нету,
В сердёдку, для красы, я вставляю прелесть эту;
Ромашка в милой простоте себя являет свету,
И всё войдёт в букетик для ненаглядной Мэй.

Боярышника цвет так серебристо-сед,
Подобно старику, глядит он на рассвет,
Но гнёздышка певца в ветвях я не затрону, нет;
И всё войдёт в букетик для ненаглядной Мэй.

Я жимолость сорву, звезды вечерней¹³⁴² знак,
Алмазы рос чисты – чист взор любимой так;
Фиалке скромности не скрыть, а это не пустяк;
И всё войдёт в букетик для ненаглядной Мэй.

Шёлк ленты, чтоб связать, любви на откуп дам;
Прижмёт к груди – смогу поклясться Небесам:
Не трону ленты той, покуда жив я сам;
Так сложится букетик для ненаглядной Мэй.

Жёнка, как у Вилли

Вилли Вэстл на Твиде¹³⁴³ жил,
В дыре с названием Линкамдодди¹³⁴⁴;
Ткач был Вилли хоть куда,
И бирюком не слыл в народе;

He had a wife was dour and din,
O Tinkler Maidgie was her mither;
Sic a wife as Willie had,
I wad na gie a button for her!

She has an e'e, she has but ane,
The cat has twa the very colour;
Five rusty teeth, forbye a stump,
A clapper tongue wad deave a miller:
A whiskin beard about her mou',
Her nose and chin they threaten ither;
Sic a wife as Willie had,
I wadna gie a button for her!

She's bow-hough'd, she's hein-shin'd,
Ae limp in leg a hand-breed shorter;
She's twisted right, she's twisted left,
To balance fair in ilka quarter:
She has a lump upon her breast,
The twin o' that upon her shouther;
Sic a wife as Willie had,
I wadna gie a button for her!

Auld baudrons by the ingle sits,
An' wi' her loof her face a-washin;
But Willie's wife is nae sae trig,
She dights her grunzie wi' a hushion;
Her walie nieves like midden-creels,
Her face wad fyle the Logan Water;
Sic a wife as Willie had,
I wadna gie a button for her!

I Reign in Jeanie's Bosom

Louis, what reck I by thee,
Or Geordie on his ocean?
Dyvor, beggar louns to me,
I reign in Jeanie's bosom!

Let her crown my love her law,
And in her breast enthrone me,
Kings and nations – swith awa'!
Reif randies, I disown ye!

My Bonie Bell

The smiling Spring comes in rejoicing,
And surly Winter grimly flies;
Now crystal clear are the falling waters,
And bonie blue are the sunny skies.
Fresh o'er the mountains breaks forth the morning,
The ev'ning gilds the ocean's swell;
All creatures joy in the sun's returning,
And I rejoice in my bonie Bell.

А жёнку взял – мрачнее туч,
 (Прибрал цыганки Мэйджи чадо);
Жёнки, как у Вилли, мне
 И за медный грош не надо!

Глаз у неё всего один,
 У кошки два того же цвета;
Зубов пять с половиной штук,
 Горласта жутко баба эта;
Она усата, ткнулся нос
 Аж в подбородок (где преграда?);
Жёнки, как у Вилли, мне
 И за медный грош не надо!

Из двух кривуль у ней одна
 Хрома и на ладонь короче;
Вихляет влево-вправо зад,
 Глядеть на ляжки нету мочи;
Горбу той жёнушки близнец –
 Комок грудей, очей отрада;
Жёнки, как у Вилли, мне
 И за медный грош не надо!

Для кошки старой у огня
 Умыться лапкой – очень мило;
Попроще жёнка Вилли чуть,
 Чулком без пятки вытрет рыло;
В горстях её навоз таскать,
 Умыться – Логан¹³⁴⁵ полон смраду;
Жёнки, как у Вилли, мне
 И за медный грош не надо!

Царю в душе у Джини¹³⁴⁶

Луи¹³⁴⁷, да кто ты там такой,
 Кто Джорди¹³⁴⁸ с морем синим?
Вас, голытьбу, сравнить со мной?
 Царю в душе у Джини!

Любви дарован ею трон,
 И власти нету краю;
Монархи и державы – вон!
 Вас, плуты, презираю!

Колокольчик¹³⁴⁹

В улыбке вешней – ликование,
 Умчалась злоба зимних бурь;
Летят, кристально чисты, воды,
 Свод кроет дивная лазурь.
Рассвет взял горные преграды,
 Златит волну закат морской;
Возврату солнца все тут рады,
 И милый Колокольчик – мой.

The flowery Spring leads sunny Summer,
The yellow Autumn presses near;
Then in his turn comes gloomy Winter,
Till smiling Spring again appear:
Thus seasons dancing, life advancing,
Old Time and Nature their changes tell;
But never ranging, still unchanging,
I adore my bonie Bell.

The Lovely Lass o' Inverness

The lovely lass o' Inverness,
Nae joy nor pleasure can she see;
For, e'en to morn she cries, alas!
And aye the saut tear blin's her e'e.
"Drumossie moor, Drumossie day –
A waefu' day it was to me!
For there I lost my father dear,
My father dear, and brethren three.

"Their winding-sheet the bluidy clay,
Their graves are growin' green to see;
And by them lies the dearest lad
That ever blest a woman's e'e!
"Now wae to thee, thou cruel lord,
A bluidy man I trow thou be;
For mony a heart thou has made sair,
That ne'er did wrang to thine or thee!"

The Laddie's Dear Sel'

There's a youth in this city, it were a great pity
That he from our lassies should wander awa';
For he's bonie and braw, weel-favor'd witha',
An' his hair has a natural buckle an' a'.
His coat is the hue o' his bonnet sae blue,
His fecket is white as the new-driven snaw;
His hose they are blae, and his shoon like the slae,
And his clear siller buckles, they dazzle us a'.

For beauty and fortune the laddie's been courtin';
Weel-featur'd, weel-tocher'd, weel-mounted an' braw;
But chiefly the siller that gars him gang till her,
The penny's the jewel that beautifies a'.
There's Meg wi' the mailen that fain wad a haen him,
And Susie, wha's daddie was laird o' the Ha';
There's lang-tocher'd Nancy maist fetters his fancy,
– But the laddie's dear sel', he loes dearest of a'.

Весенний цвет – преддверье к лету,
И осень невдали, желта;
Потом зима; хмарь сменят эту
Весны весёлые уста;
Сезонов пляски, жизни сказки
Век с Миром тянут чередой;
А мне в той тряске нет опаски:
Лелею Колокольчик свой.

«Всех бед замес дал Инвернесс¹³⁵⁰...»

Всех бед замес дал Инвернесс
Красавице, что там живёт;
С заката до зари, увы,
Слезам её потерян счёт:
«Драмóсси-мур¹³⁵¹, Драмосси день,
Рождаеть ты тягчайший вздох!
Забрал ты милого отца –
Отца, а с ним и братьев трёх.

Их саван – глина, вся в крови,
Травой укрыл могилы склон;
И с ними лучший лёг из всех,
Кто милой был благословлён!
Так проклят будь, жестокий лорд¹³⁵²,
Кровавы все твои дела;
Премного душ ты загубил,
От коих век не ведал зла!»

Сам себе мил¹³⁵³

Юнца городского – тоска, право слово, –
Не тронет из уймы девиц ни одна;
Наряден, пригож – парнишка хорош;
Кудряв от природы он – и вот те на!
Сюртук его в цвет, лазорев берет,
Жилета белей снег отыщешь навряд;
Синеют штаны, а туфли черны,
А пряжек серебряных блики спят.

К красе и удаче приязни не пряча,
К милашке с приданым, нарядной, к тому ж,
Лететь бы парнишке, а пуще – к кубышке:
Всё пенни украсит, мнит будущий муж.
Мэг, с фермой девица, влюбить его тщится,
Вот Съюзи: папаша её богатей;
Есть Нэнси с приданым подстать его планам...
Но сам себе мил он гораздо сильней.

She Says She Loes Me Best of A'

Sae flaxen were her ringlets,
Her eyebrows of a darker hue,
Bewitchingly o'er-arching
Twa laughing e'en o' lovely blue;
Her smiling, sae wyling,
Wad make a wretch forget his woe;
What pleasure, what treasure,
Unto these rosy lips to grow!
Such was my Chloris' bonie face,
When first that bonie face I saw;
And aye my Chloris' dearest charm –
She says, she lo'es me best of a'.

Like harmony her motion,
Her pretty ankle is a spy,
Betraying fair proportion,
Wad make a saint forget the sky:
Sae warming, sae charming,
Her faultless form and gracefu' air;
Ilk feature – auld Nature
Declar'd that she could do nae mair:
Hers are the willing chains o' love,
By conquering Beauty's sovereign law;
And still my Chloris' dearest charm –
She says, she lo'es me best of a'.

Let others love the city,
And gaudy show, at sunny noon;
Gie me the lonely valley,
The dewy eve and rising moon,
Fair beaming, and streaming,
Her silver light the boughs amang;
While falling; recalling,
The amorous thrush concludes his sang;
There, dearest Chloris, wilt thou rove,
By wimpling burn and leafy shaw,
And hear my vows o' truth and love,
And say, thou lo'es me best of a'.

Weary Fa' You, Duncan Gray

Weary fa' you, Duncan Gray –
Ha, ha, the girdin o't!
Wae gee by you, Duncan Gray –
Ha, ha, the girdin o't!
When a' the lave gae to their play,
Then I maun sit the lee-lang day,
And jog the cradle wi' my tae,
And a' for the girdin o't.

«Сказала: прочих я милей...»¹³⁵⁴

Как лён, у милой кудри¹³⁵⁵,
Куда темней бровей окрас,
Что дивным сводом стали
Для бойких, славных синих глаз;
Улыбка не липка,
Забудь с ней, малый, про напасть;
Услада, род клада –
К тем губкам розовым припасть!
Таким чудесным Хлорис лик
Предстал при первой встрече с ней,
И, чем навеки я пленён,
Сказала: прочих я милей.

Движенья гармоничны,
Краса лодыжек взор зовёт:
Открывши прелесть стати,
Святой забудет горний свод;
Так страстна, прекрасна,
Так безупречна и мила;
Природа, та сроду
Создать ей равной не могла;
Желанней нет любовных уз,
Лишь дивным правом овладей;
И всё ж, чем в Хлорис я пленён,
Сказала: прочих я милей.

Иным милее город
И балаган в полдневный зной,
А мне дай тишь долины
В вечерних росах под луной;
Сверкает, стекает
Свет серебристый по ветвям –
С надрывом, с призывом
Влюблённый дрозд зашёлся там;
О Хлорис милая, ждёт лес,
Где вьётся в зелени ручей,
На клятвы в верности, любви
Скажи, что прочих я милей!

«Тяжкий груз ты, Данкен Грэй...»¹³⁵⁶

Тяжкий груз ты, Данкен Грэй,
Ха-ха, ну удружил!
Будь ты проклят, Данкен Грэй,
Ха-ха, ну удружил!
Всем прочим в самый раз гулять,
А мне за целый день не встать,
Всё колыбель ногой качать –
Вот так-то удружил.

Bonnie was the Lammas moon –
Ha, ha, the girdin o't!
Glowrin' a' the hills aboon –
Ha, ha, the girdin o't!
The girdin brak, the beast cam down,
I tint my curch, an baith my ahoon;
Ah! Duncan, ye're an unco loon –
Wae on the bad girdin o't!

But, Duncan, gin ye'll keep your aith –
Ha, ha, the girdin o't!
I'se bless you wi' my hindmost breath –
Ha, ha, the girdin o't!
Duncan, gin ye'll keep your aith,
The beast again can bear us baith,
And auld Mess John will mend the skaith,
And clout the bad girdin o't.

My Hoggie

What will I do gin my Hoggie die?
My joy, my pride, my Hoggie!
My only beast, I had nae mae,
And vow but I was vogie!

The lee-lang night we watch'd the fauld,
Me and my faithfu' doggie;
We heard nocht but the roaring linn,
Amang the braes sae scroggie.

But the houlet cry'd frau the castle wa',
The blitter frae the boggie;
The tod reply'd upon the hill,
I trembled for my Hoggie.

When day did daw, and cocks did craw,
The morning it was foggie;
An unco tyke, lap o'er the dyke,
And maist has kill'd my Hoggie!

The Braes o' Killiecrankie

Where hae ye been sae braw, lad?
Whare hae ye been sae brankie, O?
Whare hae ye been sae braw, lad?
Cam ye by Killiecrankie, O?

An ye had been whare I hae been,
Ye wad na been sae cantie, O;
An ye had seen what I hae seen,
I' the Braes o' Killiecrankie, O.

Дивна Ламмаса¹³⁵⁷ луна,
Ха-ха, ну удружил!
На холмы льёт свет она,
Ха-ха, ну удружил!
Явился нищий шалапут –
До туфель, до платка ли тут?
Ох, Данкен, мерзостный ты плут,
Чертовски удружил!

Ну, Данкен, да сдержи обет –
Ха-ха, ну удружил! –
Верней меня на свете нет,
Ха-ха, ну удружил!
Данкен, ты сдержи обет,
И нам не знать обоим бед,
Грех снимет старый поп как след,
Каким мне удружил!

Барашек

Сберечь барашка моего,
И гордость, и отраду!
Он у меня один всего,
А в клятвах нету ладу!

Пасли мы ночку напролёт
Овечек с верной псиной,
Всех звуков – водопад ревёт
Меж склонов с тощей глиной.

Тут ухнул филин, а с болот
Бекаса слышен крик;
Лис тьякнул с горки, в свой черёд;
Мне страх в нутро проник.

Но вот восход; петух орёт,
Туман улёгся тяжко;
Пёс, хвост задрал, из-за канав
Шашть – и сгубил барашка!

Склоны Килликранки¹³⁵⁸

Откуда ты, красавчик?
Нарядный, как с гулянки, о?
Откуда ты, красавчик?
Бывал у Килликранки, о?

Бывал бы ты, где я бывал,
Кураж бы знал с изнанки, о;
Видал бы ты, что я видал
На склонах Килликранки, о!

I faught at land, I faught at sea,
At hame I faught my Auntie, O;
But I met the devil an' Dundee,
On the Braes o' Killiecrankie, O.

The bauld Pitcur fell in a furr,
An' Clavers gat a clankie, O;
Or I had fed an Athole gled,
On the Braes o' Killiecrankie, O.

Johnie Lad, Cock up Your Beaver

When first my brave Johnie lad
Came to this town,
He had a blue bonnet
That wanted the crown;
But now he has gotten
A hat and a feather,
Hey, brave Johnie lad,
Cock up your beaver!

Cock up your beaver,
And cock it fu' sprush,
We'll over the border,
And gie them a brush;
There's somebody there
We'll teach better behaviour,
Hey, brave Johnie lad,
Cock up your beaver!

O, Once I Lov'd a Bonnie Lass

O, once I lov'd a bonnie lass,
Aye, and I love her still,
And whilst that virtue warms my breast
I love my handsome Nell.
Fal lal de ral, &c.

As bonnie lasses I hae seen,
And mony full as braw,
But for a modest gracefu' mien
The like I never saw.

A bonnie lass, I will confess,
Is pleasant to the ee,
But without some better qualities
She's no a lass for me.

But Nelly's looks are blithe and sweet,
And what is best of a',
Her reputation is complete,
And fair without a flaw.

Я сушу, море знал, поди,
Вёл с тёткой бой по пьянке, о,
Но встретил чёрта и Данди
На склонах Килликранки, о.

Питкүр¹³⁵⁹, что лыс, скатился вниз,
Бит Клаверс¹³⁶⁰ по лоханке, о;
Накрыл Атоул¹³⁶¹ воро́нам стол
На склонах Килликранки, о.

«Носи шляпу лихо!»¹³⁶²

Впервой храбрый Джони
Вступил в городок –
Ничем синь берета
Украсить не мог;
Теперь он при шляпе,
Перо к ней не прихоть,
Эй, Джони, дружок,
Носи шляпу лихо!

Носи шляпу лихо,
Ведь нету модней,
Шагнём за Границу¹³⁶³
Задать там чертей,
Научим ребят
Вести себя тихо,
Эй, Джони, дружок,
Носи шляпу лихо!

«Раз был в красавицу влюблён...»

Раз был в красавицу влюблён –
Досель не охладел;
Пока горит в душе огонь,
Люблю голубку Нелл¹³⁶⁴.
Фал-лал-де-рал...

Из-за девиц терял покой –
Каков наряд, убор! –
Но милой скромницы такой
Не видывал с тех пор.

К иной красе, тут я как все,
Прильну, красу ценя,
Но если большего в ней нет,
Она не для меня.

Нет Нелл милей и веселей,
И, что важней всего,
На добром имени у ней
Пятна ни одного.

She dresses aye sae clean and neat,
Both decent and genteel;
And then there's something in her gait
Gars ony dress look weel.

A gaudy dress and gentle air
May slightly touch the heart,
But it's innocence and modesty
That polishes the dart.

'Tis this in Nelly pleases me,
'Tis this enchants my soul!
For absolutely in my breast
She reigns without control.

Fragmentary Verses

I met a lass, a bonnie lass,
Coming o'er the braes o' Couper,
Bare her leg and bright her een,
And handsome ilka bit about her.
Weel I wat she was a quean
Wad made a body's mouth to water;
Our Mess John, wi' his lyart pow,
His haly lips wad lickit at her.

* * *

O wat ye what my minnie did,
My minnie did, my minnie did,
O wat ye what my minnie did
On Tysday 't een to me, jo?
She laid me in a saft bed,
A saft bed, a saft bed,
She laid me in a saft bed,
And bade gudeen to me, jo.

An' wat ye what the parson did,
The parson did, the parson did,
An' wat ye what the parson did,
A' for a penny fee, jo?
He loosed on me a lang man,
A mickle man, a strang man,
He loosed on me a lang man,
That might hae worried me, jo.

An' I was but a young thing,
A young thing, a young thing,
An' I was but a young thing,
Wi' nane to pity me, jo.
I wat the kirk was in the wyte,
In the wyte, in the wyte,

Опрятен, свеж её наряд,
Всегда впопад притом;
И ходит так, что манит взгляд,
Будь в платице любом.

Взор щеголихи непрстой
Всерьёз пронзит навряд,
А скромность вкупе с чистотой
Стрелу любви вострят.

Вот этим в Нелли я пленён,
Глубок на сердце след!
В душе моей взошла на трон,
И власти краю нет.

Отрывки {1}¹³⁶⁵

Я встретил де́вицу-красу
На склоне Купер-хилла¹³⁶⁶:
У босоножки яркий взгляд,
И всё в ней очень мило.
При виде девы, как она,
Пускают парни слюни,
Поп старый раскатать горазд
Святые губы втуне.

* * *

Что сделала мамаша, да,
Мамаша, да, мамаша, да,
Что сделала мамаша, да,
Во вторник к ночи, милый?
Мне постелила мягко так,
Ну мягко так, ох, мягко так,
Мне постелила мягко так:
Мол, «доброй ночи», милый.

А что творил наш пастор, да,
Наш пастор, да, наш пастор, да,
А что творил наш пастор, да,
За что платил он, милый?
Спустил верзилу-дурака,
Здоровяка и чужака,
Спустил верзилу-дурака;
Мне досадила он, милый.

Была совсем ведь молода,
Ведь молода, ведь молода,
Была совсем ведь молода –
Не пожалели, милый.
Для церкви, право, срам какой,
Ох, срам какой, ох, срам какой

To pit a young thing in a fright
An' loose a man on me, jo.
* * *

Lass, when your mither is frae hame,
Might I but be sae bauld
As come to your bower-window,
And creep in frae the cauld,
As come to your bower-window,
And when it's cauld and wat,
Warm me in thy sweet bosom;
Fair lass, wilt thou do that?

Young man, gif ye should be sae kind,
When our gudewife's frae hame,
As come to my bower-window,
Whare I am laid my lane,
And warm thee in my bosom –
But I will tell thee what,
The way to me lies through the kirk;
Young man, do ye hear that?
* * *

O can ye labour lea, young man,
An' can ye labour lea;
Gae back the gate ye cam' again,
Ye'se never scorn me.

I fee'd a man at Martinmas,
Wi' arle pennies three;
An' a' the faut I fan' wi' him,
He couldna labour lea.

The stibble rig is easy plough'd,
The fallow land is free;
But wha wad keep the handless coof,
That couldna labour lea?
* * *

Ye hae lien a' wrang, lassie,
Ye've lien a' wrang;
Ye've lien in an unco bed,
And wi' a fremit man.
O ance ye danced upon the knowes,
And ance ye lightly sang –
But in herrying o' a bee byke,
I'm rad ye've got a stang.
* * *

O Gie my love brose, brose,
Gie my love brose and butter;

Сводить с молоденькой такой
Верзилу в деле, милый.
* * *

Красотка, коль мамыши нет,
Уж смелость мне прости
Залезть к тебе в окошко,
Чтоб с холода уйти;
Залезть к тебе в окошко –
Здесь холод, дождь и мрак –
Да на груди согреться;
Красотка, будет так?

Красавчик, если будешь добр
(Мамаша – где она?),
Залезть ко мне в окошко,
Пока лежу одна,
Чтоб на груди согреться...
Послушай-ка, чужак:
Через церковь путь ко мне идёт,
Красавчик, только так!
* * *

Оставь-ка борозду, дружок,
Пусть будет борозда;
Облить презреньем мой порог
Не сможешь никогда.

Задаток взял в Мартынов день¹³⁶⁷,
Три пенни – ерунда;
Мне только тем не угодил,
Что мелка борозда.

Легко жнивье перепахать,
Есть целина всегда,
Но в неумехе прок какой,
Чья мелка борозда?
* * *

Нету проку лечь, как ты,
Нету проку в том;
В койку странную легла
С беглым муженьком.
В песнях, плясках под горой
Ты вошла во вкус;
Разозлишь пчелиный рой –
Получай укус.
* * *

Милку́ овсянки дай,
Овсянки с маслом в гуще,

For nane in Carrick or Kyle
Can please a lassie better.
The lav'rock lo'es the grass,
The muirhen lo'es the heather;
But gie me a braw moonlight,
And me and my love together.

* * *

Jenny M'Craw, she has ta'en to the heather,
Say, was it the covenant carried her thither;
Jenny M'Craw to the mountains is gane,
Their leagues and their covenants a' she has ta'en
My head and my heart, now, quo' she, are at rest,
And as for the lave, let the Deil do his best.

* * *

The last braw bridal that I was at,
'Twas on a Hallowmass day,
And there was routh o' drink and fun,
And mickle mirth and play.
The bells they rang, and the carlins sang,
And the dames danced in the ha';
The bride went to bed wi' the silly bridegroom,
In the midst o' her kimmers a'.

* * *

There came a piper out o' Fife,
I watna what they ca'd him;
He play'd our cousin Kate a spring
When fient a body bade him;
And aye the mair he hotch'd an' blew,
The mair that she forbade him.

Кайл, Каррик¹³⁶⁸ – никого
Там нет, чтоб люб был пуще.
Мил жаворонку луг,
Мил вереск куропатке,
А лучики луны
И мне, и другу сладки.
* * *

Дженни Маккроу¹³⁶⁹ как-то в вереск зазвали –
Без ковенантора это едва ли;
Дженни Маккроу как-то в горы пошла,
Там ковенант, да и лигу¹³⁷⁰, нашла;
И сердце, и ум мои стихли, твердит, –
В любви сатана крепко мастеровит.
* * *

Последний свадебный мой пир
В День всех святых¹³⁷¹ прошёл:
Веселья, выпивки полно,
Резвился буйный стол.
Звон стены тряс, старухи в пляс,
И в зале танцы дам;
Невеста дурня-жениха –
В постель (тьма девок там).
* * *

Из Флейта¹³⁷² дудочник возник,
Когда его не звали,
Кузине Кейт сыграл мотив,
Как черти подсказали,
И чем усердней он дудел,
Тем пуще парня гнали.

Addenda

Ode on the Departed Regency Bill 1789

Daughter of Chaos' doting years,
Nurse of ten thousand hopes and fears,
Whether thy airy, insubstantial shade
(The rights of sepulture now duly paid)
Spread abroad its hideous form
On the roaring civil storm,
Deafening din and warring rage
Factions wild with factions wage;
 Or under-ground
 Deep-sunk, profound,
Among the demons of the earth,
 With groans that make
 The mountains shake,
Thou mourn thy ill-starr'd, blighted birth;
Or in the uncreated Void,
 Where seeds of future being fight,
With lessen'd step thou wander wide,
 To greet thy Mother – Ancient Night,
And as each jarring, monster-mass is past,
Fond recollect what once thou wast:
In manner due, beneath this sacred oak,
Hear, Spirit, hear! thy presence I invoke!
 By a Monarch's heaven-struck fate,
 By a disunited State,
 By a generous Prince's wrongs,
 By a Senate's strife of tongues,
 By a Premier's sullen pride,
 Louring on the changing tide;
 By dread Thurlow's powers to awe –
 Rhetoric, blasphemy and law;
 By the turbulent ocean –
 A Nation's commotion,
 By the harlot-caresses
 Of borough addresses,
 By days few and evil,
 (Thy portion, poor devill!)
 By Power, Wealth, and Show,
 (The Gods by men adored,)
 By nameless Poverty,
 (Their hell abhorred,)
 By all they hope, by all they fear,
Hear! and appear!

Stare not on me, thou ghastly Power!
Nor, grim with chained defiance, lour:

Дополнение

Ода упокоившемуся биллю о регентстве¹³⁷³

Сынок годин маразма власти,
 Племянш надежд – и страхов части!
 Да был ли дух бесплотный твой
 (Чей дом под крышкой гробовой)
 Всюду ужасать готов
 Под гражданской бури рёв,
 Громом яростным глуша,
 Фракций чтоб тряслась душа?
 Иль шась в чертог,
 Что так глубок,
 Где демоны со всех сторон,
 Где стонешь ты,
 Тряся хребты,
 Что был в недобрый час рождён?
 Иль в пустоте, извечной сплошь,
 Где биться семя лет не прочь,
 Шагами робкими бредёшь,
 Встречая мать, Старуху Ночь,
 И, коль скоп мерзких чудищ просквозил,
 Припомнить рад, каким ты прежде был?
 Так под священным дубом посиди,
 Послушай, дух! Прошу, не уходи!
 Горним роком короля,
 Чья разодрана земля,
 Дурью, коей принц богат,
 Сварами, в каких сенат,
 Спесью, с коей наш премьер
 Хмуρο зрит бессилье мер,
 Страхом (Тёрлоу¹³⁷⁴ тот внушён:
 Речи, ересь и закон),
 Волненьем океана –
 Людишек, кои рьяны,
 Шлюхи ласками (тенью –
 Городские прошенья),
 Злом дней, что так мелки
 (Твои, чёрт, проделки!),
 Мошной, притворством, властью
 (Божков, столь милых люду),
 Нуждой – неясной, к счастью
 (Гонимой отовсюду),
 Надеждой, страхом заклиная:
 Услышь! Узреть желаю!

Не пучь глазищи, сила злая!
 Не хмурься, губы надувая:

No Babel-structure would I build
Where, order exil'd from his native sway,
Confusion may the regent-sceptre wield,
While all would rule and none obey:

Go, to the world of man relate
The story of thy sad, eventful fate;
And call presumptuous Hope to hear
And bid him check his blind career;
And tell the sore-prest sons of Care,
Never, never to despair!

Paint Charles' speed on wings of fire,
The object of his fond desire,
Beyond his boldest hopes, at hand:
Paint all the triumph of the Portland Band;
Hark how they lift the joy-elated voice!
And who are these that equally rejoice?
Jews, Gentiles, what a motley crew!
The iron tears their flinty cheeks bedew;

See how unfurled the parchment ensigns fly,
And Principal and Interest all the cry!
And how their num'rous creditors rejoice;
But just as hopes to warm enjoyment rise,
Cry Convalescence! and the vision flies.

Then next pourtray a dark'ning twilight gloom,
Eclipsing sad a gay, rejoicing morn,
While proud Ambition to th' untimely tomb
By gnashing, grim, despairing fiends is borne:
Paint ruin, in the shape of high D[undas]
Gaping with giddy terror o'er the brow;
In vain he struggles, the fates behind him press,
And clam'rous hell yawns for her prey below:
How fallen That, whose pride late scaled the skies!
And This, like Lucifer, no more to rise!
Again pronounce the powerful word;
See Day, triumphant from the night, restored.

Then know this truth, ye Sons of Men!
(Thus ends thy moral tale,)
Your darkest terrors may be vain,
Your brightest hopes may fail.

A New Psalm for the Chapel of Kilmarnock

On the Thanksgiving-Day for His Majesty's Recovery.

O sing a new song to the Lord,
Make, all and every one,
A joyful noise, even for the King
His restoration.

Я вавилонских башен там
Не строю, где порядка сгинул след,
Где создан властью регента бедлам:
Все правят, подчиняющихся нет;

Ступай с рассказом в мир людей
О тягостной судьбе своей;
Надежде, дерзостной не в меру,
Открой грядущую карьеру,
А тем, на ком забот печать,
Повели не унывать!

Пусть знает Чарлз¹³⁷⁵ : пылая, рея,
Его желанная затея
Нежданно в руки шмяк при всех;
Дай шайке Портленда¹³⁷⁶ успех;
Послушай, как там весело вопят!
Ещё кто будет с ними вровень рад?
Евреи, нет ли – что за пёстрый сброд!
Железо слёз на камень щёк знай льёт;

Пергаментный, гляди, как вьётся стяг,
О пользе, о главе орут все как!
Как этим кредиторов сонм согрет;
Но крикни, сладким упованиям вслед,
«Поправился!»¹³⁷⁷ – и вмиг виденья нет.

Потом яви им сумеречный мрак,
Какой рассвету не пробить никак,
Пока чертям безвременный конец
Вольно рождать средь спеси злых сердец;
Яви руину, коей стал Дандас¹³⁷⁸,
В чьём взоре блики ужаса сквозят:
Тот бьётся зря, судеб нацелен глаз,
Зевают над поживой шумный ад;
Как пал былой насельник высших сфер!
А вон другой: прижат, как Люцифер!
Опять дай силу действенным словам,
Чтоб день, повергнув ночь, вернулся к нам.

«Вам, смертным, правду лью из уст –
Таков речей финал –
Быть может страх жутчайший пуст,
В конце надежд – обвал».

Новый псалом для церкви в Килмарноке¹³⁷⁹

На День Благодарения по случаю выздоровления Его Величества

Возносим новый гимн Творцу
Все вместе, как один:
В нём радость, ибо встал с одра
Король, наш властелин.

The sons of Belial in the land
Did set their heads together;
Come, let us sweep them off, said they,
Like an o'erflowing river.

They set their heads together, I say,
They set their heads together;
On right, on left, on every hand,
We saw none to deliver.

Thou madest strong two chosen ones
To quell the Wicked's pride;
That Young Man, great in Issachar,
The burden-bearing tribe,

And him, among the Princes chief
In our Jerusalem,
The judge that's mighty in thy law,
The man that fears thy name.

Yet they, even they, with all their strength,
Began to faint and fail:
Even as two howling, ravenous wolves
To dogs do turn their tail.

Th' ungodly o'er the just prevail'd,
For so thou hadst appointed;
That thou might'st greater glory give
Unto thine own anointed.

And now thou hast restored our State,
Pity our Kirk also;
For she by tribulations
Is now brought very low.

Consume that high-place, Patronage,
From off thy holy hill;
And in thy fury burn the book –
Even of that man M'Gill.

Now hear our prayer, accept our song,
And fight thy chosen's battle:
We seek but little, Lord, from thee,
Thou kens we get as little.

Epigram on Rough Roads

I'm now arrived – thanks to the gods! –
Thro' pathways rough and muddy,
A certain sign that makin roads
Is no this people's study:

Тьму нечестивцев край собрал,
Их набралось премного;
Затмим слезами, говорят,
Мощь паводка речного.

Их набралось премного, да,
Их набралось премного;
Сидят повсюду, не видать
Отставшего какого.

Ты создал избранных двоих,
Борцов со спесью Зла;
Колена Иссахара сын,
Чей род творил дела¹³⁸⁰,

Один, другой возглавил (князь!)
Наш Иерусалим:
Судья, познавший Твой Закон,
Страх Божий вечно с ним.

Но даже им, как ни сильны,
Дано изведать страх,
Какой вой жадных волчьих стай
Рождать умеет в псах.

Над праведным брал грешный верх,
Ты повелел так тоже;
Тем больше славы дал своим
Помазанникам, Боже.

Коль Ты Державу возродил,
Так Церковь пожалей:
Досталась, под ярмом невзгод,
Лихая доля ей.

В опеку, Господи, вложи
Хоть малость горних сил,
Да в гневе книжицу спали –
Пусть автор сам Макгилл¹³⁸¹.

Услышь мольбу и гимн прими,
Двух избранных понудь;
Мы просим малого, Господь,
Имеем, знаешь, чуть.

Эпиграмма о дрянных дорогах¹³⁸²

Добрался я – богам хвала! –
Сквозь рытвины и грязь;
Вздыхну: дорожник ремесла
Не ведал отродясь;

Altho' Im not wi' Scripture cram'd,
I'm sure the Bible says
That heedless sinners shall be damn'd,
Unless they mend their ways.

Sylvander to Clarinda

Extempore Reply to Verses addressed to the Author by a Lady, under the signature of "Clarinda" and entitled, On Burns saying he 'had nothing else to do.'

When dear Clarinda, matchless fair,
First struck Sylvander's raptur'd view,
He gaz'd, he listened to despair,
Alas! 'twas all he dared to do.

Love, from Clarinda's heavenly eyes,
Transfixed his bosom thro' and thro';
But still in Friendships' guarded guise,
For more the demon fear'd to do.

That heart, already more than lost,
The imp beleaguer'd all perdue;
For frowning Honour kept his post –
To meet that frown, he shrunk to do.

His pangs the Bard refused to own,
Tho' half he wish'd Clarinda knew;
But Anguish wrung the unweeting groan –
Who blames what frantic Pain must do?

That heart, where motley follies blend,
Was sternly still to Honour true:
To prove Clarinda's fondest friend,
Was what a lover sure might do.

The Muse his ready quill employed,
No nearer bliss he could pursue;
That bliss Clarinda cold deny'd –
"Send word by Charles how you do!"

The chill behest disarm'd his muse,
Till passion all impatient grew:
He wrote, and hinted for excuse,
'Twas, 'cause "he'd nothing else to do."

But by those hopes I have above!
And by those faults I dearly rue!
The deed, the boldest mark of love,
For thee that deed I dare to do!

O could the Fates but name the price
Would bless me with your charms and you!
With frantic joy I'd pay it thrice,
If human art and power could do!

Пусть я Писанья не знаток,
Но строки в нём гласят:
Не чинят грешники дорог –
Найдут дорогу в ад.

Сильвандр – Кларинде¹³⁸³

Ответ экспромтом на стихи, адресованные автору дамой за подписью «Кларинда» и озаглавленные: «На слова Бёрнса о том, что он “большого не посмел”».

Красу Кларинды, дивный флёр,
Когда впервой Сильвандр узрел,
Вперил он без надежды взор,
Увы! И большего не смел.

Полны любви, очей огни
Пронзали сердце тучей стрел;
Казалась дружеством они,
Сам демон лучше б не сумел.

Где голова была, бог весть,
Бесёнок, потаён, зудел,
Но хмуρο в дело влезла Честь –
Сильвандр от хмури оробел.

Был бард терзаньями сражён –
Кларинде их не знать предел;
Исторгла Боль невольный стон –
Её свирепость кто б стерпел?

Собрав в душе безумий смесь,
Всё перед Честью присмирел:
Кларинде нежность дружбы здесь
Влюблённый доказать сумел.

Был музе скрип пера знаком,
За негой он бы полетел,
Но тут Кларинда с холодком:
«Опишет Чарлз¹³⁸⁴ ход ваших дел!»

И музу хлад разоружил,
Хотя котёл страстей кипел;
Достало извиниться сил:
Мол, «сделать большего не смел».

Но я всей тьмой надежд клянусь!
Всей дурью, в коей преуспел!
Любовь храбра – поди сконфузь,
Наворотить сумею дел!

Сболтни что парки¹³⁸⁵ о цене,
К тебе на крыльях бы летел!
Я б втрое дал: всё в радость мне,
Что смертный смел бы и сумел!

Then take, Clarinda, friendship's hand,
 (Friendship, at least, I may avow;)
And lay no more your chill command, –
 I'll write whatever I've to do.
 Sylvander.

Love in the Guise of Friendship

Your friendship much can make me blest,
 O why that bliss destroy!
Why urge the only, one request
 You know I will deny!

Your thought, if Love must harbour there,
 Conceal it in that thought;
Nor cause me from my bosom tear
 The very friend I sought.

Go on, Sweet Bird, and Soothe My Care

For thee is laughing Nature gay,
For thee she pours the vernal day;
For me in vain is Nature drest,
While Joy's a stranger to my breast.

The Parting Kiss

Humid seal of soft affections,
 Tenderest pledge of future bliss,
Dearest tie of young connections,
 Love's first snowdrop, virgin kiss!
Speaking silence, dumb confession,
 Passion's birth, and infant's play,
Dove-like fondness, chaste concession,
 Glowing dawn of future day!
Sorrowing joy, Adieu's last action,
 (Lingering lips must now disjoin),
What words can ever speak affection
 So thrilling and sincere as thine!

On Glenriddell's Fox Breaking His Chain

A Fragment

Thou, Liberty, thou art my theme;
Not such as idle poets dream,
Who trick thee up a heathen goddess
That a fantastic cap and rod has;
Such stale conceits are poor and silly;
I paint thee out, a Highland filly,

Кларинда, дружества рука –
Тебе (хоть тут не оробел);
Убавь в приказах холода,
Прочти, что долг сложить велел.
Сильвандр

Любовь в обличье дружбы¹³⁸⁶

Я так дружить с тобою рад,
Зачем же радость гнать?
Единственной из всех наград
Заведомо лишать?

Коль на уме любовь, скрывай
Её в уме пока,
Мне от души не отрывай
Желанного дружка.

«Тебе Природа дарит смех...»¹³⁸⁷

Тебе Природа дарит смех,
Тебе весенних тьма утех;
А мне Природы чужд наряд,
Покуда беды грудь томят.

Прощальный поцелуй

Влажный оттиск нежной страсти,
Сладостный залог мечты,
Юных двух влюблённых счастье,
Чист, подснежник первый, ты!
Тишь признанья – как голубка,
Чувств рожденье, нежность лет,
Целомудрия уступка,
Пламенеющий рассвет!
Грустный символ расставанья
(Губ неспешных не разнять),
Как словами упования
Верной страсти передать?

О лисе Гленри́ддела, сорвавшемся с цепи¹³⁸⁸

Отрывок

Ты, Вольность, ныне мой сюжет;
Не праздный сон поэтов, нет,
Не та богиня диких стран:
Горшок надет и скипетр дан;
Отбросив глупую обманку,
Кобылку опишу, горянку:

A sturdy, stubborn, handsome dapple,
 As sleek's a mouse, as round's an apple,
 That when thou pleasest canst do wonders;
 But when thy luckless rider blunders,
 Or if thy fancy should demur there,
 Wilt break thy neck ere thou go further.

These things premised, I sing a Fox,
 Was caught among his native rocks,
 And to a dirty kennel chained,
 How he his liberty regained.

Glenriddell! Whig without a stain,
 A Whig in principle and grain,
 Could'st thou enslave a free-born creature,
 A native denizen of Nature?
 How could'st thou, with a heart so good,
 (A better ne'er was sluiced with blood!)
 Nail a poor devil to a tree,
 That ne'er did harm to thine or thee?

The staunchest Whig Glenriddell was,
 Quite frantic in his country's cause;
 And oft was Reynard's prison passing,
 And with his brother-Whigs canvassing
 The Rights of Men, the Powers of Women,
 With all the dignity of Freemen.

Sir Reynard daily heard debates
 Of Princes', Kings', and Nations' fates,
 With many rueful, bloody stories
 Of Tyrants, Jacobites, and Tories:
 From liberty how angels fell,
 That now are galley-slaves in hell;
 How Nimrod first the trade began
 Of binding Slavery's chains on Man;
 How fell Semiramis – God damn her!
 Did first, with sacrilegious hammer,
 (All ills till then were trivial matters)
 For Man dethron'd forge hen-peck fetters;
 How Xerxes, that abandoned Tory,
 Thought cutting throats was reaping glory,
 Until the stubborn Whigs of Sparta
 Taught him great Nature's Magna Charta;
 How mighty Rome her fiat hurl'd
 Resistless o'er a bowing world,
 And, kinder than they did desire,
 Polish'd mankind with sword and fire;
 With much, too tedious to relate,
 Of ancient and of modern date,
 But ending still, how Billy Pitt
 (Unlucky boy!) with wicked wit,

Упряма, пегостью мила,
Как мышка, гладка, а кругла,
Как яблочко; но не до смеха,
Когда наездник неумеха:
В чудных командах нотки фальши –
Он без башки, та скачет дальше.

Пропеть о лисе миг настал:
Среди родных изловлен скал,
На цепь посажен в конуру,
Что, безусловно, не к добру.

Гленриддел! Чистый виг¹³⁸⁹ во всём,
Виг в мелочах и в основном,
Как вольного лишить свободы
Посмел ты жителя Природы?
Как ты осмелился, добряк
(Добрей не отыскать никак!),
К стволу приделать цепь зверька,
Не навредившего пока?

Гленриддел виг был хоть куда,
В делах страны кипел всегда,
Минуя Рейнарда¹³⁹⁰ в остроге,
Был с братством вигов в диалоге:
Всё о правах, о том, что дама
Должна быть гордой, вольной прямо.

Сэр Рейнард слушал все дебаты
Про принцев, королей, палаты;
Тьму кровью брызжащих историй
О гнёте, якобитах, тори¹³⁹¹;
Как ангелы, отринув волю,
Влачат в аду галерном долю;
Как первым выдумал Нимрод¹³⁹²:
Пусть человек в цепях живёт;
Семирамида¹³⁹³ – чёрт бы с нею! –
Как гнусно провела затею
(Дотоль все происки не новы):
Вон с трона, да к жене в оковы;
Как Ксеркс¹³⁹⁴, распутный древний тори,
Знай резал глотки всем в задоре,
Пока упрямы-виги Спарты
В башку не вбили «Магна Карты»¹³⁹⁵;
Как гнул своё могучий Рим
(Попробуй не считаться с ним):
Всех гладил, как желали сами,
Пуская в дело меч и пламя;
Был, правда, список нудноват
Из древних и новейших дат,
Но вот чем кончен: Билли Питт¹³⁹⁶
(Бедняга!), злобно-башковит,

Has gagg'd old Britain, drain'd her coffer,
As butchers bind and bleed a heifer.

Thus wily Reynard by degrees,
In kennel listening at his ease,
Suck'd in a mighty stock of knowledge,
As much as some folks at a College;
Knew Britain's rights and constitution,
Her aggrandisement, diminution,
How fortune wrought us good from evil;
Let no man, then, despise the Devil,
As who should say, 'I never can need him,'
Since we to scoundrels owe our freedom.

Сундук британский вытряс в щёлку –
Мясник, связав, так режет тёлку.

И хитрый Рейнард до поры
Все́му внимал из конуры;
Столь знаний в ум ему попало –
Иному кончить ко́лледж мало:
Знал свод законов без изъятий,
Захватов суть, причины сжатий;
Как рок даст доброе от злого
(Презренья к аду – никакого):
Выходит праведность из моды,
Раз плутам отданы свободы.

Poems, generally denied to Burns, but probably his composition

Elegy on "Stella"

The following poem is the work of some hapless son of the Muses who deserved a better fate. There is a great deal of "The voice of Cona" in his solitary, mournful notes; and had the sentiments been clothed in Shenstone's language, they would have been no discredit even to that elegant poet. – *R.B.*

Strait is the spot and green the sod
From whence my sorrows flow;
And soundly sleeps the ever dear
Inhabitant below.

Pardon my transport, gentle shade,
While o'er the turf I bow;
Thy earthy house is circumscrib'd,
And solitary now.

Not one poor stone to tell thy name,
Or make thy virtues known:
But what avails to me, to thee,
The sculpture of a stone?

I'll sit me down upon this turf,
And wipe the rising tear:
The chill blast passes swiftly by,
And flits around thy bier.

Dark is the dwelling of the Dead,
And sad their house of rest:
Low lies the head, by Death's cold arms
In awful fold embrac'd.

I saw the grim Avenger stand
Incessant by thy side;
Unseen by thee, his deadly breath
Thy lingering frame destroy'd.

Pale grew the roses on thy cheek,
And wither'd was thy bloom,

Стихи, обычно не приписываемые Бёрнсу, но, возможно, сочинённые им

Элегия, посвящённая «Стелле»¹³⁹⁷

Нижеследующие стихи – труд злополучного питомца муз, достойного лучшей доли. Явно слышится «голос Коны¹³⁹⁸» в его отшельнических, унылых напевах; чувства, будучи укрыты языком Шенстона¹³⁹⁹, не покажутся недостойными даже столь изысканного поэта. *Р.Б.*

Здесь скат спрямлён, и зелен он,
Кров горестям моим;
И милая спокойно спит,
Лежащая под ним.

Прости, дух светлый, что пришёл
Отдать тебе поклон;
Твой дом под дёрном тесен так,
И так уединён.

Нет камня с именем твоим,
С набором добрых слов;
Фигура, камень – нам с тобой
Зачем, в конце концов?

Я на дернину опущусь
И вытру слёзы тут;
Промчит прохладный ветерок,
Овеет твой приют.

В жилище умерших темно,
И скорбен их покой;
Объяты смерти холодны
Под жуткою землёй.

Угрюмый Мститель, вижу я,
В недвижности застыл;
Тебе незрим, он вечный дом
Дыханьем омертвил.

Бледнели розы щёк твоих,
И увядал твой цвет,

Till the slow poison brought thy youth
Untimely to the tomb.

Thus wasted are the ranks of men –
Youth, Health, and Beauty fall;
The ruthless ruin spreads around,
And overwhelms us all.

Behold where, round thy narrow house,
The graves unnumber'd lie;
The multitude that sleep below
Existed but to die.

Some, with the tottering steps of Age,
Trode down the darksome way;
And some, in youth's lamented prime,
Like thee were torn away:

Yet these, however hard their fate,
Their native earth receives;
Amid their weeping friends they died,
And fill their fathers' graves.

From thy lov'd friends, when first thy heart
Was taught by Heav'n to glow,
Far, far remov'd, the ruthless stroke
Surpris'd and laid thee low.

At the last limits of our isle,
Wash'd by the western wave,
Touch'd by thy face, a thoughtful bard
Sits lonely by thy grave.

Pensive he eyes, before him spread
The deep, outstretch'd and vast;
His mourning notes are borne away
Along the rapid blast.

And while, amid the silent Dead
Thy hapless fate he mourns,
His own long sorrows freshly bleed,
And all his grief returns:

Like thee, cut off in early youth,
And flower of beauty's pride,
His friend, his first and only joy,
His much lov'd Stella, died.

Him, too, the stern impulse of Fate
Resistless bears along;
And the same rapid tide shall overwhelm
The Poet and the Song.

Пока сводил неспешный яд
Жизнь краткую на нет.

Здоровье, юность, красота –
Бессмысленный запас,
Коль беспощадна смерть вокруг,
Всех поражая нас.

Твой тесный окружают дом
Могилы без числа,
И множество уснувших в них
У жизни смерть взяла.

Иных нетвёрдо поступь лет
Вела до темноты,
Иных был краток скорбный срок,
Ушли они, как ты;

Но и у них, пусть жребий крут,
Есть кус родной земли;
Под плач друзей ушли туда,
Где предки их легли.

Пора, где средь друзей душе
Свет горний явлен был,
Теперь вдали; удар жесток,
Нежданно уложил.

Тут, на краю, где остров наш
Мыт западной волной¹⁴⁰⁰,
Тебе знакомый грустный бард
Пришёл на холмик твой.

В раздумье зрит он пред собой
Пучину без краёв;
Заметки грустные его
Смахнула прыть ветров.

Пока средь тихих мертвецов,
Скорбя, клянёт твой рок,
Вновь беды парня кровенят,
Уйти от них не смог;

Как ты, рывком из юных дней,
Где гордо расцвела,
Так Стелла – первая, одна
Навек – навек ушла.

Он тоже злой удар Судьбы
Познал, не одолев,
И тот же захлестнёт поток
Поэта и Напев.

The tear of pity which he sheds,
He asks not to receive;
Let but his poor remains be laid
Obscurely in the grave.

His grief-worn heart, with truest joy,
Shall meet he welcome shock:
His airy harp shall lie unstrung,
And silent on the rock.

O, my dear maid, my Stella, when
Shall this sick period close,
And lead the solitary bard
To his belov'd repose?

Stanzas on Naething

Extempore Epistle to Gavin Hamilton, Esq.

To you, Sir, this summons I've sent,
Pray, whip till the pownie is freathing;
But if you demand what I want,
I honestly answer you – naething.

Ne'er scorn a poor Poet like me,
For idly just living and breathing,
While people of every degree
Are busy employed about – naething.

Poor Centum-per-centum may fast,
And grumble his hurdies their claithing,
He'll find, when the balance is cast,
He's gane to the devil for – naething.

The courtier cringes and bows,
Ambition has likewise its plaything;
A coronet beams on his brows;
And what is a coronet – naething.

Some quarrel the Presbyter gown,
Some quarrel Episcopal graithing;
But every good fellow will own
Their quarrel is a' about – naething.

The lover may sparkle and glow,
Approaching his bonie bit gay thing:
But marriage will soon let him know
He's gotten – a buskit up naething.

The Poet may jingle and rhyme,
In hopes of a laureate wreathing,
And when he has wasted his time,
He's kindly rewarded wi' – naething.

Слезу, что в жалости прольёт,
Не просит он принять;
Его останкам жалким дай
Могильным прахом стать.

Душой измученной он рад
Рывком припасть к земле;
Лечь арфой без напевных струн
Беззвучно на скале.

О Стелла, милая, когда,
Разделавшись с тоской,
Бард одинокий обретёт
Желанный свой покой?

Строфы, написанные даром

Послание-экспромт Гэвину Хэмилтону¹⁴⁰¹, эсквайру

Вам, сэръ, я послал письмецо
(Весь в мыле Пегас, дышит паром);
Зачем, интерес налицо?
Отвечу: написано даром.

Не смейтесь, что я, грамотей,
Захвачен житейским угаром,
Пока уйма разных людей
В трудах напрягается даром.

Процентщик средь спешных забот
Штаны трёт с усердием ярим,
Поймёт, лишь баланс подведёт,
Что в ад провалился... задаром.

Придворный подобен рабу,
Тщеславием тешится с жаром;
Венец, вон, у пэра на лбу,
Какой мне не нужен и даром.

Пресвитерство многих манит,
Епископство (пастырь отарам!),
Но видит же, кто башковит,
Что свары поповские – даром.

Влюблённым искрить и сверкать
Вольно, разбиваясь по парам,
Но женишься, чтобы узнать,
Что ты суетился-то даром.

Стать лауреатом¹⁴⁰² поэт
Мечтает над рифмой-товаром,
И станет, на старости лет,
Года порастративши даром.

The thundering bully may rage,
And swagger and swear like a heathen;
But collar him fast, I'll engage,
You'll find that his courage is – naething.

Last night wi' a feminine whig –
A Poet she couldna put faith in;
But soon we grew lovingly big,
I taught her, her terrors were naething.

Her whigship was wonderful pleased,
But charmingly tickled wi' ae thing,
Her fingers I lovingly squeezed,
And kissed her, and promised her – naething.

The priest anathemas may threat –
Predicament, Sir, that we're baith in;
But when honour's reveille is beat,
The holy artillery's naething.

And now I must mount on the wave –
My voyage perhaps there is death in;
But what is a watery grave?
The drowning a Poet is naething.

And now, as grim death's in my thought,
To you, Sir, I make this bequeathing;
My service as long as ye've ought,
And my friendship, by God, when ye've naething.

Fragmentary Verses

His face with smile eternal drest
Just like the Landlord to his guest,
High as they hang with creaking din
To index out the Country Inn.

* * *

A head pure, sinless quite of brain or soul,
The very image of a Barber's Poll;
Just shews a human face and wears a wig,
And looks when well-friseur'd, amazing big.

* * *

He looks as sign-post Lions do,
As fierce, and quite as harmless too.

Грохочет иной грубиян,
Ревёт, как дикарь над базаром;
Накинъ на придурка аркан,
Увидишь: бесился он даром.

Я деву из вигов¹⁴⁰³ узрел:
Поэт ей казался кошмаром;
Но нежно внушить я сумел,
Что все треволнения даром.

Сбылись дивно вигства мечты,
Приблизясь к щекочущим чарам,
Лобзал я, сжимая персты, –
Всё без обещаний, задаром.

Пусть пастор анафемой лют –
С ней вместе мы, сэр, под ударом;
Бить в честь, когда зóрю пробьют¹⁴⁰⁴,
Святой артиллерии даром.

Пора оседлать мне волну:
Боюсь показться фигляром,
Но что, ясли я утону?
Поэт здесь не нужен и даром.

Раз хмурая смерть по пятам,
Я, сэр, разберусь с гонораром:
За плату слугой стану вам,
А другом, ей-богу же, даром.

Отрывки {2}

Извечною ухмылкой морд
Подобны он и щедрый лорд;
Обоих ввысь, со скрипом, так –
И будет с вывеской кабак.

* * *

Чиста башка: ни мозга, ни души,
Такие над цирюльней хороши;
Являют вместе рожу и парик:
Расчёсанный, он истинно велик.

* * *

Он словно вывесочный лев:
Вид страшен – и безвреден гнев.

The Rest

A Sonnet upon Sonnets

Fourteen, a sonneteer thy praises sings;
What magic myst'ries in that number lie!
Your hen hath fourteen eggs beneath her wings
That fourteen chickens to the roost may fly.

Fourteen full pounds the jockey's stone must be;
His age fourteen – a horse's prime is past.
Fourteen long hours too oft the Bard must fast;
Fourteen bright bumpers – bliss he ne'er must see!

Before fourteen, a dozen yields the strife;
Before fourteen – e'en thirteen's strength is vain.
Fourteen good years – a woman gives us life;
Fourteen good men – we lose that life again.

What lucubrations can be more upon it?
Fourteen good measur'd verses make a sonnet.

A Tale

'T was where the birch and sounding thong are plyed,
The noisy domicile of Pedant-pride;
Where Ignorance her darkening vapour throws,
And Cruelty directs the thickening blows;
Upon a time, Sir Abece the great,
In all his pedagogic powers elate,
His awful Chair of state resolves to mount,
And call the trembling Vowels to account.

First enter'd **A**; a grave, broad, solemn Wight,
But ah! deform'd, dishonest to the sight!
His twisted head look'd backward on his way,
And flagrant from the scourge he grunted, **AI**!

Reluctant, **E** stalk'd in; with piteous race
The jostling tears ran down his honest face!
That name, that well-worn name, and all his own,
Pale he surrenders at the tyrant's throne!
The Pedant stifles keen the Roman sound
Not all his mongrel diphthongs can compound;
And next the title following close behind,
He to the nameless, ghastly wretch assign'd.

Остальное

Сонет о сонетах¹⁴⁰⁵

Четырнадцать – все пред поэтом ниц:
Такие числа чудеса таят!
У курочки четырнадцать яиц –
Насесту ждать четырнадцать цыплят.

В четырнадцати фунтах – стоун¹⁴⁰⁶, жокей;
Четырнадцать годков – и конь устал.
Четырнадцать часов бард пост держал;
Четырнадцать бокалов – диво дней!

К четырнадцати дюжина знай прёт,
Тринадцать тшятся силу показать.
Четырнадцать лет мать нам жизнь даёт,
Четырнадцать отцов вольны отнять¹⁴⁰⁷.

Кому труд тягче выпал, чем поэту?
Четырнадцать стихов – и быть сонету.

Сказка¹⁴⁰⁸

Берёза и ремень трудились здесь,
Где шумный дом нашла Педанта спесь,
Где мрачный дым Невежества течёт,
Бездушие ведёт ударам счёт;
Тут как-то раз крутой сэр Алфавит,
Уменьем педагога знаменит,
Решил на свой ужасный Стул воссесть
И Гласные созвал, какие есть.

Бедняжка **А** явилась раньше всех,
Коса, отвратна глазу, как на грех!
Трясла башкой, и озиралась зря,
И взвизгнула, под плетью корчась: **Я**!

Е приплелась, коленками назад,
Град слёз туманил буквы честный взгляд!
Рвань имени и кучку барахла
Как дань под трон тирана принесла!
Педант давай душить латинский звук
(Дифтонгам-черни было недосуг),
И всё, что липло к **Е**, по мере сил,
К ней, безымянной, смаху прицепил.

In ruef The cob-webb'd, Gothic dome resounded, **Y**!
In sullen vengeance, **I**, disdain'd reply:
The Pedant swung his felon cudgel round,
And knock'd the groaning Vowel to the ground!

ul apprehension enter'd **O**,
The wailing minstrel of despairing woe;
Th' Inquisitor of Spain the most expert
Might there have learnt new mysteries of his art:
So grim, deform'd, with horrors, entering **U**,
His dearest friend and brother scarcely knew!

As trembling **U** stood staring all aghast,
The Pedant in his left hand clutch'd him fast;
In helpless infant's tears he dipp'd his right,
Baptiz'd him **EU**, and kick'd him from his sight.

A Waukrife Minnie

Whare are you gaun, my bony lass,
 Whare are you gaun, my hiney.
She answered me right saucilie,
 An errand for my minnie.

O whare live ye, my bony lass,
 O whare live ye, my hiney.
By yon burnside, gin ye maun ken,
 In a wee house wi' my minnie.

But I foor up the glen at e'en,
 To see my bony lassie;
And lang before the grey morn cam,
 She was na hauf sae saucey.

O weary fa' the waukrife cock,
 And the founmart lay his crawin!
He wauken'd the auld wife frae her sleep,
 A wee blink or the dawin.

An angry wife I wat she raise,
 And o'er the bed she brought her;
And wi' a meikle hazel rung
 She made her a weel-pay'd dochter.

O fare thee weel, my bony lass!
 O fare thee well, my hinnie!
Thou art a gay an' a bony lass,
 But thou has a waukrife Minnie.

Рык **Ы** – где паутина застит свет!
Стал мостью **И** презрительный ответ;
Педант взмахнул дубиной (не юли!)
И гласной стон вбил прямо до земли!

О в опасеньях просочилась в щель,
Ужасных бед унылый менестрель;
Испанский инквизитор как знаток
На той, что следом, подучиться мог,
За хмурую, кривую взявшись **У**,
Подружку **О**, едва ли не сестру!

Раз **У** на входе трепет обуял,
Педант ручищей левой букву сжал,
А правую от детских слёз не спас;
Ю окрестил – и пнул подальше с глаз.

Неспящая мамаша¹⁴⁰⁹

«Скажи-ка мне, куда идёшь,
Красотка, нету краше?»
А та в ответ, нахально так:
«Куда, видней мамаше».

«Скажи хотя бы, где живёшь,
Красотка, нету краше?»
«Вон, у ручья, коль хочешь знать,
Встал домик наш с мамашей».

В глен появился ввечеру
К милашке, каких мало,
И та, не думало светать,
Нахальство поуняла.

Проснулся чёртov петушок,
Хорёк заешь за это!
Старуха глазки продрала
У самого рассвета.

Явила злюка-баба прыть,
Шасть в дочкину кроватку,
И, хворостину прихватив,
Ну призывать к порядку.

Прощай, не свидеться нам впредь,
Красотка, нету краше!
Вольно ж красавице иметь
Неспящую мамашу.

Act Sederunt of the Session

In Edinburgh town they've made a law,
In Edinburgh at the Court o' Session
That standing pricks are fauteurs a',
And guilty of a high transgression.

Act Sederunt o' the Session,
Decreet o' the Court o' Session,
That standing pricks are fauteurs a',
And guilty of a high transgression.

And they've provided dungeons deep.
Ilk lass has ane in her possession;
Untill the wretches wail and weep,
They there shall lie for their transgression.

Act Sederunt o' the Session,
Decreet o' the Court o' Session,
The rogues in pouring tears shall weep,
By act Sederunt o' the Session.

Adam Armour's Prayer

Gude pity me, because I'm little,
For though I am an elf o' mettle,
And can, like ony wabster's shuttle,
Jink there or here;
Yet, scarce as lang's a gude kail whittle,
I'm unco queer.

An' now thou kens our waefu' case;
For Geordie's Jurr we're in disgrace,
Because we've stang'd her through the place,
And hurt her spleuchan,
For which we darena show our face
Within the clachan.

And now we're dern'd in dens and hollows,
And hunted as was William Wallace,
Wi' Constables, those blackguard fallows,
An' Sodgers baith;
But gude preserve us frae the gallows,
That shamefu' death!

Auld grim black-bearded Geordie's sell;
Oh, shake him o'er the mouth o' hell,
There let him hing, and roar, and yell,
Wi' hideous din,
And if he offers to rebel,
Then heave him in.

«Идёт присутствие суда...»¹⁴¹⁰

Наш Эдинбург суров, беда,
Суд Эдинбурга – без поблажки:
Всяк вставший хер виновен, да,
И преступленья хера тяжки.

Идёт присутствие суда,
В решеньях нет поблажки:
Всяк вставший хер виновен, да,
И преступленья хера тяжки.

Набиты тюрьмы, и всерьёз.
Сел милый у любой бедняжки;
До мук девичьих, горьких слёз
Сидеть им: преступленья тяжки.

Идёт присутствие суда,
В решеньях нет поблажки;
Мерзавцев слёзы, что вода,
В решеньях власти нет поблажки.

Молитва А́дама А́рмора¹⁴¹¹

Господь, меня, мальчика, не трожь,
Хоть я средь самых ражих рож
Сновать, как веретёнце, гож
Туда-сюда;
Длинней меня капустный нож...
Придунок, да.

Ты наши беды должен знать:
Служанку Джорди не унять;
На шест её – и ну таскать,
Тварь получила!
Теперь в деревню показать
Не смеем рыла.

И мы позабивались в щели
(Так Уоллеса¹⁴¹² найти хотели);
Констебли, суки, одолели
И патрули;
Спаси, Всевышний, в самом деле,
Нас от петли!

Стар Джорди, хмур, чернобород;
Встряхни у адовых ворот,
Подвесь, пускай визжит-орёт
(Не из тихонь),
А возмущаться станет скот,
Спихни в огонь.

When Death comes in wi' glimmering blink,
An' tips auld drucken Nanz the wink,
May Satan gie her arse a clink
 Within his yet,
An' fill her up wi' brimstone drink,
 Red, reeking, het.

There's Jockie and the hav'rel Jenny,
Some Devil seize them in a hurry,
And waff them in th' infernal wherry
 Straught through the lake,
And gie their hides a noble curry,
 Wi' oil of aik.

As for the Jurr, poor worthless body,
She's got mischief enough already,
Wi' stanged hips, and buttocks bloody,
 She's suffer'd sair;
But may she wintle in a woodie,
 If she whore mair.

Annotations in Verse

Wisdom and Science – honor'd Powers!
 Pardon the truth a sinner tells;
I owe my dearest, raptured hours
 To folly with her cap and bells.

Grant me, indulgent Heaven, that I may live
To see the miscreants feel the pains they give:
Deal Freedom's sacred treasures free as air,
Till Slave and Despot be but things which were!

Perish their names, however great or brave,
 Who in the Despot's cursed errands bleed!
But who for Freedom fills a hero's grave,
 Fame with a Seraph-pen, record the glorious deed!

Love's records, written on a heart like mine,
Not Time's last effort can efface a line.

As I Look'd over Yon Castle Wa'

As I looked o'er yon castle wa',
 I spied a grey goose and a gled;
They had a fecht between them twa,
 And O, as their twa hurdies gade.

 With a hey ding it in, and a how ding it in,
 And a hey ding it in, it's lang to day:
 Tal larietal, tallarietal
 Tal larietal, tal larie tay.

Когда же смерть в рою огней
Мигнёт Нэнз пьяной как своей,
Пускай сам дьявол в жопу ей
Загонит квач,
Даст кубок дымной серы – пей,
Пока горяч!

Есть Джок-дружок у Дженни-дуры;
Прервали б черти их амуры:
Пусть едут в лодочке, понуры,
Через поток¹⁴¹³;
Отменно выдубит их шкуры
Дубильный сок.

Грехи служанки-дряни тяжки,
Не дождалась от нас поблажки:
В крови у девки зад и ляжки,
Урок суров!
В пляс тащат блядские замашки –
Меж двух столбов.

Пояснения в стихах¹⁴¹⁴

Ум и наука – власть за вами!
Простите, если грешник прав;
К причудам припадал часами,
Колпак с бубенчиками взяв.

По снисхождению Неба я живу,
Злодеев муки видя наяву;
Сокровище свободы вижу в том,
Что изживает деспота с рабом!

Забудутся героев имена,
Проливших кровь за деспота в бою!
Но слава в горней выси суждена
Отдавшим за свободу жизнь свою!

Записанных в душе любовных строк
Стереть не в силах времени поток.

«Узрел за замковой стеной...»

Узрел за замковой стеной:
С гусыней серой коршун-тать
Вели сраженье меж собой:
Прыжки двух задниц не унять!

И звяк и шмяк, и звяк и шмяк,
И звяк и шмяк весь божий день,
Тал-ларьетал, тал-ларьетал,
Тал-ларьетал, тал-лари-тень!

She strack up and he strack down,
Between them twa they made a mowe,
And ilka fart that the carlin gae,
It's four o' them wad fill a bowe.

Temper your tail, Carlin, he cried,
Temper your tail by Venus' law;
Double your dunts, the dame replied,
Wha the deil can hinder the wind to blaw!

For were ye in my saddle set,
And were ye weel girt in my gear,
If the wind o' my arse blaw you out o' my cunt,
Ye'll never be reckoned a man o' 'weir.

He placed his Jacob whare she did piss,
And his ballocks whare the wind did blaw,
And he grippet her fast by the goosset o' the arse
And he gae her cunt the common law.

With a hey ding it in, and a how ding it in,
And a hey ding it in, it's lang to day:
Tal larietal, tallarietal
Tal larietal, tal larie tay.

As I Walk'd by Mysel

As I walk'd by myself, I said to mysel,
And myself said again to me;
Look weel to thyself, or not to thyself,
There's nobody cares for thee.

Then I answer'd mysel and I said to mysel;
Whatever be my degree,
I'll look to mysel, and I'll think o' mysel,
And I care for nobodie.

At Whigham's Inn, Sanquhar

Envy, if thy jaundiced eye,
Through this window chance to spy,
To thy sorrow thou shalt find,
All that's generous, all that's kind,
Friendship, virtue, every grace,
Dwelling in this happy place.

Она поддаст – засадит друг,
Гримасам их потерян счёт;
На каждый старой дуры пук
Четыре пука шлёт под свод.

«Крутить ты жопой будешь, нет?
Закон Венеры властен там!»
«А ты наддай, – она в ответ, –
Мне ветры не пустить, к чертям!

И раз не оседлал досель,
Не перегнал своим концом
Из жопы пук в срамную щель,
Вовек не слыть тебе бойцом».

Хер ткнул туда, откуда ссут,
Путь вётрам яйцами закрыл,
Схватил за жопу, жутко крут,
И в щель, как принято, всадил.

И звяк и шмяк, и звяк и шмяк,
И звяк и шмяк весь божий день,
Тал-ларьетал, тал-ларьетал,
Тал-ларьетал, тал-лари-тень!

«Гулял сам собой...»¹⁴¹⁵

Гулял сам собой, болтая с собой,
И сам свой слышал ответ:
Хорош сам собой, иль не́ сам собой –
А всё никому дела нет.

Ответ дал такой, болтая с собой:
Какой ни оставил бы след,
Я взором с собой, я в мыслях с собой,
И мне до других дела нет.

В таверне Уи́гема, в Санкьюха́ре¹⁴¹⁶

Завидуй, коль брюзгливый взор
Через стекло послав в упор,
Ты с огорчением найдёшь,
Что всё, чем этот мир хорош,
Честь, дружба, всех достоинств смесь
Счастли́во обитают здесь.

Broom Besoms [A]

I maun hae a wife, whatsoe'er she be;
An she be a woman, that's enough for me.

Buy broom besoms! Wha will buy them now;
Fine heather ringers, better never grew.

If that she be bony, I shall think her right:
If that she be ugly, where's the odds at night?

Buy broom besoms! Wha will buy them now;
Fine heather ringers, better never grew.

O, an she be young, how happy shall I be!
If that she be auld, the sooner she will die.

Buy broom besoms! Wha will buy them now;
Fine heather ringers, better never grew.

If that she be fruitfu', O! what joy is there!
If she should be barren, less will be my care.

Buy broom besoms! Wha will buy them now;
Fine heather ringers, better never grew.

If she like a drappie, she and I'll agree;
If she dinna like it, there's the mair for me.

Buy broom besoms! Wha will buy them now;
Fine heather ringers, better never grew.

Be she green or gray; be she black or fair;
Let her be a woman, I shall seek nae mair.

Buy broom besoms! Wha will buy them now;
Fine heather ringers, better never grew.

Broom Besoms [B]

Young and souple was I, when I lap the dyke;
Now I'm auld and frail, I douna step a syke.

Buy broom besoms! Wha will buy them now;
Fine heather ringers, better never grew.

Young and souple was I, when at Lautherslack,
Now I'm auld and frail, and lie at Nansie's back.

Buy broom besoms! Wha will buy them now;
Fine heather ringers, better never grew.

Had she gien me butter, when she gae me bread,
I wad looked baulder, wi' my beld head.

Мётлы{1}¹⁴¹⁷

Надо мне жену, мелочи не в счёт:
Женщина любая в жёны подойдёт.

Мётлы покупай! Мешкать тут не след;
Вереском мести – лучших мётел нет!

Будь она красоткой, так тому бывать,
Будь она уродкой, ночью наплевать!

Мётлы покупай! Мешкать тут не след;
Вереском мести – лучших мётел нет!

Будет молода, счастлив буду с ней!
Старую возьму – на погост скорей.

Мётлы покупай! Мешкать тут не след;
Вереском мести – лучших мётел нет!

Народит детишек – то-то радость, что ты!
А бесплодной будет, меньше мне заботы.

Мётлы покупай! Мешкать тут не след;
Вереском мести – лучших мётел нет!

Выпивохой будет, парой станет мне,
А не будет, выпью за неё вдвойне.

Мётлы покупай! Мешкать тут не след;
Вереском мести – лучших мётел нет!

Юная, седая, ведьма, глаз отрада –
Женщиной была бы, большего не надо.

Мётлы покупай! Мешкать тут не след;
Вереском мести – лучших мётел нет!

Мётлы {2}¹⁴¹⁸

Молод, ловок был – брал любой забор,
Нынче одряхлел, в шутках не востёр.

Мётлы покупай! Мешкать тут не след;
Вереском мести – лучших мётел нет!

Молод, ловок был, Лаутерслэк¹⁴¹⁹ – весь мой,
Нинче одряхлел, Нэнси спит спиной.

Мётлы покупай! Мешкать тут не след;
Вереском мести – лучших мётел нет!

Смазала бы маслом хлебушка кусок,
Был бы пободрее лысый муженёк.

Buy broom besoms! Wha will buy them now;
Fine heather ringers, better never grew.

Brose and Butter

Jenny sits up i' the laft,
Jockie wad fain a been at her;
But there cam a wind out o' the west
Made a' the winnocks to clatter.

O gie my love brose, lasses;
O gie my love brose and butter;
For nane in Carrick wi' him
Can gie a cunt its supper.

The laverock lo'es the grass,
The paetrick lo'es the stibble:
And hey, for the gardiner lad,
To gully awa wi' his dibble!

My daddie sent me to the hill
To pu' my Minnie some heather;
An' drive it in your fill,
Ye're welcome to the leather.

The Mouse is a merry wee beast,
The Moudiewart wants the een;
And O' for a touch o' the thing
I had in my niece yestreen.

We a' were fou yestreen,
The night shall be its brither;
And hey, for a roaring pin
To nail twa wames thegither!

O gie my love brose, lasses;
O gie my love brose and butter;
For nane in Carrick wi' him
Can gie a cunt its supper.

Come Rede Me Dame

"Come rede me dame, come tell me dame,
My dame come tell me truly,
What length o' graith when weel ca'd hame
Will sair a woman duly?"
The carlin clew her wanton tail,
Her wanton tail sae ready,
"I learn'd a sang in Annandale,
Nine inch will please a lady."

"But for a koontrie cunt like mine,
In sooth we're not sae gentle;
We'll tak tway thumb-bread to the nine,
And that is a sonsy pintle.

Мётлы покупай! Мешкать тут не след;
Вереском мести – лучших мётел нет!

Кашка с маслом¹⁴²⁰

Засела Джин на чердаке,
Джок рад быть возле крошки,
Но ветерок пустил закат –
Захлопали окошки.

В любовной кашке, девки,
Без масла мало толку;
Джок в Каррике¹⁴²¹ всех лучше
Накормит на ночь щёлку.

Льнёт жаворонок к травке,
Стерня – для куропатки;
Сажалку огородник
Во все втыкает грядки!

Отец на холм послал
Рвать вереск для мамани;
Воткни-ка, не ленись,
Не избегай стараний.

Мышонок молодец,
А крот слепой чуток;
Я штучку тут одну
Зажала в кулачок.

Мы выпили вчера,
В ночи неразбериха,
А кольшек сколол
Два брюха очень лихо!

В любовной кашке, девки,
Без масла мало толку;
Джок в Каррике всех лучше
Накормит на ночь щёлку.

«Наставь-ка, мать...»¹⁴²²

«Наставь-ка, мать, наставь-ка, мать,
Наставь-ка, да по делу,
Какой длины сошник вогнать,
Чтоб пропахал умело?»
Заёрзал ведьмин пышный зад,
До похоти охочий:
«Да дюймов девять¹⁴²³, говорят,
Для леди, не короче.

А щёлкам сельским, как моя,
Простым, не благородным,
Добавила б два пальца¹⁴²⁴ я –
И будет шкворень годным.

Oh, Leeze me on, my Charlie lad,
I'll ne'er forget my Charlie,
Tway roaring handfuls and a daud
He nidge it in fu' rarely."

But wear fa' the laithron doup
And may it ne'er be thriving,
It's not the length that makes me loup
But it's the double drivin.
Come nidge me Tam, come nidge me Tam
Come nidge me, o'er the nyvel
Come lowse an lug your battering ram
And thrash him at my gyvel!

Comin' thro' the Rye

Alternate Version

O gin a body meet a body,
Comin' throu the rye:
Gin a body fuck a body,
Need a body cry.

Comin' thro' the rye, my jo,
An' coming' thro' the rye;
She fand a staun o' staunin' graith,
Comin' thro' the rye.

Gin a body meet a body,
Comin' thro' the glen;
Gin a body fuck a body,
Need the warld ken.

Gin a body meet a body,
Comin' thro the grain;
Gin a body fuck a body,
Cunt's a body's ain.

Gin a body meet a body,
By a body's sel,
What na body fucks a body,
Wad a body tell.

Mony a body meets a body,
They dare na weel avow;
Mony a body fucks a body,
Ye wadna think its true.

Delia

Fair the face of orient day,
Fair the tints of op'ning rose;
But fairer still my Delia dawns,
More lovely far her beauty blows.

Ох, Чарли, то-то молодец,
Век помню Чарли, детка!
Две горсти, и торчит конец –
Бывал он меньшим редко.

Я зад ленивый попрекну:
Его старанья даром,
И не длине я подмахну,
А сдвоенным ударам.
Прижми-ка, Тэм, прижми-ка, Тэм,
Прижми пупок, мальчонка,
Таран свой не жалея совсем,
Круши мою воронку!»

«Идя через рожь...» {2}¹⁴²⁵

Другой вариант

С кем-то кто-то повстречался,
Идя через рожь,
С кем-то кто-то миловался –
Только крик на что ж?

Идя через рожь, дружок,
Да идя через рожь,
Нашла стоячий стоячок,
Идя через рожь.

С кем-то кто-то повстречался,
Идя через дол,
С кем-то кто-то миловался –
Слух зачем пошёл?

С кем-то кто-то повстречался,
Идя чрез жнивье;
С кем-то кто-то миловался –
Щёлка-то её.

С кем-то кто-то повстречался,
Кто-то рад встречать;
Кто бы с кем ни миловался,
Нечего болтать.

Многим выпало встречаться
(Тайна бедолаг),
Многим – даже миловаться;
Думаешь, не так?

Делия¹⁴²⁶

Восток дню дарит милый лик,
И розы цвет других милей;
Но Делия, являясь мне,
Красой разит куда сильнее.

Sweet the Lark's wild-warbled lay,
Sweet the tinkling rill to hear;
But, Delia, more delightful still,
Steal thine accents on mine ear.

The flower-enamour'd busy Bee
The rosy banquet loves to sip;
Sweet the streamlet's limpid lapse
To the sun-brown'd Arab's lip;

But, Delia, on thy balmy lips
Let me, no vagrant insect, rove!
O let me steal one liquid kiss!
For Oh! my soul is parch'd with love!

Duncan Davidson

There was a lass, they ca'd her Meg,
An' she gaed o'er the muir to spin;
She fee'd a lad to lift her leg,
They ca'd him Duncan Davidson.

Meg had a muff and it was rough,
Twas black without and red within,
An' Duncan, case he got the cauld,
He stole his highland pintle in.

Meg had a muff, and it was rough,
And Duncan strak tway handfu' in;
She clasp'd her heels about his waist,
"I thank you Duncan! Yerk it in!!!"

Duncan made her hurdies dreep,
In Highland wrath, then Meg did say;
O gang he east, or gang he west,
His ba's will no be dry today.

Ellibanks

Ellibanks and Ellibraes,
My blessin's ay befa' them,
Tho' I wish I had brunt a' my claes,
The first time e'er I saw them:
Your succar kisses were sae sweet,
Deil damn me gin I ken, man,
How ye gart me lay my legs aside,
And lift my sark myself, man.

There's no a lass in a' the land,
Can fuck sae weel as I can;
Louse down your breeks, lug out your wand,
Hae ye nae mind to try, man:
For ye're the lad that wears the breeks,
And I'm the lass that loes ye;
Deil rive my cunt to candle-wicks,
Gif ever I refuse ye!!!

Пленяет жаворонка трель,
Пленяет ухо звон ручья,
Но, Делия, прелестней всё ж
Подслушанная песнь твоя.

В восторге от цветка пчела,
Лакая розовый нектар;
Рад чистому ключу араб,
Впитавший полудённый жар;

Но, Делия, пить негу уст
Дай мне, пчелу-бродяжку прочь!
Дай чистый поцелуй украсть!
Душе любви не превозмочь!

Данкен Дэвидсон¹⁴²⁷

Девушка по прозванию Мэг
Пустилась раз за пустошь прясть;
А парень, Данкен Дэвидсон,
Тут хватать за ляжку, вот напасть.

Мэг муфточка, дика, черна,
Внутри тайла алый пыл,
И Данкен, не озябнуть чтоб,
Свой горский шкворень в щель забил.

Мэг в муфточку (дика, черна)
На две ладони Данкен вбил;
Ногами парня обхватив, Мэг:
«Данкен, ну же! Услужил!»

Вогнал девичью жопу в пот
Гнев горца, Мэг твердить не лень;
И Данкен, прав или неправ,
Не просушил яиц в тот день.

Эллибэнкс

Эллибэнкс и Эллибрэс¹⁴²⁸,
Вы славные такие!
Сожгла б всё платье без словес,
Увидев их впервые;
Так сладко целовался ты,
Чертовски сладко, милый,
Раздвинуть ноги мне велел,
Задрал рубашку, милый.

Во всей стране девицы нет
С такой ебучей силой;
Снимай штаны, достань предмет,
Давай, попробуй, милый;
Ведь на тебе, дружок, штаны,
Я девка, и люблю я;
Драть черти на фитиль должны
Пизду, коль откажу я!!!

I'll clasp my arms about your neck,
As souple as an eel, jo;
I'll cleek my houghs about your arse,
As I were gaun to speel, jo;
I'll cleek my houghs about your arse,
As I were gaun to speel, jo;
And if Jock thief he should slip out,
I'll ding him wi' my heel, jo.

Green be the broom on Ellibraes,
And yellow be the gowan!
My wame it fistles ay like flaes,
As I come o'er the knowe, man:
There I lay glowran to the moon,
Your mettle wadna dauntan,
For hard your hurdies hotch'd aboon,
While I below lay panting.

Epistle from a Taylor to Robert Burns

What waefu' news is this I hear,
Frae greeting I can scare forbear,
Folk tells me, ye're gawn aff this year,
Out o'er the sea,
And lasses wham ye lo'e sae dear
Will greet for thee.

Well wad I like war ye to stay,
Bur Robin since ye will away,
I ha'e a word yet mair to say,
And maybe twa;
May he protect us night an' day,
That made us a'.

Whaur thou art gaun, keep mind frae me,
Seek him to bear thee companie,
And, Robin, whan ye come tae die,
Ye'll won aboon,
An' live at peace an' unity,
Ayont the moon.

Some tell me, Rab, ye dinna fear
To get a wean, an' curse an' swear;
I'm unco wae, my lad, to hear
O' sic a trade.
Cou'd I persuade ye to forbear,
I wad be glad.

Fu' weel ye ken ye'll gang to hell,
Gin ye persist in doin' ill
Waes me! Ye're hurlin' down the hill,
Withouten dread,
An' ye'll get leave to swear your fill
After ye're dead.

Тебя за шею обниму –
 Как утри руки, милый;
Я жопу ляжками сожму –
 На дуб так лезут, милый;
Я жопу ляжками сожму,
 На дуб так лезут, милый;
Промажет Джок-подлец – ему
 Ума дам пяткой, милый.

Ракитник зелен в Эллибрэс,
 Ромашки жёлто-белы!
Воронку мне щекочет бес,
 Лишь горку одолела;
Лежу, уставясь на луну,
 Напор тебе по силам,
Усердью зада подмахну,
 Пока пыхчу под милым.

Послание портного Роберту Бёрнсу¹⁴²⁹

Вот новость – то-то незадача!
Узнав её, едва не плачу:
Ты хочешь вскоре, не иначе,
 За море плыть,
И все любимые, не пряча
 Слёз, ну грустить.

Тебя бы удержать охоч,
Но коль ты, Робин, едешь прочь,
Сдержать словечко мне невмочь
 Иль два сейчас;
Пусть нас хранит и день, и ночь
 Создавший нас.

Где б ни был ты, скажу я так:
Пребуди с тобой Даритель благ,
А смерть придёт, ты Робин, ляг,
 В рай взять должны,
Чтоб там не знал ты передряг,
 Не зря луны.

Слыхал я, страху ты неймёшь:
Папашей стал, хулу несёшь;
Мне горько, Роб, узнать, что сплошь
 В том суть твоя.
Остереженьям внимешь, всё ж, –
 Рад буду я.

Твой путь ведёт, сам знаешь, в ад,
Коль ты паскудствами объят;
Увы мне! Вниз несёт раскат,
 Кураж – беда,
Смекнёшь, что нет пути назад,
 Помрёшь когда.

There, walth o' women ye'll get near,
But getting' weans ye will forbear,
Ye'll never say, my bonnie dear
 Come, gie's a kiss
Nae kissing there – ye'll girn an' sneer,
 An' ither hiss.

O Rab! lay by thy foolish tricks,
An' steer nae mair the female sex,
Or some day ye'll come through the pricks,
 An' that ye'll see;
Ye'll fin' hard living wi' Auld Nicks;
 I'll wae for thee.

But what's this comes wi' sic a knell,
Amaist as loud as ony bell,
While it does mak' my conscious tell
 Me what is true,
I'm but a ragget cowt mysel',
 Owre sib to you!

We're owre like those wha think it fit,
To stuff their noddles fu' o' wit,
An' yet content in darkness sit,
 Wha shun the light,
To let them see down to the pit,
 That lang dark night.

But fareweel, Rab, I maun awa',
May he that made us keep us a',
For that would be a dreadfu' fa',
 And hurt us sair,
Lad, ye wad never mend awa,
 Sae, Rab, tak' care.

Godly Girzie

The nicht it was a haly nicht,
 The day haed been a haly day;
Kilmarnock gleamed wi candle licht,
 As Girzie hameward teuk her wey.
A man o sin, ill mey he thrive!
 An never haly-meetin see!
Wi godly Girzie met belyve,
 Amang the Craigie hills sae hie.

The chiel was wicht, the chiel was stark,
 He wad na wait to chap nor ca',
An she was faint wi haly wark,
 She haed na pith to say him na.
But ay she glowred up to the muin,
 An ay she sixed maist piouslie;
"I trust my hert's in heeven abuin,
 "Whare'er your sinfu pentle be."

Там, среди женщин обитая,
 Поймёшь: бесплодна вся их стая;
 Не скажешь ты: «Моя родная,
 Целуй, погиб!»;
 Лобзаний нет, нуда сплошная
 И прочий шип.

О Роб! Умерь дурную прыть,
 Довольно женский пол любить,
 Не то в беде однажды быть,
 Увидишь сам;
 Со старым Ником¹⁴³⁰ худо жить,
 Поверь друзьям.

Но что за погребальный звон?
 Едва не оглушает он,
 И, сам сознаться принуждён,
 Не зря звонят:
 Жеребчик, лезу на рожон...
 Я – твой брат!

Мы много беззаботней тех,
 В чьих репках до краёв утех;
 Но вот их тьма объяла всех,
 К ним свет нейдёт,
 Не кажет ямы, как на грех,
 Ночь напролёт.

Пора мне, Роб, прощусь сейчас;
 Да сохранит Создавший нас,
 Не то нам станет в тяжкий час
 Ужасно больно;
 Ты, парень, вечный лоботряс,
 Проказ довольно.

Святоша Гирзи¹⁴³¹

Та ночь была святой – не лезь,
 И день пред этим был святой;
 Мерцал Килмарнок¹⁴³², в свечках весь,
 Святаша Гирзи шла домой.
 Антихриста не провести!
 И праведники не нашлись
 В тот раз у Гирзи на пути
 Средь Крейги-хиллз¹⁴³³, ползущих ввысь.

Был крепок, статен паренёк,
 Такому мешкать ни к чему;
 Слаб в деде святости зарок,
 Чтоб твёрдо отказать ему.
 Взор Гирзи обращён к луне,
 Во вздохах – набожности пыл:
 «Вверяюсь Небесам вполне,
 Где б штырь твой грешный ни ходил».

Green Grow the Rashes

Alternate Version

Green grow the rashes, O,
Green grow the rashes, O,
The lassies they hae wimble-bores,
The widows they hae gashes, O.

O wat ye ought o fisher Meg,
And how she trow'd the Webster, O,
She loot me see her carrot cunt,
And fell'd it for a lobster, O.

Mistress Mary cow'd her thing,
Because she wad be gentle, O,
And span the fleece upon a rock,
To waft a Highland mantle, O.

An' heard ye o' the coat o' arms,
The Lyon brought our lady, O,
The crest was, couchant, sable cunt,
The motto, 'ready, ready' O.

Green grow the rashes, O,
Green grow the rashes, O,
The lassies they hae wimble-bores,
The widows they hae gashes, O.

Grim Grizzel

Grim Grizzel was a mighty Dame
Weel kend on Cluden-side:
Grim Grizzel was a mighty Dame
O' meikle fame and pride.

When gentles met in gentle bowers
And nobles in the ha',
Grim Grizzel was a mighty Dame,
The loudest o' them a'.

Where lawless Riot rag'd the night
And Beauty durst na gang,
Grim Grizzel was a mighty Dame
Wham nae man e'er wad wrang.

Nor had Grim Grizzel skill alane
What bower and ha' require;
But she had skill, and meikle skill,
In barn and eke in byre.

Ae day Grim Grizzel walked forth,
As she was wont to do,
Alang the banks o' Cluden fair,
Her cattle for to view.

«Камыш зелёный...» {2}

Другой вариант

Камыш зелёный, о,
Камыш зелёный, о,
Без дырки не сыскать девиц,
Весьма дуплисты жёны, о.

Хотя бы взять рыбачку Мэг:
Она ткачёва шмара, о;
Явила в рыжей травке щель
В надежде сбыть омара, о.

У Мэри не задрать подол,
К ней приставать не стоит, о;
Она на прялке спряла шерсть –
Знать, горца плащ укроет, о.

Слыхали: на одном гербе
Лев даму нёс, поживу, о;
Лохматка тёмная – плюмаж,
Девиз там – «Живо, живо!», о.

Камыш зелёный, о,
Камыш зелёный, о,
Без дырки не сыскать девиц,
Весьма дуплисты жёны, о.

Грим Гризел¹⁴³⁴

Грим Гризел – из знатнейших дам,
Что Кладенсайд¹⁴³⁵ знал весь;
Грим Гризел – из знатнейших дам,
Молва рождала спесь.

Где б ни был знати полон дом,
И полон зал гостей,
Грим Гризел – из знатнейших дам –
Была их всех шумней.

Когда ярился бунт в ночи,
Неся красе тьму бед,
Грим Гризел – из знатнейших дам –
Никто не тронул, нет.

Грим Гризел навыков не дал
Ни зал, ни будуар,
Их дали, выше всех похвал,
Как хлев, так и амбар.

Пошла Грим Гризел как-то раз,
Как делала всегда,
На Кладен, где вдоль бережка
Паслись её стада.

The cattle shit o'er hill and dale
As cattle will incline,
And sair it grieved Grim Grizzel's heart
Sae muckle muck to tine.

And she has ca'd on John o' Clods,
Of her herdsmen the chief,
And she has ca'd on John o' Clods,
And tell'd him a' her grief:

'Now wae betide thee, John o' Clods!
I gie thee meal and fee,
And yet sae meikle muck ye tine
Might a' be gear to me!

'Ye claut my byre, ye sweep my byre,
The like was never seen;
The very chamber I lie in
Was never half sae clean.

'Ye ca' my kye adown the loan
And there they a' discharge:
My Tammy's hat, wig, head and a'
Was never half sae large!

'But mind my words now, John o' Clods,
And tent me what I say:
My kye shall shit ere they gae out,
That shall they ilka day.

'And mind my words now, John o' Clods,
And tent now wha ye serve;
Or back ye 'se to the Colonel gang,
Either to steal or starve'.

Then John o' Clods he looked up
And syne he looked down;
He looked east, he looked west,
He looked roun' and roun'.

His bonnet and his rowantree club
Frae either hand did fa';
Wi' lifted een and open mouth
He naething said at a'.

At length he found his trembling tongue,
Within his mouth was fauld:
'Ae silly word frae me, madam,
Gin I daur be sae bauld.

'Your kye will at nae bidding shit,
Let me do what I can;
Your kye will at nae bidding shit
Of onie earthly man.

'Tho' ye are great Lady Glaur-hole,
For a' your power and art

Засрало стадо холм и дол,
Как сроду делал скот,
Грим Гризел страшно огорчив:
Навоз зазря течёт.

Был тотчас кликнут Джон О'Клодз,
Пастух, других главней;
Был тотчас кликнут Джон О'Клодз –
Узнать, что случилось с ней:

«Побрали б черти, Джон О'Клодз!
Кормлю, плачу на кой,
Когда навоз зазря течёт,
Карман минуя мой!

Скребёшь мой хлев, метёшь мой хлев
Усердней прочих ты,
И даже в комнате моей
Нет сходной чистоты.

Но гонишь по тропе коров –
Не счесть лепёх на ней:
И шляпа – с париком, с башкой –
У Тэмми не крупней!

Так вот запомни, Джон О'Клодз,
И слушайся меня:
Мой скот до выпаса пусть срёт,
И так день изо дня.

Так вот запомни, Джон О'Клодз,
И волю исполняй,
Не то к полковнику верну:
Воруй иль голодай».

Тут Джон О'Клодз взглянул на свод,
Потом взглянул на луг;
Взглянул на запад, на восток,
Взглянул на всё вокруг.

Он разом выронил из рук
И палку, и берет,
Подъял глаза, разинул рот –
И ни словца в ответ.

Но вот, дрожащим голоском
Из губ, что не разжать:
«Словечко глупое, мадам,
Осмелюсь я сказать.

Коровок не заставить срать,
Пасу их, как могу;
Коровок не заставить срать
Ни другу, ни врагу.

Вам, леди Грязная Дыра,
Всею властью всех наук,

Tho' ye are great Lady Glaur-hole,
They winna let a fart'.

'Now wae betide thee, John o' Clods!
An ill death may ye die!
My kye shall at my bidding shit
And that ye soon shall see'.

Then she's ta'en Hawkie by the tail,
And wrung wi' might and main,
Till Hawkie rowted through the woods
Wi' agonising pain.

'Shit, shit, ye bitch,' Grim Grizzel roar'd,
Till hill and valley rang;
'And shit, ye bitch,' the echoes roar'd
Lincluden wa's amang.

He Till't and She Till't

He till't, and she till't,
An' a' to mak a lad again;
The auld beld carl,
Whan he wan on did nod again;
An' he dang, an' she flang,
An' a' to mak a laddie o't;
But he bor'd and she roar'd,
An couldna mak a lassie o't.

How Can I Keep my Maidenhead

How can I keep my maidenhead,
My maidenhead, my maidenhead;
How can I keep my maidenhead,
Among sae mony men, O.

The Captain bad a guinea for't,
A guinea for't, a guinea for't;
The Captain bad a guinea for't,
The Colonel he bad ten, O.

But I'll do as my minnie did,
My minnie did, my minnie did;
But I'll do as my minnie did,
For siller I'll hae nane, O.

I'll gie it to a bonie lad,
A bonie lad, a bonie lad;
I'll gie it to a bonie lad,
For just as gude again, O.

An auld moulie maidenhead,
A maidenhead, a maidenhead;
An auld moulie maidenhead,
The weary wark I ken, O.

Вам, леди Грязная Дыра,
Не выдавить и пук».

«Побрали б черти, Джон О'Клодз!
А я ещё наддам!
Коров своих заставляю срать,
Сейчас увидишь сам».

Шасть к белолобой, и за хвост
Рванула во всю мочь;
Та ломанулась через лес
От дикой боли прочь.

«Срать, сука, срать!» – Грим Гризел в ор,
Звенят и холм, и глен;
«Срать, сука!» – эхом вторит хор
Линккладеновых стен¹⁴³⁶.

«Решили вдвоём...»

Решили вдвоём,
Чтоб пацана слепить опять;
Хрыч, стар и плешив,
Тут взявши верх, кивнул опять;
Он – нуда, она – «да»,
И всё, чтоб вышел парень так;
Он проник, она в крик,
Не слепишь и девчонку так.

«Как мне сберечь девичью честь...»

Как мне сберечь девичью честь,
Девичью честь, девичью честь;
Как мне сберечь девичью честь,
Средь множества мужчин, о?

Мне капитан гинею даст,
Гинею даст, гинею даст;
Мне капитан гинею даст,
Полковник – десять (чин!), о.

Но я во всём мамаше вслед,
Мамаше вслед, мамаше вслед;
Но я во всём мамаше вслед:
Спрячь деньги, господин, о!

Но радость даст красавчик мне,
Красавчик мне, красавчик мне;
Но радость даст красавчик мне
Разок, и не один, о.

Не рухлядь ли девичья честь,
Девичья честь, девичья честь;
Не рухлядь ли девичья честь,
И стоит ли кручин, о?

The stretchin' o't, the strivin' o't,
The borin' o't, the rivin' o't,
And ay the double drivin' o't,
The farther ye gang ben, O.

Hughie Graham

Our lords are to the mountains gane,
A hunting o' the fallow deer;
And they hae gripet Hughie Graham
For stealin' o' the bishop's mare.

And they hae tied him hand and foot,
And led him up thro' Stirling town;
The lads and lasses met him there,
Cried, Hughie Graham thou art a loun.

O lowse my right hand free, he says,
And put my braid sword in the same;
He's no in Stirling town this day,
Daur tell the tale to Hughie Graham.

Up then bespake the brave Whitefoord,
As he sat by the bishop's knee;
Five hundred white stots I'll gie you,
If ye'll let Hughie Graham gae free.

O haud your tongue, the bishop says,
And wi' your pleading let me be;
For tho' ten Grahams were in his coat,
Hughie Graham this day shall die.

Up then bespake the fair Whitefoord,
As she sat by the bishop's knee;
Five hundred white pence I'll gie you,
If ye'll gie Hughie Graham to me.

O haud your tongue now lady fair,
An wi' your pleading let me be;
Altho' ten Grahams were in his coat,
Its for my honor he maun die.

They've taen him to the gallows knowe,
He looked to the gallows tree,
Yet never color left his cheek,
Nor ever did he blin' his e'e.

At length he looked round about,
To see whatever he could spy;
And there he saw his auld father,
And he was weeping bitterly.

O haud your tongue, my father dear,
And wi' your weeping let it be;

Усилье есть, стремление есть:
Вовнутрь залезть, преграду сместь
Ударом сдвоенным¹⁴³⁷, как есть,
Добравшись до глубин, о!

Хьюи Грэм¹⁴³⁸

Милорды скачут по горам
Оленю резвому вдогон;
Им Хьюи Грэм попался: спёр
Епископа кобылу он.

Связавши крепко, провезли
Сквозь Стёрлинг¹⁴³⁹ весь, из края в край;
Парней и девок толпы – в крик:
Мол, «Хьюи Грэм, ты негодяй».

«Десницу кто освободи, –
Он рек, – да меч вложи затем,
И кто бы в Стёрлинге посмел
Болтать, что сделал Хьюи Грэм?»

Уайтфурд¹⁴⁴⁰ отважный говорит
Епископу, держа кураж:
«Даю полтысячи волов,
Коль Хьюи Грэму волю дашь».

Епископ: «Придержи язык,
Ходатайство твоё не в счёт;
Будь десять Грэмов предо мной,
Сегодня Хьюи Грэм умрёт».

Уайтфурда леди говорит
Епископу, держа кураж:
«Даю полтысячи монет,
Коль Хьюи Грэма мне отдашь».

«О леди, придержи язык,
Ходатайство твоё не в счёт;
Встань десять Грэмов предо мной,
Всё ж этот вот, клянусь, умрёт».

Под виселицей, на холме,
На виселицу Грэм взглянул;
Не потеряв румянца щёк,
Стоял, и глазом не моргнул.

Окинув взором всех вокруг,
Кого-то он среди них искал;
Увидел старого отца,
И тот безудержно рыдал.

«О, придержи язык, отец,
В себе соль влаги сохраняя;

Thy weeping's sairer on my heart,
Than a' that they can do to me.

And ye may gie my brother John
My sword that's bent in the middle clear,
And let him come at twelve o'clock
And see me pay the bishop's mare.

And ye may gie my brother James
My sword that's bent in the middle brown;
And bid him come at four o'clock,
And see his brother Hugh cut down.

Remember me to Maggy my wife,
The neist time ye gang o'er the moor;
Tell her, she staw the bishop's mare,
Tell here, she was the bishop's whore.

And ye may tell my kith and kin,
I never did disgrace their blood;
And when they meet the bishop's cloak,
To mak it shorter by the hood.

Johnie Scott

Whare will we get a coat to Johnie Scott
Amang us maidens a'?
Whare will we get a coat to Johnie Scott
To mak' the laddie braw?

There's your cunt hair
And there's my cunt hair
An' we'll twine it wondrous sma';
An' if waft be scarce, we'll cow our arse,
To mak' him kilt 'an a'.

Lassie Lie Near Me

Lang hae we parted been,
Lassie my dearie;
Now we are met again,
Lassie lie near me.

Near me, near me,
Lassie lie near me;
Lang hast thou lien thy lane,
Lassie lie near me.

Libel Summons

In truth and honour's name. – Amen.
Know all men by these presents plain,
The fourth of June, at Mauchline given,

Мне эти слёзы душу рвут
Сильней всего, что ждёт меня.

Вели, пусть носит братец Джон
Мой меч, что сроду чистым был;
В двенадцать пусть придёт взглянуть,
Как за кобылу уплатил.

Вели, пусть носит братец Джеймс
Мой меч с потёком на краю;
В четыре пусть придёт взглянуть,
Как скошен смертью братец Хью.

Попомни Мэгги муженька,
Пойдёшь чрез пустоши когда;
Скажи, кобылка-то на ней,
Епископской подстилке, да.

Рodne скажи, что весь их род
Не опозорил я никак;
Епископа завидят плащ,
Пусть укоротят на колпак».

Джони Скотт¹⁴⁴¹

Как сделать, чтоб был Джони Скотт
Подружками одет?
Как сделать, чтоб был Джони Скотт
Парнишкой, краше нет?

Дам шерсть с манды,
Дашь шерсть с манды –
Сплетём, нарядней нет;
Не хватит, жопы острижём:
Дружок, глядишь, одет.

«Ляг, крошка, ближе...»¹⁴⁴²

Обласкан вновь судьбой:
Родную вижу;
Раз встретились с тобой,
Ляг, крошка, ближе.

Ближе ляг, ближе,
Ляг, крошка ближе,
Тоскливо быть одной,
Ляг, крошка, ближе.

Пасквиль на суд¹⁴⁴³

«Во имя истины и чести»
Четвёртого июня вместе
Свёл мохлинцев какой-то год –

The year 'tween eighty five and seven;
We Fornicators by profession,
As by extraction from each session,
In way and manner here narrated,
Pro bono amor congregated,
Are by our brethren constituted,
A court of equity deputed:
With special authoriz'd direction,
To take beneath our strict inspection,
The stays unlacing quondam maiden,
With growing life, and anguish laden,
Who by the rascal is denied,
That led her thoughtless steps aside;
The wretch who can refuse assistance,
To them whom he has given existence,
He who when at a lass's by-job,
Defrauds her wi' a frig or dry-bob,
The coof who stands on clish ma claver,
When lasses haflins offer favour;
All who in ony way and manner,
Disdain the Fornicators honour,
We take cognizance there anent,
The proper judges competent.

First, poet BURNS he takes the chair,
Allow'd by all his title's fair,
And pass'd nem con without dissention,
He has a duplicate pretension.
Next merchant Smith, our worthy fiscal,
To cow each pertinacious rascal,
In this as every other state,
His merit is conspicuous great.
Richmond, the third, our worthy clerk,
Our minutes regular to mark,
A fit dispenser of the law,
In absence of the ither twa.
And fourth, our messenger at arms,
When failing a' the milder terms; –
Hunter, a willing hearty brither,
Weel skill'd in dead and living leather.
Without preamble, less or mair said,
We body politic aforesaid,
Wi' legal due whereas, and wherefore,
Are thus appointed here to care for,
At the instance of our constituents,
To punish contraversing truants;
Keeping a proper regulation,
Within the lists of Fornication.

Then, first, our fiscal by petition
Informs us, there is strong suspicion
That Coachman Dow, and Clocky Brown,
Baith residenters in this town;

Седьмой ли, пятый¹⁴⁴⁴, кто поймёт?
 Мы, любодее записные,
 В своих собраниях не впервые
 На лад, какой опишем дале,
 Pro bono amor¹⁴⁴⁵ заседали,
 Поскольку выбрали нас братья
 В суд, справедливый без изъятия;
 Суда известно направление:
 С пристрастием брать под попечение
 Дев (quondam¹⁴⁴⁶), коль корсеты тесны
 (Плод давит, муки их известны),
 Которых отвергает плут,
 Изрядно напаскудив тут
 (Дать помощь не стремится, скот,
 Малюткам, коим жизнь даёт);
 Того, кто, брошен чьей-то дочкой,
 Втихую занят суходрочкой;
 Того, чьи враки бестолковы,
 Коль девки дать почти готовы;
 Всех, кто презрением любодее
 Обдаст, приличья не имея, –
 Субъектов для дознания тут,
 Где собран компетентный суд.

Вот БЁРНС, поэт, наш председатель:
 Он избран как стихов создатель
 Nem con¹⁴⁴⁷, сиречь единогласно;
 Важней всех вдвое, это ясно.
 Вот Смит¹⁴⁴⁸, торгаш: всего минута,
 И деньги вытрясет из плута,
 И в этом, как во всём вокруг,
 Заметней нет его заслуг.
 Вот Ричмонд¹⁴⁴⁹, секретарь наш тут
 (Минуты даром не бегут);
 Он в отправленье права лих,
 Коль нет на месте двух других.
 Четвёртый – пристав: нужен он,
 Коль вышел мягкости резон;
 Нырнул брат Хантер¹⁴⁵⁰ с головой
 В мир шкуры мёртвой и живой.
 Дабы преамбуле не длиться,
 Мы, упомянутые лица,
 Как принято, тогда и там,
 Как надлежит судейским, нам,
 Доверием располагая,
 Лень пустословия карая,
 По праву должного судейства
 Пополним списки любодейства.

Встал исполнитель с заявлением,
 Что под серьёзным подозрением
 Браун, часовщик, и Доу, возница¹⁴⁵¹,
 Давно знакомые всем лица;

In other words, you Jock and Sandy,
Hae been at warks of Houghmagandy,
And now when facts are come to light,
The matter ye deny outright.

First, Clocky Brown, there's witness borne,
And affidavit made and sworn,
Ae evening of the Mauchline fair,
That Jeanie's masts there were seen bare,
For ye had furl'd up her sails,
And was at play at heads and tails;
That ye hae made a hurly burly,
About Jean Mitchell's tirlly whorly;
That ye here pendulum tried to alter,
And grizzled at her regulator;
And further still, ye cruel vandal,
A tale might even in hell be scandal;
That ye hae made repeated trials,
Wi' dregs and drugs, in doctor's vials,
Just as ye thought, wi' full infusion,
Your ain begotten wean to poison;
An' yet ye are sae scant o' grace,
As dared to lift your brazen face,
And offered to gie your aith,
Ye never lifted Jeanie's claith.

Next, Sandy Dow, ye are indicted,
To hae as publicly been wyted,
For clandestinely upward whorlan,
The petticoats o' Maggy Borland,
An' gae her cannister a rattle,
That months to come it winna settle,
And yet ye rascal ye protest,
Ye never herried Maggy's nest,
Tho' it's weel ken'd, that at her gavel,
Ye hae gi'en mony a ketch an' kavel.

Then, Brown an' Dow, above design'd,
For clags an' claims therein subjoin'd,
The court aforesaid, cite and summon,
That on the fourth of July cumin',
The hour of cause, at our court ha'
At Whiteford's arms, ye'll answer a';
Exculpate proof ye needna bring,
For we've due notice o' the thing,
But as reluctantly we punish,
And rather mildly would admonish,
We for that ancient secret sake,
You have the honour to partake,
An' for that noble badge you wear, –
You, Sandy Dow, our brother dear,
We give you as a man an' mason,
This serious, sober, friendly lesson,
Your crime a manly deed we verit,

Ну, Джок и Сэнди, краток буду:
Вас, парни, потянуло к блюду;
Раз факты вылезли на свет,
То отпираться смысла нет.

Во-первых, Браун. Видали люди,
И аффидёвит¹⁴⁵² есть о блюде
С красоткой Джини (ну, ловкач ты!):
Девушка оголила мачты,
Убрал ты парусов излишки,
Чтоб перекинуться в картишки;
Устроил ты прыжки и гонки
У Джини Митчелл¹⁴⁵³ вокруг пиздёнки;
Сменить ей маятник пытался,
На ход неточный разворчался;
Такие выходки вандала
В аду сошли б не без скандала;
Не уставал ты, строя куры,
Давать пилюли да микстуры,
Надеясь, что при полной дозе
Почить младенчик сможет в бозе;
Так тупоумен ты, похоже,
Что спесь не сбросишь с наглой рожи,
Клянёшься, что тебе скотине,
Век не задрать подол у Джини.

О Сэнди Доу теперь. Отлично.
Ты порицаешься публично
За то, что в пакостном набеге
Залез под юбки к Борленд Мэгги¹⁴⁵⁴,
И натерпелась так девушка,
Что целый месяц не садится;
При этом ты твердишь, нахал,
Что ей гнезда не разорял,
Хоть знают все, что ей покою
Ты не давал своей киркою.

Вас, Браун и Доу, о коих речь,
Есть основания привлечь
К ответу; на высокий суд
Четвёртого июля ждут
В час рассмотренья, в нашем зале
(В «Доспехах Уайтфурда», чтоб знали);
Вам оправданья не нужны,
Есть доказательства вины,
Но без желанья мы караем,
Охотнее остерегаем;
Цня традиции всевластье,
Вам честь даём принять участие;
Раз ты с эмблемой непостылой,
О Сэнди Доу, брат наш милый,
Урок мужчине и масону¹⁴⁵⁵,
Сколь ни суров, но чтит персону;
В твоём грехе зрим силу ныне,

As man alone can only do it;
But in denial persevering,
Is to a scoundrel's name adhering;
Far best confess, and join our core,
As be reproach'd for ever more;
The best o' men hae been surpris'd,
The dousest women been advis'd,
The cleverest lads hae had a trick o't,
The bonniest lasses ta'en a lick o't;
Kings hae been proud our name to own,
The brightest jewel in their crown;
The rhyming sons o' bleak Parnassus,
Were ay red wood about the lasses,
And saul and body, all would venture,
Rejoicing in our list to enter;
E'en (wha wad trow't,) the cleric order,
Aft slyly break the hallow'd border,
An' show in proper time an' place,
They are as ascant o' boasted grace,
As ony o' the human race.
Then, brother Dow, be not asham'd,
In sic a quorum to be nam'd,
But lift a dauntless brow upon it,
An' say I am the man has done it, –
I, Sandy Dow, got Meg wi' bairn,
An' fit to do as much again.

For you, John Brown, we gie ye notice,
So deep, so great, so black, your faut is,
Without ye by a quick repentance,
Acknowledge your's and Jean's acquaintance,
Remember this shall be your sentence: –

Our Beagles to the cross shall tak' ye,
And there shall mither naked mak' ye;
A rape they round the rump shall tak',
An' tye your hands behind your back,
Wi' joost an ell o' string allow'd,
To jink and hid ye frae the crowd;
Then shall ye stand a lawfu' seizure,
Induring Jeanine Mitchell's pleasure,
So be her pleasure don't surpass,
Five turnings o' a hauf hour glass;
Nor shall it in her pleasure be,
To turn you loose in less then three.
This our futurum esse decreet,
We mean not to be kept a secret,
But in our summons here insert it,
And whoso dare let him subvert it;
This mark'd above, the date and place is,
Sigillum est, per Burns the preses;
This summons wi' the signet mark,
Extractum est, per Richmond clerk;

Ведь он под силу лишь мужчине,
 Но, всё упорно отрицая,
 Ты принял облик негодая;
 Признаньем в души нам войди,
 Упрёков вечных не плоди:
 И лучшие дивились сами,
 Что дамы вытворяли с нами;
 Хитрюги век девиц дурачат,
 Красотки от такого плачут;
 И королям льстит братство наше,
 В короне камня нету краше;
 Сыны Парнаса, рифмоплёты,
 До сдобных девок падки – что ты:
 Рискуя и душой, и телом,
 Ликуя, в список лезут с мелом;
 И лица клира (как ни странно)
 Крушат в угаре святость сана,
 Явив хоть где в урочный час,
 Сколь хвастовства их клан припас,
 Подобно каждому из нас.
 Стыдиться ты, брат Доу, не вправе,
 Найдя себя в таком составе,
 Так вздешь башку, да зыркни смело,
 Скажи: «Я сделал это дело:
 Я Мэг возьми да обрюхать,
 И гожд на подвиги опять».

Твоя ж вина, Джон Браун, не скрою,
 Нас ужасает глубиною;
 Признай проворно, без истомы,
 Что с Джин давненько вы знакомы;
 Не расхлебашь этой каши –

Тебя ищейки схватят наши,
 К столбу, раздев, погонят вза́шей;
 Зад пётлей обовьют двойной,
 А руки стянут за спиной,
 Верёвка в эль¹⁴⁵⁶ – за нею, лют,
 Честить тебя возмётся люд;
 Сказать привязанному надо,
 Что Джини Митчелл будет рада,
 А чтобы всё ж не через край –
 Пять раз по полчаса, считай,
 И если даже вырвешь вздох,
 То уж никак не меньше трёх.
 Futurum esse¹⁴⁵⁷ по декрету,
 В котором напрочь тайны нету,
 Но занесут пусть в протоколы,
 Дабы оспорить без крамолы;
 Когла и где, ищи под ними,
 Sigillum est¹⁴⁵⁸, и Бёрнса имя;
 Печатку приложил, как встарь,
 К Extractum¹⁴⁵⁹ Ричмонд, секретарь;

At Mauchline idem, date of June,
'Tween four an' five i' the afternoon,
You twa in propria personae,
Before design'd, Sandy and Johnny,
This summons legally you've got,
As vide witness under wrote,
Within the house of John Dow, vintner,
Nunc facia hog Gulielmus Hunter.

Logan Water

The Logan burn, the Logan braes,
I helped a bonie lassie on wi' her claes;
First wi' her stockings an' syne wi' her shoon,
But she gied me the glaiks when a' was done.

But an I had kend, what I ken now,
I was a bang'd her belly fu';
Her belly fu' and her apron up,
An' shew'd her the road to the Logan kirk.

Lord Ronald My Son

O where hae ye been, Lord Ronald, my son?
O where hae ye been, Lord Ronald, my son?
I hae been wi' my sweetheart, mother, make my bed soon;
For I'm weary wi' the hunting, and fain wad lie down.

What got ye frae your sweetheart, Lord Ronald, my son?
What got ye frae your sweetheart, Lord Ronald, my son?
I hae got deadly poison, mother, make my bed soon;
For life is a burden that soon I'll lay down.

Madgie Cam to My Bed-stock

Madgie cam to my bed-stock,
To see if I was waukin;
I pat my han' atweesh her feet,
An' fand her wee bit maukin.

Cunt it was the sowen-pat,
An' pintle was the ladle;
Bollocks were the serving men
That waited at the table.

Merry Hae I Been Teethin a Heckle

O Merry hae I been teethin' a heckle,
An' merry hae I been shapin' a spoon;
O merry hae I been cloutin' a kettle,
An' kissin' my Katie when a' was done.

Град Мохлин idem¹⁴⁶⁰, дата, час,
В какой решение припас,
Отдав in propria personae¹⁴⁶¹
В него внесённым Сэнди, Джонни,
Путём законным и прямым,
И с vide¹⁴⁶² (подписи под ним).
Дом Джона Доу, коммерсанта,
Nunc facia hog Gulielmus Hunter¹⁴⁶³.

Логан-уотер¹⁴⁶⁴

О Логан – воды, бережок!
Одеться лапушке помог:
Чулочки, башмачки потом –
Потом был назван дурачком.

Толков тогда был, как сейчас:
Животик ей толчками тряс;
Здравши фартук, говорю,
Путь указал ей к алтарю.

«Лорд Роналд, сынок...»¹⁴⁶⁵

«Да где же ты был, лорд Роналд, сынок?
Да где же ты был, лорд Роналд, сынок?»
«У милой был, мать, постели мне скорей;
Устал на охоте, прилечь мне милей».

«Дала что родная, лорд Роналд, сынок?
Дала что родная, лорд Роналд, сынок?»
«Дала яду, мать, постели мне скорей;
Жизнь – бремя, расстанусь я вскорости с ней».

«Мэджи к ложу подошла...»

Мэджи к ложу подошла:
Вдруг не спит парнишка?
Сунул руку ей меж ног –
Вот ты где, зайчишка!

Щёлка – с кашкою горшок,
Мой шалун – что ложка;
Яйца, слуги за столом,
Подождут немножко.

«Был рад, прорезая зубцы гребешка...»

Был рад, прорезая зубцы гребешка,
Рад, ложку долбя долотом;
Был рад, пролудивши бока котелка,
Рад, Кэти целуя потом.

O a' the lang day I ca' at my hammer,
An' a' the lang day I whistle and sing;
O a' the lang night I cuddle my kimmer,
An' a' the lang night as happy's a king.

Bitter in dool I lickit my winnins
O' marrying Bess, to gie her a slave:
Blest be the hour she cool'd in her linnens,
And blythe be the bird that sings on her grave!

Come to my arms, my Katie, my Katie;
O come to my arms and kiss me again!
Drucken or sober, here's to thee, Katie!
An' blest be the day I did it again.

My Auntie Jean Held to the Shore

My auntie Jean held to the shore,
As Ailsa boats cam' back;
And she had coft a feather bed
For twenty and a plack;
And in it she wan fifty mark,
Before a towmond sped;
O! what a noble bargain
Was auntie Jeanie's bed.

My Wife's a Wanton Wee Thing

My wife's a wanton, wee thing,
My wife's a wanton, wee thing,
My wife's a wanton, wee thing,
She winna be guided by me.

She play'd the loon or she was married,
She play'd the loon or she was married,
She play'd the loon or she was married,
She'll do it again or she die.

She sell'd her coat and she drank it,
She sell'd her coat and she drank it,
She row'd hersell in a blanket,
She winna be guided for me.

She mind't na when I forbade her,
She mind't na when I forbade her,
I took a rung and I claw'd her,
And a braw gude bairn was she.

Nae Hair On't

Yestreen I wed a lady fair,
And ye wad believe me,
On her cunt there grows nae hair,
That's the thing that grieves me.

Целый день я на кузне колдую,
Целый день я фью-фью да ля-ля,
А всю ночь обнимаю родную –
Ты счастливей сыщи короля!

Было дело, судьба подкузьмила:
Был у жёнки, у Бесси, в рабах;
В добрый час её скрыла могила,
Пташке спеть бы, где лёг её прах!

Подойди, обниму свою Кэти!
Обниму, поцелую опять!
Пьян ли, нет, пью за здоровье Кэти!
День блажен, когда выпью опять.

«Ждёт тётя Джин на берегу...»

Ждёт тётя Джин на берегу,
Лишь с Эйслы¹⁴⁶⁶ к нам суда;
Она перину припасла,
Фунт с медью вбив туда;
Полсотни марок¹⁴⁶⁷ на кровать
Копила целый год;
Кроваткой тётя Джини
Ну хоть кого утрёт.

«Жена моя гулёна...»¹⁴⁶⁸

Жена моя гулёна,
Жена моя гулёна,
Жена моя гулёна,
Ей на меня плевать.

Дурачилась до свадьбы,
Дурачилась до свадьбы,
Дурачилась до свадьбы –
Век дури не унять.

Шмотьё пропьёт, бывало,
Шмотьё пропьёт, бывало,
Нацепит одеяло,
Ну как ума ей дать?

Плевать ей на запреты,
Плевать ей на запреты,
Прибил её за это –
Милее не сыскать!

«Волос там нету...»¹⁴⁶⁹

Взял в жёны кралю эту,
И, слово вам даю,
Щель есть – волос там нету,
Представьте грусть мою.

It vexed me sair, it plagu'd me sair,
It put me in a passion,
To think that I had wad a wife,
Whase cunt was out o' fashion.

O Gin I Had Her

O gin I had her,
Ay gin I had her,
O gin I had her,
Black altho' she be.

I wad lay her bale,
I'd gar her spew her kail;
She ne'er soud keep a mail,
Till she dandl'd it on her knee.

She says, I am light
To manage matters right,
That I've nae might or weight
To fill a lassie's ee;

But wad she tak a yokin',
I wad put a c-k in;
A quarter o't to flocken,
I wad frankly gie.

Ode to Spring

When maukin bucks, at early fucks,
In dewy grass are seen, Sir,
And birds, on boughs, take off their mows
Among the leaves sae green, Sir;
Latona's sun looks liquorish on
Dame Nature's grand impetus
Till his prick go rise, then westward flies
To roger Madame Thetis.

Yon wandering rill that marks the hill,
And glances o'er the brae, Sir,
Slides by a bower where many a flower
Sheds fragrance on the day, Sir;
There Damon lay, with Sylvia gay,
To love they thought no crime, Sir:
The wild-birds sang, the echoes rang,
While Damons arse beat time, Sir.

То застону, то прокляну,
Я просто на изводе
От мысли, что привёл жену,
Чья щёлка не по моде.

«Её бы взял я...»

Её бы взял я,
Ох, точно б взял я,
Её бы взял я,
Пусть девка черна.

Нагнал бы я жуть,
С утра дав соснуть;
Глотала б, в чём суть,
С коленок она.

«Что́, мол, в шалуне,
Коль лёгок в возне?»
Ей сила во мне,
Считай, не видна;

Но коль траху быть,
Смогу засадить
На четверть – и взвыть
Заставит длина.

Ода весне¹⁴⁷⁰

У зайцев блуд с утра нехуд
Среди росистых трав, сэр,
У птичьих пар дразниться дар:
Их трах – в листве дубрав, сэр;
Латоны сын¹⁴⁷¹ усёк почин,
Природе не в обиду:
Уж хер подъят – и на закат,
Чтоб еть мадам Фетиду¹⁴⁷².

Вот ручеек с вершины стёк,
Струёй пометил скат, сэр,
Минуя кров, где тьма цветов
Дню дарит аромат, сэр;
Там лёг Дамон, считает он:
Взять Сильвию¹⁴⁷³ не грех, сэр,
Песнь птах с высот им эхо шлёт,
А пульс сулит успех, сэр.

First with the thrush, his thrust and push
Had compass large and long, Sir;
The blackbird next, his tuneful text,
Was bolder, clear and strong, Sir:
The linnet's lay then came in play,
And the lark that soar'd aboon, Sir;
Till Damon fierce, mistimed his arse,
And fucked quite out of tune, Sir.

On Captain Lascelles

When Lascelles thought fit from this world to depart,
Some friends warmly spoke of embalming his heart;
A bystander whispers – 'Pray don't make so much o't,
The subject is poison, no reptile will touch it.'

On Fergusson

A Version.

Ill-fated Genius! Heaven-taught Fergusson,
What heart that feels and will not yield a tear,
To think Life's sun did set e'er well begun
To shed its influence on thy bright career.

O why should truest Worth and Genius pine
Beneath the iron grasp of Want and Woe,
While titled knaves and idiot-greatness shine
In all the splendour Fortune can bestow?

On Johnson's Opinion of Hampden

For shame!
Let Folly and Knavery
Freedom oppose:
'Tis suicide, Genius,
To mix with her foes.

On Mr Pit's Hair-powder Tax

Pray Billy Pit explain thy rigs,
This new poll-tax of thine!
'I mean to mark the Guinea Pigs
From other common Swine'.

On the Duchess of Gordon's Reel Dancing

She kiltit up her kirtle weel
To show her bonie cutes sae sma',
And walloped about the reel,
The lightest louter o' them a'!

Дрозду вслед, скор толчок, напор,
Осада же длинней, сэр;
Спел чёрный дрозд – мотивчик прост,
Но чище и смелей, сэр;
Чечётки трель попала в цель,
Лил жаворонок звон, сэр,
Дамон же, лют, дёрг жопой тут,
И сбился с ритма он, сэр.

На капитана Ласселза¹⁴⁷⁴

Лишь Ласселз убрался в иные края,
Хотят бальзамировать сердце друзья;
Шепнул им прохожий: «Молю вас, не надо:
Чтоб черви не тронули, хватит в нём яда».

О Фергюссоне¹⁴⁷⁵

Вариант

Злосчастный гений! Дивный Фергюссон,
Душа болит, слеза из глаз у всех:
Пуст без светила жизни небосклон,
Не льётся свет на яркий твой успех.

Достоинство и Гений отчего ж
Нужда с Бедой в железной хватке жмут,
А мерзость-знать, владельцы глупых рож
В дарах Фортуны утонули тут?

На мнение Джонсона о Хэмдене¹⁴⁷⁶

Позор!
Дух вольных мнений
Пройдохам немил;
Примкнул к ним Гений –
Себя погубил.

О налоге мистера Пита на пудру¹⁴⁷⁷

«О Билли Пит, кто б разумел,
В чём смысл твоих затей!»
«Морским я свинкам дать хотел
Отличье от свиней».

О герцогине Гордон¹⁴⁷⁸, пляшущей рил¹⁴⁷⁹

Явила, юбку подхватив,
Сколь ножка милая мала,
И рил, ловя лихой мотив,
Прыгучей всех, плясать пошла!

While some, like slav'ring, doited stots
Stoit'ring out thro' the midden dub,
Fankit their heels amang their coats
And gart the floor their backsides rub;

Gordon, the great the gay, the gallant,
Skip't like a maukin owre a dyke:
Deil tak me, since I was a callant,
Gif e'er my een beheld the like.

Revision for Clarinda

Go on, sweet bird, and soothe my care,
Thy tuneful notes will hush Despair;
Thy plaintive warblings void of art
Thrill sweetly thro' my aching heart.

Now chuse thy mate, and fondly love,
And all the charming transport prove;
While I a lovelorn exile live,
Nor transport or receive or give.

For thee is laughing Nature gay;
For thee she pours the vernal day:
For me in vain is Nature drest,
While joy 's a stranger to my breast!

These sweet emotions all enjoy;
Let love and song thy hours employ!
Go on, sweet bird, and soothe my care;
Thy tuneful notes will hush Despair.

She's Hoy'd Me out o' Lauderdale

There liv'd a lady in Lauderdale,
She lo'ed a fiddler fine;
She lo'ed him in her chamber,
She held him in her mind;
She made his bed at her bed-stock,
She said he was her brither;
But she's hoy'd him out o' Lauderdale,
His fiddle and a' thegither.

First when I cam to Lauderdale,
I had a fiddle gude,
My sounding-pin stood like the aik
That grows in Lauder-wood;
But now my sounding-pin's gaen down,
And tint the foot forever;
She's hoy'd me out o' Lauderdale,
My fiddle and a' thegither.

Шататься да топтать подол
С коровьей грацией иным
(Так по грязище прётся скот),
Полы мести досталось им,

А Гордон весело и смело
Летит, как заяка чрез забор;
Будь проклят я, вот это дело!
Таких не видел с юных пор.

Подправленное для Кларинды¹⁴⁸⁰

Сними, пичуга, груз забот,
Уйми тоску созвучьем нот;
Простым напевом заглуши
Боль моей страждущей души.

Дружка влюблённого найди,
Порыву место дай в груди;
Любимой брошен, я чуть жив:
Ни дать, ни воспринять порыв¹⁴⁸¹.

Тебе Природа дарит смех,
Тебе весенних тьма утех;
А мне Природы чужд наряд,
Покуда беды грудь томят.

Как всех, захватит счастье вас;
Любви и песне – всякий час!
Сними, пичуга, груз забот,
Уйми тоску созвучьем нот.

«Из Лодердейла изгнан вон...»¹⁴⁸²

Был домом леди Лодердейл,
И был скрипач у ней;
В покоях миловалась с ним,
Не бросить, хоть убей;
Постель его – к своей впритык,
Всем братом объявила,
Но... из Лодердейла изгнан вон
Скрипач со всем, что было.

«Со славной скрипкой в Лодердейл
Приехал в первый раз,
Торчал колок мой, как дубы
Стоят в лесу у Вас;
Но вот колок повёрнут вниз,
Навек опора хила;
Из Лодердейла изгнан вон
Теперь со всем, что было.

First when I came to Lauderdale,
Your Ladyship can declare,
I play'd a bow, a noble bow,
As e'er was strung wi' hair;
But dow'na do's come o'er me now,
And your Ladyship winna consider;
She's hoy'd me out of Lauderdale,
My fiddle and a' thegither.

Sketch for an Elegy

Craigdarroch, fam'd for speaking art
And every virtue of the heart,
Stops short, nor can a word impart
To end his sentence,
When mem'ry strikes him like a dart
With auld acquaintance.

Black James – whase wit was never laith,
But, like a sword had tint the sheath,
Ay ready for the work o' death –
He turns aside,
And strains wi' suffocating breath
His grief to hide.

Even Philosophic Smellie tries
To choak the stream that floods his eyes:
So Moses wi' a hazel-rice
Came o'er the stane;
But, tho' it cost him speaking twice,
It gush'd amain.

Go to your marble graffs, ye great,
In a' the tinkler-trash of state!
But by thy honest turf I'll wait,
Thou man of worth,
And weep the ae best fallow's fate
E'er lay in earth!

Tail Todle

Oor gudewife held o'er to Fife,
For to buy a coal-riddle;
Lang or she cam back again,
Tammie gart my tail todle.

Tail todle, tail todle;
Tammie gart my tail todle;
At my arse wi' diddle doddle,
Tammie gart my tail todle.

When I'm deid I'm oot o' date;
When I'm seek I'm fu' o' trouble;

Я, Ваша светлость, в Лодердейл
 Приехав в первый раз,
 Владел смычком: такой смычок
 Поди сыщи у нас;
 А нынче силу потерял,
 Что Вашу светлость злило;
 Из Лодердейла изгнан вон
 Теперь со всем, что было».

Набросок для элегии¹⁴⁸³

Крейгдэррох¹⁴⁸⁴, славный краснобай,
 Достоинств в коем через край,
 Не в силах, сколь ни понукай,
 Закончить фразу:
 Припомнив друга, был, считай,
 Повержен сразу.

И Чёрный Джеймс¹⁴⁸⁵, чей ум незлой –
 Как будто меч, что век нагой –
 Готов крушить, как смерть косой,
 Отводит взгляд,
 И в тяжких вздохах свой настрой
 Упрятать рад.

Сам Смелли¹⁴⁸⁶, сколь ни мудр, не смог
 Заткнуть солёных слёз поток:
 Жезлом лишь Моисей-пророк
 Скалу колол¹⁴⁸⁷;
 А тут, хоть дважды слово рёк,
 Вод не извёл.

Беликих мрамор склепов ждёт,
 Хранящий весь державный сброд!
 На честный дёрн душа зовёт,
 Чей чист итог;
 Оплачу рок: всех лучше тот,
 Кто в землю лёг!

«Вдул в щель...»

Убралась хозяйка в Файф¹⁴⁸⁸,
 Решето припрёт оттель;
 А покуда нет её,
 Тэмми славно вдул мне в щель.

Вдул в щель, вдул в щель,
 Тэмми славно вдул мне в щель.
 Ну, на жопу канитель!
 Тэмми славно вдул мне в щель.

Сдохну, старой клячей став;
 Чёрт-те где маячит цель;

When I'm weel I step aboot,
An Tammie gars my tail todle;

Jenny Rack she gae a plack,
Helen Wallace gae a boddle,
Qo the bride, it's o'er little
For to mend a broken doddle.

Tam Lin

O I forbid ye, maidens a',
That wear gowd on your hair,
To come, and gae by Carterhaugh,
For young Tom-lin is there.

There's nane that gaes by Carterhaugh
But they leave him a wad;
Either their rings, or green mantles,
Or else their maidenhead.

Janet has kilted her green kirtle,
A little aboon her knee;
And she has broded her yellow hair
A little aboon her bree;
And she's awa to Carterhaugh
As fast as she can hie.

When she came to Carterhaugh
Tam Lin was at the well,
And there she fand his steed standing
But away was himsel.

She had na pu'd a double rose,
A rose but only tway,
Till up then started young Tom-lin,
Says, Lady, thou's pu' nae mae.

Why pu's thou the rose, Janet?
And why breaks thou the wand?
Or why comes thou to Carterhaugh
Withouthen my command?

Carterhaugh it is is my ain,
My daddy gave it me;
I'll come and gae by Carterhaugh
And ask nae leave at thee.'

Janet has kilted her green kirtle,
A little aboon her knee;
And she has broded her yellow hair
A little aboon her bree;
And she is to her father's ha'
As fast as she can hie.

Аж скачу, так день хорош:
Тэмми славно вдул мне в щель.

Дженни Рокк даст пирожок,
Хёлен Уоллес –добрый хмель,
А невеста: «Куча дел –
Залатать по новой щель».

Тэм Лин¹⁴⁸⁹

Остерегаю, девы, вас –
Всех, на ком злат венец:
Ходить не смейте в Картерхох¹⁴⁹⁰,
Том-лин¹⁴⁹¹ там, молодец.

Любой, попавшей в Картерхох,
Терять придётся тьму:
Колечки, зелень покрывал
Иль девственность саму.

Джанет зелёной юбки край
Повыше подняла;
Она всё золото волос
Со лба поубрала;
И поспешила в Картерхох
Так резво, как могла.

Как в Картерхох попала, был
Тэм Лин у родника;
Ей на глаза попался конь –
Один, без седока.

Она двух роз не сорвала –
Двух рядом, вот курьёз –
Явился вмиг молодой Том-лин:
«Не трогай, леди, роз.

Зачем же розу рвать, Джанет?
Кто стебель дал ломать?
Зачем явилась в Картерхох –
Я и не думал звать?»

«Мне во владенье Картерхох
Достался от отца;
И я вхожу в свой Картерхох
Без воли молодца».

Джанет зелёной юбки край
Повыше подняла;
Она всё золото волос
Со лба поубрала;
И поспешила в отчий дом
Так резво, как могла.

Four and twenty ladies fair
Were playing at the ba,
And out then cam fair Janet,
Ance the flower amang them a'.

Four and twenty ladies fair
Were playing at the chess,
And out then came fair Janet,
As green as onie grass.

Out then spak an auld grey knight,
Lay o'er the castle-wa',
And says, Alas, fair Janet for thee
But we'll be blam'd a'.

Haud your tongue, ye auld-fac'd knight,
Some ill death may ye die,
Father my bairn on whom I will,
I 'll father nane on thee.'

Out then spak her father dear,
And he spak meek and mild,
And ever alas, sweet Janet, he says,
I think thou gaes wi' child.

If that I gae wi child, father,
Mysel maun bear the blame;
There 's ne'er a laird about your ha,
Shall get the bairn's name.

If my Love were an earthly knight,
As he's an elfin grey;
I was na gie my ain true-love
For nae lord that ye hae.

The steed that my true-love rides on,
Is lighter than the wind;
Wi' siller he is shod before,
Wi' burning gowd behind.

Janet has kilted her green kirtle,
A little aboon her knee;
And she has broded her yellow hair
A little aboon her bree;
And she's awa to Carterhaugh
As fast as she can hie.

When she came to Carterhaugh,
Tam Lin was at the well,
And there she fand his steed standing,
But away was himsel.

She had na pu'd a double rose,
A rose but only tway,

Две дюжины прелестных дам
Вовсю играли в мяч,
И на виду была Джанет:
Цветок попробуй спрячь.

Две дюжины прелестных дам –
За шахматной игрой,
И на виду была Джанет:
Попробуй бледность скрой.

И рыцарь проворчал седой
Ей с замковой стены:
«Мы все из-за тебя, Джанет,
Быть прокляты должны».

«Замолкни, старый хрен, не то
Враз сверзишься во тьму;
Дитяти я нашла отца,
И ты мне ни к чему».

Тут молвил отче – речь была
Мягка и хороша:
«Увы, сдаётся мне, Джанет,
Ты носишь малыша».

«Коль малыша ношу, отец,
Самой и отвечать;
Такого в зале лэрда нет,
Чтоб сыну имя дать.

Мне не обычный рыцарь люб –
Эльф, что пронзает тьму;
Любовь и верность не отдам
Из лордов никому.

Под ним быстрее ветра конь;
Сиянье, что идёт,
Подков передних серебро,
А задних золото шлёт».

Джанет зелёной юбки край
Повыше подняла;
Она всё золото волос
Со лба поубрала;
И поспешила в Картерхох
Так резво, как могла.

Как в Картерхох попала, был
Тэм Лин у родника;
Ей на глаза попался конь –
Один, без седока.

Она двух роз не сорвала –
Двух рядом, вот курьёз –

Till up then started young Tom-lin,
Says, Lady thou pu's nae mae.

Why pu's thou the rose, Janet,
Amang the groves sae green,
And a' to kill the bonie babe,
That we gat us between.

O tell me, tell me, Tom-lin she says,
For's sake that died on tree,
If e'er ye were in holy chapel,
Or Christendom did see.'

Roxbrugh he was my Grandfather
Took me with him to bide,
And ance it fell upon a day
That wae did me betide.

Ance it fell upon a day,
A cauld day and a snell,
When we were frae the hunting come,
That frae my horse I fell.

The Queen o' Fairies she caught me,
In yon green hill to dwell,
And pleasant is the fairy-land
But, an eerie tale to tell!

Ay at the end of seven years,
They pay a tiend to hell;
I am sae fair and fu' o flesh
I'm fear'd it be mysel.

But the night is Halloween, Lady
The morn is Hallowday;
Then win me, win me, an ye will,
For weel I wat ye may.

Just at the mirk and midnight hour
The fairie folk will ride,
And they that wad their truelove win,
At Miles Cross they maun bide.'

'But how shall I thee ken, Tom-lin,
O how my truelove know,
Amang sae mony unco knights
The like I never saw? '

'O first let pass the black, Lady,
And syne let pass the brown
But quickly run to the milk-white steed,
Pu ye his rider down:

Явился вмиг молодой Том-лин:
«Не трогай, леди, роз.

Не надо розу рвать, Джанет,
Где роща бахромой,
И смерть младенчику нести –
Ведь он и твой, и мой».

«Скажи – я Тем молю, Кто был
Распят и осиян –
Входил хоть раз ты в Божий храм,
Видал ли христиан?»

Том-лин ей: «Роксбруху¹⁴⁹² я внук,
Под кровом деда жил,
Пока одним злосчастливым днём
В беду не угодил.

Так вот, одним морозным днём
(Не помню злее дня)
С охоты мчались мы домой,
И я упал с коня.

Был схвачен Королевой Фей,
В холмы укрыт от глаз –
У фей прелестная страна,
Но жуток будет сказ!

Извечно, каждые семь лет,
С нас плату ад берёт;
Я так пригож и так могуч –
Боюсь, что мой черёд.

За Хэллоуином, леди, вслед
Придёт День всех святых¹⁴⁹³;
Отбей, отбей, коль хочешь ты,
Ведь всё в руках твоих.

Лишь ляжет тьма, в полночный час
Поскачет наша рать;
Тебе, родная, чтоб спасти,
У перепутья ждать».

«Но как узнать тебя, Том-лин,
Как милого узнать
Средь всех, коль не видала я
Неведомую рать?»

«Не трогай, леди, вороных,
Не тронь гнедых бока,
А снежно-белого хватай,
Да наземь ездока:

For I'll ride on the milk-white steed
And ay nearest the town;
Because I was an earthly knight
They gie me that renown.

My right hand will be glov'd, lady,
My left hand will be bare;
Cockt up shall my bonnet be,
And kaim'd down shall my hair;
And thae's the tokens I gie thee,
Nae doubt I will be there.

They'll turn me in your arms, lady,
Into an ask and adder,
But hald me fast and fear me not,
I am your bairn's father.

They'll turn me to a bear sae grim,
And then a lion bold;
But hold me fast and fear me not,
As you shall love your child.

Again they'll turn me in your arms
To a red het gaud of airn;
But hold me fast and fear me not,
I'll do to you nae harm.

And last they 'll turn me, in your arms,
Into the burning lead;
Then throw me into well-water,
O throw me in wi' speed!

And then I'll be your ain truelove,
I'll turn a naked knight:
Then cover me wi' your green mantle,
And cover me out o sight.

Gloomy, gloomy was the night,
And eerie was the way,
As fair Jenny in her green mantle
To Miles-cross she did gae.

About the middle o' the night
She's heard the bridles ring;
This lady was as glad at that
As any earthly thing.

First she let the black pass by,
And syne she let the brown;
And quickly she ran to the milk-white steed
And pu'd the rider down.

Sae weel she minded what he did say
And young Tom-lin did win;

На снежно-белом поскачу
У града на виду;
Поскольку рыцарь я земной,
Такой вот чести жду.

Перчатку с шуйцы я сниму,
С десницы же не след;
Волос кудрявых не уйму,
И заломлю берет;
У друга, судя по всему,
И нет других примет.

Я аспидом в руках твоих
Свернусь, шипя, шурша,
Но ты держи, отринув страх,
Папашу малыша.

Медведем стану, грозным львом,
Рычащим не шутя,
Но ты держи, отринув страх,
Коль любишь ты дитя.

Железа кус в руках твоих,
Нагретый докрасна, –
Его держи, отринув страх,
Игрушка не страшна.

Когда предстану, наконец,
Расплавленным свинцом,
Меня слей в воду родника –
Не мешкая, притом!

Тут стану рыцарем твоим,
Нагим и без прикрас;
Тогда зелёный плащ набрось,
Укрой меня от глаз».

Ночная темень – глаз коли,
Дороги жуток вид,
А Дженни в зелени плаща
На перепутье мчит.

И вот в глухой полночный час
Уздечек слышен звон;
Для леди, для души живой,
Всего отрадней он.

Мелькнули холки вороных,
Потом гнедых бока;
Метнулась к белому коню,
Свалила седока.

Она усвоила урок,
И вот Том-лин спасён;

Syne cover'd him wi' her green mantle
As blythe's a bird in spring.

Out then spak the queen o' Fairies,
Out o' a brush o' broom;
'Them that hae gotten young Tom-lin
Hae gotten a stately groom.

Out then spak the queen o' Fairies,
And an angry queen was she;
Shame betide her ill-fard face,
And an ill death may she die,
For she's ta'en awa the boniest knight
In a' my companie.

But had I kend, Tom-lin,' she says,
What now this night I see,
I wad has ta'en out thy twa grey een,
And put in twa een o' tree.

The Auld Man's Mare's Dead

She was cut-luggit, painch-lippit,
Steel-waimit, staincher-fittit,
Chanler-chafit, lang-neckit,
Yet the brute did die.

The auld man's mare's dead,
The poor man's mare's dead,
The auld man's mare's dead
A mile aboon Dundee.

Her lunzie-banes were knaggs and neuks,
She had the cleeks, the cauld, the crooks,
The jawpish and the wanton yeuks,
And the howks aboon her e'e.

My Master rade me to the town,
He ty'd me to a staincher round,
He took a chappin till himsel,
But fient a drap gae me.

The auld man's mare's dead,
The poor man's mare's dead,
The peats and tours and a' to lead
And yet the bitch did die.

The Bob o'Dumblane

Lassie, lend me your braw hemp-heckle,
And I'll lend you my thrippin kame:
My heckle is broken, it canna be gotten,
And we'll gae dance the Bob o'Dumblane.

Так вешний птах пером блестит,
Как, весь в зелёном, он.

Сказала Королева Фей,
Ракитника середь:
«Прибрать Том-лина в женихи –
Не всякой так суместь».

Сказала Королева Фей,
Не скрыв, насколько зла:
«Чтоб рожь скисла, чтобы к ней
Смерть лютая пришла!
Того, кто краше всех парней,
Из свиты увела.

Знай я, Том-лин, – она ему, –
Что так пойдут дела,
Мне б пару серых глаз твоих
Засунуть в два дупла».

«Загнал кобылу дед...»¹⁴⁹⁴

Не сыщешь губ плотнее,
И все подковы с нею,
Знай выгибала шею –
Скопытилась, гляди.

Загнал кобылу дед,
Загнал кобылу дед,
Загнал кобылу дед
За милю до Данди¹⁴⁹⁵.

Был зад её костляво-худ,
Простуду гнать – напрасный труд,
Моча не шла, замучил зуд,
Болячек пруд пруди.

«Скакал хозяин в городок,
Узду мне затянул, как мог,
Напиться сам нашёл предлог,
А я воды не жди».

Загнал кобылу дед,
Загнал бедняга-дед;
Торфяник, тракт – везла как след...
Кобылки нет, гляди.

«Боб-о-дамблен»¹⁴⁹⁶

Одолжи, красотка, щётку,
Я трепалку¹⁴⁹⁷ дам взамен;
Моя поломалась, такая вот жалость,
Спляшем мы «боб-о-дамблен»¹⁴⁹⁸.

Twa gaed to the wood, to the wood, to the wood,
Twa gaed to the wood, three cam hame:
An't be na weel bobbit, weel bobbit, weel bobbit,
An't be na weel bobbit, we'll bob it again.

The Cares o' Love

HE

The cares o' Love are sweeter far
Than onie other pleasure;
And if sae dear its sorrows are,
Enjoyment, what a treasure!

SHE

I fear to try, I dare na try
A passion sae ensnaring;
For light's her heart and blythe's her song
That for nae man is caring.

The Cooper o' Dundee

Ye coopers and hoopers attend to my ditty,
I sing o' a cooper who dwelt in Dundee;
This young man he was baith am'rous and witty,
He please'd the fair maids wi' the blink o' his e'e.

He was nae a cooper, a common tub-hooper,
The most o' his trade lay in pleasin' the fair;
He hoopt them, he coopt them, he bort them, he plugt them.
An' a' sent for Sandie when out o' repair.

For a twelvemonth or sae this youth was respected,
An' he was as bisie, as weel he could be;
But bis'ness increas'd so, that some were neglected,
Which ruin'd trade in the town o' Dundee.

A baillie's fair daughter had wanted a coopin',
An' Sandie was sent for, as oft time was he,
He yerkt her sae hard that she sprung an end-hoopin',
Which banish'd poor Sandie frae bonny Dundee.

The Fornicator

Ye jovial boys who love the joys,
The blissful joys of Lovers;
Yet dare avow with dauntless brow,
When th' bony lass discovers;
Pray draw near and lend an ear,
And welcome in a Prater,
For I've lately been on quarantine,
A proven Fornicator.

Вдвоём прямо в лес, прямо в лес, прямо в лес
Пошли, чтоб вернуться втроём;
Коль пляски не хватит, не хватит, не хватит,
Коль пляски не хватит, допляшем потом.

Заботы любви¹⁴⁹⁹

ОН

Забот любви не превзошла
Нежнейшая услада;
Коль так печаль её мила,
То радость – вроде клада!

ОНА

Робею я, не смею я
Попасть в ловушку эту;
До песен славных, светлых душ
Мужчинам дела нету.

Бондарь из Данди¹⁵⁰⁰

Всяк бондарь да обручник, песенку слушай,
Пою в ней о бондаре, жившем в Данди:
Остряк наш имел преобладающую душу,
Красотке подмигивал каждой, поди.

Не то чтобы ладил лишь бочки-вещички,
Девиц, в основном, ублажал паренёк:
Сжимал их, буравил да ставил затычки,
И к Сэнди слал тех, кому толк дать не смог.

Ну, с год население его уважало:
Весь в деле, и уйма работ впереди;
Но, как ни крутился, на всех не хватало,
В прогаре дела твои, город Данди.

Обжаться решила судейская дочка,
К ней послан был Сэнди (таких пруд пруди);
Так сжал, что из обруча ринулась квочка,
И выставил Сэнди наш славный Данди.

Блудодей¹⁵⁰¹

Милее всех иных утех,
Коль даст любить девица;
Молчать – беда, не дрейфь, когда
Решит краса открыться;
Сплету для вас пустой рассказ,
Ловите, слух имея:
Есть тьма причин, чтоб в карантин
Упрятать блудодея.

Before the Congregation wide
I pass'd the muster fairly,
My handsome Betsey by my side,
We gat our ditty rarely;
But my downcast eye by chance did spy
What made my lips to water,
Those limbs so clean where I, between,
Commenc'd a Fornicator.

With rueful face and signs of grace
I pay'd the buttock-hire,
The night was dark and thro' the park
I could not but convoy her;
A parting kiss, what could I less,
My vows began to scatter,
My Betsey fell – lal de dal lal lal,
I am a Fornicator.

But for her sake this vow I make,
And solemnly I swear it,
That while I own a single crown,
She's welcome for to share it;
And my roguish boy his Mother's joy,
And the darling of his Pater,
For him I boast my pains and cost,
Although a Fornicator.

Ye wenching blades whose hireling jades
Have tipt you off blue-boram,
I tell ye plain, I do disdain
To rank you in the Quorum;
But a bony lass upon the grass
To teach her esse Mater,
And no reward but for regard,
O that's a Fornicator.

Your warlike Kings and Heros bold,
Great Captains and Commanders;
Your mighty Cesars fam'd of old,
And Conquering Alexanders;
Fields they fought and laurels bought
And bulwarks strong did batter,
But still they grac'd our noble list
And ranked Fornicator!!!

The Guidwife of Wauchope-House, to Robert Burns, the Airshire Bard

My canty, witty, rhyming ploughman,
I hafflins doubt, it is na' true, man,
That ye between the stilts was bred,
Wi' ploughman school'd, w' ploughman fed.
I doubt it sair, ye've drawn your knowledge
Either frae grammar school, or colledge.

Сход склонен впредь во мне узреть
 Пример, скажи на милость;
 Нам с Бетси рядышком сидеть
 Нечасто доводилось;
 Случайный взор я вниз простёр,
 От созерцанья млея:
 Меж сих колен попался в плен,
 Путь начал блудодея.

На рожу плох, сронивши вздох,
 Я зад лозе подставил;
 Парк, тьма в пути – одной идти
 Девчонке против правил;
 Влип в губы, да (мала беда),
 Клятв жарких не жалея,
 И Бетси, ах... Кудах-тах-тах,
 Судите блудодея.

Я ей клянусь, не откажусь
 От слов, как говорится:
 Хоть кроной дран – одной – карман,
 Готов и той делиться;
 Как рада мать мальчика¹⁵⁰² ласкать,
 Папаше душу грея!
 Хвалюсь – как нет затрат, и бед,
 И клички блудодея.

Вострящих нюх на поиск шлюх,
 Поймавших хворь дрянную,
 Презрев вполне, скажу, что мне
 Быть с ними ни в какую;
 Средь трав, в лесу учить красу,
 Из девы Матерь дея –
 Наград не ждёт, полно забот
 Таких у блудодея.

Вы, короли, героев рать,
 Сплошь грозны и крылаты;
 Всем должно Цезарям воздать,
 Все Александры – хвататы;
 Побед не счесть, и лавры есть,
 Умолкли батарей,
 Но ваш кураж – влезть в список наш,
 Где строим блудодеи!!!

Владелица Уокоп-хауза – Роберту Бёрнсу,
 эйрширскому барду¹⁵⁰³

Мой пахарь, рифмоплёт весёлый,
 Не верится, что с этой школой
 Ты пишешь, хоть в хлеву рождён,
 Жив пашней, пахарем вскормлён.
 Навряд ли посещал для знанья
 Ты колледжа иль школы зданья.

Guid troth, your saul and body baith
War' better fed, I'd gie my aith,
Than theirs, who sup sour milk and parritch,
An' bummil thro' the single caritch.
Whaever heard the ploughman speak,
Could tell gif Homer was a Greek?
He'd flee as soon upon a cudgel,
As get a single line of Virgil.
An' then sae slee ye crack your jokes
O' Willie Pitt and Charlie Fox.
Our great men a' sae weel describe,
An' how to gar the nation thrive,
Ane maist wad swear ye dwalt amang them,
An' as ye saw them, sae ye sang them.
But be ye ploughman, be ye peer,
Ye are a funny blade, I swear.
An' tho' the cauld I ill can bide,
Yet twenty miles, an' mair, I'd ride,
O'er moss, an' muir, an' never grumble,
Tho' my auld yad shou'd gae a stumble,
To crack a winter-night wi' thee,
An' hear thy sangs, an' sonnets slee.
A guid saut herring, an' a cake
Wi' sic a chiel a feast wad make.
I'd rather scour your rumming yill,
Or eat o' cheese and bread my fill,
Than wi' dull lairds on turtle dine,
An' ferlie at their wit and wine.
O, gif I kend but whare ye baide,
I'd send to you a marled plaid;
'Twad haud your shoulders warm and braw,
An' douse at kirk, or market shaw.
Far south, as weel as north, my lad,
A' honest Scotsmen lo'e the maud.
Right wae that we're sae far frae ither;
Yet proud I am to ca' ye brither.

The Hue and Cry of John Lewars

A thief, and a murderer! Stop her who can!
Look well to your lives and your goods!
Good people, ye know not the hazard you run,
'Tis the far-famed and much-noted Woods.

While I looked at her eye, for the devil is in it,
In a trice she whipt off my poor heart:
Her brow, cheek and lip – in another sad minute,
My peace felt her murderous dart.

Her, features, I'll tell you them over – but hold!
She deals with your wizards and books;
And to peep in her face, if but once you're so bold,
There's witchery kills in her looks.

But softly – I have it – her haunts are well known,
At midnight so sily I'll watch her;
And sleeping, undrest, in the dark, all alone
Good lord! The dear THIEF HOW I'LL CATCH HER!

Ты лучше кормишь душу, тело,
 Чем те, поклясться бы хотела,
 Кто сыт овсянкой с молоком
 И не готов ходить пешком.
 Чтоб пахарь, слыхано ль, изрек,
 К примеру, что Гомер был грек?
 Под палки полетит вприскочку,
 Вергилия не вспомнив строчку.
 В твоих насмешках жалок вид
 Ваш, Чарли Фокс и Вилли Питт¹⁵⁰⁴.
 Распишут нации отцы,
 Как людям не отдать концы;
 Живя средь них – клянусь, хоть тресни –
 Их знаешь и поёшь им песни.
 Будь ты хоть пахарем, хоть лордом,
 Занятен ты (я в знанье твёрдом).
 Хоть крепко стужи я боюсь,
 Но всё ж миль двадцать¹⁵⁰⁵ протрясусь
 Чрез мох и пустошь – без ворчанья
 На все кобылки спотыканья –
 Чтоб зимний встретить нам рассвет
 Под песнь и озорной сонет.
 Селёдка славная, пирог –
 Чтоб пировать с тобой, дружок.
 Милей цедить твоё пиво,
 Сыр с хлебом поглощать легко,
 Чем лэрдов черепаший суп,
 Вино – и то, что льётся с губ.
 Поскольку, знаю, не согрет,
 То шлю тебе двухцветный плед:
 Согреет плечи; в нём хорош,
 На рынок, в церковь ли пойдёшь.
 Будь юг ли, север, друг мой, тут –
 Всё пледу рад наш честный люд.
 Вдали ты, свидеться – куда там;
 Горжусь, назвав тебя собратом.

Крики и вопли Джона Льюерса¹⁵⁰⁶

Воровка, убийца! Держи её всяк!
 И жизнь береги, и добро!
 Нет, добрые люди, ваш риск не пустяк:
 Вудс¹⁵⁰⁷ знают, с ней ухо остро.

Едва я взглянул в её бойкие глазки,
 Как сердце мне выдрала враз;
 Лоб, щёчки и губки зрел зря без опаски,
 Покоя от копий не спас.

Приметы я все перечислил – лови!
 Колдун, чернокнижник ей брат;
 Взгляни ей в лицо, коль есть пламя в крови:
 Разит колдовством её взгляд.

В местечке знакомом – шуметь нет причин –
 В ночи караулил я ловко;
 Был сонный, раздетый, в потёмках, один –
 Бог мой! ГДЕ РОДНАЯ ВОРОВКА?

The Lass o' Liviston

The bonny lass o' Liviston
Her name ye ken, her name ye ken;
And ay the welcomer ye'll be,
The farther ben, the farther ben,
And she has it written in her contract
To lie her lane, to lie her lane,
And I hae written in my contract
To claw her wame, to claw her wame.

The bonny lass o' Liviston,
She's berry brown, she's berry brown;
An' ye winna true her lovely locks,
Gae farther down, gae farther down.
She has a black and a rolling eye,
And a dimplit chin, and a dimplit chin;
And no to prie her rosy lips,
Wad be a sin, wad be a sin.

The bonny lass o' Liviston,
Cam in to me, cam in to me;
I wat wi' baith ends o' the busk,
I made me free, I made me free.
I laid her feet to my bed-stock,
Her head to the wa', her head to the wa';
And I gied her wee coat in her teeth,
Her sark an' a', her sark an' a'.

The Modiewark

The modiewark has done me ill,
And below my apron has biggit a hill;
I maun consult some learned clark
About this wanton Modiewark.

An' o the wanton modiewark,
The weary wanton modiewark;
I maun consult some learned clark
About this wanton Modiewark.

O first it gat between my taes,
Out o'er my garter niest it gaes;
At length it crap below my sark,
The weary wanton modiewark.

This modiewark, tho' it be blin';
If ance its nose you lat it in,
Then to the hilts, within a crack
It's out o' sight, the modiewark.

«Красоткой славен Ливистон...»¹⁵⁰⁸

Красоткой славен Ливистон,
Всяк знал, как звать, всяк знал, как звать;
Любой зайдёт, та пригласят
Заночевать, заночевать;
Ей записали в договор
Лечь, дав проход, лечь, дав проход,
А я вписал в свой договор
Мять ей живот, мять ей живот.

Красоткой славен Ливистон,
Смугла она, смугла она;
У дивных локонов обман
Лишь их длина, лишь их длина.
Глаз боек, ямочка её –
Как знак утех, как знак утех;
От ярких губ не пригубить,
Конечно, грех, конечно, грех.

Красоткой славен Ливистон,
Она моя, она моя;
Я знал, и как, и что снимать,
Был волен я, был волен я.
Я уложил её в постель
К стене лицом, к стене лицом,
И край сорочки пожевать
Ей дал притом, ей дал притом.

Крот

Крот¹⁵⁰⁹ бед наделал – ой-ёй-ёй,
И кучкой вздыбил фартук мой;
Кто грамотный, пусть скажет тот,
Что за похабник этот крот.

Что за похабник этот крот,
Уставший от похабства крот;
Кто грамотный, пусть скажет тот,
Что за похабник этот крот.

Развёл большие пальцы ног,
Пролезть подвязок выше смог,
И под сорочку мне ползёт
Уставший от похабства крот.

Кроту слепому не вопрос
Куда не надо сунуть нос;
Потом же весь – и без хлопот –
Исчез из виду этот крот.

The Rantin Laddie

Aften hae I play'd at the cards and the dice,
For the love of a bonie rantin laddie;
But now I maun sit in my father's kitchen neuk,
And balou a bastard babie.

For my father he will not me own,
And my mother she neglects me,
And a' my friends hae lightlied me,
And their servants they do slight me.

But had I a servant at my command –
As aft times I've had many,
That wad rin wi' a letter to bonie Glenswood –
Wi' a letter to my rantin laddie.

'Oh, is he either a laird or a lord,
Or is he but a cadie,
That ye do him ca' sae aften by name,
Your bonie, bonie rantin laddie.'

'Indeed he is baith a laird and a lord,
And he never was a cadie,
For he is the Earl o' bonie Aboyne,
And he is my rantin laddie.'

'O ye'se get a servant at your command,
As aft times ye've had many,
That sall rin wi' a letter to bonie Glenswood –
A letter to your rantin laddie.'

When Lord Aboyne did the letter get,
O, but he blinket bonie;
But or he had read three lines or it,
I think his heart was sorry.

'O, wha is he daur be sae bauld,
Sae cruelly to use my lassie?'

'For her father he will not her know,
And her mother she does slight her;
And a' her friends hae lightlied her,
And their servants they neglect her.'

'Go raise to me my five hundred men,
Make haste and make them ready;
With a milkwhite steed under every ane
For to bring hame my lady.'

As they came in through Buchan-shire,
They were a company bonie,
With a gude claymore in every hand
And O, but they shin'd bonie.

Буян¹⁵¹⁰

Бросала и карты, и кости не раз,
Нужна ли родному буяну;
Теперь на папашиной кухне в углу
Мне песенки петь мальчугану.

Папаше стала я чужой,
Мамаше дел нет до меня,
Подружкам всем не до меня,
Плевать их слугам на меня.

Но всё же служанка нашлась под рукой –
Их множество бегало рьяно –
Снести письмецо моё в славный Гленсвуд¹⁵¹¹,
Снести письмецо для буяна.

«Но кто же он: лэрд, или, может быть, лорд,
Иль ровня простым поселянам,
Тот малый, кого ты так часто зовёшь
Родным своим, милым буяном?»

«На самом-то деле и лэрд он, и лорд,
Не ровня никак поселянам,
Поскольку сам лорд благородный Эбойн¹⁵¹²
Моим может зваться буяном».

«Но раз уж служанка нашлась под рукой –
Их множество бегало рьяно –
Снесу письмецо твоё в славный Гленсвуд,
Снесу письмецо для буяна».

Когда лорд Эбойн развернёт письмецо –
Красавца такого видали? –
Иль, скажем, хотя бы три строчки прочтёт,
Я думаю, будет в печали:

«О, кто это там расхрабриться посмел,
Родную мою огорчая?

Папаша дочку мнит чужой,
Мамаше дел нет до неё,
Подружкам всем не до неё,
Плевать их слугам на неё.

Пять сотен в сёдла, и за мной,
Живей, друзья-соседи –
Под каждым снежно-белый конь –
Домой доставим леди!»

И вот прискакали сквозь весь Бьюкеншир¹⁵¹³
Ватагой, прекрасной на диво,
По славному клэймору¹⁵¹⁴ в каждой руке
Сверкает при этом на диво.

The Shepherd's Wife

The Shepherd's wife cries o'er the knowe,
Will ye come hame, will ye come hame;
The Shepherd's wife cries o'er the knowe,
Will ye come hame again een, jo?

What will I get to my supper,
Gin I come hame, gin I come hame?
What will I get to my supper,
Gin I come hame again een, jo?

Ye'se get a panfu' o' plumpin parridge,
And butter in them, and butter in them,
Ye'se get a panfu' o' plumpin parridge,
Gin ye'll come hame again een, jo.

Ha, ha, how! that's naething that dow,
I winna come hame, I canna come hame;
Ha, ha, how! that's naething that dow,
I winna come hame gin een, jo.

A reekin fat hen, weel fryth'd i' the pan,
Gin ye'll come hame, gin ye'll come hame,
A reekin fat hen, weel fryth'd i' the pan,
Gin ye'll come hame again e'en jo.

Ha, ha, how! that's naething that dow,
I winna come hame, I canna come hame;
Ha, ha, how! that's naething that dow,
I winna come hame gin een, jo.

A weel made bed and a pair o' clean sheets,
Gin ye'll come hame, gin ye'll come hame,
A weel made bed and a pair o' clean sheets,
Gin ye'll come hame again een, jo.

Ha, ha, how! that's naething that dow,
I winna come hame, I canna come hame;
Ha, ha, how! that's naething that dow,
I winna come hame gin een, jo.

A luvng wife in lily-white linens,
Gin ye'll come hame, gin ye'll come hame,
A luvng wife in lily-white linens,
Gin ye'll come hame again een, jo.

Ha, ha, how! that's something that dow,
I will come hame, I will come hame:
Ha, ha, how! that's something that dow,
I will come hame again een, jo.

Жёнка овчара

За холм – крик жёнки овчара:

«Придёшь домой, придёшь домой?»

За холм – крик жёнки овчара:

«Придёшь домой к ночи, родной?»

«А что на ужин получу,

Придя домой, придя домой?

Что я на ужин получу,

Придя домой к ночи, жена?»

«Овсянки миску до краёв,

И с маслом¹⁵¹⁵, да, и с маслом, да,

Овсянки миску до краёв,

Вернёшься коль к ночи, родной».

«Ха-ха! Нашла чем заманить

Меня домой! Не жди домой;

«Ха-ха! Нашла чем заманить!

К ночи я не вернусь, жена».

«Румяной курочки поешь,

Придя домой, придя домой,

Румяной курочки поешь,

Придя домой к ночи, родной».

«Ха-ха! Нашла чем заманить

Меня домой! Не жди домой;

«Ха-ха! Нашла чем заманить!

К ночи я не вернусь, жена».

«Уснёшь на чистых простынях,

Придя домой, придя домой,

Уснёшь на чистых простынях,

Придя домой к ночи, родной».

«Ха-ха! Нашла чем заманить

Меня домой! Не жди домой;

«Ха-ха! Нашла чем заманить!

К ночи я не вернусь, жена».

«Жена в сорочке белой ждёт,

Приди домой, приди домой;

Жена в сорочке белой ждёт,

Приди домой к ночи, родной».

«Ха-ха! Нашла чем заманить!

Приду домой, приду домой;

Ха-ха! Нашла чем заманить!

Приду домой к ночи, жена».

The Tailor

The tailor came to clout the claise,
Sic a braw fellow,
He filled the house a' fou o' fleas,
Daffin down, and daffin down,
He filled the house a' fou o' fleas,
Daffin down and dilly.

The lassie slept ayont the fire,
Sic a braw hissey!
Oh! She was a' his heart's desire,
Daffin down, and daffin down,
Oh! She was a' his heart's desire,
Daffin down and dilly.

The lassie she fell fast asleep,
Sic a braw hissey!
The tailor close to her did creep,
Daffin down, and daffin down,
The tailor close to her did creep,
Daffin down and dilly.

The lassie waken'd in a fright,
Sic a braw hissey!
Her maidenhead had taen the flight,
Daffin down, and daffin down,
A tailor's bodkin caused the flight,
Daffin down and dilly.

She sought it butt, she sought it ben,
Sic a braw hissey!
And in beneath the clocken-hen,
Daffin down, and daffin down,
It wasna but, it wasna ben,
Daffin down and dilly.

She sought it in the owsen-staw,
Sic a braw hissey!
Na, faith, quo' she, it's quite awa',
Daffin down, and daffin down,
The tailor loon has stown't awa',
Daffin down and dilly.

She sought it 'yont the knocking-stane,
Sic a braw hissey!"
Some day, quo' she, 'twill gang its lane,
Daffin down, and daffin down,
For my tirly-wirly mak's its mane,
Daffin down and dilly.

Портной {1}

Портной латать пришёл шмотье,
То-то славный малый,
Дом полон блох с ним¹⁵¹⁶, ё-моё,
То-то смех, уж то-то смех,
Дом полон блох с ним, ё-моё,
То-то смех и прелесть.

Девушка спит за очагом,
Славная деваха!
Ох! То-то страсть бушует в нём,
То-то смех, уж то-то смех,
Ох! То-то страсть бушует в нём,
То-то смех и прелесть.

Девичий очень крепок сон,
Славная деваха!
Поближе к ней подкрался он,
То-то смех, уж то-то смех,
Поближе к ней подкрался он,
То-то смех и прелесть.

Сон девы прерван, ой-ёй-ёй,
Славная деваха!
Её девичество долой,
То-то смех, уж то-то смех,
Виной портной с его иглой¹⁵¹⁷,
То-то смех и прелесть.

Она искала в уйме мест,
Славная деваха!
В курятник влезла, под насест,
То-то смех, уж то-то смех,
Зря обыскала уйму мест,
То-то смех и прелесть.

Весь хлев обшарила как след,
Славная деваха!
Твердит: «Нигде, ей-богу, нет»,
То-то смех, уж то-то смех,
Портной, шельмец, наделал бед,
То-то смех и прелесть.

И в ступке нет, не обессудь,
Славная деваха!
Она: «Назад отыщет путь,
То-то смех, уж то-то смех,
Смогу в лохматку запихнуть,
То-то смех и прелесть».

She ca'd the tailor to the court,
Sic a braw hissey!
And a' the young men round about,
Daffin down, and daffin down,
To gar the tailor mend her clout,
Daffin down and dilly.

She gart the tailor pay a fine,
Sic a braw hissey!
Gi'e me my maidenhead agen;
Daffin down, and daffin down,
I'll hae my maidenhead again,
Daffin down and dilly.

O what way wad ye hae't agen?
Sic a braw hissey!
Oh! Just the way that it was taen,
Daffin down, and daffin down,
Come, just the way that it was ta'en,
Daffin down and dilly.

The Tree of Liberty

Heard ye o' the tree o' France,
I watna what's the name o't;
Around the tree the patriots dance,
Weel Europe kens the fame o't.
It stands where ance the Bastile stood,
A prison built by kings, man,
When Superstition's hellish brood
Kept France in leading-strings, man.

Upo' this tree there grows sic fruit,
Its virtues a' can tell, man;
It raises man aboon the brute,
It maks him ken himsel, man.
Gif ance the peasant taste a bit,
He's greater than a lord, man,
And wi' the beggar shares a mite
O' a' he can afford, man.

This fruit is worth a' Afric's wealth,
To comfort us 'twas sent, man:
To gie the sweetest blush o' health,
And mak us a' content, man.
It clears the een, it cheers the heart,
Maks high and low gude friends, man;
And he wha acts the traitor's part,
It to perdition sends, man.

My blessings aye attend the chiel,
Wha pitied Gallia's slaves, man,

Она портного тащит в суд,
Славная деваха!
Пускай-ка люд заставит тут,
То-то смех, уж то-то смех,
Портного вшить назад лоскут,
То-то смех и прелесть.

Пускай за всё заплатит гад,
Славная деваха!
«Верни девичество назад»,
То-то смех, уж то-то смех,
«Хочу девичество назад»,
То-то смех и прелесть.

А как его назад вернуть?
Славная деваха!
«Ох! Раз стащил, так знаешь путь»,
То-то смех, уж то-то смех,
«Давай, стащил, так знаешь путь»,
То-то смех и прелесть.

Древо Свободы¹⁵¹⁸

Во Франции, слышь, древо есть¹⁵¹⁹ –
А знаешь, как зовётся?
Вкруг древа пляшущих не счесть,
Европа же трясётся.
Там королевская тюрьма,
Бастилия, была¹⁵²⁰, брат,
Когда святош треклятых тьма
Страну в узде вела, брат.

Растут плоды на древе том,
Их пользу знает всяк, брат:
Кто съест, тому не быть скотом,
Смекнёт он, что и как, брат.
Куснёт селянин – и хорош,
И превзойдёт он знать, брат,
И с нищим он разделит грош
Иль всё, что сможет дать, брат.

Дороже кладов этот плод,
Снимает груз забот, брат,
Щекам румянец придаёт,
Достаток всем несёт, брат.
Очистит взор, поднимет дух,
Сословьям дружбу даст, брат;
Тех, кто предаст ни за понюх,
Приканчивать горазд, брат.

Благословен, кто пожалел
Всех Галлии рабов, брат,

And staw a branch, spite o' the deil,
Frae yont tho western waves, man.
Fair Virtue watered it wi' care,
And now she sees wi' pride, man,
How weel it buds and blossoms there,
Its branches spreading wide, man.

But vicious folk aye hate to see
The works o' Virtue thrive, man;
The courtly vermin's banned the tree,
And grat to see it thrive, man;
King Loui' thought to cut it down,
When it was unco sma', man,
For this the watchman cracked his crown,
Cut aff his head and a', man.

A wicked crew syne, on a time,
Did tak a solemn aith, man,
It ne'er should flourish to its prime,
I wat they pledged their faith, man.
Awa they gaed wi' mock parade
Like beagles hunting game, man,
But soon grew weary o' the trade,
And wished they'd been at hame, man.

For Freedom, standing by the tree,
Her sons did loudly ca', man;
She sang a sang o' liberty,
Which pleased them ane and a', man;
By her inspired, the new-born race
Soon drew the avenging steel, man;
The hirelings ran – her foes gied chase,
And banged the despot weel, man.

Let Britain boast her hardy oak,
Her poplar and her pine, man,
Auld Britain ance could crack her joke,
And o'er her neighbours shine, man,
But seek the forest round and round,
And soon 'twill be agreed, man,
That sic a tree can not be found
'Twixt London and the Tweed, man.

Without this tree, alake this life
Is but a vale o' wo, man;
A scene o' sorrow mixed wi' strife,
Nae real joys we know, man.
We labour soon, we labour late,
To feed the titled knave, man;
And a' the comfort we're to get,
Is that ayont the grave, man.

Воруя ветку, одолел
Рёв западных валов¹⁵²¹, брат.
Отвага, землю оросив,
Зрит, в гордости своей, брат,
Цветенья буйного разлив,
Густую сень ветвей, брат.

Но люд порочный так гневит
Благих трудов успех, брат!
Клял древо нежный паразит,
Рыдал, узрев успех, брат;
Хотел срубить король Луи¹⁵²²,
Пока не подросло, брат,
Да только потерял свои
Башку и барахло, брат.

Весь злющий сброд поднялся тут
И слал обеты ввысь, брат:
Цветенью ходу не дадут –
Ну, всем святым клялись, брат.
Пустились строем шутовским,
Как свора гончих псин, брат, –
У сморенных трудом таким
Не выгорел почин, брат.

Из-под ветвей сынам своим
Шлёт вольность зычный зов, брат,
Поёт свободы песню им –
К отраде молодцов, брат;
Ей вдохновлённый новый люд
Сталь мщенья обнажит, брат, –
И вот наёмники бегут,
И деспот крепко бит, брат.

Спесь бриттов – их могучий дуб,
И тополь, и сосна¹⁵²³, брат,
И шутка шла с британских губ
В былые времена, брат,
Но огляди весь лес как след,
И убедишься сам, брат:
От Лондона до Твида¹⁵²⁴ нет
Такого древа там, брат.

А нет его, и жизнь тогда
Лишь скорбная юдоль, брат,
Смешались горесть и вражда,
Ушла из шуток соль, брат.
Наш труд с рассвета дотемна –
На знатное жульё, брат,
И лишь могила дать должна
Уставшим забытьё, брат.

Wi' plenty o' sic trees, I trow,
The warld would live in peace, man;
The sword would help to mak a plough,
The din o' war wad cease, man.
Like brethren in a common cause,
We'd on each other smile, man;
And equal rights and equal laws
Wad gladden every isle, man.

Wae worth the loon wha wadna eat
Sic halesome dainty cheer, man;
I'd gie my shoon frae aff my feet,
To taste sic fruit, I swear, man.
Syne let us pray, auld England may
Sure plant this far-famed tree, man;
And blithe we'll sing, and hail the day
That gave us liberty, man.

There Cam a Soger

There cam a soger here to stay,
He swore he wadna steer me;
But, lang before the break o' day,
He cuddl'd muddl'd near me:
He set a stiff thing to my wame,
I docht na bide the bends o't;
But lang before the grey morn cam,
I soupl'd baith the ends o't.

There's Hair on't

O' ere yestreen I stented graith,
An' labor'd lang an' sair on't;
But fient a work, na work wad it,
There's sic a crap o' hair on't.

There's hair on't, there's hair on't,
There's thretty thrive an' mair on't;
But gin I live to anither year,
I'll tether my grey naigs on't.

An up the glen there rase a knowe,
Below the knowe a lair on't,
I maist haed perish'd, fit an' horse,
I could na see for hair on't.

But I'll plant a stake into the flowe,
That ploughmen mey tak care on't;
An' lay twa steppin'-stones below,
An syne I'll cove the hair on't.

Я верю: в роще их прилечь,
И всюду будет мир, брат;
Согнётся в лемех плуга меч¹⁵²⁵,
Затихнет бранный пир, брат.
Труд общий – станет братским он –
Улыбки озарят, брат;
Одни права, один закон –
И каждый остров рад, брат.

Беда нагрянет к тем парням,
Кто плод вкусить не смог, брат;
Я башмаки сниму, отдам,
Клянусь, хоть за чуток, брат.
Пошлём же глас, чтоб и у нас
Быть древу, как и там, брат,
И воспоём, восславим час,
Несущий вольность нам, брат.

«Пришёл солдатик...»¹⁵²⁶

Пришёл солдатик на постой,
Поклялся, что не тронет,
А сам задолго пред зарёй
В моих объятьях стонет;
В щель вставил твёрдый свой предмет –
Чтоб гнулся, ждать устала;
Когда ещё придёт рассвет,
А штуку пообмяла.

«Волосья там...»¹⁵²⁷

Лишь задрала вчера подол,
На труд готовя место там,
А дела нет, взаправду нет:
Весь бугорок в волосьях там.

Волосья там, волосья там,
Полным-полно волосьев там;
Ещё годочек проживу,
И привяжу лошадок там.

Вверх по лощине холмик встал,
А под холмом пещерка там,
Её, хоть сдохну, не найду,
Такросло волосьев там.

Но в дырку колышек воткну,
(Эй, пахари, учитесь там!),
Два камня снизу подложу,
Да подстригу волосья там.

They Took Me to the Haly Band

They took me to the haly band,
For playing bye my wife, Sir;
And lang and sair they lectur'd me,
For hadin' sic a life, Sir.

I answer'd in na mony words,
"What deel needs a' this clatter;
"As lang as she cou'd keep the grip
"I aye was mowing at her".

To Alexander Findlater

Ellisland, Saturday morning.

Dear Sir,

Our Lucky humbly begs
Ye'll prie her caller, new-laid eggs:
Lord grant the Cock may keep his legs,
Aboon the Chuckies;
And wi' his kittle, forket clegs,
Claw weel their dockies!

Had Fate that curst me in her ledger,
A Poet poor, & poorer Gager,
Created me that feather'd Sodger,
A generous Cock,
How I wad craw and strut and roger
My kecklin Flock!

Buskit wi' mony a bien, braw feather,
I was defied the warst o' weather:
When corn or bear I could na gather
To gie my burdies;
I'd treated them wi' caller heather,
And week-knooz'd hurdies.

Nae cursed CLERICAL EXCISE
On honest Nature's laws and ties;
Free as the vernal breeze that flies
At early day,
We'd tasted Nature's richest joys,
But stint or stay.

But as this subject's something kittle,
Our wisest way's to say but little;
And while my Muse is at her mettle,
I am, most fervent,
Or may I die upon a whittle!
Your Friend and Servant

Robert Burns

«Я призван был к суду святош...»

Я призван был к суду святош
Как первый из гуляк, сэр;
Взялись занудно поучать:
Живу я, мол, не так, сэр.

Немногословным был ответ:
«Зазря шуметь негоже:
Пока жена висит на мне,
Готов вставлять ей тоже».

Александру Файндлейтеру¹⁵²⁸

Эллисленд, субботним утром

Вам, сэр,

Везунья¹⁵²⁹ скромно шлёт
Свой дар, яички, лишь снесёт;
Бог ляжки петуху даёт,
Чтоб крыть несущек:
Запустит когти – не уйдёт,
Не до игрушек!

Проклятье Рок вписал мне где-то
(Акцизный дрянь, дрянней поэта);
Будь петькой в перьях – песня спета:
Как, балагур,
Раздулся б я, была чтоб ета
Вся стая кур?

Красавца в перьях бденья тяжки:
Коль от погоды нет поблажки,
С пшеницей, ячменём промашки,
Что дать хохлаткам?
На вереск вылезут, бедняжки,
Хвала остаткам.

Акциза мерзкого святош
В делах Природы не найдёшь;
Весной нам волю – бриз хорош –
Даёт рассвет,
Изведали бы негу сплошь,
Запретов нет.

За щекотливостью предмета
Мудрей не развивать сюжета;
Пока дух музыки жжёт поэта,
Я весь пылаю
(Иначе – нож, а следом Лета!),
Всех благ желаю!

Роберт Бёрнс

To Capt Gordon

on Being Asked Why I was not to be One of the Party with Him
and His Brother Kenmure at Syme's.

Dost ask, dear Captain, why from Syme
I have no invitation,
When well he knows he has with him
My first friends in the nation?

Is it because I love to toast,
And round the bottle hurl?
No! there conjecture wild is lost,
For Syme by God's no churl!

Is't lest with bawdy jests I bore,
As oft the matter of fact is?
No! Syme the theory can't abhor
Who loves so well the practice.

Is it a fear I should avow
Some heresy seditious?
No! Syme (but this is entre nous)
Is quite an old Tiresias.

In vain Conjecture thus would flit
Thro' mental clime and season:
In short, dear Captain, Syme's a Wit
Who asks of Wits a reason?

Yet must I still the sort deplore
That to my griefs add one more,
In balking me the social hour
With you and noble Kenmure.

To Symon Gray

Symon Gray,
You're dull today.

Dulness, with redoubted sway,
Has seized the wits of Symon Gray.

Dear Cimon Gray,
The other day,
When you sent me some rhyme,
I could not then just ascertain
Its worth, for want of time.

But now today, good Mr. Gray,
I've read it o'er and o'er,
Tried all my skill, but find I'm still
Just where I was before.

We auld wives' minions gie our opinions,
Solicited or no;

Капитану Гордону¹⁵³⁰,

спросившему, почему я не был с ним
и с его братом Кенмуром на вечеринке у Сайма

Дивитесь, милый капитан,
Что Сайм не рад поэту,
Когда сам знает, не профан:
Вернее друга нету?

Мол, в тостах я неудержим,
И буйство рвётся с губ?
Как глупость сходу отклоним,
Ведь Сайм отнюдь не груб!

Всё из-за шуточек с душком
(Тут грешен я, не спорю)?
Нет! Сайм и с практикой знаком,
И не бежит теорий.

Бойтся, ересь я загну,
Задам святошам жара?
Нет! Сайм (но это *entre nous*¹⁵³¹)
Тирезиасу¹⁵³² пара.

Опять с догадками впросак,
Судя пути людские;
Короче: Сайм и сам остряк,
Зачем ему другие?

Одной печали, как итог,
Не выплакать слезами:
Что повидаться я не смог
Ни с Кенмуром, ни с Вами.

Саймону Грэю¹⁵³³

Саймон Грэй,
Нет вас дурней.

Дурь, со свирепой ярью всей,
Сгребла ваш разум, Саймон Грэй.

О Грэй, от вас
И в прошлый раз
Я вирши получил,
Сколь худ ваш слог, судить не мог,
Поскольку занят был.

Теперь, ей-ей, любезный Грэй,
Искал стократно соль,
Явив весь пыл; установил,
Что вновь, где был дотоль.

Тем, кто старух прельщает слух,
Открыта к мненьям дверь;

Then of its fau'ts my honest thoughts
I'll give – and here they go.

Such damn'd bombast no time that's past
Will show, or time to come,
So, Cimon dear, your song I'll tear,
And with it wipe my bum.

To the Hon. Wm R Maule of Panmure
on His High Phaeton

Thou fool, in thy Phaeton towering,
Art proud when that Phaeton's prais'd?
'Tis the pride of a Thief's exhibition
When higher his pillory's rais'd.

Tweedmouth Town

Near Tweedmouth town there liv'd three maids,
Who used to tope good ale;
An' there likewise liv'd three wives,
Who sometimes wagged their tale;
They often met, to tope an' chat,
And tell odd tales of men;
Crying, when shall we meet again, an' again,
Crying, when shall we meet again.

Not far from these there liv'd three widows,
With complexions wan an' pale,
Who seldom used to tope an' bouse,
An' seldom wagged their tale.
They sigh'd, they pin'd, they griev'd, they whin'd,
An' often did complain,
Shall we, quo they, ne'er sport or play
Nor wag our tails again, an' again.
Nor wag our tails again.

Nine northen lads with their Scots plaids,
By the Union, British call'd,
All nine-inch men, to a bousing came,
Wi' their brawny backs I'm tald.
They all agreed, to cross the Tweed,
An' ease them of their pain;
They laid them all down,
An' they fucked them all round,
An' cross'd the Tweed again, an' again.
An' cross'd the Tweed again.

Про их стиши от всей души
Я выскажусь теперь.

Помпезный бред: о прошлом? Нет!
О будущем? Навряд;
Дань мастерству: песнь вашу рву
И подтираю зад.

Достопочтенному У.Р. Моулу-оф-Панму́ру¹⁵³⁴
о его высоком фаэ́тоне¹⁵³⁵

Ты, дурень, в фаэтоне-башне
Тем горд, что хвалят фаэтон?
Вор так же горд столбом позорным,
Что над толпою вознесён.

Город Твидму́т¹⁵³⁶

Под Твидмутом дева́хам трём
Пивко пить в самый раз,
И трём каргам град Твидмут дом:
Тьма сплетен про запас;
А встреч их суть – хлебнуть, сболтнуть,
Мужчин пообсуждать,
Вопя: «Когда ж опять, и опять?»
Вопя: «Когда ж опять?»

Трёх вдов не впишем в этот круг,
Отметив бледность лиц,
Чей редко пьяным был досуг,
Брехать не мастериц.
Судьба горька, нытьё, тоска,
Всем трём вольно́ вздыхать:
«Неужто нам – в чём радость дам –
Не подмахнуть опять, и опять,
Не подмахнуть опять?»

Девятерых – всяк в пледе лих,
Бритт ныне¹⁵³⁷ (дюймов, верь,
По девять¹⁵³⁸, так) – собрал кабак;
Все девять спин, как дверь.
Их не страшит плыть через Твид¹⁵³⁹:
Помочь в беде не грех;
Поуложили всех,
Чтоб трахнуть без помех,
И взят был Твид опять, и опять,
И взят был Твид опять.

Sandy and Jockie

Twa bony lads were Sandy and Jockie;
Jockie was lo'ed but Sandy unlucky;
Jockie was laird baith of hills and of vallies,
But Sandy was nought but the king o' gude fellows.
Jockie lo'ed Madgie, for Madgie had money,
And Sandie lo'ed Mary, for Mary was bony:
Ane wedded for Love, ane wedded for treasure,
So Jockie had siller, and Sandy had pleasure.

We're A' Gaun Southie, O

Callum cam to Campbell's court,
An' saw ye e'er the make o't;
Pay'd twenty shillings for a thing,
An' never got a straik o't.

We're a' gaun southie, O,
We're a' gaun there;
An' we're a' gaun to Mauchlin fair,
To sell our pickle hair.

Pay'd twenty shillings for a quine,
Her name was Kirsty Lauchlan;
But Callum took her by the cunt,
Before the laird o' Mauchline.

Callum cam to Kirsty's door,
Says, Kirsty are ye sleepin'?
No sae soun as ye wad trow,
Ye'se get the thing ye're seekin'.

Callum had a peck o' meal,
Says, Kirsty, will ye draik it?
She whippet off her wee white-coat,
An' birket at it nakit.

Bonie lassie, braw lassie,
Will ye hae a soger?
Then she took up her duddie sark,
An' he shot in his Roger.

Kind kimmer Kirsty,
I loe wi' a' my heart, O,
An' when there's ony penis gaun,
She'll ay get a part, O.

When Princes and Prelates

When Princes and Prelates and het-headed zealots
All Europe hae set in a lowe,
The poor man lies down, nor envies a crown,
And comforts himsel with a mowe.

Сэнди и Джоки¹⁵⁴⁰

Славные парни – и Сэнди, и Джоки;
Джоки любили, у Сэнди мороки;
Джоки – владетель долин и холмов,
А Сэнди – бедняк, предводитель юнцов.
Джоки влип в Мэджи, девицу с мошною,
А Сэнди влип в Мэри, пленён красотою;
Женились они: по любви ли, для вклада,
У Джоки богатство, у Сэнди услада.

«На юг¹⁵⁴¹ все вместе, о...»

Калэм¹⁵⁴² в Кэмпбелл¹⁵⁴³ зван на суд –
Зван для потехи, что ли?
Штраф – двадцать шиллингов всего,
И даже не пороли.

На юг все вместе, о,
Зовёт дорога;
Хотим шерсть в Мо́хлине продать:
Её, дрянной, немного.

Дал двадцать шиллингов за честь
Красотки Кёрсти Ло́хлэн:
Ту за пиздёнку Калэм взял,
Потом уж лэрд твой, Мохлин.

Калэм к Кёрсти шасть под дверь:
«Кёрсти, спишь, подружка?»
Ну, считай, что дождалась:
Вот тебе игрушка».

Калэм – в гости с молочком:
«Кёрсти, на парного!»
Та одёжку-крошку прочь,
А под ней немного.

«Ну, красотка, на постой
Примешь ли солдата?»
Рвань-сорочку задрала,
Он и влез куда-то.

Я к добрячке Кёрсти
Всем сердцем прикипел, о,
Когда б какой ни вылез хер,
Она не мимо дел, о.

«Прелаты и принцы...»¹⁵⁴⁴

Прелаты и принцы, огонь-якобинцы
Европой хотят овладеть,
Бедняк же ложится (корона не снится),
Чтоб милым заняться – поеть.

And why shouldna poor folk mowe, mowe, mowe,
And why shouldna poor folk mowe:
The great folk hae siller, and houses and lands,
Poor bodies hae naething but mowe.

When Brunswick's great Prince cam a cruising to France
Republican billies to cowe,
Bauld Brunswick's great Prince wad hae shawn better sense
At hame with his Princess to mowe.

Out over the Rhine proud Prussia wad shine,
To spend his best blood he did vow;
But Frederic had better ne'er forded the water,
But spent as he docht in a mowe.

By sea and by shore! the Emperor swore,
In Paris he'd kick up a row;
But Paris saw ready just leugh at the laddie
And bad him gae tak a mowe.

Auld Kate laid her claws on poor Stanislaus,
And Poland has bent like a bow:
May the deil in her arse ram a huge prick of brass!
And damn her in hell with a mowe!

But truce with commotions and new-fangled notions,
A bumper I trust you'll allow:
Here's George our gude king and Charlotte his queen,
And lang may they tak a gude mowe!

Will Ye na Can Ye na Let Me be

There liv'd a wife in Whistle-cockpen
Will ye na can ye na let me be,
She brews gude yill for gentleman,
And ay she waggit it wantonlie.

The night blew sair wi' wind and weet,
Will ye na can ye na let me be,
She shaw'd the traveller ben to sleep,
And ay she waggit it wantonlie.

She saw a sight below his sark,
Will ye na can ye na let me be,
She wadna wanted it for a mark,
And ay she waggit it wantonlie.

She saw a sight aboon his knee,
Will ye na can ye na let me be,
She wadna wanted it for three,
And ay she waggit it wantonlie.

С чего беднякам бы не есть, есть, есть, есть,
С чего беднякам бы не есть?
У знатных есть деньги, дома и земля,
А бедным осталось лишь есть.

Брауншвейга владыка¹⁵⁴⁵ разгневался дико:
«Республику в прах растереть!»
Вояке-владыке уняться бы в крике,
Свою бы хозяйку поеть.

Зашёлся, да как, за Рейном пруссак¹⁵⁴⁶,
Поклялся, вишь, кровь не жалеть;
Ему, сумасброду, не лезть бы за воду,
Зато со всей силы поеть.

В божбе император¹⁵⁴⁷ отменный оратор:
Париж сапогом рад поддеть;
Париж выл от смеха: ты, малый, потеха,
Ступай, мол, кого-нибудь еть!

Катюха-шалава когтит Станислава¹⁵⁴⁸,
А Польше, согнувшись, терпеть;
Загнать бы ей смаху да в сраку медяху,
Чертяке в аду её еть!

Но хватит волнений, новёхоньких мнений;
Вот тост мой: Георгу чтоб впредь
Шарлотту¹⁵⁴⁹ свою, на том настою,
И долго, и радостно еть!

«Хоть ты лопни, а я тут как тут...»¹⁵⁵⁰

Знал тётку эту Вистл-кокпён¹⁵⁵¹,
Хоть ты лопни, а я тут как тут,
Пивку её рад джентльмен,
Извечно склоняла на блуд.

Ночь-стерва – с ветром и дождём,
Хоть ты лопни, а я тут как тут,
Вот путника пустила в дом,
Извечно склоняла на блуд.

Рубахи ниже видит знак,
Хоть ты лопни, а я тут как тут,
«За марку¹⁵⁵² дать – считай, за так»,
Извечно склоняла на блуд.

«Вон над коленом знак, смотри»,
Хоть ты лопни, а я тут как тут,
«Не даст, пожалуй, и за три»,
Извечно склоняла на блуд.

O whare live ye, and what's your trade?
Will ye na can ye na let me be,
I am a thresher gude, he said,
And ay she waggit it wantonlie.

And that's my flail and workin' graith,
Will ye na can ye na let me be,
And noble tools, quo' she, by my faith!
And ay she waggit it wantonlie.

I wad gie a browst, the best I hae,
Will ye na can ye na let me be,
For a gude darge o' graith like thae,
And ay she waggit it wantonlie.

I wad sell the hair frae aff my tail,
Will ye na can ye na let me be,
To buy our Andrew siccan a flail,
And ay she waggit it wantonlie.

Yon, Yon, Yon Lassie

I never saw a silken gown,
But I wad kiss the sleeve o't;
I never saw a maidenhead
That I wad spier the leave o't.

O, yon, yon, yon, lassie,
Yon, yon, yon;
I never met a bonie lass
But what wad play at yon.

Tell nae me, o' Meg my wife,
That crowdie has na savour:
But gie to me a bonie lass
An' let me steal the favour.

Gie me her I kis't yestreen,
I vow but she was handsome,
For ilka birss upon her cunt,
Was worth a royal ransom.

Dumfries Epigrams

Copeland faithful likeness, friend Painter, would'st seize?
Keep out Worth, Wit and Wisdom: Put in what you please.

* * *

Extempore on Miss E. I., a Lady of a figure indicating amazonian strength.

Should he escape the slaughter of thine Eyes,
Within thy strong Embrace he struggling dies.

* * *

«Откуда ты, и занят чем? –
Хоть ты лопни, а я тут как тут –
Знай молочу, на радость всем»,
Извечно склоняла на блуд.

«Вот цеп мой, вот чем я тружусь»;
Хоть ты лопни, а я тут как тут;
Она: «Достойно всё, клянусь!»
Извечно склоняла на блуд.

«Тебе всё лучшее отдам, –
Хоть ты лопни, а я тут как тут –
За труд, в котором ты упрям»,
Извечно склоняла на блуд.

«Я зад не пожалею свой, –
Хоть ты лопни, а я тут как тут, –
Чтоб был у Эндрю цеп такой»,
Извечно склоняла на блуд.

«Вон, вон, вон краса...»

Шёлк платья прежде не видал –
Рукав лобзал бы, братцы;
Я прежде деву не просил
С девичеством расстаться.

Ох, вон, вон, вон краса,
Вон, вон, вон;
Я сроду не видал
Такой, как эта вон.

И не талдычь мне, жёнка Мэг,
Что вкуса нету в кашке¹⁵⁵³:
Красу-девицу только дай,
Все выкраду поблажки.

Дай ту, что целовал вечор:
Нет краше ей на смену;
За всякий волос на пизде
Дам царскую я цену.

Дамфрисские эпиграммы¹⁵⁵⁴

Как с Коуплендом¹⁵⁵⁵ сходство, художник, поймать?
«Честь с разумом – прочь, хоть чего – напихать».

* * *

Экспромт, посвящённый мисс Э.И.¹⁵⁵⁶, силой сложения напоминающей амазонку

Уж коль не убьёт кого злобный твой взгляд,
В объятьях твоих уцелеет навряд.

* * *

Pray, who are these Natives the Rabble so ven'rate?
They're our true ancient Natives, and they breed undegen'rate
The ignorant savage that weather'd the storm,
When the man and the Brute differed but in the form.

* * *

Dost hang thy head, Billy, asham'd that thou knowest me?
'Tis paying in kind a just debt that thou owest me.

* * *

Dost blush, my dear Billy, asham'd of thyself,
A Fool and a Cuckold together?
The fault is not thine, insignificant elf,
Thou wast not consulted in either.

* * *

Friend Commissar, since we're met and are happy,
Pray why should we part without having more nappy!
Bring in t'other bottle, for faith I am dry
Thy drink thou can't part with and neither can I.

* * *

Oft I have wonder'd that on Irish ground
No poisonous Reptile ever has been found:
Revealed the secret stands of great Nature's work:
She preserved her poison to create a Burke!

* * *

Baillie Swan, Baillie Swan,
Let you do what you can,
God ha' mercy on honest Dumfries:
But e'er the year's done,
Good Lord! Provost John
Will find that his Swans are but Geese.

Elegy on Mr William Cruikshank A.M.

Now honest William's gaen to Heaven,
I wat na gin 't can mend him:
The fauts he had in Latin lay,
For nane in English kend them.

Epitaph

Lo worms enjoy the seat of bliss
Where Lords and Lairds afore did kiss.

Epitaph for Hugh Logan

Here lyes Squire Hugh – ye harlot crew,
Come mak' your water on him.

Кто эти «уроженцы»¹⁵⁵⁷, которых Рэб так чтит?
То наши «уроженцы», их племя породит
Дикарскую породу, что все шторма снесёт:
Не разберёшь по виду, где человек, где скот.
* * *

Стыдишься, Билли¹⁵⁵⁸, что со мной знаком?
Ещё я добр с тобой как с должником.
* * *

Краснеешь, друг Билли, стыдобой объят:
Дурак, да к тому же с рогами?
Ты, гном неприметнейший, не виноват,
Несчастья нахлынули сами.
* * *

Я рад комиссару¹⁵⁵⁹, и не понарошку,
Расходимся – как ни хлебнуть на дорожку?
Бутылку неси, в моей глотке сушняк,
Тебе, как и мне, не уняться никак.
* * *

Дивился часто на ирландский край,
Где гадов ядовитых нет, считай;
Раскрыл секрет: Природы славен труд,
На Бёрка¹⁵⁶⁰ весь свой яд пустила тут!
* * *

Свон, судья, Свон, судья, –
Лебедь¹⁵⁶¹, воля твоя!
Дамфрис рад – описать не берусь;
Но год пролетел,
Мэр Джон¹⁵⁶² разглядел:
Ты вовсе не лебедь, а гусь.

Элегия на смерть мистера Уильяма Крукшенка, А.М.¹⁵⁶³

В рай честный Уильям улетел,
Беду не сглажу эту;
С ошибками в латыни пел –
Ведь знатоков-то нету.

Эпитафия

Червей чарует тот блаженный зад,
Что лорд и лэрд лобзали день назад.

Эпитафия Хью Логану¹⁵⁶⁴

Сквайр Хью здесь лёг – сей бугорок
Полейте, шлюхи, сами.

I'm sure that he weel pleas'd would be
To think ye pish'd upon him.

Epitaph for J.H. Writer in Ayr

Here lies in a Scots mile of a chiel,
If he's in heaven, Lord, fill him weel!

Epitaph for Mr Walter Riddell

So vile was poor Wat, sic a miscreant slave,
That the worms ev'n damn'd him when laid in his grave;
"In his skull there is famine," a starved reptile cries,
"And his heart it is poison!" another replies.

Epitaph on Robert Muir

What man could esteem, or what woman could love,
Was he who lies under this sod:
If such Thou refuses admission above,
Then whom wilt Thou favour, Good God?

Epitaph on Wm. Graham, Esq of Mossknowe

"Stop thief!" dame Nature called to Death,
As Willy drew his latest breath:
How shall I make a fool again?
My choicest model thou hast ta'en.

On a Suicide One

Here lies in earth a root of Hell
Set by the Deil's ain dibble:
This worthless body damn'd himsel
To save the Lord the trouble.

On an Innkeeper in Tarbolton

Here lies 'mang ither useless matters,
A. Manson wi' his endless clatters.

On Marriage

That hackney'd judge of human life,
The Preacher and the King,
Observes: – 'The man that gets a wife
He gets a noble thing.'
But how capricious are mankind,
Now loathing, now desirous!
We married men, how oft we find
The best of things will tire us!

На трезвый взгляд, он был бы рад
Знать, что обоссан вами.

Эпитафия Дж.Х.¹⁵⁶⁵, стряпчему из Эйра

Шотландской милей¹⁵⁶⁶ малый в землю лёг;
Коль он в раю, пой отменно, Бог!

Эпитафия мистеру Уолтеру Ридделу {2}¹⁵⁶⁷

Столь пакостен был Уот¹⁵⁶⁸, что мерзкому рабу
Проклятье от червей досталось и в гробу;
В крик червь: «В черепушке жратвы никакой!»
«А в сердце – отрава!» – заметил другой.

Эпитафия Роберту Мьюру¹⁵⁶⁹

Тот в дружбе был верен, в любви был хорош,
Чья тут упокоилась плоть;
Коль места на Небе ему не найдёшь,
Кого же Ты любишь, Господь?

Эпитафия У. Грэму, эсквайру из Моссноу¹⁵⁷⁰

Лишь Вилли перестал дышать,
Природа – Смерти: «Он не твой!»
Когда ещё смогу создать
Образчик тупости такой?»

О самоубийце {2}¹⁵⁷¹

Здесь тот, чьим адским корешкам
Путь вырыт сатаною:
У Бога меньше (проклят сам!)
Заботою одною.

О тарболтонском трактирщике

Обрёл покой среди кучи хлама
А. Мэнсон¹⁵⁷², что шумел упрямо.

О женитьбе

Банален жизненный подход
Провидца и царя¹⁵⁷³,
Что рек: «Всяк благо обретёт,
Жену себе беря».
Но как мужской капризен род:
Мечтал – остыл всецело!
Женатым, нам, на ум идёт,
Сколь благо надоело!

A Ballad

While Prose-work and rhymes
Are hunted for crimes,
And things are – the devil knows how;
Aware o' my rhymes,
In these kittle times,
The subject I chuse is a mow.

Some cry, Constitution!
Some cry, Revolution!
And Politicks kick up a rowe;
But Prince and Republic,
Agree on the Subject,
No treason is in a good mow.

Th' Episcopal lawn,
And Presbyter band,
Hae lang been to ither a cove;
But still the proud Prelate,
And Presbyter zealot
Agree in an orthodox mow.

Poor Justice, 'tis hinted
Ill natur'dly squinted,
The Process – but mum – we'll allow
Poor Justice has ever
For Cunt had a favor,
While Justice could tak a gude mow.

Now fill to the brim
To her, and to him,
Wha willingly do what they dow;
And ne'er a poor wench
Want a friend at a pinch,
Whase failing is only a mow.

A Fragment

Green grow the rashes O,
Green grow the rashes O,
The lasses they hae wimble bores,
The widows they hae gashes O.

In sober hours I am a priest;
A hero when I'm tipsey, O;
But I'm a king and ev'ry thing,
When wi' a wanton Gipsy, O.

Баллада

Раз прозу, стихи
Гнобят за грехи,
Житуха – противно смотреть,
Кропая стихи
(Деньки-то лихи),
Сюжетом я выберу – еть.

Хотят конституций,
Хотят революций,
Политикам любо кипеть;
Взять принца ль, свободу,
Признают, и сходу:
Измены нет – славно поеть.

Епископ в шелках
И попик, не ах,
Пытались хлопот не иметь,
Но шишке-прелату
И попику-хвату
Вольно, по традиции, еть.

В судье-бедолаге
Нет веры к бумаге,
Но тсс! На судилище впредь
Судья-бедолага
В пизде видит благо,
Коль выдался случай поеть.

До края налей
За дев и парней,
Что даром не стали терпеть;
Девахе навек
Не мил человек,
Который откажется еть!

Отрывок {3}¹⁵⁷⁴

Камыш зелёный, о,
Камыш зелёный, о,
Без дырки не сыскать девиц,
Весьма дуплисты жёны, о.

По трезвяку я чисто поп,
Герой, хлебнув малёхо, о,
Но я король, вошедши в роль,
Коль баба не дурёха, о.

'Twas late yestreen I met wi' ane,
An' wow, but she was gentle, O!
Ae han' she pat roun' my cravat,
The tither to my penis O.

I dought na speak – yet was na fley'd
My heart play'd duntie, duntie, O;
An' ceremony laid aside,
I fairly fun' her cuntie, O.

Altho' He Has Left Me

Altho' he has left me for greed o' the siller,
I dinna envy him the gains he can win;
I rather wad bear a' the lade o' my sorrow,
Than ever hae acted sae faithless to him.

And I'll Kiss Thee Yet, Yet

An I'll kiss thee yet, yet,
An I'll kiss thee o'er again;
An I'll kiss thee yet, yet,
My bony Peggy Alison.

[Ilk Care and Fear, when thou art near,
I ever mair defy them, O;
Young kings upon their hansel throne
Are no sae blest as I am, O!]

When in my arms, wi' a' thy charms,
I clasp my countless treasure, O!
I seek nae mair o' Heav'n to share,
Than sic a moment's pleasure, O!

And by thy een sae bony blue,
I swear I'm thine forever O!
And on thy lips I seal my vow,
And break it shall I never O!

Andrew and His Cutty Gun

When a' the lave gaed to their bed,
And I sat up to clean the shoon,
O wha think ye cam jumping ben,
But Andrew and his cutty gun.

Blythe, blythe, blythe was she,
Blythe was she but and ben,
And weel she loved it in her neive,
But better when it slippit in.

Вечор тут встретился с одной,
Клянусь, гляделась мило, о!
Одной рукой за галстук хватать,
Другой за хер схватила, о.

Болтать не стал – явивши нрав,
Пустились пульсы в гонку, о, –
И, церемониться не став,
Взбодрил её пиздёнку, о.

«Пускай меня бросил...»

Пускай меня бросил, прельстившись деньгами,
Доходам завидовать мне не резон;
Я лучше снесу свою тяжкую ношу,
Чем с ним поступаю вероломно, как он.

«Я поцелую вновь и вновь...»

Я поцелую вновь и вновь,
И поцелую вновь вдогон;
Я поцелую вновь и вновь
Зазнобу Пэгги Элисон¹⁵⁷⁵.

Страх маеты, коль рядом ты,
Не числю и в помине, о;
Под принцем трон – на троне он
Не счастлив, как я ныне, о!¹⁵⁷⁶

Когда в руках твой дивный, ах,
Несметный клад сжимаю, о,
Сравнить не след дар горний, нет,
Мне с тем, в котором таю, о!

Клянусь под взором синих глаз
Отдать навеки душу, о!
Печатью губ скреплю сейчас –
Вовеки не нарушу, о!

Эндрю со своим стволом

«Когда я чищу башмаки,
И крепким сном забылся дом,
Кто влезет в комнатку ко мне?
Лишь Эндрю со своим стволом».

«Ох, как милашка весела,
Её весельем полон дом,
Ей там уютно, хорошо,
Но лучше мне быть в доме том».

Or e'er I wist he laid me back,
And up my gamon to my chin,
And ne'er a word to me he spak,
But HI tit out his cutty gun.

The bawsent bitch she left her whelps,
And hunted round us at the fun,
As Andrew dougled wi' his doup,
And fir'd at me with his cutty gun.

O some delight in cutty-stoup,
And some delight in cutty-mum,
But my delight an erselins coup,
Wi' Andrew and his cutty gun.

As I Cam down by Yon Castle Wa'

As I cam down by yon castle wa',
And in by yon garden green,
O there I spied a bony bony lass,
But the flower-borders were us between.

A bony bony lassie she was,
As ever mine eyes did see:
O five hundred pounds would I give,
For to have such a pretty bride as thee.

To have such a pretty bride as me,
Young man ye are sairly mista'en;
Tho' ye were king o' fair Scotland,
I wad disdain to be you queen.

Talk not so very high, bony lass,
O talk not so very, very high:
The man at the fair that wad sell,
He maun learn at the man that wad buy.

I trust to climb a far higher tree,
And herry a far richer nest:
Tak this advice o' me, bony lass,
Humility wad set thee best.

As I Cam o'er the Cairney Mount

As I came o'er the Cairney mount
And down amang the blooming heather,
Kindly stood the milkin-shiel
To shelter frae the stormy weather.

O my bonie Highland lad,
My winsome, weelfar'd Highland laddie;

«Меня он навзничь уложил,
До шеи мне задрал подол,
И ни словечка не сказал,
Лишь ввысь его задрался ствол.

Сучонке уж не до щенят,
Что веселей глазо́к нашёл:
Как Эндрю задницей вертел,
В меня вставляя жаркий ствол.

Услада – пригубить слегка,
Чуть помолчать – услада в том,
А мне услады пуще нет,
Чем с Эндрю и с его стволом».

«Я стену замка одолел...»

Я стену замка одолел
И угодил в зелёный сад;
Увидел деву – краше нет,
И, кроме клумбы, нет преград.

«Такой красавицы, как ты,
Не доводилось мне видать;
Отдам пять сотен фунтов, чтоб
Тебе, краса, в невесты взять».

«Меня, красу, в невесты взять?
Да ты, юнец, поди, в бреду;
Будь ты шотландским королём,
Всё за тебя я не пойду».

«Не заносись, краса моя,
Не заносись так круто ввысь;
Когда товар свой продаёшь,
Кто покупает, разберись.

На ствол повыше влезу я,
Гнездо богаче разорю;
Прими, красотка мой совет:
Умерь-ка лучше спесь свою».

«Я гору Кэрни взял, считай...»¹⁵⁷⁷

«Я гору Кэрни взял, считай,
Цветущим вереском дал ходу;
Доильный углядел сарай,
Чтоб переждать там непогоду».

«Славный горский паренёк,
Пригожей горца встретишь редко!

Wha wad mind the wind and rain,
Sae weel row'd in his tartan plaidie.

Now Phebus blinkit on the bent,
And o'er the knowes the lambs were bleating:
But he wan my heart's consent,
To be his ain at the neist meeting.

As I Went out Ae May Morning

As I went out ae may morning,
A may morning it chanc'd to be;
There I was aware of a weelfar'd Maid
Cam linkin o'er the lea to me.

O but she was a weelfar'd maid,
The boniest lass that's under the sun;
I spier'd gin she could fancy me,
But her answer was, I am too young.

To be your bride I am too young,
To be your loun wad shame my kin,
So therefore pray young man begone,
For you never, never shall my favor win.

But amang yon birks and hawthorns green,
Where roses blaw and woodbines hing,
O there I learn'd my bonie lass
That she was not a single hour too young.

The lassie blush'd, the lassie sigh'd,
And the tear stood twinkling in her e'e;
O kind Sir, since ye hae done me this wrang,
It's pray when will ye marry me.

It's of that day tak ye nae heed,
For that's ae day ye ne'er shall see;
For ought that pass'd between us twa,
Ye had your share as weel as me.

She wrang her hands, she tore her hair,
She cried out most bitterlie,
O what will I say to my mammie,
When I gae hame wi' my big bellie!

O as ye maut, so maun ye brew,
And as ye brew, so maun ye tun;
But come to my arms, my ae bonie lass,
For ye never shall rue what ye now hae done!

Дождь и ветер нипочём
Тем, кто обернут пледом в клетку.

Блеск Феба¹⁵⁷⁸, где земли края,
Овечки блеют там, далече;
Он победил, согласна я,
Чтоб стать его при новой встрече».

«Раз майским утром вышел я...»¹⁵⁷⁹

Раз майским утром вышел я,
И этим майским утром вдруг,
Гляжу, красавица идёт
Ко мне навстречу через луг.

Ох, и красавица была:
Не видел краше никогда;
Спросил, не нравлюсь ли я ей, –
Сказала, слишком молода.

«В невесты Вам я молода,
Стать Вашей – опозорить род,
Убраться попрошу Вас прочь,
Тут Вас успех вовек не ждёт».

В боярке, в зелени берёз,
Где розы, жимолости плеть,
Твердил красавице своей,
Что час единый зря терпеть.

Краснела дева, слала вздох.
И слёзы капали из глаз:
«Мне навредили, добрый сэр,
Когда же обвенчают нас?

Вам безразличен этот день,
Вам эта дата не видна;
Но в том, что было промеж нас,
Участница не я одна».

В кручине волосы рвала,
Брала рыданьем на извод:
«О, что я матушке скажу,
Когда увидит мой живот!»

«Насолодив, вари пивко,
Сваривши, в бочки лей потом;
Приди в объятья, о краса,
Жалеть не будешь ни о чём!»

Blyth Will an' Bessie's Wedding

There was a weddin' o'er in Fife,
An' mony ane frae Lothian at it;
Jean Vernor there maist lost hir life,
For love o' Jamie Howden at it.

Blyth Will an' Bessie's wedding',
Blyth Will an' Bessie's wedding',
Had I been Will, Bess had been mine,
An' Bess an' I had made the weddin'.

Right sair she grat, an' wet her cheeks,
An' naithing pleas'd that we could gie her;
She tint her heart in Jeamie's breeks,
It cam nae back to Lothian wi' her.

[Tam]mie Tamson too was there,
Maggie Birnie was his dearie,
He pat it in amang the hair,
An' puddled there till he was weary.

When e'enin' cam the town was thrang,
An' beds were no to get for siller;
When e'er they fand a want o'room,
They lay in pairs like bread an' butter.

Twa an' twa they made the bed,
An' twa an' twa they lay the gither;
When they had na room enough,
Ilk ane lap on aboon the tither.

Bonie Laddie, Highland Laddie

I Hae been at Crookieden,
My bonie laddie, Highland laddie,
Viewing Willie and his men,
My bonie laddie, Highland laddie.
There our faes that brunt and slew,
My bonie laddie, Highland laddie,
There, at last, they get their due,
My bonie laddie, Highland laddie.

Satan sits in his black neuk,
My bonie laddie, Highland laddie,
Breaking sticks to roast the Duke,
My bonie laddie, Highland laddie,
The bloody monster gae a yell,
My bonie laddie, Highland laddie.
And loud the laugh gaed round a' hell,
My bonie laddie, Highland laddie.

Вилл с Бесси повенчались

Ну, в Файфе¹⁵⁸⁰ свадьба была!
Пол-Лотиана¹⁵⁸¹ веселилось;
Джин Бёрнор чуть не померла,
Так в Джеми Хаудена влюбилась.

Вилл с Бесси повенчались,
Вилл с Бесси повенчались,
Будь Виллом я, будь Бесс моей,
И мы бы повенчались.

Рыдала, слёзы солони,
Как мы ни утешали рьяно;
Всем сердцем – к Джеми нырь в штаны,
Не донести до Лотиана.

Тэмми Тэмсон был там тоже:
Мэгги Бёрни, своей крале,
Меж волос втыкать, похоже,
Так устал, насилиу сняли.

Темнело, город – у черты,
Подиними за деньги койку;
Ввиду всеобщей тесноты
Напоминали пары слойку.

Попарно заказав кровать,
В неё попарно залезали;
Так тесно было ночевать,
Что все друг с дружки не слезали.

Славный малый, горский малый¹⁵⁸²

Крукедён¹⁵⁸³ явил, ей-ей,
Мой славный малый, горский малый,
Вилли¹⁵⁸⁴ и его людей,
Мой славный малый, горский малый,
Там враг резал и рубил,
Мой славный малый, горский малый,
Там, в конце, и победил,
Мой славный малый, горский малый.

Виден сатана едва,
Мой славный малый, горский малый,
Рубит герцогу дрова,
Мой славный малый, горский малый,
Издав кровавый изверг крик,
Мой славный малый, горский малый,
И адский хохот кружит, дик,
Мой славный малый, горский малый.

Bonie Mary

When Mary cam over the border,
When Mary cam over the border,
As eith 'twas approachin the cunt of a hurchin,
Her arse was in sic a disorder.

Come cove me minnie come cove me;
Come cove me minnie come cove me;
The hair o' my erse is grown into my cunt,
And they canna win to, to mowe me.

But wanton Wattie cam west on't,
But wanton Wattie cam west on't,
He did it sae tickle, he left nae as meikle,
'Sa spider wad bigget a nest on't.

And was nae Wattie a Clinker,
He mow'd frae the Queen to the tinkler;
Then sat down, in grief, like the Macedon chief
For want o' mae warlds to conquer.

And o'what a jewel was Mary!
And o'what a jewel was Mary!
Her face it was fine, and her bosom divine,
And her cunt it was theekit wi'glory.

Carl an the king come

An somebodie were come again,
Then somebodie maun cross the main,
And every man shall hae his ain,
Carl an the king come.

Carl an' the king come,
Carl an' the king come;
Thou shalt dance and I will sing,
Carl and the king come.

I trow we swapped for the warse,
We gae the boot and better horse;
And that we'll tell them at the cross,
Carl an' the king come.

Coggie an' the king come,
Coggie an' the king come,
I'se be fou and thou'se be toom,
Coggie an' the king come.

Coggie an' the king come,
Coggie an' the king come;

Красотка Мэри {2}¹⁵⁸⁵

Шасть Мэри к нам из-за границы,
Шасть Мэри к нам из-за границы –
Она, щеголиха, пиздою ежиха,
На жопе бардак у девицы.

«Стриги, мать, волосья мешают,
Стриги, мать, волосья мешают:
На заднице выросли, влезли в пизду,
И еть меня сил не хватает».

Но западный шустренький Уотти,
Но западный шустренький Уотти
Обильем щекотки оставил ошмётки,
Вы там паутину найдёте.

Был Уотти ловкач, обольщая
Цариц и цыганок без края;
Взгрустнул – так был рьян вождь македонян¹⁵⁸⁶ –
Кого покорить бы, мечтая.

А Мэри – ну прелесть девчонка!
А Мэри – ну прелесть девчонка!
В лице красота, не грудь, а мечта,
Увенчана славой пиздёнка.

Карл и король – к нам¹⁵⁸⁷

Чтоб возвратиться к нам опять,
Придётся брать морскую гладь,
Тут всякий должен выбирать,
Карл и король – к нам.

Карл и король – к нам,
Карл и король – к нам,
Спляшешь ты, а я спою,
Карл и король – к нам.

Видать, мы сдуру, дрянь ценя,
Сапог лишились и коня;
Пускай услышат, к нам гоня:
Карл и король – к нам.

Кружка и король – к нам,
Кружка и король – к нам,
Я буду пьяным, а ты нет,
Кружка и король – к нам.

Кружка и король – к нам,
Кружка и король – к нам;

Thou shalt dance and I will sing,
Coggie and the king come.

Cauld Frosty Morning

'Twas past ane o'clock in a cauld frosty morning,
When cankert November blows over the plain,
I heard the kirk-bell repeat the loud warning,
As, restless, I sought for sweet slumber in vain:
Then up I arose, the silver moon shining bright;
Mountains and valleys appearing all hoary white;
Forth I would go, amid the pale, silent night,
And visit the Fair One, the cause of my pain.
Sae gently I staw to my lovely Maid's chamber,
And rapp'd at her window, low down on my knee;
Begging that she would awauk from sweet slumber,
Awauk from sweet slumber and pity me:
For, that a stranger to a' pleasure, peace and rest,
Love into madness had fired my tortur'd breast;
And that I should be of a' men the maist unblest,
Unless she would pity my sad miserie!

My True-love arose and whispered to me,
(The moon looked in, and envy'd my Love's charms;)
'An innocent Maiden, ah, would you undo me!'
I made no reply, but leapt into her arms:
Bright Phebus peep'd over the hills and found me there;
As he has done, now, seven lang years and mair:
A faithfuller, constanter, kinder, more loving Pair,
His sweet-chearing beam nor enlightens nor warm.

Charlie, He's My Darling

'Twas on a Monday morning,
Right early in the year,
That Charlie came to our town,
The young Chevalier.

An' Charlie, he's my darling,
My darling, my darling,
Charlie, he's my darling,
The young Chevalier.

As he was walking up the street,
The city for to view,
O there he spied a bonie lass
The window looking through,

Спянешь ты, а я спою,
Кружка и король – к нам.

Морозным утром¹⁵⁸⁸

Раз утром морозным, уже после часу,
Когда вдоль равнины дул хлад ноября,
Я церкви внимал колокольному гласу,
В тревоге мечтая забыться, но зря;
Я встал при серебряном блеске луны;
Хребты и долины в красе седины;
Шаги через бледную тишь суждены:
Краса ожидает, мне беды даря.
Тихонько подкрался я к спальне милой,
В окно постучал, на колено припав,
Моля, чтоб проснуться достало ей силы,
Проснуться, являя отзывчивый нрав.
Ведь нет покоя, неги на пути моём,
Любовь в безумстве грудь терзает мне огнём;
Я смертных всех ничтожней в бедствии таком,
Сочувствия милой своей не познав!

Родимая встала, повис шепоток
(Взглянула, завидуя чарам, луна):
«Невинная дева, пусти на порог!»,
И мне распахнула объятья она;
Феб¹⁵⁸⁹ просиял, мне бросив взгляд из-за холма;
Семь с лишним лет творится эта кутерьма:
Верней, влюблённей пары, чем свела зима,
Не зрел и не грел он во все времена.

«Чарли, он мой милый...»

Раз утром в понедельник –
Не был год в старье –
К нам Чарли в город прикатил,
Юный шевалье.

Ах, Чарли, он мой милый,
Мой милый, мой милый,
Чарли, он мой милый,
Юный шевалье.

По улице прошёлся он,
На город бросив взгляд;
Ох, он красавицу искал
В окошках всех подряд;

Sae light's he jumped up the stair,
And tirl'd at the pin;
And wha sae ready as hersel'
To let the laddie in.

He set his Jenny on his knee,
All in his Highland dress;
For brawly weel he ken'd the way
To please a bonie lass.

It's up yon heathery mountain,
An' down yon scroggie glen,
We daur na gang a milking,
For Charlie and his men.

Comin' O'er the Hills o' Coupar

Donald Brodie met a lass,
Comin' o'er the hills o' Coupar,
Donald wi' his Highland hand
Graipit a' the bits about her.

Comin' o'er the hills o' Coupar,
Comin' o'er the hills o' Coupar,
Donald in a sudden wrath
He ran his Highland durk into her.

Weel I wat she was a quine,
Wad made a body's mouth to water;
Our Mess John, wi's auld grey pow,
His haly lips wad licket at her.

Up she started in a fright,
Thro' the braes what she could bicker:
Let her gang, quo' Donald, now
For in him's nerse my shot is sicker.

Kate Mackie cam frae Parton craigs,
The road was foul twixt that an' Couper;
She shaw'd a pair o' handsome legs,
When Highland Donald he o'ertook her.

Comin' o'er the moor o' Coupar,
Comin' o'er the moor o' Coupar,
Donald fell in love wi' her
An' row'd his Highland plaid about her.

They took them to the Logan steps
An' set them down to rest thegither,
Donald laid her on her back
An' fir'd a Highland pistol at her.

Легко по лестнице взлетел,
Чтоб в двери позвонить,
А та и рада, пуще нет,
Красавчика впустить.

Он Дженни не спускал с колен,
Как горец был одет;
Знал, что у девушки спросить,
Чтоб нужным был ответ.

По вереску на горку,
В глен склоном не с руки;
Нам там доить коровок,
Где Чарли и дружки.

«Каупаровы взяв вершины¹⁵⁹⁰...»

Доналд Бро́ди деву зрит,
Каупаровы взяв вершины;
Доналд деву оградит
Лапой горского мужчины.

Каупаровы взяв вершины,
Каупаровы взяв вершины,
Доналд в деву дерк¹⁵⁹¹ вогнал,
Впавши в ярость без причины.

Точно знаю, у ручья
Пить надумалось голубке;
Пастор наш, башкою сед,
Облизнул святые губки.

Испугавшись, дева вмиг
Припустила вверх по склону;
Доналд молвил: «Пусть бежит»
(Мне за горцем нет угону).

Кейт Мэ́кки Па́ртон¹⁵⁹² дом, где грязь
С той, каупаровской, не сравнится;
Догнали – ляжек красоту
Явила Доналду девица.

Каупаровы взяв болота,
Каупаровы взяв болота,
Деву кутал в горский плед
Доналд, жертва приворота.

У Ло́гана¹⁵⁹³, где крут подъём,
Передохнуть рядком присели,
На спинку Доналд уложил
Её, и пли – не мимо цели.

Lochleven Castle heard the rair,
An' Falkland-house the echo sounded;
Highland Donald gae a stare,
The lassie sigh'd, but was nae wounded.

Cuddie the Cooper

There was a cooper they ca'd him Cuddy,
He was the best cooper that ever I saw;
He came to girth our landlady's tubbie,
He bang'd her buttocks again the wa'.

Cooper quo' she, hae ye ony mony?
The deevil a penny, quo' Cuddy, at a!
She took out her purse, an' she gied him a guinea,
For banging her buttocks again the wa'.

Denty Daivy

Bein pursued by the dragoons,
Within my bed he was laid down
An weel I wat he was worth his room,
My ain dear denty Davie.

O leeze me on his curly pow,
Bonnie Davie, denty Davie;
Leeze me on his curly pow,
He was my denty Davie.

My minnie laid him at my back,
I trow he lay na lang at that,
But turned, an in a vera crack
Produced a denty Davie.

Then in the field amang the pease,
Behin' the hoose o Cherrytrees,
Again he wan atweesh my thies,
An, splash! gaed oot his gravy.

But haed I gowd, or haed I land,
It should be a' at his command;
I'll ne'er forget what he pat i' my hand,
It was a denty Davie.

Duncan Macleerie

Duncan Macleerie and Janet his wife,
They gaed to Kilmarnock to buy a new knife;
But instead of a knife they coft but a bleerie;
We're very weel saird, quo' Duncan Macleerie.

Лохле́вен-кас¹⁵⁹⁴ услышал крик,
Звучит над Фо́клэнд-хаусом¹⁵⁹⁵ эхо;
Глядь Доналд: дева издала
Лишь вздох – а рана не помеха.

Утырок-бондарь¹⁵⁹⁶

Жил бондарь один по прозванью Утырок,
Он мастером был подходящим вполне;
Помещице ладя кадушку без дырок,
Прибил её жопу толчками к стене.

«С деньгами ты, бондарь?» – хозяйка спросила,
А тот: «Чёрт ни пенни не выделил мне!»
Достала кошель и гинею вручила,
Чтоб сызнова жопу прибил ей к стене.

Сладкий Дэви {2}

Удрать сумевши от драгун,
Ко мне в постель нырнул шалун,
А он ведь кочет, не каплун,
Мой милый сладкий Дэви.

Кудрями свёл меня с ума,
Славный Дэви, сладкий Дэви;
Кудрями свёл меня с ума,
И он – мой сладкий Дэви.

Мамаша нас – спиной к спине,
Такое – долго – не по мне;
Он повернулся, и вполне
Сошёл как сладкий Дэви.

Потом на поле, где горох,
За домиком, у вишен трёх,
Меж ляжек вновь нырнул врасплох,
Подливкой брызнул Дэви.

Пойду или приду куда,
Ему послушна я всегда;
Я помню, что держать тогда
Мне дал мой сладкий Дэви.

Данкен Макли́ри¹⁵⁹⁷

Данкен Маклири шёл с Дже́нет, женой:
Нужен в Килмарноке¹⁵⁹⁸ ножик стальной;
Нож не нашли, утонули в блезире;
«Славное дело!» – рек Данкен Маклири.

Duncan Macleerie has got a new fiddle,
It's a' strung wi' hair, and a hole in the middle;
An' ay when he plays on't, his wife looks sae cheary,
Very weel done, Duncan, quo' Janet Macleerie.

Duncan he play'd till his bow it grew greasy;
Janet grew fretfu', and unco uneasy.
Hoot, quo' she, Duncan, ye're unco soon weary;
Play us a pibroch, quo' Janet Macleerie.

Duncan Macleerie play'd on the harp,
An' Janet Macleerie danc'd in her sark;
Her sark it was short, her cunt it was hairy,
Very weel danc'd, Janet, quo' Duncan Macleerie.

Errock Brae

O Errock stane, may never maid,
A maiden by thee gae,
Nor e'er a stane o'stanin' graith,
Gae stanin o'er the brae.

And tillin' Errock brae, young man,
An' tillin' Errock brae,
An open fur an 'stanin' graith,
Maun till the Errock brae.

As I sat by the Errock stane,
Surveying far and near,
Up cam a Cameronian,
Wi' a' his preaching gear.

He flang the Bible o'er the brae,
Amang the rashy gerse;
But the solemn league and covenant
He laid below my arse.

But on the edge of Errock brae,
He gae me sic a sten,
That o'er, and o'er and o'er we row'd,
Till we cam to the glen.

Yet still his pintle held the grip,
And still his bollocks hang;
That a Synod cou'd na tell the arse
To whom they did belang.

A Prelate he louns on before,
A Catholic behin',
But gie me a Cameronian,
He'll mow a body blin'.

Данкен взял новую скрипку: пора;
Волос натянут, а в центре дыра;
Лишь заиграл, и поднялся в ранжире:
«Славно!» – заметила Дженет Маклири.

Данкен смычок свой засалил неловко,
Вмиг взъерепенилась Дженет-плутовка.
«Тьфу ты! Что тянешься, как на буксире!
Пи́брок¹⁵⁹⁹ сыграй!» – просит Дженет Маклири.

Данкен на арфе наяривал звонко,
В пляске на Дженет – одна рубашонка:
Нету короче, щели нету шире;
«Дженет, ты чудо!» – ей Данкен Маклири.

Брег Э́ррока¹⁶⁰⁰

О камень Эррока, всех дев
Навек остерегу
На камне платье оставлять,
Как и на берегу.

Освоить этот брег, юнец,
Освоить этот брег?
Под силу платью, волосне
Освоить этот брег.

На камушке сидела я,
Смотря на мир кругом,
Тут камеронец¹⁶⁰¹ подошёл
(Орудия при нём).

Забросил Библию на брег
(Утёсник принял клад),
Но «Лигу с ковенантом»¹⁶⁰² он
Подсунул мне под зад.

У края Эрроковых вод
Пустился малый вскачь,
Вновь, вновь и вновь крутились мы...
Свалились в глен, хоть плачь.

Был крепко штырь его зажат,
А яйца же – ни-ни;
Синод бы жопе не сумел
Поведать, чьи они.

Прелат торопится всегда,
Католик отстаёт;
Вы камеронца дайте мне,
Пусть плоть он проебёт!

Galloway Tam

O Galloway Tam came here to woo,
I'd rather we'd gin him the brawnit cow;
For our lass Bess may curse and ban
The wanton wit o' Galloway Tam.

O Galloway Tam came here to shear,
I'd rather we'd gin him the gude gray mare;
He kist the gudewife and strack the gudeman,
And that's the tricks o' Galloway Tam.

Geordie

An Old Ballad

There was a battle in the north,
And nobles there was many,
And they hae kill'd Sir Charlie Hay,
And they laid the wyte on Geordie.

O he has written a lang letter,
He sent it to his lady;
Ye maun cum up to Enbrugh town
To see what words o' Geordie

. When first she look'd the letter on,
She was baith red and rosy;
But she had na read a word but twa,
Till she wallow't like a lily.

Gar get to me my gude grey steed,
My menzie a' gae wi' me;
For I shall neither eat nor drink,
Till Enbrugh town shall see me.

And she has mountit her gude grey steed,
Her menzie a' gaed wi' her;
And she did neither eat nor drink
Till Enbrugh town did see her.

And first appear'd the fatal block,
And syne the aix to head him;
And Geordie cumin down the stair,
And bands o' airn upon him.

But tho' he was chain'd in fetters strang,
O' airn and steel sae heavy,
There was na ane in a' the court,
Sae bra' a man as Geordie.

O she's down on her bended knee,
I wat she's pale and weary,
O pardon, pardon, noble king,
And gie me back my Dearie!

Галлоуэй Тэм¹⁶⁰³

Ох, Галлоуэй Тэм – ещё тот кавалер,
Ему бы коров охмурять, например:
Ведь Бесс изругает, задрючит совсем
За шутки похабные, Галлоуэй Тэм.

Ох, Галлоуэй Тэм стричь решил на дому,
Хвостом бы кобыльим заняться ему;
Поспорит с женой, мужа вздует затем –
Такой вот он баловник, Галлоуэй Тэм.

Джорди

Старинная баллада

Однажды в северном краю
Рубились знати орды,
Прикончен был сэр Чарли Хэй,
А обвинили Джорди.

О, Джорди длинное письмо
Послал своей хозяйке;
Езжайте в Энбрух¹⁶⁰⁴ почитать
Все строчки без утайки.

Взглянула леди на письмо,
Пунцово багровея;
Но лишь словцо прочла, и вот
Уж лилии бледнее.

«Седлайте серого коня,
С дружиною нагряну –
Притом, что я ни есть, ни пить
До Энбруха не стану».

Верхом на сером понеслась,
Дружина вслед скакала –
Притом она ни есть, ни пить
До Энбруха не стала.

Глядит, у плахи роковой
Топор, рубить готовый;
Сошёл вниз Джорди, и на нём
Железные оковы.

Пускай, закован в кандалы,
Влачил он тяжесть эту,
Но всё в суде ни одного
Красивей Джорди нету.

С колен, бледна, истомлена,
Она молить готова:
«Прости, прости его, король,
Мне возврати родного!

I hae born seven sons to my Geordie dear,
The seventh ne'er saw his daddie:
O pardon, pardon, noble king,
Pity a waefu' lady!

Gar bid the headin-man mak haste!
Our king reply'd fu' lordly:
O noble king, tak a' that's mine,
But gie me back my Geordie.

The Gordons cam and the Gordons ran,
And they were stark and steady;
And ay the word amang them a'
Was, Gordons keep you ready.

An aged lord at the king's right hand
Says, noble king, but hear me;
Gar her tell down five thousand pound
And gie her back her Dearie.

Some gae her marks, some gae her crowns,
Some gae her dollars many;
And she's tell'd down five thousand pound,
And she's gotten again her Dearie.

She blinkit blithe in her Geordie's face,
Says, dear I've brought thee, Geordie:
But there sud been bluidy bouks on the green,
Or I had tint my laddie.

He claspit her by the middle sma',
And he kist her lips sae rosy:
The fairest flower o' woman-kind
Is my sweet, bonie Lady!

Gie the Lass her Fairing

O gie the lass her fairing, lad,
O gie the lass her fairin',
An' something else she'll gie to you,
That's waly worth the wearin';
Syne coup her o'er amang the creels,
When ye hae taen your brandy,
The mair she bangs the less she squeels,
An' hey for houghmagandie.

Then gie the lass a fairin' lad,
O gie the lass her fairin',
An' sh'ell gie you a hairy thing,
An' of it be na sparin';
But coup her o'er amang the creels,
An' bar the door wi' baith your heels,

Семь сыновей родного ждут,
Отца не видел крошка,
Прости, прости его, король,
Дай жалости немножко!»

«Довольно мешкать палачу!» –
Король изрёк сурово;
«Король мой, всё что есть отдам
За Джорди, за родного!»

Род Гордонов – старинный род,
Твёрд прежде и поныне;
И слово, данное в роду,
Для Гордонов твердыня.

Рек одесную старый лорд:
«Король, ну право слово,
Пять сотен фунтов дать вели
И ей верни родного».

Давали марки, кроны ей,
И талеров¹⁶⁰⁵ премного;
Пять сотен фунтов отдала,
Вернула дорогого.

Пославши Джорди тёплый взор,
«Со мной ты вновь, – сказала, –
Всех изрубила бы, зато
Дружка не потеряла».

Её он обнял тонкий стан,
Рек, розы губ лобзая:
«Прекрасней женщин в мире нет,
Чем ты, моя родная!»

«Дай гостинец милой...»¹⁶⁰⁶

Ох, дай гостинец милой, друг,
Ох, дай гостинец милой,
Получишь кое-что взамен –
Не жаль расстаться с силой;
Среди корзин свали теперь,
Где фляжки бренди гладки,
Трах пуще – крошка, визг умерь,
Ура, продолжим блядки!

Так дай гостинец милой, друг,
Ох, дай гостинец милой,
Та – лохматушку на обмен,
Подарок не постылый;
И средь корзин свали теперь,
А пятками упрись-ка в дверь;

The mair she gets the less she squeels;
An' hey for houghmagandie.

Green Sleeves

Green sleeves and tartan ties
Mark my truelove where she lies;
I'll be at her or she rise,
My fiddle and I thegither.

Be it by the chrystal burn,
Be it by the milk-white thorn,
I shall rouse her in the morn,
My fiddle and I thegither.

Gude Wallace

'O, for my ain king,' quo' gude Wallace,
'The rightfu' king of fair Scotland,
Between me and my sovereign blude,
I think I see some ill seed sawn.'

Wallace out over yon river he lap,
And he has lighted low down on yon plain,
And he was a ware of a gay ladie,
As she was at the well washing.

'What tydins, what tydins, fair lady,' he says,
'What tydins hast thou to tell unto me
What tydins, what tydins, fair lady,' he says,
'What tydins hae ye in the south countrie?'

'Low down in yon wee Ostler-house
There is fyfteen Englishmen,
And they are seekin for gude Wallace;
It's him to take, and him to hang.'

'There's nocht in my purse,' quo' gude Wallace,
'There's nocht, not even a bare pennie;
But I will down to yon wee Ostler-house
Thir fyfteen Englishmen to see.'

And when he cam in to yon wee Ostler-house
He bad benedicite be there;
[The Englishmen at the table sat
The wine-fac'd captain at him did stare.]

'Where was ye born, auld crookit carl,
Where was ye born – in what countrie?'
'I am a true Scot born and bred,
And an auld crookit carl just sic as ye see.'

Блуд пуще – крошка, визг умерь,
Ура, продолжим блядки!

Зелёные рукава¹⁶⁰⁷

Тартан¹⁶⁰⁸, зелень рукавов
На любимой в мире снов;
Хоть будить я не готов,
Приду со скрипкой вместе¹⁶⁰⁹.

Где воды́ кристальной бег,
Где цветов боярки снег,
Утром ей не смежить век:
Приду со скрипкой вместе.

Славный Уоллес¹⁶¹⁰

«За короля, – рек славный Уоллес, –
Шотландия – его страна,
Но между мною и народом
Худые сеют семена».

За речку он перемахнул,
Взял гладь низины сгоряча
И веселушку углядел,
А та стирала у ключа.

«Что слышно, что слышно, красотка, – спросил, –
Что слышала ты, уж поведай-ка мне;
Что слышно, что слышно, красотка, – спросил, –
Что слышала в южной своей стороне?»

«У конюхов, в низине, вон,
Сидят пятнадцать англичан,
Сам славный Уоллес нужен им:
Схватить и вздёрнуть, вот их план».

Рек славный Уоллес: «Пуст кошель,
И пенни мне не трёт карман,
Но еду к конюхам, взглянуть
На тех пятнадцать англичан».

Он в домик конюхов вошёл
В недобрый час для англичан;
[Там шло застолье; на него
Взглянул пьянчуга-капитан:]

«Откуда родом, старый пень?
Родился где – в каком краю?»
«Да я шотландец коренной,
И здесь вот старым пнём стою».

'I wad gie fyfteen shillings to onie crookit carl'
To onie crookit carl just sic as ye,
If ye will get me gude Wallace,
For he is the man I wad very fain see.'

He hit the proud captain along the chaft blade,
That never a bit o' meal he ate mair;
And he sticket the rest at the table where they sat,
And he left them a' lyin sprawlin there.

'Get up, get up, gudewife,' he says,
'And get to me some dinner in haste;
For it will soon be three lang days
Sin I a bit o' meat did taste.'

The dinner was na weel readie,
Nor was it on the table set,
Till other fyfteen Englishmen
Were a' lighted about the yett.

'Come out, come out, now gude Wallace,
This is the day that thou maun die;'
'I lippen nae sae little to God,' he says,
'Altho' I be but ill wordie.'

The gudewife had an auld gudeman,
By gude Wallace he stiffly stood;
Till ten o' the fyfteen Englishmen
Before the door lay in their blude.

The other five to the greenwood ran,
And he hang'd these five upon a grain;
And on the morn wi' his merry men a'
He sat at dine in Lochmaben town.

I Love My Love In Secret

My Sandy gied to me a ring,
Was a' beset wi' diamonds fine;
But I gied him a far better thing,
I gied my heart in pledge o' his ring.

My Sandy O, my Sandy O,
My bonie , bonie Sandy O;
Tho' the love that I owe
To thee I dare na show,
Yet I love my love in secret, my Sandy O.

My Sandy brak a piece o' gowd ,
While down his cheeks the saut tears row'd;
He took a hauf , and gied it to me,
And I'll keep it till the hour I die.

«Пятнадцать шиллингов дам пню,
Такому пню, как ты, считай,
Коль Уоллеса доставит мне:
Его хочу я видеть – край».

Хлыщу-капитану влепил по зубам,
Тот больше жевать не сумеет никак;
И, всем за столом надававши чертей,
Оставив валяться, как пьяных гуляк.

«Вставай, хозяйюшка, вставай, –
Позвал, – живей корми меня,
Ведь крошки не было во рту
Уж, почитай, почти три дня».

Ещё не сладили обед,
Ещё за стол не сел народ –
Пятнадцать англичан других,
Глядишь, толпятся у ворот:

«Ну, славный Уоллес, выходи,
Давай, пришёл твой смертный час!»
Он им: «Со мной, пожалуй, Бог,
Хоть тьмы заслуг я не припас».

Хозяйкин муж немолод был,
Но встал за Уоллеса стеной;
Из пришлых десять полегло,
И кровь на дверь пошла волной.

А пятеро пустились в лес,
Их Уоллес вздёрунул, лишь нашёл;
С весёлой ратью поутру
Он сел в Лохмейбене¹⁶¹¹ за стол.

«Любовь к милому спрячу я...»

Явился Сэнди мой с кольцом,
Брильянты дивные на том;
В ответ, затмив подарков тьму,
Сердечко отдала ему.

Мой Сэнди, о, мой Сэнди, о,
Мой славный, славный Сэнди, о,
Хоть любовь я свою
От тебя утаю,
Любовь к милому спрячу я, Сэнди мой, о.

Кус злата Сэнди разломил
И щёки солью слёз омыл;
Ту половину, что моя,
Беречь до смерти буду я.

I Rede you Beware o' the Ripples

I rede you beware o' the ripples, young man,
I rede you beware o' the ripples, young man;
 Tho' the saddle be saft, ye needna ride aft,
For fear that the girdin' beguile ye, young man.

I rede you beware o' the ripples, young man,
I rede you beware o' the ripples, young man;
 Tho' music be pleasure, tak' music in measure,
Or ye may want win i' your whistle, young man.

I rede you beware o' the ripples, young man,
I rede you beware o' the ripples, young man;
 Whate'er ye bestow, do less than ye dow,
The mair will be thought o' your kindness, young man.

I rede you beware o' the ripples, young man,
I rede you beware o' the ripples, young man;
 Gif you wad be strang, and wish to live lang,
Dance less wi' your arse to the kipples, young man.

I'll Mak You be Fain to Follow Me

As late by a sodger I chanced to pass,
I heard him a courting a bony young lass;
My hinny, my life, my dearest, quo he,
I'll mak you be fain to follow me.
Gin I should follow you, a poor sodger lad,
Ilk ane o' my cummers wad think I was mad;
For battles I never shall lang to see,
I'll never be fain to follow thee.

To follow me, I think ye may be glad,
A part o' my supper, a part o' my bed,
A part o' my bed, wherever it be,
I'll mak you be fain to follow me.
Come try my knapsack on your back,
Alang the king's high-gate we'll pack;
Between Saint Johnston and bony Dundee,
I'll mak you be fain to follow me.

I'll Tell You a Tale of a Wife

I'll tell you a tale of a Wife,
 And she was a Whig and a Saunt;
She liv'd a most sanctify'd life,
 But whyles she was fash'd wi her cunt.

Poor woman! She gaed to the Priest,
 And till him she made her complaint;

«Уж ты поберёгся б волнений...»

Уж ты поберёгся б волнений, дружок,
Уж ты поберёгся б волнений, дружок;
С седловкой знаком, ходил бы пешком,
Боясь, что некрёпка подпруга, дружок.

Уж ты поберёгся б волнений, дружок,
Уж ты поберёгся б волнений, дружок;
Рад музыки чуду, не слушай повсюду,
Не то победишь только в свисте, дружок.

Уж ты поберёгся б волнений, дружок,
Уж ты поберёгся б волнений, дружок;
Когда что даёшь, чуть дал – и хорош,
Вернее решат, что ты щедрый, дружок.

Уж ты поберёгся б волнений, дружок,
Уж ты поберёгся б волнений, дружок;
Чтоб крепеньким быть и долго прожить,
Пред девками жопой не дёргай, дружок.

«Ты не пожалеешь, связавшись со мной...»¹⁶¹²

Вчера мне попался солдат на пути,
Ну как ему мимо красотки пройти?
Звал «жизнью, отрадой, своею родной»,
«Ты не пожалеешь, связавшись со мной».
Пойду за тобою, голуба моя,
Подружки решат, будто спятила я;
Раз бой затяжной не считаю судьбой,
То вовсе не в радость связаться с тобой.

«Пойдём только, славное будет житьё:
Разделишь и ужин, и ложе моё,
Часть ложа отдам, будь ночлег хоть какой,
Ты не пожалеешь, связавшись со мной.
Свой ранец тебе я на спину взвалю,
Почувствуешь ты, как служить королю;
Сент-Джонстон будь или Данди¹⁶¹³ за спиной,
Ты не пожалеешь, связавшись со мной».

«Про тётку одну мой рассказ...»

Про тётку одну мой рассказ:
Из вигов; считалась святой;
Жила посвятее всех нас,
И маялась только с пиздой.

Бедняжку к священнику путь
Привёл с изложением беды:

'There's naething that troubles my breast
Sae sair as the sins of my cunt'.

'Sin that I was herdin at hame,
Till now I'm three score and ayont,
I own it wi' sin and wi' shame
I've led a sad life wi' my cunt'.

He bade her to clear up her brow,
And no be discourag'd upon 't;
For holy gude women enow
Were mony times waur't wi' their cunt.

It's naught but Beelzebub's art,
But that's the mair sign of a saunt,
He kens that ye're pure at the heart,
Sae levels his darts at your cunt.

What signifies Morals and Works,
Our works are no wordy a runt!
It's Faith that is sound, orthodox,
That covers the fauts o' your cunt.

Were ye o' the Reprobate race
Created to sin and be brunt,
O then it would alter the case
If ye should gae wrang wi' your cunt.

But you that is Called and Free
Elekit and chosen a saunt,
Will't break the Eternal Decree
Whatever ye do wi' your cunt?

And now with a sanctify'd kiss
Let's kneel and renew covenant:
It's this – and it's this – and it's this
That settles the pride o' your cunt.

Devotion blew up to a flame;
No words can do justice upon't;
The honest auld woman gaed hame
Rejoicing and clawin her cunt.

Then high to her memory charge;
And may he who takes it affront,
Still ride in Love's channel at large,
And never make port in a cunt!!!

In the Character of a Ruined Farmer

The sun he is sunk in the west;
All creatures retired to rest,
While here I sit, all sore beset,
With sorrow, grief, and woe:
And it's O, fickle Fortune, O!

«Ничто не тревожит мне грудь
Сильней, чем греховность пизды.

Грех в том, что творила я с ней
Три раза... иль больше, постой;
Позорит меня этот грех,
Но скучно живётся с пиздой».

Велел поп не лезть на рожон
И не поддаваться вреду,
Ведь множество праведных жён
Не раз побеждали пизду:

«То дьявольская суета:
Святые всегда на виду;
Прознал, что душой ты чиста,
И целит все стрелы в пизду.

Где Божьего много Труда,
Ничтожны все наши труды!
Лишь вера, чиста и тверда,
Покроет промашки пизды.

Будь твой из распутников род,
Чьи встали грехи чередой,
Тогда бы иной оборот
Имели проделки с пиздой.

Но призвана ты и вольна́,
Избрав образ жизни святой;
Завет есть на все времена,
Что б ты ни творила с пиздой.

Лобзание святое – из благ,
С колен обновляем бразды:
Вот так... и вот так... и вот так
Упрочим мы гордость пизды».

Тут преданность взмыла огнём,
Я праведней слов не найду;
Шла честно старуха в свой дом,
И радостно тёрла пизду.

Так тостом её помянём,
А тем, чьи сужденья худы,
Век плыть по любви кораблём,
Не зная, где гавань пизды!!!

В роли разорившегося фермера¹⁶¹⁴

Нырнуло солнце на закат,
Уснули твари все подряд,
Лишь я сижу, бедой объят,
Нет горя, пуще моего;
Как ветрена Удача, о!

The prosperous man is asleep,
Nor hears how the whirlwinds sweep;
 But Misery and I must watch
The surly tempest blow:
And it's O, fickle Fortune, O!

There lies the dear Partner of my breast;
Her cares for a moment at rest:
 Must I see thee, my youthful pride,
Thus brought so very low!
And it's O, fickle Fortune, O!

There lie my sweet babies in her arms;
No anxious fear their little hearts alarms;
 But for their sake my heart does ache,
With many a bitter throe:
And it's O, fickle Fortune, O!

I once was by Fortune carest:
I once could relieve the distress:
 Now life's poor support, hardly earn'd
My fate will scarce bestow:
And it's O, fickle Fortune, O!

No comfort, no comfort I have!
How welcome to me were the grave!
 But then my wife and children dear
O, wither would they go!
And it's O, fickle Fortune, O!

O whither, O whither shall I turn!
All friendless, forsaken, forlorn!
 For in this world, Rest or Peace
I never more shall know!
And it's O, fickle Fortune, O!

Jockey Fou and Jenny Fain

Ithers seek they kenna what,
Feathers, carriage and a' that,
Gie me loove in her I court;
Loove to loove maks a' the sport.
Let loove sparkle in her e'e;
Let her loe no man but me;
That's the tocher gude I prize,
There the Luver's treasure lies.

Jockey was a Bonny Lad

My Jockey is a bonny lad,
A dainty lad, a merry lad,

Богатый млеет в сладком сне,
От вихрей защищён вполне,
И только Бедности да мне
Ждать бури злое естество;
Как ветрена Удача, о!

Вон та лежит, что всех милей,
И нет забот сейчас над ней;
По юной гордости моей
Удар снести больней всего!
Как ветрена Удача, о!

Вон, с ней в обнимку, малышня;
Страх, детских душ не оскверня,
Судьбою их когтит меня;
Терпеть мученья каково?
Как ветрена Удача, о!

Однажды был Удаче мил,
Однажды чуть не победил,
А нынче выбился из сил
И выживаю нелегко;
Как ветрена Удача, о!

Покоя нет, покоя нет!
Давно в могилу лечь бы след!
Но жёнке, деткам уйма бед:
Куда б семейство побрело?
Как ветрена Удача, о!

Куда, куда свернуть бы мог,
Забыт, покинут, одинок?
Мне в мире тихий уголок
Найти вовек не суждено!
Как ветрена Удача, о!

Джоки Пьянь и Дженни Плюнь¹⁶¹⁵

Люд готов искать своё:
Перья, выезд, то да сё,
Ты подсунь красотку мне,
Счастлив буду я вполне.
Дай глазам её огня,
Пусть полюбит лишь меня;
Не приданым я богат,
А нашёл любовный клад.

«Джоки очарует вмиг...»

Мой Джоки очарует вмиг,
Он славный малый и шутник,

A neat sweet pretty little lad,
An' just the lad for me.
For when we o'er the meadows stray,
He's ay sae lively ay sae gay,
An' aft right canty does he say,
There's nane he loes like me.

An' he's ay huggin ay dawtin',
Ay clappin', ay pressin',
Ay squeezin', ay kissin',
An' winna let me be.

I met my lad the ither day,
Friskin' thro' a field o' hay,
Says he, dear Jenny, will ye stay,
An' crack a while wi me.
Na, Jockey lad, I darena stay,
My mither she'd miss me away;
Syne she'll flyte an' scauld a' day,
An' play the diel wi me.

But Jockey still continued,
Ay huggin ay dawtin',
Ay clappin', ay pressin',
Ay squeezin', ay kissin',
An' winna let me be.

Hoot! Jockey, see my hair is down,
An' look you've torn a' my gown,
An how will I gae thro' the town,
Dear laddie tell to me.
He never minded what I said,
But wi' my neck an' bosom play'd;
Tho' I intreated, begg'd an' pray'd
Him no to touzle me.

But Jockey still continued
Huggin', dawtin', clappin', squeezin',
An' ay kissin', kissin', kissin',
Till down cam we.

As breathless an' fatigued I lay,
In his arms among the hay,
My blood fast thro' my veins did play
As he lay huggin' me;
I thought my breath wou'd never last,
For Jockey danc'd sae devilish fast;
But what cam o'er, I trow, at last,
There diel ane kens but me.

Он чудо, хоть и невелик,
Ну прямо для меня.
Когда брели с ним средь лугов,
Он был и весел, и толков,
Был с живостью твердить готов,
Что любит лишь меня.

Всё обнимал, милуя,
Болтал, преград не чуя,
Сжимая, целуя,
Всё тормошил меня.

Потом другим весёлым днём
На сенокос пошли вдвоём;
«Голубка Дженни, прихлебнём?» –
Он приглашал меня.
«Нет, Джок, дружочек, мне пора,
Мамаша в поисках с утра;
Она к такому недобра,
Опять пойдёт ругня».

А Джок напропалую
Всё обнимал, милуя,
Болтал, преград не чуя,
Сжимая, целуя,
Всё тормошил меня.

«Ой, Джок! Причёску растрепал
И платье мне, гляди, порвал,
Как через город, ты б сказал,
Пройти при свете дня?»
Но, не прислушавшись ничуть,
Ласкал он шейку мне и грудь,
Хоть просьб моих, молений суть,
Чтоб он не мьял меня.

А Джок напропалую
Сжимая, милуя, болтая, не чуя
Преграды, целуя, целуя, целуя –
Подмял меня!

Лежала, выбившись из сил,
На сене, там, где уложил,
И в жилах пульс, как молот, бил,
Лишь обнимал меня;
Уже, решила, не вздохнуть,
Так Джоки шустро прыг да круть;
А дальше что – спроси, добр будь,
Ты чёрта, не меня.

But soon he weari'd o' his dance,
O' his jumpin an' his prance,
An' he confess'd without romance,
He was fain to let me be.

John Anderson my Jo

Alt

John Anderson, my jo, John,
I wonder what ye mean,
To lie sae lang i' the mornin',
And sit sae late at e'en?
Ye'll bleer a' your een, John,
And why do ye so?
Come sooner to your bed at een,
John Anderson, my jo.

John Anderson, my jo, John,
When first that ye began,
Ye had as good a tail-tree,
As ony ither man;
But now it's waxen wan, John,
And wrinkles to and fro;
[I've t]wa gae-ups for ae gae-down,
[John] Anderson, my jo.

[I'm ba]ckit like a salmon,
[I'm] breastit like a swan;
My wame it is a down-cod,
My middle ye may span:
Frae my tap-knot to my tae, John,
I'm like the new-fa'n snow;
And it's a' for your convenience,
John Anderson, my jo.

O it is a fine thing, John,
To keep out o'er the dyke;
But it's a meikle finer thing,
To see your hurdies fyke;
To see your hurdies fyke, John,
And hit the rising blow;
It's then I like your chanter-pipe,
John Anderson, my jo.

When ye come on before, John,
See that ye do your best;
When ye begin to haud me,
See that ye grip me fast;
See tha ye grip me fast, John,
Until that I cry "Oh!"
Your back shall crack or I do that,
John Anderson, my jo.

Но вскоре, пляской утомлѣн,
Скачки, прыжки оставил он,
И был признаться принуждѣн,
Что рад он слезть с меня.

Джон Андерсон, родной {2}¹⁶¹⁶

Старинное

Джон Андерсон, родной, Джон,
Дивлюсь, как можешь ты
Валяться долго утром,
Сидеть до темноты?
Что, затуманив взгляд, Джон,
Ты словно неживой?
Спешу под вечер в койку,
Джон Андерсон, родной.

Джон Андерсон, родной, Джон,
В былые, помню, дни
Имел ты ствол добротный,
Как всяк, в кого ни ткни;
Ствол нынче вял и слаб, Джон,
И сморщенный такой;
Почти у всех покрепче,
Джон Андерсон, родной.

Я гладка, словно сѣмга,
Лебѣдушка в груди;
Живот мой, как подушка,
Тонка посреди;
С макушки и до пят, Джон,
Сияю белизной,
И всё к твоим услугам,
Джон Андерсон, родной.

Ох, воздержанья путь, Джон,
Конечно же, хорош,
Но зреть милей, как жопу
Твою пробрала дрожь;
Пробрала жопу дрожь, Джон,
Пошли толчки волной;
И дудка¹⁶¹⁷ мне твоя мила,
Джон Андерсон, родной.

Пристраиваясь встарь, Джон,
Ты устали не знал,
Когда меня хватал ты,
Так тотчас и вгонял;
Так тотчас и вгонял, Джон,
Пока не крикну «Ой!»...
Спина скрипит, жена блажит,
Джон Андерсон, родной.

John Anderson, my jo, John,
Ye're welcome when ye please;
It's either in the warm bed
Or else aboon the claes:
Or ye shall hae the horns, John,
Upon your head to grow;
An' that's the cuckold's mallison,
John Anderson, my jo.

John Come Kiss Me Now

O John, come kiss me now, now, now;
O John, my luve, come kiss me now;
O John, come kiss me by and by,
For weel ye ken the way to woo.

O some will court and compliment,
And ither some will kiss and daut;
But I will mak o' my gudeman,
My ain gudeman, it is nae faute.

O some will court and compliment,
And ither some will prie their mou,
And some will hause in ithers arms,
And that's the way I like to do.

Johnie Blunt

There liv'd a man in yonder glen,
And John Blunt was his name, O;
He maks gude maut, and he brews gude ale,
And he bears a wondrous fame, O.

The wind blew in the hallan ae night,
Fu' snell out o'er the moor, O;
'Rise up, rise up, auld Luckie,' he says,
'Rise up and bar the door, O.'

They made a paction tween them twa,
They made it firm and sure, O,
Whae'er sud speak the foremost word,
Should rise and bar the door, O.

Three travellers that had tint their gate,
As thro' the hills they foor, O,
They airted by the line o' light
Fu' straight to Johnie Blunt's door, O.

They haur'l'd auld Luckie out o' her bed,
And laid her on the floor, O;
But never a word auld Luckie wad say,
For barrin o' the door, O.

Джон Андерсон, родной, Джон,
Приди явить порыв
Хоть в тёплую постельку,
Хоть платья не стащив;
Не то тебе рога, Джон,
Наставит кто с женой,
А рогоносец проклят,
Джон Андерсон, родной.

«Джон, целуй сейчас...»

О Джон, целуй сейчас, сейчас,
О Джон, родной, целуй сейчас;
О Джон, целуй же вновь и вновь,
Как ухажёр ты в самый раз!

Один ухаживать горазд,
Ласкать и целовать другой;
Но я ведь муженька ищу,
И он, уж точно, будет мой.

Один ухаживать горазд,
Другой язык пускает в ход,
Иной же норовит обнять,
Мне мил такой вот оборот.

Джони Дуб¹⁶¹⁸

Жил в том вон глене человек,
И звался Джоном Дубом, о,
Так солодил, что эль его
С почётом шёл сугубым, о.

Раз ночью в двери ветер дул:
Спустила пустошь зверя, о;
Джон жёнке: «Встань, Везунья, встань,
Встань, да запи-ка двери, о».

А промеж ними уговор,
Серьёзный в полной мере, о:
Кто первым проронит словцо,
Тот запирает двери, о.

Троим дороги не найти,
Брели в холмах тетери, о,
Но, увидав у Джони свет,
Шасть напрямик к той двери, о.

Везунью из постели вон;
Сколь ни горьки потери, о,
Старуха с полу им – молчок:
Был уговор про двери, о.

Ye've eaten my bread, ye hae druken my ale,
 'And ye'll mak my auld wife a whore, O'
Aha Johnie Blunt! ye hae spoke the first word,
 Get up and bar the door, O.

Johnie Cope

Sir John Cope trode the north right far,
Yet ne'er a rebel he cam naur,
Until he landed at Dunbar
 Right early in a morning.

 Hey Johnie Cope are ye wauking yet,
 Or are ye sleeping I would wit;
 O haste ye get up for the drums do beat,
 O fye Cope rise in the morning.

He wrote a challenge from Dunbar,
Come fight me Charlie an ye daur;
If it be not by the chance of war
 I'll give you a merry morning.

When Charlie look'd the letter upon
He drew his sword the scabbard from
So Heaven restore to me my own,
 'I'll meet you, Cope, in the morning.'

Cope swore with many a bloody word
That he would fight them gun and sword,
But he fled frae his nest like an ill scar'd bird,
 And Johnie he took wing in the morning.

It was upon an afternoon,
Sir Johnie march'd to Preston town;
He says, my lads come lean you down,
 And we'll fight the boys in the morning.

But when he saw the Highland lads
Wi' tartan trews and white cockauds,
Wi' swords and guns and rungs and gauds,
 O Johnie he took wing in the morning.

On the morrow when he did rise,
He look'd between him and the skies;
He saw them wi' their naked thighs,
 Which fear'd him in the morning.

On then he flew into Dunbar,
Crying for a man of war;
He thought to have pass'd for a rustic tar,
 And gotten awa in the morning.

«Мой жрёте хлеб, сосёте эль,
Заправили мегере, о!»
«Ага, Джон Дуб! Заговорил –
Вставай, запри-ка двери, о!»

Джони Хват¹⁶¹⁹

Сэр Джон Хват к северу забрал,
Но всё восставших не видал,
В Данба́р¹⁶²⁰ покуда не пристал
Однажды ранним утром.

Эй, Джони Хват, ты встать взял труд
Иль не спешишь прервать уют?
Живей, ведь барабаны бьют,
Чтоб Хват встал этим утром.

Он из Данба́ра вызов шлёт:
«Эй, Чарли, время-то не ждёт;
Коль дело до войны дойдёт,
Повеселишься утром!»

Лишь глянул Чарли на листок,
Из ножен выдернул клинок:
«Моё мне возвращает Бог!
Мы, Хват, сойдёмся утром».

Хват грозным мог блеснуть словцом –
Мол, сталь решит и пушек гром –
Но перепуганным птенцом
Вспорхнул Джон этим утром.

А ближе к середине дня
Сэр Джони, к Прё́стону¹⁶²¹ гоня,
Сказал: «Есть парни у меня,
И мы сразимся утром».

Но горских увидав парней –
Сплошь та́ртан, нет кокард белей¹⁶²², –
Сталь, дым, дубьём грозят, ей-ей –
Джон упорхнул тем утром.

Назавтра, лишь сумел он встать,
Сподобился глаза продрать,
Увидел голых ляжек рать¹⁶²³,
Перепугался утром.

В Данбар он припустил тогда,
Вопя истошно: «Где суда?»,
О матросне¹⁶²⁴ он вспомнил, да,
И смылся этим утром.

Sir Johnie into Berwick rade,
Just as the devil had been his guide;
Gien him the warld he would na stay'd
 To foughten the boys in the morning.

Says the Berwickers unto Sir John,
O what's become of all your men,
In faith, says he, I dinna ken,
 I left them a' this morning.

Says Lord Mark Car, ye are na blate,
To bring us the news o' your ain defeat;
I think you deserve the back o' the gate,
 Get out o' my sight this morning.

Ken ye na our Lass, Bess?

O ken ye na our lass, Bess?
An' ken ye na our lass, Bess?
 Between her lily white thies
She's biggit a magpie's nest.

An' ken ye na our lad, Tam?
An' ken ye na our lad, Tam?
 He's on o' a three-fitted stool,
An' up to the nest he clamb.

An' what did he there, think ye?
An' what did he there, think ye?
 He brak a' the eggs o' the nest,
An' the white's ran down her thie.

Leezie Lindsay

Will ye go the Highlands Leezie Lindsay
 Will ye go to the Highlands wi' me;
Will ye go to the Highlands Leezie Lindsay,
 My pride and my darling to be.

Muirland Meg

Among our young lassies there's Muirland Meg,
She'll beg or she work, & she'll play or she beg,
 At thirteen her maidenhead flew to the gate,
And the door o' her cage stands open yet.

And for a sheep-cloot she'll do't, she'll do't,
And for a sheep-cloot she'll do't;
 And for a toop-horn she'll do't to the morn,
And merrily turn and do't, and do't.

Сэр Джони в Бёрвик¹⁶²⁵ поскакал,
Да так, как будто дьявол гнал;
Весь мир отдай, и то б не стал
Он драться этим утром.

У бёрвикцев вопрос-тоска:
«Куда девал ты все войска?»
«Да сам не понял я пока,
Их бросив нынче утром».

Рек лорд Марк Кар¹⁶²⁶: «Ты не дурак,
Чтоб рассказать. отлуплен как;
Давай сворачивай бивак,
С глаз скройся этим утром!»

«Вы не знакомы с нашей Бесс?»

Вы не знакомы с нашей Бесс?
Как, не знакомы с нашей Бесс?
Гнездо сорочье¹⁶²⁷, дом лесной
У ней меж ляжек влез.

И не встречался вам наш Тэм?
И не встречался вам наш Тэм?
Он разоритель птичьих гнёзд¹⁶²⁸,
И всем известен тем.

Он знаете, что натворил?
Он знаете, что натворил?
Украл яички из гнезда
И ляжки забелил.

Лизи Линдси¹⁶²⁹

В горы едешь со мной, Лизи Линдси,
В горы едешь, скажи-ка, со мной?
В горы едешь со мной, Лизи Линдси,
Моей гордостью стать и родной?

Мэг-Верескуха¹⁶³⁰

Уж Мэг-Верескуха всем нашим подстать,
Просить иль работать, просить иль играть;
В тринадцать у ней кто-то девственность спёр,
И настужь калитка её до сих пор.

Овечьих копыт она не презрит,
Овечьих копыт не презрит;
«Бараньим рогам так рада, что дам»,
И весело блядство творит.

Her kittle black een they wad thirl you thro',
Her rose-bud lips cry, kiss me now;
The curls and links o' her bonie black hair,
Wad put you in mind that the lassie has mair.

An armfu' o' love is her bosom sae plump,
A span o' delight is her middle sae jimp;
A taper, white leg, and a thumpin thie,
And a fiddle near by, an ye play a wee!

Love's her delight, and kissin's her treasure;
She'll stick at nae price, and ye gie her gude measure,
As lang's a sheep-fit, and as girt's a goose-egg,
And that's the measure o' Muirland Meg.

My Ain Kind Dearie

I'll lay thee o'er the lee-rig,
Lovely Mary, deary, O;
I'll lay thee o'er the lee-rig,
My lovely Mary, deary, O.
Altho' the night were ne'er so wet,
An' I were ne'er so weary O;
I'd lay thee o'er the lee-rig,
My lovely Mary, deary, O.

Look down ye gods from yonder sky,
An' see how blest a man am I;
No envy my fond heart alarms,
Encircled in my Mary's arms
Lyin' across the lee-rig,
Wi' lovely Mary, deary, O;
Lyin' across the lee-rig,
Wi' my kind deary, O.

My Girl She's Airy

My girl she's airy, she's buxom and gay,
Her breath is as sweet as the blossoms in May;
A touch of her lips it ravishes quite.
She's always good natur'd, good humor'd, and free;
She dances, she glances, she smiles with a glee;
Her eyes are the lightnings of joy and delight:
Her slender neck, her handsome waist,
Her hair well buckl'd, her stays well lac'd,
Her taper white leg with an et, and a, c,
For her a, b, e, d, and her c, u, n, t,
And Oh! For the joys of a long winter night!!!

O an Ye Were Dead Gudeman

'O an ye were dead Gudeman
A green turf on your head gudeman,
I wad bestow my widowhood
Upon a rantin Highlandman.

Глаз чёрных, задорных пронзит тебя взгляд,
«Целуй!» – губки-розочки громко вопят;
Колечки кудрей так чернявы и тонки –
А вьются ж ещё кое-где у девчонки!

В округлом животике страсти полно,
Вертява серёдка, как веретено;
Увесисты бёдра, стройней нету ног –
Как скрипка она, поиграй же чуток!

Лобзанье мнит кладом, любовь ей услада,
Не нужно монет, но достоинства надо
Крупней ног овечьих, гусиных яиц:
Нет Мэг-Верескухи толковой девиц.

Моя родная

Я уложу средь луга,
Родная Мэри, о;
Я уложу средь луга,
Родная Мэри, о;
Пусть эта ночь других сырей,
Нёс день лишь сил потери, о;
Я уложу средь луга,
Моя родная Мэри, о.

Пусть весь божественный синклит
Блаженство смертного узрит,
Знать зависть сердцу недосуг,
Коль Мэри не разнимет рук;
Пока лежу средь луга,
С любимой Мэри млею, о,
Пока лежу средь луга
С родной моею, о.

«Родная моя весела...»¹⁶³¹

Родная моя весела и крепка,
Свежее не сыщете в мае цветка;
Касание губ, и пропал человек.
Всегда добронравна, смешлива, вольна,
Вся в плясках, оглядках, улыбках она;
Не глазки, зарницы восторгов и нег;
Изящней шейки, стана нет,
Милы причёска и корсет,
А стройные ножки, белы, как метель,
Наводят на мысли про л-о-ж-е, про щ-е-л-ь;
Как ночь хороша, когда падает снег!!!

«Ох, кабы помер муженёк...»

Ох, кабы помер муженёк,
Да под ковёр зелёный лёг,
Мне б утешенье во вдовстве
Дал ражий горский паренёк.

There's sax eggs in the pan gudeman,
There's sax eggs in the pan gudeman.
There's ane to you, and twa to me,
And three to our John Highlandman.'

A Sheep-head in the pot gudeman,
A Sheep-head in the pot gudeman.
The flesh to him the broo to me,
An the horns become your brow gudeman.

Sing round about the fire wi' a rung she ran,
An round about the fire wi' a rung she ran,
Your horns shall tie you to the straw,
And I shall band your hide gudeman.

O can Ye Labour Lea

O, can ye labour lea, young man,
O, can ye labour lea?
Gae back the gate ye came again
Ye's never scorn me!

I fee'd a man at Martinmas
Wi' airle-pennies three;
But a' the faut I had to him
He couldna labour lea.

O, clappin's guid in Febarwar,
An' kissin's sweet in May;
But what signifies a young man's love,
An't dinna last for ay?

O, kissin is the key o' love
An' clappin is the lock;
An' makin of's the best thing
That e'er a young thing got!

O Can Ye Labour Lee, Young Man

I fee'd a man at Martinmas,
Wi arle pennies three;
But a' the fau't I had to him,
He coudna labour lee.

O can ye labour lee, young man,
O can ye labour lee;
Gae back the road ye cam agin,
Ye shall never scorn me.

A stibble rig is easy plough'd,
An' fallow land is free;
But shat a silly coof is he,
That canna labour lee.

Я шесть яичек жарю, муж,
Я шесть яичек жарю, муж;
Тебе одно, мне хватит двух,
Три – горцу Джону, а кому ж?

В котле башка баранья, муж,
В котле башка баранья, муж;
Мясо ему, а мне супец,
Тебе же рожки, а кому ж?

Вкрут камелька пою, скачу, и палка нелегка,
Так всё вокруг пою, скачу, и палка нелегка,
Рога в солому ткнёшь – приду
И крепко вздую муженька.

«Оставь-ка борозду́...»¹⁶³²

Оставь-ка борозду, дружок,
Пусть будет борозда;
Облить презреньем мой порог
Не сможешь никогда!

Задаток взял в Мартынов день,
Три пенни – ерунда;
Мне только тем не угодил,
Что мелка борозда.

Февраль для ласки в самый раз,
Для поцелуев – май,
Но проку нет в любви дружка:
Ведь не навек, считай?

Ох, в поцелуях ключ любви,
А ласки в ней – замок;
Возиться с ними – лучших дел
Юнец найти не смог!

«Оставь-ка борозду, дружок...»¹⁶³³

Задаток взял в Мартынов день,
Три пенни – ерунда;
Мне только тем не угодил,
Что мелка борозда.

Оставь-ка борозду, дружок,
Пусть будет борозда;
Облить презреньем мой порог
Не сможешь никогда!

Легко жнивье перепахать,
Есть целина всегда,
Но в неумехе прок какой,
Чья мелка борозда?

The pretty bush, an' benty knowe,
The ploughman points his sock in,
He sheds the roughness, lays it by,
An' bauldly ploughs his yokin'.

O Dear Minny, What Shall I Do?

O dear minny, what shall I do?
O dear minny, what shall I do?
O dear minny, what shall I do?
Daft thing, doylt thing, do as I do.

If I be black, I canna be lo'ed;
If I be fair, I canna be gude;
If I be lordly, the lads will look by me:
O dear minny, what shall I do.

O Saw Ye My Maggie

Saw ye my Maggie?
Saw ye my Maggie?
Saw ye my Maggie?
Comin oer the lea?

What mark has your Maggie,
What mark has your Maggie,
What mark has your Maggie,
That ane may ken her be?

My Maggie has a mark,
You'll find it in the dark,
It's in below her sark,
A little aboon her knee.

What wealth has your Maggie,
What wealth has your Maggie,
What wealth has your Maggie,
In tocher, gear, or fee?

My Maggie has a treasure,
A hidden mine o' pleasure,
I'll howk it at my leisure,
It's alane for me.

How loe ye your Maggy,
How loe ye your Maggy,
How loe ye your Maggy,
And loe nane but she?

В чудесный куст, в пологий склон
Вгоняет пахарь лемех,
И все бугры сровняет он,
Пускай ровнять весь день их.

«Мамуля, что же делать мне?»

Мамуля, что же делать мне?
Мамуля, что же делать мне?
Мамуля, что же делать мне?
«Глупышка, приглядишься ко мне».

«Стать злой – вовек любви не знать;
Красотку доброй не называть;
И спесь девичья не в цене...
Мамуля, что же делать мне?»

Видел кто Мэгги?

Видел кто Мэгги?
Видел кто Мэгги?
Видел кто Мэгги?
Не шла через луг?

Приметна чем Мэгги,
Приметна чем Мэгги,
Приметна чем Мэгги,
Коль встретится вдруг?

Узнает Мэгги всяк,
Едва наступит мрак:
Сорочки ниже знак,
Колен повыше, друг.

Что есть-то у Мэгги,
Что есть-то у Мэгги,
Что есть-то у Мэгги,
Что выйдет на круг?

Уж Мэгги не без клада,
Закопана услада,
Мне лишь дорыться надо,
Когда найду досуг.

Сколько любишь ты Мэгги,
Сколько любишь ты Мэгги,
Сколько любишь ты Мэгги –
Её, не подруг?

Ein that tell our wishes,
Eager glowing kisses,
Then diviner blisses,
 In holy ecstasy!

How meet ye your Maggie,
How meet ye your Maggie,
How meet ye your Maggie,
 When nane's to hear or see?

Heavenly joys before me,
Rapture trembling o'er me,
Maggie I adore thee,
 On my bended knee!!!

Our Gudewife's Sae Modest

Our gudewife's sae modest,
 When she is set at meat,
A laverock's leg, or tittling's wing,
 Is mair than she can eat;
But, when she's in her bed at e'en,
 Between me and the wa';
She is a glutton devil,
 She swallows cocks an a'.

Our John's Brak Yestreen

Twa neebor wives sat i' the sun,
 A twynin' at their rocks,
An' they an argument began,
 An' a' the plea was cocks.

'Twas whether they were sinnens strang,
 Or whether they were bane?
An' how they row'd about your thumb,
 And how they stan't themlane?

First, Raichie gae her rock a rug,
 An syne she claw'd her tail;
"When our Tam draws on his breeks,
 It waigles like a flail".

Says Bess, "they're bane I will maintain,
 And proof in han' I'll gie;
For our John's it brak yestreen,
 And the margh ran down my thie".

Так зримы желанья,
Так жарки лобзанья,
Что все предсказанья
Забуду без мук!

Как встретишься с Мэгги,
Как встретишься с Мэгги,
Как встретишься с Мэгги,
Раз поиск – из рук?

Рай сто́ит натуг,
И сердце – тук-тук;
О Мэг, этот звук
Не слышишь – каюк!!!

«Скромна хозяйка наша...»

Скромна хозяйка наша,
В застолья час взгляни:
Лишь ножку жаворонка ей,
А более ни-ни;
Зато в постели вечером
Меж мною и стеной
Глотать готова каплунов:
Треклятый жор сплошной!

«Вечор наш Джон разбил...»

Сошлись соседки – ни одна
Не без веретена –
И всё росло в их болтовне
От мухи до слона.

Им, может, солнце напекло,
Иль просто дрянь бабье?
Судить, что как торчит у вас –
Болтали б про своё!

Вот Рейчи круть веретено,
И важно говорит:
«Наш Тэм натянет как штаны,
Так словно цеп торчит».

А Бесс: «Их штуки – из кости,
Проверить был предлог:
Вечор наш Джон разбил свою,
Так мозг по ляжкам тёк».

Put Butter in My Donald's Brose

Put butter in my Donald's brose,
For weel dis Donald fa' that;
I loe my Donald's tartans weel
His naked erse an a' that.
For a' that, an a' that,
An twice as meikle's a' that,
The lassie gat a skelpit doup,
But wan the day for a' that.

For Donald swore a solemn aith,
By his first hairy gravat!
That he wad fecht the battle there,
An stick the lass, an a' that.

His hairy ballocks, side an wide,
Hang like a beggar's wallet;
A pentle like a roarin-pin,
She nichered when she saw that!!!

Then she turned up her hairy cunt,
An she bade Donald claw that;
The deevil's dizzen Donald drew,
An Donald gied her a' that.

She Rose and Loot Me in

The night her silent sable wore,
An' gloomin' was the skies;
O' glitt'rin' stars appear'd no more
Than those in Nelly's eyes:
When at her father's gate I knock'd,
Where I had often been;
Shrouded only in her smock,
She rose an' loot me in,

Fast lock'd within my fond embrace,
She tremblin' stood asham'd;
Her glowin' lips an' heavin' breasts,
At every touch enflam'd;
My eager passion I obey'd,
Resolv'd the fort to win;
An' she, at last, gave her consent
To yield an' let me in.

O then! what bliss beyond compare,
I knew no greater joy;
Enroll'd in heavenly happiness,
So bless'd a man was I;

«В овсянку масла не жалей...»¹⁶³⁴

В овсянку масла не жалей,
По Доналду ведь это;
Я тартан¹⁶³⁵ Доналда люблю,
И голый зад, и это¹⁶³⁶.

За это, за это,
Притом вдвойне за это,
Девчонке жопу надерут,
Но ей свезло на это.

Шерсть Доналда, что на груди,
Поставлена на это!
Поклялся, что затеет бой
И ей воткнёт всё это.

В волосьях яйца свисли так –
Считай, сума надета;
А хер оглоблей – и она
Ликует, видя это!!!

Она своей лохматкой круть,
Мол, поддержишь за это;
И Доналд ей тринадцать раз
Сумел заправить это.

«Мне дала войти...»

Ночь натянула тихий мрак,
Нахмурен небосвод;
Мерцают звёзды кое-как,
Взор Нелли свет не шлёт;
Стук в дверь к её папаше – часть
Привычного пути;
Она в одной сорочке шась,
И мне дала войти;

Попав в объятья (я не груб),
Потупившись, дрожит,
В грудей волнение, краску губ
Огонь касаний влит;
Послушен жаркой страсти я,
Готов на штурм идти,
И вот сдалась любовь моя,
Дозволила войти.

О, с чем блаженство то сравнить?
Услады нет взамен;
Поймав небесной неги нить,
Был истинно блажен;

An' she, all ravish'd with delight,
Bad me aft come again,
An' kindly vow'd that ev'ry night
She'd rise an' let me in.
But ah! At last, she prov'd wi' bairn,
An' sat baith sad an' dull;
An' I wha was as much concern'd,
Look'd e'en just like a fool;

Her lovely eyes wi' tears ran o'er,
Repentin' her rash sin;
An' ay she curs'd the fatal hour
That e'er she loot me in.

But, who cou'd from such beauty go,
Or yet from Nelly part;
I lov'd her dear, an' couldna leave
The charmer of my heart,
We wedded and conceal'd our crime,
Then all was weel again,
An' now she blesses the happy night
She rose an' loot me in.

Shelah O'Neil

When first I began for to sigh and to woo her,
Of many fine things I did say a great deal,
But, above all the rest, that which pleased her the best,
Was, oh! will you marry me, Shelah O'Neil ?

My point I soon carried, for straight we were married,
Then the weight of my burden I soon 'gan to feel,
" For she scolded, she fisted "O then I enlisted,
Left Ireland and whiskey, and Shelah O'Neil.

Then tired and dull-hearted, O then I deserted,
And flied into regions far distant from home,
To Frederick's army, where none e'er could harm me,
Save Shelah herself in the shape of a bomb.

I fought every battle, where cannons did rattle,
Felt sharp shot, alas! and the sharp-pointed steel;
But in all my wars round, thank my stars, I ne'er found
Ought so sharp as the tongue of my Shelah O'Neil.

Song

Tho' women's minds, like winter winds,
May shift, and turn an' a' that,
The noblest breast adores them maist,
A consequence I draw that.

И ей так сладко изнемочь,
Звала опять прийти,
Божилась, что в любую ночь
Позволит мне войти.

Но ах! Младенца понесла,
Сидит тоскливо так,
И я, такие вот дела,
Пред нею, как дурак;
Потоки слёз из милых глаз,
Ведь грех, как ни верти;
Она клянёт недобрый час,
Когда дала войти.

Но кто от прелести уйдёт,
Оставить сможет Нелл?
Её, души моей оплот,
Я бросить не посмел;
Женитьбой грех покрыли мы,
Дав счастью расцвести,
И в радость Нелл, что среди тьмы
Дала в тот раз войти.

Шела О'Нил

Когда я впервые прилип к ней, вздыхая,
То тьму благоглупостей нагородил,
Но всего, что я нёс, ей милей был вопрос
Такой: «Мы поженимся, Шела О'Нил?»

Я цели добился, на ней обженился,
И бремени тяжесть тотчас ощутил:
Ссоры, драки... тогда я – в солдаты, бросая
Ирландию, виски и Шелу О'Нил.

Всё тяжко, тоскливо... убрался ретиво:
Чем дальше от дома, тем больше я рад;
У Фридриха¹⁶³⁷ к строю привык, где бедою –
Ну, разве, на Шелу похожий снаряд.

Я дрался как надо под гром канонады,
Брала меня пуля, и штык не забыл;
Но не встретил я сталь – и ни капли не жаль –
Что остра, как язык моей Шелы О'Нил!

Песня

Ум женский, друг, что вихри вьюг:
Так, этак и всё это,
Чей ясен дух, пред ним лопух,
Уж я изведал это.

For a' that, an' a' that,
An' twice as meikle's a' that,
My dearest bluid to do them guid,
They're welcome till't for a' that.

Great love I bear to all the Fair,
Their humble slave an' a' that;
But lordly WILL, I hold it still
A mortal sin to thraw that.

In rapture sweet this hour we meet,
Wi' mutual love an' a' that,
But for how lang the flie may stang,
Let Inclination law that.

Their tricks and craft hae put me daft,
They've taen me in, an' a' that,
But clear your decks, and here's, the Sex!
I like the jads for a' that!

Supper is na Ready

Roseberry to his lady says,
"My hinnie and my succour,
"O shall we do the thing you ken,
"Or shall we take our supper?"

Wi' modest face, sae fu' o' grace,
Replied the bonny lady;
"My noble lord do as you please,
"But supper is na ready".

Sutors o' Selkirk

Its up wi' the Sutors o Selkirk,
And down wi' the Earl o' Hume;
And here is to a' the braw ladies
That wear the single sol'd shoon:
Its up wi' the Sutors o' Selkirk,
For they are baith trusty and leal;
And up wi' the lads o' the Forest,
And down we' the Merse to the deil.

За это, и это,
Ещё вдвойне за это,
Я им щедро́ творил добро,
А им по нраву это.

Люблю, на грех, красоток всех,
Я раб их, и всё это;
Но бабья спесь, уверен здесь,
Вовсю корёжит это.

В восторге нас свёл сладкий час,
Мы любим, и всё это,
Но долго сколь продлится боль,
Ответа нет на это.

Их штучек тьма сведёт с ума,
Заманят, и всё это,
Но будь готов на секс без слов,
Люблю их, ведьм, за это!

Не готов наш ужин

Роузбе́рри¹⁶³⁸ – жёнушке своей:
«Голубушка, опора,
Нам в эту, знаешь, из затей,
Иль ужин будет скоро?»

Красотки скромн был ответ,
Лик мил и ненатужен:
«Милорд, для вас преграды нет,
Но не готов наш ужин».

Сапожники Сёлкёрка¹⁶³⁹

Сапожникам Селкёрка слава,
Граф Хьюм¹⁶⁴⁰, а за вас мы не пьём;
За вас пьём, прекрасные дамы,
Чьи туфли с простым язычком;
Сапожникам Селкёрка слава,
Доверчив и предан их брат;
Да здравствуют братья лесные,
А Мерс¹⁶⁴¹ пусть провалится в ад.

The Banks o' Doon

First Version.

Sweet are the banks – the banks o' Doon,
The spreading flowers are fair,
And everything is blythe and glad,
But I am fu' o' care.
Thou'll break my heart, thou bonie bird,
That sings upon the bough;
Thou minds me o' the happy days
When my fause Luve was true:
Thou'll break my heart, thou bonie bird,
That sings beside thy mate;
For sae I sat, and sae I sang,
And wist na o' my fate.
Aft hae I rov'd by bonie Doon,
To see the woodbine twine;
And ilka birds sang o' its Luve,
And sae did I o' mine:

Wi' lightsome heart I pu'd a rose,
Upon its thorny tree;
But my fause Luv'er staw my rose
And left the thorn wi' me:
Wi' lightsome heart I pu'd a rose,
Upon a morn in June;
And sae I flourished on the morn,
And sae was pu'd or noon!

The Bonniest Lass

The bonniest lass that ye meet neist,
Gie her a kiss an' a' that,
In spite o' ilka parish priest,
Repentin' stool, an' a' that.
For a' that an' a' that,
Their mim-mou'd sangs an' a' that,
In time and place convenient,
They'll do't themselves for a' that.

Your patriarchs in days o' yore,
Had their handmaids an' a' that;
O' bastard gets, some had a score
An' some had mair than a' that.
For a' that an' a' that,
Your langsyne saunts, an' a' that,
Were fonder o' a bonnie lass
Than you or I, for a' that.

King David, when he waxed auld,
An's bluid ran thin, an' a' that,
An' fand his cods were growin' cauld,
Could not refrain, for a' that.

Берега Дуна {3}¹⁶⁴²

Первый вариант

Как берег мил – твой берег, Дун,
Как чудно он цветёт;
На нём всё радостно блестит,
А я полна забот.
Пичуга, рвёт мне душу трель,
Летящая с ветвей,
Напомнив радость дней былых:
Дружка сыщи верней!
Пичуга, рвёт мне душу песнь,
Что спета для дружка:
Так пела я, судьбы своей
Не ведала пока.
Бродила часто, чудный Дун,
Где жимолость сплелась;
Где песня птиц об их любви,
Там и моя моя лилась;

С колючих веток розы я
Могла сорвать вполне;
Обманщик мой цветок сорвал,
Шипы оставив мне.
С колючих веток розы мне
Июньский дал рассвет;
Так на рассвете я цвела,
Пал зной – меня уж нет.

«Ту, что краше всех...»

Коль встретишь ту, что краше всех,
Целуйся, и всё это,
Пусть поп сулит за этот грех
Церковный суд и это.
За это, за это,
Нудят, ханжи, за это,
Но если есть когда и где,
Творят и сами это.

В былые дни ваш высший круг
Служанок мял, и это,
Ублюдков – двадцать душ вокруг,
Но не предел и это.
На это, на это,
Святые, и всё это,
Толкнули более девиц,
Чем вы и я, на это.

Когда стал старым царь Давид
(Кровь стынет, и всё это,
С утра от холода дрожит),
Не упускал и это.

For a' that an' a' that,
To keep him warm an' a' that,
The dochters o' Jerusalem
Were waled for him, an' a' that.

Wha wadna pity thae sweet dames
He fumbled at, an' a' that,
An' raised their bluid up tae the flames
He couldna drown, for a' that.
For a' that an' a' that,
He wanted pith, an' a' that;
For, as to what we shall not name,
What could he do but claw that.

King Solomon, prince o' divines,
Wha proverbs made, an' a' that,
Baith mistresses an' concubines
In hundreds had, for a' that.
For a' that an' a' that,
Tho' a preacher wise an' a' that,
The smuttiest sang that e'er was sung
His Sang o' Sangs is a' that.

Then still I swear, a clever chiel
Should kiss a lass, an' a' that,
Tho' priests consign him to the deil
As reprobate, an' a' that.
For a' that an' a' that,
Their canting stuff, an' a' that,
They ken nae mair wha's reprobate
Than you or I, for a' that.

The Campbells are Coming

The Campbells are comin, Oho, Oho!
The Campbells are comin, Oho, Oho!
The Campbells are comin to bonie Lochleven,
The Campbells are comin Oho, Oho!

Upon the Lomonds I lay, I lay,
Upon the Lomonds I lay, I lay,
I looked down to bonie Lochleven,
And saw three bonie perches play.

Great Argyle he goes before,
He maks his cannons and guns to roar,
Wi' sound o' trumpet, pipe and drum
The Campbells are comin Oho, Oho!

The Campbells they are a' in arms
Their loyal faith and truth to show,

Ведь это, ведь это,
Ведь согревало это,
И дочерей Иерусалим
Ему давал на это.

Как ни жалеть тех милых дам:
Неловок дед, и это,
Кровь разогнать им – где уж там,
Уж не под силу это.
На это, на это,
Ведь мощь нужна на это;
Ведь тот, кого не назовём,
Мог только щупать это.

Пророков князь, царь Соломон,
Чьи притчи¹⁶⁴³, и всё это,
Вёл счёт возлюбленных и жён
На сотни, и всё это.
Ведь это, ведь это,
Хоть был он мудр, и это,
Грязней всех песен, что поют,
Была «Песнь Песней»¹⁶⁴⁴ эта.

Пусть, кто не глуп, я слово дам,
Целует дев, и это,
Хоть отдадут попы чертям
Негодника за это.
За это, за это,
Ханжам пустым за это
Судить не больше прав дано,
Чем вам и мне на это.

«Вот Кэмпбеллы входят...»¹⁶⁴⁵

Вот Кэмпбеллы входят, ого, ого!
Вот Кэмпбеллы входят, ого, ого!
Вот Кэмпбеллы входят в прекрасный Лохлёвен¹⁶⁴⁶,
Вот Кэмпбеллы входят, ого, ого!

На Ломонде¹⁶⁴⁷ мой пост неплох,
На Ломонде мой пост неплох,
Бросаю на Лохлебен взгляд,
И вижу игры знатных трёх¹⁶⁴⁸.

Аргайл Великий¹⁶⁴⁹ рвётся в бой,
За ним рёв пушек громовой;
Под трубы, флейты, барабан
Вот Кэмпбеллы входят, ого, ого!

В доспехах Кэмпбеллы идут,
Верней их нету никого,

Wi' banners rattling in the wind
The Campbells are comin Oho, Oho!

The Gardener wi' his paidle

When rosy May comes in wi' flowers,
To deck her gay, green, spreading bowers;
Then busy, busy are his hours,
The Gard'ner wi' his paidle.

The chrystal waters gently fa';
The merry birds are lovers a';
The scented breezes round him blaw
The Gardener wi' his paidle.

When purple morning starts the hare
To steal upon her early fare;
Then thro' the dews he maun repair,
The Gardener wi' his paidle.

When day, expiring in the west,
The curtain draws of Nature's rest;
He flies to her arms he lo'es the best,
The Gardener wi' his paidle.

The German Lairdie

What merriment has taen the whigs,
I think they be gaen mad, Sir,
We' playing up their whiggish jigs,
Their dancing may be sad, Sir,

Sing heedle liltie, teedle liltie,
Andum tandum tandie;
Sing fal de dal, de dal lal lal,
Sing howdle liltie dandie.

The Revolution principles
Has put their heads in bees, Sir;
They're a' fa'n out amang themsels,
Deil tak the first that grees, Sir.

The Jolly Gauger

There was a jolly gauger, a gaugin' he did ride,
And he has met a beggar doon by yon river side.
And we'll gang nae mair a rovin' wi' ladies tae the wine,
When a beggar wi' her meal-pocks can fidge her tail sae fine.

Их стяги бьются на ветру,
Вот Кэмпбеллы входят, ого, ого!

Садовник с мотыгой¹⁶⁵⁰

Когда приходит май цветущий
Украсить радостные кущи,
То занят день, любого пуще,
Садовника с мотыгой.

Спокоен сбег кристальных вод,
У птичьих пар любовь идёт,
Приносят ветры запах-мёд
Садовнику с мотыгой.

Едва пошлёт багрец рассвета
Зайчишку подхарчиться где-то,
Как на росу ложится мета
Садовника с мотыгой.

Когда ж закат закончит день,
Природы отдых скроет сень,
В плен милых рук спешить не лень
Садовнику с мотыгой.

Немецкий землевладелец¹⁶⁵¹

Что так развеселился виг¹⁶⁵²?
Рехнулись молодцы, сэр,
А вдруг у шустрых вигских жиг¹⁶⁵³
Печальные концы, сэр?

Пой хидл-лилти, тидл-лилти,
Андум-тандум-танди;
Пой фал-де-лал, де-дал-лал-лал,
Пой хауди-лилти-данди.

Весь революционный рой
В башку им нажужжал, сэр;
В них нет согласия с собой,
Согласных чёрт бы драл, сэр.

Весёлый землемер¹⁶⁵⁴

Раз землемер весёлый поехал измерять,
И встретил побирушку, где брег да речки гладь.
С пьянчужками ни шагу: на кой они нам ляд,
Когда у побирушки так ладно ходит зад?

Amang the broom he laid her; amang the broom sae green,
And he's fa'n to the beggar, as she had been a queen.
And we'll gang nae mair a rovin' wi' ladies tae the wine,
When a beggar wi' her meal-pocks can fidge her tail sae fine.

My blessings on thee, laddie, thou's done my turn sae weel,
Wilt thou accept, dear laddie, my pock and pickle meal?
And we'll gang nae mair a rovin' wi' ladies tae the wine,
When a beggar wi' her meal-pocks can fidge her tail sae fine.

Sae blythe the beggar took the bent, like ony bird in spring,
Sae blythe the beggar took the bent, and merrily did sing,
And we'll gang nae mair a rovin' wi' ladies tae the wine,
When a beggar wi' her meal-pocks can fidge her tail sae fine.

My blessings on the gauger, o' gaugers he's the chief,
Sic kail ne'er crost my kettle, nor sic a joint o' beef,
And we'll gang nae mair a rovin' wi' ladies tae the wine,
When a beggar wi' her meal-pocks can fidge her tail sae fine

The Lassie Gath'ring Nits

There was a lass, and a bonie lass,
A gath'ring nits did gang;
She pu'd them heigh, she pu'd them laigh,
She pu'd them whare they hang.
Till tir'd at length, she laid her down,
An' slept the wood amang;
Whan by there cam three lusty lads,
Three lusty lads an' strang.

The first did kiss her rosy lips,
He thought it was nae wrang;
The second lous'd her bodice fair,
Fac'd up wi' London whang.

An' what the third did to the lass,
I's no put in this sang;
But the lassie wauken'd in a fright,
An' says, I hae slept lan.

The Linkin' Laddie

Waes me that e'er I made your bed!
Waes me that e'er I saw ye!
For now I've lost my maidenhead,
An' I ken na how they ca' ye.

My name's weel kend in my ain countrie,
They ca' me the linkin' laddie;
An' ye had na been as willing as I,
Shame fa' them wad e'er hae bade ye.

В ракитнике зелёном её он разложил,
И отдал побирушке, как королеве, пыл.
С пьянчужками ни шагу: на кой они нам ляд,
Когда у побирушки так ладно ходит зад?

«Спасибо, милый, славно покувыркались мы,
Не перекусишь, милый, из нищенской сумы?»
С пьянчужками ни шагу: на кой они нам ляд,
Когда у побирушки так ладно ходит зад?

Так побирушка весела – припомнишь птиц весной,
Так побирушка весела, и с песенкой шальной;
С пьянчужками ни шагу: на кой они нам ляд,
Когда у побирушки так ладно ходит зад?

«Спасибо землемеру, нет лучше молодца,
В котле моём капуста, да хрящик от мяса!»
С пьянчужками ни шагу: на кой они нам ляд,
Когда у побирушки так ладно ходит зад?

За орехами¹⁶⁵⁵

Одна красотка как-то раз
Орехи рвать пошла;
Рвала вверху, рвала внизу:
Где свисли, там рвала.

Уставши, прилегла уснуть
Среди лесной глуши;
Тут три похабника пришли,
Сильны и хороши.

Поцеловал её один,
Подумал, не беда;
Другой корсаж ей распустил
И заглянул туда.

О том, что третий сотворил,
Песнь слов не донесла;
В испуге дева говорит:
«Как долго я спала!»

Связун

«Зачем тебе стелила я!
Неужто стоил взгляда?
Теперь пропала честь моя;
Хоть имя знать бы надо».

«В родной известен стороне:
Связун, как говорится;
Сильней тебя хотелось мне,
Стыдящий пусть стыдится».

The Mauchline Wedding

When Eighty-five was seven month auld,
And wearing thro the aught,
When rotting rains and Boreas bauld
Gied farmer-folks a faught;

Ae morning quondam Mason Will,
Now Merchant Master Miller,
Gaed down to meet wi Nansie Bell
And her Jamaica siller,
To wed, that day.

The rising sun o'er Blacksideen
Was just appearing fairly,
When Nell and Bess got up to dress
Seven lang half-hours o'er early!

Now presses clink and drawers jink,
For linnens and for laces;
But modest Muses only think
What ladies' underdress is,
On sic a day.

But we'll suppose the stays are lac'd,
And bony bosoms steekit;
Tho, thro the lawn – but guess the rest –
An Angel scarce durst keek it:

Then stockins fine, o silken twine,
Wi cannie care are drawn up;
And gartened tight, whare mortal wight
.....

But now the gown wi rustling sound,
Its silken pomp displays;
Sure there's no sin in being vain
O siccan bony claes!

Sae jimp the waist, the tail sae vast –
Trowth, they were bony Birdies!
O Mither Eve, ye wad been grave
To see their ample hurdies
Sae large that day!!!

Then Sandy wi's red jacket braw
Comes, whip-jee-whoa! about,
And in he gets the bony twa ?
Lord send them safely out!

And auld John Trot wi sober phiz
As braid and braw's a Bailie,
His shouthers and his Sunday's giz
Wi powther and wi ulzie
Weel smear'd that day.

Мо́хлинская свадьба¹⁶⁵⁶

Год восемьдесят пятый был
Лишь месяцев семи,
Борей¹⁶⁵⁷ ревел, и дождь мочил
Взращённое людьми;

Вилл, как масон уж не у дел,
Став Миллером, купчиной,
Решил взять в жёны Нэнси Белл
(Кошель ямайский – длинный)
В тот самый день¹⁶⁵⁸.

Лишь солнца блин на Блэксидин¹⁶⁵⁹
Сверкнул из синей дали,
Как Бесс и Нелл, в обилье дел,
В семь одеваться стали!

Шкаф аж трещит, комод набит
Бельём и кружевами,
Но музу, дамы, оскорбит
Подглядывать за вами
В такой вот день.

Допустим, стянут уж корсет,
Лишились грудки вдоха;
С полянки (догадались, нет?)
Всё видит ангел плохо;

Вот шёлк чулок (двойной носок)
Натянут, не порвать бы,
Подвязок гладь не показать
[Абы кому до свадьбы
В чудесный день.]*

На платья взгляд: они шуршат,
Шёлк этот слышать надо;
Безгрешна здесь пустая спесь
Чудесного наряда!

Стан – стебелёк, а зад широк:
Взаправду дивны пташки!
О Ева-мать, ну что вздыхать,
Узрев, как зад и ляжки
Круглы в сей день!!!

Вот в красной куртке, молодцом,
Наш Сэнди (хлыст, хей-ха!);
Зовёт девиц обеих в дом?
Ох, чтоб не до греха!

Джон Трот – воздержанный старик:
Судьи видней не надо;
Ему на плечи, на парик
И пудра, и помада
Легли в сей день.

* Строки в квадратных скобках на совести переводчика, в рукописи фрагмент утрачен.

The Mill Mill-O. Original

As I came down yon water side
And by yon Shillin Hill, O,
There I spied a bonny lass,
A lass that I loed right weel, O.

The mill, mill-O, and the kill, kill-O,
An' the coggin' o' Peggy's wheel, O.
The sack an' the sieve, a' she did leave,
An' danced the millers reel, O.

I spier'd at her, gin she cou'd play,
Birt the lassie had nae skill, O;
An' yet she was nae a' to blame,
She pat it in my will, O.

Then she fell o'er, an' sae did I,
An' danc'd the millars reel, O,
Whene'er that bonny lassie comes again,
She shall hae her ma't ground weel, O.

The Patriarch

As honest Jacob on a night,
Wi' his beloved beauty,
Was duly laid on wedlock's bed,
And noddin' at his duty:

'How lang, ' she cried, 'ye fumbling wretch
'Will ye be fucking at it?
'My eldest wean might die of age,
'Before that ye could get it.

'Ye pegh, and grane, and groazle there,
'And mak an unco splutter,
'And I maun ly and thole you here,
'And fient a hair the better.'

'Then he, in wrath, put up his graith,
'The deevil's in the hizzie!
'I mow you as I mow the lave,
'And night and day I'm bisy.

'I've bairn'd the servant gypsies baith,
'Forbye your titty Leah;
'Ye barren jad, ye put me mad,
'What mair can I do wi you.

There's ne'er a mow I've gi'en the lave,
"But ye ha'e got a dizzen;
And damn'd a ane ye 'se get again,
"Altho' your cunt should gizen.'

Then Rachel calm, as ony lamb,
She claps him on the waulies,
Quo' she, 'ne'er fash a woman's clash,
'In trowth, ye mow me braulies.

Дробил-бил-о. Первооснова

Когда я шёл по-над водой,
Минуя Шиллин-хилл¹⁶⁶⁰, о,
Я там красотку углядел,
Что трепетно любил, о.

Добыл-был-о, дробил-бил-о,
На тачку к Пэгги нагрузил.
Кулей и сит забыла вид,
И в мельничный, да в рил¹⁶⁶¹, о.

Уж я приглядывал за ней,
Уловки не в цене, о;
Не крыть её кому не лень,
Следить за этим мне, о.

Она споткнулась, я вослед.
И в мельничный, да в рил, о.
Когда придёт она опять,
Чтоб солод смолот был, о.

Патриарх¹⁶⁶²

Иаков, досточтимый муж,
Голубку обнимая,
На ложе долг свой исполнял,
Совея и зевая.

Она вопит: «Когда, болван,
Займёшься еблей, Боже ж!
Меньшой мой в старости помрёт,
Пока ты кончить сможешь.

Пыхтишь, сопишь, рвёшь стоном тишь;
Конечно, шуму много,
А мне лежать, тебя терпеть,
А толку никакого».

Хламиду в гневе подтянул:
«У, чёртова кобыла!
Тебя мне еть, как милых еть,
Дня с ночью мало было.

Двух девок обрюхатил я,
Твою сестрицу Лию;
Пустым дуплом с ума сведёшь,
С натуги опочию.

Любимых драл как только мог,
Тебя же драл почище,
Но чёрта с два ещё когда
Терпеть твоей пиздище».

Рахиль притихла, как овца,
Яички приласкала:
«Забылся чтоб тот бабий трёп:
Ты ёбарь каких мало.

'My dear 'tis true, for mony a mow,
'I'm your ungratefu' debtor;
'But ance again, I dinna ken,
'We'll aiblins happen better.'

Then honest man! wi' little wark,
He soon forgot his ire;
The patriarch, he coost the sark,
And up and till't like fire!!!

The Ploughman

Merry Muses.

The ploughman he's a bonny lad,
His mind is ever true, jo,
His garters knit below his knee,
His bonnet it is blue, jo.

Sing up wi't a', the ploughman lad,
And hey the merry ploughman,
Of a' the trades that I do ken,
Commend me to the ploughman.

As walking forth upon a day,
I met a jolly ploughman.
I told him I had lands to plough,
If he wad prove a true man.

He says, my dear, take ye nae fear,
I'll fit ye to a hair, jo,
I'll cleave it up, and hit it down,
And water-furrow't fair, jo.

I hae three owsen in my plough,
Three better ne'er plough'd ground, jo;
The foremost ox is lang and sma',
And two are plump and round, jo.

Then he wi' speed did yoke his plough,
Which by a gaud was driven, jo.
But when he wan between the stilts,
I thought I was in heaven, jo.

But the foremost ox fell in the fur,
The tither twa did flounder, jo;
The ploughman lad he breathless grew,
In faith it was nae wonder, jo.

But sic a risk below a hill,
The plough she took a stane, jo,
Which gart the fire flee frae the stock,
The ploughman gaed a grane, jo.

I hae plough'd east, I hae plough'd west.
In weather foul and fair, jo,
But the sairest ploughing e'er I plough'd,
Was ploughing amang the hair, jo.

Родной, за многократный трах
Я вечная должница;
Должно, сдаётся мне, сейчас
Получше получиться».

Для досточтимого не труд:
Легко остыв от гнева,
Задрал сорочку патриарх,
Сжѣг пламенем ползева!!!

Пахарь {2}

«Весёлые музы»¹⁶⁶³

Мой пахарь – малый хоть куда,
Навек со мной вдвоём друг,
Подвязки бантом у колен,
В берете голубом друг.

Подпой, пока гоняешь плуг,
Эгей, весёлый пахарь!
Из всех, кто трудится вокруг,
Мне по сердцу лишь пахарь.

Промчался день, и рада я:
«Вернулся, молодчина!
Ещё найдётся, что вспахать,
Коль вправду ты мужчина».

А он: «Наш трах, не надо “ах”,
До волосни, родная;
Пласт подниму, переверну
И орошу, родная.

В моей упряжке три вола,
Трёх лучших нет, родная;
Передний – длинный, не толстяк,
А два круглы, родная».

Запряг он живо, как умел,
Погнал игриво милый;
И до небес, загнав меж ног,
Считай, подкинул милый.

Вол первый начал борозду,
А два застряли, милый;
Хоть пахарь запыхался аж,
Нет в этом дива, милый.

Есть риск для плуга под горой
Попасть на камень, милый,
Что лавы вызовет поток,
И мой застонет милый.

«Плуг на восход гнал, на закат,
Дождь, ведро будь, родная,
Но тяжелее пашни нет,
Чем средь волос, родная».

The Ploughman's Life

As I was a-wand'ring ae morning in spring ,
I heard a young ploughman sae sweetly to sing;
And as he was singin' , thir words he did say, –
There's nae life like the ploughman's in the month o' sweet May.

The lav'rock in the morning she'll rise frae her nest,
And mount i' the air wi' the dew on her breast,
And wi' the merry ploughman she'll whistle and sing,
And at night she'll return to her nest back again.

The Primrose

Dost ask me, why I send thee here,
This firstling of the infant year?
Dost ask me, what this primrose shews,
Bepearled thus with morning dew's?

I must whisper to thy ears,
The sweets of love are wash'd with tears.

This lovely native of the dale
Thou seest, how languid, pensive, pale:
Thou seest this bending stalk so weak,
That each way yielding doth not break?

I must tell thee, these reveal,
The doubts and fears that lovers feel.

The Reel o' Stumpie

Wap and rowe, wap and rowe,
Wap and rowe the feetie o't,
I thought I was a maiden fair,
Till I heard the greetie o't!

My daddie was a fiddler fine,
My minnie she made mantie, O,
And I myself a thumpin quine,
And danc'd the Reel o' Stumpie, O.

The rowin't in Her Apron

Our young lady's a huntin gane,
Sheets nor blankets has she ta'en,
But she's born her auld son or she cam hame,
And she's row'd him in her apron.

Her apron was o' the hollan fine,
Laid about wi' laces nine;
She thought it a pity her babie should tyne,
And she's row'd him in her apron.

Жизнь пахаря

Я утренней зорькой бродил по весне,
И пахаря песня послышалась мне;
Она со словами, такие они:
«Всех лучше для пахаря майские дни».

Рассвет, и пичуги гнездо позади,
Росинки сверкают на птичьей груди;
Свистит и поёт она, пахарь ей рад,
А к ночи пичуга вернётся назад.

Первоцвет

Зачем послал тебя вперёд,
Начав тобою юный год?
И что являет первоцвет
Средь рос рассветных, краше нет?

Шепну, ответив на вопрос:
Любви услада – не без слёз.

Цветок долиною рождён;
Гляди, как тонок, бледен он,
Гляди, как слабый стебелёк,
Сгибаясь, не сломиться смог.

Найдёшь в простых моих словах
Любви сомнение и страх.

Рил¹⁶⁶⁴ с притопом

Круть и топ, круть и топ,
Круть, и топни ножкой тут,
Я, казалось, хоть куда,
Не слыхав, как встретят тут!

Отец скрипач был, к маме шли
Франтихи за салопом, о,
Меня ж досель не превзошли,
Танцуя рил с притопом, о.

«Его завёрнула в передник...»

Неслась охотница; при ней
Ни одеял, ни простыней;
Родился сынок, домой с первенцем ей,
Его завернула в передник.

У ней передник – чистый лён,
И кружевами окаймлён,
Жалея сынишку, что голенький он,
Его завернула в передник.

Her apron was o' the hollan sma,
Laid about wi' laces a',
She thought it a pity her baby to let fa,
And she row'd him in her apron.

Her father says within the ha,
Amang the knight and nobles a,
I think I hear a babie ca,
In the chamber amang our young ladies.

O father dear it is a bairn,
I hope it will do you nae harm,
For the daddie I lo'ed, and he'll lo'e me again,
For the rowin 't in my apron.

O is he a gentleman, or is he a clown,
That has brought thy fair body down,
I would not for a' this town
The rowin 't in thy apron.

Young Terreagles he's nae clown,
He is the toss of Edinburgh town,
And he'll buy me a braw new gown,
For the rowin 't in my apron.

Its I hae castles, I hae towers,
I hae barns, I hae bowers,
A' that is mine it shall be thine,
For the rowin 't in thy apron.

The Taylor

The Taylor he cam here to sew,
And weel he kend the way to woo,
For ay he pree'd the lassie's mou
As he gaed but and ben O.

For weel he kend the way O
The way O, the way O
For weel he kend the way O
The lassie's heart to win O.

The Taylor rase and sheuk his duds,
The flaes they flew awa in cluds,
And them that stay'd gat fearfu' thuds,
The Taylor prov'd a man O.

For now it was the gloamin,
The gloamin, the gloamin,
For now it was the gloamin
When a' to rest are gaun O.

У ней передник изо льна¹⁶⁶⁵,
По краю кружев пелена,
И чтобы младенчик не выпал, она
Его завернула в передник.

Средь зала – глас её отца
(Нет знати, рыцарям конца):
«Я слышу, вроде, крик мальчика
В покое, где юные леди».

«Отец, вот плоть моя и кровь,
Он не заставит вздёрнуть бровь;
Отец любим – полюбит вновь
За то, что скрывает передник».

«Да кто он таков: джентльмен, из крестьян,
Сваливший дочурку родную буян?
Кто в городе скажет: его мальчуган
Завёрнут вот в этот передник?»

«Мой Тёрриглз¹⁶⁶⁶ из крестьян навряд:
Мил в Эдинбурге всем подряд,
И купит лучший мне наряд,
Лишь заглянувши в передник».

«Башни вместе со дворцами,
С закромами и домами,
Всё отдам, владейте сами:
Ты и мой новый наследник».

Портной {2}¹⁶⁶⁷

Пришёл к нам, чтобы шить, портной,
Он ухажёр был – ой-ёй-ёй,
И мог подладиться к любой,
Когда впускали в дом, о.

Ведь здорово умел, о,
Умел, о, умел, о,
Ведь здорово умел, о,
Девицу покорить, о.

Лишь отряхнётся он слегка,
Взлетают блохи в облака;
Хлоп остальных: рука крепка,
Портной – мужчина, о.

Ведь сумерки настали,
Настали, настали,
Ведь сумерки настали,
И сон всех разобрал, о.

The Wren's Nest

Fragment.

The Robin cam to the wren's nest
And keekit in and keekit in,
O weel's me on your auld pow,
Wad ye be in, wad ye be in.
Ye'se ne'er get leave to lie without,
And I within, and I within,
Sae lang's I hae an auld clout
To row ye in, to row ye in.

The Yellow, Yellow Yorlin'

It fell on a day, in the flow'ry month o' May,
All on a merry merry mornin',
I met a pretty maid, an' unto her I said,
I wad fian fin' your yellow yellow yorlin'.

O no, young man, says she, you're a stranger to me,
An' I am anither man's darlin',
Wha has baith sheep an' cows, that's feedin' in the hows,
An' a cock for my yellow yellow yorlin'.

But, if I lay you down upon the dewy ground,
You wad nae be the waur ae farthing;
An' that happy, happy man, he never wou'd ken
That I play'd wi' your yellow yellow yorlin'.

O fie, young man, says she, I pray you let me be,
I wad na for five pound sterling;
My mither wad gae mad, an' sae wad my dad,
If you play'd wi' my yellow yellow yorlin'.

But I took her by the waist, an' I laid her down in haste,
For a' her squakin' and squalin';
The lassie soon grew tame, an' bade me come again
For to play wi' her yellow yellow yorlin'.

There Cam a Cadger

There cam a cadger out o' Fife,
I watna how they ca'd him;
He play'd a trick to our gudewife,
When fient a body bad him.

He took a lang thing stout and strang,
An' strack it in her gyvel;

Гнездо пеночки

Отрывок

Дрозд¹⁶⁶⁸ глянул пеночке в гнездо,
Внутри темноты, внутри темноты:
«Ох, мне бы, старому, свезло,
Будь дома ты, будь дома ты.
Уж больше не оставляю я
Тебя одну, тебя одну,
Кусочком старого тряпья
Я оберну, я оберну».

Овсяночка-малышка¹⁶⁶⁹

Приключилось всё, считай, когда цвёл повсюду май,
И рассвет был весел не без лишку;
Встретив деву, всех милей, обратился тотчас к ней:
«Ох, найти б твою овсяночку-малышку!»

А она мне: «Ой-ёй-ёй, ты, дружок, совсем чужой,
И другого полюбила я парнишку,
Он пасёт овец, коров; их накормит средь лугов –
Петушок найдёт овсяночку-малышку».

«Но коль ляжешь ты, краса, на лужайку, где роса,
То получишь целый фартинг¹⁶⁷⁰ на житьишко,
А счастливый человек не проведает вовек,
Кто играл с твоей овсяночкой-малышкой».

А она мне: «Фу, дружок, мою честь бы поберёг,
За пять фунтов¹⁶⁷¹ не займусь такой интрижкой;
Мать с отцом сойдут с ума, если дам тебе сама
Поиграть с моею овсяночкой-малышкой».

Но я взял её за стан, уложил, в усердье рьян;
Писки, визги – не смутишь такой пустышкой;
Вскоре лапушка стихать стала, а потом опять
Поиграть дала с овсяночкой-малышкой.

«Прибыл к нам торгош...»¹⁶⁷²

Из Файфа прибыл к нам торгош,
Когда его не звали,
Хозяйку взял на абордаж,
Как черти подсказали;

Мощна, крепка отменно снасть,
Какую вставил в щель;

An' ay she swore she fand the thing
Gae borin' by her nyvel.

There Grows a Bonnie Brier Bush

There grows a bonnie brier bush in our kail-yard,
There grows a bonnie brier bush in our kail-yard;
And below the bonnie brier bush there's a lassie and a lad,
And they're busy busy courting in our kail-yard.

We'll court nae mair below the buss in our kail-yard,
We'll court nae mair below the buss in our kail-yard,
We'll awa to Athole's green, and there we'll no be seen,
Where the trees and the branches will be our safeguard.

Will ye go to the dancin' in Carlyle's ha';
Will ye go to the dancin' in Carlyle's ha';
Whare Sandy and Nancy I'm sure, will ding them a',
I winna gang to the dance in Carlyle ha'.

What will I do for a lad, when Sandy gangs awa?
What will I do for a lad, when Sandy gangs awa?
I will awa to Edinburgh, and win a penny fee,
And see an onie bonnie lad will fancy me.

He's coming frae the north that's to fancy me,
He's coming frae the north that's to fancy me;
A feather in his bonnet, and a ribbon at his knee;
He's a bonnie bonnie laddie, an yon be he.

There Was Twa Wives

There was twa wives, and twa witty wives,
As e'er play'd houghmagandie,
And they coost oot, upon a time,
Out o'er a drink o brandy;
Up Maggie rose, and forth she goes,
And she leaves auld Mary flytin,
And she farted by the byre-en'
For she was gaun a shiten.

She farted by the byre-en',
She farted by the stable;
And thick and nimble were her steps
As fast as she was able:
Till at yon dyke-back the hurly brak,
But raxin for some dockins,
The beans and pease cam down her thighs,
And she cackit a' her stockins.

Клялась, не брались ловко так
Долбить её досель.

Шиповника чудесный куст¹⁶⁷³

Шиповника чудесный куст пролез в наш огород,
Шиповника чудесный куст пролез в наш огород,
Хорош шиповник наш и густ, и парень с милою – под куст,
И уйму их любовных дел укрыл наш огород.

«От поцелуев дальше вниз не пустит огород,
От поцелуев дальше вниз не пустит огород,
Атоул¹⁶⁷⁴ зелёный нам как раз, чтобы скрыть от любопытных глаз,
Там лес сплетением ветвей от бед убережёт.

На танцы хочешь в Карлайл-холл¹⁶⁷⁵,
На танцы хочешь в Карлайл-холл?»
«Там Сэнди с Нэнси правят бал, а это пересол,
И не пойду я в Карлайл-холл».

«Что сделать милому могу, раз Сэнди рядом нет?
Что сделать милому могу, раз Сэнди рядом нет?
Вот я поеду в Эдинбург, поднакоплю монет,
И нового дружка найду без бед.

Он с севера приехал, чтоб взять сердечко в плен,
Он с севера приехал, чтоб взять сердечко в плен,
Пером берет украсил, и ленты у колен¹⁶⁷⁶,
Он чудный, чудный малый – и бывшему взамен!»

Две тётки

Две тётки, мастерицы две
Насчёт перепихнуться,
Упились бренди как-то раз:
Беда, коль надерутся;
Вот Мэгги встала и пошла,
Оставив Мэри злиться,
И сходу пукать начала,
Идя опорожниться.

За хлевом пукала она,
И за конюшней тоже,
Всё чаще делались шаги,
Вовсю неслась, похоже;
Вон, не со зла, забор снесла,
Считай, дошла до точки:
Бобы, горох – по ляжкам, ох,
Замараны чулочки.

There's Three True Gude Fellows

There's three true gude fellows,
There's three true gude fellows,
There's three true gude fellows
Down ayont yon glen.

Its now the day is dawin,
But or night to fa' in,
Whase cock's best at crawin,
Willie thou sall ken.

Tibbie Fowler

Tibbie Fowler o' the glen,
There's o'er mony wooin at ther,
Tibbie Fowler o' the glen,
There's o'er mony wooin at her.

Wooin at her, pu'in at her,
Courtin at her, canna get her:
Filthy elf, it's for her pelf,
That a' the lads are wooin at her.

Ten cam east, and ten cam west,
Ten came rowin o'er the water;
Twa came down the lang dyke side,
There's twa and thirty wooin at her.

There's seven but, and seven ben,
Seven in the pantry wi' her;
Twenty head about the door,
There's ane and forty wooin at her.

She's got pendles in her lugs,
Cockle-shells wad set her better;
High-heel'd shoon and siller tags,
And a' the lads are wooin at her.

Be a lassie e'er sae black,
An she hae the name o' siller,
Set her upo' Tintock-tap,
The wind will blaw a man till her.

Be a lassie e'er sae fair,
An she want the pennie siller;
A lie may fell her in the air,
Before a man be even till her.

Wooin at her, pu'in at her,
Courtin at her, canna get her:
Filthy elf, it's for her pelf,
That a' the lads are wooin at her.

Три добрых, верных друга¹⁶⁷⁷

Друзей трёх добрых, верных,
Друзей трёх добрых, верных,
Друзей трёх добрых, верных
Раз тот вон глен укрыл.

Пришёл рассвет, на счастье,
Иль ночь ещё при власти,
И чей петух горластей,
Ты разузнал бы, Вилл.

Тибби Фаулер¹⁶⁷⁸

Тибби Фаулер знал весь глен,
Ухажёров счесть не смею,
Тибби Фаулер знал весь глен,
Всяк ухлёстывал за нею.

Всяк за нею, хвост за нею,
Рад быть с нею – да не с нею;
Всяк балбес к деньжатам лез,
Знай ухлёстывал за нею.

Двадцать пёхом добрались,
Десять пригребли, потея,
Двое к ней через забор:
Тридцать два дружка за нею.

Семь в сенях, семь влезли в дом,
Семь других в кладовке с нею,
Двадцать бродят у дверей:
Сорок и один за нею.

Ей несли серёжки (ах,
Жемчуга бы ей на шею),
Башмачки на каблучках –
Так тащился люд за нею.

Будь девица просто дрянь,
Но с деньгами, думать смею,
Хоть на Тинток¹⁶⁷⁹ посади,
Ветром вдует люд за нею.

Будь девица хоть куда,
Но без денег, уж скорее
Попадёт на небеса,
Чем хоть кто придёт за нею.

Всяк за нею, хвост за нею,
Рад быть с нею – да не с нею;
Всяк балбес к деньжатам лез,
Знай ухлёстывал за нею.

Up and Warn a' Willie

Up and warn a' Willie,
Warn, warn a';
To hear my cantie Highland sang,
Relate the thing I saw, Willie.

When we gaed to the braes o' Mar,
And to the wapon-shaw, Willie,
Wi' true design to serve the king
And banish whigs awa, Willie.
Up and warn a' Willie,
Warn, warn, a';
For Lords and lairds came there bedeen
And wow but they were braw, Willie.

But when the standard was set up
Right fierce the wind did blaw, Willie;
The royal nit upon the tap
Down to the ground did fa', Willie.
Up and warn a' Willie,
Warn, warn, a';
Then second-sighted Sandie said
We'd do nae gude at a', Willie.

But when the army join'd at Perth,
The bravest ere ye saw, Willie,
We didna doubt the rogues to rout,
Restore our king and a', Willie.
Up and warn a' Willie,
Warn, warn, a';
The pipers play'd frae right to left
O whirry whigs awa, Willie.

But when we march'd to Sherramuir
And there the rebels saw, Willie;
Brave Argyle attack'd our right,
Our flank and front and a', Willie.
Up and warn a', Willie,
Warn, warn a';
Traitor Huntly soon gave way
Seaforth, St Clair and a' Willie.

But brave Glengarry on our right,
The rebel's left did claw, Willie,
He there the greatest slaughter made
That ever Donald saw, Willie.
Up and warn a', Willie,
Warn, warn a',
And Whittam shat his breeks for fear
And fast did rin awa', Willie.

«Всех к чертям их, Вилли...»¹⁶⁸⁰

Всех к чертям их, Вилли,
Всех к чертям;
Пусть слышат веселуху с гор
О том, что видел сам, Вилли.

Когда мы ехали на Мар¹⁶⁸¹
К собравшимся войскам, Вилли,
Служить решили королю,
Гнать вигов, да к чертям, Вилли.
Всех к чертям их, Вилли,
Всех к чертям;
Ведь лордов с лэрдами союз¹⁶⁸²
Скреплён был клятвой там, Вилли.

Но стяг, развёрнутый едва,
Поддался злым ветрам, Вилли,
И с древка королевский знак
Свалился вдруг к ногам¹⁶⁸³, Вилли.
Всех к чертям их, Вилли,
Всех к чертям;
Вздохнувши дважды, Сэнди¹⁶⁸⁴ рек:
«Похоже, крышка нам», Вилли.

Когда рать в Перте¹⁶⁸⁵ собралась
(Храбрей не видел сам, Вилли),
Собрались мы мерзавцев гнать,
Каюк их вожакам, Вилли.
Всех к чертям их, Вилли,
Всех к чертям;
Рёв труб по фронту войск летел:
Пора гнать вигов нам, Вилли.

Когда ж повстанцы в Шеррамур¹⁶⁸⁶
Пришли под шум и гам, Вилли,
Аргайл-храбрец¹⁶⁸⁷ и правый фланг,
И фронт снёс землякам, Вилли.
Всех к чертям их, Вилли,
Всех к чертям;
Предатель Хантли¹⁶⁸⁸ бит, творят
Сифóрт, Сент-Клэр¹⁶⁸⁹ бедлам, Вилли.

Храбрец Гленгарри¹⁶⁹⁰ справа пёр,
Сбив левый фланг парням, Вилли,
Такую учинил резню,
Не видел Доналд¹⁶⁹¹ сам, Вилли.
Всех к чертям их, Вилли,
Всех к чертям;
А Уиттем¹⁶⁹² наложил в штаны:
Погоня по пятам, Вилли.

For he ca'd us a Highland mob
And soon he'd slay us a', Willie;
But we chas'd him back to Stirling brig
Dragoons and foot and a', Willie.
Up and warn a' Willie,
Warn, warn a',
At length we rallied on a hill
And briskly up did draw, Willie.

But when Argyle did view our line,
And them in order saw, Willie,
He streight gaed to Dumblane again
And back his left did draw, Willie.
Up and warn a' Willie,
Warn warn a',
Then we to Auchterairder march'd
To wait a better fa' Willie.

Now if ye spier wha wan the day,
I've tell'd you what I saw, Willie,
We baith did fight and baith did beat
And baith did rin awa, Willie.
Up and warn a', Willie,
Warn, warn a', Willie,
For second sighted Sandie said
We'd do nae gude at a', Willie.

Wad Ye do That?

Gudewife, when your gudeman's frae hame,
Might I but be sae bauld,
As come to your bed-chamber,
When winter nights are cauld;
As come to your bed-chamber,
When nights are cauld and wat,
And lie in your gudeman's stead,
Wad ye do that?

Young man, an ye should be so kind,
When our gudeman's frae hame,
As come to my bed-chamber,
Where I am laid my lane;
And lie in our gudeman's stead,
I will tell you what,
He fucks me five times ilka night,
Wad ye do that?

Wha the Deil Can Hinder the Wind to Blaw?

It fell about the blythe new-year,
When days are short and nights are lang,

Он обзывал нас «горский сброд»,
Расколошматил в хлам, Вилли;
Драгун с пехотой этот сброд
Гнал к Стёрлингу¹⁶⁹³, упрямя, Вилли.
Всех к чертям их, Вилли,
Всех к чертям;
На холм мы всё же взобрались,
Пришла беда к врагам, Вилли.

Когда узрел Аргайл наш строй,
Что был готов к боям, Вилли,
Помчался он опять в Дамблейн¹⁶⁹⁴,
Досталось слева нам, Вилли.
Всех к чертям их, Вилли,
Всех к чертям;
Мы к Октерэйрдру¹⁶⁹⁵ отошли,
Чтоб отдышаться там, Вилли.

Коль, спросишь, кто взял верх в тот день,
Скажу, что видел сам, Вилли:
Сражались, бились мы вдвоём¹⁶⁹⁶,
Враг был не по зубам, Вилли.
Всех к чертям их, Вилли,
Всех к чертям;
Вздохнувши дважды, Сэнди рек:
«Похоже, крышка нам», Вилли.

«Согласен ты?»

«Хозяйка, раз в отъезде муж,
Могу ли смел быть так,
Чтоб в спальню влезши, бросить
Морозный зимний мрак;
А в спальню влезши, бросив
Хлад, сырость темноты,
Улечься вместо мужа...
Согласна ты?»

«Дружок, раз ты любезен так,
Пока в отъезде муж,
Что влезешь ко мне в спальню,
Где я одна, к тому ж,
Что вместо мужа хочешь лечь,
Условия просты:
Как муж, пять раз за ночь уеть
Согласен ты?»

«Кой чёрт мешает ветру дуть?»

«Когда всё к Новому году шло,
Был краток день, а ночь длинна,

Ae bonie night, the starns were clear,
An' frost beneath my fit-stead rang;
I heard a carlin cry, "relief!"
Atweesh her trams a birkie lay;
But he wan a quarter in her beef,
For a' the jirts the carlin gae.

She heav'd to; and he strak frae,
As he wad nail'd the carlin thro';
An' ilka fart the carlin gae,
It wad hae fill'd a pockie fou;
Temper your tail, the young man cried,
Temper your tail by Venus' Law!
Double your dunts, the dame replied,
Wha the deil can hinder the wind to blaw?

Wha'll Mow Me Now

O wha'll mow me now, my jo,
An' wha'll mow me now:
A sodger wi' his bandileers
Has bang'd my belly fu'.

O' I hae tint my rosy cheek,
Likewise my waste sae sma';
O wae gae by the sodger lown,
The sodger did it a'.

Now I maun thole the scornfu' sneer
O' mony a' saucy quine;
When, curse upon her godly face!
Her cunt's as merry's mine.

Our dame hauds up her wanton tail
As due as she gaes lie;
An' yet misca's a young thing,
The trade if she but try.

Our dame can lae her ain gudeman,
An' mow for glutton greed;
An' yet misca's a poor thing
That's mown' for its bread.

Alake! sae sweet a tree as love,
Sic bitter fruit should bear!
Alake, that e'er a merry arse,
Should draw a sa'tty tear.

But deevil damn the lousy loun,
Denies the bairn he got!
Or lea's the merry arse he loe'd
To wear a ragged coat!

Когда в ночи́ от звёзд светло,
А поступь – снег скрипит – слышна,
Вдруг “Помоги!” старухин крик...»
В берёзу въехала она,
Он подсобить собрался вмиг:
Ей дёргать – толку ни хрена.

Она туда, а он сюда,
В душе ругал её, как мог;
Старуха пукала – беда,
Считай, напугала мешок;
«Уйми свой зад, – парнишка ей, –
Клянусь Венерой, хоть на чуть!»
А бабка: « Сам наддай сильней!
Кой чёрт мешает ветру дуть?»

«Кто станет есть меня?»

Кто станет есть меня, дружок,
Кто нынче станет есть?
Солдат набил весь патронташ,
А животу терпеть.

Куда-то сплыл румянец щёк,
И тонкий стан вослед;
Видать, прибрал подлец-солдат,
Солдат наделал бед.

Теперь сношу насмешек тьму
От наглой девки я;
При постной роже у самой
Лоханка – как моя.

Виляет задницей мадам,
Поскольку, вишь, дала;
Притом девчонку знай честит
За эти же дела.

Мадам бы лечь под муженька:
Даст есть – обильна снедь;
А бедолагу знай честит,
Что даст за корку есть.

Любви цвет сладок был – увы,
Он горький плод принёс!
Увы, вертелся живо зад –
Хлебнёшь солёных слёз.

Чёрт тварь бы вшивую побрал:
От деточки в отказ!
Тот зад вертлявый, что любил,
Прикрыт тряпьем сейчас!

When She Cam Ben She Bobbed

O when she cam ben she bobbed fu' law,
O when she cam ben she bobbed fu' law;
 And when she cam ben she kiss'd Cockpen,
And syne deny'd she did it at a'.

And was na Cockpen right saucy with a',
And was na Cockpen right saucy with a',
 In leaving the dochter of a lord,
And kissin a Collier-lassie an' a'.

O never look down, my lassie at a',
O never look down, my lassie at a';
 Thy lips are as sweet and thy figure compleat,
As the finest dame in castle or ha'.

Tho' thou has nae silk and holland sae sma,
Tho' thou has nae silk and Holland sae sma,
 Thy coat and thy sark are thy ain handywark
And Lady Jean was never sae braw.

Where Helen Lies

O that I were where Helen lies,
Night and day on me she cries;
O that I were where Helen lies
 In fair Kirkconnel lee.
O Helen fair beyond compare,
A ringlet of thy flowing hair,
I'll wear it still for ever mair
 Until the day I die.

Curs'd be the hand that shot the shot,
And curs'd the gun that gave the crack!
Into my arms bird Helen lap,
 And died for sake o' me!
O think na ye but my heart was sair;
My Love fell down and spake nae mair;
There did she swoon wi' meikle care
 On fair Kirkconnel lee.

I lighted down, my sword did draw,
I cutted him in pieces sma';
I cutted him in pieces sma';
 On fair Kirkconnel lee.
O Helen chaste, thou wert modest,
If I were with thee I were blest
Where thou lies low and takes thy rest
 On fair Kirkconnel lee.

«Вернулась домой – кто б живее плясал...»

Вернулась домой – кто б живее плясал,
Вернулась домой – кто б живее плясал;
Вернулась, и хватъ Кокпéна¹⁶⁹⁷ лобзать,
С тех пор отрицает всё, кто б ни пристал.

А этот Кокпен, ну просто нахал,
А этот Кокпен, ну просто нахал:
От дочери лорда отвёрнута морда,
Девчонку горняцкую¹⁶⁹⁸ мял и лобзал.

Родная, вовек не теряй свой запал,
Родная, вовек не теряй свой запал;
Куда ты милей фигуркой своей,
Чем дамы, набившие замок иль зал.

Пусть ты не в шелку, и холст подкачал,
Пусть ты не в шелку, и холст подкачал,
Накидку, сорочку пошить – это в точку,
И шик леди Джин безнадежно отстал.

«Я заявился к Хéлен в дом...»

Я заявился к Хелен в дом:
Крик ночью на меня и днём,
Когда являюсь к Хелен в дом
В Кёрккóннел¹⁶⁹⁹ милый свой.
О Хелен, нет другой такой;
Твой дивный локон завитой
Храню, и будет он со мной,
Покуда я живой.

Будь проклята рука стрелка,
Будь проклят чёрттов треск курка!
Жизнь пташки Хелен коротка,
И смерть её со мной!
Я, право, был рыдать готов:
Родная рухнула без слов,
Без чувств, но чуя кров,
Кёрккóннел милый свой.

Потухши, меч я обнажил,
Кусками вражьими набил,
Кусками вражьими набил
Кёрккóннел милый свой.
О Хелен, ты была скромна,
С тобою быть – мечта одна –
Навеки выбрав местом сна
Кёрккóннел милый свой.

I wish my grave was growing green,
A winding sheet put o'er my e'en,
And I in Helen's arms lying
 In fair Kirkconnel lee!
I wish I were where Helen lies!
Night and day on me she cries:
O that I were where Helen lies
 On fair Kirkconnel lee.

Ye'se Get a Hole to Hide it in

O will ye speak at our town,
 As ye come frae the fair?
And ye'se get a hole to hide it in,
Ye'se get a hole to hide it in;
Will ye speak to our town
 As ye come frae the fair,
Ye'se get a hole to hide it in,
 Will haud it a' and mair.

O haud awa your hand, Sir,
 Ye gar me ay think shame;
An' ye'se get a hole to hide it in;
Ye'se get a hole to hide it in;
O haud awa your hand, Sir,
 Ye gar me ay think shame;
An' ye'se get a hole to hide it in,
 An' think yoursel at hame.

O will ye let abee, Sir;
 Toots! now, ye're rivt my sark,
An' ye'se get a hole to hide it in,
Ye'se get a hole to hide it in;
O will ye let abee, Sir;
 Toots! Now, ye've reft my sark;
An' ye'se get a hole to hide it in,
 Whare ye may work your wark.

O haud awa your hand, Sir,
 Ye're like to pit me daft;
And ye'se get a hole to hide it in,
Ye'se get a hole to hide it in;
O haud awa your hand, Sir,
 Ye're like to put me daft;
An' ye'se get a hole to hide it in,
 To keep it warm and saft.

O had it in your hand, Sir,
 Till I get up my claes,
An' ye'se get a hole to hide it in,
Ye'se get a hole to hide it in;
O had it in your hand, Sir,
 Till I get up my claes;
An' ye'se get a hole to hide it in,
 To keep it frae the flaes.

Пусть будет зелень трав вокруг,
И взор пусть застит саван, туг,
Я попаду из милых рук
В Кёркконнел милый свой!
Мне б заявиться к Хелен в дом!
Крик ночью на меня и днём,
Когда являюсь к Хелен в дом
В Кёркконнел милый свой.

«Найдите-ка сперва нору...»

Ведёте речи в городке,
Вернувшись от родной?
Найдите-ка сперва нору,
Найдите-ка сперва нору;
Болтать охота в городке,
Вернувшись от родной, –
Найдите-ка сперва нору,
Чтоб места – ой-ёй-ёй.

Вам руку бы убрать, сэр,
Боюсь людской молвы;
Найдите-ка сперва нору,
Найдите-ка сперва нору;
Вам руку бы убрать, сэр,
Боюсь людской молвы;
Найдите-ка сперва нору,
Чтоб думать: дома вы.

Вам лучше перестать, сэр,
Сорочку, ух, тащить!
Найдите-ка сперва нору,
Найдите-ка сперва нору;
Вам лучше перестать, сэр,
Её, ух, не зашить!
Найдите-ка сперва нору,
Чтоб там хоть что творить.

Вам руку бы убрать, сэр,
Я не глупышка тут;
Найдите-ка сперва нору,
Найдите-ка сперва нору;
Вам руку бы убрать, сэр,
Я не глупышка тут;
Найдите-ка сперва нору,
Чтоб там – тепло, уют.

Вам лучше поддержать, сэр,
Пока оденусь, ох,
Найдите-ка сперва нору,
Найдите-ка сперва нору;
Вам лучше поддержать, сэр,
Пока оденусь, ох;
Найдите-ка сперва нору,
Но только чтоб без блох¹⁷⁰⁰.

Примечания*

¹ **«Тэм О’Шентер»** – поэма, заглавным героем которой стал безымянный «фермер из Каррика [исторической области на юго-западе Шотландии, южной части Эйршира]», как упоминал в одном из писем Бёрнс. В Каррике действительно была ферма Шентер, и современники считали прототипом Тэма О’Шентера её владельца Дагласа Грэма (1739 – 1811). По одной из версий, у кобылы подвыпившего Грэма шутники обкорнали хвост, и тот, в оправдание перед женой, сплёл сказку о нечисти в церкви Аллоуэй. По другой – историю выдумал Бёрнс, а уже потом она разошлась на анекдоты. К слову, теперь «тэм о’шентером» зовётся шотландский берет с помпоном.

Повод к созданию поэмы дала переписка автора с отставным капитаном Фрэнсисом Гроузом (1731 – 1791), художником, лексикографом, любителем и собирателем шотландской старины. Бёрнс изложил многие мотивы будущей поэмы в письмах и рассказах, в 1790 – 1791 гг. появились сперва наброски, а затем и весь текст в окончательном виде.

² **В сей книге... Гэвин Даглас** – епископ Даглас (1474? – 1522), который прославился как один из крупнейших шотландских поэтов и переводчик на шотландский язык «Энеиды» Вергилия. Латинский текст Даглас дополнил своими прологами; из пролога к главе VI и заимствован эпитафия. Брауни (см. оригинал) это домовые, а богиллы – собирательное название шелликоутов (водяных в одежде из ракушек), баргестов (духов в виде жуткой чёрной собаки), брэгов (лошадей или ослов, которые с хохотом сбрасывают людей в лужи или кусты) и хэдли-кау (злых эльфов с переменчивым обликом). Как видим, нечисть Дагласа – чисто шотландская, что в переводе, увы, теряется.

³ **Из Эйра в скачке запоздалой...** – Эйр находится к северу от реки Дун; чтобы попасть в Каррик, нужно было переправиться на южный берег по единственному мосту возле церкви в Аллоуэе. Весь путь героя привязан к местной топографии и топонимике.

⁴ **... с мельником...** – прототипом мельника считают Хью Брауна из Ардлохэна, родню Бёрнса по материнской линии.

⁵ **... с кузнецом...** – его прототипом считают Джона Найвена из Каррика.

⁶ **... с Джин, хозяйкой паба...** – Джин Кеннеди на паях с сестрой держала кабачок в деревне Кёркессуолд Кёрктонского прихода. Завсегдатаи звали его “Laddies’ House” = «Дамский домик». Бёрнс пишет “L – s house” по образцу L – s House = Lord’s House («Б – жий Дом», как писали в ту пору, дабы не поминать Всевышнего всуе). Земляки не могли не оценить шутку.

⁷ **Башмачник Джони...** – мнения о прототипе разнятся: упомянут то ли Джон Дэвидсон из деревушки близ Шентера, то ли Джон Лэхлен, чинивший башмаки в Эйре.

* Примечания Р. Бёрнса выделены курсивом, вставки переводчика – квадратными скобками; цитаты из синодального перевода Библии даны курсивом в квадратных скобках.

⁸ **Джон Ячменное Зерно...** – буквальный перевод распространённого эфемизма John Barleycorn, обозначающего ячмень и напитки на его основе (пиво и виски).

⁹ **Не в котильоне по-французски: / Хорнпайпы, жиги, рил, стратспей...** – к французским танцам англичане и шотландцы той поры относились с иронией, а то и враждебно. Нечисть в поэме предпочитает шотландские народные пляски.

¹⁰ **... старый Ник... чёрный мрачный пёс...** – одно из прозвищ дьявола, часто принимавшего, как считалось, образ чёрной собаки.

¹¹ **В руке холодной сжал свечу...** – в тогдашних «справочниках» горящие свечи считались атрибутом всякого бесовского действия.

¹² **[Навыворот... не уйдёшь.]** – строки, удалённые из первого издания поэмы по предложению Александра Фрэйзера Тайтлера, лорда Вудхаусли (1743 – 1813), юриста и писателя, воспроизводятся в большинстве последующих публикаций.

¹³ **Пригоже-резвая девица...** – современники утверждали, что упомянута Кэти Стивен, гадалка и «ведьма» из Лейгпарка, близ Кёркессуолда, в приходе Кёрктон.

¹⁴ **Два фунта...** – шотландский фунт к моменту заключения Унии (1707) равнялся 1/12 английского. Служанка на ферме могла заработать 2 – 3 шотландских фунта в год.

¹⁵ **Не пересечь им быстрых вод...** – *«хорошо известен тот факт, что ведьмы или любые злые духи не в силах преследовать беднягу далее, чем до середины потока бегущих вод. Преследуемому путнику следует помнить, что, имея дело с призраками, куда менее опасно бежать вперёд, чем возвращаться назад».*

¹⁶ **«Гулящий сброд. Кантата»** – не изданное при жизни автора произведение имело первоначальное название “Love and Liberty” («Любовь и воляность»). Под кантатой тогда понимали цикл песен, написанных от лица разных лирических героев, объединённых местом действия и краткими характеристиками образов («речитативами»). Кантаты не предназначались для сцены.

¹⁷ **У Киски Нэнси...** – местом действия служит кабачок миссис Гибсон, прозванной Киской Нэнси, в Мохлине (см. примеч. 72). Туда заглядывал и Бёрнс, поэтому считают, что многое в кантате списано «с натуры».

¹⁸ **... красных тряпок...** – английский солдатский мундир был, в большинстве случаев, красным.

¹⁹ **... лепёшка...** – овсяная лепёшка служила обычным тогда подаванием.

²⁰ **С Абрамовых высот...** – в 1759 г. на Авраамских высотах (точнее, в долине Авраама, лежащей к западу от Квебека) англичане одержали победу над французами в ходе Войны за независимость американских колоний. Командовавший английскими войсками генерал-майор Джеймс Вулф (1727 – 1759) пал в битве; с этим, возможно, связана отсылка в предыдущей строке.

²¹ **... Морро...** – крепость (иначе Моро), защищавшая гавань Сантьяго на Кубе; англичане взяли её штурмом в 1742 г.

²² **... с Кёртисом... морские батареи / Послушал... Эллиота...** – адмирал сэра Роджера Кёртиса, 1-й баронет, кавалера высшего военного ордена Бани (1746 – 1816), командовал англичанами при осаде Гибралтара франко-испанскими войсками в 1779 – 1783 гг. Корабли осаждающих, которые

несли специальные штурмовые орудия («морские батареи»), Кёртис сумел потопить. Джордж Огастес Эллиот, лорд Хитфорда (1717 – 1790), участвовал в обороне Гибралтара. Таким образом, к 1785 г., когда появилась кантата, герой пробродяжничал около двух лет.

²³ **«Анкор!»** – «Ещё раз!» (фр.); то же, что «Бис!»

²⁴ **Привязан раз был... по дури прямяв...** – по законам той поры, осуждённого прелюбодея в первый раз приковывали в ошейнике к позорному столбу, во второй – сажали на «скамью (или стул) позора» в церкви.

²⁵ **Закон нагорий...** – здесь: законы и порядки южной Шотландии, которую горцы-северяне считали продавшейся английским угнетателям.

²⁶ **... килт и яркий плед... клеймор...** – килт – часть мужской одежды в виде юбки до колен; цвета клетчатых пледа и килта были своими у каждого клана. Клеймор – старинный шотландский двуручный меч, к XVIII в. ставший чуть легче и короче канонического «обоюдоострого клинка в 3 фута 7 дюймов [около 120 см] с рукоятью в 14 дюймов [36 см]», каким был прежде. Название происходит от гэльск. claidheamh mòr = большой меч; возможно, слово claidheamh, в свою очередь, родственно лат. gladius (меч).

²⁷ **... Твид и Спей...** – реки в Шотландии. Твид образует на юге страны границу с Англией, Спей течёт на северо-востоке Шотландии, Парочка выбрала для прогулок область весьма обширную.

²⁸ **... ариозный...** – от муз. *arioso* – «мелодично», «протяжно».

²⁹ **Хват-медник...** – бродячий медник стоял на социальной лестнице выше музыканта или солдата, поэтому герой поглядывает на соперников свысока.

³⁰ **Килбайги...** – сорт шотландского виски, названный по месту производства: городок Килбайги (Килбаги) расположен между Эдинбургом и Стёрлингом. *«Особый сорт виски, названный так, пользуется огромной популярностью в заведениях Кисок Нэнси».*

³¹ **... Кастальский ключ...** – родник на горе Парнас, около Дельф (в Центральной Греции). В Древней Греции почитался как священный ключ бога Аполлона и муз, дарующий вдохновение поэтам и музыкантам; со временем стал символическим источником вдохновения.

³² **... Геликон...** – гора в Греции, где, согласно греческой мифологии, находились священные для муз родники.

³³ **... по Деборе...** – здесь: по девице.

³⁴ **... вариорум...** – в строгом смысле издание “*cum notis variorum*” представляет собой книгу с комментариями сразу нескольких исследователей.

³⁵ **[Матросская песня]** – с этого места до конца кантаты идёт текст, не включённый во многие издания, а в саму песню входят куплеты, которые ранее исполнял скрипач (см.). Заметим, что этот текст не вписывается в сюжет, вводит нового героя и не поясняет, почему медник поёт вторично (песню медника см. в разделе «Остальное» под названием «Был рад, прорезая зубцы гребешка...»).

³⁶ **Хэллоуин** – канун Дня всех святых (празднуется в ночь с 31 октября на 1 ноября). В шотландской деревне во времена Бёрнса это была, в первую очередь, ночь ворожбы и гаданий, о чём автор напоминает так: *«Это, следует думать, ночь, когда ведьмы, черти и прочие зловредные твари повсюду творят полуночные пакости; в частности феи, воздушный народец, отмечают в эту ночь знаменательную годовщину».*

³⁷ **Пусть... Голдсмит** – процитированы строки из антиидиллии «Покинутая деревня» (1770) английского прозаика, поэта и драматурга ирландского

происхождения Оливера Голдсмита (1730 – 1774), видного представителя сентиментализма.

³⁸ ... **Кэссилз-Донэнз...** – «хорошо известные невысокие романтические каменные зелёные холмы неподалёку от старинного поместья графов Кэссилзов».

³⁹ ... **в Колин... Грот...** – «примечательная пещера возле усадьбы Колин, именуемая Колинским гротом; подобно Кэссилз-Донэнз, знаменита в истории края как излюбленный феями приют».

⁴⁰ ... **Брюс...** – упомянут некто из «знаменитого семейства, носящего эту фамилию; предки Роберта, освободителя страны, были графами Каррикскими». См. примеч. 858.

⁴¹ **Калить орехи, хряпки драть...** – обряды этой волшебной ночи, о которых рассказано далее. Для подзабывших родную речь: хряпки – капустные кочерыжки или, как здесь, оставшиеся в земле корни капусты.

⁴² **На лентах парни ну вязать / Узлы...** – речь идёт о «любовных подвязках», лентах, обёрнутых у кавалеров на лодыжках и завязанных особым двойным бантом; они оповещали мир о влюблённости своих обладателей.

⁴³ **Промеж... не руша ряда...** – «первый из обрядов Хэллоуина: каждый тащит хряпку или кочан капусты целиком. Идут, взявшись за руки, закрыв глаза, и тянут первое, что попадётся; велика находка или мала, пряма или крива – предскажет рост и сложение объекта гадания: [будущих] мужа или жены. Налипшая земля сулит приданое или удачу, а вкус кочерыжки свидетельствует о нраве и манерах. Наконец, кочерыжки, или, как их называют обычно, хряпки, кладут на притолоку двери, и крестильные имена случайно зашедших в дом означают, в порядке разложенных хряпок, имя суженого».

⁴⁴ ... **им надо, страсть, / За колоски тянуть...** – «идут на ток, и каждая поочерёдно вытягивает по три овсяных колоска. Если у третьего колоска не хватает верхнего зёрнышка, то загадавшая придёт к брачному ложу кем угодно, только не девицей».

⁴⁵ **Ей под скирдой досталось...** – «когда зерно сомнительного качества – слишком зелёное или влажное – мечущий скирду вставляет под неё что-то вроде старой лесины, делая вместительное пространство, открытое сбоку, чтобы хорошо продувало ветром; он называет "fause-house." [false-house = ложный дом]».

⁴⁶ **Орехи, бабушкин запас...** – «калить орехи – любимое колдовство. Каждому ореху, брошенному в огонь, дают имя парня или девицы; в зависимости от того, калятся он рядышком или отскакивают один от другого, предрекают ход и итог ухаживанья».

⁴⁷ **Клубок метнула сильно...** – «всякий, кто хочет преуспеть в этой ворожбе, должен строго держаться следующих указаний: прокрасться в полном одиночестве к сушильной печи, в полной тьме метнуть в неё клубок синих ниток и начать сматывать новый клубок из старого; ближе к концу, когда нитка за что-то зацепится, спрашивают: «Кто держит?», и из печи слышится крестильное имя и фамилия будущего супруга».

⁴⁸ **Грызть яблоко я стану...** – «возьмите свечу и в одиночестве ступайте к зеркалу; съешьте перед ним яблоко; некоторые традиции велят расчёсывать при том волосы. Лицо будущего супруга явится, как бы выглянув у вас из-за плеча».

⁴⁹ **... распутное мурло!** – в оригинале skelpie-limmer's face = распутная рожа. Бёрнс считал это «техническим термином в женской перебранке»

⁵⁰ **Пред Шерраму́ром...** – в битве при Шеррамуре (правильнее – Шеррифмюре) 13 ноября 1715 г. между королевскими войсками во главе с герцогом Аргайлом (3500 чел.) и 9000 шотландских горцев под командованием графа Мара. Правый фланг Аргайла был отброшен Макдональдами, затем королевские войска были вынуждены отступить. Исход сражения спорен.

⁵¹ **Сей, чтоб не углядела...** – «крадутся незамеченными и высевают горсть конопляных семян; потом боронят, волоча что-нибудь за собой. Повторять то и дело: “Конопля, тебя сею я, тебя сею я, и тот (или та), что мой (или моя), ступай за мной, ступай да подбирай”. Взглянув за левое плечо, увидишь искомую персону, подбирающую семена. По другим воззрениям, говорят: “За мной держись, да покажись”, в каковом случае персона просто появляется на виду. Иные сами не боронят, а говорят: “за мной иди, да борони”».

⁵² **Просеять... / Три сита ничего...** – «это гадание также совершают и незаметно, и в одиночку. Идите в амбар, распахнув обе створки двери, а если возможно, то и сняв их с петель, ибо есть опасность, что вызываемое создание может двери закрыть и навредить вам. Потом берут сито и проделывают с ним всё, что [обычно] совершают, провеивая зерно на ветру. Повторяют трижды, и на третий раз через амбар из двери в дверь просквозит дух, похожий на суженого, чей вид и свита явят его род занятий и положение в обществе».

⁵³ **... трижды им объятый сноп...** – «улучите возможность пробраться незамеченным к ячменному снопу и трижды обнимите его. На третий раз поймаете в объятья похожую на будущую супругу».

⁵⁴ **... намочить рукав...** – «идёте, в одиночку или нет (поскольку это гадание для компании), к бегущим на юг ручью или речушке в то место, где “сходятся земли трёх лордов”, и погружаете в воду левый рукав рубахи. Ложитесь спать возле очага, а мокрый рукав повесьте сушить перед огнём. Не засыпайте, и ближе к полуночи явится фигура, похожая на предмет вожделения; она подойдёт и перевернёт рукав, чтобы высушить с другой стороны».

⁵⁵ **... орляк...** – орляк обыкновенный (лат. *Pteridium aquilinum*), вид многолетних травянистых папоротниковидных растений. Своё название получил оттого, что сосудистые пучки в корневище на поперечном разрезе похожи на державного орла.

⁵⁶ **Три деревянных плошки в ряд...** – «возьмите три [деревянные] миски, налейте чистой воды в одну, грязной в другую, а третью оставьте пустой; завяжите человеку глаза и подведите его к очагу, где миски выставлены в ряд; он (или она) пусть окунёт левую руку; если рука случайно попадёт в чистую воду, то будущий муж (или жена) придут в брак девственными; если в грязную, то вдовыми, если же в пустую миску, то это предвещает, с той же достоверностью, безбрачие. Так повторяют трижды, и всякий раз меняют расположение мисок».

⁵⁷ **... соуэнза...** – овсяного пудинга, который к ужину на Хэллоуин готовят с маслом вместо молока.

⁵⁸ **Р. Эйкену...** – Роберту Эйкену (1739 – 1807), известному в Эйре юристу и адвокату, другу и корреспонденту Бёрнса. Эйкен, по сути, первым оценил ранние стихотворения юноши и вдохновил того на серьёзное творчество.

Эйкен был одним из 145 подписчиков, давших деньги на первое (килмарнокское) издание стихов Бёрнса.

⁵⁹ **Спесь... Грей** – 8-я строфа «Элегии, написанной на сельском кладбище» (1751) английского поэта-сентименталиста Томаса Грея (1716 – 1771).

⁶⁰ **«Данди»... «Мартирз» ... «Элгин»** – старинные шотландские народные песни. «Данди» – точнее, «Бонни Данди» («Красавчик Данди») – названа в честь Джона Грэма Клаверхауса (1649 – 1689), деятеля последней английской Революции. Джон Грэм, владетель поместья Клаверхаус около Данди (четвёртого по величине города Шотландии), титул виконта Данди получил в награду от короля Якова всего за год до своей гибели, а прозвище Бонни – за красивую внешность. «Мартирз» переводится как «Мученики». «Элгин» – город в Шотландии, с которым связаны многие, в том числе кровавые, страницы истории.

⁶¹ **... какой наказ Авраму дан...** – библейская аллюзия: «И сказал Господь Авраму: “Пойди из земли твоей... Я произведу от тебя Великий Народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твоё, и будешь ты в Благословение”» [Быт 12:1 – 3].

⁶² **... Моисей извечно шёл войной / На богомерзких амаликитян...** – в Ветхом Завете амаликитяне – злейшие враги народа Израиля, бывшие свидетелями невероятных чудес, которые произошли с евреями во время Исхода из Египта, и все же посмевавшие развязать против них войну. В этих боях Моисея поддерживало обещание Всевышнего изгладить «память амаликитян из Поднебесной» [Исх 17:14].

⁶³ **Иов... Исая...** – ветхозаветные персонажи. Иов – праведник, которого Господь испытывал множеством мук и горестей, Исая – один из главных библейских пророков.

⁶⁴ **... патмосская ссылка...** – по преданию, Св. Иоанн был сослан на греческий остров Патмос, где и получил своё «Откровение».

⁶⁵ **... «взлетит, восторгом обуян»...** – «Виндзорский лес» Поупа Бёрнс цитирует неточно; у А. Поупа сказано: “See! From the brake the whirring pheasant springs, / And mounts exulting on triumphant wings” («Гляди! Над папоротником фазан / Едва взлетел, восторгом обуян», перевод В.Б. Микушевича).

⁶⁶ **... в книгу жизни...** – по христианским воззрениям, туда, где перечислены имена всех – праведных и богобоязненных – живущих, которые названы и избраны для того, чтобы быть оправданными на Божьем суде и получить спасение, дарованное Богом.

⁶⁷ **«Всех Божьих чад превыше честный люд»** – цитата из эссе «О человеке» А. Поупа (IV, 248, 1876); в оригинале: “An honest man's the noblest work of God”.

⁶⁸ **... Уоллеса...** – сэра Уильяма Уоллеса (1270 – 1305), шотландского рыцаря и военачальника, предводителя шотландцев в войне за независимость от Англии, регента Шотландии в 1297 – 1298 гг. Уоллес почитается в Шотландии как патриот и народный герой.

⁶⁹ **«Святая ярмарка»** – «*Святой ярмаркой*» на западе Шотландии привычно называют любое связанное с церковью событие.

⁷⁰ **«Фальшь а la Mode»** – отрывок из стихотворения Томаса («Тома») Брауна (1663 – 1704), английского переводчика, писателя и поэта-сатирика, популярного в XVIII в., а ныне почти забытого.

- ⁷¹ ... **Галстона...** – городка на востоке Шотландии, неподалёку от Килмарнока (см. примеч. 74).
- ⁷² ... **Мохлин...** – посёлок в Шотландии в области Восточный Эйршир. Находится в 14 км от Килмарнока (см. примеч. 74).
- ⁷³ ... **Джесс...** – «Резвушка Джесс» = Racer Jess (? – 1813), полоумная дочка «Киски Нэнси» (см. примеч. 17), прославилась своей резвостью.
- ⁷⁴ ... **из Килмарнока...** – из городка в Шотландии, административного центра Восточного Эйршира. Название происходит от гэльск. cill (церковь) и имени Св. Марнока (Мэрнока).
- ⁷⁵ ... **Муди...** – «преподобный Александр Муди из Риккартона» (1722 – 1799), придерживался тех же консервативных взглядов, что и Рассел (см. примеч. 82), но враждовал с ним из-за границ приходов.
- ⁷⁶ ... **шпанка...** – здесь: шпанская мушка, популярный в ту пору нарывной пластырь.
- ⁷⁷ ... **Смит...** – «преподобный Джордж Смит из Галстона» (см. примеч. 71).
- ⁷⁸ ... **Антонина...** – возможно, Антонина Пия Благочестивого (86 – 182), римского императора с 138 г. Его считали просвещённым и миролюбивым правителем; по указу Антонина Пия в Шотландии насыпали оборонительный вал между реками Клайд и Форт.
- ⁷⁹ **Пибблз, пастырь устья...** – преп. Уильям Пибблз (1753 – 1826) из Ньютона-на-Эйре, района в городке Эйр, лежащем на берегу залива Фёрт-оф-Клайд, в устье нескольких речных рукавов.
- ⁸⁰ **Каугейтом...** – «называемая так улица обращена к навесу в Мохлине». В образе Здравого Смысла явлен доктор Джон Маккензи (см. примеч. 786), поспешивший отобедать с сэром Джоном Уайтфурдом (1743 – 1803) (см. примеч. 141) в доме у лорда Дамфриса.
- ⁸¹ ... **Миллер...** – «преподобный Александр Миллер, впоследствии священник в Килморсе».
- ⁸² ... **Чёрный Рассел...** – «преподобный Джон Рассел» (1740 – 1817), священник Верхней Церкви в Килмарноке в 1744 – 1800 гг. Сторонник старой доктрины, проповедник-крикун, которого Бёрнс терпеть не мог.
- ⁸³ ... **Кайла-короля...** – легендарного короля пиктов, которого автор отождествляет со старым королём Кодем (Кайлом) из народной песенки. Кайла (Койла) – древнее название части Эйршира между реками Дун и Ирвин, где прошла большая часть жизни Бёрнса.
- ⁸⁴ ... **там рождён, где моряку / Способнее ловить треску...** – на острове Ньюфаундленд (на северо-востоке Канады), давшем название породе Цезаря.
- ⁸⁵ **В честь пса из старой песни гор, / Бог весть с каких известной пор...** – «Люат, пёс Кухулина из Оссианова «Фингала». Кличку Люат («Верный») носил охотничий пёс Кухулина, героя упомянутой поэмы Дж. Макферсона (1736 – 1796), входившей в цикл «Поэм Оссиана» (1762 – 1763), якобы принадлежащих легендарному герою III в. Указывая на древность песни, Бёрнс косвенно поддерживает мистификацию Макферсона (в наши дни его сочинение считают, скорее, компиляцией и переработкой эпоса). Своего колли поэт назвал именно так. Когда пёс погиб от рук неизвестного, хозяин стал было сочинять «Стансы в память о четвероногом друге», но вскоре перешёл к более широкому замыслу, а именно к «Двум псам». Вместе с Люатом Бёрнс изображён на памятниках в шотландском Дамфрисе (1882) и в американском Бостоне (1920).

- ⁸⁶ ... **с проточиной...** – в оригинале у пса baws'nt face; здесь: с белой полоской, идущей от мочки носа до лба (кинологический термин).
- ⁸⁷ **Желтеет Джорди голова...** – профиль короля Георга III (1738 – 1829), отчеканенный на золотых гинеях.
- ⁸⁸ ... **доезжачий...** – охотник, ведающий гончими на господской псарне. Для Цезаря, само собой, не начальство, отсюда пренебрежительный тон пса.
- ⁸⁹ **Дня всех святых...** – церковного праздника, приходящегося на 1 ноября. См. также примеч. 36.
- ⁹⁰ ... **майорат...** – здесь: земельное владение, поместье, переходящее безраздельно к старшему сыну в семье.
- ⁹¹ ... **в италийских рощах мирт...** – миртовые рощи посвящались Венере.
- ⁹² **От чёртовых картинок...** – в оригинале the devil's pictur'd beuks = дявольских книжек с картинками; народное название карт подчёркивает, что у крестьян они пользовались дурной славой.
- ⁹³ ... **Баллантайну...** – Джону Баллантайну (1743 – 1812), торговцу и банкиру из Эйра, одному из первых покровителей и другу Бёрнса. В 1786 г. Баллантайн как глава гильдии играл ведущую роль в решении о строительстве нового моста.
- ⁹⁴ **Швейцарский... наймит...** – склонность швейцарцев служить корысти ради под любыми знамёнами считалась общепризнанной.
- ⁹⁵ ... **«Симпсонз»...** – *«приметная таверна [Симпсона] у Старого моста [в Эйре]».*
- ⁹⁶ ... **Данджен... Уоллес-тауэр...** – *«две колокольни [в Эйре]».* В широком смысле, Данджен (Dungeon) – главная башня, располагавшаяся во внутреннем дворе средневекового замка и нередко служившая темницей. В Эйре, как видим, на ней были часы.
- ⁹⁷ ... **при пиктах...** – пикты (либо от лат. picti = раскрашенные, либо от самоназвания) – древнейший из известных народов, населявших территории центральной и северной Шотландии к северу от залива Фёрт-оф-Форт. Здесь явная гипербола: в эпоху готики пиктов и след простыл.
- ⁹⁸ ... **Дукатом...** – *«Дукат-стрим – известный брод как раз под Старым мостом».*
- ⁹⁹ ... **Кайл...** – здесь: приток реки Эйр.
- ¹⁰⁰ ... **Лугара...** – реки Лугар-уотер на северо-западе Шотландии, левого притока Эйра.
- ¹⁰¹ ... **Гринок...** – здесь: приток реки Эйр.
- ¹⁰² ... **Гарпал...** – река Гарпал-уотер, приток реки Эйр. Бёрнс пишет: *«...берега Гарпал-уотер – одно из немногих мест на западе Шотландии, где упорно продолжают селиться такие пугающие сказочные создания, как ДУХИ».*
- ¹⁰³ ... **от Гленба́ка...** – от истока реки Эйр, близ местечка на востоке Эйршира.
- ¹⁰⁴ ... **Рэттон-ки...** – *«маленькая пристань [буквально – «Крысиный причал»] выше большого причала [в Эйре]».*
- ¹⁰⁵ ... **Маклахлан...** – *«широко известная исполнительница шотландской скрипичной музыки».* Интересно, что Бёрнс упоминает в письмах миссис Маклахлан; сообщает, что муж её служит в Ост-Индии... но в последующих строках упорно держится мужского рода!

- ¹⁰⁶ ... **стратспей...** – парный шотландский танец с резкими движениями; музыка с четырёхчастным тактом. Название происходит от Strath Spey, т.е. долины реки Спей.
- ¹⁰⁷ **Укрылась в чаще Правда...** – в оригинале каламбур: старинным синонимом Правды (Feal) Бёрнс оказывает любезность полковнику Хью Монтгомери Кайлсфилду (1740 – 1819), впоследствии 12-му графу Эглинтону, через чьё поместье протекал приток Эйра Фил (Фейл).
- ¹⁰⁸ **Не твёрже госпожа досталась Стэру...** – миссис Стюарт-оф-Стэр, ранняя покровительница поэта.
- ¹⁰⁹ **Из Кэтрина...** – из дома профессора Дагалда Стюарта (1753 – 1828), которого Бёрнс характеризовал как *«простого, честного, достойного человека, профессора, в чьём характере пять частей Сократа, пять Нафанаила [одного из двенадцати апостолов] и две части шекспировского Брута»*.
- ¹¹⁰ **Дуан** – *«термин Оссиана для различных частей, на которые делится поэма. См. его “Кат-лоду”, т. 2, в переводе Макферсона. [см. примеч. 85]»*. Гэльск. duan = песнь, стихотворение.
- ¹¹¹ ... **кёрлеров...** – игроков в кёрлинг, в ту пору весьма популярный в Шотландии.
- ¹¹² **Из веток падуба венок...** – падуба, или остролиста, который колючими листьями напоминает терновый венец Христа.
- ¹¹³ ... **у Джин моей...** – у Джин Бёрнс, урождённой Армор (1767 – 1834), возлюбленной, а затем жены поэта.
- ¹¹⁴ ... **Ирвин...** – река в Шотландии, в устье которой расположены одноимённый город и порт.
- ¹¹⁵ ... **героев круг...** – «Уоллесов».
- ¹¹⁶ ... **южный враг...** – Англия.
- ¹¹⁷ **Своей страны хранитель...** – «Уильям Уоллес». См. примеч. 68. Титул хранителя страны (Country's Saviour) Уоллес носил во время своего регентства в 1297 – 1298 гг.
- ¹¹⁸ **Тот, в чьём владенье Ричардтон...** – «Адам Уоллес Ричардтон [правильнее Риккартон], кузен бессмертного защитника шотландской независимости [Уильяма Уоллеса]».
- ¹¹⁹ ... **в Саркской битве был сражён, / Ведя на бой...** – «[сэр Джон] Уоллес, лорд Крейги, первый по положению военачальник под командованием Дагласа, графа Ормонда, в знаменитой битве на берегах Сарка [Саркуотер, короткой реки, образующей заметную часть западной границы между Англией и Шотландией] в [октябре] 1448 г. Та славная победа была, в основном, приписана благоразумному командованию и неустрашимой отваге лорда Крейги, погибшего [через несколько месяцев] после сражения от полученных ран».
- ¹²⁰ ... **тот, кто родины лишён...** – возможно, Младший Претендент, Чарлз Эдвард Стюарт (см. примеч. 168, 676, 1265).
- ¹²¹ **Дух пикта-короля встаёт, / Где упокоен с миром тот ...** – «Кайл, король пиктов, в честь которого, как говорят, названа область Кайла, погребён, если верить традиции, близ фамильного гнезда Монтгомери Кайлсфилдских, где его могилу показывают о сих пор». См. примеч. 83.
- ¹²² **По рощам, романтичней нет...** – описан «Барскимминг, владения вице-председателя Высшего уголовного суда».
- ¹²³ **Увидел... Учён отец, и сын учён...** – герой увидел «Кэтрин, имение покойного доктора Стюарта и ныне здравствующего профессора Стюарта». См. примеч. 109.

¹²⁴ **Соратник Брайдона мне зрим...** – полковник Уильям Фуллартон (1752 – 1808), путешественник, военачальник, дипломат, литератор, к которому Бёрнс относился с приязнью и почтением. Поэт пишет: *«Этот джентльмен путешествовал под началом Патрика Брайдона [(1741 – 1819), шотландского путешественника и писателя], автора широко известного “Путешествия по Сицилии и Мальте”»*. Брайдон посетил эти страны в 1770 г., а три года спустя выпустил книгу, имевшую успех и многократно переиздававшуюся.

¹²⁵ ... **Фуллартон...** – см. примеч. 124.

¹²⁶ ... **Демпстера...** – Джорджа Демпстера (1732 – 1818), знаменитого в своё время парламентского оратора, шотландского патриота, известного как «честный Джордж».

¹²⁷ **И сладостного Битти в лад / Спел “Менестрель”...** – Джеймса Битти (1735 – 1803), шотландского лингвиста, литератора, борца за право говорить на родном языке. В 1771 и 1774 гг. Битти опубликовал двухчастную поэму «Менестрель», имевшую большой успех.

¹²⁸ ... **Кайла...** – см. примеч. 83. Занятно, что шотландская муза ведёт монолог на почти чистом английском языке.

¹²⁹ ... **Кэмпбеллов...** – шотландского дворянского рода и возглавляемого им одноимённого клана, одного из важнейших в Западной Шотландии.

¹³⁰ ... **Кайлы...** – см. примеч. 83.

¹³¹ ... **Томпсон...** – возможно, Джеймс Томсон (1700 – 1748), английский поэт, автор поэмы «Времена года» (1730). См. примеч. 665.

¹³² ... **Шенстон...** – Уильям Шенстон (1714 – 1763), английский поэт; писал оды, баллады, элегии, песни и юмористические стихотворения. Стихи его звучны, но однообразны и вычурны.

¹³³ ... **Грею...** – см. примеч. 59.

¹³⁴ ... **шахты Потоси...** – боливийские серебряные рудники, широко известные в XVI – XVII вв. Здесь: синоним богатства.

¹³⁵ **Отцовский дух...** – «Сандрам [замок Сандрам-касл в Южном Эйршире, принадлежавший роду Уоллесов]». О каких дамах идёт речь, неясно. О «днях пиктов» см. примеч. 97.

¹³⁶ ... **старой башни...** – «в Стэре». См. примеч. 108.

¹³⁷ ... **в Деттингене...** – в селении на правом берегу Майна в Баварии, известном по победе в войне за австрийское наследство, одержанной в 1743 г. так называемой прагматической армией (австрийцы, англичане, ганноверцы), под начальством короля Георга II, над французской армией Ноайля.

¹³⁸ ... **собрата...** – «капитана Джеймса Монтгомери, магистра [масонской] ложи Сент-Джеймс в Тарболтоне, к которой автор имеет честь принадлежать».

¹³⁹ ... **замок...** – «Окинлек [Окинлек-хаус (иногда пишут Аухинлек-хаус), замок XVIII в. в имении XIII в. Окинлек, близ Эйра]».

¹⁴⁰ ... **остролист...** – то же, что и падуб (см. примеч. 112).

¹⁴¹ ... **славных Уайтфрудов...** – «в Бэллокмайле». Сэр Джон Уайтфруд (1734 – 1803), баронет Блэйркуэн, помещик, одно время магистр масонской ложи Сент-Джеймс в Тарболтоне, унаследовал поместье Бэллокмайл. Бёрнс дружил с ним и был знаком с дочерьми баронета.

¹⁴² ... **уголок, / Что был под боком...** – «Мохлин». Там находился кабачок «Уайтфруд армз» («Доспехи Уайтфруда»), который держал Джон Доу, или «Джонни Ду (Голубок)», как на шотландский лад звали его покровители (англ. dove, шотл. dow = голубь).

- ¹⁴³ ... **Вильгельмине...** – «мисс Вильгельмине Александер». Вильгельмина Александер (1756 – 1843), приходилась сестрой Клоду Александеру, ставшему владельцем Бэллокмайла в 1788 г. Бёрнс, увидев её на вечерней прогулке, написал песню «Твоя, о Бэллокмайл, краса» (см.) и послал мисс Александер любезное письмо; был, видимо, ею увлечён – и уязвлён, не получив ответа.
- ¹⁴⁴ **Где Лугар вереск бросил свой...** – «в Камноке». Реки Лугар-уотер (см. примеч. 100) и Глейсток-уотер соединяются у городка Камнок в Восточном Эйршире.
- ¹⁴⁵ ... **Грэй...** – «мистер Фаркьюхар Грэй». Джон Фаркьюхар Грэй Гилминскрофт (1751 – 1801?), мировой судья, оформлявший в Мохлине брак Роберта Бёрнса и Джин Армор.
- ¹⁴⁶ ... **Сеснок, булькая, течёт, / Край метит Ирвин...** – Сеснок-уотер – приток Ирвина (см. примеч. 114), реки, разделяющей графства Эйршир и Ланаркшир.
- ¹⁴⁷ **Того, кому двойной почёт ...** – «Капрингтон». В замке Капрингтон-касл близ Килмарнока герой встречает полковника Фуллартон (см. примеч. 150).
- ¹⁴⁸ **Соратник Брайдона...** – см. примеч. 124.
- ¹⁴⁹ **Кто с сельскою роднёй своей / Душой един...** – «доктор Фуллартон».
- ¹⁵⁰ ... **владелец дивных мест, / Где пустоши, пески окрест...** – «Орэнджфилда». Имение Орэнджфилд-хаус, названное первым владельцем в честь Вильгельма Оранского, полковник Фуллартон приобрёл в 1786 г.
- ¹⁵¹ **«Смерть... Весьма грустная история»** – одна из овец поэта, Мейли, запуталась в привязи и чуть не задохнулась. Хотя её удалось спасти, Бёрнс в тот же день написал это стихотворение, а также следующую за ним «Элегию...» (см.). Прижизненные эпитафии и элегии на кончину друзей и знакомых были тогда в порядке вещей, потому «овечьи стихи» выглядели беззлобной пародией.
- ¹⁵² ... **Хьюгок...** – одна из уменьшительных форм имени Хьюго.
- ¹⁵³ ... **хряпки...** – см. примеч. 41.
- ¹⁵⁴ **«Элегия на смерть бедняжки Мейли»** – см. примеч. 151.
- ¹⁵⁵ **Порода с Твида приплыла...** – с рекой Твид связана расхожая шотландская поговорка: «Annan, Tweed and Clyde rise oot the ae hillside» («Аннан, Твид и Клайд берут начало в одних и тех же холмах»). Предков Мейли завезли в Эйршир, скорее всего, по реке Клайд.
- ¹⁵⁶ ... **дунских берегов...** – берегов реки Дун, протекающей на юге Эйршира.
- ¹⁵⁷ **«Смерть и доктор Хорнбук»** – стихотворение, в основу которого легла ссора Бёрнса с учителем приходской школы в Тарболтоне Джоном Уилсоном (1751 – 1839), занудой и шарлатаном. По воспоминаниям брата поэта, Гилберта, оба повздорили на собрании масонской ложи Сент-Джеймс. Прочитав несколько медицинских книг, Уилсон занялся врачеванием и торговлей сомнительными снадобьями. Стихи Бёрнса возымели действие: лишили Уилсона и «аптеки», и места. Хорнбук – прозвище приходских учителей. Связано с единственным в ту пору «учебным пособием»: дощечкой с азбукой, цифрами, прописями, молитвами и пр., каковую для сохранности покрывали прозрачной роговой пластинкой (англ. horn = рог, book = книга).
- ¹⁵⁸ ... **Камнок...** – городок в Восточном Эйршире (см. примеч. 144).
- ¹⁵⁹ ... **росту эля два...** – эль – старинная мера длины; расстояние от вытянутого среднего пальца до верхней точки плеча: в Англии – 45 дюймов, или 114 см; в Шотландии – 37 дюймов, или 94 см).

- ¹⁶⁰ ... **сеет в поле...** – «эта случайная встреча произошла во время сева в 1785 году», со всей серьёзностью сообщает Бёрнс....
- ¹⁶¹ **Зачем суёшься в каждый двор, / В дома без счёта...** – «тогда в тех краях [в Эйршире] бушевала эпидемическая лихорадка».
- ¹⁶² ... **От Хорнбука...** – «этот джентльмен, доктор Хорнбук, по роду деятельности принадлежит к братьям полновластного Ордена Линейки [применявшейся для наказания школьников], но, по интуиции и вдохновению, является одновременно аптекарем, хирургом и целителем». См. примеч. 157.
- ¹⁶³ **Труд Бьюкена...** – «Домашнюю медицину» Бьюкена». Бёрнс упоминает популярнейшую в то время книгу известного эдинбургского, а затем лондонского врача Уильяма Бьюкена (1729 – 1805) «Домашняя медицина, или семейный врач».
- ¹⁶⁴ ... **sal-marinum... farina... aqua-fontis...** – соответственно, морская соль, мука и питьевая вода (лат.). Дефисы, к слову, здесь и далее (см. примеч. 165) излишни.
- ¹⁶⁵ ... **Urinus spiritus... per se...sal-alkali...** – первое название – латинская тарабарщина (примерно значащая «дух мочи», «энергия мочи»), далее, соответственно: «само, отдельное, по сути» и «поташ, щелочная соль».
- ¹⁶⁶ ... **Джони Гед...** – «[Джон Гед, приходский] могильщик [в Тарболтоне]».
- ¹⁶⁷ **По прочтении в газетах оды поэта-лауреата... 4 июня 1786 года...** – к 48-летию Георга III (1738 – 1820) поэт-лауреат Томас Уортон (1728 – 1790) написал свою «Оду XVII», на которую Бёрнс откликнулся этой сатирой. Стихи были напечатаны уже в июле 1786 г., т.е. поставлены в набор в последний миг.
- ¹⁶⁸ **Был, может, кто виднее...** – Бёрнс намекает на принца Чарлза Стюарта (1720 – 1788), последнего претендента на британский престол из этой династии (Младшего Претендента, как его называли). Шотландское крестьянство продолжало считать, что у Стюартов больше прав на корону, чем у Ганноверов, к которым принадлежал Георг III.
- ¹⁶⁹ **Всё сгнило куда-то...** – незадолго до того Британия лишилась своих американских колоний.
- ¹⁷⁰ ... **Вили Питт...** – Уильям Питт Младший (1759 – 1806), премьер-министр Великобритании в 1783 – 1801 и 1804 – 1806 гг.
- ¹⁷¹ **Не дел бы флот куда-то...** – намёк на сокращение военно-морского флота, обсуждавшееся британским парламентом в 1785 – 1786 гг.
- ¹⁷² **Упадок петля пусть уймёт, / Разрезать даст урода!** – по Акту 1694 г. тела самоубийц и казнённых передавались эдинбургским медикам для вскрытий в анатомических театрах.
- ¹⁷³ ... **королеве...** – Софии Шарлотте Мекленбург-Стрелицкой (1744 – 1818), супруге Георга III.
- ¹⁷⁴ **Сыны, красавцы-братья...** – у Георга III было 9 сыновей. Все они пользовались скверной репутацией, но старший и третий впоследствии занимали отцовский трон. По воспоминаниям современников, принцы были и вправду недурны собой.
- ¹⁷⁵ **Уэльса юный властелин...** – Георг Август Фредерик (1762 – 1830), принц Уэльский, с 1820 г. король Георг IV, старший сын Георга III.
- ¹⁷⁶ **Вослед Диане...** – принца, помимо распутства и мотовства, влекла охота. Обозлившись на отца, с которым постоянно ссорился по любым поводам, с одной из охот сынок укатил в королевской карете, заставив короля искать другой экипаж.

¹⁷⁷ **Чуть лучший вас возглавить смог / Под Азинкуром рати...** – Генрих V. Битва при Азинкуре (1415) между французскими и английскими войсками состоялась в Северной Франции во время Столетней войны. Имевшая значительное численное превосходство французская армия потерпела сокрушительное поражение, понеся существенные потери.

¹⁷⁸ **... сэру Джону...** – «сэру Джону Фальстафу (см. у Шекспира)». Фальстаф – центральный персонаж хроники «Генрих IV» и комедии «Виндзорские насмешницы», обжора, пьяница, развратник, хвостун и трус, насмешливый безбожник. Принц Гарри водится с ним, но, став королём, резко отталкивает бывшего друга.

¹⁷⁹ **Преосвященный Оснабрюк...** – в оригинале ошибка («Оснабург»). Строфа обращена ко второму сыну короля Георга III, принцу Фредерику, герцогу Йоркскому и Олбани (1763 – 1827), ставшему в конце века спесивым, но бездарным военачальником. Фредерик носил также титул принца-архиепископа Оснабрюкского, но никакого интереса к делам католической церкви не проявлял.

¹⁸⁰ **Отвержен если тот индюк / (Ключи Петра – потеха)...** – папа римский. Ключи – один из символов папской власти.

¹⁸¹ **... принц-морьяк...** – строфа обращена к Уильяму, герцогу Кларенсу (1765 – 1837), третьему сыну короля Георга III и будущему королю Вильгельму IV, занимавшемуся делами британского флота. Флотоводцем принц стать не смог; Бёрнс использовал «газетные ссылки на некие амуры царственного моряка».

¹⁸² **На траверзе...** – в направлении, перпендикулярном курсу судна.

¹⁸³ **... гак...** – стальной кованый крюк на судне для крепления такелажа и груза.

¹⁸⁴ **О ты... Милтон** – эпиграфом служит цитата из «Потерянного рая» Дж. Милтона, кн. I.

¹⁸⁵ **У бабки был рассказ один...** – Бёрнс вспоминал: «Старая служанка [вдова кузена] матери (Бетти Дэвидсон) отличалась невежеством, доверчивостью и суеверностью. У неё была, полагаю, самая большая в стране коллекция сказок и песен касательно дьяволов, призраков, фей, брауни [домовых], ведьм, колдунов, водяных, келли [водяных лошадок-оборотней], эльфов, мёртвых огоньков, духов смерти, привидений, заклинаний, великанов, заколдованных башен, драконов и прочей ерунды».

¹⁸⁶ **Эдемский сад... В тени беседки...** – первоначально строфа имела такой вид:

Lang syne, in Eden's happy scene
When strappin Adam's days were green,
And Eve was like my bonie Jean,
My dearest part,
A dancin, sweet, young handsome quean,
O' guileless heart.

Эдемский сад в былые дни
Адаму силу дал (храни!),
А Ева, Джин моей сродни
(Прекрасна та:
Мила, плясунья искони,
Душой чиста).

Относительно Джин см. примеч. 113.

¹⁸⁷ **Чтоб был задражен навсегда / Иов, живший тут...** – в этой и последующей строфах заключена библейская аллюзия. Согласно книге Иова, тот жил в земле Уц (см. оригинал), «был... непорочен, справедлив, и богобоязнен, и удалялся от зла» [Иов 1:2], имел счастливое семейство, а по своему богатству «был... знаменитее всех сынов Востока» [Иов 1:4]. Этому счастью позавидовал сатана и перед лицом Бога стал утверждать, что Иов праведен и богобоязнен только благодаря своему земному счастью, с потерей которого исчезнет и всё его благочестие. Чтобы изобличить эту ложь, Бог позволил Сатане испытать Иова всеми бедствиями земной жизни. Среди прочего, Иову докучала сварливая жена (см. ниже). Многочисленные страдания не отвратили страдальца от Бога, и Господь вдвое наградил Иова, который прожил после этого в счастье 140 лет и умер в глубокой старости, став примером терпения.

¹⁸⁸ **С тех пор, как под копьём обмяк / (Архангел лих)...** – см. у Милтона, [«Потерянный рай»], кн. VI. Милтон использует библейский сюжет: «...и произошла на Небе Война – Михаил и Ангелы его воевали против Дракона; и Дракон и ангелы его воевали против них – но не устояли, и не нашлось уже для них места на Небе; и низвержен был Великий Дракон, Древний Змей (называемый “Диаволом” и “Сатаной”, обольщающий всю Вселенную), – низвержен на Землю (и ангелы его низвержены с ним)» [Откр 12: 8 – 9].

¹⁸⁹ **... Ник, паршивец старый...** – см. примеч. 10.

¹⁹⁰ **... Килмарнока...** – см. примеч. 74.

¹⁹¹ **... в Нижней Церкви...** – в приходской церкви Килмарнока.

¹⁹² **... к Бегби (в цепь, народ!)...** – таверна Бегби располагалась напротив церкви, на другом берегу реки Марнок-уотер. Мост был таким узким, что переходящим по нему поневоле приходилось выстраиваться в цепочку.

¹⁹³ **... Мэгги Лаудер...** – «ссылка на шуточную балладу, сочинённую к началу службы в Нижней Церкви преподобного достопочтенного мистера Линдси». Лаудер – девичья фамилия Маргарет Линдси (? – 1817), жены Уильяма Линдси (1725? – 1774), первого священника, служившего в Нижней Церкви. Из дальнейшего читатель с трудом понимает, что именем дамы называли забежавшую в церковь собаку.

¹⁹⁴ **... рёв Олифанта – чисто гром...** – голос принадлежал преп. Джеймсу Олифанту (1734 – 1818), проповедовавшему в Нижней Церкви в 1764 – 1773 гг.

¹⁹⁵ **... Рассел...** – см. примеч. 82.

¹⁹⁶ **... Маккинлей...** – преп. доктор Джеймс Маккинлей (1756 – 1841), ставший вторым священником в Килмарноке в 1785 г. Его нетерпимость к «псине Здравого Смысла» дала Бёрнсу повод к этой сатире.

¹⁹⁷ **... «Бангора»...** – популярного напева, сочинённого английским духовным композитором Уильямом Танз'уром, или Танзером (1700 (1709?) – 1783).

¹⁹⁸ **Посмел Хам высмеять отца...** – «Бытие, IX, 22». Библейская аллюзия: «...и увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и, выйдя, рассказал двум братьям своим...» [Быт 9:22]. Далее рассказано, как Ной наказал сына, сделав его, среди прочего, чернокожим.

¹⁹⁹ **Гнев Финеаса-храбреца...** – «Числа, XXV, 8». Библейская аллюзия: «...[Финеас] вошёл вслед за израильтянином в спальню, и пронзил обоих их (израильтянина, и женщину – во чрево её) – и прекратилось поражение Сынов Израилевых». [Чис 25:8].

- ²⁰⁰ **Карга Сепфора хватъ с конца...** – «Исход, IV, 25». Библейская аллюзия: «...тогда Сепфора, взяв каменный нож, обрезала крайнюю плоть сына своего и, бросив к ногам Его, сказала: “Ты – Жених Крови у меня!”» [Исх 4:25].
- ²⁰¹ **... Кредо...** – символ веры, свод основных догматов церкви, сформулирован в 325 г. на Первом Вселенском соборе; читается или поётся во время литургии.
- ²⁰² **... Фёнвик...** – преподобный Уильям Бойд (1748 – 1828), отличавшийся весьма умеренными взглядами, возглавил приход Фенвика в 1780 г.
- ²⁰³ **Гленкерн...** – Джеймс Каннингем, 14-й лорд Гленкерн (1749 – 1791), друг и покровитель Бёрнса, был патроном Нижней Церкви. При его содействии там начал служить преподобный Маккинлей (см. примеч. 196).
- ²⁰⁴ **... Робертсон...** – преп. Джон Робертсон (1733 – 1799) возглавлял приход в Килмарноке с 1765 г.
- ²⁰⁵ **... Нетертон...** – район в Килмарноке.
- ²⁰⁶ **... Мэлтри...** – преп. Джон Малтри, «умеренный» второй священник Нижней Церкви, преемником которого стал Маккинлей (см. примеч. 196, 203).
- ²⁰⁷ **... Ник...** – см. примеч. 10.
- ²⁰⁸ **... Джеми Битти...** – см. примеч. 127.
- ²⁰⁹ **... две подружки...** – надо понимать, Традиция и Учёность из предыдущей строфы.
- ²¹⁰ **... Новый Свет...** – «принятое на западе Шотландии жаргонное название религиозных взглядов, которых так упорно придерживается доктор Тейлор из Нориджа». Джон Тейлор (1694 – 1761), известный как Тейлор Нориджский, был влиятельным богословом в одном из расколов Нового времени – Первого Великого Пробуждения, затронувшего Англию и её американские колонии в 1730 – 1740 гг. Тейлор критиковал взгляды кальвинистов, считая, что спасение есть лишь очищение, а не творение заново.
- ²¹¹ **«Крик души... в Палате общин»** – «это было написано перед принятием на сессии [парламента] 1786 года акта в отношении шотландских винокуренных заводов, за который Шотландия и автор выражают свою глубочайшую благодарность». Бёрнс, конечно, иронизирует. Заглавие – библейская аллюзия: «Молитва Давида. Услышь, Господь, правду мою, внемли воплю моему, прими молитву из уст неживых» [Пс 16:1]. В оригинале – почти точная цитата из «Библии короля Якова».
- ²¹² **... aqua vitae...** – живая вода (лат.), здесь: эвфемизм шотландского виски.
- ²¹³ **Премьер (ну чисто молодняк!)...** – Уильяму Питту (см. примеч. 170) было в ту пору 27 лет.
- ²¹⁴ **В чертополох рыдает скотт...** – чертополох – эмблема Шотландии.
- ²¹⁵ **... Монтгомери...** – один из кланов равнинной Шотландии англо-нормандского происхождения; многие из Монтгомери обрели военную славу.
- ²¹⁶ **... Босвелл...** – Джеймс Босуэлл (1740 – 1795), известный также как Босуэлл Окинлекский, шотландский писатель и мемуарист, слава которого основана на двухтомной «Жизни Сэмюэла Джонсона» (1791). Однако в 1786 г. книги ещё не было, а репутация лондонского кутилы и выпивохи уже была. Хотя Бёрнс тут явно скромничает...
- ²¹⁷ **... Сент-Стивен...** – часовня Св. Стефана в старом Вестминстерском дворце, где заседала Палата общин.
- ²¹⁸ **... Демпстер...** – см. примеч. 126.

- ²¹⁹ ... **Килкерран...** – сэр Адам Фергюссон, 1-й баронет Килкерран (1733 – 1818), член парламента от Эйршира, прославившийся, по словам Босуэлла (см. примеч. 216), чистотой души.
- ²²⁰ ... **Грэм...** – Джеймс, маркиз Грэм, позднее 3-й герцог Монтроз (1755 – 1836), был членом парламента от Ричмонда, затем занимал ряд важных постов в правительстве Питта (см. примеч. 170, 213). Защищал традиции и интересы шотландских горцев.
- ²²¹ ... **Дандас...** – Генри Дандас (1742 – 1811), член парламента от Мидлоушена, один из влиятельнейших шотландцев в Палате общин.
- ²²² ... **Эрскину...** – Томасу, лорду Эрскину (1750 – 1823), почитателю творчества Бёрнса, члену парламента от Портсмута.
- ²²³ ... **Кэмпбеллы – Фред, Айли...** – лорд Фредерик Кэмпбелл (1736 – 1786), 3-й сын герцога Аргайла, в Парламенте представлял Глазго, Эйр, позже Аргайл; сэр Айли Кемпбелл (1734 – 1823) в Парламенте представлял Глазго. Оба последовательно занимали пост лорда-адвоката (генерального прокурора по делам Шотландии).
- ²²⁴ ... **Ливингстон, сэр Вилли...** – сэр Уильям Огастес Каннингем, баронет Ливингстон (? – 1829), в Парламенте представлял Линлитгоу.
- ²²⁵ ... **Туллий с Демосфеном...** – вместе с Демосфеном (384? – 322 до н.э.) упомянут Марк Туллий Цицерон (106 – 43 до н.э.); обоих считают лучшими ораторами античности.
- ²²⁶ ... **Хью...** – полковник Хью Монтгомери Койлсфилд, впоследствии 12-й граф Эглинтон (1740 – 1819), представлял в Парламенте Эйршир.
- ²²⁷ **Былой милицией...** – билль о шотландском ополчении (милиции) в 1708г. прошёл через обе палаты парламента, но королева Анна воздержалась от королевского согласия, опасаясь, что создаваемые вооружённые подразделения не будут к ней лояльны. В 1757 г. был принят новый закон о милиции, сводившей всю затею к нулю.
- ²²⁸ ... **Чарли Фокс...** – Чарлз Джеймс Фокс (1749 – 1806), английский парламентарий и политический деятель, убеждённый оппонент Георга III, идеолог либерализма, вождь самого радикального крыла партии вигов.
- ²²⁹ **Боконнока скажите крошке...** – Уильяму Питту (см. примеч. 170), который приходился внуком лорду Боконноку из Корнуолла.
- ²³⁰ **У Нэнси...** – «*у достойной пожилой хозяйки таверны в Мохлине, где автор порой изучает политику над стаканом доброго старого шотландского зелья*». См. примеч. 17.
- ²³¹ ... **планов – чай в них будь, окошки...** – речь идёт о намерениях прижимистого Питта обложить налогом поставки чая и ввести подать на каждое окно в домах британских подданных.
- ²³² **Отборных сорок пять...** – именно столько избранников представляли в Палате общин Шотландию.
- ²³³ **Живут в Сент-Джеми...** – в Сент-Джеймском дворце. С 1698 г. дворец был основным местопребыванием королевского двора вплоть до случившегося там в 1809 г. пожара.
- ²³⁴ ... **Георг...** – король Георг III (1738 – 1829), правивший Великобританией с 1760 г.
- ²³⁵ **Соломон, Екклес., гл. VII, стих 16** – Соломону приписывают авторство «Книги Екклесиаста, или Проповедника», но христианская доктрина официально этого не подтверждает. Эпиграф шутив, подлинная ссылка звучит

так: «Не будь слишком строг, и неставляя себя слишком мудрым – зачем тебе губить себя?» [Еккл 7:16].

²³⁶ **Благочестивых... Поуп** – Бёрнс обращается к поэме А. Поупа «Похищение локона» (песнь IV, строка 64). Процитирован перевод В.Б. Микушевича.

²³⁷ **Святоша Вилли...** – Уильям Фишер (1737 – 1809). В «Пояснении» Бёрнс характеризует его исчерпывающе.

²³⁸ **... в Мохлине...** – см. примеч. 71.

²³⁹ **... Хэмилтоном...** – нотариусом Гэвином Хэмилтоном (1751 – 1805), другом и почитателем Бёрнса, которого в 1784 г. на упомянутом церковном процессе тщетно пытались обвинить в «неуважении к вере».

²⁴⁰ **... мистера Роберта Эйкена...** – см. примеч. 58.

²⁴¹ **Горящий и светящий смог / Светильник дать.** – библейская аллюзия: «Он был Светильник Горящий и Светящий» [Ин 5:35].

²⁴² **Во храме Божьем став столпом...** – библейская аллюзия: «Побеждающего сделаю Столпом в Храме Бога Моего» [Откр 3:12].

²⁴³ **Но помнишь: персти мы щепоть...** – библейская аллюзия: «Он знает состав наш, помнит, что мы персть» [Пс 102:14]. Персть – то же, что прах, пыль, земля и пр.

²⁴⁴ **Его кладовки прокляни, / А также грядки!** – библейская аллюзия: «Прокляты будут житницы твои и кладовые твои! Проклят будет... плод земли твоей...» [Вт 28: 17,18].

²⁴⁵ **Мольбу и крик...** – Бёрнс вкладывает в уста Вилли библейское речение, которое сам использовал в заглавии другого стихотворения (см. примеч. 211).

²⁴⁶ **Десницы мощь обрушь свою / На главы сих...** – библейская аллюзия: «...а если Пророк допустит обольстить себя, и скажет слово так, как если бы Я, Господь, научил этого Пророка, – то Я простру на него Руку Мою и истреблю его из Народа Моего, Израиля...» [Иез 14:9]. В оригинале слова Вилли близки к тексту «Библии короля Якова».

²⁴⁷ **... Эйкен...** – см. примеч. 58.

²⁴⁸ **... Эндрю...** – Эндрю Хантер Эйкен (? – 1831), старший сын Роберта Эйкена (см. примеч. 58), ставший торговцем в Ливерпуле, а затем британским консулом в Риге.

²⁴⁹ **... «последним из своих полей»...** – цитата из «Поэм Оссиана» (см. примеч. 85): «Кто, как ни сын Комхала [Фингал], сияет на последнем из своих полей?» («Темора», кн. III).

²⁵⁰ **... элегию и эпитафию...** – Тэм Сэмсон (1722 – 1795), «добропорядочный торговец семенами, рьяный спортсмен и добрый малый», состоял в дружбе с Бёрнсом. Стихотворение, написанное в 1786 г., даёт пример прижизненных ироничных элегий и эпитафий. Узнав о появлении стихов, Тэм выразил автору неудовольствие, и тот, к радости друга, мигом добавил к ним Per Contra (лат. «с другой стороны, наоборот», т.е. опровержение). Четыре строки эпитафии появились позже на могильном камне Сэмсона.

²⁵¹ **Честный человек... Поуп** – см. примеч. 67.

²⁵² **... Килмарнок...** – см. примеч. 74.

²⁵³ **... Маккинлей...** – известный проповедник, любимец миллионов. См. «Рукоположение», строфу II. См. также примеч. 196.

²⁵⁴ **... Робертсон...** – другой проповедник, равно любимый немногими, который в это время болел. Относительно него также см. «Рукоположение», строфу IX. См. также примеч. 204.

- ²⁵⁵ ... **Братья, мистики сплошные...** – здесь: члены масонской ложи (см. в этой же строфе ниже).
- ²⁵⁶ ... **кёрлеры...** – см. примеч. 111.
- ²⁵⁷ ... **Ину́й...** – израильский военачальник, а затем царь в IX в. до н.э. Помазанный на царство [4Цар 9:6], собственноручно застрелил из лука царя Иорама [4Цар 9:24] и царя Охозию [4Цар 9:27]. По его приказу была сброшена со стены и растоптана конями Иезавель 4Цар 9:33]. Он приказал умертвить 70 царевичей из дома Ахава [4Цар 10:7]... Сравнение очевидно лестно для Сэмсона.
- ²⁵⁸ **Per Contra** – см. примеч. 250.
- ²⁵⁹ ... **Килли...** – *Килмарнока*.
- ²⁶⁰ **Бездомные ... Шекспир** – цитата из «Короля Лира» (акт III, сцена 4) дана в переводе Б.А. Пастернака.
- ²⁶¹ ... **Борей...** – здесь: северный ветер.
- ²⁶² ... **Феб...** – здесь: солнце.
- ²⁶³ **Книга Притчей Соломоновых, XXXI, 6,7** – подлинный текст таков: «Дайте сикеру погибающему, и вино – огорчённому душою, пусть он выпьет – и забудет бедность свою, и не вспомнит больше о своём страдании» [Прит 31:6,7]. Сикера, или сикер (древнееврейск.) – спиртные напитки из мёда, фруктового сока, зерна – всё, кроме виноградного вина.
- ²⁶⁴ ... **скотч...** – одно из собирательных названий шотландского виски.
- ²⁶⁵ ... **Джон Ячменное Зерно...** – см. примеч. 8.
- ²⁶⁶ ... **Вулкан...** – древнеримский бог огня, покровитель кузнечного мастерства.
- ²⁶⁷ ... «**Феринтош**»... **Форбес...** – винокурня «Феринтош», принадлежавшая семейству Форбесов, была в 1690 г. освобождена от акциза как пострадавшая от восстания якобитов, но в 1785 г. лишена этой привилегии; цены на виски, разумеется, сразу выросли.
- ²⁶⁸ ... **Хендерсона...** – капитана Мэтью Хендерсона (1737 – 1788), сына Дэвида Хендерсона Тэннока Эйрширского и Тэнноксайда Ланкаширского, вынужденного продать оба отцовских титула, чтобы жить в Эйре на широкую ногу. Бёрнс состоял с Хендерсоном в близкой дружбе, восхищаясь его искренним презрением к сословным различиям и остроумием. Элегия появилась в 1790 г., через два года после смерти капитана. Она близка к средневековой традиции, когда разные существа и стихии поочерёдно призывают оплакать усопшего.
- ²⁶⁹ **Нужде... Шекспир** – в оригинале цитата неполна: строка из «Гамлета» (акт III, сцена 2) выглядит как "Why should the poor be flatter'd?" Процитирован перевод Б.А. Пастернака.
- ²⁷⁰ ... **виг...** – прозвище члена британской политической партии, возникшей в XVII в. и в середине XIX в. объединившейся с другими группировками в Либеральную партию.
- ²⁷¹ **Полсотни марок...** – в Шотландии марка (мерк) как денежная и весовая единица была заимствована из Англии и равнялась 2/3 фунта серебром (13 шиллингам 4 пенсам). К концу средних веков шотландская марка превратилась в основную денежную единицу и стала чеканиться в виде монет. В XVI – XVII вв. существовали монеты в 4, 1, 1/2 и 1/4 марки.
- ²⁷² **Кайл-Стюарт...** – местность между реками Эйр и Ирвин, где с XI в. жили Фитцаланы, род, от которого ответвилась династия Стюартов.

²⁷³ **На свадьбе скачки...** – скачки от церкви или дома невесты до дома жениха (brooses) были у шотландцев в обычае.

²⁷⁴ **... гунтер...** – верховая лошадь для спортивной охоты (англ. hunter = охотник) и скачек с препятствиями. Гунтеры сильны и выносливы, обладают достаточной резвостью, чтобы преследовать зверя на охоте; рассказчик хулит их напрасно.

²⁷⁵ **... шесть миль...** – шотландская миля использовалась в Шотландии до объединения с Англией. Длина шотландской мили варьировалась в зависимости от региона, но примерно на 200 м превышала длину британской мили, составляя 1809 – 1814 м.

²⁷⁶ **А целиною ноги шли – / Есть в корне лучше кто?** – речь о вспашке четырёхконным плугом, когда левые лошади идут по целине, а правые – по вспашке. У нас Мэгги назвали бы левой коренной, то есть ближней к пахарю слева; на крестьянском жаргоне – fittie-lan' (шотл. lan' = земля, целина). Упор в целину сильнее, хотя идти лошади легче; хозяин нашёл крепышке-любимице самое подходящее место в упряжке.

²⁷⁷ **Шесть рудов...** – руд (англ. good) – единица площади в английской системе мер: длина одной стороны прямоугольной площадки в 1 руд составляет 1 фурлонг (201,168 м), а другой – 1 род (5,0292 м). 1 руд = 1/4 акра = 1011,7 м²; итого в 6 рудах 6070 м², или чуть больше 0,6 га. Примерно такую производительность для конного плуга дают и современные справочники, но раз хозяин хвалится, то, наверно, вспоминает тяжёлые шотландские почвы.

²⁷⁸ **... фирлот...** – мера сухих тел (от англ. fourth lot = четверть лота). Парламентский акт 1617 г. вводил в Шотландии «комиссионерский, или линлит-гоуский», фирлот (примерно равный 1 имперскому бушелю, или 36 литрам), который использовался для пшеницы, гороха, бобов, ржи и соли. «Ячменный» фирлот равнялся примерно 51 литру; так отмеряли овёс, ячмень и солод. Фирлот был в ходу вплоть до введения в 1824 г. имперских единиц мер и весов.

²⁷⁹ **... скребком...** – специальным инструментом (pattle) для очистки лемеха и отвала плуга от налипшей земли.

²⁸⁰ **«Мы рождены скорбеть»** – заглавие напоминает библейскую цитату, но таковой не является. Ближайшая аллюзия: «Вспомни, каков мой век, на какую суету сотворил Ты всех сынов человеческих. Кто из людей жил – и не видел смерти, избавил душу свою от Руки Преисподней?» [Пс 88: 48 – 49]. Эдвин Пакстон Худ (1820 – 1885), священник конгрегационалистской церкви, в «Мрачных напевах арфы» (1865) обсуждал гнетущее чувство от обеих мыслей: жизнь суетна и жизнь скорбна. Стихотворение написано на чистом английском языке.

²⁸¹ **Вдоль Эйра...** – самой длинной в Эйршире реки (около 45 км), текущей по родным краям поэта.

²⁸² **«Горной маргаритке»** – стихотворение, внешне сентиментальное, стало откликом на личную драму поэта: женитьба на Джейн Армор, успевшей родить Бёрнсу двух близнецов, расстраивалась. С ключевой 6-й строфы тон делается горьким; с неё же начинается текст на чистом английском языке.

²⁸³ **«К погибели»** – в записной книжке Бёрнса находим: «Я заглянул, как тонко назвал это Янг, “в тёмный подземный ход из бывшего”. Печальное зрелище! Что за сплетение недомыслия, слабости и глупости! Жизнь моя напомнила разрушенный храм. Какая мощь, соразмерность в одних частях, какие уродливые бреши, развалины в других!» Отрывок «К погибели», похо-

же, написан в миг подобного настроения. Текст – на чистом английском языке.

²⁸⁴ ... в **Вест-Индию...** – Вест-Индией (буквально: Западной Индией) называют острова Атлантического океана между Северной и Южной Америкой: Багамские, Большие и Малые Антильские. В 1786 г. нужда гнала Бёрнса на Ямайку, и лишь успех первой книги стихов и должность акцизного чиновника (получением каковой он был обязан, как иногда считают, своим ма- сонским связям) удержали поэта на родине. Стихотворение, подобно мно- гим элегиям и эпитафиям той эпохи, повествует о возможном как о свер- шившемся.

²⁸⁵ **Весёлый старый Койл...** – см. примеч.83.

²⁸⁶ ... **бывший в лаврах...** – Бёрнс иронизирует по поводу звания поэта- лауреата, которое британский монарх присваивает пожизненно самому вы- дающемуся (по мнению знатоков) поэту эпохи из числа своих подданных.

²⁸⁷ **Прими его, ямайский люд...** – см. примеч.284.

²⁸⁸ «**Обращение к Эдинбургу**» – стихотворение, написанное (на чистом ан- глийском языке) по просьбе эдинбургского издателя Уильяма Крича (1745 – 1815), которому Бёрнс был обязан первым изданием своих стихов.

²⁸⁹ **Эдина...** – старинное название шотландской столицы происходит, воз- можно, от Din Eidyn = крепость Эйдин, как звалось укрепление, созданное здесь бриттами в I в. н.э. – либо это латинское название города.

²⁹⁰ ... **вдоль эйрских берегов...** – см. примеч.281.

²⁹¹ ... **Бёрнет...** – Илайза Бёрнет (1766 – 1790), младшая дочь лорда Монбод- до; красавица, умница и, в какой-то мере, поэтесса. Бёрнс восхищался ею и впоследствии написал «Элегию на недавнюю смерть мисс Бёрнет Монбоддо» (см.).

²⁹² **Твой грубый замок светит вдаль...** – Эдинбургский замок, древняя крепость на вершине Castle Rock = Замковой скалы, потухшего вулкана. Первое указание на существование замка относится к 1139 г.; на протяже- нии всей своей истории он являлся «ключом к Шотландии». В начале XVII в. замок был капитально перестроен и приспособлен для обороны с использо- ванием крепостной артиллерии.

²⁹³ **Слеза, благоговенью вслед, / При виде Купола пробьёт...** – видимо, упомянут Холирудский дворец (англ. Holyroodhouse от искаж. англо-шотл. Haly Ruid = Святой крест). С 1128 г. здесь находилось Холирудское аббат- ство, которое с XV в. использовалось для коронаций и королевских свадеб. К концу XV в. гостиница при аббатстве была преобразована в неофициальную резиденцию королей Шотландии. В 1498 – 1501 гг. Яков IV выстроил на ме- сте гостиницы ренессансный дворец, который стал главной королевской ре- зиденцией Шотландии.

²⁹⁴ **Льва Старой Скотии несли...** – на старинных боевых знамёнах шот- ландцев и на гербе Шотландии изображён восстающий червлёный лев в зо- лотом поле. Скотия – одна из форм старинного названия Шотландии.

²⁹⁵ «**Плач по Джеймсу, графу Гленкерну**» – написан после кончины графа в 1791 г. (см. примеч.203).

²⁹⁶ ... **Лугар...** – см. примеч.100.

²⁹⁷ «**Плач Марии...**» – стихотворение, посвящённое противостоянию шот- ландской королевы Марии I Стюарт (1542 – 1567) и английской королевы Елизаветы I Тюдор (1533 – 1603).

²⁹⁸ ... **Феб...** – см. примеч. 262.

- ²⁹⁹ **... милой Франции венец...** – Мария (как супруга короля Франциска II) была королевой Франции в 1559 – 1560 гг.
- ³⁰⁰ **Сестра моя и враг...** – Елизавета поначалу обещала помощь свергнутой в Шотландии «царственной сестре», но Мария претендовала на английский трон, за что поплатилась свободой и жизнью.
- ³⁰¹ **Мой сын! Мой сын!** – сын Марии Джеймс Стюарт (1566 – 1625) стал королём Яковом VI Шотландским, а затем унаследовал трон Елизаветы I как Яков I Английский.
- ³⁰² **Тупицам... Поуп** – цитата из сатирической поэмы А. Поупа (1688 – 1744) «Дунсиада» (1728, кн. III, 175). Название происходит от англ. dunce = болван, тупица.
- ³⁰³ **... Муди, Рассел-пустобрёх...** – упомянуты Александр Муди, священник в Риккартоне, и Джон Рассел (см. примеч. 75, 82). Оба сторонники традиционных взглядов, пастыри не сошлись в толковании некоторых обрядов, а также в разграничении приходов, что и дало Бёрнсу тему для этого стихотворения.
- ³⁰⁴ **... Новый Свет...** – см. примеч. 210.
- ³⁰⁵ **Нет места вам у лэрдов в зале, / Нейдёт вам плед...** – лэрды – шотландские помещики (обычно небогатые); плед в ту пору был частью шотландского национального костюма. Другими словами, оба проповедника чужды всей местной пастве.
- ³⁰⁶ **Арминнианского питья...** – учения арминианцев, последователей Якоба Арминия (1560 – 1609), голландского теолога, сторонника веротерпимости, радикального критика кальвинистской доктрины о предопределении.
- ³⁰⁷ **Пьют из Кальвинова ручья...** – разделяют учение Джона (Жана) Кальвина (1509 – 1564), французского теолога, реформатора церкви, основателя кальвинизма.
- ³⁰⁸ **Пибблз...** – см. примеч. 79. Преп. Пибблз был сторонником традиционной доктрины, церковным полемистом и автором поэмы «Кризис».
- ³⁰⁹ **... Данкен...** – преп. Роберт Данкен (1753 – 1815), священник из Дандонада, автор проповедей против безбожия; в 1806 г. университет Глазго присвоил ему степень доктора богословия.
- ³¹⁰ **... Олд...** – см. примеч. 381.
- ³¹¹ **Далраймпл...** – преп. Уильям Далраймпл (1723 – 1814), священник из Эйра.
- ³¹² **Макгилл...** – преп. Уильям Макгилл (1732 – 1807), коллега Далраймпла.
- ³¹³ **... Макквей...** – священник церкви Сент-Квивокс в Эйре.
- ³¹⁴ **Двух Шоу...** – доктора Эндрю Шоу из Крейги и его однофамильца доктора Дэвида Шоу из Койлтона.
- ³¹⁵ **... Вудро...** – преп. доктор Питер Вудро (1713 – 1793), священник из Тарболтона. «Излуплен пасторской рукой» был преп. Джон Макмафф (1755 – 1825), помощник Вудро. Либерал Макмафф поддержал Гэвина Хэмилтона в церковной тяжбе (см. примеч. 239). В зрелые годы он пристрастился к спиртному и в 1791 г. оставил церковную службу, вступив в армию рядовым.
- ³¹⁶ **... Смита...** – неясно, о ком речь; возможно, распространёнейшая фамилия взята просто как нарицательная, упомянут Джордж Смит (см. примеч. 319).
- ³¹⁷ **... за Канал...** – то есть во Францию, считавшуюся оплотом вольнодумства. Каналом на Британских островах упорно называют Ла-Манш.

³¹⁸ **Макмаффа...** – преп. Джона Макмаффа (1755 – 1825), молодого либерального помощника и преемника П. Вудро (см. примеч. 315).

³¹⁹ **... Сми́та...** – преп. Джорджа Сми́та (1748 – 1823), священника из Галстона (см. примеч. 71, 77). Бёрнс упоминает его в «Святой ярмарке» (см.) как искусного и довольно рационального проповедника, чей стиль для простой паствы был сложноват.

³²⁰ **... капитан Гроуз...** – отставной капитан Фрэнсис Гроуз (см. примеч. 1) в 1789 г. совершал очередную поездку по Англии и Шотландии, в ходе которой провёл около двух месяцев в гостях у капитана Роберта Риддела, ближайшего соседа и друга Бёрнса, где и подружился с поэтом. Стихотворение датируется тем же годом. Тучность Гроуза («пузанчик первый сорт») ещё даст Бёрнсу повод для эпиграммы (см.).

³²¹ **... Мэ́йденкёрк, а там, считай, / И Джони Гроутс...** – крайние южная и северная точки Шотландии.

³²² **Заметку малый, не лентяй, / Издаст, похоже...** – Ф. Гроуз издал несколько книг, посвященных своим изысканиям.

³²³ **... Тувалка́иновы крицы...** – Тувалкаин был «ковачём всех орудий из меди и железа» [Быт 4: 22]; крица в примитивной металлургии – твёрдая губчатая масса железа с низким содержанием примесей, обычно получаемая из руды.

³²⁴ **... Валаамовой ослицы...** – ослицы пророка Валаама, на которой тот ехал к царю Моава Валаку, чтобы проклясть израильтян. В «Библии короля Якова» упомянута именно ослица [Чис 22: 23,25,27,33], поэтому Бёрнс иронизирует над «особо ценным» антиквариатом.

³²⁵ **... ведьмы Аэ́ндора...** – Аэндорской волшебницы, персонажа Ветхого Завета [1Цар 28], колдуньи из Аэндора, вызвавшей по просьбе царя Саула накануне решающей битвы дух покойного пророка Самуила для предсказания судьбы.

³²⁶ **Какой нож Авеля пришил...** – согласно Ветхому Завету, младший сын Адама и Евы Авель был скотоводом, а старший Каин – земледельцем. Бог принял жертву Авеля более благосклонно, и Каин убил брата из зависти: «И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» [Быт 4:8]. Никаких других подробностей братоубийства в Писании нет.

³²⁷ **Джок Милтон...** – простонародную шотландскую форму имени автор использует, упоминая Джона Милтона (1608 – 1674), знаменитого английского поэта, политического деятеля и мыслителя, автора памфлетов и религиозных трактатов.

³²⁸ **...Барбо́...** – Анна-Летиция Барбо́ (1743 – 1825), известная английская поэтесса, эссеистка и детская писательница. Сравнение с Сапфо Митиленской (630 ? – 572/570 до н. э.), древнегреческой поэтессой, представительницей песенной лирики, которую современники называли «страстной», явно иронично.

³²⁹ **... Феокриту...** – древнегреческому поэту (300? – 260? до н. э.), известному преимущественно своими идиллиями.

³³⁰ **... Марона...** – Публия Вергилия Марона (70 – 19 до н.э.), знаменитого поэт Древнего Рима. В своих «Буколиках», состоявших из эклог (формально – пастушьих песен) Вергилий пытался подражать Феокриту.

³³¹ **... честный Аллан...** – видимо, Аллан Рэмси (1686 – 1758), шотландский поэт, драматург, публицист и литератор. Кормился изготовлением париков.

332 ... **Танта́ллан...** – замок, заложенный в 1350 г. в области Восточный Лотьян в 5 км к востоку от городка Норт-Бёрвик. В 1651 г. замок осадил и разрушил Кромвель, и до конца XIX в. он был в руинах, так что «грызли» камень Танталлана не только года.

333 ... **каледонских...** – от Каледонии, как древние римляне называли северную часть Британии (нынешнюю Шотландию).

334 ... **Бруар...** – река с водопадами, протекающая по шотландскому графству Пертшир, расположенному в горной части страны, Хайленде.

335 ... **к... герцогу Атоулскому...** – к Джону Марри, 4-му герцогу Атоулскому (1755 – 1830), унаследовавшему титул в 1774 г. (стихотворение написано в 1787 г.), по чьим землям течёт Бруар.

336 ... **Феб...** – см. примеч. 262.

337 ... **Скотии...** – см. примеч. 294.

338 **Ребятки-ангелки...** – в семье Джона Марри (см. примеч. 335) в 1778 – 1782 гг. родились два сына и дочка.

339 ... **к хаггису...** – к самому известному шотландскому блюду из бараньих потрохов, порубленных с луком, толокном, салом, приправами и солью и сваренных в бараньем желудке, которое во времена Бёрнса считали едой бедняков: потроха обычно шли на выброс.

Шотландцы уверяют, что хаггис – животное: мордой похож на ежика, покрыт шерстью вперемешку с перьями, имеет недоразвитые крылья и бегает на трех лапах разной длины (для удобства перемещения по крутым склонам). Правая нога у существ одного пола короче, чем левая, а у другого – наоборот; из-за трудностей спаривания на тех же склонах хаггисы вымерли, но шотландцы так привыкли к вкусному и сочному мясу хаггисов, что наловчились «готовить» их из желудка с требухой.

Интересно, что в России был аналог хаггиса: в «Мертвых душах» Собакевич угощает Чичикова «няней» – это бараний желудок, фаршированный гречневой кашей, мозгами, ножками, жареным луком и рублеными яйцами.

340 **С длиной такой...** – хаггис формой напоминает фаршированные кишки или домашнюю колбасу, а бараний желудок растягивается довольно сильно. Далее упомянуто, что «заколка, коли жёрнов сбит, удержит груз»: так, значит, крепка и велика, что может пригодиться даже при ремонте на мельнице!

341 **Последних к чёрту!** – (Deil tak the hindmost!), шотландская поговорка.

342 **Рагу и фрикасе друзья, / Иль ольи...** – блюда французской и испанской кухни культивировались в среде аристократов, а в народе вызывали насмешки. Рагу – блюдо из небольших кусочков вначале обжаренного, а затем тушёного мяса, рыбы, птицы, дичи, овощей или грибов, часто в густом соусе; фрикасе – рагу из белого мяса в белом соусе. Олья – либо острое блюдо испанской и португальской кухни, приготавливаемое из мяса или морепродуктов с овощами и другими ингредиентами (иначе подрида), либо любое рагу, приготовленное из множества ингредиентов.

343 **«Обращение к зубной боли»** – стихотворение датируют 1795 г., когда письма Бёрнса полны были жалобами на зубную боль; не исключено однако, что оно написано годом позже.

344 ... **рил...** – излюбленный шотландский танец, исключительно быстрый (reel = вихрь) и сложный, в котором участвуют две пары. Каждый из танцоров вначале крутится поодиночке, затем в паре, затем кавалеры обмениваются дамами и кружатся, взявшись за руки. См. также примеч. 9.

- ³⁴⁵ ... **Уильяма Крича...** – см. примеч. 288. В 1787 г. Бёрнс поссорился с Кричем из-за гонораров (Кричу посвящён ехидный «Набросок» (см.)), но стихотворение появилось раньше и характеризует не пришедшего к застолью героя (в 6-й строфе) как человека щедрого и гостеприимного.
- ³⁴⁶ **Дымарь...** – Эдинбург (от шотл. reekie = англ. smoky = дымный, дымящий и пр.). Ниже город назван ещё и Копчуном.
- ³⁴⁷ ... **Грегори...** – доктор Джеймс Грегори (1753 – 1821), эдинбургский профессор физики и медицины, славился язвительностью суждений.
- ³⁴⁸ ... **Тайтлер...** – см. примеч. 12. Несмотря на консерватизм суждений, Тайтлер поддерживал творчество Бёрнса и вёл с ним содержательную переписку.
- ³⁴⁹ ... **с Гринфилдом...** – с преп. Уильямом Гринфилдом (? – 1827), профессором риторики и священником в Эдинбургском соборе Сент-Эндрюс, который пользовался расположением Бёрнса.
- ³⁵⁰ **Маккензи...** – Генри Маккензи (1745 – 1831), литератор, чьё сочинение «Человек чувства» Бёрнс ставил весьма высоко.
- ³⁵¹ ... **Стюарт...** – возможно, профессор Дагад Стюарт (1753 – 1828), философ-метафизик и математик, бывший с Бёрнсом в добрых отношениях и оказывавший ему гостеприимство в Эдинбурге. См. также примеч. 109.
- ³⁵² ... **Твид...** – см. примеч. 27.
- ³⁵³ **Джед...** – река Джед-уотер на юге Шотландии, приток реки Тевинот.
- ³⁵⁴ ... **Эттрик...** – река в шотландском графстве Селкёркшир, одна из самых бурных в стране.
- ³⁵⁵ ... **Рентона из Ламертона...** – Джона Рентона (? – ?), предложившего Бёрнсу остановиться у него во время поездки по шотландскому побережью. Поэт поблагодарил Рентона этой строфой, но отметки о визите в дневнике не оставил.
- ³⁵⁶ **Там вас не станет гребешок / Лишать плантаций...** – причёски дам являли собой сложные сооружения: включали шерсть и накладные булки, держались на помаде, были обильно припудрены – и потому действительно годились на прокорм паразитам.
- ³⁵⁷ ... **«лунарди»...** – дамская шляпка в форме воздушного шара, названная в честь Винченцо Лунарди (1759 – 1806), секретаря итальянского посла в Англии, который в 1784 г. первым в Европе совершил полёт на воздушном шаре над Лондоном и его окрестностями, а в 1785 г. – над Эдинбургом и Глазго. Стихотворение написано в 1786 г, на пике этой моды.
- ³⁵⁸ **«Свисток. Баллада»** – *«Подлинная прозаическая история свистка весьма любопытна. Вот она. Когда Анна Датская с супругом своим Джеймсом VI [королём Шотландии Яковом VI, а впоследствии, под именем Якова I, и королём Англии] прибыла в Шотландию, в её свите прибыл и некий датчанин – джентльмен громадного роста, великой удалы и к тому же несравненный поборник Бахуса. У него был маленький свисток чёрного дерева. В начале всякой оргии датчанин выкладывал его на стол; кто был в состоянии дунуть в свисток последним, – меж тем как все остальные, побеждённые мужеством бутылки, сделать того не могли, – тот и забирал свисток в качестве трофея. Датчанин предъявил это свидетельство побед, одержанных им без единого поражения при дворах Копенгагена, Стокгольма, Москвы, Варшавы и при нескольких мелких дворах Германии, и предложил шотландским пьяницам либо испытать его, либо признать своё поражение. Одержав над шотландцами множество побед, сей заморский джентльмен*

и сам, в конце концов, понёс урон от сэра Роберта Лоури из Максвелтона (предка нынешнего достойного барона, носящего то же имя), который, одержав верх в нелёгком состязании, длившемся три дня и три ночи, отправил бравого скандинава под стол, и тем самым отнял трофей у врага-чужака. Впоследствии сэр Уолтер, сын вышеупомянутого сэра Роберта, проиграл свисток Уолтеру Ридделу из Гленриdde, который был женат на сестре сэра Уолтера. В пятницу, 16 октября 1690 года, в поместье Фрайерс-Кэрс свисток был разыгран снова. Тяжущимися сторонами, как повествует баллада, выступили: нынешний сэр Роберт Лоури из Максвелтона; Роберт Риддел из Гленриdde, эсквайр, прямой потомок и представителя Уолтера Риддела, который выиграл свисток и в чьей семье он хранился; Александр Фергюссон из Крейгдэрроха, также потомок великого сэра Роберта. Сей последний джентльмен, претерпев тяжкие испытания, с честью выиграл бесподобный трофей". Стихотворение написано на чистом английском.

³⁵⁹ ... **Лода, Фингалом единожды бит...** – в одной из «Поэм Оссиана» (см. примеч. 85) описан бой, в котором герой кельтского эпоса Фингал, отец Оссиана, поразил Лоду, скандинавского бога (возможно, самого Одина). Из следующей строфы станет ясно, что вопль Лоды обращён к сыну, а вся затея – что-то вроде мести за поражение от Фингала.

³⁶⁰ ... **Рори Мора...** – персонажа из «Дневника путешествия на Гебриды с Сэмюэлом Джонсоном» Дж. Босуэлла (1785).

³⁶¹ ...**Фебу... Цинтия – брату...** – Феб упомянут как бог Солнца, Цинтия – как богиня Луны. Феб и Цинтия – брат и сестра, дети Латоны (см. примеч. 1471).

³⁶² ... **кварт...** – британских единиц объёма, равных 1,136 л; здесь – бутылка.

³⁶³ ... **с Брюсом...** – см. примеч. 40.

³⁶⁴ ... **в шотландской церкви...** – в государственной церкви Шотландии, организованной по пресвитерианскому принципу.

³⁶⁵ ... **Нокс...** – Джон Нокс (505 (1514?) – 1572), деятель Реформации в Шотландии, основатель шотландской пресвитерианской церкви, ярый сторонник и проповедник кальвинизма, противник королевы-католички Марии Стюарт.

³⁶⁶ **Доктор Мак...** – «доктор Макгилл из Эйра». См. примеч. 312. Преп. Макгилл, друг отца Бёрнса и самого поэта, разделявших с ним доктрину Нового Света, являл своей натурой «смесь простоты и стоицизма». Попытки Макгилла объединить в своих сочинениях вопросы веры и здравого смысла почитались ересью.

³⁶⁷ **Мэр почтеннейший, Джон...** – «Джон Баллантайн» (1743 – 1812), см. примеч. 93.

³⁶⁸ ... **Боба...** – «Роберта Эйкена». См. примеч. 58.

³⁶⁹ **Драймпл...** – «доктор Далраймпл из Эйра». См. примеч. 311.

³⁷⁰ **Зычный Джон...** – «Джон Рассел из Килмарнока». См. примеч. 82.

³⁷¹ **Джеймс-позёр...** – «Джеймс Маккинлей из Килмарнока». См. примеч. 196. Маккинлей был вторым священником, отсюда строки о его скором повышении по службе.

³⁷² ... **Килли...** – см. примеч. 259.

³⁷³ **Тощий Сэнни...** – «Александр Муди из Риккартона». См. примеч. 75.

³⁷⁴ **Бард наш Вилли...** – «Уильям Пибблз из Ньютона-на-Эйре». Скверный рифмоплёт, Пибблз опубликовал поэму «Столетие революции», «в которой была строка: «Цепей Свободы милых держит связь»». См. примеч. 79.

³⁷⁵ **Барр Стини...** – «Стивен Янг из Барра».

³⁷⁶ **Джеми Гусь...** – «Джеймс Янг из Нью-Камнока, недавно сокрушённый в церковном преследовании лейтенанта Митчела». Преп. Джеймс Янг (1711 – 1795), сын бондаря (см. далее отсылки к работе над Господним ковчегом), участвовал в церковной тяжбе, смысл и ответчик по которой, Митчел, давно забыты.

³⁷⁷ **Дэви Гром...** – «Дэвид Грант из Окилтри» (? – 1791). В письме к леди Элизабет Каннингем Бёрнс называет Гранта «лукавым, гнилодушным пуританином».

³⁷⁸ **Ирвин, друг...** – «Джордж Смит из Галстона». См. примеч. 77, 319. Обидевшись на критику «Двух пастырей...», Бёрнс посвятил Смицу эту строфу, обращаясь к нему по названию реки (в другом варианте упомянут Сеснок, приток Ирвина, см. примеч. 146).

³⁷⁹ **Мьюрленд Джок...** – «Джон Шепард Мьюркёрк». Сведений о герое строфы найти не удалось – как не удалось в точности понять и её смысл...

³⁸⁰ **Эндрю Пень...** – «доктор Эндрю Митчелл из Монктона» (1725 – 1811), славился жадностью и эксцентричными идеями. Бёрнс расходился с Митчеллом во взглядах, но посмеивался над ним и называл «чудаковатым малым».

³⁸¹ **Олд, старик...** – «Уильям Олд из Мохлина; относительно «юриста» см. «Молитву святоши Вилли». Преп. Олд (1709 – 1791) был ревностным сторонником Старого Света. Сравнение отца Олда, причащающего умирающих, с лисом-падальщиком – след старых обид, выраженных и в упомянутой «Молитве».

³⁸² **Вилл Святой...** – см. «Молитву» этого святоши.

³⁸³ **... в приюте Фрайерс-Кэрс, на берегу Нита** – в имении Фрайерс-Кэрс, расположенном в Нитдейле (долине реки Нит), сохранилась каменная богадельня (hermitage = приют, убежище), где творил Бёрнс. Название поместья связано с бывшим здесь прежде монастырём и может быть переведено как «Братская Забота».

³⁸⁴ **Из рукописи** – ранний вариант предыдущего стихотворения.

³⁸⁵ **... Феб...** – см. примеч. 262.

³⁸⁶ **... Чалмерс...** – Уильям Чалмерс (? – ?), литератор и нотариус из Эйра, занимавшийся имущественными делами Бёрнса. Другое название стихотворения – «Возлюбленной Вилли Чалмерса» – более точно.

³⁸⁷ **... хомутом-обновкой...** – зачем Пегасу хомут, неясно – разве как коню крестьянского поэта?

³⁸⁸ **... Ранкину** – Джону Ранкину (? – 1810), фермеру из Адамхилла близ Тарболтона. Тот славился грубоватым юмором и подружился с Бёрнсом в последний период его жизни в Лохли. Ранкин узнал, что Элизабет Пейтон (см. примеч. 559) ждёт от Бёрнса ребёнка, и вышучивал друга. Поэт ответил этим стихотворением, где описал обстоятельства обольщения в терминах охоты по перу.

³⁸⁹ **... за сон-поганку...** – «некий забавный сон Ранкина, о котором много судачили в округе».

³⁹⁰ **Как Кораха...** – библейская аллюзия: богатый иудей Корах восстал на Моисея, за что был предан анафеме и провалился вместе с сообщниками в геенну [*Чис 16:1 – 40*].

³⁹¹ **... старый Ник...** – см. примеч. 10.

³⁹² **Блестят значки, синеют робы...** – речь идёт о «привилегированных нищих», которым выдал упомянутые знаки отличия король Яков V. На оловянных значках, носимых на правой стороне груди, было имя попрошайки и слова “pass and repass” = «пройди и возвращайся», что давало ему возможность побираться беспрепятственно.

³⁹³ **... песню мне пришлѐшь...** – песню, которую Ранкин обещал прислать Бёрнсу.

³⁹⁴ **На Банкер-хилл...** – на один из двух холмов (другой – Бридс-хилл) близ Бостона, где в ходе войны за независимость Североамериканских колоний англичане с большими потерями выиграли битву с американцами в 1775 г.

³⁹⁵ **Явил недавно в сумрак пыл...** – см. примеч. 388.

³⁹⁶ **Заводят дело...** – аллегорически упомянут церковный суд, сурово каравший за любовную связь вне брака. Бёрнсу присудили уплату штрафа в одну гинею.

³⁹⁷ **... «Джорджа»...** – см. примеч. 87. Здесь речь идёт об уплаченной гинее (см. примеч. 396).

³⁹⁸ **... Дэви...** – Дэвиду Силлару (1760 – 1830), сыну арендатора из Спитлсайда близ Тарболтона, приятелю Бёрнса с 1781 г. Силлар преподавал в приходской школе, занялся коммерцией, выпустил сборник слабых стихов – а в итоге разбогател, стал членом магистрата в Ирвине. Словом, одним из тех, кого так резво осуждал вместе с Бёрнсом. В первой редакции заглавие стихотворения заканчивалось словами: «...любовнику, пахарю и скрипачу». Считалось, что Силлар играет на скрипке лучше Бёрнса.

³⁹⁹ **... Бен-Ломонд...** – горная вершина к северу от Эйршира.

⁴⁰⁰ **«Без страхов и ахов»...** – автор цитирует шотландскую присказку “Maig spier na, no fear na” = «Больше не проси и не бойся».

⁴⁰¹ **... Мэг...** – Маргарет Опп (? – 1837), няня в доме миссис Стюарт-оф-Стэр (см. примеч. 108), за которой ухаживал Силлар. Вышла она, однако не за него, а за эдинбургского сапожника Джона Патона.

⁴⁰² **... Джин...** – см. примеч. 113.

⁴⁰³ **... Дэви...** – см. примеч. 398.

⁴⁰⁴ **Пусть долго пляшет локоток...** – о скрипичных увлечениях Силлара см. примеч. 398.

⁴⁰⁵ **... масонов...** – и Бёрнс, и Силлар входили в масонскую ложу Сент-Джеймс в Тарболтоне.

⁴⁰⁶ **... Лапрейку...** – Джону Лапрейку (1727 – 1807), почтенному барду из фермеров; он неоднократно разорялся, был кабатчиком, почтмейстером, сидел в долговой тюрьме... Лапрейк поддержал Бёрнса в начале пути, ввёл в среду литераторов. В истории Лапрейк остался, главным образом, благодаря обращённым к нему поэтическим посланиям Бёрнса. Это, первое из них, помимо комплиментов адресату, содержит поэтическое кредо автора.

⁴⁰⁷ **... заговорены...** – канун Великого Поста.

⁴⁰⁸ **Поуп...** – Александр Поуп (1688 – 1744), английский поэт, главная фигура неоклассического периода английского искусства в XVII в. Прославился язвительным умом и метрическим искусством.

- ⁴⁰⁹ ... **Стил...** – сэр Ричард Стил (1672 – 1729), ирландский эссеист и драматург.
- ⁴¹⁰ ... **Битти...** – см. примеч. 127.
- ⁴¹¹ **В Мьюркёрке...** – выйдя из тюрьмы (см. примеч. 406), Лапрейк арендовал ферму в Мьюркёрке, неподалёку от Моссгилла, где жил тогда Бёрнс.
- ⁴¹² **Ни Тевьотдейл, ни Инвернесс...** – Инвернесс находится на восточном побережье Шотландии, Тевьотдейл чуть южнее; от лежащего на западе Эйршира до них по прямой километров сто. По деревенским меркам – край света.
- ⁴¹³ ... **пинту с четвертью...** – 0,71 литра.
- ⁴¹⁴ ... **Аллана...** – см. примеч. 331.
- ⁴¹⁵ ... **Фергюссона...** – Роберта Фергюссона (1750 – 1774), шотландского поэта, писавшего на английском и шотландском (скотсе, или лэлансе, см. примеч. 435). Стихам его свойственны юмор, искренность, праздничная настроенность. Бёрнс считал Фергюссона не только предшественником, но и учителем.
- ⁴¹⁶ ... **Мо́хлин...** – см. примеч. 72.
- ⁴¹⁷ **Возьмём мы пинтовую кружку, / Да кипятком дольём по дужку...** – в кружке ёмкостью 0,568 л Бёрнс предлагает приготовить что-то вроде грога.
- ⁴¹⁸ **«Второе послание Дж. Лапрейку»** – на «Первое послание...» (см.) от 1 апреля 1785 г. Лапрейк дал шуточный ответ, который передал через сына Бёрнсу: тот в это время сеял на поле в Моссгиле. 21 апреля появилось представленное ниже сочинение.
- ⁴¹⁹ ... **школьному учителю в Окилтри...** – Уильяму Симсону (1758 – 1815), другу Бёрнса; стихотворение стало ответом на поэтическое послание Симсона.
- ⁴²⁰ ... **Гилберфилд...** – Уильям Хэмилтон-оф-Гилберфилд (1665? – 1751), малоизвестный шотландский поэт, друг Аллана Рэмси (см. примеч. 331).
- ⁴²¹ ... **Аллан...** – см. примеч. 331.
- ⁴²² ... **Фергюссон...** – см. примеч. 415. Фергюссон зарабатывал на жизнь, служа конторским клерком.
- ⁴²³ ... **Эдины...** – см. примеч. 289.
- ⁴²⁴ ... **Койла...** – см. примеч. 83.
- ⁴²⁵ **Новоголландский...** – Новой Голландией называли в ту пору Австралию.
- ⁴²⁶ ...**встреча хлябей... у Магеллана...** – Магелланом моряки коротко называют Магелланов пролив между Южной Америкой и архипелагом Огненная Земля, который соединяет Атлантический и Тихий океаны.
- ⁴²⁷ ... **Форт и Тэй...** – река Форт в центральной Шотландии зарождается на Бен-Ломонде (см. примеч. 399) и течёт на юг, впадая в Северное море; Тэй, самая длинная река Шотландии (192 км), течёт через озеро Лох-Тэй на юг и тоже впадает в Северное море.
- ⁴²⁸ ... **Ярроу с Твидом...** – Ярроу, река на юго-востоке Шотландии, часть пути проходящая по границе с Англией и впадающая в Северное море; о Твиде см. примеч. 27.
- ⁴²⁹ **Эйр, Ирвин, Лугар, Дун....** – Эйр течёт по южной границе Эйршира: извивается на пути около 50 км и впадает в одноимённый залив; про Ирвин и Лугар см. примеч. 114 и 100, соответственно; Дун тоже ограничивает Эйршир с юга. Все названные реки текут по Койле или ограничивают её.

- 430 ... **Илисс...** – небольшая река близ Древних Афин, на берегу которой был жертвенник или алтарь в честь бога северного ветра Борея.
- 431 **Уоллес... От южных малых...** – см. примеч. 68. «Южные малые» – англичане.
- 432 ... **стужей Окилтри объят, / Седы холмы...** – деревня Окилтри, где жил Симсон, лежала на холмистом левом берегу Лугара (см. примеч. 100), в 5 милях (около 8 км) от фермы Бёрнса.
- 433 ... **горцев...** – здесь: жителей северной гористой части Шотландии.
- 434 ...**«Новый Свет»...** – см. примеч. 210.
- 435 ... **скотс...** – (иначе лэлланс), южно-шотландский диалект, весьма отличный от исходного гэльского языка и во многом близкий к английскому.
- 436 **На штуках, что зовут шарами, / Слетать хотят...** – вспомним, что стихотворение написано в 1785 г. Монгольфьер (на горячем воздухе) и шарльер (на водороде) взлетели во Франции, в 1783 г., шотландец Дж. Тейтлер летал над Эдинбургом в 1784 г.; см. также примеч. 357. Идея была модной.
- 437 ... **Голди...** – Джону Голди (Гоуди) (1717 – 1809), сыну мельника, ставшему, последовательно, столяром и виноторговцем, но продолжавшему научные и богословские занятия, издавшему несколько эссе. Его сочинение «Евангелие, восстановленное из подневольного состояния» выдвинуло автора в число противников Старого Света (см. примеч. 210). Голди, знакомый Бёрнса, стал одним из поручителей перед издателем Джоном Уилсоном при подготовке килмарнокского издания сочинений поэта.
- 438 ... **в Килмарноке...** – см. примеч. 74.
- 439 ...**«Восстановленного Евангелия»** – см. примеч. 437.
- 440 ... **вигов...** – см. примеч. 270.
- 441 ... **десять казней...** – наказания, ниспосланные Всевышним египетскому фараону за притеснение рабов-иудеев [Исх 7 – 12].
- 442 ... **Чёрный Джок...** – «*преп. Дж. Рассел из Килмарнока*». См. примеч. 82, 303.
- 443 ... **от искупленья...** – от искупления людских грехов Иисусом Христом. О доктрине Старого Света см. примеч. 210.
- 444 ... **в часовне...** – «*в церкви мистера Рассела*».
- 445 ... **с Тейлором...** – «*с Тейлором Нориджским*». См. примеч. 210.
- 446 ... **полпинты...** – 0,284 л.
- 447 ... **Дж. Лапрейку...** – см. примеч. 406, 418. Считается, что это послание написано слабее двух предыдущих; во всяком случае, обращение к адресату здесь намного фамильярнее...
- 448 ... **Борей...** – см. примеч. 261.
- 449 ... **Макмаффу...** – см. примеч. 318.
- 450 ... **Гэвин...** – Гэвин Хэмилтон (см. примеч. 239).
- 451 ... **Поуп...** – см. примеч. 408.
- 452 ... **Смиту...** – Джеймсу Смиту (1765 – 1823?), закадычному другу Бёрнса, приятелю в застолье и амурных похождениях. В Мохлине Смит держал лавки, но не преуспел, уехал на Ямайку, где след его потерялся (есть свидетельства, что умер он в 1808 г.).
- 453 **О Дружба... Блэр...** – Роберт Блэр (1699 – 1746), шотландский поэт, один из основоположников «кладбищенской поэзии» (эпиграф взят из поэмы «Могила», строки 89 – 91).
- 454 ... **Демпстер...** – см. примеч. 126.

- ⁴⁵⁵ **Подвязку просит Виали Питт...** – Орден Подвязки, высший знак отличия Великобритании, просит Уильям Питт (см. примеч. 170).
- ⁴⁵⁶ **... ариозо...** – см. примеч. 28.
- ⁴⁵⁷ **Гэвину Хэмилтону...** – см. примеч. 239.
- ⁴⁵⁸ **... мастер...** – титулование мальчика в письме, которое ставится перед именем; часто воспринимается шутливо или иронически.
- ⁴⁵⁹ **Лауреат...** – здесь: поэт-лауреат, высший почётный титул, который британский монарх присваивает выдающемуся поэту пожизненно (причём в империи может быть только один поэт-лауреат).
- ⁴⁶⁰ **...Макадаму...** – Джону Макадаму (? – ?), чьё покровительство Бёрнс отверг. Причины неясны, но поэт всегда возражал против поддержки местных помещиков.
- ⁴⁶¹ **С тем, в бочке кто, сравняться смог / Сам Македонец Сэнди!** – с Диогеном смог, как напоминает Бёрнс, сравниться Александр Македонский.
- ⁴⁶² **... Данаскин...** – деревня, поместье в которой Джон Макадам купил для сына Квинтона (? – 1805); молодому хозяину и посвящена строфа.
- ⁴⁶³ **... Логану...** – майору Уильяму Логану (? – 1819), отставному офицеру, славившемуся остроумием и игрой на скрипке. Логан жил в имении Парк, в Эйршире, с матерью и незамужней сестрой Сьюзен, которой восхищался Бёрнс. К Новому 1787 г. он подарил девушке томик стихов Битти (см. стихотворение «Мисс Логан – вместе со стихами Битти»).
- ⁴⁶⁴ **Пусть локоть пляшет...** – аналогичное пожелание скрипачу-адресату содержит «Второе послание Дэви, брату-поэту» (см.).
- ⁴⁶⁵ **... «ленто ларго»...** – темп, чуть скорее медленного («ларго»). В оригинале неточность: «ленте» вместо «ленто».
- ⁴⁶⁶ **... «аллегретто»...** – темп медленнее, чем быстрое «аллегро».
- ⁴⁶⁷ **... стратспей...** – см. примеч. 106.
- ⁴⁶⁸ **... жигу...** – старинный парный танец кельтского происхождения.
- ⁴⁶⁹ **Кастальцев...** – пьющих из Кастальского ключа (см. примеч. 31).
- ⁴⁷⁰ **В Вест-Индию... спешил...** – см. стихотворение «О шотландском барде, уплывшем в Вест-Индию».
- ⁴⁷¹ **... vive l'amour!** – Да здравствует любовь! (фр.).
- ⁴⁷² **Faites mes baissemains respectueuses...** – передай[те] моё глубочайшее почтение (фр.).
- ⁴⁷³ **...Сьюзи, / Как и Везунье...** – сестре и матушке майора Логана (см. примеч. 463).
- ⁴⁷⁴ **... от портного...** – Томас (Тэм, как на местный манер обращается к нему автор) Уокер (? – 1812?), портной из Пула, близ Окилтри, друг Уильяма Симсона (см. примеч. 419), воодушевлённый посланием, которое Симсон получил от Бёрнса, написал поэту сам, затронув отношения Бёрнса с Джин Армор (см. примеч. 113) и слухи о его возможном отъезде за границу (см. примеч. 284).
- ⁴⁷⁵ **... Олд-мудрец...** – см. примеч. 381.
- ⁴⁷⁶ **Ник...** – см. примеч. 10.
- ⁴⁷⁷ **... мастер Джон...** – некто неустановленный из клира.
- ⁴⁷⁸ **... миссис Скотт, владелице Уокоп-хауза...** – Элизабет Скотт (1729 – 1789), жене владельца поместья Уокоп, близ Джедбёрга. Прочитав книгу стихов Бёрнса, она в стихотворном послании поэту усомнилась, что их мог

написать простой пахарь (см. стихотворение «Владелица Уокоп-хауза – Роберту Бёрнсу, эйрширскому барду»).

⁴⁷⁹ **Отчизны символ...** – см. примеч. 214.

⁴⁸⁰ **... Паркеру...** – Хью Паркеру (? – ?), банкиру, давнишнему другу Бёрнса по Килмарноку.

⁴⁸¹ **Скот галлоуэйский...** – мясная порода крупного рогатого скота; чёрных комолых галлоуэйцев вывели на юго-западе Шотландии.

⁴⁸² **... Джени Геддес...** – это имя Бёрнс дал своей кобыле, на которой совершал верховые поездки вдоль границы с Англией. Традиция приписывает это имя женщине, которая в 1637 г., во времена правления Карла I, запустела табуреткой в епископа, попытавшегося ввести в обиход шотландской церкви «Книгу общей молитвы». В тексте далее лишь «старый, тёмный» нос намекает на природу героини.

⁴⁸³ **... Нит...** – см. примеч. 383.

⁴⁸⁴ **Эклиптику...** – большой круг небесной сферы, по которому происходит видимое годичное движение Солнца.

⁴⁸⁵ **... с Фебом...** – см. примеч. 262.

⁴⁸⁶ **... Грэму...** – Роберту Грэму (1749 — 1815), владельцу поместья Финтри, с которым Бёрнс познакомился в 1787 г., когда Грэм занял пост в акцизном ведомстве Шотландии. Позже Грэм оказывал поэту поддержку при его служебных трениях с чиновниками дамфрисского акциза.

⁴⁸⁷ **... caput mortuum...** – «мёртвая голова» (лат.), оставшиеся в тигле и бесполезные для дальнейших опытов продукты производимых алхимиками химических реакций; в переносном смысле – нечто мёртвое, лишённое живого содержания, лишённое смысла.

⁴⁸⁸ **... ignis fatuus...** – блуждающий огонек; обманчивая надежда (лат.).

⁴⁸⁹ **... Хогарта...** – Уильяма Хогарта (1697 – 1764), английского живописца, графика, теоретика искусства, мастера сатирического бытового жанра, разоблачающего пороки аристократии.

⁴⁹⁰ **... Блэклоку...** – доктору Томасу Блэклоку (1721 – 1791), второстепенному шотландскому поэту, который в письме поддержал первые стихи Бёрнса. Блэклок ослеп после перенесённой на первом году жизни оспы, самообразованием добился в 1762 г. поста священника, но вскоре оставил его и стал жить на небольшую ренту в Эдинбурге. С Бёрнсом поэта связывала многолетняя близкая дружба.

⁴⁹¹ **... Херона...** – Роберта Херона (1764 – 1807), литератора, первого биографа Бёрнса. Ему, в частности, читатели XIX в. были обязаны молвой о том, что к ранней смерти поэта привело пьянство.

⁴⁹² **Я стал акцизным...** – должность акцизного чиновника в Дамфрисе Бёрнс получил в 1788 г. В конце строфы точно указано начальное годовое жалованье поэта.

⁴⁹³ **... парнасские подруги...** – музы.

⁴⁹⁴ **Кастальские где вьются струи...** – см. примеч. 31.

⁴⁹⁵ **... Бекки... Везунье...** – сестре и жене адресата, соответственно.

⁴⁹⁶ **... Теннанту...** – Джеймсу Теннанту (1725 – 1810), богатому здравомыслящему фермеру, другу отца Бёрнса и самого поэта.

⁴⁹⁷ **Джони Симсон...** – кто это, неизвестно. Друга Бёрнса Симсона звали Уильямом (см. примеч. 419).

⁴⁹⁸ **... Смита... Рид...** – упомянуты знаменитый Адам Смит (1723 – 1790), шотландский экономист и философ, один из крупнейших представителей

классической политэкономии, и преподобный доктор Томас Рид (1710 – 1796), богослов и философ, чьи главные работы посвящены связи сознания со здравомыслием. В 1764 г. Рид унаследовал от Смита кафедру моральной философии в университете Глазго.

⁴⁹⁹ ... **Беньян, Браун и Бостон...** – бесспорно, Джон Беньян (1628 – 1688), английский писатель и религиозный проповедник, Томас Браун (1663 – 1704), английский сатирик, а также кто-то из присутствующих в англоязычной культуре Бостонов.

⁵⁰⁰ ...**старый Глен...** – здесь и далее перечисляются многочисленные общие друзья и знакомые автора и адресата.

⁵⁰¹ ... **Грэму...** – см. примеч. 486.

⁵⁰² **На лентах...** – на лентах, повязанных вместо галстука, которые входили в облачение пресвитерианского духовенства.

⁵⁰³ **В семь лет раз...** – периодичность парламентских выборов той поры.

⁵⁰⁴ ... **Драмланриг...** – Уильям Даглас, 3-й граф Марч и 4-й герцог Квинсберри (1724 — 1810), удачливый спекулянт и придворный интриган, самый крупный землевладелец Нитсайда. Бёрнс был его ярким оппонентом на выборах, о которых повествует.

⁵⁰⁵ ... **Даглас...** – Джеймс, 2-й граф Даглас Драмланриг (1358 – 1388), возглавлявший борьбу шотландцев против англичан, предок упомянутого политика.

⁵⁰⁶ ... **Квинсберри...** – см. примеч. 504.

⁵⁰⁷ ... **Хоуптон, Вестерхолл...** – Джеймс Хоуп Джонстон, 3-й граф Хоуптон (1741 – 1817), и сэр Джеймс Джонстон (см. примеч. 527), противостоявшие Драмланригу (см. примеч. 505) на выборах.

⁵⁰⁸ ... **виг...** – см. примеч. 270.

⁵⁰⁹ ... **Монс-Мег...** – личность не установлена.

⁵¹⁰ **Макмёрдоу...** – Джон Макмёрдоу Драмланриг (1743 – 1803), унаследовавший от отца пост управляющего у маркиза Квинсберри, стал ближайшим помощником маркиза в выборных делах. Бёрнс был другом и частым гостем семьи Макмёрдоу, посвятив хозяину и его детям несколько стихотворений.

⁵¹¹ ... **sub rosa...** – дословно: «под розой» (лат.). Соответствует русским «тайно», «в тайне», «по секрету». Розу как символ молчания древние римляне часто вешали над столом во время пиршеств в знак того, что о сказанном под розой, во время застолья, следует молчать где бы то ни было.

⁵¹² **Крейгдэррох...** – см. примеч. 358.

⁵¹³ ... **Гекла...** – действующий вулкан на юго-западе Исландии. За последние 700 лет произошло около 20 крупных его извержений; одно из наиболее разрушительных, 1766 г., было на памяти Бёрнса и его читателей.

⁵¹⁴ **Гленриддел...** – см. примеч. 358. О нумизматических пристрастиях Гленриддела сказано в стихотворении «Свисток. Баллада» (см.).

⁵¹⁵ ... **тори...** – английская политическая партия, возникшая в XVII в., в XIX в. была преобразована в Консервативную партию.

⁵¹⁶ ... **Стейг...** – Дэвид Стейг (1740 — 1824), мэр Дамфриса с 1783 г., популярный и деятельный политик.

⁵¹⁷ ... **Уэлш** (? – 1790) – фигура, упоминаемая в стихах Бёрнса лишь однажды; достоверных сведений не сохранилось.

⁵¹⁸ ... **Миллер...** – Патрик Миллер-оф-Дэлсвингтон (1731 – 1815), банкир, с 1767 г. – директор банка Шотландии.

- 519 ... **Максвелтон...** – личность не установлена.
- 520 **Портвейном Лоусона...** – дамфрисского виноторговца.
- 521 ... **Карла...** – английского короля Карла I Стюарта (1600 – 1649), первого в истории Европы монарха, осуждённого на публичную казнь – в полном соответствии с Хартией (см. примеч. 522), отменявшей «божественное право королей».
- 522 ... **Хартии Великой...** – Великой Хартии Вольностей, грамоты, подписанная в 1215 г. английским королем Иоанном I Безземельным. Она ограничивала права короля, предоставляла некоторые привилегии рыцарству, верхушке свободного крестьянства и городам.
- 523 ... **Скримжер...** – Джон Скримжер, 3-й виконт Данлоп (1620 – 1668), воювал под началом Карла II при Вустере.
- 524 ... **Грэм...** – здесь: «Бонни Данди» (см. примеч. 60), выступавший на стороне сверженного короля-католика Якова II.
- 525 ... **в ковенантском строе...** – в 1643 г. английский парламент и шотландские пресвитериане заключили союзный договор «Торжественная лига и ковенант», который предусматривал введение в Британии пресвитерианства и совместную борьбу против роялизма. Ковенанторы – шотландцы, поддерживавшие эти документы.
- 526 **Монтроз...** – Джеймс Грэм, 5-й граф и 1-й маркиз Монтроз (1612 – 1650), шотландский генерал, воевавший на стороне короля Карла I и одержавшего несколько блистательных побед в Гражданской войне.
- 527 **Сэр Джеймс...** – сэр Джеймс Джонстон, 4-й баронет Вестерхолл (1726 – 1794), подполковник, представлявший в парламенте Дамфрис, а позже Веймут. Место от Дамфриса перешло от него к Патрику Миллеру-младшему (см. примеч. 518).
- 528 ... **Палтни...** – городок в Эйршире.
- 529 ... **Стюарт-Гектор...** – неясно, кто из Стюартов уподоблен герою «Илиады».
- 530 ... **Питт...** – см. примеч. 170.
- 531 ... **Тёрлоу...** – Эдвард, 1-й барон Тёрлоу (1731 – 1806), был членом парламента от Тэвистока, затем занимал ряд государственных постов. Внешностью и манерами наводил страх на собеседников.
- 532 ... **Мелвилла...** – личность не установленную.
- 533 ... **Шеридан...** – Ричард Бринсли Шеридан (1751 – 1816), англо-ирландский писатель и политик-либерал, член партии вигов, выдающийся оратор.
- 534 ... **Фокс...** – см. примеч. 228.
- 535 ... **Бёрк...** – Эдмунд Бёрк (1729 – 1797), ирландец по происхождению, британский политик, один из наиболее влиятельных литераторов и эстетов эпохи.
- 536 ... **«Робин» значит «дрозд»...** – англ. robin переводится как «дрозд» или (red robin) «малиновка»; по понятной причине выбрано слово мужского рода.
- 537 ... **Грэму...** – см. примеч. 486.
- 538 **Просить бумагу, да из двери в дверь...** – см. примеч. 392.
- 539 ... **циветту...** – хищного зверька, чьи железы вырабатывают пахучий секрет цибетин.
- 540 ... **Гименей...** – в греческой и римской мифологиях бог брака.
- 541 ... **Амальтея...** – нимфы, вскормившей своим молоком новорождённого Зевса.

⁵⁴² **Прозектор, хуже Монро...** – прозектор – врач, ведущий патологоанатомическое вскрытие трупов. Александр Монро (1733 — 1817), профессор анатомии и первый заведующий кафедрой хирургии в Эдинбургском университете.

⁵⁴³ **Гленкёрн...** – см. примеч. 203.

⁵⁴⁴ **... Максвеллу...** – Джону Максвеллу (1720 – 1814) из Террохти, поднявшемуся от плотничьего подмастерья до солидного землевладельца, видной фигуры Эйршира.

⁵⁴⁵ **Вот так Содом с Гоморрой пали...** – Согласно Библии, во времена Авраама Содом был цветущим и богатым городом, но, поскольку жители «были злы и весьма грешны» [Быт 13:13], то «пролил Господь на Содом и Гоморру дождём серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и [все] произрастания земли» [Быт 19:24 – 25].

⁵⁴⁶ **«Послание Эзопа Марии»** – аллегорическое стихотворение пародирует манеру А. Поупа; посвящено оно Марии Риддел (см. примеч. 717).

⁵⁴⁷ **... в гору санкюлот не пёр...** – аллюзия на события Великой французской революции: санкюлоты – представители городской бедноты, а также самоназвание революционеров; монтаньяры («горцы») – заседавшие на верхних скамьях Конвента революционные демократы.

⁵⁴⁸ **... Басби...** – один из братьев: либо Уильям (? – ?), либо Джон Басби (? – 1802), знакомых Бёрнсу по Дамфрису.

⁵⁴⁹ **... veni, vidi, vici...** – пришёл, увидел, победил (лат).

⁵⁵⁰ **... к Мьюру с Палмером...** – речь идёт о двух из числа так называемых «шотландских мучеников». Томас Мьюр (1765 – 1799), юрист, проникся республиканскими идеями. В 1792 г. в Эдинбурге началось восстание с погромами против властей, позже с участием Мьюра возникла Ассоциация друзей народа, которую Бёрнс поддерживал. В 1793 г. Мьюра арестовали, суд признал его вину и приговорил к ссылке на остров близ Австралии вместе с другими вожаками движения, включая Фишера Палмера. Мьюр бежал, был схвачен и серьёзно ранен, потеряв глаз; потом попал во Францию.

⁵⁵¹ **... Лонсдейл...** – Джеймс Лаутер, 1-й граф Лонсдейл (1736 – 1802), член парламента в 1757 – 1784 гг., использовал богатство для политического доминирования на севере Англии. Его протекте в палате называли «кеглями сэра Джеймса». А. Карлейль характеризовал его как мерзкого и бесчестного политика и домашнего деспота, угнетавшего арендаторов и иждивенцев, безумца, которого лишь богатство спасало от лечения. В этом стихотворении гнев сэра Джеймса вызывают дамфрисские актёры.

⁵⁵² **... де Пейстеру...** – полковнику Аренту Шуйлеру де Пейстеру (1736 – 1822), британскому подданному, потомку французских протестантов. После долгой службы в армии отставной полковник поселился близ Дамфриса, где и познакомился с Бёрнсом.

⁵⁵³ **... Ник...** – см. примеч. 10.

⁵⁵⁴ **«Зима: песнь скорби»** – Бёрнс писал: *«Зима – лучшее для меня время года, рассудок мой укутывается неким воодушевлением к Тому, кто, говоря высоким слогом иудейского барда, “понёсся на крыльях ветра” [2Цар 22:11]. В одну из таких зим после череды бед я сочинил следующее».*

⁵⁵⁵ **«Пурга метёт, затянут свод»...** – цитата из «Оды Океану» Эдварда Юнга (Янга) (1673 – 1755), английского поэта-сентименталиста.

⁵⁵⁶ **... первого псалма...** – основополагающего псалма, которым начинается Псалтирь и авторство которого христианская традиция приписывает царю Давиду. Синодальный перевод таков: «¹Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых, и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей, ²но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь! ³И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время своё и лист которого не вянет; и во всём, что он ни делает, успеет. ⁴Не так – нечестивые, но они – как прах, возметаемый ветром. ⁵Потому не устоят нечестивые на суде и грешники – в собрании праведных. ⁶Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет» [Пс 1:1 – 6].

⁵⁵⁷ **... девяностого псалма...** – в синодальном переводе это [Пс 89: 2 – 6]: «...²Господи! Ты нам прибежище в род и род. ³прежде нежели родились горы, и Ты образовал землю и вселенную, и от века и до века Ты – Бог.⁴Ты возвращаешь человека в тление и говоришь: «Возвратитесь, сыны человеческие!», ⁵ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошёл, и как стража в ночи. ⁶Ты как наводнением уносишь их; они – как сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает...».

⁵⁵⁸ **... внебрачной дочурке...** – Элизабет Пейтон (1785 – 1817), дочери Бёрнса, родившейся 22 мая 1785 г. Бетти оставалась под присмотром матери поэта до его смерти, а затем вернулась к своей матери; позже вышла замуж и умерла, как считают, при родах.

⁵⁵⁹ **Любимой Бетти...** – матери девочки, Элизабет Пейтон-старшей. Та попала служанкой в дом Бёрнсов, когда отец поэта лежал при смерти, и воспылала чувствами к Роберту. Родные поэта отнеслись к возможному после рождения Бетти браку противоречиво, и он не состоялся. Об обстоятельствах соблазнения см. «Послание Джону Ранкину». В дальнейшем Элизабет вышла замуж за работника с фермы.

⁵⁶⁰ **... Руссо...** – фр. guisseaux = шотл. burn = ручей; поэт посвятил элегию самому себе.

⁵⁶¹ **... Хэмилтону...** – см. примеч. 239.

⁵⁶² **Однофамилец с лордом...** – в русской традиции произносить Hamilton как Гамильтон; этот род известен далеко за пределами Англии.

⁵⁶³ **... Понотокси...** – выдуманное географическое название.

⁵⁶⁴ **... фартинг...** – монету в ¼ пенса.

⁵⁶⁵ **Род Кеннеди... пусть теплит Гименея пыл...** – жена мистера Хэмилтона была из рода Кеннеди.

⁵⁶⁶ **... Джона...** – видимо, тестя адресата.

⁵⁶⁷ **... инспектора по сборам...** – волей обстоятельств эту должность в Эйре исполнял Роберт Эйкен (см. примеч. 58). В 1784 – 86 гг. правительство Питта (см. примеч. 170) ввело налог на экипажи и лошадей (включая верховых, о чём Бёрнс дважды упоминает в тексте), а также на личных слуг. Эйкен разослал опросные листы всем жителям Эйра и окрестным фермерам.

⁵⁶⁸ **Imprimis...** – во-первых (лат.).

⁵⁶⁹ **... скот мой выездной...** – слово carriage означало не только экипаж, но и любую телегу, а словом cattle шотландцы обозначали, среди прочей скотины, и лошадей.

- 570 ... **левый уносной**... – здесь и далее поэт описывает упряжку четвернёй. Уносные лошади шли спереди, коренные – сзади, ближе к пахарю. См. также примеч. 276.
- 571 ... **из Киали**... – из Килмарнока (см. примеч. 190).
- 572 ... **не зрели в скачке грех**... – см. примеч. 567.
- 573 ... **Килбёрни**... – прихода на северо-западе Эйршира.
- 574 ... **Дэвок**... – шотландская уменьшительная форма имени Дэвид. Дэвид Хатчесон (? – ?), сирота, сын батрака из Лохли, был принят в семью Бёрнсов.
- 575 **Вопросы сыплю до упаду**... – ежевоскресные ответы на вопросы катехизиса были предписаны шотландской церковью; возглавлял это занятие отец семейства.
- 576 ...**«Действенный призыв»**... – один из центральных вопросов катехизиса, трактующий предназначение человека.
- 577 **Одну Бог дал мне сверх запроса**... – см. примеч. 558.
- 578 ... **обещаю пылко / Не забираться на кобылку**... – двусмысленность: to ride hizzie mair означало как «ездить верхом на кобыле», так и «совокупляться с девицей». Весь пассаж снова отсылает к примеч. 567.
- 579 **Subscripsi huic**... – в чём и подписываюсь (лат.).
- 580 ... **Брэдолбейну**... – Джону Кэмпбеллу, 4-му графу Брэдолбейну (1762 – 1834), одному из влиятельных шотландских пэров. В 1786 г. состоялось заседание Горно-шотландского Общества, где и обсуждалось сказанное в сатирическом эпиграфе. Противодействовать предлагалось, развивая рыболовство, сельское хозяйство и промышленность. Бёрнс не мог предвидеть, что через полвека в ходе «расчистки земель» бедноту будут сгонять с пастбищ и вынуждать к эмиграции.
- 581 ... **в... «Ковент Гардене»**... – в королевском оперном театре.
- 582 ... **Маккензи-оф-Эпплкросс**... – роль Томаса Маккензи (? – ?) описана в эпиграфе исчерпывающе, хотя остались воспоминания о нём как о добром помещике.
- 583 ... **клеймор**... – см. примеч. 26.
- 584 ... **дерк**... – кинжал шотландского горца.
- 585 ... **Хэнкок**... – Джон Хэнкок (1737 – 1793), американский революционер, первым подписавший Декларацию независимости США.
- 586 ... **Франклин**... – Бенджамин Франклин (1705 – 1790), американский государственный деятель, учёный-просветитель, участник Войны за независимость, один из авторов Декларации независимости и Конституции США.
- 587 ... **Вашингтоном**... – Джорджем Вашингтоном (1732 – 1799), американским государственным деятелем, первым президентом США, главнокомандующим армией колонистов в Войне за независимость.
- 588 ... **Монтгомери**... – Ричарда Монтгомери (1736 – 1775), американского генерала, прославившегося в Войне за независимость.
- 589 ... **Сэквилл**... – лорд Джордж Герман Сэквилл, 1-й виконт (1716 – 1785), британский военачальник, затем (по протекции лорда Норта, см. примеч. 590) ставший министром колоний.
- 590 ... **Норт**... – Фредерик Гилфорд, лорд Норт (1732 – 1792), в 22 года ставший членом парламента и доросший до первого министра при Георге III.
- 591 ... **Хоуов, Клинтонов**... – упомянуты как фигуры нарицательные генерал сэр Уильям Хоув (1729 – 1814), бывший одно время британским главно-

командующим в Войне за независимость, и сменивший его генерал сэр Генри Клинтон (1738 – 1795).

⁵⁹² ... **балли...** – шотландский аналог шерифа или ольдермена; бейлиф, судебный пристав.

⁵⁹³ ... **Друри-Лейн...** – в XVIII в. лондонская улица Друри-Лейн прослыла в английской литературе логовом разврата: здесь были многочисленные притоны и распивочные.

⁵⁹⁴ **Меж Ирода и Поликрата...** – Ирод I Великий (73? – 4 до н. э.), царь Иудеи, уничтожавший всех, в ком видел соперников; в христианской мифологии ему приписывают «избиение младенцев» при известии о рождении Христа (отсюда нарицательное значение имени Ирод – злодей); Поликрат (? – 523? до н. э.), правитель острова Самос, имевший сходную репутацию.

⁵⁹⁵ ... **Альмагро и Писарро...** – Диего де Альмагро (1475 – 1538), испанский конкистадор, был сподвижником Франсиско Писарро (1468? – 1541), одного из первооткрывателей Южной Америки, завоевателя империи инков. Оба прославились крайней жестокостью к индейцам.

⁵⁹⁶ ... **года 5790 от сотворения мира...** – 1786 г.

⁵⁹⁷ ... **Гэвину Хэмилтону...** – см. примеч. 239.

⁵⁹⁸ **Речам... Поуп...** – процитирована строка из «Эссе о Человеке» (V, 199, 1732).

⁵⁹⁹ ... **в Койле...** – см. примеч. 83.

⁶⁰⁰ ... **Койлом...** – здесь уже речь идёт о самом сказочном короле Койле (см. примеч. 83).

⁶⁰¹ **Три дня сентябрьских...** – 3 сентября 1786 г. Джин Армор родила Бёрнсу близнецов (вскоре умерших). Не случайно чуть выше сказано о «двойной доле» барда.

⁶⁰² ... **Кеннеди...** – Джону Кеннеди (1757 – 1812), родственнику миссис Хэмилтон (см. примеч. 565). Он был управляющим имением Дамфрис-хаус близ Камнока, когда Бёрнс познакомился с ним в 1786 г. и подружился на долгие годы.

⁶⁰³ ... **к Доу...** – в мохлинский кабачок, принадлежавший Джону Доу.

⁶⁰⁴ ... **Бёрнесс...** – так подписывался отец поэта, а в молодости и он сам. Чаще, однако, подпись имела вид «Бёрнес».

⁶⁰⁵ ... **Стивену...** – преп. Джеймсу Стивену (1761 – 1824), уроженцу Килмарнока, чьи проповеди Бёрнс, возможно, слышал в Мохлине.

⁶⁰⁶ ... **«бат энд бен»...** – весь дом; буквально «первая и вторая комнаты» (в шотландских домах but обозначает первую комнату, кухню, а ben – остальные внутренние комнаты).

⁶⁰⁷ ... **Дэром...** – Бэзиллом Уильямом Даглас-Хэмилтоном, лордом Дэром (1764 – 1794). Обучаясь в университете, лорд Дэр жил вместе с профессором Дагалдом Стюартом (см. примеч. 109, 351); впоследствии он так и остался в деревенском доме Стюарта в Эйршире. 23 октября 1786 г. Бёрнс за обедом у профессора впервые сидел за столом с представителем знати. Впечатления о встрече и дали повод написать стихотворение.

⁶⁰⁸ ... **эля два...** – см. примеч. 159.

⁶⁰⁹ ... **Хогарт...** – см. примеч. 489.

⁶¹⁰ **«Прощание» {1}** – стихотворение, написанное, скорее всего, когда Бёрнс собирался уехать в Вест-Индию (см. примеч. 284).

⁶¹¹ ... **Джин...** – см. примеч. 113.

⁶¹² ... **Бесс...** – см. примеч. 558.

- 613 ... **Смит...** – см. примеч. 452.
- 614 ... **Хэмильтон... Эйкен...** – см. примеч. 239, 58.
- 615 **Надпись на могильном камне Фергюссона...** – о Фергюссоне см. примеч. 415. В 1787 г. Бёрнс установил памятник на могиле поэта на кладбище Кэнонгейт в Эдинбурге; на камне высечена 1-я строфа этого стихотворения.
- 616 **«Ни урны здесь, ни бюста (как живой!)»** – аллюзия на строки из «Элегии, написанной на сельском кладбище» Грея (см. примеч. 59): «Даст урна или бюст (он как живой!) / Душе вернуться в брошенный свой дом?»
- 617 **«Надпись под портретом Фергюссона»** сделана в книге его стихов, которую Бёрнс подарил поэтессе Ребекке Кармайл в Эдинбурге в 1787 г. Первые две строки – над портретом, остальные – под ним.
- 618 ... **Марри...** – сэра Уильяма Марри (? – 1800), принимавшего Бёрнса, когда тот ездил по Клакманнанширу с доктором Эдером. Сэр Уильям Марри приходился кузеном Роберту Грэму (см. примеч. 486) и был добрым другом Бёрнса.
- 619 ... **Брэдолбейн...** – здесь: графство в северной, горной части Шотландии.
- 620 ... **Тэй...** – см. примеч. 427.
- 621 ... **Дандаса...** – Роберта Дандаса-оф-Арнистона (1758 – 1819), лорда-адвоката (генерального прокурора по делам Шотландии), члена парламента. Элегия написана задолго до кончины Дандаса.
- 622 ... **Сессионного суда...** – высшего гражданского суда Шотландии.
- 623 ... **Блэра...** – сэра Джеймса Хантера Блэра (1741 – 1787), сына торговца, банкира, члена парламента от Эдинбурга, затем городского мэра, сердечно принявшего Бёрнса в Эдинбурге. Блэр был активным масоном.
- 624 ... **меж скал, лощин, / Дававших кров шотландским королям...** – по эдинбургскому королевскому парку Холируд-хаус (см. примеч. 213).
- 625 ... **ключ святой выходит из глубин...** – источник Св. Антония.
- 626 ... **бывший храм...** – часовню Св. Антония.
- 627 ... **Каледонии...** – см. примеч. 333.
- 628 ... **Вудсом...** – Уильямом Вудсом (1751 – 1802), английским актёром, осевшем в Эдинбурге в 1770-х гг. Пролог был написан для шекспировской комедии «Виндзорские проказницы».
- 629 ... **Сиддонс...** – Сары Сиддонс (1755 – 1831), выдающейся английской трагедийной актрисы, прославившейся ролями в пьесах Шекспира.
- 630 ... **Каледония...** – см. примеч. 333.
- 631 ... **«Даглас»...** – трагедия «Даглас» шотландского драматурга Джона Хоума (1722 – 1808), восклицавшего: “Whaur's yer Wullie Shakespeare noo?” («Где только нет вашего Вилли Шекспира?»)
- 632 ... **Харли...** – герой сентиментального романа «Человек чувства» шотландского литератора и издателя Генри Маккензи (1745 – 1831).
- 633 ... **прочитанный...** – пролог читала жена Дж.С. Сазерленда (см. примеч. 634).
- 634 ... **Сазерленда...** – Джорджа С. Сазерленда (? – ?), малоизвестного актёра и театрального деятеля в Дамфрисе и Эдинбурге, которого, однако, Бёрнс ценил. Для Сазерленда с женой поэт сочинил этот и предыдущий «Прологи».
- 635 ... **за Каналом...** – см. примеч. 317. Бренди, надо понимать, французский коньяк...
- 636 ... **каледонских...** – см. примеч. 333.
- 637 ... **Мельпомена...** – муза трагедии.

- ⁶³⁸ ... **Уоллес...** – см. примеч. 68.
- ⁶³⁹ ... **Брюс...** – см. примеч. 40.
- ⁶⁴⁰ ... **Отвэй...** – Томас Отвэй (1652 – 1685), английский драматург.
- ⁶⁴¹ **Шотландской дивной королевы...** – Марии Стюарт (см. примеч. 297).
- ⁶⁴² ... **«Даглас»...** – см. примеч. 631.
- ⁶⁴³ ... **Фонтенелл...** – Луизы Фонтенелл (1773 – 1799), актрисы, популярной в Шотландии времён Бёрнса, женщины огромного обаяния и культуры. Восхищавшийся мисс Фонтенелл Бёрнс посвятил ей, кроме этого монолога, несколько стихотворений. В 1796 г. Луиза Фонтенелл уехала с мужем-антрепренёром в Америку.
- ⁶⁴⁴ ... **ça ira...** – «всё пойдёт [на лад]» (фр.), припев песни санкюлотов (см. примеч. 547) во время Великой французской революции.
- ⁶⁴⁵ ... **миссис Освальд...** – Мэри Освальд (? – 1788), дамы весьма алчной, муж которой нажился на военных поставках во время Семилетней войны (1755 – 1763). В 1764 г. она устроила ему пышные похороны в эйрширском поместье Оукенкрув, из-за которых Бёрнс продрог и не попал в ближайший трактир, а вынужден был проскакать 12 миль (20 км) до следующего. Ода – продукт негодования, выдержанный до поры, когда скончалась сама наследница 10 тысяч фунтов в год.
- ⁶⁴⁶ **Антистрофа...** – в античной лирике и драматических хорах вторая строфа в паре строф, написанных одним и тем же метром. Здесь, как видим, это требование не соблюдено.
- ⁶⁴⁷ **Грабитель войск...** – Ричард Освальд (? – 1764), муж усопшей (см. примеч. 645).
- ⁶⁴⁸ **Эпод...** – в античном стихосложении лирическое стихотворение, в котором длинный стих чередуется с коротким. Здесь принять название можно лишь с большой натяжкой: строки разные, но чёткого чередования нет.
- ⁶⁴⁹ **Испанца...** – Карла III Бурбона (1716 – 1788).
- ⁶⁵⁰ ... **Фокс и Питт...** – см. примеч. 228, 170.
- ⁶⁵¹ **Подбитая зайчиха** – Бёрнс писал миссис Данлоп (см. примеч. 657): *«Позавчера на рассвете я работал в поле, как вдруг прозвучал выстрел, и мимо проковылял сильно израненный бедолага-зайчишка. Как понимаете, это вызвало у меня слёзы и негодование. И вот результат... посылаю Вам первый экземпляр»*. Из четвёртой строфы следует, что подбита именно зайчиха; правда, селянин Бёрнс сильно приукрашивает её родительские чувства: зайчата кормятся сами, едва перестав сосать мамино молоко.
- ⁶⁵² ... **Нит...** – см. примеч. 383.
- ⁶⁵³ ... **Фоксу...** – см. примеч. 228.
- ⁶⁵⁴ **Ведущая страсть его – Поупа забота...** – сатира, ставшая основой творчества А. Поупа (1688 – 1744), одного из крупнейших поэтов своего времени.
- ⁶⁵⁵ ... **ковчег...** – здесь: короб для кукольного представления.
- ⁶⁵⁶ ... **с соперником Билли?** – с Уильямом Питтом (см. примеч. 170).
- ⁶⁵⁷ ... **Данлоп...** – для миссис Фрэнсис Анны Данлоп (1730 – 1815), с которой Бёрнс состоял в многолетней дружбе и содержательной переписке. Миссис Данлоп он посылал первые экземпляры многих стихотворений, а её откровенные критические замечания весьма ценил.
- ⁶⁵⁸ ... **в Койле...** – см. примеч. 83. Остальные персоны известны лишь автору.

- 659 ... **Тайтлеру...** – Уильяму Тайтлеру (1711 – 1793) из Вудхаусли, историку, антиквару, собирателю народных песен и баллад. Он помогал Бёрнсу в сборе материалов для обработки народной поэзии. Бёрнс послал Тайтлеру свой силуэтный портрет.
- 660 ... **Георга...** – см. примеч. 234.
- 661 ... **мисс Бёрнет Монбоддо...** – см. примеч. 291.
- 662 ... **Драмланрига...** – области в Шотландии, где расположены были владения герцога Квинсберри (см. примеч. 504).
- 663 ... **Нит...** – см. примеч. 383.
- 664 **Корону герцога таскал...** – см. примеч. 504.
- 665 ... **Томсона...** – шотландского поэта Джеймса Томсона (1700 – 1748), чьё творчество предвосхищало некоторые черты романтизма. Томсон воспевал торжество ньютонианской науки и успехи Англии в экономике и политике.
- 666 ... **в Эднеме, Роксбёргшир...** – на родине Дж. Томсона.
- 667 ... **Эола...** – в греческой мифологии повелителя ветров, родоначальника эолийцев.
- 668 ... **под Драйбёрг...** – в местечко графства Роксбёргшир, где находится аббатство XII в.
- 669 ... **Твидовой воды...** – см. примеч. 27.
- 670 ... **Ярроу...** – см. примеч. 428.
- 671 ...**в день рождения автора...** – 25 января, когда дрозда услышишь нечасто. Однако датировка сомнительна, ибо в рукописи отсутствует, а 20 февраля 1793 г. Бёрнс писал А. Каннингему, что сонет создан «на днях».
- 672 ... **Риддела...** – капитана Роберта Риддела (1755 – 1794), с которым Бёрнса связывала многолетняя близкая дружба. Риддел упомянут в стихотворении «Свисток. Баллада» (см.).
- 673 **Колумбия...** – под Колумбией Бёрнс понимает британские колонии в Америке, вступившие с бывшей метрополией в Войну за независимость.
- 674 ... **Альфред...** – Альфред Великий (849? – 900?), король англосаксонского королевства Уэссекс с 871 г., объединивший под своей властью ряд соседних англосаксонских королевств.
- 675 ... **Уоллес...** – см. примеч. 68.
- 676 ... **ко дню рождения...** – принца Чарлза Эдварда Стюарта, Младшего Претендента, «красавчика принца Чарли» (см. примеч. 168), который скончался в изгнании 31 января 1788 г., ненадолго пережив поздравление Бёрнса.
- 677 **Король твой...** – Карл II Стюарт (1630 – 1685).
- 678 ... **Данди...** – см. примеч. 60.
- 679 ... **Балмерино...** – Артура Элфинстона, 6-го лорда Балмерино (1688 – 1745), пламенного якобита, казнённого в Тауэре и сказавшего перед смертью: «Имей я десять жизней, отдал бы их за то же дело».
- 680 ... **Брансвик...** – другое название Брауншвейга, саксонского герцогства, откуда вышла династия Ганноверов (см. примеч. 168).
- 681 **Сгинь, чадо мерзостное тьмы...** – надо понимать, король Георг III. Не случайно авторство этой бунтарской строфы сомнительно, и в некоторых изданиях она отсутствует.
- 682 **Монодия...** – слово имеет несколько значений, связанных с тем, что произведение исполняется сольно. Однако по смыслу ближе всего подходит «элегия» – пусть и полная сарказма.

- 683 ... **Митчелла...** – Джона Митчелла (1731 – 1806), непосредственного начальника Бёрнса по налоговому ведомству. Их всегда связывали добрые отношения.
- 684 ... **жигу, рил...** – см. примеч. 468, 344.
- 685 **Мисс Логан – вместе со стихами Битти...** – см. примеч. 463, 127. Упоминаемый в тексте Эдвин – идеальный герой стихов Битти.
- 686 ... **Уайтфурду...** – см. примеч. 141. Уайтфурд состоял в дружбе с графом Гленкерном.
- 687 ... **Гленкерна...** – см. примеч. 203.
- 688 ... **Крукшенк...** – двенадцатилетней Джин Крукшенк, дочери Уильяма Крукшенка (? – 1795), преподававшего латынь в Эдинбургском университете. Джин хорошо пела и исполняла многие песни на стихи Бёрнса. Поэт дружил с Крукшенком, и даже некоторое время пользовался его гостеприимством после поездки на север Шотландии.
- 689 ... **Борей...** – см. примеч. 261.
- 690 **Еврус...** – Евроклидон, восточный ветер.
- 691 ... **мисс Грэм...** – одной из 10 дочерей Роберта Грэма (см. примеч. 486), какой именно, неизвестно.
- 692 ... **леди... «Хлорис»** – Джин Лоример (1775 – 1831), знакомой Бёрнса, даме со сложной судьбой, которой посвящено много его стихотворений; в них она, как и здесь, носит имя Хлорис.
- 693 ... **Льюерс** – Джесси Льюерс (1778 – 1855), дочери и сестре начальников Бёрнса по дамфрисскому акцизу, соседке и знакомой четы Бёрнсов. Джесси ухаживала за Бёрнсом в последние месяцы жизни и много сделала для сохранения его памяти. Ей посвящено несколько стихотворений, включая это.
- 694 ...**«Шотландского музыкального музея»...** – шеститомного издания, вышедшего в 1787 – 1803 гг. Бёрнс был добросовестным редактором и основным спонсором этого собрания текстов и нот шотландских народных песен. В стихотворении речь идёт о нескольких первых томах.
- 695 ... **Иосиф...** – австрийский император Иосиф II Габсбург (1741 – 1790).
- 696 **У русских с турками возня...** – вяло протекавшая русско-турецкая война 1780 – 1790 гг.
- 697 ... **швед... в Карла поиграть...** – король Густав III (1746 – 1792), пользуясь отвлечением русских сил на войну с турками, в 1787 г. безуспешно пытался захватить Петербург с моря. Карл XII (1682 – 1718) вёл много успешных войн, но был, как известно, разбит под Полтавой.
- 698 ... **евнух-итальянец...** – помимо очевидного намёка на певцов-кастратов из хоров католической церкви, здесь Бёрнс имеет в виду захват (преимущественно, австрийцами) большей части Италии.
- 699 **Георг (призри Господь беднягу!) / Как не дал кворуму ни шагу...** – в 1787 г. Георг III был признан невменяемым, но сменивший его на правах регента сын был в ходе парламентских дебатов сильно урезан в правах; в 1789 г. Георг вернулся к власти.
- 700 ... **Вилл Чатем...** – речь идёт об Уильяме Питте (см. примеч. 170); называя его лордом Чатемом, Бёрнс ошибается: Уильям Питт Старший, 1-й граф Чатем, передал титул старшему сыну Джону, а не младшему Уильяму.
- 701 ... **Чарли...** – Ч.Дж. Фокс (см. примеч. 228).
- 702 **Папаша Бёрк как правит дело, / Чтоб шею Гастингсу зудело...** – Э. Бёрк (см. примеч. 535) активно участвовал в процессе по делу Уоррена Га-

стингса (1732 – 1818), генерал-губернатора Индии, обвинявшегося в многочисленных злоупотреблениях. Процесс затянулся на семь с лишним лет (1788 – 1795) и закончился оправданием обвиняемого.

⁷⁰³ ... **Джорджи Уэльс...** – Джордж, принц Уэльский (1762 – 1830), будущий король Георг IV.

⁷⁰⁴ ... **Маклауда...** – Джона Маклауда (? – 1787), сына помещика из Рааси и брата знакомой Бёрнсу дамы, которой и послано было стихотворение.

⁷⁰⁵ ... **Кларинде...** – Агнес Крейг Маклехоуз (1759 – 1841), даме с нелёгкой судьбой (её бросил непутёвый муж). Бёрнс познакомился с Агнес в Эдинбурге в декабре 1787 г.; для обоих это была любовь с первого взгляда. Помимо частых встреч, пара поддерживала страстные романтические отношения, обмениваясь любовными посланиями. Вскоре они решили называть себя «*аркадскими именами*», как выражался Бёрнс: Кларинда и Сильвандр. Брак между ними был, по ряду причин, невозможен, и переписка оборвалась после отъезда Бёрнса из Эдинбурга.

⁷⁰⁶ ... **Феррьер...** – Джейн Феррьер (1767 – 1846), дочери эдинбургского присяжного стряпчего Джеймса Феррьерера и сестре романистки Сьюзен Феррьер; Джейн славилась замечательной красотой и талантом художницы.

⁷⁰⁷ ... **элегии на смерть сэра Дж.Х. Блэра...** – см. примеч. 623.

⁷⁰⁸ ... **с Пинда...** – с горы в Греции, которую связывают с именем поэта Пиндара.

⁷⁰⁹ ... **Дымарь...** – см. примеч. 346.

⁷¹⁰ ... **по Джордж-стрит...** – по улице на тогдашней окраине Эдинбурга, где жил Джеймс Феррьер (см. примеч. 706).

⁷¹¹ ... **Херона...** – Патрика Херона-оф-Керрохтри (1736? – 1803), кандидата партии вигов (см. примеч. 270) на парламентских выборах 1795 г. от округа Стюартри, которого поддерживал Бёрнс.

⁷¹² ... **благородного графа** – Джеймса Каннингема, 14-го графа Гленкерна (1749 – 1791) (см. примеч. 203).

⁷¹³ **«Набросок»** – стихотворение, посвящённое Уильяму Кричу (см. примеч. 345).

⁷¹⁴ ... **шотландский эль...** – см. примеч. 159.

⁷¹⁵ ... **“vive la bagatelle et vive l'amour”**... – здесь этот французский девиз можно вольно перевести как «да здравствуют похождения и любовь!»

⁷¹⁶ ... **Роберту Грэму...** – см. примеч. 486.

⁷¹⁷ ... **миссис Риддел** – Марии Риддел (1772 – 1808), жены беспутного и пустоголового Уолтера Риддела, брата Роберта Риддела из Гленриддела. Миссис Риддел была весьма остроумной, писала стихи; Бёрнс относился к ней с большой теплотой и состоял в переписке.

⁷¹⁸ ... **капитану Ридделу** – Роберту Ридделу (см. примеч. 672).

⁷¹⁹ **Кларинда...** – см. примеч. 705.

⁷²⁰ ... **Сапфо** – иначе Сафо́, древнегреческой поэтессы (см. примеч. 328). Смысл отрывка и его связь с образом героини не вполне ясны. 3-я и 4-я строки совпадают со строками из стихотворения «Приличье тщится зря, увы и ах...» (см.). Ещё с одной цитаты оттуда же начинается 2-я строфа.

⁷²¹ **Затолкан... М[онтгомер]и...** – здесь, с минимальными отличиями, повторены строки из стихотворения «Приличье тщится зря, увы и ах...» (см.). Упомянута, правда, другая дама (возможно, Пегги Монтгомери, одна из муз Бёрнса).

⁷²² **Артемисия...** – Артемисия III Карийская (? – 350 г. до н.э), сестра и жена карийского правителя Мавсола. После смерти мужа правила Карией в течение 2 лет, до своей смерти. Артемисия стала известной в античном мире в основном из-за своей невероятной скорби по умершему супругу и брату Мавсолу. Говорили, что она подмешивала его прах в своё питьё и тем самым понемногу довела себя до смерти.

⁷²³ **Нетерплейса...** – имения Уильяма Кэмпбелла (? – 1786), расположенного между Моссгиллом и Мохлином. Сквайр был под каблуком у жены, урождённой Лилии Нилсон (? – 1826), что сделало пару мишенью для этой и двух предшествующих эпиграмм.

⁷²⁴ **... святоше Вилли** – см. примеч. 237. Одна из «прижизненных» эпитафий, написанных Бёрнсом.

⁷²⁵ **... [Иер 15:10]...** – «Горе мне, мать моя, что ты родила меня человеком, который спорит и ссорится со всею Землёю! Никому не давал я в рост, и мне никто не давал в рост – а все проклинаят меня!»

⁷²⁶ **... в Стёрлинге** – в городке на востоке центральной части Шотландии, административном центре области Стёрлинг, одном из старейших городов и бывшей столице Шотландского королевства.

⁷²⁷ **Влез на престол заморский люд...** – недобрым словом помянута династия ГанOVERов, к которой принадлежал тогдашний король Георг III.

⁷²⁸ **«Самооправдание клеветника»** – клеветником автор иронически называет самого себя (см. примеч. 727, 729). Принадлежность стихотворения перу Бёрнса вызывает у комментаторов сомнения.

⁷²⁹ **... Мэнсфилд...** – Уильям Марри, 1-й граф Мэнсфилд (1705 – 1793), известный судебный деятель и политик, член правительства и с 1783 г. спикер палаты лордов. Порицал стихи, написанные Бёрнсом в Стёрлинге (см. предыдущее стихотворение), чем и заслужил эти строки.

⁷³⁰ **... льву Эзопа...** – в басне «Лев и осёл» лев бил коз, которых осёл гнал на него криком из пещеры. Когда осёл стал затем похвастаться отвагой, лев ответил: «Я бы и сам испугался, кабы не знал, что ты – осёл».

⁷³¹ **... миссис Кэмбл... в роли Ярико...** – в заглавной женской роли девушки-туземки из Вест-Индии, спасшей другого заглавного героя оперы «Инкл и Ярико» (музыка С. Арнольда, либретто Дж. Колмена, 1787 г.) Сведений о миссис Кэмбл обнаружить не удалось.

⁷³² **В могущество жезла...** – библейская аллюзия: Моисей ударил жезлом в скалу и добыл из неё воду [Исх 17:1 – 7].

⁷³³ **... рок Сократа... шум Платона...** – афинский философ Сократ (469?470 – 399 до н.э.) был отравлен цикутой по приговору суда «за развращение молодёжи»; его ученик Платон (427 – 347 до н.э.) оставил потомкам «Апологию Сократа», где описывал смертные муки своего учителя.

⁷³⁴ **... Леонид...** – спартанский царь Леонид (до 520 – 480 до н.э.) пал в знаменитой битве с персами при Фермопилах.

⁷³⁵ **...Катона...** – здесь: Марка Порция Катона Младшего, или Утического (95 – 46 до н.э.), древнеримского политического деятеля, непримиримого противника Цезаря. Катон покончил с собой в осаждённой войсками Цезаря Утике.

⁷³⁶ **... смерть отважного Зимри / И Хазвины объятья...** – библейская аллюзия: Зимри, сын Салу, начальника колена Симеонова, прелюбодействовал в стане израильском с мидианитянкой Хазвой, дочерью Цура, мадиамского

начальника, и был убит вместе с ней копьём Финеаса, сына Елеазара [Чис 25: 6 – 8].

⁷³⁷ **«Церковь и акцизные»** – стихотворение написано в 1793 г.; с 1788 г. Бёрнс сам служил в акцизном ведомстве.

⁷³⁸ **...в Сессионном суде...** – см. примеч. 622.

⁷³⁹ **Лорд-адвокат** – генеральный прокурор по делам Шотландии. В 1787 г., которым датируют стихотворение, им был сэр Айли Кэмпбелл (1743 – 1823); см. о нём примеч. 223.

⁷⁴⁰ **... Эрскин** – Генри Эрскин (1746 – 1817), второй сын 10-го лорда Бьюкена, прославившийся глубокими знаниями в области права, талантом защитника и чувством юмора. Бёрнс иронически сопоставляет его стиль с манерой лорда-адвоката сэра Айли Кэмпбелла (см. примеч. 739), бывшего скверным оратором.

⁷⁴¹ **...Гринок...** – здесь: городок и порт с удобной гаванью на западе равнинной части Шотландии.

⁷⁴² **... отплыть на судне «Нэнси» на Ямайку...** – см. примеч. 284.

⁷⁴³ **... Кеннеди...** – см. примеч. 602.

⁷⁴⁴ **О... Мьюре...** – об Уильяме Мьюре (? – 1793), друге семьи Бёрнсов, владельце мельницы в Тарболтоне, упомянутой в стихотворении «Смерть и доктор Хорнбук».

⁷⁴⁵ **... Никол...** – Уильям Никол (1744 – 1797), выбившийся из низов учитель, окончил теологический и медицинский факультеты Эдинбургского университета, преподавал в колледже, а затем стал владельцем школы. С Бёрнсом его связывала многолетняя дружба.

⁷⁴⁶ **... заводы...** – Карронские железоделательные заводы находились в 3 милях (5 км) южнее Фолкёрка, на берегу залива Фёрт-оф-Форт близ Глазго. В эпоху наполеоновских войн они прославились производством карронад, гладкоствольных корабельных орудий, имевших сравнительно небольшой вес и стрелявших тяжёлыми ядрами с малой скоростью на небольшое расстояние. Впервые их изготовили в 1769 – 1779 гг. на заводе «Каррон», давшем орудиям название, их использовали вплоть до 1860 г.

⁷⁴⁷ **... мисс Дэвис...** – Дебору Дафф Дэвис (? – ?), родственницу Ридделов, хорошенькую миниатюрную девушку, которой Бёрнс посвятил несколько стихотворений и эпиграмм. Эпиграмма написана на стекле таверны в Моффате.

⁷⁴⁸ **... Инверари** – городок в 100 милях (160 км) к северо-западу от Эдинбурга. Бёрнс написал эту эпиграмму на стекле таверны, рассерженный невниманием её владельца: тот был поглощён обслуживанием вечеринки герцога Аргайла и его гостей.

⁷⁴⁹ **«Стихи о праздновании победы Родни»** – тост экспромтом на собрании дамфрисских волонтеров, праздновавших в кабачке «Королевские доспехи» победу адмирала Джорджа Бриджеса Родни (1718 – 1792) над французским флотом у карибского острова Доминика 12 апреля 1792 г. Ввиду невысокого уровня стихов авторство Бёрнса подвергают сомнению.

⁷⁵⁰ **Пусть за конституцию пенится чаша, / Фундамент её – революция наша!** – если Бёрнс имеет в виду буржуазную революцию 1640 – 1660 гг., то он сильно сужает конституционную базу: в действительности её составляет множество актов, начиная с Великой Хартии Вольностей (1215).

⁷⁵¹ **... Смелли...** – Уильям Смелли (1740 – 1795), компаньон Уильяма Крича (см. примеч. 345), издававший стихи Бёрнса, был редактором и активным

автором «Британской энциклопедии», переводил Бюффона, написал «Философию естественной истории», был членом Общества антикваров и Королевского общества в Эдинбурге. Смелли основал упоминаемый в стихотворении клуб «Крокалльские защищённые» (см. примеч. 928).

⁷⁵² **«Извинение за отклонённое приглашение отобедать»** адресовано Джону Сайму (1755 – 1831), дамфрисскому чиновнику, с которым Бёрнс дружил, путешествовал и находил много общего во взглядах. Сайм пригласил поэта в гости, пообещав превосходные общество и стол, на что и получил этот ответ.

⁷⁵³ ... **Джону Сайму из Райдейла** – см. примеч. 752. Райдейл-коттедж – дамфрисский адрес Сайма.

⁷⁵⁴ ... **Макмёрдоу, эсквайру из Драмланрига** – Джону Макмёрдоу (см. примеч. 510).

⁷⁵⁵ ... **Геликон...** – см. примеч. 32.

⁷⁵⁶ ... **Джесси Льюерс** – см. примеч. 693.

⁷⁵⁷ ... **Максвеллу** – доктору медицины Уильяму Максвеллу (1760 – 1834), учившемуся во Франции и успешно практиковавшему в Дамфрисе.

⁷⁵⁸ ... **Стэйг** – мисс Джесси Стейг (1775 – 1801), дочери мэра Дамфриса (см. примеч. 516).

⁷⁵⁹ ... **в церкви Лэмингтона** – Лэмингтонского прихода в графстве Ланаркшир, расположенном в центре равнинной части Шотландии.

⁷⁶⁰ ... **Мор** – Ханна Мор (1745 – 1833), писательницы и драматурга.

⁷⁶¹ ... **на Ирвине...** – см. примеч. 114.

⁷⁶² **«Торжественная лига и ковенант»** – см. примеч. 525.

⁷⁶³ ... **Сайма** – см. примеч. 752.

⁷⁶⁴ ... **в приюте Фрайерс-Кэрс** – см. примеч. 383.

⁷⁶⁵ ... **Роберта Риддела** – см. примеч. 672.

⁷⁶⁶ **«Бёрнс – экспромтом»** – «Преданные уроженцы», члены консервативного клуба «в поддержку законов и конституции страны», основанного в январе 1793 г., передали за стол Бёрнса на пирушке стихи, вынесенные здесь в эпиграф. Поэт написал ответ на обороте листка.

⁷⁶⁷ ... **Сайм... Максвелл... Крейкен... Вилли-торговец...** – упомянуты друзья Бёрнса Джон Сайм (см. примеч. 752) и Уильям Максвелл (см. примеч. 757); сведений о стряпчем Крейкене не сохранилось. Вилли-торговец – премьер-министр Уильям Питт (см. примеч. 170).

⁷⁶⁸ ... **миссис Уолтер Риддел** – см. примеч. 717. Как видим, от барда доставалось и добрым знакомым.

⁷⁶⁹ ... **Морин...** – Джон Морин (? – ?), помещик из Лэггана, находившегося рядом с Эллислендом, выкупил эллислендскую ферму, когда Бёрнс переезжал в Дамфрис. На окнах фермы сохранились стихи Бёрнса, и тот, рассердившись на Морина в день отъезда, велел вынуть и сохранить все стёкла с автографами. Джон Сайм приводит эту эпigramму в описании их с Бёрнсом путешествия по Галлоуэю.

⁷⁷⁰ ... **Рослина...** – мидлоттианской деревни, прославившейся своей часовней. Стихотворение написано на деревянной тарелке.

⁷⁷¹ ... **Макмёрдоу...** – см. примеч. 510.

⁷⁷² **«Даме»** – стихи, посвящённые мисс Рейчел Эйнсли (1768 – ?), сестре Роберта Эйнсли, с которым Бёрнс путешествовал вдоль англо-шотландской границы.

⁷⁷³ ... **у Селкёрка...** – неясно, у Данбара Дагласа, 4-го графа Селкёрка (1722 – 1799), или у его сына Томаса Дагласа, 5-го графа Селкёрка (1771 – 1820).

Стихи приписывают Бёрнсу, однако строфа ходила в XVII в. и связывалась то с лордом Галлоуэем, то с ковенанторами.

⁷⁷⁴ **«Элегия кобыле Вилли Никола»** – Бёрнс взялся подкормить и продать в Дамфрисе кобылу друга (см. примеч. 745), а когда та околела, вложил в письмо владельцу Пэг эту элегию. В кличке – намёк на фамилию владельца и аллюзия на имя Маргарет (Пэг) Николсон, покушавшейся в 1786 г. на жизнь Георга III.

⁷⁷⁵ **... унёс бедняжку Нит, / Хлебнувший кэрнских вод.** – на реке Нит, в 7 милях от Дамфриса, находился Элленленд, где у Бёрнса была ферма; речушка Кэрн впадала в Нит у Линклудена, 4-мя милями (6,5 км) ниже.

⁷⁷⁶ **... в Уонлокхёде** – в деревне у перевала Мэннок, самой высокогорной в Шотландии (467 м над уровнем моря), которую поэт уподобляет Парнасу. Стихи обращены к Джону Тейлору (? – ?), несомненно, влиятельному уонлокхедцу. Морозным днём Бёрнс подъехал к сельской кузнице, где кузнец не стал ставить шипы на подковы его лошади, сказавшись занятым. Когда Бёрнс послал Тейлору на клочке бумаги эти стихи, тот вмешался и всё уладил.

⁷⁷⁷ **Ты влез – я крошку потерял...** – речь идёт о Джин Армор, на которой Бёрнс смог жениться только в 1788 г. Летом 1786 г., когда написано стихотворение, она была беременна от Бёрнса, но родители не давали согласия на брак с поэтом, упирая, в основном, на его безденежье.

⁷⁷⁸ **... бросаю милый брег...** – см. примеч. 284.

⁷⁷⁹ **... капитану Уильяму Роддёрку из Корбистона** – сведений об адресате обнаружить не удалось.

⁷⁸⁰ **... Ранкину...** – см. примеч. 388. Здесь тема развита заметно короче, чем в «Послании Джону Ранкину» (см.).

⁷⁸¹ **... Ранкину...** – см. примеч. 388.

⁷⁸² **... комиссара Голди** – см. примеч. 437. Комиссар (здесь) – официальный представитель епископа.

⁷⁸³ **... Браунхилла** – местечка в графстве Абердиншир на северо-востоке Шотландии. Бэкон – фамилия хозяина таверны (видимо, довольно назойливого) – созвучна слову «бекон», что и дало повод к каламбуру.

⁷⁸⁴ **... на Марию Риддел** – см. примеч. 717.

⁷⁸⁵ **... Хлорис** – см. примеч. 692.

⁷⁸⁶ **... Маккензи...** – доктору Джону Маккензи (? – 1837), практиковавшему в Мохлине, доброму другу Бёрнса. Маккензи был заместителем магистра масонской ложи в Тарболтоне.

⁷⁸⁷ **... Достопочтенный...** – здесь: сэр Джон Уайтфурд (см. примеч. 141); двумя строчками ниже магистр тарболтонских масонов фамильярно назван Джони.

⁷⁸⁸ **Вкусить из Мэнсоновых бочек...** – в таверне Джеймса Мэнсона (? – ?) собрания масонов проходили с 1784 г., а сам Мэнсон с 1774 г. был казначеем ложи.

⁷⁸⁹ **... год 5790 от сотворения мира** – см. примеч. 596.

⁷⁹⁰ **Над Ником...** – см. примеч. 10.

⁷⁹¹ **... Стюарт Вилли...** – Уильям Стюарт (1749? – 1812), сын кабатчика из Клоузбёрна, до встречи с Бёрнсом сумевший стать управляющим в имении священника под Линкольнширом. Служа в акцизе, Бёрнс часто виделся с ним, а это стихотворение выцарапал на хрустальном бокале, каковой впоследствии выкупил Вальтер Скотт; ныне раритет хранится в Эбботсфорде.

- ⁷⁹² ... **Крукшенка...** – Уильяма Крукшенка (см. примеч. 688). Стихи, написанные в 1787 г., стали одной из «прижизненных эпитафий».
- ⁷⁹³ **Мария...** – Мария Риддел (см. примеч. 717).
- ⁷⁹⁴ «**Благодарность за национальную победу**» – стихотворение, оставившее загадку: о какой победе речь? Комментаторы склоняются к победе английского адмирала Ричарда, 1-го графа Хоува (1726 – 1799) при Уэссане (1794), но стихи датированы 1793 г. Скорее, сомнительна датировка, ибо «подходящих» баталий в 1793 г. не было.
- ⁷⁹⁵ «**Ответ в стихах на приглашение**» – адресат стихотворения неизвестен.
- ⁷⁹⁶ ... **Каннингему...** – Александру Каннингему (? – 1812), эдинбургскому юристу, с которым Бёрнса связывала многолетняя тёплая дружба.
- ⁷⁹⁷ ...«**Бог есть любовь**»... – библейская аллюзия: «Бог есть Любовь, и пребывающий в Любви пребывает в Боге, и Бог – в нём» [1Ин 4:16].
- ⁷⁹⁸ ... **Анна...** – Анна Стюарт (? – ?), в которую был влюблён А. Каннингем, вышла замуж не за него, а за эдинбургского хирурга Ф. Дьюара.
- ⁷⁹⁹ ... **Хислоп Вилли...** – кто такой Уильям Хислоп, выяснить не удалось.
- ⁸⁰⁰ ... **Бёртон...** – кто это, выяснить не удалось.
- ⁸⁰¹ ... **Тёрнера** – Эндрю Тёрнера (1749 – ?), англичанина, хлыщ-коммивояжёра, мнившего себя поэтом, который пытался покровительствовать «пахарю» за бутылкой в дамфрисских «Королевских доспехах». Друзья, которых Тёрнер успел рассорить, показали Бёрнсу вирши «коммерсанта», и поэт немедленно откликнулся этой «прижизненной эпитафией», зацепившись за дату рождения героя.
- ⁸⁰² ... **Грейси** – Джеймса Грейси (1756? – 1814), банковского клерка в Дамфрисе, близкого друга Бёрнса. Поэт поздравляет Грейси с избранием старейшиной дамфрисской гильдии; пост магистрата (судьи) Грейси занимал 20 лет.
- ⁸⁰³ ... **Скотт** – Джин (Джини) Скотт (? – ?), дочке почтаря из Экклфехана, которой Бёрнс увлёкся, когда снегопад запер его в этой «несчастной, мерзкой деревушке». Строки, говорят, были написаны на оконном стекле «для мисс Джин Скотт из Эйра».
- ⁸⁰⁴ ... **на Фрэнсиса Гроуза...** – см. примеч. 1, 320.
- ⁸⁰⁵ ... **до Ника...** – см. примеч. 10.
- ⁸⁰⁶ «**На Элфинстонов перевод эпиграмм Марциала**» – Джеймс Элфинстон (1721 – 1809) перевёл эпиграммы родоначальника этого жанра (в нашем понимании) Марка Валерия Марциала (40? – 104?), выхолостив их суть и убрав все «пряные» места.
- ⁸⁰⁷ ... **от капитана Риддела** – см. примеч. 672.
- ⁸⁰⁸ ... **с Джорди...** – с королём Георгом III.
- ⁸⁰⁹ ... **Кардонесс...** – Дэвид Максвелл-оф-Кардонесс (? – 1825), помещик из графства Кёркубришир, с 1804 г. баронет, которого Бёрнс характеризовал как «упрямого и жадного тупицу».
- ⁸¹⁰ ... **Кардонесс...** – см. примеч. 809.
- ⁸¹¹ ... **Галлоуэя** – здесь: Джона Стюарта, 7-го графа Галлоуэя (1736 – 1806), пэра Шотландии, сторонника партии тори, с 1783 г. до конца жизни бывшего камергером Георга III.
- ⁸¹² ... **римская дорога...** – многие дороги Британии проложены ещё в эпоху римского владычества.
- ⁸¹³ ... **Джону Ранкину** – см. примеч. 388. Написанное в 1784 г. стихотворение дополнило строй «прижизненных эпитафий».

- ⁸¹⁴ **От звёздных туш (подвязки нет ли?)...** – от знати с орденами в виде звёзд, а то и с высшим британским Орденом Подвязки.
- ⁸¹⁵ ... **Адамхилла...** – см. примеч. 388.
- ⁸¹⁶ ... **Бейбингтона** – предположительно, преп. Уильяма Бейбингтона (1741 – 1818), дамфрисского священника.
- ⁸¹⁷ ... **Мичи** – Эбенезеру Мичи (1766 – 1812), с которым поэта познакомил Уильям Никол (см. примеч. 745). После проведённого втроем вечера Мичи уснул, что и стало поводом к этим строчкам.
- ⁸¹⁸ ... **Нико́лу** – см. примеч. 745. «Хай скул» («Высшая школа») – заведение, которым владел и где преподавал Никол.
- ⁸¹⁹ ... **«хороши / И промахи, копь чист он с ними весь»** – в оригинале "ev'n his failings lean'd to virtue's side", цитата из поэмы «Покинутая деревня» О. Голдсмита (см. примеч. 37).
- ⁸²⁰ ... **Даву** – мохлинскому трактирщику Даву (см. примеч. 603).
- ⁸²¹ ... **Басби...** – Джона Басби (? – 1802), дамфрисского юриста, банкира и помещика, владельца дома в Тинуолд-даунс. Сведения о взаимоотношениях Басби с Бёрнсом противоречивы.
- ⁸²² ... **Смиту** – Джеймсу Смиту (см. примеч. 452).
- ⁸²³ ... **Ридделу** – Уолтеру Ридделу (1764 – 1802). См. также примеч. 717.
- ⁸²⁴ ... **Уот...** – уменьшительное от Уолтер.
- ⁸²⁵ ... **Ричардсону** – Гэбриэлу Ричардсону (1759 – 1820), почтенному дамфрисскому пивовару, ставшему в 1801 г. мэром городка. Он добился установления справедливой цены на своё пиво, и Бёрнс оставил эти стихи на стеклянном пивном бокале, хранившемся в семье Ричардсона.
- ⁸²⁶ ... **Хэмилтону...** – см. примеч. 239.
- ⁸²⁷ ... **Эйкену** – см. примеч. 58.
- ⁸²⁸ ... **Худа-старшего...** – Уильяма Худа (? – ?), сапожника и приходского старосту в Тарболтоне.
- ⁸²⁹ **His Jacet...** – «Здесь покоится» (лат.); традиционный зачин надгробной надписи.
- ⁸³⁰ ... **Джейми...** – возможно, Джеймс Хэмфри (1755 – 1884), мохлинский каменщик, работавший также в Лохли и Моссгиле. Не лишённый образования и красноречия, он нередко затевал шумные споры, в том числе с Бёрнсом.
- ⁸³¹ ... **Грива...** – Джеймса Грива (? – ?), чьё тарболтонское поместье Богхед находилось западнее Лохли, фермы Бёрнса.
- ⁸³² ... **Морисон** – Мэри Морисон (1771 – 1791), как гласит надпись на её памятнике в Мохлине, была дочерью адъютанта 104-го полка Джона Морисона; предположительно её считают «красоткой Мэри» Бёрнса. По местным преданиям, Мэри встречалась с поэтом лишь однажды. Есть, однако, мнение, что стихотворение посвящено Элисон Бегби: Бёрнс относил его к «юношеским сочинениям», что навряд ли приложимо к 1784 – 1785 гг., когда Мэри было всего около четырнадцати.
- ⁸³³ **«Моя любовь, как роз багрец...»** – стихотворение, прочно опирающееся на народную балладу; комментаторы находят соответствие почти каждой строке.
- ⁸³⁴ ... **Афтон** – Афтон-уотер, малая река в Эйршире, текущая на север с вершины Олуот-хилл и впадающая в Нит (см. примеч. 383) у Нью-Камнока.
- ⁸³⁵ ... **Мэри...** – комментаторы считают образ героини обобщённым.

- ⁸³⁶ ... **Клинтух...** – голубь (лат. *Columba oenas*), близкий родственник городского сизого голубя, но в отличие от него отдающий предпочтение светлым лесам и старым паркам.
- ⁸³⁷ **Тревожить не смейте любимой покой...** – библейская аллюзия: «...не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно!» [*Песнь 2:3, 3:5, 8:4*].
- ⁸³⁸ ... **Лит...** – в прошлом небольшой портовый город в Шотландии, с 1920 г. – северный район и порт Эдинбурга.
- ⁸³⁹ ... **Ферри...** – городок Куинсферри к северу от Эдинбурга.
- ⁸⁴⁰ ... **Бёрвик Ло...** – Норт-Бёрвик Ло, конический холм высотой 187 м над уровнем моря, который неожиданно поднимается из окружающего ландшафта. С вершины открывается вид на город Норт-Бёрвик (область Восточный Лотиан), лежащий на южном побережье залива Фёрт-оф-Форт у выхода в Северное море.
- ⁸⁴¹ **«Горянка Мэри»** – стихотворение, посвящённое возлюбленной Бёрнса Мэри Кэмпбелл (1763 – 1786), оставившей глубокий след в душе поэта. Полагают, что Мэри умерла от тифа, будучи беременной от Бёрнса.
- ⁸⁴² ... **Монтгомери опоры...** – принадлежавшего семье Монтгомери замка Койлфилд-хаус, расположенного южнее Тарболтона.
- ⁸⁴³ **«Мэри на Небесах»** – стихотворение, развивающее тему предыдущего.
- ⁸⁴⁴ ... **Эйр...** – см. примеч. 281.
- ⁸⁴⁵ **«О Нэни, о»** – сведения о лирической героине разнятся, иногда её образ считают обобщением. Однако брат поэта Гилберт писал: «...это, возможно, Агнес Флемминг, дочь фермера из Тарболтона». По другой версии, стихи предназначались Агнес Шерифф, девушке из Килмарнока.
- ⁸⁴⁶ ... **Лугар...** – см. примеч. 100. Бёрнс несколько раз менял название реки, добиваясь аллитерации.
- ⁸⁴⁷ **«Поцелуй – за ним разлука...»** – последняя песня, обращённая к Кларинде (см. примеч. 705), написана в 1791 г. В отношении четырёх завершающих строк В.Скотт писал: «...они содержат сущность тысячи любовных историй и, более того, это стихотворение стоит тысячи романсов».
- ⁸⁴⁸ **«Берега Дуна» {1}** – о Дуне см. примеч. 156. Полагают, что монолог навеян действительной историей: девушку из Каррика соблазнил сын богатого лэрда из Уигтоншира; родив от него ребёнка, несчастная вскоре умерла от горя. Этот (поздний) вариант стихотворения (1791) звучит медленнее и торжественнее, чем следующий за ним ранний (1787).
- ⁸⁴⁹ **«Берега Дуна» {2}** – см. примеч. 848.
- ⁸⁵⁰ **«Пусть ветер дует хоть какой...»** – стихотворение написано во время разлуки поэта с женой, пришедшейся на их медовый месяц: Роберт готовил семейное гнездо в Эллисленде, а Джин находилась в Моссгиле.
- ⁸⁵¹ ... **Кайл...** – см. примеч. 83. Бёрнс родился в Аллоуэе, близ Эйра, то есть именно в Кайле.
- ⁸⁵² **Монарха предпоследний год... январь ревёт...** – Георг II (Георг Август) скончался в 1760 г., а Бёрнс родился 25 января 1759 г.
- ⁸⁵³ **«Камыш зелёный...» {1}** – стихотворение, занесённое в «Записную книжку» в 1784 г., Бёрнс сопровождал рассуждением: *«Разве настрой ума и дела человека вроде лирического героя песни, того, кто способен часами размышлять над Оссианом, Шекспиром, Томсоном, Стерном, а в иное время бродить с ружьём, играть на скрипке, слагать песни, ни на миг не забывая о любимой... менее отвечают нормам морали и добродетели, чем...*

погоня за богатством и почестями?» Перед нами манифест автора, уверенного, что «весёлый» мужской тип не хуже «серьёзного».

⁸⁵⁴ **Мудрейший в целом мире мог / Любить нежнейше милых...** – отсылка к образу ветхозаветного мудреца и сластолюбца царя Соломона.

⁸⁵⁵ **Природы труд, клянусь, нехуд...** – последняя строфа перелагает в стихи фразу из анонимного сочинения «Превратности Купидона» (1607): «Мужчина был создан, когда Природа ходила в подмастерьях, а женщина – когда она стала умелой мастерицей своего дела».

⁸⁵⁶ **«Но люди – мы, при этом...»** – посылая эту песню поэту Томсону, Бёрнс писал: *«Великий знаток песен Эйкен считает, что в них следует ограничиться любовью и вином. Посылаемое не содержит ни того, ни другого, так что, в строгом смысле, это не песня. Думаю однако, что не повредит положить на стихи две-три достойные мысли в прозе»*.

⁸⁵⁷ **«Былые дни»** – самое, пожалуй, известное произведение Бёрнса. Представляет собой обработку различных вариантов народной песни, но именно под пером поэта “Auld lang syne” стала одной из самых популярных в Шотландии, Англии, а затем во всех англоязычных странах – где её, к слову, обычно поют «на шотландском наречии».

⁸⁵⁸ **«Поход Роберта Брюса на Бэннокбёрн»** – песня-монолог Роберта I Брюса (1274 – 1329), короля Шотландии (1306 – 1329), организатора обороны страны в начале войны за независимость от Англии, основателя династии Брюсов. В битве при Бэннокбёрне (1314) войска Брюса наголову разбили армию английского короля Эдуарда II (1284 – 1327); победа обеспечила освобождение Шотландии от английской оккупации и восстановила её независимость. В 1793 г., когда появилось песня, свежи были в памяти картины шотландского восстания (1745), и англичане могли счесть строки Бёрнса мятежными.

⁸⁵⁹ **... за Уоллеса...** – см. примеч. 68.

⁸⁶⁰ **... Макферсона** – Джеймса (Джеми) Макферсона (? – 1700), грабителя, сына цыганки и шотландского дворянина (Бёрнс состоял с ним в дальнем родстве). Цыганская шайка Макферсона держала в страхе графства Абердин, Банф и Морэй на северо-востоке Шотландии. Джеми отличался могучей силой и превосходно играл на скрипке. Выданный сообщниками, был судим и повешен в Банфе в ноябре 1700 г. Перед казнью, согласно последнему желанию, Макферсон сыграл на скрипке мелодию собственного сочинения, известную как «Плач Макферсона», и станцевал шотландский танец, а затем предложил скрипку в подарок тому, кто согласится сыграть потом эту же мелодию над его могилой. Поскольку желающих не нашлось, он разбил инструмент и передал себя в руки палача.

⁸⁶¹ **... Галла-уотер** (Гала-уотер, Гала) – река на юге Шотландии, приток Твида. Кроме того Гала – сокращённое название Галашилза, городка в графстве Селкёркшир близ англо-шотландской границы; герой песни именно оттуда.

⁸⁶² **... На склонах Ярроу... в Ярроу, в Эттрике лесном...** – в первом случае речь идёт о реке Ярроу-уотер в Селкёркшире (см. примеч. 428), во втором упомянуты два городка, причём Ярроу лежит на реке Эттрик-уотер (см. примеч. 354), а Эттрик вообще в стороне от воды. Здесь та же игра слов, что в заглавии.

⁸⁶³ **... Клаудена вода...** – реки Клауден (Клауден-уотер, в современном звучании Кладен), притока, впадающего в Нит (см. примеч. 383) у Дамфриса.

⁸⁶⁴ **Башни Клаудена...** – «древние руины в дивном месте у слияния Клаудена с Нитом».

⁸⁶⁵ **... в темпе рила...** – см. примеч. 344.

⁸⁶⁶ **«Берёзки Эберфелди»** – песня с похожим названием, «Берёзы Эбергелди» (в честь городка в Абердиншире) дала мотив и стала поводом для этой, сочинённой во время поездки Бёрнса по горной Шотландии. Эберфелди – городок в графстве Пертшир, лежащий на реке Тэй (см. примеч. 427); её холмистые берега поросли тисом и берёзой.

⁸⁶⁷ **«Будь ты под ветром, злее нет...»** – песня, посвящённая Джесси Льюерс (см. примеч. 693).

⁸⁶⁸ **«Я сердцем в горах...»** – обработка одноимённой народной песни. Бёрнс писал: «Первые две строчки – народные, далее текст мой».

⁸⁶⁹ **... Эйлса-крэг...** – огромный утёс в заливе Фёрт-оф-Клайд у побережья Эйршира, высотой около 380 м и периметром на уровне моря около 2 км.

⁸⁷⁰ **Время, Рок не сбить с пути...** – аллюзия на пословицы “Time and fortune stay for no man”, “Time and tide wait no man” («Время и удача (время и прилив) никого не ждут»).

⁸⁷¹ **Простил бы бедности, но та / У Джини не в почёте...** – аллюзия на жизненные обстоятельства поэта (см. примеч. 777).

⁸⁷² **Батрацкой доле нет цены...** – в другом варианте песни упомянут не батрак (cotter), а дикарь-индеец (wild-wood Indian), что, возможно, перекликалось с планами Бёрнса уехать в Вест-Индию (см. примеч. 284).

⁸⁷³ **... Девона** – реки в Глен Девоне, графство Клакманнашир. Девон течёт, извиваясь, с холмов Окил-хиллз и впадает в реку Форт близ Эллоу. В 1787 г. Бёрнс посетил девонский городок Харвистон, где сочинил эту песню, вдохновлённый красотой Шарлотты Хэмилтон (1763 – 1806), родственницы Гэвина Хэмилтона из Эйра (см. примеч. 239), вместе с которой осматривал водопады возле Крук-оф-Девон.

⁸⁷⁴ **... на Эйре...** – здесь: на реке Эйр (см. примеч. 281), на берегу которой расположен город Эйр, родина мисс Хэмилтон (см. примеч. 873).

⁸⁷⁵ **Бурбон пусть ликует над золотом лилий, / Цвет розы пунцовой для Англии мил...** – лилия как эмблема династии Бурбонов ведёт начало с трёх золотых лилий на белом знамени Людовика VII (1120 – 1180) во втором крестовом походе (1146 – 1149). Красная роза с белыми тычинками объединяет символику двух родов, Йорков (белая роза) и Ланкастеров (красная роза), сражавшихся за власть в Тридцатилетней войне (1455 – 1485). Победили Ланкастеры, и красная роза стала символом Англии.

⁸⁷⁶ **«Среди ячменной нивы»** – песня, название которой (“The Rigs of Barley”) в точности непереводимо. Шотландские rigs (гребни) представляли часть системы осушения, сохранившейся с незапамятных времён. Высокие (до 90 см) гребни были разделены бороздами, куда стекала лишняя влага; поле выглядело складчатым. Пожалуй, между гребнями влюблённым было уютнее, чем в открытом поле...

⁸⁷⁷ **... Ламмас...** – 1 августа; кварталный день (quarter-day) в Шотландии; первоначально праздник урожая.

⁸⁷⁸ **... Энни...** – предположительно, упомянута Анна Ранкин (1759 – 1843), младшая дочь Джона Ранкина (см. примеч. 388), вышедшая в том же 1782 г., когда появилась песня, за Джона Мэрри, кабатчика в Камноке. Бёрнс останавливался в их таверне в 1786 г., близость поэта с Анной сомнительна (несмотря на доброе знакомство, подарки и пр.); возможно, что

всю историю Мэрри использовали для рекламы своего заведения. В памяти земляков сохранились имена двух других Анн, Роналд и Блэр, которым приписывали встречу с поэтом в ячменном поле.

879 **...в самый Гринок... на Ямайку...** – см. примеч. 741, 284.

880 **... душу давит пут юдоль...** – относительно личных обстоятельств, на фоне которых Бёрнс собирался отплыть в Вест-Индию, см. примеч. 558, 777.

881 **... Койлы...** – см. примеч. 83.

882 **... с братьями по ложе Сент-Джеймс в Тарболтоне** – о масонстве Бёрнса см. примеч. 157, 284. Песня сочинена по случаю предполагаемого отъезда поэта в Вест-Индию (см. примеч. 284).

883 **... уж мяч летит...** – аллегория связывает поиск удачи с ловлей мяча в старинной шотландской игре, похожей на регби, – «бо» (ba' = ball = мяч).

884 **Сынами Света...** – так иносказательно именовали масонов; по легенде, название восходит ко временам строительства Египетских пирамид и Храма Царя Соломона.

885 **... Мастер...** – третья степень в масонской иерархии (после Ученика и Подмастерья).

886 **Всевидающего Ока...** – масонского символа: глаза, помещённого в треугольник («Лазурную Дельту»).

887 **Великий Архитектор...** – Бог, понимаемый масонами как единое высшее божество, не связанное напрямую ни с одной из мировых религий.

888 **... по отвесу...** – отвес, наряду с мастерком, циркулем и фартуком, входит в число атрибутов масонского ритуала.

889 **... с Бэллокмайлом** – здесь: с районом Эйршира близ Мохлина (см. примеч. 72). Бёрнс говорил, что написал это стихотворение, когда сэр Джон Уайтфурд (см. примеч. 141), партнёр в банковском деле «Даглас, Херон и Ко», потерпел неудачу: банк разорился в 1772 г.

890 **... Кэтрина...** – здесь: городка в приходе Сорн, на берегу реки Эйр, примерно в 4 км от Мохлина.

891 **... Мария...** – дочь сэра Джона Уайтфурда Мэри-Энн (? – 1805).

892 **... Тибби...** – как утверждала сестра поэта Изабелла, в замужестве миссис Бэгг (1771 – 1858), в сочинении восемнадцатилетнего Бёрнса речь идёт об Изабелле Стиен (? – ?) с фермы Литахилл в деревне Лохли, где Бёрнсы в ту пору жили.

893 **Я, возвращаясь... не задет...** – эта строфа в некоторых изданиях отсутствует.

894 **... жёлтой грязи...** – сравнение золота с грязью характерно для английской поэзии XVII – XVIII вв.

895 **... марок...** – см. примеч. 271.

896 **... дня Валентина...** – праздника Святого Валентина, покровителя влюблённых, отмечаемого 14 февраля.

897 **Рукав смочен в ночь Хэллоуина...** – об этом гадании в канун Дня всех святых (31 октября) см. примеч. 36, 54.

898 **Проснулась...** – засыпать-то героине, как следует из примеч. 54, как раз не следовало.

899 **... Ярроу... эйрской... Нит...** – см. примеч. 428, 429, 383.

900 **«Мэг с мельницы» {1}** – здесь авторство Бёрнса спорно; возможно, он просто отредактировал народную песню.

- ⁹⁰¹ **«Мэг с мельницы» {2}** продолжает рассказ о замужестве Мэг с мельницы, и уж точно принадлежит Бёрнсу, писавшему: *«Моя песня “Ken you what Meg...” так мне нравится, что не могу без отвращения и пробовать написать другие слова на этот мотив»*.
- ⁹⁰² **А знаешь, Мэг с мельницы как уложили?** – В Шотландии той поры принято было укладывать молодых на брачное ложе мертвецки пьяными.
- ⁹⁰³ **Кларинда...** – см. примеч. 705.
- ⁹⁰⁴ **... Сильвандр...** – см. примеч. 705.
- ⁹⁰⁵ **... Кёнмур...** – Уильям Гордон, 6-й виконт Кенмур и лорд Лохинвар (1672? – 1716), якобит, активный сторонник изгнанных Стюартов, возглавивший шотландскую знать, недовольную Унией (1707). Будучи, преимущественно, политиком и не имея военного опыта, он возглавил силы якобитов на юге Шотландии и повёл к англо-шотландской границе полторы сотни всадников; затем, соединившись с повстанцами Нортумберленда, продолжил поход на Англию. Лорд Кенмур попал в плен на баррикадах Престона (Престонпэнса), был доставлен в Лондон, подвергнут пыткам, признан виновным и обезглавлен.
- ⁹⁰⁶ **... Галлоуэй...** – здесь: графство на северо-западе Шотландии.
- ⁹⁰⁷ **... виг...** – здесь: собирательный образ шотландских пуритан, во время Английской революции боровшихся против короля и епископальной церкви, а впоследствии ставших противниками якобитов.
- ⁹⁰⁸ **... Гордон...** – родовая фамилия Кенмуров (см. примеч. 905).
- ⁹⁰⁹ **Нет краше белых роз...** – возможно, белые розы упомянуты в противовес английским красным (см. примеч. 875).
- ⁹¹⁰ **«Августовская песня»**, написанная в 1786 г., относится к числу самых первых сочинений Бёрнса. В ней сильны мотивы подражания А. Поупу и Дж. Томсону, чьи стихи входили в круг чтения юного автора.
- ⁹¹¹ **... Пэгги...** – возможно, Маргарет Томпсон (? – ?), девушка из деревушки Кёрксуолд, юношеское увлечение Бёрнса; поэт встречался с ней и позже, в середине 80-х. В автобиографическом письме Бёрнс называл Пэгги *«преlestной Fillette [девочкой (фр.)], которая жила рядом со школой, отвлекала меня от тригонометрии и уводила по касательной от сферы учёбы»*.
- ⁹¹² **«Пью за здравие милой моей...»** – песня, посвящённая Джесси Льюерс (см. примеч. 693).
- ⁹¹³ **... Кри...** – реки на юго-западе Шотландии, впадающей в залив Солуэй-фёрт.
- ⁹¹⁴ **... Марии...** – о прототипе героини узнать не удалось; возможно, образ её собирательный.
- ⁹¹⁵ **... Логана** – небольшой эйрширской речки Логан-уотер, притока более крупной Укоп-уотер, впадающей, в свою очередь, в Эск – а уж тот несёт воды в залив Солуэй-фёрт.
- ⁹¹⁶ **... Вилли...** – образ героя, скорее всего, собирательный.
- ⁹¹⁷ **... к милой Джин...** – явно не к Джин Армор (см. примеч. 113): песня написана в 1795 г., и давно женатому Бёрнсу оставалось жить меньше года. Возможно, образ собирательный.
- ⁹¹⁸ **... Пэгги Элисон** – брат поэта Гилберт считал, что прототипом героини послужила Элисон Бегби (? – ?); современные исследователи считают, что на самом деле это была Элизабет Джебби (1762 – 1823). Гилберт Бёрнс считал также, что та же девушка воспета под именем Мэри Морисон (см. примеч. 832).

⁹¹⁹ **Вилли...** – Уильям Никол (см. примеч. 745). Песня посвящена пирушке, состоявшейся в августе – сентябре 1789 г. между Моффатом (городком в области Дамфрис и Галлоуэй), где жил тогда Никол, и верховьями проточного озера Лох-оф-дэ-Лоуз («озера огоньков»).

⁹²⁰ **... Роб и Аллан...** – сам Бёрнс и Аллан Мастертон (? – 1799), учитель чиstopисания и композитор-любитель, написавший мелодии ко многим песням Бёрнса, включая эту. Поэт писал о нём как о «*достойнейшем из живущих на свете, человеке поистине гениальном*».

⁹²¹ **... на скамью сел в первый ряд...** – в шотландской церкви на «короткую скамью» (cutty stool), стоявшую на виду у всей паствы, священник сажал совершивших проступок против нравственности или иной, не подлежавший судебному преследованию. Герои Бёрнса, да и он сам знали это место не понаслышке (см. примеч. 24 и «Ответ на послание с выговором, полученное от портного»).

⁹²² **«В заботах покой»... Чёрное вечно носил...** – Эдуард Юнг (1683 – 1765), в современном написании Эдвард Янг, английский поэт, прозаик и драматург, автор «Ночных дум о жизни, смерти и бессмертии, в девяти ночах» (1742 – 1745). В оригинале цитируется часть строки: "Life's cares are comforts; such by Heav'n design'd" (Night II, line 160), которую можно перевести как «В заботах покой наш, творенье Небес». Юнг был юристом, а ближе к пятидесяти принял духовный сан; отсюда его приверженность чёрному цвету в одежде.

⁹²³ **... пьян, как лорд...** – устойчивая шотландская идиома. Следующая строфа почти полностью совпадает с текстом стихотворения «Моя бутылка» (см.).

⁹²⁴ **... кларету...** – красного сухого вина.

⁹²⁵ **... варим пиво мы...** – в 1707 г. был провозглашена Уния, согласно которой образовалось Соединенное Королевство. Шотландские пивовары не упустили представившейся возможности освоить новые рынки: на то время в Шотландии был довольно низкий налог на алкогольную продукцию, что давало большие преимущества. Однако платить даже эту малость они, как видим, не хотели, подтверждая миф о шотландской скупости.

⁹²⁶ **Рил... хорнпайп, стратспей...** – см. примеч. 9.

⁹²⁷ **... Вилли...** – песня посвящена Уильяму Данбару (? – 1807), эдинбургскому присяжному стряпчему и главе пиршественного клуба «Крокалланские защищённые» ("Crochallan Fencibles", см. примеч. 928). Бёрнсу нравился шумноватый юмор Данбара; сведения о герое старинной шотландской песни, взятой поэтом за основу, противоречивы.

⁹²⁸ **... к «крокалланам»...** – в клуб «Крокалланские защищённые» (см. примеч. 927), название которого имело два корня. Дэниел Даглас, в чьей таверне заседал клуб, вечно распевал гэльскую песню "Crodh Chailein" («Стадо Колина»), отсюда первая половина названия. Вторая связана с набором добровольцев на американскую Войну за независимость (1775 – 1783). Острые, включая основателя клуба Уильяма Смелли (см. примеч. 751), дали не рвавшимся в бой собутыльникам прозвище Fencibles (шотл. «защищённые»), присвоив шутовские военные чины; «полковник» Данбар выполнял в клубе обязанности председателя.

⁹²⁹ **«К нам влезть грозит спесивый галл?»** – формально Франция находилась в состоянии войны с Англией с 1793 г. и угрожала ей близящимся вторжением вплоть до 1789г. В 1795 г., когда было написано стихотворение, англичане высадили десант в Кибероне, чтобы поддержать француз-

ских роялистов, но потерпели поражение в сражении с войсками Директории.

⁹³⁰ ... **Криффел в Солвей занырнёт...** – господствующий над окрестностями Дамфриса холм Криффел (504 м) погрузится в залив Солвэй-фёрт, вблизи побережья которого высится.

⁹³¹ **Нит в Корсинкон помчится...** – река Нит (см. примеч. 383) впадает в залив Солвэй-фёрт (см. примеч. 930), в то время как Корсинкон – гора высотой 472 м в приходе Нью-Камнок, в 40 км от Эллисленда.

⁹³² ... **«Боже, короля храни»...** – первая строка и название британского национального гимна (“God save the King”).

⁹³³ ...**Джеми...** – здесь: король Яков (Джеймс) II Стюарт (1634 – 1685), изгнанный с престола и умерший во Франции. Шотландские крестьяне на рубеже XVII – XVIII вв. связывали с реставрацией Стюартов надежды на лучшую долю.

⁹³⁴ **«Клок нашего бурьяна»** – песня, связанная с ненавистной шотландцам Унией 1707 г. (см. примеч. 925). Специальных уполномоченных короны (Scottish Commissioners), осуществлявших исполнительную власть в Шотландии, в народе прозвали parcel of rogues. Эта игра слов имеет такие основные значения: 1) пучок сорной травы; 2) кучка уродов; 3) сборище пройдох.

⁹³⁵ **Мчит Сарк по Солвэйским пескам...** – река Сарк, или Сарк-уотер, образующая часть границы между Шотландией и Англией, течёт по болотистой и песчаной равнине, напоминающей всю прибрежную местность Ирландского моря, но собственно низменность Солвэй (Солвэй-плэйн) находится южнее, в Англии.

⁹³⁶ ... **Твид – до океана...** – см. примеч. 27. Твид впадает не в океан, а в Северное море у городка Бэрик-на-Твиде.

⁹³⁷ ... **Брюс, Уоллес...** – см. примеч. 858, 68.

⁹³⁸ **«Ты поедешь в Вест-Индию, Мэри?»** – о планах поэта покинуть родину см. примеч. 284, о Мэри Кэмпбелл – примеч. 841.

⁹³⁹ ... **лайм...** – вид цитрусовых растений (*Citrus aurantiifolia*) семейства Рутовые (Rutaceae), происходящих из Индии, генетически схожий с лимоном.

⁹⁴⁰ **Тьма яблок под сосной...** – поэт обыгрывает вряд ли знакомое Мэри слово «ананас», буквально переводимое с английского как «сосновое яблоко» (pine apple).

⁹⁴¹ **«Златые кудри Анны»** – *«Пожалуй, эта лучшая любовная песня из всех, какие довелось написать»*, – сообщал Бёрнс в одном из писем. Считают, что она посвящена Элен-Энн (Анне) Парк (? – ?), племяннице миссис Хислоп, державшей таверну «Глобус» в Дамфрисе. Об этой возлюбленной Бёрнса известно мало, а о том, что с ней стало после рождения ребёнка от поэта, почти ничего. По одной версии, Анна умерла в родах, по другой – впоследствии стала женой солдата и умерла, рожая сына уже ему. Мало что известно и о любовной связи Анны Парк с Бёрнсом.

⁹⁴² **Еврей, в пустыне отощав, / Не так уелся манны...** – библейская аллюзия: изголодавшиеся в пустыне иудеи увидели падающую с неба манну [Исх 16].

⁹⁴³ **От Инда до саванны...** – река Инд берёт начало на территории Китая в Гималаях и протекает большей частью по территории северо-западной Индии и Пакистана. Саванны – пространства в субэкваториальном поясе, покрытые травяной растительностью с редко разбросанными деревьями и ку-

старниками; встречаются от Индокитая до Карибского бассейна, то есть действительно повсюду.

944 ... **полудённый гордый бог... Диана...** – Феб, бог Солнца, и Диана, богиня Луны; здесь – просто солнце и луна.

945 **Постскриптум** появился только в сборнике «Весёлые музы Каледонии» (“Merry Muses of Caledonia”), изданном в 1799 или 1800 г.; авторство Бёрнса сомнительно.

946 «**Знай веселилась она...**» – песня, сочинённая в Охтертайре, посвящена Эуфемии (Феми) Марри (? – ?), кузине сэра Уильяма Марри (см. примеч. 618).

947 ...«**бат энд бен**»... – см. примеч. 606.

948 **Эрна...** – пресноводного озера Лох-Эрн на центральном нагорье Шотландии, в Пертшире.

949 ... **Ту́рит-глен...** – небольшая долина (глен) находится у берегов реки Турит (в современном произношении Туррет) в Пертшире, в 3 км к северо-западу от городка Крифф.

950 ... **в Охтертайре...** – см. примеч. 618. 946.

951 ... **Ярроу...** – см. примеч. 428.

952 ... **Окилз...** – гряда холмов близ долины Форт, отделяющей их от городов Стерлинг, Перт, Аллоа и Кинросс.

953 ... **Пэгги...** – Маргарет Чалмерс (1763 – 1843), дочь фермера, перебравшегося после разорения в окрестности Мохлина; там девушка познакомилась с Бёрнсом и, как предполагают, стала его возлюбленной.

954 «**Стенанья Страталлана**» – песня, возможно, вложенная в уста Джеймса Драммонда, 5-го виконта Страталлана (? – 1765), и обращенная к памяти его отца, Уильяма Драммонда, 4-го виконта Страталлана (? – 1746), павшего в ходе Второго якобитского восстания в сражении у Каллодена (см. примеч. 1265) Бёрнс признавал, что собственный его якобизм был просто сентиментальным, «*кроме случаев, когда... страсть подогревалась случайными причинами*». Роль случая сыграла поездка по местам, связанным с именами Монтроза (см. примеч. 526), Клеверхауса (см. примеч. 60) и принца Чарлза Эдварда Стюарта, сражавшихся при Каллодене.

955 ... **Маклауд-оф-Рааси...** – Изабеллу Маклауд (? – 1786), дочь помещика Рааси. См. также примеч. 704.

956 «**Лорд Гре́гори**» – обработка народной баллады о любви Изабеллы Рокройл к лорду Грегори. Сюжет всей баллады таков: Изабелла просит впустить её в замок лорда (этот отрывок Бёрнс и обработал); мать лорда Грегори говорит, что сын ушёл в море, и гостью не впускает. Никуда не уходивший Грегори узнаёт об обмане, бросается на поиски любимой, но встречает похоронную процессию – Изабелла умерла от страсти к нему – и сам умирает от горя.

957 **У Ирвиновых вод...** – см. примеч. 114.

958 ... **Девон...** – здесь: река в графстве Клакманнашир.

959 ... **Джоки...** – одна из принятых в Шотландии уменьшительных форм имени Джон.

960 ... **Джоки...** – см. примеч. 959.

961 ... **Феб...** – см. примеч. 262.

962 ... **мою Филли...** – см. примеч. 1321, 1326.

- 963 **«Родная, вон как зелен лес...»** – существует вариант этой песни, где первая строка звучит как “My Chloris, mark how green the groves” («О Хлорис, вон как зелен лес»); см. примеч. 692.
- 964 **... Хлорис...** – см. примеч. 692.
- 965 **«Джон Ячменное Зерно»** – см. примеч. 8. Здесь речь идёт только о пиве. О своей балладе Бёрнс писал: *«Я слышал как-то старинную песню с таким названием, очень понравившуюся, запомнил два-три стиха (1-й, 2-й и 3-й) и обрывки ещё нескольких, которые включил сюда»*.
- 966 **О Койле...** – см. примеч. 83.
- 967 **Зарделась розой... бледнее лилий...** – традиционные балладные сравнения.
- 968 **Купец...** – здесь: торговое судно.
- 969 **Воззвания, 1793 г.** – патриотическая концовка, да и весь строй баллады пронизаны духом противостояния с Францией (см. примеч. 929).
- 970 **... глен...** – шотландское название узкой долины.
- 971 **...в Далгáрно́к...** – в деревню близ Дамфриса, славившуюся ярмаркой, где торговали скотом.
- 972 **«Красотка Джин»** – песня, посвящённая Джин Макмёрдоу (1777 – 1839), старшей дочери Джона Макмёрдоу-оф-Драмланрига. Бёрнс сообщал в одном из писем, что развязка истории вымышленна.
- 973 **От обсуждения бед не жди...** – предполагают, что поговорку “O’ gude advisement comes nae ill” ввёл в обиход сам Бёрнс.
- 974 **... Баски-глен...** – название долины (см. примеч. 970), скорее всего, вымышленное.
- 975 **Достаток бьёт любовный пыл...** – аллюзия на шотландскую пословицу “Love without landis is lyk a fyr without fewell” («Любовь без достатка, что огонь без топлива»).
- 976 **Нет хуже, чем голодный рот...** – изречение, близкое, например, к поговорке “A fasting belly may never be merry” («Пустое брюхо к веселью глухо»).
- 977 **Затеешь эль варганить...** – аллюзия на пословицу “If ye brew weil you wil drink the better” («Хорошо пиво сварить, хорошо и выпьешь»).
- 978 **«Был фермером отец мой...»** – Бёрнс писал: *«Эта песня – дикая рапсодия, к которой я сочинил крайне слабые стихи, но выраженные в них чувства – искреннее движение души...»*. Справедливости ради отметим, что в 1-й и 8-й строфах поэт сбивается с размера.
- 979 **... на Каррикской границе...** – см. примеч. 1.
- 980 **... Потоси...** – см. примеч. 134.
- 981 **«Та, что постлала мне постель»** – сюжет восходит к английской балладе “Cumberland Lass” («Девушка из Камберленда»): будущий король Карл II, застигнутый метелью, нашёл приют под кровом девушки близ Абердина.
- 982 **«Каледония»** – см. примеч. 333.
- 983 **... от северных ваших божков...** – судя по 2-й строфе, Бёрнс возводит корни Каледонии к германскому пантеону, что, по меньшей мере, спорно.
- 984 **От Твида...** – см. примеч. 27.
- 985 **... до Оркад...** – до оркнейских островов, лежащих к северу от материковой Шотландии.
- 986 **... Один...** – верховный бог германского пантеона (см. примеч. 983).
- 987 **Из Адри...** – из города или одноимённой области на севере современной Италии; здесь, в переносном смысле, упомянута Римская империя и орлы как её символы.

- ⁹⁸⁸ **Дикарь разноцветный...** – возможно, упомянуты пикты, обильно покрывавшие себя татуировками.
- ⁹⁸⁹ **... англо...** – одного из главных и крупнейших племён, населявших пограничную с Каледонией часть современной Англии.
- ⁹⁹⁰ **... в кровище валяться готов...** – в начале строфы речь идёт о набегах викингов.
- ⁹⁹¹ **... Ларгс...** – городок в Эйршире, в битве близ которого в 1263 г. Александр III разбил вторгшееся норвежское войско короля Хаакона и тем преврал норвежское владычество в Шотландии.
- ⁹⁹² **... Лонкарти...** – местечко близ Перта (см. примеч. 1003), где в 990 г. войска Кеннета III наголову разбили данов.
- ⁹⁹³ **... треугольник, где угол прямой...** – в оригинале rectangle-triangle вместо правильного rectangular triangle; с геометрией у юного Бёрнса было неважно, отсюда и довольно спорный аллегорический образ.
- ⁹⁹⁴ **«Битва при Шеррамуре»** – см. примеч. 50. Это переделка песни Джона Баркли (1734 – 1798) “Dialogue Between Will Lick-Ladle and Tom Clean-Sogue” («Диалог между Виллом Лизни-черпак и Томом Помой-ведро»). Вилл считает, что одолели якобиты, а Том (на местный лад – Тэм), что верх взяли «красные мундиры» короля. Безрезультатность, по большому счёту, самой битвы вызывала у современников насмешки; спор простодушных пастухов даёт повод именно к таким оценкам.
- ⁹⁹⁵ **... тартан...** – шотландская клетчатая материя, рисунок которой составляется по особым правилам; у каждого клана он свой.
- ⁹⁹⁶ **Ал авангард: нёс чернь кокард...** – королевские войска в красных мундирах носили чёрные кокарды ГанOVERов (у сторонников Стюартов кокарды были белыми).
- ⁹⁹⁷ **Аргайл...** – здесь: Джон Кэмпбелл, 2-й герцог Аргайл (1678 – 1743), возглавлявший королевские войска.
- ⁹⁹⁸ **... в вигов...** – см. примеч. 907. Прозвище сохранилось и в последующую эпоху, о которой идёт речь.
- ⁹⁹⁹ **... синие полки...** – войска ковенантеров, шотландцев, поддерживавших пресвитерианскую церковь, а потому ополчившихся на католиков-якобитов. В оригинале каламбур: true-blue – не только цвет ковенантеров, но и аллюзия на поговорку “True blue will never stain” («Синий – цвет верности и постоянства»).
- ¹⁰⁰⁰ **... норд...** – здесь: Шотландия, то есть верх взяли якобиты.
- ¹⁰⁰¹ **... Форт...** – см. примеч. 427.
- ¹⁰⁰² **... у Данблейна...** – у городка на севере графства Стёрлингшир, близ которого в ходе битвы оказывалась то одна, то другая сторона. Иное написание – Дамблен или Дамблейн (см. примеч. 1496).
- ¹⁰⁰³ **... к Стёрлингу...** – см. примеч. 726. Замок Стёрлинга выдержал восемь осад, включая упомянутый здесь случай.
- ¹⁰⁰⁴ **До Перта и Данди...** – упомянуты Перт, город в центральной Шотландии, в ту пору центр графства Пертшир, и Данди, центр одноименной области на восточном побережье, на берегу залива Фёрт-оф-Тей.
- ¹⁰⁰⁵ **Парням из Ангуса...** – жителям области на востоке Шотландии, на стыке границ Абердиншира с городами Данди, Перт и Кинросс.
- ¹⁰⁰⁶ **...милорд Панмур...** – Джеймс Моул, 4-й граф Панмур (1658 – 1723), якобит, участник битвы при Шеррамуре; попал в плен, бежал, был лишён титулов и поместий.

- ¹⁰⁰⁷ ... **клеимор...** – см. примеч. 26.
- ¹⁰⁰⁸ ...**тори...** – здесь, в противоположность вигам, сторонников Стюартов, якобитов.
- ¹⁰⁰⁹ ... **баллада** написана в 1789 г в связи с выборами депутата в Парламент от Дамфриса.
- ¹⁰¹⁰ ... **Нит...** – см. примеч. 383.
- ¹⁰¹¹ **Из Аннандейла...** – из исторической области на юге Шотландии, в долине реки Аннан.
- ¹⁰¹² ... **Солвей...** – см. примеч. 935.
- ¹⁰¹³ ... **Галлоуэй...** – см. примеч. 906.
- ¹⁰¹⁴ ... **Крайтон-пил...** – развалины сторожевой башни (reel) в городке Санкьюхар, расположенном в верховьях Нита, примерно в 40 км от Дамфриса.
- ¹⁰¹⁵ ... **с Границы...** – под Границей (Border) в Шотландии всегда понимали южную границу с Англией. Речь идёт о сэре Джеймсе Джонстоне, 4-м баронете Вестерхолле (1726 – 1794), подполковнике, представлявшем в Парламенте Дамфрис в 1784 – 1789 гг. и Веймут в 1791 – 1794 гг. На описываемых выборах он уступил Патрику Миллеру (см. ниже).
- ¹⁰¹⁶ ... **армеец молодой...** – капитан Патрик Миллер-оф-Дэлсвингтон-младший (1769 – 1845), избранный при поддержке герцога Квинсберри (см. примеч. 504) членом Парламента от Дамфриса в 1790 г.
- ¹⁰¹⁷ **Хозяин лондонских палат...** – король Георг III (1738 – 1820).
- ¹⁰¹⁸ **Для старшего сынка...** – для принца Уэльского (см. примеч. 175).
- ¹⁰¹⁹ **Пускай решает сам...** – Бёрнс сочинил балладу, не зная исхода выборов, отсюда открытый финал.
- ¹⁰²⁰ **«Баллада об американской войне»** (1784) стала одной из лучших у раннего Бёрнса, но не попала в килмарнокский сборник. В декабре 1786 г. поэт писал Генри Эрскину (1746 – 1817), декану факультета в Эдинбургском университете: *«Я показал прилагаемую политическую балладу милорду Гленкерну [см. примеч. 203], чтобы узнать его мнение, стоит ли её публиковать; подозреваю, что мои политические принципы, как они есть, могут оказаться достаточной ересью в глазах наилучших друзей... Его светлость, кажется, решил, что часть может быть опубликована, но попросил послать вам экземпляр, чтобы получить на то согласие...»* Баллада вошла только в эдинбургское издание.
- ¹⁰²¹ ... **Гилфорд...** – см. примеч. 590. Политика Гилфорда во многом способствовала началу Войны за независимость американских колоний, что и вынудило его уйти в отставку в 1782 г.
- ¹⁰²² **В залив струю послал...** – отсылка к «Бостонскому чаепитию», акции протеста американских колонистов 16 декабря 1773 г. в ответ на действия британского правительства: в Бостонской гавани был уничтожен груз чая, принадлежавший Ост-Индской компании. Это событие стало началом Американской революции.
- ¹⁰²³ ... **пинка Конгресс / Законам нашим дал...** – Первый Континентальный Конгресс 13 британских колоний действовал в Филадельфии в 1774 – 1776 гг. 4 июля 1776 г. он принял Декларацию независимости; поводом к официально начавшейся после этого Американской войне послужили предшествующие военные стычки колонистов с британскими войсками.
- ¹⁰²⁴ ... **взяв цепь озёр, / Монтгомери блистал...** – генерал-майор Монтгомери (см. примеч. 588) предпринял бросок за Великие американские озёра в Канаду в 1775 г.

- ¹⁰²⁵ **...Лори...** – так насмешливо названа мощная река Св. Лаврентия.
- ¹⁰²⁶ **... Карлтона...** – сэра Гая Карлтона, 1-го барона Дорчестера (1724 – 1808), раненого на Аврамовых высотах (см. примеч. 20) и командовавшего британскими войсками в сражении под Квебеком.
- ¹⁰²⁷ **Но жизни бег прервал Квебек: / Монтгомерски там пал...** – Монтгомери, славившийся бесстрашием (отсюда неологизм «монтгомерски», в оригинале Montgomery-like) пал в сражении под Квебеком 31 декабря 1775 г.
- ¹⁰²⁸ **Тэм Гейдж...** – Томас Гейдж (1719? – 1787), британский губернатор Массачусетса, после пирровой победы при Банкер-хилл (см. примеч. 394) вынужден был обороняться в собственном поместье под Бостоном. Бёрнс, на шотландский манер, зовёт его Тэмом.
- ¹⁰²⁹ **... Хоув цель под Филадель- / фией да отыскал...** – генерал Хоув (см. примеч. 591), командовавший англичанами под Банкер-хилл, стал затем главнокомандующим британскими силами в Северной Америке и осадил крепость в Филадельфии.
- ¹⁰³⁰ **В Нью-Йорке... филей поковырял...** – намёк на эпизод в военной биографии Хоува, связанный с захватом скота у американских повстанцев в Пикскилле-на-Гудзоне в 1776 г., после чего Хоув занял Нью-Йорк и нанёс американцам поражение при Уайт-плейн и Брэндивайне.
- ¹⁰³¹ **Бургойн...** – генерал сэр Джон Бургойн (1722 – 1792) по прозвищу «джентльмен Джонни» в 1777 г. спешил из Канады на соединение с Хоувом, но после начальных успехов был разбит американским генералом Гейтсом в серии сражений под Саратогой и принуждён к сдаче.
- ¹⁰³² **... Фрэзер...** – бригадный генерал Саймон Фрэзер (1729 – 1777), потомок старинного якобитского рода, командовал одной из колонн Бургойна и пал в сражении при Фрименз-фарм.
- ¹⁰³³ **... мешать туман / Над Саратогой стал...** – см. примеч. 1031.
- ¹⁰³⁴ **Корнуоллис...** – Чарлз, 1-й маркиз Корнуоллис (1738 – 1805), английский военачальник и колониальный администратор, сдался американо-французским силам при Йорктауне в 1781 г.
- ¹⁰³⁵ **... Клинтон...** – сэр Генри Клинтон (1730 – 1795), ставший главнокомандующим после Хоува, не смог справиться с успешными действиями американцев на севере и осложнениями на юге и вернулся в Нью-Йорк, фактически прекратив войну.
- ¹⁰³⁶ **На Монтегю...** – на Джона Монтегю, 4-го графа Сэндвича (1718 – 1792), во время Американской войны бывшего Первым лордом адмиралтейства, завязанного картёжника (чтобы не отрываться от игры на еду, он изобрёл закуску, названную в его честь).
- ¹⁰³⁷ **... Сэквилл...** – см. примеч. 589. На посту министра он стал козлом отпущения за неудачи в американской войне: получил титул и был отправлен в Палату лордов.
- ¹⁰³⁸ **Германцу возражал...** – в молодости Сэквилл (см. примеч. 1037) участвовал в Семилетней войне, где в битве под Минденом (1759) не подчинился приказу командовавшего войсками принца Фердинанда Брауншвейгского. Ослушник лишился командования полком, попал под полевой суд и, позднее оправданный, на всю жизнь сохранил это пятно.
- ¹⁰³⁹ **... Пэдди Бёрк...** – Эдмунд Бёрк (см. примеч. 535).
- ¹⁰⁴⁰ **... Чарли Фокс...** – Чарлз Фокс (см. примеч. 228). И Фокс, и Бёрк в Парламенте яростно противились американской войне и добивались отставки кабинета Гилфорда.

- ¹⁰⁴¹ ... **Рокингем...** – Чарлз, маркиз Рокингем (1730 – 1782), ставший премьером после отставки Гилфорда, но быстро скончавшийся на этом посту.
- ¹⁰⁴² ... **Шелбёрн...** – Уильям Петти, 2-й граф Шелбёрн, а впоследствии 1-й маркиз Лэнсдаун (1737 – 1805), ставший премьером в конце американской войны (1782 – 1783), но встретивший оппозицию Палаты общин («Сент-Стивена», см. примеч. 217) и сметённый коалицией Гилфорда и Фокса.
- ¹⁰⁴³ ... **мог посредством щёк / Являть: Писанье знал...** – обыгрывается банальная библейская аллюзия: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую...» [Лк 6:29].
- ¹⁰⁴⁴ **Сент-Стивен...** – см. примеч. 217.
- ¹⁰⁴⁵ ... **Норт...** – один из титулов Гилфорда (см. примеч. 590).
- ¹⁰⁴⁶ ... **Чарли знай играл...** – Чарлз Фокс был таким же завзятым картёжником, как и Джон Монтегю (см. примеч. 1036).
- ¹⁰⁴⁷ ... **Ост-Индский груз...** – намёк на «Ост-Индский билль», внесённый Фоксом и принесший ему множество пинков, ставших, по сути, воздаянием за союз с бывшим врагом Нортом (см. конец предыдущей строфы).
- ¹⁰⁴⁸ **Фаух рас...** – ложным шагом (фр.); произносится, примерно, как «фо па».
- ¹⁰⁴⁹ **Парнишку...** – см. примеч. 213. Уильям Питт Младший впервые стал премьером в 24 года.
- ¹⁰⁵⁰ ... **саксонский люд...** – здесь: англичане.
- ¹⁰⁵¹ **У Чатема забрал...** – отец будущего премьера Уильям Питт Старший (1708 – 1778) носил титул 1-го графа Чатема.
- ¹⁰⁵² ... **Гренвилл...** – Уильям Уиндем, барон Гренвилл (1759 – 1834), министр иностранных дел в правительстве Уильяма Питта Младшего, был «теневой властью» за тронем Георга III.
- ¹⁰⁵³ ... **жох-Дандас...** – Генри Дандас, 1-й виконт Мелвилл и барон Дунира (1742 – 1811), шотландский адвокат и политик-тори, в течение 20 лет был правой рукой Питта и жёстко правил Шотландией в интересах своей партии.
- ¹⁰⁵⁴ **Зайдя за Римский вал...** – оказавшись севернее Римского, или Адриана, вала, оборонительного укрепления римлян на границе с враждебными племенами пиктов; в переносном смысле – в Шотландии.
- ¹⁰⁵⁵ **Сошлись легко Норт, Фокс и Ко...** – в строфе отражён кризис марта 1784 г. и призыв к шотландцам и англичанам сплотиться вокруг фигуры Питта, ставшего к тому времени «мячиком» в политических играх.
- ¹⁰⁵⁶ **«На Келлибёрне»** – на берегах горного ручья (иногда пишут Kellie burn = ручей Келли), отделяющего северную часть Эйршира от области Ренфью.
- ¹⁰⁵⁷ ... **рогулькой...** – деталью прялки, форма которой ясна из названия.
- ¹⁰⁵⁸ ... **Хёрона...** – см. примеч. 711.
- ¹⁰⁵⁹ **«Баллада о выборах мистера Херона в 1795 году» {1}** содержат, как и три последующие, упоминания о многих персонах; все они, кроме тех, о ком сообщат читателю нижеследующие ссылки, остались неизвестными (по крайней мере, переводчику).
- ¹⁰⁶⁰ ... **Галлоуэй...** – см. примеч. 906.
- ¹⁰⁶¹ **В Керрохтри...** – в имении мистера Херона.
- ¹⁰⁶² **В Сент-Мэри Айл...** – здесь: в приходе, одноимённом с островом (Isle) в заливе Даглас-бэй в Галлоуэе.
- ¹⁰⁶³ ... **Селкёрк...** – Даглас Данбар, 4-й граф Селкёрк (1722 – 1799), лорд-наместник (номинальный глава судебной и исполнительной власти) в округе Стюартри. Когда Бёрнс познакомился с ним во время поездки на остров

Сент-Мэри, то был, видимо, не в настроении, что и дало повод к язвительным строчкам.

¹⁰⁶⁴ **Юнец мощной кичится... дядиной...** – Томас Гордон-оф-Бэлмэги (? – 1806), оппонент Херона от партии тори, сам человек состоятельный, пользовался поддержкой дяди, Марри-оф-Броутона, одного из богатейших землевладельцев юга Шотландии.

¹⁰⁶⁵ **... Кёркубри...** – город на юге Шотландии, в области Дамфрис и Галлоуэй, на берегу реки Ди. Эта местность, с центром в Кёркубри, известна как Стюартри, или Кёркубришир.

¹⁰⁶⁶ **... Марри...** – Джеймс Марри-оф-Броутон (1727 – 1799).

¹⁰⁶⁷ **... Гордон...** – см. примеч. 1072.

¹⁰⁶⁸ **... Кемплатон...** – Уильям Басби-оф-Кемплатон (? – ?), брат Джона Басби (см. примеч. 821); разорившись при крахе банка «Даглас, Херон и Ко», уехал в Ост-Индию, где разбогател (что и отражено через строку).

¹⁰⁶⁹ **Шериф новый Вигтонский...** – Мэйтленд Басби (1767 – ?), сын Джона Басби (см. примеч. 821), шериф Вигтауна (у Бёрнса описка в названии), городка в Вигтоншире.

¹⁰⁷⁰ **... Кардонёсса...** – см. примеч. 809.

¹⁰⁷¹ **... Сент-Мэри...** – см. примеч. 1062. На острове Сент-Мэри находился монастырь.

¹⁰⁷² **... Кенмура...** – Джона Гордона, 7-го, по другому счёту 10-го виконта Кенмура, внука Уильяма, 6-го виконта Кенмура (см. примеч. 905). Бёрнса связывала с ним и его семьёй тёплая дружба, поэтому здесь звучат нотки сожаления.

¹⁰⁷³ **... Мьюрхед...** – преп. доктор Джеймс Мьюрхед-оф-Логан (1742 – 1805), священник из Урра и крупный землевладелец.

¹⁰⁷⁴ **Бьюитла верный апостол...** – преп. Джордж Максвелл-оф-Гленарм (1762 – 1807), священник из прихода Бьюитла, названного в честь Томаса Бьюитла (? – 1420-22), шотландского прелата, архиепископа Галлоуэйского.

¹⁰⁷⁵ **... Логан Макдауэлл...** – капитан (впоследствии полковник) Эндрю Макдауэлл (? – ?), известный повеса, представлял в Парламенте Вигтаун (см. примеч. 1069).

¹⁰⁷⁶ **Блэр...** – возможно, Дэвид Блэр (1755? – 1814), совладелец фирмы «Блэр и Ли» в Бирмингеме, производившей артиллерийские орудия.

¹⁰⁷⁷ **... герой Доггер-банки... Кийт...** – упомянут Хайд (Бёрнс путает его имя) Паркер Старший (1714 – 1782?), адмирал, командовавший британской эскадрой при Доггер-банке (1781) в ходе Четвёртой англо-голландской войны. В Нидерландах сражение считали выигранным, однако после него голландские корабли уже не рисковали выходить в море. Заявив, что английские корабли и суда не были оснащены должным образом, Паркер подал в отставку, но в следующем году принял назначение в Вест-Индию; его флагманский корабль «Катон» пропал без вести в Атлантическом океане.

¹⁰⁷⁸ **... лорд-наместник...** – см. примеч. 1063.

¹⁰⁷⁹ **... в катехизис / Сент-Стивен...** – катехизис (сборник вопросов с ответами из Писания) означает, в переносном смысле, что лорду предстоит отчёт в Парламенте (см. примеч. 217).

¹⁰⁸⁰ **... Керрохтри...** – см. примеч. 711, 1060.

¹⁰⁸¹ **... Нитдейла...** – долины реки Нит (в оригинале Niddisdale).

- ¹⁰⁸² **Тверды Джорди с Уотти, груб Джони...** – перечислены: Джордж Максвелл-оф-Каррукен (? – ?), Веллвуд Максвелл (? – ?) и Джон Максвелл-оф-Террохти (см. примеч. 544).
- ¹⁰⁸³ **... на рыб и хлеба...** – библейская аллюзия: Христос «...сказал: “Принесите их Мне сюда!”; и велел народу возлечь на траву, и взяв пять хлебов и две рыбы, воззрел на Небо, благословил, и, преломив, дал хлебы Ученикам, а Ученики – народу; и ели все, и насытились...» [Мф 14:18 – 20].
- ¹⁰⁸⁴ **... дева Килкерран...** – возможно, родственница сэра Адама Фергюссона-оф-Килкеррана, 3-го баронета (1733 – 1813).
- ¹⁰⁸⁵ **Барскимминга рыцарь...** – сэр Уильям Миллер (? – ?), владелец имения Барскимминг в Гленли.
- ¹⁰⁸⁶ **... Бёртвистл...** – Александр Бёртвистл (? – ?), коммерсант из Кёркубри.
- ¹⁰⁸⁷ **... Броутон...** – см. примеч. 1066.
- ¹⁰⁸⁸ **... Бэлмэги...** – см. примеч. 1064.
- ¹⁰⁸⁹ **... Джона Басби...** – см. примеч. 821.
- ¹⁰⁹⁰ **На двадцать третье марта...** – 23 марта 1795 г. состоялись парламентские выборы в Дамфрисе.
- ¹⁰⁹¹ **Граф Галлоуэй...** – см. примеч. 811.
- ¹⁰⁹² **За Броутоном...** – см. примеч. 1066.
- ¹⁰⁹³ **... Ди...** – реки в Абердиншире.
- ¹⁰⁹⁴ **... Кёркубри...** – см. примеч. 1065.
- ¹⁰⁹⁵ **... Стюарт с Марри...** – см. примеч. 811, 1066.
- ¹⁰⁹⁶ **... Нидсдейл... в Нидсайде...** – в долине и окрестностях реки Нит.
- ¹⁰⁹⁷ **... Гарлис...** – Джордж, лорд Гарлис (? – ?), старший из выживших сыновей лорда Галлоуэя, член Парламента от округа Солташ с 1790 по 1795 г, отказавшийся затем от места в пользу брата.
- ¹⁰⁹⁸ **Бэлмэги...** – см. примеч. 1064.
- ¹⁰⁹⁹ **Из Гленкенса...** – из области между шотландскими южными нагорьями и Галлоуэем.
- ¹¹⁰⁰ **Без Кёнмура никак...** – см. примеч. 1072.
- ¹¹⁰¹ **... Мьюрхед...** – см. примеч. 1073.
- ¹¹⁰² **... Бьюитла...** – см. примеч. 1074.
- ¹¹⁰³ **... Кардонесс...** – см. примеч. 809.
- ¹¹⁰⁴ **... Мэйтленд...** – см. примеч. 1069.
- ¹¹⁰⁵ **Редкасл...** – Уолтер Слоун Лори-оф-Редкасл (? – ?), отличавшийся маленьким ростом.
- ¹¹⁰⁶ **... Коolestон...** – Уильям Коупленд-оф-Коolestон (? – ?), адвокат и землевладелец в Кёркубришире.
- ¹¹⁰⁷ **... баллада № IV** написана в мае 1795 г. уже по итогам выборов в Дамфрисе.
- ¹¹⁰⁸ **Броутон...** – см. примеч. 1066.
- ¹¹⁰⁹ **... Ди...** – см. примеч. 1093.
- ¹¹¹⁰ **... Бэлмэги...** – см. примеч. 1064.
- ¹¹¹¹ **... Кардонесс...** – см. примеч. 809.
- ¹¹¹² **... Бьюитла...** – см. примеч. 1074.
- ¹¹¹³ **... В Тинуолд-даунс...** – в резиденции Джона Басби (см. примеч. 821).
- ¹¹¹⁴ **Пастыря из Урра...** – см. примеч. 1073.
- ¹¹¹⁵ **... Редкасл...** – см. примеч. 1105.
- ¹¹¹⁶ **Коolestон...** – см. примеч. 1106.
- ¹¹¹⁷ **... Марри...** – см. примеч. 1066.

- ¹¹¹⁸ ... в **Кайли**... – возможно, это ещё один вариант названия Кайла (см. примеч. 83).
- ¹¹¹⁹ **Чёрный Джок**... – Джон Басби (см. примеч. 821).
- ¹¹²⁰ **“Fête Champêtre”** – праздник на лоне природы, пикник (фр.). Произносится, примерно, как «фёт шомпет».
- ¹¹²¹ ... к **Сент-Стивену**... – см. примеч. 217.
- ¹¹²² **Того, кто вбил в наш небосклон/ Медведицу Большую**... – Джеймса Босуэлла (см. примеч. 216). Рассказывают, что отец Босуэлла, лорд Окинлек, услышав, как сын называет Сэмюэла Джонсона светилом, заметил: «О да, он целое созвездие... Большая Медведица!»
- ¹¹²³ ... **Гленкэрд**... – сэр Джон Уайтфруд (см. примеч. 141), живший в ту пору в Гленкэрде.
- ¹¹²⁴ **Эннбэнк**... – Уильям Каннингем (1757 – ?), владевший поместьями Эннбэнк и Энтеркин. Эннбэнк как меньшее из них мало подходил для пикников; комментаторы отдают предпочтение речным склонам близ Энтеркина.
- ¹¹²⁵ **Брег Эйра**... – см. примеч. 281.
- ¹¹²⁶ **Борея**... – см. примеч. 261.
- ¹¹²⁷ ... **Дианы**... – здесь: луны.
- ¹¹²⁸ **Гадючий камень**... – камешек, обычно гладкий, с естественным сквозным отверстием, который друиды считали амулетом и носили на шнурке. Название ether-stane = гадючий камень характерно для юга Шотландии.
- ¹¹²⁹ ... **Карт**... – река, впадающая в Клайд между городами Эрскин и Рэнфрю.
- ¹¹³⁰ **Хлорис**... – см. примеч. 692.
- ¹¹³¹ ... **Каннингему**... – см. примеч. 796.
- ¹¹³² ... **Хлорис**... – см. примеч. 692.
- ¹¹³³ ... **стратспей**... – см. примеч. 106.
- ¹¹³⁴ ... **замок Гордон**... – фамильное гнездо герцогов Гордонов расположено в Гайте, близ городка Фохаберс на севере Шотландии.
- ¹¹³⁵ ... **где Джорди башка**... – см. примеч. 87.
- ¹¹³⁶ ... **Нэнси**... – к какой из возлюбленных обращается Бёрнс и куда она уплывает, понять трудно. В более позднем варианте первая строфа выглядит так:

Behold the hour, the boat arrive!
 Thou goest, the darling of my heart!
 Sever'd from thee, can I survive?
 But Fate has will'd and we must part.
 I'll often greet the surging swell,
 Yon distant isle will often hail:-
 ' E'en here I took the last farewell;
 There, latest mark'd her vanish'd sail . '

Корабль уже пришёл, гляди!
 Родная, он тебя умчит!
 Чем снять разлуки боль в груди?
 Судьба расстаться нам велит.
 Я сокрушусь, топча холмы
 На удалённом островке:
 «Здесь с нею распрощались мы,
 Растаял парус вдалеке!»

1137 ... **Чарли Кохрэн**... – кто это, неизвестно – как нельзя ничего утверждать и о самой леди Мэри-Энн. Считают, что Бёрнс пересказал старинную балладу.

1138 «**Видение**» {2} – песня, включающая, с минимальными изменениями текст стихотворения «Свобода. Видение» (см.). В некоторых источниках присутствует припев:

A lassie, all alone was making her moan,
Lamenting our lads beyond the sea:
'In the bluidy wars they fa', and our honour's gone an' a',
And broken-hearted we maun die.'

Девчонка одна, стенаний полна,
Ушедшим за моря свой слала глас:
«В страшной битве полегли, чести нашей не спасли,
И убили горем насмерть нас».

1139 **Стоял я у безверхой башни**... – другое название стихотворения – «Менестрель в Линккладене» – отсылает к развалинам одноимённого аббатства (1160) близ Шохеды (Шоухеда) в Гленкине (Гленкенсе), неподалёку от Дамфриса. Ручей, о котором пойдёт речь, – Кладен-уотер, приток Нита (см. примеч. 863).

1140 ... **Нит**... – см. примеч. 383.

1141 ... **Цинтии**... – здесь: луны (см. примеч. 361).

1142 «**Моя горянка, о!**» – стихотворение, написанное в 1786 г., посвящено Мэри Кэмпбелл (см. примеч. 841).

1143 ... **Хлорис**... – см. примеч. 692.

1144 ... **Хлорис**... – см. примеч. 692.

1145 ... **Над Крейгибёрном**... – над городком неподалёку от Дамфриса, ставшему известным, в основном, благодаря этому стихотворению, посвященному Джин Лоример («Хлорис»).

1146 «**Впусти меня на эту ночь**...» продолжает ветхозаветную традицию: «...вот, голос моего возлюбленного, который стучится: “Отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя, потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои – ночью влагою!”» [Песнь 5:2]. Сюжет широко распространён в средневековой лирике и у поэтов Возрождения, да и у Бёрнса встречается не единожды.

1147 ... **каледонский**... – см. примеч. 333.

1148 ... **Нита**... – см. примеч. 383.

1149 ... **Каминсов**... – клана с центральных нагорий, сыгравшего важную роль в истории XIII в. и в войнах за независимость. Каминсы проявили себя в битве при Рослине (1303); они были самым могущественным семейством Шотландии, пока не уступили в борьбе за трон Роберту Брюсу (см. примеч. 858).

1150 ... **самопрялка**... – усовершенствованная ножная прялка, одновременно производящая и кручение, и наматывание нити.

1151 ... **в прялке-донце**... – в ручной прялке, состоящей из вертикальной части, куда привязывается кудель, и горизонтальной (донца), где сидит пряха.

- 1152 **Нет дела до меня – / Не друг я никому.** – “I care for naebody / Since naebody cares for me” – присказка, часто встречающаяся в английских и шотландских народных песнях.
- 1153 **«Твоя, о Бэллокмайл, краса...»** – песня, посвящённая Вильгельмине Александер (см. примеч. 143). Бэллокмайл – поместье на реке Эйр близ Мохлина, в 12 км восточнее Килмарнока. Стихотворение перекликается с «Прощаньем с Бэллокмайлом» (см.).
- 1154 **Я – деревенским пареньком...** – в 1788 г., когда написана эта строка, Бёрнс уже был дамфрисским акцизным.
- 1155 **... Илайзинога дома...** – прототип героини неизвестен.
- 1156 **«Кудри девы, словно лён...»** – песня, посвящённая «Хлорис» (см. примеч. 692).
- 1157 **«Кто в дверь колотит?»** – см. примеч. 1146.
- 1158 **У Гирвана...** – у реки в южном Эйршире, впадающей в залив Фёрт-оф-Клайд.
- 1159 **... Кэссилза...** – упомянуто поместье Кэссилз-касл в южном Эйршире; «брег» принадлежит реке Дун (см. примеч. 156, 429).
- 1160 **... Форт...** – см. примеч. 427.
- 1161 **... дорог малютке и мне...** – сюжет, возможно, связан с одной из возлюбленных, подаривших Бёрнсу наследников, но точной отсылки комментаторы не дают.
- 1162 **«Красотка Филлис»** – песня, написанная в том же размере, что и «Дай мне пещеру...» (см.). Бёрнс считал, что «Пещера» получилась удачнее; он писал о ней так: *«Пронзительно-пронизывающая мелодия “Робин Эдер” так навязла в голове, и я так неудачно использовал её в предыдущей попытке, что сегодня на утренней прогулке сочинил ещё один текст»*.
- 1163 **... Форт...** – см. примеч. 427.
- 1164 **Вдоль Алланова брёл ручья...** – что это за ручей, выяснить не удалось.
- 1165 **Бенледи...** – гора в Пертшире (879 м), современное название – Бен Леди – восходит к гэльск. Beinn Leitir = гора склона, что соответствует пологому южному скату.
- 1166 **... Феба...** – см. примеч. 262.
- 1167 **... Границу...** – см. примеч. 1015. Видимо, героиня (комментаторам неизвестная) уехала в Англию.
- 1168 **... Александр...** – здесь: Александр Македонский.
- 1169 **«Скрипач на севере»** – возможно, песня посвящена Найлу Гоу (1727 – 1807), известному в ту пору скрипачу и композитору, на чьи мотивы Бёрнс написал многие из своих песен. Гоу, первому в роду сочинителей танцевальных мелодий, было за шестьдесят, когда поэт познакомился с ним во время поездки по горному северу Шотландии.
- 1170 **... Каледон...** – Каледония (см. примеч. 333). Здесь, как и в оригинале, усечённая форма слова нужна только для рифмы.
- 1171 **... пиброк, сэнг, стратспей и рил...** – перечислен репертуар волынщика. Пиброк – музыкальный жанр, связанный, в основном, с традициями шотландских горцев; сэнг – просто song (песня), о стратспее и риле см. примеч. 106, 344.
- 1172 **... набух державный дух...** – в оригинале буквально: «королевский призрак, заключённый в тюрьму 18 лет назад». Комментаторы видят здесь аллюзию на движение якобитов, которому Бёрнс сочувствовал. Однако песня написана в 1794 г., а в 1776 г., когда, если верить строке, некто королев-

ской крови угодил в темницу, восстание 1745 г. и его последствия были уже в прошлом. Смысл отсылки, возможно, в том, что дух якобитов воспламенил скрипача на родные мелодии.

1173 ... **Кайл-Стюарт...** – см. примеч. 272. Другое название – Стюарт-Кайл.

1174 ... **Мохлин...** – см. примеч. 72.

1175 «**Монтгомери Пэгги**» – песня, по мнению сестры поэта миссис Изабеллы Бэгг, посвящена Маргарет Монтгомери (? – ?), трактирщице из Койлсфилд-хауса. Бёрнс вспоминал, что ухаживание за Пэгги до любовной связи не дошло. В угоду стихотворному размеру или по иной причине в оригинале предусматривается упрощённое произношение прославленной в Шотландии и за её пределами фамилии; к клану Монтгомери трактирщица наверняка прямого отношения не имела.

1176 ... **Ивэна** – как следует из рефрена, речушки, впадающей в Клайд (реку на юге Шотландии). В список рек современной Шотландии Ивэн не входит: то ли изменил название, то ли исчез.

1177 **Зашло над Индией светило...** – строка (да и вся песня) навеяны думами поэта: в 1784 – 1785 гг. Бёрнс собирался отплыть в Вест-Индию (см. примеч. 284).

1178 **Для Мэри...** – вполне вероятно, для Мэри Кэмпбелл (см. примеч. 841).

1179 ... **о Мэри** – см. примеч. 841.

1180 ... **Пэгги...** – это последнее стихотворение, посвящённое Пэгги Монтгомери (см. примеч. 1175).

1181 «**Красотка с берегов Сеснока**» – песня, возможно, посвящена Элисон Бегби (см. примеч. 832), которая прислуживала в доме близ реки Сеснок, в 3 км от Лаудона, когда Бёрнс жил в Лохли.

1182 ... **Феба...** – см. примеч. 262.

1183 ... **Борея...** – см. примеч. 261.

1184 «**Декан факультета**» – сатирическая баллада, посвящённая соперничеству за пост декана факультета адвокатуры в Эдинбургском университете между Хэлом (преп. Генри Эрскином, см. примеч. 740) и Бобом (Робертом Дандасом, см. примеч. 621).

1185 ... **Харлоу...** – местность в Абердиншире, где в 1411 г. состоялась битва между баронами, представлявшими север Шотландии и западное побережье: лордом Айлзом и графом Маром (предком Роберта Эрскина, см. примеч. 1300). Ожесточённость сражения дала ему название «кровавого Харлоу».

1186 ... **Лэнгсайда...** – места последней битвы (1568) сторонников Марии Стюарт (см. примеч. 297, 300) перед её заточением и казнью.

1187 **Десятую...** – десятая заповедь в синодальном переводе звучит так: «Не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его – ничего, что у ближнего твоего!» [Исх 20:17]. Текст [Вт 5:21] близок, но перечисление начинается с жены, а не с дома.

1188 ... **Фасги..** – горная вершина в земле Моав за Иорданом [Вт 34:1,5; Чис 21:20] где пророчествовал Валаам [Чис 23:14], косвенно упомянутый строкой ниже.

1189 **Ослицу Валаама...** – библейская аллюзия [Чис 22:28]. Моавитский царь послал людей к волхву Валааму с просьбой помочь снять осаду Иерихона. Царь рассчитывал, что Валаам с помощью магии уничтожит израильтян, угрожавших столице. Волхв оседлал ослицу и поспешил на выручку, но Бог встал на защиту израильских воинов, и по его воле ослица отказалось идти

вперёд. Раздраженный Валаам дважды ударил её, а когда замахнулся в третий раз, та вдруг заговорила по-человечески. «Валаамовой ослицей» называют того, кто обычно молчит, но в какой-то момент начинает активно защищать свою точку зрения. Здесь, пожалуй, образ нужен лишь по ассоциации с Валаамом и для рифмы.

¹¹⁹⁰ ... **тридцать восемь...** – видимо, речь идёт о голосовавших за нового декана.

¹¹⁹¹ **«Романам – нет!»** – песня, написанная в 1784 г., когда Роберт и Гилберт Бёрнсы купили ферму в Моссгиле, в 3 милях (5 км) от Лохли и неподалёку от Мохлина, при жизни поэта не публиковалась.

¹¹⁹² ... **Роб Моссгил...** – разумеется, сам Бёрнс.

¹¹⁹³ **Том Джонс... Грандисон...** – герои, соответственно, романов Г. Филдинга «История Тома Джонса, найдёныша» (1765) и С. Ричардсона «История сэра Чарлза Грандисона» (1754). Даже эти добродетельные герои сентименталистов воспринимались в ту пору как предмет любовных фантазий.

¹¹⁹⁴ ... **Дюмурье...** – Шарль Франсуа Дюмурье (1739 – 1823), французский генерал и министр с весьма бурной биографией. В апреле 1793 г. бежал из республиканской армии к австрийцам. Бёрнс искажает его фамилию; правильное написание – Dumouriez.

¹¹⁹⁵ **Дампьер...** – Огюст Анри Мари Пикó, маркиз Дампьер (1756 – 1793), французский генерал; заменил Дюмурье после его измены и пал в битве с австрийцами.

¹¹⁹⁶ ... **Бурнонвиль...** – Пьер де Руэль, маркиз де Бурнонвиль (1752 -1821), французский генерал, с февраля 1793 г. военный министр. Был направлен в войска, чтобы «присматривать» за Дюмурье. Бёрнс искажает и его фамилию; правильное написание – Beurnonville.

¹¹⁹⁷ **Эйр...** – см. примеч. 281.

¹¹⁹⁸ ... **Армор...** – см. примеч. 113.

¹¹⁹⁹ ... **Фэйла...** – притока реки Эйр. См. также примеч. 107.

¹²⁰⁰ **В Георговой державе...** – в Британии (см. примеч. 234).

¹²⁰¹ **«Роналд из Бенналз»** – баллада, в которой Бёрнс высмеивает соседа Уильяма Роналда (? – ?), владевшего двухсотакровой фермой Бенналз в Тарболтонском приходе: тот был достаточно богат, чтобы считаться лэрдом. За старшей дочкой фермера Джин (1759 – ?) ухаживал Гилберт Бёрнс, а за младшей Энн (1767 – ?) сам поэт.

¹²⁰² ... **Блэкбайра...** – одного из поместий, Восточного или Западного Блэкбайра, расположенных близ Килмарнока.

¹²⁰³ ... **Брэхэд...** – одна из трёх деревень с таким названием, расположенных в Южном Ланаркшире.

¹²⁰⁴ ... **Форда...** – возможно, деревни Форд в Аргайле.

¹²⁰⁵ **«За здоровье тех, кто вдали...»** – песня с яркой политической окраской, полная якобитских симпатий, выразителями которых в ту пору была партия вигов.

¹²⁰⁶ **Оранжевых с синим...** – цветов партии вигов (buff and blue).

¹²⁰⁷ ... **Чарли...** – Чарлза Джеймса Фокса (см. примеч. 228).

¹²⁰⁸ ... **Тэмми...** – Томаса Эрскина (см. примеч. 222). Главной чертой Эрскина было огромное тщеславие, одновременно он славился как остроумец, автор эпиграмм и каламбуров. Бёрнс писал: *«Он был почтенным политиком, ярым поклонником свободы, несравненным адвокатом и оратором».*

- 1209 **Мэйтленд...** – Джеймс Мэйтленд, 8-й граф Лодердейл (1759 – 1839), один из 16 пэров Шотландии, политик либерального толка. Бёрнс познакомился с ним в Эдинбурге и в дальнейшем испытывал к графу симпатию.
- 1210 **... Уиком...** – Уильям Петти, граф Уиком, лорд Шелбёрн, маркиз Лэнсдаун (1737 – 1805), сторонник парламентских реформ, виг, ставший британским премьером после смерти Рокингема в 1782 г.
- 1211 **... Маклауда...** – генерала Нормана Маклауда-оф-Данвегана (1754 – 1801), члена Парламента от Инвернесшира. Унаследовав поместье с долгами в 50000 фунтов, он оставил его наследникам с 70000 фунтов долга, так что конец строки наполнен иронией.
- 1212 **Твид...** – см. примеч. 27.
- 1213 **Мне рано... уводить!** – кокетливый рефрен Бёрнс заимствовал из народной песни, а остальное добавил сам.
- 1214 **День всех святых...** – см. примеч. 89.
- 1215 **«Дамон и Сильвия»** – типичные для героев пасторалей имена. Отрывок представляет собой вторую строфу «Оды весне» (см).
- 1216 **Под кровом Колина...** – названа одна из распространенных в простонародье фамилий.
- 1217 **... Кэссилзов...** – одной из старинных фамилий Эйршира (см. примеч. 1159).
- 1218 **Шесть футов рост (всего без трёх)...** – 5 футов 9 дюймов (175,4 см).
- 1219 **... Стюарт Полли...** – Мэри («Полли») Стюарт (1775 – 1847), дочь Уильяма Стюарта (см. примеч. 791). Пожелания, высказанные в последней строфе, не сбылись: Мэри несколько раз пыталась создать семью, претерпела много бед и умерла вдали от родины.
- 1220 **... Дунс...** – городок и приход в Бёрвикшире, в 24 км от Бёрвика.
- 1221 **Старостину дочку...** – здесь: дочку церковного старосты.
- 1222 **В овсянку масло кляла мне...** – см. примеч. 1420.
- 1223 **... Нокхаспи...** – так называлась часть фермы в Моссгиле (см. примеч. 1191).
- 1224 **«Крейгибёрнский лес» {2}** – песня, текстуально близкая к стихотворению «Крейгибёрнский лес {1}» (см.), дополнена рефреном и тоже посвящена Джин Лоример («Хлорис»).
- 1225 **«Пью за поганца воду!»** – стихотворение написано от лица Джин Армор в пору её первой беременности от Бёрнса.
- 1226 **Торнибэнкский...** – живущий в Торнибэнке (Торнлибэнке), городке в Восточном Ренфьюшире, в 10 км от Глазго.
- 1227 **... Бакки...** – местное название Бьюкена (Бухана), старинной области в Абердиншире.
- 1228 **... Чарли...** – отсылка к якобитскому восстанию 1745 г., во главе которого стоял принц Чарлз Эдвард Стюарт (см. примеч. 168, 676).
- 1229 **«А ну, виги, прочь!»** – песня, связанная с ролью вигов (см. примеч. 907) в «Славной революции» (1688): поначалу они держали сторону Якова II, но после его низвержения заняли ключевые посты в новом правительстве.
- 1230 **... чертополох...** – см. примеч. 214.
- 1231 **Борей...** – см. примеч. 261.
- 1232 **... к Чарли...** – к принцу Чарлзу Эдварду Стюарту. Песня написана в 1788 г., когда Младший Претендент скончался в Италии (см. примеч. 168, 676).
- 1233 **... старый Ник...** – см. примеч. 10.

- 1234 ...с **Галла...** – см. примеч. 861.
- 1235 ... **из Эклфехана...** – из деревушки неподалёку от Дамфриса.
- 1236 ... **распросторный дом / (В деревне выше всех он)...** – в оригинале A heich house and a laich ane = дом в два этажа (букв. «высокий и низкий дом»). Признаём, вслед за Бёрнсом, что зарифмовать «Эклфехан» непросто.
- 1237 ... **в Виргинию...** – в штат на востоке тогдашних американских колоний, а позднее США. Суровость вирджинского климата сенегалец сильно преувеличивает.
- 1238 ... **льночесалкой...** – гребнем для льна = rippling-comb. «Гребни, употребляемые при ручном чесании, состоят каждый из деревянного бруска с 2 – 4 параллельными рядами наклонно закрепленных в нём стальных иглообразных зубьев и рукоятки, образующей угол в 50° с направлением последних», – сообщает про это орудие словарь Брокгауза и Эфрона.
- 1239 ... **Кланроналд...** – Макдоналды из Кланроналда – один из древнейших и наиболее многочисленных кланов Шотландии.
- 1240 ... **коровку... Из Карлайла...** – «проклятие Карлайла», города на англо-шотландской границе, впервые провозгласил архиепископ Глазго Гэвин Данбар в 1525 г.: ни одна из стран не могла обеспечить там порядок. Посетивший Карлайл тогдашний папа римский назвал его «самым незаконным местом на земле». Когда папа отбыл, архиепископ проклял всех местных разбойников, промышлявших кражей скота, насилием и грабежами.
- 1241 **На равнинах, на Границе...** – в южной части Шотландии и на границе с Англией (см. примеч. 1015).
- 1242 **Залётный птах сверкает – ах!** – в оригинале шотландская пословица: “...far off fowls hae feathers fair”, которая примерно соответствует русской «лучше там, где нас нет».
- 1243 **Заработал шиллинг / Иль потратил грот...** – порядок глаголов в разных источниках разнится – вместе с повадками мельника: грот – серебряная монета, равная 4 пенсам, или 1/3 шиллинга, которая вышла из обращения в 1662 г. (в переносном значении – грош, мелочь).
- 1244 ... **пек...** – мера сыпучих тел; равен 1/4 бушеля, или 9,08 л.
- 1245 **Стоун...** – мера веса; равен 14 фунтам, или 6,34 кг.
- 1246 ... **сновасть...** – прокладывать основу, вдольные нити ткани, по которым проходит уток.
- 1247 **Эль стоит грот...** – см. примеч. 159, 1243.
- 1248 **Мэнзисова Мэри...** – сведений об абердинширской красавице, которой посвящена песня, не сохранилось; неизвестны и оба героя, Тенил Мэнзис и Чарли Григор.
- 1249 ... **Дай...** – речка в Аббердиншире, в Ламмермюрских холмах, близ англо-шотландской границы.
- 1250 **«Дарлет»...** – кабачок у моста через Дай (darlet = крошка, милашка).
- 1251 **«Не твой прекрасный, Джини, лик...»** – переложение на шотландский лад английской народной песни.
- 1252 ... **за сновальным колесом...** – см. примеч. 1246.
- 1253 **«Прелестной Дэвис чары...»** – песня, посвящённая Деборе Дафф Дэвис (см. примеч. 747).
- 1254 ... **Фебу...** – см. примеч. 262.
- 1255 ... **Сент-Джонстон... Данди...** – Сент-Джонстон (Saint Johnston = 'St. John's Toun, град Св. Иоанна) – средневековое разговорное название Перта, связанное с возвышавшейся в центре города церковью Св. Иоанна Крести-

теля. Город Данди сыграл ключевую роль в зарождении якобизма, когда Джон Грэм Клеверхаус (см. примеч. 60) поднял над ним штандарт Стюартов в 1689 г. Город был занят якобитами, и в 1716 г. Яков VIII (по другому счёту III, Старший Претендент) торжественно вступил в него. Многие шотландцы, особенно в самом Данди, считали Якова законным королём.

¹²⁵⁶ ... **Тэй...** – самая длинная река Шотландии; протекает с востока на запад, минуя Перт, и впадает в залив Фёрт-оф-Тэй южнее Данди.

¹²⁵⁷ ... **в тартан...** – см. примеч. 995.

¹²⁵⁸ ... **к желтяку...** – см. примеч. 87.

¹²⁵⁹ «**Горский парень**» – песня, в которой Бёрнсу принадлежит первая строфа; остальное – обработка шотландской народной песни “The Highland Lad and the Highland Lass” («Горец и горянка»).

¹²⁶⁰ **У короля вернее нет...** – у Якова VIII (см. примеч. 1255); герой – якобит, как и большинство шотландских крестьян той поры.

¹²⁶¹ ... **нагорий...** – южной части Шотландии, которая в сравнении с гористым севером воспринималась как равнина (см. также примеч. 25).

¹²⁶² **Утырок-бондарь...** – в шотландском фольклоре бондаря традиционно изображают как блудливого придурка.

¹²⁶³ «**Плач вдовы-горянки**» – традиционная для фольклора форма плача наполнена здесь якобитскими мотивами.

¹²⁶⁴ ... **Чарли Стюарт...** – см. примеч. 168, 676.

¹²⁶⁵ **В Каллодене...** – в сражении, произошедшем в ходе Второго якобитского восстания (1746) в окрестностях Каллодена, селения в северной Шотландии близ Инвернесса, между шотландским ополчением под предводительством Чарлза Эдварда Стюарта, Младшего Претендента, и правительственными войсками под командованием герцога Камберлендского; шотландцы были разбиты, а сам Чарлз успел спастись, но ненадолго.

¹²⁶⁶ «**Обрыдлый фунт не спрясть!**» – песня, в которой досаду героя вызывает льняное волокно (треста), из которого жена собралась получить фунт (454 г) пряжи. Высушенную тресту мнут и треплют, отделяя от костры – одеревеневшей части стебля. Трёпанный лён расчесывают и вытягивают из него слегка закрученную тонкую ленту – ровницу, а уже из неё можно прясть льняную пряжу. Хотя, как следует из текста, основная трудность не в этом...

¹²⁶⁷ ... **стоун тресты...** – см. примеч. 1245, 1266. Героя можно понять: выход пряжи – всего 1:14!

¹²⁶⁸ **Подвязки бантом у колен...** – см. примеч. 42.

¹²⁶⁹ **Платком украшу шею...** – шейный платок (o’erlay) был непременной деталью в костюме нарядного фермера.

¹²⁷⁰ **В Сент-Джонстоне...** – см. примеч. 1255.

¹²⁷¹ **Матросская песня** формально обращена к пассажирам судна, которые отрабатывают свой проезд; на самом деле её распевают в приморском кабачке, обращаясь ко всем собравшимся из окрестных деревень.

¹²⁷² ... **Дайсárта... Букхейвенские... из Лáрго... из Ливена...** – перечислены деревни и городки на юго-западном побережье Шотландии.

¹²⁷³ **Без пинты...** – см. примеч. 417.

¹²⁷⁴ «**Нитдейл зовёт домой**» – песня, посвящённая леди Уинифред Максвелл Констебл (1736 – 1801), якобитке, дочери 6-го (и последнего) графа Нитдейла, приговорённого к смерти за участие в восстании 1715 г., но су-

мевшего бежать в Рим, где он и скончался в 1774 г. О Нитдейле (возможны и другие написания) как о предмете топонимики см. примеч. 1096.

¹²⁷⁵ **Терриглаза башенки сперва/ Спасли от злой судьбины...** – в 1789 г. леди Констебл взялась восстанавливать родовой замок Терриглаз в Кёркюбри (см. примеч. 1065).

¹²⁷⁶ **... грот...** – см. примеч. 1243.

¹²⁷⁷ **«Джеми, попробуй!»** – незамысловатая песенка, в которой, как ни странно, находят политические мотивы: полагают, что Джеми – изгнанный король Яков (Джеймс) II Стюарт.

¹²⁷⁸ **«Моя Эппи Макнэб»** – песня, по поводу которой Бёрнс замечал: *«Старинная песня с таким названием скорее остроумна, чем благопристойна»*. Поэт сохранил в неизменности первую строфу, а последующие дополнил сведениями о нраве героини и сделал более нежными.

¹²⁷⁹ **Рождённые в Килли, вы собраны Вилли...** – «Масонскую песню», сочинённую в 1786 г., Бёрнс спел в Килмарноке (см. примеч. 74, 259), в Килвиннингской ложе, а её текст подарил магистру ложи майору Уильяму Паркеру (? – ?).

¹²⁸⁰ **... мамаша...** – оборот «ложа-мать» широко применяется в масонской риторике.

¹²⁸¹ **«Якобиты имя вам...»** – переделка антиякобитской английской песни «Up, Black-nebs by Name» («Вперёд, зовущиеся революционерами!»). После поражения якобитов в 1745 г. был взят курс на союз Англии с Шотландией, и Бёрнс скорее взывал к разуму якобитов, чем прославлял их. Ошибки в доктрине Младшего Претендента принца Чарлза Эдварда Стюарта (см. примеч. 168, 676) стали к тому времени очевидными даже сторонникам свергнутой династии.

Необычная графика текста принадлежит самому Бёрнсу.

¹²⁸² **... пинту...** – см. примеч. 417.

¹²⁸³ **... Хлорис...** – см. примеч. 692.

¹²⁸⁴ **«Сплю и вижу сон...»** – песня, почти полностью совпадающая с другой, «Лета нет милей...» (см.).

¹²⁸⁵ **«Кэтрин Джеффри»** – баллада, включённая в виде четырёх первых строф, в одноимённую (весьма длинную балладу) из сборника «Баллады в шотландской традиции и романсы», изданного Фрэнком Сиджвиком (1879 – 1939), английским филологом, издателем и поэтом. Ссылка на авторство Бёрнса там отсутствует, а само авторство сомнительно – или, как минимум, здесь представлен только отрывок, из которого мораль неясна (а она, несложная, в том, что договариваться о возможном браке надо с девицей, а не с её родителями).

¹²⁸⁶ **Лорд Лодердейл...** – судя по фамилии, шотландец: Лодердейл – полоса земли в Бёрвикшире и малой части Роксбёргшира, долина реки Лидер (Лодер), впадающей в Твид. Поскольку дом лорда назван южным, дело происходит на севере, в горах.

¹²⁸⁷ **Лэрд Лохинтон...** – как следует из текста «длинной» баллады (см. примеч. 1285), англичанин.

¹²⁸⁸ **«Ведь были радости деньки...»** – почти полный повтор двух последних строф песни «Как тянется тоскливо ночь...» (см.).

¹²⁸⁹ **«Куропаточка»** – баллада аллегорическая. Охотничий сезон открывался 12 августа, но была «дичь», на которую охотились без правил; речь идёт о

Младшем Претенденте Чарлзе Эдварде Стюарте (см. примеч. 168, 676), скрывавшемся после разгрома при Каллодене (см. примеч. 1265).

¹²⁹⁰ **На мху её выдадут перья...** – речь идёт о белой шотландской куропатке (лат. *Lagopus lagopus*), а не о более типичном красном подвиде (лат. *Lagopus Lagopus scotticus*).

¹²⁹¹ **... Феб-старина...** – см. примеч. 262.

¹²⁹² **Но фрр... – и за милю шум крыльев затих...** – в некоторых источниках присутствует завершающая строфа:

But by cam a retret ohon and alas!
A slee cunning loun wi' a firelock o' brass.
The brass sae did glitter, it dazzled her eyes,
And now in his budget he boasts o' the prize.

Увы, но разбойник прокрался тишком!
Ловкач с яркой медью – кремнёвым замком.
Так медь просияла, слепящая глаз, –
Он в сумке добычу уносит сейчас.

¹²⁹³ **«Крик “Овсянки!” – навсегда»** – здесь Бёрнсу принадлежит лишь последняя строфа; остальное заимствовано из старинной шотландской песни.

¹²⁹⁴ **«Подружки, новость...»** – переработка шотландской народной песни с тематикой, характерной для XVIII в.

¹²⁹⁵ **«Скроггам, родимый!»** – первая строфа заимствована из народной песни, остальное сочинил Бёрнс. Непонятные словечки взяты из лондонских уличных песен, сопровождавших народные волнения: на кокни, лондонском жаргоне, scroggam = scrag 'em (сверни им башку), ruffum = rough 'em (лупи их).

¹²⁹⁶ **... в деревне Кокпен...** – в деревне, расположенной в окрестностях Эдинбурга, в 5 км северо-западнее городка Долкейта, на берегу реки Саут-Эск.

¹²⁹⁷ **«Выборная баллада для Вестерхолла»** посвящена той же избирательной кампании 1789 г. в Дамфрисе, что и предыдущие «выборные баллады» (см.). Заглавный герой – сэр Джеймс Джонстон, 4-й баронет Вестерхолл (см. примеч. 527). Любимца Бёрнса звали так же, как последнего короля из династии Стюартов, изгнанного Якова (Джеймса) II, что и подвигло автора на использование в балладе мотива и припева якобитской песни "Up an' waug them a'" («Встань, задай им всем»).

¹²⁹⁸ **... парни с нитских берегов...** – пользовавшиеся дурной славой сторонники Патрика Миллера (см. примеч. 518), прискакавшие с берегов Нита (см. примеч. 383) в Дамфрис утром в день голосования, чтобы повлиять на исход выборов. Джонстон храбро вышел им навстречу и сказал: «Не уберётесь через полчаса, вывешу синее одеяло [шотландский флаг]». Через несколько минут толпа невеж удалилась.

¹²⁹⁹ **Их светлости...** – герцогу Квинсберри (см. примеч. 504).

¹³⁰⁰ **Послужит им, как королю...** – намёк на то, что маркиз Квинсберри усвоил повадки Джона Эрскина, 6-го графа Мара (1675 – 1732), участника якобитского восстания (1717), который после разгрома при Шеррифмюре (Шеррамуре, см. примеч. 50, 994) бежал во Францию, где принял от Георга I пенсию в размере 3500 фунтов.

- 1301 **Вигов...** – см. примеч. 1229. Тут возможно и более «близкое моменту» толкование, поскольку противниками героя на выборах были представители партии вигов.
- 1302 **У герцога...** – см. примеч. 504.
- 1303 **Уистабёрк, / Он долгий свист припас...** – Александр Бёртуистл (см. примеч. 1085). Здесь его фамилия представлена анаграммой, включающий те же корни: whistle = свист, свисток и birch = шотл. birk = берёза; это и служит основой каламбура.
- 1304 **... Максвелл...** – Роберт Максвелл (?– 1792), мэр городка Лохмэйбен близ Дамфриса в 1782 – 1790 гг., которого Бёрнс называл *«одной из светлейших голов, самым сердечным из пьющих виски малых на юге Шотландии»*.
- 1305 **«Красотка-дева Олбани»** – баллада, написанная, как полагают, сразу после получения из Франции вести о заключении брака между Младшим Претендентом Чарлзом Эдвардом Стюартом (см. примеч. 168, 676, 1265) и его давнишней возлюбленной Клементиной Уокиншоу в декабре 1787 г. Внебрачная дочь Чарлза Шарлотта (1753 – 1789) получила титул герцогини Олбани (по якобитской книге пэрства) и стала наследницей отца, которого пережила всего на год. Якобитская баллада полна мечтаний о возврате дочери последнего Стюарта на британский трон. В угоду рифме титул Олбани используется здесь с ударением на последнем слоге.
- 1306 **... хляби грозные...** – здесь: пролив Ла-Манш.
- 1307 **... трижды правили они...** – Стюарты правили Шотландией и дважды (с разрывом на правление Тюдоров) Англией.
- 1308 **... Клайд...** – река на юге Шотландии.
- 1309 **... град, что именем своим / Украсил деву Олбани** – намёк на древнее королевство пиктов Альба (Олбани), от названия которого взят титул младших отпрысков рода Стюартов.
- 1310 **... юнец-глупец...** – принц Уэльский Джордж (см. примеч. 175).
- 1311 **Его на родину пошлём...** – новая и не особо любимая в Британии династия Гановеров, к которой принадлежал принц, происходила из Брауншвейга.
- 1312 **... Дандаса...** – либо Роберта Дандаса, лорда Арнистона (1713 – 1787), едва в ту пору скончавшегося, либо его сына Генри Дандаса (см. примеч. 221). Бёрнс недолюбливал всё семейство богачей и потомственных лордов-адвокатов.
- 1313 **... Хоуптона...** – см. примеч. 507.
- 1314 **Меж Форта с Твидом...** – в южной и центральной Шотландии (см. примеч. 427, 27).
- 1315 **«Папаша, чёртов сукин сын»** – далёкую от покаяния и покорности песню Бёрнс посвятил *«юной девице, весьма близко мне знакомой, бывшей в ту пору в тяжёлом положении»*. Виновник бед помянут в 3-й строфе, а девицей, возможно, была Элизабет Пейтон (см. примеч. 559) или, скорее, Джин Армор (см. примеч. 113, 1316).
- 1316 **Скамья позора...** – 6 августа 1876 г. Бёрнс понёс церковное наказание за «добрачное прелюбодеяние» с Джин Армор. Ему следовало стоять у своей скамьи в церкви, а не сидеть на «стуле позора», как это иногда практиковалось. К слову, такое наказание формально освобождало грешника от обязательства жениться, и Бёрнсу, у которого начался новый роман, было на руку.

- 1317 **«Вон мшистые горы...»** – «эта песня навеяна эпизодом очень личным и едва ли нуждающимся в том, чтобы мир о нём узнал». Предположительно, речь идёт о девушке из деревни в Ланаркшире, по дороге в Эдинбург, куда поэт ездил в 1792 г. довольно часто.
- 1318 **... Клайда...** – см. примеч. 1308.
- 1319 **... Гаури...** – область и старинная провинция в Шотландии, занимающая бо́льшую часть графства Пертшир.
- 1320 **... Форт...** – см. примеч. 427.
- 1321 **«Филлис, красы королева»** – песня, посвящённая Филадельфии Барбаре (Филлис) Макмёрдоу (1779 – 1835), дочери Джона Макмёрдоу (см. примеч. 510), одной из первых красавиц тех дней.
- 1322 **... Нита...** – см. примеч. 383.
- 1323 **Феб...** – см. примеч. 262.
- 1324 **«Замок Гордон»** – баллада, написанная после поездки с Уильямом Николом (см. примеч. 745) в сентябре 1787 г. Ранее Джейн, герцогиня Гордон (1746 – 1812), пригласила Бёрнса навестить их с мужем в родовом гнезде. Никол, оставленный в таверне, рассердился и поставил друга перед выбором: ехать с ним дальше или остаться в гостях у герцога с герцогиней. Бёрнс, выбрав первое, написал гостеприимным хозяевам пылкую благодарность с извинениями за отъезд и передал через библиотекаря вместе с экземпляром баллады.
- 1325 **«Волшебный месяц май»** – переработка шотландской баллады. Бёрнс писал издателю: *«Бросьте взгляд на напыщенный оригинал, и вы удивитесь тому, как много я в нём переделал»*. Помимо прочего, Бёрнс добавил припев.
- 1326 **«Филли и Вилли»** – относительно Филли см. примеч. 1321, прототип Вилли неизвестен. *«Нынче утром [19 ноября 1794 г.], – сообщал Бёрнс издателю, – невзирая на злющий мороз, я закончил на прогулке свой дуэт; не могу сказать, что удалось лучше, но вот он перед вами, хотя ему нет и часу»*.
- 1327 **... Хлорис...** – см. примеч. 692.
- 1328 **«Прощанье с Илайзой»** – ранняя (до 1782 г.) баллада Бёрнса, и одна из первых опубликованных; её многократно переводили на русский язык. Считают, что героиня не имела реального прототипа. Как видим, мысль об отъезде на чужбину зародилась у поэта задолго до истинных невзгод.
- 1329 **... о капитане Гроузе** – см. примеч. 1, 320, 804.
- 1330 **Йго, и аго... йрам, корам, даго...** – бессмысленные словечки, задающие ритм шуточной песенки. Занятно, что их же много лет спустя использовал в стихотворении «Близнецы» Джеймс Уйтком Райли (1849 – 1916), американский литератор и поэт: у него Иго и Аго – имена близняшек, а остальные три слова составляют бессмысленную строчку в каждой строфе.
- 1331 **На лоне Авраама...** – выражение, которым в христианстве обозначена обитель праведных душ, ожидающих судного дня. Это не рай, поскольку традиционное христианское богословие утверждает, что в ветхозаветные времена рай был закрыт для людей.
- 1332 **... чрево Сары смял чуток...** – Библия повествует о бесплодии Сарры [Быт 11:29,30], подчёркивая непоколебимую веру Авраама в исполнение Божественного обещания многочисленного потомства [Быт 12: 1 – 4]. Здесь, возможно, намёк на ухажёрские таланты героя.
- 1333 **... в Форте...** – см. примеч. 427.
- 1334 **... хаггисом...** – см. примеч. 339.

1335 **Вод Геликона...** – см. примеч. 32. Родник Гиппокрена возник от удара Пегасова копыта по камню; он давал поэтам вдохновение.

1336 **... Нит...** – см. примеч. 383.

1337 **... Корнискона...** – см. примеч. 931.

1338 **Феб...** – см. примеч. 262.

1339 **... Хлорис...** – см. примеч. 692.

1340 **... счастьем не прервёт!** – существует вариант последних строк этой строфы (начиная с 5-й), не раскрывающий имени героини:

When absent frae my fair,
The murky shades o' care
With starless gloom o'er cast my sullen sky:
But when, in beauty's light,
She meets my ravish'd sight,
When thro' my very heart
Her beaming glories dart –
'Tig then I wake to life, to light, and joy.

От милой в удаленье
Забот угрюмы тени,
Беззвёздный мрак скрывает хмурый свод;
Лучам красы вновь рад
.....Мой восхищённый взгляд –
Они насквозь пронзят,
Сиянием сразят,
Пока свет жизни вновь сон счастьем не прервёт.

1341 **... Феб...** – см. примеч. 262.

1342 **... звезды вечерней...** – Венеры, названной в честь богини любви.

1343 **... на Твиде...** – см. примеч. 27.

1344 **... Линкамдодди...** – название, возможно, вымышлено. Однако место, где жила мерзкая миссис Вэстл, находилось «в пяти с половиной милях [9 км] от Броутона по дороге к Твидмьюру и Моффату». Но другом берегу Твида стоял крытый соломой домик под названием Линкамдодди, где в конце XVIII в. жил ткач Гидеон Томсон; правда, о его жене молва не сообщает. Бёрнс несколько раз останавливался в близлежащей таверне «Крук-инн» по пути из Эдинбурга в Дамфрис и обратно.

1345 **... Логан...** – см. примеч. 915.

1346 **«Царю в душе у Джини»** – отрывок лирического стихотворения, посвящённого приезду Джин Армор (см. примеч. 113) на ферму в Эллисленде в 1788 г. К этому времени «остепенившийся» и чуть поправивший дела поэт смог жениться на Джин, одолев неприязнь зажиточного тестя.

1347 **Луи...** – Людовик XVI (1754 – 1793), король Франции (1774 – 1792).

1348 **... Джорди...** – Георг III (1738 – 1820), король «Владычицы морей» (1760 – 1811).

1349 **«Колокольчик»** – несмотря на нарушение метрики в 1-й строфе (см. оригинал), авторство Бёрнса считают установленным. Имя или ласковое прозвище заглавной героини (bell = колокольчик, бубенчик) не даёт оснований для идентификации, что для муз Бёрнса редкость.

- 1350 ... **Инвернесс** – город-порт на северо-востоке Шотландии, в устье реки Несс, близ которого произошла битва при Каллодене (см. примеч. 1265).
- 1351 ... **Драмóсси-мур...** – битва при Каллодене началась на болотистой вересковой пустоши (Dramossie Moor = пустошь Драмосси).
- 1352 ... **жестокий лорд...** – Уильям Огастес (Вильгельм Август), герцог Камберлендский (1721 – 1765), 3-й сын короля Георга II, военачальник, едва ли не единственным успехом которого стала битва при Каллодене, где он возглавлял королевские войска.
- 1353 «**Сам себе мил**» – Бёрнс писал: *«Эту песню приписывают Найлу Гоу [см. примеч. 1169] как жалобу на брата; первая строфа прежняя, остальное моё»*.
- 1354 «**Сказала: прочих я милей...**» – песня, героиню которой, Хлорис (см. примеч. 692), Бёрнс считал *«одной из красивейших женщин Шотландии»*.
- 1355 **Как лён, у милой кудри...** – в том веке кавалеры предпочитали тёмно-волосых дам, а от льняных кудрей никто не падал в обморок. Однако Томсон, издатель, воспользовался правом редактировать и превратил брюнетку в блондинку.
- 1356 «**Тяжкий груз ты, Данкен Грэй...**» – вариант песни «Данкен Грэй» (см.), написанный, в продолжение истории сватовства, от лица избранницы героя.
- 1357 ... **Ламмаса...** – см. примеч. 877.
- 1358 «**Склоны Килликранки**» – монолог ветерана битвы при Килликранки, обращённый к солдату-новичку. Килликранки – тесный горный проход, где в 1689 г. сражались якобиты под командованием Джеймса Грэма Клаверхауса, виконта Данди (см. примеч. 60) и войска, верные английскому королю Вильгельму III Оранскому, под командованием генерала Хью Маккея (1640 – 1692). Верх взяли якобиты, хотя Данди погиб. Рассказчик сражался на стороне побеждённых, но с азартом повествует о потерях противника.
- 1359 **Питкёр...** – Холлибёртон-оф-Питкур (? – 1689), мелкопоместный дворянин, сражавшийся на стороне якобитов и павший вместе с виконтом Данди.
- 1360 ... **Клаверс...** – так фамильярно назван Джеймс Грэм Клаверхаус, виконт Данди (см. примеч. 60).
- 1361 ... **Атоул...** – старинное название области в Пертшире, где находится проход Килликранки.
- 1362 «**Носи шляпу лихо!**» – песня, в которой Бёрнсу принадлежат 6 первых строк второй строфы. Народную основу её считают «доякобитской», относя к извечным приграничным стычкам шотландцев с англичанами (см. примеч. 1363). Beaver – шляпа, бывшая в ту пору модной у шотландских горцев.
- 1363 **Шагнём за Границу...** – см. примеч. 1015.
- 1364 **Люблю голубку Нелл...** – Нелли Килпатрик (1760 – 1820), дочку мельника из Паркльюена, с которой пятнадцатилетний Бёрнс вязал снопы.
- 1365 «**Отрывки**» – иногда незаконченные стихи, иногда варианты строф, входящих в другие произведения.
- 1366 ... **Купер-хилла...** – одного из пологих холмов близ Купера (Купара, Каупара), городка, расположенного у речушки Иден в графстве Файф, лежащем между устьями рек Тэй и Форт, ограниченном с суши Клакманнанширом и Пертширом.

- 1367 ... в **Мартынов день**... – день Св. Мартина англиканская церковь празднует 11 ноября.
- 1368 **Кайл, Каррик**... – см. примеч. 83, 1.
- 1369 **Дженни Маккроу**... – личность не установлена.
- 1370 ... **ковенантора... ковенант... лигу**... – см. примеч. 525.
- 1371 ... **День всех святых**... – см. примеч. 89.
- 1372 **Из Флейта**... – в оригинале «из Файфа» (см. примеч. 1366); англ. fife = дудка, маленькая флейта.
- 1373 «**Ода упокоившемуся биллю о регентстве**» посвящена парламентскому акту о том, что старший сын Георга III, Джордж, принц Уэльский, становится регентом на время умственного расстройства короля. Без парламентского решения, вошедшего в силу, для регентства не имелось законных оснований, а король был не в состоянии дать монаршее согласие на этот документ. Парламент решил, что билль скрепит Большой печатью канцлер, Эдвард, 1-й барон Тёрлоу (1730 – 1806) (см. примеч. 531). Однако король поправился раньше, чем билль, выйдя из палаты общин, прошёл утверждение в палате лордов. Принц Фредерик, герцог Йоркский и Олбанский (1763 – 1827), и некоторые другие считали документ незаконным, но Георг заявил, что парламент действовал верно.
- 1374 ... **Тёрлоу**... – см. примеч. 531, 1373.
- 1375 ... **Чарлз**... – Чарлз Фокс (см. примеч. 228), пререкавшийся в парламенте по поводу билля о регентстве с тогдашним премьером Уильямом Питтом (см. примеч. 170).
- 1376 ... **Портленда**... – Бентвинка, Уильяма Генри Кэвендиша, 3-го герцога Портленда (1738 – 1809), бывшего в то время министром внутренних дел.
- 1377 «**Поправился!**» – речь о Георге III (см. примеч. 1373).
- 1378 ... **Дандас**... – см. примеч. 221.
- 1379 «**Новый псалом для церкви в Килмарноке**» посвящён тому, что четверг, 23 апреля 1789 г., был объявлен днём публичного благодарения за то, что король Георг III исцелился от душевного расстройства. Бёрнса идея не впечатлила, и он откликнулся насмешливым псалмом, пародирующим размер пресвитерианской псалтири. В нём развита тема псалма 144, в котором даруется спасение царям (в синодальном переводе: «Боже, новую песнь воспою Тебе, Дарующему Спасение Царям...» [*Пс* 143:9 – 10]). Поэт подписался именем Данкена Маклири, что отсылало читателя к непристойным виршам этого поэта. О Килмарноке см. примеч. 74.
- 1380 **Колена Иссахара сын, / Чей род творил дела**... – библейская аллюзия. Иссахар – пятый сын Иакова от Лии [*Быт* 30:17, 18], глава одного из 12 колен; потомки его, как пишут, «были люди деятельные и при всей привязанности к сельским занятиям отличались мужеством и выносливостью в перенесении тяжестей земледельческих трудов и войны».
- 1381 ... **Макгилл**... – см. примеч. 312. Преп. доктор Уильям Макгилл, священник в Эйршире, был гоним пресвитерианской цензурой за сочинения о Христе, которые, с ортодоксальных позиций, содержали еретические положения. Макгилл состоял в дружбе с отцом Бёрнса и пользовался расположением поэта.
- 1382 «**Эпиграмма о дрянных дорогах**» написана, как считают, в октябре 1786 г. и посвящена тракту между Килмарноком и Стюартоном. Есть и другое мнение: речь может идти о поездке Бёрнса с Уильямом Николом из Эдинбурга в горную Шотландию.

- 1383 **«Сильвандр – Кларинде»** – см. примеч. 705.
- 1384 **... Чарлз...** – личность не установлена.
- 1385 **... парки...** – в римской мифологии три богини человеческой судьбы.
- 1386 **«Любовь в обличье дружбы»** иногда считают дополнительными строфами предшествующего экспромта.
- 1387 **«Тебе Природа дарит смех...»** – добавление Бёрнса к «Подправленному для Кларинды» (см.). О Кларинде см. примеч. 705.
- 1388 **«О лисе Гленриddeа, сорвавшемся с цепи»** – стихотворение незаконченное и недатированное; считают, что оно написано в Эллисленде примерно в 1791 г. Капитан Роберт Гленриddeа (см. примеч. 358), дамфрисский друг поэта, держал лисёнка на привязи в собачьей конуре, а потрясённый этим Бёрнс написал стихи, когда зверёк сумел удрать из неволи.
- 1389 **... виг...** – здесь: член либеральной партии, либерал по форме и духу.
- 1390 **... Рейнарда...** – так называют лиса в английском фольклоре (в подражание немецкому Рейнеке-лису).
- 1391 **О... тори...** – здесь: о членах консервативной партии, консерваторах по форме и духу.
- 1392 **... Нимрод...** – в Ветхом Завете сын Куша и внук Хама. Упоминается как «сильный зверолов ...пред Господом» [*Быт 10:9*], чьё царство помещено в Месопотамии [*Быт 10:10*]. В различных легендах акцентируется образ Нимрода-тирана и богоборца; ему приписывается строительство Вавилонской башни, крайняя жестокость, идолопоклонство, преследования Авраама, соперничество с Богом.
- 1393 **...Семирамида...** – в аккадской и древнеармянской мифологиях царица Ассирии, супруга легендарного царя Нина, хитростью убившая его и завладевшая властью.
- 1394 **... Ксеркс...** – здесь: Ксеркс I, персидский царь, правивший в 486 – 465 гг. до н.э. Далее упомянуто сражение с войсками Спарты при Фермопилах (480 г. до н.э.), где поражение Ксеркса было, скорее, моральным.
- 1395 **...«Магна Карты»...** – нарочитое смешение эпох: «Магна Карта» (лат. Magna C(h)arta – Великая Хартия Вольностей (1215)).
- 1396 **... Билли Питт...** – Уильям Питт Младший (см. примеч. 170), чьи недавние (для той поры) финансовые меры были в стране непопулярны.
- 1397 **«Элегия, посвящённая “Стелле”»** в некоторых изданиях снабжена подзаголовком: «Написана на погосте Гринока, на могиле Мэри Кэмпбелл – “горянки Мэри” Бёрнса». О Мэри Кэмпбелл см. примеч. 841; о Гриноке см. примеч. 741.
- 1398 **... Коны...** – Оссиана (см. примеч. 85).
- 1399 **... Шенстона...** – см. примеч. 132.
- 1400 **Тут, на краю, где остров наш / Мыт западной волной...** – о расположении Гринока см. примеч. 741.
- 1401 **... Гэвину Хэмилтону...** – см. примеч. 239.
- 1402 **... лауреатом...** – см. примеч. 459. Лауреат традиционно обязан был откликаться памятными стихами на события в жизни королевской семьи и государства. В ту пору звание было скорее почётным, нежели налагающим какие-либо обязательства.
- 1403 **... из вигов...** – см. примеч. 1389. Видимо, деу либеральных воззрений.
- 1404 **... зорю пробьют...** – военный сигнал утренней побудки.

¹⁴⁰⁵ **«Сонет о сонетах»** – первый случай обращения Бёрнса к этой форме (1788). Шутливый сонет Бёрнса безупречно соответствует «шекспировскому» канону.

¹⁴⁰⁶ **В четырнадцати фунтах – стоун...** – в британском стоуне («камне») – 14 фунтов, или 6,35 кг. Жокея взвешивают до и после скачки; его вес редко превышает 50 кг (около 8 стоунов).

¹⁴⁰⁷ **Четырнадцать отцов вольны отнять...** – в 1532 г. Парламент Шотландии подписал Акт о Коллегии Юстиции, куда входили 14 членов, именуемых сенаторами, или лордами права.

¹⁴⁰⁸ **«Сказка»** – произведение, принадлежность которого Бёрнсу сомнительна; допускают, что он просто переписал эти стихи для кого-то из друзей.

¹⁴⁰⁹ **«Неспящая мамаша»** – песня, которую, по словам Бёрнса, он услышал от девушки в Нитдейле. Видимо, поэт, по обыкновению, доработал исходный текст.

¹⁴¹⁰ **«Идёт присутствие суда...»** – в оригинале “The Act of Sederunt”. Этот термин, характерный для шотландского права, относится к заседанию Сессионного суда (см. примеч. 621).

¹⁴¹¹ **«Молитва Адама Армора»** – стихотворение, героем которого, скорее всего, был брат Джин Армор (см. примеч. 113), входивший в кучку мохлинцев, наказавших местную проститутку, «прокатив её на шесте». Девицу при этом сажали на корявый шест между двумя носильщиками, которые с тряской тащили её на значительное расстояние. Попытки жертвы освободиться обычно пресекала шедшая следом толпа. Жертвой могла быть Агнес Уилсон, чью безнравственность обсуждали в церкви 6 марта 1786 г.; в вину ей ставили и соращение «Джорди», Джорджа Гибсона (? – ?), мужа Киски Нэнси (см. примеч. 17) Сама Нэнси («Нэнз») тоже попала в балладу. «Дженни-дура» – полоумная дочка Джорджа и Нэнси Гибсонов (в «Святой ярмарке» она названа Джесс, см. примеч. 73); «Джок-дружок» заметных следов не оставил.

Как утверждал шотландский поэт и литератор Аллан Каннингем (1784 – 1842), за самосуд Адам Армор был обвинен в нарушении общественного порядка и ожидал ареста. Бёрнс посоветовал шалопаю найти, кто бы за него помолился, на что Армор ответил: «Тогда сделай это сам, Бёрнс, не знаю никого более подходящего».

¹⁴¹² **... Уоллеса...** – Уильяма Уоллеса (см. примеч. 68). С 1289 г. Уоллес, чья армия потерпела поражение, скрывался, но в 1305 г. был предательски взят в плен и убит.

¹⁴¹³ **... едут в лодочке, понуры, / Через поток...** – в ладье Харона через Стикс, реку мёртвых.

¹⁴¹⁴ **«Пояснения в стихах»** – сонет, вписанный в экземпляр “Della Cruscan”, сборника стихов европейских поэтов той поры, принадлежавших к одноимённой группе. Название происходит от «Академия делла Круска», академического учреждения в Италии, состоящего из знатоков лингвистики и филологии итальянского языка.

¹⁴¹⁵ **«Гулял сам собой...»** представлен рукописью, но часто считают, что это отрывок народной песни, записанный Бёрнсом.

¹⁴¹⁶ **«В таверне Уигема, в Санкьюхаре»** – эпиграмма, связанная с таверной «Доспехи Квинсберри» в Санкьюхаре, близ Дамфриса, принадлежавшей Эдварду Уигему (1750 – 1823). Бёрнс дружил с Уигемом и часто заглядывал к нему в заведение по пути из Мохлина в Эллисленд. Строки, первоначально

нацарапанные на оконном стекле, позднее вошли в килмарнокское издание, и Уигем получил экземпляр в подарок.

¹⁴¹⁷ **«Мётлы» {1}** – куплеты, навряд ли принадлежащие Бёрнсу; скорее всего, это записанные им народные напевы. Покупка мётел – традиционная шотландская метафора для сексуальных приключений. Знать бы о том нашим подросткам, ещё недавно звавшим метёлками своих подружек!

¹⁴¹⁸ **«Мётлы» {2}** развивают ту же тему, но герой, всё ещё полный желаний, уже не способен на прежние подвиги.

¹⁴¹⁹ **... Лаутерслэк...** – местечко, сведений о котором не найдено.

¹⁴²⁰ **«Кашка с маслом»** – едва ли не самая ранняя из записанных Бёрнсом и сохранившихся в рукописи народных песен. Это расширенное переложение эйрширской баллады, полной непристойностей – правда, в виде метафор. «Кашка (овсянка) с маслом» отсылает к совокуплению и семени, «куропатка» – распутная девица, «травкой» или «стернёй» называли волосы на женском лобке, а слова «колышек (сажалка)», «мышонок» и «крот» относили к пенису.

¹⁴²¹ **... в Каррике...** – см. примеч. 1.

¹⁴²² **«Наставь-ка, мать...»**, или хотя бы часть этого стихотворения, датируется 1789 г., когда Бёрнс жил в Эллисленде. Является это обработкой песни безымянного автора или сочинением самого Бёрнса, до конца не ясно, хотя комментаторы склоняются к последнему, указывая на лексику и столь любимую поэтом форму монолога. Интересно, что политики-якобиты связывали с именем «принца Чарли» строки:

Ох, Чарли, то-то молодец,
Век помню Чарли, детка!
Две горсти, и торчит конец –
Бывал он меньшим редко.

¹⁴²³ **... дюймов девять...** – $2,5400438 \times 9 = 22,8603942$ см (по шкале 1819 г.).

¹⁴²⁴ **Добавила б два пальца...** – ещё, как минимум, 2 дюйма, итого $2,5400438 \times 11 = 27,9404818$ см.

¹⁴²⁵ **«Идя через рожь...» {2}** – вариант песни «Идя через рожь...» {1} (см.), который указывает на укоренившуюся в XVIII в. предвзятость к романтическим связям. Парочкам грозили не только сплетни и осуждение знакомых, но и церковное судилище (Бёрнсу ли не знать!).

¹⁴²⁶ **«Делия»**, возможно, принадлежит Бёрнсу, но свидетельствующее об этом письмо поэта редактору «Лондон стар» вызывает сомнения в подлинности.

¹⁴²⁷ **«Данкен Дэвисон»** – см. стихотворение «Данкен Дэвидсон», которое начинается теми же двумя строками. В этом варианте в фамилии героя изменена лишь одна буква. Основой его стала непристойная песня, которую Бёрнс записал во время поездки к англо-шотландской границе. Поэт смягчил первую строфу, а остальное добавил сам – и в этом случае впервые внёс изменения в начало народного текста.

¹⁴²⁸ **Эллибэнкс и Эллибрэс...** – деревушки у речки Элли, мимо которых однажды проезжал Бёрнс.

¹⁴²⁹ **«Послание портного Роберту Бёрнсу»** принадлежит некоему Томасу Уокеру (см. примеч. 474); оно породило «Ответ на послание с выговором, полученное от портного» (см.). Тон Уокера фамильярен: он обращается к адре-

сату «Роб» или «Робин». В рукописи заметна рука Симсона; мнение о том, что вирши Уокера подправил сам Бёрнс, малоосновательно.

1430 **Со старым Ником...** – см. примеч. 10.

1431 **«Святоша Гирзи»** – стихотворение, принадлежность которого Бёрнсу спорна. Обычно считают, что дух и рука поэта ощутимы в последних четырёх строках.

1432 **... Килмарнок...** – см. примеч. 74.

1433 **... Крейги-хиллз...** – холмов у селения Крейги, в 1,5 – 2 км от Килмарнока (поэтому и видно героине мерцанье свечных огоньков).

1434 **«Грим Гризел»** – пародия на рыцарскую балладу: все каноны соблюдены, слог высок, а содержание – проще не найти... У героев говорящие имена: grim = жестокая, беспощадная, деспотичная, непреклонная, неумолимая, грозная, зловещая, мрачная, страшная, ужасная; grizzel (grizzle) = серый цвет, седина, необожжённый кирпич, раздражительный человек, ворчун, брюзга; clod = комок, крупный кусок земли или глины, медяк, а также тупица, болван, неуч.

1435 **... Кладенсайд...** – местность в окрестностях городка Кладен, в долине реки Кладен-уотер (см. примеч. 863).

1436 **Линкладеновых стен...** – развалин Линкладенского аббатства (см. примеч. 1139).

1437 **Ударом сдвоенным...** – см. стихотворение «Наставь-ка, мать...».

1438 **«Хьюи Грэм»** – баллада, хорошо известная в Шотландии; в сборнике Ф.Дж. Чайлда (1825 – 1896) приведены 9 её вариантов. Бёрнс дописал строфы 3-ю и 8-ю, а также подправил 9-ю и 10-ю. Действие происходит вскоре после возвращения из Франции Марии Стюарт (1548). Клан Грэмов славился лихими разбоями, грабежами, убийствами, поджогами и пр. на англо-шотландской границе, но имя Хью (Хьюи – уменьшительная форма) Грэма в документах и свидетельствах отсутствует. Как следует из строфы 13-й, герой украл кобылу в отместку за соблазнённую епископом жену.

1439 **... Стёрлинг...** – см. примеч. 726.

1440 **Уайтфурд...** – поэт ввёл в сюжет предка (с супругой) сэра Джона Уайтфурда (см. примеч. 141). Второстепенные персонажи в различных вариантах баллады менялись.

1441 **«Джони Скотт»** – непристойная песенка, рукопись которой утрачена; предполагают, что Бёрнс её просто записал. В XVII – XVIII вв. волосы на женских гениталиях часто давали тему для песен на мужских пирушках.

1442 **«Ляг, крошка, ближе...»** – песенка, о которой Бёрнс сообщал издателю: *«Разве что название у песни старое, остальное моё»*.

1443 **«Пасквиль на суд»** весёлая пародия на заседание церковного суда, разбиравшего дела о безнравственном поведении прихожан. Заседания «Клуба холостяков», основанного Бёрнсом, проходили в мохлинской таверне «Доспехи Уайтфруда» принадлежавшей Джону Доу (см. примеч. 820). Описанное в стихах наказание прелюбодея происходило на деревенской лужайке, посередине которой был столб водонапорной колонки, к которому привязывали согрешившего. Собравшиеся высказывали мнения в любезной им манере; от рукоприкладства жертву спасал верёвочный барьер (см. текст). Стихи не публиковались и содержались в трёх рукописях, перевод выполнен по некоему усреднённому варианту.

1444 **Седьмой ли, пятый...** – действие происходит в 1786 г.

1445 **Pro bono amor...** – букв.: по любви (лат.); здесь: по доброй воле.

- 1446 ... **quondam**... – бывших (лат.).
- 1447 **Nem con**... – возражений нет (лат.),
- 1448 ... **Смит**... – см. примеч. 452. Смит в этом шутовском присутствии был судебным исполнителем.
- 1449 ... **Ричмонд**... – Джон Ричмонд (1765 – 1846), служил секретарём у Гэвина Хэмилтона, а затем перебрался в Эдинбург, где приютил у себя Бёрнса в первое посещение столицы. Из Мохлина Ричмонд уехал в 1785 г., поэтому в описываемом заседании участвовать не мог.
- 1450 ... **Хантер**... – Уильям Хантер (? – ?), мохлинский сапожник.
- 1451 **Браун, часовщик, и Доу, возница**... – жители Мохлина Джон (Джок) Браун (? – ?) и Александр (Сэнди) Доу (? – ?), сын Джона Доу (см. примеч. 820).
- 1452 ... **аффидэвит**... – письменное показание под присягой, удостоверенное нотариусом или другим уполномоченным лицом.
- 1453 **У Джини Митчелл**... – у особы, о которой ничего не известно.
- 1454 ... **Мэгги**... – Мэгги Борленд (? – ?) была дочкой хозяина гостиницы «Красный лев».
- 1455 ... **брат наш милый... урок масону**... – опираясь на эти строки, часть комментаторов считает, что описываемое действие происходило в масонской ложе (что, пожалуй, маловероятно: проще допустить, что судья просто благоволит собрату-масону).
- 1456 ... **эль**... – см. примеч. 159.
- 1457 **Futurum esse**.. – будущее является (лат.). В данном контексте: такой приговор вынесен решением суда.
- 1458 **Sigillum est**... – печать приложена (лат.).
- 1459 ... **Extractum**... – выписка, извлечение (лат.).
- 1460 ...**idem**... – то же [что и в предыдущем случае] (лат.).
- 1461 ... **in propria personae**... – в собственные руки (лат.).
- 1462 ... **vide**... – видел (лат.), слово, под которым расписываются удостоверяющие подлинность документа.
- 1463 **Nunc facia hog Gulielmus Hunter**... – в чём подписывается Гильельмус Хантер (лат.). Имя Уильям написано на латинский лад.
- 1464 «**Логан-уотер**» – см примеч. 915.
- 1465 «**Лорд Роналд, сынок**...» – стихи по мотивам популярной баллады «Лорд Рэндалл», истории любви и измены, в которой юный джентльмен отравлен возлюбленной и излагает матери свою последнюю волю. Бёрнс опирался на один из многих вариантов баллады.
- 1466 ... **с Эйлсы**... – с Эйлса-крэг (см. примеч. 869). Вулканический островок, прозванный «Мыльным камнем Пэдди», в эпоху Реформации служил гаванью для католиков; возможно, в этом скрыта интрига стихотворения.
- 1467 **Полсотни марок**... – см. примеч. 271.
- 1468 «**Жена моя гулёна**...» – песня, в которой первые две строфы народные, а остальные принадлежат Бёрнсу.
- 1469 «**Волос там нету**...» – см. примеч. 1441.
- 1470 «**Ода весне**» включает в качестве 2-й строфы стихотворение «Дамон и Сильвия» (см.).
- 1471 **Латоны сын**... – Феб, бог Солнца. Латона в римском пантеоне – богиня ночи и всего сокровенного, покровительница рожениц, мать Аполлона и Дианы (в переносном значении – солнца и луны).
- 1472 ... **Фетиду**... – греческую морскую богиню, одну из nereид, мать Ахилла.

- 1473 ... **Дамон... Сильвию...** – см. примеч. 1215.
- 1474 **«На капитана Ласселза»** – эпиграмма, предположительно адресованная Генри Ласселзу (1716 – 1786), получившему чин капитана на службе в Ост-Индской компании.
- 1475 **«О Фергюссоне»** – см. примеч. 415, 422, 615, 617.
- 1476 **«На мнение Джонсона о Хэмдене»** – надпись на экземпляре «Жизнеописания английских поэтов» С. Джонсона, который Бёрнс подарил А. Каннингэму (см. примеч. 796). Сэмюэл Джонсон (1709 – 1784) – английский литературный критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения, чьё имя стало в англоязычном мире синонимом второй половины XVIII в. – яро ненавидел всё, связанное с Шотландией. В упомянутой книге он назвал «фанатичным мятежником» (Zealot of rebellion) Джона Хэмдена (Хэмпдена) (1594 – 1643), одного из вождей английской буржуазной революции на её раннем этапе. Это и вызвало гневную пометку Бёрнса.
- 1477 **«О налоге мистера Пита на пудру»** – сатира на очередное решение Уильяма Питта (см. примеч. 170), чья фамилия умышленно искажена (pit = яма, западня и пр.). Бёрнс, не носивший парика, взамен гордо заплетал «французскую косицу», или «хвост пони», а потому в пудре не нуждался. Налог задел изнеженных модников, хотя парики уже выходили из употребления. В течение месяца многие их приверженцы последовали примеру Бёрнса. Денди из денди, Бо Браммел, склонился в пользу более естественной причёски.
- 1478 **О герцогине Гордон...** – о Джейн Гордон (1746 – 1812), супруге Александра, 4-го герцога Гордона. Герцогиня была хозяйкой светского салона, страстной почитательницей и покровительницей Бёрнса. Прямота суждений дамы привела ко множеству сплетен, просочившихся в печать; в частности, Бёрнсу приписывали обращённые к ней фривольные стихи. Поэт отправил письмо в защиту репутации герцогини Гордон издателю виновной лондонской газеты.
- 1479 ... **рил...** – см. примеч. 344.
- 1480 **«Подправленное для Кларинды»** – стихотворение, 3-я строфа которого существует в виде отдельного стихотворения «Тебе Природа дарит смех...» (см.). О Кларинде см. примеч. 705.
- 1481 **Любимой брошен, я чуть жив: / Ни дать, ни воспринять порыв...** – поэт оставил «горянку Мэри» (см. примеч. 841) и был отвергнут «Клариндой»; стихи написаны перед женитьбой на Джин Армор.
- 1482 **«Из Лодердейла изгнан вон...»** – баллада, полная аллегорий той поры: скрипка и колок в «непристойных стихах» обозначали мужские гениталии. О Лодердейле см. примеч. 1286.
- 1483 **«Набросок для элегии»**, предположительно, является первым вариантом «Элегии на смерть капитана Мэтью Хендерсона» (см.), хотя имя героя здесь не упомянуто.
- 1484 **Крейгдэррох...** – возможно, Александр Фергюссон из Крейгдэрроха (см. примеч. 358).
- 1485 ... **Чёрный Джеймс...** – возможно, Джеймс Каннингем, 14-й лорд Гленкертн (см. примеч. 203).
- 1486 ... **Смелли...** – см. примеч. 751.
- 1487 **Жезлом лишь Мойсей-пророк / Скалу колол...** – библейская аллюзия, хотя и не вполне удачная: Мойсей по воле Господа ударил жезлом в скалу, и пошла из неё вода [Исх 17:5 – 7], Смелли же пытался совершить обратное.

1488 ... **в Файф...** – см. примеч. 1366.

1489 «**Тэм Лин**» – обработка и сочетание множества вариантов старинной волшебной баллады.

1490 ... **Картерхох...** – равнина у слияния рек Эттрик и Ярроу (см. примеч. 354, 428), почти у самого городка Селкёрка (см. примеч. 726). Там на земле находят два или три «волшебных» круга, где не растёт трава.

1491 ... **Том-лин...** – другой вариант имени героя, «залетевший сюда» из одного из первоисточников, где найдём ещё Томлина и Тэмлейна.

1492 ... **Роксбруху...** – одному из рыцарей, а впоследствии графов и герцогов Роксборо. Герой произносит имя предка на шотландский лад; происходит же оно от названия «королевского города» на англо-шотландской границе, захваченного и разрушенного шотландцами в 1460 г.

1493 **За Хэллоуином... придёт День всех святых...** – см. примеч. 36, 89.

1494 «**Загнал кобылу дед...**» считают обработкой одноимённой старинной песни. Причудливое сочетание размеров связано с тем, что мелодией служит стратспей (см. примеч. 106). Точный перевод едва ли возможен: 2-я строфа наполнена ветеринарной терминологией, причём все хвори названы на деревенский лад.

1495 ... **Данди...** – см. примеч. 60, 1004.

1496 «**Боб-о-дамблен**» – песня, по поводу которой Бёрнс писал: «Рэмси [Аллан Рэмси (1689 – 1758), шотландский поэт, драматург и публицист], по обыкновению, обновил песню. Оригинал, который я услышал на месте события от старой кабатчицы, был таким: [следует текст]. Я включил песню [в собрание], чтобы представить услышанный достоверный анекдот. Вечером в день битвы при Дамблейне (Шеррамуре) [см. примеч. 50, 994, 1002], когда сражение закончилось, офицер-шотландец из войск Аргайла [см. примеч. 997] высказал его светлости опасение, что повстанцы сообщат миру о своей победе. “Ну-ну, – отозвался его светлость, имея в виду предшествующую балладу. – Если они не наплясались, придётся сплясать с ними снова”».

1497 ... **щётку... трепалку...** – инструменты для размягчения и расчёсывания конопли.

1498 ... «**боб-о-дамблен**»... – название мнимого танца. Слово bob имеет здесь примерное значение «попеременно приседать и выпрямляться», отсылая к пикантным подробностям предлагаемой затеи (см. 2-ю строфу).

1499 «**Заботы любви**» – песня, мотив которой, предположительно, заимствован у «Деспотичной любви» (1670) Дж. Драйдена (1631 – 1700); Бёрнс мог познакомиться с источником в издании 1782 г. Как бы то ни было, песня стала популярной и вошла во многие сборники XVIII в.

1500 ... **Данди** – см. примеч. 60, 1004.

1501 «**Блудодей**» излагает обстоятельства, при которых в 1784 – 1785 гг. Бёрнс подвергся церковному порицанию за незаконную связь со служанкой Элизабет Пейтон (см. примеч. 559), результатом которой стало рождение первой дочки (см. «Приветствие поэта его внебрачной дочурке»). Книги судебных заседаний церкви в Тарболтоне тех лет, к сожалению, утрачены, и это стихотворение служит единственным свидетельством клерикального преследования за прегрешение.

1502 ... **мальца...** – на самом деле у Элизабет Пейтон родилась дочка. «Добрячка Бесс мне так ценна», – писал о малышке поэт в «Инвентаре» (см.).

1503 «**Владелица Уокоп-хауза – Роберту Бёрнсу, эйрширскому барду**» – стихотворное послание поэтессы Элизабет Скотт (см. примеч. 478), на кото-

рое последовало «Послание миссис Скотт» (см.). В ту пору за доставку писем обычно платил получатель, но, зная о бедности барда, миссис Скотт взяла на себя и эти расходы. Бёрнс встречался с миссис Скотт во время путешествия к англо-шотландской границе (1787).

1504 ... **Чарли Фокс и Вилли Питт...** – см. примеч. 228, 170.

1505 ... **миль двадцать...** – около 32 км.

1506 «**Крики и вопли Джона Льюерса**» написаны в связи с любовным приключением Джона Льюерса (? – 1826), начальника Бёрнса по службе в акцизе и доброго друга. В шотландской народной поэзии к соблазнению дев и любовным затеям нередко причастны чудодейственные силы; Бёрнс использует эти мотивы и здесь, и, к примеру, в «Тэме О'Шентере» (см.).

1507 ... **Вудс...** – личность дамы не установлена, хотя Джон Сайм (см. примеч. 752), друживший и с Бёрнсом, и с Льюерсом, пометил на полях рукописи, что речь шла об учительнице местной школы.

1508 «**Красоткой славен Ливистон...**» – переработка старинной и вполне благопристойной песни. Стихи, по дошедшей молве, посвящены хозяйке кабачка в старом Ливингстоне (ныне Кёрктоне): открытый в 1760 г., он существует до сих пор и, как говорят, помнит Бёрнса. Нынешний Ливингстон (Ливистон) находится в 1,5 км восточнее; это городок и центр прихода в провинции Западный Лотيان.

1509 **Крот...** – см. примеч. 1420.

1510 «**Буян**» – обработка старинной баллады с каноническим сюжетом, известной во множестве вариантов. Роль Бёрнса в обработке не вполне ясна; сюжет явно оборван.

1511 ...**Гленсвуд...** – совр. Глидсвуд, местность (и, в ту пору, угодья) близ городка Мелроуза в Роксбёргшире, у англо-шотландской границы.

1512 ... **лорд... Эбо́йн...** – титул, который с XIV в. носили представители одной из ветвей семейства Гордонов.

1513 ... **Бьюкеншир...** – иначе Бьюкен (или Бухан, Бахан), историческая область на северо-востоке Шотландии, на побережье Северного моря. В настоящее время входит в состав Абердиншира.

1514 **По... клеймору...** – см. примеч. 26.

1515 ...**Овсянки миску... с маслом...** – см. примеч. 1420.

1516 **Дом полон блох с ним...** – см. стихотворение «Портной» {2}.

1517 ... **иглой...** – см. примеч. 1420. Эвфемизмом пениса был любой предмет или существо, колющее, сверлящее, роющее отверстия, ходы и пр.

1518 «**Древо Свободы**» чаще, чем любое другое стихотворение, связанное с творчеством Бёрнса, вызывает споры: принадлежит оно перу поэта или нет. Прямые доказательства отсутствуют; одни комментаторы считают, что взгляды поэта не были столь радикальными, другие указывают, что темы равенства людей, достоинства простых тружеников и ничтожества знати присутствуют во множестве сочинений Бёрнса.

1519 **Во Франции, слышь, древо есть...** – «дерево свободы» связано с обычаем многих европейских народов встречать наступление весны, а также больших праздников насаждением зеленых (майских) деревьев. Символ свободы возник во время американской войны за независимость, когда жители Бостона собирались под таким деревом для совещаний. Во Франции первое «дерево свободы» посадил во времена Великой революции священник Норбер Прессак; в Париже в 1790 г. якобинцы увенчали такое дерево

красным колпаком и пели вокруг него революционные песни. До середины XIX в. традицию поддерживали все революционеры Европы.

1520 ... **королевская тюрьма... Бастилия, была...** – в 1789 г. крепость была взята революционно настроенным населением и через год разрушена. На её месте подрядчик работ по сносу, Пьер-Франсуа Палло́й установил табличку: “Ici l'on danse, ah ça ira, ah ça ira!” («Здесь танцуют, и всё пойдёт, всё пойдёт»).

1521 **Воруя ветку, одолел / Рёв западных валов...** – аллюзия на то, что идеи свободы во Францию попали из борющихся за независимость от Англии американских колоний.

1522 ... **Луи...** – король Франции Людовик XVI (1754 – 1793), казнённый восставшим народом.

1523 **И тополь, и сосна...** – деревья-символы Англии и Шотландии, соответственно.

1524 **От Лондона до Твида...** – то есть, практически, во всей Англии, с юга до англо-шотландской границы. Поэт намекает, что в Англии дух свободы не так силен, как в Шотландии.

1525 **Согнётся в лемех плауга меч...** – библейская аллюзия: «...и перекуют мечи свои на орала...» [Ис 2:4].

1526 «**Пришёл солдатик...**» – Бёрнс послал этот опус Патрику Миллеру-младшему (см. примеч. 1016), указав, что «это старинный шотландский стишок». Вклад самого барда неясен.

1527 «**Волосья там...**» – см. примеч. 1441, ср. «Волос там нету...».

1528 ... **Файндлейтеру** – Александру Файндлейтеру (1754 – 1839), в течение полугода непосредственному начальнику Бёрнса в дамфрисском акцизе, с которым поэта до конца дней связывала крепкая дружба. Стихи приложены к трём десяткам свежих яиц, посланных Файндлейтеру с фермы Бёрнса в Эллисленде.

1529 ... **Везунья...** – у фермера-поэта даже куры зовутся по имени!

1530 «**Капитану Гордону**» – Джону Гордону, 7-му (по другому счёту 10-му) виконту Кенмуру (1750 – 1840), служившему в 17-м пехотном полку под именем Джона Гордона (отсюда шутливое «раздвоение» адресата на капитана Гордона и выдуманного титулованного брата). Впоследствии Гордон был членом Парламента от Кёркубри. Бёрнс на три дня останавливался в Кенмур-касле у четы Гордонов, путешествуя со своим другом Саймом (см. примеч. 752) по Галлоуэю. «Щедрый Кенмур» упомянут в «Балладах о выборах мистера Херона в 1795 году. Второй день выборов» (см.)

1531 ... **entre nous...** – между нами (фр.).

1532 **Тирезиасу...** – в греческой мифологии слепому пророку Феба. В «Одиссее» Тирезиас пророчествует в преисподней для пришедшего за советом Одиссея; он же предсказывает трагедию Эдипа. Сайм, дескать, всё предвидит...

1533 ... **Грэю** – Саймону Грэю (? – ?), отошедшему от лондонских дел и жившему в Дунсе предпринимателю, возомнившему себя поэтом. Грэй посылал Бёрнсу на отзыв свои вирши; это стихотворение стало ответом на вторую «порцию» – и, тем не менее, не уберегло барда от третьей...

1534 **Достопочтенному У.Р. Моулу-оф-Панмүру...** – Уильяму Рэмси Моулу, лорду Панмуру, лорду Брекину и Нэвару (1771 – 1852), другу Фокса (см. примеч. 228), снискавшего славу либерала. Бёрнс познакомился с Моулом,

когда тот был офицером стоявшего в Дамфрисе полка. Не обидевшись на злую эпиграмму, Моул впоследствии поддерживал деньгами вдову поэта.

1535 ... **о... фаэтоне** – об открытом экипаже с приметными большими колёсами, этаким «паркетном джипе» дней Бёрнса.

1536 ... **Твидмут** – курортный городок в устье реки Твид, влившийся ныне в город Бёрвик-на-Твиде.

1537 **Бритт ныне...** – после принятия в 1706 – 1707 гг. Унии Шотландия вошла в Британскую империю. См. примеч. 925.

1538 ... **дюймов... по девять...** – см. стихотворение «Наставь-ка, мать...» и примеч. 1423.

1539 ... **плыть через Твид...** – Твидмут расположен на английском, правом берегу Твида, а пьянка шла на шотландском, левом.

1540 «**Сэнди и Джоки**» – песенка, сочинённая Бёрнсом для включения в «Шотландский музыкальный музей» Джеймса Джонсона. Её главная мысль прослеживается во многих стихах барда.

1541 **На юг...** – Мохлин (см. 2-ю строфу) для горцев и вправду юг.

1542 **Калэм...** – распространённое в Шотландии имя, происходящее от гэльск. callum = голубь. Все имена в этом стихотворении (обработке баллады) вымышлены.

1543 ... **в Кэмпбелл...** – возможно, в Кэмпбелтаун, город в области Аргайл и Бьют, в южной части полуострова Кинтайр.

1544 «**Прелаты и принцы...**» – стихи, впервые вложенные Бёрнсом 12 декабря 1792 г. в письмо Роберту Клехорну, приятелю по клубу «Крокалланские защищённые» (см. примеч. 928), появлялись затем в переписке поэта не единожды. 5 января 1793 г. он писал Роберту Грэму-оф-Финтри: *«Посылаю также пьяную балладу о герцоге Брауншвейгском, развалившем свой лагерь, которую спел на одной вечерней пирушке; она запечатана и не для посторонних глаз. Она не стоит Вашего прочтения; но дабы госпожа Слава не воспользовалась и не злоупотребила, по обыкновению, своей давней привилегией на ложь, Вы станете владельцем всех моих политических писаний, le pour et le contre [и за, и против].»* Джорджу Томсону в июле 1794 г. Бёрнс писал: *«Нуждающийся, который знавал лучшие времена, может утешаться только песней, а потому – “While princes and prelates,” и т. д.»*

1545 **Брауншвейга владыка...** – Карл Вильгельм Фердинанд, герцог Брауншвейгский (1735 – 1806), в 1792 г. был главнокомандующим австро-пруссскими войсками, выступившими против революционной Франции.

1546 ... **пруссак...** – тот же герцог Брауншвейгский.

1547 ... **император...** – Петер Леопольд Иосиф Антон Иоахим Пий Готтард, он же Леопольд II (1747 – 1792), с 1790 г. король Германии, император Священной Римской Империи. К Великой французской революции относился насторожённо, поддерживал на словах герцога Брауншвейгского, но активных действий не предпринимал, а в 1792 г. неожиданно скончался. И без пожеланий поэта король нажил в браке с Марией Луизой Испанской (1745 – 1792) 16 детей.

1548 **Катюха-шалава когтит Станислава...** – отсылка ко Второму разделу Польши. В 1791 г. польский сейм одобрил новую конституцию, которая расширила полномочия короля, а в 1792 г. после окончания русско-турецкой войны, Екатерина II (1729 – 1796) выступила с протестом и ввела в Польшу войска; вскоре король Станислав Август II Понятовский (1732 – 1798) издал указ о роспуске своей армии, русские войска заняли Варшаву,

а 13 января 1793 г. Россия и Пруссия подписали тайное соглашение о разделе Речи Посполитой, которое в 1795 г. было оформлено официально.

1549 ... **Георгу... Шарлотту...** – упомянуты король Георг III (1738 – 1829) и его супруга (см. примеч. 173).

1550 **«Хоть ты лопни, а я тут как тут...»** – 1-я и 3-я строки почти совпадают с теми же строками в песенке «Скроггам, родимый!» (см.).

1551 ... **Вистл-кокпен...** – букв.: Свист-кокпен; см. примеч. 1296.

1552 **За марку...** – см. примеч. 271.

1553 ... **вкуса нету в кашке...** – см. примеч. 1420.

1554 **«Дамфрисские эпиграммы»** приводятся по тексту, скопированному Джоном Саймом из Райдейла (см. примеч. 752). 3-ю и 7-ю эпиграммы датируют 1794 г., 6-ю, возможно, тоже.

1555 ... **с Коуплендом...** – возможно, с Уильямом Коуплендом-оф-Кольестоном (см. примеч. 1106).

1556 ... **мисс Э.И.** ... – возможно, Элизабет Инглис (? – ?), дочери дамфрисского священника Уильяма Инглиса (1741 – 1826), чьи проповеди Бёрнс слушал с восхищением.

1557 ...**«уроженцы»...** – см. примеч. 766.

1558 ... **Билли...** – кто такой Билли, неизвестно. Скорей всего, либо капитан Уильям Роддёрк (см. примеч. 779), адресат «Эпитафии известному хлыщу» (см.), либо некий Уильям Грэм из Моссноу (? – ?).

1559 ... **комиссару...** – Джону Голди (см. примеч. 437, 782), который возглавлял «Клуб преданных уроженцев» (см. примеч. 766) и делал что мог, чтобы сгладить существовавшую в собрании неприязнь к Бёрнсу.

1560 **На Бёрка...** – см. примеч. 535. Бёрк упомянут, видимо, в связи с его ролью в процессе Гастингса (см. примеч. 702).

1561 ... **Свон, судья, – /Лебедь...** – в оригинале каламбур: англ. swan = лебедь. Джеймс Свон (1751 – ?) стал дамфрисским городским судьёй в 1794 г., в 1795 г. был перизбран, но в 1797 г. провалился на выборах – что и предсказал Бёрнс в этой эпиграмме.

1562 **Мэр Джон...** – Джон Макмёрдоу (см. примеч. 510), избранный мэром Дамфриса в 1794 г.

1563 **«Элегия на смерть мистера Уильяма Крукшенка, А.М.»** написана в том же 1795 г., когда тот скончался (см. примеч. 688), однако пометка «А.М.» (лат. ante mortem = до [наступления] смерти) позволяет отнести эпитафию к числу прижизненных. Она весьма близка к «Эпитафии для мистера У. Крукшенка» (см.).

1564 ... **Логану** – Хью Логану (1739 – 1802), владельцу поместья Логан в Камноке, местному бонвивану.

1565 ... **Дж.Х.** ... – вероятнее всего, Джону Хантеру (? – ?), присяжному стряпчему, владельцу поместья Дунхолм в Эйре. Бёрнс вставил эпиграмму в письмо к миссис Данлоп 7 декабря 1788 г.

1566 **Шотландской милей...** – отсылка не столько к национальности усопшего, сколько к его росту; о шотландской миле см. примеч. 275.

1567 **«Эпитафия мистеру Уолтеру Ридделу» {2}** посвящена брату Роберта Риддела (см. примеч. 358), Уолтеру Ридделу (1764 – 1802), тупоумному гуляке, предмету многолетней неприязни Бёрнса (см. примеч. 717, 824). Прижизненная эпиграмма (поэт послал её миссис Данлоп в 1794 г.) весьма близка к «Эпитафии мистеру Уолтеру Ридделу» {1} (см.).

1568 ... **Уот...** – см. примеч. 824.

1569 ... **Мьюру** – Роберту Мьюру (1758 – 1788), килмарнокскому виноторговцу, с которым Бёрнс подружился в 1786 г. Мьюр подписался на множество экземпляров первых изданий поэта; Бёрнс писал, что Мьюр – «бескорыстный друг юных лет, человек, который рад был меня видеть, поскольку любил и хотел услужить».

1570 ... **У. Грэму, эсквайру из Моссноу** – см. примеч. 1558.

1571 «**О самоубийце**» {2} – почти полное повторение эпиграммы «О самоубийце» {1} (см.). В некоторых изданиях стихи озаглавлены как «Эпитафия Д.К.», причём адресат неизвестен, в других – посвящены Джону Басби (см. примеч. 821).

1572 **А. Мэнсон...** – см. примеч. 788. Мэнсона звали Джеймсом, инициал «А.» ошибочен.

1573 **Провидца и царя...** – библейского царя Соломона. Ему приписывают авторство «Книги Екклесиаста, или Проповедника», в которой сказано: «Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их. Ибо, если упадёт один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадёт, а другого нет, который поднял бы его. Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться? И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него. И нитка, втрое скрученная, не скоро порвётся» [Еккл 4:9 – 12].

1574 «**Отрывок**» {3} представляет собой перепев песни «Камыш зелёный...» [2] (см.); припев повторён в точности. Есть редакция, где отсутствует первая строфа, а две последние строчки припева звучат так:

The sweetest bed that e'er I got,
Was the bellies o' the lassies, O.

Милее ложа не знавал,
Чем моих милых лона, о.

Это одно из нескольких, в том же роде, обращений к теме. Бёрнс писал издателю Томсону: «Как бы то ни было, моя песня “*Green grow the rashies*” никак не годится [для собрания]... Ваша книга станет образцом для шотландских песен будущего; пусть эта мысль всегда служит основой для принятия решений».

1575 ... **Пэгги Элисон** – см. примеч. 918. Однако возможно, что имя подобрано просто для рифмы.

1576 **Страх маеты... как я ныне, о!** – строфа, принадлежность которой Бёрнсу сомнительна.

1577 «**Я гору Кэрни взял, считай...**» – переработка довольно грубой народной песни, столь типичная для творчества Бёрнса. «Гора Кэрни», скорее всего, Кэрнгорм, пик высотой 1245 м в одноимённой гряде, самой высокой в Шотландии и на Британских островах, которая расположена между долинами рек Спей и Ди.

1578 ... **Феба...** – см. примеч. 262.

1579 «**Раз майским утром вышел я**» – типичный пасторальный диалог, один из множества, начинающихся с этой или похожей строки: незадачливый юнец встречается с осмотрительной девицей. Поправки Бёрнса считают здесь минимальными; любовная фабула не нарушает приличий.

1580 ... **в Файфе...** – см. примеч. 1366.

- 1581 **Пол-Лотиана...** – здесь: половина жителей области Лотиан в равнинной (южной) части Шотландии.
- 1582 **«Славный малый, горский малый»** – обработка одной из многочисленных народных песен с тем же названием и сходным сюжетом.
- 1583 **Крукеден...** – местность близ Каллодена, где состоялась битва королевских войск с якобитами (1715), известная как Шеррамурский бой (см. примеч. 1265).
- 1584 **Вилли...** – Уильяма Огастеса, герцога Камберлендского (см. примеч. 1352).
- 1585 **«Красотка Мэри» {2}** – песня, по поводу которой Бёрнс писал: *«Это, в основном, проистекает от моего неудержимого пристрастия к похабству»*. Он ссылаясь на рассказ приятеля о встрече с девицей, приехавшей из Англии. Припев взят из старинной песни, а строфы принадлежат поэту.
- 1586 **... вождь македонян...** – Александр Македонский.
- 1587 **«Карл и король – к нам»** – песня, по поводу которой спорят, что в ней принадлежит Бёрнсу, а что осталось от народной основы. Карл здесь – отсылка к Чарльзу Эдварду Стюарту (см. примеч. 168, 676, 1265). Кружка (Coggie), видимо, была прозвищем Младшего Претендента.
- 1588 **«Морозным утром»** – попытка создать шотландский вариант песни Колли Сиббера «Раз летом чудесным, в час после полудня». Почти пародия: там утро зашло за полдень, тут оно началось с часу ночи... Дж. Кинсли считал, что вирши недостойны Бёрнса, а песня, появившаяся в «Шотландском музыкальном музее», не стоит восхищения. Однако Бёрнс, бесспорно, приложил к ней руку, и версификация вполне аккуратна.
- 1589 **Феб...** – см. примеч. 262.
- 1590 **Каупаровы... вершины** – холмы в области Перт и Кинросс на востоке Шотландии. См. также примеч. 1366.
- 1591 **... дерк...** – см. примеч. 584. Здесь – эвфемизм пениса; далее последует «пла не мимо цели» из того же оружия.
- 1592 **... Партон...** – селение в Дамфрисшире.
- 1593 **... Логана...** – видимо, части поместья Логан в Камноке (см. примеч. 1564).
- 1594 **Лохлёвен-кас...** – замок на озёрном острове в области Перт и Кинросс, знаменитый тем, что в нём содержали в заключении Марию Стюарт.
- 1595 **... над Фолкленд-хаусом...** – видимо, замок в городке Фолкленде, расположенном в области Файф.
- 1596 **«Утырок-бондарь»** – см. примеч. 1262.
- 1597 **«Данкен Макклири»** – песня, которую Бёрнс, скорее всего, просто записал, однако она вполне на уровне собственных его сочинений такого рода. Скрипка и смычок – распространённые в ту пору юмористические метафоры, относящиеся к женским и мужским гениталиям.
- 1598 **... в Килмарноке...** – см. примеч. 74.
- 1599 **Пиброк...** – см. примеч. 1171. Пиброк чаще исполняют на волынке, однако существуют и скрипичные переложения.
- 1600 **... Эррока** – реки, названия которой не сохранилось. Возможно, это Энрок, река на севере Шотландии.
- 1601 **... камеронец...** – представитель сообщества ковенантеров (см. примеч. 525), последователей Ричарда Камерона (1648 – 1680). Камеронцы настаивали на правлении церковной власти и её почитании; после смерти Камерона они организовали свои сообщества на юге Шотландии, а в 1743 г. в

Брэхеде было основано так называемое Реформированное пресвитерианство. Влияние камеронцев в Шотландии времён Бёрнса было значительным, но, судя по этому стихотворению, бард их не жаловал.

1602 ... **«Лигу с ковенантом»**... – см. примеч. 525.

1603 **«Галлоуэй Тэм»** считают обработкой народной песни, хотя в образе героя находят и автобиографические мотивы.

1604 ... **в Энбрух**... – в Эдинбург.

1605 ... **талеров**... – в оригинале «долларов». Во времена Бёрнса ещё помнили, откуда происходит название американских денег, и не особо различали звучание сходных слов.

1606 **«Дай гостинец милой...»** приписывают Бёрнсу, хотя рукописи или иных свидетельств его авторства не сохранилось.

1607 **«Зелёные рукава»** – одна из немногих песенок, рукопись которой найдена в бумагах Бёрнса, что подтверждает его авторство.

1608 **Тартан**... – см. примеч. 995.

1609 **Приду со скрипкой вместе**... – см примеч. 1482, 1597.

1610 ...**Уоллес** – см. примеч. 68, 1413.

1611 ... **в Лохмэйбене**... – в городке тогдашнего графства Дамфрисшир, бывшем столицей Шотландии.

1612 **«Ты не пожалеешь, связавшись со мной...»** – стихи о войне. В поисках денег и приключений 23-летний Бёрнс решил было стать солдатом, но передумал. Здесь слышны отголоски этой стороны его души; см. также, напр., «Подамся-ка в солдаты!» и «Милая капитана».

1613 **Сент-Джонстон... Данди**... – см. примеч. 1255.

1614 **«В роли разорившегося фермера»** – баллада, возможно, навеянная судьбой Уильяма Бёрнса (1721 – 1784), отца поэта. На скудной земле Лохли Бёрнсы не могли платить за аренду фермы, притом владелец угодий притеснял их незаконно. Уильям Бёрнс выиграл дело в суде, но подорвал здоровье и через несколько недель скончался.

1615 **«Джоки Пьянь и Дженни Плюнь»** – песенка, развивающая фольклорный мотив. Противоречию любви и богатства в браке посвящены многие стихи Бёрнса; см., напр., «Сэнди и Джоки».

1616 **«Джон Андерсон, родной» {2}** – непристойный вариант песни «Джон Андерсон, родной» {1} (см.), интонация которой намного теплее и мягче. Многочисленные версии одноимённой народной песни были в ходу с начала до середины XVIII в., и тут Бёрнс гораздо ближе подходит к их приземлённости и сексуальному эгоизму.

1617 ... **дудка**... – ещё одна метафора, связанная с пенисом.

1618 **«Джони Дуб»** – в оригинале фамилия героя Блант (blunt = тупой, непонятливый, грубоватый; прямой, резкий). В сюжете промашка: Джон нарушил молчание во 2-й строфе, и старой Везунье (вот уж воистину!) незачем было терпеть мытарства до 6-й. Перевод народной баллады со сходным сюжетом С.Я. Маршак назвал «Старуха, дверь закрой!»

1619 **«Джони Хват»** – сатирическая баллада о генерале сэре Джоне Коупе (1690 – 1760), командовавшем английскими войсками в 1745 г. Первой удачей якобитов в ходе восстания стала битва при Престонпэнсе, где атака горцев разбросала войска под командованием Коупа, а сам он бежал, бросив остатки своих сил. Этот окрыляющий успех Младшего Претендента стал легендарным, однако восстание завершилось провалом после битвы при Каллодене (см. примеч. 1265). Бёрнс представляет злосчастного Коупа фи-

гурой комической. Из двух написаний фамилии героя (Core, Cour) Бёрнс выбрал, с явной издёвкой, второе: англ. cour = неожиданный успех, удача, успешный ход, удачный манёвр.

1620 ... в Данбар... – в городок и рыбный порт на северо-востоке Шотландии, на берегу залива Фёрт-оф-Форт.

1621 ... к Престону... – к городку Престонпэнсу, где произошла битва.

1622 **Сплошь тартан, нет кокард белей...** – см. примеч. 995, 996.

1623 **Увидел голых ляжек рать...** – шотландских горцев в килтах.

1624 **О матросне...** – в оригинале rustic tar = грубый дёготь. «Джек Тар» – прозвище английских матросов, носивших смолёные косицы.

1625 ... в Бёрвик... – в городок Норт-Бёрвик (см. примеч. 840).

1626 ... лорд Марк Кар... – сведений о нём найти не удалось.

1627 **Гнездо сорочье...** – метафора, какой в ту пору обозначали женские гениталии.

1628 ... **разоритель птичьих гнёзд...** – метафора, относившаяся к мужской сексуальной активности.

1629 «**Лизи Линдси**» – в таком виде этот отрывок (точнее, обрывок) народной песни появился в «Шотландском музыкальном музее».

1630 «**Мэг-Верескуха**» – в оригинале шотл. Muirland Meg = англ. Moorland Meg = Мэг с вереска, с пустоши.

1631 «**Родная моя весела...**» – песенка, написанная в 1784 г., в пору близости поэта с Элизабет Пейтон (см. примеч. 559), стала едва ли не первым его обращением к стихам чувственного толка. Интересен переход от платонического восхищения любимой к яркой кульминации в завершающих строках.

1632 «**Оставь-ка борозду...**» – песня, 2 куплета которой вошли в «Отрывки {1}» (см.).

1633 «**Оставь-ка борозду дружок...**» – ещё одна песня, содержащая 3 куплета из «Отрывков {1}» (см.).

1634 «**В овсянку масла не жалей...**» – см. примеч. 1420. Песню приписывают Бёрнсу, ссылаясь на его любимое a' that' = это, при этом.

1635 ... **тартан...** – см. примеч. 995.

1636 **И голый зад, и это...** – истинные горцы носили килт без исподнего.

1637 **У Фридриха...** – скорее всего, у Фридриха II Великого (1712 – 1786).

1638 **Роузбёрри...** – один из многочисленных представителей этого знатного семейства.

1639 «**Сапожники Сёлкёрка**» – песня, сочинённая к ежегодным общинным скачкам в старинном городке у англо-шотландской границы. Она посвящена памяти ремесленников, многих из которых забрали в армию перед битвой при Флоддене (1513): тогда многие шотландские «сапожники» пали, а победа досталась англичанам.

1640 **Граф Хьюм...** – о ком идёт речь, неизвестно.

1641 ... **Мерс...** – плодородная низменность в бассейне реки Твид, близ места, где состоялась битва при Флоддене.

1642 «**Берега Дуна**» {3} отличаются от «Берегов Дуна» {2} (см.) только первыми четырьмя строками и отсутствием деления на строфы.

1643 **Чьи притчи...** – царя Соломона считают автором библейской Книги Притч.

1644 «**Песнь Песней**» – ветхозаветная книга, гимн страстной, преодолевающей все преграды любви, предположительно, царя Соломона и Суламифи.

- 1645 **«Вот Кэмпбеллы входят...»** – обработка песни, посвящённой якобитскому восстанию 1715 г., когда Джон Кэмпбелл, 2-й герцог Аргайл (1678 – 1743) командовал королевскими войсками, противостоявшими якобитам.
- 1646 **... Лохлевен...** – см. примеч. 1594. Бёрнс неожиданно обращается ко времени, когда Мария Стюарт находилась в заключении (1567).
- 1647 **На Ломонде...** – см. примеч. 399.
- 1648 **... знатных трёх...** – кого именно, неясно.
- 1649 **Аргайл Великий...** – Арчибальд Кэмпбелл, 5-й граф Аргайл (1532 – 1573), предпринявший попытку освободить Марию Стюарт из Лохлевен-касла, а затем командовавший её войсками вплоть до бегства королевы в Англию.
- 1650 **«Садовник с мотыгой»** – песня, название которой заимствовано из фольклора, а строфы принадлежат Бёрнсу.
- 1651 **«Немецкий землевладелец»** – песенка, посвящённая Георгу I (1660 – 1727), первому британскому королю из династии Ганноверов. Бёрнс относился к нему презрительно.
- 1652 **... виг...** – см. примеч. 270. Виги способствовали воцарению Георга I на британском троне в 1714 г.
- 1653 **... жиг...** – см. примеч. 468.
- 1654 **«Весёлый землемер»** – баллада, в которой Бёрнсу приписывают лишь обработку. Текст пародирует традиционную шотландскую балладу «Весёлый нищелюд», сочинителем которой считают короля Якова (Джеймса) V (1512 – 1542). Англ. *gauger* = замерщик, *to gauge* = измерять, проводить измерения; на этом основан выбор профессии героя в переводе: что бы он ещё «поехал измерять» (см.) на берег реки?
- 1655 **«За орехами»**, скорее всего, народная песня в обработке Бёрнса. Тема соблазнения спящей красотки неизменно присутствовала в фольклоре XVI – XVIII вв. Тот же сюжет, но в более мягкой форме, развивает, например, стихотворение «День лета брег в цветы одел...» (см.).
- 1656 **«Мохлинская свадьба»** – баллада, оставшаяся незавершённой. О Мохлине см. примеч. 72.
- 1657 **Борей...** – см. примеч. 261.
- 1658 **Вилл... в тот самый день...** – баллада эта стала чем-то вроде литературной мести: сестра мисс Белл отвергла поэта, когда её родственник разбогател на Ямайке. Упомянутый «кошель ямайский» – 500 фунтов приданого за невестой Вилла Миллера.
- 1659 **... Блэксидин...** – видимо, название усадьбы в Мохлине; в современной топонимике оно не сохранилось.
- 1660 **... Шиллин-хилл...** – название, видимо, вымышленное (*Shillin Hill* = Грошовая гора).
- 1661 **... рил...** – см. примеч. 344.
- 1662 **«Патриарх»** – пародия на библейский текст [Исх 29 – 30], содержащий историю Иакова, Рахили, её сестры Лии и их служанок. Рукопись озаглавлена: *«Безнравственная песнь. Имя автора неизвестно. На мотив The waikin' o' a winter's night [Проснувшись зимней ночью].»* Далее написано: *«Любезный читатель! Последующее, несомненно, является творением одного из тех безнравственных нечестивцев (слишком расплодившихся в наши дни), которые обвинение в распущенности принимают за комплимент – при условии, что вы признаёте их остроумными. Какая жалость, что столько бо-*

чек с дёгтем в нашей стране пустуют и столько виселищ свободны, хотя они могли бы послужить для этих развратников.»

1663 **«Весёлые музы»** – о сборнике «Весёлые музы Каледонии» см. «От переводчика». 1-й строфой и припевом (почти) песня повторяет текст «Пахаря» {1} (см.).

1664 ... **рил...** – см. примеч. 344.

1665 **У ней передник изо льна...** – строфа почти повторяет предыдущую; возможно, это просто вариант, ошибочно не исключенный из текста.

1666 ... **Тёрриглз...** – вымышленный герой баллады.

1667 **«Портной» {2}** – незаконченная песенка, сюжет которой понять сложно.

1668 **Дрозд...** – каламбур, связанный с именем барда (см. примеч. 536).

1669 **«Овсяночка-малышка»** – англ. yellow yorling = yellowhammer = овсянка обыкновенная (*Emberiza citrinella*); здесь – ещё один эвфемизм женских гениталий. Хорошо еще, что шотландцы не знают совпадения в русском языке названий пичужки и овсяной каши (porridge), ибо – см. примеч. 1420.

1670 ... **фартинг...** – см. примеч. 564.

1671 **За пять фунтов...** – девица, по сути, просто торгуется, запрашивая сумму, в 4800 раз бо́льшую предложенной (см. примеч. 1670).

1672 **«Прибыл к нам торгош...**» – песенка, начало которой почти совпадает с текстом, включённым в «Отрывки» {1} (см.).

1673 **«Шиповника чудесный куст»** – обработка старинной баллады, ставшей одной из первых в «огородном цикле».

1674 **Атоул...** – см. примеч. 1361.

1675 ... **Карлайл-холл...** – где находится это заведение, выяснить не удалось.

1676 ... **ленты у колен...** – см. примеч. 42.

1677 **«Три добрых, верных друга»** – песня со старинным рефреном, строфу к которому добавил Бёрнс. В письме, посланном Александру Каннингему в мае 1789 г., поэт сообщает, что посвятил сочинение троим друзьям: самому Каннингему, Роберту Клегорну и Уильяму Данбару. Со всеми тремя Бёрнс встречался на собраниях клуба «Крокалланских защищённых» (см. примеч. 928).

1678 **«Тибби Фаулер»** – обработка народной песни. Важность богатства при выборе невесты была постоянной темой в фольклоре XVIII в. У героини говорящая фамилия: англ. fowler = птицелов.

1679 ... **на Тинток...** – на гору Тинто (гэльск. teinnteach = огненная, что, возможно, связано с горевшими на ней в былые времена сигнальными огнями), расположенную в Южном Ланаркшире. Вершина горы на 711 м выше уровня моря.

1680 **«Всех к чертям их, Вилли...**» – песня, в названии которой Бёрнс использует старинный боевой клич горских кланов "Up and waur them a" = «Встань, задай им жару!» (то же выражение найдём в «Выборной балладе для Вестерхолла» (см.)). Горец, сторонник якобитов, излагает события, предшествовавшие битве при Шеррамуре (см. примеч. 50), и ход самой битвы. Во многом стихотворение повторяет мотивы, а местами и текст стихотворения «Шеррамурский бой» (см.).

1681 ... **на Мар...** – на берега реки, название которой дало титул предводителю якобитов Джону Эрскину, 6-му графу Мару (см. примеч. 1300).

1682 ... **лордов с лэрдами союз...** – в якобитской армии сражались несколько английских лордов.

- 1683 **И с древка королевский знак / Свалился вдруг к ногам...** – происшествие, о котором упоминали очевидцы: декоративный шар упал с древка, едва якобиты подняли знамя. Для суеверных горцев это стало недобрым знаком.
- 1684 **... Сэнди...** – генерал Александр Гордон-оф-Окинтул (? – ?).
- 1685 **... в Перте...** – см. примеч. 1004. Граф Мар собрал в Перте 12-тысячную армию.
- 1686 **... в Шеррамур...** – см. примеч. 50, 994, 1496.
- 1687 **Аргайл-храбрец...** – см. примеч. 1645.
- 1688 **Предатель Хантли...** – один из полков шотланцев с равнин (или полк Хантли, или пехотный полк Панмура) оказался не у дел и бежал под обстрелом королевских войск.
- 1689 **Сифорт, Сент-Клэр...** – Уильям Маккензи, 5-й граф Сифорт, и Джон Мастер-оф-Синклер; последний попал под суд, но был помилован.
- 1690 **... Гленгарри...** – Макдоналд-оф-Гленгарри, один из якобитских командиров, возглавлявших левый фланг.
- 1691 **... Доналд...** – некто из клана Макдоналдов, возглавлявших в Шеррамурском сражении горцев.
- 1692 **... Унттем...** – генерал-майор, командовавший левым флангом королевских войск.
- 1693 **... к Стёрлингу...** – см. примеч. 726.
- 1694 **... в Дамблейн...** – см. примеч. 1002.
- 1695 **... к Октерэйрдру...** – к городку в области Перт и Кинросс.
- 1696 **... вдвоём...** – видимо, с Сэнди (см. примеч. 1683).
- 1697 **... Кокпена...** – здесь: некоего кавалера с такой фамилией.
- 1698 **Девчонку горняцкую...** – см. сходный мотив в стихотворении «Углежог».
- 1699 **В Кёрккённел...** – в городок в Дамфрисшире.
- 1700 **... без блох** – никакая сноска тут, конечно, не нужна, просто захотелось закончить круглым числом. Но раз уж читатель её открыл, то пусть знает, что одна сноска приходится на 19672: $1700 = 11,5776471...$ строки, то есть в каждой двенадцатой строке есть нечто неясное – если не ему, то переводчику. Далека от нас Шотландия XVIII века!

С. Сапожников

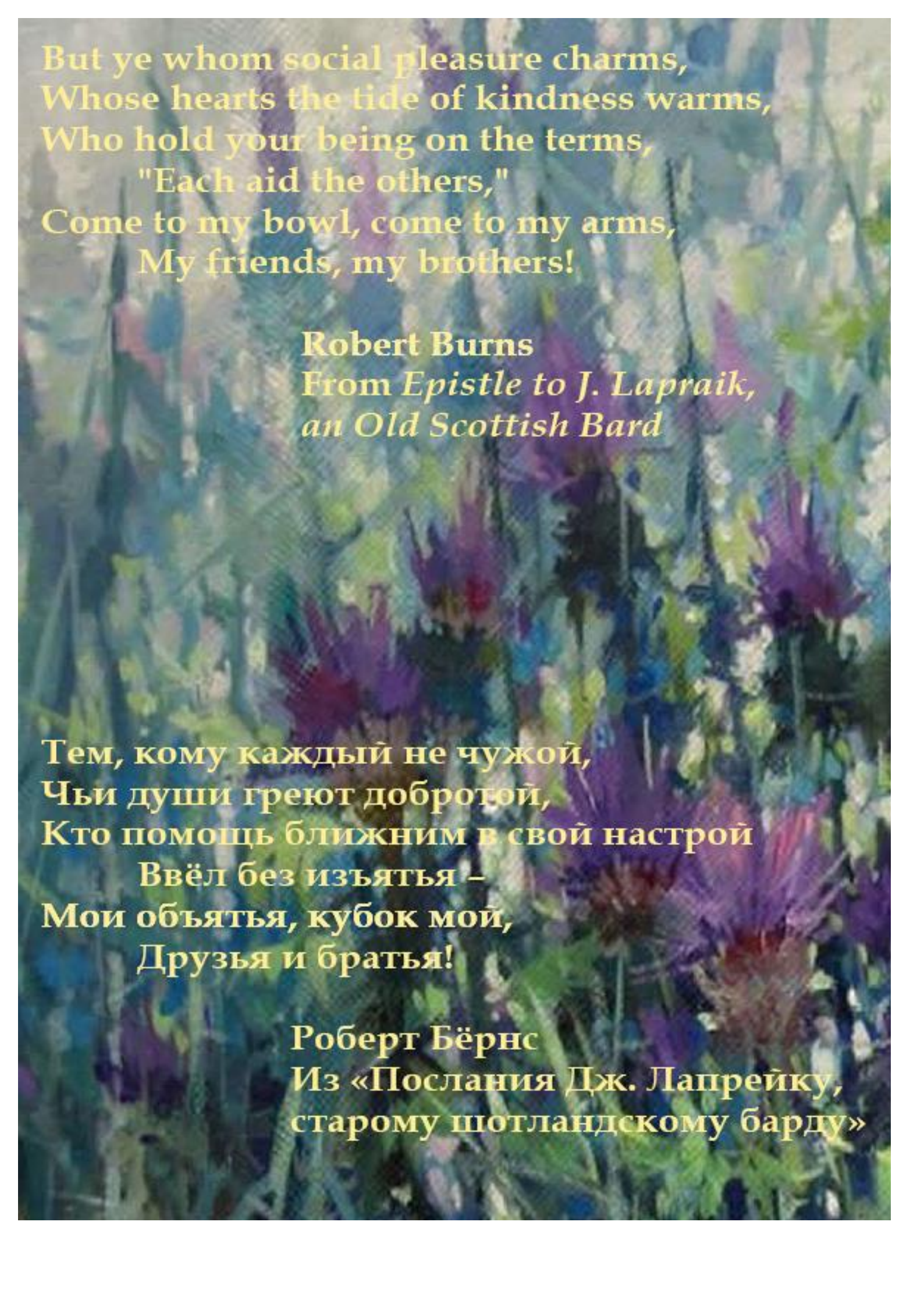
Роберт Бёрнс

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Подписано в печать 08.10.2014. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 96,25. Тираж 300.
Заказ 202

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного Издательством Политехнического университета,
в Типографии Издательства Политехнического
университета.

195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
Тел.: (812) 552-77-17; 550-40-14

But ye whom social pleasure charms,
Whose hearts the tide of kindness warms,
Who hold your being on the terms,
 "Each aid the others,"
Come to my bowl, come to my arms,
 My friends, my brothers!

Robert Burns
*From Epistle to J. Lapraik,
an Old Scottish Bard*

Тем, кому каждый не чужой,
Чьи души греют добротой,
Кто помощь ближним в свой настрой
 Ввёл без изъятья –
Мои объятья, кубок мой,
 Друзья и братья!

Роберт Бёрнс
Из «Послания Дж. Лапрейку,
старому шотландскому барду»